НАРОДНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2020 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/narodnaiaentsikl71unse

ХАРЬКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО
РАСПРОСТРАНЕНІЯ ВЪ НАРОДѢ ГРАМОТНОСТИ.

НАРОДНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

НАУЧНЫХЪ И ПРИКЛАДНЫХЪ ЗНАНІЙ.

Томъ VII.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ и ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва. — 1911.

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

(КРУГЪ ЗНАНІЙ).

Томъ VII.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ и ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

ПРЕДМЕТЫ:

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНІЕ: ЯЗЫКЪ И ЯЗЫКИ.
ИСТОРІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА.
ИСТОРІЯ ЗАПАДНЫХЪ ЛИТЕРАТУРЪ.
ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.
ИСТОРІЯ МАЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ составленіи статей принимали участіе: проф. С. Г. ВИЛИНСКІЙ, прив.-доц. Н. Н. ДУРНОВО, прив.-доц. П. С. КОГАНЪ, проф. С. М. КУЛЬБАКИНЪ, прив.-доц. Н. Н. СОКОЛОВЪ, прив.-доц. М. Р. ФАСМЕРЪ.

037
N 232
t. 7

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

Предисловіе къ тому Народной Энциклопедіи.
I. **Языкъ и наука о языкѣ** . . 1
II. **Раздѣленіе науки о языкѣ.** 8
III. **Звуковая сторона рѣчи.** Органы рѣчи, звукъ. 18
IV. **Звуковая сторона рѣчи.** Звуки рѣчи, ихъ главные виды. Гласные 26
V. **Звуковая сторона рѣчи.** Согласные. Сонорные р, л, м, н. 32
VI. **Звуковая сторона рѣчи.** Различіе звуковъ по силѣ выдыханія и длительности 42
VII. **Внутренняя рѣчь** 46
VIII. **Звуковыя измѣненія въ языкѣ** 53
IX. **Значенія словъ и ихъ измѣненія.** 61
X. **Предложеніе и грамматическія формы** 68
XI. **Какъ измѣняются формы словъ** 79
XII. **Происхожденіе формъ; ихъ вымираніе** 88
XIII. **Развитіе языка и его смерть** Примѣчаніе объ искусственныхъ языкахъ 92 100
XIV. **О происхожденіи языка** . . 102
XV. **Языки и ихъ классификація.** 104
XVI. **Индо - европейская семья языковъ** 107
XVII. **Славянскій языкъ.** Болгарскій языкъ. Церковно-славянскій языкъ 114
XVIII. **Славянскіе языки.** Сербскій языкъ. Словинскій языкъ . . 124
XIX. **Славянскіе языки.** Западнославянскіе языки. Чешскій языкъ 132
XX. **Славянскіе языки.** Польскій языкъ. Кашубскій языкъ. Лужицкій языкъ 137
XXI. **Взаимное отношеніе славянскихъ языковъ** 143

Стр.

XXII. **Русскій языкъ и его отличительныя черты** 146
XXIII. **Измѣненія въ звуковой сторонѣ русскаго языка съ XI вѣка** 152
XXIV. **Измѣненія въ области русскихъ грамматическихъ формъ. Склоненіе** 162
XXV. **Спряженіе** 171
XXVI. **Синтаксисъ русскаго языка:** 1. О соединеніи словъ и предложеній 175
2. О соединеніи предложеній 184
XXVII. **Словарныя заимствованія въ русскомъ языкѣ** 192
XXVIII. **Нарѣчія русскаго языка** . 205

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Введеніе 215

1. Исторія западныхъ литературъ.

I. **Гомеръ** 223
II. **Эсхилъ и Софоклъ** 231
III. **Данте** 241
IV. **Шекспиръ** 247
V. **Шекспиръ.** (Продолженіе) . . 258
VI. **Сервантесъ** 267
VII. **Мольеръ** 276
VIII. **Просвѣтительное столѣтіе:** Вольтеръ, Дидро, Монтескье, Руссо, Бомарше 285
IX. **Просвѣтительное столѣтіе:** (Продолженіе) 297
X. **Гете и Шиллеръ** 305
XI. **Байронъ** 316
XII. **Викторъ Гюго** 326
XIII. **Генрихъ Гейне** 336
XIV. **Эмиль Зола** 345
XV. **Метерлинкъ и Ибсенъ** . . . 353
Указатель пособій по греческой литературѣ и по исторіи западно-европейскихъ литературъ 364

Стр.

2. **Исторія русской литературы.**

I. **Отличительныя черты русской литературы** 368
II. **Народная поэзія: пѣсни, сказки, заговоры, пословицы** 371
III. **Народная поэзія: былевой эпосъ** 381
IV. **Важнѣйшія явленія древняго періода русской литературы отъ XI до XVI вѣка** 388
V. **Средній періодъ русской литературы: а) отъ конца XV до Петра Великаго и б) отъ Петра Великаго до начала XIX вѣка** 400
VI. **Начало новаго періода русской литературы: отъ конца XVIII вѣка до Пушкина** 408
VII. **А. С. Пушкинъ** (1799—1837 г.). 417
VIII. **Н. В. Гоголь** (1809—1852 г.). **М. Ю. Лермонтовъ** (1814—1841 г.) 429
IX. **Славянофилы и западники.** 439
X. **Крѣпостная Россія въ литературномъ освѣщеніи:** Григоровичъ, Тургеневъ, Гончаровъ 446
XI. **Шестидесятые годы.** Характеристика эпохи; роль журналистики; беллетристика: Чернышевскій, Помяловскій, Шеллеръ 456
XII. **Семидесятые годы.** Характеристика эпохи; народничество и его литературные представители: Глѣбъ Успенскій, Салтыковъ - Щедринъ, Гаршинъ, Михайловскій. . . 464
XIII. Л. Н. Толстой. Ѳ. М. Достоевскій. 473
XIV. **Восьмидесятые и девятидесятые годы.** Боборыкинъ, Чеховъ, Горькій, Короленко, какъ крупнѣйшіе представители литературныхъ теченій. 483
XV. **Русская лирика во второй половинѣ XIX вѣка: Некрасовъ, Плещеевъ, Надсонъ, Никитинъ, Шевченко** 493
XVI. **Русская лирика во второй половинѣ XIX вѣка: гр. А. Толстой, Майковъ, Полонскій, Фетъ** 504
XVII. **Исторія русской критики.** . 513
XVIII. **Исторія русской журналистики.** 523
XIX. **Исторія русской цензуры.** . 529
XX. **Исторія русскаго театра въ связи съ исторіей русскаго драматическаго творчества.** а) Начало русскаго театра и его устройство 535
XXI. **Исторія русскаго театра въ связи съ исторіей русскаго драматическаго творчества.** б) Исторія русской трагедіи, комедіи и драмы 541
XXII. **Литературныя отраженія общественныхъ теченій во второй половинѣ XIX вѣка.** а) Шестидесятые и семидесятые годы 548
XXIII. **Литературныя отраженія общественныхъ теченій во второй половинѣ XIX вѣка.** б) Восьмидесятые и девятидесятые годы 555
Библіографическія указанія къ статьямъ по исторіи русской литературы 560

Малорусская (украинская) литература.

I. **Народная поэзія. Древняя литература** 563
II. **Первый періодъ новой украинской литературы** 571
III. **Второй періодъ новой украинской литературы** 579
Библіографія 597
Алфавитный указатель къ VII тому 598
Списокъ рисунковъ и портретовъ. 611

Предисловіе къ VII тому Народной Энциклопедіи.

Настоящій томъ относится къ тому отдѣлу Народной Энциклопедіи, который посвященъ наукамъ гуманитарнымъ или историко-филологическимъ. Это — науки о человѣкѣ и человѣчествѣ. Сюда относится наука о душевной жизни человѣка или психологія, наука о законахъ и формахъ человѣческаго мышленія или логика, исторія, исторія искусства и т. д.

Къ числу этихъ наукъ относится также наука о языкѣ и исторія литературы. Первая—наука о языкѣ — изучаетъ различные существующіе языки и старается выяснить, что такое языкъ, въ чемъ онъ состоитъ, какъ живетъ и развивается. Вторая наука—исторія литературы—представляетъ часть исторіи въ широкомъ смыслѣ этого слова: она изучаетъ произведенія человѣческаго духа, выраженныя словомъ, въ этихъ произведеніяхъ болѣе, чѣмъ въ чемъ-либо иномъ, отражается духовная жизнь того или другого народа.

Языкъ и литература находятся въ тѣсной связи; въ художественной литературѣ, гдѣ въ словѣ воплощаются поэтическіе образы, очень трудно отдѣлить внѣшнюю форму, т.-е. языкъ, отъ внутренняго содержанія; красота формы является въ поэзіи столь же важной, сколько и содержаніе, и яркость образа зависитъ въ сильной мѣрѣ отъ того, насколько художникъ владѣетъ словомъ. Кромѣ того, языкъ подобно литературѣ, въ извѣстной степени является зеркаломъ духовной жизни народа. Онъ (т.-е. языкъ) растетъ и развивается параллельно росту и развитію духовной жизни человѣка или народа, въ немъ отражается ходъ этого развитія, перемѣны въ міросозерцаніи народа, культурныя сношенія съ другими народами и т. д. Исторія языка можетъ сказать намъ о духовной жизни народа, о степени его умственнаго развитія и его міросозерцанія въ тѣ времена, когда у него еще не зарождалась литература.

Такимъ образомъ соединеніе въ одномъ томѣ статей по языкознанію и статей по исторіи литературы вполнѣ естественно.

Въ статьяхъ по языкознанію выяснены прежде всего вопросы, касающіеся языка вообще, его природы, жизни и законовъ измѣненія; затѣмъ исторически освѣщенъ нашъ русскій языкъ въ его отношеніяхъ къ другимъ языкамъ и въ его историческомъ развитіи. Въ отдѣлѣ исторіи литературы главнымъ предметомъ, конечно, является русская литература; но русская литература, какъ и историческая жизнь русскаго народа, не развивалась особнякомъ, а испытывала на себѣ разнообразныя вліянія западно-европейской жизни. Поэтому исторіи русской литературы предпосланы статьи, знакомящія читателя съ главными явленіями въ исторіи западно-европейскихъ литературъ.

Исторіей русской литературы первоначально предполагалось закончить томъ. Въ послѣдній моментъ, когда почти весь томъ уже готовъ былъ къ печати, рѣшено было къ нему присоединить отдѣльный краткій очеркъ малорусской (иначе украинской) литературы,—литературы второй по численности изъ трехъ вѣтвей русскаго племени. Этимъ измѣненіемъ плана объясняется то обстоятельство, что о малорусскихъ думахъ и о крупнѣйшемъ украинскомъ поэтѣ Шевченкѣ читатель найдетъ упоминаніе въ двухъ мѣстахъ: краткое—въ общемъ очеркѣ русской литературы и болѣе подробное—въ очеркѣ украинской литературы [1]).

Въ составленіи статей VII тома принимали участіе: С. Г. Вилинскій, Н. Н. Дурново, П. С. Коганъ, С. М. Кульбакинъ, С. Ѳ. Руссова, Н. Н. Соколовъ, М. Р. Фасмеръ.

Общая редакція VII тома принадлежитъ проф. С. М. Кульбакину.

Членъ редакціонной комиссіи проф. С. М. Кульбакинъ.

---

[1]) Точка зрѣнія на малорусскій вопросъ, т.-е. на положеніе малорусскаго народа и языка въ славянской семьѣ, составительницы статей по малорусской литературѣ, первоначально высказанная во введеніи къ очерку этой литературы, была замѣнена точкой зрѣнія, которая проводилась редакціонной комиссіей во всемъ изданіи Народной Энциклопедіи: редакціонная комиссія, признавая вполнѣ права малорусскаго народа на національно-культурное самоопредѣленіе, считаетъ его ближе стоящимъ къ великоруссамъ и бѣлоруссамъ, чѣмъ ко всѣмъ остальнымъ славянскимъ народамъ.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

Человѣкъ чрезъ слово всемогучъ, —
Языкъ всѣмъ знаніямъ и всей природѣ ключъ.

(Державинъ).

I. Языкъ и наука о языкѣ.

Наука, человѣческое знаніе охватываетъ все, что существуетъ въ мірѣ. Человѣкъ стремится познать, изучить и окружающую природу и свою собственную душевную жизнь.

И мертвыя глыбы камней, и красивая бабочка, весело порхающая по цвѣтамъ, вызываютъ въ человѣкѣ вопросы: что это, почему, откуда? Откуда, въ силу какихъ явленій, происшедшихъ въ природѣ, образовалась эта груда скалъ, какъ явилась въ природѣ эта бабочка, въ какомъ отношеніи она находится къ другимъ бабочкамъ, къ другимъ насѣкомымъ, жукамъ, букашкамъ, въ какомъ отношеніи всѣ эти насѣкомыя стоятъ къ птицамъ, четвероногимъ, наконецъ, къ человѣку?

Вопросъ родитъ вопросы; человѣческая мысль подымается къ облакамъ, стараясь разгадать величественную и грозную молнію, спускается въ морскія пучины и въ ихъ мракѣ разыскиваетъ новыхъ представителей растительнаго и животнаго царства.

Отъ міра природы, отъ минераловъ, растеній и животныхъ, стоящихъ на различной ступени органической жизни, мысль человѣка восходитъ къ самому человѣку.

Какъ бы исполняя завѣтъ греческаго мудреца (Хилона): «познай самого себя», человѣкъ обращается къ изученію своего тѣла, къ изученію своей душевной жизни, къ изученію жизни общественной, исторической. Онъ изслѣдуетъ далекое прошлое человѣчества, узнаетъ, какъ жили тѣ или другіе народы, въ какихъ отношеніяхъ они находились другъ къ другу, изъ-за чего воевали, чѣмъ питались, во что вѣрили, кому молились.

Тысячи ученыхъ работали и работаютъ надъ этими вопросами, изучаютъ царство природы, изучаютъ исторію человѣчества, произведенія человѣческой литературы и человѣческаго искусства.

Выводы, къ которымъ они приходятъ, излагаются въ стройномъ порядкѣ, по опредѣленному плану и представляютъ рядъ наукъ, какъ физика, астрономія, ботаника, исторія и т. д.

Является вопросъ: существовали ли бы всѣ эти науки, всѣ эти разнообразныя отрасли человѣческаго знанія, если бы не было языка, при помощи котораго человѣкъ выражаетъ свои мысли? Конечно, нѣтъ. Если бы не было языка, то не только не было бы наукъ, но не было бы человѣческаго общества, не было бы самого человѣка, а было бы животное, которое умѣетъ чувствовать и желать, но не умѣетъ отвлеченно мыслить (ср. ниже).

Было бы странно поэтому, если бы человѣкъ, изучая весь окружающій міръ и свою внутреннюю жизнь, оставилъ бы безъ изученія языкъ, который и является главнымъ признакомъ, отличающимъ его, человѣка, отъ животнаго.

Было бы странно, если бы человѣкъ, интересуясь вопросомъ, что такое бабочка, и что такое молнія, что такое человѣческое сердце, не поинтересовался вопросомъ, *что же такое языкъ*.

Выясненіе понятія „языкъ“.

Каждому изъ насъ извѣстно выраженіе: *французскій языкъ, нѣмецкій языкъ, русскій языкъ*. Всѣ мы знаемъ, что различные народы, живущіе въ Европѣ и другихъ странахъ свѣта, говорятъ каждый на своемъ языкѣ, что намъ, русскимъ, нужно учиться англійскому языку, чтобы понимать англичанина, а англичанину—учиться по-русски, чтобы понимать насъ.

Что же мы разумѣемъ подъ *языкомъ*, употребляя это выраженіе? Слово языкъ имѣетъ два значенія; когда мы говоримъ: «у васъ длинный языкъ», мы разумѣемъ извѣстную часть человѣческаго тѣла; когда же говоримъ: «я изучилъ французскій языкъ» мы разумѣемъ французскую рѣчь. Рѣчь состоитъ изъ словъ, слова изъ звуковъ; звуки же человѣческой рѣчи производятся посредствомъ выдыханія изъ гортани воздуха и движеній языка и губъ; въ виду того, что языкъ, т.-е. извѣстная часть нашего тѣла, принимаетъ наиболѣе видное участіе въ произнесеніи звуковъ, слово «языкъ» и получило еще другое значеніе—значеніе «рѣчь».

Что же такое *языкъ* или *рѣчь?* Французскій или нѣмецкій языкъ сильно отличаются отъ русскаго языка, но и французскій, и нѣмецкій, и англійскій языки имѣютъ нѣчто общее. Они различаются въ томъ, что обозначаютъ одинъ и тотъ же предметъ разными сочетаніями звуковъ: мы просимъ воды, французъ тотъ же предметъ называетъ: «*л—о*», нѣмецъ—«*вассер*».

Но всѣ эти языки сходны въ самомъ главномъ: всѣ они обозначаютъ предметы или наши понятія о предметахъ *словами*, т.-е.

сочетаніями звуковъ. Всѣ эти языки состоятъ изъ словъ, при чемъ слово есть сочетаніе звуковъ, имѣющее опредѣленный смыслъ, обозначающее человѣческое понятіе. Если мы скажемъ: «гррр»..., то это тоже будетъ сочетаніе звуковъ, но оно не представляетъ слова, такъ какъ не обозначаетъ понятія. Итакъ, подъ языкомъ или рѣчью мы разумѣемъ *совокупность или массу словъ, которыми тотъ или другой народъ выражаетъ свои мысли, свои понятія*,—словъ, состоящихъ изъ звуковъ.

Мы говоримъ встрѣчному знакомому: «у васъ по сосѣдству пожаръ», и онъ понимаетъ насъ и спѣшитъ домой. Нашу мысль мы передаемъ ему посредствомъ сочетаній звуковъ.

Ясно, что мы можемъ опредѣлить языкъ, *какъ средство выражать свои мысли, сообщать ихъ другому посредствомъ звуковъ*.

Различные народы употребляютъ для выраженія той же мысли о пожарѣ различные звуки, но всѣ языки сходятся въ томъ, что они пользуются, какъ средствомъ выраженія мыслей, звуками. Правда, существуетъ выраженіе «языкъ глухонѣмыхъ», хотя глухонѣмые объясняются другъ съ другомъ не при помощи звуковъ, не при помощи движеній языка и губъ, а при помощи движеній рукъ и пальцевъ. Но это уже — вторичное, неточное употребленіе слова «языкъ». Сперва слово «языкъ» обозначало только языкъ звуковъ, а потомъ всякое средство сообщать другъ другу свои мысли начали называть языкомъ, хотя бы и посредствомъ условныхъ знаковъ; такъ существуетъ языкъ сигналовъ: развернутый флагъ стрѣлочника сообщаетъ машинисту: «тише», свернутый—«путь свободенъ». Обычно, однако, подъ словомъ «языкъ» мы понимаемъ не языкъ движеній или условныхъ знаковъ, а языкъ звуковъ или рѣчь, въ которой мысли выражаются при помощи движеній языка, которую мы воспринимаемъ слухомъ. Этимъ-то звуковымъ языкомъ, состоящимъ изъ словъ изъ звуковыхъ знаковъ для нашихъ мыслей, и занимается *наука о языкѣ*.

Языкъ—орудіе мышленія.

Итакъ, языкомъ мы пользуемся для сообщенія другъ другу своихъ мыслей. Но мало того, языкомъ мы пользуемся для самаго мышленія. Если бы человѣкъ такъ или иначе, звуками или движеніями, не обозначалъ своихъ мыслей, то онъ не могъ бы и мыслить.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое *мышленіе*, которое отличаетъ человѣка отъ животнаго, въ чемъ оно состоитъ?

Человѣкъ, какъ и всякое животное, видитъ предметы, его окружающіе, въ его мозгу запечатлѣвается то, что онъ видитъ, такъ что онъ можетъ себѣ представить видѣнный предметъ, вспомнить его.

Каждый изъ насъ, увидѣвъ на улицѣ красивую вороную лошадь и прійдя домой, можетъ себѣ ее представить такою, какова она въ дѣйствительности, съ такимъ же цвѣтомъ шерсти, съ такой же красиво выгнутой шеей.

Такое представленіе объ единичномъ предметѣ еще не есть мышленіе; такія представленія, простой отпечатокъ въ памяти того, что мы видимъ, вѣроятно, есть и у животныхъ.

Тутъ нашъ мозгъ, наше сознаніе еще не проявляетъ никакой дѣятельности; оно, какъ зеркало, отражаетъ только то, что есть въ природѣ и жизни.

Мышленіе есть дѣятельность нашего сознанія, нашего ума; оно состоитъ въ томъ, что отдѣльныя впечатлѣнія, отдѣльныя представленія о предметахъ, которые мы видѣли, сравниваются нашимъ сознаніемъ, подмѣчается то общее, что въ нихъ есть. Мы видѣли вороную экипажную лошадь, видѣли бѣлую лошадь водовоза, видѣли гнѣдую лошадь извозчика.

Въ нашемъ мозгу есть точный отпечатокъ той, другой и третьей. Эти отпечатки отличаются другъ отъ друга тѣмъ же, чѣмъ всѣ эти три лошади отличаются въ дѣйствительности: одна лошадь рослая, красивая, вороная, другая худая, заморенная, бѣлая; одна красиво выгнула шею, другая понуро опустила голову.

Но несмотря на эти различія, есть между всѣми тремя отпечатками или представленіями и общее: всѣ три лошади имѣютъ четыре ноги, хвостъ, копыта, одинаковое строеніе тѣла, всѣ возятъ что-нибудь, всѣ ржутъ. Вотъ это общее, что отличаетъ всѣхъ лошадей отъ другихъ животныхъ, выдѣляется нашимъ сознаніемъ, мыслью нашей изъ всѣхъ разнообразныхъ отпечатковъ видѣнныхъ лошадей, и вотъ это-то общее, этотъ результатъ нашей сравнивающей мысли и есть — *понятіе*. Это понятіе обозначается словомъ *лошадь*. *Слово тутъ является знакомъ для понятія*.

Каждое представленіе объ единичномъ предметѣ представляетъ лишь простое отраженіе въ нашемъ сознаніи предмета, существующаго въ дѣйствительности, его отпечатокъ. Отпечатокъ, представленіе, существуетъ въ сознаніи, а предметъ — во внѣшнемъ мірѣ. Представленіе о предметѣ есть нѣчто духовное, а самый предметъ—тѣлесное или матеріальное. Его, этотъ предметъ, можно ощупать, а представленіе нельзя ни видѣть, ни слышать, ни ощупать. Представленію соотвѣтствуетъ предметъ, а понятію что соотвѣтствуетъ во внѣшнемъ мірѣ?

Есть ли въ мірѣ лошадь вообще, существо съ извѣстнымъ строеніемъ тѣла, хвостомъ, четырьмя ногами, копытами, но ни

высокаго роста, ни маленькая, ни вороная, ни гнѣдая, ни бѣлая безъ масти, ни худая, ни жирная, а такъ—вообще лошадь безъ такихъ признаковъ, качествъ, которыя имѣетъ какая-нибудь одна опредѣленная лошадь?—Нѣтъ, лошади вообще въ мірѣ внѣшнемъ нѣтъ, лошадь вообще существуетъ только въ умѣ человѣка, какъ его понятіе. *Это понятіе* есть нѣчто духовное, а нѣчто тѣлесное, *матеріальное*, что ему соотвѣтствуетъ во внѣшнемъ мірѣ,—это *слово*, которое обозначаетъ понятіе. Оно состоитъ изъ звуковъ, движеній языка, губъ, вдыханія воздуха, а это все—уже нѣчто тѣлесное. Только благодаря тому, что мы можемъ наши понятія обозначать словами, мы и можемъ мыслить, думать. Нашимъ понятіямъ, которыя есть нѣчто духовное, мы придаемъ форму тѣлесную, форму звуковъ, слова.

Когда мы думаемъ: *лошадь—полезное животное*, мы произносимъ обыкновенно про себя, мысленно эти слова, и въ этомъ и состоитъ наша мысль. А другіе люди какъ бы слышатъ мысленно эти слова, слышатъ, какъ они сами ихъ произносятъ.

Въ такомъ мысленномъ произношеніи словъ и состоитъ всякая отвлеченная мысль человѣка. Все, что мы думаемъ, мы мысленно произносимъ или мысленно слышимъ, т.-е. мышленіе человѣка представляетъ собою *внутреннюю* рѣчь. (Подробнѣе процессъ внутренней рѣчи будетъ разъясненъ ниже, въ VII главѣ).

Изъ этого ясно, что если бы не было словъ, то не было бы и отвлеченнаго мышленія. Если бы человѣкъ не умѣлъ говорить или обозначать свои понятія какими-нибудь другими знаками, то онъ не могъ бы и мыслить. Все сводилось бы къ тому, что онъ представлялъ бы себѣ то, что видѣлъ, не сравнивалъ бы, не замѣчалъ, что въ предметахъ сходно, и что различно. Не было бы ни мышленія, ни науки.

Языкъ—психофизическое явленіе.

Когда мы установили, что языкъ или рѣчь есть средство или орудіе, при помощи котораго мы мыслимъ и выражаемъ свои мысли, то мы опредѣлили значеніе языка, его роль въ жизни человѣка. Но что такое языкъ по своей природѣ, въ чемъ состоятъ тѣ явленія, которыя образуютъ его? Природа языковыхъ явленій двойственна, языкъ состоитъ изъ явленій отчасти психическаго, т.-е. духовнаго, характера (греческое слово *психе* значитъ *душа*), отчасти изъ явленій физическаго характера (греческое *физис* значитъ *природа*). Одна сторона слова, а именно звуки, которые мы производимъ, произнося слова,—физическое (тѣлесное) явленіе, потому что звуки представляютъ собою извѣстной формы воздушныя волны (движеніе частицъ воздуха, его разрѣженіе и сгущеніе); другая сто-

рона, а именно то понятіе, которое этими звуками выражается, есть психическая или духовная сторона слова.

А такъ какъ языкъ состоитъ изъ словъ, то должно опредѣлить языкъ, какъ явленіе психофизическое, т.-е. наполовину духовное, наполовину физическое. Въ этомъ случаѣ языкъ и является характернымъ признакомъ человѣка, который также есть существо наполовину физическое, наполовину духовное. сліяніе духа и плоти.

Языкъ—плодъ человѣческой культуры.

Наконецъ, если опредѣлять языкъ, имѣя въ виду вопросъ, каково его происхожденіе, то мы должны сказать, что онъ не есть нѣчто прирожденное человѣку, нѣчто такое, что съ самаго начала человѣка отличало. Наоборотъ, языкъ представляетъ созданіе человѣка, постепенно выработанъ имъ самимъ. Наблюдая, какъ развивается постепенно ребенокъ, мы можемъ судить, какъ развивался когда-то въ отдаленныя времена изъ животнаго человѣкъ.

Ребенокъ, прежде чѣмъ научиться ходить, ползаетъ на четвереньках; можно думать поэтому, что и человѣкъ, прежде чѣмъ выучился ходить на двухъ ногахъ, ходилъ на четырехъ, подобно остальнымъ четвероногимъ. Точно такъ же, наблюдая духовное развитіе ребенка, мы видимъ, что онъ не рождается съ готовымъ языкомъ, первоначально онъ лишь выражаетъ чувство голода, боли, удовольствія—крикомъ.

Можно думать поэтому, что человѣкъ, какъ видъ животнаго, первоначально ничѣмъ почти не отличался отъ животнаго, онъ выражалъ крикомъ чувство боли, страха, радости, но у него не было понятій, не было и словъ для обозначенія этихъ понятій. Прошли тысячи лѣтъ, пока постепенно развилось его мышленіе, и сложился его языкъ. Сперва его мысль подмѣтила нѣчто общее между отдѣльными лошадьми, отдѣльными собаками, и явились слова для обозначенія лошади, собаки, дуба; позже онъ замѣтилъ нѣчто общее между лошадью и собакой, между дубомъ и березой; явились понятія *животное*, *дерево* и слова для этихъ понятій и т. д. Это развитіе языка и мысли шло медленно, въ теченіе многихъ столѣтій; такимъ образомъ языкъ есть *плодъ человѣческой культуры* (человѣческой выработки), результатъ работы человѣческаго духа, какъ и искусство, музыка, умѣнье строить себѣ жилище, шить одежду и т. д.

Наука о языкѣ.

То, что сказано выше, только въ извѣстной мѣрѣ, такъ сказать, предварительно выясняетъ понятіе «языкъ». Полное, всестороннее и ясное уразумѣніе этого понятія можетъ получиться только тогда, когда мы познакомимся съ самой наукой о языкѣ.

Наука о языкѣ называется также иначе языкознаніемъ или лингвистикой. Послѣднее слово происходитъ отъ латинскаго «lingua» (лингва), что значитъ языкъ.

Науку о языкѣ или лингвистику нужно отличать отъ практическаго изученія языковъ. Практическое изученіе одного или нѣсколькихъ языковъ имѣетъ житейскую цѣль: научиться понимать человѣка, говорящаго на данномъ, иностранномъ для насъ, языкѣ и самому выражать на этомъ языкѣ свои мысли. Для этого требуется извѣстный навыкъ и работа памяти. Цѣль науки о языкѣ—иная; языковѣдъ можетъ плохо владѣть практически языками и въ то же время быть прекраснымъ ученымъ, а иной человѣкъ, умѣя говорить на нѣсколькихъ языкахъ вполнѣ свободно, можетъ совсѣмъ не быть языковѣдомъ, не имѣть понятія о языкознаніи; цѣль науки о языкѣ, изучая отдѣльные языки, понять ихъ взаимное отношеніе, выяснить, изъ какихъ явленій слагается человѣческій языкъ вообще, какъ онъ живетъ и измѣняется, какимъ законамъ подчиняется его развитіе.

Въ концѣ-концовъ эта наука и должна намъ дать полный отвѣтъ на вопросъ, что такое языкъ.

Мѣсто науки о языкѣ въ ряду другихъ наукъ.

Отдѣльныя науки отличаются одна отъ другой какъ по предмету, который онѣ изучаютъ, такъ и по «методу», т.-е. по пріемамъ или способамъ, какими этотъ предметъ изслѣдуется.

Такъ, однѣ науки называются естественными, потому что изучаютъ «естество», а это слово встарину обозначало природу. Другія науки изучаютъ человѣка и его культуру, исторію и называются «гуманитарными» («гуманусъ» значитъ по-латыни «человѣческій»), или историко-культурными.

Къ какимъ же наукамъ нужно отнести науку о языкѣ — къ естественнымъ или къ гуманитарнымъ, т.-е. касающимся человѣка, къ историко-культурнымъ? Было время, когда относили науку о языкѣ къ числу естественныхъ, но это заблужденіе. Мы выяснили выше, что языкъ постепенно выработанъ самимъ человѣкомъ, что онъ—плодъ его «культуры», что языкъ развивается, какъ развивается самъ человѣкъ и человѣческое общество; мы выяснили, что языкъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ мышленіемъ человѣка, что явленія, составляющія языкъ,—двойственнаго характера: духовнаго (психическаго) и тѣлеснаго (физическаго) вмѣстѣ.

Ясно поэтому, что наука о языкѣ, по самому предмету своего изученія, является наукой гуманитарной, относится къ числу историко-культурныхъ наукъ или наукъ, изучающихъ исторію человѣческой культуры.

Однако вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ отмѣтить, что наука о языкѣ изъ всѣхъ наукъ о человѣкѣ ближе всего стоитъ къ наукамъ естественнымъ,—ближе всѣхъ потому, что она, наука о языкѣ, въ своихъ выводахъ точнѣе всѣхъ иныхъ наукъ историко-культурныхъ и въ этомъ отношеніи приближается къ наукамъ естественнымъ, которыя отличаются именно точностью. Отчего же наука о языкѣ точнѣе въ своихъ выводахъ, чѣмъ иныя науки о человѣкѣ? Объясняется это тѣмъ, что явленія, которыя она изучаетъ, явленія языка—гораздо проще, чѣмъ явленія, которыя изучаетъ, напримѣръ, исторія или исторія литературы, исторія искусствъ. Въ нихъ легче разобраться, легче ихъ изслѣдовать, опредѣлить ихъ происхожденіе и взаимное отношеніе.

Примѣчаніе. Утвержденіе, что животныя не имѣютъ мышленія, навѣрное, вызоветъ у нѣкоторыхъ читателей сомнѣніе. Тѣмъ не менѣе это такъ. Животныя на первый взглядъ какъ будто соображаютъ, однако ихъ сообразительность всецѣло опредѣляется ассоціаціями, т.-е. связью впечатлѣній; собака видѣла, какъ вы отворили шкапъ, достали котлету и дали ей; въ слѣдующій разъ, увидѣвъ, что вы открыли шкапъ, она прибѣжитъ и будетъ ждать котлеты, такъ какъ въ ея памяти то и другое впечатлѣніе связаны; повторяется одно,—она ожидаетъ повторенія другого. Однако назвать это *мышленіемъ* нельзя: здѣсь нѣтъ процесса *отвлеченія*, выработки *понятій*. Подробнѣе по этому вопросу см. въ брошюрѣ А. Л. Погодина «Почему не говорятъ животныя», 1908 г.

II. Раздѣленіе науки о языкѣ.

Сложность предмета.

Человѣческій языкъ представляетъ довольно сложное явленіе. У различныхъ народовъ онъ состоитъ изъ различныхъ, не одинаковыхъ словъ: у нѣмцевъ изъ такихъ словъ, какъ *вассер, брод, буттер* и т. д., у русскихъ изъ словъ *вода, хлѣбъ, масло* и т. д. Самое слово, всякое слово,—русское, нѣмецкое, французское есть нѣчто сложное: оно состоитъ, съ одной стороны (внѣшней), изъ соединенія извѣстныхъ звуковъ, а съ другой стороны (внутренней) обозначаетъ извѣстнаго рода предметы или, лучше сказать, понятіе человѣка о предметѣ, представленіе о предметѣ.

Такъ, слово *ножъ*, съ одной стороны,—*внѣшней*, есть соединеніе звуковъ н, о, ж (буква ъ не обозначаетъ никакого звука), а съ другой стороны, — внутренней, это слово есть обозначеніе нашего понятія о предметѣ твердомъ и остромъ, которымъ можно рѣзать другіе предметы.

Въ каждомъ словѣ можетъ измѣняться и внѣшняя сторона, т.-е. звуки, и внутренняя, т.-е. значеніе слова. Обѣ стороны могутъ измѣняться порознь или вмѣстѣ.

Такъ, напримѣръ, если въ словѣ *баба* измѣнить послѣдній звукъ *а* въ *ы*: *бабы*, то измѣнится и значеніе слова, т.-е. понятіе или представленіе, выражаемое словомъ; въ первомъ случаѣ, при произношеніи слова *баба* мы думаемъ объ одной бабѣ, а въ другомъ—при словѣ *бабы* мы уже представляемъ себѣ нѣсколько бабъ. Тутъ измѣненіе въ одномъ звукѣ сейчасъ же ведетъ за собою и измѣненіе въ значеніи слова.

Но звуки въ словѣ могутъ мѣняться безъ измѣненія въ значеніи слова; напримѣръ, изъ старыхъ рукописей мы знаемъ, что наши предки называли городъ *Кіевъ — Кыевъ* твердо, а не мягко, какъ мы; они говорили: *гыбель*, а не *гибель*, *кныгы*, а не *книги;* тутъ значеніе слова не измѣнилось, оно значитъ то же, что и въ старину, измѣнился одинъ звукъ въ составѣ слова: *ы* въ *и*. Бываетъ и такъ, что измѣняется значеніе слова, слово вызываетъ въ умѣ говорящаго и слушателя не то понятіе или представленіе, какое вызывало у его прадѣдовъ, а звуки этого слова не измѣнились. Такъ, напримѣръ, въ старину слово *воръ* могло обозначать не человѣка, который что-нибудь укралъ, а *обманщика*; слово *подлый* обозначало не безчестнаго человѣка, а человѣка изъ простого званія, изъ низшаго сословія. Причины этихъ различныхъ измѣненій въ языкѣ — различныя. Занимаясь наукой о языкѣ, можно изучать тѣ или другія изъ этихъ различнаго рода измѣненій, можно разсматривать и изслѣдовать одну или другую сторону языка.

Отсюда и происходитъ то, что наука о языкѣ, какъ и всякая наука, распадается на нѣсколько отдѣловъ или частей.

Отдѣлы языкознанія.

Каждый языкъ, каждая рѣчь, нѣмецкая, русская или французская, состоитъ изъ соединенія предложеній; напримѣръ: «хотя я и читалъ эту повѣсть, но охотно прочту еще разъ». Въ этомъ отрывкѣ рѣчи соединены въ одно цѣлое 2 предложенія. Каждое предложеніе состоитъ изъ соединенія словъ, напримѣръ, первое изъ приведенныхъ—изъ словъ: *хотя, я, и, читалъ, эту, повѣсть*; каждое слово состоитъ изъ звуковъ, напримѣръ, слово *хотя* изъ звуковъ *х, о, т, я*. Каждое слово можетъ имѣть различныя формы; такъ, выраженія *вода, воду, водѣ, воды* суть разныя формы одного и того же слова; большая часть звуковъ въ нихъ одинакова; они обозначаютъ одинъ и тотъ же предметъ или, лучше сказать, они обозначаютъ одно и то же понятіе наше объ извѣстномъ жидкомъ тѣлѣ

Но эти различныя формы слова *вода* выражаютъ оттѣнки нашей мысли, онѣ показываютъ, *какъ* мы думаемъ о водѣ; если мы думаемъ о водѣ, какъ о предметѣ, который берутъ или наливаютъ или возятъ, вообще съ нимъ что-либо дѣлаютъ, то мы употребляемъ форму *воду*; если мы думаемъ о водѣ, какъ о предметѣ, которымъ пользуются, какъ средствомъ, какъ орудіемъ для какого-нибудь дѣйствія, то мы употребляемъ форму *водою*; мы говоримъ: «*онъ потушилъ огонь водою*»; дѣйствіе тутъ направлено не на воду, а на огонь, а вода служитъ только орудіемъ дѣйствія. Точно такъ же слова, которыя обозначаютъ не предметы, а дѣйствія или состоянія предметовъ, напримѣръ *бить*, *шить*, *спать*, могутъ имѣть различныя формы. Напримѣръ, форма *билъ* обозначаетъ, что это дѣйствіе тотъ, о комъ говорятъ, производилъ уже въ прошедшемъ. Форма *бьетъ* значитъ, что это лицо производитъ дѣйствіе теперь, въ то время, когда о немъ говорятъ, или же что оно производитъ это дѣйствіе вообще, всегда; *птица летаетъ* — значитъ вообще летаетъ, т.-е. летала, летаетъ и будетъ летать.

Итакъ, мы видимъ, что каждый языкъ состоитъ изъ различныхъ словъ, въ различныхъ формахъ, и изъ звуковъ, которые составляютъ слова.

Въ каждомъ языкѣ есть свои звуки, которыхъ въ другихъ языкахъ можетъ и не быть. Напримѣръ, въ нѣмецкомъ языкѣ и во французскомъ нѣтъ того твердаго *л*, которое слышится въ русскихъ словахъ *былъ*, *лодка* и т. п.; въ тѣхъ же языкахъ нѣтъ русскаго твердаго *ы;* наоборотъ, въ русскомъ языкѣ есть твердое *л* и мягкое *л* (*лямка*), но нѣтъ такого средняго, полумягкаго *л*, какое во французскомъ и нѣмецкомъ; въ русскомъ нѣтъ такого *о* произносимаго въ носъ и *е* въ носъ, какое во французскомъ. Каждый языкъ имѣетъ свои формы. Эти формы словъ соединяются извѣстнымъ образомъ въ каждомъ языкѣ: нельзя сказать— *благодарю тебъ*, а нужно: *благодарю тебя*, а по-нѣмецки какъ разъ наоборотъ, нельзя сказать *данке дих*, т.-е. *благодарю тебя*, а нужно сказать *данке дир*, т.-е. какъ разъ *благодарю тебъ*. Точно такъ же и отдѣльныя предложенія различные языки соединяютъ въ связную рѣчь неодинаково.

Отсюда ясно, что можно изучать какой-нибудь языкъ съ различныхъ сторонъ.

Фонетика.

Можно изучать *звуки* какого-нибудь языка, т.-е. опредѣлять, какіе звуки входятъ въ различныя слова этого языка, какъ именно они произносятся. *Ученіе о звукахъ какого-нибудь языка* есть одинъ отдѣлъ науки о языкѣ; этотъ отдѣлъ называется *фонетикой*, такъ какъ по-гречески *фонэ*

значитъ *голосъ*, *звукъ*, а *фонетика* значитъ то, что относится къ звукамъ, *ученіе о звукахъ*.

Въ фонетикѣ, напримѣръ, русской, должно быть указано, какіе звуки встрѣчаются въ русскомъ языкѣ, входятъ въ его составъ: тутъ мы укажемъ, что въ русскомъ языкѣ есть звуки а, б, в, г, д, е, ж, з и т. д., что *л* въ немъ есть твердое и мягкое, что есть также твердые и мягкіе р, с, т, б, в, г и т. д. Нужно при этомъ по возможности точно описать, въ какомъ положеніи находятся органы рѣчи (языкъ, губы, голосовыя связки) при произношеніи этихъ звуковъ, потому что, напримѣръ, русское *а* и польское *a*, хотя и похожи на слухъ, но не совсѣмъ одинаковы; а именно: при польскомъ *a* слегка приподнята средняя часть спинки языка, а при русскомъ — задняя. Опредѣленіе того отношенія, въ какомъ находятся органы рѣчи, при произношеніи отдѣльныхъ звуковъ достигается различными способами: наблюденіемъ при помощи зеркала, наблюденіемъ своихъ мускульныхъ ощущеній при произношеніи звука, наконецъ, съ помощью особаго искусственнаго нёба; это нёбо, очень тонкое, дѣлается по мѣркѣ для лица, изучающаго свое произношеніе, и вкладывается въ ротъ, при чемъ покрывается бѣлымъ порошкомъ; произнося извѣстный звукъ, мы касаемся языкомъ этого нёба; вынувъ нёбо, по оставленнымъ слѣдамъ можно видѣть, въ какомъ мѣстѣ соприкасались языкъ и нёбо.

Морфологія. Другой отдѣлъ науки о языкѣ посвященъ изученію формъ того или другого языка; въ этомъ отдѣлѣ должно быть указано, какъ измѣняются слова для обозначенія различныхъ оттѣнковъ человѣческой мысли; какое, напримѣръ, окончаніе нужно поставить въ словахъ, *жена*, *сестра*, когда объ этихъ лицахъ думаютъ, какъ о дѣйствующихъ во множественномъ числѣ: *жен-ы*, *сестр-ы*; какое нужно окончаніе, чтобы обозначить, что дѣйствіе производится вмѣстѣ съ этимъ лицомъ: (иду съ) жен-*ою*, (съ) сестр*ою*.

Форма—слово латинское, значитъ *видъ*, а по-гречески форма—*морфэ*, а ученіе о формахъ или видахъ словъ называется въ языкознаніи, обыкновенно, *морфологіей* (*логос*—по-гречески значитъ *слово*, ученіе; слово о видахъ или ученіе о формахъ).

Словарь. Если мы не будемъ слѣдить, какъ измѣняются слова въ своихъ окончаніяхъ, а только сопоставимъ всѣ по возможности слова, употребляющіяся въ данномъ языкѣ, и пояснимъ ихъ значеніе сравненіемъ съ другимъ языкомъ, то получится *словарь*, а по-гречески *лексиконъ*.

Напримѣръ, словарь нѣмецко-русскій состоитъ изъ такихъ сопоставленій:

Aal (ааль)—угорь
ab (аб)—отъ
Abart (абарт)—разновидность и т. д.

Синтаксисъ. Наконецъ, въ наукѣ о языкѣ есть отдѣлъ, въ которомъ опредѣляется, какъ соединяются слова и предложенія въ томъ или другомъ языкѣ; въ этомъ отдѣлѣ устанавливается, напр., какой падежъ нужно ставить послѣ глагола съ отрицаніемъ, послѣ того или другого предлога, какими союзами начинаются предложенія времени, предложенія условныя и т. д. въ языкѣ, который изучаютъ. Этотъ отдѣлъ называется—*синтаксисъ*, что по-гречески значитъ *со-чиненіе*, т.-е. сочетаніе, соединеніе словъ.

Такимъ образомъ, въ русскомъ синтаксисѣ будетъ сказано, что послѣ глагола съ отрицаніемъ ставится родительный падежъ: нельзя сказать: *я не хочу воду*, нужно сказать: *я не хочу воды*. Тутъ же будетъ указано, что послѣ глагола *сомнѣваться* нужно поставить *въ чемъ:—въ этомъ, въ твоихъ словахъ*; послѣ *поздравлять* нужно поставить *кого—Ивана, Марью*. А въ польскомъ языкѣ, напримѣръ, говорится *виншовацъ* (что значитъ *поздравлять*) — *кому: виншовал ему* значитъ: *поздравилъ его*.

Итакъ, изучить какой-нибудь языкъ — значитъ изучить его звуки, его формы словъ, значеніе словъ и способы сочетанія или соединенія словъ. Такимъ образомъ, полное изученіе какого-нибудь языка состоитъ изъ *фонетики* этого языка (ученіе о звукахъ), *морфологіи* (ученіе о формахъ), *словаря* (ученіе о значеніи словъ), *синтаксиса* (ученіе о соединеніи словъ). При этомъ, однако, изученіе какого-нибудь языка можетъ быть различное: можно изучать какой-нибудь языкъ, напримѣръ, русскій, въ томъ состояніи, въ какомъ онъ находится во время изученія, но можно изучать его исторію, т.-е. опредѣлять, какимъ онъ былъ раньше, въ сѣдой древности.

Описательное изученіе языка. Когда мы изучаемъ звуки и формы языка, способы соединенія словъ въ предложенія, значеніе ихъ—только въ настоящее время, то мы *описываемъ* языкъ. Такое изученіе языка называется *описательнымъ*, описательное изученіе языка распадается на описательную фонетику (описаніе звуковъ), описательную морфологію (описаніе формъ), описательный или практическій словарь (описаніе значеній словъ) и описательный синтаксисъ (описаніе способовъ соединенія словъ).

Такое описательное изученіе языка, строго говоря, не наука, потому что наука не въ томъ лишь, чтобы что-либо узнать, а въ томъ, чтобы узнать, откуда оно произошло.

Историческое изученіе языка.

Вотъ если мы не остановимся на знакомствѣ съ современнымъ русскимъ языкомъ, а станемъ изучать по рукописямъ и старопечатнымъ книгамъ языкъ нашихъ предковъ, то мы узнаемъ, что современное мягкое *к* въ словахъ *Кіевъ*, *кишка*, *кинуть* и т. д. произошло изъ болѣе стараго твердаго *к*, что прапрадѣды наши произносили: Кыевъ, кыпуть и т. д.; мы узнаемъ, что городъ Брянскъ назывался раньше Дъбрянскъ, т.-е. находящійся въ дебряхъ, въ лѣсу: слово дъбрь и дьбрь означало лѣсъ; послѣ *д* произносился особый звукъ, обозначаемый въ старыхъ рукописяхъ буквами ъ, ь; позже онъ исчезъ и получилось Дбрянскъ, а потомъ Брянскъ; изъ старыхъ рукописей мы узнаемъ также, что слово *чанъ* писалось встарину — *тщанъ*, т.-е. оно происходитъ изъ *дъщанъ*, что значитъ *дощаный*, сдѣланный изъ досокъ. Такое изученіе русскаго языка, когда мы слѣдимъ, какъ старый русскій языкъ съ XI вѣка измѣнялся постепенно въ своихъ звукахъ, словахъ и формахъ до нашего времени, — такое изученіе называется *историческимъ*, такъ какъ мы слѣдимъ исторію языка.

Такимъ же образомъ, какъ русскій языкъ, мы можемъ изучать исторически, по древнимъ рукописямъ, каждый языкъ,— нѣмецкій, англійскій и т. д.

И историческое изученіе языка, какъ и описательное, имѣетъ отдѣлы: фонетику, морфологію, словарь, синтаксисъ, т.-е. исторія какого-нибудь языка будетъ тогда полной, когда мы представимъ исторію звуковъ этого языка, исторію формъ его, исторію словъ съ ихъ значеніями, исторію способовъ соединенія словъ и предложеній. Въ описательномъ изученіи языка мы только опредѣляемъ, какіе звуки и формы словъ языкъ имѣетъ въ настоящее время, а въ историческомъ изученіи должно быть показано, какіе звуки и формы имѣлъ этотъ языкъ и въ прошломъ, въ разныя времена своей жизни.

При историческомъ изученіи, напримѣръ, русскаго языка, его формъ, мы узнаемъ, что наши предки говорили *иду по дьломъ*, а не *по дьламъ*, какъ мы говоримъ. Впрочемъ, и до сихъ поръ эта старая форма сохранилась въ народной пословицѣ: *по дьломъ вору и мука*; встарину говорили *живемъ на селѣхъ*, а мы говоримъ *живемъ въ селахъ*. Князь Святославъ говорилъ *иду на вы*, а мы теперь сказали бы: *иду на васъ*. Историкъ языка долженъ точно установить, по возможности, съ какого времени одна форма замѣнилась другою, и объяснить, почему замѣнилась.

Ясно, что и словарь какого-нибудь языка, если онъ историческій, не будетъ похожъ на словарь описательный, на словарь современнаго языка; тутъ, въ словарѣ историческомъ, должны

быть приведены и такія слова, которыхъ теперь уже не употребляютъ въ этомъ языкѣ; напримѣръ, въ историческомъ словарѣ русскаго языка мы найдемъ такія слова, какъ *аkы*, что значило *какъ*, *алачуга*, что значило *лачуга*, *алдия*, что значило *лодка*, *вора*, что значило *ограда*, *заборъ*.

Возможна и такая разница между современнымъ и старымъ языкомъ, что слово встарь имѣло не то значеніе, которое имѣетъ нынѣ,—напримѣръ, слово *вонятн* значило *пахнуть*, обозначало хорошій запахъ, а не плохой; такое старое значеніе этого слова сохранилось еще въ выраженіи *благовоніе*. Въ историческомъ словарѣ все это должно быть указано: и старыя слова, вышедшія изъ употребленія, и старыя значенія словъ, потомъ измѣнившіяся; все это должно быть подтверждено примѣрами съ помѣтой, отъ какого времени слово употребляется съ новымъ значеніемъ, или до какого вѣка еще употреблялось слово, потомъ исчезнувшее. Если привести въ извѣстность всѣ слова, какія употребляли наши предки, и выяснить, какое значеніе слова эти имѣли, то можно судить по словарю объ умственной жизни, о развитіи нашихъ предковъ и о ихъ бытѣ: вѣдь слова — одежда мысли.

Кромѣ описательнаго и историческаго изученія языковъ существуетъ еще сравнительное изученіе ихъ.

Сравнительное изученіе языковъ.

Если мы познакомимся, кромѣ нашего русскаго языка, еще съ польскимъ языкомъ, языкомъ чешскимъ, сербскимъ, болгарскимъ, то мы легко замѣтимъ, что между всѣми этими языками существуетъ большое сходство.

Мы увидимъ, что русскимъ словамъ: *трава*, *вода*, *вино*, *нога*, *спать*, въ польскомъ соотвѣтствуютъ по значенію слова *трáва* (trawa), *вóда* (woda), *вúно* (wino), *нóга* (noga), *спаць* (spać),—тутъ я пишу польскія слова русскими буквами, а въ скобкахъ латинскими, какъ пишутъ сами поляки. Разница между русскими и польскими словами только та, что въ польскомъ удареніе на первомъ слогѣ. Въ чешскомъ тоже найдемъ *трáва*, *вóда*, *вúно*, *нóга*, *спáти*, въ сербскомъ — *трáва*, *вòда*, *вúно*, *нòга*, *спати*. Въ болгарскомъ—то же.

И такое сходство между этими языками замѣчается въ тысячахъ словъ. Откуда это сходство взялось? Какъ понимать его?

Очевидно, что случайности тутъ не можетъ быть, что это сходство отражаетъ родство, т.-е. общность происхожденія народовъ польскаго, чешскаго, сербскаго, болгарскаго и русскаго.

Теперь и въ Олонецкой губерніи, и въ Калужской говорятъ одинаково, сходно настолько, что другъ друга понимаютъ сво-

бодно. И тамъ, и тамъ—русскіе,—одинъ народъ. Предки олонецкихъ крестьянъ и предки калужскихъ жили когда-то въ незапамятныя времена очень недалеко другъ отъ друга, вели другъ съ другомъ торговыя сношенія, говорили однимъ языкомъ; потомки разошлись, живутъ далеко другъ отъ друга, кое въ чемъ измѣнили языкъ предковъ, такъ что появились и различія между говоромъ олонечанъ и говоромъ калужскимъ: въ Олонецкой губ. говорятъ: *вода* съ *о*, *веду* съ е, а въ Калужской: *вада*, *вяду*. Однако различія не настолько велики, и все же ясно, что предки тѣхъ и другихъ общіе.

Сравнивая языки чешскій и русскій, польскій и сербскій или русскій и болгарскій, мы найдемъ между ними уже больше различій, чѣмъ между калужскимъ и олонецкимъ говоромъ: чехъ говоритъ maso т.-е. *масо*. русскій—*мясо*. полякъ—mięso т.-е. *менсо*, сербъ—*месо*, или: полякъ говоритъ *кохаць*, а русскій для обозначенія того же чувства—*любить*. Чехъ называетъ свѣжую булку *черства*, а у насъ *черствый* значитъ *несвѣжій*.

Но хотя различія между этими языками и значительны, хотя русскій, услышавъ чешское *бжих* не догадается, что это *брюхо*, или что *лиде* значитъ *люди*, однако сходство между ними все-таки очень большое.

Это сходство нужно понимать такъ же, какъ и сходство между олонецкимъ говоромъ, калужскимъ, саратовскимъ и т. д.: оно означаетъ, что народъ чешскій, народъ польскій, народъ сербскій, болгарскій и русскій—всѣ когда-то составляли одинъ небольшой народъ и говорили однимъ языкомъ, свободно понимали другъ друга. Всѣ они жили на небольшомъ пространствѣ, въ предѣлахъ нынѣшней Россіи. Давно это было,—еще до Р. Хр. и въ первые вѣка христіанства. Но народъ размножался, мѣста становилось мало, и расходились въ разныя стороны, поселялись на новыхъ мѣстахъ. Одни шли на югъ: на Балканскій полуостровъ (сербы, болгары), другіе на западъ (чехи, поляки), третьи оставались на старыхъ мѣстахъ и расширялись на сѣверъ и на востокъ (русскіе).

На новыхъ мѣстахъ за цѣлый рядъ вѣковъ языкъ, который каждый получилъ въ наслѣдство отъ предковъ, измѣнился; у однихъ старое славянское *менсо* измѣнилось въ *месо*, у другихъ въ *мясо*, у третьихъ въ *масо*.

Этихъ различій между польскимъ, чешскимъ, русскимъ, сербскимъ и болгарскимъ языками больше, чѣмъ между калужскимъ и олонецкимъ и вологодскимъ нарѣчіемъ потому, что отдѣлились они раньше другъ отъ друга, дольше жили особо, а потому языкъ больше пережилъ, больше измѣнился; олонечане ушли изъ

средней Россіи на далекій сѣверъ позже, а потому ихъ языкъ не успѣлъ такъ сильно измѣниться, чтобы его перестали понимать москвичи или орловцы.

Вотъ если мы возьмемъ языки, обнаруживающіе сходство другъ съ другомъ, родственные и станемъ ихъ сравнивать, опредѣлять, какой звукъ одного языка какому соотвѣтствуетъ въ другомъ, то это и будетъ *сравнительное изученіе языковъ*.

При такомъ сравнительномъ изученіи языковъ родственныхъ мы убѣдимся, что такому-то русскому звуку соотвѣтствуетъ всегда, во множествѣ словъ такой-то звукъ въ польскомъ, такой-то въ чешскомъ, такой-то въ сербскомъ и т. д. Напримѣръ, если въ русскомъ *я*, то въ польскомъ *ен* (*е*^{н}), въ чешскомъ—*а* въ цѣломъ рядѣ словъ:

Русск. *мята;* чеш. *мата;* серб. *мета;* пол. *мента;* русск. *мясо;* чеш. *маso;* серб. *месо*; пол. *менсо*; русск. *пята*; чеш. *пата*; серб. *пета*; пол. *пента* и т. д.

Очевидно, что предки русскихъ, поляковъ, чеховъ и сербовъ, когда жили вмѣстѣ, составляли одинъ народъ и понимали другъ друга, произносили эти слова одинаково.

Какъ же они ихъ произносили? — произносили ли они *мята* или *мента* или *мета* или *мата?*

Можно думать, зная, какъ какой звукъ производится органами рѣчи, что предки-славяне, когда жили вмѣстѣ, произносили *ме*^{н}*та*, т.-е. они не произносили звука *н* послѣ *е*, но звукъ *е* произносили въ носъ. Такое носовое произношеніе звуковъ *о, е* имѣется и нынѣ въ польскомъ языкѣ, во французскомъ языкѣ.

Это *ме*^{н}*та* у однихъ славянъ, когда они ушли изъ своей старой родины въ новый край, стало произноситься просто—*мета*, у другихъ, измѣнилось въ *мя*^{н}*та*, т.-е. вмѣсто *е* стали произносить въ носъ звукъ *я*, а потомъ стали выговаривать это *я* не въ носъ, а чисто, такъ и получилось русское произношеніе—*мята*; то же было сперва и у чеховъ, а потомъ слогъ *мя* отвердѣлъ,—явилось *мата*.

Изъ приведеннаго примѣра мы видимъ, къ чему насъ приводитъ сравнительное изученіе языковъ. Изучая сравнительно родственные языки, мы опредѣляемъ, какой видъ имѣлъ тотъ языкъ, изъ котораго эти родственные произошли, какъ произносились въ немъ слова, какія въ немъ были формы. Изъ этого ясно, что и *сравнительное* изученіе есть въ сущности то же самое *историческое*, такъ какъ и тутъ мы стараемся опредѣлить давнее прошлое состояніе языка.

Древнее состояніе русскаго языка мы опредѣляемъ по рукописямъ, которыя дошли отъ этого древняго времени, а древнее

состояніе того языка, какимъ говорили славяне, когда были еще одинъ народъ, а не нѣсколько народовъ, это состояніе мы по памятникамъ (рукописямъ и надписямъ) опредѣлить не можемъ, такъ какъ отъ этого времени памятниковъ нѣтъ. Русскіе въ XI вѣкѣ послѣ Р. Хр. писали и оставили намъ свои рукописи, а въ тѣ времена, когда славяне всѣ жили вмѣстѣ, какъ одинъ народъ,—и чехи, и поляки, и сербы, и русскіе,—тогда и писать не умѣли.

О славянскомъ языкѣ того отдаленнаго времени, языкѣ-предкѣ современныхъ славянскихъ языковъ мы можемъ судить только съ помощью сравненія ихъ.

При сравнительномъ изученіи нѣсколькихъ родственныхъ языковъ также можно сравнивать ихъ звуки, или ихъ формы, или ихъ словарь, или ихъ синтаксисъ, т.-е. способы соединенія словъ и предложеній.

Напримѣръ, въ сравнительномъ словарѣ славянскихъ языковъ поставлены рядомъ всѣ русскія слова, происшедшія отъ корня *вид-: видѣть, видъ, видный, видѣніе*, всѣ польскія слова того же корня: *widzieć* (widzieć), *widok* (widok), *widny* (widny), чешскія слова того же корня *viděti* (viděti), *vidění* (vidění) и т. д.

Такой сравнительный словарь называется также *этимологическимъ*, потому что въ немъ выясняется этимологія словъ, т.-е ихъ *происхожденіе*. Такъ, распредѣляя слова по корнямъ, мы замѣчаемъ, что слово *вѣсть* происходитъ отъ корня *вѣд-* (вѣдать), слово *гусли* — одного корня со словами *гудѣть, погудка, гудокъ*, слово *ясли* — одного корня со словомъ *ѣсть, ядъ* (*ясли* — мѣсто, гдѣ кладутъ животнымъ ѣду).

Общее языковѣдѣніе.

Выше мы указали, что можно описывать одинъ какой-либо языкъ, можно слѣдить, какимъ онъ былъ въ прошломъ и какъ измѣнялся, можно сравнивать нѣсколько родственныхъ языковъ. Но это еще не все, чѣмъ занимается наука о языкѣ. Есть въ этой наукѣ особый отдѣлъ, очень важный, который называется *общимъ языковѣдѣніемъ*. Въ этомъ отдѣлѣ разсматривается не одинъ какой-нибудь языкъ, не одна какая-нибудь семья или группа языковъ; тутъ дѣло идетъ о томъ, какъ живетъ *языкъ вообще*, т.-е. *всякій языкъ, по какимъ причинамъ, отчего онъ измѣняется, въ чемъ состоитъ; какъ производятся звуки, отчего они измѣняются, отчего измѣняются формы, и отчего измѣняется значеніе словъ вообще.*

Въ этомъ отдѣлѣ изучается не то, чѣмъ одинъ языкъ отличается отъ другого, а то, въ чемъ сходятся всѣ языки, что между ними общаго. Здѣсь должно быть показано, *какъ произво-*

дятся звуки вообще, а не то, какіе звуки имѣются и имѣлись въ томъ или другомъ языкѣ; здѣсь же должно быть выяснено, *какъ и отчего возникаютъ языки и ихъ нарѣчія, какъ одинъ языкъ можетъ вліять на другой, сосѣдній; какъ и отчего языки вымираютъ, т.-е. исчезаютъ.*

Для того, чтобы мы полно и ясно понимали нашъ русскій языкъ, намъ нужно, съ одной стороны, познакомиться съ вопро сами общаго языковѣдѣнія, узнать, какъ живетъ языкъ вообще, а съ другой опредѣлить, какое мѣсто занимаетъ русскій языкъ среди иныхъ языковъ міра, узнать, откуда онъ происходитъ и какъ онъ жилъ.

Итакъ, въ слѣдующихъ статьяхъ мы выяснимъ сперва то общее въ русскомъ языкѣ, что есть во всѣхъ языкахъ, а потомъ выяснимъ, откуда взялось въ русскомъ языкѣ то русское, что отличаетъ его отъ другихъ языковъ, французскаго, нѣмецкаго и т. д.

III. Звуковая сторона рѣчи [1]).

Органы рѣчи, звукъ.

Звуковая рѣчь. Человѣческая рѣчь состоитъ изъ словъ, а каждое слово состоитъ изъ звуковъ, которые одинъ произноситъ, а другой слышитъ, т.-е. воспринимаетъ органами слуха. Звуки человѣческой рѣчи являются вслѣдствіе движенія такъ называемыхъ органовъ (т.-е. орудій) рѣчи.

Органы рѣчи. Эти органы рѣчи, участвующіе въ производствѣ звуковъ, слѣдующіе: 1) легкія съ дыхательнымъ горломъ; 2) гортань; 3) полость рта и полость носа.

Легкія, которыя прилегаютъ къ внутреннимъ стѣнкамъ грудной клѣтки, соединяются двумя вѣтвями съ дыхательнымъ горломъ; эти вѣтви называются *бронхами*. Дыхательное горло находится впереди пищевода.

Дыхательное горло заканчивается вверху гортанью. Воздухъ при дыханіи и при произношеніи звуковъ изъ легкихъ проходитъ чрезъ дыхательное горло и гортань, попадаетъ въ полость зѣва, затѣмъ чрезъ полость рта и полость носа выходитъ наружу (см. рис. 1).

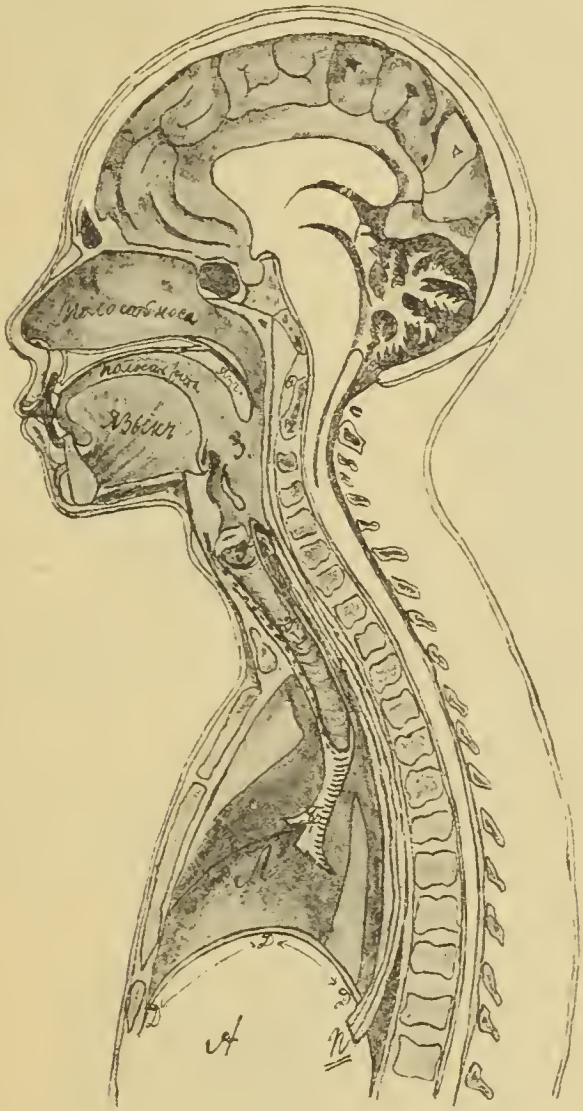
Чрезъ бронхи и дыхательное горло воздухъ проходитъ свободно, какъ при выдыханіи, такъ и при произношеніи. Но въ

[1]) См. томъ I (физика, ея отдѣлъ акустика) и томъ V (физіологія).

гортани струя воздуха при произношеніи можетъ встрѣтить препятствіе. Въ чемъ это препятствіе заключается?

Гортань. Гортань представляетъ соединеніе нѣсколькихъ хрящей, образующихъ одну хрящевую трубку.

Хрящи, изъ которыхъ состоитъ эта трубка, можно нащупать и пальцемъ, если вести имъ постепенно по шеѣ отъ подбородка



А. Брюшная полость.

Д. Грудобрюшная преграда.

Л. Правое легкое.

Бр. Бронхъ.

П. Пищеводъ.

Д.-г. Дыхательное горло.

Г. Гортань.

З. Полость зѣва.

Язч. Язычокъ.

Рис. 1.

внизъ; сперва палецъ нащупываетъ подъязычную кость, которая имѣетъ форму подковы и не принадлежитъ собственно къ гортани; затѣмъ нѣсколько ниже палецъ встрѣчаетъ хрящевой выступъ, который называется кадыкомъ или адамовымъ яблокомъ; это такъ называемый щитовидный хрящъ (имѣющій форму щита, см. рис. 3 и 3а); мы ощупываемъ ребро или уголъ, подъ которымъ соединены стѣнки щитовиднаго хряща. Еще ниже палецъ нащу-

пываетъ переднюю, узкую часть *перстневиднаго* хряща (см. рис. 4 и 4а), дѣйствительно имѣющаго форму перстня; широкая часть этого хряща находится сзади. Щитовидный хрящъ ребромъ своимъ стоитъ на узкой части перстневиднаго. На задней широкой части перстневиднаго хряща находятся два небольшихъ хрящика, имѣющихъ форму черпала: «черпаловидные» (см. рис. 5 и 5а).

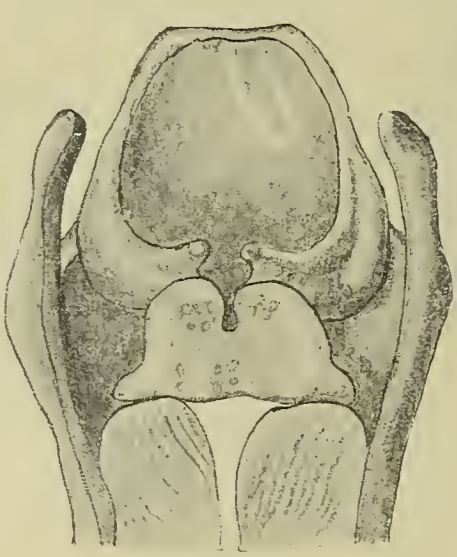


Рис. 2. Общій видъ гортани.

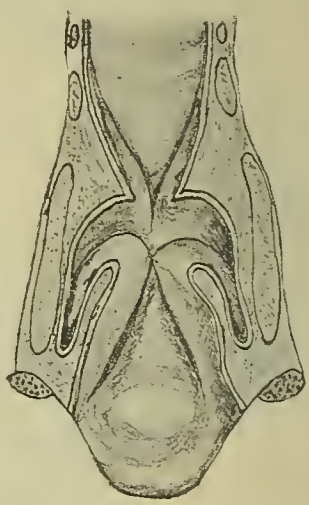


Рис. 2а. Гортань въ разрѣзѣ.

Соединеніе этихъ хрящей покрыто мускулами и слизистой оболочкой.

Черпаловидные хрящики мягче и подвижнѣе другихъ; при помощи особыхъ мускуловъ ихъ можно сближать вплотную и

Рис. 3. Щитовидный хрящъ спереди.

Рис. 3а. Щитовидный хрящъ сзади.

раздвигать. Въ этой подвижности и заключается ихъ важное значеніе: дѣло въ томъ, что отъ основаній этихъ хрящей, обращенныхъ другъ къ другу, тянутся горизонтально чрезъ гортань двѣ упругія связки; противоположные концы этихъ связокъ прикрѣплены рядомъ во внутреннемъ углу кадыка, т.-е.

щитовиднаго хряща. Эти связки называются *голосовыми связками*, а щель между ними—*голосовой щелью*.

Щитовидный хрящъ, или кадыкъ, можетъ напрягаться впередъ: сдѣлайте такое движеніе, какъ будто вы глотаете, и держите при этомъ пальцы на кадыкѣ, и вы убѣдитесь въ этой подвижности кадыка. Черпаловидные хрящики могутъ при этомъ оттягиваться назадъ.

Отъ этой подвижности хрящей зависитъ двоякое положеніе голосовыхъ связокъ: онѣ могутъ быть натянуты и сближены, и тогда воздухъ, выходя изъ легкихъ чрезъ дыхательное горло, вырываясь наружу, приводитъ ихъ въ дрожаніе; если же голо-

Рис. 4. Перстневидный хрящъ спереди.

Рис. 4а. Перстневидный хрящъ сзади.

совыя связки не натянуты, тогда голосовая щель открыта, и воздухъ выходитъ свободно въ полость рта.

Гортань сверху можетъ закрываться *надгортанникомъ*; это хрящъ, находящійся въ наклонномъ положеніи надъ гортанью. Когда мы глотаемъ, то онъ закрываетъ дыхательное горло, и пища вся идетъ въ пищеводъ; когда мы говоримъ, онъ приподнятъ, чтобы воздухъ могъ выходить изъ гортани. Вотъ почему, если во время

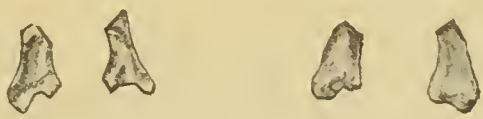


Рис. 5 и 5а. Черпаловидные хрящи (5—спереди, 5а—сзади).

ѣды начать говорить, то можно поперхнуться: чтобы сказать что-либо, мы подымаемъ надгортанникъ, и тогда крошки пищи попадаютъ въ дыхательное горло.

Полость рта и полость носа.

Въ голосовыхъ связкахъ струя воздуха, выходящая изъ легкихъ, можетъ встрѣтить первое препятствіе; отъ того, есть ли это препятствіе или нѣтъ, зависитъ характеръ звука. При произношеніи звука *с* голосовыя связки не колеблются, голосовая щель открыта; при звукѣ *з* голосовая щель закрыта, и связки дрожатъ; въ этомъ легко убѣдиться: приложите пальцы къ кадыку и произносите

сперва *с*, затѣмъ *з*; при второмъ вы замѣтите слабое отраженіе дрожанія голосовыхъ связокъ. Однако положеніе голосовой щели не объясняетъ всѣхъ различій, какія существуютъ между звуками человѣческой рѣчи. Струя выдыхаемаго воздуха, выйдя изъ гортани, попадаетъ въ полость зѣва, гдѣ она раздваивается; съ одной стороны, воздухъ идетъ чрезъ полость рта, съ другой— чрезъ полость носа. Полость носа находится надъ полостью рта. Ихъ раздѣляетъ нёбо. При этомъ мягкое нёбо заканчивается подвижной мягкой частью, которая называется язычкомъ. Этотъ язычокъ самъ можетъ колебаться, но обыкновенно этотъ язычокъ находится въ состояніи покоя. Значеніе его въ рѣчи заключается въ томъ, что онъ или 1) виситъ между задней спинкой языка и задней стѣнкой зѣва, или же 2) примыкаетъ къ задней стѣнкѣ зѣва.

Когда мы не говоримъ, а лишь дышимъ, язычокъ находится въ первомъ положеніи, воздухъ проходитъ одновременно чрезъ ротъ и носъ; въ такомъ же положеніи язычокъ, если мы произносимъ *н* или *м*; но если мы произносимъ *а*, *б*, *в*, *г* и др. звуки, то язычокъ находится во второмъ положеніи, т.-е. онъ отодвигается и плотно примыкаетъ къ задней стѣнкѣ зѣва, такъ что воздуху остается одинъ лишь выходъ: чрезъ полость рта.

Полость рта находится между верхней неподвижной и нижней подвижной челюстью; ее мы можемъ осмотрѣть въ зеркало, открывъ ротъ.

Сверху: верхняя губа, верхніе зубы, верхнія десны, затѣмъ твердое нёбо, далѣе назадъ мягкое нёбо, оканчивающееся язычкомъ. Границу между твердымъ и мягкимъ нёбомъ можно ощупать пальцемъ.

Снизу: нижняя губа, нижніе зубы съ ихъ деснами, языкъ— мягкая масса, состоящая изъ мускуловъ, очень гибкая, способная принимать самыя разнообразныя положенія.

Всѣ эти части полости рта могутъ принимать различную форму: губы могутъ быть округлены или сжаты, зубы могутъ быть сомкнуты, языкъ можетъ подниматься вверхъ то въ передней своей части, то въ средней, то въ задней; онъ можетъ подниматься до полнаго примыканія къ нёбу, а затѣмъ опускаться мгновенно, вслѣдствіе чего воздухъ, выходящій изъ гортани, встрѣчаетъ вдругъ препятствіе, а затѣмъ мгновенно выходитъ изо рта, когда языкъ опустится. Языкъ можетъ также подниматься къ небу такъ, что остается болѣе или менѣе узкая щель, чрезъ которую воздухъ и выходитъ. Конецъ языка можетъ примыкать къ зубамъ или къ верхнимъ деснамъ, примыкать болѣе или менѣе плотно.

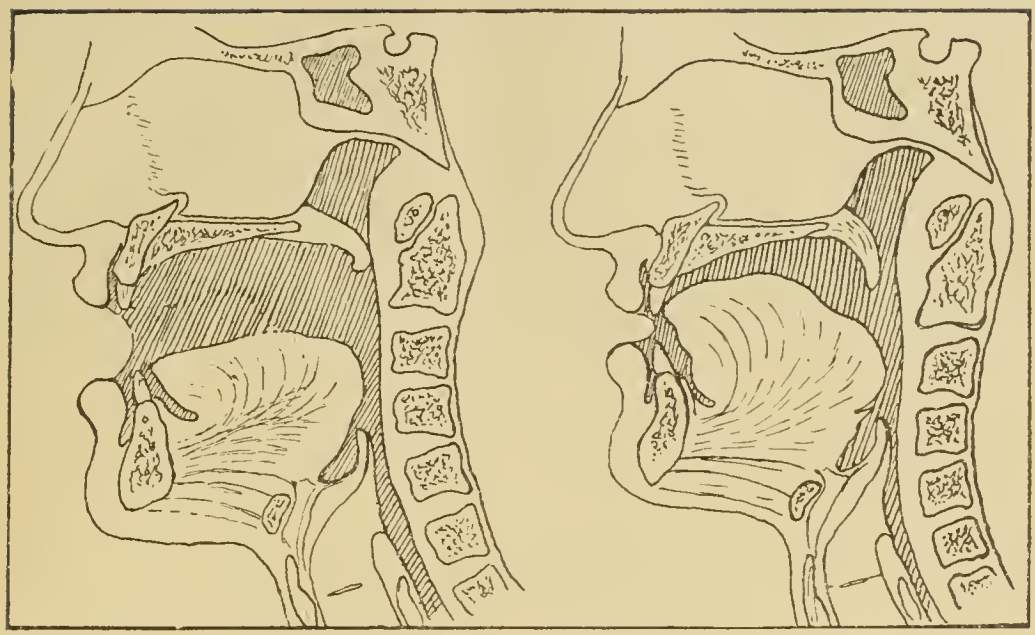


Рис. 6.

Эти различныя положенія языка, губъ, зубовъ и объясняютъ тѣ различія, которыя существуютъ между звуками человѣческой рѣчи: *а*, *б*, *в*, *г*, *д*, *з*, *т*, *к* и т. д.

Описавъ устройство органовъ человѣческой рѣчи, обратимся къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ звуковъ ея, къ разсмотрѣнію условій, среди которыхъ звуки эти возникаютъ.

Звукъ. Колебанія воздуха воспринимаются ухомъ какъ *звукъ*. Колебанія какого-нибудь тѣла, напримѣръ, струны, приводятъ въ колебательное движеніе окружающій воздухъ, вызывая въ немъ звуковыя волны, т.-е. поперемѣнныя сгущенія и разрѣженія воздуха. Эти звуковыя волны приводятъ въ колебательное движеніе барабанную перепонку уха; колебанія послѣдней вызываютъ извѣстное раздраженіе слуховыхъ нервовъ, которое и есть слуховое ощущеніе, ощущеніе звука.

Музыкальный звукъ и шумъ. Колебанія тѣла могутъ быть различныя, а отсюда могутъ быть различны и звуковыя волны, а слѣдовательно, различны могутъ быть и слуховыя ощущенія этихъ звуковыхъ волнъ. Тѣло, которое производитъ звуковыя волны, можетъ колебаться быстро и притомъ *ритмически*: ритмическими колебаніями называются колебанія, которыя повторяются въ небольшіе равные промежутки времени совершенно одинаково. Существуетъ аппаратъ, при помощи кото-

раго звуковыя волны можно записывать: форма звуковыхъ волнъ отражается въ этомъ аппаратѣ на движеніяхъ рычажка, который своимъ острымъ концомъ чертитъ на закопченной бумагѣ волнообразную линію.

Если звуковыя волны ритмическія, т.-е. представляютъ *правильную* смѣну сгущенія и разрѣженія воздуха, то и запись рычажка даетъ правильное повтореніе одинаковыхъ изгибовъ: см. 7 рис. и 8 рис. (см. т. I, Физика).

При такихъ *ритмическихъ* колебаніяхъ тѣла, производящаго звуковыя волны, нашъ слухъ получаетъ ощущеніе *музыкальнаго*

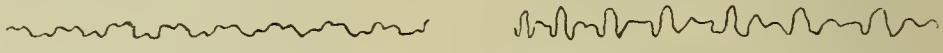


Рис. 7 и 8.

звука (необходимо, однако, чтобы эти ритмическія колебанія были достаточно быстрыми). Если движенія колеблющагося тѣла *неритмическія*, т.-е. представляютъ неправильную смѣну сгущеній и разрѣженій воздуха, то запись рычажка на закопченой бумагѣ дастъ волнообразную форму неправильной формы; звуковыя волны, производимыя такимъ неритмическимъ колебаніемъ, производятъ на нашъ слухъ иное впечатлѣніе, воспринимаются нами, какъ *шумы*.

Сила звука.

Отъ того, являются ли колебанія періодическими или нѣтъ, зависитъ музыкальность звука или шумовой характеръ его; но колебанія звучащаго тѣла могутъ отличаться не только по періодичности; они отличаются,

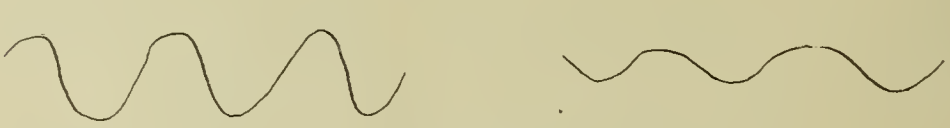


Рис. 9.

напримѣръ, по *длинѣ*, т.-е. *по величинѣ размаховъ*; отъ величины размаховъ зависитъ сила звука: чѣмъ больше размахъ, тѣмъ звукъ сильнѣе. Смотрите на струну гитары, которая колеблется и издаетъ звукъ; чѣмъ сильнѣе вы дернете струну, тѣмъ шире будетъ размахъ въ ея колебаніяхъ и тѣмъ сильнѣе, громче звукъ;

эту большую или меньшую широту размаха можно замѣтить простымъ глазомъ. Если записать при помощи особаго аппарата звуковое колебаніе, то болѣе сильный звукъ дастъ (рис. 9) лѣвую запись, а болѣе слабый звукъ дастъ правую запись.

Высота звука. Далѣе колебанія звучащаго тѣла могутъ быть болѣе быстрыми и менѣе быстрыми. Отъ *быстроты* колебаній зависитъ высота звука: болѣе быстрыя колебанія даютъ болѣе короткія воздушныя волны и болѣе высокій звукъ; менѣе быстрыя колебанія даютъ болѣе длинныя волны и болѣе низкій звукъ. Если взять струну, то быстрота колебаній ея будетъ зависѣть отъ того, насколько струна натянута и отъ того, какова

1. Болѣе короткія воздушныя волны по записи рычажка.

2. Болѣе длинныя волны по записи рычажка.

Рис. 10.

длина той ея части, которая колеблется; при одинаковомъ напряженіи струны, звукъ будетъ тѣмъ выше, чѣмъ струна короче.

Наши голосовыя связки подобны струнамъ: чѣмъ короче онѣ и чѣмъ больше натянуты, тѣмъ быстрѣе колеблются, и тѣмъ выше звукъ. Такъ какъ у женщинъ и дѣтей голосовыя связки короче и тоньше, чѣмъ у мужчинъ, то голосъ женщинъ и дѣтей выше, голосъ мужчинъ ниже.

Тембръ. Кромѣ силы и высоты, звуки отличаются одинъ отъ другого и по *тембру*, т.-е. по окраскѣ или характеру. Эту окраску каждый изъ насъ легко подмѣчаетъ слухомъ: можно взять одну и ту же ноту на скрипкѣ и на піанино; по высотѣ и по силѣ обѣ ноты могутъ быть одинаковы, но, тѣмъ не менѣе, обѣ произведутъ неодинаковое впечатлѣніе на нашъ слухъ, мы ясно почувствуемъ различіе между ними. На чемъ оно основано?

Основано оно на томъ, что каждый звукъ представляетъ не простой по своему составу тонъ, а сложный, состоящій изъ *основного*, наиболѣе сильнаго тона, и множества побочныхъ тоновъ. Высота всего сложнаго звука опредѣляется высотой основного, самаго сильнаго тона; но побочные тоны, входящіе въ составъ звука, могутъ быть неодинаковы въ скрипкѣ и въ человѣческомъ голосѣ. Эти побочные тоны, входящіе въ звукъ, и ихъ сравнительная сила и опредѣляютъ окраску звука, или его *тембръ*.

И основной тонъ, и его побочные тоны находятся въ извѣстномъ правильномъ отношеніи другъ къ другу по числу колебаній; если основной тонъ получается отъ 200 колебаній въ секунду, то число колебаній побочныхъ тоновъ должно быть больше въ два, три, четыре, пять разъ и т. д. Это правильное отношеніе и объясняетъ то, что вмѣстѣ они даютъ одинъ тонъ. Скажемъ, извѣстный звукъ состоитъ изъ основного тона въ 200 колебаній, побочные къ нему тоны будутъ представлять 400, 600, 800, 1000 колебаній въ секунду и т. д.

При этомъ въ одномъ инструментѣ въ этомъ звукѣ сильнѣе звучатъ побочные тоны въ 400, 600, 800 колебаній, а остальные слабы, въ иномъ инструментѣ, наоборотъ, сильнѣе побочные тоны въ 1000, 1200, 1400 колебаній. Эти-то различія въ силѣ побочныхъ тоновъ и опредѣляютъ тембръ звука, или его окраску.

IV. Звуковая сторона рѣчи.

Звуки рѣчи, ихъ главные виды. Гласные.

Звуки рѣчи. Въ звукахъ человѣческой рѣчи можно найти всѣ тѣ различія, какія можно установить между звуками вообще. Человѣческій аппаратъ рѣчи, т.-е. вся совокупность орудій (органовъ) рѣчи: зубы, языкъ, голосовыя связки, язычокъ, зубы,—представляетъ своеобразный духовой инструментъ.

Звуки, которые этотъ инструментъ производитъ, могутъ различаться по силѣ (громче, тише), по высотѣ тона, по тембру (у разныхъ людей), наконецъ, по тому, представляютъ ли они отчасти музыкальный звукъ, или только шумъ.

Для языка, т.-е. для сообщенія мыслей сила звуковъ и высота ихъ имѣетъ меньше значенія. Конечно, нѣкоторое значеніе имѣютъ и эти стороны звука; если я скажу обычнымъ голосомъ: *тише*, то слово это будетъ имѣть не вполнѣ то же значеніе, какое оно имѣетъ, если я скажу его втрое громче; въ первомъ случаѣ, когда я скажу это слово обычнымъ голосомъ, дѣти могутъ и не послушаться; если я то же слово произнесу гораздо громче, дѣти поймутъ его, не только какъ приказаніе, но и какъ опасность для нихъ быть наказанными. Или: слово *что* можетъ быть произнесено обычнымъ тономъ и обозначать лишь желаніе узнать нѣчто; но это же *что* можно произнести болѣе высокимъ тономъ, и тогда оно обозначаетъ не только вопросъ, но и удивленіе говорящаго.

Но эти оттѣнки, эти отличія рѣчи, которыя зависятъ отъ силы звука или отъ высоты его, менѣе важны, второстепенны.

Основное значеніе слова *тише* останется одно и то же, какъ бы я его ни произносилъ, громко или не громко.

Самое важное различіе звуковъ въ рѣчи—это то различіе, которое отличаетъ звукъ *а* отъ звука *б*, *в* отъ *г*; *и* отъ *у* и т. д., эти различія и дѣлаютъ возможнымъ, соединяя различные звуки, получать слова, которыя обозначаютъ различные предметы, различныя понятія человѣка о предметахъ.

Эти различія между звуками зависятъ прежде всего отъ того, является ли звукъ *а*, *б*, *в*, *п*, *т* и т. д. только шумомъ или и музыкальнымъ звукомъ, открыта голосовая щель или закрыта, т.-е. звучатъ голосовыя связки, или нѣтъ.

Участіе голоса въ звукахъ рѣчи.

Въ этомъ отношеніи всѣ звуки человѣческой рѣчи можно раздѣлить на двѣ большихъ группы. Въ первой группѣ находятся тѣ звуки, которые мы называемъ *гласными*: *а*, *о*, *у*, *э*, *ы*, *и*, а также и нѣкоторые изъ звуковъ, которые у насъ называются согласными, а именно звонкіе согласные: *б*, *в*, *г*, *д*, *ж*, *з*, *л*, *м*, *н*, *р*; всѣ эти звуки произносятся при участіи голоса, т.-е. при нихъ голосовыя связки дрожатъ. Другую группу составляютъ звуки, при которыхъ голосовая щель открыта, голосовыя связки не дрожатъ: это такъ называемые глухіе согласные: *п*, *ф*, *к*, *т*, *ш*, *с*, *х*. Произнесите *а* и *б* или *о*, *д* съ плотно закрытыми ушами: въ ушахъ у васъ будетъ отдаваться дрожаніе голосовыхъ связокъ; при *т* или *п*, *к*—этого не будетъ.

Участіе шума въ звукахъ рѣчи.

Шумъ, который является при неритмическихъ колебаніяхъ воздуха, входитъ во всякій звукъ человѣческой рѣчи. Поэтому разница между звуками *а*, *б*, *в*, *г*, *д* и т. д., съ одной стороны, и звуками *п*, *т*, *к*, *ф*—съ другой, состоитъ въ слѣдующемъ: въ звукахъ *а*, *б*, *в*, *г*, *д* имѣется соединеніе музыкальнаго звука съ шумомъ, а въ *п*, *т*, *к*, *ф*—только шумы.

Происхожденіе шумовъ.

Откуда являются шумы въ звукахъ *а*, *б*, *в*, *г*, *д* и т. д., т.-е. въ гласныхъ и звонкихъ согласныхъ? Звуковыя волны, выходя изъ гортани, проходятъ чрезъ полость зѣва и полость рта, наполненную воздухомъ; звучащій токъ воздуха, выходя изъ гортани, производитъ въ этой полости (зѣва и рта) такъ сказать сотрясеніе, приводитъ воздухъ этой полости въ самостоятельныя колебанія, эти самостоятельныя колебанія и суть шумы, которые примѣшиваются къ каждому звуку человѣческой рѣчи.

Такіе шумы есть и въ звукѣ *а*, и въ звукѣ *о*, и въ звукѣ *б*. Только въ этихъ звукахъ они *слабые*, не такъ замѣтны, какъ въ согласныхъ *с*, *ф*, *ш*, *к*.

Чтобы убѣдиться, что гласные *а, о, и, е, у, ы* состоятъ не изъ одного только голоса, т.-е. являются не только вслѣдствіе дрожанія голосовыхъ связокъ, произнесите эти гласные шопотомъ; при слабомъ шопотѣ голосовая щель нѣсколько раскрыта, голоса нѣтъ, т.-е. нѣтъ колебанія голосовыхъ связокъ; однако нельзя сказать, что мы при шопотѣ не различаемъ гласныхъ *а, о, и;* а если мы ихъ различаемъ, то почему? — потому, что гласный *а* имѣетъ свои характерные шумы, *и*—свои, *о*—свои.

Такимъ образомъ, если гласный *а* или согласный *б* отличаются отъ согласнаго *п, т* тѣмъ, что въ первыхъ есть голосъ, а во вторыхъ нѣтъ, то между собой *а* и *б, а* и *о, у* и *и, п* и *т, к* и *х*—между собой они отличаются качествомъ шумовъ.

Это различіе въ качествѣ шумовъ объясняется различной формой, какую имѣетъ полость рта при произношеніи звуковъ: при гласномъ *у* поднимается вверхъ къ мягкому нёбу *задняя* часть языка; при *и*—*передняя*; заложите палецъ въ ротъ и произносите сперва *у*, затѣмъ *и*,—вы замѣтите, какъ мѣняетъ свою форму языкъ.

Вслѣдствіе этого полость рта при различныхъ звукахъ имѣетъ различную форму.

При одной формѣ полости рта возникаютъ шумы одного характера, при другой формѣ—шумы иные.

Различіе между гласными и согласными.

Если шумы входятъ въ составъ какъ гласныхъ, такъ и согласныхъ, а согласные могутъ, какъ и гласные, производиться при участіи голоса *(б, в, г, д)*, то ясно, что вполнѣ точной границы между гласными и согласными провести нельзя. Поэтому въ наукѣ о языкѣ скорѣе можетъ быть принято другое дѣленіе звуковъ человѣческой рѣчи: на 1) *сонорные* звуки и 2) *шумные* звуки (латинское sonorus—сонорус значитъ: звонкій, звучный). Если въ звукѣ преобладаетъ шумъ, то онъ шумный, если преобладаетъ музыкальный звукъ голоса, который является отъ дрожанія голосовыхъ связокъ, а шумъ слабѣе, то звукъ—сонорный. Съ этой точки зрѣнія въ одну группу (сонорныхъ) можно отнести всѣ гласные *(а, о, и, у, ы, е);* въ другую (шумныхъ) всѣ согласные: *н, ф, с, т, к, х* и *б, в, г, д, ж, з;* въ этихъ послѣднихъ *(б, в, г, д, ж, з)* хотя и есть голосъ, но шумъ все же сильнѣе. Такъ называемые согласные *л, р, м, н* нужно отнести скорѣе къ сонорнымъ, чѣмъ къ шумнымъ, т.-е. соединить съ гласными.

Это особенно ясно не изъ русскаго, а изъ другихъ языковъ, напр.: въ сербскомъ языкѣ въ словѣ *срб* (что значитъ *сербъ*) *р* произносится, какъ гласный, замѣняетъ его; такъ же произносится въ чешскомъ языкѣ *л* въ словѣ *влк* (vlk—волкъ).

Раздѣленіе гласныхъ.

Принимая во вниманіе, участвуетъ ли въ звукѣ *голосъ* (колебаніе голосовыхъ связокъ), мы можемъ раздѣлить звуки рѣчи на *голосные* (гласные и *б, г, д, з*) и безголосные (*п, т, к, с*), а по тому, что въ звукахъ рѣчи преобладаетъ—шумъ или музыкальный звукъ, мы можемъ раздѣлить ихъ на *сонорные* (звучные) и *шумные*. Но такое раздѣленіе будетъ неполнымъ; дальнѣйшее раздѣленіе звуковъ рѣчи можно произвести, принимая во вниманіе, гдѣ они образуются, т.-е. въ какомъ положеніи находятся при ихъ произношеніи органы рѣчи.

Такъ, согласные, относящіеся къ числу сонорныхъ звуковъ (такихъ, въ которыхъ музыкальный звукъ преобладаетъ надъ шумомъ), различаются по тому, какая часть языка поднимается къ нёбу, образуя суженіе въ полости рта; важно также, какъ высоко она поднимается; отъ того и другого зависитъ, какую форму получаетъ при этомъ полость рта, а слѣдовательно, и то, какіе шумы возникаютъ при этомъ; въ этомъ же послѣднемъ и заключается отличіе однихъ гласныхъ отъ другихъ.

Если поднимается задняя часть языка къ мягкому нёбу, то получается тотъ звукъ, который мы произносимъ, когда читаемъ букву *а*, напримѣръ, въ словѣ *баба*.

Приподнявъ нѣсколько больше ту же заднюю часть языка и округливъ нѣсколько губы, получимъ *о*, напримѣръ, въ словѣ *около*. Приподнимемъ эту же заднюю часть языка еще выше, и получимъ *у*.

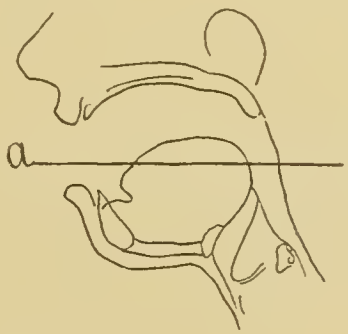


Рис. 11.

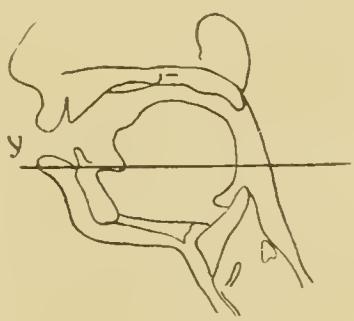


Рис. 12.

Всѣ эти три звука: гласные *а, о, у* называются *задненёбными* или *мягконёбными*, такъ какъ суженіе между нёбомъ и языкомъ происходитъ въ *задней* части полости рта, гдѣ находится *мягкое* нёбо.

Различіе между ними заключается въ степени подъема языка: звукъ *а*—задненёбный *низкій*, *о*—*средній*, *у*—*высокій*. Произносите, заложивъ въ ротъ палецъ, сперва *а*, затѣмъ *о*, наконецъ *у*, и вы

замѣтите, что при *о* подъемъ языка выше, чѣмъ при *а*, а при *у* выше, чѣмъ при *о*.

Рядомъ съ гласными задненёбными существуютъ гласные *средненёбные*: они образуются подъемомъ *средней* части языка къ задней части твердаго нёба или къ срединѣ между твердымъ и мягкимъ нёбомъ. Средненёбные гласные тоже могутъ быть низкими, средними и высокими по степени подъема языка. Такъ, средненёбнымъ гласнымъ съ высокимъ подъемомъ является нашъ русскій гласный *ы*.

Если при образованіи гласнаго поднимается передняя часть языка къ твердому нёбу, то гласные называются передненёбными.

Передненёбные гласные тоже могутъ быть съ низкимъ положеніемъ языка, т.-е. весьма незначительнымъ подъемомъ, со среднимъ подъемомъ и съ высокимъ подъемомъ.

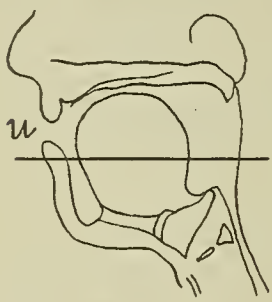


Рис. 13.

При низкомъ положеніи языка произносится передненёбный гласный *я* въ словѣ *вялый* и т. п., при среднемъ подъемѣ звукъ *е*, напримѣръ, въ словѣ *этотъ*; при высокомъ подъемѣ языка произносится передненёбный гласный *и*.

Положеніе языка при *и* см. рис. 13.

Тѣ гласные, которые указаны выше, далеко не представляютъ всѣхъ гласныхъ звуковъ, которые существуютъ въ различныхъ языкахъ. Это только *главныя возможности*, *типы* гласныхъ.

Мы различаемъ людей высокихъ и малаго роста, блондиновъ и брюнетовъ, толстыхъ и худыхъ. Это только *типы* людей, главныя возможности: вѣдь не всѣ блондины одинаковы, не всѣ высокіе—одинаково высокаго роста и не всѣ толстые одинаково толсты. Въ типѣ высокаго роста можно различать очень высокихъ, менѣе высокихъ, немного выше средняго роста. Блондинъ можетъ быть свѣтло-каштановаго цвѣта волосъ, бѣлокураго, льняного, рыжеватаго. Точно такъ же и звуки: въ живомъ языкѣ есть не одно только *а*, не одно *о*, не одно *и*; есть *а* очень низкое, есть *а* нѣсколько болѣе высокое, есть *а*, которое очень близко подходитъ уже къ *о*, или, иначе говоря, есть звуки, средніе между *а* и *о*; есть также звукъ, средній между *е* и *и*: при *е* передняя часть языка поднята меньше, чѣмъ при *и*, но въ живомъ языкѣ подъемъ языка въ передней части можетъ быть средній между *е* и *и*, т.-е. можетъ быть звукъ, средній между *е* и *и*. И среднихъ можетъ быть много, т.-е. переходовъ между *е* и *и* можетъ быть цѣлый рядъ.

Такимъ образомъ, кромѣ главныхъ типовъ гласныхъ, которые обозначаются буквами *а, о, е, и, ы, у, я*, въ языкѣ живомъ существуетъ много разновидностей, много оттѣнковъ звуковъ, какъ много разновидностей существуетъ между блондинами.

Да и главные типы или виды звуковъ не всѣ представлены въ каждомъ языкѣ, напримѣръ, въ русскомъ. Напримѣръ, въ русскомъ языкѣ есть *е* передненёбное, т.-е. звукъ, который является при среднемъ подъемѣ *передней* части языка, но нѣтъ звука, который образуется среднимъ подъемомъ *средней* части языка и тоже обозначается буквой *е*—въ нѣмецкомъ языкѣ. Также звукъ, похожій на наше русское *а*, можетъ явиться, если чуть поднимать *среднюю* часть языка, а наше русское *а*—заднее т.-е., образуется при легкомъ подъемѣ *задней* части языка. Средненёбное *а* (подъемъ средней части языка), напримѣръ,—въ польскомъ языкѣ.

Всѣ вышеуказанные гласные, къ какому бы типу они ни принадлежали по мѣсту и степени подъема языка, могутъ отличаться еще въ другихъ отношеніяхъ.

Носовые гласные. Каждый изъ гласныхъ: *а, о, у, и, ы, е* можетъ быть *чистымъ* и *носовымъ*. При нашихъ гласныхъ: *а, о, у, и, е, ы* язычокъ закрываетъ входъ изъ полости зѣва въ полость носа, весь воздухъ выходитъ изо рта; наши гласные—*чистые*. Если язычокъ виситъ свободно и часть воздуха проходитъ чрезъ носъ, то получаются *носовые* гласные. Въ русскомъ языкѣ нѣтъ носовыхъ гласныхъ. Они есть во французскомъ, въ польскомъ языкѣ. Французское «bon» произносится какъ *бо*^{н}, т.-е. *о* произносится въ носъ.

Положеніе губъ. Затѣмъ гласные могутъ произноситься при различномъ положеніи губъ: при *и, е, а, ы* губы находятся въ обычномъ положеніи, не суживаютъ то отверстіе, которое образуется зубами; при *о, у* губы суживаютъ эту щель, округляются,—при *о* меньше, при *у* больше. Это легко замѣтить: смотрите на свои губы въ зеркало и произносите сперва *а*, потомъ *о*, затѣмъ *у*.

Тѣ гласные, которые произносятся съ округленіемъ губъ, называются *лабіализованными:* labia, т.-е. *лабіа*, по-латыни значитъ губы, *лабіалис*—значитъ губной. Въ русскомъ языкѣ только *о* и *у*, т.-е. только *задненёбные* гласные произносятся при округленіи губъ, но въ другихъ языкахъ лабіализованными могутъ быть и другіе гласные: напримѣръ, въ нѣмецкомъ языкѣ есть мягкое лабіализованное *ö* и такое же *ü* (нѣмцы пишутъ *ö, ü*; двѣ точки обозначаютъ мягкость); эти звуки представляютъ *не то*, что у насъ обозначается буквами ё (нёсъ, нёбо) и *ю* (нюхъ, юбка);

наши *ё, ю* суть согласный йотъ, т.-е. тотъ согласный, который слышится послѣ *а* въ словахъ *край, чай*, и затѣмъ *о, у*, т.-е. гласные *задненёбные* (съ подъемомъ задней части языка), а нѣмецкое *ö* есть приблизительно гласный *е*, произносимый при округленіи губъ, какое нужно для *о*; нѣмецкій *ü (ÿ)* это—гласный *и (і)*, произносимый при округленіи губъ, какое нужно для *у*. Только при *ö* языкъ имѣетъ положеніе, немного болѣе заднее и немного болѣе низкое, чѣмъ при *е* (средненёбномъ); а при *ÿ* (*ü* по-нѣмецки) языкъ немного ниже и дальше назадъ поднимается, чѣмъ при *и (і)*. Но все же въ общемъ эти *ö* и *ÿ* можно опредѣлить такъ: *ö* по положенію языка есть звукъ *е*, а по положенію губъ—*о*; *ÿ (ü)* есть по положенію языка гласный *и (і)* а по положенію губъ—*у;* слѣдовательно, это звуки средніе между *е* и *о*, *и* и *у*, въ извѣстномъ смыслѣ.

Напряженные гласные.

Наконецъ, есть еще одно различіе между гласными: они могутъ быть *напряженными* и *ненапряженными*; это значитъ, что при томъ подъемѣ языка, какой нуженъ для звука *и*, мышцы языка могутъ быть менѣе и болѣе напряжены; при большей напряженности, обыкновенно, языкъ является и болѣе выпуклымъ, такъ что въ силу напряженности щель, чрезъ которую проходитъ воздухъ, становится чуть уже, подъемъ языка—чуть выше. Различіе между напряженнымъ и ненапряженнымъ гласнымъ очень тонкое, и чтобы его улавливать ухомъ, нужно долгимъ упражненіемъ развить свой слухъ.

Каждый гласный можетъ быть напряженнымъ и ненапряженнымъ (такъ сказать вялымъ), но не во всѣхъ языкахъ есть оба оттѣнка при каждомъ гласномъ.

V. Звуковая сторона рѣчи.

Согласные. Сонорные р, л, м, н.

Согласные.

Согласными мы называемъ такіе звуки, въ которыхъ шумъ сильнѣе, чѣмъ музыкальный звукъ, или музыкальнаго звука нѣтъ совсѣмъ. Музыкальный звукъ наше ухо воспринимаетъ тогда, когда колебаніе звучащаго предмета—ритмическое, правильно повторяющееся; шумъ возникаетъ при неритмическомъ колебаніи. Дрожаніе голосовыхъ связокъ—ритмическое, оно даетъ музыкальный звукъ. Но даже въ такихъ согласныхъ, какъ *б, в, г, д*, при которыхъ голосовыя связки дрожатъ, сильнѣе—шумъ, возникающій отъ неритмическаго колеба-

нія воздуха въ полости рта; этотъ воздухъ приводится въ колебаніе выходящей изъ гортани струей воздуха. Шумъ при согласномъ *б* не тотъ, что при согласномъ *д*, оттого мы ихъ и различаемъ. Это различіе въ шумѣ, какъ и при гласныхъ, зависитъ отъ положенія губъ, зубовъ, языка, отъ того, въ чемъ заключается препятствіе, которое встрѣчаетъ струя воздуха, выходящая изъ гортани.

Взрывные согласные.

Препятствіе это можетъ заключаться въ томъ, что въ томъ или другомъ мѣстѣ въ полости рта образуется затворъ, смыканіе органовъ рѣчи, напримѣръ, губъ или языка и нёба. Затворъ этотъ уничтожается напоромъ выходящей струи воздуха; происходитъ какъ бы *взрывъ*, поэтому согласные, которые получаются при такихъ условіяхъ, называются *взрывными*. Они называются также мгновенными, потому что взрывъ этотъ—мгновенный.

Губной взрывъ.

Затворъ и взрывъ можетъ быть губнымъ, зубнымъ и нёбнымъ. Если мы плотно сомкнемъ губы и затѣмъ моментально раскроемъ ихъ, то получится губной взрывной *п;* голосовая щель при этомъ открыта, голосовыя связки не напряжены и не дрожатъ; если же онѣ дрожатъ, то къ тому же губному взрыву присоединяется голосъ, музыкальный звукъ, и тогда получается согласный *б:* итакъ, звукъ *п* представляетъ собой только шумъ, происходящій отъ губного взрыва, отъ мгновеннаго раствора сомкнутыхъ губъ напряженной струей воздуха; звукъ *б* есть тотъ же шумъ+(плюсъ) еще музыкальный звукъ.

Зубной взрывъ.

Если преграда выходу воздуха изо рта образуется вслѣдствіе того, что конецъ языка примыкаетъ плотно къ зубамъ или къ верхней деснѣ, то получается *зубной* затворъ или дёсенный,—*альвеолярный* (альвеолы — дёсны), а съ раскрытіемъ его, съ прекращеніемъ этого смыканія—получается зубной или дёсенный взрывной согласный. Отношеніе между *т* и *д* такое же, какое между *п* и *б:* при *т*, какъ и при *п* голосовыя связки не натянуты, не колеблются, при *д* колеблются, и потому къ шуму отъ зубного взрыва прибавляется голосъ, музыкальный звукъ.

Нёбный взрывъ.

Если преграда выходу воздуха изъ полости рта образуется смыканіемъ языка и нёба, то при устраненіи этой преграды является язычно-нёбный взрывъ, язычно-нёбные взрывные согласные. Произнесите *к, г* съ заложеннымъ въ ротъ пальцемъ, и вы убѣдитесь, что спинка языка при этомъ сперва плотно примыкаетъ къ нёбу, а затѣмъ мгновенно отходитъ отъ него. Отношеніе *к* къ *г* при этомъ остается то же, что и отношеніе **п, т** къ *б, д*: при *к* нѣтъ колебанія голосовыхъ свя-

зокъ, при *г* есть; *к* есть только шумъ отъ нёбнаго взрыва, *г*—шумъ, соединенный съ голосомъ, съ музыкальнымъ звукомъ.

Длительные. Согласные.

Всѣ разсмотрѣнные согласные: *п, б, т, д, к, г*—происходятъ отъ взрыва, отъ полнаго прегражденія выхода воздуху и затѣмъ мгновеннаго устраненія этой преграды.

Но согласные возникаютъ и тогда, когда полнаго смыканія между органами рѣчи нѣтъ, а есть только сильное сближеніе; воздухъ можетъ выходить, но при этомъ встрѣчается затрудненіе, состоящее въ сильномъ суженіи прохода.

При такомъ суженіи органовъ рѣчи получается сильное треніе выходящаго воздуха о края узкаго прохода, а отсюда и шумъ, настолько сильный, что онъ преобладаетъ и тогда, когда голосовыя связки при этомъ звучатъ, даютъ музыкальный звукъ.

Губное суженіе.

Суженіе можетъ происходить въ тѣхъ же мѣстахъ, въ которыхъ и полный затворъ. Мы видѣли, что затворъ и взрывъ можетъ быть губнымъ, зубнымъ и нёбнымъ; такъ же и суженіе можетъ быть губнымъ, зубнымъ и нёбнымъ. При губномъ суженіи получается *в* и *ф*: если голосовыя связки звучатъ, то—*в*, если не звучатъ, то—*ф*.

Собственно при нашемъ русскомъ литературномъ *в* и *ф* узкая щель образуется между нижней губой и зубами въ силу сближенія нижней губы и зубовъ (произносите эти звуки предъ зеркаломъ); поэтому наше *в*, *ф* правильнѣе назвать губо-зубными. Но въ различныхъ языкахъ существуетъ и чисто губное *в* и *ф*, при которомъ узкая щель для выхода воздуха образуется сближеніемъ обѣихъ губъ.

Зубное суженіе.

Въ соотвѣтствіи зубному затвору существуетъ зубное суженіе: воздухъ проходитъ чрезъ узкую щель между зубами и концомъ языка и получается *с* или *з*: *с*, когда голосовыя связки не звучатъ, *з*—когда онѣ звучатъ. Къ зубнымъ *с* и *з*, которые называются «свистящими», близки по мѣсту образованія такъ называемые «шипящіе» *ш* и *ж* (*ж* звонкій, *ш* глухой); при произношеніи этихъ согласныхъ передняя часть языка поднимается къ деснамъ, такъ что между ними остается узкая щель, чрезъ которую проходитъ воздухъ.

Нёбное суженіе.

Такая узкая щель можетъ образоваться и отъ сильнаго подъема языка къ нёбу; согласные, которые при этомъ получаются, называются *язычно-нёбными*. Таковы согласные: х и *йотъ*, тотъ звукъ, который слышится, напримѣръ, въ словѣ «ель» предъ *е* или въ словѣ *край* послѣ *а*: *х*—глухой, а йотъ—звонкій.

Болѣе мелкія различія въ согласныхъ.

Такимъ образомъ, согласные, которые мы выше указали, отличаются другъ отъ друга въ трехъ отношеніяхъ: одни изъ нихъ *звонкіе*, другіе *глухіе*, т.-е. при однихъ голосовыя связки колеблются, при другихъ нѣтъ; звонкіе: *б, в, д, г, й (йотъ), з, ж*; глухіе: *п, ф, т, к, х, с, ш*. Съ другой стороны, одни изъ нихъ *взрывные* или *мгновенные* (полный затворъ), другіе *длительные* (суженіе); съ этой точки зрѣнія группы согласныхъ будутъ иныя: взрывные *п, б, т, д, к, г*; длительные *в, ф, й (йотъ) з, ж, с, ш*; послѣдніе можно тянуть въ произношеніи, первые—нѣтъ.

Наконецъ иное дѣленіе получится, если различать по мѣсту, гдѣ происходитъ суженіе или затворъ: 1) *губные (п, б, в, ф*—или губно-зубные), 2) *зубные* (*т, д, з, с, ш, ж*) и 3) *нёбные (к, г, х, йотъ)*.

Однако тѣ различія, которыя мы выше установили между согласными, только *главныя;* можно установить и иныя, болѣе тонкія различія между согласными. Мы установили *типы* или главные виды.

Различія по мѣсту.

Такъ, *к* и *г* представляютъ типъ согласнаго, который получается при нёбномъ затворѣ, т.-е. при полномъ соприкосновеніи языка и нёба. Но этотъ затворъ можетъ происходить въ различныхъ мѣстахъ: можетъ *передняя* часть языка примыкать къ *твердому* нёбу—тогда получается передненёбное, на слухъ *мягкое к* (а звонкій—*г*), этотъ звукъ слышится у насъ въ словахъ: Кіевъ, киснуть, гитара; но затворъ можетъ быть произведенъ въ силу того, что *задняя* часть языка примыкаетъ къ заднему, т.-е. *мягкому* нёбу, тогда получается мягконёбное, заднеязычное *к (г)*, на слухъ болѣе твердое: его мы производимъ въ словахъ *курить, кошка, камень*. Въ древнемъ русскомъ языкѣ мягкаго *к (г)*, т.-е. твердонёбнаго, не было; говорили: *Кыевъ, кыснуть, гыбель*. Точно такъ же *х* можетъ быть мягконёбнымъ, напримѣръ, въ словѣ *хилый*, и передненёбнымъ—въ словѣ *хорошъ;* въ древности у русскихъ было только мягконёбное *х*, говорили: *хылый*.

Кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить, что въ русскомъ языкѣ есть еще одинъ звукъ, по мѣсту своего образованія *нёбный, длительный*, притомъ *звонкій* (съ участіемъ голосовыхъ связокъ), который, однако, произносится не какъ *г* и не какъ *j;* изъ нёбныхъ только эти два: *j* (йотъ) и *г* суть звонкіе, но *г* мгновенный (затворъ), а этотъ гласный *длительный* (суженіе), а отъ *j* онъ отличается ясно и на слухъ, какъ и отъ *г*.

Этотъ звукъ произносятъ иногда въ словахъ *бога, богатый;* онъ похожъ на *г*, въ силу звучности, а потому и пишется *г*, но

онъ произносится не такъ, какъ *г* въ словѣ *голосъ* и другихъ, а длительно; обозначаютъ его нѣкоторые ученые знакомъ *ɣ* или греческой буквой γ. Этотъ звукъ образуется такъ же, какъ и *х*: онъ задненёбный, суженіе происходитъ въ томъ же мѣстѣ, что и при *х*, только при *х* голосовыя связки не колеблются, а при *ɣ* (или γ) колеблются и звучатъ. Согласный *j* (йотъ), напримѣръ, въ словѣ *край*, тоже звонкій и нёбный, какъ и это *ɣ* (γ), но суженіе происходитъ при немъ у твердаго нёба: *j*—твердонёбный, а *ɣ*—задненёбный.

Точно такъ же и зубные согласные, типомъ которыхъ служатъ *д*, *т*, могутъ имѣть разновидности: языкъ примыкаетъ или къ верхней деснѣ, или къ верхнимъ переднимъ зубамъ, или, наконецъ, одновременно къ верхнему краю переднихъ зубовъ и нижнему краю десны; когда кончикъ языка примыкаетъ къ деснѣ, получаются *т*, *д* дёсенные («альвеоларные»); если кончикъ языка примыкаетъ къ верхнимъ переднимъ зубамъ, то возникаютъ *т*, *д* чисто-зубные; средніе между первыми и вторыми называются *т*, *д* верхнезубными (верхній край зубовъ и нижній край десны).

Можно получить согласные, на слухъ похожіе на *т*, *д*, если примыкать кончикъ языка къ твердому нёбу; такіе согласные называются верхненёбными.

Сильные и слабые согласные. Согласные отличаются между собою не только по тому, гдѣ они образуются, но и по силѣ. Сила согласнаго зависитъ отъ того, насколько *напряжены* органы рѣчи: языкъ, губы,—при произношеніи согласнаго. Если, напримѣръ, губы при произношеніи *п* сильно напряжены, то токъ воздуха съ большей силой разрываетъ затворъ, образованный губами, получается болѣе сильный шумъ, т.-е. болѣе рѣзкое слуховое впечатлѣніе.

Такъ же при *к* языкъ можетъ быть болѣе напряженъ въ своемъ прикосновеніи къ нёбу или менѣе. Одинъ и тотъ же согласный, напримѣръ, *п* или *к*, въ различныхъ языкахъ можетъ быть неодинаково сильнымъ. Кромѣ того, обыкновенно замѣчается, что согласные глухіе (безъ колебанія голосовыхъ связокъ) болѣе сильные, чѣмъ звонкіе: *к*—сильный въ сравненіи съ *г*, *т*—сильный въ сравненіи съ *д*, *п*—въ сравненіи съ *б*.

Твердые и мягкіе. Различіе между согласными сильными и слабыми настолько тонкое, что обыкновенное ухо, непривычное къ наблюденіямъ надъ звуками, можетъ его и не подмѣтить. Но каждый изъ насъ легко подмѣчаетъ различіе между согласными твердыми и мягкими: *с* въ словѣ *садъ* твердый, а въ словѣ *сядь*, *сѣлъ* мягкое. Отчего зависитъ эта твердость и мягкость? И твердое *с* и мягкое *с* представляютъ шумъ,

но шумъ тоже можетъ имѣть свою *высоту*, какъ и музыкальный звукъ. Вѣдь шумъ отличается отъ музыкальнаго звука тѣмъ, что звуковыя колебанія при шумѣ непе́ріодическія, а при музыкальномъ звукѣ—періодическія, правильно повторяющіяся; но и тѣ, и другія колебанія могутъ быть болѣе и менѣе быстрыя, отъ чего и зависитъ высота звука. Такъ вотъ твердость и мягкость согласнаго зависитъ отъ *высоты* шума: пожалуй, многіе изъ насъ и ухомъ подмѣтятъ, что твердое *с* или *з* тономъ ниже, чѣмъ мягкое *с, з*; произносите подъ рядъ твердое и мягкое *з*. Но отъ чего зависитъ эта высота шума? Она зависитъ отъ формы того пространства, чрезъ которое проходитъ звуковая волна при произношеніи согласнаго, т.-е. отъ формы полости рта; струя воздуха, выходящая изъ гортани, вызываетъ колебанія воздуха, находящагося въ полости рта; получаются шумы, которые присоединяются къ основному шуму согласнаго и своей высотой опредѣляютъ общую высоту согласнаго.

Рис. 14. Мягко-нёбное К (г).

Произнесемъ *к* твердое, задненёбное. Для этого мы должны заднюю часть языка прижать къ заднему, т.-е. мягкому нёбу:

Струя воздуха, выходя изъ гортани, натыкается на это препятствіе и на мигъ задерживается предъ преградой; затѣмъ мы отнимаемъ языкъ отъ мягкаго нёба; вслѣдствіе этого воздухъ съ шумомъ выходитъ; этотъ шумъ и долженъ дать звукъ — согласный *к;* но, вырвавшись чрезъ отверстіе, шумовая волна попадаетъ въ пространство между бывшимъ мѣстомъ затвора и губами; волна должна пройти это пространство, прежде чѣмъ выйти изо рта наружу и дойти до нашего уха; проходя, она приводитъ въ колебаніе воздухъ, находящійся въ этомъ пространствѣ; къ тому основному шуму, который получился отъ взрыва, отъ мгновеннаго раскрытія затвора, присоединяются новые шумы, извѣстной высоты, они вмѣстѣ съ основнымъ шумомъ отъ взрыва и даютъ слуховое впечатлѣніе *твердаго к.*

Если мы теперь произнесемъ мягкое *к* (напр. въ словѣ *кипѣть*), то отличіе его отъ твердаго будетъ то, что языкъ прижатъ къ нёбу гораздо ближе къ выходу; воздушная волна, выходя чрезъ отвер-

стіе, попадаетъ въ *болѣе короткое* пространство между бывшимъ затворомъ и отверстіемъ губъ и зубовъ; поэтому она вызоветъ въ этомъ пространствѣ новые шумы *другой* высоты. Когда это пространство (оно называется *резонаторомъ*, т.-е. отзвучнымъ, дающимъ эхо), когда резонаторъ короче, то шумы выше (по тону), когда онъ длиннѣе, то шумы ниже. Вотъ почему *к* мягкое выше по тону, чѣмъ *к* твердое.

При этомъ *к* твердое въ словѣ *какъ* и *к* тоже твердое въ словѣ *кукушка* не одинаково тверды, т.-е. первое *к* выше по тону, чѣмъ второе, хотя эта разница въ тонѣ такъ мала, что простымъ ухомъ мы ее, можетъ-быть, и не слышимъ. Дѣло въ томъ, что когда произносишь *ку*, такъ уже при согласномъ *к* округляешь и немного выпячиваешь губы, что необходимо для произношенія слѣдующаго *у*; а вѣдь отъ такого выпячиванія впередъ удлиняется резонаторъ, т.-е. пространство, которое звуковая волна должна пройти, чтобы выйти наружу; чѣмъ длиннѣе это пространство, выше, тѣмъ ниже звукъ.

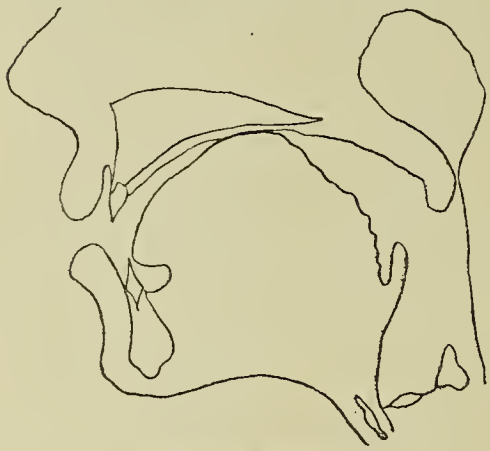


Рис. 15. Твердо-нёбное К (г).

При *х* твердомъ и мягкомъ нѣтъ полнаго сближенія языка и нёба, но сильное приближеніе, узкая щель; шумъ получается отъ сильнаго тренія воздушной волны, проходящей чрезъ эту тѣснину, объ ея края; этотъ шумный звукъ, т.-е. шумовая волна, какъ и при *к*, попадаетъ въ резонаторъ, т.-е. пространство отъ мѣста суженія и до выхода изъ губъ, слѣдовательно, и тутъ примѣшиваются къ основному шуму новые шумы извѣстной высоты, которые опредѣляютъ высоту всего шума. При твердомъ *х* эти шумы ниже, потому что резонаторъ длиннѣе, при мягкомъ— выше, такъ какъ онъ короче: см. 16 и 17 рис. на 39 стр.

Когда мы произносимъ твердое *п*, въ словѣ *пилка*, то основной шумъ звука *п* получается вслѣдствіе мгновеннаго раствора сжатыхъ губъ; но къ нему примѣшиваются шумы отзвучнаго характера въ полости рта отъ гортани и до губъ; эта полость является резонаторомъ; шумы этого резонатора опредѣляютъ высоту шума *п*. Въ твердомъ *п* въ словѣ *пупъ* губы выпячены нѣсколько больше, чѣмъ въ мягкомъ *п* въ словѣ *пять*, а потому при твердомъ *п* резонаторъ немного длиннѣе, слѣдовательно, шумы его ниже, отчего и общій шумъ твердаго *п* ниже, чѣмъ мягкаго.

Точно такъ же и при другихъ согласныхъ мягкость и твердость зависитъ отъ величины и формы той полости рта, чрезъ которую проходитъ звуковая волна, выйдя изъ гортани, т.-е. отъ положенія языка и губъ.

Большею частью твердость согласнаго, т.-е. низкій тонъ шума, а слѣдовательно, длинный резонаторъ, зависитъ отъ подъема языка къ мягкому нёбу (ср. выше *к*, *х*); такъ какъ мягкое нёбо по-латыни—velum, т.-е. *велум*, то такой подъемъ называется *веларизаціей*, а согласные твердые—*веларизованными*.

Мягкость согласныхъ въ силу короткаго резонатора обыкновенно является вслѣдствіе подъема языка къ твердому нёбу; твердое нёбо называется palatum—палатум (по-латыни); поэтому

Рис. 16. Мягко-нёбное Х (хата).

Рис. 17. Твердо-нёбное Х (хилый).

подъемъ языка къ твердому нёбу называется *палатализаціей*; согласные, которые являются при подъемѣ языка къ твердому нёбу, называются *палатализованными*.

Сложные согласные.

Выше мы разсмотрѣли согласные простые; есть въ языкѣ и согласные сложные или *слитные*. Эти согласные представляютъ *слитное* произношеніе какого-нибудь *взрывного*, т.-е. мгновеннаго, согласнаго и *длительнаго*, который образуется въ томъ же мѣстѣ, что и взрывной.

Такъ зубной взрывной *д* и зубной длительный *з* сливаются въ одинъ зубной слитный, который обозначаютъ буквами *д͡з*; дуга обозначаетъ, что звуки *д* и *з* произносятся не отдѣльно, а вмѣстѣ, какъ одинъ звукъ. У насъ въ языкѣ нѣтъ такого слитнаго звонкаго *д͡з*, но онъ есть, напримѣръ въ польскомъ. Въ русскомъ литературномъ языкѣ есть глухой зубной слитный **ц**, который можно обозначить какъ сліяніе *т* и *с*; *тс*, если оно не слитно, мы произносимъ немного иначе, чѣмъ *ц*.

Такъ же русское *ч* есть слитный, получившійся изъ сліянія *т* и *ш*. А соотвѣтствующій ему звонкій слитный *дж* когда-то былъ въ русскомъ языкѣ, но упростился въ *ж:* въ старину говорили не такъ, какъ нынѣ—«бо*же*», а «бо*дже*».

Слитные эти получаются вслѣдствіе того, что затворъ, который образуется, напримѣръ, при *т*, размыкается недостаточно быстро, такъ что во время выдыханія образуется на моментъ узкая щель между языкомъ и зубами, при которой само собой возникаетъ длительное *с* вмѣстѣ съ *т*; такъ получается слитный *ц*.

Сонорные р, л, м, н.

Выше мы сказали, что согласные *р, л, м, н* ближе къ гласнымъ, чѣмъ къ остальнымъ согласнымъ, потому что въ этихъ звукахъ музыкальный звукъ преобладаетъ надъ шумомъ. Какъ они образуются? Обыкновенно, при *р* конецъ языка подымается къ верхней деснѣ и образуетъ тутъ узкій проходъ звучащей струѣ воздуха: въ такомъ положеніи языка можно убѣдиться, наблюдая свое произношеніе *р* въ зеркало и помощью пальца; при этомъ обыкновенно кончикъ языка приводится въ колебаніе, которое даетъ впечатлѣніе раскатовъ; это впечатлѣніе выступаетъ ясно, если произносить *р* долго: *ррррр*..... Въ произношеніи простого *р*, напримѣръ, въ словѣ *рана* это впечатлѣніе раскатовъ не такое ясное, такъ какъ здѣсь языкъ успѣваетъ сдѣлать лишь нѣсколько колебательныхъ движеній, прежде чѣмъ прійти въ положеніе слѣдующаго звука *а*, при чемъ колебанія эти вообще довольно медленныя.

Обычно *р*, какъ сонорный, — звонкое, т.-е. произносится при дрожаніи голосовыхъ связокъ, но встрѣчается и глухое *р* (при открытой голосовой щели). Напримѣръ, въ словѣ *смотръ* при произношеніи *р* послѣ глухого *т* и въ концѣ слова, голосовыя связки сохраняютъ то положеніе, въ которомъ были при предшествующемъ *т*, *р* звучитъ глуше, чѣмъ въ словѣ *даръ*.

Дрожаніе кончика языка, которое даетъ впечатлѣніе раскатовъ, является существеннымъ признакомъ *р;* но раскаты эти можетъ давать дрожаніе другихъ частей, напримѣръ, язычка, которымъ оканчивается въ полости зѣва мягкое нёбо. Таково французское *р*: при немъ дрожитъ именно язычокъ. При *р* мягкомъ *(рядъ, рисъ)* передняя часть спинки языка нѣсколько приподнята къ твердому нёбу.

При *р* твердомъ, когда оно находится предъ *о, у* губы округлены, находятся въ положеніи, какое нужно для слѣдующаго гласнаго.

Сонорный л. Сонорный *л*, какъ можно видѣть въ зеркало, образуется вслѣдствіе того, что конецъ языка примыкаетъ къ зубамъ; можно также примыкать конецъ языка къ верхней деснѣ или къ мѣсту между десной и верхними зубами. Слѣдовательно, *л* сходно по образованію съ *д* и *т;* отличіе *л* отъ *д*, *т*—въ томъ, что при *д* и *т* боковые края языка прижаты къ зубамъ, а при *л*—языкъ уже, между его боковыми краями и зубами образуются щели, чрезъ которыя и проходитъ звучащая волна воздуха. Голосовыя связки звучатъ при этомъ.

Однако щель между зубами и боковымъ краемъ языка можетъ быть образована только на одной сторонѣ, и при такомъ условіи также получится *л;* можно конецъ языка далеко высунуть впередъ и зажать зубами, и все же получится *л*, лишь бы были щели по бокамъ или хоть одна щель, съ одной стороны. Въ этой щели сбоку и заключается отличіе *л* отъ всѣхъ другихъ звуковъ. При мягкомъ *л (ль) передняя* и *средняя* часть языка поднимается къ твердому нёбу.

Сонорные н, м. Сонорные *н* и *м* называются носовыми: при ихъ произношеніи язычокъ, которымъ оканчивается мягкое нёбо, не примыкаетъ къ задней стѣнкѣ зѣва, а виситъ свободно, оставляя воздуху проходъ въ полость носа; при такомъ положеніи полости зѣва мы дышимъ и произносимъ носовые звуки. При остальныхъ звукахъ полость носа отдѣлена язычкомъ отъ полости рта, и воздухъ не проходитъ чрезъ носъ.

Если произвести губной затворъ и взрывъ при дрожаніи голосовыхъ связокъ, то получится звонкій согласный *б;* при *б* проходъ въ полость носа закрытъ,—если открыть его и произносить *б*, т.-е. дѣлать губной взрывъ, то самъ собою получится *м;* воздухъ проходитъ чрезъ полость носа и даетъ звукъ *м*, если даже не разжимать губъ.

Точно такъ же, если произносить при открытомъ проходѣ въ носовую полость зубной звонкій *д*, то получится носовой *н*.

Звукъ, похожій на наше зубно-носовое *н*, но нѣсколько иной, получится, если произносить *г* при отворѣ въ носовую полость, т.-е. образовать затворъ между языкомъ и нёбомъ. Такого *нёбнаго* носового звука въ русскомъ языкѣ нѣтъ, но есть въ другихъ языкахъ, напримѣръ, въ нѣмецкомъ языкѣ, когда *н* находится предъ *к*, *г*, напримѣръ, въ словѣ «данке» (благодарю); здѣсь при *н* конецъ языка не приближается къ зубамъ, а образуется смыканіе нёба и языка, какое нужно для слѣдующаго *к;* только при *н* часть воздуха выходитъ чрезъ носъ, а при *к* язычокъ закрываетъ входъ въ полость носа.

VI. Звуковая сторона рѣчи.

Различія звуковъ по силѣ выдыханія и длительности.

Слогъ. Различные звуки человѣческой рѣчи, которые мы выше описали, являются простѣйшими частицами, изъ которыхъ рѣчь состоитъ, или какъ принято говорить, элементами рѣчи. Эти элементы разложить на составныя части уже нельзя. Фраза: «я васъ вчера видѣлъ», состоитъ изъ простѣйшихъ звуковыхъ элементовъ: я-в-а-с-в-ч-е-р-а-в-и-д-ѣ-л. Человѣческая рѣчь складывается изъ непрерывныхъ рядовъ такихъ звуковыхъ элементовъ, изъ рядовъ, которые прерываются иногда паузами, т.-е. остановками. Такъ я говорю: *я васъ вчера видѣлъ*, дѣлаю остановку и продолжаю: *вы шли съ женой*. Первая фраза и вторая, каждая составляетъ одинъ непрерывный рядъ звуковъ, который слѣдуетъ изобразить такъ: *явасвчеравидѣл, вышлисженой*, не раздѣляя на слова. Мы раздѣляемъ эти фразы на слова *я, васъ вчера видѣлъ* и т. д. потому, что эти части фразы имѣютъ каждая свое значеніе и въ этомъ значеніи употребляются въ другихъ фразахъ; напримѣръ, слово *вчера*—въ фразѣ *вчера я былъ боленъ*. Однако значеніе словъ—это уже духовная сторона звука, а физическая, звуковая сторона словъ не различаетъ; въ звуковомъ отношеніи въ фразѣ *явасвчеравидѣл* нѣтъ отдѣльныхъ словъ, слова не отдѣляются въ произношеніи, а вся фраза сливается, представляетъ одно непрерывное цѣлое. Въ звуковомъ отношеніи эту фразу можно раздѣлить не на слова, а на звуки и на *слоги*.

Что такое слогъ? Слогъ есть соединеніе двухъ или нѣсколькихъ звуковъ. Изъ слоговъ состоятъ и отдѣльныя слова: напримѣръ, слово: *барабан* состоитъ изъ слоговъ *ба, ра, бан*, а потому мы его называемъ трехсложнымъ, слово «звѣзда» состоитъ изъ двухъ слоговъ: *звѣ, —зда*.

Въ нашей связной рѣчи слова различаются мыслью, а слоги различаются просто ухомъ. Вотъ доказательство: если я произнесу нѣмецкую фразу: «ихданкеинен» тому, кто не знаетъ нѣмецкаго языка, то онъ не различитъ въ этой фразѣ отдѣльныхъ словъ, изъ которыхъ она состоитъ, потому что не знаетъ значенія цѣлой фразы и ея частей, т.-е. словъ; значитъ, различеніе словъ въ фразѣ—не звуковое, основано не на звуковой сторонѣ рѣчи. Но и не зная нѣмецкаго языка всякій, различитъ просто слухомъ въ приведенной нѣмецкой фразѣ слоги: «их, дан, ке, и нен» и вѣрно опредѣлитъ число слоговъ.

На чемъ же основанъ этотъ счетъ слоговъ, на чемъ основано соединеніе звуковъ въ слогъ? Произношеніе какой-нибудь фразы можно сравнить съ игрой на духовомъ инструментѣ: мы дуемъ въ него и перебираемъ клапаны; такъ же въ рѣчи, выдыхая воздухъ, мы ставимъ въ различное положеніе голосовыя связки, языкъ, губы. Получается непрерывный рядъ звуковъ. Но токъ воздуха не остается обыкновенно ровнымъ во все время произношенія фразы; онъ идетъ, такъ сказать, толчками, то усиливаясь, то ослабляясь, то на мгновеніе совершенно прерываясь, какъ, напримѣръ, при согласныхъ *к, п, т.* Кромѣ того, звуки рѣчи отличаются другъ отъ друга въ степени звучности, такъ какъ въ различныхъ звукахъ голосъ (т.-е. дрожаніе голосовыхъ связокъ) не одинаково силенъ: *а* звучнѣе, чѣмъ *і, і* звучнѣе, чѣмъ согласные и т. д. Вотъ эта смѣна усиленій и ослабленій въ выдыханіи или смѣна болѣе звучныхъ и менѣе звучныхъ элементовъ (частицъ) рѣчи или то и другое вмѣстѣ и дѣлитъ фразу на слоги.

Обыкновенно слогъ образуетъ гласный звукъ, какъ болѣе звучный и болѣе сильный по выдыханію, а согласный отдѣляетъ одинъ слогъ отъ другого; въ фразѣ *явасвчеравидѣл* первый слогъ составляетъ *я*, которое состоитъ изъ согласнаго *й* и гласнаго *а*, *в* отдѣляетъ первый слогъ отъ второго, *а* составляетъ второй слогъ, согласные *с, в, ч* отдѣляютъ этотъ второй слогъ отъ третьяго, который составляетъ гласный *е*, и т. д.

Такимъ образомъ, гласный обычно и образуетъ слогъ или, какъ говорятъ, является носителемъ слога, звукомъ *слоговымъ*, а согласный—*неслоговымъ* звукомъ. Обыкновенно въ наукѣ, передавая точно на письмѣ рядъ звуковъ, обозначаютъ слоговые звуки кружочкомъ подъ буквой, а неслоговые звуки—маленькимъ полукругомъ. Въ фразѣ *явасвчеравидѣл* слоговыми будутъ—*а* въ слогѣ *я*, такъ какъ *я* состоитъ изъ неслогового йота и *а* (*й а* , ср. йотъ въ концѣ слова край); слоговыми будутъ также *а, е, а, и, ъ*, остальные звуки: *й* (йотъ), *в, с, в, ч, р, в, д, л*— неслоговыми. По числу слоговыхъ звуковъ во всей фразѣ слоговъ—6. Въ другихъ языкахъ есть слова, въ которыхъ нѣтъ гласныхъ совсѣмъ; напримѣръ, чешское слово vlk — влкъ (волкъ); въ этомъ словѣ слоговымъ является *л*, а неслоговыми *в* и *к*, такъ что можно изобразить это слово такъ: *в л к*. Когда это слово произносится въ фразѣ: *два влка йдоу* (два волка идутъ), то слоговыми являются *а, л, а, о*; послѣднее *у* въ словѣ йдоу (идутъ) произносится такъ коротко, какъ согласный, слабо, какъ неслоговое; всю фразу можно изобразить связно: *двавлкайдоу*,— въ ней 4 слога.

Ударе́ніе. Мы видѣли, что не всѣ звуковые элементы въ словѣ или фразѣ произносятся одинаково, что есть элементы слоговые и неслоговые; но и слоговые элементы въ словѣ или фразѣ не одинаково сильны, произносятся не съ одинаковой выдыхательной силой; такъ, въ словѣ *барабаны* болѣе сильными по выдыханію являются гласные *а, а, а, ы*, которые представляютъ собою слоги; но эти слоги произносятся не съ одинаковой силой выдыханія; мы дѣлаемъ ударе́ніе на тонѣ *а*, которое является третьимъ отъ начала; на этомъ слогѣ въ произношеніи лежитъ ударе́ніе, т.-е. онъ произносится съ большей силой выдыханія, чѣмъ остальные слоги въ этомъ словѣ.

Такое ударе́ніе имѣетъ каждое слово; въ словѣ *трава́* произносится съ большей силой выдыханія, т.-е. съ ударе́ніемъ, второй слогъ, а въ словѣ *ба́ба*—первый. Точно такъ же отдѣльныя слова въ цѣлой фразѣ произносятся нами неодинаково: тѣ слова, которымъ мы придаемъ больше значенія, мы произносимъ съ большей силой выдыханія. Такъ, мы можемъ сказать: *я тебя видѣлъ*, съ ударе́ніемъ на словѣ *я*, когда важно, кто видѣлъ, въ другомъ случаѣ мы говоримъ *я тебя видѣлъ*, съ ударе́ніемъ на словѣ *видѣлъ*, когда важно именно то, что видѣлъ, а не узналъ о томъ-то инымъ путемъ. Такимъ образомъ, и предложеніе можетъ имѣть свое ударе́ніе. Есть, слѣдовательно, ударе́ніе предложенія, ударе́ніе слова и есть ударе́ніе слога.

Ударе́ніе предложенія *я тебя видѣлъ—на словѣ я*; ударе́ніе слова *тебя—на слогѣ бя*; ударе́ніе слога *бя* на гласномъ *я* или, точнѣе, *а*, а не на *б* смягченномъ.

Отдѣльную часть предложенія или слова, или слога можно выдвинуть на первый планъ, усилить сравнительно съ другими не только усиленіемъ выдыханія, но и *повышеніемъ тона*.

Поэтому различаютъ два ударенія: ударе́ніе *выдыхательное* или, какъ говорятъ, экспираторное (экспирація—выдыханіе) и ударе́ніе *музыкальное*. Ударе́ніе экспираторное основано на измѣненіи въ силѣ выдыханія, а музыкальное—на измѣненіи въ высотѣ голоса.

Въ одномъ и томъ же словѣ можетъ быть два ударенія—экспираторное (или выдыхательное) и музыкальное: такъ, на фразу *я тебя вчера видѣлъ*, мнѣ отвѣчаютъ вопросомъ: *ви́дѣлъ?* Въ этомъ *видѣлъ?* ударе́ніе экспираторное на первомъ слогѣ, но музыкальное—на второмъ: первый слогъ сильнѣе, второй—выше по тону. И одинъ слогъ можетъ имѣть ударе́ніе *музыкальное*. Въ вопросительномъ словѣ «видѣлъ?» музыкальное ударе́ніе *слова* на второмъ слогѣ *слова*; а въ слогѣ музыкальное ударе́ніе можетъ быть на первой или второй части слогового звука. Въ русскомъ языкѣ слова

различаются только по мѣсту ударенія, но въ нѣкоторыхъ языкахъ, напримѣръ, литовскомъ, сербскомъ, наблюдается, что слова различаются между собою не только по мѣсту ударенія, но и по качеству или характеру его. Такъ, въ сербскомъ въ словѣ *зла̑то* (золото) и въ словѣ *тра́ва* ударѐніе одинаково на первомъ слогѣ, но ударѐніе это неодинаковое, и сербъ ясно это слышитъ ухомъ.

Существуетъ такое музыкальное ударѐніе *слога*, что слоговой звукъ, носитель слога, начинается высокимъ тономъ и затѣмъ понижается; такой слогъ произносится съ *нисходящимъ* (музыкальнымъ) ударѐніемъ; если слоговой звукъ, наоборотъ, начинается съ низкаго тона и къ концу повышается,—тогда онъ находится подъ (музыкальнымъ) *восходящимъ* ударѐніемъ. Какъ ни коротко время, которое идетъ на произношеніе одного гласнаго, напримѣръ, *а*, а тонкое ухо подмѣчаетъ, что въ это короткое время происходитъ измѣненіе тона голоса. Точно такъ же и ударѐніе *экспираторное*, т.-е. выдыхательное, можетъ быть неодинаковое: оно можетъ быть *ровное*, когда ударяемый слогъ имѣетъ одинаковое напряженіе тока воздуха во все время своего произношенія; но наблюдается въ различныхъ языкахъ ударѐніе *усиливающееся* и *ослабѣвающее*, т.-е. начало слогового звука (т.-е. гласнаго большею частью) можетъ быть слабѣе, чѣмъ конецъ, или наоборотъ.

Наблюдается также въ нѣкоторыхъ языкахъ (напримѣръ, латышскомъ) ударѐніе *прерывистое:* въ одномъ и томъ же слогѣ сила выдыханія сперва ослабѣваетъ и почти прерывается, а затѣмъ снова усиливается.

Долгота. Кромѣ различія по *силѣ выдыханія* и по *высотѣ тона*, звуки и слоги отличаются еще другъ отъ друга и *по продолжительности*. Въ русскомъ языкѣ всѣ почти гласные произносятся *приблизительно* съ одинаковой продолжительностью, но въ другихъ языкахъ наблюдаются гласные долгіе и краткіе. Въ чешскомъ языкѣ, напримѣръ, *а*, въ словѣ *бла́то* и *а* въ словѣ *зла́то* неодинаковы: на произношеніе перваго уходитъ больше времени, чѣмъ на произношеніе второго, т.-е. первый—долгій, а второй—краткій. Эти различія, которыя можно уловить ухомъ, между долгимъ и краткимъ, называются обыкновенно различіями *по количеству*. Нѣкоторые изслѣдователи находятъ, что и въ русскомъ языкѣ гласный, когда онъ находится въ срединѣ слова или въ началѣ его *подъ ударѐніемъ*, притомъ въ открытомъ слогѣ, т.-е. предъ однимъ согласнымъ, произносится нѣсколько дольше обыкновеннаго,—напримѣръ, первое *а* въ словѣ *ба́ба*; но все же оно не долгое, а развѣ *полудолгое*.

VII. Внутренняя рѣчь.

Рѣчь внѣшняя. Въ предыдущихъ статьяхъ мы описали звуки, изъ которыхъ состоитъ человѣческая рѣчь; мы указали, какъ именно звуки рѣчи производятся, что нужно для ихъ производства.

Человѣческая рѣчь, какъ рядъ звуковъ, которые одинъ произноситъ, а другой слышитъ, есть рѣчь, такъ сказать, *внѣшняя*, потому что она представляетъ явленіе *внѣшняго*, т.-е. *физическаго* міра; движенія языка, губъ, колебанія голосовыхъ связокъ, звуковыя волны, которыя получаются при этомъ, слуховыя впечатлѣнія, т.-е. колебанія барабанной перепонки уха и раздраженіе слухового нерва—все это относится къ физическому міру, т.-е. представляетъ нѣчто тѣлесное.

Внутренняя рѣчь. Но рядомъ съ этой внѣшней рѣчью, состоящей изъ физическихъ явленій, существуетъ и *внутренняя* рѣчь, т.-е. рѣчь, состоящая изъ явленій духовнаго порядка.

Если я произношу фразу: *наука развиваетъ человѣка* вслухъ, то эта фраза представляетъ отрывокъ внѣшней рѣчи.

Но если я думаю: *наука развиваетъ человѣка*, то мысленно я произношу эти три слова. Эти три слова, *мысленно* произносимыя, представляютъ отрывокъ *внутренней* рѣчи. Произнося мысленно эти 3 слова, я не создаю звуковыхъ волнъ, не создаю звуковъ, которые кто-либо можетъ слышать; поэтому это мысленное произношеніе словъ нельзя назвать рѣчью внѣшней, нельзя отнести къ внѣшнему, физическому міру. Эта мысленная рѣчь относится къ внутреннему, душевному міру человѣка, а потому мы можемъ ее назвать *внутренней* рѣчью.

Въ этой внутренней рѣчи, т.-е. *въ мысленномъ произношеніи словъ*, и состоитъ бо́льшая часть нашего мышленія. Конечно, когда я думаю о моемъ знакомомъ почтовомъ чиновникѣ Семенѣ Ивановичѣ, думаю о томъ, что увижу его завтра утромъ, когда буду на почтѣ,—я не произношу ничего мысленно; въ моемъ сознаніи всплываетъ знакомое лицо, знакомая фигура, съ улыбкой протягивающая мнѣ руку. Но какъ только я начинаю думать отвлеченно, напримѣръ: *законъ долженъ быть одинаковъ для всѣхъ*, или: *печать должна быть свободна*, — я перехожу на мысленную рѣчь, я мысленно произношу *слова*, или же мысленно ихъ слышу.

Итакъ, внѣшней, звуковой рѣчи соотвѣтствуетъ внутренняя, мысленная рѣчь; какъ рѣчь внѣшняя состоитъ изъ словъ, такъ изъ словъ состоитъ и рѣчь внутренняя.

Каждому внѣшнему, физическому слову, слову въ физическомъ произношеніи, соотвѣтствуетъ *внутреннее* слово, *слово въ мысли*.

Сущность внутренней рѣчи.

Въ чемъ собственно состоитъ внутренняя рѣчь? Внутренняя рѣчь состоитъ въ томъ, что мы *мысленно произносимъ слова или же мысленно слышимъ ихъ*; это значитъ, что мы останавливаемъ свое вниманіе, свою мысль на отпечаткахъ словъ.

Все, что мы видимъ и что мы слышимъ,—все оставляетъ въ нашемъ мозгу, въ нашемъ сознаніи извѣстный слѣдъ, извѣстный отпечатокъ. Я видѣлъ сегодня красиваго рыжаго коня; въ моей мысли, въ моемъ сознаніи остается зрительный слѣдъ,—если бы этого слѣда не было, то развѣ могъ бы я представить себѣ этого коня, когда его предо мной нѣтъ?

Я слышу голосъ своей жены, поющей какой-либо мотивъ; это впечатлѣніе *слуха* такъ же оставляетъ извѣстный отпечатокъ въ сознаніи; потому я и могу такъ ясно представить себѣ этотъ мотивъ именно въ исполненіи жены, т.-е. я могу мысленно слышать его, вспомнить его.

Воспоминаніе и состоитъ въ томъ, что отпечатокъ предмета или звука всплываетъ въ сознаніи, освѣщается вниманіемъ. Такимъ образомъ понятно, что можно мысленно слышать слова, какъ бы произносимыя нами же: вѣдь мы произносимъ слова и сами слышимъ ихъ, т.-е. въ сознаніи нашемъ остается отпечатокъ слуховыхъ впечатлѣній отъ нашего произношенія. Этотъ отпечатокъ слова, какъ мы его слышимъ, называется *слуховымъ образомъ слова*.

Итакъ, можно мыслить слуховыми образами словъ, т.-е. мысленно слышать слова.

Точно такъ же можно мысленно произносить слова. Наши ощущенія не всѣ происходятъ отъ внѣшняго міра. Когда мы совершаемъ то или другое движеніе, то работа нашихъ мускуловъ, ихъ движеніе тоже воспринимается, ощущается нашимъ сознаніемъ, какъ ощущаются предметы внѣшняго міра. Не только рыжая лошадь, которую мы видимъ, не только лай собаки оставляетъ отпечатокъ въ мозгу, который мы можемъ всегда вызвать въ памяти; движенія нашихъ мускуловъ тоже оставляютъ отпечатокъ въ мозгу, въ сознаніи. Когда зрительный нервъ раздражается зрительнымъ впечатлѣніемъ или слуховой нервъ звукомъ, раздраженіе его передается по нервнымъ нитямъ въ мозгъ.

Точно такъ же напряженіе какого-либо мускула, нужное для движенія, вызываетъ раздраженіе нервовъ, которое передается въ мозгъ. Такимъ образомъ мы можемъ ощущать не только пред-

меты внѣ насъ, но можемъ ощущать и событія, совершающіяся въ нашемъ организмѣ, напримѣръ, движенія нашихъ же мускуловъ. Мы можемъ также ощущать силу или энергію, имѣющуюся въ нашемъ организмѣ, поэтому мы можемъ измѣрить степень напряженія, которая нужна для того или другого движенія; напримѣръ, дѣлая прыжокъ чрезъ узкую канавку, мы затрачиваемъ, обыкновенно, какъ разъ столько силы, сколько нужно, не перескакивая слишкомъ далеко, болѣе чѣмъ нужно, будучи усталыми, мы не сдѣлаемъ попытки перескочить чрезъ широкую канаву: мы чувствуемъ, что количество силы, которая въ насъ имѣется въ настоящій моментъ, недостаточно. Итакъ, ясно, что мы можемъ ощущать количество силы, энергіи нашего организма и точно такъ же можемъ ощущать движенія своихъ мускуловъ: движеніе нашихъ мускуловъ оставляетъ отпечатокъ въ сознаніи, въ мозгу, и оттого мы можемъ *вспомнить движеніе*, какъ можемъ вспомнить видѣннаго рыжаго коня, какъ можемъ вспомнить слышанный мотивъ.

Теперь ясно, что значитъ *мысленно произносить* слово; когда я произношу *братъ*, я совершаю извѣстныя мускульныя движенія; эти движенія оставляютъ отпечатки; мысленно произносить *братъ* значитъ вызывать въ сознаніи отпечатки мускульныхъ движеній, какія производятся при произношеніи слова *братъ* вслухъ; мысленно произносить слово значитъ останавливать вниманіе на полученныхъ уже ощущеніяхъ своихъ мускульныхъ движеній при произношеніи слова, вспоминать эти движенія.

Если отпечатокъ слухового впечатлѣнія мы назвали *слуховымъ образомъ*, то отпечатокъ мускульнаго движенія можно назвать *двигательнымъ образомъ*.

Мысленно произносить—значитъ вызывать въ сознаніи двигательные образы (отпечатки мускульныхъ движеній).

Итакъ, внутренняя рѣчь состоитъ изъ слуховыхъ и двигательныхъ образовъ словъ (изъ воспоминаній слуховыхъ и двигательныхъ впечатлѣній).

Въ чемъ состоитъ рѣчь.

Все, что было выше сказано о внутренней рѣчи, показываетъ, что мышленіе наше тѣсно связано съ языкомъ, со способностью рѣчи, такъ какъ мы думаемъ, обыкновенно, объ отвлеченныхъ вещахъ словами.

Отвлеченная мысль, такимъ образомъ, есть не что иное, какъ внутренняя рѣчь, и эта внутренняя рѣчь есть одна сторона языка, а внѣшняя рѣчь, которую мы слышимъ, есть другая сторона языка. Другими словами: если бы у человѣка не было бы внѣшней рѣчи (языка звуковъ или языка жестовъ), то у него не было бы и отвлеченной мысли. И наоборотъ, если бы у человѣка не

было отвлеченной мысли, не было бы общихъ *понятій*,—*лошадь, дерево, собака, животное, двигаться*,—то у него не было бы и рѣчи, она была бы не нужна; вѣдь о своей собакѣ Жучкѣ, о собакѣ сосѣда Барбосѣ можно думать и безъ словъ, можно себѣ представить ту и другую, не прибѣгая къ рѣчи. Сообщать же другому простыя конкретныя впечатлѣнія можно путемъ довольно простыхъ жестовъ мимики. *Такимъ образомъ внутренняя рѣчь и рѣчь внѣшняя тѣсно связаны, вмѣстѣ составляютъ одно цѣлое.* Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ состоитъ наша рѣчь? Какъ мы учимся говорить?

Предъ нами стоитъ предметъ, и отецъ или мать называютъ этотъ предметъ словомъ; въ нашемъ мозгу запечатлѣвается зрительный образъ этого предмета, зрительное впечатлѣніе отъ него, и въ то же время въ мозгу нашемъ запечатлѣвается рядъ слуховыхъ впечатлѣній отъ слова, произнесеннаго отцомъ; слуховой образъ слова, зрительный образъ предмета, связаны въ нашемъ сознаніи, потому что они восприняты нами одновременно.

Слыша слово отъ родителей, мы тотчасъ же пытаемся сами произнести его; сперва это намъ не удается, мы не умѣемъ произвести именно тѣ мускульныя движенія, которыя нужны для произношенія слова: вмѣсто «столъ» мы произносимъ «толь».

То, что мы произнесли, мы слышимъ,—мы слышимъ отъ себя «толь» и отъ отца «столъ».

Мы сравниваемъ эти два ряда слуховыхъ впечатлѣній «столъ» и «толь», замѣчаемъ, что они не совпадаютъ и пытаемся произвести иныя движенія, чтобы получить лучшіе результаты. Такъ постепенно мы научаемся говорить правильно «столъ». Въ нашемъ сознаніи остается отпечатокъ ощущенія тѣхъ мускульныхъ движеній, которыя даютъ слуховое впечатлѣніе слова «столъ»,—остается *двигательный образъ* слова. И этотъ *двигательный образъ* связывается въ сознаніи со слуховымъ и зрительнымъ образомъ, т.-е. отпечатокъ предмета, какъ зрительнаго впечатлѣнія, отпечатокъ слова, какъ слухового впечатлѣнія, отпечатокъ движеній мускуловъ при произношеніи слова связаны въ сознаніи.

Эта связь выражается въ томъ, что если мы слышимъ слово *столъ*, то въ нашемъ сознаніи сейчасъ же явится зрительный образъ этого предмета, мы мысленно увидимъ его; въ то же время въ нашемъ сознаніи всплыветъ отпечатокъ мускульныхъ движеній, нужныхъ для произношенія слова *столъ*.

И наоборотъ, если мы увидимъ столъ, у насъ въ сознаніи всплыветъ слуховой образъ слова, *столъ*, т.-е. слово «столъ», какъ мы его слышимъ, или же всплыветъ двигательный образъ слова, т.-е. слово «столъ», какъ рядъ мускульныхъ движеній.

Такъ мы научились произносить слова, мы выучились говорить. Теперь мы видимъ, какъ небольшой круглый столикъ, который мы тоже называемъ словомъ «столъ», опрокинулся на полъ. Это событіе воспринимается нашимъ зрѣніемъ и оставляетъ въ сознаніи отпечатокъ, слѣдъ зрительнаго впечатлѣнія: мы можемъ ясно себѣ представить падающій столикъ, паденіе стола. Это *сложное представленіе* наша мысль расчленяетъ на составныя части; мы видѣли столъ стоящимъ и видимъ его падающимъ: стоящій столъ даетъ одно зрительное впечатлѣніе, падающій столъ—другое. Но въ этихъ двухъ сложныхъ впечатлѣніяхъ наша мысль, наше сознаніе подмѣчаетъ нѣчто общее—это общее мы обозначаемъ словомъ «столъ».

Такимъ образомъ, мы расчлененіемъ одного цѣлаго сложнаго впечатлѣнія падающаго стола выдѣляемъ признаки, которые обозначаются словомъ «столъ», и признакъ, который обозначенъ словомъ «упалъ».

Въ нашемъ сознаніи возникла мысль, возникло сужденіе «столъ упалъ». Это сужденіе получается вслѣдствіе расчлененія одного сложнаго представленія (падающаго стола).

Собственно, если у насъ нѣтъ намѣренія сообщить свое впечатлѣніе другому, то нѣтъ надобности въ расчлененіи сложнаго представленія на тѣ понятія, которыя составляютъ значеніе словъ *столъ* и *упалъ*.

Но если такое намѣреніе сообщить свои мысли другому есть, то расчлененіе необходимо. Это расчлененіе было бы невозможно, если бы у насъ не было слова *столъ* и слова *упалъ*, которыя выражаютъ общія понятія (слово *столъ* обозначаетъ всякій столъ, черный, коричневый, круглый, четыреугольный, большой, малый).

Такимъ образомъ, самое расчлененіе сложнаго представленія совершается при помощи словъ.

Само собою разумѣется, что оно ведетъ за собою воспоминаніе о словахъ *столъ упалъ*, какъ мы ихъ слышали, т.-е. *слуховой образъ* словъ, но выше мы видѣли, что слуховое впечатлѣніе слова, *слуховой образъ* его связанъ въ сознаніи нашемъ съ двигательнымъ образомъ слова, т.-е. съ впечатлѣніемъ отъ нашихъ мускульныхъ движеній при произношеніи слова. Итакъ, слуховой образъ слова *столъ упалъ* ведетъ за собой, вызываетъ въ сознаніи воспоминаніе о движеніяхъ, нужныхъ для произношенія этихъ словъ (двигательные образы словъ). Слуховыя воспоминанія возбуждаютъ двигательныя воспоминанія.

Вслѣдъ за двигательными воспоминаніями идутъ самыя движенія органовъ рѣчи (языка, губъ, гортани); эти движенія вызываютъ звуковыя воздушныя волны. Я говорю *столъ упалъ*: звуко-

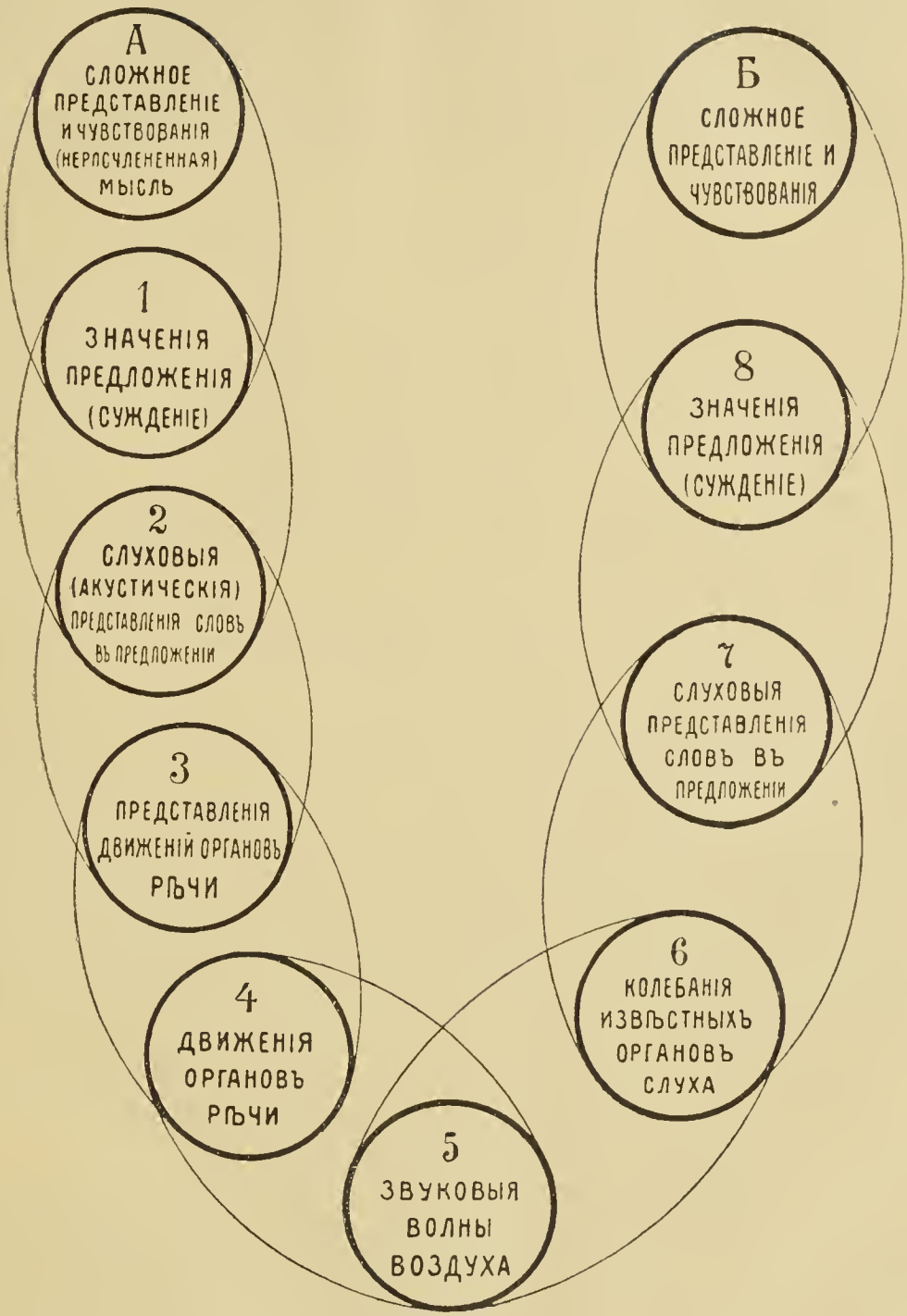

Говорящій.
Слушатель.
А
СЛОЖНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ И ЧУВСТВОВАНІЯ (НЕРАСЧЛЕНЕННАЯ) МЫСЛЬ
1
ЗНАЧЕНІЯ ПРЕДЛОЖЕНІЯ (СУЖДЕНІЕ)
2
СЛУХОВЫЯ (АКУСТИЧЕСКІЯ) ПРЕДСТАВЛЕНІЯ СЛОВЪ ВЪ ПРЕДЛОЖЕНІИ
3
ПРЕДСТАВЛЕНІЯ ДВИЖЕНІЙ ОРГАНОВЪ РѢЧИ
4
ДВИЖЕНІЯ ОРГАНОВЪ РѢЧИ
5
ЗВУКОВЫЯ ВОЛНЫ ВОЗДУХА
6
КОЛЕБАНІЯ ИЗВѢСТНЫХЪ ОРГАНОВЪ СЛУХА
7
СЛУХОВЫЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ СЛОВЪ ВЪ ПРЕДЛОЖЕНІИ
8
ЗНАЧЕНІЯ ПРЕДЛОЖЕНІЯ (СУЖДЕНІЕ)
Б
СЛОЖНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ И ЧУВСТВОВАНІЯ

Рис. 18.

выя воздушныя волны передаются барабанной перепонкѣ уха моего брата, сидящаго въ сосѣдней комнатѣ; эти колебанія передаются его мозгу, какъ слуховыя впечатлѣнія. Но и онъ умѣетъ произносить слова — *столъ упалъ*, въ его мозгу всплываютъ старыя слуховыя впечатлѣнія отъ этихъ словъ, сходныя съ прежними впечатлѣніями; но и въ его мозгу, въ его сознаніи, какъ въ моемъ, слуховые отпечатки словъ *столъ упалъ* связаны съ извѣстными понятіями, которыя суть значенія этихъ словъ.

Потому въ его сознаніи всплываютъ понятія о столѣ, о паденіи, но онъ знаетъ, какой именно столъ стоитъ въ моей комнатѣ, онъ видѣлъ, какъ вообще падаютъ предметы, столы, а потому въ его мозгу въ его сознаніи является сложное представленіе о падающемъ столѣ; можетъ-быть, онъ его будетъ представлять себѣ немного не такъ падающимъ, какъ въ дѣйствительности, можетъ-быть, не въ ту сторону, но въ общемъ онъ получитъ приблизительно такое же сложное представленіе, какое получилъ я, видя падающій столъ. Это представленіе я вызвалъ въ его сознаніи помощью рѣчи.

Итакъ, схема всѣхъ описанныхъ событій такова. (Заимствую ее у профессора Томсона, «Общее языковѣдѣніе» 1 изд., 83 стр.).

Такимъ образомъ ясно, что внѣшней рѣчи, физическому произношенію словъ всегда *предшествуетъ внутренняя рѣчь*; прежде чѣмъ мы что-либо скажемъ, мы мысленно слышимъ слова, какъ бы произносимыя нами же, сперва мысленно ихъ произносимъ, т.-е. сперва вспоминаемъ, вызываемъ въ памяти впечатлѣніе собственныхъ мускульныхъ движеній (двигательные образы), а затѣмъ уже производимъ самыя мускульныя движенія, нужныя для произношенія словъ. Если бы у насъ не было этихъ двигательныхъ образовъ, отпечатковъ мускульныхъ движеній, т.-е. если бы не было внутренней рѣчи, то не было бы внѣшней рѣчи, не было бы рѣчи, какъ физическаго явленія.

Доказать это положеніе нетрудно. Наука установила [1]), что отпечатки ощущеній различнаго рода распредѣлены въ извѣстныхъ частяхъ нашихъ мозговыхъ полушарій.

Такъ, воспоминаніе движеній органовъ рѣчи, т.-е. отпечатки этихъ движеній, находятся въ задней части третьей лобной извилины лѣваго полушарія (у лѣвшей—праваго полушарія). Слуховыя воспоминанія, т.-е. отпечатки слуховыхъ впечатлѣній отъ словъ, находятся въ задней части первой височной извилины (ср. рис. 19).

---

[1]) См. V т. «Медицину», первый полутомъ стр. 160—161 и стр. 400—401.

Поэтому заболѣванія мозговой коры въ томъ мѣстѣ, гдѣ находятся воспоминанія о движеніяхъ органовъ рѣчи, отпечатки этихъ движеній, ведутъ къ тому, что больной теряетъ способность говорить. Онъ можетъ шевелить губами, языкомъ, можетъ произносить звуки, *но безсвязные*. Онъ можетъ вызывать въ сознаніи *слуховыя* впечатлѣнія, слуховые образы словъ, потому что то мѣсто мозговой коры, гдѣ впечатлѣніе получается, здорово.

Рис. 19.

Но произносить словъ онъ не можетъ, потому что у него нѣтъ двигательныхъ образовъ, онъ не можетъ вспомнить движеній, нужныхъ для произношенія слова *столъ*, а потому не можетъ произнести этого слова. Ясно, что произношенію слова физическому должно предшествовать произношеніе мысленное, внѣшней рѣчи должна предшествовать внутренняя рѣчь, движеніямъ органовъ рѣчи должны предшествовать образы этихъ движеній, т.-е. способность вызвать отпечатки этихъ движеній, разъ уже произведенныхъ.

VIII. Звуковыя измѣненія въ языкѣ.

Измѣненія языка. Въ предшествующихъ главахъ мы выяснили, что такое языкъ или рѣчь, въ чемъ заключается его внѣшняя, тѣлесная сторона (звуковая), и въ чемъ заключается его внутренняя сторона, сторона духовная: мы выяснили, какъ человѣкъ учится говорить, и какъ онъ говоритъ, что при этомъ происходитъ въ его мозгу, въ его сознаніи.

Языкъ, однако, не остается всегда однимъ и тѣмъ же. Мы не только учимся говорить, но мы затѣмъ незамѣтно для самихъ

себя измѣняемъ тотъ языкъ, который усвоили отъ родителей, и передаемъ его нашимъ дѣтямъ уже не совсѣмъ такимъ, какимъ сами его получили.

Отчего же эти измѣненія происходятъ? Въ чемъ они заключаются? Они могутъ заключаться въ томъ, что измѣняются звуки языка, напримѣръ, вмѣсто вода́ начинаютъ произносить вада́; они могутъ заключаться въ томъ, что измѣняются значенія словъ, напримѣръ, слово «вонь», которое обозначало у предковъ «запахъ», у ихъ потомковъ начинаетъ обозначать «дурной запахъ»; эти измѣненія заключаются также въ томъ, что мѣняются формы языка, напримѣръ, вмѣсто прежняго *по полемъ* начинаютъ говорить *по полямъ*. Въ послѣднемъ примѣрѣ какъ будто бы то же одинъ звукъ измѣнился въ другой, звукъ *е* въ звукъ *я;* но на самомъ дѣлѣ это не такъ: тѣ же люди, которые стали говорить «по полямъ» вмѣсто «по полемъ», не стали говорить «нябо» вмѣсто «небо»; значитъ звукъ *е* не измѣнился въ ихъ языкѣ въ *я*, но форма (по) «полемъ» по образцу формы (по) «землямъ» измѣнилась въ (по) «полямъ».

Разсмотримъ сперва звуковыя измѣненія, измѣненія звуковъ въ языкѣ, посмотримъ, какъ они происходятъ.

Постепенное звуковое измѣненіе.

Обыкновенно мы думаемъ, что всѣ мы, живущіе въ одномъ, допустимъ даже небольшомъ, городѣ, пусть даже въ одномъ селѣ, въ одной деревнѣ, говоримъ совершенно одинаково. Мы не замѣчаемъ разницы между своимъ произношеніемъ словъ *столъ, вода, братъ* и т. д. и произношеніемъ этихъ же словъ у нашихъ хорошихъ знакомыхъ, нашихъ родственниковъ, съ которыми мы часто водимся. Только, когда мы встрѣтимся въ Харьковѣ, напримѣръ, съ вологжаниномъ, мы замѣчаемъ непосредственно ухомъ нѣкоторое различіе между его произношеніемъ словъ и своимъ. Но это значитъ лишь одно: разница между харьковскимъ литературнымъ русскимъ говоромъ и говоромъ вологжанъ бо́льше, а потому замѣтнѣе; разница въ произношеніи отдѣльныхъ харьковцевъ, говорящихъ книжнымъ русскимъ языкомъ, тоньше, а потому наше ухо ея не замѣчаетъ, не улавливаетъ.

Собственно если бы мы многолѣтнимъ упражненіемъ въ наблюденіи звуковъ развили свое ухо тонко, мы стали бы, навѣрное, замѣчать, что даже члены одной семьи произносятъ слова *вода, собака, ведро* и т. д., не совсѣмъ одинаково, что между *а* одного и *а* другого есть нѣкоторое трудноуловимое различіе. Да и въ самомъ дѣлѣ: мыслимо ли, чтобы положеніе языка одного при *а* и положеніе языка другого лица при *а* было совсѣмъ одинаково? Различіе всегда есть, хотя и микроскопическое. Мало

того,—и одинъ и тотъ же человѣкъ не всегда произноситъ звукъ *а* въ одномъ и томъ же словѣ вполнѣ одинаково; колебаніе зависитъ отъ такихъ причинъ, какъ настроеніе или состояніе здоровья; правда, мы этихъ различій не замѣчаемъ, но значитъ ли, что ихъ нѣтъ? Мыслимо ли, чтобы ихъ не было; чтобы движенія органовъ рѣчи, языка, губъ всегда математически были одинаковы?

Мы не видимъ, конечно, въ водѣ микробовъ безъ микроскопа, но микроскопъ показываетъ, что они есть.

Вотъ эти микроскопическія, незамѣтныя колебанія въ произношеніи, т.-е. въ движеніяхъ органовъ рѣчи и являются часто причиной постепеннаго измѣненія звуковъ.

Сперва незамѣтныя, они, накопляясь, даютъ новый оттѣнокъ звука, который уже становится замѣтнымъ.

Такія отклоненія отъ обычнаго произношенія, напримѣръ, звука *о* неударяемаго, возникаютъ сперва у одного говорящаго въ какой-нибудь семьѣ, въ какой-нибудь общинѣ; языкъ поднимается чуть-чуть меньше, чѣмъ при *о*, когда оно подъ удареніемъ (вóды), губы округляются чуть меньше. Это сперва незамѣтное отклоненіе, явившись одинъ разъ, можетъ не повториться такъ сказать умереть; но если по какимъ-либо причинамъ, которыя мы указать не можемъ, отклоненіе это повторилось разъ, другой, то постепенно оно дѣлается привычнымъ; постепенно оно можетъ увеличиваться и все болѣе и болѣе приближаться къ новому звуковому типу, къ новому звуку, при которомъ языкъ въ задней своей части поднятъ на половину меньше, чѣмъ при *о*, наполовину больше, чѣмъ при *а*; это звукъ—средній между *о* и *а*,—это звукъ o^a или a^o.

Отъ одного говорящаго это новое произношеніе понемногу передается другимъ членамъ той же семьи, а затѣмъ другимъ членамъ той же общины, той же деревни или села. Такъ постепенно цѣлая деревня начинаетъ говорить вмѣсто «вода́»—«во^{a}да»: изъ этой деревни такое произношеніе можетъ перейти въ сосѣднюю.

Такое измѣненіе дѣйствительно произошло когда-то въ глубокой древности въ одномъ изъ небольшихъ русскихъ говоровъ: этотъ небольшой говоръ со временемъ разросся въ большое «акающее» нарѣчіе, въ которомъ o^a, явившееся изъ *о*, перешло постепенно въ *а*, во всѣхъ словахъ, гдѣ оно было неударяемымъ: *вада́*, *сталы́*, *нага́*, *каза́*, *рага́*, *блаха́* и т. д. Изъ этого народнаго нарѣчія такое произношеніе проникло и въ рѣчь русскихъ образованныхъ классовъ.

Къ разряду такихъ же постепенныхъ измѣненій, быть можетъ, относится измѣненіе старыхъ русскихъ твердыхъ *к*, *г*, *х*

въ нынѣшніе мягкіе *к, г, х:* вмѣсто стараго *кыпѣть, гыбель, хытрый* явилось *кипѣть, гибель, хитрый.* Сперва *к, г* произносились при поднятіи задней спинки языка къ мягкому нёбу, потомъ постепенно, незамѣтно, мѣсто прикосновенія языка къ нёбу передвигалось все ближе и ближе къ деснамъ, пока не получилось нынѣшнее мягкое *к* (*г, х*).

Приспособленіе сосѣднихъ звуковъ.

Нерѣдко измѣненіе одного звука въ другой объясняется вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ; два сосѣднихъ звука какъ бы приспособляются другъ къ другу, другъ другу уподобляются. Это значитъ, что положенія органовъ рѣчи при произношеніи одного звука измѣняются такъ, что они ближе, сходнѣе съ положеніями, которыя нужны для производства послѣдующаго звука; такъ, произнося слово *око* мы уже въ тотъ моментъ, когда произносимъ *к*, принимаемъ такое положеніе губъ, какое нужно для слѣдующаго *о*, т.-е. округляемъ губы. Вслѣдствіе этого *к* получается нѣсколько иное, чѣмъ *к* въ словѣ *ака́* (Ока́), болѣе низкое по тону (объ этомъ подробнѣе говорилось въ V главѣ); однако это измѣненіе *к* подъ вліяніемъ слѣдующаго *о* настолько небольшое, что мы его не замѣчаемъ.

Точно такъ же мы не замѣчаемъ, конечно, что звукъ *б* въ словахъ *о́бморокъ, обмылокъ, обмотать* мы произносимъ не такъ, какъ въ словахъ: оба, *обои* и т. п. Въ словѣ *оба* производство *б* состоитъ въ томъ, что губы на мгновеніе смыкаются, а затѣмъ раскрываются и выпускаютъ сразу струю воздуха, отчего и происходитъ *взрывъ*, дающій уху звукъ *б;* въ словѣ *о́бморокъ* губы послѣ *б* не раскрываются, потому что для слѣдующаго *м* нужно ихъ опять сжать, закрыть, взрывъ воздуха, упершагося въ губы, происходитъ назадъ чрезъ полость носа.

Однако сообразованіе двухъ сосѣднихъ звуковъ, ихъ взаимное приспособленіе въ другихъ случаяхъ бываетъ болѣе значительное и вполнѣ замѣтное.

Уподобленіе.

Такъ, напримѣръ, мы произносимъ фразу *хлѣбъ да соль*—какъ *хлѣбдасоль*, т.-е. передъ *д* произносимъ правильно *б*, но фразу *хлѣбъ-то твой* произносимъ: *хлѣпто твой*, т.-е. вмѣсто *б* произносимъ *п*; отчего?—оттого, что при *б* голосовыя связки дрожатъ, а *п*,—тотъ же звукъ, только безъ дрожанія голосовыхъ связокъ; въ фразѣ «хлѣпто твой» мы уже при *б* приводимъ голосовыя связки въ такое состояніе, какое нужно для слѣдующаго *т*. т.-е. въ состояніе покоя.

Примѣровъ такого рода можно привести не мало: такъ, вмѣсто—*източникъ*, состоящаго изъ предлога *из* и корня *ток*, мы говоримъ *источникъ*, т.-е. передъ глухимъ *т* (безъ дрожанія голосовыхъ связокъ) звонкое *з* переходитъ въ глухое *с*; но предъ

звонкимъ согласнымъ (т.-е. съ дрожаніемъ связокъ) *з* остается звонкимъ: *из-даніе*, *избрать*; такъ же вмѣсто *возкресеніе*, гдѣ предлогъ *воз*, мы говоримъ *воскресеніе*, но *воздать*.

Въ старыхъ нашихъ рукописяхъ, напримѣръ, въ лѣтописяхъ, еще пишется *истьба*, *истьба*; послѣ *т* въ словѣ этомъ когда-то произносился еще очень краткій гласный (*у* или *о*), который обозначали буквой *ъ*; но когда этотъ гласный пересталъ произноситься, то согласные *с* и *т* глухіе очутились непосредственно предъ звонкимъ *б*; при *с* и *т* голосовыя связки находятся въ состояніи покоя, при *б* онѣ должны дрожать; и вотъ говорящіе уже при *с* и *т* стали приводить голосовыя связки въ колебаніе, вслѣдствіе чего сами собою получились вмѣсто *с—з*, вмѣсто *т—д*; такъ вмѣсто *истба* получилось *изба*, а отсюда позже *изба*. Такимъ же образомъ старое слово *сватьба* (ср. *сватать*), когда *ь* пересталъ произноситься, перешло въ *свадьба*, гдѣ *ь* не произносится, а только пишется, а произносится мягкое *д* и *б* (мягкое *т* глухое предъ звонкимъ *б* перешло въ звонкое мягкое *д*).

Еще примѣръ: встарину писалось и говорилось: *бъчела*, послѣ *б* произносился звукъ *ъ* (очень краткое *о* или *у*), но когда онъ пересталъ произноситься, то возникло несоотвѣтствіе двухъ сосѣднихъ согласныхъ, *б* и *ч*; *б*—звонкій, *ч*—глухой. Въ русскомъ языкѣ, т.-е. у великороссовъ *б* предъ *ч* перешло въ *п*, т.-е. стало произноситься, какъ и слѣдующее *ч*, безъ дрожанія голосовыхъ связокъ, а у малороссовъ, наоборотъ,—голосовыя связки продолжали дрожать и послѣ *б*, при *ч*; *ч* съ дрожаніемъ голосовыхъ связокъ даетъ слитный согласный *дж* (одинъ согласный, какъ *ч* есть слитное *тш*); получилось бджела, затѣмъ *дж* измѣнилось въ простое *ж*: *бжела*.

Измѣненіе звуковъ при перенятіи.

Разсмотрѣнныя выше измѣненія звуковъ происходятъ въ рѣчи одного и того же поколѣнія говорящихъ; одно и то же лицо вмѣсто *сватьба* съ мягкимъ *т* начинаетъ говорить *свадьба* съ мягкимъ *д*. Однако довольно много измѣненій въ языкѣ происходитъ при передачѣ языка отъ одного поколѣнія къ другому,—происходитъ вслѣдствіе того, что дѣти не вполнѣ точно передаютъ то, что слышатъ отъ родителей. Учась говорить, ребенокъ постепенно исправляетъ свою рѣчь и все болѣе и болѣе уподобляетъ ее языку родителей: сперва онъ говоритъ: *дороголь*, *дорогая* вмѣсто *дорогой*, *дорогая*, «толь» вмѣсто *столъ*, затѣмъ замѣчаетъ разницу и научается говорить правильно. Нѣкоторыя неточности, однако, такъ и остаются неисправленными и передаются слѣдующимъ поколѣніямъ. Не всегда можно увѣренно сказать, возникло ли то или другое измѣненіе звуковъ именно такимъ путемъ,—путемъ неточной пе-

редачи, однако не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что многія измѣненія въ языкѣ произошли именно такимъ образомъ.

Такъ, напримѣръ, на мѣстѣ русскаго *ж* въ словахъ *боже*, *живъ* былъ когда-то, въ тѣ времена, когда еще всѣ славяне составляли одинъ народъ, слитный звукъ *дж* (звонкое *ч*). Это *дж* измѣнилось въ *ж*, можетъ быть именно въ силу неточной передачи младшимъ поколѣніемъ звука, который произносили старшіе. Можетъ-быть, такимъ же путемъ стали говорить *радосный* вмѣсто *радостный*, *если* вмѣсто *есть ли*, *оболоко* вмѣсто (облако) *обволоко* (обволакивать), *Брянскъ* вмѣсто *Дбрянскъ* (раньше *Дьбрянскъ*), *невьска* вмѣсто *невьстка* (ср. *невьста*).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣются такія измѣненія, въ которыхъ имѣли значеніе разныя причины: такъ, отъ *дъска* образовано было прилагательное *дъщанъ*, *ъ* въ немъ перестало произноситься, *дщанъ;* затѣмъ звонкое *д* предъ глухимъ *щ* должно было стать глухимъ (безъ дрожанія голосовыхъ связокъ), т.-е. *т;* получилось *тщанъ*, которое новое поколѣніе могло передать неточно: *чанъ*. Возможно, что и *издба*, получившееся изъ *истба (истъба)* было передано неточно слѣдующимъ поколѣніемъ формой *изба*.

Появленіе новыхъ звуковъ.

Выше мы приводили такіе случаи, когда въ группѣ изъ нѣсколькихъ звуковъ одинъ выпадаетъ (обволоко—оболоко, истба—изба). Бываютъ въ языкѣ и такіе случаи, когда въ группѣ звуковъ появляется новый звукъ, котораго не было раньше. Явленіе это можетъ происходить въ силу разныхъ причинъ. Такъ, народъ говоритъ вмѣсто *нравъ—ндравъ;* вмѣсто *нр* является въ языкѣ *ндр*. Причина появленія здѣсь новаго звука *д* довольно простая: дѣло въ томъ, что *н* и *д*—звуки, одинаковые по положенію языка, и различаются лишь тѣмъ, что при *д*, какъ и при *р*, полость носа отгорожена язычкомъ отъ полости рта, а при *н* эти обѣ полости соединены: чтобы перейти отъ *н* къ *р* нужно одновременно перемѣнить положеніе языка и отгородить полость носа отъ полости рта язычкомъ (примкнуть его къ стѣнкѣ зѣва); если движеніе языка, который при *д* примкнутъ къ зубамъ, запоздаетъ, а язычокъ уже отгородилъ носъ ото рта (что необходимо для *р*), то самъ собою получится *д*,—вмѣсто *нр* получится *ндр*.

На это явленіе похоже также народное произношеніе словъ *срамъ*, *сраженіе*: *страмъ*, *страженіе*; да и люди образованные говорятъ *встрътить* вмѣсто *встрѣтить*; по-церковному—*срѣтеніе*.

Тутъ, вѣроятно, дѣло не обошлось безъ неточной передачи дѣтьми языка отцовъ; при *с* конецъ языка приближенъ къ зубамъ, оставляя узкую щель; для слѣдующаго *р* онъ долженъ

подняться выше къ деснамъ; при этомъ переходѣ отъ *с* къ *р* кончикъ языка легко можетъ задѣть за десну и образовать на мгновеніе легкій затворъ; при переходѣ отъ этого затвора къ *р* получается слабый звукъ, похожій на *т*, такъ сказать, слабое десенное *т*; слѣдующее поколѣніе подмѣчаетъ ухомъ этотъ слабый звукъ, похожій на *т*, и передаетъ его настоящимъ зубнымъ *т* (такъ объясняетъ это явленіе А. И. Томсонъ).

Расподобленіе звуковъ.

Выше мы приводили примѣры, когда сосѣдніе звуки приближаются другъ къ другу по производству, *уподобляются* другъ другу. Но бываетъ въ языкѣ и обратное, т.-е. расподобленіе. Такъ, напримѣръ, раньше произносилось *дьня* съ мягкимъ *д* и мягкимъ *н*; мягкое *д* и мягкое *н* по положенію языка совершенно одинаковы (только *н*, носовое, а *д* не носовое); теперь мы произносимъ *дня* съ твердымъ *д*, т.-е. *д* мягкое измѣнилось въ *д* твердое, а это уже менѣе сходно съ *н* мягкимъ. Въ этомъ случаѣ измѣненіе произошло въ силу того, что сочетаніе *дня* легче, чѣмъ *дьня*. Иногда происходитъ расподобленіе согласныхъ въ сосѣднихъ слогахъ,—напримѣръ, вмѣсто *вельблюдъ* (такъ въ старыхъ рукописяхъ) стали говорить *верблюдъ*; вмѣсто двухъ *л* явилось *р* и *л*; вмѣсто *февраль* (по-латыни februarius — февруаріусъ) стали говорить *февраль*, а въ одной старой лѣтописи написано: *февларь*; простой народъ говоритъ вмѣсто *прорубь — пролубь*, вмѣсто *рекрутъ — некрутъ*, вмѣсто *директоръ — дилехторъ*. Эти измѣненія могли произойти вслѣдствіе неточности передачи, ослышки. Въ силу той же ослышки иногда звуки сосѣднихъ слоговъ переставливаются: вмѣсто *терезвый* (а по-церковному *трьзвый*) говорятъ *тверёзый*. Нашу *тарелку* мы заимствовали у нѣмцевъ; по-нѣмецки она называется Teller (теллеръ), поляки сдѣлали изъ этого «талержъ» (talerz), а мы переставили звуки, и вмѣсто *талерки* завели себѣ *тарелку*.

Особенно много напуталъ нашъ русскій народъ съ греческими и римскими именами: священники писали *Флоръ*, а народъ говорилъ *Фролъ*, вмѣсто *Венедей* (Венедиктъ) называли сына «*Веденей*», вмѣсто *Сильвестръ*—явилось *Селиверстъ*, вмѣсто *Порфирій — Перфилъ*, и т. д.

Звуковые законы.

Если одинъ звукъ измѣняется въ другой вслѣдствіе постепенныхъ незамѣтныхъ отклоненій, какъ *о* безударное въ *а* (*вадá*), или вслѣдствіе уподобленія (*ис-того* вм. *из-того*), или при перенятіи языка, то это измѣненіе всегда строго *послѣдовательно*.

Это значитъ, что *о* безъ ударенія во *всѣхъ* словахъ переходитъ въ *а*, а не въ нѣкоторыхъ лишь. Если звучный согласный передъ

глухимъ переходитъ въ глухой, то также во *всѣхъ* словахъ, *всякій звучный:* и *д*, и *б*, и *з*, и *г*.

Если новое поколѣніе неточно передаетъ слитный согласный *дж*, который слышитъ отъ старшихъ, чрезъ простое *ж*. то также во *всѣхъ* словахъ, гдѣ есть это *дж*.

Измѣненія звуковъ происходятъ такимъ образомъ, что имѣютъ какъ бы обязательную силу для всѣхъ одинаковыхъ случаевъ; поэтому ихъ обыкновенно называютъ «*звуковыми законами*».

Говорятъ «звуковой законъ перехода *о* въ *а*»; когда говорятъ о звуковомъ законѣ, то всегда точно опредѣляютъ, при какихъ условіяхъ онъ дѣйствуетъ. Напримѣръ, *о* перешло въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ русскаго языка въ *а* только тогда, когда на немъ не было ударенія: *вадá*, но *вóды*. Слѣд., звуковой законъ перехода *о* въ *а* и заключается въ этомъ условіи: всякій разъ, какъ *о* не имѣетъ ударенія, оно переходитъ въ *а*. оно не можетъ остаться, какъ *о*.

Какъ извѣстно, употребляютъ также выраженіе «*законы природы*»; но «*законы звуковые*» на «*законы природы*» не похожи.

Законы природы вѣчны и дѣйствуютъ всюду, во всемъ мірѣ одинаково.

И въ Африкѣ, и въ Европѣ, и тысячу лѣтъ тому назадъ, и въ наше время всѣ предметы притягиваются землей. Законы звуковые не вѣчны и не для всѣхъ говорящихъ дѣйствительны; неударяемое *о* переходило въ *а* только въ одномъ великорусскомъ нарѣчіи, а другіе великоруссы и донынѣ «окаютъ», говорятъ на *о*: *водá*, *ногá*, *козá* и т. д.

Звуковые законы дѣйствительны только въ извѣстный промежутокъ времени, а затѣмъ перестаютъ дѣйствовать. Такъ, давнымъ-давно, еще въ то время, когда русскіе, поляки, чехи, болгаре, сербы составляли одинъ народъ, въ ихъ языкѣ всякое *г* передъ *е* переходило въ *ж*: слогъ *ге* измѣнялся въ *же*: изъ *гена* выходило *жена*, изъ *боге*!—*боже*! (ср. богъ, бога, богу) и т. д., такъ что слога *ге* въ славянскомъ вовсе не было. Но позже этотъ законъ уже не дѣйствовалъ; поэтому позже славяне заимствовали у грековъ слова ан*г*елъ, *г*еографія, еван*г*еліе, и въ этихъ словахъ уже слогъ *ге* не измѣнился въ *же*, остался. Отчего звуковые измѣненія или «звуковые законы» имѣютъ значеніе только въ извѣстный промежутокъ времени, а не всегда, только у извѣстнаго количества людей?—Оттого, что у различныхъ людей, живущихъ въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ, не совсѣмъ одинаковы органы рѣчи, не совсѣмъ одинаковы пріемы производства звуковъ: наши предки умѣли произносить только твердое *к* или *г*, а мягкаго *г*, *к* не умѣли, имъ непривыченъ былъ подъемъ задней

части языка къ мягкому нёбу, а мы отлично произносимъ мягкія *г*, *к*. Французъ не привыкъ произносить наше твердое *л*, а мы не умѣемъ произносить его картавое *р*.

Итакъ, звуковой законъ, т.-е. звуковой переходъ, дѣйствуетъ только въ опредѣленное время, только у извѣстнаго количества людей, но зато ужъ дѣйствуетъ въ это время, у этихъ людей *безъ исключеній*, т.-е. во всѣхъ случаяхъ, гдѣ встрѣчается *г* передъ *е*, оно переходитъ въ *ж*.

Исключенія, которыя мы встрѣтимъ, только *кажущіяся;* или эти слова, которыя не соотвѣтствуютъ звуковому закону, явились въ языкѣ позже, взяты изъ другого языка (*ангелъ* при *боже*); или мы просто считаемъ условія одинаковыми, когда они не одинаковы: напримѣръ, можетъ показаться что *идти, итти*. какъ мы пишемъ, есть исключеніе изъ закона, по которому *тт* переходило когда-то въ *ст: плет-у (плетти)—плести; мету (метти)—мести; цвѣту (цвѣтти)—цвѣсти, веду (ведти)—вести*. На самомъ дѣлѣ. однако *идти*, явилось позже, а въ древности было *ити*; такъ пишется въ старыхъ рукописяхъ. Значитъ, условія были не одни и тѣ же: въ словѣ *плетти*—было два *т*, а въ словѣ *ити*—одно. Иногда же «исключеніе» происходитъ оттого, что сперва звуковой переходъ былъ и въ томъ словѣ, которое будто бы является исключеніемъ, но позже оно измѣнило свою форму подъ вліяніемъ другихъ словъ того же корня и значенія. Такъ, передъ йотомъ *сл* переходило въ *шл: мыслјеніе* перешло въ *мышленіе*; то же было въ формѣ *мыслю* (ю=йу): оно перешло въ *мышлю* (такъ въ старыхъ рукописяхъ), но рядомъ съ *мышлю* говорили *мыслишь, мыслитъ, мыслимъ, мыслите*, и вотъ въ соотвѣтствіе этимъ формамъ, *подъ вліяніемъ ихъ* стали говорить: *мыслю* вмѣсто *мышлю*.

IX. Значенія словъ и ихъ измѣненія.

Что такое значеніе словъ.

Звуки рѣчи составляютъ, такъ сказать, тѣло языка. Душу языка, его внутреннюю сторону, составляетъ значеніе рѣчи, значеніе словъ.

Возьмемъ отрывокъ рѣчи: «*Митя и Петя дерутся*»; значеніе этого отрывка рѣчи составляетъ то представленіе, которое возникаетъ въ нашемъ умѣ, въ нашемъ сознаніи, когда мы слышимъ эту фразу Представленіе это цѣльное, но оно сложное; въ немъ, въ этомъ сложномъ представленіи, мы различаемъ отдѣльныя представленія: представленіе Пети, представленіе Мити, представленіе драки. Эти представленія мы различаемъ потому, что видѣли Митю отдѣльно читающимъ, Петю—играющимъ, видѣли драку другихъ дѣтей, драку пѣтуховъ.

При сравненіи представленія дерущихся Пети и Мити съ представленіемъ читающаго Мити, само собою выдѣляется представленіе Мити.

Отдѣльныя представленія, которыя выдѣляются изъ сложнаго представленія нашимъ сознаніемъ, обозначаются словами: *Петя, Митя, дерутся.*

Каждое слово вызываетъ какое-нибудь представленіе въ умѣ говорящаго и слушающаго, т.-е. имѣетъ какое-нибудь значеніе: Одни слова означаютъ предметы или свойства (признаки) предметовъ: таковы слова «песъ», «жучка», «камень», «дѣти», «спитъ», «идетъ»; другія слова не обозначаютъ ни предметовъ, ни ихъ свойствъ: какой предметъ или какое свойство обозначаютъ слова: на, при, послѣ (стою на горѣ, при рѣкѣ, причалю послѣ тебя)?— Эти слова обозначаютъ отношеніе между предметами, вызываютъ представленія объ отношеніяхъ предметовъ.

Но то или иное значеніе имѣетъ каждое слово.

Если рядъ звуковъ не имѣетъ никакого значенія, то это не слово; французское слово, напримѣръ, друа (droit), не слово для того, кто не знаетъ французскаго языка, но для самого говорящаго, знающаго французскій языкъ, это—слово, потому что вызываетъ въ его сознаніи извѣстное представленіе.

Значенія словъ устанавливается въ дѣтствѣ, когда мы учимся говорить.

Отецъ, подведя насъ къ рѣкѣ, произноситъ слово *рѣка*; одновременно въ нашемъ мозгу запечатлѣвается воспоминаніе о рѣкѣ и о словѣ *рѣка.*

Мы повторяемъ сами: *рѣка*, и въ сознаніи нашемъ остается слѣдъ движеній органовъ рѣчи при произнесеніи слова. Отнынѣ всѣ эти три впечатлѣнія связаны; всякій разъ, какъ мы услышимъ слово *рѣка* или сами произносимъ его, въ нашемъ мозгу, въ нашемъ представленіи всплываетъ представленіе о рѣкѣ, это представленіе и есть собственно значеніе слова *рѣка.*

Изъ этого примѣра ясно, что *значеніе слова* у того, кто его произноситъ, и у того, кто его слушаетъ, не вполнѣ совпадаетъ.

То представленіе, какое является у васъ при словѣ рѣка, конечно, очень похоже на то представленіе, какое является при немъ у меня; похоже, но не вполнѣ одинаково.

Я родился на Волгѣ и привыкъ къ ней, и всякій разъ, какъ услышу или самъ произнесу слово «*рѣка*», въ моемъ сознаніи всплываетъ образъ необъятно-широкой рѣки, плавно катящей свои волны; вы родились на Кавказѣ и привыкли къ узкой, но быстрой, бурлящей по камнямъ, горной рѣчкѣ, и когда я произ-

ношу передъ вами слово «рѣка», пѣнистые гребни встаютъ въ вашемъ сознаніи.

Итакъ, значеніе словъ у разныхъ людей не вполнѣ одинаково, и они понимаютъ другъ друга только приблизительно, а потому нужно особое искусство, особый подборъ словъ и точныхъ опредѣленій для того, чтобы вызвать въ сознаніи слушателя совершенно тѣ же представленія, какія обозначаютъ эти слова у говорящаго.

Говоря съ ребенкомъ, нужно употреблять одни слова, говоря со взрослымъ—другія.

Различныя значенія словъ у одного лица.

Но не только у разныхъ лицъ одно и то же слово имѣетъ разныя значенія, у одного и того же лица слово можетъ имѣть два и нѣсколько значеній. Это значитъ: у одного и того же лица слово можетъ возбуждать два и болѣе различныхъ представленій.

У гимназиста при словахъ: *ключъ не отпираетъ* всплываетъ въ сознаніи представленіе о желѣзномъ ключѣ; у него же при словахъ: *въ ключѣ не хватаетъ страницъ* является представленіе о книжкѣ, въ которой находится переводъ какого-нибудь греческаго или латинскаго произведенія,—книжкѣ, которую гимназисты называютъ *ключомъ*.

Если учитель географіи скажетъ ученику, чтобы онъ принесъ карты, въ сознаніи послѣдняго явится одно представленіе; если товарищъ скажетъ ему вечеромъ на досугѣ *давай карты*,—въ сознаніи его явится другое представленіе.

Всѣ рѣшительно слова: *человѣкъ*, *дворникъ*, *вода*, *собака* и т. д. только на первый взглядъ имѣютъ одно значеніе, т.-е. могутъ возбуждать въ сознаніи говорящаго *одно* представленіе. Въ дѣйствительности это не такъ. Если я скажу: *человѣкъ слабъ* или *человѣкъ—звѣрь*, то при словѣ *человѣкъ* и въ моемъ сознаніи и въ сознаніи слушателя является смутное, неясное представленіе или понятіе о человѣкѣ вообще, о существѣ съ извѣстными признаками, общими всѣмъ людямъ.

Если же я, узнавъ, что меня спрашиваетъ какой-то человѣкъ въ тулупѣ, говорю: *позовите этого человѣка сюда*, то въ моемъ представленіи является болѣе опредѣленный образъ человѣка въ тулупѣ и, вѣроятно, съ бородой, а не бритаго. Если я говорю, *нужно нанять дворника*, то въ моемъ сознаніи является болѣе общее представленіе; если я говорю *позови дворника*, то въ моемъ сознаніи всплываетъ образъ нашего дворника—Семена.

Конкретное и отвлеченное значеніе.

Такимъ образомъ, представленія, которыя связаны со словами, т.-е. значенія словъ, могутъ быть болѣе общими и менѣе общими.

Слово нерѣдко обозначаетъ одинъ какой-либо—*единичный* (индивидуальный) предметъ, напр., слова: *Волга, Москва*; слово *песъ*, когда мы говоримъ: *нашъ песъ*, т.-е. говоримъ объ одной опредѣленной собакѣ; слово *домъ*, когда мы говоримъ *домъ Иванова;* такое значеніе слова называется *конкретнымъ*.

Если слово вызываетъ общее представленіе или понятіе: слово *синій. сладкій. большой. собака* (напр., въ фразѣ: *собака—умное животное*). то значеніе его называется отвлеченнымъ, *абстрактнымъ*. Отвлеченнымъ оно называется потому, что представленіе, которое это слово вызываетъ, само по себѣ не встрѣчается въ жизни, а отвлечено нашимъ сознаніемъ отъ конкретныхъ представленій; въ жизни встрѣчаются только бѣлый конь, бѣлая стѣна, бѣлая бумага, а *бѣлое* безъ какого-либо предмета не встрѣчается; отъ этихъ предметовъ мы отвлекаемъ одинъ общій признакъ и представленіе объ этомъ признакѣ обозначаемъ словомъ *бѣлый*.

Что обозначаетъ слово.

До сихъ поръ мы говорили, что каждое слово вызываетъ у самого говорящаго и у слушателя извѣстное представленіе, болѣе общее или менѣе общее, *конкретное* или *отвлеченное;* мы говорили, что значеніе слова есть то *представленіе*. которое связано со словомъ. Теперь для бо́льшей точности необходимо пояснить, что слово нерѣдко обозначаетъ не только представленіе объ извѣстномъ предметѣ или о свойствѣ предметовъ; *слово иногда одновременно обозначаетъ и представленіе и чувствованіе говорящаго*, которымъ сопровождается представленіе. Такъ, если я говорю: *бѣлый цвѣтъ вамъ къ лицу*. то при словѣ *бѣлый* является лишь представленіе; слово это обозначаетъ лишь представленіе; но если я. любуясь ребенкомъ, скажу: «*какой онъ бѣленькій*»,—это слово выразитъ не только извѣстное представленіе, но и извѣстное, хотя бы тонкое, слабое, чувство говорящаго,—чувство нѣжности къ ребенку. Если объ извѣстномъ лицѣ сказать, что оно *ѣстъ*. то слово это обозначаетъ представленіе; если сказать, что оно *кушаетъ*, то слово обозначаетъ не только представленіе, но и извѣстное отношеніе говорящаго къ этому представленію, извѣстное чувство почтенія къ лицу, которое *кушаетъ;* другое чувствованіе, присоединяющееся къ представленію, выразится словомъ *жретъ*,—это чувствованіе говорящій стремится вызвать у слушателя.

Мы видимъ, что у разныхъ лицъ, говорящихъ на одномъ и томъ же языкѣ, въ одно и то же время (въ одну и ту же эпоху) слова имѣютъ не вполнѣ одинаковыя значенія. Когда я, занимающійся исторіей языка, употребляю слово *памятникъ*, то имѣю въ виду памятникъ языка, въ моемъ сознаніи всплываетъ пред-

ставленіе о рукописи; но у человѣка простого, далекаго отъ занятій рукописями, при словѣ *памятникъ* явится представленіе о памятникѣ, который ставятъ въ честь покойнаго, т.-е. *монументъ*. Житель той мѣстности, которая окружена исключительно хвойными лѣсами при словѣ *лѣсъ* представляетъ себѣ не совсѣмъ то, что житель болѣе южной полосы, видавшій исключительно лиственные лѣса. Но эти различія сравнительно не велики; все же и тотъ, и другой представляютъ себѣ большое количество деревьевъ, растущихъ вмѣстѣ; не сходенъ въ ихъ представленіяхъ одинъ только признакъ; этотъ признакъ ближе, точнѣе опредѣляетъ породу деревьевъ.

Гораздо большее различіе замѣчается въ значеніи, какое слова имѣютъ въ одномъ и томъ же языкѣ въ различныя времена (эпохи).

Когда встарину произносилось слово *куница*, то въ сознаніи говорящаго являлось представленіе о *подати;* говорили: «*а съ нашего монастыря Остъровъскаго куницы не брати, а никакихъ пошлинъ*»; это значило: «съ нашего монастыря не брать никакихъ податей и пошлинъ», говорили: «*а куницы свадебныя брано бы съ нихъ по шести грошей*», т.-е. свадебныхъ податей брать съ нихъ по 6 грошей. Конечно, въ наше время слово *куница* можетъ вызвать представленіе о звѣрѣ, о его мѣхѣ, но не о подати.

(Первоначально денегъ въ нашемъ смыслѣ у русскихъ не было платили мѣхами, въ томъ числѣ куньими, оттого купій мѣхъ,— слово куница, могло получить значеніе *подать*).

Другой примѣръ: встарину слово *жерло* вызывало у слушателя и говорящаго то представленіе, которое въ наше время вызывается словомъ *голосъ*: «*возопихъ жерломъ великимъ*» значило: *я вскричалъ громкимъ голосомъ*. Въ наше время слово *жерло* вызываетъ лишь представленіе о пушечномъ жерлѣ.

Слово *варъ* въ настоящее время означаетъ лишь смолу, встарь оно обозначало также и *жару, зной*.

Примѣры эти показываютъ, что значеніе словъ не остается всегда однимъ, что оно измѣняется.

Такимъ образомъ жизнь языка, его измѣненія состоятъ не только въ томъ, что мѣняется звуковая сторона словъ, но и въ томъ, что мѣняется ихъ значеніе. Какъ же измѣняется значеніе словъ?

Случайное значеніе слова.

Всякое измѣненіе въ языкѣ начинается обыкновенно въ рѣчи одного человѣка, а затѣмъ заимствуется другими говорящими той же небольшой общины или области.

Извѣстное слово, напримѣръ, слово *конка*, вызываетъ въ умѣ говорящихъ одно и то же представленіе: представленіе о конной тягѣ по рельсамъ; новое значеніе это слово можетъ получить сперва въ единичномъ случаѣ: въ городѣ рядомъ съ конкой заводится электрическая тяга съ той же цѣлью сообщенія внутри города.

Между конкой и этимъ новымъ способомъ передвиженія есть извѣстное сходство: и конка, и электрическій трамвай служатъ одной цѣли, движеніе происходитъ внутри города, по рельсамъ, билеты продаютъ такіе же люди въ формѣ «кондуктора», цѣна билета та же. Невольно между старымъ представленіемъ «конка» и новымъ представленіемъ устанавливается связь, и кто-либо изъ говорящихъ можетъ обозначить это *новое* представленіе, представленіе объ электрическомъ трамваѣ, словомъ *конка*.

Новое значеніе слова *конка* (электрическій трамвай) есть *случайное* значеніе слова, которое явилось рядомъ съ *обычнымъ* (старымъ) значеніемъ этого слова. Но при повтореніи употребленіе слова *конка* въ значеніи электрическій трамвай можетъ сдѣлаться *обычнымъ*, а, наоборотъ, старое значеніе слова *конка*, если не приходится употреблять его въ старомъ значеніи, можетъ исчезнуть. Такимъ образомъ слово *конка* будетъ вызывать въ представленіи говорящихъ только новое представленіе: *электрическій трамвай;* случайное значеніе станетъ обычнымъ, т.-е. произойдетъ измѣненіе значенія слова *конка*.

Такое возникновеніе новаго значенія слова не всегда, однако, ведетъ за собою исчезновеніе стараго значенія; иногда старое значеніе продолжаетъ жить рядомъ съ новымъ.

Слово *перо, перья* не потеряло своего стараго значенія, послѣ того какъ получило новое значеніе *перо для письма;* въ нашемъ сознаніи вызываетъ представленіе о стальныхъ перьяхъ фраза *дайте коробку перьевъ*, сказанная въ писче-бумажномъ магазинѣ; иное представленіе (болѣе старое съ точки зрѣнія исторіи языка) является у насъ при словахъ *повыщипалъ ему перья*.

Въ измѣненіи значенія словъ можно различить нѣсколько главныхъ видовъ.

Расширеніе значенія. Такъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ измѣненіе это состоитъ въ томъ, что слово получаетъ болѣе широкое, болѣе общее значеніе; иными словами, оно получаетъ способность обозначать большее количество предметовъ, чѣмъ раньше.

Примѣромъ такого расширенія значенія можетъ служить слово *горница*; слово это происходитъ отъ прилагательнаго *горній* (ср. *гора)* и первоначально обозначало верхнюю комнату; позже зна-

ченіе слова расширилось: оно стало обозначать комнату вообще, всякую комнату.

Еще примѣръ: нѣмецкое слово Karl (т.-е. «*Карл*») было заимствовано въ древности славянами въ формѣ «*Корль*», откуда потомъ у русскихъ явилось *король*; первоначально слово обозначало одного человѣка—императора Карла Великаго, потомъ оно получило болѣе широкое значеніе, стало обозначать всякаго императора, царя,—*короля*.

Суженіе значенія. Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, значеніе слова суживается; это значитъ, что слово первоначально вызывало болѣе общее представленіе,—представленіе, подъ которое подходитъ бо́льшее количество предметовъ; затѣмъ слово стало вызывать болѣе конкретное, болѣе ограниченное, болѣе опредѣленное представленіе, т.-е. представленіе, подъ которое подходитъ ме́ньшее количество предметовъ. Такъ, слова *воня*, *вонять* первоначально обозначали запахъ вообще, всякій запахъ, и хорошій и дурной, т.-е. значеніе словъ этихъ было раньше болѣе общимъ, болѣе широкимъ. Позже эти слова получили значеніе болѣе узкое: *дурной запахъ*. Слово *варенье* также представляетъ примѣръ суженія значенія; первоначально оно значило всякій родъ варки, теперь слово это означаетъ одинъ видъ варки: фруктъ съ сахаромъ.

Переносное значеніе. Особый видъ измѣненія значенія представляютъ такіе случаи, когда слово получаетъ *переносное значеніе;* обыкновенно, это перенесеніе значенія состоитъ въ томъ, что слово, обозначающее признакъ или предметъ матеріальный, начинаетъ обозначать явленіе *духовнаго порядка*, т.-е. явленіе душевной жизни; такимъ образомъ представленіе, которое мы имѣемъ о матеріальныхъ, тѣлесныхъ предметахъ, мы переносимъ на явленія нематеріальныя; переносимъ, очевидно, потому, что между явленіемъ матеріальнаго міра и явленіемъ міра духовнаго находимъ извѣстное сходство; такъ, мы находимъ сходство между извѣстнымъ душевнымъ состояніемъ и ощущеніемъ боли, какое получится, если наше тѣло станетъ грызть лютый звѣрь; поэтому мы говоримъ: *лютая тоска грызетъ меня* или *грызетъ мнѣ душу;* слово *грызетъ* употреблено тутъ въ переносномъ смыслѣ, а не въ буквальномъ, такъ какъ грызть душу буквально, конечно, нельзя. Точно такъ же мы говоримъ о знакомомъ, что у него *душа на распашку*, что это человѣкъ *съ открытой* или *съ чистой душой*; что у насъ *душа горитъ;* мы употребляемъ слово *сердце* не только въ буквальномъ смыслѣ органа нашего тѣла, но и въ смыслѣ извѣстныхъ душевныхъ свойствъ, когда говоримъ, что *у него доброе сердце* или *золотое*

сердце. Мы *приходимъ къ заключенію*, сидя за своимъ столомъ, *развиваемъ* свою фантазію и совершаемъ *логическіе скачки*.

Переносъ значенія является однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ развитія языка, такъ какъ всѣ явленія духовнаго порядка обозначались словами, первоначально имѣвшими матеріальное значеніе.

Употребляя выраженіе *душа на распашку*, мы сознаемъ, что въ этомъ выраженіи слово *на распашку* имѣетъ *переносное*, а не собственное значеніе; мы употребляемъ рядомъ это же выраженіе *на распашку* и въ *собственномъ*, не переносномъ значеніи, когда говоримъ *въ шинели на распашку*.

Однако есть у насъ въ языкѣ и такія слова, которыя имѣютъ одно лишь значеніе, и это значеніе мы считаемъ *собственнымъ*, непереноснымъ, но ошибаемся: въ дѣйствительности это значеніе слова—переносное, а первоначальное, собственное значеніе слова нами забыто, не сознается. Такъ, напримѣръ, мы, употребляя слово *печаль*, не сознаемъ, что настоящее, непереносное значеніе этого слова обозначаетъ нѣчто матеріальное, а именно жженіе: печаль отъ корня *печь*, *пеку*. Настоящее, переносное значеніе (извѣстное чувство) слово получило оттого, что чувство печали представлялось сходнымъ со жженіемъ. Такимъ образомъ слово *печаль* представляетъ въ сущности такой же переносъ значенія слова съ матеріальныхъ явленій на явленія не матеріальныя, какъ и выраженіе «тоска грызетъ», «раскаяніе жжетъ душу» и т. п.

Точно такъ же мы не сознаемъ стараго значенія, которое имѣло слово *стыдъ*, а оно того же корня, что и слова *студить*, *студеный*, *студень*, *стужа*, т.-е. обозначало когда-то *холодъ;* слѣдовательно чувство стыда казалось похожимъ на ощущеніе холода, если это чувство обозначали словомъ *стыдъ;* встарину слово того же корня *о-студить* обозначало *опорочить;* другимъ словомъ съ тѣмъ же значеніемъ мы и въ настоящее время пользуемся для обозначенія извѣстнаго душевнаго состоянія: мы говоримъ, что между двумя друзьями произошло *охлажденіе*.

X. Предложеніе и грамматическія формы.

Предложеніе. Внѣшнее впечатлѣніе, которое мы получаемъ благодаря нашимъ органамъ чувствъ, отражается въ сознаніи нашемъ, какъ *сложное представленіе*. Такъ, мы видимъ двухъ дерущихся мальчиковъ, въ нашемъ сознаніи является, какъ слѣдъ этого зрительнаго, а иногда и слухового впечатлѣнія, сложное представленіе. Въ составъ его входятъ представленіе

объ одномъ мальчикѣ, котораго мы знаемъ, какъ Петю, представленіе о другомъ мальчикѣ, котораго зовутъ Ваней, представленіе о движеніяхъ ихъ рукъ и ногъ, объ ихъ положеніи, наконецъ, слуховое представленіе о тѣхъ возгласахъ, крикѣ, которымъ сопровождается ихъ драка. Это цѣльное сложное представленіе разлагается, расчленяется нашей мыслью на составныя части; расчлененіе это происходитъ потому, что Ваню и Петю мы видѣли отдѣльно и не дерущимися; въ сложномъ представленіи дерущихся Пети и Вани мы узнаемъ наши прежнія впечатлѣнія отдѣльно Вани и отдѣльно Пети; благодаря этому составныя части сложнаго представленія и выдѣляются изъ цѣлаго. Благодаря тому, что мы видѣли драку другихъ дѣтей мы можемъ выдѣлить изъ сложнаго представленія и тотъ элементъ, ту составную часть, которая обозначается словомъ *дерутся*.

То, что получится въ нашей мысли послѣ расчлененія сложнаго представленія, называется *сужденіемъ*. Это сужденіе выражается словами *Ваня и Петя дерутся* или *Ваня и Петя дерутся и кричатъ*. Дѣйствительно, эти слова выражаютъ наше сужденіе о томъ, что происходитъ, нашу мысль о томъ, что мы восприняли, какъ сложное впечатлѣніе. Эта наша мысль, наше сужденіе о происходящемъ, какъ мы видимъ, состоитъ въ анализѣ, т.-е. расчлененіи сложнаго представленія и затѣмъ въ соединеніи составныхъ частей, въ томъ, что мы устанавливаемъ, въ какомъ отношеніи находятся эти составныя части. *Выраженіемъ сужденія, какъ акта* (процесса) *мысли, въ рѣчи является предложеніе.*

Части предложенія.

Предложеніе можетъ быть болѣе полнымъ или менѣе полнымъ, но всегда въ немъ устанавливается связь или отношеніе между двумя представленіями. Такимъ образомъ, въ предложеніи двѣ главныхъ части; одна изъ нихъ называется *сказуемымъ*, другая—*подлежащимъ*.

Сказуемое является самой важной частью предложенія; это то, что̀ говорящій и желаетъ собственно сообщить другому лицу помощью рѣчи, а то, о чемъ или о комъ онъ сообщаетъ, представляетъ *подлежащее*. Такъ, въ предложеніи *Иванъ идетъ* сказуемое—*идетъ*; оно выражаетъ то, что сообщается слушателю; наоборотъ, тотъ, о комъ это сообщается, обозначается словомъ *Иванъ;* это слово *Иванъ* является *подлежащимъ* въ предложеніи *Иванъ идетъ*.

Возьмемъ теперь болѣе полное предложеніе: *Иванъ быстро идетъ*; и въ этомъ предложеніи собственно двѣ части—подлежащее и сказуемое, и здѣсь устанавливается связь между двумя представленіями: одно изъ нихъ—*Иванъ*, а другое—*быстро идетъ;*

слова *быстро идетъ* мы можемъ назвать сложнымъ сказуемымъ: они оба вмѣстѣ составляютъ то, что сообщается объ Иванѣ, т.-е. сказуемое; представленіе о быстрой ходьбѣ въ данномъ случаѣ выражено двумя словами, но въ языкѣ могло бы существовать и одно слово, которое выражаетъ понятіе о быстрой ходьбѣ; вѣдь мы можемъ одинаково сказать *Иванъ медленно идетъ* или *Иванъ тащится*.

Возьмемъ другой примѣръ: *нашъ Иванъ далъ мнѣ палку*; и въ этомъ предложеніи, хотя оно и состоитъ изъ 5 словъ, въ сущности устанавливается связь между двумя представленіями: одно изъ нихъ—*нашъ Иванъ* (подлежащее), другое—*далъ мнѣ палку:* (сказуемое). Слова *нашъ Иванъ* обозначаютъ одно опредѣленное лицо, но наша мысль расчленяетъ представленіе объ этомъ лицѣ на два представленія или понятія: *нашъ, Иванъ*; слова *далъ мнѣ палку* выражаютъ одно представленіе, которое мы опять-таки расчленяемъ на три элемента (части): *далъ, мнѣ, палку;* но если мы скажемъ: *Иванъ далъ,* то слово *далъ* само по себѣ не дастъ никакого представленія безъ добавленія *палку, мнѣ;* точно такъ же слова *мнѣ, палку* не дадутъ смысла безъ слова *далъ*; очевидно, слова эти представляютъ результатъ искусственнаго расчлененія нашего мыслью одного представленія; слова *далъ мнѣ палку* выражаютъ одно представленіе, они являются *сказуемымъ* въ предложеніи *нашъ Иванъ далъ мнѣ палку.*

Однако въ школьной грамматикѣ принято считать въ такихъ предложеніяхъ, какъ *нашъ Иванъ далъ мнѣ палку,* подлежащимъ *Иванъ,* сказуемымъ *далъ*, а остальныя части этого предложенія считать второстепенными и называть *опредѣленіемъ (нашъ), дополненіемъ (палку, мнѣ)*; другія части составного сказуемаго въ этой школьной грамматикѣ называютъ обстоятельственными словами, напримѣръ, слово *быстро* въ предложеніи *Иванъ быстро идетъ* принято называть *обстоятельствомъ образа* «дѣйствія» (вопросъ: «какъ?»); слово *лѣтомъ* въ предложеніи: *мы лѣтомъ живемъ на дачѣ* принято называть *обстоятельствомъ времени* (вопросъ «когда?»).

Сказуемое и подлежащее.

Эти второстепенныя части предложенія, какъ мы уже сказали, въ сущности только составныя части сказуемаго или подлежащаго; основныхъ частей въ предложеніи двѣ: *сказуемое* и *подлежащее*. Обыкновенно, подлежащимъ въ предложеніи бываетъ такое слово, которое обозначаетъ лицо или предметъ, а сказуемымъ—такое слово, которое обозначаетъ дѣйствіе или состояніе предмета; таковы, напримѣръ, предложенія: *человѣкъ идетъ, рыба плаваетъ, домъ горитъ;* но нерѣдко подлежащимъ бываетъ такое слово, которое обозначаетъ

не предметъ, а лишь одинъ признакъ или свойство предмета; напримѣръ: *краснота появилась;* въ этомъ словѣ *краснота* свойство или качество предметовъ (красный) представляется какъ бы чѣмъ-то самостоятельнымъ, существующимъ отдѣльно отъ предмета, какъ бы особымъ предметомъ. Слово, обозначающее качество предмета, нерѣдко бываетъ сказуемымъ; напримѣръ: *онъ красивъ, прогулка полезна.*

Вообще, строго говоря, всякое слово можетъ быть подлежащимъ, и всякое слово можетъ быть сказуемымъ; напримѣръ, въ предложеніи *ходить полезно* слово *ходить* обозначаетъ дѣйствіе, но является въ роли подлежащаго.

Наоборотъ, въ предложеніи *это мама* слово *мама* является сказуемымъ, хотя и обозначаетъ лицо.

Можно сказать, что въ нашемъ сознаніи, въ нашей мысли то представленіе является сказуемымъ, которое является болѣе важнымъ, которое стоитъ на первомъ планѣ въ сужденіи. Поэтому, если я скажу: *мама пришла* съ удареніемъ на словѣ *пришла,* то слово это обозначаетъ то представленіе, которое является сказуемымъ въ сужденіи; это слово обозначаетъ главное въ цѣломъ сужденіи. Но я говорю: *мама пришла*—съ удареніемъ на словѣ *мама.* Въ этомъ *сужденіи,* главнымъ, существенно-важнымъ является не то представленіе, которое обозначено словомъ *пришла,* а то, которое выражено словомъ *мама;* въ этомъ *сужденіи* сказуемымъ является то, что выражено словомъ *мама,* а подлежащимъ то, что выражено словомъ *пришла;* или, какъ говорятъ, слово *мама* есть *психологическое сказуемое* (сказуемое по смыслу), а слово *пришла — психологическое подлежащее.* Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь мы ясно чувствуемъ, что сказать *ма́ма пришла,* съ удареніемъ на словѣ *мама,* все равно, что сказать: *пришедшее есть мама,* а въ этомъ предложеніи, конечно, сказуемое — слово *мама.*

Такимъ же образомъ, если мы скажемъ: *дождя не будетъ,* то въ этомъ сужденіи сказуемое выражено словами «не будетъ», а подлежащее словомъ «дождя»; то, *что* (сказуемое) мы хотимъ сообщить этимъ предложеніемъ, это—*не будетъ;* а то, *о чемъ* мы сообщаемъ это *не будетъ* (подлежащее), есть—*дождь.* Въ предложеніи *небо заволокло тучами* то, что мы сообщаемъ, это—*заволокло тучами* (сказуемое); то, о чемъ мы сообщаемъ, это — *небо* (подлежащее).

Слѣдовательно, подлежащее по смыслу не всегда стоитъ въ именительномъ падежѣ, не всегда отвѣчаетъ на вопросъ «кто, что?»: въ предложеніи *дождя не будетъ* подлежащее по смыслу (психологическое)—въ родительномъ падежѣ (чего?—дождя); въ

предложеніи *небо заволокло тучами* подлежащее по смыслу въ винительномъ падежѣ (кого, что?—небо).

Неполное предложеніе.

Выше мы разсматривали части предложенія, среди которыхъ мы различали двѣ основныхъ: подлежащее и сказуемое.

Такія предложенія, въ которыхъ есть и подлежащее и сказуемое, можно назвать *полными*. Рядомъ съ полными въ нашей рѣчи встрѣчаются и *неполныя* предложенія; напримѣръ, предложеніе *иди* можно назвать неполнымъ, такъ какъ въ немъ выражена словомъ только одна часть, а именно сказуемое, а другая часть—подлежащее не выражена словомъ *ты*, а существуетъ лишь въ мысли говорящаго. Точно такъ же, въ отвѣтъ на вопросъ: *написалъ письмо*? мы получаемъ неполное предложеніе: *написалъ*, въ которомъ выражено словомъ только сказуемое, да и то неполно *(написалъ письмо)*, а подлежащее существуетъ лишь въ мысли говорящаго: *я (написалъ письмо)*.

Нерасчлененное представленіе.

Отъ такихъ неполныхъ предложеній нужно отличать предложенія въ родѣ *свѣтаетъ*, *морозитъ*, *смеркается*.

Въ предложеніи *иди* подлежащее *ты* сознается говорящимъ и только не выражено словомъ; въ предложеніяхъ *свѣтаетъ*, *морозитъ* подлежащаго нѣтъ и въ мысли; эти слова въ нашемъ современномъ языкѣ выражаютъ не сужденіе, а одно представленіе, нерасчлененное нашей мыслью на части (сужденіе получается, если въ сложномъ представленіи различить части). Однако возможно, что и эти слова когда-то въ старину были неполными предложеніями; возможно, что въ старину, когда говорили *морозитъ*, то въ мысли существовало подлежащее въ видѣ какого-нибудь «дѣда-мороза», такъ какъ въ древности люди представляли себѣ силы природы въ видѣ особыхъ сверхъестественныхъ существъ.

Тѣмъ не менѣе, въ языкѣ, несомнѣнно, употребляются такія слова, которыя не представляютъ неполное предложеніе, а выражаютъ одно сложное представленіе, нерасчлененное мыслью. Таковы, напримѣръ, слова восклицанія *драка! пожаръ!* или на охотѣ—*медвѣдь! утки!*

Виды предложенія.

Когда сложное представленіе расчленено мыслью на части, то между частями его устанавливается то или другое отношеніе. Отъ того, какъ представляется это отношеніе частей говорящему, зависитъ видъ предложенія.

Въ предложеніи *Иванъ идетъ* утверждается связь между двумя представленіями: *Иванъ* и *идетъ*. Въ предложеніи *Иванъ не идетъ*

отрицается связь между этими двумя представленіями. Въ предложеніи *Иванъ идетъ?* ставится вопросъ о томъ, есть ли связь между этими двумя представленіями, или ея нѣтъ. Другія предложенія выражаютъ, что связь между двумя представленіями существуетъ не въ дѣйствительности, а въ мысли говорящаго, какъ желаемая; напримѣръ, предложеніе *пусть Иванъ идетъ* или *напиши́те мнѣ* (т.-е. *вы напиши́те мнѣ*).

Обозначеніе отношеній между предметами.

Изъ предыдущаго ясно, что предложенія выражаютъ словами наши сужденія *объ отношеніяхъ между предметами*, между явленіями.

Отношенія эти между явленіями могутъ быть различны; въ предложеніи: *я видѣлъ брата*, отражается одно отношеніе между лицами *я* и *братъ;* въ предложеніи *братъ видѣлъ меня* обозначается иное отношеніе между этими же лицами; или: въ предложеніи *я видѣлъ брата* и въ предложеніи *я увижу брата* отношеніе между этими лицами опять-таки неодинаковое; въ первомъ предложеніи мы представляемъ себѣ связь между *я* и *видѣть брата*, какъ уже имѣвшую мѣсто въ прошедшемъ; въ предложеніи второмъ эта же связь представляется, какъ такая, которая будетъ, относится къ будущему. Въ своей рѣчи мы обозначаемъ различныя отношенія между явленіями, которыя наблюдаемъ.

Какъ, т.-е. какими способами, обозначаются эти отношенія въ языкѣ?—Различныя отношенія выражаются слѣдующими способами: во-первыхъ, *формами* словъ; форма *видѣлъ* обозначаетъ связь въ прошломъ, форма *видитъ* обозначаетъ связь въ настоящемъ; форма *Петръ* обозначаетъ, что лицо это—дѣйствующее, форма «Петра» обозначаетъ, что лицо это подвергается дѣйствію: сравните предложенія *Петръ убилъ брата* и *братъ убилъ Петра*.

Далѣе, различныя отношенія между явленіями выражаются удареніемъ, напримѣръ, музыкальнымъ удареніемъ: предложеніе *ты видѣлъ Петра*, если его произносить ровнымъ тономъ устанавливаетъ связь между *ты* и *видѣлъ Петра*, какъ связь дѣйствительную; но то же самое предложеніе, если его произносить съ повышеніемъ тона на словѣ *Петра*, есть уже вопросительное предложеніе; въ немъ уже не утверждается связь между *ты* и *видѣлъ Петра*, а ставится вопросъ, имѣется ли эта связь или нѣтъ.

Наконецъ различныя отношенія между явленіями, какъ мы ихъ представляемъ себѣ, выражаются особыми словами, какъ *къ, при, надъ, бы, ли* и т. д.

Въ предложеніи *городъ возвышается надъ рѣкой* характеръ отношенія между предметами *городъ* и *рѣка* точнѣе обозначается словомъ *надъ;* иное отношеніе между предметами выражается

словомъ «подъ»: *городъ лежитъ подъ горой;* частица *ли* выражаетъ то же, что и музыкальное повышеніе въ концѣ предложенія: *видѣлъ ли ты Петра?*

Формы словъ. Главное изъ этихъ средствъ обозначать отношенія между предметами, между явленіями—это *формы словъ*. Въ каждомъ словѣ можно различить 2 части или даже 3; одна изъ нихъ основная, главная, а другія—второстепенныя. Такъ, въ словѣ *ножикъ*—основная *нож*, второстепенная—*ик*. Основная часть слова, или *корень*, обозначаетъ главное представленіе, которое выражается словомъ; этотъ корень одинъ и тотъ же въ словахъ—*ножъ, ножикъ, ножи́ще, ножницы*. Основное представленіе во всѣхъ этихъ словахъ одно и то же,—представленіе о предметѣ, которымъ рѣжутъ, это представленіе и выражается корнемъ *нож*; второстепенныя части *ик, ище, ницы* прибавляютъ къ основному, главному представленію частный признакъ, новую черту, менѣе важную, менѣе существенную: *ик* обозначаетъ, что рѣжущій предметъ небольшой, *ище*, что предметъ этотъ большой. Въ формѣ *домики* можно различить 3 части: *дом*, которая выражаетъ основное представленіе, *ик*, выражающая признакъ второстепенный — *небольшой*, и, наконецъ, окончаніе *и* обозначаетъ, что говорится не объ одномъ домикѣ, а о многихъ.

Суффиксъ. Такія части, какъ *ик, ище, тель, ичекъ*, образуютъ новыя слова отъ корня и потому называваются *словообразовательными суффиксами* (суффиксъ—значитъ по-латыни *приставка, прибитое);* можно назвать ихъ словообразовательными элементами (частицы). Эти словообразовательные элементы обозначаютъ, конечно, отношенія между предметами; такъ, суффиксъ *тел* въ словѣ *мучитель* показываетъ, что лицо, о которомъ говорятъ, мучитъ другихъ, а суффиксъ *еник* (собственно два: *ен* и *ик*) показываетъ, что лицо, о которомъ говорятъ, подвергается мученіямъ со стороны другихъ.

Окончаніе. Окончанія словъ называются *флексіями* (изгибъ, измѣненіе). Флексіи, какъ и суффиксы, также обозначаютъ отношенія между предметами, явленіями, какъ мы ихъ себѣ представляемъ: флексія *а* въ словѣ *вода* обозначаетъ, что предметъ этотъ представляется, какъ дѣйствующій *(вода размыла берегъ)*, флексія *у* въ томъ же словѣ обозначаетъ, что предметъ мы представляемъ, какъ такой, на который направлено дѣйствіе другого предмета *(пьютъ воду)*. Флексія *ы* обозначаетъ что предметъ представляется во множествѣ: «во́ды», «бабы», «жены»; флексія *ою* показываетъ, что предметъ представляется, какъ орудіе дѣйствія *(берегъ размыло водою)* и т. д.

Здѣсь кстати отмѣтить, что иногда одно и то же окончаніе можетъ обозначать различныя отношенія—напримѣръ, окончаніе *я* можетъ обозначать и предметъ дѣйствующій, и предметъ, подвергающійся дѣйствію: *дитя* плачетъ, утѣшьте *дитя*. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ при одинаковости окончанія разницу въ отношеніяхъ обозначаетъ различное мѣсто ударенія: ср. *дайте воды́*. но—*вешнія во́ды размыли дорогу*.

Флексіи или окончанія измѣняютъ также основное значеніе такихъ словъ, которыя обозначаютъ дѣйствіе или состояніе: корень *плет* обозначаетъ извѣстное дѣйствіе, окончаніе *у* обозначаетъ, что дѣйствіе это относится къ говорящему: *плету:* окончаніе *е-шь* показываетъ, что дѣйствіе это относится къ тому лицу, которому говорятъ: *плетешь:* окончаніе *е-тъ* обозначаетъ, что дѣйствіе относится къ третьему лицу, не говорящему и не тому, которому говорятъ: *плететъ*.

Приставка. Значеніе словъ, обозначающихъ дѣйствіе или состояніе, измѣняется не только въ зависимости отъ окончаній; формы словъ образуются также помощью приставокъ, предлоговъ, особыхъ словъ, выражающихъ отношенія между предметами; такъ, форма *плету* обозначаетъ, что говорящій относитъ дѣйствіе къ настоящему времени, форма *сплету* (съ плету) обозначаетъ, что дѣйствіе это говорящій представляетъ себѣ въ будущемъ.

Различныя виды формъ. Другія формы словъ, обозначающихъ дѣйствіе или состояніе, выражаютъ иныя различія въ мысли или въ представленіи говорящихъ; форма *сплелъ* обозначаетъ, что дѣйствіе это говорящій представляетъ себѣ, какъ дѣйствительно происшедшее въ прошломъ; форма *сплелъ бы* обозначаетъ, что говорящій представляетъ себѣ это дѣйствіе, не какъ происшедшее дѣйствительно, а какъ такое, которое *могло* произойти при извѣстныхъ условіяхъ: *сплелъ бы, да не умѣю*, т.-е. дѣйствіе это произошло бы, если бы было умѣнье.

Форма *мучившій* обозначаетъ, что дѣйствіе, которое выражается словомъ *мучить* представляется, какъ признакъ или свойство извѣстнаго лица въ прошедшемъ: *мужъ, мучившій ее, умеръ*.

Когда то же дѣйствіе представляется, какъ свойство предмета въ настоящемъ, то употребляется форма «*мучащій*». Форма «*мучимый*» означаетъ, что признакомъ извѣстнаго лица въ представленіи говорящаго является то, что онъ подвергается въ настоящее время дѣйствію (тому дѣйствію, которое выражается корнемъ «*мук-*»). Если то же самое представленіе относится къ прошедшему времени, то оно выражается формой «*мученный*» (замученный).

Такимъ образомъ разнообразныя формы словъ выражаютъ разнообразные виды представленій.

Однѣ формы обозначаютъ представленія о предметахъ, такія формы словъ называются формами *имени существительнаго: человѣкъ, рыба, камень, дорога* и т. д.

Другія формы словъ обозначаютъ представленія о свойствахъ предметовъ; онѣ называются формами *имени прилагательнаго: красный, добрый, малый, великій* и т. д.

Такія формы словъ, которыя обозначаютъ представленія о дѣйствіяхъ или состояніяхъ предметовъ, называются формами глагола: *вижу, сижу, дѣлаю, сплю* и т. д.

Среди формъ имени существительнаго и прилагательнаго (также имени числительнаго) въ языкахъ различается также нѣсколько видовъ: однѣ формы имени означаютъ представленіе объ одномъ предметѣ *(рыба, камень, конь)*, другія формы означаютъ множество предметовъ *(рыбы, кони, камни)*; первыя называются формами *единственнаго* числа, вторыя—формами *множественнаго* числа.

Однѣ формы означаютъ представленіе о предметѣ дѣйствующемъ: это формы *именительнаго падежа: рыба, конь, мужъ;* другія формы означаютъ представленіе о предметѣ, который подвергается дѣйствію: это формы *винительнаго* падежа: *рыбу, воду;* третьи формы выражаютъ представленіе о предметѣ, какъ объ орудіи дѣйствія: формы *творительнаго* падежа *(рыбой, водой, палкой)*; четвертыя формы имени выражаютъ представленіе о предметѣ, въ пользу котораго дѣйствіе совершается *(отцу, матери, человѣку)*—это формы *дательнаго* падежа; формы *родительнаго* падежа обозначаютъ отношеніе одного предмета къ другому *(сынъ Ивана)*; форма *мѣстнаго* падежа (въ грамматикѣ называютъ его *предложнымъ*) выражаетъ представленіе о предметѣ, въ которомъ происходитъ дѣйствіе *(въ городѣ, въ водѣ)*.

Кромѣ этихъ видовъ формъ,—формъ числа и формъ падежа,—въ именахъ различается также *рода*: имена *мужескаго* рода, имена *женскаго* рода, имена *средняго* рода: *волъ, корова, золото*. Но это различіе въ настоящее время не имѣетъ уже значенія реальнаго (дѣйствительнаго); когда-то въ отдаленной древности всѣ предметы представлялись людямъ одушевленными, а потому въ нихъ предполагалось то же различіе, которое замѣчается у живыхъ существъ,—различіе пола; одни предметы представлялись какъ существа женскаго рода, другіе—какъ существа мужескаго рода, и это различіе въ родѣ выражалось особыми звуковыми признаками; тѣ предметы, которые въ представленіи говорящихъ не имѣли пола, получили особый признакъ—«*средняго рода*». Съ те-

ченіемъ времени это различіе именъ по родамъ потеряло значеніе, и теперь въ языкѣ встрѣчаются слова, которыя *грамматически* женскаго рода, а обозначаютъ лицъ мужескаго рода: *староста. городской голова.*

Тѣ слова, которыя выражали представленіе о свойствахъ предметовъ, т.-е. имена прилагательныя, тоже имѣютъ различные виды формъ; между прочимъ, эти виды такіе, какихъ имена существительныя не имѣютъ; имена прилагательныя выражаютъ представленіе о свойствахъ предметовъ; эти свойства могутъ встрѣчаться въ предметахъ въ различной степени, а потому въ языкѣ выработались особыя формы *сравнительной* и *превосходной* степени: *болѣе красивый, красивѣе, самый красивый, красивѣйшій.*

И въ формахъ *глаголовъ* есть нѣсколько видовъ. Формы *времени* означаютъ, въ какое время въ представленіи говорящаго дѣйствіе или состояніе связано съ предметомъ: въ прошломъ, настоящемъ или будущемъ: *вижу, видѣлъ, увижу.*

Формы *наклоненія* выражаютъ, какъ представляетъ себѣ говорящій связь дѣйствія съ предметомъ: дѣйствительной или только возможной или желательной (*иду, шелъ бы, иди!*).

Формы *залога* опредѣляютъ, какъ относится признакъ, выражаемый глаголомъ, къ предмету рѣчи: «*онъ билъ*», «*онъ былъ битъ*»; въ первомъ случаѣ форма *билъ* показываетъ, что предметъ, о которомъ говорятъ (онъ) былъ лицомъ дѣйствующимъ; во второмъ случаѣ форма «*битъ*» показываетъ, что предметъ этотъ испытывалъ на себѣ дѣйствіе. Форма «*билъ*» есть форма *дѣйствительнаго* залога, форма *битъ—страдательнаго* залога.

Особыя формы *лица* опредѣляютъ точнѣе, кому говорящій приписываетъ дѣйствіе: себѣ ли *(вижу)*, тому ли, съ кѣмъ говоритъ *(видишь)* или третьему лицу *(видитъ)*.

Такимъ образомъ, формы словъ выражаютъ извѣстные *общіе виды представленій* или, какъ говорятъ, *категоріи представленій*: извѣстное окончаніе всегда во всѣхъ словахъ обозначаетъ одну и ту же категорію, одинъ и тотъ же разрядъ представленій: окончаніе *-шь во всѣхъ глаголахъ* означаетъ, что дѣйствіе относится къ лицу, съ которымъ говорятъ; формы *видишь, читаешь. идешь, сидишь* обозначаютъ не одинаковое дѣйствіе, но всѣ онѣ одинаковы въ томъ, что относятъ дѣйствіе къ лицу, съ которымъ говорящій бесѣдуетъ.

Вотъ это сходное въ нихъ представленіе о лицѣ, съ которымъ говорятъ, и есть *категорія мысли, разрядъ представленій.*

Точно такъ же представленіе о разныхъ предметахъ средняго рода образуютъ вмѣстѣ одну категорію или разрядъ именъ средняго рода.

Эти категоріи или разряды представленій, каждая имѣетъ свое выраженіе въ языкѣ—въ видѣ окончаній словъ *(виж-у)*, въ видѣ суффиксовъ (родит*ель*), въ видѣ удареній *(во́ды, воды́)*.

Не нужно думать, что во всѣхъ языкахъ непремѣнно однѣ и тѣ же категоріи находятъ себѣ выраженіе въ извѣстныхъ формахъ словъ.

Это вещь болѣе или менѣе случайная, что въ нашемъ языкѣ особыя формы, особыя окончанія существуютъ только для категоріи единственнаго и категоріи множественаго числа, что только эти разряды представленій получили выраженіе въ извѣстныхъ формахъ. Въ нашемъ русскомъ языкѣ встарину существовали особыя окончанія, особыя формы для представленія о двухъ предметахъ, т.-е. въ языкѣ находила себѣ выраженіе категорія (разрядъ) двойственнаго числа; говорили: *рабу* со значеніемъ «*двухъ рабовъ*», *рабома* со значеніемъ «*двумъ рабамъ*», а «*рабомъ*» значило *многимъ рабамъ*, болѣе, чѣмъ двумъ.

Теперь мы обозначаемъ формой «рабамъ» одинаково и двухъ, и трехъ, и многихъ рабовъ. Ясно, что въ языкѣ нашемъ могли бы существовать особыя формы падежей, особыя окончанія для тѣхъ случаевъ, когда говорится о *трехъ* предметахъ, т.-е. могли бы существовать формы *тройственнаго* числа, какъ существуютъ формы единственнаго и множественнаго и какъ въ старину существовали формы двойственнаго числа. Или: у насъ въ языкѣ есть формы настоящаго, будущаго и прошедшаго времени, а въ старину въ нашемъ языкѣ были особыя формы для выраженія времени *давнопрошедшаго*; говорили *жилъ есть*: это значило—*жилъ*; но если хотѣли сказать что *давнымъ-давно жилъ*, то говорили *бѣахъ жилъ*.

Такимъ образомъ нѣкоторыя категоріи или разряды представленій, когда-то существовавшіе *въ языкѣ*, т.-е. имѣвшіе свои особые признаки въ рѣчи, съ теченіемъ времени исчезли.

А тѣ категоріи представленій, которыя отражаются въ языкѣ и теперь въ особыхъ формахъ,—создались, выработались въ незапамятныя времена и выработались постепенно.

Изъ поколѣнія въ поколѣніе передаются эти категоріи представленій въ видѣ грамматическихъ формъ, при чемъ значеніе грамматическихъ формъ такъ же измѣняется, какъ измѣняется значеніе основной части слова или корня. Примѣры того, какъ измѣняется основное значеніе слова, мы приводили въ предыдущей главѣ: такъ, слово *жерло* обозначало въ старину *голосъ*, а слово *варъ*—зной, теперь же значеніе этихъ словъ иное.

Точно такъ же можетъ измѣняться и значеніе формъ. Такъ, напримѣръ, слово *горячій* первоначально было формой причастія

настоящаго времени отъ глагола *горѣть*, значило *горящій*, тотъ, который горитъ въ настоящее время.

Теперь въ нашемъ языкѣ форма эта является *прилагательнымъ*, т.-е. вызываетъ представленіе о свойствѣ предмета вообще, безъ отношенія ко времени настоящему или прошедшему. Мы можемъ сказать: «*споръ былъ горячій*» именно потому, что въ формѣ *горячій* не чувствуемъ признака настоящаго времени. Другой примѣръ: встарину формы *жилъ, былъ, пилъ* были причастіями прошедшаго времени отъ глаголовъ *быть, жить, пить*, значили то же, что и «*бывшій*», «*жившій*», «*пившій*». Встарину нельзя было сказать: «*жилъ царь*» и поставить точку; это значило «*жившій царь*»; слово «жившій» было опредѣленіемъ къ имени «царь», а сказуемаго въ предложеніи не было бы.

Говорили «*жихъ царь*» или «*жилъ есть царь*» и этимъ сочетаніемъ обозначали прошедшее время въ глаголѣ. Теперь причастная форма *жилъ* уже является со значеніемъ прошедшаго времени, что явилось вслѣдствіе пропуска *есть* въ сочетаніи «*жилъ есть*».

XI. Какъ измѣняются формы словъ.

Мы знаемъ, что называется формами словъ, и знаемъ, что и формы, какъ все въ языкѣ, подвергаются измѣненіямъ.

Эти измѣненія формъ—двоякаго рода: съ одной стороны, какъ мы уже видѣли, формы измѣняются *въ своемъ значеніи*; другими словами, онѣ съ теченіемъ времени начинаютъ обозначать не ту категорію мысли, не то представленіе объ отношеніяхъ предметовъ, какое раньше обозначали.

Измѣненіе внѣшней стороны формъ.

Съ другой стороны, съ теченіемъ времени измѣняется и внѣшній видъ формъ, т.-е. звуковая сторона формы.

Такъ въ древне-русскомъ языкѣ та форма, которую называютъ родительнымъ падежемъ, отъ именъ женскаго рода на *-я* (*воля, недѣля* и т. п.) не оканчивалась на *и*, какъ теперь.

Мы говоримъ «безъ недѣл*и*» «безъ земл*и*», а въ старыхъ памятникахъ русскихъ эти формы пишутся иначе: (безъ) *недѣль, земль* и т. п. Окончаніемъ родительнаго падежа было не *и*, а *ь*.

Другой примѣръ: мы теперь говоримъ: «*идя*», «*живя*», «*неся*», а встарину на Руси говорили: «*ида*», «*зова*», «*неса*» и т. п. (уже въ XI—XII, а также и въ XV вѣкахъ).

Или: въ XI вѣкѣ наши предки еще говорили: *слу́ы, руку́ы, влады́кы*, т.-е. формы родительнаго падежа единственнаго числа и въ этихъ словахъ, какъ и въ именахъ: *ба́бы, бьды́, стьны́*,— оканчивалась звукомъ—*ы*. Но уже съ XII вѣка начали говорить:

руки́, слуги́, владыки, т.-е. окончаніемъ родительнаго падежа въ этихъ именахъ сталъ звукъ *и*.

Еще примѣръ: въ глубокой древности предки наши говорили *пять хльбъ, мьножьство конь,* но уже съ XII вѣка, если не раньше, стали вмѣсто того говорить: *пять хльбовъ, множество коневъ,* а позже стали говорить *множество коней.*

Въ приведенныхъ примѣрахъ значеніе формы остается одно и то же, мѣняется ея звуковая сторона, ея произношеніе. Отчего происходитъ это измѣненіе формъ?

Фонетическое измѣненіе формъ.

Причины такого измѣненія формъ могутъ быть двоякаго рода.

Въ однихъ случаяхъ измѣненіе окончанія является въ силу того, что извѣстный звукъ измѣнился въ языкѣ въ другой звукъ вездѣ, не только въ окончаніяхъ словъ, т.-е. въ формахъ, но и въ корняхъ.

Такъ, напримѣръ, форма *руки́, ноги́, слуги́* измѣнилась въ форму *руки́, ноги, слуги* потому, что твердое (задненебное) *к, г* въ произношеніи русскихъ исчезло и замѣнилось мягкимъ (передненёбнымъ) *к, г*; въ силу этого и слогъ *кы, гы* замѣнился слогомъ *ки, ги*.

Это измѣненіе одновременно произошло и въ корняхъ словъ: вмѣсто *Кыевъ* стали говорить *Киевъ,* вмѣсто *гыбель—гибель.* Такое измѣненіе формъ происходитъ въ силу *звукового закона,* является число звуковымъ или, какъ говорятъ, *фонетическимъ.*

Нефонетическое измѣненіе формъ.

Наоборотъ, измѣненіе формъ родительнаго падежа множественнаго числа *хльбъ, грьхъ, рабъ* въ форму *хльбовъ, грьховъ, рабовъ* фонетическимъ назвать нельзя; правда, буква *ъ* когда-то произносилась, какъ очень краткій звукъ въ родѣ того,который слышится послѣ *г* въ народномъ быстромъ произношеніи слова «*гъваритъ*» (*говоритъ*); однако этотъ звукъ въ корняхъ словъ никогда не переходилъ въ цѣлый слогъ «*ов*»; встарину писали *сънъ, мъхъ, съна, мъха,* но потомъ *ъ* или исчезъ, или перешелъ въ *о*: *сон, мох, сна, мха.*

Очевидно, измѣненіе формъ *хльбъ, рабъ, грьхъ* въ формы *хльбовъ, рабовъ, грьховъ* или формы *конь* въ форму *коневъ* фонетическимъ назвать нельзя.

Такъ же нельзя назвать фонетическимъ измѣненіе формъ *недѣль, воль* (родительный падежъ) въ формы *недѣли, воли,* потому что въ корняхъ словъ *ь* не измѣнялось въ *и*. Такія измѣненія формъ, которыя нельзя объяснить дѣйствіемъ звукового измѣненія, звукового закона, охватывающаго и корни словъ, называются *нефонетическими*; происходятъ такія измѣненія въ силу иныхъ причинъ, чисто-психологическаго характера.

Какъ нефонетическія измѣненія происходятъ.

Для того, чтобы понять, какъ совершаются эти *нефонетическія* измѣненія формъ, нужно вдуматься въ механизмъ рѣчи.

Въ нашемъ сознаніи, въ нашей памяти существуетъ огромное количество представленій, огромное количество слѣдовъ или отпечатковъ тѣхъ впечатлѣній, которыя мы получаемъ отъ внѣшняго міра.

Всѣ эти впечатлѣнія живутъ въ нашемъ сознаніи не разрозненно, а тѣсно связанныя другъ съ другомъ какъ бы невидимыми нитями.

Всѣ впечатлѣнія, которыя были восприняты нами одновременно, всѣ впечатлѣнія, сходныя между собой, находятся *въ связи* или, какъ говорятъ психологи, въ *ассоціаціи* между собой.

Этой связью по сходству или по смежности (одновременное воспріятіе) направляется, обыкновенно, наша мысль.

Понаблюдаемъ за ходомъ своихъ мыслей, и мы въ этомъ легко убѣдимся: я думаю въ настоящее время о вчерашней прогулкѣ, моя мысль останавливается на пьяномъ, который валяется на снѣгу, представленіе о пьяномъ смѣняется представленіемъ о городовомъ, который его поднималъ; этотъ переходъ отъ представленія о пьяномъ къ представленію о городовомъ происходитъ потому, что оба впечатлѣнія (впечатлѣніе отъ пьянаго и впечатлѣніе отъ городового) были получены мною рядомъ одно за другимъ; я нахожу, что городовой былъ слишкомъ грубъ съ пьянымъ, представленіе о его грубости смѣняется представленіемъ о другомъ городовомъ, который билъ мужика и котораго я видѣлъ не вчера, а гораздо раньше; этотъ переходъ является въ силу сходства между двумя представленіями о городовыхъ, которыя я получилъ въ разное время; теперь второе представленіе—о городовомъ, который билъ мужика, останавливаетъ на себѣ мое вниманіе; вся сцена встаетъ въ моей памяти, и жалкое лицо мужика, и его попурая маленькая лошадь; эта лошадь странной не то сѣрой, не то пѣгой масти; въ представленіи моемъ вдругъ встаетъ похожая по масти и росту лошадка, на которой я катался въ дѣтствѣ и т. д.,—вся смѣна представленій, которая совершается въ нашемъ сознаніи, направляется *связью* (ассоціаціей) ихъ по сходству или по смежности (сосѣдству въ воспріятіи).

Послѣ того, что сказано о связи представленій, понятно, что и внутренній языкъ, т.-е. рѣчь въ мысли, образы словъ также находятся во взаимной связи или ассоціаціи.

Эта связь или ассоціація проявляется въ томъ, что представленіе объ одномъ словѣ ведетъ за собою представленіе о всѣхъ

словахъ, чѣмъ-либо сходныхъ или употребленныхъ когда-либо рядомъ. И тутъ дѣйствуетъ или ассоціація по смежности, или ассоціація по сходству.

Если мы, желая выразить свою мысль, говоримъ: «*скучно*», то въ нашей мысли могутъ явиться слова «*и грустно, и некому руку подать*», потому что первое слово «*скучно*» произносилось нами не разъ вмѣстѣ со слѣдующими «*и грустно*» и т. д.

Это—связь или ассоціація по смежности.

Связь по сходству существуетъ между словами или по значенію, или по звуковому составу.

Такъ, во взаимной связи въ сознаніи говорящаго находятся всѣ слова (т.-е. представленія словъ), которыя представляютъ собою одинаковую падежную форму и имѣютъ одинаковое окончаніе: всѣ формы именительнаго падежа единственнаго числа мужескаго рода, какъ *медъ, волкъ, рабъ, столбъ, сонъ, мохъ, рокъ* и т. д.

Существуетъ такая же связь между формами дательнаго падежа женскаго рода единственнаго числа: *водѣ, ногѣ, козѣ, рукѣ, вдовѣ* и т. д., такъ какъ всѣ эти формы имѣютъ одно и то же окончаніе и выражаютъ этимъ окончаніемъ одно и то же представленіе.

Точно такъ же связаны въ представленіи говорящаго всѣ формы одного и того же слова: *вода, воды, водѣ, во́ду, водою* и т. д., потому что основная часть этихъ словъ (корень) вызываетъ одно и то же представленіе, т.-е. представленіе объ одномъ и томъ же предметѣ.

Нечего говорить и о томъ, что въ представленіи нашемъ связаны окончанія съ значеніемъ ихъ, съ тѣмъ представленіемъ объ отношеніяхъ предметовъ, какое они выражаютъ; окончаніе—*амъ* вызываетъ представленіе о множествѣ предметовъ, къ которымъ дѣйствіе направляется, или для которыхъ дѣйствіе совершается: *овцамъ, козамъ, коровамъ...*

Окончаніе *амъ*, такимъ образомъ, связано съ представленіемъ объ извѣстной формѣ отношеній между предметами.

При этомъ одно и то же представленіе объ отношеніяхъ между предметами можетъ выражаться различными окончаніями: мы говоримъ «*на землѣ*», но «*на печи́*»; въ первомъ словѣ представленіе о предметѣ, какъ о мѣстѣ дѣйствія, выражено окончаніемъ *ѣ*, во второмъ словѣ то же самое представленіе вызывается окончаніемъ *и*.

Точно такъ же встарину говорили: *рабу́*, но *сынови;* представленіе о предметѣ, для котораго совершается дѣйствіе, въ первомъ словѣ выражалось окончаніемъ *у*, а во второмъ словѣ то же самое представленіе выражалось окончаніемъ *ови*.

Форма родительнаго падежа множественнаго числа также имѣла различный видъ въ различныхъ словахъ: говорили—*безъ грьхъ*, но *безъ сыновъ*

Если мы примемъ во вниманіе все, что сказали выше объ ассоціаціи или связи представленій, то поймемъ, какъ можетъ совершаться нефонетическое измѣненіе формъ.

Форма именительнаго падежа единственнаго числа—*сынъ* и форма того же падежа *грьхъ* были сходны по окончанію, по внѣшней формѣ; обѣ формы выражали одно и то же представленіе о предметѣ дѣйствующемъ; поэтому обѣ формы связаны въ памяти говорящаго; это значитъ, что, если говорящій произноситъ *сынъ*, то *въ его сознаніи* легко можетъ всплыть и незамѣтно для него всплываетъ, *возбуждается* форма *грьхъ*.

Такое же сходство имѣли встарину эти слова и въ винительномъ падежѣ: *грьхъ, сынъ* (встарину говорили «*призови сынъ свой*, а не *сына своего*). Такое же совпаденіе было въ творительномъ падежѣ: *сыномъ* и *грьхомъ* (въ болѣе древнее время было *сынъмь* и *грьхомь*).

Такимъ образомъ, въ нѣсколькихъ формахъ слово *грьхъ* и слово *сынъ* сходились въ окончаніяхъ, а потому были связаны въ памяти; произносилось одно,—въ памяти слабо возбуждалось другое въ той же самой падежной формѣ.

Въ родительномъ и дательномъ падежахъ эти слова не сходились; говорили (безъ) *грьха*, но *безъ сыноу*; на вопросъ *кому?* отвѣчали *сынови*, на тотъ же вопросъ (чему?) отвѣчали *грьху*.

Когда произносили: *сынъ*, въ сознаніи, въ памяти слабо возбуждались формы *рабъ, грьхъ, ледъ, носъ, возъ, нотъ* и т. д., когда произносили—*сыномъ*, въ памяти возбуждались формы *рабомъ, грьхомъ, носомъ, возомъ* и т. д.

Когда хотѣли выразить *представленіе, которое обозначается дательнымъ падежомъ*, въ словѣ *сынъ*, то въ сознаніи возбуждались формы *грьху, рабу, лъсу, носу* и т. д., которыя выражаютъ то же самое представленіе (дательнаго падежа) и вмѣсто старой формы *сынови* являлась новая форма «*сыну*». Эта форма *сыну* вмѣсто старой формы *сынови* явилась подъ вліяніемъ формъ *грьху, рабу, лъсу* и т. д., которыя въ силу ассоціаціи (связи) формъ, выражающихъ одно и то же представленіе (надежъ), возбуждаются въ сознаніи въ тотъ моментъ, когда говорящій образуетъ форму дательнаго падежа отъ *сынъ*.

Можно сказать иначе: когда говорящій образуетъ форму дательнаго падежа отъ слова *сынъ*, въ его сознаніи всплываетъ два окончанія, которыя одинаково выражаютъ представленіе дательнаго падежа,—одинаково образуютъ дательный падежъ отъ име-

нительнаго мужескаго рода съ окончаніемъ *ъ.—у* и *ови*: *раб-у, сын-ови.*

Говоря, мы складываемъ слова изъ корней и окончаній, и при такомъ складываніи легко могутъ быть спутаны два ряда словъ, разъ они сходны въ именительномъ падежѣ: дательный падежъ отъ *сын-ъ* образуется такъ, какъ и отъ *раб-ъ*, т.-е. прибавляется для выраженія дательнаго падежа *у*, какъ въ словахъ *раб-у, лѣс-у* и т. д. Такимъ образомъ и получается форма *сыну* вмѣсто старой *сынови*; окончаніе *у* какъ бы переносится изъ формъ дательнаго падежа отъ *рабъ, лѣсъ, возъ* въ форму дательнаго падежа отъ сходнаго *сынъ* (сходнаго по окончанію именительнаго, винительнаго и творительнаго падежей, а также по роду).

Примѣры нефонетическаго измѣненія формъ.

Въ древнихъ памятникахъ встрѣчаемъ и примѣры обратнаго перенесенія окончанія *ови* изъ формы *сынови* въ форму дательнаго падежа отъ *рабъ, грѣхъ* и т. д., т.-е. встрѣчаются формы въ родѣ *грѣхови, богови, ледови.* Точно такимъ же образомъ въ родительномъ падежѣ единственнаго числа вмѣсто старой формы *сыну* явилась форма *сына* подъ вліяніемъ *раба, грѣха, лѣса* и т. д. И, обратно, мы говоримъ иногда *изъ лѣсу, безъ году* вмѣсто *изъ лѣса, безъ года*; формы *лѣсу, году* явились здѣсь вмѣсто *лѣса, года* подъ вліяніемъ старой исчезнувшей нынѣ формы *сыну* (родительный падежъ: *отъ сыну*).

Форма родительнаго падежа *грѣховъ, рабовъ* явилась подъ вліяніемъ *сыновъ*, а раньше говорили *безъ грѣхъ, безъ рабъ.* Такое вліяніе однѣхъ формъ на другія, связанныя съ ними по значенію или по внѣшнему сходству, наблюдаются во всѣхъ языкахъ и во всѣ времена. И нынѣ простой народъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ вмѣсто *вижу* говоритъ *видю*, вмѣсто *плачу́—платю́*, вмѣсто *печи́ пекти́.* Когда говорящій образуетъ форму *ви́жу, плачу́* въ сознаніи всплываютъ связанныя по основному значенію формы: *видишь, видитъ, видимъ, видите, видятъ, платишь, платитъ, платимъ* и т. д. Подъ вліяніемъ этихъ формъ вмѣсто *вижу, плачу́* является *видю, платю́.* Такимъ же образомъ при *пеку́, пеку́тъ* является *пекти́* вмѣсто *печи́.* Это *пекти* образуется отъ *пек* такъ же, какъ *нести* образуется отъ *нес.*

Такимъ же образомъ, какъ формы измѣняются подъ вліяніемъ формъ со сходнымъ значеніемъ (форма *грѣхъ* въ *грѣховъ* подъ вліяніемъ *сыновъ*), измѣняются и способы сочетанія словъ или формы соединенія словъ въ предложенія: такъ, въ старомъ языкѣ послѣ глагола *прикасаться* употреблялся предложный (точнѣе *мѣстный*) падежъ: говорили: *прикасаться емь*, а затѣмъ

стали говорить: *прикасаться къ нему*, вѣроятно, подъ вліяніемъ такихъ сочетаній, какъ *приходить къ нему*. Первоначально въ умѣ говорящаго послѣ глагола *прикасаться* являлся вопросъ *гдѣ, въ какомъ мѣстѣ*, и на этотъ вопросъ отвѣчала форма *мѣстнаго падежа: емь* (ср. «о немъ»), а позже сталъ являться вопросъ *къ чему*, какъ послѣ глаголовъ въ родѣ *приходить*.

Возникновеніе и распространеніе нефонетическаго измѣненія.

Измѣненіе однѣхъ формъ подъ вліяніемъ другихъ, какъ и всякое измѣненіе въ языкѣ, является, обыкновенно, въ рѣчи одного говорящаго и затѣмъ отъ него переходитъ къ другимъ говорящимъ на томъ же говорѣ.

При этомъ не всякая, вновь возникшая такимъ, психологическимъ путемъ форма успѣваетъ войти въ общее употребленіе.

Нѣкоторое время вновь возникшая форма употребляется рядомъ со старой, затѣмъ одна изъ нихъ постепенно, вытѣсняется, т.-е. употребляется все рѣже и рѣже и, наконецъ, вовсе выходитъ изъ употребленія, т.-е. исчезаетъ въ языкѣ.

Побѣда одной формы надъ другой въ языкѣ зависитъ отъ различныхъ причинъ; напримѣръ, изъ двухъ формъ одинаковаго значенія, но съ разнымъ окончаніемъ, обычно, одерживаетъ побѣду та, которая чаще употребляется; имена мужского рода въ родѣ *рабъ, богъ, носъ*, имѣвшихъ въ дательномъ падежѣ окончаніе *у (богу, рабу, носу)* было въ древности гораздо больше, чѣмъ такихъ, которыя въ дательномъ падежѣ имѣли окончаніе *ови (сынови, домови)*, а потому въ концѣ-концовъ взяла верхъ форма дательнаго падежа на *у*: *рабу, богу, сыну*.

Но въ родительномъ падежѣ множественнаго числа формы въ родѣ *сыновъ, домовъ*, хотя ихъ было очень мало, одержали побѣду надъ формами, гораздо болѣе многочисленными—*рабъ, богъ, носъ, возъ, боръ, лисъ, мужъ* и т. д. Объясняется это тѣмъ, что форма *рабъ, богъ, носъ* и т. д. была неудобна, такъ какъ и именительный падежъ единственнаго числа, и винительный падежъ единственнаго числа имѣли такой же видъ, тоже звучали: *рабъ, возъ, богъ* и т. д. Слѣдовательно, съ формой *рабъ, богъ* были связаны въ сознаніи говорящаго и представленіе о предметѣ дѣйствующемъ, и представленіе о предметѣ, который подвергается дѣйствію, и то представленіе, которое выражается въ формѣ родительнаго падежа множественнаго числа. Между тѣмъ съ формой на—*овъ* было связано только это послѣднее представленіе (родительный падежъ множественнаго числа).

Поэтому, когда являлось представленіе о многихъ предметахъ въ ихъ отношеніи къ другимъ предметамъ, то чаще въ сознаніи говорящихъ всплывало окончаніе *овъ*, которое и приставлялось

ко всѣмъ словамъ мужескаго рода въ родѣ *рабъ, богъ, возъ*; такъ и получалась форма *родовъ, боговъ, возовъ*, которую мы нынѣ употребляемъ вмѣсто старой формы *рабъ, богъ, возъ*.

Бываютъ и такіе случаи, когда обѣ формы, старая и новая, параллельно живутъ въ языкѣ, и одна изъ нихъ пріобрѣтаетъ новый оттѣнокъ значенія. Такъ, родительный падежъ на *у* сперва употреблялся въ очень немногихъ именахъ мужескаго рода: *сыну, дому, меду*, но говорили *бога, раба, стола, воза, носа, вола, сахара*, а также *коня, чая, края*. Теперь говорятъ только *сына*, а не *сыну*; имена одушевленныхъ предметовъ вообще оканчиваются только на *а*: *раба, человѣка, мужа, коня;* на *у* могутъ оканчиваться только имена неодушевленныхъ предметовъ и то, обыкновенно, когда имѣютъ въ виду *неопредѣленное* количество извѣстнаго вещества; *дай чаю, сахару;* но обычно говорятъ: *голова сахара*.

Сохраненіе старой формы въ отдѣльныхъ случаяхъ.

Говоря объ измѣненіи формъ подъ вліяніемъ другихъ формъ съ тѣмъ же значеніемъ, необходимо отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ *отдѣльныхъ случаяхъ* старая форма можетъ сохраняться безъ измѣненія въ то время, какъ, вообще говоря, она давно измѣнилась.

Такъ старая форма винительнаго падежа единственнаго числа *мужъ* давнымъ-давно измѣнилась въ форму *мужа;* мы говоримъ: *она любитъ мужа, ревнуетъ мужа;* но старая форма *мужъ* сохранилась рядомъ съ этой новой въ одномъ выраженіи: *выйти замужъ* вмѣсто *выйти за мужа*.

Въ этой фразѣ форма *мужъ* оттого не измѣнилась въ *мужа*, какъ въ другихъ случаяхъ, что все выраженіе *выйти замужъ* употреблялось какъ одно тѣсно слитое цѣлое, вызывало одно простое представленіе, такое же, какъ одно слово—*жениться;* въ этой фразѣ слово *выйти* не имѣетъ такого значенія, какъ въ отдѣльныхъ выраженіяхъ: *выйти на улицу* и т. п., говорящій тутъ не строилъ постепенно фразы, выражая сперва одно представленіе *выйти*, затѣмъ другое *замужъ*; онъ выражалъ одно понятіе однимъ слитнымъ реченіемъ, какъ бы сложнымъ словомъ *выйтизамужъ, вышелъзамужъ*, и потому вторая часть этого сложнаго реченія не имѣла самостоятельнаго значенія и не измѣнялась поэтому, какъ форма *мужъ* въ отдѣльномъ употребленіи.

Искаженіе формы.

Такимъ образомъ, причиной сохраненія старой формы «мужъ» въ винительномъ падежѣ было, такъ сказать, *обособленіе* ея отъ другихъ формъ этого слова, потеря связи съ ними въ сознаніи говорящихъ. Однако не всегда такое *обособленіе* формы ведетъ къ ея сохраненію въ старомъ видѣ; иногда, наоборотъ, форма искажается оттого, что связь

ея съ другими формами того же слова не сознается. Такъ, напримѣръ, слова «Спаси Богъ!» слились въ одно цѣлое; связь формы «богъ» съ другими формами этого слова *Бога, Богу, Богомъ* и т. д. была забыта, и форма *Богъ* исказилась въ *бо: спасибо.*

Выше мы видѣли, какъ однѣ формы измѣняются подъ вліяніемъ другихъ формъ, сходныхъ по употребленію или съ однимъ и тѣмъ же основнымъ значеніемъ.

Народная этимологія.

Къ числу нефонетическихъ измѣненій относятся и тѣ измѣненія словъ, которыя называются *народной этимологіей*, т.-е. народнымъ словопроизводствомъ. Явленіе это заключается въ томъ, что народъ осмысливаетъ непонятное для него слово невѣрнымъ сближеніемъ съ другимъ, понятнымъ и по звуковому составу сходнымъ словомъ. Онъ слышитъ непонятное для него слово *монополька;* въ его сознаніи является сходное по звуковому составу съ первой частью *вино*; на такое представленіе наталкиваетъ самое значеніе слова *монополька;* такъ вмѣсто *монополькu* является *винополька;* такимъ же образомъ крестьяне одного изъ селъ Одесскаго уѣзда Херсонской губерніи передѣлали деревню *Терезовку* на созвучное и болѣе понятное имъ *Тарасовка*, *Эмметку* (отъ женскаго имени *Эмма*) перекрестили въ *Намётку*, а своего управляющаго съ греческой фамиліей *Гала́носъ* назвали *Голоно́сомъ* (голый носъ).

Контаминація.

Такого же нефонетическаго происхожденія и тѣ измѣненія словъ въ языкѣ, которыя называются *контаминаціей*, что значитъ по-латыни *соприкосновеніе*. Это явленіе состоитъ въ томъ, что въ сознаніи говорящаго одновременно является два слова, двѣ формы, одинаково пригодныя для выраженія его мысли, и въ рѣчи является нѣчто среднее между ними.

Такъ, напримѣръ, въ сознаніи говорящаго встарину всплывали два слова *поволити* и *изволити;* соприкосновеніе этихъ двухъ формъ дало въ языкѣ среднюю: *позволити.*

Такое соприкосновеніе или примиреніе двухъ способовъ выраженія мысли встрѣчается и въ синтаксисѣ, т.-е. при сочетаніи словъ.

Такъ, въ одномъ медицинскомъ отчетѣ читаемъ довольно часто, что больная выписалась *безъ обѣщанія на поправку;* однако мы говоримъ обычно: *обѣщаніе поправиться* или *обѣщаніе поправки.* Вѣроятно, въ сознаніи употреблявшаго это выраженіе врача всплывали одновременно два сочетанія: *безъ обѣщанія поправки* и *безъ надежды на поправку;* въ результатѣ и получилось нѣчто среднее между тѣмъ и другимъ.

XII. Происхожденіе формъ, ихъ вымираніе.

Происхожденіе формъ.

Въ предыдущихъ статьяхъ мы выяснили, что такое формы словъ, и какъ онѣ измѣняются. Но у читателя, несомнѣнно, возникнетъ вопросъ о происхожденіи формъ: возникнетъ вопросъ, какъ, въ силу чего могло случиться, что прибавка окончанія *шь* означаетъ одно, а прибавка окончанія *тъ*—другое; иными словами, почему форма *идешь* означаетъ, что дѣйствіе относится къ тебѣ, а форма *идетъ*. что дѣйствіе относится къ нему. Что такое представляютъ собой эти окончанія *шь, тъ*, которыя и образуютъ формы *(2 лица. 3 лица единственнаго числа)*, каково ихъ происхожденіе?

Суффиксъ или приставка и флексія.

Обыкновенно, въ словахъ различаютъ корень, суффиксъ и флексію или, переводя эти иностранныя названія (второе и третье),—корень, приставку и окончаніе. Приставку (суффиксъ) и окончаніе (флексію) называютъ обычно *формальными элементами*, т.-е. частицами, имѣющими лишь формальное значеніе; иначе говоря, это такія части слова, которыя не имѣютъ своего самостоятельнаго значенія.

Въ самомъ дѣлѣ, если произнести сочетаніе звуковъ *коров*, то хотя мы и не окончимъ слова, произнесемъ его безъ всякаго окончанія, у слушателя въ сознаніи явится представленіе объ извѣстномъ животномъ. Но если произнесемъ *ёнк, ою, ь*, то никакого представленія у слушателя не вызовемъ. Эти части слова только тогда и получатъ значеніе, когда ихъ соединимъ въ одно цѣлое съ корнемъ *коров, коровёнку, коровою, коровъ*.

Ихъ происхожденіе.

Вопросъ идетъ именно о происхожденіи этихъ *формальныхъ элементовъ* слова: были ли они всегда формальными, т.-е. всегда не имѣли своего собственнаго значенія? Отвѣтить на этотъ вопросъ позволяютъ наблюденія надъ живыми языками.

Кто знаетъ малорусскій языкъ, тому извѣстно, что форма будущаго времени образуется въ этомъ языкѣ посредствомъ окончанія—*му:* малороссы говорятъ *питиму, битиму* въ значеніи *буду пить, буду бить, питимешь* (будешь пить). При этомъ говорящій не сознаетъ особаго значенія этого окончанія *му, мешь*. А между тѣмъ это *му, мешь*, несомнѣнно, есть не что иное, какъ глаголъ *имy, имешь* въ сокращенномъ видѣ *му, мешь*, т.-е. *имью. имѣешь*. Такимъ образомъ форма *питиму* когда-то представляла соединеніе двухъ словъ, изъ которыхъ каждое имѣло свое самостоятельное значеніе: пити+иму, т.-е. имѣю пить. Въ древне-славянскомъ языкѣ то же говорилось *не имаши оумрѣти*, что зна-

чило: *не умрешь;* да и мы говоримъ иногда: *имѣетъ быть представленіе* въ значеніи: *будетъ представленіе.*

Съ теченіемъ времени вторая часть сочетанія *питиму* сократилась въ *му* и потеряла свое особое значеніе, это значеніе слова *му (имѣю)* перестало чувствоваться говорящими. Въ этомъ и состояло превращеніе слова *му* въ *окончаніе*, въ формальный элементъ, т.-е. въ такую часть слова, которая не имѣетъ самостоятельнаго значенія.

То же самое произошло въ языкѣ сербовъ: вмѣсто нашего *буду пить* они говорятъ *питичю (питиħу)*, такъ что окончаніемъ будущаго времени у нихъ является слогъ *чу*; а слогъ этотъ есть не что иное, какъ сокращенное *хочу:* сперва говорили *пити-хочу*, затѣмъ это «хочю» (точнѣе «хъчю») сократилось и превратилось въ окончаніе будущаго времени.

Приведенные примѣры изъ малорусскаго и сербскаго языка сами собою приводятъ къ предположенію, что всѣ вообще окончанія и приставки получились изъ самостоятельныхъ, имѣющихъ свое значеніе словъ; что *формальные элементы* были когда-то *коренными*, т.-е. имѣли свой опредѣленный смыслъ, вызывали въ умѣ говорящихъ извѣстное самостоятельное представленіе.

Можно думать, что въ первоначальный періодъ развитія языковъ не было ни приставокъ, ни окончаній; были лишь корни, и вся рѣчь представляла соединеніе корней, имѣвшихъ свое реальное значеніе. Въ этотъ періодъ—формъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ онѣ существуютъ въ нашемъ языкѣ, не было. Когда нужно было выразить представленіе *на горѣ*, употребляли соединеніе словъ вродѣ *гора-верхъ*, когда нужно было сказать *въ домѣ*, употребляли какое-нибудь сочетаніе словъ вродѣ *домъ-дыра.*

Съ теченіемъ времени самостоятельныя слова, составлявшія вторую часть такихъ сочетаній, теряли свое самостоятельное значеніе и превращались въ окончанія, въ формальныя части словъ. При этомъ они такъ сильно сокращались и измѣнялись, что теперь въ большинствѣ случаевъ совершенно невозможно сказать, какое самостоятельное значеніе имѣли когда-то, въ незапамятныя времена, всѣ эти окончанія *у, ѣ, мъ, хъ* и т. д.

То, что сказано объ окончаніяхъ, приложимо и къ приставкамъ. Приставки также имѣли когда-то самостоятельное значеніе, а затѣмъ потеряли его и сильно измѣнились по внѣшнему виду.

Наша приставка *ят* когда-то произносилась, какъ *е^{н}т* (*е* носовое+*т*); наше *телята, поросята* въ древне-славянскомъ языкѣ произносилось: *теле^{н}та, прасе^{н}та*; приставка эта, присоединенная къ корню, означала молодыхъ животныхъ. Вѣроятно, эта

приставка получилась изъ какого-нибудь самостоятельнаго слова со значеніемъ *молодой, маленькій*.

Точно такъ же и другія приставки получились изъ словъ, имѣющихъ самостоятельное значеніе, но изъ какихъ именно словъ онѣ получились, мы, обыкновенно, не можемъ опредѣлить: уже въ незапамятныя времена произошло превращеніе этихъ словъ въ приставку.

Сперва всякая приставка извѣстнымъ образомъ измѣняла основное значеніе слова; въ нѣкоторыхъ случаяхъ это сохранилось и до сихъ поръ: такъ, напримѣръ, приставка *ну* (въ древности *но*^{ч}, т.-е. вмѣсто *у* было *о* носовое) и теперь еще обозначаетъ, что дѣйствіе происходитъ одинъ разъ, а не много разъ: *кивнуть (ср. кивать), пальнуть (палить), рѣзнуть (рѣзать)*.

Но многія приставки съ теченіемъ времени потеряли всякое значеніе и стали мертвыми частицами слова. Такъ, напримѣръ, приставки *и, ъ* въ глагольныхъ формахъ: вид*и*ть (корень *вид*), мол*и*ть (корень *мол*), прос*и*ть (корень *прос*), глядѣть (корень *гляд*) не имѣютъ какого-нибудь особаго значенія въ нашей рѣчи.

Исчезновеніе приставокъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ приставки не только потеряли свое значеніе, но и исчезли совершенно, не оставивъ по себѣ никакого слѣда, или же слились съ окончаніями. Такъ, въ словахъ *рабъ, гробъ, носъ, возъ* мы произносимъ въ настоящее время лишь корень: *раб, гроб, нос, воз*. Ни приставки, ни окончанія въ этихъ словахъ теперь нѣтъ. А между тѣмъ сравненіе съ другими родственными языками, напримѣръ, греческимъ, показываетъ, что эти слова когда-то произносились, какъ: *рабос, гробос, носос, возос*; въ древне-греческомъ *возъ* произносилось когда-то приблизительно *вохос*—ϝόχος. Въ словѣ *рабос* или *возос* корень былъ *раб, воз*, а *о* было приставкой, когда-то имѣвшей свое значеніе, а затѣмъ ее потерявшей, согласный же *с* былъ окончаніемъ именительнаго падежа мужескаго рода единственнаго числа, т.-е. обозначалъ, что предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, есть предметъ дѣйствующій.

Приставка *о* измѣнилась въ очень краткій звукъ y^0, т.-е. средній между *о* и *у*, который встарину обозначался буквой *ъ*: согласный *с* (окончаніе) отпалъ, а потомъ перестало произноситься и *ъ*; такъ вмѣсто *рабос* получилось *раб* (пишется по старой памяти *рабъ*).

Такимъ же образомъ въ словѣ *гость*, произносимъ *гост* съ мягкимъ *т*, потеряно и старое окончаніе *с* именительнаго падежа, и приставка *и*: слово это когда-то произносилось въ два слога: *гост-и-с* (въ латинскомъ, т.-е. римскомъ, было гостис—hostis).

Слово *сынъ* когда-то произносилось, какъ *сынус* (сравни латинское сунус—sunus съ тѣмъ же значеніемъ), т.-е. въ этомъ словѣ были слѣдующія составныя части: корень *сын*, приставка *у* и окончаніе *с*.

Въ словѣ *вода* — корень *вод*, а звукъ *а* представляетъ собою приставку (суффиксъ): въ именительномъ падежѣ имена женскаго рода не имѣли никакого окончанія.

Значеніе приставокъ въ различіи формъ.

Если мы примемъ во вниманіе указанныя приставки въ именахъ *рабъ, сынъ, гость* и т. д., то и поймемъ, почему не всѣ имена существительныя, т.-е. слова, обозначающія предметы, одинаково склоняются (измѣняются по падежамъ). Мы говоримъ *пять рыб*, но—*пять костей*, т.-е. различныя имена женскаго рода имѣютъ не одинаковое окончаніе въ одномъ и томъ же падежѣ. Другой примѣръ: *не надо рабов*, но—*не надо гостей*.

Объясняется это именно различіемъ приставокъ: одни имена, съ приставкой *о*, имѣли одни окончанія, другія имена, съ приставкой *у*, имѣли иныя окончанія въ томъ же падежѣ.

Родительный падежъ множественнаго числа отъ словъ съ приставкой *у* имѣлъ окончаніе *овъ*, а отъ словъ съ приставкой *о*— первоначально окончаніе *ъ* (т.-е. $у^{о}$, звукъ средній между *у* и *о*, который позже пересталъ произноситься). Собственно говоря, какъ показываетъ сравненіе съ другими близкими, родственными языками, окончаніе было одно: ом (съ долгимъ *о*) и въ словѣ *рабъ*, и въ словѣ *сынъ*, но въ словѣ *сынъ* въ родительномъ падежѣ множественнаго числа приставка имѣла видъ оў: *сын-оў-ом*, а въ словѣ *рабъ* получилась форма рабо-о̄м; изъ сыноў о̄мъ потомъ получилось сыновом, а изъ рабо-о̄м получилось рабом; позже *ом* измѣнилось въ *ом*, затѣмъ въ $у^{о}м$, потомъ въ носовое $у^{о}$, наконецъ, въ чистое, т.-е. не носовое, $у^{о}$, которое и обозначалось буквой *ъ*: *сыновъ;* такимъ же образомъ рабо^{м} дало затѣмъ *рабъ;* когда *ъ* перестало произноситься, то и получилось: *сынов, раб*. Такимъ образомъ, въ этихъ формахъ окончаніе, собственно, не сохранилось, а сохранилась лишь приставка въ первомъ изъ нихъ. Старая форма *раб* родительнаго множественнаго теперь исчезла: по образцу *сыновъ* мы говоримъ *рабовъ*, но старая форма на *ъ*, которое перестало произноситься, сохранилась и до сихъ поръ въ такихъ выраженіяхъ, какъ: *десять разъ, сто разъ*.

Итакъ, мы видимъ, что формы словъ заключаютъ въ себѣ корень, приставку и окончаніе; что приставка и окончаніе тоже когда-то представляли собою корень, т.-е. слово, выражающее извѣстное понятіе, а затѣмъ потеряли это первоначальное значеніе, сильно измѣнились во внѣшнемъ своемъ видѣ и стали тѣми частицами слова, которыя и образуютъ *формы:* форма *воду* имѣетъ

окончаніе *у*, форма *водѣ*—окончаніе *ѣ*, форма *идешь* окончаніе *шь*, форма *идемъ* окончаніе *мъ*. Мы знаемъ, такимъ образомъ, откуда получились формы, и какъ онѣ измѣняются.

Вымираніе формъ. Остается къ тому, что сказано о формахъ, прибавить еще одно указаніе, что формы умираютъ,—т.-е. съ теченіемъ времени выходятъ изъ употребленія.

Языкъ, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, конечно, не остается одинъ и тотъ же. У новыхъ поколѣній являются новыя понятія, и для обозначенія этихъ новыхъ понятій являются новыя слова. Одни слова прямо переносятся изъ чужого языка, другія составляются изъ тѣхъ корней, приставокъ и окончаній, которые уже имѣются въ языкѣ. Такъ, русскіе знакомятся въ извѣстную эпоху съ новымъ предметомъ, названіе котораго составляется изъ русскихъ корней: *пароходъ*; другой, новый для нихъ предметъ получаетъ названіе иностранное, не русское, но названіе это входитъ въ обиходъ, становится словомъ русскаго языка: таково, напримѣръ, слово *велосипедъ*. Съ другой стороны, нѣкоторыя понятія вымираютъ, т.-е. исчезаютъ въ сознаніи людей, говорящихъ на извѣстномъ языкѣ, и тогда исчезаютъ и слова, обозначавшія эти понятія. Такъ, въ современномъ русскомъ языкѣ уже неупотребительны такія слова, какъ *стольникъ, окольничій, тіунъ* или *посадникъ*. Ихъ знаетъ лишь человѣкъ, знакомый съ исторіей, который знаетъ также, какія понятія этими словами обозначались.

Подобно словамъ вымираютъ и формы: такъ, всѣ мы употребляемъ слова *жить, видѣть, читать*, но никто не употребляетъ формъ: *жихъ, видѣхъ, читахъ*. Эта старая, когда-то употреблявшаяся форма прошедшаго времени («аористъ») исчезла и вмѣсто нея съ тѣмъ же значеніемъ мы употребляемъ формы: *жилъ, видѣлъ, читалъ* и т. д.

Или: въ древности, обращаясь къ кому-нибудь, говорили не такъ, какъ мы: *человѣкъ! жена! Иванъ!*, — но говорили: *человѣче! жено! Иване!* Эта форма обращенія или форма звательнаго падежа также вымерла и замѣнилась формой именительнаго падежа: *человѣкъ, жена, Иванъ*.

XIII. Развитіе языка и его смерть.

Понятія языкъ, нарѣчія и говоръ. Каждому изъ насъ извѣстно и понятно выраженіе *русскій языкъ, нѣмецкій языкъ, французскій языкъ* и т. д. Подъ этими выраженіями разумѣется языкъ, которымъ говорятъ на очень обширномъ пространствѣ земли. Такъ, на русскомъ языкѣ говорятъ и въ Олонецкой гу-

берніи, и въ губерніи Калужской, и въ губерніи Харьковской. Однако, если мы присмотримся къ рѣчи жителей каждой изъ этихъ трехъ губерній, то замѣтимъ, что хотя рѣчь калужанъ, олончанъ и харьковцевъ и представляетъ очень много сходнаго, настолько сходнаго, что они могутъ въ общемъ понять другъ друга, однако есть не мало и различій между говоромъ тѣхъ, другихъ и третьихъ. Эти различія касаются выговора, т.-е. звуковъ, формъ, выбора словъ и синтактическихъ оборотовъ.

Такъ. въ одномъ углу Россіи русскіе говорятъ *вода́*, въ другомъ—*вада́*, одни говорятъ *сосьдъ*, другіе выражаютъ то же понятіе словомъ *шабєръ*; въ однихъ городахъ и селахъ Россіи говорятъ—*на мосту́*, въ другихъ—*на мость*, одни ходятъ *по́-воду*, другіе—*за водой*.

Эти различія даютъ возможность въ извѣстномъ языкѣ различать *нарѣчія;* въ нарѣчіи, которое отличается извѣстными чертами, опять-таки замѣчаются болѣе мелкія различія, въ силу которыхъ въ немъ различаютъ *поднарѣчія*. а въ поднарѣчіи различаютъ говоры.

Если мы возьмемъ *говоръ* какой-нибудь русской деревни, то и въ немъ можно, пожалуй, найти различія; строго говоря, каждая семья по языку чѣмъ-либо отличается отъ иныхъ семей, и даже рѣчь каждаго отдѣльнаго человѣка заключаетъ въ себѣ извѣстные мелкіе признаки, отличающіе ее отъ рѣчи другого человѣка. Только эти мелкіе признаки не бросаются въ глаза, и чтобы ихъ подмѣтить, нужно болѣе внимательное, болѣе тонкое наблюденіе.

Строго говоря, звуки *а, о, у, и* и т. д. однимъ человѣкомъ произносятся не вполнѣ такъ, какъ другимъ; но чтобы уловить эти незначительныя звуковыя различія, нуженъ очень тонкій слухъ, уже испытанный и изощренный въ наблюденіи звуковъ.

Кромѣ того, у каждаго человѣка есть свои излюбленные словечки и обороты, которые другими, если и употребляются, то гораздо рѣже.

Такимъ образомъ, то, что мы называемъ *языкомъ*, слагается изъ огромнаго количества мелкихъ говоровъ, въ которыхъ можно подмѣтить извѣстное количество общихъ чертъ, и въ то же время несравненно бо́льшее количество различій.

Ростъ языка.

Чѣмъ объясняется такой характеръ отношеній между говорами, какъ получается этотъ кругъ говоровъ, образующій одинъ *языкъ*?

Исходнымъ пунктомъ каждаго *языка*, какъ, напримѣръ, русскаго, является небольшой говоръ, говоръ одной и затѣмъ нѣсколькихъ семей. По мѣрѣ того, какъ семья постепенно разра-

стается въ родъ, родъ въ племя, племя въ народъ, растетъ и развивается небольшой говоръ, превращаясь постепенно въ бо́льшій говоръ, въ нарѣчіе, въ языкъ.

Причиной этого превращенія является естественный ростъ говора; поколѣніе смѣняется поколѣніемъ; передаваясь отъ отцовъ къ дѣтямъ, рѣчь измѣняется во всѣхъ отношеніяхъ: измѣняются звуки, измѣняются формы, выходятъ изъ употребленія одни слова, составляются другія.

Источникомъ этихъ измѣненій является *индивидуальная рѣчь*, т.-е. рѣчь одного человѣка. Звукъ *о* какой-нибудь одинъ говорящій начинаетъ произносить болѣе открыто, ближе къ *а;* въ рѣчи другого говорящаго вмѣсто формы *сынови* является форма *сыну* (дат. падежъ) подъ вліяніемъ формъ *рабу, богу* и т. п.; въ рѣчи третьяго появляется новое слово или новый оборотъ. Нѣкоторыя изъ этихъ новыхъ явленій не прививаются рѣчи другихъ говорящихъ, остаются *индивидуальными* явленіями, но другія, наоборотъ, усваиваются членами той же семьи, затѣмъ сосѣдями, односельчанами и далѣе могутъ перейти въ рѣчь сосѣднихъ деревень и селъ.

Различныя измѣненія въ языкѣ (рѣчи), измѣненія въ звукахъ, въ формахъ, въ словахъ и оборотахъ, получаютъ свое начало въ различныхъ точкахъ извѣстной области и изъ этихъ различныхъ точекъ распространяются въ разныхъ направленіяхъ. Одни измѣненія или новыя явленія языка распространяются дальше, другія ближе.

Такимъ образомъ, въ языкѣ какой-нибудь области всегда имѣется множество разнообразныхъ *теченій*, другъ съ другомъ скрещивающихся и встрѣчающихся. Эти-то разнообразныя теченія, т.-е. различное распространеніе новыхъ явленій въ языкѣ (новыхъ звуковъ, формъ, словъ) и создаютъ говоры и нарѣчія.

Рѣчь небольшой деревни, обыкновенно, представляетъ собою одинъ говоръ, такъ какъ различія между языкомъ отдѣльныхъ семей и отдѣльныхъ лицъ—очень мелкія, мало замѣтныя.

Постоянныя и тѣсныя сношенія другъ съ другомъ жителей этой деревни ведутъ къ тому, что рѣчь ихъ приблизительно одинакова какъ въ отношеніи звуковъ, такъ и въ отношеніи формъ, подбора словъ и оборотовъ. Рѣчь каждаго жителя подвергается вліянію рѣчи окружающихъ, сосѣдей, съ которыми онъ постоянно встрѣчается и говоритъ, и, въ свою очередь, вліяетъ на ихъ рѣчь. Въ силу этихъ постоянныхъ встрѣчъ, въ силу взаимныхъ вліяній и получается единство говора. Новое произношеніе, новая форма или слово, появляясь въ рѣчи одного, или постепенно

усвояется всѣми жителями деревни, общины, или же, если оно не усвояется другими, то исчезаетъ и въ рѣчи жителя, въ которой появилось.

Собственное произношеніе провѣряется тѣми слуховыми впечатлѣніями, которыя мы получаемъ отъ рѣчи другихъ, слуховое впечатлѣніе, оставленное нашимъ собственнымъ произношеніемъ, невольно сравнивается со слуховыми впечатлѣніями отъ чужого произношенія (тѣхъ же словъ); мы замѣчаемъ разницу и непроизвольно пытаемся произнести такъ, какъ произносятъ другіе. Такимъ образомъ взаимное вліяніе рѣчи жителей одной деревни или общины поддерживаетъ единство говора.

Но населеніе деревни или общины растетъ, расширяется, занимаетъ все большее и большее пространство; и по мѣрѣ этого мѣстнаго расширенія говора, связи, сношенія между членами его, живущими на противоположныхъ концахъ территоріи, все болѣе и болѣе ослабѣваютъ.

Такъ какъ территорія говора становится гораздо больше прежней, то новыя явленія языка, зарождающіяся въ какомъ-нибудь пунктѣ (точкѣ), распространяясь въ разныя стороны, не могутъ охватить всѣхъ пунктовъ этой территоріи, а захватываютъ лишь небольшіе круги около себя. Такимъ образомъ, изъ прежняго говора съ теченіемъ времени въ силу естественнаго роста, развитія получается нѣсколько новыхъ говоровъ, которые объединяются нѣкоторыми общими чертами.

Всѣ эти говоры, различаясь кое въ чемъ между собою, сохраняютъ въ то же время нѣкоторыя старыя черты,—черты того небольшого говора, изъ котораго они развились

Эти черты, общія всѣмъ имъ, объединяютъ эту группу говоровъ въ одно *нарѣчіе*.

Итакъ, прежній небольшой говоръ, распавшись на рядъ говоровъ, превратился въ болѣе широкое языковое цѣлое—въ *нарѣчіе*.

Такимъ же образомъ дальнѣйшее развитіе, дальнѣйшій ростъ нарѣчія превращаетъ его въ *языкъ;* прежніе говоры становятся *нарѣчіями*, и внутри нихъ появляются новые говоры.

Чтобы описанный выше ростъ языка былъ болѣе понятнымъ, поясникъ все сказанное примѣромъ.

Примѣръ: происхожденіе русскаго языка.

Русскій языкъ когда-то въ незапамятныя времена, несомнѣнно, былъ лишь небольшимъ говоромъ одного нарѣчія, которое мы можемъ назвать славянскимъ или, лучше, *праславянскимъ*.

Это праславянское нарѣчіе представляло собою кругъ говоровъ, изъ которыхъ каждый отличался своими особенностями.

Такъ, въ болгарскомъ говорѣ были употребительны звуковыя сочетанія *ла, ра*: *глава, врана*, въ русскомъ говорѣ *оро, оло*: *голова, ворона*. Или: въ болгарскомъ говорѣ употреблялись сочетанія *шт, жд* тамъ, гдѣ въ русскомъ были *ч, ж*: болгаре говорили *нощть, междя*, а русскіе—*ночь, межя*, у поляковъ же эти слова звучали: *ноць, медза*.

У русскихъ употреблялось *л*, какъ и у болгаръ,—тамъ, гдѣ у поляковъ слышалось *дл*: въ русскомъ и болгарскомъ говорѣ—*рало*, а въ польскомъ *радло* (radło).

Съ теченіемъ времени небольшое племя русскихъ размножилось и заняло болѣе широкія пространства; прежній небольшой говоръ русскихъ превратился въ нарѣчіе; въ этомъ нарѣчіи появились новыя особенности, которыя, однако, не захватывали всей его территоріи, а потому въ немъ образовались новые говоры. Всѣ эти говоры составляли одно *нарѣчіе*, одно цѣлое потому, что старыя особенности русскаго говора сохранялись ими: и въ малорусскомъ говорѣ, и въ говорѣ великорусскомъ, и въ говорѣ бѣлорусскомъ сохранялись старыя звуковыя сочетанія *оро, оло*: *голова, ворона*, и великороссъ и малороссъ говорили *ночь*—со звукомъ *ч*. Однако въ старомъ русскомъ говорѣ не было тѣхъ чертъ, которыя позже стали отличать малорусскій говоръ отъ великорусскаго: въ старомъ, еще не развившемся въ нарѣчіе, русскомъ говорѣ, звукъ *ѣ* произносился всѣми одинаково. Когда говоръ этотъ превратился въ нарѣчіе, въ одной его части появились такія измѣненія въ произношеніи звука *ѣ*, которыхъ не было въ другой; въ силу этихъ измѣненій теперь малороссъ произноситъ *біс, вік*, тогда какъ великороссъ произноситъ тѣ же слова съ *е*: *бес, век* (пишется *бѣсъ, вѣкъ*).

Рядомъ съ этимъ появились и другія измѣненія, ставшія отличіемъ малорусскаго говора отъ великорусскаго. Такъ, малороссы произносятъ—*ніч, вілъ*, а у великороссовъ въ тѣхъ же словахъ слышится *о*: *ночь, волъ*. Образовались также различія въ подборѣ словъ; такъ, малороссы употребляютъ, обыкновенно, слова: *хмара, годовати, сумный*—въ тѣхъ случаяхъ, когда великороссъ говоритъ: *туча, кормить, печальный*; или великороссъ говоритъ: *густой, бормотать*, а малороссъ—*рясный, белькотати*. Развитіе прарусскаго говора не остановилось на выдѣленіи изъ него великорусскаго, малорусскаго и бѣлорусскаго говора.

Каждый изъ нихъ, со своей стороны, росъ и развивался, распадаясь на рядъ новыхъ говоровъ и превращаясь тѣмъ самымъ въ нарѣчіе. Такъ, говоръ великорусскій превратился въ обширное великорусское нарѣчіе, изъ котораго выдѣлились два поднарѣчія: *южное* и *сѣверное*. Оба эти поднарѣчія сохраняли старыя

черты великорусскаго говора, изъ котораго они развились; но въ то же время въ нихъ появились новыя черты, которыхъ въ старомъ великорусскомъ говорѣ не было, и которыя отдѣлили ихъ другъ отъ друга. Такъ, въ южномъ поднарѣчіи звукъ *о*, когда онъ былъ неударяемымъ, измѣнился въ звукъ *а*: вмѣсто стараго *вода́* явилось *вада́*, вмѣсто *на посу—на насу́* и т. п.

Наоборотъ, сѣверное поднарѣчіе сохранило старое неударяемое *о* безъ измѣненія: въ немъ по-старому произносили: *вода́*, *на посу́* съ яснымъ *о*, такимъ же, какъ и въ формахъ вода́, посу́.

И сѣверное, и южное поднарѣчія великорусскаго нарѣчія, въ свою очередь, развили изъ себя каждое рядъ говоровъ, отмѣченныхъ тѣми или другими особенностями. Такъ, напримѣръ, изъ сѣвернаго поднарѣчія развилась группа говоровъ, въ которой звукъ *ч* замѣняется звукомъ *ц* и наоборотъ: такъ, въ различныхъ мѣстахъ Новгородской губерніи говорятъ: *отець* вм. *отець*, *кабацекъ*, вм. *кабачокъ*, *запляцю* вм. *заплачу* и т. п. Напротивъ, другіе говоры сѣвернаго поднарѣчія не знаютъ этой мѣны *ц* и *ч*.

Литературный языкъ.

Такъ растетъ языкъ, изъ небольшого говора постепенно развиваясь въ огромное количество говоровъ, образующихъ меньшія и большія группы.

Каждое новое дробленіе основано на новыхъ явленіяхъ, новыхъ измѣненіяхъ языка, и чѣмъ дольше живетъ языкъ, тѣмъ больше этихъ новыхъ явленій, его дробящихъ, тѣмъ слабѣе становится связь между его частями, тѣмъ труднѣе представителямъ отдѣльныхъ говоровъ понимать другъ друга.

Въ настоящее время малороссу уже не легко понимать великоросса, а тысячу лѣтъ тому назадъ предки ихъ еще, навѣрное, понимали другъ друга, хотя и были представителями двухъ различныхъ говоровъ. Въ настоящее время чехъ или полякъ врядъ ли пойметъ русскаго, но тысячу лѣтъ тому назадъ, взаимное пониманіе ихъ было значительно легче, а двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ это взаимное пониманіе не представляло никакого труда.

Еще отдаленнѣе та эпоха, то время, когда понимали другъ друга предки славянъ и германцевъ или римлянъ.

Каждый новый вѣкъ отдѣляетъ когда-то близкіе говоры другъ отъ друга, и было бы ошибочно думать, что германцы и славяне всегда говорили на непонятномъ другъ другу языкѣ, какъ это имѣетъ мѣсто въ настоящее время.

Быстрое теченіе жизни языка ведетъ неуклонно къ отдаленію другъ отъ друга ближайше родственныхъ говоровъ.

Это теченіе задерживается, однако, *литературнымъ* употребленіемъ языка, замедляется книгой; литературный языкъ является общимъ языкомъ книги для всѣхъ уголковъ обширной русской (или въ Германіи—нѣмецкой) территоріи и поддерживаетъ языковое единство многомилліоннаго народа, раскинувшагося на огромныя пространства.

Литературный языкъ всегда представляетъ нѣчто искусственное, нѣчто менѣе живое по сравненію съ народными говорами. Писатели, выросшіе въ различныхъ частяхъ языковой территоріи, вносятъ въ него словарныя и синтактическія особенности своего нарѣчія, своей общественной среды и силою своего дарованія, своего литературнаго вліянія навсегда или надолго упрочиваютъ существованіе этихъ словъ въ литературномъ языкѣ. Такъ, малорусскіе «гречаники» благодаря Гоголю становятся понятными и извѣстными сѣверянину.

Заимствованія изъ другихъ языковъ также входятъ въ литературный языкъ и нерѣдко навсегда остаются въ немъ, какъ отпечатокъ культурной исторіи народа.

Такимъ образомъ складывается, выковывается вѣками литературный языкъ, — органъ общей умственной жизни обширнаго народа, въ которомъ части обширнаго цѣлаго могутъ каждая найти нѣчто свое, внесенное ею въ общую сокровищницу народнаго духа. Въ этомъ литературномъ языкѣ запечатлѣваются различныя ступени историческаго развитія народа; различныя пережитыя имъ культурныя вліянія. Нѣчто твердое, малоподвижное представляетъ собою литературный языкъ, но подъ застывшей корой, которой онъ покрытъ, вѣчно струится теплая жизнь народныхъ говоровъ, которые питаютъ его свѣжими соками.

Вполнѣ неподвижнымъ не можетъ остаться и онъ.

Смерть языка.

Какъ все живое, языкъ не является вѣчнымъ, и естественное развитіе языка иногда останавливается и смѣняется процессомъ постепеннаго умиранія или вымиранія. Это вымираніе, обыкновенно, начинается съ того, что представители даннаго языка начинаютъ одновременно и съ одинаковой легкостью говорить на двухъ языкахъ: на своемъ родномъ и на языкѣ чужомъ,—на языкѣ сосѣдняго народа, живущаго совмѣстной политической и общественной жизнью. При этомъ получаются обычно различныя степени смѣшенія двухъ языковъ, т.-е. вымирающій языкъ принимаетъ въ себя бо́льшее или меньшее количество чужихъ словъ и формъ, а иногда подвергается сильному вліянію чужого языка и въ произношеніи звуковъ.

Такое смѣшеніе языковъ или вліяніе одного языка на другой иногда и не ведетъ къ вымиранію послѣдняго. Такъ чешскій языкъ въ сильной мѣрѣ подвергся вліянію нѣмецкаго (въ словарномъ отношеніи, а можетъ-быть, и звуковомъ, однако чешскій языкъ нельзя назвать вымирающимъ, такъ какъ онъ обладаетъ обширной литературой, изящной и научной, и не обнаруживаетъ признаковъ вымиранія.

Но въ другихъ случаяхъ смѣшеніе родного языка съ чужимъ ведетъ замѣтно къ тому, что каждое новое поколѣніе теряетъ все болѣе словъ родного языка, замѣняя ихъ словами чужого языка; поэтому усвоеніе этого чужого языка становится для каждаго слѣдующаго поколѣнія все легче и легче.

Съ теченіемъ времени на родномъ языкѣ говоритъ все меньшее количество представителей даннаго народа, и, наконецъ, остается лишь нѣсколько глубокихъ стариковъ, еще говорящихъ на языкѣ предковъ; молодежь уже не знаетъ его.

Примѣромъ такого вымиранія языка можетъ служить смерть того славянскаго языка, которымъ говорили когда-то славяне, жившіе по берегу Балтійскаго моря и по Эльбѣ, въ предѣлахъ нынѣшняго Мекленбурга, Помераніи и Голштиніи (въ Германіи).

Эти славяне съ теченіемъ вѣковъ забыли свой родной славянскій языкъ и стали говорить по-нѣмецки. За Эльбой въ Люнебургѣ остатки этихъ словянъ, говорившихъ еще по-славянски, существовали еще въ началѣ XIX столѣтія, какъ о томъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые нѣмецкіе писатели, записавшіе скудные остатки ихъ рѣчи. Теперь въ Люнебургѣ славянъ уже нѣтъ. Такая же судьба грозитъ также небольшому но когда-то сильному и многочисленному славянскому племени *лужичанъ*, живущихъ нынѣ въ количествѣ приблизительно 200 тысячъ въ предѣлахъ Пруссіи и Саксоніи.

Въ нѣкоторыхъ лужицкихъ селахъ выходятъ уже изъ употребленія даже такія славянскія слова, какъ odpowiadac' (отповядаць = отвѣчать ср. наше «отповѣдь»), и замѣняются нѣмецкими со славянскимъ окончаніемъ: antwortowac' (антвортоваць, отъ нѣмецкаго antworten = отвѣчать).

Смѣшеніе языковъ.

Отъ смѣшенія языковъ, которое служитъ иногда первой ступенью вымиранія, нужно отличать такое смѣшеніе, которое просто обусловлено близкимъ сосѣдствомъ и частыми тѣсными сношеніями двухъ говоровъ, принадлежащихъ разнымъ языкамъ. Пограничные говоры, напримѣръ, между чешскимъ и польскимъ языкомъ, являются смѣшанными, такъ какъ заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя черты чешскаго, а нѣкоторыя—польскаго языковъ.

Такіе говоры называютъ также переходными. Заимствованіе изъ одного языка въ другой словъ, формъ или суффиксовъ, конечно, тоже можетъ быть названо въ извѣстной степени смѣшеніемъ языковъ: хотя бы заимствованіе въ русскій языкъ нѣмецкихъ или французскихъ словъ.

Примѣчаніе объ искусственныхъ языкахъ.

Тѣ языки, на которыхъ говорятъ различные народы міра, не представляютъ чего-либо придуманнаго и сознательно-условнаго. Каждый языкъ воспринимается младшимъ поколѣніемъ отъ старшаго, въ употребленіи этого младшаго поколѣнія языкъ получаетъ тѣ или другія измѣненія, но измѣненія эти безсознательныя, непреднамѣренныя и вовсе не имѣютъ въ виду облегчить пониманіе возможно болѣе широкому кругу людей. Въ теченіе вѣковъ создались эти языки въ силу извѣстныхъ законовъ душевной и физической жизни человѣка. Въ противоположность этимъ живымъ языкамъ, представляющимъ естественный плодъ человѣческой культуры, существуютъ языки *искусственные*, языки, такъ сказать, придуманные.

Конечно, и въ созданіи этихъ языковъ проявляются общіе законы душевной жизни человѣка; точно такъ же нѣкоторая искусственность вносится нерѣдко и въ обыкновенные, живые народные языки.

Однако въ искусственныхъ языкахъ начало сознательное, условное проявляется въ гораздо болѣе сильной степени.

Къ искусственнымъ языкамъ можно отнести языкъ школьниковъ, которые нерѣдко вставляютъ между слогами какой-нибудь одинъ слогъ, чтобы ихъ не могли понять: хер-что-хер-ты-хер-хохер-чешь=что ты хочешь и т. п. Къ такимъ искусственнымъ языкамъ нужно отнести также различные воровскіе діалекты, въ которыхъ извѣстные предметы имѣютъ особое условное значеніе.

Но особенный интересъ представляютъ тѣ искусственные, придуманные языки, которые ставятъ себѣ задачу стать всемірнымъ языкомъ, понятнымъ и русскому, и французу, и нѣмцу, и англичанину и т. д. Составители или сочинители такого языка стараются придумать такія слова, которыя бы были понятны по возможности всѣмъ народамъ, и такую грамматику, которая бы не представляла никакого труда для усвоенія. Такихъ всемірныхъ языковъ было придумано не мало: наиболѣе извѣстны изъ нихъ у насъ «*волапюкъ*» и «*эсперанто*».

До сихъ поръ, однако, идея придумать всемірный языкъ не дала положительныхъ результатовъ..

Прежде всего понятно, что такой «всемірный» языкъ можетъ быть придуманъ развѣ лишь для торговыхъ, дѣловыхъ или научныхъ отношеній.

Достичь того, чтобы на этомъ языкѣ говорили всѣ, говорилъ народъ въ обыденной жизни,—конечно, праздная мечта.

Какой народъ забудетъ языкъ своей матери, своего отца, своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, для того, чтобы говорить на «эсперанто»? Какой народъ, переведетъ своего Пушкина или своего Гёте или своего Шекспира, стихъ котораго говоритъ такъ много его сердцу, звучитъ такъ музыкально его уху, на этотъ языкъ «эсперанто»?

И сколько нужно работъ талантливыхъ, геніальныхъ писателей, чтобы перевести на «эсперанто» или на какой-либо другой всемірный языкъ богатую русскую литературу, богатую нѣмецкую литературу, англійскую, французскую и т. д.? Но предположимъ, что эсперанто сталъ народнымъ, разговорнымъ языкомъ цѣлаго ряда народовъ; чрезъ нѣкоторое время, разъ онъ станетъ роднымъ, разговорнымъ языкомъ, онъ станетъ, какъ и всякій языкъ, развиваться, дробиться на говоры и нарѣчія, и чрезъ 100 лѣтъ будетъ цѣлый рядъ языковъ «эсперанто».

Но и для цѣлей дѣловыхъ или научныхъ сношеній,—сношеній между немногими сравнительно представителями различныхъ народовъ какой-либо «эсперанто» не представляетъ никакихъ особыхъ преимуществъ. Можно придумать такой языкъ, который будетъ легко понятенъ французу, испанцу, итальянцу и португальцу, потому что народные языки ихъ близки, родственны другъ другу.

Но придумать такой языкъ, который бы былъ одинаково легокъ нѣмцу, французу, греку, турку и русскому—невозможно: различіе между этими языками слишкомъ велико.

Русскому человѣку—«эсперанто» легко научиться только въ томъ случаѣ, если онъ уже знаетъ французскій или латинскій или итальянскій языкъ. Иначе развѣ понятны будутъ ему такія слова, какъ лингво (*lingvo*), соло (*solo*) или мондо (*mondo*)?

При такихъ условіяхъ не лучше ли изучить просто французскій языкъ, грамматика котораго путемъ естественнаго развитія достигла достаточной простоты? Пособіемъ при этомъ можетъ служить богатая интересная французская литература, которой не имѣетъ ни «волапюкъ», ни «эсперанто». Если сосчитать, сколько русскихъ, сколько нѣмцевъ, англичанъ, грековъ, турокъ, итальянцевъ, шведовъ, и т. д. говорятъ на французскомъ языкѣ, то ихъ, навѣрное, окажется несравненно больше, чѣмъ говорящихъ на «эсперанто» или какомъ бы то ни было другомъ «всемірномъ» языкѣ.

XIV. О происхожденіи языка.

Въ предыдущихъ главахъ мы выяснили, что такое языкъ, изъ какихъ явленій онъ состоитъ, какъ живетъ и измѣняется. Еще одинъ вопросъ можетъ явиться у читателя: это вопросъ о происхожденіи языка. Но на этотъ вопросъ мы не можемъ отвѣтить чѣмъ-либо опредѣленнымъ, развѣ лишь догадками и предположеніями (гипотезами).

Наблюдая различные языки, существующіе въ настоящее время, изучая ихъ прошлое по памятникамъ (напр., древнимъ рукописямъ), мы можемъ выяснить жизнь языка, содержаніе тѣхъ процессовъ, изъ которыхъ эта жизнь слагается.

Но начальный моментъ зарожденія человѣческаго языка скрытъ отъ нашего взора въ бездонной глубинѣ вѣковъ, какъ и зарожденіе самого человѣка.

Языкъ животныхъ и языкъ человѣка.

Въ области естественныхъ наукъ пользуется большимъ распространеніемъ мысль, что человѣкъ по своему происхожденію является однимъ изъ видовъ животнаго и путемъ медленнаго, захватывающаго огромное количество вѣковъ, развитія сталъ человѣкомъ.

Въ параллель этой теоріи невольно напрашивается мысль, что и языкъ человѣка имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ. своимъ началомъ языкъ животныхъ, который, какъ средство взаимнаго общенія, у животныхъ въ извѣстной степени, въ извѣстномъ смыслѣ, конечно, существуетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, собака можетъ выражать визгомъ и чувство радости, и чувство боли.

Насѣдка тревожнымъ кудахтаньемъ сзываетъ цыплятъ, завидя ястреба; сигнальный крикъ предостереженія замѣчается у многихъ породъ дикихъ птицъ.

Однако между этимъ языкомъ животныхъ и языкомъ человѣка лежитъ бездонная пропасть. Во-первыхъ, языкъ человѣка состоитъ изъ членораздѣльныхъ звуковъ: а, б, в, г, д, и т. д., тогда какъ въ крикахъ животныхъ этихъ членораздѣльныхъ звуковъ нѣтъ.

Во-вторыхъ, языкъ животныхъ выражаетъ лишь чувства: боли, радости, страха, нетерпѣнія, злобы. При этомъ крикъ, служащій выраженіемъ чувства тревоги, служитъ предостереженіемъ для другихъ животныхъ того же вида.

Человѣческая рѣчь выражаетъ, какъ мы уже знаемъ не только чувства, но и отвлеченныя понятія, отвлеченную мысль. Какъ и чѣмъ заполнить эту пропасть, отдѣляющую языкъ животныхъ отъ языка человѣка?

Отъ животнаго къ человѣку.

Ставя этотъ вопросъ, мы вовсе не думаемъ, что на него возможенъ лишь отрицательный отвѣтъ.

Не невозможно, что огромное количество вѣковъ создало ту пропасть, что путемъ въ высшей степени медленнаго развитія выработанъ изъ нечленораздѣльныхъ животныхъ криковъ членораздѣльный языкъ человѣка, изъ языка животныхъ чувствъ—языкъ отвлеченной мысли.

Процессъ этотъ—выработки человѣческой рѣчи—долженъ былъ въ такомъ случаѣ итти параллельно процессу выработки отвлеченнаго мышленія, членораздѣльная рѣчь создавалась постепенно по мѣрѣ того, какъ создавались понятія.

Крикъ, вызванный впечатлѣніемъ отъ извѣстнаго предмета, сперва обозначалъ чувство, вызванное предметомъ, потомъ могъ стать обозначеніемъ предмета или точнѣе человѣческаго представленія, понятія о предметѣ. Нѣкоторые изслѣдователи, какъ нѣмецкій психологъ Штейнталь, чтобы сдѣлать понятнымъ выдѣленіе человѣка изъ ряда остальныхъ животныхъ въ отношеніи душевной жизни, указываетъ на такіе моменты, какъ стоячее его положеніе или отсутствіе волосъ на кожѣ.

Стоячее положеніе, къ которому человѣкъ пришелъ постепенно, открывало его взору болѣе обширное пространство и тѣмъ давало болѣе обширный кругъ впечатлѣній, полученныхъ изъ внѣшняго міра.

Въ этомъ *большемъ богатствѣ непосредственныхъ впечатлѣній отъ внѣшняго міра* и видятъ эти изслѣдователи первый толчокъ къ тому умственному развитію, которымъ человѣкъ отличается отъ животнаго. Появленіе понятій, мышленія должно было создать языкъ понятій, языкъ мышленія, и параллельно превращенію языка чувства въ языкъ мысли должно было итти постепенное превращеніе нечленораздѣльнаго крика въ членораздѣльную рѣчь.

Такъ приблизительно можно представлять себѣ происхожденіе человѣческаго языка, если стоять на точкѣ зрѣнія, связывающей человѣка съ животнымъ. Но, разумѣется, такое представленіе мы и не можемъ назвать ничѣмъ инымъ, какъ догадками и предположеніями (гипотезами), не можемъ выдавать его за строго-научное рѣшеніе вопроса, основанное на наблюденіяхъ фактическаго характера.

XV. Языки; ихъ классификація.

Отъ языка вообще обращаемся къ вопросу о языкахъ, объ ихъ взаимномъ отношеніи.

Классификація языковъ.

Каждая наука, изучая предметы опредѣленнаго рода,—напримѣръ, растенія или животныхъ или минералы,—для бо́льшаго удобства изученія располагаетъ изучаемые предметы въ извѣстномъ порядкѣ, распредѣляетъ ихъ, такъ сказать, по кучкамъ, по группамъ или «классамъ». Такое приведеніе въ порядокъ изучаемыхъ предметовъ называется *классификаціей*. Языкознаніе, изучая различные языки міра, также должно дать ихъ классификацію, т.-е. расположить въ опредѣленномъ порядкѣ. Такая классификація естественнѣе всего можетъ быть основана на родствѣ языковъ между собою.

Какъ зоологъ, т.-е. ученый, изучающій различные виды животныхъ, располагаетъ ихъ въ томъ порядкѣ, который опредѣляется ихъ родствомъ, т.-е. куръ, утокъ, воробьевъ, страусовъ и т. д. соединяетъ въ одну группу—птицъ; змѣй, ящерицъ—въ другую—пресмыкающихся, такъ точно поступаетъ и языковѣдъ.

Родство славянскихъ языковъ.

Если мы, русскіе, познакомимся съ польскимъ языкомъ, языкомъ чешскимъ, болгарскимъ, сербскимъ, то безъ труда замѣтимъ, что всѣ эти языки родственны нашему русскому. Русское «вода» въ польскомъ звучитъ съ инымъ удареніемъ—«во́да» (woda), но обозначаетъ тотъ же предметъ, то же понятіе. Чехи обозначаютъ этотъ предметъ также словомъ woda (во́да), точно такъ же и болгары, и сербы.

И такое соотвѣтствіе, такое сходство находимъ въ массѣ словъ: такъ русскому «каша» соотвѣтствуетъ чешское kaše («каше»), польское kasza («каша»), сербское «каша»; русскому «песъ»—чешское pes («пэсъ»), польское pies («песъ»); русскому «дать» — чешское dati («дати»), польское dać («даць»), сербское («дати»), болгарское «дати» и т. д.

Всякому, кто познакомится хоть немного съ указанными языками, ясно станетъ, что русскій языкъ и эти языки одного корня, развились изъ одного языка, были когда-то говорами этого одного языка. Всѣ эти языки образуютъ одну семью славянскихъ языковъ.

Родство славянскихъ языковъ съ другими европейскими.

Если мы изучимъ славянскіе языки не только въ ихъ нынѣшнемъ состояніи, но по древнимъ рукописямъ познакомимся съ ихъ *древнѣйшимъ состояніемъ*, то замѣтимъ, что славянскіе языки также обнаруживаютъ большую близость съ древне-греческимъ, древне-латинскимъ, древне-германскимъ, литовскимъ и нѣкоторыми другими языками.

Такъ, славянскому «даръ» соотвѣтствуетъ по значенію греческое δῶρον («дорон») латинское donum («донум»), славянскому *«мати»*—латинское mater («матэр»), литовское motė̃ («моте»), славянскому *«возъ»*—греческое ὄχος («охос»), славянскому *сынъ*—литовское «сунус», славянскому *«домъ»*—латинское domus («домус»), греческое δόμος («домос»), славянскому *«гость»* — латинское hostis («гостис»), древне-нѣмецкое (готское) — gasts («гастс»), славянскому *овца*—латинское ovis («овис»), греческое ὄις («ойс»), литовское avis («авис»); славянскому *быти* — литовское bûti («бути») и т. д.

Такимъ образомъ, славянскіе языки оказываются родственными латинскому, греческому, литовскому, нѣмецкому языкамъ, образуютъ съ ними одну, болѣе широкую, семью языковъ, т.-е. развились всѣ отъ одного корня, изъ одного какого-то языка, существовавшаго въ незапамятныя времена.

Семьи языковъ.

Такимъ-то образомъ, путемъ сравненія различныхъ языковъ ученые пришли къ тому, что среди существующихъ языковъ установили нѣсколько *большихъ семействъ*.

Нужно оговориться, что не всѣ существующіе на земномъ шарѣ языки вполнѣ хорошо изучены, и что отношенія между нѣкоторыми отдѣльными языками не всегда точно установлены, такъ что въ распредѣленіи языковъ по семействамъ можно встрѣтить и такіе языки, которые стоятъ особнякомъ.

Такъ, напримѣръ, многочисленныя надписи, найденныя въ долинѣ рѣки Ефрата — въ Месопотаміи, относятся къ особому языку, который называется аккадо-суммерійскимъ; этимъ языкомъ говорили два ближайше родственные народа—аккадійцы (на сѣверѣ Месопотаміи) и суммерійцы (на югѣ Месопотаміи), которые создали вавилонскую культуру, существовавшую болѣе чѣмъ за 4.000 лѣтъ до Рождества Христова.

Наиболѣе установленными являются въ настоящее время 4 семьи языковъ: 1) индо-европейская, 2) семитическая, 3) хамитская, 4) урало-алтайская.

Индо-европейская семья языковъ, къ которой относятся славянскіе языки, а слѣдовательно и русскій языкъ, вмѣстѣ съ латинскимъ языкомъ, языкомъ греческимъ, литовскимъ, языками германскими и нѣкоторыми другими, является для насъ наиболѣе интересной.

Подробнѣе объ этой семьѣ языковъ мы будемъ говорить ниже, и тогда станетъ ясно, почему она называется *индо-европейской*.

Къ семитической семьѣ языковъ относятся языкъ ассирійско-вавилонскій, языкъ еврейскій, на которомъ написана Библія,

языкъ сирійско-халдейскій, языкъ арабскій и языкъ абиссинскій или эѳіопскій.

Изъ этихъ языковъ семитическаго происхожденія наиболѣе древнимъ является *ассирійско-вавилонскій*; одно изъ семитическихъ племенъ, прійдя на территорію суммерійцевъ (которые не были семитами), смѣшалось съ ними и передало имъ свой языкъ, а само переняло суммерійскую культуру. Памятниками этого семитическаго вавилоно-ассирійскаго языка являются клинообразныя надписи, найденныя въ Вавилонѣ и Ниневіи и относящіяся ко времени болѣе чѣмъ за 3.000 лѣтъ до Рождества Христова.

Хамитская семья языковъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, родственна семитической семьѣ; къ ней относится древне-египетскій языкъ и его потомокъ—коптскій языкъ. Нѣкоторые памятники древне-египетскаго языка относятся приблизительно ко времени за 4.000 лѣтъ до Рождества Христова.

Урало-алтайская семья языковъ заключаетъ въ себѣ языки: финскій, корельскій, эстонскій, венгерскій (иначе мадьярскій), языки остяковъ, вогуловъ, зырянъ, мордвы, самоѣдовъ, якутовъ, башкировъ, киргизовъ, татаръ, турокъ, бурятъ, калмыковъ и тунгузскій.

Особую группу представляютъ кавказскіе языки, происхожденіе которыхъ не выяснено (грузинскій, сванетскій, мингрельскій, чеченскій, черкесскій).

Также особнякомъ стоитъ языкъ *китайскій*, на которомъ существовала литература уже за 2.000 лѣтъ до Рождества Христова. Къ нему близко подходятъ языки: *тибетскій*, *сіамскій*, *бирманскій*.

Отдѣльно отъ китайскаго стоитъ *японскій*.

Языки южной Африки образуютъ семью языковъ *банту*, по отношенію къ которой самостоятельное мѣсто занимаютъ *готтентотскій* языкъ и языкъ *бушменскій*.

Особую семью языковъ образуютъ *малайскіе* и *австралійскіе* языки и особую—*языки американскихъ индѣйцевъ*, не вполнѣ еще изслѣдованные.

Помимо того, что не всѣ извѣстные языки земного шара хорошо изучены,—сдѣланная классификація ихъ по родству не устраняетъ вопроса: являются ли эти семьи языковъ безусловно чужими другъ другу?

На этотъ вопросъ наука не можетъ отвѣтить съ полной увѣренностью ни да, ни нѣтъ. Различными учеными дѣлались попытки доказать, что индо-европейская семья языковъ родственна семитической семьѣ; другіе полагали, что индо-европейскіе языки родственны венгерскому и финскимъ языкамъ.

Доказать это врядъ ли можно. Но въ то же время врядъ ли можно съ твердой увѣренностью отрицать возможность общаго корня, общаго происхожденія, напримѣръ, индо-европейскихъ и семитическихъ языковъ. Если эти двѣ семьи языковъ и развились изъ одного языка, то этотъ одинъ языкъ-предокъ тѣхъ и другихъ существовалъ въ незапамятныя времена, былъ еще очень неразвитъ, заключалъ въ себѣ очень немного словъ; съ тѣхъ поръ прошло столько тысячелѣтій, что всѣ слѣды общаго происхожденія тѣхъ и другихъ могли совершенно стереться.

Итакъ, если мы хотимъ прослѣдить происхожденіе нашего русскаго языка до конца, то мы должны сперва изучить родственные ему ближайше славянскіе языки, чтобы представить себѣ тотъ общій славянскій праязыкъ, изъ котораго они развились; затѣмъ славянскій праязыкъ развился изъ одного корня съ другими индо-европейскими языками, изъ индо-европейскаго праязыка; слѣдовательно, представивъ себѣ этотъ индо-европейскій праязыкъ—основной корень славянскихъ языковъ, ознакомившись съ другими индо-европейскими языками, мы прослѣдимъ до конца или, лучше сказать, до исходнаго ея начала исторію нашего роднаго языка, поймемъ вполнѣ, откуда взялись тѣ или другіе звуки русскаго языка, тѣ или другія его формы.

XVI. Индо-европейская семья языковъ.

Какъ уже сказано выше, славянскіе языки, въ томъ числѣ русскій языкъ, не являются обособленными отъ другихъ языковъ міра. Сравненіемъ ихъ съ нѣкоторыми другими языками намѣчается цѣлая семья языковъ, близко-родственныхъ, т.-е. происходящихъ отъ одного корня, бывшихъ нѣкогда, въ очень отдаленную эпоху, говорами одного праязыка.

Праязыкъ этотъ называется индо-европейскимъ, а семья языковъ — индо-европейской семьей потому, что въ нее входитъ большая часть европейскихъ языковъ и индійскій языкъ, т.-е. языкъ индусовъ.

Члены индо-европейской семьи языковъ.

Къ этой индо-европейской семьѣ языковъ относятся, *кромѣ славянскихъ языковъ*, на которыхъ мы остановимся подробно позже, слѣдующіе изъ живыхъ языковъ, т.-е. языковъ, на которыхъ говорятъ еще въ наше время.

Литовскій языкъ, на которомъ говорятъ приблизительно полтора милліона литовцевъ, живущихъ въ Ковенской, Виленской и Сувалкской губерніяхъ и въ сѣверо-восточной Пруссіи.

Ближайше родственень литовскому *латышскій* языкъ, на которомъ говорятъ латыши, живущіе въ Лифляндіи, Курляндіи и отчасти въ Витебской губерніи.

Германскіе языки, къ числу которыхъ относятся: *нѣмецкій, голландскій, англійскій, датскій, шведскій, норвежскій, исландскій.*

Романскіе языки, къ числу которыхъ относятся: *французскій, провансальскій* (въ южной Франціи), *итальянскій, испанскій, португальскій, румынскій.*

Кельтскій языкъ, которымъ въ настоящее время говорятъ лишь небольшіе остатки когда-то огромнаго племени кельтовъ въ Ирландіи, Шотландіи, Великобританіи и французской Бретаніи: ирскій, шотскій, уэльскій, бретонскій.

Албанскій языкъ, которымъ говорятъ албанцы, живущіе въ Турціи, отчасти въ Греціи и южной Италіи.

Греческій языкъ, т.-е. языкъ жителей Греціи, острововъ Архипелага, Кандіи, Кипра, а также грековъ, живущихъ на части малоазіатскаго побережья.

Индійскій языкъ, т.-е. языкъ современныхъ индусовъ, распадающійся на 9 отдѣльныхъ языковъ; *цыганскій* языкъ также является индійскимъ, а сами цыгане — индійцами, переселившимися въ Европу изъ Индіи, какъ предполагаютъ, чрезъ Грецію и Турцію.

Иранскіе языки, а именно персидскій, курдскій, осетинскій и афганскій.

Армянскій языкъ (въ Россіи и Турціи).

Перечисленные языки, выдѣлившись изъ праязыка, который мы называемъ индо-европейскимъ, и живя своей отдѣльной жизнью въ теченіе многихъ тысячелѣтій, подверглись на разстояніи этого долгаго времени такимъ значительнымъ перемѣнамъ, что единство ихъ происхожденія можно установить лишь научнымъ путемъ, путемъ внимательнаго изученія. При этомъ установить это единство помогаетъ то обстоятельство, что на нѣкоторыхъ изъ указанныхъ языковъ индо-европейскаго корня очень рано возникла письменность, памятники которой дошли до насъ.

Такимъ образомъ, благодаря этимъ памятникамъ, мы можемъ судить не только о нынѣшнемъ, но и о давно-прошедшемъ времени въ жизни нѣкоторыхъ индо-европейскихъ языковъ, когда они еще не пережили многихъ измѣненій, отдалившихъ ихъ другъ отъ друга.

Благодаря этимъ древнимъ памятникамъ, мы можемъ яснѣе видѣть родство индо-европейскихъ языковъ, ихъ происхожденіе изъ одного праязыка.

Индійскій языкъ. Наиболѣе важнымъ въ этомъ отношеніи является *индійскій* языкъ, такъ какъ до насъ дошелъ памятникъ (рукопись) съ литературными произведеніями, составленными на одномъ изъ индійскихъ нарѣчій еще за 2.000 лѣтъ до Рождества Христова. Это — сборникъ религіозныхъ гимновъ, называемый по-индійски Ригведа, что значитъ *наука гимновъ* или «знаніе гимновъ». По этому сборнику мы знакомимся и съ религіей древнихъ индусовъ и съ ихъ языкомъ, какимъ онъ былъ за 2.000 лѣтъ до Рождества Христова.

На другомъ нарѣчіи, такъ называемомъ санскритѣ, существуетъ цѣлая обширная литература, возникшая позже Ригведы; нѣкоторыя произведенія этой санскритской литературы извѣстны и въ переводѣ на русскій языкъ, напримѣръ, поэмы Рамайяна, Магабарата, Наль и Дамаянти (Жуковскаго).

Персидскій языкъ. *Персидскій* языкъ также обладаетъ весьма древними памятниками, а именно: до насъ дошли клинообразныя надписи на древне-персидскомъ языкѣ, относящіяся къ концу VI и V — IV вѣкамъ до Рождества Христова, а также древнѣйшій сборникъ гимновъ религіи Зороастра (Заратустры); нѣкоторые изъ этихъ гимновъ, по мнѣнію ученыхъ, были составлены еще за 1.000 лѣтъ до Рождества Христова.

Къ числу индо-европейскихъ языковъ, очень рано отразившихся въ литературѣ, относятся еще *греческій* и *латинскій*.

Греческій языкъ. На древне-греческомъ языкѣ мы имѣемъ обширную литературу, какъ изящную, такъ и научную, зародившуюся за много вѣковъ до Рождества Христова и получившую на разстояніи столѣтій блестящее развитіе. Кто не знаетъ Иліады и Одиссеи Гомера, кто не знаетъ Софокла, Аристофана, Сократа, Платона и Аристотеля?

Латинскій языкъ. Латинскій языкъ, относящійся къ такъ называемой *италійской* вѣтви индо-европейскаго языка, также является органомъ обширной латинской или римской литературы, зародившейся уже за нѣсколько столѣтій до Р. Х.

Виргилій, Горацій, Овидій, Ливій, Тацитъ извѣстны всякому образованному человѣку. Къ той же италійской вѣтви относятся еще языки *умбровъ* (въ средней Италіи) и *осковъ* (въ южной Италіи), о которыхъ мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія по сохранившимся надписямъ. Эти языки очень рано были поглощены латинскимъ. Латинскій же языкъ легъ въ основу такъ называемыхъ *романскихъ* языковъ, перечисленныхъ выше.

Азбука, которой писаны произведенія латинской литературы, вошла въ употребленіе во всей почти Европѣ. Она имѣетъ слѣдующій видъ: a (русское а); b (б); c (передъ гласными a, o, u

читается, какъ k, а предъ i, e, ae, какъ ц); d (д); e (е) (ae тоже произносится, какъ e); f (ф); g (г); h (длительный-нёбный, соотвѣтствующій взрывному г, или иначе говоря, звонкое х); i (и); j (й); l (л); m (м); n (н); o (о); p (п); r (р); s (с); t (т); u (у); q (произносится какъ к); v (в); x (кс); z (з). Остальные члены индоевропейской семьи языковъ подверглись литературному закрѣпленію сравнительно поздно.

Армянскій языкъ. Такъ, о древнѣйшемъ состояніи армянскаго языка мы можемъ судить по памятникамъ V вѣка христіанской эры.

Германскій языкъ. О древне-германскомъ языкѣ имѣемъ свѣдѣнія по надписямъ III и IV вѣка по Р. Х. и по переводу Библіи на готскій языкъ (восточно-германскій), сдѣланному въ IV столѣтіи Вульфилою.

Кельтскій языкъ. Кельтскіе памятники не восходятъ древнѣе VIII вѣка по Р. Х.

Славянскій языкъ. Славянская письменность впервые появилась въ IX вѣкѣ.

Литовскій языкъ. О литовскомъ и латышскомъ языкахъ въ болѣе древнемъ ихъ состояніи, чѣмъ нынѣшнее, можно судить по памятникамъ XVI вѣка.

Албанскій языкъ. Албанскій языкъ представленъ памятниками не древнѣе XVII вѣка.

Индо-европейскій праязыкъ. Если мы станемъ сравнивать нынѣшніе славянскіе языки съ нынѣшнимъ нѣмецкимъ языкомъ или литовскимъ, то сходство въ грамматикѣ, въ звуковомъ составѣ и значеніи словъ окажется очень небольшимъ; но если мы возьмемъ древнѣйшіе славянскіе памятники и сравнимъ ихъ съ древнѣйшими памятниками германскими или литовскими, то сходство окажется значительно бо́льшимъ.

Такъ, литовское duktė («дуктѣ») мало похоже на русское *дочь* но старое церковно-славянское *дъщи*, въ которомъ буква ъ первоначально произносилась, какъ краткое у (какъ бы дўшти), обнаруживаетъ уже больше сходства съ литовскимъ. Или: русское *вдова* не такъ сходно съ нѣмецкимъ wittwe («витве»), но сравнимъ старое словянское *вьдова*, гдѣ ь произносился приблизительно, какъ очень краткое и («видова»), съ древне-нѣмецкимъ (готскимъ) widuwō («видуво»), и тогда станетъ яснѣе, что это одно и то же слово, такъ какъ и значеніе славянскаго и готскаго словъ одинаково.

Такое явленіе замѣчается въ очень большомъ количествѣ словъ.

Такимъ образомъ, чѣмъ дальше мы идемъ въ древность при сравненіи индо-европейскихъ языковъ, тѣмъ больше оказывается между ними сходства.

Можно поэтому думать, что въ очень отдаленныя отъ насъ времена различія между ними почти не было, т.-е. они представляли говоры одного языка и отличались другъ отъ друга не болѣе, чѣмъ говоры современнаго русскаго языка отличаются между собою. Время, когда существовалъ этотъ одинъ индо-европейскій праязыкъ, должно быть отнесено за много тысячъ лѣтъ до Р. Х., такъ какъ индійскій говоръ этого языка уже за 2.000 лѣтъ существовалъ, какъ особый языкъ.

Отдѣльные индо-европейскіе языки выдѣлились изъ этого праязыка въ силу двухъ условій,—съ одной стороны, въ силу естественнаго развитія, по которому говоры, постепенно измѣняясь разрастаются въ нарѣчія, а нарѣчія—въ языки; а съ другой стороны, въ силу постепеннаго географическаго расширенія и отдѣленія частей народа другъ отъ друга.

Различная степень родства между индо-европейскими языками.

При этомъ, если мы сравнимъ всѣ индо-европейскіе языки между собою, то окажется, что нѣкоторые изъ нихъ обнаруживаютъ особенное сходство другъ съ другомъ. Такъ, славянскіе языки ближе всего оказываются къ литовскому, немного меньше сходства обнаруживаютъ съ германскими, еще менѣе съ остальными индо-европейскими.

Точно такъ же индійскій, оказывается, болѣе всего сходенъ съ иранскимъ, а латинскій—съ кельтскимъ.

Эту различную степень родства, сходства между индо-европейскими языками раньше понимали, какъ указаніе на *постепенность распаденія или раздѣленія праязыка* на отдѣльные языки.

Объясненіе Шлейхера.

Такъ, нѣмецкій ученый Шлейхеръ полагалъ, что народъ, говорившій индо-европейскимъ праязыкомъ, сперва раздѣлился, какъ бы раскололся на 2 большихъ части: одну, изъ которой позже получились сѣверно-европейскіе языки (нѣмецкіе, литовско-латышскій и славянскіе), и другую, изъ которой позже получились всѣ остальные индо-европейскіе языки (индійскій, иранскій, греческій и т. д.). Поэтому германскіе языки и обнаруживаютъ больше сходства со

Рис. 20

славянскими и литовскимъ, что они еще жили рядомъ въ то время, когда отъ другихъ индо-европейскихъ уже были отдѣлены. Слѣдовательно:

Дальнѣйшее раздѣленіе этихъ двухъ основныхъ вѣтвей праязыка, по мнѣнію Шлейхера, также шло постепенно. Такъ, одинъ сѣверно-европейскій праязыкъ распался на 2 вѣтви: 1) германскую и 2) славяно-литовскую, а ужъ позже славяно-литовскій языкъ, въ свою очередь, раздѣлился на 2 самостоятельныхъ языка: 1) сла-

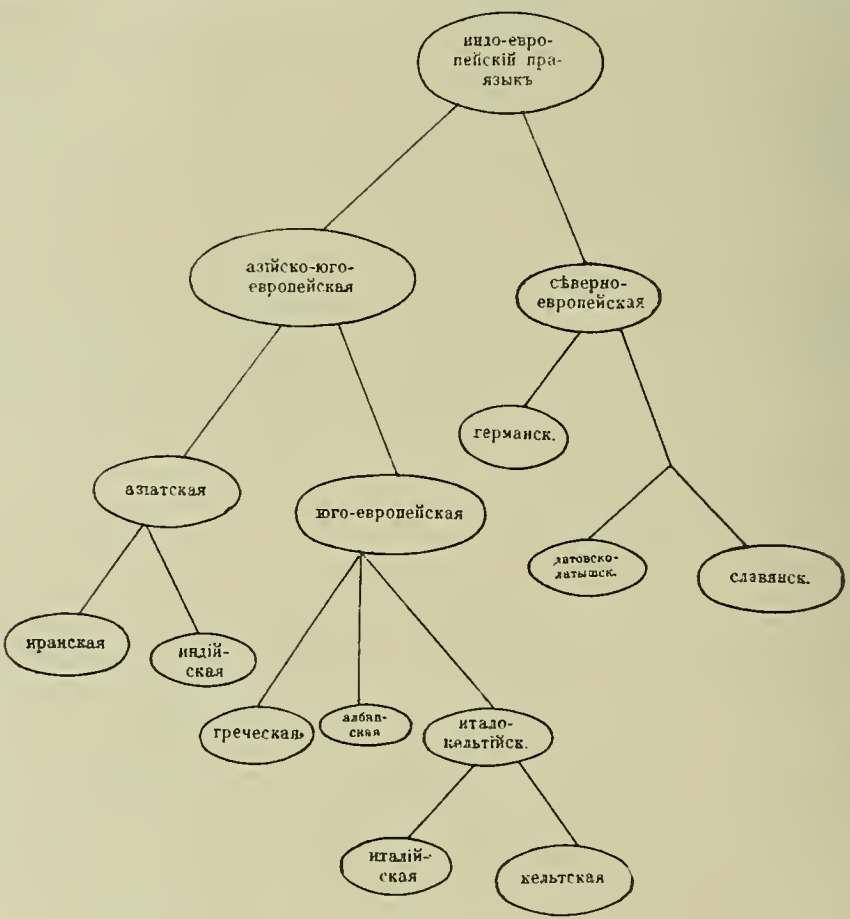


Рис. 21.

вянскій и 2) литовскій. Оттого-то славянскій языкъ ближе къ литовскому, чѣмъ къ германскому: германскій уже отдѣлился отъ нихъ, а они продолжали еще нѣкоторое время жить вмѣстѣ, какъ нарѣчія одного языка. Такъ же постепенно росла и развѣтвлялась, по представленію Шлейхера, и вторая главная вѣтвь индо-европейскаго языка: юго-европейско-азійская.

Въ общемъ Шлейхеръ такъ представляетъ себѣ постепенное развитіе, развѣтвленіе индо-европейскаго праязыка:

Итакъ, различную степень близости между собою отдѣльныхъ индо-европейскихъ языковъ Шлейхеръ ставилъ въ зависимость

отъ постепеннаго географическаго раздѣленія индо-европейскаго пранарода.

Однако нѣкоторые ученые указали, что такое изображеніе развитія индо-европейскаго праязыка въ видѣ постепеннаго развѣтвленія дерева *не все* объясняетъ во взаимныхъ отношеніяхъ индо-европейскихъ языковъ. Если индо-европейскій праязыкъ прежде всего раздѣлился на 1) азійско-юго-европейскій, 2) сѣверо-европейскій, то греческій и латинскій (юго-европейскій) должны быть менѣе близки къ сѣверо-европейскимъ, чѣмъ къ азіатскимъ (см. рисунокъ).

Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, греческій языкъ и латинскій ближе къ сѣверно-европейскимъ, чѣмъ къ азіатскимъ; а въ другихъ случаяхъ, славянскій и литовскій ближе къ иранскому и къ индійскому, чѣмъ къ греческому и вообще юго-европейскимъ.

Объясненіе Шмидта.

Такое путаное отношеніе между отдѣльными индо-европейскими языками объясняется инымъ способомъ. По мнѣнію нѣмецкаго ученаго I. Шмидта эти сходства между отдѣльными индо-европейскими языками унаслѣдованы ими отъ того отдаленнаго времени, когда они еще не отдѣлялись другъ отъ друга, а представляли кругъ говоровъ, между которыми сношенія не прерывались.

Рис. 22.

Этотъ кругъ говоровъ былъ расположенъ такимъ образомъ:

Различныя измѣненія въ языкѣ возникаютъ, обыкновенно, въ какомъ-либо одномъ пунктѣ и затѣмъ распространяются въ различныхъ направленіяхъ въ одну сторону болѣе, въ другую—менѣе.

При указаномъ выше расположеніи индо-европейскихъ говоровъ понятно, что нѣкоторыя измѣненія захватили говоры германскій, литовско - славянскій, армяно-иранскій и индійскій:

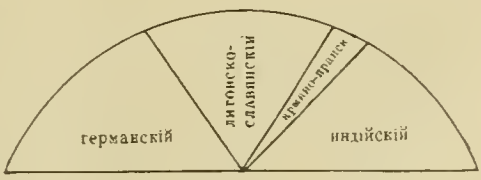


Рис. 23.

Другія измѣненія, наоборотъ, захватили говоры европейскіе и не распространились на азіатскіе:

Этимъ и объясняется, что въ нѣкоторыхъ чертахъ всѣ европейскіе языки сближаются между собою и отдѣляются отъ ин-

дійскаго и иранскаго, напр.: въ индійскомъ и иранскомъ находимъ звукъ *a*, когда въ греческомъ о или е: греческое φέρω (fero), латинское fero, русское *бер-у*, но древне-индійское bhárami.

Рис. 24.

Въ другихъ чертахъ, наоборотъ, азіатскія вѣтви сближаются со славянскими и литовскими и отдѣляются отъ греческаго и латинскаго: въ греческомъ нёбный *к*, въ то время какъ въ славянскомъ, литовскомъ, иранскомъ и индійскомъ зубной согласный: греческое δέκα («дека») равно по значенію славянскому десѧть (русское *десять*), литовское dèszimt, древне-индійское dáśa (дашя).

Но больше сходства обнаруживаютъ, конечно, между собою непосредственно сосѣдніе говоры.

Такимъ образомъ, теорія Шмидта объясняетъ бо́льшую близость нѣкоторыхъ индо-европейскихъ языковъ между собой не порядкомъ отдѣленія отъ праязыка, а первоначальнымъ расположеніемъ въ прародинѣ индо-европейцевъ тѣхъ говоровъ, изъ которыхъ развились впослѣдствіи отдѣльные индо-европейскіе языки.

XVII. Славянскіе языки. (Болгарскій языкъ. Церковно-славянскій языкъ).

Славянскіе языки.

Въ предыдущей главѣ мы выяснили, что среди вѣтвей, на которыя распался индо-европейскій праязыкъ, была вѣтвь славянская, или, иначе говоря, среди говоровъ, которые различались въ существовавшемъ нѣкогда индо-европейскомъ праязыкѣ, былъ говоръ славянскій или *праславянскій*; этотъ праславянскій говоръ въ силу общихъ законовъ развитія языка, въ свою очередь выросъ въ самостоятельный языкъ; въ немъ, въ этомъ *праславянскомъ* языкѣ, въ свою очередь, въ силу различныхъ измѣненій и увеличенія количества говорящихъ, зародились говоры; и эти говоры въ концѣ-концовъ выросли въ самостоятельные языки, среди которыхъ находимъ и *русскій* языкъ.

Такъ какъ многое въ русскомъ языкѣ становится яснымъ благодаря знакомству съ его братьями,—другими славянскими языками, то на нихъ, на славянскихъ языкахъ, намъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе.

Въ настоящее время существуютъ слѣдующіе славянскіе языки.

Болгарскій языкъ.

1) *Болгарскій* языкъ. Имъ говоритъ славянскій народъ, живущій въ восточной половинѣ Балканскаго полуострова, въ количествѣ около $3^1/_2$ милліоновъ человѣкъ.

Въ немъ различаютъ нѣсколько крупныхъ нарѣчій, которыя въ свою очередь, распадаются на рядъ говоровъ. Эти главныя болгарскія нарѣчія слѣдующія: 1) восточное нарѣчіе, которое и лежитъ въ основѣ литературнаго болгарскаго языка; 2) сѣверо-западное нарѣчіе; 3) юго-западное, или македонское нарѣчіе; 4) южное нарѣчіе, или рупаланское, такъ какъ населеніе, говорящее на этомъ нарѣчіи, называется *рупаланами*.

Кромѣ того, болгаре живутъ небольшими колоніями въ Россіи, — въ губерніяхъ Бессарабской, Херсонской и Таврической; въ Румыніи, въ Венгріи, въ Сербіи.

Болгарскій народъ по своему происхожденію, представляетъ собственно не чисто-славянскій народъ, а смѣсь одной вѣтви славянскаго народа съ народомъ тюрко-татарскаго происхожденія, называвшимся *болгаре*.

Смѣшавшись, эти два народа образовали одно цѣлое, при чемъ языкъ этого смѣшаннаго народа — славянскій, а имя его — тюрко-татарское.

Церковно-славянскій языкъ.

Болгаре должны быть названы на первомъ мѣстѣ въ числѣ славянскихъ народовъ потому, что на ихъ языкѣ раньше, чѣмъ на какомъ-нибудь другомъ славянскомъ, возникла письменность. Возникла она при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ IX вѣкѣ, точнѣе, во второй его половинѣ, братья Константинъ и Меѳодій сыновья знатнаго византійскаго вельможи, составили славянскую азбуку и начали переводить на славянскій языкъ Священное Писаніе.

Славянскій языкъ этотъ былъ именно языкъ болгарскій, точнѣе—македонское нарѣчіе, нарѣчіе славянъ болгарскихъ, жившихъ въ округѣ города Солуня.

Такъ какъ братья были родомъ изъ Солуня и хорошо знали славянскую рѣчь македонскихъ болгаръ, то имъ легче всего должна была удаться попытка перевести съ греческаго языка Евангеліе и другія богослужебныя книги именно на это знакомое имъ нарѣчіе.

Конечно, этотъ переводъ они готовили для славянъ Балканскаго полуострова,—болгаръ и сербовъ, а готовили они его по желанію византійскаго правительства для того, чтобы закрѣпить среди славянъ христіанство: Византіи было очень трудно поддерживать политическія отношенія и ладить съ полудикими и въ то же время сильными и опасными сосѣдями—славянами, по-

стоянно нападавшими на ея предѣлы; Византія надѣялась, что упорядочить эти отношенія будетъ легче, водворивъ прочно у сосѣдей-язычниковъ христіанство и подчинивъ ихъ своему культурному вліянію.

Въ то время какъ Константиномъ уже была составлена для славянъ азбука и начатъ былъ переводъ Евангелія на славянскій языкъ, въ Константинополь, къ византійскому императору явилось посольство отъ моравскаго князя Ростислава, который просилъ послать ему проповѣдниковъ, которые бы познакомили его народъ съ христіанствомъ на понятномъ имъ славянскомъ языкѣ.

Константинъ (позже онъ принялъ монашеское имя Кириллъ) и Меѳодій отправились въ Моравію, тамъ завели богослуженіе на славянскомъ языкѣ, продолжали переводъ Священнаго Писанія на славянскій языкъ и устроили церковныя школы, въ которыхъ обучали чтенію, письму, иконописи и церковному пѣнію.

Послѣ смерти Константина Меѳодій продолжалъ дѣло христіанскаго просвѣщенія Моравіи одинъ.

Однако по смерти Меѳодія дѣло его и его брата заглохло.

Ученики ихъ были изгнаны изъ Моравіи, такъ какъ новый моравскій князь покровительствовалъ нѣмецкому духовенству и богослуженію на латинскомъ языкѣ.

Бѣжавъ въ Болгарію, ученики эти принесли сюда славянскій переводъ Священнаго Писанія; здѣсь на родной почвѣ церковный славянскій языкъ,—языкъ литературный продолжалъ развиваться далѣе. Рукописи Константина и Меѳодія и ихъ учениковъ переписывали болгаре, говорившіе на различныхъ болгарскихъ нарѣчіяхъ и вносили въ свою работу черты своего языка, замѣняя старыя слова македонскія IX вѣка своими болѣе новыми, болгарскими; напримѣръ: вмѣсто **вънити къ корабь** *(войти въ корабль)* писали—**вълѣзти къ корабь** *(влѣзть въ корабль)*, вмѣсто **нерадити** (незаботиться) писали **небрѣшти** и т. п. Такъ же и произношеніе Кирилло-Меѳодіевское второй половины IX вѣка подъ перомъ писцовъ X и XI вѣка измѣнялось.

Но въ главныхъ, основныхъ чертахъ *церковно-славянскій* языкъ, т.-е. языкъ, на который перевели Константинъ и Меѳодій въ IX вѣкѣ Евангеліе, былъ тотъ же, что и родной языкъ болгарскихъ писцовъ X и XI вѣка; это былъ языкъ болгарскій, въ которомъ слышалось, напримѣръ, *шт* тамъ, гдѣ у русскихъ *ч*: *нощть* (=ночь), и *жд*—гдѣ у русскихъ *ж*: *межда* (межа).

Вотъ почему мы и можемъ сказать, что болгарскій языкъ раньше всѣхъ другихъ славянскихъ языковъ получилъ литературную обработку: вѣдь языкъ славянскаго перевода Евангелія и

другихъ богослужебныхъ книгъ, приготовленнаго въ IX вѣкѣ свв. братьями, есть языкъ болгарскій (македонскій), а въ то время еще ни у какого другого славянскаго народа не было письменности, не было азбуки.

Только позже отъ болгаръ переводъ Священнаго Писанія попалъ къ сербамъ и русскимъ; и тѣ и другіе стали его переписывать, но читали, конечно, по-своему; догадываясь по смыслу, подставляли свои русскія (а сербы—сербскія) слова и звуки вмѣсто болгарскихъ.

Такъ, болгаре читали слово *джбъ*, какъ до^{v}бъ, т.-е. о читали въ носъ (носовое о), а русскіе писали и читали *дубъ* съ *у*; или: болгаре читали и писали *нощь*, а русскіе *ночь*.

Однако въ другихъ случаяхъ русскіе оставляли церковно-славянскія, т.-е. болгарскія слова безъ измѣненія: писали и читали *глава, градъ*, что по-русски, по-народному, звучало: *голова, городъ*.

Такъ образовывался русскій церковный и въ то же время литературный языкъ: образовывался изъ смѣшенія церковныхъ славянскихъ, т.-е. болгарскихъ, словъ и оборотовъ съ русскими.

Тѣ рукописи, которыя были приготовлены въ IX вѣкѣ Константиномъ и Меѳодіемъ и ихъ учениками и заключали въ себѣ первоначальный переводъ Свящ. Писанія, не дошли до насъ.

До насъ дошли списки съ этихъ книгъ отъ конца X или начала XI вѣка и болѣе поздняго времени,—списки, сдѣланные уже въ Болгаріи.

Такимъ образомъ о древнемъ состояніи болгарскаго языка мы можемъ судить по этимъ спискамъ, по этимъ болгарскимъ рукописямъ конца X и начала XI вѣка.

Другіе славянскіе народы не имѣютъ столь древнихъ памятниковъ своего языка.

Славянская азбука.

Какъ выше было упомянуто, Константинъ и Меѳодій, чтобы перевести на славянскій языкъ богослужебныя книги, должны были прежде всего составить славянскую азбуку.

Они ее составили, конечно, по образцу своей родной греческой.

Собственно говоря, славяне, жившіе на Балканскомъ полуостровѣ, уже до Константина и Меѳодія, сами пользовались греческой азбукой для своихъ житейскихъ нуждъ.

Одинъ болгарскій писатель, «черноризецъ Храбръ», т.-е. монахъ Храбръ, жившій въ X вѣкѣ, написалъ статью «о письменѣхъ», т.-е. о буквахъ, гдѣ разсказываетъ о томъ, какъ была изобрѣтена славянская азбука.

Сочиненіе это дошло до насъ, хотя и въ спискахъ болѣе позднихъ, и тому, что Храбръ разсказываетъ, мы должны вѣрить,

такъ какъ этотъ болгарскій писатель жилъ немногимъ позже Константина и Меѳодія: «суть бо еще живи, иже видѣшѧ ихъ», говоритъ онъ (еще живы такіе, которые видѣли ихъ, т.-е. Константина и Меѳодія).

Такъ вотъ черноризецъ Храбръ прямо говоритъ, что славяне до изобрѣтенія Константиномъ азбуки:—«нуждахуся грьчьскыми и римьскыми письмены», т.-е. перебивались или пользовались по нуждѣ греческими и римскими буквами.

Пользовались они этими греческими и римскими буквами, напримѣръ, при торговыхъ сдѣлкахъ, для домашнихъ записей, обозначающихъ количество взятаго или даннаго взаймы, и т. п. нуждъ; такъ какъ буквъ *ж, ш, ч, ц* не было въ греческой азбукѣ, то для обозначенія соотвѣтствующихъ славянскихъ звуковъ брали двѣ буквы греческія, напр. сс (σσ), зз (ζζ) и т. п.

Константинъ, можно думать, взялъ эту уже знакомую славянамъ балканскимъ греческую азбуку и только упорядочилъ, усовершенствовалъ ее и нѣсколько измѣнилъ общій характеръ буквъ, ихъ постановку.

Эти буквы при практическомъ житейскомъ употребленіи имѣли бѣглый небрежный характеръ, имѣли, вѣроятно, наклонную постановку, какъ и греческое скорописное письмо IX вѣка, какъ и наше письмо.

Константинъ придалъ буквамъ болѣе правильную форму и прямое положеніе.

Такъ, напримѣръ, буква *г* писалась въ греческой скорописи IX вѣка такъ: ⲣ, Константинъ измѣнилъ ее слѣдующимъ образомъ: ⲅ; буква *д* писалась: ⲗ, а Константинъ придалъ ей болѣе правильную форму ⲗ. Въ другихъ буквахъ онъ, можетъ-быть, произвелъ болѣе существенныя измѣненія.

Такъ и получилась та азбука, которою написаны древнѣйшіе дошедшіе до насъ церковно-славянскіе, т.-е. болгарскіе памятники, и которая называется *глаголицей*.

Приводимъ ея буквы и образчикъ связнаго глаголическаго письма:

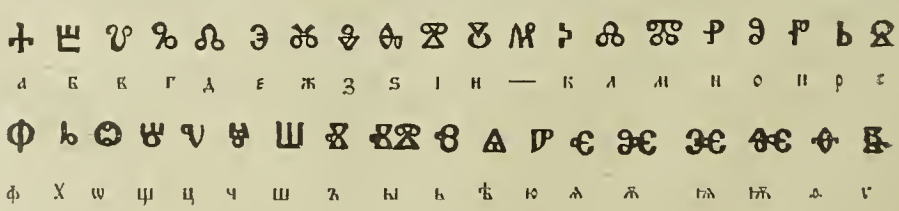


Рис. 25.

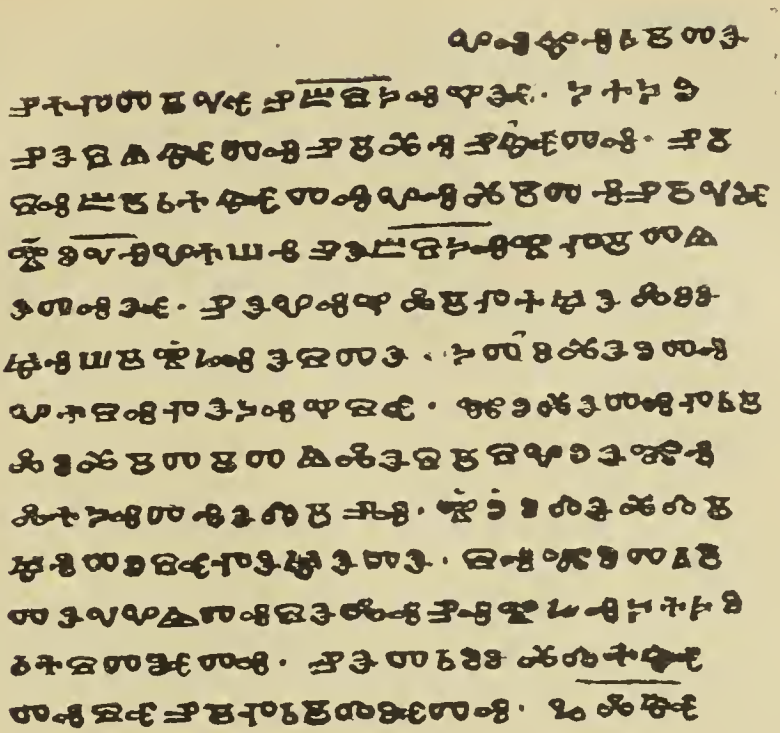


Рис. 26.

Древнѣйшія рукописи болгарскаго, или церковно-славянскаго языка, написанныя этимъ письмомъ, представляютъ текстъ Евангелія.

Это такъ называемый Зографскій списокъ Евангелія, названный такъ потому, что онъ найденъ въ Зографскомъ монастырѣ на Старомъ Аѳонѣ; затѣмъ Маріинскій списокъ Евангелія, найденный также на Аѳонѣ въ монастырѣ пресв. Богородицы; Ватиканскій списокъ Евангелія, найденный въ Римѣ въ Ватиканской библіотекѣ и др.

Всѣ они, конечно, писаны на пергаменѣ, такъ какъ бумага появилась въ Европѣ не ранѣе XIII вѣка.

Глаголическое письмо въ Болгаріи очень рано стало выходить изъ употребленія вслѣдствіе своей вычурности, трудности; оно просуществовало въ Болгаріи X и XI вѣка, но уже съ конца X вѣка рядомъ съ нимъ стало употребляться другое письмо, болѣе простое и удобное, такъ называемое *кирилловское*. Называется оно такъ потому, что его «изобрѣтеніе» или составленіе издавна приписывается Кириллу, т.-е. Константину, но приписывается невѣрно.

Одно житіе св. Климента, ученика Константина и Меѳодія, на греческомъ языкѣ разсказываетъ, что этотъ святой изобрѣлъ «болѣе ясныя письмена»—вѣроятно, эта болѣе ясная азбука и есть кириллица. Только слово «изобрѣлъ» нужно бы замѣнить

другимъ словомъ: «ввелъ въ славянскую письменность», потому что это письмо есть не что иное, какъ греческое заглавное письмо, т.-е. «кирилловскія» буквы—суть греческія заглавныя буквы: **А, В, Г, Д** и т. д. Прибавлены только буквы для тѣхъ славянскихъ звуковъ, которыхъ не было въ греческомъ языкѣ: **Ж, Ц, Ч, Ш, Ъ, Ь, Ѣ, Ж, Я.**

Если посмотрѣть на греческую рукопись IX или X вѣка, писанную такимъ уставнымъ, т.-е. заглавнымъ, а не скорописнымъ письмомъ (большими, а не маленькими буквами), то сразу, пока не разберешься въ словахъ, подумаешь, что это славянская «кирилловская» рукопись.

Это такъ называемое «кирилловское», а на самомъ дѣлѣ, вѣроятно, «климентовское» письмо скоро вытѣснило первоначальное глаголическое въ Болгаріи.

Отъ XI вѣка до насъ дошли болгарскія по языку рукописи, писанныя этимъ заглавнымъ греческимъ письмомъ: Саввина книга (Евангеліе, писанное попомъ Саввой), Супрасльская рукопись (сборникъ поученій, найденный въ Супрасльскомъ монастырѣ) и нѣсколько мелкихъ отрывковъ.

Кромѣ того, недавно найдена надпись на надгробномъ камнѣ отъ 993 года, написанная этимъ же письмомъ.

Съ XII вѣка старое глаголическое письмо уже забывается въ Болгаріи, а господствуетъ «кирилловское», т.-е. уставное греческое.

Изрѣдка въ «кирилловскихъ» рукописяхъ попадаются глаголическія буквы и строки.

Эта «кирилловская» азбука перешла отъ болгаръ и къ сербамъ, и къ намъ русскимъ. Ею писаны наши старыя русскія рукописи, она лежитъ въ основѣ нашего церковнаго, а также и гражданскаго шрифта.

Ею пользуется и болгарскій народъ до настоящаго времени.

Историческія измѣненія въ болгарскомъ языкѣ. Съ IX вѣка, когда Константинъ и Меѳодій впервые закрѣпили болгарскій народный языкъ въ письменности, положивъ начало литературной его обработкѣ, до настоящаго времени онъ подвергся, конечно, значительнымъ измѣненіямъ, какъ въ звукахъ, такъ и въ формахъ, оборотахъ и подборѣ словъ.

Въ него вошло много турецкихъ словъ, онъ потерялъ склоненіе, т.-е. въ немъ слова не измѣняются по падежамъ, какъ въ русскомъ (голова, головы, головѣ, голову и т. д.), а падежи выражаются помощью предлоговъ, какъ во французскомъ; въ немъ измѣнились многіе звуки, напримѣръ, исчезли носовые гласные (*о* носовое и *е* носовое) и замѣнились въ разныхъ нарѣчіяхъ раз-

лично (гласнымъ о, гласнымъ а и др.); звукъ ъ, который произносился когда-то какъ очень краткое открытое (т.-е. близкое къ *о*) *у*, или исчезъ, или произносится какъ *а*, въ другихъ нарѣчіяхъ какъ *о*, въ третьихъ, какъ особый *глухой* гласный.

Образецъ стараго и современнаго болгарскаго языка.

Для того, чтобы дать понятіе о болгарскомъ языкѣ, какъ въ древнемъ, такъ и въ нынѣшнемъ его состояніи, приведемъ отрывокъ Зографскаго Евангелія, рукописи конца X или начала XI вѣка, и отрывокъ современнаго народнаго языка.

Вотъ отрывокъ Зографскаго евангелія (съ переводомъ), показывающій, какимъ былъ болгарскій языкъ въ концѣ X вѣка и началѣ XI-го:

Петръ же вьнѣ сѣдѣаше на дворѣ и пристѫпи къ немоу едина рабъіни глаголѭшти: и ты бѣ съ ісоусомь галилѣискъімь; онъ же отъвръже сѧ прѣдъ всѣми глаголѧ: не вѣмь чьто глаголеши. ишьдъшю же емоу въ врата оузьрѣ и дроугаѣ и глагола емоу· тоу и сь бѣ чловѣкъ съ ісоусомь назарѣниномь и пакъі отъвръже сѧ съ клѧтвоѭ· ѣко не знаѭ чловѣка.

Петръ же сидѣлъ снаружи на дворѣ, и подошла къ нему одна рабыня, говоря: и ты былъ съ Іисусомъ Галилеяниномъ; онъ же отрекся предъ всѣми, говоря: не знаю, что ты говоришь; когда же онъ вышелъ въ ворота, увидѣла его и другая и сказала ему: тамъ и этотъ человѣкъ былъ съ Іисусомъ Назаряниномъ, и опять (онъ) отрекся съ клятвою, что не знаетъ человѣка (т.-е. Іисуса).

Какъ видимъ по этому отрывку, старый болгарскій языкъ довольно близокъ къ русскому, хотя и необходимы нѣкоторыя объясненія для того, чтобы онъ былъ вполнѣ понятенъ. Азбука древне-болгарская (или церковно-славянская) въ своей основѣ— та же, что и русская. Только въ приведенномъ отрывкѣ встрѣчаемъ нѣкоторыя буквы, которыхъ нѣтъ въ русской азбукѣ: таковы буквы ѧ и буква ѭ.

Буква ѧ обозначала носовой гласный *е*, т.-е. е^{н} (*е*, произносимое въ носъ, какъ во французскомъ слогъ in, напримѣръ, inspiré), слѣдовательно, **глаголѧ** произносилось: *глаголе*^{н}, а по-русски «*глаголя*», т.-е. «*говоря*».

Буква ѫ произносилась, какъ французскій слогъ *on* (напримѣръ, въ словѣ son), т.-е. какъ носовое *о*: о^{н}; а ѭ означало йо^{н}, т.-е. предъ *о*^{н} произносился йотъ; слѣдовательно, **съ клѧтвоѭ** читалось: съ кле^{н}твоё^{н} (или съ кле^{н}твойо^{н}), что по-русски произносилось: *съ клятвою*.

Кромѣ того, присмотрѣвшись къ приведенному древне-болгарскому отрывку, мы замѣтимъ, что, въ отличіе отъ русскаго письма, въ древнеболгарскомъ буквы ъ и ь ставятся не только въ концѣ словъ, но и въ срединѣ: это оттого, что онѣ когда-то произносились; ъ произносился, какъ очень краткій гласный, близкій къ *о* или средній между *у* и *о*; ь произносился, какъ очень краткій гласный, средній между *е* и *и*.

Впрочемъ, въ концѣ X вѣка они уже и въ болгарскомъ языкѣ перестали произноситься, не только въ концѣ словъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ срединѣ словъ. Оттого писецъ иногда ихъ пропускаетъ, а иногда пишетъ: пишетъ тамъ, гдѣ онъ внимательно списывалъ съ болѣе старой рукописи, а пропускаетъ, когда списываетъ разсѣянно, по своему выговору. Такъ, въ приведенномъ отрывкѣ написано вьсѣми, но иногда въ той же Зографской рукописи пишется—вьсѣмиⷭ; и это (вьсѣми) — правильнѣе, какъ показываетъ литовскій языкъ, гдѣ visas (висас)= вьсь (весь), т.-е. ь въ церковно-славянскомъ произошло изъ болѣе древняго і.

Отличія древнеболгарскаго письма отъ русскаго заключаются еще въ томъ, что русское *у* передается въ древнеболгарскомъ двойнымъ написаніемъ *оу*, а русское *ы*—написаніемъ ъі.

Буква ѣ въ древнеболгарскомъ произносилась не такъ, какъ она произносится въ русскомъ. Мы произносимъ ее, какъ *е*, а въ древнеболгарскомъ ее произносили, какъ звукъ, средній между *е* и *я*. Такимъ образомъ, звукъ, обозначавшійся буквой ѣ, былъ близокъ къ звуку *я*; и этимъ объясняется, что въ глаголической азбукѣ и для звука *я*, и для звука ѣ—одинъ и тотъ же знакъ: Ⱑ. Зографское евангеліе, изъ котораго выше приведенъ отрывокъ, писано глаголическимъ письмомъ; а мы перевели глаголическія буквы на кирилловскія и передали букву Ⱑ буквой ѣ; оттого въ словахъ вѣ и ѣко буква ѣ имѣетъ разное значеніе: въ словѣ вѣ—ѣ обозначаетъ *ять*, т.-е. звукъ, средній между *е* и *я*, а въ словѣ ѣко—обозначаетъ просто *я*: *яко*.

Чтобы приведенный отрывокъ былъ вполнѣ понятенъ, остается объяснить нѣкоторыя формы и слова.

Въ древнеболгарскомъ языкѣ были формы, обозначавшія прошедшее время, притомъ длительное и недлительное: такова форма сѣдѣаше = сидѣлъ (прошедшее несовершенное или длительное); пристжпи = приступилъ (прошедшее недлительное); вѣ = ты, онъ былъ; отъвръже=ты или онъ отвергъ (отъвръгохъ = =я отвергъ); оузрѣ=ты или онъ узрѣлъ (оузрѣхъ=я узрѣлъ)

глагола=ты или онъ сказалъ (**глаголахъ**=я сказалъ). Форма **глаголѧ** есть форма причастія и значитъ «говорящій»; форма **глаголѭшти**—тоже форма причастія, но въ женскомъ родѣ (=говорящая). Форма **глаголеши** есть форма наст. времени, 2-е лицо ед. ч.: ты глаголешь, говоришь; форма **ишьдъшю**—форма дат. пад. ед. ч. муж. рода причастія прошедшаго времени (=вышедшему). Форма **рабъіни** — именительный падежъ: рабыня; форма **вѣмь** — то же, что и **знаѭ**, т.-е. знаю; **пакъі** значитъ «опять».

Наконецъ, нужно отмѣтить, что соединеніе **ишьдъшю же емоу** представляетъ особый древнеболгарскій оборотъ; переводя буквально, это значитъ: *вышедшему же ему*, но означаетъ это—придаточное предложеніе времени: когда онъ вышелъ.

Подобно древнеболгарскому и новоболгарскій языкъ, если взять нетрудный отрывокъ, понятенъ болѣе или менѣе русскому и не требуетъ особенно большихъ объясненій.

Вотъ его образецъ:

Единъ вълкъ билъ подгоненъ отъ овчари, отъ ловци и кучета. Като бѣгалъ, дошълъ край селото. Тамъ видѣлъ една котка.

Тои и се примолилъ да му каже, въ коя кѫща има добри хора, да го приберать и да го скриятъ. Тичай, рекла му котката, у дѣдови Стоянови; дѣдо Стоянъ е много харенъ човѣкъ.—Добрѣ, отговорилъ вълкътъ, но той знае, че азъ му удавихъ единъ овенъ.—Тогава тичай у дѣдо Ивана!—Сърдитъ ми е и той: лани му грабнахъ едно козленце.—Влѣзъ тогава въ тая врата—тамъ живѣе дѣдо Ганчо, той е много милостивъ.—Лошо, лошо, сестро, и нему съмъ изялъ агне есенесъ.—и т. д.

Одинъ волкъ былъ преслѣдуемъ пастухами, охотниками и собаками. Убѣгая, онъ очутился вблизи села. Тамъ онъ увидѣлъ кошку.

Онъ сталъ просить ее, чтобы сказала ему, въ какомъ домѣ есть добрые люди, которые бы его приняли и укрыли.—Бѣги, сказала ему кошка, къ дѣду Стояну; дѣдъ Стоянъ очень хорошій человѣкъ.—Хорошо, отвѣтилъ волкъ, но онъ знаетъ, что я удавилъ у него одного барана.—Тогда бѣги къ дѣду Ивану!—Сердитъ на меня и онъ: въ прошломъ году я похитилъ у него козленка.—Иди тогда въ эти ворота, тамъ живетъ дѣдъ Ганчо, онъ очень сердоболенъ.—Плохо, плохо, сестра, и у него я взялъ ягненка осенью.

Содержаніе этого разсказа, какъ видимъ, вполнѣ совпадаетъ съ извѣстной басней Крылова «Волкъ и Котъ».

Большая часть словъ въ отрывкѣ ясна для русскаго Такія слова, какъ влъкъ, билъ, овчари, ловци (ср. ловить), бѣгалъ, котка (ср. котъ), добри, дѣдо, човѣкъ, отговорилъ, единъ, сърдитъ, козленце, агне (ср. церковное *агнецъ*), милостивъ, сестро,— врядъ ли требуютъ перевода. Слово *куче* (собака), во множественномъ числѣ *кучета*, слово кѫща, въ которомъ ѫ произносится, какъ особый глухой гласный ъ, значитъ *домъ* и встрѣчается у насъ въ ветхозавѣтной исторіи въ видѣ «*куща*»; это слово одного корня со словомъ *кутъ*. Въ словахъ: селото, котката, вълкътъ легко выдѣлить *село, котка, вълкъ*, а—*то, та, тъ*—наши указательныя мѣстоименія *то, та, тотъ* (*тъ* въ вълкътъ соотвѣтствуетъ нѣмецкому члену der въ der Wolf). Такое употребленіе члена встрѣчается и въ русскихъ народныхъ говорахъ: говорятъ *мужикотъ, бабата*. Слово *есенесъ* такимъ же образомъ представляетъ соединеніе слова *есень* (осень) и указательнаго мѣстоименія *сь* (сей). Слова *лани* (нарѣчіе) значитъ «прошлаго года»; союзъ *че* равносиленъ нашему *что*; въ словѣ *тичай* легко узнать наше *у-тек-а-ть, у-теч-ь*.

XVIII. Славянскіе языки. (Сербскій языкъ. Словинскій языкъ).

Въ наиболѣе близкомъ родствѣ съ болгарскимъ языкомъ находятся два словянскихъ языка: сербо-хорватскій и словинскій.

Сербо-хорватскій языкъ.

Народъ, говорящій сербо-хорватскимъ языкомъ, живетъ въ западной половинѣ Балканскаго полуострова, при чемъ часть этого народа называетъ себя *сербами*, а другая часть—*хорватами*.

Эта двойственность въ названіи не должна удивлять насъ, такъ какъ каждый славянскій народъ въ древности распадался на рядъ мелкихъ племенъ: такъ, русскіе дѣлились на *полянъ, древлянъ, кривичей, радимичей* и т. д. Среди племенъ сербскихъ также были *сербы* и *хорваты*.

Въ политическомъ отношеніи сербо-хорватскій народъ не представляетъ цѣлаго: часть его составляетъ сербское королевство, часть черногорское королевство, а остальные сербы (или сербохорваты) находятся въ зависимости отъ Австріи и отъ Турціи.

Всего сербовъ насчитываютъ свыше 6 милліоновъ.

Сербо-хорватскій языкъ, конечно, распадается, какъ и всѣ языки, на нарѣчія и говоры.

Изъ нарѣчій этихъ особенно замѣчательнымъ является такъ называемое *чакавское* нарѣчіе; называется оно такъ потому, что вопросительное *что*—въ этомъ нарѣчіи выражается словомъ *ча*,

тогда какъ въ другомъ нарѣчіи (штокавскомъ) говорятъ вмѣсто *ча — шта* или *што*, а въ третьемъ нарѣчіи — *кай*.

Замѣчательно *чакавское* нарѣчіе, между прочимъ, тѣмъ, что ударѐніе въ немъ, обыкновенно, занимаетъ то же мѣсто въ словѣ, что и въ русскомъ языкѣ: р. *трава́* и чакав. *трава̀*, р. *хвала́* и чак. *хвала̀* и т. п. Отличительныя особенности сербо-хорватскаго языка по сравненію съ русскимъ заключаются, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ.

Особенности сербскаго языка.

1. Тамъ, гдѣ въ древнеболгарскомъ языкѣ были гласные ъ и ь, которые произносились очень кратко, какъ звуки средніе между *у* и *о* (ъ), *е* и *и* (ь), тамъ въ русскомъ языкѣ или не находимъ никакого звука, или же находимъ *о* (на мѣстѣ ъ) и *е* (на мѣстѣ ь).

Напримѣръ, въ русскомъ *сонъ*. въ древнеболгарскомъ сънъ;
» » *сна*, » » съна
» » *день*, » дьнь.
» *дня*, дьня.

Въ сербскомъ (или сербо-хорватскомъ) языкѣ на мѣстѣ этихъ древнеболгарскихъ ъ и ь находимъ одно *а* или же совсѣмъ не находимъ никакого звука, какъ и въ русскомъ языкѣ.

Такъ, русскому *пса*—соотвѣтствуетъ и сербское *пса* (древнеболгарское пьсъ), — здѣсь ь выпалъ, исчезъ и въ русскомъ, и въ сербскомъ.

Но русскому *сонъ* (древнеболгарское сънъ) соотвѣтствуетъ сербское *сан*, русскому *день* (др.-болг. дьнь) — сербское *дан*. русскому *песъ* (др.-болг. пьсъ)—сербское *пас*, русскому *мохъ* (др.-болг. мъхъ) — сербское *мах*, русскому *темный* (др.-болг. тъмьнъ сербское *таман*.

2. Въ древнеболгарскомъ было два носовыхъ гласныхъ: о носовое (о^{н}) и е носовое (е^{н}). Въ русскомъ вмѣсто о^{н} находимъ *у*, вмѣсто е^{н} — *я*: древнеболгарское дѫбъ (до^{н}бъ) — русское дубъ; древнеболгарское кѫтъ (ко^{н}тъ) — русское *кутъ*; др.-болг. мѧсо (ме^{н}со)—русское *мясо*; др.-болг. мѧта (ме^{н}та)—русское *мята*.

Въ сербскомъ древнеболгарскому о^{н} соотвѣтствуетъ, какъ и въ русскомъ *у*: *дуб. кут*, но древнеболгарскому е^{н}—не *я*, какъ въ русскомъ, но *е*: *месо* (мясо), *мета* (мята), *десет* (десять).

3. Тамъ, гдѣ въ русскомъ слышится *ы* (въ др.-болг. тоже было ы),—въ сербскомъ *и*: *риба* (рыба), *бити* (быть), *ти* (ты), *питати* (пытать, т.-е. спрашивать) и т. п.

4. Звукъ, который въ древнеболгарскомъ языкѣ обозначался буквой ѣ, произносится въ литературномъ сербскомъ языкѣ, какъ твердое е (э): цена, грех, вера, сено (цѣна, грѣхъ, вѣра, сѣно); такъ произноситъ и простой народъ въ восточной части сербской территоріи, но въ южномъ нарѣчіи выговариваютъ: цијена (т.-е. цийена), грије́х (т.-е. грийех), вје́ра (т.-е. вйера). Въ западныхъ говорахъ сербскаго языка ѣ произносится,- какъ *и* (какъ въ малорусскомъ): *цина, грих, вира.*

5. Вмѣсто стараго сочетанія *въ* произносится *у*: *у море* (=въ море), *у име, уторникъ* (вторникъ), *узети* (взять: др.-болг. **ѫзѧти**). Впрочемъ, въ чакавскомъ нарѣчіи произносится ва име, вазети, т.-е. на мѣстѣ ѧ здѣсь имѣемъ *а*, какъ въ словѣ *сан* (**сънъ**).

6. Въ словахъ, гдѣ въ русскомъ языкѣ слышится *ор, ер* или *ро, ре*, въ сербскомъ слышится слоговое *р*: *срце* (сердце), *смрт* (смерть), *врба* (верба), *крст* (крестъ), *грло* (горло).

На мѣстѣ русскаго *ол, ел, ло, ле* въ чакавскомъ нарѣчіи,—въ Истріи, такъ называемомъ хорватскомъ Приморьѣ, на Кварнерскихъ и Далматинскихъ островахъ,—слышится слоговое *л*: *влна* (волна), *плк* (полкъ) *плн* (полнъ) и т. п.; но въ литературномъ языкѣ слышится вмѣсто этого *л* слогового—гласный *у*: *вуна, пук, пун, сунце,* (солнце), *суза* (слеза), *дуг* (долгъ), *мучати* (молчать), *муня* (молнія), *буха* (блоха). На мѣстѣ *лъ* въ концѣ словъ слышится въ литературномъ языкѣ *о*: *соко* (вмѣсто сокоо=соколъ), *писао*=писалъ, *био*=былъ, *плео*=плелъ, *во* (вм. воо=волъ).

7. Однимъ изъ отличій сербскаго языка отъ русскаго является то, что въ немъ не всѣ гласные произносятся одинаково въ смыслѣ длительности: есть гласные долгіе и краткіе; напримѣръ, въ словѣ *слава* оба *а* краткіе, т.-е. произносятся кратко; въ словѣ же *трава* первое *а* долгое, т.-е. произносится дольше второго. При этомъ и на долгихъ и на краткихъ гласныхъ можетъ стоять различное удареніе: повышающееся или понижающееся по тону, т.-е. долгій гласный берется низко и къ концу повышается или наоборотъ.

8. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ древнеболгарскомъ слышится соединеніе согласныхъ *жд* или *шт*, а въ русскомъ въ тѣхъ же словахъ *ж* и *ч*, въ сербскомъ слышатся особые согласные звуки, которые обозначаются буквами ђ и ћ.

Эти буквы выговариваются слѣдующимъ образомъ: ђ, какъ очень мягкое *д*, при которомъ слышится еще слабое мягкое *дж*; ћ выговаривается, какъ очень мягкое *т*, при которомъ слышится еще слабое мягкое *ч*.

Такимъ образомъ русскому *межá* (др.-болг. **мєжда**) въ сербскомъ соотвѣтствуетъ *међа*, русскому *свѣча* (др.-болг. **свѣштл**)—сербское *свећа*.

9. Согласный *р* всегда произносится твердо: произносится *вечера* вм. *вечеря*, *цар* вм. *царь* и т. п.

Согласный *л*, наоборотъ, никогда не произносится твердо; есть смягченное *л*, которое соотвѣтствуетъ русскому смягченному *л*, и среднее, полумягкое, которое соотвѣтствуетъ русскому твердому; полумягкое *л* произносится такъ, какъ французское и нѣмецкое *l*.

Такъ въ словѣ *лаж* (ложь) слышится среднее *л*, въ словѣ *љут* (лютъ)—мягкое *л*, которое и обозначается буквой *љ*.

10. Согласный *х* исчезаетъ: *сна* вм. *снаа*, а это вмѣсто *снаха* (сноха), *лсб* (хлѣбъ), *ладак* (вм. *хладак*—холодокъ); въ иныхъ случаяхъ замѣняется согласнымъ *в* или *й*: смеј вм. смѣхъ, глув вм. глухъ, уво вм. ухо: здѣсь *х* исчезло, а позже развилось *у* неслоговое или *и* неслоговое, которые перешли—*у* неслоговое въ *в*, а *і* неслоговое въ йотъ.

11. Въ склоненіи главныя особенности заключаются въ слѣдующемъ: въ именахъ женскаго рода на *а* родит. пад. ед. ч. оканчивается на *е*: главе, траве, душе (головы, травы, души).

Въ творит. падежѣ тѣхъ же именъ — окончаніе *ом*: главом, травом (головою, травою).

13. Въ спряженіи нужно отмѣтить слѣдующее: 1-е лицо единств. числа настоящаго времени у всѣхъ глаголовъ оканчивается на—*м*: *плетем*, *дам*, *тонем*, *молим*, *пишем*, *берем* (т.-е. плету, даю, тону, молю, пишу, беру); 1-е лицо множ. числа настоящаго времени оканчивается на—*мо*, какъ въ малорусскомъ: *плетемо*, *дамо*, *тонемо*, *молимо*, *беремо*, *пишемо* (т.-е. плетемъ, даемъ, тонемъ и т. д.); 3-е лицо мн. ч. оканчивается на—*у* или *е*: *несу*, *плету*, *пишу*, *виде*, *моле* (русское: несутъ, плетутъ, пишутъ, видятъ, молятъ).

Прошедшее время образуется при помощи окончанія—*х*: пекох (я пекъ), бих (я былъ); если обозначается длительное дѣйствіе въ прошедшемъ, то окончаніе *ијах* или —*ах*: *плетијах*, *писах*. Возможно также образованіе прошедшаго времени путемъ соединенія причастія и вспомогательнаго глагола *есмь*, *еси*, *есть* и т. д., который въ сербскомъ имѣетъ видъ: *јесам* или *сам*, *јеси* или *си*, *јест* или *је*, *јесмо* или *смо* (мы есмы), *јесте* или *сте*, *јесу* или *су*.

Такимъ образомъ: *ја сам био* значитъ: я былъ (я есмь былъ); *ты си читао* значитъ: ты читалъ; *ми смо пили* — мы пили. Будущее время образуется помощью глагола ћу (хочу) и неопре-

дѣленнаго наклоненія глагола: *питићу* значитъ буду пить (пить хочу); *питићеш*—будешь пить.

Въ сербскомъ языкѣ, какъ и въ болгарскомъ, не мало турецкихъ словъ.

Образецъ сербскаго языка.

Послѣ этихъ краткихъ замѣчаній нетрудный сербскій отрывокъ будетъ болѣе или менѣе понятенъ читателю, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторыми примѣчаніями. Вотъ отрывокъ одной сербской сказки:

Био један [1]) цар, који се звао [2]) Тројан. У тога цара биле су уши козје па [3]) је [4]) редом [5]) звао бријаче [6]), да га [7]) бријy; али како који ишао [8]), није се натраг [9]) враћао, јер [10]) како би га који обријао, цар Тројан би га запитао [11]), шта је видио на њему [12]), а бријач би одговорио, да је видно козје уши; онда би га цар Тројан одмах посјекао [13]). Тако дође [14]) ред на једног бријача, али се [15]) тај учини болестан [16]), па пошле [17]) свога момка [18]). Кад тај изиђе [19]) пред цара, запита га цар, што није мајстор [20]) дошао [21]), а он одговори, да је болестан. Онда цар Тројан сједне, те га момак обрије.

Былъ одинъ царь, который звался Троянъ. У того царя были козлиныя уши, и онъ по порядку звалъ цырюльниковъ, чтобы его брили; но если который отправлялся, то не возвращался назадъ, ибо какъ его какой обреетъ, царь Троянъ его спрашиваетъ, что онъ видѣлъ на немъ, и какъ только цырюльникъ отвѣтитъ, что видѣлъ козлиныя уши, такъ царь Троянъ сейчасъ же его зарубитъ. Такъ дошла очередь до одного цырюльника, но тотъ заболѣлъ и послалъ своего ученика. Когда тотъ явился къ царю, тотъ спросилъ его, отчего не пришелъ мастеръ, а онъ отвѣтилъ, что тотъ боленъ. Тогда царь Троянъ сѣлъ, чтобы ученикъ его обрилъ.

Примѣчаніе. [1]) ј=й; један—одинъ. [2]) се звао вм. звао се, т.-е. звался. [3]) па=и. [4]) је звао, т.-е. есть звалъ (=звалъ). [5]) редом—твор. пад. отъ ред=рядъ. 6) вин. пад. мн. ч. отъ бријач (тотъ, кто бреетъ т.-е. цирюльникъ). [7]) га=его. 8) ишао—шелъ («изшелъ»). 9) траг=слѣдъ; натраг—на слѣдъ, т.-е. назадъ. [10]) јер (јере) получилось изъ ѥжє и значитъ *вѣдь, ибо*. [11]) Запитати—наше «запытать», т.-е. спросить. [12]) њему — буква њ обозначаетъ мягкое н. [13]) сјећи — сѣчь, но со значеніемъ сѣчь мечомъ, саблей посјекао—зарубилъ. [14]) дође получилось изъ додје, а это изъ дојде: предлогъ *до* и корень—ид (иду); форма прошедшаго времени 2 и 3 л. ед. ч., а 1-е—дођох изъ дојдох. [15]) се учини, т.-е. учинился:

1-е лицо: се учиних. [16]) отъ «болест», т.-е. болѣзнь, болестан = боленъ. [17]) сравните наше: шлю, шлешь...; здѣсь въ значеніи прош. времени. [18]) момак—мальчикъ, парень. [19]) ср. выше дођe. [20]) мајстор—мастеръ. [21]) дошао=дошелъ: дошьлъ (ь перешло въ *а*, какъ въ *дан*—дьнь—день, а *л*—въ *о*).

Словинскій языкъ.

Къ сербскому языку очень близокъ языкъ *словинскій* или словенскій. Этимъ языкомъ говорятъ славяне, живущіе въ Австріи: въ областяхъ Штиріи, Каринтіи (или Хорутаніи) и Крайнѣ въ количествѣ около полутора милліона человѣкъ. Древній русскій лѣтописецъ называетъ этотъ народъ хорутанами, а сами себя словинцы называютъ въ разныхъ мѣстахъ различно: въ Крайнѣ—крайнцами, въ Штиріи—штайерцами. Азбука у словинцевъ—латинская, точно такъ же, какъ и у чакавцевъ—хорватъ.

Эта азбука состоитъ изъ слѣдующихъ знаковъ: a, b (б), c (ц), č (ч), d (д), e, f (ф), g (г), h (х), i (и), j (й), k, l (л), m (м), n (н), o, p (п), r (р), s (с), š (ш), t (т), u (у), v (в), z (з), ž (ж).

Словинскій языкъ напоминаетъ сербскій въ цѣломъ рядѣ чертъ:

1. Русскому *оро, оло* и въ словинскомъ соотвѣтствуетъ ра, ла: vrata, zlato (ворота, золото).

2. Русскому ор, ер и ро, ре, какъ въ сербскомъ, соотвѣтствуетъ слоговое р: grlo (т.-е. грло=горло), država (т.-е. држава=держава), krv (т.-е. крв=кровь), grmẽti (т.-е. грмѣти=гремѣть).

3. На мѣстѣ русскаго ы, какъ въ сербскомъ,—i (и): riba=рыба, bil=былъ.

4. На мѣстѣ русскаго *я* и древне-болгарскаго $e^{н}$ (носового е), какъ въ сербскомъ—e: meso, red (мясо, рядъ).

5. На мѣстѣ русскаго л твердаго, какъ въ сербскомъ—полумягкое, среднее л (l); мягкое л обозначается сочетаніемъ lj.

6. Въ род. пад. ед. ч. именъ женскаго рода—окончаніе *е*, какъ въ сербскомъ: ribe=рыбы.

7. Въ 1 л. ед. ч. настоящаго времени во всѣхъ глаголахъ—окончаніе *m* (м), какъ и въ сербскомъ: pletem (плету), bijem (бью), pišem (пишу), hvalim (хвалю).

8. Въ 1 л. мн. ч. наст. вр., какъ и въ сербскомъ, окончаніе mo (мо): pletemo, hvalimo, bijemo.

9. Какъ и въ сербскомъ, въ словинскомъ языкѣ есть различіе между долгими и краткими гласными.

Въ нѣкоторыхъ чертахъ, однако, словинскій языкъ отличается отъ сербскаго и *иногда* сближается съ русскимъ.

10. Такъ, на мѣстѣ древне-болгарскихъ ъ и ь въ словинскомъ находимъ иногда a, но иногда особый глухой гласный ъ: laž

(ложь—серб. лаж), dan (день—серб. дан), но mъglà (мгла), dъž (дождь, серб. даж.).

11. На мѣстѣ древне-болгарскаго носового *о* (ѫ, т.-е. оⁿ) въ словинскомъ слышится не у, какъ въ русскомъ и сербскомъ, а о: mož, dob (мужъ, дубъ).

12. На мѣстѣ сербскаго слогового *л*, русскаго *ол*—въ словинскомъ находимъ тоже *ol*, только словинское l произносится теперь не какъ русское твердое зубное л, а какъ нёбное л, близкое къ ў неслоговому, или просто какъ ў неслоговое: русское *полнъ, долгъ, волкъ*= словинское poln, dolg, volk (произносится поўн, доўг, воўк).

И русскому *ле* въ словинскомъ тоже соотвѣтствуетъ ol (оў): solza (соўза)=слеза. Это указываетъ, что въ словинскомъ когда-то было на мѣстѣ нашихъ *ло* и *ле* одно слоговое *л*, которое позже перешло въ *ол*.

13. Какъ въ русскомъ языкѣ, въ словинскомъ на мѣстѣ древне-болгарскаго *шт* находимъ *ч*: sveča (свѣча, др.-болг. свѣшта), hočeš (хочешь, др.-болг. хоштеши).

14. Но на мѣстѣ древне-болгарскаго жд—въ словинскомъ не *ж*, какъ въ русскомъ, а j (й): meja (т.-е. мея=межа, др.-болг. межда).

15. Прошедшихъ временъ съ признакомъ *х*, которыя наблюдаемъ въ болгарскомъ и сербскомъ, въ словинскомъ нѣтъ, а есть лишь прошедшее сложное: nesel sem, т.-е. *несъ есмь*, mi smo prišli, т.-е. *мы есмъ пришли*; изъ такихъ сложныхъ формъ прошедшаго получились и наши русскія формы: *читалъ* изъ *читалъ есмь, вы читали* изъ *вы читали есте*.

16. Будущее время, въ отличіе отъ сербскаго, образуется, какъ и въ русскомъ языкѣ, помощью вспомогательнаго глагола «*буду*»: bodem vzel, bodemo spali (*я буду взялъ, мы будемъ спали*). Только въ русскомъ языкѣ вспомогательный глаголъ соединяется съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ (*буду спать*), а не съ причастіемъ.

Что касается формъ bodem, bodemo, то онѣ соотвѣтствуютъ русскимъ *буду, будемъ*: здѣсь въ словинскомъ *о*—на мѣстѣ древне-болгарскаго носового о, какъ въ словахъ dob, mož (*дубъ, мужъ*).

17. Наконецъ отмѣтимъ еще одну важную особенность словинскаго языка: въ древности во всѣхъ славянскихъ языкахъ, да и во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ были особыя окончанія и въ существительныхъ, и въ глаголахъ для обозначенія двойственнаго числа. Напримѣръ, въ древне-болгарскомъ форма имен. падежа ед. числа была рабъ, форма имен. пад. множ. ч. раби, форма имен. двойств. ч. раба, что значило *два раба*; или:

дамь рабоу значило—*я дамъ трабу*, дамь рабомъ значило *я дамъ рабамъ*, дамь рабома—значило *дамъ двимъ рабамъ*; то же различіе было и въ спряженіи: идеши значило *ты идешь*, идете значило *вы идете*, идета—значило *вы два идете*; идемъ—*мы идемъ*; идевѣ—*мы двое идемъ*.

Большая часть славянскихъ языковъ потеряла различіе между двойственнымъ и множественнымъ числомъ, утратила отдѣльныя формы двойственнаго числа.

Словинскій языкъ сохраняетъ эти формы до сихъ поръ. Мы ихъ встрѣтимъ и въ отрывкѣ, который здѣсь приводимъ.

Živel je svoje dni kovač [1]) Jurij, prav vesel in smešen možiček. Nekega dne stopita [2]) moža k njemu v kovačnico, oprašena [3]) in trudna [4]) dolgega potu [5]) ter ga za jedi [6]) poprosita. Bila sta Jezus in sv. Peter. Jurij jima postreže [7]). Pri odhodu veli mu mlajši popotnikov,—bil je Jezus,—da si voli tri reči, naj si bodo, katere hočejo, pa pristavi, da najboljega ne pozabi. Kovač ju od strani ogleduje: vajina [8]) obleka [9]), si misli, ne kaže, da bi oblibo spolniti zamogla, ali ne obotavlia se ter urno reče: «Ako tedaj vse voliti smem, kar hočem, volim si mošnjico [10]), vedno polno dvajsetic [11])».

Жилъ себѣ (собственно: жилъ свои дни) кузнецъ Юрій, очень веселый и забавный мужичокъ. Однажды вошли къ нему въ кузницу два человѣка, запыленные и усталые отъ длиннаго пути и попросили у него поѣсть. Это были—Іисусъ (Христосъ) и св. Петръ. Юрій имъ услужилъ. При отходѣ говоритъ ему младшій изъ путниковъ,—былъ это Іисусъ,—чтобы онъ пожелалъ себѣ три вещи, пусть будутъ—какія угодно, и прибавилъ, чтобы онъ не забылъ главнаго. Кузнецъ осматриваетъ ихъ сбоку: ихъ одежда, думаетъ, не показываетъ, чтобы они могли исполнить обѣщаніе; но не медлитъ и быстро говоритъ: «Итакъ, если я могу выбирать, что хочу, то желаю кошелекъ, всегда полный двугривенныхъ».

Второе желаніе кузнеца было: трубка, полная табаку, а третье: такой мѣшокъ, что кому бы ни сказать: «влѣзь!» онъ обязательно очутился бы въ мѣшкѣ.

Примѣчанія. [1]) ср. *ковать*; [2]) stopita: двойств. число; наше: *ступить*; [3]) prach (наше: *порохъ* и церковное *прахъ*)—пыль; oprašiti—запылить; [4]) trudan=усталый; [5]) pot=путь, др.-болг. пѫть (съ $о^{н}$=ѫ): [6]) za jedi=объ ѣдѣ; [7]) въ словѣ postrežem—тотъ же корень, что

и въ нашемъ *стерегу*, но со значеніемъ *служить*; [8]) vajin—ихній, когда рѣчь идетъ о двухъ лицахъ, ихъ двоихъ; [9]) oblek—того же корня, что и наше *облаченіе*; [10]) ср. наше *мошна*; [11]) собственно монетъ въ двадцать (гелеровъ), на наши деньги—8 копеекъ.

XIX. Славянскіе языки. (Западно-славянскіе языки. Чешскій языкъ).

Разсмотрѣнные въ предыдущей главѣ славянскіе языки называются южно-славянскими, составляютъ южную группу словянскихъ языковъ, такъ какъ занимаютъ наиболѣе южное положеніе сравнительно съ иными членами славянской семьи. Наравнѣ съ южно-славянской группой существуетъ западно-славянская группа языковъ, въ которую входятъ также три члена: языкъ *чешскій*, языкъ *польскій* и языкъ *лужицкій*.

Чешскій языкъ представляетъ въ нѣкоторыхъ своихъ чертахъ сходство съ южно-славянскими языками, поэтому удобнѣе начать обзоръ западно-славянскихъ языковъ именно съ него. Съ другой стороны, всѣ западно-славянскіе языки: чешскій, польскій и лужицкій имѣютъ нѣкоторыя общія черты, благодаря которымъ и объединяются легко въ одну группу.

Чешскій языкъ. На чешскомъ языкѣ говоритъ славянскій народъ, живущій въ предѣлахъ Австро-Венгріи: въ чешскомъ королевствѣ, въ Моравіи, отчасти въ Силезіи и въ Нижней Австріи (около $5^1/_2$ милліоновъ). Одно цѣлое съ языкомъ чешскимъ или чехо-моравскимъ составляетъ языкъ словаковъ (около $2^1/_2$ милліоновъ), которые живутъ въ сѣверной Венгріи. Хотя между чешскимъ языкомъ и языкомъ словаковъ есть нѣкоторыя различія, однако такія различія существуютъ и между малорусскимъ, бѣлорусскимъ и великорусскимъ нарѣчіями, представляющими все же нарѣчія одного русскаго языка.

Такимъ же образомъ и въ языкѣ чешскомъ или чехо-моравословацкомъ можно различать 3 нарѣчія: чешское, моравское и словацкое. Чехо-мораване, какъ и словаки, употребляютъ латинскій шрифтъ. Всѣ три нарѣчія имѣютъ общія черты, которыя ихъ роднятъ ближайшимъ образомъ между собою.

Особенности чехо-моравскаго языка. Среди этихъ чертъ есть и такія, которыя являются общими всѣмъ западно-славянскимъ языкамъ.

1. Такъ, чешскій языкъ, какъ и польскій и лужицкій языки, имѣетъ звукъ с (ц) тамъ, гдѣ въ русскомъ находимъ ч, а въ древне-болгарскомъ шт: чешское noc (ноц) соотвѣтствуетъ русскому

ночь и др.-болг. **ношть**. Точно такъ же на мѣстѣ русскаго ж и др.-болгарскаго **жд** чешскій имѣетъ z (з), получившееся изъ болѣе древняго d͡z, которое находимъ въ польскомъ языкѣ: такъ, русскому межá, др.-болг. **межда** соотвѣтствуетъ чешск. meze (польское miedza).

2. Далѣе, во всѣхъ западно-славянскихъ языкахъ, на мѣстѣ русскихъ сочетаній бл, мл, вл, пл—находимъ просто мягкіе б, м, в, п: въ чешскомъ языкѣ эти мягкіе б, м, в, п стали произноситься, какъ б+йотъ, м+йотъ, в+йотъ, п+йотъ: русское земля—чешское země (произносится, какъ zemje, т.-е. земье). Съ другими западно-славянскими языками чешскій языкъ сближается также и въ словарномъ матеріалѣ, т.-е. подборѣ выраженій.

Въ то же время чешскій языкъ въ нѣкоторыхъ своихъ особенностяхъ подаетъ руку южно-славянскимъ языкамъ (болгарскому, сербскому и словинскому).

3. Такъ, на мѣстѣ русскаго оро, оло въ чешскомъ языкѣ находимъ тѣ же сочетанія, что и въ сербскомъ, болгарскомъ и словинскомъ—ра, ла (ra, la): русское *борода*—чешское brada, русское *голова*—чеш. hlava.

4. Точно такъ же сближается чешскій языкъ съ южно-славянскими и въ томъ отношеніи, что сохраняетъ слоговые р, л (r, l): zrno=зерно, srdze=сердце, vlna=волна, vlk=волкъ и т. п. Помимо указанныхъ, чешскій языкъ отличается еще слѣдующими чертами:

5. Онъ сохраняетъ различіе между долгими и краткими гласными, при чемъ долгота гласныхъ обозначается удареніемъ; tráva произносится съ долгимъ *a* въ корнѣ, brada—съ краткимъ a; ударѐніе же въ чешскомъ языкѣ всегда на первомъ слогѣ слова.

6. На мѣстѣ русскаго бѣглаго о, т.-е. др.-бол. **ъ**—въ чешскомъ находимъ твердое *e* (э); на мѣстѣ русскаго *е*, т.-е. древне-болгарскаго **ѣ**, первоначально было мягкое е, но затѣмъ предшествующій согласный отвердѣлъ, и теперь и на мѣстѣ **ѣ** слышится такое же *e* (э), какъ и на мѣстѣ **ъ**: русское сонъ—чешское sen, русское день—чешск. den (произносятся, какъ сэн, дэн).

Въ другихъ же случаяхъ ъ, ь исчезли безслѣдно въ чешскомъ языкѣ, какъ и въ русскомъ: sna=р. сна, dne=р. дня.

7. На мѣстѣ древне-болгарскаго *о* носового (**ѫ**=о^{н}) находимъ въ чешскомъ, какъ и въ русскомъ, *у* (u): dub, ruka=дубъ, рука, на мѣстѣ *е* носового (**ѧ**=е^{н})—то же, какъ въ русскомъ—*я*, которое, однако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ отвердѣло (a), въ другихъ перешло въ е (ě) или, если было долгимъ, въ i долгое..

Такъ, русское *языкъ* (др.-болг. ѩзыкъ, т.-е. е^{н}зыкъ)=чешское jazyk, русск. пятá (др.-болг. пата, т.-е. пе^{н}та)=чеш. pata; русское ячмень (др.-болг. ѩчмы)—чеш. ječmen, русск. *взять*=чеш. vzíti.

8. На мѣстѣ русскаго и древне-болгарскаго ы—въ чешскомъ находимъ такой же звукъ, какъ и на мѣстѣ *и*: этотъ звукъ нѣсколько тверже русскаго *и*, но не такъ твердъ, какъ русское *ы*, онъ произносится приблизительно, какъ нѣмецкое i.

На письмѣ *и*—*ы* чехами различаются, но это такое же искусственное различіе, какъ и въ нашемъ письмѣ между ѣ и *е*; пишутъ ryba (рыба), byl (былъ) и bil (билъ), но произносятъ послѣднія два слова одинаково.

9. На мѣстѣ нашего ѣ въ чешскомъ находимъ или мягкое *е* или *i* (и); i получилось изъ долгаго *е*: мѣсто=město, нѣмой=němy, смѣть=směti; бѣлый=bíly, смѣхъ=smích.

Слоги mě, bě, pě, vě произносятся при этомъ такъ, что между p, v, b, m и ě вставляется йотъ: město=mjesto (т.-е. мйесто).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ě (ѣ) отвердѣло: cena, seno (читается цэна, сэно)=цѣна, сѣно.

10. Послѣ мягкихъ согласныхъ предъ мягкимъ слогомъ a перешло въ чешскомъ въ *е*; поэтому на мѣстѣ русскаго *наша* находимъ naše (š=ш когда-то было мягкимъ, позже отвердѣло), на мѣстѣ нашего недѣля—neděle, русск. *улица*=ulice, обычай=obyčej.

11. Точно такъ же послѣ мягкихъ согласныхъ гласный у (лат. буква u) измѣнился въ и (i): русск. *юго*=чеш. jih, русск. *людъ*—чешск. lid; русск. ключъ=чешск. klič; русск. зе́млю=чешск. zemi и т. п.

12. На мѣстѣ русскаго *о* въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ чешскомъ слышится *у*, которое обозначается знакомъ *ů*; именно, въ ů перешло долгое o: русск. *богъ*=чешск. bůh; русск. *домъ*=чешск. dům (т.-е. «дум»); русск. *конь*=чешск. kůň (т.-е. «кунь»).

13. На мѣстѣ русскаго у въ чешскомъ иногда находимъ оў (ou), т.-е. двугласный: *о* слоговое и за нимъ неслоговое *у*; точнѣе говоря, ou получилось изъ у (u) долгаго. Такъ, чешск. soud (т.-е. соўдъ) соотвѣтствуетъ русскому *судъ*, чешск. nouze—русскому *нужа* или *нужда*, чешск. nesou—русскому *несутъ*.

14. Разницы между твердымъ и мягкимъ *л* (l) въ чешскомъ языкѣ нѣтъ, есть лишь одно среднее *л*, которое и обозначается буквой l.

15. На мѣстѣ нашего г (лат. буква g) въ чешскомъ является h, т.-е. не взрывной нёбный, а длительный нёбный (звучный) согласный, какой слышится въ малорусскомъ языкѣ вмѣсто г.

16. Согласнаго р мягкаго въ чешскомъ языкѣ также нѣтъ: онъ измѣнился въ особый звукъ, который обозначается буквой ř; это особый звукъ, который трудно произнести не чеху, представляющій тѣсное соединеніе *р* и *ж*, одно шипящее р: hřich=грѣхъ, moře=море.

Послѣ этой бѣглой характеристики чешскаго языка приводимый ниже чешскій отрывокъ будетъ болѣе понятенъ: беремъ его изъ сатирической поэмы замѣчательнаго чешскаго поэта Карла Гавличка (умеръ въ 1856 г.).

«Крещеніе Владимира».

Jedna hora vysoká je
A druhá je nízká,
Kdo nemá [1]) své muzikanty,
Na hubu [2]) si píská [3]).
Když hýřili, stolovali
U carského dvoru
Ten [4]) celý den byl bůh Perun
V mrzutém [5]) humoru [6]).
Kdo jaktěživ [7]) bohem ne byl,
Zkusil [8]) ještě málo,
Není [9]) to tak lehký život [10])
Jako by se zdálo [11]).
Ráno vstane: do snídaně [12])
Musí [13]) rosou kropit,
Měsíčka zavřít [14]) do chlívka,
Potom v slunci topit.
Dřívě [15]) čerty, noční duchy
Strčit [16]) do pytlíka [17]),
A hvězdičky put'—tú-tú!—
Svolat [18]) do kurníka.
Každý ptáček [19]), každý brouček [20])
Slon až do komára
Ma hned [21]) ráno nasypáno
Z božího špejchara [22]).

Одна гора высока (есть), а другая низка; кто не имѣетъ своихъ музыкантовъ, (тотъ) играетъ (себѣ) на губахъ. Въ то время какъ они роскошествовали, пировали въ царскомъ дворѣ, богъ Перунъ былъ весь этотъ день въ скверномъ настроеніи. Кто никогда не былъ богомъ, тотъ еще мало испыталъ: это (вовсе) не такая легкая жизнь, какъ кажется. Рано встанетъ, до завтрака долженъ кропить росою, мѣсяцъ запереть въ хлѣвъ, потомъ топить въ солнцѣ. Раньше чертей, ночныхъ духовъ спрятать въ мѣшокъ, а звѣздочки—цыпъ-цыпъ-цыпъ — созвать въ курятникъ. Каждая пташка, каждый жучокъ, (все) отъ слона и до комара имѣетъ тотчасъ утромъ (кормъ) насыпаннымъ изъ божьяго амбара.

. . . . . .

Примѣчанія: [1]) nemá состоитъ изъ отрицанія ne и глагольной формы má, которая получилась изъ majetъ (имѣетъ): ср. малор. нема; [2]) hubu—старая форма предложнаго (вѣрнѣе, мѣстнаго) падежа двойственнаго числа: на двухъ губахъ; [3]) ср. наше пискъ, пищать; [4]) ten—наше *тотъ*; [5]) mrzutý ср. наше мерзкій; [6]) humor слово не чешское, заимствованное: ср. наше юморъ съ другимъ,

болѣе узкимъ значеніемъ; [7]) jak-tě-živ значитъ, собственно — *какъ живъ*, т.-е. *отродясь*; [8]) zkusiti—того же корня, что наше вкусить, искусить, искушеніе, покушеніе; [9]) není—значитъ *не есть*; получилось оно такъ: не есть стянулось въ одно *нѣсть*, которое встрѣчается въ церк.-славянскомъ (*ѣ* изъ долгаго *е*); нѣсть въ чешскомъ сократилось въ *нѣ*, но ě въ чешскомъ часто является въ видѣ i (напр. víra=вѣра); слѣд., получилось чешское *ní* ср. малорусское *ні*; чешское není=ne (отрицаніе)+это ní (изъ нѣсть): такимъ образомъ здѣсь имѣемъ двойное отрицаніе: *не нѣсть*; [10]) žyvot значитъ *жизнь*, какъ и древнее церк.-слов. **животъ**; [11]) se... zdalo: ср. наше сдается, сдавалось; [12]) snídaní=завтракъ: ср. малор. *снідати*; [13]) musi изъ «муситъ»: ср. малор. му́сю (я долженъ); это слово въ чешскомъ, польскомъ и малорусскомъ заимствовано изъ нѣмецкаго языка (müssen; ich muss—я долженъ); [14]) zavřít—запереть,— слово это того же корня, что и русское отвор-я-ть, малор. обора (ограда—изъ обвора); [15]) dřívě—то же слово, что и церковно-слав. древле: ср. русское древній; [16]) strčit—того же корня, что и русское *торчать*; [17]) pytlík—уменьшительное отъ pytl — мѣшокъ; слово это неславянское, а заимствованное славянами у нѣмцевъ: старо-нѣм. pûtil, совр. нѣм. Beutel; [18]) svolat—созвать; [19]) ptáček—уменьшительное отъ ptak—птица, а русское пташка уменьшительное отъ птахъ (х переходитъ въ *ш*); [20]) brouček—уменьшительное отъ bruk—жукъ; [21]) hned въ старо-чешск. имѣло видъ inhed и соотвѣтствовало русскому *иногда*. Какъ *сънъ* дало въ русскомъ сонъ, а въ чешск. sen, такъ *иньгъда* дало въ русскомъ *иногда*, а *иньгъдъ* дало въ чешскомъ *иньед*, а потомъ inhed; inhed измѣнилось въ ihned и сократилось въ hned; значеніе его: сейчасъ, т.-е. старое значеніе слова тоже измѣнилось; [22]) Špejchar—слово нечешское, взятое у нѣмцевъ: нѣм. Speicher значитъ *амбаръ*.

Словацкое нарѣчіе.

Въ отличіе отъ чешскаго языка словацкое нарѣчіе, имѣющее также литературную обработку, не знаетъ измѣненія гласнаго a въ ʼe послѣ мягкихъ согласныхъ, измѣненія послѣ тѣхъ же гласныхъ у (латин. буква u) въ и (латин. буква i) и измѣненія долгаго e (ie) въ i; такимъ образомъ чешскому duše соотвѣтствуетъ словацкое duša (душа), чешскому lid—словацкое lud (людъ), чешскому hnizdo—словацкое hniezdo (гнѣздо).

Далѣе на мѣстѣ русскаго бѣглаго *о*, т.-е. древне-болгарскаго **ъ**, въ словацкомъ находимъ не *е*, какъ въ чешскомъ, а *о*: чешское lež—словацкое lož (ложь), чешское veš—словацкое voš (вошь); въ этомъ случаѣ словацкое нарѣчіе, какъ видимъ, сближается съ русскимъ языкомъ.

XX. Славянскіе языки. (Польскій языкъ. Кашубскій языкъ. Лужицкій языкъ).

Въ предыдущей статьѣ мы познакомились съ чехо-моравскимъ языкомъ и близко къ нему подходящимъ словацкимъ языкомъ или нарѣчіемъ.

Польскій языкъ.

Второй крупный представитель западной группы славянскихъ языковъ—языкъ польскій, языкъ народа, который намъ, русскимъ, знакомъ ближе всѣхъ другихъ славянскихъ братьевъ, исторія котораго тѣсно переплетается съ исторіей русской.

Этотъ народъ живетъ въ предѣлахъ Россійской имперіи въ такъ называемомъ Царствѣ Польскомъ, въ Германіи въ герцогствѣ познанскомъ, Восточной Пруссіи, Силезіи и отчасти въ Помераніи; въ Австріи—въ Галиціи и восточной Силезіи. Такимъ образомъ польскій народъ раздѣленъ въ политическомъ отношеніи на три части; общее количество поляковъ достигаетъ 12 слишкомъ милліоновъ. Поляки, какъ и чехи, употребляютъ латинскую азбуку, но нѣкоторые звуки обозначаются въ польской азбукѣ иначе, чѣмъ въ чешской: наше *ш*—чешское š, а польское sz; наше ж чешское ž, а польское ż, наше ч,—чешское č, а польское cz: польское ó выговаривается, какъ у (латинская буква u), польское é какъ и (латинская буква i); наше *в* чехи обозначаютъ буквой v, а поляки буквой w. Смягченіе согласныхъ означается знакомъ ′ надъ ними: gos′ć—гость; groźba—грозьба.

Особенности польскаго языка.

Разсматривая главныя особенности польскаго языка, мы встрѣтимъ нѣкоторыя черты, сближающія его съ чешскимъ языкомъ. Такъ, на мѣстѣ русскихъ *ч* и *ж* (древне-болгарскія *шт* и *жд*) въ польскомъ, какъ и въ чешскомъ, находимъ c и d͡z (т.-е. ц и д͡з), только въ чешскомъ d͡z упростилось въ z: русское *межа*, польское miedza (т.-е. медза, а въ чешское meze, т.-е. мэзэ),—русское *свѣча*—польское swieca, русское *ночь*—польское noc (ноц).

Далѣе въ польскомъ, какъ и въ чешскомъ, находимъ б, п, м, в тамъ, гдѣ въ русскомъ бл, пл, мл, вл; только въ чешскомъ слышится bj (бїй), pj (пїй), mj (мїй), vj (вїй), а въ польскомъ б, п, в, м смягченные, т.-е. йотъ сливается въ польскомъ съ б, п, в, м, произносится одновременно съ ними, а въ чешскомъ послѣ нихъ: въ польскомъ произносится: ziemia, какъ *земя*, а въ чешскомъ země, какъ *зэмье*.

Какъ въ чешскомъ языкѣ, въ польскомъ, на мѣстѣ русскаго бѣглаго о (др.-болг. ъ) слышится e (э): sen (сонъ), wesz (вошь), łeb (лобъ); въ родительномъ падежѣ sna, wszi, łba.

Зато въ другихъ случаяхъ польскій языкъ рѣзко отступаетъ отъ чешскаго: такъ, въ соотвѣтствіи древне-болгарскимъ носовымъ гласнымъ $о^{н}$, $е^{н}$ (ѫ) въ польскомъ и нынѣ еще находимъ носовые гласные *$о^{н}$*, *$е^{н}$;* носовое $о^{н}$ обозначается буквой ą, а носовое $е^{н}$ буквой ę; такимъ образомъ польское mąż (произносится $мо^{н}ж$)=др.-болгарское **мѫжь**, русское мужъ (чешское muž); польское mięso ($ме^{н}со$)=др.-болгарское **мѧсо**, русское мясо (чешское maso).

Польскій языкъ—единственный изъ славянскихъ языковъ—сохранилъ старые носовые гласные славянскаго языка до сихъ поръ, но и то съ измѣненіями: предъ зубными согласными уже не слышится носовое о или носовое е ($о^{н}$, $е^{н}$), а просто он, ен: sąd произносится какъ sond (сонд), będę произносится, какъ bende; предъ губными согласными ą произносится, какъ *от*, а ę какъ em: dąb=domb (домб), tępy=темпы (тупой).

Въ концѣ словъ носовое ę произносится, какъ простое е (э): będę—бенде. Кромѣ того, въ польскомъ языкѣ на мѣстѣ прежняго носового *$о^{н}$* иногда находимъ *$е^{н}$* и наоборотъ; оттого польское ą ($о_{н}$) иногда соотвѣтствуетъ русскому *у*, а иногда русскому *я*. Такъ: русское дуба (род. пад.)—польское dęba; русское рядъ—польское rząd (произносится *жонд*).

Произошло это оттого, что носовые гласные были въ польскомъ языкѣ долгими и краткими, и когда-то произносились одинаково какъ $а^{н}$ (*а* носовое), потомъ долгое $а^{н}$ измѣнилось въ $о^{н}$ (на письмѣ по старой привычкѣ пишется — ą), а краткое $а^{н}$ перешло въ $е^{н}$ (ę).

Но не одни только носовые гласные отличаютъ польскій языкъ отъ чешскаго. Въ польскомъ на мѣстѣ нашего ѣ иногда находимъ *я* (ia): wiara (вяра)—вѣра; piana (пяна)—пѣна, siano—сѣно, gniazdo—гнѣздо и т. п.; этого въ чешскомъ языкѣ нѣтъ.

Далѣе, въ польскомъ языкѣ r смягченное дало не особый звукъ ř (см. выше), а простое ż (ж), которое обозначается буквой rz: польское rząd (жонд) русское рядъ, польское brzég (произносится бжикъ)=берегъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ, хотя и немногихъ, народныхъ говорахъ существуетъ особый звукъ ř, какъ въ чешскомъ. Въ польскомъ на мѣстѣ русскаго оро, оло находимъ не ra, la (ра, ла), какъ въ чешскомъ, а ro, ło или ró, ló (произносится ru, lu, т.-е. ру, лу): чешское hrad, польское gród=городъ, чешское brazda, польское brozda=русское борозда; чешское hlava=польское głowa=русское голова; чешское mraz=польское mróz=русское морозъ; чешское klada=польское kłoda=колода и т. д.

Въ польскомъ нѣтъ слоговыхъ r, l: чешское zrno=польское ziarno (зерно), чешское srdce=польское serce (сердце), чешское tvrdý—польское twardy (твердый), чешское vlk—польское wilk (волкъ); чешское plný—польское pełny (полный).

Въ польскомъ языкѣ мягкое *е* перешло въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ ё (пишется io): чешское selo, русское село=пол. sioło (т.-е. сёло); чешское sestra, русское сестра=польское siostra (т.-е. сёстра). Этотъ переходъ е въ ё имѣетъ мѣсто только предъ твердыми зубными согласными: d, t, n, s, z, r, l; предъ тѣми же согласными и ѣ перешло въ я (ia) см. выше (wiara=вѣра и т. п.). Въ польскомъ языкѣ, въ отличіе отъ чешскаго, не сохранилось различія между долгими и краткими гласными. Старое долгое о, потерявъ долготу, стало произноситься, какъ краткое у (латин. буква u), но пишется ó (bóg, т.-е. буг=богъ); точно такъ же когда-то долгое е произносится, какъ краткое и (латин. буква i): brzég (произносится brzik, т.-е. бжик=берегъ). Удареніе въ польскомъ языкѣ—не на первомъ слогѣ, какъ въ чешскомъ, а всегда на предпослѣднемъ: siolo=сёло, żona=жóна. Потеря различія между долгими и краткими гласными сближаетъ польскій языкъ съ русскимъ, отдаляя отъ чешскаго. Но такихъ чертъ, сближающихъ польскій языкъ съ русскимъ, можно указать и еще нѣсколько.

Такъ, польскій языкъ сохранилъ различіе между *ы* (латинская буква y) и и (латин. буква i), какъ и русскій, а чешскій языкъ потерялъ его: польское ryba=р. рыба, był=былъ (y произносится какъ наше ы).

Польскій языкъ сохранилъ твердое *л* рядомъ съ мягкимъ л: твердое *л* обозначается буквой ł, а мягкое буквой l (był произносится такъ, какъ наше *былъ*, а sól произносится какъ наше «суль» (и обозначаетъ *соли*).

Польскій языкъ сохранилъ звукъ *г* (латин. буква g), тогда какъ чешскій языкъ измѣнилъ его въ длительное h: чешское hvězda — польское gwiazda (звѣзда); чешское hnízdo — польское gniazdo (гнѣздо).

Наконецъ польскій языкъ сближается съ русскимъ и отличается отъ чешскаго въ томъ, что согласные звучатъ въ немъ предъ гласнымъ *е* мягко, какъ въ русскомъ, а въ чешскомъ твердо: чешское meze (русское межа) польское miedza (медза); чешское konec, т.-е. конэц=русское конецъ, польское koniec (т.-е. конец). Только предъ тѣмъ е, которое получилось изъ ѣ, т.-е. соотвѣтствуетъ русскому бѣглому о, согласные въ польскомъ остаются твердыми: sen (сэн) = русск. сонъ; łeż (лэж) = русское ложь.

При этомъ d и t (д и т), смягчаясь предъ e, переходятъ въ польскомъ—d въ d͡ź, а t въ ć, т.-е. въ смягченный слитный согласный d͡ź (звучный) и такой же слитный смягченный ц (глухой); въ тѣ же звуки dź и ć переходятъ d. t и предъ i: напримѣръ, miedzi, т.-е. русск. *мьди*; cicho, т.-е. русск. *тихо*.

Образецъ польскаго языка.

Чтобы дать живое представленіе о польскомъ языкѣ, приведемъ отрывочекъ изъ небольшого разсказа Сенкевича «Wyrok Zeusa» (Приговоръ Зевса).

Wieczór był cudny; słońce przetoczyło [1]) się już z Archipelagu ku morzu Iońskiemu i zanurzało [2]) zwolna [3]) swą promienną [4]) głowę w turkusową [5]), gładką roztocz [6]). Ludzie wracali [7]) gromadami [8]) z robót polnych do miasta [9]). Drogą od Pireu [10]) szły muły i osły, dźwigając zawieszone po bokach kosze [11]), pełne oliwek lub złocistego winogradu; za nimi, w czerwonych obłokach kurzu [12]) ciągnęły [13]) stada kóz krętorogich [14]), przed każdem stadem kozieł biało-brody, po bokach psy czujne [15]), z tyłu pasterz [16]), grający na multance lub cienkiem [17]) źdźble [18]) owsianem. Między [19]) stadami posuwały [20]) się zwolna wozy, wiozące jęczmień, ciągnione przez woły leniwe; tu i owdzie mijały [21]) się oddziały hoplitów [22]), przybranych [23]) w miedź, dążących [24]) na nocną [25]) straż do Pireu lub Aten.

Вечеръ былъ чудный, солнце передвинулось уже отъ Архипелага къ Іоническому морю и постепенно погружало свою лучистую голову въ бирюзовую, гладкую поверхность (моря). Люди возвращались толпами съ полевыхъ работъ въ городъ. По дорогѣ отъ Пирея шли мулы и ослы, неся привѣшенныя по бокамъ корзины, полныя оливокъ или золотистаго винограда; за ними, въ красныхъ облакахъ пыли тянулись стада круторогихъ козъ, предъ каждымъ стадомъ—бѣлобородый козелъ, по сторонамъ чуткіе псы, сзади пастухъ, играющій на дудкѣ или же на тонкомъ овсяномъ стеблѣ. Между стадами медленно подвигались возы, везущіе ячмень, везомые лѣнивыми волами; тутъ и тамъ проходили отряды гоплитовъ, одѣтыхъ въ мѣдь, спѣшащихъ на ночную стражу въ Пирей или въ Аѳины.

Примѣчанія: 1) przetoczyło—корень глагола prze-toczyć—tok или tek: ср. р. теку, теченіе, притокъ; 2) zanurzać—погружать; того же корня наше *нырять*; пол. nurzać получилось изъ nurjatь: 3) zwolna — понемногу; того же корня русск. воля, вольный; 4) promienny—прилагательное отъ promień—лучъ; 5) turkusowy—бирюзовый; бирюза получила названіе turkus потому, что въ

Европу впервые этотъ камень принесли турки; 6) roztocz — того же корня, что и przetoczyć (тек—ток); 7) wracać — соотвѣтствуетъ русскому ворочать; 8) gromada—ср. малор. громада; 9) miasto по корню соотвѣтствуетъ русскому *мѣсто*, но со значеніемъ *городъ*, а наше мѣсто по-польски—miejśće (изъ мѣстьje); 10) Пирей—имя собственное; такъ называлась гавань въ Аѳинахъ; 11) kosz—ср. наше *кошъ, кошолка*; 12) kurz—пыль, того же корня курить, куриться, что̀ первоначально значитъ—*дымить, дымиться;* 13) ciągnąć точно соотвѣтствуетъ нашему *тянуть*; 14) krętorogi соотвѣтствуетъ нашему круторогій; русское *у* въ словѣ *крутой* получилось изъ носового *о*ⁿ, которое сперва дало *у*ⁿ, а потомъ *у;* 15) czujny того же корня, что наше *чуять*; 16) ср. церковное *пастырь* (пастухъ); 17) cienki получилось изъ tѣ́nъkijь, которое измѣнилось въ ténki, а затѣмъ въ cienki: ср. русское *тонкій* изъ tѣ́nъkijь; 18) żdżbło получилось изъ śťьbló; *ь* выпалъ, а śťblo измѣнилось въ źdźbło (śť предъ звучнымъ *в* измѣнилось въ źdź): ср. русское стебель изъ стѣ́бль; 19) między: въ др.-польскомъ было miedzy = русское *между:* и русское, и польское слово—различныя падежныя формы отъ одного существительнаго medja (въ русскомъ dj дало ж, въ польскомъ—dz); 20) posuwać się—того же корня, что русское сую́, сова́ть; 21) mijać—того же корня, что русское ми-ну-ть, ми-н-ов-а-ть; 22) hoplit—такъ назывался по-гречески солдатъ; 23) przy-brać ср. съ русскимъ *у-брать, убирать*; 24) dążyć—спѣшить: корень dąg—обозначалъ силу: ср. русское недугъ (болѣзнь), малор. дужій (сильный); 25) nocny: noc—русское ночь.

Кашубскій языкъ. Къ языку польскому тѣсно примыкаетъ языкъ *кашубовъ*: это—небольшой народецъ, живущій на южномъ берегу Балтійскаго моря, къ западу отъ нижняго теченія Вислы,—въ областяхъ Западной Пруссіи и Помераніи. Всего ихъ насчитываютъ не больше $^1/_4$ милліона.

Раздѣляя съ польскимъ языкомъ цѣлый рядъ особенностей, кашубскій языкъ или кашубское нарѣчіе въ нѣкоторыхъ чертахъ рѣзко отъ него отличается: такъ, на мѣстѣ русскаго *оро* кашубскій языкъ имѣетъ не сочетаніе ro (po), какъ польскій, а сочетаніе *ar*: русское корова, польское krowa, кашуб. karva; русск. ворона—польск. wrona, кашуб. varna; русск. ворота, польск. wrota, кашуб. varta.

Кромѣ того, кашубскій языкъ до сихъ поръ сохраняетъ различіе между долгими и краткими гласными, кромѣ носовыхъ оⁿ и еⁿ, которые видимъ въ польскомъ, имѣетъ еще носовые гласные аⁿ, иⁿ, уⁿ; удареніе въ немъ не прикрѣплено къ одному слогу.

Лужицкій языкъ. Наконецъ къ числу западно-славянскихъ языковъ относится *лужицкій* или *сербо-лужицкій* языкъ, распадающійся на два самостоятельныхъ нарѣчія: *верхне-лужицкое* и *нижне-лужицкое.*

О небольшомъ сербо-лужицкомъ народцѣ мало кто знаетъ, а между тѣмъ онъ очень интересенъ, такъ какъ отличается большой культурностью, имѣетъ свою небольшую литературу, очень музыкаленъ и очень дорожитъ своею славянскою національностью. Живетъ онъ, этотъ небольшой славянскій народецъ, въ предѣлахъ Пруссіи и Саксоніи, по верхнему теченію рѣки Шпре, что когда-то была по-славянски—Спрева, въ количествѣ всего около 200 тысячъ. Когда-то это было многочисленное славянское племя, распадавшееся на рядъ болѣе мелкихъ племенъ: сербовъ, лужичанъ (отъ *луг*), мильчанъ и др.; постепенно племя это все болѣе и болѣе онѣмечивалось, и этимъ объясняется его небольшое количество въ настоящее время. Языкъ лужичанъ представляетъ звено, связывающее въ цѣпи славянскихъ народовъ чешское и польское племя: въ нѣкоторыхъ пунктахъ онъ обнаруживаетъ больше сходства съ чешскимъ языкомъ, въ другихъ—съ польскимъ.

Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ пунктахъ сербо-лужицкія нарѣчія напоминаютъ русскій языкъ.

Такъ, въ верхе-лужицкомъ нарѣчіи на мѣстѣ древне-болгарскаго ѫ находимъ *o*, какъ въ русскомъ языкѣ: son—русск. сонъ (польское и чешское sen). На мѣстѣ древне-болгарскаго ѫ (о^{н}) въ верхне-лужицкомъ и въ нижне-лужицкомъ находимъ u (латин. ская буква u), какъ въ русскомъ и чешскомъ (въ польскомъ носовые), dub=дубъ.

Сходство лужицкихъ нарѣчій съ польскимъ можно пояснить, напримѣръ, тѣмъ, что въ соотвѣтствіе русскому сочетанію *оро* въ лужицкомъ является, какъ и въ польскомъ ро (латинскія буквы *ro*): русск. горохъ=польск. groch=верхне-лужицкое hroch; нижне-лужицкое groch. Съ чешскимъ языкомъ больше сходства обнаруживаетъ верхне-лужицкое нарѣчіе; напримѣръ, въ немъ на мѣстѣ русскаго *г* (латинская буква g) слышится, какъ и въ чешскомъ, длительный звонкій согласный h: верхне-лужицкомъ hroch; нижне-лужицкомъ groch (*грох*).

Не останавливаясь болѣе подробно на характеристикѣ лужицкихъ нарѣчій, какъ языка небольшого народа, не имѣющаго большого культурнаго значенія, ограничусь приведеніемъ небольшого отрывка этого языка.

Вотъ образчикъ верхне-лужицкаго нарѣчія:

A Brježkach mjejachu Pardonic staru kočku a Nazdalakec stareho psyka. A Pardonja praješe swojej žoni: Štoha sej z tej kočku dljehe

chcemy? Wona dźje čisćje renje žane mošje neloji. Wješ ty što. ja budu ju zatepić. Pardońka pak praji: Néčiń šak teho. wona ḑrje tola hišće móšje łoji.

Значеніе буквъ въ этомъ отрывкѣ: ž=ж; č=ч; š=ш; ć=смягченное ц (ць); ń=смягченное н (нь); ł=твердое л.

Переводъ: въ Брежкахъ (названіе деревни) имѣли: Пардоницъ (фамилія) старую кошку, а Наздалакецъ (фамилія)—стараго пса. И Пардоня говоритъ (собственно: сказалъ) своей женѣ: что намъ съ этой кошкой возиться (собственно: что себѣ съ этой кошкой дальше хотимъ)? Она вѣдь, право, совсѣмъ никакихъ мышей не ловитъ. Знаешь что: я ее утоплю. Пардониха же говоритъ: не дѣлай этого; можетъ-быть, она еще ловитъ мышей.

Полабскій языкъ.

Нашъ обзоръ славянскихъ языковъ былъ бы не совсѣмъ полонъ, если бы мы не упомянули, что въ старыя времена существовалъ еще одинъ славянскій народъ, еще одинъ славянскій языкъ—*полабскій*. Полабскіе славяне, т.-е. славяне, жившіе по р. Лабѣ (Эльбѣ) на западъ отъ кашубовъ и на сѣверъ отъ сербо-лужичанъ, представляли когда-то могущественный народъ, ведшій оживленную торговлю и воевавшій съ нѣмцами и датчанами.

Съ теченіемъ времени, однако, полабскіе славяне въ силу отсутствія объединенія и политической организаціи были покорены нѣмцами и постепенно онѣмечились. Теперь полабскій языкъ уже не существуетъ, какъ языкъ живой, и о немъ мы можемъ составить лишь приблизительное понятіе по записямъ XVII и XVIII вѣковъ, которыя далеко не отличаются точностью.

XXI. Взаимное отношеніе славянскихъ языковъ.

Сдѣланный выше краткій обзоръ славянскихъ языковъ былъ намъ необходимъ для того, чтобы понять взаимное ихъ отношеніе, а понять ихъ взаимное отношеніе необходимо для того, чтобы понять *положеніе русскаго языка среди его славянскихъ братьевъ*.

Только опредѣливъ это положеніе, мы можемъ перейти къ его исторіи, къ знакомству съ жизнью русскаго языка, его развитіемъ и измѣненіями.

Такимъ образомъ, настоящая статья является необходимымъ введеніемъ къ исторіи русскаго языка, а предыдущій обзоръ славянскихъ языковъ даетъ необходимый матеріалъ для этого введенія.

Праславянскій языкъ.

Всѣ славянскіе языки, въ томъ числѣ и русскій языкъ, произошли путемъ постепеннаго развитія изъ одного общаго праязыка, который мы называемъ праславянскимъ.

Было, слѣдовательно, время, когда предки всѣхъ нынѣшнихъ славянскихъ народовъ говорили однимъ языкомъ; въ этомъ языкѣ различались говоры; и изъ этихъ-то говоровъ развились впослѣдствіи отдѣльные славянскіе языки, въ томъ числѣ и русскій.

Въ эту отдаленную эпоху, когда не было еще отдѣльныхъ славянскихъ народовъ и отдѣльныхъ славянскихъ языковъ, а былъ одинъ народъ и одинъ языкъ,—славяне жили въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, приблизительно между Вислой на западѣ, Карпатами на юго-западѣ, Припятьскими болотами на сѣверѣ и Днѣпромъ на востокѣ; на югѣ славяне доходили до степной полосы, а въ степяхъ, прилегавшихъ къ Черному морю, кочевали народы иного, неславянскаго происхожденія (скиѳы, а позже сарматы—народы иранскаго корня).

Языкъ этого славянскаго пранарода представлялъ собою кругъ говоровъ, связанныхъ общими чертами; въ то же время между этими говорами были и мелкія различія, при чемъ между сосѣдними говорами различій было меньше, а, наоборотъ, было больше общихъ чертъ.

Развитіе отдѣльныхъ славянскихъ языковъ.

Съ теченіемъ времени славянскій пранародъ, увеличиваясь въ количествѣ, сталъ покидать свою родину, ища новыхъ, болѣе просторныхъ мѣстъ.

Часть его направилась на юго-западъ чрезъ горныя ущелья Карпатъ: это были предки нынѣшнихъ болгаръ, сербовъ и словинцевъ.

Другая часть славянъ направлялась на западъ и на сѣверо-западъ; это были предки нынѣшнихъ чеховъ, поляковъ, кашубовъ, сербо-лужичанъ и славяне полабскіе, позже вымершіе. Предки русскихъ остались на первоначальной территоріи славянской прародины, а затѣмъ стали понемногу также расширяться на сѣверъ, на востокъ, отчасти и на западъ.

Такимъ образомъ, кругъ говоровъ, который составлялъ славянскій праязыкъ, постепенно расширился; члены одной славянской семьи языковъ постепенно удалялись другъ отъ друга, въ нихъ являлись новыя черты, еще болѣе ихъ отдѣлявшія.

Въ общемъ, однако, новыя отношенія славянскихъ языковъ, послѣ ихъ расхожденія въ разныя стороны, были лишь продолженіемъ и развитіемъ прежнихъ отношеній на прародинѣ. Говоръ польскій былъ ближе къ чешскому, съ одной стороны, и къ русскому—съ другой, чѣмъ къ болгарскому или сербскому говорамъ въ прародинѣ; и когда предки поляковъ двинулись на западъ чрезъ Вислу, то вмѣстѣ съ ними двигались въ томъ же направленіи чехи; вслѣдствіе этого связи между предками поляковъ

и чеховъ поддерживались, и ихъ языки не такъ быстро отдалялись другъ отъ друга. Между тѣмъ связи между поляками и болгарами и раньше на прародинѣ были слабы, а теперь, когда болгаре оказались на Балканскомъ полуостровѣ, а поляки на сѣверѣ за Вислой, эти связи прекратились въ смыслѣ языка совершенно.

Отношеніе говоровъ славянскихъ на прародинѣ.

Если мы внимательно изучимъ особенности современныхъ славянскихъ языковъ и ихъ взаимное отношеніе, то по этимъ современнымъ отношеніямъ мы можемъ судить о взаимномъ положеніи праславянскихъ говоровъ въ прародинѣ.

Такъ нашъ русскій языкъ нѣкоторыми особенностями своими напоминаетъ болгарскій языкъ, а другими чертами—польскій: въ болгарскомъ языкѣ на мѣстѣ древняго звука ъ, какъ и въ русскомъ, находимъ о: сонъ; въ польскомъ языкѣ согласные смягчены предъ гласными e, i, какъ и въ русскомъ (мы выговариваемъ мягко: небо, поляки также: niebo, но чехи твердо—nebe, какъ нэбэ).

Изъ такихъ фактовъ мы заключаемъ, что въ ту эпоху, когда всѣ нынѣшніе славянскіе языки были лишь говорами одного языка, говоръ русскій былъ рядомъ съ болгарскимъ, а съ другой стороны рядомъ съ польскимъ.

Болгарскій языкъ очень близокъ къ сербскому и словинскому, слѣдовательно, далѣе за болгарскимъ говоромъ были расположены сербскій и словинскій; изъ западно-славянскихъ языковъ чешскій сближается больше другихъ съ южно-славянскими (чешское brada, болгарское и сербское брада, словинское brada); слѣдовательно, въ прародинѣ чешскій говоръ примыкалъ къ южнославянскимъ.

Отъ чешскаго переходомъ къ польскому былъ лужицкій языкъ, въ которомъ мы находимъ нѣкоторыя черты, общія съ чешскимъ, а иныя — общія съ польскимъ. Такимъ образомъ, получается такая картина, такой кругъ говоровъ въ праславянскомъ языкѣ:

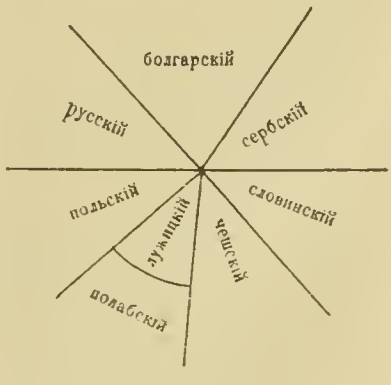


Рис. 27.

Доказательства представленнымъ здѣсь отношеніямъ праславянскихъ говоровъ даны въ предыдущихъ статьяхъ, гдѣ отмѣчены главнѣйшія особенности современныхъ славянскихъ языковъ. Въ этихъ особенностяхъ современныхъ славянскихъ языковъ ясно отражается тотъ фактъ,

что, когда всѣ они составляли одинъ языкъ и представляли кругъ говоровъ, тѣсно между собою связанныхъ, перерыва между ними не было, отъ одного говора былъ постепенный, незамѣтный переходъ къ сосѣднему говору. Такъ, въ русскомъ говорѣ тогда уже намѣчались зародыши будущихъ говоровъ малорусскаго, бѣлорусскаго и великорусскаго, и малорусскій представлялъ постепенный переходъ къ чешско-словацкому говору, такъ какъ и нынѣ между малорусскимъ и словацкимъ замѣчается много сходныхъ чертъ; точно также переходомъ отъ русскаго къ польскому былъ тотъ зародышъ говора, изъ котораго впослѣдствіи развилось бѣлорусское нарѣчіе. Кашубскій говоръ, съ одной стороны, былъ тѣсно связанъ съ польскимъ языкомъ, а съ другой стороны, съ полабскимъ. Сербо-лужицкій языкъ подавалъ одну руку чешскому, а другую—польскому. И теперь еще всѣ славянскіе языки по взаимному сходству могутъ быть расположены въ такомъ кругѣ.

Рис. 28.

Теперь, когда мы выяснили первоначальное, давно минувшее отношеніе славянскихъ языковъ, для насъ станетъ вполнѣ ясенъ начальный, исходный пунктъ историческаго развитія *русскаго* языка.

Этотъ исходный пунктъ заключается въ слѣдующемъ: русскій языкъ первоначально представлялъ собою небольшой говоръ славянскаго праязыка. Онъ отличался, *съ одной стороны*, такими чертами, какими отличаются и всѣ остальные говоры славянскаго праязыка: эти черты отличали его отъ другихъ индо-европейскихъ языковъ; *съ другой стороны*, этотъ русскій говоръ опредѣлялся такими чертами, которыя свойственны были только ему, которыхъ не имѣли другіе славянскіе говоры.

Такимъ образомъ ясно, что *исторію русскаго языка нужно начинать съ опредѣленія чертъ русскаго языка, которыя свойственны были ему и отличали его отъ иныхъ славянскихъ языковъ*.

XXII. Русскій языкъ и его отличительныя черты.

Русскій народъ. Самый выдающійся, самый многочисленный среди славянскихъ народовъ—это русскій народъ, который занимаетъ огромныя пространства, главнымъ образомъ, въ восточной части Европы; бо́льшая часть этого русскаго народа

входитъ въ составъ государства Россіи, но нѣкоторая небольшая часть его входитъ въ составъ другого государства—Австро-Венгріи; а именно, русскимъ языкомъ говорятъ въ восточной части Галиціи, въ западной части Буковины и въ сѣверо-восточномъ углу Венгріи.

Русскій языкъ.

Главнымъ признакомъ, который объединяетъ русскій народъ, живущій въ Россіи, и русскихъ, живущихъ въ Австро-Венгріи, является *языкъ*.

Раскинувшись на обширныя пространства, русскій народъ или русское племя, конечно, дробится по своему языку на рядъ нарѣчій и говоровъ. Въ немъ различаютъ великорусское, малорусское и бѣлорусское нарѣчіе, а въ этихъ нарѣчіяхъ различаются въ свою очередь поднарѣчія и говоры.

Тѣмъ не менѣе, во всѣхъ этихъ говорахъ и нарѣчіяхъ есть нѣчто общее, есть общія всѣмъ имъ черты. Эти общія всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ и говорамъ черты и соединяютъ ихъ въ одинъ языкъ. Эти черты *отличаютъ* русскій языкъ, всѣ его нарѣчія и говоры *отъ всѣхъ остальныхъ славянскихъ языковъ*. Эти общія черты языка связываютъ русскихъ, живущихъ въ Австро-Венгріи, съ русскими, живущими въ Россіи, связываютъ великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ.

Какія же эти отличительныя черты русскаго языка?

Отличительныя черты русскаго языка. Полногласіе.

Самая замѣтная черта русскаго языка, отличающая его отъ всѣхъ остальныхъ славянскихъ языковъ, это—такъ называемое *полногласіе*. Полногласіе это состоитъ въ слѣдующемъ: когда въ болгарскомъ языкѣ, въ сербскомъ, словинскомъ, чешскомъ слышится слогъ *ра* или *ла* между согласными, а въ польскомъ—слогъ *ро, ло* между согласными, то въ русскомъ языкѣ слышится два слога—*оро, оло* между согласными. Такъ,—болг. грах, серб. грах, чеш. hrach (грах), пол. groch (грох)—русск. *горохъ*. Болг. врана, серб. врана, чеш. vrana (врана), пол. wrona (врона)—русск. *ворона*. Болг. брада, серб. брада, чеш. brada (брада), пол. broda (брода)—русск. *борода*. Болг. глас, серб. глас, чеш. hlas (глас), пол. glos (глос)—русск. *голосъ*. Болг. клас, серб. клас, чеш. klas (клас), пол. kłos (клос)—русск. *колосъ*. Болг. влас, серб. влас, чеш. vlas (влас), пол. włos (влос)—русск. *волосъ*. Болг. прах, серб. прах, чеш. prach (прах), пол. proch (прох)—русск. *порохъ*. Точно такъ же въ русскомъ находимъ два слога: ере, еле или оло, когда въ болгарскомъ, сербскомъ и чешскомъ одинъ: рѣ, лѣ или ре, ле (получившееся изъ рѣ, лѣ), а въ польскомъ ре, ле. Такъ, болг. дрѣво, серб. древо, чеш. dřevo (држево), пол. drzewo (джево)—русск. *дерево*. Болг. прѣд, серб. пред, чеш. před (пржед), пол. przed (пшед)—русск. *передъ*. Болг.

млѣко, серб. млеко, чеш. mleko (млеко), пол. mleko (млеко)—русск. *молоко*. Серб. жлеза, чеш. žléza (жлеза)—русск. *железа*.

Необходимо пояснить, что и въ русскомъ языкѣ есть сочетанія *ла, ра* между согласными въ такихъ словахъ, какъ *трава, право, кладу*, но въ такихъ случаяхъ и въ польскомъ слышится *ра, ла*, а не *ро, ло*, какъ въ приведенныхъ выше примѣрахъ; значитъ русскія полногласныя формы существуютъ тогда, когда въ польскомъ слышится сочетаніе *ро, ло*, какъ напримѣръ, *борода*—пол. broda (брода), *золото*—пол. złoto (злото).

Въ *книжномъ* русскомъ языкѣ встрѣчаются неполногласныя формы и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ польскомъ слышится *ро, ло*: напримѣръ, *сладкій*, польское słodki (слодки), *власть*, польское włość (влосць), но эти слова не русскія, а церковно-славянскія, а въ народномъ языкѣ вмѣсто *власть* говорятъ *волость*, при чемъ въ народномъ языкѣ это слово имѣетъ иное значеніе, чѣмъ книжное *власть*; точно такъ же книжному *сладкій* въ народномъ языкѣ соотвѣтствуютъ: *солодъ, солодкій* (напримѣръ, въ малорусскомъ). Такимъ же образомъ, наши *время, бремя*—слова книжныя, церковно-славянскія, и потому ихъ правильнѣе было бы писать чрезъ ѣ по церковно-славянски: *врѣмя, брѣмя*, а въ народномъ русскомъ языкѣ и въ древне-русскихъ рукописяхъ находимъ: *веремя, беремя*; да и въ литературномъ языкѣ сохранилась народная русская полногласная форма въ словѣ *беременная*, т.-е. съ *беременемъ*.

Указанная черта—полногласіе отличаетъ русскій языкъ галичанъ-малороссовъ и говоры сѣверно-русскіе гдѣ-нибудь въ Олонецкой губерніи одинаково отъ всѣхъ остальныхъ славянскихъ языковъ и объединяетъ всѣ русскія нарѣчія въ одинъ языкъ.

Но есть и другія черты, другія особенности русскаго языка, которыми онъ отличается отъ иныхъ славянскихъ.

Начальное о.

Такъ, въ русскомъ языкѣ въ нѣкоторыхъ словахъ находимъ въ началѣ *о*, тогда какъ во всѣхъ остальныхъ славянскихъ языкахъ вмѣсто *о* слышится *е*.

Такъ русскому *одинъ* соотвѣтствуетъ сербское један, чешск. jeden (едэн), пол. jeden (едэн); русскому *озеро* соотвѣтствуетъ серб. језеро, пол. jezioro (езёро), чеш. jezero (езэро); русскому *осетръ* — серб. јесетр, чеш. jesetr (есэтр), пол. jesiotr (есётр); русскому *олень* — соотвѣтствуетъ серб. јелен, пол. jeleń (елень), чеш. jelen (елен).

Согласные ж, ч на мѣстѣ церк.-слав. жд, шт.

Третья не менѣе крупная особенность, отличающая русскій языкъ отъ другихъ славянскихъ, заключается въ томъ, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ церковно-славянскомъ языкѣ стоятъ *жд* и *шт*, въ русскомъ

слышится *ж* и *ч*. Такъ, напримѣръ, по церк.-славянски—*рождать*, а по русски *рожать*; по церк.-славянски *межда*, а по-русски *межа*; такъ же церковно-славянскимъ *ношть*, *пешть*, *свѣшта*, *отъвѣштати* соотвѣтствуютъ русскія: *ночь*, *печь*, *свѣча*, *отвѣчать*. Въ ιольскомъ языкѣ въ такихъ случаяхъ слышится *ц* и *дз*: noc (ноц), miedza (медза), piec (пец), swieca (свеца); почешски—ц и з: noc (ноц), meze (мэзэ), pec (пэц), svice (свицэ).

Другія особенности русскаго языка.

Кромѣ этихъ *главныхъ* особенностей русскаго языка, можно указать и еще кое-какія, въ которыхъ онъ сходится съ нѣкоторыми другими славянскими языками, однако, не со всѣми.

Такъ, напримѣръ, въ русскомъ языкѣ слышатся сочетанія *цв* и *зв* тамъ, гдѣ въ западно-славянскихъ языкахъ (польскомъ, чешскомъ и другихъ) произносятъ сочетанія *кв* и *гв*; такъ мы, русскіе, говоримъ: *цвѣтъ*, *звѣзда*, а поляки: kwiat (квят), gwiazda (гвязда); чехи—květ (квьет), hvězda (гвьезда).

Въ этой чертѣ своей русскій языкъ сходится съ южно-славянскими (сербскій, болгарскій, словинскій): сербы, напримѣръ, тоже говорятъ: *цвет*, *звезда*; и въ церковно-славянскомъ языкѣ, который есть въ своей основѣ древне-болгарскій, тоже были такія же, какъ и въ русскомъ, сочетанія цв, зв: *цвѣтъ*, *звѣзда*.

Далѣе, въ русскомъ языкѣ слышится *л* тамъ, гдѣ въ западно-славянскихъ языкахъ звучитъ сочетаніе *дл* или *тл*: по-русски *мыло*, а по-польски mydło (мыдло), по-русски *украла*, *плела*, а по-польски kradła, plotła (крадла, плётла). И въ этой чертѣ русскій языкъ сходится съ южно-славянскими, т.-е. съ церковно-славянскимъ, болгарскимъ, сербскимъ, словинскимъ.

Въ русскомъ языкѣ слышится сочетаніе губной согласный со смягченнымъ *л*, т.-е. *бл*, *вл*, *пл*, *мл* тамъ, гдѣ въ польскомъ и чешскомъ просто мягкое б, в, п, м. Такъ, мы говоримъ: *люблю*, *земля*, *куплю*, *правлю*, а поляки—łubię (любе^{ę}), ziemia (земя), kupię (купе^{ę}), prawię (праве^{ę}). Въ этомъ отношеніи южно-славянскіе языки не всѣ сходятся съ русскимъ: въ сербскомъ, словинскомъ,—какъ въ русскомъ,—бл, пл, вл, мл, но въ болгарскомъ, б, п, в, м мягкіе; въ церковно-славянскомъ—то же, что въ русскомъ: ѕемлѧ, люблѭ и т. д.

Изъ предыдущаго ясно, что бо́льшею частью русскій языкъ, если не отличается отъ всѣхъ славянскихъ языковъ,—сходится съ южно-славянскими языками.

Однако это наблюдается не всегда. Такъ, напримѣръ, въ русскомъ слышится сочетаніе *шч*, какъ въ польскомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ южно-славянскихъ языкахъ произносится *шт*. Такъ, свое *щитъ* мы произносимъ, какъ *шчитъ*, въ польскомъ

такъ же szczyt (шчыт), но сербы говорятъ *штит*, и церковно-славянское щитъ произносилось, какъ *штит*, такъ какъ буква щ въ церковно-славянскомъ языкѣ произносилась, какъ *шт*; и получился-то ш оттого, что подъ ш подписали т.

Еще одна особенность отличаетъ русскій языкъ, это гласные *у* и *я* на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ церковно-славянскомъ языкѣ были носовые гласные и гдѣ носовые гласные слышатся и нынѣ въ польскомъ языкѣ: мы говоримъ *мясо*, а въ церк.-славянскомъ мѧсо произносилось, какъ мэ^{н}со, поляки произносятъ ме^{н}со (mięso); нашему *мука́* соотвѣтствуетъ польское mąka (мо^{н}ка) и въ церковно-славянскомъ мѫка произносилось съ носовымъ о, какъ мо^{н}ка.

Въ этомъ отношеніи русскій языкъ ближе всего къ чешскому языку: чехи такъ же, какъ и русскіе, говорятъ: muž (муж)—русск. *мужъ*, zub (зуб)—*зубъ*, тогда какъ поляки произносятъ mąż, ząb (мо^{н}ж, зо^{н}б); чехи говорятъ, какъ и русскіе, často (часто)—*часто*, тогда какъ у поляковъ то же слово звучитъ: często (че^{н}сто). Въ словѣ *часто* находимъ не *я*, но *а* въ силу того, что предшествующій согласный *ч* отвердѣлъ, а въ старину произносили русскіе *чясто*, т.-е. *я*, какъ въ *мясо*, *зять* (польское mięso, zięć, т.-е. ме^{н}со, зе^{н}ць). Въ чешскомъ языкѣ отвердѣли также *т*, *в* въ словахъ maso, vázati *(масо, вазати)*.

И сербскій языкъ напоминаетъ русскій въ разсматриваемомъ случаѣ: въ сербскомъ тоже слышится мука, муж, зуб и т. д., но на мѣстѣ древняго е носового въ сербскомъ не я, но е: месо, зет, често и т. д.

Происхожденіе особенностей русскаго языка.

Мы разсмотрѣли всѣ почти особенности русскаго языка, отличающія его отъ остальныхъ славянскихъ языковъ.

Эти особенности русскаго языка—исконныя, т.-е. онѣ отличаютъ русскій языкъ издревле,—съ тѣхъ поръ, какъ онъ извѣстенъ намъ по своимъ древнимъ памятникамъ.

Древнѣйшій дошедшій до насъ памятникъ русскаго языка, т.-е. древнѣйшая дошедшая до насъ рукопись, написанная русскимъ человѣкомъ, это—Остромирово Евангеліе. Называется оно такъ потому, что написана рукопись для новгородскаго посадника, именемъ Остромира, діакономъ Григоріемъ въ 1056 году въ Новгородѣ: объ этомъ писецъ сдѣлалъ запись въ концѣ рукописи. Писана рукопись, конечно, на пергаменѣ, т.-е. на кожѣ, которую выдѣлывали для письма, и сохранилась она до насъ вполнѣ хорошо.

Писецъ переписывалъ текстъ евангелія со старо-болгарскаго оригинала, но невольно писалъ иногда такъ, какъ произносилъ, а не такъ, какъ стояло въ его оригиналѣ, т.-е. въ рукописи, съ которой онъ переписывалъ. Такъ вотъ, уже въ Остромировомъ

Евангеліи мы замѣчаемъ всѣ главныя черты русскаго языка, отличающія его отъ церковно-славянскаго и другихъ славянскихъ.

Такъ, напримѣръ, писецъ нерѣдко ошибается и на мѣстѣ ѫ, т.-е. носового *о*, которое стояло въ его образцѣ, пишетъ *у*, какъ онъ самъ произносилъ. Такъ же на мѣстѣ ѧ, т.-е. *е* носового своего образца, онъ пишетъ *я*.

Въ записи въ концѣ книги онъ пишетъ, что изготовлялъ свой списокъ евангелія *въ Новѣгородѣ*, т.-е. въ Новгородѣ, и упоминаетъ о князѣ *Володимерѣ;* такимъ образомъ, уже въ 1056 г. въ русскомъ языкѣ были полногласныя формы. Такимъ же образомъ писецъ Григорій пишетъ иногда *рожьство, прихожъ* вмѣсто рождьство, прихождъ, какъ было въ церковно-славянскомъ.

Конечно, тогда же въ его языкѣ было *цвѣтъ, звѣзда, плелъ, кралъ, люблю* и т. д., такъ какъ онъ всегда такъ пишетъ и не знаетъ какихъ-нибудь: плетлъ, крадлъ, квѣтъ или гвѣзда.

Такимъ образомъ перечисленныя выше особенности русскаго языка были въ немъ налицо уже въ XI вѣкѣ.

Эти особенности выработались въ русскомъ языкѣ гораздо раньше, чѣмъ русскіе научились писать, уже задолго до половины XI вѣка. Эти особенности сложились въ тѣ вѣка, когда русскій языкъ постепенно обособлялся отъ остальныхъ славянскихъ языковъ въ особую самостоятельную славянскую вѣтвь.

Поэтому указанныя особенности въ наукѣ нашей называются *прарусскими* явленіями въ русскомъ языкѣ; это — древнѣйшія измѣненія въ звукахъ, которыя русскій языкъ претерпѣлъ, отдѣлившись отъ общаго славянскаго корня; онъ претерпѣлъ эти измѣненія уже до XI вѣка.

Съ XI вѣка, начиная отъ Остромирова Евангелія 1056 года, тянется длинный рядъ рукописей русскихъ, написанныхъ въ различныхъ углахъ русской земли.

Изучая эти рукописи, мы можемъ прослѣдить, какія затѣмъ измѣненія произошли въ русскомъ языкѣ съ XI вѣка и до нашего времени; эти измѣненія происходили и въ звукахъ, и въ формахъ русскаго языка, и въ его синтаксисѣ, т.-е. въ способахъ соединенія словъ въ предложенія, и въ словарѣ, т.-е. въ запасѣ словъ, которымъ располагали говорящіе на русскомъ языкѣ для выраженія своихъ мыслей.

Подробное разсмотрѣніе этихъ разнообразныхъ измѣненій составляетъ предметъ исторіи русскаго языка.

Конечно, мы не можемъ ознакомиться съ этими измѣненіями, съ исторіей русскаго языка подробно.

Мы попытаемся лишь вкратцѣ осмотрѣть всѣ главныя измѣненія, происшедшія въ русскомъ языкѣ съ XI вѣка до нашихъ дней.

Начнемъ съ измѣненій въ звукахъ.

XXIII. Измѣненія въ звуковой сторонѣ русскаго языка съ XI вѣка.

Гласные ъ и ь.

Однимъ изъ очень древнихъ измѣненій въ звуковой сторонѣ русскаго языка были тѣ измѣненія, которыя произошли со звуками ъ и ь. Какъ мы знаемъ уже, въ славянскихъ языкахъ были особые звуки ъ и ь, которые произносились очень кратко, на манеръ того, какъ произносятъ великоруссы *о* въ первомъ слогѣ слова *говоритъ*: они произносятъ — *гъварит*, т.-е. послѣ *г* слышится какой-то очень краткій и неопредѣленный на слухъ звукъ, ближе стоящій къ *ы*, чѣмъ къ *о* или *а*. При этомъ звукъ ъ былъ твердымъ, а ь—мягкимъ. Эти звуки были и въ срединѣ слова, и въ концѣ. Въ церковно-славянскихъ рукописяхъ были, напримѣръ, такія слова, какъ *сънъ, дьнь, тъпътъ, рѣпътъ;* первыя два слова были двухсложныя, а 3-е и 4-е трехсложныя. Если бы въ нихъ ъ и ь не произносились, а только писались, такъ нельзя было бы произнести самыхъ словъ: вышло бы *тпт, рпт!*

Вотъ эти-то звуки ъ и ь очень рано—уже въ XI вѣкѣ—стали въ словахъ выпадать въ срединѣ и отпадать въ концѣ, т.-е. исчезать. Но исчезали они не вездѣ. Исчезали ъ и ь въ концѣ слова; хотя писцы по старой памяти пишутъ ъ и ь въ концѣ слова, но врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что они уже въ XI вѣкѣ не существовали въ произношеніи, а писали ихъ въ концѣ слова почти всегда потому, что конецъ слова чувствовался. Исчезли ъ и ь также внутри слова, если были неударяемы и въ слѣдующемъ слогѣ не стоялъ также ъ или ь. Такъ, ъ исчезъ въ словахъ *сънá, дьнѝ, пъсá, вьсѐ, мылá, пъшенíца, лъстúвый, чътúть, пъхáть, бѣ́дьный, красьный, ночька* и т. д.

Во всѣхъ этихъ словахъ писалось въ церковно-славянскомъ языкѣ ъ или ь и, несомнѣнно, произносилось. Мы же въ этихъ словахъ не произносимъ ни ъ, ни ь; хотя мы и пишемъ ь въ словѣ *лъстивый*, но эта буква у насъ не обозначаетъ никакого особаго звука, а только означаетъ, что предыдущее *л* произносится мягко.

Если ъ или ь было подъ удареніемъ, то оно не могло исчезнуть, а переходило—ъ въ *о*, а ь въ *е*: такъ *дъски* измѣнилось

въ *до́ски*, *блъхи* въ *бло́хи*, *стькла* въ *сте́кла*, *тьща* въ *те́ща*; *мѣшь* въ *мо́ешь*, *крѣшь* въ *кро́ешь*, *слькый* въ *слькой*. То же происходило, если послѣ *ъ*, *ь* въ слѣдующемъ слогѣ стояло опять *ъ* или *ь*: такъ, въ словѣ *рькъть* или *тькъть* первое **ъ** было подъ удареніемъ и потому перешло въ *о*, а второе *ъ* перешло въ *о* потому, что въ концѣ слова **ъ** исчезло: исчезновеніе *ъ* или *ь* вызывало усиленіе предшествующаго **ъ** или **ь**. Такъ же *добрыи* (3 слога) измѣнилось въ *доброй* (народное) въ силу того, что *и* въ концѣ измѣнилось въ *й*.

Въ такихъ примѣрахъ, какъ *дьнь*, *сънъ*, перешедшихъ въ *день*, *сонъ*, первое *ь* и *ъ* были и подъ удареніемъ, и предъ исчезнувшимъ *ъ*, *ь*.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ *ъ*, *ь* перешло въ *о* и *е*, несмотря на то, что они были и безъ ударенія, и не предъ слогомъ съ **ъ**, **ь**: напримѣръ, *звькѣть*, *грькѣть*, *трьво́га*, *стькло́*, *съсу́* перешли въ *звенѣть*, *гремѣть*, *тревога*, *стекло*, *сосу*. Въ однихъ случаяхъ это произошло послѣ звуковъ сонорныхъ *р*, *л* и *в*, которое тоже можетъ быть сонорнымъ, если оно чисто-губное: таковы *гремѣть*, *тревога*, *звенѣть*, *блоха*, здѣсь дѣло объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что **ъ**, **ь** выпали, а *р*, *л*, *в* стали слоговыми, т.-е. произносились, какъ гласные: грмѣть, тр̥вога, звн̥ѣть; затѣмъ изъ этихъ слоговыхъ *р*, *л*, *в* снова развились гласные *е*, *о*.

Въ другихъ случаяхъ, какъ *сосу́*, *стекло́*,—*е*, *о* могли явиться въ виду формъ *со́ска*, *сте́кла*,—могли быть перенесены изъ послѣднихъ.

Въ этомъ отношеніи между отдѣльными нарѣчіями древняго русскаго языка не было полнаго согласія: въ древнихъ русскихъ памятникахъ—въ однихъ находимъ *крестить* изъ *крьстить*, въ другихъ *кстить*, т.-е. здѣсь *ь* выпало и послѣ *р* въ словѣ крьстить; въ однѣхъ рукописяхъ извѣстный русскій городъ называется *Плесковъ*, а въ другихъ—*Исковъ*; обѣ формы получились изъ *Пльсковъ*,—въ древнѣйшихъ памятникахъ такъ и пишется.

Большое значеніе имѣло въ судьбѣ *ъ*, *ь* въ различныхъ словахъ взаимное вліяніе однѣхъ формъ на другія: изъ *дъска́* должно было получиться *дска́*, но подъ вліяніемъ формы *до́ски*, гдѣ *ъ* подъ удареніемъ перешло въ *о*, явилось и *доска*. Изъ *чьсти* должно было получиться *чести*, такъ какъ *ь* былъ здѣсь неударяемымъ, однако именительный падежъ былъ—*честь*; подъ вліяніемъ *честь* мы и говоримъ: *въ чести́*, но въ старыхъ нашихъ рукописяхъ встрѣчается форма: *чсти* и *чти* (напримѣръ, въ Кормчей 1282 года).

Изъ *тъкъть*, *рькъть* правильно получилось *токоть*, *рокоть*, но въ род. падежѣ было *тъкъта*, *рькъта*, а отсюда должно было

получиться *топта ропта*, такъ какъ ъ неударяемое должно исчезнуть; однако подъ вліяніемъ *то́потъ ро́потъ*, явилось *то́пота. ропота.* Изъ *кузньцъ* правильно получилось *кузнецъ*, но изъ *кузньца* должно было получиться *кузнца*; однако явилось *кузнеца* подъ вліяніемъ *кузнецъ*.

Итакъ, мы видимъ, что ъ и ь, которые были когда-то въ русскомъ языкѣ, въ однихъ случаяхъ исчезли совсѣмъ, а въ другихъ перешли въ *о* и *е*.

Такимъ образомъ наши *о* и *е* не одинаковаго происхожденія: въ однихъ случаяхъ они получились изъ старыхъ славянскихъ *о* и *е*; въ другихъ же случаяхъ *о* и *е* явились изъ болѣе старыхъ ъ и ь.

Обыкновенно легко отличить то и другое *о*, *е*: тѣ *о* и *е*, которые—изъ ъ, ь, являются не во всѣхъ формахъ слова, а только въ тѣхъ, гдѣ ъ и ь были предъ слогомъ опять съ ъ и ь: *лобъ—лба, сонъ—сна, день—дня, мохъ—мха, песъ—пса, пень—пня* (изъ *лъбъ—лъба, сънъ—съна, дьнь—дьня* и т. д.).

Такое *о* и *е* называется «бѣглымъ». Старое *о* и *е*, не изъ ъ, ь, обыкновенно является во всѣхъ формахъ слова: *возъ—воза, сокъ—сока, носъ—носа, медъ—меда.*

Да и другіе славянскіе языки показываютъ, гдѣ въ русскомъ языкѣ старые *о*, *е*, а гдѣ они—изъ ъ, ь.

Такъ, въ польскомъ языкѣ тамъ, гдѣ русское *о* является старымъ, тоже слышится *о*: nos—nosa (нос—носа), sok—soka (сок—сока); если же русское *о*—изъ ъ, то въ польскомъ—*е*: son—snu, mech—mchu (сен—сну, мэх—мху). Въ сербскомъ языкѣ русскимъ *о*, *е* «бѣглымъ», т.-е. получившимся изъ ъ, ь, всегда соотвѣтствуетъ *а*: *сан, дан, мах* (сонъ, день, мохъ).

Въ одномъ только случаѣ русскій языкъ допустилъ отступленіе отъ старины: мы говоримъ *ледъ—льда*; выходитъ, что здѣсь *е—былое*, т.-е. изъ ь между тѣмъ это невѣрно: въ церковнославянскомъ языкѣ, въ его старыхъ рукописяхъ, нѣтъ какихъ-нибудь *льдъ, льда*, а только *ледъ — леда*, въ сербскомъ тоже *лед—леда*, а не *лад*, какъ было бы, если бы здѣсь когда-то былъ старый звукъ ь. Итакъ, ясно, что правильнѣе говорить *ледъ—леда*, но подъ вліяніемъ *день—дня, ленъ—льна, песъ—пса* явилось у насъ и *ледъ—льда* вмѣсто *ледъ—леда*.

Послѣдствія исчезновенія въ русскомъ языкѣ ъ и ь.

Исчезновеніе ъ и ь въ слогѣ неударяемомъ, когда дальше не слѣдовалъ опять слогъ съ ъ или ь, сильно измѣнило общій видъ очень большого количества словъ. Раньше было *сънa*—2 слога,

теперь стало *сна*—одинъ слогъ, раньше было *къде* (—2 слога) теперь явилось вмѣсто этого *кде* (или *къдь—кдь*) [1].

Уподобленіе согласныхъ.

Эти измѣненія повлекли за собой рядъ новыхъ измѣненій: раньше въ словѣ къде (къдѣ) между *к* и *д* былъ еще гласный ъ, а теперь они очутились рядомъ; это сосѣдство *к* и *д* было неудобно для языка, потому что *к* было глухимъ согласнымъ, а *д*—звучнымъ; при *к* дрожанія голосовыхъ связокъ не было, при *д* оно было. И вотъ происходитъ уподобленіе двухъ сосѣднихъ согласныхъ; обыкновенно, передній уподобляется слѣдующему: уже при *к* голосовыя связки приводятся въ движеніе, и вмѣсто *к* получается соотвѣтствующій звучный, т.-е. *г*: такимъ образомъ кде измѣняется въ где (гдѣ); такъ же сьде (*сьдь*) измѣнилось въ *зде* (здѣ, здѣсь), *сьдоровъ* измѣнилось въ *здоровъ*; наоборотъ, предъ глухимъ согласнымъ звонкій терялъ свою звонкость: такимъ образомъ, *тяжько* измѣнялось въ *тяжко*, а затѣмъ въ *тяшко*, *гладько*—въ *гладко*, а затѣмъ въ *глатко*, *коробъка*—въ *коробка*, а затѣмъ въ *коропка*. Такіе примѣры уподобленія согласныхъ находимъ, напримѣръ, въ рукописяхъ XIV вѣка: *тяшкою*, *коропку*, *глаткы*, *рьтко* и т. д. Мы пишемъ теперь *тяжко*, *коробка*, *гладкій*, *рьдко*, но произносимъ-то мы тутъ *ш*, *п*, *т*, а не *ж*, *б*, *д*. Помнить же, что здѣсь когда-то былъ звучный согласный, намъ помогаютъ слова *тяжекъ*, *рьдокъ*, *коробокъ*, *гладокъ*.

Если исчезалъ конечный ъ или ь, то согласный, предшествующій ему, звучный переходилъ въ глухой: *возъ* измѣнилось въ *вос*, *рядъ* въ *рят*, *рогъ* въ *рок*; такъ мы въ дѣйствительности и произносимъ, хотя пишемъ: *возъ*, *рядъ*, *рогъ* по старой памяти, какъ прежде дѣды писали; помнить, что здѣсь были раньше звучные согласные, помогаютъ намъ формы: *воза*, *ряда*, *рога*.

Упрощеніе группъ согласныхъ.

Въ другихъ случаяхъ исчезновеніе ъ или ь вызывало упрощеніе сочетанія согласныхъ, которое получалось: нѣкоторые согласные исчезали вовсе. Такъ, напримѣръ, *бользьный* измѣнилось въ *бользнный*, а затѣмъ въ *бользный*; *сверньный* въ *сверньный*, затѣмъ въ *сверный*; *дъщанъ* (т.-е. *дощаный*, *изъ доски*) въ *дщанъ*, *тщанъ*, *чанъ*; *тъщедушный* измѣнилось въ *тщедушный*, затѣмъ въ *щедушный*, *кабачьникъ* (отъ *кабакъ*) измѣнилось въ *кабаччикъ*, потомъ въ *кабатчикъ*; *мужьщина* дало *мущина* (такъ мы произносимъ, а пишемъ *мужчина*): *очьхнуться* измѣнилось въ *очнуться*; *горьчарь* въ *гончарь* (тотъ, кто дѣлаетъ *горны*): *сольнце* дало *сонце*

[1] Въ древне-церковно-славянскихъ рукописяхъ пишется чаще къде, сьде, но встрѣчаются и кдѣ, сдѣ.

(такъ мы произносимъ, хотя пишемъ *солнце*); *дъхорь* (того же корня, что и *дохнуть, дышать*) дало *хорь*; *бедрьцовый* (отъ *бедро*) дало *берцовый* (берцовая кость); *стыи́* (того же корня и *стезя*) дало *сти*, потомъ *зги* («ни зги не видно»—значитъ не видно тропинки); *истьба*,—слово, которое славяне заимствовали у нѣмцевъ (Stube, т.-е. стубе, нынѣ оно произносится штубе),—дало *изба*; *сердце* дало *серце* (пишемъ мы *сердце*); *бездьна* измѣнилось въ *безна* (а пишемъ мы *бездна*); *постьлать* (ср. *постилать*) дало *послать* (а пишемъ мы *постлать*).

Приведемъ еще одно слово, которое очень интересно по своему происхожденію: латинскому piper (пипер) въ славянскомъ соотвѣтствовало *пьпрь*; значило оно то же, что и латинское слово,—*перецъ*: отъ этого слова получилось наше *перецъ* (изъ пьпрьць) и *пряникъ* (изъ *пьпря́никъ*); въ послѣднемъ словѣ выпаденіе *ь* повело къ тому, что изъ *пьпр*—получилось *пр*. Замѣтимъ, что нѣкоторые сорта пряниковъ и теперь дѣлаются съ прибавкой перца; и наше *пряный*, конечно, также получилось изъ *пьпряный*.

Итакъ, мы видѣли, что гласные **ъ** и **ь** въ однихъ случаяхъ давали въ русскомъ языкѣ *о* и *е*, въ другихъ становились неслоговыми и исчезали. Послѣднее явленіе влекло за собой цѣлый рядъ измѣненій въ предшествующихъ имъ согласныхъ; эти согласные, какъ мы видѣли, становились изъ звучныхъ глухими, или наоборотъ, происходили различныя измѣненія и упрощенія въ группахъ согласныхъ, которыя предшествовали этимъ **ъ** и **ь**.

Кромѣ того, въ связи съ измѣненіемъ **ъ** и **ь** въ извѣстныхъ условіяхъ въ неслоговые и ихъ исчезновеніемъ стоятъ и нѣкоторыя другія явленія въ области звуковъ русскаго языка.

Второе полногласіе.

Такъ, напримѣръ, сюда относится такъ называемое *второе полногласіе*. Первое полногласіе,—о немъ мы уже говорили,—состоитъ въ томъ, что на мѣстѣ церковно-славянскихъ сочетаній *ра, ла, рѣ, лѣ*, между согласными—въ русскомъ слышатся *оро, оло, ере, еле: городъ, голова, молоко, берегъ*.

Второе полногласіе состоитъ въ томъ, что такія же сочетанія *оро, оло, ере* слышатся въ русскомъ тамъ, гдѣ въ церк.-славянскомъ пишется *ръ, рь, лъ, ль*, которыя, вѣроятно, произносились, какъ слоговые *р, л*, мягкіе или твердые: *грѣбъ, стлѣбъ, плѣнъ; смрѣть* и т. п.

Второе полногласіе извѣстно народнымъ русскимъ говорамъ, главнымъ образомъ великорусскимъ, но отчасти и малорусскимъ. Въ литературномъ языкѣ слышатся въ такихъ словахъ не полногласныя формы, а сочетанія *ор, ол, ер, ел* между согласными.

Такъ, въ литературномъ русскомъ языкѣ говорится: *столбъ, полнъ, жердь, молнія, должно, твердъ, серпъ, скатерть, горбъ, верхъ, горнъ*, но въ народныхъ русскихъ говорахъ слышатся: *верехъ, горобъ, доложно, зеренье (зерна), молонья, жередь, столобъ, серепъ, скатереть, смеретка (смерть), тверед*ъ.

И въ литературномъ языкѣ такое второе полногласіе имѣется въ словѣ *веревка* изъ *вьрвька* (церк.-славянское врьвька). Въ малорусскомъ народномъ языкѣ встрѣчается *горонъ, джолонка (желна́*, т.-е. дятель). Такія формы со вторымъ полногласіемъ встрѣчаемъ и въ древнихъ русскихъ рукописяхъ: такъ, напримѣръ, въ одной рукописи (Чудовской Сборникъ) XVI в. читаемъ: *перестня* (перстня).

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что явленіе это очень древнее. Причина его заключается въ томъ, что въ слѣдующемъ за сочетаніемъ *ър, ьр, ъл, ьл* слогѣ слѣдовалъ **ъ** или **ь**, который сталъ неслоговымъ и исчезъ: *пълнъ* измѣнилось въ *пълн*, при этомъ *л* становилось слоговымъ, какъ бы въ возмѣщеніе потери **ъ**; **ъ** исчезало, но слогъ не исчезалъ; слово все-таки произносилось въ 2 слога: пъ — лн; позже *ъ* перешло въ *о*, а изъ слогового *л* развилось новое *о: полонъ*. Такъ же жьрдь перешло въ жь—рд, потомъ въ *жередь*; мълнья въ мъ-лн-ь, потомъ въ *молонья* и т. д. Почти всѣ слова съ такимъ вторымъ полногласіемъ имѣютъ слогъ *ор, ол, ер, ел* предъ **ъ** или **ь**, которые исчезли. Конечно, въ формѣ родит. падежа *вьрха* такое второе полногласіе не должно было развиться, но подъ вліяніемъ *верехъ* стали говорить и *вереха* вмѣсто правильнаго *верха*.

Удлиненіе о, е.

Въ малорусскомъ языкѣ наблюдается еще одно явленіе, связанное съ исчезновеніемъ *ъ, ь*: вслѣдствіе такого исчезновенія въ предыдущемъ слогѣ *о* или *е* удлинялись и затѣмъ измѣнялись въ *и*. Такъ было въ томъ малорусскомъ нарѣчіи, которое лежитъ въ основѣ литературнаго малорусскаго языка: *носъ* перешло въ *нос*, потомъ въ *ніс, попъ* перешло въ *піп*, потомъ въ *пін;* такимъ же образомъ формы: *возъ, соль, рогъ, конь* дали: віз, сіл, ріг, кін (*н*—обозначаетъ *н*—мягкое).

Въ древнихъ памятникахъ удлиненіе *о* передавалось иногда удвоеніемъ буквы *о:* воовьця (овца)—въ Галицкомъ Евангеліи около 1266 года, что соотвѣтствуетъ современному малорусскому *вівця*.

Такимъ же образомъ удлинялось *е* въ *ь*, которое дало затѣмъ въ малорусскомъ то же, что и вообще *ь*: такъ *печь* переходило въ *печ*, т.-е. въ *пьч:* въ современномъ малорусскомъ произносится *піч;* такъ же современное малорусское *біс, ліс* соотвѣтствуетъ русскому *бьсъ, льсъ*.

Въ древнихъ памятникахъ на мѣстѣ такого удлиненнаго *о*— находимъ часто *у, ю: друздъ* (дроздъ), *щюдрѣ, вун* (онъ), *тулько* (только); на мѣстѣ же удлиненнаго *е* пишется ѣ: *пѣчь, камѣнье, зѣлье* и т. д.

Вѣроятно, удлиненное *о* давало двугласный *уо*, а удлиненное *е*—двугласный *ие;* дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ народныхъ малорусскихъ говорахъ такъ и произносится: *куонь* (*н'*—мягкое), *пиеч;* въ другихъ произносится *куинь;* вѣроятно, *кінь* и получилось изъ *куинь*, а *піч* изъ *пиеч.*

Судьба гласнаго ѣ.

Въ древнѣйшихъ XI вѣка рукописяхъ русскихъ буква ѣ вездѣ пишется правильно тамъ, гдѣ она писалась въ древнихъ церковно-славянскихъ. Писецъ Остромирова Евангелія сбивался въ написаніи ѧ и ѫ и писалъ иногда ю на мѣстѣ ѧ и оу на мѣстѣ ѫ, но онъ никогда не писалъ *е* или *и* вмѣсто ѣ. Это доказываетъ, что ѣ существовалъ въ его время въ русскомъ языкѣ, какъ особый звукъ, отличный отъ *е*. Однако съ теченіемъ времени произношеніе этого звука измѣнилось у русскихъ такимъ образомъ, что въ однихъ нарѣчіяхъ ѣ стало произноситься, какъ *е*, въ другихъ—какъ *и*. А именно: ѣ стало произноситься, какъ *е*, въ большинствѣ великорусскихъ говоровъ; такъ произносятъ его и въ литературномъ языкѣ; мы произносимъ въ сущности — *лето, место, белый*, хотя пишемъ *лѣто, мѣсто, бѣлый*. Въ малорусскомъ ѣ стало произноситься, какъ *и: літо, місто, білый*. Но и въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ оно произносится такъ же; такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ярославской, Олонецкой, Вологодской, Вятской губерній говорятъ: въ мистѣ, въ впрѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вологодской и Тверской губерній (въ Волочкѣ) говорятъ и мисто, вик, лито, т.-е. *ѣ* произносится, какъ *и*, предъ твердымъ слогомъ.

Есть такіе малорусскіе говоры, въ которыхъ *ѣ* произносится, какъ двугласный *ие*: *виек, лието, миесто*. Вѣроятно, такъ произносили ѣ первоначально всѣ русскіе; изъ *ие* въ однихъ говорахъ получилось *и*, въ другихъ—*е*.

Измѣненіе ѣ въ *е* въ великорусскомъ нарѣчіи произошло очень давно: по крайней мѣрѣ, въ XIV вѣкѣ; въ великорусскихъ памятникахъ XV вѣка смѣшеніе *ѣ* и *е* уже обычно. Точно такъ же очень рано ѣ въ большей части малорусскаго нарѣчія измѣнилось въ *и*; въ южно-русскихъ памятникахъ XIV вѣка, обыкновенно, вмѣсто ѣ пишется *и*.

Такимъ образомъ, въ нашемъ литературномъ языкѣ звуки ѣ и *е*, первоначально различавшіяся, совпали въ одномъ звукѣ, а память о томъ, что былъ когда-то особый звукъ ѣ, сохраняется въ нашемъ правописаніи. При этомъ, однако, мы въ нѣкоторыхъ словахъ потеряли старое *ъ* и на письмѣ: мы пишемъ неправильно *е* въ словахъ: *песокъ, дремать, ведро, колебать, кусель, колыбель, летать*,—во всѣхъ этихъ словахъ въ древнѣйшихъ церковнославянскихъ памятникахъ пишется ѣ.

Съ другой стороны, мы неправильно пишемъ ѣ въ словахъ: *змѣя, брадобрѣй*; здѣсь въ старину не было звука ѣ, но звукъ *е*.

Гласные е, о.

Гласные *е* и *о* въ русскомъ языкѣ также не остались безъ измѣненія. Какія это измѣненія, мы отчасти уже видѣли, мы видѣли, что въ малорусскомъ *о* и *е*, если въ слѣдующемъ слогѣ исчезъ звукъ ъ или ь, удлинялись, почему *возъ* измѣнялось въ *во̄з*, *печь* въ *пе̄ч*, а потомъ отсюда получились *віз, ніч*. Кромѣ того, очень рано *е* измѣнялось въ *о* послѣ смягченныхъ согласныхъ j (й), ч, ж, ш, ц; измѣненіе это находимъ и въ малорусскомъ, и въ великорусскомъ, и въ бѣлорусскомъ нарѣчіи. Въ народныхъ великорусскихъ говорахъ слышится *жона́, йому́, чого́* и въ малорусскомъ также—*жона́, чого́, його́, чо́боты*; формы эти, конечно, получились изъ болѣе древнихъ *жена́, йего́, чего́, че́боты*.

Кромѣ того, въ великорусскомъ и въ бѣлорусскомъ *е* перешло въ *о* и послѣ другихъ согласныхъ: *село́, весна* измѣнились въ народныхъ говорахъ въ *сёло, вёсна* (т.-е. с'оло́, в'осна съ *с, в* мягкими).

Переходъ *е* въ *ё* (*'о*) былъ возможенъ только предъ твердымъ слогомъ, предъ мягкимъ же сохранялось *е*; затѣмъ формы одного и того же слова съ *е* и *о* могли вліять другъ на друга. Такъ, напримѣръ, въ малорусскомъ находимъ форму *жену́* (гоню), а ожидали бы *жону́*; вѣроятно, *жену́* явилось подъ вліяніемъ *жене́ш* (гонишь), гдѣ *е* было предъ мягкимъ слогомъ. Малорусское *лице* вмѣсто ожидаемаго *лицо* получилось, вѣроятно, подъ вліяніемъ *поле, море* и т. п.: въ малорусскомъ вѣдь послѣ *р, л—е* не переходило въ *о*, а только послѣ *й, ч, ж, ш, ц*.

Аканіе.

Гласные *о* и *е* въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ языкѣ подверглись еще одному измѣненію, которое называется «аканьемъ». Неударяемое *о* перешло въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ въ *а*: *вода́* стало произноситься, какъ *вада́, нога́*—какъ *нага́* и т. д., пишемъ мы во всѣхъ такихъ случаяхъ *о*, но произносимъ *а*; *о* мы произносимъ только подъ удареніемъ: *во́ду, но́гу*; малороссы

же произносятъ *о* и безъ ударенія: *водá*, *ногá*. Этотъ переходъ неударяемаго *о* въ *а* находимъ уже въ рукописяхъ XIV вѣка: въ одномъ московскомъ евангеліи 1339 года читаемъ: *въ апустьв шии земли*. Какъ неударяемое *о* измѣняется въ *а*, такъ *е* въ народныхъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ произносится, будучи неударяемымъ, какъ я: *бярý*; *е* измѣняется въ *я* только предъ твердымъ слогомъ, предъ мягкимъ же *е* произносится въ великорусскихъ говорахъ, какъ и: *нидéля*, *миня́* (недѣля, меня); такъ произносится и въ литературномъ языкѣ; при этомъ измѣняется въ *я* и то *е*, которое получилось изъ болѣе древняго *ѣ*: *дилíть* (дѣли́ть).

Согласные к, г, х.

Одно изъ очень древнихъ явленій русскаго языка въ области звуковъ представляетъ собою измѣненіе согласныхъ *к*, *г*, *х* изъ твердыхъ въ мягкіе; лучше сказать: задненёбные *к*, *г*, *х* измѣнились въ передненёбные.

Первоначально наши предки, какъ и другіе славяне, произносили слоги: *кы*, *гы*, *хы*, но не знали слоговъ *ки*, *ги*, *хи*, *ке*, *ге*, *хе*; произносили, напримѣръ, *Кыевъ*, *гыбель*, *хыжина*, затѣмъ произношеніе это измѣнилось въ *Кіевъ*, *гибель*, *хижина*. Раньше это измѣненіе произошло въ южно-русскихъ говорахъ, а затѣмъ и въ остальныхъ. Въ южныхъ говорахъ это произошло уже въ XII вѣкѣ; въ Юрьевскомъ Ев., написанномъ около 1120 года, читаемъ: *великии*, въ Галицкомъ Ев. 1144 года — *птицямъ небесьскімъ*.

Согласные ч, ш, ж, ц.

Если согласные нёбные к, г, х были первоначально твердыми, а позже стали мягкими, то, наоборотъ, согласные ч, ш, ж, ц были первоначально мягкими, а потомъ отвердѣли.

Первоначально произносилось: *овьця*, *чяша*, *нашя*, *ножя*. Но теперь мы произносимъ *овца*, *чаша*, *наша*, *ножа*, *жыла*, *шыло*, *жызнь*, *слышышь*, *цыфра*; мягче другихъ произносится *ч*: *читать*, а не *чытать*; въ малорусскомъ, наоборотъ, мягче другихъ ц: *вівця*.

Примѣры отвердѣнія ц, ш, ж встрѣчаются уже въ рукописяхъ XIV вѣка: слышышь, межы, языцы и т. п.

Мягкость согласныхъ.

Въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіи всѣ согласные предъ гласнымъ *е* смягчились: мы произносимъ небо, веду, деру и т. п. съ мягкими н, в, д; между тѣмъ въ болгарскомъ, сербскомъ, чешскомъ языкахъ согласные предъ *е* произносятся твердо. Такъ же, т.-е. твердо, произносятся они предъ *е* и въ малорусскомъ языкѣ: *село*, *небо* произносятся какъ сэло, нэбо.

Повидимому, первоначально такъ произносили всѣ славяне; но въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ согласные предъ *е* смягчились очень рано,—можетъ-быть, уже до XI вѣка.

Сонорный л. Кромѣ указанныхъ, болѣе важныхъ явленій русскаго языка, можно указать цѣлый рядъ другихъ, болѣе мелкихъ явленій. Такъ, напримѣръ, въ малорусскомъ, бѣлорусскомъ и въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ сонорный *л* произносится, какъ неслоговое ў, т.-е. вмѣсто *далъ* говорятъ даў; въ старыхъ памятникахъ юго-западнаго происхожденія находимъ такія написанія, какъ *довъ* вмѣсто *долъ*: вѣроятно, произносилось оно—*доўъ*.

Сонорный р. Въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ отвердѣлъ сонорный р: уже въ древнихъ памятникахъ, относящихся къ этимъ говорамъ, находимъ такія написанія, какъ: *расшираютъ, обращетъ* вмѣсто *расширяютъ, обрящетъ*; въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ произносятъ вмѣсто *р* мягкаго твердое *р* и йотъ предъ слѣдующимъ гласнымъ: ръядъ т.-е. рйадъ.

Согласный в. Въ цѣломъ рядѣ русскихъ говоровъ: въ малорусскихъ, бѣлорусскихъ, нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ и въ нѣкоторыхъ южно-великорусскихъ говорахъ согласный *в* произносится какъ ў (у неслоговое), т.-е. вмѣсто *вдова, внукъ, все* произносится: *удова, унукъ, усе*. И въ древнихъ рукописяхъ XIII—XIV—XV вѣковъ находимъ: *уторникъ, у праздникъ, у льсьхъ, унукъ, узяти* и т. д.

Наоборотъ, первоначальное *у* измѣнялось въ *в*: *завтреня, навчи, вѣшима (ушами), во встьхъ (въ устахъ), въ отца мосго*— такіе примѣры въ древнихъ памятникахъ нерѣдки; такъ получилось и наше литературное слово *завтра* изъ за-утра. Въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ: говорятъ своеў рукоў вмѣсто *своею рукою*, т.-е. конечное у стало неслоговымъ, а йотъ предъ нимъ исчезъ.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ согласный *в* перешелъ въ неслоговое ў, а это ў предъ гласнымъ *у* совсѣмъ исчезло: говорятъ *дьушка, лоушка*; такъ получились и названія деревень: *Дьулино* изъ *Дьвулино*. *Льушино* изъ *Львушино*. *Плаутино* изъ *Плавутино*.

На другихъ, болѣе мелкихъ явленіяхъ въ исторіи русскаго языка, относящихся къ звукамъ, не будемъ останавливаться, обратимся къ вопросу, какія явленія произошли въ исторіи русскаго языка въ области грамматическихъ формъ.

XXIV. Измѣненія въ области русскихъ грамматическихъ формъ. Склоненіе.

Съ XI вѣка и до нашего времени многое измѣнилось въ русскомъ языкѣ не только въ звукахъ его, но и въ грамматическихъ формахъ, т.-е. въ склоненіи и спряженіи.

Склоненіе существительныхъ.

Мы знаемъ уже, что въ древнѣйшія времена не всѣ имена существительныя одного рода склонялись, т.-е. измѣнялись по падежамъ и числамъ одинаково. Существовали различныя основы именъ, изъ соединенія этихъ основъ со старыми окончаніями падежей получались формы несходныя.

Такимъ образомъ, нѣкоторыя имена мужескаго рода склонялись такъ:

Ед. ч.	*Мн. ч.*
Им. рабъ	Им. раби
Род. раба	Род. рабъ
Дат. рабу	Дат. рабомъ
Вин. рабъ	Вин. рабы
Тв. рабомъ	Твор. рабы
Мѣстн. рабѣ	Мѣстн. рабѣхъ
Зват. рабе.	Зват. раби.

Другія имена мужского рода склонялись иначе:

Ед. ч.	*Мн ч.*
Им. сынъ	сынове
Род. сыну	сыновъ
Дат. сынови	сынъмъ
Вин. сынъ	сыны
Твор. сынъмь	сынъми
Мѣст. сыну	сыновѣхъ
Зват. сыну.	сынове.

Также имена женскаго рода и средняго рода склонялись не одинаково:

Им. *вода*,	но *кость*, *мати*	село, слово
Род. *воды*,	но *кости*, *матере*	села, словесе
Дат. водѣ	кости, *матери*	селу, словеси и т. д.

Эти различія въ окончаніяхъ еще сохраняетъ въ значительной мѣрѣ древній церковно-славянскій языкъ.

Смѣшеніе основъ.

Но въ русскомъ языкѣ эти склоненія различныхъ основъ уже въ древнѣйшее время, уже при началѣ русской письменности, въ XI вѣкѣ, начали смѣшиваться.

Если мы познакомимся съ древнѣйшими русскими рукописями,—Остромировымъ Евангеліемъ 1056 г., Сборникомъ Святославовымъ 1073 г., Сборникомъ Святославовымъ 1076 г. и другими, то легко въ этомъ убѣдимся. Именъ, которыя склонялись, какъ *сынъ* (род. *сыну*, дат. *сынови*), было очень немного, и они стали терять свои особыя окончанія еще до XI вѣка, но въ то же время имена богъ, рабъ и т. п. (род. *бога, раба*) стали принимать окончанія именъ сынъ и т. п. *(домъ, медъ, полъ, вьрхъ)*. Въ Святославовомъ сборникѣ 1073 г. читаемъ: *отъ льну* вмѣсто *отъ льна*, въ смоленской грамотѣ около 1230 г.: *богови* вмѣсто *богу*, въ другихъ памятникахъ XII—XIII вѣка находимъ формы: *въ пиру, на трьу, на снѣу, на воску*, а между тѣмъ болѣе старыя, болѣе правильныя формы отъ этихъ словъ оканчивались на ѣ: въ пирѣ, на трьзѣ, на снѣзѣ, на восцѣ.

Такимъ образомъ, уже съ древнѣйшихъ временъ стали путаться въ русской рѣчи окончанія именъ: *рабъ, богъ* и т. п. и окончанія именъ *сынъ, медъ* и т. п.

Въ концѣ-концовъ получилось въ русскомъ языкѣ одно склоненіе именъ мужескаго рода твердаго окончанія; въ этомъ склоненіи одни окончанія взяты изъ склоненія *рабъ*, а другія—изъ склоненія *сынъ*.

Мы говоримъ: *сына* вмѣсто сыну (род. п.) и, наоборотъ, *много песку* (вмѣсто *песка*); мы говоримъ: *въ лесу́, на снегу́, въ шелку́*, но *на моро́зъ, на поро́гъ*, а когда-то всѣ эти имена имѣли только окончаніе ѣ въ мѣстномъ падежѣ. Вмѣсто стараго *сынови* мы говоримъ: *сыну* (дат. п.), но въ малорусскомъ языкѣ очень распространено, наоборотъ, окончаніе—ови: *богові*.

Звательный падежъ у насъ потерялъ совсѣмъ свое старое окончаніе и уравнялся съ именительнымъ: Иванъ! человѣкъ! Сохранился лишь звательный падежъ въ словѣ *Боже!* Но въ малорусскомъ языкѣ звательный падежъ оканчивается на е или на у: куме! чоловіче! сынку! Сохраняется звательный падежъ и въ бѣлорусскомъ языкѣ.

Во множественномъ числѣ у насъ въ литературномъ языкѣ и въ великорусскихъ говорахъ окончаніе *ове* почти исчезло: только въ народныхъ пѣсняхъ (былинахъ) попадается: *татарове* и т. п. Въ малорусскомъ языкѣ это окончаніе *(ове)* попадается чаще.

Въ родительномъ падежѣ множественнаго числа одни имена имѣютъ окончаніе: *овъ*, а другія никакого окончанія, т.-е. въ нихъ

исчезло окончаніе ъ: *много разъ, сколько глазъ*. но—*усовъ, рабовъ, боковъ, орловъ, псовъ*: большею частью, окончаніе *овъ* употребляется въ именахъ одушевленныхъ предметовъ.

Въ дательномъ, творительномъ и мѣстномъ падежахъ множественнаго числа и имена, какъ *сынъ*. и имена, какъ *рабъ*. потеряли свои старыя окончанія и приняли окончанія такихъ именъ, какъ *слуга, воевода*: вмѣсто старыхъ формъ *сынъмъ, сынъми, сынъхъ*. что должно было дать *сыномъ, сынми, сынохъ* и вмѣсто старыхъ *рабомъ, рабы* (твор. п.), *рабыхъ* у насъ употребляются формы: *сынамъ, сынами, сынахъ; рабамъ, рабами, рабахъ*. Эти формы сложились по образцу формъ: *слугамъ, слугами, слугахъ*.

Форма именительнаго падежа множественнаго числа у насъ въ литературномъ языкѣ и въ великорусскихъ говорахъ исчезла, и вмѣсто нея употребляется форма винительнаго падежа множественнаго числа: вмѣсто *раби* им. мн. и *сыновс* мы говоримъ: *рабы, сыны*, а это первоначально были формы винительнаго падежа.

Формы винительнаго падежа единственнаго и множественнаго числа въ именахъ одушевленныхъ предметовъ замѣнились у насъ формами родительнаго падежа: вмѣсто болѣе стараго: *видѣхъ братъ твой* мы говоримъ: *я видѣлъ брата твоего;* вмѣсто *сваты*.— винительный падежъ множественнаго числа—мы употребляемъ форму *сватовъ*, а это собственно форма родительнаго падежа множественнаго числа.

Въ именахъ предметовъ неодушевленныхъ сохраняются старыя формы винительнаго падежа: *принеси стулъ, продай столы*.

Формы двойственнаго числа отъ такихъ именъ, какъ *сынъ*, и отъ такихъ, какъ *рабъ*. тоже встарину различались: но формы двойственнаго числа исчезли совсѣмъ въ русскомъ языкѣ.

Въ старыхъ русскихъ рукописяхъ мы встрѣчаемъ ихъ еще до XIV вѣка: *съ двѣма сыномa, съ сынма своима* (вторая форма старѣе, первая сложилась по образцу *рабома*). Но уже въ XIII в. въ рукописяхъ нашихъ употребляются иногда формы множественнаго числа вмѣсто формъ двойственнаго: *помози рабомъ своимъ Ивану и Олексію* (вмѣсто *рабома своима*).

Въ нашемъ языкѣ сохранилась лишь форма именительнаго падежа и винительнаго падежа двойственнаго числа: *два раба, два человька, два стола*, но мы не чувствуемъ эту форму, какъ форму двойственнаго числа, когда говоримъ: *я купилъ два стола*.

Мягкое склоненіе мужескаго рода.

Итакъ, наше склоненіе именъ мужескаго рода съ твердымъ окончаніемъ *(рабъ, сынъ)*, составилось изъ двухъ различныхъ склоненій.

Такимъ же образомъ, мужское склоненіе именъ съ мягкимъ окончаніемъ составилось изъ двухъ склоненій, первоначально различныхъ.

Одни имена, какъ, напримѣръ, *конь*, склонялись слѣдующимъ образомъ:

Ед. ч.	*Мн. ч.*
Им. конь	кони
Род. коня	коней
Дат. коню	конемъ
Вин. конь	коней
Твор. конемъ	кони
Мѣстн. кони	конихъ
Зват. коню.	кони.

Другія имена, какъ, напримѣръ, *гость* склонялись иначе:

Ед. ч.	*Мн. ч.*
Им. гость	гости
Род. гости	гостей
Дат. гости	гостьмъ
Вин. гость	гости
Тв. гостьмь	гостьми
Мѣстн. гости	гостьхъ
Зват. гости.	гости.

Въ нѣкоторыхъ падежахъ эти имена оканчивались такъ же, какъ и имена въ родѣ *конь:* имен. и вин. един. *конь* и *гость;* твор. *конемь* и *гостьмь*, которое тоже дало *гостемь*, такъ какъ ь перешелъ въ е; имен. множ. *кони* и *гости;* дат. множ. *конемъ* и *гостьмъ*. что дало *гостемъ*.

Эти совпаденія повели къ тому, что эти два ряда именъ смѣшались; получилось одно склоненіе; *гость* склоняется теперь, какъ *конь: гостя. гостю* и т. д. Въ то же время для родительн. пад. множ. ч. удержалось окончаніе такихъ именъ, какъ *гость: гостей* и *коней* (вмѣсто первоначальнаго *конь*). Форма винит. пад. мн. ч. *конь* на ѣ постоянно встрѣчается въ древнихъ нашихъ рукописяхъ, но въ нашемъ языкѣ она исчезла: мы говоримъ *коней*, т.-е. род. пад. множ. ч. употребляемъ вмѣсто винительнаго, а въ именахъ неодушевленныхъ предметовъ винительн. пад. множ. ч. оканчивается у насъ на *и: дай гвозди* и т. п. Въ дат., твор. и мѣстн. падежахъ множ. числа у насъ также потеряны старыя окончанія: вмѣсто старыхъ формъ: *конемъ, кони. конихъ* у насъ

употребляются формы *конямъ, коняхъ*, которыя сложились по образцу: *рабамъ, рабами, рабахъ*, а эти, какъ мы видѣли, по образцу *слугамъ, слугами, слугахъ*.

Формы двойственнаго числа отъ такихъ именъ, какъ *конь, гость*, также существовали въ древнемъ языкѣ, но потеряны нами.

Старыя формы именъ *гость, тать, зять, тесть* еще встрѣчаются въ старыхъ русскихъ рукописяхъ, но очень рѣдко: *къ зяти, гости новгородьскому*. Въ старыхъ рукописяхъ находимъ даже, что имена въ родѣ *конь* склонялись въ нѣкоторыхъ падежахъ не по старинѣ, но какъ *гость*: вмѣсто старыхъ формъ *мужи, мечи* твор. пад. множ. ч. встрѣчается, напримѣръ, въ рукописяхъ XII вѣка *мужьми, мечьми*, какъ было *гостьми*.

Необходимо также отмѣтить, что старая форма мѣстнаго падежа *(на) кони* замѣнилась въ русскомъ языкѣ формой (на) *конь*, которая явилась по образцу формъ (о) *рабѣ*, (на) *столѣ* и т. п.

Имена мужескаго рода *камы, пламы, ячмы* когда-то склонялись по особому склоненію:

Ед. ч.	*Мн. ч.*
Им. камы	камене
Род. камене	каменъ
Дат. камени	каменьмъ
Вин. камень	камени
Тв. каменьмъ	каменьми
Мѣстн. камени	каменьхъ

Форма имен. падежа исчезла въ нашемъ языкѣ и вмѣсто нея употребляется форма винит. падежа: *камень, пламень, ячмень;* да и вообще склоненіе это исчезло; слово *камень* мы склоняемъ какъ *конь: камня, камню, камнемъ* и т. д.; слова *пламень* и *ячмень* не потеряли своего *е* предъ *н*, какъ камень (камня), но *пламень* склоняется иначе, чѣмъ *ячмень;* ячмень—измѣняется, какъ *камень* (ячменя, ячменю), но отъ *пламень* род. пад. *пламени* и мѣстный тоже—*пламени*.

Имена средняго рода.

Имена средняго рода также склонялись не всѣ одинаково. Одни склонялись такъ:

Ед. ч.	*Мн. ч.*
Им. Вин. Зв. село	села
Род. села	селъ
Дат. селу	селомъ
Твор. селомъ	селы
Мѣстн. селѣ.	селѣхъ.

Другія имѣли иныя окончанія:

Ед. ч.	*Мн. ч.*
Им. Вин. Зв. слово	словеса
Род. словесе	словесъ
Дат. словеси	словесьмъ
Твор. словесьмъ	словесы
Мѣстн. словеси.	словесехъ.

Такъ склонялись и дерево, небо, чудо, коло.

Но уже въ древнихъ рукописяхъ русскихъ старыхъ формъ второго рода (*словесе* и т. д.) почти не встрѣчаемъ, встрѣчаемъ, напримѣръ, *неба* вмѣсто *небесе* и т. п.

Мы теперь склоняемъ *дерево, небо, чудо*, какъ и *село*: *неба — дерева—чуда*; *небу—дереву—чуду* и т. д. Сохранились лишь старыя формы множ. числа: *чудеса, небеса, чудесъ, небесъ* и т. д., а слово *коло*, родительн. *колесе*, стало склоняться: *колесо, колеса, колесу* и т. д.

Было также особое склоненіе средняго рода:

Им. Вин. Зв. теля	
Род. теляте	
Дат. теляти	
Твор. телятьмъ	
Мѣстн. теляти.	

Это склоненіе также исчезло въ единственномъ числѣ: только *дитя* въ литературномъ языкѣ сохранило старыя формы: род. п. *дитяти* (вмѣсто дитяте), дат. *дитяти*.

Но вмѣсто *теля, порося* мы употребляемъ формы *теленокъ, поросенокъ;* однако нѣкоторыя старыя формы множ. числа еще сохраняются: *телята—телятъ, поросята—поросятъ*.

Слово *имя* сохранило нѣсколько измѣненное старое склоненіе.

Въ старину склонялось: *имя, имене, имени, именьмъ, имени;* теперь: *имя, имени, имени, именемъ, имени;* формы множ. числа: *имена, имёнъ*, старыя: по *именамъ, именами, именахъ*—вмѣсто старыхъ: *именьмъ, имены, именьхъ*—сложились подъ вліяніемъ *селамъ, селами, селахъ*.

Имена женскаго рода. Имена женскаго рода сохранили свое старое склоненіе лучше другихъ. Они склонялись двояко:

	Ед. ч.	*Мн. ч.*
1.	Им. кость	кости
	Род. кости	костей (костіи)
	Дат. кости	костьмъ (костемъ)
	Вин. кость	кости
	Тв. костью	костьми
	Мѣстн. кости	костьхъ (костехъ).

	Ед. ч.	*Мн. ч.*
2.	Им. вода, земля	воды, земли
	Род. воды, землѣ	водъ, земль
	Дат. водѣ, земли	водамъ, землямъ
	Вин. воду, землю	воды, землѣ
	Тв. водою, землею	водами, землями
	Мѣстн. водѣ, земли.	водахъ, земляхъ.

Такъ склонялись имена женскаго рода съ окончаніемъ а, я и окончаніемъ ь въ древне-русскомъ языкѣ.

Въ склоненіи *кость* и т. п. (печь, ночь, грязь) не произошло почти никакихъ перемѣнъ; только вмѣсто старой формы *костемъ* мы имѣемъ форму *костямъ*; она явилась подъ вліяніемъ формы *землямъ*. Въ нѣкоторыхъ именахъ также явилось—ями, ами въ творит. падежѣ множ. числа: ночами, грязями, печами: но мы еще употребляемъ старую форму *костьми*, рядомъ съ *костями*.

Вмѣсто *костехъ* въ мѣстномъ падежѣ явилось *костяхъ*,—тоже подъ вліяніемъ *земляхъ*.

Въ склоненіи именъ *вода*, *жена* и т. п. не измѣнилось ничего. Въ склоненіи именъ въ родѣ *земля* древне-русскій языкъ отличался тѣмъ, что родит. един. числа и имен.-вин. множ. числа имѣли окончаніе ѣ: *земль*.

Это старое окончаніе мы потеряли и замѣнили форму *земль* формой *земли*, подъ вліяніемъ воды: послѣ твердаго согласнаго *ы*, а послѣ мягкаго *и*.

Наоборотъ, въ дательн. и мѣстн. падежахъ един. числа вмѣсто старой формы *земли* у насъ явилась *земль* подъ вліяніемъ *жены*, *воды*. Двойственное число именъ женскаго рода, конечно, потеряно.

Въ древнемъ языкѣ были еще имена женскаго рода на и: *молніи*, *господыни*, которыя въ остальныхъ падежахъ склонялись такъ же, какъ и *земля*: род. молніи, дат. молніи, вин. молнію и т. д. Въ этихъ именахъ въ имен. падежѣ един. числа вмѣсто *и* явилось *я*: подъ вліяніемъ *братия* стали говорить *молтия*, *господыня*.

Имена муж. рода съ окончаніемъ а.

Такъ же, какъ и имена женскаго рода на а, склонялись и нѣкоторыя имена мужескаго рода: *слуга, воевода, судии:* о нихъ можно сказать то же, что и объ именахъ женскаго рода съ тѣми же окончаніями; имена *слуга, воевода* сохранили свои старыя окончанія: *судии* измѣнилось въ *судія*, какъ и *молии* —въ *молія*.

Имена муж. рода на а во множ. числѣ.

Мы видѣли выше, что имена мужескаго рода въ имен. множ. числа оканчиваются на ы, и: враги, боги, рабы. Однако нѣкоторыя имена мужескаго рода имѣютъ окончаніе а, я: *лѣсá, берегá, бокá, городá*; *учителя́, профессорá* и т. д.

Другія имена оканчиваются на-ья: *зятья́, шурья́, кумовья́, дядья́* и т. п.

Чтобы понять, какъ эти формы явились, нужно помнить, что нѣкоторыя такія формы были первоначально формами имен. падежа двойствен. числа: *бокá, берегá* обозначало два бока, два берега; когда двойственное число исчезло, то формы эти получили значеніе формъ множ. числа. Имѣло значеніе и то обстоятельство, что имена женскаго рода *дружина, господа* и т. п. имѣли собирательное значеніе, обозначали множество предметовъ: такое же значеніе имѣли и такія формы, какъ *братія*; подъ вліяніемъ *бокá, берегá, дружи́на* явились и формы *городá, лѣсá, офицера, профессора, учителя*; подъ вліяніемъ *брáтія* (им. един. числа) что значило и *брáтья* (им. множ. числа) явилось и *зятья́, шурья, кумовья*.

Формы имени прилагательнаго.

Прилагательное имѣло въ древне-русскомъ двоякое склоненіе. Формы краткія: *красенъ, красна, красно; добръ, добра, добро* склонялись, какъ существительныя: *добръ*, какъ *рабъ, добра*,—какъ *вода*; *добро*—какъ *село;* такъ же *синь, синя, сине* склонялись, какъ *конь, земля, поле*. Формы краткія прилагательнаго сохранились еще въ народныхъ пѣсняхъ: *добра-молодца* (вин. п.): *красна дѣвица:* но въ литературномъ языкѣ онѣ исчезли.

Полныя формы прилагательныхъ образовывались отъ краткихъ путемъ прибавленія соотвѣтствующихъ формъ мѣстоименія и (онъ), ꙗ (она), іѥ (оно).

Получались формы: *добрый, добрая, доброе;* род. пад. добраго, добрыеѣ, добраго; дат. п.—добруему, добрѣеи, добруему и т. д.

Въ церковно-славянскихъ памятникахъ были формы: добрый, добрая, доброе, добрааго, добрыѧ, добрааго, доброуоумоу, добрѣей, доброуоумоу и т. д.

Формы: *добрааго, доброуоумоу* потомъ измѣнялись въ *добраго, добруму* въ силу того, что *аа, уу* стягивались въ *а, у*. И въ древнихъ русскихъ рукописяхъ попадаются такія формы, особенно часто въ рукописяхъ церковнаго содержанія. Но въ грамотахъ народныхъ чаще встрѣчаемъ формы: *доброго, доброму, доброй* и т. п. Эти формы сложились подъ вліяніемъ формъ мѣстоименія: *того, тому, той*; *одного, одному, одной* и т. д.

Эти формы употребительны и нынѣ въ нашемъ народномъ и даже литературномъ языкѣ: мы пишемъ *добраго*, но *слѣпóго* и подъ удареніемъ ясно произносимъ *о*.

Въ имен. падежѣ муж. р. въ нашемъ литературномъ языкѣ произносится—*ый* не подъ удареніемъ: *добрый*, но—*ой* подъ удареніемъ: *слѣпóй*. Въ народныхъ же говорахъ сѣверно-великорусскихъ *о* слышится и не подъ удареніемъ: говорятъ не только *слѣпóй*, но и *дóброй*.

Не стану разбирать всѣ формы прилагательныхъ, но отмѣчу лишь, что наше правило правописанія, по которому мы пишемъ во множ. ч. *добрыя жены, добрыя дѣти*, но *добрые мужья*, ни на чемъ собственно не основано; придумали его очень неудачно; въ самомъ дѣлѣ: произносимъ мы одинаково: *добрыи*, а въ старину и писали и произносили не одинаково, однако не такъ, какъ мы пишемъ. Старая форма им. п. мн. ч. муж. р. была *добрии* женскаго рода *добрыѣ*, средняго—*добрая*.

Теперь сдѣлаю еще нѣсколько замѣчаній о склоненіи мѣстоименій и числительныхъ.

Мѣстоименія. Въ древне-русскихъ памятникахъ еще встрѣчается форма *язъ*, изъ которой получилось наше *я*; вмѣсто современныхъ *тебѣ, себѣ*—дат. и мѣстн. падежъ—въ древне-русскомъ употреблялись формы *тобѣ, собѣ*; формы эти, однако, не первоначальны; онѣ явились подъ вліяніемъ формъ *тобою, собою*.

Числительное. Числительное *два* въ старину склонялось такъ же, какъ и имена существительныя въ двойственномъ числѣ: род. и мѣстн. падежъ былъ *дву*, дат. и твор. *двѣма*; эти старыя формы исчезли и на мѣстѣ ихъ явились новыя: *двухъ, двумъ, двумя*. Формы *двухъ* и *двумъ* явились подъ вліяніемъ формъ: *трехъ, тремъ, четырехъ, четыремъ*.

Сложныя *одинъ на десять, два на десять* или *пять десятъ: шесть десятъ*, склоняясь, измѣняли въ древнемъ языкѣ только первую часть: *по семи десятъ, семью десять*; теперь мы склоняемъ только вторую часть: *двѣнадцати, двѣнадцатью*, или же обѣ части: *пятидесяти, пятьюдесятью* и т. п.

XXVI. Спряженіе.

Глагольныя формы такъ же, какъ и формы именъ, подверглись съ XI вѣка въ русскомъ языкѣ многимъ измѣненіямъ.

Формы настоящаго времени.

Знакомясь съ древне-русскими рукописями, мы замѣчаемъ, что формы настоящаго времени въ глаголахъ имѣли не во всемъ такія же окончанія, какъ иные славянскіе языки. Въ др.-ц.-слав. языкѣ одни глаголы оканчивались въ 1 л. ед. ч. настоящаго времени на—мь и спрягались слѣдующимъ образомъ:

ѣсмь, вѣмь, дамь, ѣмь.
ѣси, вѣси, даси, ѣси.
ѣсть, вѣсть, дасть, ѣсть.
ѣсмъ, вѣмъ, дамъ, ѣмъ.
ѣсте, вѣсте, дасте, ѣсте.
ѧтъ, вѣдѧтъ, дадѧтъ, ѣдѧтъ.

(Были и формы двойственнаго числа).

Другіе глаголы имѣли иныя окончанія:

несѫ, молѭ.
несеши, молиши.
несетъ, молитъ.
несемъ, молимъ.
несете, молите.
несѫтъ молѧтъ.

Древне-русскій языкъ имѣлъ оба эти спряженія, но во второмъ изъ нихъ окончанія были нѣсколько иныя: *несу, несешь, несетъ, несемъ, несете. несутъ.* Такимъ образомъ, во 2 л. ед. ч. окончаніе было — *шь*, въ 3 л. ед. и мн. ч. — *ть*, тогда какъ въ др.-ц.-славян. языкѣ было *ши* и *тъ*. Въ нашемъ языкѣ *ь* въ — *шь* и—*ть* исчезло, и согласные *ш* и *т* отвердѣли: первоначально предъ *ь* они были мягкими.

Кромѣ того, въ древнихъ рукописяхъ новгородскаго происхожденія, а также въ псковскихъ и Смоленско-Полоцкой области употребляется форма на—*ме* въ 1 л. мн. ч.: *есме. проливаеме* и т. п.

Въ рукописяхъ, написанныхъ въ южной Руси, употребляется обыкновенно форма съ окончаніемъ—*мо*: *есмо. чинимо* и т. п.

Это послѣднее окончаніе до сихъ поръ употребляется въ малорусскомъ: *ходимо* и т. п. Изъ другихъ славянскихъ языковъ формы 1 л. мн. ч. съ окончаніемъ—*мо* употребляются въ сербскомъ языкѣ: *несемо, молимо* и т. п.

Формы *есмь, еси; вѣмь. вѣси* и т. д. въ нашемъ литературномъ языкѣ вышли изъ употребленія; форма *вѣсть* существуетъ, однако, въ выраженіи «*Богъ вѣсть*». Формы *дамь, ѣмь* сохранились въ видѣ *дам, ѣм* (пишемъ: *дамъ, ѣмъ*), но второе лицо *даси. ѣси* замѣнилось формами *даш, ѣш* (пишемъ: *дашь, ѣшь*) подъ вліяніемъ *несеш, молиш* и т. п. Въ словѣ *ѣмъ* въ русскомъ языкѣ имѣлось *ѣ*, тогда какъ въ церк.-славянскомъ **ѧ**. Форма 3 л. мн. ч. *ѣдятъ* сохранилась старая, отвердѣло лишь конечное *ъ*.

Формы прошедшаго времени.

Формы прошедшаго времени въ церковно-славянскомъ были слѣдующія: такъ называемый аористъ (слово греческое—значитъ *неопредѣленный*), преходящее и прошедшее сложное. Форма аориста обозначала, что дѣйствіе имѣло мѣсто въ прошедшемъ, форма преходящаго обозначала то же самое, но еще значила и то, что дѣйствіе это было длительное; форма сложнаго прошедшаго могла или просто обозначать, что дѣйствіе совершилось или что оно совершилось очень давно (давнопрошедшее).

Такимъ образомъ можно было сказать: 1) несохъ, молихъ, читахъ (аористъ); 2) несѣахъ, молѣахъ, читаахъ (преходящее); 3) неслъ ѥсмь, молилъ ѥсмь, читалъ ѥсмь; 4) неслъ бѣахъ, молилъ бѣахъ, читалъ бѣахъ (давнопрошедшее). Всѣ эти формы значили: *я несъ. я молилъ, я читалъ*. 3-я форма составлялась изъ глагола ѥсмь и причастія: читалъ, молилъ, неслъ. Это были формы причастія прошедшаго времени и имѣли то же значеніе, что наши: *несшій, молившій. читавшій*. 4-я форма составлялась изъ того же причастія и преходящаго времени отъ глагола *быти: бѣахъ*.

Такимъ образомъ форма *молилъ ѥсмь* значила: я (въ настоящее время)—*человѣкъ молившій*, т.-е. я (въ прошедшемъ) молилъ.

Формы аориста и преходящаго измѣнялись по лицамъ и по числамъ: (я) молихъ, (ты) молп, (онъ, она, оно) молп: (мы) молихомъ, (вы) молисте, (они) молиша, (я) молѣахъ, (ты) молѣаше, (онъ) молѣаше и т. д.

Уже въ древнихъ русскихъ рукописяхъ, однако, формы аориста и преходящаго очень рѣдки, если рукопись не представляетъ просто списокъ съ церковно-славянской рукописи. Уже въ XI в., можно думать, аористъ и формы преходящаго времени стали выходить изъ употребленія.

Обыкновенно, на ихъ мѣстѣ употребляется въ древнихъ грамотахъ, напримѣръ, форма сложнаго прошедшаго: (язъ) молилъ есмь, (ты) молилъ еси, (онъ) молилъ есть, (мы) молили есмъ, (вы) молили есте, (они) молили суть.

Съ теченіемъ времени формы вспомогательнаго глагола стали исчезать, опускаться, и такъ получились формы наши: (я) молилъ, (ты) молилъ и т. д.—безъ вспомогательнаго глагола (есмь).

Такимъ образомъ, форма причастія прошедшаго времени (несклоняемая) превратилась въ форму прошедшаго времени.

Давнопрошедшее, конечно, исчезло у насъ совсѣмъ.

Нужно замѣтить, что формы давнопрошедшаго составлялись не только такъ, какъ было сказано выше: *молилъ бѣахъ*, но и такимъ образомъ: *молилъ былъ есмь* или *жилъ былъ есть*. Эта старая форма давнопрошедшаго времени до сихъ поръ сохранилась у насъ въ началѣ сказокъ: *Жилъ былъ царь...*: здѣсь пропущено только *есть*.

Будущее время.

Будущее время въ русскомъ языкѣ образуется, обыкновенно, изъ глагола *буду* и неопредѣленнаго наклоненія глагола: *буду молить, буду читать*.

Можно также въ значеніи будущаго времени употреблять форму настоящаго времени съ предлогомъ: *пойду, прочту, умолю* и т. д.

Такъ же образовывалось будущее время и въ древности въ русскомъ языкѣ, но вмѣсто *буду* ставилось *хочу, имамъ* и *начьну*: *имамъ пить, начьну читать, хочу видѣть*.

Въ малорусскомъ и теперь будущее время образуется помощью глагола (п)му: питиму, ходитиму, битимеш, любитиме и т. п. образовались изъ *пити иму, ходити иму, бити имеш* и т. д.

Въ древне-русскомъ языкѣ существовали еще формы будущаго совершеннаго, которыя составлялись изъ причастій на—*лъ* и глагола *буду*: *кто будетъ началъ, что буду судилъ* и т. п. Эти формы въ нашемъ языкѣ исчезли; но въ польскомъ языкѣ подобныя формы,—bede czytal (бе"де чытал),—существуютъ до сихъ поръ.

Формы повелительнаго наклоненія.

Повелительное наклоненіе оканчивалось въ древности не во всѣхъ глаголахъ одинаково.

Отъ глаголовъ: *вѣмь, дамь, ѣмь* формы эти звучали: *вѣжды—вѣдите, даждь—дадите, ѣжды—ѣдите*: въ настоящее время формы эти исчезли: мы говоримъ *дай, дайте, ѣшь, ѣште*, а глаголъ *вѣмь* и формы отъ него у насъ вовсе неупотребительны. Глаголы—нести, печи, вести и т. п. имѣли формы повелит. наклоненія слѣдующія: *неси—несьте* (множ. ч.), *пьци* или *пеци— пьцьте, веди—ведьте* и т. п.; такимъ образомъ, въ

един. числѣ было окончаніе—*и*, но во множ. числѣ—*ѣте* при этомъ если корень глагола оканчивался на согласный небный *г*, *к*, то въ повелительномъ наклоненіи было *з*, *ц*: отъ *жгу*, повелит. было *жъзи*.

Иные глаголы, а именно тѣ, въ которыхъ въ наст. времени были окончанія—*ю*,—*ишь*,—*итъ* и т. д., имѣли одинаково—*и* и—*ите* въ единств. и множеств. числѣ: отъ *молю*, *молишь*, *молить* повелит. наклоненіе было—*моли*, *молите*.

Въ современномъ русскомъ языкѣ подъ вліяніемъ *молите*, *смотрите*, *носите* и т. п. употребляются формы: *несите*, *ведите* и т. п. вмѣсто старыхъ *несьте*, *ведьте* и т. п. При этомъ въ глаголахъ съ корнемъ на *к*, *г* явилось вмѣсто *ц*, *з*—*к* и *г* подъ вліяніемъ другихъ формъ глагола: подъ вліяніемъ *пеку*, *пекутъ* явилось *пеки* вмѣсто *пци* и подъ вліяніемъ *жгу*, *жгутъ* явилось *жги* вмѣсто *жзи*.

Глаголы *читаешь*, *мышать* и т. п. сохранили старыя формы повелительнаго: *читай*, *читайте* и т. п.: только раньше *й* звучало, какъ полное, слоговое *и*: *читаи*.

Формы сослагательнаго наклоненія. Формы сослагательнаго наклоненія образовывались изъ причастія и аориста отъ глагола *быть*:

Един. число.	Множ. число.
1 л. читалъ быхъ.	читали быхомъ.
2 л. читалъ бы.	читали бысте.
3 л. читалъ бы.	читали быша.

Съ теченіемъ времени, однако, форма *бы* вытѣснила остальныя и превратилась въ частицу; теперь мы употребляемъ ее для всѣхъ лицъ единств. и множ. числа: *я читалъ бы*, *ты читалъ бы*, *мы читали бы* и т. д.

Неопр. накл. Неопредѣленное наклоненіе въ церковно-славянскомъ оканчивается на *ти*, такъ же въ чешскомъ, сербскомъ, болгарскомъ. Въ древне-русскихъ рукописяхъ находимъ окончаніе *ти* и окончаніе *ть*: *читати* и *читать*. Съ теченіемъ времени первое исчезло въ большинствѣ глаголовъ и осталось лишь окончаніе—*ть*. Старое окончаніе—*ти* сохранилось лишь въ немногихъ глаголахъ съ удареніемъ на—*ти́*: *нести́*, *везти́*, *вести́*, *мести́*. Кромѣ того, имѣется въ русскомъ языкѣ окончаніе—*чи*: *печи́*, *мочи́*, а также—*чь*: *печь*, *мочь*. Это окончаніе произошло изъ *к—ти*, *к—ть*, при чемъ *к* (или *г*) относится къ корню глагола: *мог—ти*, *пек—ти* дало *мочи́*, *печи́* (такъ, у Крылова въ одной баснѣ говорится: «бѣда, коль пироги начнетъ печи́ сапожникъ»...).

Въ древнемъ русскомъ языкѣ была также особая форма достигательнаго наклоненія съ окончаніемъ—*ть*; эта форма ставилась вмѣсто формы неопредѣленнаго наклоненія послѣ глаголовъ, обозначающихъ движеніе: *ѣздити звѣри гонить* и т. п.

Форма эта существовала до конца XIV вѣка.

Въ современномъ языкѣ формы неопредѣленнаго наклоненія на—*ти* получили еще новое окончаніе; въ народѣ говорятъ: *итить*, т.-е., кромѣ одного окончанія неопредѣленнаго наклоненія—*ти*, прибавляется еще другое—*ть*.

Возвратный залогъ.

Формы возвратнаго залога составляются изъ формъ дѣйствительнаго залога съ прибавленіемъ формы—*ся* (себя). Въ древнемъ языкѣ это *ся* могло стоять отдѣльно отъ глагола: *что ся остало, что ся учинило*. Мы говоримъ теперь: *что осталось, что сдѣлалось*.

Дѣепричастіе.

Въ древнемъ русскомъ языкѣ формы дѣепричастія не было, а только формы причастія.

Краткая форма причастія была такова: им. м. р. *несы*, ж. р. *несущи*, ср. р. *несуще*. Полная форма составлялась изъ соединенія этихъ формъ съ формами мѣстоименія *и, я, е (онъ, она, оно)*. Отъ *молити, читати, глаголати, писати* формы краткія были: *моля, читая, глаголя, пиша*; въ древнемъ русскомъ языкѣ подъ вліяніемъ этихъ формъ явились формы: *ида, неса, мога* и т. п. Но эти формы исчезли, и нынѣ у насъ имѣются формы: *идя, неся, ведя* и т. п. Формы эти стали несклоняемыми; у говорящихъ потерялось сознаніе, что это форма имен. п. муж. р. ед. ч.; эту несклоняемую форму, которую мы примѣняемъ и къ женскому, и къ среднему, и къ мужескому роду, въ нашихъ грамматикахъ и называютъ дѣепричастіемъ.

XXVI. Синтаксисъ русскаго языка.

1. О соединеніи словъ и предложеній.

Предложеніе и его части.

Выше, въ X статьѣ, мы видѣли, что, расчленяя какое-нибудь впечатлѣніе на составныя части, мы получаемъ *сужденіе*. Мы видимъ дерущихся Петю и Ваню; въ этомъ одномъ сложномъ впечатлѣніи мы различаемъ Петю и Ваню; различаемъ ихъ движенія, которыя мы обозначаемъ словомъ *драться*. Различивъ тѣ составныя части, изъ которыхъ состоитъ наше сложное впечатлѣніе, мы говоримъ: *Ваня и Петя дерутся*. Это соединеніе нѣсколькихъ словъ называется въ грамматикѣ *предложеніемъ;* оно выражаетъ наше сужде-

ніе о томъ, что мы видимъ въ данную минуту, а это сужденіе есть расчлененіе полученнаго впечатлѣнія. Составъ предложенія зависитъ отъ того, какое именно впечатлѣніе производитъ то или другое событіе на насъ: одно и то же вѣдь можетъ производить на разныхъ людей или даже на одного человѣка въ разное время не одинаковое впечатлѣніе. Напримѣръ: я и мой знакомый, Петровъ видимъ пожаръ; я могу просто сказать: *домъ Семенова горитъ.* потому что я живу далеко отъ мѣста пожара и не имѣю въ этомъ домѣ никого знакомыхъ; Петровъ же можетъ сказать: *Ивановы горятъ.* потому что въ этомъ домѣ живутъ его добрые знакомые Ивановы.

Мы видѣли (въ X статьѣ), что въ предложеніи устанавливается связь между двумя представленіями: 1) *Ивановы*, 2) *горятъ* или: 1) *стаканъ*, 2) *разбился;* мы видѣли, что двѣ главныя части предложенія — *подлежащее* и *сказуемое;* мы видѣли также, что подлежащее и сказуемое могутъ быть сложными: въ предложеніи *Ваня и Петя дерутся* «Ваня и Петя»—сложное подлежащее; въ предложеніи *нашъ Иванъ далъ мнѣ палку*—сложное сказуемое составятъ слова *далъ мнѣ палку* (см. X статью).

Въ сложномъ сказуемомъ и въ сложномъ подлежащемъ, какъ мы видѣли, выдѣляютъ собственно подлежащее и собственно сказуемое (Иванъ, далъ), а другія части подлежащаго и сказуемаго считаютъ второстепенными частями предложенія: опредѣленіемъ (какой Иванъ?—*нашъ*), дополненіемъ (что далъ? — *палку;* кому далъ?—*мнѣ*), обстоятельственными словами (гдѣ далъ?—*на дворѣ;* когда далъ? — *вчера, утромъ;* какъ далъ?—*тайкомъ*).

Второстепенныя части предложенія могутъ и не быть: *братъ спитъ. человѣкъ ходитъ. птица летаетъ:* но онѣ, обыкновенно, только не выражены словами и существуютъ въ мысли говорящаго. Такъ, въ предложеніи *братъ спитъ* въ мысли существуетъ *мой*, въ предложеніи *птица летаетъ* въ мысли существуетъ *всякая*.

Иногда и главная часть предложенія, какъ мы видѣли (X ст.), не выражается въ рѣчи: *иди* (подразумѣвается *ты*).

Теперь посмотримъ, какъ, т.-е. какими формами, какими словами выражаются въ русскомъ языкѣ различныя части предложенія, и какіе виды предложеній имѣются въ русскомъ языкѣ.

Подлежащее. Подлежащее можетъ выражаться прежде всего формой именительнаго падежа имени существительнаго, т.-е. формой, отвѣчающей на вопросъ *кто* или *что*. Примѣръ: *Лѣсъ* (подлежащее) *шумитъ* (сказуемое).

Но подлежащее можетъ быть выражено также всякой другой формой, всякимъ другимъ словомъ, которое можетъ замѣнить

форму имен. пад. единственнаго числа существительнаго, т.-е. отвѣчаетъ на вопросъ *кто, что*. Такъ, въ предложеніи *сытый голоднаго не разумѣетъ* подлежащимъ является прилагательное въ имен. падежѣ ед. ч. (*кто?—сытый*). Въ предложеніи *предсѣдательствующій открылъ засѣданіе* подлежащимъ является форма причастія въ именит. падежѣ ед. ч. Въ предложеніи *этотъ далеко не пойдетъ* подлежащее—*этотъ* (мѣстоименіе); въ предложеніи *пять и три составляютъ восемь* подлежащимъ является *пять и три* (формы числительныхъ); въ предложеніи *жизнь прожить не поле перейти* подлежащее—*прожить* (форма неопредѣленнаго наклоненія глагола); въ предложеніи *далеко грянуло ура*—подлежащее ура (междометіе). Точно такъ же любое слово можетъ быть сказуемымъ: *лисица хитра*—здѣсь сказуемымъ является прилагательное *хитра*: *я сегодня дома*—здѣсь сказуемое—нарѣчіе; въ предложеніи *сосна—хвойное дерево* сказуемымъ является слово *дерево* (имя существительное).

Сказуемое.

Связь сказуемаго и подлежащаго.

Въ предложеніи выражается связь между двумя представленіями, изъ которыхъ одно выражено подлежащимъ, другое — сказуемымъ. Эта связь въ извѣстной формѣ выражается самымъ сказуемымъ, если сказуемое — глагольная форма; такъ въ предложеніи *я видѣлъ брата* связь между *я* и *видѣть* выражена самой формой *видѣлъ*: эта форма обозначаетъ, что связь представляется мнѣ, какъ имѣвшая мѣсто въ прошедшемъ. Эта связь можетъ выражаться также формами глаголовъ, которые не обозначаютъ какого-нибудь опредѣленнаго признака: глаголъ *спать, ѣсть* обозначаетъ вполнѣ опредѣленное дѣйствіе; но глаголъ *быть* никакого опредѣленнаго признака не обозначаетъ (когда-то онъ обозначалъ *расти*). Такъ вотъ глаголъ *быть*, также *становиться, дѣлаться* можетъ выражать связь между двумя представленіями (подлежащимъ и сказуемымъ). Напримѣръ: *Богатырь ты будешь съ виду;* въ этомъ предложеніи связь между представленіемъ *ты* и представленіемъ *богатырь* выражается глагольной формой *будешь*. Форма такихъ глаголовъ, какъ *быть, становиться, дѣлаться* называется въ предложеніи *связкой*. Эта связка можетъ и не быть въ предложеніи выражена, а лишь подразумѣваться, напр., въ предложеніи *я сегодня дома* связь между *я* и *дома* не выражается, но подразумѣвается *есмь*: *я (есмь) сегодня дома*. Если въ предложеніи связь между подлежащимъ и сказуемымъ выражена глагольной формой, то эта глагольная форма согласуется съ подлежащимъ въ родѣ и числѣ: *птица летаетъ, птицы летаютъ*. Но въ древне-русскомъ

языкѣ находимъ согласованіе по смыслу: *и рекоша дружина Игореви*, говорится въ нашей лѣтописи; *дружина*—форма им. ед. ч., но слово обозначаетъ множество воиновъ (войско), а потому сказуемое поставлено во множ. числѣ: *рекоша*, т.-е.—сказали.

Неполныя предложенія.

Подразумѣваться можетъ не только связка, но и подлежащее или сказуемое. Такія предложенія съ подразумѣваемымъ подлежащимъ или сказуемымъ называются *неполными*. Примѣры:

1) Неполное предложеніе съ подразумѣваемымъ подлежащимъ: Бѣдняжка куманекъ! Да не изволишь ли сѣнца? (Ты).

2) Неполное предложеніе съ подразумѣваемымъ сказуемымъ: Мы ей про Ѳому (толкуемъ), а она намъ про Ерему (говоритъ). Боровъ прыгнулъ — перепрыгнулъ, волкъ прыгнулъ—прямо въ яму (попалъ).

3) Неполное предложеніе съ подразумѣваемымъ сказуемымъ и подлежащимъ вмѣстѣ:

Напр., въ разговорѣ:—«Къ тебѣ зачѣмъ идутъ?»—„*Льчиться*“, смиренно прозвучалъ ручей. Или:—«Такъ, значитъ, придешь?»—„*Хорошо*“.

Или, напр., въ рѣчи, произносимой въ извѣстной обстановкѣ. Напр., у желѣзнодорожной кассы: — «*Вамъ куда*»? — «*До Москвы второго*».

Или, напр., въ привѣтствіяхъ: «Сколько лѣтъ, сколько зимъ!», «Съ новымъ годомъ», «Съ легкимъ паромъ» (я поздравляю).

Въ связи съ этимъ сказуемое можетъ замѣняться въ русскомъ языкѣ отглагольнымъ междометіемъ, не имѣющимъ значенія междометія въ данномъ случаѣ. Напр.: бухъ, хлопъ, бултыхъ и т. д. Напр.: Колобокъ сдуру прыгъ ей на языкъ, а лиса — амъ его, и скушала.

Слѣдовательно, если принять въ расчетъ, что подлежащее и сказуемое могутъ подразумѣваться изъ связи въ рѣчи, то всякое сказанное слово можетъ быть выраженіемъ законченной мысли и, слѣдовательно, предложеніемъ.

Предложенія безъ подлежащаго.

Но бываютъ предложенія, въ которыхъ никакого опредѣленнаго подлежащаго подразумѣвать нельзя. Эти предложенія являются наслѣдіемъ глубокой древности въ русскомъ языкѣ, и, въ концѣ-концовъ, представляется спорнымъ вопросъ, имѣли ли они когда-нибудь подлежащее, выраженное въ той или иной формѣ, или нѣтъ. Такія предложенія можно раздѣлить на слѣдующіе виды:

1) Глаголы, обозначающіе явленія природы, съ древнѣйшихъ временъ употреблялись въ формѣ 3 лица единственнаго числа съ неизвѣстнымъ подлежащимъ. Напр., *свѣтаетъ, смеркается* и

др. Это въ буквальномъ смыслѣ безличныя предложенія, такъ какъ формъ остальныхъ лицъ у такихъ глаголовъ нѣтъ, а слѣдовательно, и форма 3 л. ед. ч. уже не можетъ быть названа формою опредѣленнаго лица (нѣтъ формъ: *свѣтаешь, свѣтаю* и т. п.).

2) Также, вѣроятно, очень старыя предложенія, выраженныя формой 3 л. ед. ч. съ творительнымъ падежомъ лица или предмета дѣйствующаго. Напр.. *ломаетъ вѣтромъ. убило молніей. заволокло тучами.*

По образцу этихъ предложеній (1 и 2) создалось уже много другихъ и безъ творительнаго падежа дѣйствующей причины, и означающихъ уже не только явленія природы. Напр.: *ломитъ кости, чешется. не спится. покоробило, упраздило, помутилось.* и даже съ именными сказ.: скучно; жарко; холодно и т. д. Особенно замѣчателенъ страд. оборотъ со своеобразной конструкціей [1]) глагола, получившій особенное распространеніе въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія. Напр., изъ былины:

Много было на службѣ **послужено,**
На печи было въ волю **полежано,**
Много цвѣтного платья **изношено...**

Такъ употребляются: *кошено, сжено, бито* и др.

А въ пословицѣ «*За мое же жито да меня же и бито*» наблюдаемъ уже другую конструкцію (построеніе): меня бито.

Иногда къ оборотамъ 3 лица единствен. числа прибавляется подлежащее въ формѣ средняго рода мѣстоименія: оно, это и др. Напр.: *какъ подумать, такъ оно и выходитъ...*

3) Обладающій уже не такою древностью оборотъ 2 л. ед. ч. глаголовъ, особенно распространенный въ пословицахъ и поговоркахъ. Напр., *Тише ѣдешь. дальше будешь. По одежкѣ протягивай ножки. На всѣхъ не угодишь.*

4) Очень старое употребленіе повелительной формы во 2 лицѣ ед. и мн. и безъ подлежащаго, которое, очень вѣроятно, дало образецъ для появленія оборотовъ, разсмотрѣнныхъ въ п. 3. Напр., *Поди вонъ! Приходите завтра ко мнѣ.* Если сказать вмѣсто этого: *Ты поди вонъ, Вы приходите ко мнѣ.* то желаніе будетъ выражено уже въ менѣе рѣшительной формѣ.

5) Оборотъ 3 л. мн. ч. безъ подлежащаго, появившійся еще до отдѣльнаго существованія русскаго языка. Напр., *идутъ; дѣлаютъ; просятъ не курить: говорятъ. что вы...; по улицамъ слона водили.*

---

[1]) Конструкція, т.-е. построеніе, здѣсь значитъ употребленіе тѣхъ или другихъ падежей при глаголѣ.

Итакъ, безъ подлежащаго существуютъ предложенія, а безъ сказуемаго, если не считать случаевъ, объясняемыхъ изъ связи въ рѣчи,—нѣтъ.

Наконецъ нужно замѣтить, что по образцу той или другой изъ употребительныхъ формъ предложенія мы составляемъ иногда и такія предложенія, которыя могутъ и не заключать въ себѣ никакой мысли, а служатъ только средствомъ оживленія мысли, переходомъ къ другой мысли, т.-е. имѣютъ чисто-формальное значеніе. Напр., сюда относятся предложенія въ родѣ: Надо замѣтить, что... Отъ этого происходитъ, что... На такомъ употребленіи предложеній основано, между прочимъ, появленіе нѣкоторыхъ видовъ вводныхъ предложеній и словъ, бывшихъ предложеніями, напр.: *знаете, понимаете, представьте, такъ сказать* и мн. др., которыми мы пересыпаемъ свою рѣчь, не придавая имъ сплошь да рядомъ рѣшительно никакого значенія.

Особенности формы подлежащаго и сказуемаго.

Необходимо отмѣтить одинъ случай, когда подлежащее въ русскомъ языкѣ стоитъ не въ имен. падежѣ, а въ родительномъ. Это бываетъ всякій разъ, когда при сказуемомъ, выраженномъ извѣстными глаголами *(быть, имѣться, находиться)*, стоитъ отрицаніе. Сравните, напр., «*У меня есть деньги*», «*У меня нѣтъ денегъ*», «*Это сочиненіе имѣется въ продажѣ*», но «*Этого сочиненія не имѣется въ продажѣ*», «*Такіе случаи бываютъ*», но «*Такихъ случаевъ не бываетъ*». Конечно, разъ въ подобныхъ предложеніяхъ уже нѣтъ именительнаго падежа, то мы и не имѣемъ права говорить о подлежащемъ. Эти предложенія нужно причислить къ 5 видамъ предложеній безъ подлежащаго, перечисленнымъ нами выше. Этотъ оборотъ стоитъ въ ближайшей связи съ оборотомъ дѣйствительнаго залога съ отрицаніемъ, когда винит. пад. переходитъ въ родительный. Напр., «*Я слыхалъ эту исторію*» и «*Я не слыхалъ этой исторіи*», а отсюда уже такіе примѣры, какъ: «*Такой красавицы еще не слыхано и не видано*».

Точно такъ же и въ именномъ составномъ сказуемомъ есть одинъ случай, когда имя ставится не въ именит. падежѣ, а въ творит., именно при глаголахъ первоначально со значеніемъ «дѣлаться чѣмъ, переходить въ какое-нибудь состояніе», а затѣмъ уже и съ другимъ значеніемъ (глаголы: дѣлаться, становиться, являться, прозываться, стать, казаться, служить, жить и т. д.). Напр., *Корабль безъ парусовъ игрушкой сталъ и вѣтровъ и валовъ. Вашъ поступокъ является некрасивымъ. Я съ нынѣшняго года сдѣлался ученикомъ гимназіи.* Въ древнемъ русскомъ языкѣ этотъ оборотъ рѣчи былъ почти неизвѣстенъ. Тогда говорили: *Та будетъ ему жена* (вм. современнаго—женою). *Оттоле прозвася земля*

русская. Въ современномъ русскомъ такихъ оборотовъ сдѣлалось особенно много, и теперь уже именительный падежъ употребляется почти исключительно въ значеніи постоянства, характерности, существенности признака. Напр., *Ужъ я стала у него и свинья и дура* (Фонвизинъ). *Сдѣлалась моя Матрена ни пава ни ворона* (Крыловъ). Но существуютъ еще обороты, въ которыхъ до сихъ поръ возможенъ и творительный падежъ, и именительный. Напр.: *Онъ сталъ большой баринъ или: большимъ барином*,—почти безъ всякаго различія въ значеніи.

Второстепенные члены предложенія.

Выше мы указали, что подлежащее или сказуемое могутъ быть сложными, т.-е. выражаться нѣсколькими словами. Въ предложеніи, *у меня есть шуба съ барашковымъ воротникомъ* устанавливается связь между двумя представленіями; одно — *шуба съ барашковымъ воротникомъ* (подлежащее), а другое—*у меня есть* (сказуемое). Въ такихъ соединеніяхъ словъ для выраженія одного представленія есть части самостоятельныя и несамостоятельныя. Слово *шуби*—самостоятельная часть въ соединеніи словъ *шуба съ барашковымъ воротникомъ*, потому что, если я скажу: *у меня есть шуба*, то эта фраза имѣетъ смыслъ; слова—*съ барашковымъ воротникомъ*—несамостоятельная часть, потому что безъ слова *шуба* эти слова не имѣютъ значенія. Слова съ самостоятельнымъ значеніемъ — главные члены предложенія, а слова, самостоятельнаго значенія не имѣющія,—второстепенные члены предложенія. Второстепенные члены предложенія различаются, смотря по тому, на какой вопросъ они отвѣчаютъ: 1) опредѣленія (отвѣчаютъ на вопросъ: какой, чей, который?); 2) *дополненія* (отв. на вопросы *чего, кого, чему, кому*, что, кого, чѣмъ, кѣмъ, о чемъ, о комъ?), и 3) обстоятельства мѣста (отв. на вопр.: куда? гдѣ? откуда?), времени (отв. на вопр.: когда? и т. д.), образа дѣйствія (отв. на вопр.: какъ?), причины (отв. на вопр.: почему?), цѣли (отв. на вопросъ: зачѣмъ?) и т. д. Въ зависимости отъ тонкости этихъ вопросовъ будетъ больше или меньше разныхъ видовъ членовъ предложенія. Для грамматики же они не играютъ никакой роли. Для грамматики важно установить, какую роль играютъ тѣ или другія части рѣчи съ ихъ формами въ качествѣ различныхъ частей предложенія. Съ этой точки зрѣнія предлоги и союзы также являются частями предложенія, такъ какъ они играютъ извѣстную роль именно въ предложеніи: предлоги служатъ для обозначенія различныхъ отношеній между предметами, а союзы — для соединенія членовъ предложенія, какъ простого, такъ и сложнаго. Конечно, въ употребленіи предлоговъ и союзовъ современный русскій языкъ не вполнѣ

сходится съ древне-русскимъ. Такъ, въ др.-русскомъ языкѣ на вопросъ *гдѣ* отвѣчалъ просто предложный, или правильнѣе мѣстный падежъ: говорили *Кыевѣ*, а не *въ Кіевѣ*, какъ мы; и союзы употребляли иные: вмѣсто нашего *но* употребляли, напр., *али*. Слова, стоящія въ зват. падежѣ и имѣющія цѣлью, обратить чье-либо вниманіе на слѣдующую затѣмъ рѣчь (обращенія), не составляютъ вовсе никакой части предложенія, такъ какъ слова въ этой формѣ не являются уже словами, означающими предметы мысли, а могутъ быть приравнены къ такъ называемымъ междометіямъ, служащимъ исключительно для выраженія чувства. Оказаться внѣ предложенія можетъ также и всякое другое слово и даже цѣлое предложеніе, если оно употреблено въ качествѣ междометія, т.-е. для выраженія чувства, напр.: бѣда! Господи! Ладно! Слава Богу! Чортъ бы тебя побралъ!

Виды предложеній.

Смотря по тѣмъ побужденіямъ, которыми вызывается наша рѣчь, предложенія могутъ быть:

1) *Объяснительными*, когда говорящій просто обнаруживаетъ свою мысль въ сужденіи, или разсказывая, или описывая что-нибудь,—напр.: жилъ-былъ царь; небольшая рѣчка протекала подъ горою.

2) *Повелительными*, когда говорящій обнаруживаетъ свое желаніе, требованіе и пр. чтобы дѣйствіе совершилось, напр.: поди сюда; лучше не бралъ бы ты этой книги: смирно сидѣть, рукавовъ не марать и къ горшку не соваться!

3) *Восклицательными*, когда говорящій обнаруживаетъ свои чувствованія по поводу чего-либо,—напр.: вотъ это хорошо!

4) *Вопросительныя*,—напр.: кто это сдѣлалъ? Онъ былъ здѣсь? Не видѣли ли вы его?

Порядокъ словъ въ предложеніи.

Въ числѣ средствъ для выраженія значенія въ предложеніи, кромѣ формъ отдѣльныхъ словъ, нужно упомянуть также о порядкѣ словъ.

Порядокъ словъ въ русскомъ языкѣ считается обыкновенно свободнымъ. Это нужно понимать въ томъ смыслѣ, что въ русскомъ яз. не существуетъ никакихъ *обязательныхъ правилъ* для размѣщенія словъ въ предложеніи, какъ, напр., въ нѣмецкомъ яз. Но все-таки и для русскаго яз. можно вывести нѣсколько наблюденій, которыя будутъ показывать, что порядокъ словъ, какъ извѣстная форма предложенія, существуетъ и въ русскомъ языкѣ. И русскій яз. въ этомъ отношеніи соблюдаетъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ извѣстныя требованія, если есть налицо всѣ необходимыя для того условія и, наоборотъ, нѣтъ условій, препятствующихъ этому. Такъ, если какое-нибудь представленіе особенно выдѣляется въ предложеніи, если на него

хотятъ обратить особенное вниманіе, то, какъ и въ другихъ языкахъ, въ случаѣ отсутствія препятствій со стороны другихъ условій, его стараются выразить въ началѣ предложенія. Напр., если меня спрашивали, какъ я провелъ *вчерашній* день, то я начну свой разсказъ со слова *вчера*: *Вчера я всталъ поздно, вечеромъ былъ въ театрѣ* и т. д. Вообще, въ качествѣ общаго положенія, и для рус. предложенія можно выставить наблюденіе, что при отсутствіи другихъ условій члены предложенія обыкновенно распредѣляются въ томъ порядкѣ, въ какомъ воспринимаются соотвѣтствующіе члены сужденія.

Въ послѣдовательности объяснительныхъ предложеній каждое новое предложеніе начинается обыкновенно съ того представленія, которымъ закончилось предыдущее: Напр., въ разсказѣ: *Вчера я былъ въ театрѣ. Тамъ я встрѣтилъ одного знакомаго. Съ нимъ мы отправились въ ресторанъ. Тамъ*... Или, напр., въ описаніи: *Въ углу комнаты стояла классная доска. На ней лежали куски мѣлу. Имъ обыкновенно писали*...

Въ повѣствовательномъ предложеніи въ древне-русскомъ и въ современномъ народномъ языкѣ существуетъ такъ называемый обратный порядокъ, т.-е. сказуемое предшествуетъ подлежащему, что и вполнѣ естественно съ разсказѣ. Напр., изъ лѣтописи: *И вниде Игорь въ Кыевъ*... *И повелъ Ольга*... Или вотъ начало сказки о Норкѣ-звѣрѣ: *Жилъ себѣ царь и царица. У нихъ было три сына. У царя былъ звѣринецъ. Въ этотъ звѣринецъ повадился ходить страшный звѣрь—Норка* и т. д.

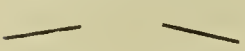
Въ описательныхъ предложеніяхъ сказуемое обыкновенно ставится на концѣ. Здѣсь тоже имѣется въ виду, главнымъ образомъ, языкъ нелитературный. Напр., изъ сказки: «*Сдѣлалась Аленушка больная, да такая худая да блѣдная. На царскомъ дворѣ все пріуныло: цвѣты въ саду стали вянуть, деревья сохнуть, трава блекнуть*».

Въ предложеніяхъ повелительныхъ повелительная форма обычно ставится на первомъ мѣстѣ.

Въ вопросительныхъ предложеніяхъ вопросит. слово ставится на первомъ мѣстѣ. Напр., *Который часъ? Откуда ты идешь?* Въ вопросахъ, выраженныхъ съ помощью вопросит. частицы «*ли*», принятъ теперь въ рус. яз. обратный порядокъ словъ. Напр., *Не видѣлъ ли ты его?*

Въ тѣсной связи съ порядкомъ словъ стоитъ и удареніе въ словахъ и въ предложеніяхъ, какъ одно изъ средствъ для выраженія того или другого значенія въ словѣ или предложеніи. Удареніе можетъ быть или экспиратóрнымъ, т.-е. выдыхательнымъ, или тонúческимъ (основаннымъ на распредѣленіи тоновъ),

т.-е. музыкальнымъ. Экспираторное удареніе состоитъ въ усиленіи голоса надъ какою-нибудь частью слова или предложенія, а тоническое—въ повышеніи голоса въ какой-нибудь части слова или предложенія. Экспираторное удареніе обозначается знакомъ остраго ударенія: напр., самовáръ, ударéніе. Музыкальное удареніе обозначается чертой надъ словомъ, идущей снизу вверхъ въ случаѣ повышенія голоса и сверху внизъ въ случаѣ пониженія. Напр.



Завтра?—завтра.

Экспираторное удареніе каждаго слова показываетъ сравнительную важность даннаго слова по смыслу во фразѣ и называется иначе логическимъ удареніемъ.

Музыкальное удареніе мы можемъ наблюдать, напр., въ вопросительномъ предложеніи, къ концу котораго голосъ обыкновенно повышается. Напр. И ты былъ тамъ?

2. О соединеніи предложеній.

Нѣсколько предложеній могутъ соединяться для выраженія одной и той же сложной мысли, при чемъ взаимное отношеніе ихъ бываетъ или сочиненіемъ, т.-е. соединеніемъ самостоятельныхъ въ отношеніи другъ къ другу предложеній, или подчиненіемъ одного другому.

Сочиненіе предложеній.

При сочиненіи предложеній взаимная связь ихъ можетъ 1) или вовсе не обозначаться никакими спеціальными словами, 2) или обозначается такъ называемыми *сочинительными союзами*. Эти союзы дѣлятся обыкновенно съ логической точки зрѣнія (необязательной для грамматики) на соединительные (и, да и др.), противительные (но, а, же и др.), и раздѣлительные (или-или, и-и, то-то и др.). Примѣры:

1) Повѣяло черемухой, проснулся соловей, ужъ пѣснью заливается онъ въ зелени вѣтвей.

2) Наконецъ дорога была найдена, *и* лошади опять побѣжали крупной рысцой, *а* мы сидѣли довольные, *и* снѣгъ засыпалъ насъ попрежнему.

То, какъ звѣрь, она (буря) завоетъ, *то* заплачетъ, какъ дитя.

Подчиненіе предложеній.

По способу подчиненія соединяются такъ называемыя придаточныя предложенія со своими главными, при чемъ на положеніи этого главнаго предложенія можетъ быть въ свою очередь придаточное предложеніе. Связь придаточнаго предложенія съ главнымъ выражается

слѣдующими 6 способами, при чемъ иногда наблюдается соединеніе нѣсколькихъ изъ этихъ способовъ за разъ:

1) Такъ называемыми подчинительными союзами: *когда, какъ, хотя, если, потому что, такъ какъ, что, чтобы* и др.,—напримѣръ: Мы могли ночевать въ полѣ, *потому что* на кормежкѣ запаслись всѣмъ нужнымъ.

Какъ только пріѣхалъ я на станцію, отдалъ смотрителю свою подорожную.

Я такъ и обмерла, *когда* сказали намъ, *что* вы намѣрены биться на шпагахъ.

2) Относительными словами, т.-е. мѣстоименіями и нарѣчіями, которыя показываютъ, что предметъ, о которомъ говорится въ главномъ предложеніи,—тотъ же, о коемъ говорится и въ придаточномъ: кто, что, какой, который, чей, гдѣ, куда, откуда, когда, какъ и др.: напримѣръ: Однажды я смотрѣлъ на *ряды гнѣздъ, которыя* ласточки понадѣлали надъ окнами.

А завтра, быть-можетъ, *тамъ* буду и я, *откуда* никто не приходитъ.

3) Связь придаточнаго предложенія съ главнымъ выражается вопросительными словами, т.-е. мѣстоименіями и нарѣчіями, которыя въ русскомъ языкѣ съ нѣкоторыхъ поръ сдѣлались тождественными съ относительными. Въ древне-русскомъ языкѣ еще существовали въ качествѣ относительныхъ словъ различныя образованія отъ корня *и*, заключающагося, напр., въ формахъ указательнаго мѣстоименія *имъ, его, ему: иже* (который), егда (когда), елико (сколько); примѣръ: поиштимъ себѣ князя, *иже* бы владѣлъ нами. Такія формы относительныхъ словъ еще живутъ въ разныхъ нарѣчіяхъ русскаго языка. Напримѣръ, въ малор. и бѣлор. *якъ, якій* и т. д. Тамъ наблюдается обратное явленіе: тѣ же слова (якъ, якій и т. д.) взяли на себя роль и вопросительныхъ. Напримѣръ: въ бѣлорусскомъ:—«старый лежиць якъ (какъ) колода, а я молода якъ ягóда» или: «якъ лягла спаци, ня можа устаци»; рядомъ встрѣчаются и такіе примѣры: якій это панъ? Да куды иду—да ня вѣдаю, якій мнѣ мужикъ будзя (изъ пѣсни). Примѣры употребленія вопросительныхъ словъ въ значеніи относительныхъ:

Посмотри, *что̀* я сейчасъ получилъ.

Разсуди, *кто̀* правъ, *кто̀* виноватъ, да обоихъ и накажи.

Онъ спрашивалъ меня, *гдѣ* бы намъ отыскать червяковъ для уженья.

4) Связь придаточнаго предложенія съ главнымъ выражается порядкомъ словъ въ придаточномъ предложеніи въ отличіе отъ порядка словъ въ главномъ, самостоятельномъ предложеніи, а

также иногда и порядкомъ самихъ предложеній. Напримѣръ: «*Увижу я* его, я ему скажу». «Не *будь* на то Господня *воля*, не отдали бъ Москвы». Въ этихъ примѣрахъ, повидимому, обязателенъ такой порядокъ предложеній, а въ первомъ, сверхъ того, и порядокъ словъ въ придаточномъ предложеніи. Въ древнерусскомъ языкѣ придаточное предложеніе съ «который» всегда ставилось передъ главнымъ, а теперь наоборотъ. Напримѣръ: А которому княжему человѣку ѣхать на пригородъ намѣстникомъ, цѣловати ему крестъ.

5) Связь придаточнаго предложенія съ главнымъ выражается перемѣной лицъ въ такъ называемыхъ придаточныхъ предложеніяхъ косвенной рѣчи, подчиняемыхъ посредствомъ союзовъ «что, чтобы, какъ, какъ бы» и т. д. и посредствомъ вопросительныхъ словъ послѣ глаголовъ со значеніемъ «говорить» или «спрашивать». Прямая рѣчь передаетъ слова какого-нибудь лица въ томъ видѣ, какъ они были сказаны, а косвенная рѣчь передаетъ тѣ же самыя слова въ видѣ придаточнаго предложенія. Напримѣръ, прямую рѣчь мы имѣемъ въ такихъ предложеніяхъ: Щука вздумала просить Кота: «Возьми *меня* съ собою на охоту». А косвенную: «Но только вздумала Кота она просить, *чтобъ взялъ ее* съ собою на охоту». Поэтому придаточныя вопросительныя предложенія называются косвенными вопросами, а прямыми въ связи съ этимъ являются вопросы въ томъ видѣ, въ которомъ они были произнесены. Напримѣръ: «Ба, *ты* косой», кричатъ ему: «пожаловалъ отколѣ?» Здѣсь мы имѣемъ прямой вопросъ, а въ такой передѣлкѣ этой фразы «Звѣри спрашивали его (зайца), откуда *онъ* пожаловалъ»—косвенный. Въ этихъ примѣрахъ мы наблюдали при переходѣ изъ прямой рѣчи въ косвенную перемѣну 1 (меня) и 2 (ты) лица въ глаголѣ и мѣстоименіи—на 3 лицо (ее, онъ).

Косвенная рѣчь наблюдается исключительно въ литературномъ языкѣ и въ немъ появилась сравнительно недавно. Въ древнерусскомъ языкѣ и въ современныхъ народныхъ говорахъ русскаго языка она неизвѣстна. Поэтому всякому изъ насъ при обученіи литературному языку приходится учиться, между прочимъ, и косвенной рѣчи.

6) Наконецъ, связь придаточнаго предложенія съ главнымъ выражается перемѣной наклоненія—изъявительнаго на сослагательное, а въ рѣдкихъ случаяхъ на повелительную форму, которая въ этихъ случаяхъ замѣняетъ старое желательное наклоненіе (изъ него она и произошла). Это явленіе мы можемъ наблюдать въ придаточныхъ предложеніяхъ, начинающихся съ союзовъ «чтобы», «если бы», «хотя бы» и нѣкоторыхъ др., гдѣ

частица «бы» составляетъ принадлежность сослагательнаго наклоненія. Этимъ именно объясняется то, что въ такихъ придаточныхъ предложеніяхъ глаголъ всегда стоитъ въ формѣ прошедшаго времени, хотя мы ожидали бы настоящее или будущее.

Примѣръ: Было рѣшено, *чтобы* я поступилъ въ военную службу.

Если бы не пошелъ дождь, мы долго бы еще гуляли.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ и вообще въ условныхъ предложеніяхъ, при союзахъ «если бы», и «хотя бы» обыкновенно и въ главномъ предложеніи стоитъ тоже сослагательное наклоненіе.

Не будь на то Господня воля, не отдали бъ Москвы.

Отколѣ ни возьмись, на встрѣчу Моська имъ.

Въ этихъ примѣрахъ стоитъ повелительная форма вмѣсто стараго желательнаго наклоненія.

Такая же перемѣна наклоненія бываетъ и при относительныхъ и вопросительныхъ словахъ. Она вызывается здѣсь присоединеніемъ посторонняго оттѣнка въ значеніи.

Напримѣръ: Я не знаю человѣка, *который бы* былъ такъ же вспыльчивъ, какъ ты (можно замѣнить: чтобы онъ...)

Я не могу догадаться, *кто бы* это могъ быть.

Значеніе придаточныхъ предложеній.

О придаточныхъ предложеніяхъ говорятъ иногда, что они не имѣютъ самостоятельного смысла, что они объясняютъ и дополняютъ главное и т. д. Но это не совсѣмъ такъ. Дѣйствительно, когда изъ сочиненія предложеній возникало подчиненіе (въ древне-русскомъ или въ современныхъ русскихъ говорахъ), то руководствовались сравнительной важностью или неважностью выражаемой мысли въ каждомъ предложеніи. Такъ, если изъ предложенія древнерусскаго языка «Суть же хытро сказающе, и чюдно слышати ихъ» возникло сложное предложеніе, образованное по способу подчиненія вмѣсто сочиненія «Они говорятъ такъ хитро, что странно даже ихъ слушать», то здѣсь, очевидно, мысль придаточнаго предложенія составляетъ нѣчто второстепенное по отношенію къ мысли главнаго. Еще примѣры возникновенія подчиненія на мѣстѣ сочиненія. Древнерус.: «...брата нашего держиши Игоря, а онъ уже чернець и схимникъ» въ современномъ языкѣ было бы: «Ты держишь брата нашего Игоря, который (или: хотя онъ) чернецъ и схимникъ». «Бѣ бо ужасльсѧ, и лесть имѣя въ сердцѣ» въ современномъ русскомъ: «Ибо онъ ужаснулся, хотя и имѣлъ лесть (коварство) въ сердцѣ».

Но въ современномъ литературномъ языкѣ наблюдаются случаи, что не только придаточныя предложенія не имѣютъ второ-

степеннаго значенія, а часто даже наоборотъ: по образцу другихъ формъ создаются главныя предложенія, не имѣющія почти никакого значенія. Такъ, напримѣръ, главная мысль заключается въ придаточныхъ предложеніяхъ въ такихъ случаяхъ, какъ: надо замѣтить, что... начать съ того, что... отъ этого происходитъ, что...

Въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ особенно развито подчиненіе предложеній. И до сихъ поръ можно наблюдать, какъ подъ вліяніемъ обильнаго матеріала, доставляемаго главнымъ образомъ, иностранными языками, а отчасти и народнымъ языкомъ, отдѣльные случаи сочиненія замѣняются подчиненіемъ, какъ различеніе случаевъ подчиненія становятся все тоньше и тоньше, какъ появляются совершенно новые случаи подчиненія и т. д. Въ древне-русскомъ и въ современныхъ говорахъ подчиненіе наблюдается сравнительно очень рѣдко, и случаи подчиненія далеко не такъ разнообразны, какъ въ литературномъ языкѣ.

Виды придаточныхъ предложеній. Придаточныя предложенія, смотря по роду логической связи съ главнымъ предложеніемъ, дѣлятся на тѣ же виды, какъ и члены простого предложенія, а именно:

1) Придаточныя предложенія, отвѣчающія на вопросъ *кто, что* (подлежащее): Понятно ль вамъ, друзья, на *что* здѣсь мѣчу я?
2) Сказуемыя: Онъ былъ не тѣмъ, *чѣмъ* могъ бы быть.
3) Опредѣлительныя: Со мною друга нѣтъ, *кому* бы могъ пожать я руку (какого друга?—Кому бы...)
4) Дополнительныя: *Чему* быть, того не миновать (чего не миновать?—чему быть).

   Дядька не утаилъ, *что* баринъ бывалъ въ гостяхъ у Пугачева.

   Я прошу тебя, *чтобы* этого больше не было.
5) Обстоятельственныя:

1) мѣста: *Тамъ* хорошо, *гдѣ* насъ нѣтъ (гдѣ хорошо?—гдѣ насъ нѣтъ).
2) времени: *Лишь* звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
   Корабль одинокій несется (когда несется?—лишь звѣзды...)
3) образа дѣйствія: Я *такъ* часто слышалъ объ этомъ, *что* малѣйшія подробности врѣзались въ мою память.
4) причины: Я не могъ прійти къ тебѣ, *потому что* былъ боленъ.
5) условія: *Если бы* не пошелъ дождь, мы бы еще гуляли,

6) уступленія: *Хоть* ты и въ новой кожѣ, да сердце у тебя все то же.

7) цѣли: Сейчасъ разсади ихъ по разнымъ угламъ, *чтобъ* у нихъ дурь-то прошла.

Всѣ эти придаточныя предложенія различаются по вопросамъ, какъ и члены простого предложенія. Слѣдовательно, тѣ же трудности при опредѣленіи вида придаточнаго предложенія существуютъ и здѣсь, какъ и при опредѣленіи членовъ простого предложенія. Напримѣръ, придаточныя предложенія сказуемыя (а иногда и подлежащія), опредѣлительныя и дополнительныя могутъ подчиняться главному относительнымъ мѣстоименіемъ, въ данныхъ примѣрахъ (2, 3, 4—см. выше) *чьмъ, кому, чему*. Отсюда возникаетъ такого рода недоумѣніе: не считать ли всѣ эти предложенія за опредѣлительныя къ словамъ *тьмъ, друга, того?* Или: союзъ *когда* употребляется въ качествѣ временного и условнаго, вслѣдствіе чего иногда трудно бываетъ рѣшить, въ какомъ смыслѣ онъ употребленъ въ данной фразѣ. Напримѣръ: *когда* это случилось, намъ больше нечего ждать. Или: придаточныя опредѣлительныя предложенія могутъ подчиняться почти всѣми способами. Важно только, чтобы тотъ или другой видъ подчиненія опредѣлялъ имя существительное. Напримѣръ: У меня былъ такой домъ, *что* въ немъ могли помѣститься всѣ. Былъ домъ, *гдѣ* подъ окномъ и чижъ и соловей висѣли и пѣли. Въ то время, *когда*... и т. д. Однимъ словомъ, практически это дѣленіе неудобно. Но оно не имѣетъ существеннаго значенія для грамматики, какъ основанное на чисто-логическихъ началахъ [1]). И все-таки это дѣленіе пользуется такимъ широкимъ распространеніемъ, что его полезно знать. Практически эти опредѣленія удобны, и безъ нихъ было бы затруднительно, напримѣръ, различить придаточныя предложенія обстоятельства цѣли отъ придаточныхъ предложеній дополнительныхъ, которыя подчиняются также союзомъ «чтобы». Пришлось бы, во всякомъ случаѣ, потратить гораздо больше словъ.

Сокращенныя придаточныя предложенія.

Говорятъ иногда о сокращеніи придаточныхъ предложеній посредствомъ отглагольнаго существительнаго, прилагательнаго, дѣепричастія и неопредѣленнаго наклоненія; «напримѣръ: Человѣкъ, который ушелъ» можно сократить въ «*ушедшій* человѣкъ». Послѣ того какъ французы оставили Москву» можно сократить

[1]) Кромѣ того само сближеніе съ частями простого предложенія подразумѣваетъ происхожденіе придаточныхъ предложеній изъ частей простого предложенія, а мы видѣли, что происхожденіе придаточныхъ предложеній совсѣмъ иного рода.

или въ: «Французы послѣ *оставленія* Москвы», или въ: «Французы, *оставивши* Москву». «Я прошу тебя, чтобы ты исполнилъ» можно сократить въ: «Я прошу тебя *исполнить*», или: «я прошу тебя объ *исполненіи*».

Но такого сокращенія придаточныхъ предложеній на самомъ дѣлѣ въ развитіи языка не происходило. Придаточныя предложенія получились изъ сочиненныхъ предложеній и дальше ни въ какія болѣе краткія не переходятъ. Поэтому эти обороты нужно разсматривать независимо другъ отъ друга по происхожденію: одинъ—какъ придаточное предложеніе, другой—какъ часть главнаго предложенія. При этомъ относительно дѣепричастій нужно замѣтить, что они, какъ происшедшія изъ имени т. падежа соотвѣтствующаго причастія, до сихъ поръ въ русскомъ литературномъ языкѣ обязательно требуютъ согласованія съ подлежащимъ. Напримѣръ: Онъ быстро пошелъ къ намъ, лишь изрѣдка оглядываясь назадъ. Причастіе—«оглядываясь» согласовано съ подлежащимъ «онъ», а не съ второстепеннымъ членомъ предложенія «къ намъ», т.-е. оглядывался назадъ онъ, а не мы. Лишь изрѣдка мы встрѣчаемся въ литературѣ съ примѣрами согласованія дѣепричастія со второстепеннымъ членомъ предложенія, если въ этомъ предложеніи подлежащаго нѣтъ налицо. Наприм.: Увидя то, на мысли *волку* вспало. Дѣепричастія въ такомъ употребленіи встрѣчаются особенно въ народномъ языкѣ или въ подражаніи народному языку, гдѣ они давно стали несогласуемыми нарѣчіями; напримѣръ, въ поговоркахъ: Не учась въ попы не ставятъ. Бобы не грибы: не посѣявъ, не взойдутъ; или въ былинѣ: Лежучи у Ильи втрое силы прибыло; или въ пѣснѣ Кольцова: Что, ихъ (пѣсни) слушая, кровь стынула.

Но въ русскомъ литературномъ языкѣ наблюдаются нѣкоторыя явленія, которыя позволяютъ заключить, что причастные обороты уже сознаются нами, какъ параллельно идущіе съ относительными предложеніями, какъ равнозначащіе съ ними. Такъ, у нѣкоторыхъ писателей подъ вліяніемъ этого сознанія, первоначально зародившагося при изученіи языка въ школѣ, появились обороты съ причастіемъ будущаго времени, вообще неупотребительнымъ въ современномъ литературномъ языкѣ. Напримѣръ: Это видъ (лошади), несомнѣнно, вымирающій, и, вѣроятно, скоро *вымрущій* совершенно (изъ газетъ). Или, напримѣръ, встрѣчаются случаи присоединенія къ причастію частицы *бы* для обозначенія въ немъ сослагательнаго наклоненія подобно тому, какъ въ относительныхъ предложеніяхъ бываетъ иногда сослагательное наклоненіе. Примѣръ, «... не оказалось благотворителя, давшаго *бы* денегъ на это доброе дѣло» (изъ газетъ).

«Боже! Погасить искру огня, можетъ-быть, развившагося *бы* теперь въ величіи и красотѣ, можетъ-быть, также исторгнувшаго *бы* слезу умиленія и благодарности». (Изъ Гоголя).

На тѣхъ же основаніяхъ нельзя считать за сокращенное придаточное предложеніе обороты съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ въ такихъ случаяхъ, какъ: «Я прошу тебя исполнить мою просьбу. Я пошелъ въ лѣсъ собирать грибы».

Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ употребленіе неопредѣленнаго наклоненія въ значеніи цѣли. Въ такихъ случаяхъ оно замѣнило нѣкогда существовавшую въ древне-русскомъ языкѣ особую форму достигательнаго наклоненія (на—*мъ*). Тамъ, гдѣ одно неопредѣленное наклоненіе недостаточно для обозначенія цѣли (напримѣръ, не при глаголахъ движенія), къ нему прибавляютъ обыкновенно еще союзъ *чтобы* подъ вліяніемъ придаточныхъ предложеній цѣли съ этимъ союзомъ. Частица *бы* здѣсь уже не имѣетъ самостоятельнаго значенія (наклоненія). На это указываетъ ея неотдѣлимость отъ *что* и невозможность постановки ея при неопредѣленномъ наклоненіи въ подобныхъ случаяхъ. И здѣсь мы имѣемъ дѣло со второстепеннымъ членомъ предложенія, а не съ придаточнымъ предложеніемъ цѣли. Союзъ чтобы при неопредѣленномъ наклоненіи можно назвать его придаткомъ.

Дательный самостоятельный.

Также не слѣдуетъ считать сокращеннымъ придаточнымъ предложеніемъ такъ называемый дательный самостоятельный, существовавшій въ древнерусскомъ языкѣ. Напримѣръ: «Сѣдячю же Глѣбови Юрьевичу въ Кыевѣ, приде множьство Половьцѣ. (Когда Глѣбъ Юрьевичъ сидѣлъ, или княжилъ въ Кіевѣ, пришло множество Половцевъ).

Это—дательный падежъ имени съ согласованнымъ съ нимъ причастіемъ, не имѣвшій никакой связи ни съ однимъ словомъ предложенія, въ которомъ онъ находился. Переводится онъ обыкновенно цѣлымъ придаточнымъ предложеніемъ, но это вовсе не значитъ, что его возникновеніе объясняется изъ этого полнаго предложенія. Этотъ дательный падежъ первоначально безусловно имѣлъ связь съ какимъ-нибудь словомъ того же предложенія. Напримѣръ, первоначальное положеніе дѣлъ видно изъ такой фразы, какъ: Пришьдшю ему и даша ему, т.-е. пришедшему ему и дали ему. А затѣмъ второе *ему* стало опускаться и наконецъ, замѣнилось совершенно другимъ дательнымъ падежомъ, наприм., *имъ*. Такъ постепенно этотъ оборотъ и утратилъ всякую связь съ тѣмъ предложеніемъ, въ которомъ стоялъ, и обратился въ дательный самостоятельный.

XXVII. Словарныя заимствованія въ русскомъ языкѣ.

Вліяніе одного языка на другой.

Въ настоящее время въ наукѣ о языкѣ твердо установилось положеніе, что нѣтъ на свѣтѣ такихъ языковъ, которые могли бы существовать безъ вліянія на нихъ со стороны сосѣднихъ какихъ-нибудь языковъ. Прежде всего къ такому выводу наука пришла на основаніи большого количества словъ, служащихъ для обозначенія культурныхъ понятій, напр., *велосипедъ*, *медицина*, *юристъ* и проч. Зная русскій языкъ, мы сразу замѣчаемъ, что такія слова въ русскомъ языкѣ не относятся къ числу словъ, унаслѣдованныхъ русскимъ языкомъ, хотя бы съ исторически - необходимыми измѣненіями, отъ общеславянскаго праязыка. Къ сожалѣнію, не всѣ слова въ русскомъ языкѣ имѣютъ такой видъ, который указываетъ на иностранное происхожденіе ихъ. Сразу узнать, какъ чужія, можно только слова, заимствованныя въ *новѣйшее* время и незначительно лишь измѣненныя на новой почвѣ. Разъ слово заимствовано давно, оно успѣло уже измѣниться настолько, что потеряло свой первоначальный иностранный видъ. Важно при этомъ и *значеніе* слова. Если какое-либо слово, заимствованное изъ чужого языка, напр., англійское *лордъ*, служитъ въ русскомъ языкѣ только для обозначенія англійскаго понятія и не употребляется для обозначенія русскаго аристократа, то оно никогда не можетъ привиться въ русскомъ языкѣ до такой степени, чтобы чувствовалось, какъ свое, русское слово.

Слова иностранныя и заимствованныя.

Вотъ почему въ наукѣ и приходится при изученіи каждаго языка отличать въ немъ *заимствованныя* слова отъ *иностранныхъ*. *Иностранными* словами называются тѣ, которыя въ данномъ языкѣ чувствуются ясно, какъ чужія. Напр., указанное *лордъ*, *баронъ*, *султанъ*, *шахъ*, затѣмъ: *леопардъ*, *колибри* (птица) и проч. *Заимствованными* словами называются слова, уже совершенно ставшія въ позаимствовавшемъ ихъ языкѣ *своими*. Такъ, мы бы не догадались, что слова въ родѣ *тетрадь*, *богатырь*, *витязь*, *князь* когда-то были заимствованы въ русскій языкъ у сосѣдей, если бы на это самымъ опредѣленнымъ образомъ не указывало языкознаніе. Правда, не всегда мы можемъ съ точностью сказать, къ которой изъ двухъ группъ относится слово, заимствованное извнѣ. Такъ, французское *месье* (monsieur) въ русскомъ языкѣ съ одинаковымъ правомъ можетъ быть причислено къ *иностраннымъ* словамъ, какъ и къ *заимствованнымъ*. Но для насъ важно

то, что въ каждомъ языкѣ *въ любую эпоху* его существованія есть заимствованныя слова, и есть также слова иностранныя. Однако, если уже различеніе ихъ въ современномъ намъ языкѣ представляетъ часто большія трудности, то еще большія трудности представляетъ различеніе ихъ въ прошломъ, напр., въ древне-русскомъ языкѣ. Гораздо легче опредѣлить вообще, заимствовано ли слово въ данномъ языкѣ, или же оно свое. Интересуясь заимствованными словами въ русскомъ языкѣ, мы должны себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ ставить и вопросъ: какія слова заимствованы были въ русскій языкъ въ то время, когда онъ еще не успѣлъ пріобрѣсти тѣхъ особенностей, которыя отличаютъ его отъ другихъ славянскихъ языковъ, то-есть какія заимствованныя слова были уже въ общеславянскомъ языкѣ? Если мы при этомъ заинтересуемся вліяніемъ хотя бы германскимъ (нѣмецкимъ) на русскій языкъ съ общеславянскаго времени до нашихъ дней, то мы увидимъ, что форма (звуковой составъ) германскихъ заимствованій въ русскомъ языкѣ различна въ зависимости отъ того, въ какое время эти слова вошли въ русскій языкъ; и опять-таки, наоборотъ, по звуковому составу германскихъ заимствованій можно иногда судить о томъ, въ *какое* время они были усвоены русскими или ихъ языковыми предками. Такимъ образомъ, возможно различіе *эпохъ* (времени) заимствованія.

Книжныя и народныя заимствованія.

Большое значеніе имѣетъ также вопросъ, какимъ путемъ чужое слово проникло въ родной языкъ. Оно можетъ изъ *живого* чужого языка непосредственно проникнуть въ *живой* родной языкъ. Въ такомъ случаѣ уже звуковой составъ этого слова будетъ передавать особенности простонароднаго произношенія слова въ чужомъ языкѣ. Но можетъ также случиться, что слово изъ чужого литературнаго языка проникаетъ книжнымъ путемъ въ родной литературный языкъ. Тогда его можно назвать *книжнымъ* заимствованіемъ въ отличіе отъ перваго, *народнаго*. Какъ въ народныхъ заимствованіяхъ, такъ и въ книжныхъ необходимо различать *иностранныя* слова отъ *заимствованныхъ*. Такъ, въ переведенныхъ съ греческаго языка богослужебныхъ книгахъ встрѣчаются греческія слова, просто переписанныя славянскими буквами и непереведенныя. Напр., *панта та ѳѵни* вмѣсто *вси народы* и проч. Въ живой языкъ славянъ такія выраженія не проникали; они всегда были только мертвой письменной передачей непонятнаго чужого текста и, если остались въ славянскомъ переводѣ, то вслѣдствіе неопытности или просто даже лѣни переводчика. Вотъ такимъ книжнымъ словамъ скорѣе всего соотвѣтствуютъ въ области народныхъ заимствованій иностранныя

слова. Но если слово изъ *чужого* литературнаго языка проникаетъ въ родной литературный и отсюда уже находитъ себѣ путь въ живую рѣчь, гдѣ оно прививается, то это будетъ заимствованное слово книжнаго происхожденія. Можетъ случиться, что заимствованное слово оказывается одновременно въ данномъ языкѣ въ двухъ формахъ, какъ книжное и какъ литературное заимствованіе. Такъ, русское *налой* отражаетъ въ себѣ особенности греческаго *народнаго* произношенія, а рядомъ существующее *аналогій* носитъ явные слѣды заимствованія черезъ посредство *книжнаго* языка.

Форма заимствованія.

Наконецъ, необходимо еще отмѣтить, что заимствованіе далеко не всегда происходитъ въ формѣ чужого именительнаго падежа единственнаго числа. Такъ, слова: *іерей, грамотей* не могутъ быть объяснены изъ греческихъ народныхъ именит. пад. *іереасъ, грамотеасъ,* но мы поймемъ ихъ образованіе, если примемъ за исходный пунктъ этихъ заимствованій греческій родит. пад. *іерея, граматея.* Отсюда вновь образовенъ имен. пад. *іерей, грамотей,* подъ вліяніемъ такихъ отношеній родительнаго падежа къ именительному, какъ *края—край, боя—бой, воя—вой.* Русское слово *локонъ* только и понятно для насъ въ своихъ звукахъ, какъ заимствованіе изъ нѣмецкаго именительнаго множественнаго числа die Locken *(локэнъ)*; изъ формы единственнаго числа въ русскомъ языкѣ получилось бы *лока.*

Общеславянскія заимствованія.

Послѣ такихъ общихъ замѣчаній можно уже перейти къ перечисленію тѣхъ словъ въ русскомъ литературномъ языкѣ, которыя съ увѣренностью можно считать заимствованными. Какъ уже отмѣчено было раньше, этому перечисленію должно предшествовать указаніе тѣхъ заимствованныхъ словъ, которыя были уже въ общеславянскомъ языкѣ. Большинство ученыхъ теперь уже пришло къ выводу, что славянская общая прародина находилась къ востоку отъ границы распространенія *бука* (дерево), которая идетъ отъ Кенигсберга до Одессы—въ сѣверной части Приднѣпровья. Въ теченіе второго тысячелѣтія до Рождества Христова славяне распространились дальше на западъ и постепенно отъ Вислы до рѣки Одра, пока они не столкнулись съ германцами, передвигавшимися въ противоположномъ направленіи отъ Эльбы до Одра. Столкновеніе съ германскими племенами, въ то время отличавшимися большей культурой, заставило славянъ снова двинуться на востокъ. Если потомъ они занимаютъ тѣ же самыя мѣста до Эльбы, то это уже слѣдствіе позднѣйшаго ихъ движенія. Такимъ образомъ, въ первомъ тысячелѣтіи до Рождества Хри-

стова мы находимъ уже германскія племена на пространствѣ отъ Эльбы до Вислы. Въ V и VI вѣкахъ до Рож. Хр. германскія племена даже переправляются черезъ Вислу, появляются въ Галиціи и Буковинѣ и двигаются по направленію къ нижнему теченію Дуная. Это такъ называемые бастарны и скиры. Нѣсколько столѣтій спустя стремленіе германцевъ на востокъ повторяется. Въ этотъ разъ мы имѣемъ уже дѣло съ готскимъ нашествіемъ (II—VI вѣка послѣ Рож. Хр.). Готскій историкъ Іорданисъ сообщаетъ намъ, что готы подчинили себѣ всѣ сосѣднія славянскія племена и часть финскихъ. Ихъ господству положило конецъ нашествіе *гунновъ* (376 годъ).

Заимствованія у германцевъ.

Такимъ образомъ съ очень давнихъ временъ славяне были въ сношеніяхъ съ германцами. Вотъ почему историку можетъ вполнѣ естественнымъ показаться выводъ языковѣда, что рядъ славянскихъ словъ въ очень давнее время заимствованъ у германцевъ. Къ такимъ заимствованіямъ принадлежатъ слова: *хижина*, *изба*, *колодецъ*, *хлѣвъ*, *берегъ*, *холмъ;* они показываютъ, что славяне успѣли научиться кое-чему у своихъ сосѣдей, хотя далеко не всегда жили съ ними въ мирѣ. Отраженіемъ постоянныхъ войнъ являются слова: *князь*, *витязь*, *шеломъ* (о словѣ *шлемъ* см. еще ниже). Затѣмъ еще заимствованы: *пенязь*, *хлѣбъ*, *блюдо*, *мыто*, *молоко*, *гусь*, *купить*, *морковь*, *скотъ*. Здѣсь обнаруживается превосходство германцевъ надъ славянами въ дѣлахъ сельскаго хозяйства. Наконецъ заимствованы также слова: *чадо*, *гораздо*, *чужой*. Слово *чужой* первоначально было только названіе народа,—*deutsch*. Какъ уже сказано было выше, въ общеславянской прародинѣ не было *бука*. Съ этимъ деревомъ славяне познакомились только, когда столкнулись за Вислой съ германцами. Вотъ почему и это слово заимствовано ими у послѣднихъ.

Мы до сихъ поръ имѣли дѣло съ заимствованіями общеславянскаго времени. Имѣется еще рядъ очень старыхъ заимствованныхъ словъ, и притомъ словъ не только извѣстныхъ русскому, но и другимъ славянскимъ языкамъ. Но здѣсь приходится считаться съ возможностью, что они заимствованы нѣсколько позднѣе указанныхъ выше словъ, хотя также въ очень древнее время. Таковы слова: *котелъ*, *студъ*, *пудъ*, изъ названій растеній: *перецъ*, *черешня*, *рѣдька*. Для слова *вино* одинаково возможно заимствованіе отъ германцевъ или отъ римлянъ. Но, принимая во вниманіе, что слово *виноградъ* совершенно не объяснимо изъ латинскаго языка, но вполнѣ ясно по своей формѣ, если его признать германскимъ,—лучше будетъ и для вина предположить германское происхожденіе. Попытка со стороны германцевъ ввести христі-

анство среди славянъ, нашла себѣ отраженіе въ словахъ: *церковь*. *постъ* и *крестъ*. Германцы ввели у славянъ *осла*. они же познакомили своихъ сосѣдей съ *верблюдомъ* и *львомъ*, хотя врядъ ли въ старину о двухъ послѣднихъ животныхъ славяне знали больше, чѣмъ ихъ названіе. Отраженіемъ враждебныхъ отношеній является заимствованіе слова *мечъ*. Въ сравнительно позднее время славяне взяли у германцевъ названіе *цесаря—царя* (отъ имени Гая Юлія Цезаря) и *короля* (отъ Карла Великаго). Отъ германцевъ же они впервые услышали названіе народовъ *греки* и *римляне*.

Иранскія заимствованія.

Въ то время какъ съ Запада шло германское вліяніе, на юго-востокѣ славяне сталкивались со скиѳами и сарматами, народами иранской группы языковъ (ср. выше, с.). Вліяніе ихъ пока изучено еще очень мало; отчасти это зависитъ оттого, что намъ еще неизвѣстны примѣты, отличающія сарматскій языкъ отъ скиѳскаго. Вотъ почему лучше будетъ говорить въ данномъ случаѣ о вліяніи вообще иранскомъ. Это вліяніе отразилось въ заимствованіи словъ: *богъ*, *сто*, *чаша*. затѣмъ въ русскомъ языкѣ *собака*, *хата*. *чертогъ*, можетъ-быть, также и *конопля*. Вліяніе этихъ иранцевъ на языческія вѣрованія славянъ видно также изъ того, что послѣдніе заимствовали у нихъ и собственныя имена боговъ, какъ *Сварогъ* и *Хорсъ*.

Заимствованія у финновъ.

Отъ финскихъ народовъ, занимавшихъ центральную и сѣверную часть Европейской Россіи, славяне въ древнее время были отдѣлены *балтійскими* народами, изъ которыхъ теперь сохранились литовцы и латыши. Вотъ почему въ славянскихъ языкахъ нѣтъ такихъ старыхъ финскихъ заимствованій и встрѣчаются таковыя (какъ увидимъ далѣе) только въ русскомъ языкѣ. Зато есть, хотя и мало, *литовскихъ* словъ. Сюда принадлежитъ слово *деготь*. затѣмъ *ковшъ*. *янтарь*. не всюду извѣстное *ендова* «кувшинъ» и рядъ областныхъ бѣлорусскихъ словъ. Финское вліяніе началось позже, когда начинается усиленное движеніе русскихъ племенъ изъ приднѣпровскихъ мѣстностей на сѣверъ и сѣверовостокъ, — движеніе, которое постепенно привело, какъ намъ извѣстно, къ образованію Московскаго государства. Какъ далеко въ центральной Россіи въ старину было распространено финское населеніе, это намъ показываютъ названія русскихъ мѣстностей и рѣкъ въ средней и сѣверной Россіи, большая часть которыхъ финскаго происхожденія. Такъ, рѣка *Кама* по-фински значитъ «потокъ», *Ока* значитъ «рѣка», *Мста*—«черная», городъ *Вологда*—Бѣлгородъ. Но финскія заимствованныя слова въ русскомъ языкѣ въ громадномъ большинствѣ значительно болѣе поздняго происхо-

жденія. Очень немного такихъ финскихъ словъ, которыя вошли въ литературную русскую рѣчь. Къ числу ихъ относится *корсти* «гробъ», теперь уже неупотребительное. Затѣмъ *лойва* «лодка», *нарта* «родъ саней», *сани*, наконецъ, еще: *лабазъ*, *мыза*, *рига*, названіе рыбъ: *камбала*, *салакуша*, *сорога*, и птицы—*тетера*. При отсутствіи значительныхъ культурныхъ связей съ финнами естественно, что изъ обозначеній культурныхъ предметовъ въ русскій языкъ отъ нихъ попало только *кеньги* «сапоги». Въ сѣверно-русскихъ говорахъ, однако, финскихъ заимствованій очень много.

До сихъ поръ мы, для краткости, говорили о финскомъ вліяніи, подразумѣвая подъ этимъ словомъ только западные языки обширной финско-угорской семьи. Здѣсь наиболѣе сильное вліяніе оказали языки финскій въ Финляндіи и, кромѣ того, корельскій и вепсскій языки въ Олонецкой губерніи: эстонскій языкъ оставилъ только одно слово въ русскомъ—*мыза*. Изъ восточно-финскихъ особенно интересенъ для насъ *зырянскій*. Если мы заинтересуемся его вліяніемъ на русскій языкъ въ Архангельской, Вологодской, Вятской и Пермской губерніяхъ, то увидимъ, что тамъ оно довольно значительно, но въ литературномъ языкѣ оно отражается довольно мало, именно потому, что русскій литературный языкъ образовался на основаніи московскаго говора. Зырянскими словами въ немъ, поэтому, являются только: *кортома* «аренда», *курья* «заливъ», и *пельмени* (кушанье). Изъ финско-угорскихъ языковъ еще вліялъ на русскій языкъ *мадьярскій* или *венгерскій*. Его вліяніе опять-таки сильнѣе на югѣ, но въ литературномъ языкѣ едва ли не единственный слѣдъ его—названіе игры *лапта*.

Турецко-татарское вліяніе.

Возвращаясь, послѣ такого краткаго отступленія, къ древнимъ заимствованіямъ, я опять долженъ остановиться сначала на историческихъ фактахъ, чтобы выяснить вліяніе *турецко-татарскихъ* языковъ на русскій. Древнѣйшимъ племенемъ этой группы, съ которымъ столкнулись славяне, были волжскіе болгары. Во время извѣстнаго нашествія гунновъ на восточную Европу мы находимъ этихъ болгаръ въ числѣ гуннскихъ ордъ. Отчасти они послѣдовали за гуннскимъ королемъ Аттилой въ Западную Европу, но часть ихъ осталась на Кубани и Уралѣ. Послѣ смерти Аттилы и распаденія его огромнаго царства, часть этихъ болгаръ, послѣдовавшихъ за нимъ, оказывается въ Бессарабіи. Тутъ черезъ нѣсколько десятилѣтій они подчиняются власти другого турецко-татарскаго племени — *аваровъ*, но продолжаютъ еще свое существованіе. Часть этихъ болгаръ приблизительно въ 560 г. поселяется въ Паннониі (такъ римляне называли область по среднему

теченію Дуная), но отсюда также вытѣсняется и гибнетъ приблизительно въ 630 г. въ Баваріи. Въ 597 г. снова появляются болгары на Дунаѣ. Между тѣмъ авары сильно были ослаблены неоднократными своими набѣгами на Византію, и подчиненнымъ имъ болгарамъ удается освободиться отъ ихъ ига въ 635 году. Въ 679 г. засвидѣтельствовано новое передвиженіе въ придунайскія области изъ прикубанскихъ. Оставшіяся на югѣ Россіи болгарскія племена вскорѣ подчиняются и уничтожаются новымъ нашествіемъ хазаръ и турокъ. Въ VIII вѣкѣ на югѣ Россіи появляются хазары и печенѣги.

Древнѣйшія турецко-татарскія заимствованія.

Таковы древнѣйшія турецко-татарскія племена, которыя могли оказать вліяніе на русскій языкъ въ эпоху, предшествовавшую такъ называемому монгольскому (вѣрнѣе, *татарскому*) нашествію. Часть болжскихъ болгаръ сохранилась до нашихъ дней въ восточной Россіи и говоритъ на *чувашскомъ* языкѣ. Наука еще не достаточно подробно изучила всѣ старые турецко-татарскіе языки, чтобы увѣренно можно было различать старое болгарское вліяніе отъ хазарскаго и аварскаго. Поэтому приходится говорить вообще еще о турецко-татарскихъ заимствованіяхъ раньше татарскаго ига. Къ нимъ относятся: *быкъ, коза, хоруговь, болванъ*, какъ наиболѣе старые. Затѣмъ: *слонъ, телѣга, клобукъ, ковчегъ, бояринъ* (сюда же слово *баринъ*), *бисеръ, хощей, кума, курганъ, товаръ* и *шатеръ*. Изъ чувашскаго языка мы имѣемъ слова: *хозяинъ, лошадь, маякъ, сукманъ* («одежда»).

Татарское нашествіе и его слѣды.

Если это старое вліяніе не такъ сильно отразилось на русскомъ языкѣ, то татарское нашествіе оставило болѣе глубокіе слѣды въ немъ. Начиная съ XIII вѣка, число турецко-татарскихъ словъ въ русскомъ языкѣ значительно увеличивается. Отраженіемъ враждебныхъ столкновеній являются такія «тюркскія» слова у насъ, какъ: *нагайка, есаулъ, казакъ, кинжалъ, колчанъ* и *сайдакъ, булава, богатырь, караулъ* и *кандалы*. Но имѣются и другія слова. Напр.: *вьюкъ, казна, казначей, могорычъ, толмачъ, пай, таможня, баскакъ;* эти слова доказываютъ намъ благотворное вліяніе татарскаго ига на торговыя сношенія и денежное хозяйство на Руси. Турки насъ познакомили съ металлами, какъ *жесть* и *булатъ*, они привозили *жемчугъ, бусы, алмазъ, изумрудъ* и *фарфоръ*. Отъ нихъ же у насъ появился *сафьянъ* и *юфть*, затѣмъ: *нашатырь* и *нефть, утюгъ, фитиль, карандашъ, стаканъ, сундукъ* и *чемоданъ*. До сихъ поръ изъ Турціи привозится *табакъ;* насъ поэтому не удивитъ турецкое происхожденіе *люльки* и *стамбулки*. Польза восточной торговли для русскихъ особенно бросается въ глаза,

если обратить вниманіе на совершенно-турецкія названія матерій и одеждъ: *бархатъ, башмакъ, башлыкъ, тесьма, чулокъ, кафтанъ, чекмень, фережъ, чоботъ, колпакъ, кушакъ, япанча, кумачъ, куртка, бахрома, мухояръ, парча, кабатъ, сарафанъ, шароварыи, учкуръ*. Сообразно съ торговлей улучшалось и сообщеніе, а поэтому появились и такія новыя слова, какъ: *каюкъ* (лодка), *арба, кибитка*. Турецкое вліяніе обнаруживается и въ скотоводствѣ, поэтому мы имѣемъ отъ турокъ не только *каймакъ* и *кумысъ*, но также слова: *аргамакъ, меринъ, бугай, ишакъ, табунъ* и *чапракъ*, а затѣмъ и слова для обозначенія цвѣта лошадей: напр., *алый, бурый, буланый* и др. Турецкаго происхожденія имѣются и названія яствъ, какъ *лапша*, и названія растеній: *кизилъ, изюмъ, ревень, шафранъ, фисташка, камышъ*, затѣмъ и другія заимствованія, напр., *туманъ, курганъ* и *яруга* (ущелье). Что восточное вліяніе иногда было и не совсѣмъ полезное, видно изъ словъ ругательныхъ: *балбесъ, хамъ, башка, ни бельмеса* и др. Сюда же относится *гайдамакъ* «разбойникъ». Неблагожелательное отношеніе русскихъ къ новымъ сосѣдямъ отражается въ словѣ *басурманъ*, а полезное вліяніе турокъ отразилось въ заимствованіи малорусской *кобзы* и игры *ферзь* (шахматы).

Скандинавское вліяніе.

Намъ приходится опять уйти въ глубь исторіи на нѣсколько столѣтій, чтобы посмотрѣть, каково было скандинавское (сѣверно-германское) вліяніе на русскій языкъ уже послѣ начала Руси. Въ образованіи русскаго государства принимали участіе варяги. Они принесли съ собой нѣсколько именъ германскаго происхожденія, напр., *Аскольдъ, Рюрикъ, Игорь, Ольга, Олегъ* и слова, указывающія на ихъ участіе въ образованіи русскаго государства; напр., *тіунъ, ябедникъ* и *ябеда, дротикъ, кнутъ*. Самое названіе *Русь* и *русскій* происходитъ отъ нихъ. Это видно не только изъ того, что греческіе писатели, у которыхъ мы находимъ древнѣйшія сообщенія о Руси, *русскими* называютъ еще пришлыхъ варяговъ, а этотъ славянскій народъ они называютъ еще *славянами*,—но видно это также изъ того, что Швецію современныя финны называютъ *Руотси* (Ruotsi), отъ имени того варяжскаго племени, съ которымъ они лучше всего познакомились.

Гораздо раньше «начала Руси» уже завязались торговыя сношенія варяговъ въ Скандинавіи съ Византіей. Торговый путь, соединявшій эти страны шелъ черезъ современную Россію, поэтому и сношенія эти оказались, между прочимъ, полезными и для русскихъ. Отъ варяговъ они научились мореплаванію, какъ показываютъ варяжскія слова: *багоръ, крюкъ, якорь* и др., у нихъ они учились и торговлѣ. Это видно изъ словъ: *ящикъ, ларчикъ*.

шелкъ, сельдь. Въ то время, когда чувствовалось значеніе «великаго воднаго пути изъ варягъ въ греки», Византія была богаче и культурнѣе сѣверныхъ странъ; поэтому и вліяніе ея торговли на русскій языкъ болѣе замѣтно.

Греческое вліяніе.

Греки успѣли повліять на славянъ еще въ то время, когда послѣдніе говорили на одномъ общемъ языкѣ. Доказательствомъ этого вліянія являются слова: *колиба* «хижина», *комора, корабль, теремъ* и *макъ*. Сношенія ихъ съ сѣвернымъ берегомъ Чернаго моря и прилежащими странами продолжались и позднѣе, когда уже выдѣлился изъ общеславянскаго языка русскій языкъ. О греческомъ вліяніи свидѣтельствуютъ оставленныя ими въ русскомъ языкѣ слова: *баня, банка, кадка, кровать, лоханъ, миска, полата, скамья, таганъ, тетрадь, фонарь* и др. затѣмъ: *каторга, парусъ, лента, аксамитъ, зипунъ*, наконецъ: *хрусталь*. Отъ нихъ русскіе получили *бандуру* и *литавры*, черезъ нихъ познакомились съ новыми яствами: *куличъ, кутья, оладьи, сахаръ, уксусъ*,— съ новыми растеніями, какъ *огурецъ, свекла, скорода, финикъ* и проч. Отъ грековъ же попали въ Россію названія нѣкоторыхъ народовъ, какъ *фряги*, предки современныхъ французовъ, *цыгане*, и самое названіе *россійскій* и *Россія*. Отъ грековъ же идутъ слова: *исполать* (значило по-гречески «многая лѣта»), *хандра, катавасья* и *куролесить*. Слово *куролесить* первоначально значило пѣть «киріе элейсонъ», т.-е. Господи помилуй», и потомъ только оно получило дурное значеніе въ русскомъ языкѣ. Наконецъ греки намъ сообщили массу новыхъ названій рыбъ, преимущественно черноморскихъ; немногія изъ нихъ только извѣстны по всей Россіи, какъ *атеринка, барбуля, кефаль, паламида* и *скумбрія*.

Вліяніе греческое на русскій языкъ шло не только путемъ торговли, но и черезъ посредство книжниковъ и духовенства; но это вліяніе не прямо приходило къ намъ изъ Византіи, а находило себѣ важнаго посредника въ церковно-славянскомъ языкѣ. Русскіе приняли христіанство отъ грековъ, но это принятіе облегчили имъ церковно-славянскіе, т.-е. болгарскіе священники. Вотъ почему всѣ слова, относящіяся къ богослуженію и къ монашескому быту въ русскомъ языкѣ—греческія, но попали они къ намъ не непосредственно отъ грековъ, а черезъ болгаръ. Таковы названія христіанскихъ мѣсяцевъ: *январь, февраль* и т. д., названіе *субботы* и всѣ слова богослужебныя и церковныя: *акаѳистъ, аллилуія, алтарь, аминь, аналой, анаѳема, ангелъ, апостолъ, артосъ, архимандритъ, дьякъ, дьяконъ, евангелье, елей, епископъ, ересь, еретикъ, игуменъ, икона, иконостасъ, келья, канунъ, кивотъ*.

клиросъ, ладанъ, лента, монастырь, монахъ, панихида, пономарь, попадья, попъ, сорокоустъ, просфора, псаломъ, псалтырь, саванъ, тябло и др. Съ другой стороны христіанство же ввело и такія слова, какъ: *дьяволъ, ехидна, сатана, идолъ, іуда, китоврасъ, русалка* и др.

Церковно-славянское вліяніе.

Чтобы понять вліяніе церковно-славянскаго языка, мы должны помнить, что письменность этого языка дѣйствовала непрерывно отъ XI вѣка въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій на русскій языкъ, и вліяніе ея чувствовалось еще въ концѣ XVIII вѣка. Христіанство и вся литература христіанскаго содержанія насаждалась при его посредничествѣ. Вотъ почему не удивительно, если огромное количество книжныхъ словъ звуковой своей формой свидѣтельствуетъ о церковно-славянскомъ своемъ происхожденіи. Въ народныхъ лишь говорахъ часто сохранилось соотвѣтствующее старое русское, нецерковное слово. Такъ, заимствованы слова: *брємя* (но не заимствовано *берменный*), *гражданинъ* (но *горожанинъ*), *ограда, награда* (но *огородъ*), *суждєніе, надежда, одежда* (но *одёжа, надёжа*), *здравствовать* (но *здоровый*), *небо* (но *нёбо*), *членъ, глава, главный* (но *голова*), *заглавіе, гласный, огласить* (но *голосъ*), *вращать* (но *ворочать*), *между* (но *межа*), *прохладный, охлаждать* (но *холодъ*), *охрана, хранить* (но *пóхороны*), *храбрый, благо, храмъ* (но *хоромы*), *единый* (но *одинъ*), *едва* (но старое *одва*), *нужда* (но *нужный*), *прежде, краткій* (но *короткій*), *вкратцѣ, млечный* (но *молочный*), *мракъ* (но *обморокъ*), *нравъ, нравиться, равный* (но русское *ровный*), *разный* (но *врозь, порознь*), *разсказъ, разливъ* и иныя слова на *раз-* (напротивъ, русское *розыскъ, роскошь, роспись*, гдѣ всюду *роз-* сохранилось, такъ какъ здѣсь оно было подъ удареніемъ), *стража* (но *сторожъ*), *пещера* (но *печора*), *пламя* (но *пóломя*), *плынъ* (но *полóнъ*), *предразсудокъ, прекращать* (вообще всѣ слова съ приставкой *пре-*; напротивъ, исконно-русской была приставка *пере-*), *чуждый* (но *чужой*), *обратный* (но *оборотъ*), *рабъ* (но *наробокъ*), *растеніе* (но *ростъ*), *отрасль* (но *отростокъ*)

Кто ознакомился съ предыдущими статьями, тому нетрудно будетъ разобраться здѣсь, почему всѣ эти слова не могутъ быть исконно-русскими и должны быть признаны заимствованными. Многія изъ нихъ не имѣютъ ничего общаго съ христіанствомъ. Казалось бы страннымъ, почему они заимствованы изъ церковно-славянскаго языка. Но чтобы понять ихъ заимствованіе, мы должны вспомнить, что въ древней Руси совершенно не было свѣтскихъ школъ, а были только школы духовныя. Обученіе было въ рукахъ духовенства и велось на основаніи церковныхъ

книгъ. Только въ эпоху Петра Великаго рядомъ съ духовными школами появляется значительное количество свѣтскихъ, и по мѣрѣ того, какъ улучшались эти послѣднія, образованіе постепенно ускользало изъ рукъ духовенства. Съ этого времени только появилась возможность болѣе сильнаго вліянія на русскую литературную рѣчь культурнаго Запада. Чтеніе нашихъ русскихъ писателей еще можетъ насъ убѣдить, насколько, напр., русскій литературный языкъ еще въ XVIII вѣкѣ болѣе находился подъ церковно-славянскимъ вліяніемъ, чѣмъ въ наше время. Въ поэзіи и теперь еще попадаются славянскія слова, напр., *градъ* вм. городъ, *хладъ* вм. холодъ, *златой, младой* и проч., которыя въ *живой* рѣчи уже не употребляются.

Польское вліяніе.

Прежде чѣмъ совершенно кончилось церковно-славянское вліяніе, въ исторіи русскаго языка замѣтно другое сильное вліяніе со стороны *польскаго* языка. Оно носило другой характеръ, чѣмъ церковно-славянское, совершенно не коснулось христіанства, но было первымъ шагомъ для сближенія Россіи съ западной культурой. Фактами, особенно благопріятствовавшими усиленію польскаго вліянія на русскій языкъ были: польско-московскія войны, подчиненіе Малороссіи Польшѣ, кіевскія школы съ польскими учителями и приглашеніе польскихъ и малорусскихъ учителей и духовныхъ лицъ въ Москву въ XVII вѣкѣ. Наконецъ. способствовалъ такому вліянію въ литературѣ и переводъ съ польскаго языка на русскій ряда повѣстей и сказокъ. Въ извѣстномъ Домостроѣ XVI вѣка (см. ниже, с.) польскихъ заимствованій еще мало, но 100 лѣтъ спустя у Котошихина (см. ниже, с.) ихъ значительно больше. Петровская литература уже кишитъ такими словами.

Такимъ образомъ, въ русскій языкъ проникло нѣсколько польскихъ словъ, для которыхъ въ русскомъ языкѣ мы можемъ подобрать еще и исконно-русскія слова: *строгій* (но русск. *сторожъ*), *хорунжій* (но русск. *хоругвь*), *вензель* (но русск. *узелъ*), *венгры* (но *угры*) и др. Еще больше, однако, такихъ словъ, которыя и въ польскій языкъ проникли съ Запада. Напр. *бунтъ, бляха, будка, рама, винтъ, ярмарка, рынокъ, гвалтъ, крахмалъ, шлюзъ, важный, вирша, шнуръ, штука, шпага, штора, шляхта, тарелка, рисовать* и пр.

Заимствованія Петровской эпохи.

Едва ли не наибольшее количество заимствованныхъ словъ, съ точки зрѣнія продолжительности періода, въ который были занесены эти слова и съ точки зрѣнія жизнеспособности въ русскомъ литературномъ языкѣ, внесено Петромъ Великимъ и въ его

время. Эти заимствованныя слова не только показываютъ намъ заслуги Петра Великаго въ проведеніи западной культуры въ Россію, но показываютъ также, откуда шло въ Россію усовершенствованіе въ различныхъ ремеслахъ, наукахъ и искусствахъ. Правда, нельзя намъ забывать, что свѣдѣнія наши о словарномъ запасѣ, которымъ обладало Петровское время, очень еще незначительны. Матеріалъ огромный, но никто еще не брался за его разработку. Тѣмъ не менѣе, можно уже сказать, что столярное и слесарное ремесло, напр., многимъ обязано нѣмцамъ. Это видно изъ нѣмецкихъ заимствованныхъ словъ въ родѣ: *стамезка*. *слесарь* и проч. *Голландскій* языкъ снабдилъ насъ морскими техническими выраженіями въ родѣ: *фрегатъ*, *флотъ*, *вымпелъ*, *ботъ*, *лоцманъ*. *пакетботъ*. *галіотъ*, *докъ*. *штевень*, *крейсеръ*, *верфь*, *фарватеръ*, *матросъ*, *гавань*. *флагъ*, *киль*. *дскъ* и проч.

Голландскія слова.

Французскія, нѣмецкія и польскія слова.

Военное дѣло находилось подъ сильнымъ вліяніемъ Запада. Среди выраженій этого отдѣла мы находимъ, несомнѣнно, французскія, какъ: *редýтъ*, *калíберъ* и др.. нѣмецкія: *гренадеръ*, *піонеръ*, *солдатъ*, *офицеръ*, *провіантъ*, *батальонъ* и проч., наконецъ, польскія: *гвардія*. *пушка*, *фортеція* и др. Изъ области искусства также кое-что пришло къ намъ отъ поляковъ. Напр., *рисунокъ*, *рисовать*, можетъ-быть, и *музыка*. О словѣ *танецъ*, если его взять отдѣльно, трудно сказать, пришло ли оно отъ поляковъ или отъ нѣмцевъ, но другія польскія названія различныхъ танцевъ, напр., *краковякъ*, *венгерка*, *полька*. *мазурка*. дѣлаютъ очень вѣроятнымъ заимствованіе и перваго слова черезъ поляковъ.

Французское вліяніе.

Французское вліяніе на русскій языкъ особенно усилилось во время царствованія Екатерины II. Переписка Екатерины съ французскими писателями и учеными, подражаніе въ русской литературѣ французскому ложно-классицизму (см. ниже, с.),—эти факты не могли не содѣйствовать проникновенію въ русскій языкъ французскихъ словъ, а сильное увлеченіе французскимъ языкомъ послѣ отечественной войны должно было поддержать существованіе ихъ. Такъ, мы поймемъ присутствіе въ русскомъ языкѣ словъ въ родѣ: *визитъ*, *реверансъ*, *манера*, *театръ*, *бюро́*, *маскарадъ*, *мадамъ*. *бульваръ*, *контрадансъ*, *вокзалъ* и многихъ другихъ.

Иные источники заимствованій.

Этотъ обзоръ различныхъ иноязычныхъ вліяній въ русскомъ языкѣ не коснулся еще нѣкоторыхъ вліяній до Петровскаго времени. Наиболѣе древнимъ, изъ неупомянутыхъ еще, вліяніемъ, относящимся къ эпохѣ до выдѣленія русскаго языка, слѣдуетъ при-

знать *латинское*. Мы не говорили о немъ раньше, потому что слѣды его теперь не особенно замѣтны. Тѣмъ не менѣе, оно существовало. Ему мы обязаны такими словами, какъ *буйволъ*, *коляда*, *котъ* и *кошуля* «рубашка». Историческимъ продолженіемъ латинскаго языка является *румынскій*, но его вліяніе ограничивается почти югомъ Россіи. Тамъ много изъ него позаимствовано пастушескихъ выраженій. Въ литературный языкъ они не проникли. *Армянскихъ* словъ пока указано два: *коверъ* и *кочерга*. Незначительно и вліяніе *еврейскаго* языка. До сихъ поръ въ русской литературной рѣчи удалось найти только одно слово изъ этого источника: *колбаса*.

При какихъ условіяхъ заимствуются слова.

Кто интересуется вопросомъ о происхожденіи заимствованныхъ словъ въ русскомъ языкѣ, того долженъ также занимать вопросъ, почему заимствованы опредѣленныя слова именно изъ даннаго языка, и при какихъ условіяхъ вообще происходитъ заимствованіе. На эти вопросы наука пока не даетъ еще исчерпывающаго отвѣта.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ заимствованіе происходитъ одновременно съ усвоеніемъ новыхъ понятій. Подъ эту категорію подходятъ всѣ такъ называемыя культурныя слова. Въ этомъ случаѣ заимствованіе вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ культурное превосходство одного народа надъ другимъ, превосходство, которое можетъ, конечно, быть и весьма одностороннимъ. Можетъ произойти заимствованіе словъ, обозначающихъ уже *не* новыя понятія, напр., названія частей тѣла, числительныя, названія родственниковъ и домашнихъ животныхъ. Тутъ заимствованныя слова вытѣсняютъ старыя, имѣющіяся уже въ языкѣ. Такое вытѣсненіе возможно при культурномъ превосходствѣ одного народа надъ другимъ, но возможно и по другимъ причинамъ. Одна изъ нихъ—*изящность*: новое слово представляется болѣе изящнымъ, чѣмъ свое исконное. Можетъ повліять на заимствованіе и *краткость* новаго слова (напр., французское *кузенъ* вм. *двоюродный братъ*, гдѣ повліяла и изящность и краткость). Можетъ повліять и *комизмъ:* новое слово производитъ смѣшное впечатлѣніе и поэтому заимствуется (русское *пойга* «мальчикъ» изъ финск. языка). Можетъ повліять на заимствованіе и стремленіе похвастаться. Лица, знающія нѣсколько языковъ иногда отличаются этимъ свойствомъ. Наконецъ, можетъ вызвать заимствованіе и *боязнь* произнести свое слово. Это особенно важно имѣть въ виду при названіяхъ болѣзней, злыхъ духовъ и дикихъ звѣрей. Такое заимствованіе основано на суевѣріи, что злой духъ, животное или болѣзнь появляется, если будетъ произнесено ихъ названіе, и во избѣжаніе этого употребляются новыя заимство-

ванныя названія. Конечно, всѣ указанныя возможности представляются въ болѣе правильномъ освѣщеніи, если мы допустимъ, что заимствованіе можетъ имѣть не одну только причину, а нѣсколько причинъ, одновременно его вызывающихъ.

XXVII. Нарѣчія русскаго языка.

Дробленіе русскаго языка на нарѣчія и говоры.

Русскій языкъ, какъ и всякій другой языкъ, дѣлится на *нарѣчія*, а нарѣчія, въ свою очередь,— на *говоры*, т.-е. русскіе люди изъ разныхъ мѣстностей или изъ разныхъ сословій говорятъ хотя и на одномъ русскомъ языкѣ, но не совсѣмъ одинаково — на разныхъ нарѣчіяхъ. Различія между нарѣчіями и говорами одного и того же языка происходятъ отъ того, что жители разныхъ областей или люди, принадлежащіе къ разнымъ сословіямъ, мало сообщаются другъ съ другомъ или раньше когда-нибудь мало сообщались въ теченіе продолжительнаго времени. Между тѣмъ въ языкѣ постоянно происходятъ тѣ или другія измѣненія, и за время отсутствія сношеній въ одномъ нарѣчіи могутъ произойти такія измѣненія, которыхъ нѣтъ въ другомъ. Такъ, напримѣръ, если теперь одна деревня находится въ одной фабричной окру́гѣ, а другая въ эту окру́гу не входитъ, или если жители одной деревни ѣздятъ всѣ на базаръ въ одинъ городъ, а жители сосѣдней деревни ѣздятъ въ другой, то между говорами этихъ деревень появятся мало-по-малу различія, которыя тѣмъ больше будутъ увеличиваться, чѣмъ дольше эти деревни будутъ тянуть врозь. Наоборотъ, различные говоры сближаются, т.-е. разница между ними становится меньше, а сходство увеличивается, если среди нихъ возникаетъ новый городъ, базаръ, станція, пристань и т. п. и объединяетъ населеніе, бывшее до того времени разрозненнымъ, или если устраняются тѣ препятствія, которыя раньше разъединяли населеніе, напримѣръ, проводится дорога, каналъ, строится мостъ и т. д. Теперь, напримѣръ, очень способствуютъ сближенію говоровъ желѣзныя дороги; онѣ вызываютъ оживленныя сношенія между жителями удаленныхъ одна отъ другой областей, а это отражается на языкѣ: жители какой-нибудь ранѣе глухой деревушки начинаютъ приспособляться къ языку жителей большихъ городовъ, съ которыми у нихъ завязываются сношенія, и избѣгать тѣхъ особенностей своего языка, которыя тамъ кажутся смѣшными, и т. д.

То же, что происходитъ теперь, происходило и раньше: съ тѣхъ поръ, какъ русскій языкъ существуетъ, онъ всегда дро-

бился на нарѣчія и говоры, а такъ какъ различныя области, гдѣ слышится русскій языкъ, раньше были плохо связаны между собою и даже временами принадлежали разнымъ государствамъ[1]), то нарѣчія русскаго языка стали сильно отличаться другъ отъ друга, такъ что теперь, напримѣръ, великоруссъ-москвичъ, пожалуй, не сразу пойметъ малоросса изъ Полтавы.

Сравнивая нарѣчія и говоры русскаго языка между собою, можно опредѣлить, какія особенности каждаго нарѣчія появились раньше и какія позже. Такъ, если мы замѣчаемъ, что около желѣзной дороги говорятъ не такъ, какъ подальше отъ нея и въ ту, и въ другую сторону, ясно, что эта разница возникла не раньше того времени, какъ открылась желѣзная дорога, если только она не прошла тамъ, гдѣ пролегалъ какой-нибудь старый трактъ. Но когда мы видимъ, что на всемъ сѣверѣ отъ Архангельска до Владимира и отъ Пскова до Сибири и по всему Поволжью произносятъ *ц* вмѣсто *ч*, т.-е. говорятъ *цортъ, цотыре, цашка, хоцу* вмѣсто чортъ, четыре, чашка, хочу и т. п., что такое произношеніе уцѣлѣло всего въ 50 верстахъ отъ Москвы, между тѣмъ какъ въ самой Москвѣ и на югъ отъ нея никогда такъ не говорили,—мы можемъ съ увѣренностью сказать, что эта особенность явилась тамъ задолго до того времени, какъ Москва стала главнымъ городомъ Сѣверной Руси. Изъ исторіи мы знаемъ, что тѣ области, гдѣ теперь произносятъ *ц* вмѣсто *ч*, нѣкогда или были подъ управленіемъ новгородцевъ, или были заселены новгородцами, или состояли въ тѣсномъ союзѣ съ Новгородомъ; отсюда мы можемъ заключить, что произношеніе *ц* вмѣсто *ч* первоначально было особенностью языка новгородцевъ и ихъ сосѣдей. До насъ дошли старинныя книги и грамоты, писанныя въ Новгородѣ, начиная съ XI вѣка; во всѣхъ нихъ мы видимъ смѣшеніе буквъ «ч» и «ц»: новгородцы сплошь и рядомъ пишутъ «купчи» вмѣсто «купци», «цего» вмѣсто «чего», «личе» вмѣсто «лице» и т. д., а это указываетъ, что они произносили вмѣсто «ц» и «ч» одинъ и тотъ же звукъ (вѣроятно, именно *ц*).

Такимъ образомъ, сравненіе особенностей различныхъ говоровъ помогаетъ возстановить исторію языка, а знаніе исторіи языка важно, между прочимъ, и для исторіи самого народа.

Изученіе нарѣчій и говоровъ языка составляетъ особую науку, называемую *діалектологіей* отъ слова «діалектъ» (слово взято съ греческаго), которое по-русски значитъ «нарѣчіе» или «говоръ».

---

[1]) Такъ, напримѣръ, въ XIV—XVII вѣкахъ русскій народъ былъ раздѣленъ между двумя государствами: царствомъ Московскимъ и великимъ княжествомъ Литовскимъ.

Главныя нарѣчія русскаго языка.

Русскій языкъ дѣлится на три главныхъ нарѣчія: *великорусское* — въ бо́льшей части Россіи, *бѣлорусское* — на западѣ, въ губерніяхъ Могилевской, Витебской и Виленской, сѣверной части Гродненской, Минской и Черниговской, въ бо́льшей части Смоленской и по краямъ Ковенской, Псковской, Тверской, Калужской и Орловской губ., и *малорусское* — на югѣ Европейской Россіи въ Подольской, Волынской, Кіевской, Полтавской, Екатеринославской, Харьковской, Херсонской и Таврической губерніяхъ, въ восточной части Сѣдлецкой и Люблинской, южныхъ частяхъ Минской, Гродненской, Черниговской, Курской и Воронежской губерній и въ сѣверной части Бессарабской, а такъ же въ Австріи—въ Галичинѣ и Буковинѣ и въ Венгріи у Карпатскихъ горъ (такъ назыв. Угорская, т.-е. Венгерская и Прикарпатская Русь) (см. карту). Великорусское и малорусское нарѣчіе называютъ такъ же великорусскимъ и малорусскимъ языками, потому что они теперь очень сильно отличаются другъ отъ друга; не такъ удобно считать особымъ языкомъ бѣлорусское нарѣчіе, потому что оно и теперь очень близко къ великорусскому.

Одинъ изъ говоровъ великорусскаго нарѣчія, именно—московскій говоръ лёгъ въ основу государственнаго языка для всей Россіи и языка русской литературы и науки. Поэтому великорусское нарѣчіе распространяется постепенно за предѣлы великорусской области. Въ большихъ городахъ Малороссіи великорусское нарѣчіе слышится иногда чаще, чѣмъ малорусское. Такъ, въ Харьковѣ говорящихъ по-великорусски вдвое больше, чѣмъ по-малорусски, хотя Харьковская губернія вся малорусская.

Особенности великорусскаго нарѣчія.

Укажемъ нѣкоторыя особенности великорусскаго нарѣчія, отличающія его отъ другихъ нарѣчій: 1) Великоруссы произносятъ одинаково или почти одинаково *о* какъ въ открытомъ слогѣ (т.-е. въ слогѣ, оканчивающемся на гласный звукъ: *перо, го-рс*), такъ и въ закрытомъ (оканчивающемся на согласный звукъ: *возъ, горькій, нож-ка*) и притомъ какъ въ томъ случаѣ, если это *о* бѣглое (городокъ — городка, сонъ — сна), такъ и въ томъ случаѣ, когда оно не бѣглое (носъ — носа, пирогъ — пирога). 2) Вмѣсто *е* передъ твёрдыми согласными (т.-е. передъ такими, послѣ которыхъ пишутъ ъ, а, о, у, ы) произносятъ *ё: зелёный, вёсну* (на сѣверѣ и безъ ударенія: *вёснá, нёсý*). 3) Звуки *ы* и *и* произносятся не одинаково: *былъ* и *билъ, лысый* и *лисій* и т. п. 4) Вмѣсто бѣлорусскаго и малорусскаго *ы* произносятъ *о* въ словахъ *злой, худой, мою, рою* и т. п. 5) Всѣ согласные звуки, кромѣ шипящихъ и *и*, передъ гласными *е* и *и* произносятся мягко-

день, весь, пить, тихо, весёлый. 6) Именительный падежъ множественнаго числа существительныхъ мужескаго рода, а кое-гдѣ и женскаго, часто оканчивается на *а* и *я* (съ удареніемъ на окончаніи): *города, дома, мастера, учителя, края; податя. зеленя, пустоша* и т. п. 7) Въ мѣстномъ (предложномъ) падежѣ единств. числа существительныхъ мужескаго и средняго рода и въ дательномъ и мѣстномъ (предложномъ) женскаго рода *г, к, х* передъ *ъ* не переходятъ въ *з, ц, с: въ городкѣ, на пирогѣ, въ ухѣ. къ ногѣ, на рукѣ, блохѣ.* Кромѣ перечисленныхъ особенностей, въ великорусскомъ нарѣчіи много и другихъ отличій отъ другихъ нарѣчій. Такъ, очень многія вещи и понятія обозначаются у великоруссовъ, бѣлоруссовъ и малоруссовъ разными словами. Такъ, великоруссы рожь зовутъ *рожью*, а бѣлоруссы и малоруссы *житомъ*; у великоруссовъ *кузнецъ*, а у бѣлоруссовъ и малоруссовъ *коваль*, по-великорусски *топоръ*, а по-малорусски *сокира* и т. д.

Сѣверновеликорусское и южновеликорусское нарѣчіе.

Великорусское нарѣчіе, въ свою очередь, дѣлится на два нарѣчія: *сѣверновеликорусское* и *южновеликорусское*. Главное различіе между ними въ томъ, что въ сѣверновеликорусскомъ *окаютъ*, т.-е. произносятъ *о* безъ ударенія, какъ *о*, а въ южновеликорусскомъ *акаютъ*, т.-е. произносятъ *о* и *а* безъ ударенія одинаково, какъ *а*. Напримѣръ, въ сѣверновеликорусскомъ нарѣчіи произнесутъ: *пошолъ, домой, носить, окошко*, какъ написано, а въ южновеликорусскомъ: *пашолъ, дамой, насить, акошка* и т. д. Впрочемъ, въ сѣверновеликорусскомъ *о* безъ ударенія не всегда произносится, какъ *о*, а главнымъ образомъ тогда, когда за нимъ слѣдуетъ ударяемый слогъ. А въ южновеликорусскомъ вмѣсто *о* и *а* произносятъ *а* тоже преимущественно передъ ударяемымъ слогомъ, а въ другихъ слогахъ часто произносятъ неясный звукъ, похожій на *ы* или другіе звуки.

Другія отличія этихъ нарѣчій другъ отъ друга: 1) Въ сѣверновеликорусскомъ нарѣчіи *е, я* и *и* безъ ударенія произносятся по разному: *вёснá, берёза, прялá, пилúть* (выговариваютъ, какъ написано); *ъ* безъ ударенія никогда не произносится, какъ *я*. Въ южновеликорусскомъ *е* и *ъ* выговариваютъ или какъ *я* (такое произношеніе называютъ яканьемъ), или какъ *и*, при чёмъ, если вмѣсто *е* произносятъ *и*, то и вмѣсто *я* произнесутъ тоже *и*, т.-е. скажутъ или: бяри (бери), лянивай (лѣнивый), гляди, вялá (вела), прялá, дялá (дѣла) и проч. или: бпрú, линивай, глиди, вила, прила, дила и проч. 2) Въ сѣверновеликорусскомъ произносятъ *г* мгновенное (взрывное), т.-е. такъ же, какъ въ Москвѣ (это *г* въ концѣ словъ переходитъ въ *к*: лугъ, берегъ выговариваютъ, какъ *лукъ. берекъ*), кромѣ нѣкоторыхъ словъ (Бога,

КАРТА НАРѢЧІЙ РУССКАГО ЯЗЫКА.

богатый, богатырь, господинъ, Господь), въ которыхъ произносятъ *г* длительное (это *г* въ концѣ слова переходитъ въ *х*: слово «Богъ» произносится *Бохъ*). Въ южновеликорусскомъ *г* всегда длительное, какъ въ бѣлорусскомъ и малорусскомъ (т.-е. такое же, какъ въ московскомъ «Бога»); поэтому въ концѣ словъ тамъ вмѣсто *г* произносятъ *х*: *лухъ, берсхъ*. 3) Въ сѣверновеликорусскомъ глаголы въ 3-мъ лицѣ оканчиваются на — *ть: идетъ, сидятъ*, въ южновеликорусскомъ на—*ть: идетъ, сидятъ*. Остальныхъ отличій мы перечислять не будемъ, отмѣтимъ только, что для выраженія очень многихъ понятій въ обоихъ нарѣчіяхъ употребляются разныя слова; такъ, напримѣръ, въ сѣверновеликорусскомъ нарѣчіи жилую стройку называютъ *избой*, ячмень—*житомъ*, землю бороной *боронуютъ* или *волочатъ*, тѣсто мѣсятъ въ *квашнѣ* и проч., а въ южновеликорусскомъ для тѣхъ же понятій употребляютъ слова: *хата, ячмень, скородить, дежа* и т. д.

Переходные говоры.

Посерединѣ между сѣверновеликорусскимъ и южновеликорусскимъ нарѣчіями расположены говоры, которые по своимъ особенностямъ составляютъ *переходъ* отъ сѣверновеликорусскаго нарѣчія къ южновеликорусскому. Они появились уже давно благодаря тому, что на границѣ между обоими нарѣчіями была основана Москва, которая объединила великорусскую народность. Сначала московскій говоръ былъ сѣверновеликорусскимъ, но очень рано благодаря южновеликорусскому сосѣдству сдѣлался акающимъ. Подъ вліяніемъ Москвы аканье стало распространяться въ сѣверновеликорусской области, и такимъ образомъ появились *переходные говоры*, гдѣ уже акаютъ, но продолжаютъ, напримѣръ, произносить *г* по старому (т.-е. мгновенное) и сохраняютъ и другія сѣверновеликорусскія черты. Переходные говоры занимаютъ бо́льшую часть Псковской губ., небольшую часть Новгородской (на границѣ съ Псковской и Тверской), западную часть Тверской, сѣверо-западную часть Московской, сѣверные уѣзды Рязанской, Тамбовской и Пензенской губ., небольшую часть Владимирской и бо́льшую часть Поволжья. Само московское литературное нарѣчіе первоначально было такимъ же переходнымъ говоромъ. На сѣверъ и востокъ отъ этихъ говоровъ лежитъ сѣверновеликорусская область, а на югъ и на западъ—южновеликорусская.

Кромѣ переходныхъ акающихъ говоровъ, есть и такіе, въ которыхъ аканье усвоено лишь наполовину. Такъ, въ Егорьевскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи и въ другихъ мѣстахъ кое-гдѣ неударяемое *о* передъ удареніемъ вообще произносятъ, какъ *о*, но если въ ударяемомъ слогѣ стоитъ *а*, то и передъ удареніемъ будетъ *а*: *пошолъ, пошли, воды́, водой* и проч., но *пашла́, вада́*.

Дѣленіе сѣверновеликорусскаго нарѣчія.

Сѣверновеликорусское нарѣчіе тоже распадается на говоры. Въ однихъ изъ этихъ говоровъ *цокаютъ*, т.-е. произносятъ *ц* вмѣсто *ч*, напримѣръ: *цашка, цово, молцы* или *цяшка, цёво, молци*, въ другихъ *ч* произносятъ правильно, какъ въ Москвѣ. Въ нѣкоторыхъ цокающихъ говорахъ произносятъ часто *и* вмѣсто *ѣ: писня* (пѣсня), *мисець* (мѣсяцъ), *повíсить* (повѣсить) и проч., *е* вмѣсто *я: грезь, дедя* и пр. Въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ произносятъ *г* въ окончаніи родительнаго падежа—*ого: злого, богатого, ёго*, въ остальныхъ говорахъ *в*: *злова, ёво*. Въ Вологодской, Новгородской и другихъ губерніяхъ часто произносятъ *у* вмѣсто *в* и *л* передъ согласными и въ концѣ слова: *моўцяў* (въ 2 слога) (молчалъ), *готоў* (готовъ). Въ разныхъ мѣстахъ встрѣчается выговоръ *кя, кю, гя* послѣ *й* и мягкихъ согласныхъ: *хозяйкя, маленькёй, цяйкю, горькяя, съ деньгями*. Во многихъ мѣстахъ вмѣсто творительнаго падежа множественнаго числа употребляютъ дательный: *съ рукамъ, съ ногамъ* и т. д. Слова тоже не вездѣ употребляются одни и тѣ же. Такъ, въ Новгородской, Олонецкой и Архангельской губерніяхъ рѣдко говорятъ «лошадь», а все больше «*конь*»; землю тамъ не пашутъ, а *орютъ* и самъ пашущій не пахарь, а *ратай* и т. д.; между тѣмъ въ Ярославской, Владимирской и другихъ губерніяхъ говорятъ, какъ въ Москвѣ: *лошадь, пахать, пахарь*.

Говоры сѣверновеликорусскаго нарѣчія постепенно измѣняются, при чемъ эти измѣненія направлены въ одну сторону: стараются говорить *чище*, т.-е. ближе къ московскому выговору, стыдясь своего «сѣраго» произношенія. Благодаря этому, во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ раньше цокали, напримѣръ, въ Новгородской губерніи, теперь уже цокаютъ только бабы или вовсе не цокаютъ. Но, измѣняя старое произношеніе на новое, не всегда говорящіе навыкаютъ сразу говорить «правильно»; поэтому появляются новыя особенности, напримѣръ, произносятъ *чы* вмѣсто *чи: молчы, чыстой*, употребляютъ въ дательномъ падежѣ множеств. числа окончаніе *ми: мы пришли къ вами, людьми* и пр.

Различія въ южновеликорусскомъ нарѣчіи.

Неоднородно и южновеликорусское нарѣчіе. Въ однихъ южновеликорусскихъ говорахъ, напримѣръ, говорятъ *нясу́, няси́*, но *нисла́*, въ другихъ *нясла́, нясу́*, но *нисі́*, въ третьихъ: *нясла, нясу, няси́* и т. д.; въ однихъ (на юго-западѣ) произносятъ *у* вмѣсто *в: улѣзъ, усталъ* (всталъ), *у доми, у хату, дѣўка, двароў*, въ другихъ не произносятъ: *влѣзъ, фсталъ, въ доми, фъ хату, дѣфка, дварофъ* (на сѣверо-востокѣ); въ однихъ произносятъ окончаніе родительнаго падежа мѣстоименій и прилагательныхъ — *ого* съ *г: добрага, злога, яго* (на югѣ; ихъ

называютъ *яцунами*), въ другихъ—съ *в: добрава, злова, яво*. Вмѣсто—*ка*,—*ку* и т. п. послѣ *й* и мягкихъ согласныхъ во многихъ мѣстахъ говорятъ—*кя*,—*кю: хазяйкя*. Въ 3-мъ лицѣ единств. числа глаголовъ часто опускаютъ окончаніе—*ть: онъ зная* (знаетъ).

Бѣлорусское нарѣчіе.

Особенности *бѣлорусскаго нарѣчія* частью тѣ же, что въ сосѣднихъ говорахъ южновеликорусскихъ: бѣлоруссы *акаютъ*, такъ же выговариваютъ *г* и произносятъ въ 3-мъ лицѣ глаголовъ окончаніе мягко (*ть* или, по бѣлорусски, —*ць*); вмѣсто *в* передъ согласными и въ концѣ слова произносятъ *у* и окончаніе родительнаго падежа мѣстоименій и прилагательныхъ *ого* произносятъ съ *г*; но есть и такія особенности, которыхъ въ южновеликорусскомъ нарѣчіи нѣтъ: 1) они *дзекаютъ*, т.-е. выговариваютъ мягкія *дз*, *ц* вмѣсто мягкихъ *д. т: дзѣўка. дзялиць. анецъ. малаццы*; 2) *р* произносятъ всегда твердо: *рака́* (рѣка), *радомъ. гарў́* (горю), *рэзаць. варыць*; 3) какъ въ малорусскомъ, говорятъ *злый*, *мыю*; 4) въ именительномъ падежѣ множественнаго числа существительныхъ мужескаго и женскаго рода никогда не употребляютъ окончанія *а*; 5) передъ окончаніемъ *ъ* вмѣсто *г. к, х* произносятъ *з, ц, с: у парози, у вусъ* (въ ухѣ), *назъ. на руцъ. на сасъ* (сохѣ) и т. п.

Бѣлоруссы на границахъ съ великоруссами и поляками теперь уступаютъ тѣмъ и другимъ и привыкаютъ говорить по-великорусски и по-польски. На великорусской границѣ появились переходные говоры, въ которыхъ рядомъ съ великорусскими особенностями сохранились и нѣкоторыя бѣлорусскія черты, а на границѣ съ поляками бѣлоруссы по большей части знаютъ, кромѣ своего роднаго языка, и польскій языкъ, а потому въ свою рѣчь вносятъ много польскихъ словъ. Только на границѣ съ литовцами уступаютъ литовцы, которые говорятъ смѣшаннымъ языкомъ—наполовину по-литовски, наполовину по-бѣлорусски, а частью уже забыли свой языкъ и говорятъ по-бѣлорусски. Такихъ бывшихъ литовцевъ легко узнать по выговору *к* вмѣсто *х*: *карашо́, кало́дная вода*.

Само бѣлорусское нарѣчіе очень неоднородно: оно составилось изъ говоровъ, которые когда-то принадлежали разнымъ нарѣчіямъ. Поэтому теперь на сѣверѣ Бѣлоруссіи еще *цокаютъ* по-сѣверновеликорусски и говорятъ *съ рукамъ. съ ногамъ* и т. п., а на югѣ вмѣсто *о* въ закрытыхъ слогахъ (если оно не бѣглое), часто произносятъ подъ удареніемъ *уо*, а безъ ударенія *у*, а вмѣсто *ъ—іэ*, какъ въ сѣверныхъ малорусскихъ говорахъ.

Малорусское нарѣчіе.

Особенности *малорусскаго нарѣчія.* 1) Вмѣсто великорусскихъ *о, ё, е* въ закрытомъ слогѣ, если эти звуки не бѣглые, по большей части произносятъ *и* или другіе звуки, отличные отъ *о* и *е*, *вивса* (овса), *визъ, китъ, китка* (кошка), *нижка, мидъ, пичъ*, но *овэсъ, воза, кота, нога, мэду, у пэчы*, сравните *сонъ, увэсь* (весь), гдѣ *о, э* бѣглые. 2) *ѣ* произносится почти вездѣ какъ *и*, а на сѣверѣ, какъ *іэ*: *дидъ, лисъ, сино.* 3) *е* произносится, какъ *э*, а не какъ *ё*: *бэрэза, зэлэны, овэсъ.* 4) Говорятъ *злый, худый, мыю, рыю*, какъ въ бѣлорусскомъ. 5) Вмѣсто *в* передъ согласными и въ концѣ слова произносятъ *у*, какъ въ бѣлорусскомъ. 6) Звукъ *г*—длительный, какъ въ бѣлорусскомъ и южновеликорусскомъ. 7) Согласные звуки передъ *е, и* обыкновенно произносятся твёрдо: *дэнь, увэсь* (весь), *пыты, тыхо, чыны́ты, дывы́тыся* (смотрѣть). 8) Какъ и въ бѣлорусскомъ, въ именит. падежѣ множеств. числа отъ существительныхъ мужескаго и женскаго рода никогда не бываетъ окончанія *а.* 9) Въ мѣстномъ (предложномъ) падежѣ единств. числа существительныхъ мужескаго рода въ дательномъ и мѣстномъ женскаго рода передъ окончаніемъ *ѣ* вмѣсто *г, к, х* произносятъ *з, ц, с*: *въ лу́зи* (на лугу), *у кожу́си* (въ тулупѣ), *руці́, нозі́.* Конечно, кромѣ этихъ особенностей, въ малорусскомъ нарѣчіи есть и много другихъ, отличающихъ его отъ прочихъ нарѣчій.

Подраздѣленія малорусскаго нарѣчія.

Малорусское нарѣчіе можно дѣлить на четыре нарѣчія: *сѣверномалорусское* въ губерніяхъ Минской, Гродненской, Сѣдлецкой, Люблинской, части Черниговской и сѣверной части Кіевской и Волынской, *украинское* — въ остальной малорусской части Россіи, *галицкое* — въ Галиціи и *карпатско-угорское* въ Карпатахъ. Эти нарѣчія распадаются на говоры: такъ, въ украинскомъ нарѣчіи надо различать говоры восточноукраинскіе на востокъ отъ Днѣпра и западноукраинскіе на западъ и т. д. Различія между нарѣчіями и говорами малорусскаго нарѣчія большія, потому что малоруссы давно уже очень разрознены и теперь раздѣлены между тремя государствами. Укажемъ нѣкоторыя особенности отдѣльныхъ малорусскихъ нарѣчій. Въ украинскомъ и галицкомъ въ такихъ словахъ, какъ возъ, ножка и пр. (см. выше) произносятъ *и—визъ, нижка*, въ сѣверномалорусскомъ—*уо, уы* или *уэ*: *вуозъ, вуызъ, вуэзъ*, а въ карпатско угорскомъ—*у* или *ы*: *вузъ, вызъ.* Гласные звуки *ы* и *и* въ украинскомъ и галицкомъ произносятъ одинаково, какъ *ы* или какъ звукъ, средній между *ы* и *и*, а въ сѣверномалорусскомъ и карпатско-угорскомъ различаютъ, хотя и не такъ, какъ въ великорусскомъ. Въ сѣверно-

малорусскомъ и карпатско-угорскомъ вмѣсто *я* иногда произносятъ *е*, напримѣръ: *ссду, пстъ, мнисо* (мясо). Въ украинскомъ и сѣверномалорусскомъ звонкіе согласные звуки *б, д, г, з, ж* въ концѣ словъ не измѣняются, а въ галицкомъ и карпатско-угорскомъ переходятъ въ глухіе *п, х, т, с, ш: хлип* (хлѣбъ), *лит* (лёдъ) и т. п. Въ украинскомъ нарѣчіи, кромѣ самыхъ юго-западныхъ говоровъ, въ 3-мъ лицѣ глаголы оканчиваются на—*ть*: *бижыть, мовъять* (говорятъ), *йдуть*, а въ остальныхъ на—*ть*: *бижыть, мовъять, йдуть*.

Для болѣе подробнаго ознакомленія съ языкознаніемъ и отдѣльными вопросами, изложенными въ этомъ отдѣлѣ, можно рекомендовать слѣдующія книги: проф. *Поржезинскій* «Введеніе въ языковѣдѣніе». 1910 г. 2-е изд., проф. *Томсонъ* «Общее языковѣдѣніе». 1910 г. 2-е изд. Для ознакомленія со славянскими языками на русскомъ языкѣ нельзя указать ничего, кромѣ устарѣвшихъ уже и дорогихъ по цѣнѣ «Лекцій по славянскому языкознанію» проф. *Флоринскаго* (I и II томы, 1895 и 1897 гг.).

По исторіи русскаго языка можно указать лишь «Лекціи по исторіи русскаго языка» проф. *Соболевскаго*.

О нарѣчіяхъ русскаго языка болѣе подробныя свѣдѣнія можно найти въ книгахъ: 1) *В. Богородицкій*. Краткій очеркъ діалектологіи и исторіи русскаго языка. Казань, 1910; 2) *А. И. Соболевскій*. Опытъ русской діалектологіи, выпускъ 1: нарѣчія великорусское и бѣлорусское. С.-Петербургъ, 1897, и 3) *Его же*: Очеркъ русской діалектологіи, в. III. Нарѣчіе малорусское, въ журналѣ «Живая Старина» за 1892 г. (С.-Петербургъ). Послѣ выхода названныхъ сочиненій А. И. Соболевскаго сдѣлано много новыхъ и болѣе точныхъ наблюденій надъ русскими нарѣчіями. Статистическія свѣдѣнія о великоруссахъ, бѣлоруссахъ и малоруссахъ—въ книгѣ *Т. Флоринскаго*, Славянское племя, Кіевъ 1907, и *Л. Нидерле*, Обозрѣніе современнаго славянства, С.-Петерб., 1909 г.

Для собиранія свѣдѣній о говорахъ и нарѣчіяхъ русскаго языка существуютъ программы, приспособленныя для неспеціалистовъ, подробныя и краткія. *Программы* эти *разсылаются* всѣмъ желающимъ *даромъ*. Подробныя программы изданы Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ. Ихъ всѣхъ три: I. Программа для собиранія особенностей великорусскихъ говоровъ. II. Программа для собиранія особенностей бѣлорусскихъ говоровъ и III. Программа для собиранія особенностей малорусскихъ говоровъ. Желающіе получить программу должны писать въ С.-Петербургъ на имя Вто-

рого Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. Отвѣты на программы и всякія другія посылки на имя Академіи Наукъ можно пересылать по почтѣ *безплатно* (на основаніи ст. 374 Уст. Почт.). Краткія программы: 1) изданная Русскимъ Географическимъ Обществомъ въ С.-Петербургѣ (адресоваться на имя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества) и 2) Программа для собиранія свѣдѣній, необходимыхъ для составленія діалектологической карты русскаго языка, составлена Московскою Діалектолоическою Комиссіею, состоящею при отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. 1. Южно-великорусскіе говоры (изд. въ 1909 г.), 2. Сѣверно-великорусскіе говоры (печатается). Желающіе получить эту послѣднюю программу должны писать въ Московскую Діалектологическую Комиссію, Москва, Историческій музей на Красной площади.

Отвѣты на эти программы печатаются.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

ВВЕДЕНІЕ.

Что такое литература.

Литература — слово латинское и можетъ быть довольно точно переведено словомъ *письменность*, такъ какъ слово littera по-латыни значитъ *буква*. Однако обычно слово литература употребляется въ томъ же значеніи, что и наше *словесность*, т.-е. имѣется въ виду не только письменная, но и устная словесность.

Подъ словесностью же разумѣется обыкновенно вся *совокупность произведеній словесности*, принадлежащихъ тому или другому народу. Но что же такое произведеніе словесности?

Произведеніе словесности.

Слова *произведеніе словесности* употребляютъ въ широкомъ и въ узкомъ смыслѣ. Въ широкомъ смыслѣ произведеніемъ словесности, или иначе литературнымъ произведеніемъ, можно называть всякое произведеніе человѣческаго ума, выраженное словами, т.-е. не только сказку, стихотвореніе, пѣсню, повѣсть, но и ученое разсужденіе.

Но обыкновенно употребляютъ эти слова въ болѣе узкомъ смыслѣ; обыкновенно включаютъ въ кругъ произведеній, которыя изучаетъ исторія литературы, не всѣ произведенія словесности того или другого народа, а лишь произведенія *художественныя*.

Художественное произведеніе.

Подъ художественнымъ произведеніемъ разумѣется такое произведеніе слова, въ которомъ мысли выражаются не отвлеченно, а художественными образами, въ которомъ жизнь рисуется картинно. Такъ, разсужденіе на тему о вредѣ взятокъ не есть художественное произведеніе, но комедія Гоголя «Ревизоръ» — художественное произведеніе, такъ какъ осмѣиваетъ это явленіе, т.-е. взяточничество, въ живыхъ образахъ городничаго и прочихъ лицъ комедіи. Умѣстно здѣсь замѣтить, что среди художественныхъ произведеній, которыя составляютъ предметъ исторіи литера-

туры, различаютъ три главныхъ вида: *эпическое* (эпосъ), *лирическое* (лирика) и *драматическое* (драма).

Эпосъ, лирика и драма.

Подъ эпическимъ (греческое *эпосъ* — значитъ *слово, разсказъ*) произведеніемъ разумѣется такое художественное произведеніе, въ которомъ авторъ разсказываетъ о предметахъ и событіяхъ *внѣшняго* міра; такъ, эпическимъ произведеніемъ народнаго творчества можно назвать сказку; эпическимъ произведеніемъ является, напримѣръ, повѣсть Пушкина «Капитанская дочка». Лирическимъ произведеніемъ (греческое слово *лирика* можно перевести словомъ *пѣсня*) называется такое, въ которомъ авторъ знакомитъ читателя, главнымъ образомъ, со своей внутренней жизнью, со своими душевными переживаніями, чувствами, мыслями, стремленіями. Лирическимъ произведеніемъ, напримѣръ, можно назвать стихотвореніе Пушкина «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ» и т. п. Наконецъ, *драма* (слово это по-гречески значитъ *дѣйствіе*) отличается и отъ эпоса, и отъ лирики тѣмъ, что предъ читателемъ — не разсказъ о какихъ-либо событіяхъ или душевныхъ переживаніяхъ автора, а само дѣйствіе, самыя событія и душевныя переживанія дѣйствующихъ лицъ, какъ они раскрываются въ ихъ рѣчахъ, столкновеніяхъ, дѣйствіяхъ. Такъ, въ драмѣ Пушкина «Борисъ Годуновъ» самъ царь Борисъ выступаетъ предъ нами и своими рѣчами, своими распоряженіями и дѣйствіями раскрываетъ намъ свои душевныя муки, свое прошлое и свою судьбу.

Исторія литературы, ея задача и значеніе.

Итакъ, исторія литературы занимается изученіемъ литературы какого-нибудь народа или группы народовъ въ историческомъ порядкѣ, съ исторической точки зрѣнія.

Исторія литературы составляетъ такимъ образомъ отдѣлъ общей исторіи народа. Для того, чтобы понять, какъ развивалось то или другое общество, мы пользуемся всѣми дошедшими до насъ свидѣтельствами о жизни народа, объ его вѣрованіяхъ и представленіяхъ; среди этихъ свидѣтельствъ видное мѣсто занимаютъ художественныя произведенія, созданныя писателями интересующаго насъ народа. Художественныя произведенія даютъ намъ возможность понять тѣ стороны изъ его прошлаго, которыя не освѣщаются другими сохранившимися документами.

Возьмемъ примѣръ. Въ XVIII вѣкѣ происходила во Франціи рѣшительная борьба между дворянствомъ и такъ называемымъ третьимъ сословіемъ (см. подробно ниже), въ составъ котораго входили всѣ люди недворянскаго происхожденія, не имѣвшіе

особыхъ дворянскихъ правъ или привилегій. Ходъ этой борьбы выясняется изъ дошедшихъ до насъ документовъ той эпохи. У насъ есть указы правительства того времени, законы, изданные въ ту эпоху, книги, въ которыхъ одни отстаиваютъ преимущества дворянъ, другіе доказываютъ необходимость всеобщаго равенства. Словомъ, сохранились письменные документы административные, юридическіе, философскіе, публицистическіе. Люди, изучающіе эти документы, могутъ нарисовать себѣ картину этой борьбы. Они увидятъ, какъ дворяне опускались постепенно въ экономическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи, а третье сословіе, наоборотъ, захватывало въ свои руки торговлю и промышленность, выставляло даровитыхъ, энергичныхъ и образованныхъ людей, которые пріобрѣли огромное вліяніе на общество, вели борьбу противъ привилегій дворянства и отвоевывали у него одно преимущество за другимъ. Изученіе упомянутыхъ документовъ доступно не всѣмъ, оно требуетъ особыхъ пріемовъ и особыхъ знаній. Да и послѣ такого изученія, можно представить себѣ только общій ходъ борьбы. Изучающій не можетъ видѣть живыхъ людей той эпохи, ихъ радостей, страданій, слышать ихъ разговоры,—словомъ, представить себѣ, какъ историческія событія отражались на жизни различныхъ отдѣльныхъ лицъ и сами возникали благодаря потребностямъ этихъ живыхъ людей. Люди, жившіе тогда, волновавшіеся и страдавшіе и радовавшіеся, исчезли навсегда. А безъ нихъ неясна исторія, тусклой и блѣдной представляется картина постепеннаго развитія народа.

Художественная литература заполняетъ этотъ пробѣлъ. Отъ упомянутой эпохи до насъ дошли комедіи великаго тогдашняго писателя Бомарше (см. ниже статью о немъ): «Севильскій цырюльникъ» и «Женитьба Фигаро». Благодаря этимъ художественнымъ произведеніямъ, мы узнаемъ то, чего не даютъ намъ ни юридическіе, ни какіе-нибудь другіе документы. Предъ нами какъ живые, стоятъ лицомъ къ лицу: графъ Альмавива, распущенный дворянинъ, волокита, не умѣющій бороться за свои интересы, несмотря на все свое богатство, вліяніе, несмотря на то, что онъ и судья, и администраторъ, и полный хозяинъ въ своемъ округѣ,—и противъ него Фигаро, умный, энергичный и веселый плебей, подчиненный графу лакей, который въ борьбѣ съ могущественнымъ аристократомъ оказывается побѣдителемъ, при всемъ своемъ безправіи и бѣдности. Графъ хочетъ отнять его невѣсту Сюзанну, приглянувшуюся вельможному волокитѣ, но путемъ сложныхъ и искусныхъ уловокъ хитрый и изобрѣтательный лакей разрушаетъ планы графа и оставляетъ его въ дуракахъ. Въ этихъ двухъ ярко обрисованныхъ фигурахъ вос-

крешается передъ нами духъ эпохи, сосредоточенъ весь смыслъ времени. Въ личныхъ переживаніяхъ обоихъ героевъ отражаются основныя настроенія всего общества. За борьбой графа съ его лакеемъ воскресаютъ картины борьбы обоихъ сословій.

Такимъ образомъ, художественное произведеніе является однимъ изъ плодовъ общей творческой работы человѣчества, но оно отражаетъ жизнь въ *образахъ*. Оно передаетъ смыслъ и духъ времени въ особой формѣ. Вотъ почему отъ художника требуется нѣчто иное, чѣмъ отъ всякаго другого писателя. Въ его произведеніяхъ художественная форма играетъ первостепенную роль. Онъ увѣковѣчиваетъ свое время въ типахъ, т.-е. онъ въ созданномъ имъ образѣ отпечатлѣваетъ чувства, страсти и настроенія, свойственныя милліонамъ его современниковъ, а не одному лицу. Благодаря этой яркости образовъ, въ художественномъ произведеніи эпоха отражается иначе, чѣмъ въ другихъ документахъ. Художественное произведеніе дѣлаетъ ее доступной и ясной для всѣхъ. Видя на сценѣ графа Альмавиву и его лакея, человѣкъ, даже не имѣющій особыхъ историческихъ знаній, улавливаетъ настроеніе французскаго общества XVIII вѣка.

Задача исторіи литературы и заключается въ томъ, чтобы *по художественнымъ произведеніямъ возстановить картину развитія чувствъ, идей и настроеній, которыми жило общество.* Само собою разумѣется, что историку литературы нельзя ограничиться только художественными произведеніями. Часто философскія, и публицистическія и другія произведенія такъ ярко передаютъ настроеніе общества, чувства и стремленія милліоновъ современниковъ, что эти произведенія приходится включать въ исторію литературы. При этомъ, конечно, историкъ литературы разсматриваетъ ихъ только съ этой общей точки зрѣнія, не касаясь ихъ спеціальнаго значенія. Такъ, напр., приблизительно въ одно время съ комедіями Бомарше появилась книга Руссо: «Общественный договоръ». Хотя эта книга не принадлежитъ прямо къ области художественнаго творчества и является философско-политическимъ трудомъ, но она имѣла такое огромное вліяніе на массы, въ ней столько пламеннаго стремленія къ свободѣ и равенству, что она была типичнымъ выраженіемъ тогдашняго общественнаго настроенія и по справедливости включается въ исторію литературы.

Исторія литературы, какъ исторія самосознанія общества.

Такимъ образомъ, исторія литературы является *исторіей духовной жизни* того или другого народа, того или другого общества. Задача ея—въ томъ, чтобы прослѣдить развитіе этой духовной жизни народа, общества.

Точнѣе задачу литературы можно опредѣлить, какъ задачу *выяснить исторію самосознанія* того или другого народа, того или другого общества.

Исторія литературы изучаетъ тѣ произведенія, въ которыхъ отразился взглядъ извѣстнаго общества на себя, какъ именно на общество, какъ на извѣстную группу лицъ, связанныхъ одними общими условіями жизни, а также взглядъ и на эти условія. Такой взглядъ у каждаго общества является не сразу, а вырабатывается постепенно. Первоначально пытливость первобытнаго человѣка направляется на окружающій міръ, который человѣкъ старается понять и осмыслить для себя; изъ этихъ попытокъ вырастаетъ религія, выражающаяся первоначально въ миѳахъ [1]), и зачатки науки (точнѣе—знанія, пока еще не приведеннаго въ опредѣленую систему и не провѣреннаго). Эти зачатки науки можно усмотрѣть въ тѣхъ объясненіяхъ, которыя даетъ себѣ первобытный человѣкъ по поводу интересующихъ его явленій природы. Впослѣдствіи эти первоначальныя знанія теряютъ свой наивно-фантастическій оттѣнокъ и понемногу углубляются, становясь болѣе точными и болѣе опредѣленными; а вмѣстѣ съ тѣмъ расширяется и область знанія: человѣкъ переходитъ къ изученію себя, сначала какъ части этого окружающаго и въ связи съ нимъ, а затѣмъ къ опредѣленію своихъ свойствъ, какъ предмета природы, независимо отъ другихъ предметовъ ея. И только путемъ продолжительной работы мысли человѣкъ дѣлаетъ для себя понятными условія своего существованія въ обществѣ, выводя ихъ изъ ряда причинъ самаго разнообразнаго характера. Вотъ это-то *осмысленіе для себя условій своего существованія среди общества* и есть то, что называется самосознаніемъ даннаго человѣка или даннаго общества. Отсюда ясно, что, напр., учебникъ географіи или какое-нибудь сочиненіе по астрономіи, или по медицинѣ не могутъ войти въ исторію литературы: хотя въ нихъ мы найдемъ знанія, полезныя для насъ во многихъ отношеніяхъ, однако они ближайшимъ образомъ не могутъ выяснить намъ условій общественной жизни и отношеній къ ней отдѣльной личности.

Личность автора.

При разсмотрѣніи литературныхъ произведеній, какъ отраженія самосознанія общества, надо принять въ соображеніе личность автора. Въ самомъ дѣлѣ, каждое общество разбивается на отдѣльныя группы или классы; эти дѣленія возникаютъ, главнымъ образомъ, на основаніи экономиче-

[1]) Миѳъ значитъ по-гречески—разсказъ; такъ называются разсказы о богахъ, ихъ поступкахъ и отношеніи къ людямъ; въ этихъ разсказахъ и отражается взглядъ народа на окружающій міръ.

скихъ отношеній, но вліяютъ и на другія стороны жизни отдѣльныхъ классовъ: такъ, извѣстный характеръ матеріальныхъ условій того или иного класса (купцовъ, крестьянъ, рабочихъ и т. д.) вліяетъ и на характеръ умственнаго развитія этого класса; каждая общественная группа, находясь въ опредѣленныхъ условіяхъ жизни, по-своему развиваетъ свое міропониманіе, какъ и свое матеріальное благосостояніе. При такихъ условіяхъ, пониманіе однихъ и тѣхъ же явленій народной жизни будетъ различно въ разныхъ классахъ общества, а слѣдовательно, и отношеніе къ нимъ будетъ также различное. Если представимъ себѣ теперь въ лицѣ писателя человѣка извѣстнаго класса, то для него каждое явленіе будетъ представляться такимъ, какимъ оно будетъ казаться и тому классу, къ которому онъ принадлежитъ. Но если къ этому прибавить, что каждый писатель, какъ отдѣльная личность, имѣетъ, помимо классовыхъ, еще и свои личныя духовныя особенности, то будетъ понятно, что взглядъ его на то или иное явленіе будетъ, хотя бы въ нѣкоторой мѣрѣ, отличаться отъ взглядовъ другихъ, даже современныхъ ему писателей. Радищевъ, напр., въ концѣ XVIII вѣка былъ однимъ изъ немногихъ, кто могъ вѣрно понять и оцѣнить тогдашнее подневольное положеніе русскаго крестьянина; а рядомъ съ нимъ писатели-сентименталисты въ то же время освѣщали крестьянскую жизнь съ совершенно иной точки зрѣнія — рисовали ее въ картинахъ мирнаго благоденствія и счастья. Отсюда можно вывести, что всякое литературное произведеніе отличается въ широкой мѣрѣ субъективизмомъ, т.-е. отраженіемъ въ немъ личнаго міровоззрѣнія писателя. Это міровоззрѣніе сложилось изъ свойствъ личности писателя, какъ прирожденныхъ, такъ и развившихся подъ вліяніемъ воспитанія и жизни среди своего класса—весьма часто и подъ вліяніемъ классовой борьбы, а также и извѣстныхъ моментовъ общественной жизни. Такъ какъ на міровоззрѣніе писателя въ самой широкой мѣрѣ вліяетъ принадлежность его къ извѣстной общественной группѣ, то отсюда понятно и то, почему переживанія писателя могутъ представить интересъ и для другихъ (а не только для него самого и его близкихъ): вѣдь въ немъ, въ писателѣ, отражаются думы и чувства и другихъ людей его круга и, чѣмъ болѣе поэтъ отвѣчаетъ на эти думы и чувства и чѣмъ меньше даетъ картину того,что можетъ быть названо личнымъ,—тѣмъ болѣе значенія имѣетъ его произведеніе для общества въ смыслѣ соотвѣтствія духовнымъ нуждамъ послѣдняго.

Такимъ образомъ, литературныя произведенія создаются вслѣдствіе того, что отдѣльные писатели желаютъ выразить свое

(а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе общее — классовое или общественное) пониманіе тѣхъ или иныхъ явленій. Отсюда ясно, что въ разныя эпохи у различныхъ писателей, въ зависимости и отъ личныхъ особенностей, и отъ степени общественнаго самосознанія въ разныя эпохи, можетъ быть и различное пониманіе и освѣщеніе условій дѣйствительной жизни. Ясно, напр., что писатели XI и XIX вѣка могутъ различнымъ образомъ оцѣнивать явленія окружающей жизни, ибо отъ XI до XIX вѣка развитіе общества ушло далеко впередъ. Отсюда, слѣдуетъ, что исторія литературы, должна знакомить насъ съ тѣмъ, какъ постепенно развивалось общественное самосознаніе.

Вѣчное, общечеловѣческое значеніе литературы.

Изъ предшествующаго выяснилось, что литературныя произведенія даютъ матеріалъ для исторіи самосознанія общества, для исторіи духовной жизни народа.

Но значеніе художественнаго произведенія не ограничивается тѣмъ, что оно увѣковѣчиваетъ общественныя стремленія и типы той или другой эпохи. На протяженіи извѣстнаго намъ періода человѣческой исторіи цѣлый рядъ вопросовъ сохраняетъ неизмѣнно свой жгучій характеръ при всѣхъ измѣняющихся историческихъ условіяхъ. Нѣкоторыя свойства общественной жизни, какъ, напр., неравенство, эксплоатація однихъ классовъ другими и т. д. не могли быть устранены на протяженіи всего періода исторіи. Точно такъ же повторяются неизмѣнно возникающія на почвѣ этихъ неизмѣнныхъ условій различныя столкновенія, появляются въ различныя эпохи люди одного склада, однихъ стремленій. Эти вопросы, эти столкновенія, эти типы извѣстны подъ именемъ общечеловѣческихъ или вѣчныхъ. Такъ, напр., Донъ-Кихота (см. ниже) мы называемъ вѣчнымъ, міровымъ типомъ. Донъ-Кихотъ жилъ въ ту эпоху, когда странствующее рыцарство уже стало ненужнымъ, когда слабыхъ и безпомощныхъ уже взяли подъ свою защиту государственныя учрежденія, суды и правительство. А между тѣмъ онъ явился со старыми рыцарскими средствами на защиту справедливости и потому попадаетъ въ смѣшное положеніе. Тѣмъ не менѣе, онъ привлекаетъ наши симпатіи благородствомъ своихъ стремленій. Такіе непрактичные честные мечтатели являются неизмѣнно въ исторіи; и если художнику удалось воплотить разъ навсегда подобный образъ, мы говоримъ, что онъ создалъ вѣчнаго героя. Такими же героями являются Гамлетъ, Чайльдъ-Гарольдъ, Донъ-Жуанъ, Фаустъ и т. д. (см. ниже). Подобные герои позволяютъ намъ глубже постигнуть внутренній міръ человѣка, проникнуть въ природу человѣческихъ чувствъ и страстей вообще. Такимъ

образомъ литература освѣщаетъ вѣчные вопросы человѣческой жизни и вѣчныя свойства человѣка. И историку литературы необходимо при характеристикѣ художественныхъ произведеній отмѣчать не только ихъ историческое, но и вѣчное общечеловѣческое значеніе.

Требованія, предъявляемыя къ художественному произведенію, мѣняются въ зависимости отъ потребностей и воззрѣній общества. Поэтому критика художественныхъ произведеній для пониманія общественныхъ настроеній не менѣе важна, чѣмъ сами художественныя произведенія. Такъ, напр., въ разгаръ общественной борьбы, въ эпоху подъема общественнаго настроенія, какъ было у насъ во время реформъ Александра II, отъ художественнаго произведенія требуютъ прежде всего правильнаго и точнаго изображенія жизни, оцѣнки дѣйствительности въ духѣ передовыхъ стремленій времени, проповѣди передовыхъ идей: художникъ долженъ раскрывать причины общественнаго зла, бороться съ нимъ наравнѣ съ публицистами, долженъ выставлять напоказъ темныя стороны характера тѣхъ, кто задерживаетъ общественное развитіе, и свѣтлыя стороны характера тѣхъ, кто содѣйствуетъ ему. Форма художественнаго произведенія отступаетъ тогда на второй планъ передъ его идейнымъ содержаніемъ. Напротивъ того, въ періоды, когда общественное сознаніе понижается и общество отстранено отъ политической дѣятельности, — идейное содержаніе, проповѣдь передовыхъ идеаловъ отступаетъ на второй планъ. Отъ художественнаго произведенія требуютъ прежде всего красоты формы. Такъ было въ эпоху романтизма (см. ниже). Въ послѣдніе годы модернисты (см. ниже) даже открыто возстали противъ правдиваго изображенія дѣйствительности въ художественной литературѣ и возвели ее на ступень религіознаго богослуженія, требуя, чтобы поэтъ сталъ посредникомъ между землей и небомъ и раскрывалъ въ своихъ твореніяхъ цѣли и намѣренія Божества.

Споры объ истинномъ назначеніи художественнаго творчества не прекращались никогда. Но какъ ни разнообразны точки зрѣнія на литературу, — ясно одно, что знакомство съ нею необходимо всякому человѣку, желающему понять окружающій его міръ, желающему глубже постигнуть природу человѣка и законы, управляющіе человѣческимъ обществомъ.

ИСТОРІЯ ЗАПАДНЫХЪ ЛИТЕРАТУРЪ.

I. Гомеръ.

Греки.

Первыя поэтическія произведенія, возникшія въ Европѣ и дошедшія до насъ, были составлены на греческомъ языкѣ. Греческій народъ былъ самымъ древнимъ европейскимъ народомъ, о которомъ мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія. Этотъ народъ много думалъ надъ тѣми вопросами, которые впослѣдствіи продолжали занимать и занимаютъ еще и теперь европейское общество. Его поэты и ученые создали замѣчательныя произведенія, которыя имѣли огромное вліяніе на развитіе европейской литературы и науки.

Словомъ, Греція является истинной колыбелью европейской образованности, и знакомство съ первыми извѣстными намъ произведеніями греческой литературы должно предшествовать изученію европейской литературы. «Греческая исторія,—говоритъ одинъ изъ лучшихъ греческихъ историковъ,— остается важнѣйшей страницей въ исторіи человѣчества. Все то, за что мы боремся еще теперь,—истина, свобода, равенство,—за все это боролись уже греки».

Самыя раннія дошедшія до насъ свѣдѣнія говорятъ, что въ доисторическія времена греческій народъ, вѣроятно, жилъ въ *Θессаліи*, области, которая находится въ сѣверной части современной Греціи. Отсюда онъ постепенно разселился по западной и южной части Балканскаго полуострова. Мы почти ничего не знаемъ о томъ, какихъ туземцевъ застали здѣсь греки и какъ съ ними встрѣтились. Насколько историческіе источники позволяютъ намъ проникнуть въ глубь вѣковъ, мы находимъ всю область между Іонійскимъ и Эгейскимъ морями уже во владѣніи грековъ. Мы знаемъ, что на первыхъ порахъ на образованіе характера греческаго народа рѣшающее вліяніе оказали особенности природы. Благодаря обилію горъ, отсутствію крупныхъ рѣкъ и бездождію, почва не отличалась плодородіемъ, и едва ли могла доставить населенію благопріятныя условія для существованія. Зато изрѣзанные берега, обиліе естественныхъ бухтъ и гаваней, близость даже внутреннихъ областей къ морю,—все это рождало предпріимчивость, страсть къ путешествіямъ и торговлѣ, любовь

къ невѣдомымъ странамъ. Благодаря этимъ географическимъ особенностямъ, земледѣліе требовало отъ грековъ большихъ усилій, и на первыхъ порахъ они жили родами, т-е. члены одной семьи, а потомъ и цѣлаго рода, селились рядомъ, чтили общаго родоначальника, образовывали нѣчто въ родѣ отдѣльной самостоятельной деревни. Рано также обнаружилось стремленіе грековъ къ морю. Они постепенно завоевали всѣ острова Эгейскаго моря и захватили берега Малой Азіи. И первыя преданія, извѣстныя намъ, связаны съ героическими подвигами, трудностями и опасностями, которыми сопровождалось разселеніе грековъ по малоазіатскимъ берегамъ. За тысячу приблизительно лѣтъ до Р. Х. закончился этотъ процессъ завоеванія острововъ и Малой Азіи, и къ этому почти времени относятся первыя дошедшія до насъ пѣсни, въ которыхъ воспѣваются событія изъ этихъ войнъ, длившихся, быть-можетъ, цѣлыя столѣтія. Кромѣ того, въ этихъ поэмахъ отражаются религіозныя представленія древнихъ грековъ. Стремясь уяснить себѣ связь и причины окружающихъ явленій, греки создали рядъ разсказовъ (миѳовъ), объясняющихъ то или другое явленіе. Они населили весь міръ богами, при чемъ представляли себѣ ихъ съ человѣческими свойствами, желаніями, страстями, радостями и печалями. Каждый изъ боговъ управлялъ тѣмъ или другимъ царствомъ природы. Главнымъ богомъ былъ Зевсъ, отецъ боговъ и людей, богъ грома и молніи, «громовержецъ». Далѣе былъ особый богъ моря—Посейдонъ, богъ солнца—Геліосъ, богъ винодѣлія—Діонисъ и т. д. Эти боги имѣли пребываніе на высокой греческой горѣ Олимпѣ. Но кромѣ главныхъ боговъ, было безконечное количество второстепенныхъ божествъ. Были спеціальные духи полей и лѣсовъ, духи горъ и моря. Особыя богини, нимфы, населяли моря, лѣса и острова. Греки любили одухотворять все: борьбу силъ природы они представляли себѣ борьбою боговъ и ихъ потомковъ, которые носили имена титановъ. Эти вѣрованія грековъ сохранились въ упомянутыхъ пѣсняхъ.

Эпосъ. Эти пѣсни, которыя распѣвались пѣвцами, или, по-гречески, рапсодами, сохранились до нашего времени въ видѣ двухъ большихъ поэмъ: «Иліады» и «Одиссеи». Это — первыя произведенія европейской литературы. Конечно, и до нихъ были поэты. Такъ, преданіе сохранило имя сказочнаго поэта Орфея, патріарха европейской поэзіи, сохранило нѣсколько и другихъ именъ. Но отъ ихъ твореній до насъ не дошло ничего. Мы знаемъ только, что ихъ пѣсни были почти молитвами, а сами они, вѣроятно, были наполовину поэтами, наполовину жрецами, славословившими въ своихъ пѣсняхъ боговъ.

Творцомъ «Иліады» и «Одиссеи» въ древней Греціи всѣ считали слѣпого старца Гомера, о жизни котораго сохранилось много сказаній, но неизвѣстно ничего достовѣрнаго. Впослѣдствіи внимательное изученіе поэмъ обнаружило, что онѣ составились изъ пѣсенъ, которыя пѣлись многими пѣвцами, что каждый слѣдующій пѣвецъ прибавлялъ отъ себя подробности, присоединялъ отдѣльные разсказы къ тому, что слышалъ отъ своего предшественника. И если въ составленіи поэмъ и участвовалъ отдѣльный поэтъ, то его роль выразилась только въ томъ, что онъ, быть-можетъ, создалъ первоначальное зерно поэмъ, которое трудно отыскать среди позднѣйшихъ наслоеній. Трудно также сказать, одному ли пѣвцу принадлежала честь созданія такого первоначальнаго зерна въ обѣихъ поэмахъ, или каждая изъ нихъ создана отдѣльнымъ поэтомъ.

Если мы мало знаемъ объ авторѣ гомеровскихъ поэмъ, то относительно мѣста ихъ возникновенія едва ли можетъ быть сомнѣніе. Когда малоазіатскіе берега были завоеваны, здѣсь возникла богатая и веселая жизнь. Потомки героевъ, ведшихъ греческіе корабли въ Малую Азію, любили слушать пѣсни, въ которыхъ повѣствовалось о подвигахъ ихъ предковъ, и пѣвцы, приглашаемые на пиры этой аристократіи, служили лучшимъ украшеніемъ пиршествъ, такъ какъ ихъ пѣсни удовлетворяли художественнымъ потребностямъ хозяевъ и ихъ гостей. О времени возникновенія гомеровскихъ поэмъ мы также не имѣемъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Тщательное изученіе поэмъ приводитъ къ заключенію, что «Одиссея» создана позднѣе «Иліады». Во всякомъ случаѣ послѣднія пѣсни обоихъ произведеній возникли не позже конца VIII в. до Р. Х., а самыя раннія восходятъ къ IX столѣтію.

Такимъ образомъ, почти три тысячелѣтія отдѣляютъ насъ отъ той эпохи, когда появилось одно изъ прекраснѣйшихъ твореній человѣческаго духа, ставшее основаніемъ европейской литературы, остающееся до сихъ поръ любимымъ предметомъ чтенія у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. По гомеровскимъ поэмамъ мы можемъ опредѣлить, какъ жилъ и мыслилъ, во что вѣрилъ первый образованный народъ Европы, можемъ опредѣлить характеръ этого народа. Поэмы даютъ намъ глубокое изображеніе человѣческихъ страстей, помогаютъ уяснить смыслъ раннихъ столкновеній между различными общественными группами. Изъ нихъ мы черпаемъ матеріалъ для пониманія не только греческаго духа, но и общихъ основъ европейской образованности, для выясненія тѣхъ политическихъ, общественныхъ и нравственныхъ вопросовъ, которые не перестали волновать европейское общество и черезъ тридцать вѣковъ послѣ Гомера.

Мы уже отмѣтили, что обѣ поэмы тѣсно связаны съ военными и торговыми предпріятіями, которыми сопровождалось заселеніе греками мало-азіатскихъ береговъ.

Иліада.

«Иліада» рисуетъ захватывающій моментъ изъ событія, извѣстнаго подъ именемъ троянской войны, ссору величайшаго греческаго героя Ахиллеса съ главнымъ вождемъ греческаго войска царемъ Агамемнономъ и послѣдствія этой ссоры. Уже десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ корабли всѣхъ греческихъ городовъ прибыли къ берегамъ Малой Азіи для того, чтобы завоевать городъ царя Пріама, Трою или Иліонъ, отъ котораго получила свое названіе поэма. Греки хотѣли отмстить троянцамъ за то, что сынъ Пріама, Парисъ, оскорбилъ греческаго царя Менелая, похитивъ его жену, прекрасную Елену. Десять лѣтъ длилась осада Трои, когда произошла ссора между двумя вождями, чуть не погубившая общегреческое дѣло. Ахиллесъ и Агамемнонъ поссорились изъ-за красивой плѣнницы Бризеиды: Агамемнонъ отнялъ ее у Ахиллеса, и Ахиллесъ отказался участвовать въ битвахъ. Отсутствіе величайшаго героя ослабило силы грековъ, и троянцы, ставъ смѣлѣе, совершаютъ рядъ успѣшныхъ вылазокъ изъ города и прогоняютъ грековъ къ самымъ кораблямъ. Тогда другъ Ахиллеса Патроклъ, со слезами на глазахъ, упрашиваетъ его смягчить свой гнѣвъ. Но герой упорствуетъ и ограничивается тѣмъ, что даетъ Патроклу свое вооруженіе. Во время слѣдующаго боя храбрый сынъ Пріама, Гекторъ, убиваетъ своимъ копьемъ Патрокла. Смерть любимаго друга зажигаетъ сердце Ахиллеса пламенемъ мести. Онъ даже не слушаетъ Агамемнона, который возвращаетъ ему Бризеиду, и рвется въ бой. Всѣ боги Олимпа принимаютъ участіе въ разыгравшемся ужасномъ сраженіи и раздѣляются на два лагеря. Одни стоятъ за троянцевъ, другіе за грековъ. Мечъ Ахиллеса производитъ страшныя опустошенія среди троянцевъ, среди которыхъ гибнутъ два сына Пріама. Земля сотрясается отъ ярости дерущихся, и вотъ Ахиллесъ очутился лицомъ къ лицу со своимъ врагомъ, убійцей Патрокла, съ «божественнымъ» Гекторомъ, «котораго Трои сыны величали, какъ бога». Сцена прощанія Гектора съ женой Андромахой и малюткой-сыномъ, предшествующая выходу героя на бой, картина поединка между двумя величайшими героями обоихъ лагерей, бѣгство и смерть Гектора и безпощадная мстительность побѣдителя, привязавшаго къ колесницѣ трупъ врага и влекущаго его съ позоромъ въ греческій лагерь по пыльной землѣ, о которую бьется голова убитаго,—принадлежатъ къ прекраснѣйшимъ сценамъ поэмы. Но, можетъ-быть, самой трогательной и поэтической является заключительная

сцена, когда старый Пріамъ пробирается ночью въ ставку Ахиллеса и у ногъ растроганнаго героя вымаливаетъ себѣ трупъ сына. Поэма заканчивается описаніемъ глубокой скорби троянцевъ, во время похоронъ Гектора.

Одиссея.

Послѣ завоеванія греками Трои не всѣ герои благополучно возвратились на родину. Многихъ ждали опасности и приключенія. «Одиссея» изображаетъ исторію странствованій одного изъ главныхъ героевъ троянской войны—царя Итаки, Одиссея. Много лѣтъ странствовалъ онъ, прежде чѣмъ достигъ родного острова, гдѣ ждала его вѣрная жена Пенелопа и сынъ Телемакъ. На островѣ Огигіи Одиссея не пускала «свѣтлая нимфа» Калипсо, которая полюбила его и желала оставить навсегда у себя. Освободившись отъ нимфы, Одиссей, преслѣдуемый враждебнымъ ему богомъ моря Посейдономъ, терпитъ кораблекрушеніе и послѣ трехдневной борьбы съ бурными морскими волнами попадаетъ на островъ феакійскаго царя Алкиноя. Царь даетъ въ честь незнакомца пиръ. Описаніе дворца и пира — драгоцѣннѣйшій памятникъ, изъ котораго мы узнаемъ, какъ жили греки въ мирное время, подобно тому, какъ «Иліада» представляетъ собою картину ихъ жизни во время войны. Мы видимъ веселую и богатую жизнь аристократіи, пѣвца Демо́дока, поющаго о троянской войнѣ и вызывающаго слезы на глазахъ слушателей. Изъ его пѣсни мы узнаемъ, какъ взята была Троя. Грекамъ помогла хитрость Одиссея. Они сдѣлали видъ, что покинули берегъ Иліона, и оставили огромнаго деревяннаго коня, внутри котораго помѣстили отрядъ воиновъ. Троянцы ввели коня въ городъ, и ночью спрятанные воины впустили въ Трою вернувшееся греческое войско. По просьбѣ царя, Одиссей открываетъ свое имя и разсказываетъ о своихъ чудесныхъ приключеніяхъ. Въ странѣ «лотофаговъ» (народа, питавшагося особымъ растеніемъ—лотосомъ) онъ чуть не погибъ отъ этого «сладко-медвянаго» лотоса. Чудное растеніе заставляло вкусившаго забывать все въ мірѣ, и Одиссей еле увелъ своихъ спутниковъ на корабли. Далѣе, онъ попадаетъ въ страну циклоповъ, страшныхъ одноглазыхъ великановъ и чуть не становится жертвой циклопа Полифема. Чудовище заперло Одиссея и его спутниковъ въ пещерѣ и каждый день пожирало двоихъ. Только благодаря своей изобрѣтательности Одиссей спасся съ оставшимися спутниками отъ неизбѣжной смерти. Во время сна онъ выкалываетъ глазъ людоѣду и затѣмъ, пользуясь его слѣпотой, подвязываетъ каждаго спутника къ брюху барана. Такъ какъ бараны были огромной величины, то нельзя было догадаться объ этой уловкѣ, и ничего не подозрѣвавшій Полифемъ, выпуская свое стадо изъ пещеры, самъ

освободилъ своихъ плѣнниковъ. Избѣгнувъ одной опасности, Одиссей попадаетъ въ сѣти обольстительной волшебницы Цирцеи, чары которой чуть не заставили забыть его о родинѣ и семьѣ. Затѣмъ мы видимъ Одиссея въ загробномъ царствѣ, гдѣ онъ бесѣдуетъ съ тѣнями усопшихъ; онъ встрѣчаетъ здѣсь тѣни героевъ, боровшихся подъ Троей, между прочимъ, самого Агамемнона, который по возвращеніи на родину былъ предательски убитъ своей супругой Клитемнестрой и ея любовникомъ Эгистомъ. Ахиллесъ въ разговорѣ съ Одиссеемъ высказываетъ характерную для греческаго міровоззрѣнія мысль о томъ, что онъ предпочелъ бы быть поденщикомъ на землѣ, чѣмъ царемъ въ царствѣ тѣней. Одна изъ самыхъ волшебныхъ встрѣчъ Одиссея,—это встрѣча съ сиренами. Эти волшебницы обладали такимъ чарующимъ голосомъ, что корабли, проходившіе мимо ихъ острова, оставались здѣсь навѣки, и моряки, заслушавшись дивнаго пѣнія, погибали, опутанные чарами волшебныхъ дѣвъ. Одиссей приказалъ крѣпко привязать себя къ мачтѣ, а спутникамъ залѣпилъ уши воскомъ. И когда, услыхавъ пѣніе, онъ умолялъ ихъ отвязать его отъ мачты, они только крѣпче стянули веревки, и Одиссей, благодаря своей находчивости, оказался единственнымъ смертнымъ, который не поплатился жизнью за пѣніе сиренъ, тщетно манившихъ къ себѣ прославленнаго героя:

Къ намъ, Одиссей богоравный, великая слава ахеянъ,
Къ намъ съ кораблемъ подойди, сладкопѣньемъ сиренъ насладися.
Здѣсь ни одинъ не проходитъ съ своимъ кораблемъ мореходецъ,
Сердцеусладнаго пѣнья на нашемъ лугу не послушавъ...

Самое ужасное испытаніе ждало Одиссея въ узкомъ проливѣ, по обѣимъ сторонамъ котораго находились страшныя чудовища Сцилла и Харибда. Но и эту опасность Одиссей миновалъ, пожертвовавъ шестью спутниками, «жадной Сциллѣ».

Въ то время какъ Одиссей скитался въ далекихъ краяхъ среди бурь и опасностей, его жену осаждали женихи, расхищавшіе имущество Одиссея и съ угрозами требовавшіе, чтобы она избрала одного изъ нихъ въ мужья. Добродѣтельная Пенелопа употребляла рядъ хитростей, чтобы отдалить срокъ своего отвѣта. Явившись домой, Одиссей жестоко отмстилъ женихамъ, перебивъ ихъ всѣхъ до одного, и предалъ казни измѣнившихъ ему слугъ и рабынь.

Значеніе поэмъ Гомера.

Не только содержаніе поэмъ, но и самое отношеніе автора къ изображаемому событію свидѣтельствуетъ о томъ, что его произведеніе было поэзіей царей и знати, вождей и торговыхъ предпринимателей, господствомъ которыхъ характеризуется наиболѣе ранняя извѣстная

намъ пора греческой исторіи. Разгулъ, храбрость, изобрѣтательность, пытливость и любознательность — таковы свойства характера, которыя вскормила эта ранняя жизнь.

Первое, что бросается въ глаза въ поэмахъ, это—благоговѣйная любовь, съ которой авторъ относится къ вождямъ. Они, въ его глазахъ, единственные вершители событій. Хотя войну ведутъ народы, но фактически она сводится къ поединкамъ вождей. Отсутствіе одного Ахиллеса склоняетъ вѣсы счастья на сторону троянцевъ. Для автора поэмъ цари—«питомцы Зевеса», а народы сравниваются съ пчелами, которыя, «изъ горныхъ пещеръ вылетая роями, мчатся густыя, всечасно за купою новая купа». Если народы и созываются царями для совѣта, то они больше «внемлютъ царямъ», чѣмъ подаютъ свой голосъ. Поединокъ Париса и Менелая изображенъ великолѣпными красками. Красота, сила и храбрость обоихъ героевъ описаны въ преувеличенномъ видѣ; они напоминаютъ небожителей. Такъ же обрисованы Ахиллесъ и Гекторъ. Жажда войны и битвъ—признакъ избранныхъ натуръ. Народы, напротивъ того, изнурены тягостями «изнурительной брани» и жаждутъ вернуться на родину. Всѣ выгоды побѣды достаются вождямъ. Пѣвецъ относится съ презрѣніемъ къ тѣмъ представителямъ народа, которые осмѣливаются возражать царямъ. Авторъ не находитъ достаточно сильныхъ красокъ, чтобы изобразить ничтожество жалкаго урода Терсита, который постоянно «царей оскорблялъ» и «межъ безмолвными каркалъ одинъ празднословный». А между тѣмъ рѣчь Терсита—мятежный вопль угнетенныхъ противъ сильныхъ угнетателей:

Что, Агамемнонъ, ты сѣтуешь, чѣмъ ты еще недоволенъ?
Кущи твои преисполнены мѣди, и множество плѣнницъ
Въ кущахъ твоихъ, которыхъ тебѣ аргивяне избранныхъ
Первому въ рати даемъ, когда города разоряемъ.
Жаждешь ли злата еще, чтобъ его кто-нибудь изъ троянскихъ
Конниковъ славныхъ принесъ для тебя, въ искупленіе сына,
Коего въ узахъ я бы привелъ, иль другой аргивянинъ?
Хочешь ли новой жены, чтобъ любовію съ ней наслаждаться,
Въ сѣнь одному заключившися? Нѣтъ, недостойное дѣло,
Бывши главою народа, въ бѣды вовлекать насъ, ахеянъ!
Слабое, робкое племя, ахеянки мы, не ахейцы!
Въ домы свои отплывемъ, а его мы оставимъ подъ Троей
Здѣсь насыщаться чужими наградами; *пусть онъ узнаетъ,*
Служимъ ли помощью въ брани ему, иль не служимъ.

Палочные удары царя Одиссея и издѣвательства со стороны воиновъ послужили единственнымъ отвѣтомъ смѣлому уроду, и поэтъ явно сочувствуетъ этой жестокой расправѣ. Эпосъ не любитъ протестующихъ представителей народа, но зато съ любовію

изображаетъ вѣрныхъ и покорныхъ слугъ въ родѣ Эвмея, преданнаго раба Одиссея. Эвмей во время отсутствія царя тщательно оберегалъ его имущество и вообще не щадилъ себя ради своего господина, хотя въ награду за свою преданность пользовался отъ него довольно скуднымъ одѣяніемъ и пищей.

Среди вождей особенно ярко изображены Ахиллесъ и Одиссей. Въ лицѣ перваго поэтъ воплотилъ идеалъ воина съ беззавѣтной отвагой, воина, не знающаго границъ и въ гнѣвѣ и въ любви; тотъ идеалъ, который сдѣлался образцомъ доблести и предметомъ подражанія для послѣдующихъ вѣковъ. Его образъ ставили въ примѣръ школьникамъ, въ разсказахъ объ его мужествѣ черпалъ новыя силы Александръ Македонскій, забредши съ своими войсками въ дикія страны Востока. Ахиллесъ является передъ нами то въ видѣ безумно-смѣлаго воина, производящаго опустошенія среди троянцевъ, то въ видѣ гордой натуры, когда онъ ссорится съ Агамемнономъ, то мстителемъ и нѣжнымъ другомъ, когда онъ рыдаетъ надъ трупомъ Патрокла и безжалостно влачитъ тѣло его убійцы за своей колесницей, наконецъ, просто человѣкомъ, сжалившимся надъ горемъ старика отца въ ту минуту, когда умолкаютъ въ душѣ его всѣ порывы, кромѣ чистой человѣчности.

Если такія героическія личности, какъ Ахиллесъ создавались въ походахъ подъ вліяніемъ опасностей и битвъ, то въ личности Одиссея собраны черты, вырабатывавшіяся во время торговыхъ сношеній съ сосѣдями, при выполненіи разныхъ купеческихъ предпріятій. Ахиллесъ—воинъ, Одиссей—купецъ. Не даромъ Одиссей въ поэмахъ всегда называется «хитроумнымъ». Въ тѣхъ чудесныхъ приключеніяхъ, о которыхъ разсказываетъ Одиссей, отразился народный характеръ древнихъ грековъ не въ меньшей степени, чѣмъ въ подвигахъ Ахиллеса. Одиссей находчивъ и изобрѣтателенъ. Безъ этихъ свойствъ была бы немыслима полная неизвѣстности жизнь странствующаго грека, которому въ поискахъ новыхъ земель приходилось бывать среди самыхъ разнообразныхъ нравовъ, среди самыхъ несходныхъ условій жизни. Въ пещерѣ Полифема, возлѣ острова сиренъ и у страшной пасти Сциллы,—всюду онъ съ поразительной быстротой умѣетъ найти выходъ изъ безвыходнаго, казалось бы, положенія: Одиссей владѣетъ рѣдкимъ самообладаніемъ. Хладнокровно смотритъ онъ, какъ пожираетъ Полифемъ часть его спутниковъ, или какъ шестеро изъ нихъ исчезаютъ въ пасти Сциллы. Расчетъ преобладаетъ въ умѣ купца надъ благороднымъ и безумнымъ порывомъ: лучше потерять шестерыхъ товарищей, чѣмъ погибнуть всѣмъ. Одиссей остороженъ и лживъ. Онъ никогда

не открываетъ своего имени сразу, онъ неистощимъ въ сочиненіи несуществующихъ исторій. Онъ лжетъ часто безъ надобности, въ силу усвоенной привычки не раскрывать своихъ картъ, и не даромъ богиня Аѳина называетъ его «кознодѣемъ, на коварныя выдумки дерзкимъ», который «смолода пріучился ко лжи». Одиссей является воплощеніемъ того духа предпріимчивости, той пытливости и любознательности, которыя живутъ во всякомъ торговомъ народѣ. Онъ не можетъ подавить въ себѣ неудержимаго стремленія къ знакомству съ новыми народами. Его влечетъ въ страну циклоповъ желаніе узнать нравы, обычаи, образъ правленія, существующій у этого народа. Онъ носитъ въ себѣ тѣ инстинкты географа, которые развились въ наиболѣе пытливыхъ умахъ, благодаря скудной почвѣ и обилію береговъ въ древней Греціи.

Гомеровскія поэмы являются поэзіей вождей и героевъ, возникшей въ опредѣленной исторической обстановкѣ, и, тѣмъ не менѣе, онѣ занимаютъ почетное мѣсто среди тѣхъ литературныхъ произведеній, которыя исторія зачисляетъ въ разрядъ вѣчныхъ, неумирающихъ созданій человѣческаго духа. Какъ раннее произведеніе даровитаго народа, стоящаго у колыбели европейской цивилизаціи (образованности), поэмы Гомера представляютъ первое извѣстное намъ художественное воплощеніе нравственныхъ, общественныхъ и политическихъ идей, красною нитью проходившихъ черезъ исторію этой цивилизаціи, глубоко проникаютъ въ природу страстей, житейскихъ и общественныхъ столкновеній, возникшихъ и неумиравшихъ на протяженіи всей европейской исторіи. Наконецъ поэмы—первый извѣстный намъ европейскій образчикъ той формы поэтическаго творчества, которая носитъ названіе эпической поэзіи. Она на долгое время стала предметомъ подражанія для всѣхъ европейскихъ литературъ и въ своихъ типичныхъ чертахъ сохранилась до настоящаго времени. Если, ища корней европейской цивилизаціи, мы постоянно обращаемся къ великой греческой культурѣ, то гомеровскій эпосъ какъ самое яркое выраженіе греческаго національнаго духа, можетъ быть названъ тѣмъ плодотворнымъ сѣменемъ, изъ котораго выросло пышное дерево этой цивилизаціи.

II. Эсхилъ и Софоклъ.

Лирическая поэзія грековъ.

Послѣ «Иліады» и «Одиссеи» эпическая поэзія долго еще продолжала оставаться господствующей формой литературы въ древней Греціи. У Гомера было огромное количество подражателей, но ихъ поэмы

не дошли до насъ. Въ VI вѣкѣ эпосъ уступаетъ мѣсто лирической поэзіи. Ея возникновеніе связано съ упадкомъ аристократіи. Уже отъ древнѣйшей эпохи до насъ сохранилась поэма «Труды и дни» Гесіода, котораго древніе считали современникомъ Гомера. Эта поэма, въ противоположность героическому эпосу, изображаетъ тяжелую трудовую жизнь крестьянства, критически относится къ аристократіи, является сводомъ практическихъ правилъ житейской и нравственной мудрости земледѣльца. VII и VI вѣка до Р. Х. отмѣчены движеніемъ противъ аристократіи, которая возникла изъ родового быта и господство которой поддерживалось военно-торговыми предпріятіями. Къ началу VI вѣка усиливается промышленная жизнь, которая выдвинула на сцену новыхъ энергичныхъ людей на мѣсто прежнихъ, гордившихся знатностью своего рода. Значеніе аристократіи начинаетъ падать, и во многихъ греческихъ городахъ власть переходитъ къ народу. Аристократы не безъ сопротивленія уступили свое господство,—боролись за старый порядокъ и старались доказать его преимущества. Защитники народа, въ свою очередь, стремились обосновать его права. Благодаря этому и роль поэзіи измѣнилась. Раньше она занималась по преимуществу разсказомъ, т.-е. изображеніемъ событій и подвиговъ, черезъ которыя общество пришло къ сложившемуся аристократическому строю. Теперь различныя общественныя группы искали въ поэзіи отраженія своихъ чувствъ, настроеній, мыслей, которыя возникли среди новой борьбы. Поэзія стала изображать эти чувства и мысли, вообще занялась больше внутреннимъ міромъ человѣка, его душой, чѣмъ изображеніемъ внѣшнихъ событій. Благодаря этому эпическая поэзія, поэзія разсказа, смѣняется лирической, т.-е. поэзіей, въ которой поэтъ изображаетъ состояніе своей души. Цвѣтущій періодъ лирической поэзіи относится къ VII и VI вѣкамъ до Р. Х. Мы встрѣчаемъ поэтовъ въ родѣ Ѳеогнида, который злобно возстаетъ противъ народнаго демократическаго движенія, отстаиваетъ замкнутость старыхъ родовъ и ихъ преимущества. Далѣе такіе поэты, какъ Алкей, Сафо, Анакреонъ поютъ о наслажденіяхъ жизни, о любви и веселіи, выражая въ своей лирикѣ вкусы и внутренній міръ веселящейся и падающей аристократіи. Знаменитый законодатель и поэтъ, Солонъ, въ своей лирикѣ развивалъ примирительное направленіе въ борьбѣ между имущими и неимущими. Наконецъ въ поэзіи Симонида и величайшаго греческаго лирика Пиндара отразились успѣхи капитализма и научнаго мышленія, смѣнявшаго періодъ наивной вѣры, гордое сознаніе величія и богатства, достигнутаго греческимъ народомъ, стремленіе личности критиковать окружающій міръ. Лирическая поэзія является отраже-

ніемъ думъ и чувствъ, пережитыхъ греческимъ обществомъ въ теченіе VII и VI вѣковъ.

Трагедія.

Въ V столѣтіи лирика уступаетъ свое мѣсто трагедіи, которая приходитъ ей на смѣну такъ же, какъ она сама смѣнила эпическую поэзію. По мѣрѣ развитія критическаго отношенія къ дѣйствительности, съ упадкомъ вѣры въ преданія, съ упадкомъ религіозныхъ и миѳическихъ вѣрованій, вопросъ объ отношеніи между человѣческой личностью и божественнымъ предопредѣленіемъ, между свободной человѣческой волей и высшей необходимостью сталъ главнымъ вопросомъ греческой философской мысли. Пока человѣкъ вѣритъ въ божество и въ его благую волю, ему не трудно закрыть глаза на то, что ему представляется неправильнымъ и нелѣпымъ въ жизни. Онъ объясняетъ эти неправильности несовершенствомъ своего разума, неспособнаго понять намѣренія и цѣли божества. Но по мѣрѣ успѣховъ знанія, по мѣрѣ того какъ человѣкъ начинаетъ чувствовать свою власть надъ природой и жизнью, сознавать могущество своего разума и своей личной воли, онъ стремится привести жизнь въ соотвѣтствіе со своей волей и разумомъ, и тогда божество, на которое онъ возлагаетъ отвѣтственность за все непонятное и не подчиняющееся человѣку въ природѣ и жизни, рисуется ему уже не благой, а враждебной и слѣпой силой. Въ V вѣкѣ греческая трагедія поставила этотъ вопросъ объ отношеніи между человѣкомъ и богомъ, между свободной волей и подчиненіемъ, между знаніемъ и вѣрой. Она изображаетъ намъ страстное стремленіе человѣческаго ума, освобождающагося постепенно отъ религіозныхъ иллюзій, проникнуть въ цѣли рока, царящаго надъ человѣкомъ, направляющаго его дѣйствія вопреки его собственной волѣ. Эсхилъ и Софоклъ были геніальнѣйшими представителями греческой трагедіи. Какъ всѣ великіе поэты, они сумѣли такъ глубоко проникнуть въ сущность того вопроса, который поставило передъ ними ихъ время, что до нашего времени поэзія все еще черпаетъ свои сюжеты изъ богатой сокровищницы ихъ творчества. Достаточно вспомнить, что знаменитый современный бельгійскій поэтъ Метерлинкъ (см. дальше о Метерлинкѣ), по его собственному признанію, положилъ въ основу своихъ піесъ идею древне-греческаго рока. Эсхиловскій «Прометей» послужилъ образцомъ величайшимъ поэтамъ Европы вплоть до Гете и Шелли [1]).

[1]) Гете, великій нѣмецкій поэтъ (см. о Гете), прославился въ особенности своей трагедіей «Фаустъ», изъ другихъ его произведеній особенно извѣстны: романъ «Вертеръ», піесы: «Гецъ фонъ-Берлихингенъ», «Эгмонтъ», «Ифигенія въ Тавридѣ», поэма «Германъ и Доротея» и лирическія стихотворенія. Шелли, знаменитый англійскій поэтъ (1792—1822). Прославился своими лирическими стихотвореніями, поэмами: «Царица Мабъ», «Аласторъ» и піесами: «Освобожденный Прометей», «Ченчи» и др.

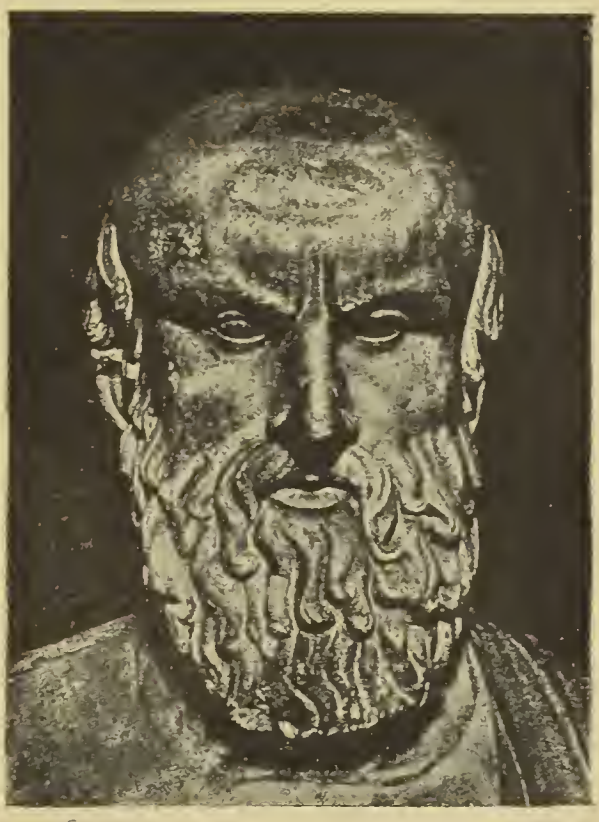
Греческая трагедія выросла изъ тѣхъ хвалебныхъ пѣсенъ, которыя пѣлись въ честь бога винодѣлія Діониса и носили названіе диѳирамбовъ. Въ нихъ говорилось о подвигахъ и приключеніяхъ этого бога, который въ представленіи грековъ является подателемъ жизненныхъ силъ, веселья и восторженнаго вдохновенія. Для большей наглядности разсказы стали вести впослѣдствіи отъ перваго лица, словно говорящіе были спутниками бога и участниками событій. Впослѣдствіи содержаніе пѣсенъ расширилось. Въ нихъ стали вводить событія, не относящіяся къ жизни Діониса. Изъ хора выдѣлился отдѣльный разсказчикъ, отвѣчавшій хору, затѣмъ двое, наконецъ, трое. Получился, настоящій разговоръ (діалогъ), и явились настоящіе актеры. Лирическая пѣсня стала трагедіей. Основателемъ ея считается Ѳесписъ (около половины VI вѣка до Р. Х.), впервые введшій актера и новые сюжеты. Далѣе исторія сохранила имя другого трагическаго поэта, Фриниха. Но настоящій расцвѣтъ трагедіи начинается съ Эсхила.

Эсхилъ. Онъ родился въ 525 году до Р. Х. въ Элевзисѣ въ знатной семьѣ и принималъ дѣятельное участіе въ величайшемъ историческомъ событіи своего времени, въ войнѣ грековъ съ могущественной персидской монархіей. Повидимому, Эсхилъ больше гордился своей храбростью, чѣмъ поэтической славой, и въ надгробной надписи, составленной имъ самимъ, онъ упоминаетъ только о битвѣ, въ которой былъ тяжело раненъ. Въ вопросахъ внутренней политики Эсхилъ, благодаря своему знатному происхожденію, во многомъ сочувствовалъ аристократіи, что, между прочимъ, сказалось въ его «Орестеѣ». Здѣсь онъ выводитъ богиню Аѳину въ качествѣ учредительницы верховнаго судилища аѳинянъ—ареопага. А между тѣмъ именно противъ этого аристократическаго судилища вела борьбу аѳинская народная партія. Есть даже основаніе думать, что Эсхилъ подъ конецъ своей жизни долженъ былъ уѣхать изъ Аѳинъ, вслѣдствіе побѣды враждебной ему демократіи. Но, вѣрнѣе, что Эсхилъ, человѣкъ умѣренный, мало вмѣшивавшійся въ политику, оставался всегда въ общемъ любимымъ поэтомъ. Онъ умеръ въ 456 г., въ Сициліи, гдѣ провелъ послѣдніе годы своей жизни

Обыкновенно, каждое представленіе въ Греціи состояло изъ трехъ трагедій, которыя вмѣстѣ назывались трилогіей (тре—наше три, логосъ—слово). Къ нимъ нерѣдко присоединялась еще четвертая піеса, носившая названіе сатирической. Всѣ вмѣстѣ онѣ составляли тетралогію (тетра—четыре).

Эсхилъ написалъ болѣе 70 трагедій и около 20 сатирическихъ піесъ. Но изъ всего этого литературнаго наслѣдія до насъ дошли

только семь трагедій: «Персы», «Семеро противъ Ѳивъ», «Прикованный Прометей», «Орестейя» (состоящая изъ трехъ трагедій: «Агамемнонъ», «Хоэфоры», «Эвмениды») и «Просительницы». Послѣдняя трагедія, повидимому, одно изъ раннихъ произведеній Эсхила, интересна какъ образчикъ того періода въ исторіи драматическаго искусства, когда трагедія была еще близка къ хоровой пѣснѣ, такъ какъ она, главнымъ образомъ, заполнена жалобными пѣснями хора. Этотъ хоръ образуютъ дочери Даная, прибѣжавшія изъ Египта со своимъ отцомъ въ Аргосъ просить защиты царя противъ насилія со стороны ихъ двоюродныхъ братьевъ. «Персы» интересны, какъ единственная дошедшая до насъ историческая трагедія. Въ ней изображается пораженіе персидскаго царя Ксеркса. Она отражаетъ религіозное міровоззрѣніе Эсхила. Причина несчастій Ксеркса — его гордая самоувѣренность: «онъ думалъ въ неразуміи своемъ превзойти боговъ и даже Посейдона самого», персы въ странѣ эллиновъ «безстыдно грабили боговъ кумиры и предавали храмы ихъ огню». Уже въ этой трагедіи выступаетъ та идея, что смертный всегда долженъ помнить о томъ, что боги не любятъ слишкомъ высоко вознесенныхъ людей. «Зевесъ — каратель гордецовъ чрезмѣрныхъ и судья неумолимый». «Смертному нельзя превозноситься». Эти слова выражаютъ нравственную идею трагедіи,—идею, которая скрывается и въ преданіи о Поликратѣ, наказанномъ богами за свое величіе и счастіе, и въ трагедіи Софокла «Эдипъ-царь», гдѣ хоръ въ его несчастной судьбѣ видитъ примѣръ того, какъ опасна не только гордость, но даже самодовольство, даже забвеніе о несчастьѣ. вѣчно сторожащемъ человѣка. Идея рока, царствующаго надъ міромъ и людьми, сила необходимости, подчиняющей себѣ лич-



Эсхилъ.

ную волю отдѣльнаго человѣка, еще ярче обрисовывается въ трагедіи «Семеро противъ Θивъ»; здѣсь гдѣ изображаются несчастья сыновей Эдипа, обреченныхъ на гибель за преступленіе отца, убившаго своего отца по опредѣленію судьбы противъ своего желанія.

Вопросъ объ отношеніи между гордой человѣческой личностью и божественной волей глубже всего поставленъ Эсхиломъ въ трагедіи «Прикованный Прометей», которая принадлежитъ къ числу прекраснѣйшихъ твореній міровой поэзіи. Въ основу трагедіи положенъ миѳъ, въ которомъ разсказывается, какъ титанъ Прометей, вопреки запрещенію Зевса, похитилъ съ неба огонь, открылъ его людямъ и былъ за это прикованъ къ скалѣ, гдѣ орелъ прилеталъ и клевалъ его печень. Изъ этого разсказа Эсхилъ сдѣлалъ философскую трагедію. Его Прометей возсталъ противъ Зевса, онъ открылъ людямъ не только огонь, но и всѣ тѣ искусства и знанія, которыя хотѣлъ скрыть отъ нихъ тираннъ вселенной, всемогущій Зевсъ. Одинъ, прикованный къ скалѣ, страдалецъ-титанъ, разсказываетъ объ услугахъ, оказанныхъ имъ людямъ и навлекшихъ на него гнѣвъ Зевса. Люди «долго по прихоти случайностей блуждали и было все въ нихъ смутно, и домовъ открытыхъ солнцу строить не умѣли изъ кирпичей или бревенъ, но въ землѣ какъ муравьи проворные гнѣздились во тьмѣ сырыхъ землянокъ и пещеръ». Прометей научилъ ихъ всѣмъ искусствамъ и наукамъ, указалъ восходъ свѣтилъ, закатъ ихъ, полный тайны, глубокую науку чиселъ, буквъ сложенье и творческую память, великую родительницу музъ. Онъ подчинилъ имъ животныхъ и изобрѣлъ для нихъ суда: «послушнаго браздамъ запрягъ коня, красу для глазъ и гордость человѣка, и съ крыльями льняными изобрѣлъ летающія въ морѣ колесницы для моряковъ». Онъ научилъ ихъ медицинѣ, употребленію цѣлебныхъ травъ, лѣкарственныхъ напитковъ, притираній и т. д. Ужасна казнь, которую придумалъ Зевсъ человѣку, дерзнувшему проникнуть въ тайны бога. Напрасно хоръ убѣждаетъ гордаго титана покориться царю вселенной. Прометей непреклоненъ въ самыхъ мукахъ своихъ. Какъ и всѣ вышеупомянутыя трагедіи, «Прометей» представляетъ собою только одну часть утраченной трилогіи. Благодаря тому, что утрачены обѣ другія части трилогіи о Прометеѣ, намъ трудно сказать, какъ разрѣшалъ въ концѣ-концовъ Эсхилъ споръ между человѣкомъ и богомъ, между дерзновенной волей и разумомъ человѣка, съ одной стороны, и стоящей надъ нимъ высшей силой—съ другой. Глубоко-религіозное міросозерцаніе Эсхила заставляетъ думать, что поэтъ не имѣлъ въ виду прославить возстаніе человѣка противъ бога. Но

несомнѣнно, что въ томъ обаяніи, которымъ поэтъ окружилъ образъ гордаго титана, сказалось вліяніе переворота, пережитаго греческимъ обществомъ въ V вѣкѣ. Съ развитіемъ торговли и промышленности, съ освобожденіемъ общества отъ религіозныхъ иллюзій, все болѣе укрѣпляется сознаніе, что овладѣвая знаніями и искусствами, человѣкъ отвоевываетъ все больше власти у силъ природы. Боги ненавидятъ такихъ людей, научающихъ человѣчество покорять себѣ силы природы, которыя раньше рисовались въ видѣ безсмертныхъ, непобѣдимыхъ боговъ и богинь. Прометей сталъ прообразомъ всѣхъ богоборцевъ, и европейская поэзія, какъ увидимъ, не разъ будетъ возвращаться къ этому сюжету, въ особенности въ тѣ эпохи, когда общество чувствовало, что между ходомъ жизни и его стремленіями возникало глубокое противорѣчіе.

Несомнѣнно, Эсхилъ въ лицѣ Прометея уже сталъ *въ значительной степени* на сторону личности, которая критикуетъ, разсуждаетъ, и ищетъ всему объясненія, и не хочетъ слѣпо подчиняться преданію и вѣрѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ еще вѣренъ религіозному преданію. Хоръ, выражающій обыкновенно нравственную идею автора, совѣтуетъ Прометею покориться Зевсу. Идея всесильнаго рока и безсилія человѣка еще проникаетъ поэзію Эсхила и особенно ярко обнаруживается въ «Орестеѣ», единственной полной трилогіи, дошедшей до насъ. Тѣ несчастія, которыя переживаетъ домъ Агамемнона, должны послужить искупленіемъ разъ совершоннаго грѣха. Являясь орудіемъ судьбы, мстителемъ за совершонное преступленіе, каждый изъ героевъ въ свою очередь совершаетъ новыя преступленія, требующія новаго искупленія, и страданія становятся удѣломъ всѣхъ героевъ, и никакія личныя усилія не въ состояніи предотвратить ихъ. Парисъ, похитивъ Елену, совершилъ первое преступленіе. Агамемнонъ—мститель за нарушенную справедливость исполняетъ велѣнія судьбы, когда завоевываетъ Трою. Но боги «не оставляютъ безъ вниманія того, кто пролилъ много крови», и Агамемнонъ одновременно является и орудіемъ справедливости и преступникомъ. По возвращеніи домой онъ падаетъ, отъ руки своей жены Клитемнестры и ея любовника Эгиста. Изображеніе этого предательскаго убійства составляетъ содержаніе первой части трилогіи «Агамемнонъ». Убійцы Агамемнона должны тоже погибнуть, и на этотъ разъ орудіемъ мести является его сынъ Орестъ, который убиваетъ свою мать и Эгиста. Месть убійцамъ служитъ сюжетомъ второй трагедіи «Хоэфоры», и, наконецъ, муки Ореста, котораго преслѣдуютъ Эвмениды, богини мести, воплощающія терзанія его совѣсти, изображены въ третьей части трилогіи.

Хотя Эсхилъ въ столкновеніи между свободной волей человѣка и высшей необходимостью, готовъ стать, повидимому, на сторону свободной личности, однако религіозное міропониманіе преобладаетъ въ его поэзіи. Сами по себѣ человѣческія дѣйствія не имѣютъ цѣли. Герои въ общемъ своими муками и борьбою служатъ осуществленію божественной воли, выполняютъ предопредѣленіе судьбы. Эсхилъ сдѣлалъ большой шагъ впередъ въ дѣлѣ очеловѣченья трагедіи, которая нѣкогда была религіозной хвалебной пѣснью. Его младшій современникъ Софоклъ пошелъ еще далѣе по этому пути.

Софоклъ. Софоклъ родился около 495 г. до Р. Х. и подобно Эсхилу принадлежалъ къ уважаемой семьѣ. Онъ получилъ прекрасное воспитаніе, пользовался уваженіемъ со стороны согражданъ и даже былъ избранъ на почетную должность, но, повидимому, горячаго участія въ государственной дѣятельности онъ не принималъ и былъ больше мудрецомъ и поэтомъ, чѣмъ человѣкомъ борьбы. Софоклъ умеръ около 405 года, послѣ того какъ въ теченіе 63 лѣтъ пользовался неизмѣннымъ успѣхомъ у публики, написалъ около 115 піесъ и одержалъ 20 побѣдъ на состязаніяхъ съ другими поэтами. Но изъ всего этого богатства исторія сохранила только 7 трагедій: «Эдипъ-царь», «Эдипъ въ Колоннѣ» и «Антигона», сюжетъ которыхъ заключается въ изображеніи несчастій, постигшихъ домъ ѳиванскаго царя Лая, далѣе «Электра», «Трахинянки», «Аяксъ» и «Филоктетъ».

Отличительной чертой творчества Софокла, какъ мы уже отмѣтили, является очеловѣченіе трагедіи, усиленіе интереса къ личности человѣка, къ его страстямъ и къ проявленіямъ его воли, которыя у Софокла отодвигаютъ на второй планъ божественное предопредѣленіе.

Эдипу, преступленіе котораго составляетъ основной узелъ первыхъ трехъ трагедій, согласно сказанію, было предопредѣлено судьбою убить своего отца Лая и вступить въ ужасный бракъ съ своей матерью Іокастой. Узнавъ изъ предсказанія оракула о грозящей ему отъ сына опасности, Лай велѣлъ умертвить сына, но ребенокъ былъ спасенъ почти чудомъ и выросъ у чужихъ людей, которыхъ считалъ за своихъ родителей. Эдипъ бѣжитъ отъ этихъ мнимыхъ родителей, чтобы избѣжать предопредѣленія судьбы. Благодаря случаю, онъ сталкивается съ Лаемъ и убиваетъ его, не подозрѣвая въ немъ отца. Придя затѣмъ въ Ѳивы, онъ спасаетъ городъ отъ страшнаго чудовища Сфинкса. Граждане провозглашаютъ его царемъ, и онъ вступаетъ въ кровосмѣсительный бракъ съ вдовой Лая.

Въ трагедіи «Эдипъ-царь» изображается гнѣвъ боговъ, возмущенныхъ присутствіемъ въ городѣ ужаснаго преступника и пославшихъ въ наказаніе на городъ моровую язву. Когда Эдипъ узнаетъ трагическую тайну, Іокаста въ отчаяніи кончаетъ жизнь самоубійствомъ, а онъ самъ «съ одеждъ ея сорвавъ застежки золотыя, прокололъ себѣ глаза ихъ остріемъ, твердя, что не увидитъ ни собственныхъ несчастій, ни злодѣйствъ». Слѣпой Эдипъ удаляется въ изгнаніе. Во второй трагедіи мы видимъ Эдипа въ предмѣстьи Аѳинъ — Колоннѣ. По предсказанію оракула, въ войнѣ, которая вспыхнетъ между аѳинянами и ѳиванцами, прахъ Эдипа долженъ послужить защитой аѳинянамъ. Поэтому между аѳинскимъ царемъ Тезеемъ и Креономъ, братомъ Іокасты, правителемъ Ѳивъ, возникаетъ споръ. Креонъ сначала умоляетъ Эдипа вернуться, а затѣмъ пытается увести его силой. Тезей защитилъ своего гостя. Эдипъ осыпаетъ упреками не только Креона, но и своихъ сыновей, которые не пожалѣли его въ день изгнанія. Когда между ними возгорается междуусобная война, и старшій Полиникъ проситъ у отца помощи, Эдипъ призываетъ проклятіе на голову обоихъ братьевъ, которые должны истребить другъ друга, и умираетъ на чужой сторонѣ, передъ смертью завѣщавъ свой прахъ пріютившей его землѣ. Въ «Антигонѣ» изображенъ третій эпизодъ изъ исторіи несчастнаго Лаева рода. Послѣ гибели обоихъ сыновей Эдипа, Креонъ запрещаетъ предать погребенію прахъ Полиника за то, что онъ пошелъ войною на родныя Ѳивы. Но сестра Антигона не могла помириться съ мыслью, что душа

Софоклъ.

ея брата подвергнется всѣмъ мукамъ, которыя, по представленію грековъ, были связаны съ лишеніемъ погребенія. Она совершаетъ обрядъ погребенія надъ трупомъ брата. Креонъ осуждаетъ преступницу на смерть. Она кончаетъ жизнь самоубійствомъ, при чемъ убиваетъ себя и сынъ Креона Гемонъ, женихъ Антигоны, и мать Гемона, царица Эвридика, узнавшая о смерти любимаго сына. Креонъ, потерявъ столько близкихъ людей, предается позднему раскаянью.

Несмотря на то, что рокъ, необходимость, продолжаютъ царить надъ трагедіей и у Софокла, въ его творчествѣ человѣкъ выступаетъ на первый планъ. Въ его піесахъ разсматриваются важные вопросы нравственности и жизни. Такъ, въ «Антигонѣ» предъ нами столкновеніе человѣческаго чувства и государственныхъ интересовъ. Суровому требованію «земного права», носителемъ котораго является Креонъ, Антигона противопоставляетъ «неписанный законъ» родственной любви. И въ первыхъ двухъ трагедіяхъ Эдипъ не просто жертва рока. Онъ—человѣкъ, обладающій свободной волей. Съ точки зрѣнія эллина за нимъ была извѣстная вина. Онъ слишкомъ отдался своему счастью и величію. Не даромъ хоръ все время поетъ о томъ, что «гордость рождаетъ тирановъ и многихъ насытивъ безумьемъ, все выше ведетъ ихъ къ обрыву». Съ точки зрѣнія маленькаго демократическаго народа всякое возвышеніе портило человѣка. Послѣ Софокла трагедія подъ перомъ третьяго великаго греческаго трагика Эврипида пріобрѣтаетъ еще болѣе земной характеръ, изображеніе страстей и чувствъ человѣка еще болѣе отодвигаетъ на второй планъ судьбу и предопредѣленіе.

Значеніе греческой поэзіи.

Значеніе греческой поэзіи для послѣдующей европейской литературы неизмѣримо. Она послужила предметомъ подражанія для римлянъ, когда послѣдніе овладѣли Греціей, и черезъ Италію стала вліять на всю европейскую культуру. Даже въ средніе вѣка, когда общество относилось отрицательно къ древнему міру, у греческихъ поэтовъ и философовъ черпали свои идеи многіе христіанскіе писатели, а послѣ среднихъ вѣковъ интересъ къ классической образованности усилился настолько, что вплоть до нашихъ дней классическое образованіе считается необходимой принадлежностью каждаго образованнаго человѣка.

III. Данте.

Характеръ среднихъ вѣковъ.

Періодъ европейской исторіи, длившійся почти цѣлое тысячелѣтіе и извѣстный подъ именемъ среднихъ вѣковъ, отмѣченъ преобладающимъ господствомъ одной главной силы, именно христіанства. Христіанство исходило изъ той мысли, что земная жизнь не представляетъ собою самодовлѣющей цѣли, а является только подготовкой къ будущей, болѣе важной и вѣчной жизни. Крайнее выраженіе эта мысль нашла въ ученіи, которое предполагало существованіе двухъ царствъ: божьяго и земного. Человѣческая природа грѣховна. Она, по ученію блаженнаго Августина, противится божественной волѣ. Жить истинно-христіанской жизнью, готовиться къ вѣчности—значитъ подавлять въ себѣ требованія природы, значитъ отречься отъ земли. Верховнымъ духовнымъ вождемъ европейскихъ христіанъ былъ папа. Папство сдѣлало изъ аскетической идеи могучее орудіе своей власти. Папа присвоилъ себѣ исключительное право быть выразителемъ воли Бога на землѣ. Онъ одинъ зналъ пути, ведущіе человѣка въ царство Божіе, и христіанскій міръ безпрекословно подчинялся ему.

Вліяніе папской церкви на всѣ стороны средневѣковой жизни было неизмѣримо. Въ рукахъ церкви находилась наука, носившая тогда названіе схоластики. Ея задача состояла не въ томъ, чтобы изслѣдовать явленія видимаго міра и устанавливать законы, управляющіе ими, а въ томъ, чтобы разъяснять, подкрѣплять и оправдывать истины, провозглашенныя церковью. Поэтому ученые не столько занимались фактами природы и жизни, сколько книгами и текстами, и изощряли свой умъ, чтобы путемъ искуснаго толкованія словъ и фразъ подогнать тексты подъ тотъ или другой желательный выводъ. Эта книжная ученость, далекая отъ жизни, извѣстная подъ именемъ схоластической, служила цѣлямъ церкви, и не даромъ въ тѣ времена существовало ходячее выраженіе, гласившее, что наука—служанка богословія.

Какъ схоластика должна была служить умственной защитой церкви, такъ рыцарство стало ея физической охраной. По первонача́льной своей идеѣ рыцарство было христовымъ воинствомъ, посвятившимъ себя на служеніе задачамъ церкви. Рыцари давали рядъ обѣтовъ. Одинъ изъ нихъ, именно, обѣтъ защищать женщинъ, привелъ къ особой формѣ поклоненія женщинѣ или такъ называемому «культу дамы». Рыцари установили особые таинственные обряды служенія. Дама являлась вдохновительницей

ихъ подвиговъ, и поклоненіе ей приняло таинственную форму, заимствованную изъ церковнаго культа Дѣвы Маріи. Средневѣковые пѣвцы, которые особенно процвѣтали въ прекрасномъ Провансѣ на югѣ Франціи, гдѣ они назывались трубадурами (въ сѣверной Франціи такіе пѣвцы назывались труверами, въ Германіи—миннезингерами), создали цѣлое ученіе о поклоненіи дамѣ, и особую любовную поэзію, въ которой дама являлась таинственнымъ почти безплотнымъ существомъ. И на всѣхъ сторонахъ жизни отразился порывъ къ небу, это отреченіе отъ земли.

Многіе тогдашніе храмы, носившіе названіе готическихъ, строились съ стрѣльчатыми сводами, уносящими въ высь; внутри ихъ царилъ мракъ, говорившій о страданіяхъ земли. Философія создала мистику, (греч. *мистика* значитъ *таинственное*) ученіе о таинственномъ сліяніи съ Богомъ, о непосредственномъ восторженномъ созерцаніи высшаго міра, о тайнахъ, скрытыхъ въ словахъ и цифрахъ.

Неудивительно, что средневѣковое общество привыкло искать отвѣта на вопросы жизни внѣ земли, въ другомъ мірѣ. Греческій и римскій міръ почти забыли, такъ какъ въ немъ не знали Христа. Историческая точка зрѣнія была чужда тогдашнему обществу: оно не представляло, что каждое вѣрованіе, каждая истина имѣетъ относительное условное значеніе, возникаетъ въ зависимости отъ условій своей эпохи. Это общество было убѣждено, что языческій міръ былъ эпохой тьмы, незнанія истины, что Богъ покаралъ все человѣчество до появленія Христа, погрузивъ его во тьму, что теперь истина найдена, папа является ея хранителемъ, и всякое дальнѣйшее развитіе христіанскихъ идей (мыслей) является торжествомъ ереси и подлежитъ преслѣдованію. Средневѣковые люди были нетерпимы. Они считали свою землю центромъ вселенной. Они не могли понять, что земля—ничтожная песчинка, вмѣстѣ съ безчисленнымъ количествомъ другихъ планетъ вертящаяся въ общемъ міровомъ движеніи.

Только къ концу среднихъ вѣковъ общество стало освобождаться отъ оковъ церкви, схоластики и аскетизма, (аскетизмъ—отреченіе отъ земныхъ благъ) и личность стала заявлять о своихъ законныхъ правахъ.

Данте.

Данте (1265 — 1321) — величайшій поэтъ среднихъ вѣковъ жилъ въ ту эпоху, когда уже колебались устои средневѣковья, и между папствомъ и свѣтской властью шла жестокая борьба за первенство въ христіанскомъ мірѣ.

О жизни Данте мы знаемъ немного. Извѣстно, что его юность была наполнена любовью къ Беатриче, которую, по разсказу Боккаччіо, перваго біографа Данте, онъ встрѣтилъ еще ребенкомъ

на балу и которой на всю жизнь воздвигнулъ культъ въ своемъ сердцѣ. Памятникомъ этой любви осталась «Новая жизнь», собраніе любовныхъ пѣсенъ, носившихъ названіе сонетовъ. Эти сонеты—прекраснѣйшій образецъ средневѣковой любовной поэзіи. Здѣсь нѣтъ мѣста земнымъ чувствамъ, и Беатриче является предметомъ чисто-духовнаго обожанія, вдохновительницей благороднѣйшихъ чувствъ и мыслей.

Данте.

Беатриче умерла въ 1290 году, и Данте послѣ періода страшнаго отчаянья и смятенія нашелъ себѣ утѣшеніе въ наукѣ, въ философскихъ занятіяхъ, въ посѣщеніи ученыхъ диспутовъ. Отголоскомъ этого періода его жизни явилось произведеніе «Пиръ», въ которомъ онъ высказалъ свои нравственныя и философскія воззрѣнія.

Философскія занятія Данте были прерваны политическими бурями въ его родномъ городѣ. Здѣсь борьба между сторон-

никами папы (гвельфами) и сторонниками императора (гибеллинами) происходившая повсюду, осложнилась еще борьбой между знатью и народной партіей. Данте принадлежалъ къ гибеллинамъ и послѣ ихъ пораженія подвергся преслѣдованіямъ и долженъ былъ въ 1302 году навсегда покинуть Флоренцію. Повидимому, Данте много вытерпѣлъ страданій на чужбинѣ. Свои политическія воззрѣнія Данте изложилъ въ трактатѣ «О монархіи», въ которомъ отстаиваетъ идею независимости императорской власти отъ папской. Данте умеръ въ Равеннѣ у своего друга Гвидо Новелло, который пріютилъ у себя поэта подъ конецъ его жизни. Въ Равеннѣ покоятся останки великаго поэта.

„Божественная комедія“.

Главное твореніе Данте—поэма «Божественная комедія». Данте разсказываетъ въ ней исторію своего путешествія въ загробный міръ. Этотъ міръ состоитъ изъ трехъ царствъ: ада, чистилища и рая. Описанію каждой посвящена одна изъ трехъ частей поэмы. Адъ рисовался поэту въ видѣ опрокинутой воронки, раздѣленной на девять круговъ. Ея основаніе находилось на поверхности земли, а острее у самаго центра ея. Узкой дорожкой, идущей отъ центра земли, адъ соединяется съ другимъ полушаріемъ земли. Послѣднее было необитаемо и покрыто водой. Изъ него выступала гора, въ верхней части которой помѣщалось Чистилище, состоявшее изъ семи круговъ. Наконецъ всю землю окружаютъ девять небесныхъ круговъ, которые необходимо пройти для того, чтобы достигнуть рая, десятаго неба, называвшагося Эмпиреемъ, гдѣ пребываетъ Господь.

Лучшая изъ трехъ частей—первая, Адъ. Въ ней изображены ужасныя муки грѣшниковъ. Чѣмъ ниже кругъ, тѣмъ тяжелѣе казнь. Данте заблудился въ темномъ лѣсу, и три страшныхъ звѣря: левъ, пантера и волчица, мѣшали ему пройти на холмъ, откуда велъ путь въ Адъ. Его провелъ туда знаменитый римскій поэтъ Вергилій, жившій за двѣнадцать столѣтій до Данте и явившійся къ нему на помощь изъ загробнаго міра. У входа въ адъ Данте съ ужасомъ читаетъ надпись:

Здѣсь мною входятъ въ скорбный градъ къ мученьямъ,
Здѣсь мною входятъ къ мукѣ вѣковой,
Здѣсь мною входятъ къ падшимъ поколѣньямъ.
Былъ правдой двинутъ высшій Зодчій мой,

Вергилій ведетъ трепещущаго поэта въ этотъ міръ вѣчныхъ страданій. Въ первомъ кругѣ онп видятъ великихъ поэтовъ древности, между прочимъ, Гомера, которые не могутъ войти въ рай, потому что были язычниками, но которые свободны отъ

мученій за свои великія творенія. Во второмъ кругѣ помѣщаются сладострастные, среди нихъ Елена, изъ-за которой возгорѣлась троянская война. Здѣсь Данте встрѣчаетъ двѣ тѣни, Франческу ди Римини и Паоло, которые погибли на землѣ трогательной смертью изъ-за своей любви и которые и здѣсь въ аду остаются неразлучными. Ихъ кружитъ адскій вихрь, и поэтъ отъ жалости лишается сознанія, когда Франческа разсказала ему, какъ они поцѣловались подъ вліяніемъ прочитаннаго ими романа о любви рыцаря Ланцелота и были убиты ревнивымъ мужемъ Франчески. Въ третьемъ кругѣ помѣщаются скупцы и расточители, которые дерутся между собою и отъ злости разрываютъ другъ друга зубами. Далѣе слѣдуетъ кругъ съ гнѣвными людьми, затѣмъ—съ еретиками, затѣмъ—съ грѣшниками, виновными въ разнаго рода насиліяхъ, къ числу которыхъ причисляется и самоубійство и богохульство. Въ восьмомъ кругѣ помѣщаются обманщики; среди нихъ Данте видитъ обольстителей, которыхъ бичуютъ черти, льстецовъ, задыхающихся въ зловонной жидкости, папъ, продававшихъ духовныя должности за деньги. Эти папы втиснуты въ дыры внизъ головою съ торчащими оттуда горящими пятками. Въ другомъ отдѣленіи восьмого круга находятся воры, которые, какъ безумные, мечутся во рву, кишащемъ змѣями. Наконецъ въ послѣднемъ, девятомъ кругѣ помѣщаются самые страшные преступники—измѣнники. Здѣсь Данте видитъ леденящую кровь сцену. Графъ Уголино грызетъ голову архіепископа Руджіери, который предательски заманилъ къ себѣ его съ дѣтьми и внуками и уморилъ голодной смертью въ подземельи. Въ самой послѣдней точкѣ ада помѣщаются его ужасный владыка Люциферъ съ тремя пастями, въ которыхъ онъ раздроблялъ трехъ величайшихъ, по мнѣнію Данте, измѣнниковъ міра: Іуду, предавшаго Христа, и Брута и Кассія, которые убили римскаго полководца Цезаря за то, что онъ хотѣлъ стать царемъ и уничтожить республику.

Пройдя адъ, Вергилій и Данте проходятъ семь круговъ чистилища, гдѣ видятъ уже не такія страшныя картины. Здѣсь грѣшники очищаются отъ своихъ грѣховъ. Въ концѣ чистилища Вергилій оставляетъ Данте, такъ какъ въ качествѣ язычника онъ не имѣетъ доступа въ рай. Дальше черезъ девять небесъ Данте ведетъ уже Беатриче, которая разсказываетъ ему, что это она послала къ нему Вергилія. Она хотѣла спасти его отъ заблужденій, въ которыя онъ впалъ на землѣ послѣ ея смерти, и для этого рѣшила обнаружить передъ нимъ тайны ада.

Таково содержаніе величайшаго поэтическаго произведенія среднихъ вѣковъ. По замыслу Данте, оно должно было не только

изобразить загробный міръ, какъ представляли его въ средніе вѣка; оно имѣло еще иносказательный смыслъ. Темный лѣсъ, изъ котораго не могъ выйти Данте, долженъ былъ обозначать заблужденія человѣка, жизнь на землѣ, полную грѣха. Три звѣря, не пропускавшіе Данте на холмъ, обозначаютъ пороки, мѣшающіе человѣку выйти на истинный путь: левъ—гордость, пантера—сладострастіе, волчица—алчность. Беатриче воплощаетъ божественную мудрость, т.-е. богословіе, Вергилій—человѣческую мудрость, философію, науку. Вергилія послала къ Данте Беатриче. Это значитъ, что человѣческая мудрость, философія, подчиняется богословію. Философія можетъ быть руководительницей человѣка только въ предѣлахъ земли, вотъ почему Вергилій могъ указать Данте выходъ изъ лѣса, освободить его отъ страстей, но онъ покидаетъ Данте у преддверія рая, къ которому его ведетъ уже божественное знаніе въ лицѣ Беатриче. Политическое положеніе Европы тоже отразилось въ поэмѣ. Темный лѣсъ олицетворяетъ ту борьбу и неурядицы, которыя раздирали Европу. Вергилій, который прославилъ своей поэмой «Энеидой» перваго римскаго императора Августа, долженъ воплощать въ себѣ идею гибеллиновъ о независимости императорской власти, которая можетъ одна вывести изъ темнаго лѣса. Наконецъ, Данте имѣлъ въ виду и исторію собственной души, которая погибала въ сомнѣніяхъ и заблужденіяхъ послѣ смерти Беатриче и которая философскимъ познаніемъ и вѣрой просвѣтилась и вернулась на путь истины.

«Божественная комедія» не только геніальное выраженіе средневѣковаго міросозерцанія. Въ ней чувствуется уже приближающееся освобожденіе человѣческой личности отъ гнета церкви, схоластики и аскетизма. Такъ, напр., Данте помѣщаетъ Франческу и Паоло въ адъ, потому что, неожиданно убитые, они умерли безъ покаянія. Такъ и слѣдовало поступить съ ними, согласно средневѣковымъ понятіямъ. Но, съ другой стороны, такъ какъ поэтъ сочувствуетъ имъ, онъ въ нѣжныхъ и трогательныхъ стихахъ изобразилъ ихъ любовь и плачетъ надъ ихъ трагической кончиной. Чувствуется, что въ душѣ онъ уже не считаетъ земную любовь и законныя естественныя чувства человѣка грѣховными. Вѣяніе новаго времени чувствуется и въ нападкахъ на папъ, которые считались въ средніе вѣка непогрѣшимыми, и въ почетѣ, окружающемъ древнихъ поэтовъ, и во многихъ другихъ сценахъ поэмы. Какъ геніальный поэтъ, Данте не только отразилъ представленія своего времени, но явился первымъ великимъ вѣстникомъ будущаго, предтечей освобождающейся личности. И смѣнившая средніе вѣка эпоха Возрожденія по справедливости можетъ видѣть въ Данте своего провозвѣстника.

IV. Шекспиръ.

Эпоха Возрожденія.

Средніе вѣка смѣняются такъ называемой эпохой Возрожденія или Ренессансомъ (=возрожденіе), подъ которой обыкновенно разумѣютъ XV и XVI столѣтія. Возрожденіе обозначало прежде всего пробужденіе интереса къ древнему міру, къ греческой и римской образованности, къ которой, какъ къ образованности языческой, относились отрицательно средневѣковые богословы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта эпоха была эпохой возрожденія человѣческой личности. Мы уже говорили, что въ средніе вѣка, по аскетическому ученію, человѣческая природа считалась грѣховной, и лучшими людьми считались тѣ, кто отрекался отъ чувствъ и страстей, отъ естественныхъ потребностей своей природы и готовился къ будущей вѣчной жизни. Въ эпоху Возрожденія этотъ взглядъ измѣняется. На земныя потребности человѣка, на его тѣло, которое изнуряли и бичевали аскеты, начинаютъ смотрѣть съ уваженіемъ. Человѣкъ, его страсти, чувства и желанія, всѣ стороны его физической и духовной природы становятся предметомъ интереса и изученія. Уже Данте прославилъ земную любовь Франчески, хотя, согласно ученію средневѣковой церкви и помѣстилъ ее въ адъ. Теперь земная любовь, ревность и другія страсти дѣлаются у поэтовъ любимыми предметами изображенія. Вотъ почему писатели этой эпохи называются гуманистами (отъ слово humanus—человѣческій).

Съ этимъ пробужденіемъ интереса къ человѣку и къ древнему міру связаны перемѣны во взглядахъ и вкусахъ европейскаго общества во всѣхъ областяхъ духовной дѣятельности. Въ искусствѣ вмѣсто изможденныхъ аскетовъ художники начинаютъ изображать здоровыя человѣческія тѣла, нагихъ мужчинъ и женщинъ, при чемъ тщательно воспроизводятъ всѣ линіи тѣла. Наука постепенно перестаетъ быть служанкой церкви. Вмѣсто того, чтобы закапываться въ произведенія богословскихъ писателей и спорить о каждой буквѣ и фразѣ, какъ дѣлали средневѣковые схоластики, теперь ученые стараются изслѣдовать жизнь и природу, изучать не книги, а самыя явленія жизни и факты. Поэтому ихъ выводы все чаще расходятся съ требованіями церкви. Наука, освободившаяся отъ оковъ преданія и папства, вступаетъ иногда въ борьбу съ церковью и становится силой, которую всѣ недовольные властью папъ начинаютъ противопоставлять ему. Это новое направленіе знанія находитъ себѣ яркое выраженіе въ ученіи знаменитаго англійскаго мыслителя

Бэкона (1561—1626), который требовалъ, чтобы наука перестала изучать то, что недоступно опыту и наблюденію, производимому посредствомъ нашихъ чувствъ, т.-е. чтобы она не ставила себѣ вопросовъ о сверхчувственномъ мірѣ, о Богѣ, душѣ и т. д. Опытъ, по мнѣнію Бэкона, единственный надежный источникъ нашего знанія. Этимъ ученіемъ Бэконъ положилъ начало положительной (позитивной) философіи, которую впослѣдствіи, въ XIX вѣкѣ, развилъ еще подробнѣе французскій философъ Огюстъ Контъ.

Одновременно измѣняются и взгляды общества на воспитаніе, на общественную жизнь, на исторію и т. д. Въ воспитаніи гуманисты требуютъ гармоническаго развитія тѣла и духа, требуютъ, чтобы природа ребенка не подавлялась ради церковныхъ требованій, чтобы онъ знакомился съ природой и жизнью на опытѣ, а не изъ книгъ. Общественная жизнь стала веселой и изящной. Появляются повсюду, особенно въ Италіи, салоны; въ знатные дома собираются гости, умные и образованные, бесѣдуютъ о литературѣ, искусствѣ, о древнихъ философахъ, изъ которыхъ особеннымъ вниманіемъ пользовались Платонъ и Аристотель. Женщины, которыхъ средневѣковые монахи считали орудіемъ дьявола, а рыцарскіе поэты прославляли, какъ неземныя существа, теперь принимаютъ участіе въ свѣтской жизни, занимаютъ гостей бесѣдами, музыкой. Въ ихъ любви къ мужчинамъ исчезаетъ тотъ таинственный смыслъ, какой вкладывалъ Данте въ свою любовь къ Беатриче. Утрачиваетъ свое значеніе и рыцарство. Городское населеніе, благодаря развившейся торговлѣ и распространенію денегъ, пріобрѣтаетъ большую силу. Изобрѣтеніе пороха и появленіе вмѣстѣ съ нимъ огнестрѣльнаго оружія окончательно подрываетъ значеніе рыцарскихъ замковъ, и на мѣстѣ прежняго общественнаго порядка, такъ называемаго феодальнаго (ср. VIII т.), возникаетъ новый государственный строй, т.-е. въ Европѣ постепенно выдѣляются большія государства, гдѣ порядокъ охраняется полиціей, судами, и гдѣ существованіе рыцарства теряетъ всякій смыслъ.

Всѣ эти перемѣны, совершавшіяся въ жизни и представленіяхъ европейскаго общества въ XV и XVI вѣкахъ, вызвали богатый расцвѣтъ литературы. Появляется рядъ великихъ писателей, которые отразили въ своихъ твореніяхъ эти новыя воззрѣнія. Въ Италіи, которая была центромъ тогдашней образованности, гуманистическое движеніе расцвѣло раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Тамъ раньше всего начали отыскивать и возстановлять забытыя произведенія древнихъ писателей. Особенно прославился своими трудами въ этой области знаменитый гуманистъ Поджіо

Браччіолини (1380—1459). Другой итальянскій гуманистъ—Лоренцо Валла (1407—1457) прославился своими нападками на папство, въ особенности борьбой противъ притязанія папъ на свѣтскую власть. Третій—Антоніо Беккаделли (1394—1471) въ противоположность прежней аскетической литературѣ писалъ вольныя произведенія, отличавшіяся откровеннымъ изображеніемъ тѣхъ чувствъ и страстей, которыя считались грѣховными въ средніе вѣка. Даже многіе папы были захвачены гуманистическими идеями. Среди папъ - гуманистовъ особенно прославились Николай V, основатель знаменитой Ватиканской библіотеки, и Пій II, который въ міру носилъ имя Энея Сильвія Пикколомини, писалъ игривыя латинскія стихотворенія, но, ставъ папой, отстранился отъ гуманистовъ, такъ какъ понималъ, насколько новыя идеи подрываютъ вліяніе папства. Въ Италіи же вышла книга графа Кастильоне «Придворный» (1516 г.), въ которой изложены правила хорошаго тона, излагается, какими качествами должны обладать кавалеры и дамы, чтобы весело и изящно проводить время въ умныхъ бесѣдахъ, въ занятіяхъ музыкой, чтеніемъ и живописью. Книга Кастильоне, которая не осталась безъ вліянія даже на Шекспира, была лучшимъ выраженіемъ новыхъ вкусовъ общества. Но самыми ранними и, быть-можетъ, геніальнѣйшими выразителями новаго настроенія въ Италіи были два величайшихъ послѣ Данте поэта: Боккаччіо (1313—1375) и Петрарка (1304—1375). Первый прославился своимъ собраніемъ небольшихъ повѣстей (новеллъ), извѣстнымъ подъ именемъ «Декамерона», что по-гречески значитъ «десять дней». Въ повѣсти десять молодыхъ людей, мужчинъ и дамъ, во время чумы удаляются изъ Флоренціи и въ теченіе десяти дней разсказываютъ по очереди новеллы, каждый по одной въ день. Такимъ образомъ всего въ сборникѣ 100 новеллъ. Онѣ блещутъ необыкновеннымъ остроуміемъ, изображаютъ разные классы общества. Въ нихъ много и трогательной грусти, и заразительнаго веселья. Въ нихъ одинъ изъ любимыхъ сюжетовъ — лицемѣріе монаховъ, ихъ любовныя похожденія и неудачи, обманутые мужья и т. д. Но есть въ новеллахъ и типы преданныхъ, самоотверженныхъ женщинъ. Въ общемъ, въ «Декамеронѣ» глубоко чувствуется духъ новаго времени, освобождающагося отъ мрачныхъ воззрѣній средневѣковья. Новеллы написаны граціознымъ, поэтическимъ, порой оскорбляющимъ по своей откровенности языкомъ, и нѣкоторыя сцены и выраженія до сихъ поръ не разрѣшаетъ печатать цензура, но тѣмъ болѣе характерны онѣ для эпохи, когда общество открыто выступало въ защиту правъ тѣла, долго подавляемыхъ церковью, въ за-

Боккаччіо.

щиту всѣхъ радостей и наслажденій какъ духа, такъ и тѣла. Другой великій итальянскій поэтъ Петрарка прославился своими любовными стихотвореніями, которыя въ теченіе цѣлыхъ столѣтій служили образцомъ любовной лирики для поэтовъ всѣхъ странъ.

Нѣмецкіе и французскіе гуманисты.

Изъ Италіи гуманизмъ распространился по всей Европѣ. Въ Германіи онъ пріобрѣлъ яркую политическую и общественную окраску. Наиболѣе знаменитыми нѣмецкими гуманистами были Рейхлинъ (1455—1522) Гуттенъ (1488—1523) и Эразмъ (1467—1536). Рейхлинъ выступилъ на защиту еврейскихъ книгъ, которыя правительство собиралось сжечь, и частный споръ объ еврейскихъ книгахъ Рейхлинъ превратилъ въ борьбу за свободу мысли и слова вообще. Гуттенъ былъ самымъ воинствующимъ проповѣдникомъ новыхъ идеаловъ. Онъ принималъ близкое участіе въ составленіи книги «Письма темныхъ людей», въ которой безпощадно осмѣяна старая наука, невѣжество и предразсудки стараго общества. Гуттенъ зло и ядовито разоблачалъ корыстолюбіе и лицемѣріе папства и былъ самымъ грознымъ и неутомимымъ врагомъ Рима. Эразмъ былъ скорѣе спокойнымъ ученымъ, чѣмъ борцомъ. Но своими трудами онъ не мало сдѣлалъ для паденія старыхъ воззрѣній и торжества новыхъ взглядовъ. Особенной извѣстностью изъ его произведеній пользуется «Похвала глупости», въ которой онъ осмѣиваетъ всѣхъ защитниковъ тьмы и невѣжества. Изъ французскихъ гуманистовъ выдѣляется Франсуа Рабле (умеръ въ 1553 г.), авторъ знаменитаго романа «Гаргантюа и Пантагрюэль», въ которомъ разсказывается исторія великана Гаргантюа и его сына Пантагрюэля. Рабле осмѣиваетъ здѣсь схоластическое воспитаніе, средневѣковые суды, ученыхъ богослововъ,—словомъ, всѣ стороны средневѣковой жизни и противопоставляетъ имъ новые идеалы. Такъ, онъ выводитъ новаго воспитателя-гуманиста, изображаетъ счастливую жизнь въ общинѣ, которую учреждаетъ одинъ изъ героевъ романа, монахъ Жанъ, и которой онъ даетъ названіе Телемской обители. Здѣсь живутъ свободные, здоровые и красивые люди, которые заняты умственнымъ и физическимъ трудомъ, не признаютъ никакихъ стѣсненій и пользуются всѣми здоровыми радостями жизни.

Моръ.

Чтобы завершить обзоръ литературы эпохи Возрожденія, необходимо упомянуть еще о знаменитомъ англійскомъ писателѣ этой эпохи Томасѣ Морѣ (1478—1535), авторѣ «Утопіи». Подъ этимъ именемъ Моръ изобразилъ государство съ совершеннымъ устройствомъ, гдѣ тяжелыя работы раздѣляются между всѣми гражданами поровну, и поэтому каждому

приходится работать немного; между тѣмъ благодаря правильному распредѣленію труда, въ Утопіи все добывается въ изобиліи, тамъ нѣтъ бѣдняковъ, нѣтъ неравенства, зависти, злобы; поэтому рѣдко встрѣчаются преступленія, болѣзни и другія бѣдствія, порождаемыя въ нашемъ обществѣ его несовершеннымъ устройствомъ. Послѣ Мора утопіей стала называться всякая мечта, которую трудно осуществить въ дѣйствительности.

Рабле.

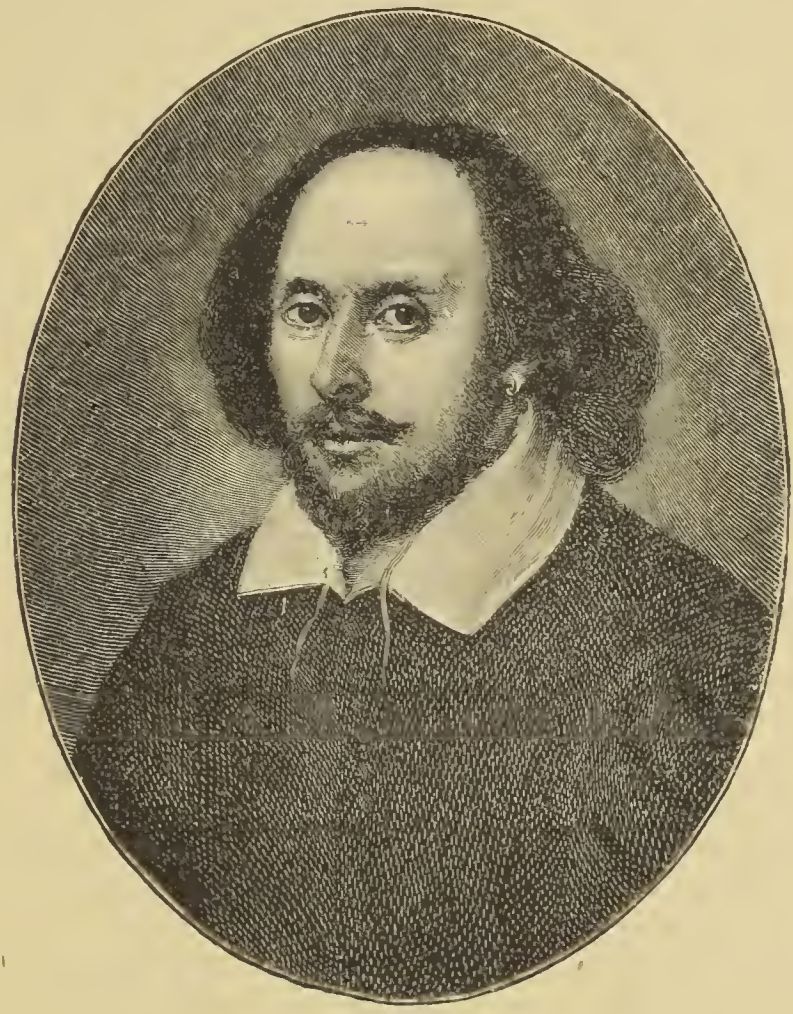
Шекспиръ.

Таковы, въ краткихъ чертахъ, главныя идеи и главные писатели эпохи Возрожденія. Познакомиться съ ними необходимо для того, чтобы понять величайшаго поэта этой эпохи — Вильяма Шекспира (1564—1616). Если бы потребовалось въ нѣсколькихъ словахъ опредѣлить, въ чемъ заключается связь между этимъ міровымъ геніемъ и его эпохой, то пришлось бы отвѣтить, что *никто не сумѣлъ такъ ярко, какъ онъ, воплотить интересъ этой эпохи къ человѣку и притомъ къ человѣку земному съ его чувствами,*

страстями и мыслями, со всѣми его физическими и духовными радостями и печалями. Никто не сдѣлалъ столько, какъ Шекспиръ, для освѣщенія внутренняго міра человѣка, не проникъ такъ глубоко въ его душу. Природа человѣка, такъ долго презираемая и подавляемая благодаря вліянію церкви и аскетизма, теперь благодаря Шекспиру предстала передъ людьми, освобожденная отъ церковныхъ предубѣжденій; человѣкъ сталъ цѣлью, благороднѣйшимъ и священнѣйшимъ предметомъ поэтическаго изображенія.

О жизни Шекспира мы знаемъ немного. Отецъ его былъ зажиточнымъ и уважаемымъ человѣкомъ въ своемъ родномъ городкѣ Стрэтфордѣ, но, повидимому, въ концѣ его жизни дѣла семьи ухудшились, и во второй половинѣ 80-хъ годовъ молодой Вильямъ отправился искать счастья въ Лондонъ. Есть свѣдѣнія, что Шекспиръ до отъѣзда въ Лондонъ учился въ школѣ своего родного города, а отъ 1582 года до насъ дошло свидѣтельство, изъ котораго видно, что въ этомъ году онъ женился на Аннѣ Гесвэ. Но какихъ-нибудь достовѣрныхъ свѣдѣній объ его школьныхъ годахъ и объ его семейной жизни (которая, какъ предполагаютъ на основаніи его сочиненій, была несчастной) мы не имѣемъ. Въ Лондонѣ Шекспиръ засталъ широко развитую театральную жизнь. Здѣсь было около 20 театровъ, въ которые публика являлась не только для удовольствія. Сюда забирались чуть не съ утра, приносили пиво, орѣхи, апельсины и даже обѣды. Театръ былъ клубомъ, гдѣ обсуждали вопросы дня. Устройство его отличалось бѣдностью. Такъ, доска съ надписью «Лондонъ» должна была сказать зрителю, что на сценѣ въ данную минуту представлена столица Англіи. И, тѣмъ не менѣе, публика обожала театръ и обладала такимъ воображеніемъ, что поддавалась настроенію и сценической иллюзіи не хуже современнаго зрителя, избалованнаго богатыми и сложными декораціями. Несомнѣнно далѣе, что по прибытіи въ Лондонъ Шекспиръ былъ также захваченъ патріотическимъ подъемомъ духа. Англія переживала важный моментъ своей исторіи. Она вела войну съ тогдашней царицей морей, Испаніей и отвоевывала у у нея господство надъ морями. Шекспиръ долженъ былъ видѣть восторгъ Лондонскаго населенія, когда было получено извѣстіе о томъ, что у береговъ Англіи разбился испанскій флотъ, названный непобѣдимой армадой. Далѣе, Шекспиръ засталъ въ Англіи расцвѣтъ итальянскаго вліянія. Италія считалась въ тѣ времена разсадникомъ искусства и науки. Итальянскимъ поэтамъ подражали въ Англіи. Высшее общество говорило по-итальянски. Лѣтъ за двадцать пять до пріѣзда Шекспира въ Лондонъ была

переведена на англійскій языкъ упомянутая выше книга графа Кастильоне. У англичанъ былъ свой Боккаччіо, извѣстный писатель Чоссеръ, который въ 1372 году ѣздилъ въ Италію, изучалъ тамъ Данте и Боккаччіо и издалъ свои «Кентерберійскіе разсказы», напоминающіе «Декамерона». Шекспиръ, вращавшійся въ Лондонѣ въ литературныхъ кружкахъ, несомнѣнно, былъ



Шекспиръ.

знакомъ съ итальянской литературой, и для нѣкоторыхъ своихъ трагедій онъ бралъ содержаніе у итальянскихъ писателей. О жизни Шекспира въ Лондонѣ извѣстно, что въ короткое время онъ завоевалъ себѣ славу въ качествѣ драматурга и подъ конецъ своей жизни, пріобрѣвъ уже значительное состояніе, переселился въ свой родной городъ Стрэтфордъ, гдѣ и умеръ въ 1616 году. Англичане благоговѣйно чтятъ этотъ городокъ, гдѣ покоится прахъ одного изъ величайшихъ поэтовъ міра, и какъ святыню берегутъ каждую мелочь, сохранившуюся отъ эпохи Шекспира.

Историческія хроники Шекспира.

Въ произведеніяхъ Шекспира ярко отразилось патріотическое настроеніе общества и вліяніе свѣтлаго и жизнерадостнаго итальянскаго возрожденія. Патріотическое настроеніе сказалось въ его историческихъ хроникахъ. Шекспиръ съ любовью обращается къ прошлому англійскаго народа, выводитъ образы наиболѣе крупныхъ королей. Онъ пишетъ хроники: «Король Джонъ», «Генрихъ IV», «Генрихъ V», «Генрихъ VI», «Ричардъ II», «Ричардъ III», «Генрихъ VIII»; впрочемъ, въ составленіи послѣдней онъ только принималъ нѣкоторое участіе. Несомнѣнно, что, помимо историческихъ событій, на творчество Шекспира оказали вліяніе и факты его личной жизни, впечатлѣнія и разочарованія, которыя онъ пережилъ, и въ семьѣ, въ которой большимъ ударомъ была для него смерть любимаго сына Гамлета, и въ придворномъ обществѣ, куда ввелъ его покровитель и другъ, графъ Соутгэмптонъ. Но скудость свѣдѣній о личной жизни Шекспира, объ исторіи его внутренняго развитія не позволяетъ опредѣлить, какъ развивались настроенія и взгляды Шекспира. Мѣшаетъ этому и то обстоятельство, что мы не знаемъ въ точности, въ какомъ порядкѣ слѣдовали его произведенія другъ за другомъ. Предположительно, путемъ сопоставленія и сличенія ихъ, удалось установить, что Шекспиръ въ первый періодъ творчества, приблизительно до 1594 года, смотрѣлъ на жизнь съ вѣрой въ добро и въ лучшія стороны человѣческой натуры. Далѣе слѣдовалъ періодъ безпечнаго и веселаго пользованія жизнью, затѣмъ,— время страшнаго отчаянія и разочарованія, когда онъ создалъ свои величайшія творенія: «Гамлетъ», «Юлій Цезарь», «Отелло», «Король Лиръ», «Макбетъ» и т. д., и, наконецъ, послѣдній періодъ, когда Шекспиръ ищетъ душевнаго мира и освобождается отъ своего мрачнаго взгляда на человѣка и жизнь.

Въ своихъ хроникахъ Шекспиръ охватилъ англійскую исторію за огромный періодъ времени. Событія, изображенныя въ «Генрихѣ IV» обнимаютъ время отъ 1405 года до смерти этого короля (1413 г.). «Генрихъ V», царствовавшій съ 1413 до 1422 года, составляетъ, такимъ образомъ, какъ бы продолженіе предыдущей піесы. Три части «Генриха VI» обнимали событія отъ смерти Генриха V до смерти Генриха VI (1471 г.); наконецъ въ Ричардѣ III» событія доведены до воцаренія Генриха VII (1485 г.) и т. д. Съ особенной любовью обрисованъ образъ Генриха V, который подчинилъ англійской коронѣ Францію, одержавъ надъ французами знаменитую побѣду при Азинкурѣ. Въ этой битвѣ погибло 10.000 французовъ, и 1.500 рыцарей были взяты въ плѣнъ. Эта побѣда прославила Генриха V, и къ образу этого

короля съ любовью устремлялось вниманіе англичанъ въ эпоху національной опасности и подъема патріотическихъ чувствъ. Хроника Шекспира представляетъ собою настоящій побѣдный гимнъ въ честь англійскаго оружія, а Генрихъ V изображенъ совершеннымъ королемъ, надѣленнымъ мудростью, храбростью и справедливостью. Къ числу лучшихъ хроникъ принадлежитъ также «Ричардъ III», гдѣ Шекспиръ вывелъ типъ честолюбца, достигающаго престола путемъ преступленія. Ричардъ—уродъ. Онъ ненавидитъ человѣчество, онъ приходитъ въ бѣшенство при видѣ царящаго кругомъ веселья и рѣшаетъ мстить людямъ. Онъ путемъ интригъ убѣждаетъ своего брата короля Эдуарда IV убить другого брата—герцога Кларенса, затѣмъ черезъ подкупленныхъ убійцъ онъ умерщвляетъ двухъ сыновей короля и такимъ образомъ очищаетъ себѣ путь къ престолу, устранивъ всѣхъ законныхъ наслѣдниковъ. Ричардъ обладаетъ поистинѣ демонической силой. Уродъ, онъ въ теченіе получаса овладѣваетъ сердцемъ лэди Анны, отца и мужа которой онъ тоже убилъ. Его рѣчь дышитъ такой неподдѣльной пламенной страстью, что Анна, идущая за гробомъ дорогого существа, убитаго Ричардомъ, встрѣтившая его презрѣніемъ, склоняется на его мольбы и вѣритъ, что свои преступленія онъ совершилъ изъ любви къ ней. Всего изумительнѣе, что, покоривъ ея сердце, Ричардъ смѣется надъ нею наединѣ съ собою, такъ какъ въ душѣ не чувствовалъ къ ней никакой любви и руководился политическимъ расчетомъ, домогаясь ея руки. По смерти короля сторонники Ричарда подговариваютъ народъ избрать его королемъ. Ричардъ притворно отказывается, и та сцена, гдѣ народъ упрашиваетъ его, напоминаетъ такую же сцену изъ «Бориса Годунова» Пушкина. Достигнувъ престола путемъ обмана и столькихъ злодѣйствъ, Ричардъ не находитъ счастья. Противъ него выступаетъ одинъ изъ принцевъ, Ричмондъ. Онъ побѣждаетъ Ричарда. Наканунѣ рѣшительной битвы Ричарду являются призраки загубленныхъ имъ жертвъ. Онъ переживаетъ страшныя минуты угрызеній совѣсти. Но, проснувшись, онъ остается вѣрнымъ себѣ, онъ произноситъ пламенную рѣчь передъ своими войсками,—рѣчь, въ которой отрицаетъ совѣсть и прославляетъ только мужество и силу. Рѣчь его противника Ричмонда, напротивъ, проникнута вѣрой въ справедливость и въ Бога. Ричардъ умираетъ въ бою смертью героя.

Эта пьеса не только великое художественное произведеніе, но и важна по своей нравственной идеѣ. Борьба Ричарда и Ричмонда—это борьба зла и добра. Въ этой піесѣ, какъ и въ другихъ своихъ хроникахъ Шекспиръ, является моралистомъ (мо-

ральный—нравственный), т.-е. проповѣдникомъ идей добра. Онъ видитъ въ историческихъ событіяхъ торжество справедливости, въ паденіи и гибели королей—наказаніе за ихъ преступленія.

Комедіи Шекспира.

Если патріотическое настроеніе общества особенно ярко отразилось въ драматическихъ хроникахъ, то итальянское вліяніе и вообще свѣтлое настроеніе эпохи Возрожденія сказались въ большинствѣ шекспировскихъ комедій [1]). Въ комедіи «Двѣнадцатая ночь» мы видимъ главнаго героя, герцога Орсино, вполнѣ удовлетворяющаго требованіямъ графа Кастильоне (см. выше—стр. 249), тонкаго остроумнаго собесѣдника, любителя музыки, красоты и поэзіи. Онъ влюбленъ въ графиню Оливію, въ него влюблена Віола, которая переодѣвается мальчикомъ и поступаетъ на службу къ герцогу пажемъ. Герцогъ посылаетъ Віолу вѣстникомъ своей любви къ Оливіи, и графиня влюбляется въ Віолу, которую всѣ кругомъ считаютъ за мальчика. Далѣе на сцену появляется братъ Віолы Себастьянъ, спасшійся послѣ кораблекрушенія и какъ двѣ капли воды похожій на свою сестру. На этой почвѣ происходитъ много смѣшныхъ недоразумѣній. Себастьянъ влюбляется въ Оливію, и графиня, тщетно добивавшаяся любви переодѣтой Віолы и принявъ Себастьяна за Віолу, радостно изумлена тѣмъ, что любимый человѣкъ неожиданно измѣнился и готовъ итти съ ней подъ вѣнецъ. Орсино, тоже принимая Себастьяна за своего пажа, готовъ убить измѣнника за то, что онъ женится на Оливіи, благосклонности которой онъ долженъ былъ добиваться для своего господина. Въ концѣ комедіи всѣ недоразумѣнія разъясняются, и герцогъ женится на Віолѣ, оцѣнивъ ея преданность. Вся эта комедія проникнута свѣтлымъ жизнерадостнымъ настроеніемъ столь характернымъ для эпохи Возрожденія. Въ ней слышится веселый смѣхъ, радость и чувство жизни,—жизни, бьющей ключомъ. Это настоящій гимнъ въ честь счастья и здоровыхъ наслажденій. Комедія изображаетъ не только господъ, но и слугъ. Они пьянствуютъ, устраиваютъ драки, перебрасываются остроумными шутками и бранью. Они устраиваютъ злую шутку съ Мальволіо, главнымъ дворецкимъ графини Оливіи, который преслѣдовалъ ихъ своими строгостями, требовалъ отъ нихъ воздержанія и трезвости, и въ лицѣ котораго Шекспиръ осмѣялъ напыщенность и святошество. Шутка слугъ, заключавшаяся въ томъ,что они подбросили глупому дворецкому письмо

---

[1]) Шекспиромъ написаны слѣдующія комедіи: «Два веронца», «Комедія ошибокъ», «Безплодныя усилія любви», «Усмиреніе строптивой», «Сонъ въ лѣтнюю ночь», «Конецъ дѣлу вѣнецъ», «Много шуму изъ ничего», «Виндзорскія проказницы», «Двѣнадцатая ночь», «Какъ вамъ это понравится», «Мѣра за мѣру», «Буря».

отъ имени графини съ признаніемъ въ любви,—эта шутка сопровождается сценами, полными такого заразительнаго веселья, что читателю или зрителю невозможно удержаться отъ хохота. Женщины въ этой комедіи уже не окружены той таинственностью, какой окружалъ Данте свою Беатриче. Онѣ—такіе же члены общества, какъ и мужчины. Любовь изображена здѣсь земнымъ чувствомъ, счастливымъ и радостнымъ. О ней разсуждаютъ и спорятъ, какъ о благѣ, дарованномъ человѣку; ее не считаютъ запретнымъ грѣхомъ.

Быть-можетъ, ни въ одной фигурѣ общее жизнерадостное настроеніе эпохи не сказалось такъ ярко, какъ въ фигурѣ Фальстафа, одного изъ любимѣйшихъ героевъ шекспировской комедіи. Это—добродушный толстякъ, забавляющій всѣхъ своей толстой фигурой, не признающій въ глубинѣ своей души ничего, кромѣ вина и каплуна. Фальстафъ любитъ похвастаться, любитъ разсказывать о своихъ небывалыхъ подвигахъ, о необыкновенныхъ видѣнныхъ имъ событіяхъ. Но въ дѣйствительности онъ не честолюбивъ, ничего не добивается, лишь бы можно было хорошо поѣсть, выпить и поухаживать за какой-нибудь женщиной, удовлетворяющей не особенно высокимъ требованіямъ толстяка. Въ глубинѣ души онъ подсмѣивается надъ всѣми вѣрованіями и стремленіями окружающихъ, даже надъ своимъ собственнымъ враньемъ и надъ самимъ собою, и цѣнитъ единственно только тѣ здоровыя чисто-физическія наслажденія, которыя доставляетъ ѣда и питье его брызжущей жизнью натурѣ. Фальстафъ ярко обрисованъ уже въ драматической хроникѣ «Генрихъ IV». Въ комедіи «Виндзорскія проказницы» онъ является главнымъ героемъ. Онъ пишетъ любовныя письма нѣсколькимъ женщинамъ одновременно, и двѣ изъ нихъ, уговорившись между собою, рѣшили наказать волокиту, «эту толстую водяную тыкву», какъ выражается одна изъ дамъ. Онѣ назначаютъ ему свиданія и подвергаютъ его разнымъ мученіямъ, спасая отъ мужей. Такъ, его уносятъ въ корзинѣ съ бѣльемъ отъ ревниваго мужа и бросаютъ въ рѣку, изъ которой онъ спасается только благодаря тому, что попадаетъ на мелкое мѣсто и т. д. Фальстафъ—одинъ изъ безсмертныхъ образовъ, созданныхъ Шекспиромъ. Онъ не только воплощаетъ жизнерадостное направленіе своего времени. Его имя заняло почетное мѣсто рядомъ съ Гамлетомъ и Донъ-Кихотомъ среди героевъ, въ которыхъ люди всегда могутъ находить объясненіе чувствъ и настроеній, не умирающихъ въ ихъ душѣ.

V. Шекспиръ (продолженіе).

Трагедіи Шекспира.

Драматическія хроники и комедіи, разсмотрѣнныя выше, свидѣтельствуютъ о богатствѣ и разнообразіи творчества Шекспира, сумѣвшаго воплотить въ прекрасныхъ художественныхъ образахъ чувства и мысли своихъ современниковъ. Но во всемъ своемъ величіи его талантъ проявился въ его величайшихъ трагедіяхъ, которыя не сходятъ до сихъ поръ съ подмостковъ европейскихъ театровъ [1]).

Каждая изъ этихъ трагедій является отраженіемъ тѣхъ или иныхъ новыхъ воззрѣній и чувствъ, которыя возникли въ эпоху Возрожденія, и въ то же время каждая такъ глубоко проникаетъ во внутренній міръ человѣка, что сохраняетъ значеніе для всего новаго человѣчества. Новымъ свѣтомъ озарилъ Шекспиръ чувство любви въ трагедіи «Ромео и Джульета». Въ ней онъ изобразилъ неудержимую силу могучей страсти, овладѣвшей сердцами двухъ юныхъ существъ. Ромео и Джульета — дѣти двухъ враждующихъ фамилій Монтекки и Капулетти. На пути къ ихъ соединенію стоятъ неодолимыя препятствія: столь обычная въ средневѣковыхъ итальянскихъ городахъ вѣковая вражда, раздѣляющая обѣ семьи, расчеты отца Джульеты, желающаго выдать дочь за графа Париса, пылкій характеръ Ромео, который во время уличной ссоры убилъ члена враждебной семьи, родственника Джульеты, Тибальда, подвергся за это изгнанію и сдѣлалъ еще болѣе труднымъ примиреніе. Но пламенная страсть обоихъ молодыхъ людей слѣпо прорывается черезъ всѣ эти препоны и приводитъ ихъ къ гибели. Они тайно вѣнчаются въ кельѣ покровительствующаго имъ монаха Лоренцо. Добрый и умный монахъ даетъ Джульетѣ средство, благодаря которому она засыпаетъ такимъ крѣпкимъ сномъ, что родные принимаютъ ее за мертвую и погребаютъ въ фамильномъ склепѣ. Ромео, не зная о планѣ монаха, желавшаго этимъ путемъ освободить Джульету, является изъ изгнанія къ ея могилѣ и считая ее мертвой, выпиваетъ ядъ и умираетъ. Проснувшаяся Джульета, увидѣвъ трупъ своего мужа, закалывается его кинжаломъ. Прибѣжавшіе на шумъ родные, народъ

„Ромео и Джульета“.

---

1) Кромѣ перечисленныхъ выше хроникъ и комедій, Шекспиромъ написаны слѣдующія піесы: «Титъ Андроникъ», «Ромео и Джульета», «Венеціанскій купецъ», «Гамлетъ», «Юлій Цезарь», «Отелло», «Король Лиръ», «Макбетъ», «Тимонъ Аѳинскій», «Антоній и Клеопатра», «Периклъ», «Троилъ и Крессида», «Коріоланъ», «Зимняя сказка», «Цимбелинъ». Кромѣ того, Шекспиру принадлежатъ сонеты и поэмы. Впрочемъ, относительно нѣкоторыхъ піесъ существуетъ сомнѣніе, былъ ли Шекспиръ ихъ авторомъ напр., «Тимонъ Аѳинскій», «Титъ Андроникъ»).

и герцогъ съ ужасомъ смотрятъ на мертвецовъ, погибшихъ за то, что они слишкомъ страстно любили. Надъ ихъ безвременной могилой смолкаетъ вѣковая вражда двухъ фамилій: Монтекки и Капулетти подаютъ другъ другу руку примиренія. Герцогъ заканчиваетъ трагедію грустными словами:

Печальнѣе не слыхано на свѣтѣ
Сказанья о Ромео и Джульетѣ.

Главное значеніе этой піесы заключается въ изображеніи бурной, быстро нарастающей страсти. Въ томъ интересѣ, который проявляетъ Шекспиръ къ любви, въ его глубокомъ проникновеніи въ природу страсти, въ сочувствіи, съ которымъ онъ относится къ своимъ юнымъ героямъ, отразилось настроеніе эпохи, съ ея интересомъ къ человѣку.

„Отелло“.

Цѣлый рядъ трагедій Шекспира посвященъ изображенію чувства ревности. Наиболѣе извѣстна изъ нихъ трагедія «Отелло», въ которой разсказана трагическая исторія венеціанскаго мавра Отелло. Отелло полюбилъ Дездемону, дочь сенатора Брабанціо. Она уходитъ къ нему. Когда Брабанціо въ негодованіи поднимаетъ шумъ, и требуетъ суда, обвиняя мавра въ чародѣйствѣ, Отелло вмѣсто оправданія сообщаетъ трогательную исторію своей любви. Дездемона жадно внимала въ домѣ отца его разсказамъ о «всѣхъ его несчастьяхъ, о бѣдствіяхъ на сушѣ и на морѣ», и «когда я кончилъ,—разсказываетъ мавръ,—цѣлымъ міромъ вздоховъ она меня за трудъ мой наградила».

Она меня за муки полюбила,
А я ее за состраданье къ нимъ,
Вотъ чары всѣ, къ которымъ прибѣгалъ я.

Отецъ вынужденъ уступить, и Отелло, по порученію венеціанскаго сената отправляется на защиту острова Кипра, на который напали турки. На островѣ и разыгрывается главная часть трагедіи. Одинъ изъ офицеровъ Отелло, злобный и коварный Яго, искусно возбуждаетъ въ своемъ начальникѣ чувство ревности къ Дездемонѣ, и Отелло подъ вліяніемъ его внушеній убиваетъ свою молодую жену. Узнавъ о невинности Дездемоны, мавръ кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Отелло принадлежитъ къ числу лучшихъ созданій Шекспира. Его ревность вытекаетъ изъ благородства его духа и вѣры въ людей. Онъ вовсе не склоненъ по натурѣ къ гнусной подозрительности. Онъ готовъ видѣть въ людяхъ только хорошее. Онъ не сразу вѣритъ Яго, онъ требуетъ доказательствъ. И если, въ концѣ-концовъ, онъ поддается чувству

ревности, то исключительно вслѣдствіе искусства Яго, вслѣдствіе того, что по своей довѣрчивости онъ повѣрилъ хитрому негодяю. И самая ревность Отелло носитъ скорѣе характеръ разочарованія, чѣмъ оскорбленнаго самолюбія. Его гнететъ мысль, что существо, которое онъ считалъ ангеломъ, оказалось лживымъ и порочнымъ. Дездемона представляетъ собою тотъ характеръ, къ которому вполнѣ подходитъ названіе «вѣчно-женственнаго». Это—кроткое, самоотверженное существо, сотканное изъ любви и покорности. Ни одного упрека не бросаетъ она мужу, и даже умирая она не выдаетъ своего убійцу. «Отелло», такъ же, какъ и «Зимняя сказка» и другія трагедіи, имѣющія ревность своимъ содержаніемъ, даютъ богатый матеріалъ для пониманія человѣческой природы, для уясненія человѣческихъ чувствъ и страстей.

Венеціанскій купецъ.

Въ трагедіи «Венеціанскій купецъ» слышатся отголоски другихъ идей Возрожденія. Шекспиръ вывелъ здѣсь двухъ купцовъ, еврея Шейлока и христіанина Антоніо. Когда Бассаніо, другу Антоніо, понадобились деньги для того, чтобы съѣздить посвататься къ любимой дѣвушкѣ Порціи въ ея замокъ, Антоніо, не имѣя на рукахъ свободныхъ денегъ, занимаетъ ихъ у Шейлока. Послѣдній ненавидѣлъ Антоніо за то, что тотъ презиралъ его, какъ «жида», плевалъ ему въ лицо, а кромѣ того, подрывалъ его барышъ, давая деньги взаимы безъ процентовъ. Шейлокъ соглашается дать Антоніо деньги, но подъ страшную расписку.

„Вы на простой распискѣ
Подпишитесь, и такъ, для шутки, въ ней
Напишемъ мы, что если не внесете
Въ такой-то день, въ такомъ-то мѣстѣ мнѣ
Ту сумму всю, которая въ распискѣ
Означится, то неустойкой съ васъ
Фунтъ вашего прекраснѣйшаго мяса
Послужитъ мнѣ—и буду властенъ я
Тамъ вырѣзать его, гдѣ пожелаю“.

Антоніо, ожидавшій возвращенія своихъ кораблей, отправленныхъ съ богатыми товарами въ далекія страны, не задумываясь подписался подъ этимъ страннымъ векселемъ. И уже въ замкѣ прекрасной Порціи, руки которой добился Бассаніо, другъ Антоніо узнаетъ страшную вѣсть, что ни одинъ изъ кораблей Антоніо «не избѣжалъ прикосновенья камней—грозы купцовъ». Погибли всѣ грузы, принадлежавшіе Антоніо, и мстительный еврей требуетъ уплаты страшной неустойки. Тщетно предлагаютъ Шейлоку уплатить двойную плату за просрочку, тщетно сами судьи умоляютъ его пощадить Антоніо. Шейлокъ неумолимъ. Глаза его

горятъ ненавистью и злобой, сердце жаждетъ крови врага. Въ эту ужасную минуту, среди общей растерянности и отчаянья одна Порція не теряетъ присутствія духа. Она переодѣвается адвокатомъ и придумываетъ остроумный способъ защиты. Ссылаясь на то, что въ распискѣ говорится только о фунтѣ мяса, Порція требуетъ, чтобы не было пролито ни одной капли крови Антоніо, чтобы «жидъ» не смѣлъ вырѣзать ни однимъ кусочкомъ больше или меньше фунта. Прижатый къ стѣнѣ, Шейлокъ готовъ уже уступить, но переодѣтый адвокатъ неумолимъ. Онъ указываетъ, что по венеціанскимъ законамъ, иновѣрецъ, покусившійся на жизнь христіанина, подлежитъ смертной казни, и доказываетъ, что къ Шейлоку вполнѣ примѣнимъ этотъ законъ. Шейлокъ въ отчаяньи. Ему даруютъ жизнь, но у него отнимаютъ все имущество и заставляютъ его принять христіанство. «Венеціанскій купецъ» представляетъ собою замѣчательное произведеніе не только вслѣдствіе художественной обрисовки фигуры еврея того времени со всѣми его характерными чертами, съ его преданностью буквѣ закона, съ мстительностью, жадностью, умомъ, трудолюбіемъ и ненавистью къ христіанамъ. Трагедія замѣчательна и по той гуманной, человѣчной идеѣ, которая проникаетъ ее. Какъ ни отталкиваетъ насъ злобный и жестокій Шейлокъ, но зритель невольно проникается жалостью къ этому сыну гонимаго народа, когда слышитъ его разсказы о томъ, какимъ униженіямъ подвергаютъ его христіане, какъ его презираютъ и ненавидятъ всѣ кругомъ, даже безкорыстные и благородные люди въ родѣ Антоніо:

„Синьоръ
Антоніо, припомните, какъ часто
Въ Ріальто вы ругались надо мной
Изъ-за моихъ же денегъ и процентовъ,
Я это все всегда переносилъ,
Съ терпѣніемъ плечами пожимая;
Терпѣніе жъ—наслѣдственный удѣлъ
Всей націи еврейской. Вы меня
Ругали псомъ, отступникомъ, злодѣемъ,
Плевали мнѣ на мой кафтанъ жидовскій...»

Особенно сильное впечатлѣніе производитъ знаменитая рѣчь Шейлока о перенесенныхъ имъ обидахъ въ началѣ III дѣйствія. «За что? За то, что я жидъ. Да развѣ у жида нѣтъ глазъ? Развѣ у жида нѣтъ рукъ, органовъ, членовъ, чувствъ, привязанностей, страстей? развѣ онъ не ѣстъ ту же пищу, что и христіанинъ? развѣ онъ ранитъ себя не тѣмъ же оружіемъ и подверженъ не тѣмъ болѣзнямъ? лѣчится не тѣми же средствами? согрѣвается и знобится не тѣмъ жъ лѣтомъ и не той же зимой? Когда вы

часъ колете, развѣ изъ насъ не идетъ кровь? Когда вы насъ щекочете, развѣ мы не смѣемся? Когда вы насъ отравляете, развѣ мы не умираемъ?..» Не слѣдуетъ, однако, думать, что Шекспиръ написалъ свою трагедію спеціально въ защиту еврейскаго народа. Если бы онъ имѣлъ въ виду эту цѣль (какъ хотѣли приписать ему нѣкоторые критики), то онъ не придалъ бы Шейлоку столько отталкивающихъ чертъ характера. Важно то, что Шекспиръ видитъ причины, порождающія эти черты, что онъ неодобрительно относится и къ вѣковымъ предразсудкамъ, которые побуждаютъ преслѣдовать евреевъ и не считать ихъ за людей. Въ этомъ болѣе терпимомъ и гуманномъ отношеніи къ чужимъ вѣрованіямъ сказывается вліяніе эпохи Возрожденія. Средневѣковая церковь была нетерпима. Даже лучшихъ чтимыхъ язычниковъ Данте не рѣшился ввести въ рай. У Шекспира чувствуется уже та идея, что всѣ люди, живущіе на землѣ, одинаковы, чувствуется научный духъ новаго времени, побуждающій искать причины видимыхъ явленій въ общественныхъ отношеніяхъ.

Трагедіи изъ римской жизни.

Интересъ къ древнему міру, къ Греціи и Риму, пробудившійся въ эпоху Возрожденія, сказался въ творчествѣ Шекспира. Не говоря уже о піесахъ, которыя считаются болѣе слабыми и въ составленіи которыхъ Шекспиръ участвовалъ только отчасти (напр., «Периклъ» «Тимонъ Аѳинскій» и др.), великому поэту принадлежатъ три знаменитыя трагедіи, содержаніе которыхъ заимствовано изъ древне-римской жизни: «Юлій Цезарь», «Антоній и Клеопатра» и «Коріоланъ». Въ «Антоніи и Клеопатрѣ» изображена жизнь двухъ любящихъ существъ, напоминающая сказку или волшебный сонъ. Послѣ смерти Юлія Цезаря, убитаго республиканцами-заговорщиками, Цезарь младшій и Антоній, побѣдивъ республиканцевъ и привлекши къ себѣ третьяго вліятельнаго римлянина Лепида, раздѣлили власть надъ Римомъ. Лепидъ вскорѣ потерялъ свое значеніе, Цезарь младшій остался въ Римѣ, а Антоній отправился покорять Востокъ, гдѣ вліяніе республиканцевъ еще не было уничтожено. Здѣсь онъ поддается чарамъ египетской царицы Клеопатры и въ упоительномъ снѣ забываетъ о славѣ, о государственныхъ дѣлахъ, о своихъ друзьяхъ, которые съ тревогой слѣдили изъ Рима за легкомысленной жизнью вождя. Какъ и въ другихъ римскихъ трагедіяхъ Шекспира, источникомъ ему послужили жизнеописанія великихъ мужей древности, составленныя знаменитымъ Плутархомъ, греческимъ историкомъ, жившимъ въ I вѣкѣ послѣ Р. Х. Эти жизнеописанія отличаются такой художественной яркостью, сила, героизмъ и благородство великихъ людей очерчены съ такой

любовью, что книга Плутарха оказала огромное вліяніе на многихъ писателей и дѣятелей новаго времени. Шекспиръ былъ знакомъ съ ней по англійскому переводу и почти буквально слѣдовалъ Плутарху въ изображеніи событій изъ древней исторіи. Но Шекспиръ часто создавалъ великіе художественные образы и глубоко разработанныя трагедіи тамъ, гдѣ у историка онъ находилъ только намеки. Изъ Антонія онъ сдѣлалъ безсмертный образъ служителя поэзіи, красоты и наслажденія, человѣка порыва и фантазіи, героя, умѣющаго забывать дѣйствительный міръ ради волшебнаго вымысла. Дѣйствительность мститъ тѣмъ, кто забываетъ о ней, и упоительный сонъ Антонія и Клеопатры кончается трагической смертью обоихъ героевъ.

Въ другой трагедіи изъ римской жизни выведенъ гордый аристократъ Коріоланъ, который захотѣлъ отнять добытыя народомъ права и снова подчинить его знатнымъ людямъ. Народъ изгоняетъ его, и Коріоланъ уходитъ къ врагамъ Рима, вольскамъ, которыхъ приводитъ къ стѣнамъ родного города. Тщетно послы изъ Рима умоляютъ его пощадить родину, тщетно молитъ его жена. Но когда предъ нимъ падаетъ на колѣни его мать, Коріоланъ не въ силахъ устоять.

О, родная,
Для счастья Рима побѣдила ты.
Для сына же повѣрь мнѣ, о повѣрь мнѣ,
Ужасна та побѣда: можетъ-быть,
Въ ней скрыта смерть. Пусть будетъ то, что будетъ!

Коріоланъ уводитъ вольсковъ отъ стѣнъ Рима, но его зловѣщее предсказаніе оправдывается. Авфидій, вождь вольсковъ, утратившій свое вліяніе съ появленіемъ Коріолана, устраиваетъ противъ него заговоръ и убиваетъ его, какъ измѣнника.

Наибольшей извѣстностью изъ римскихъ трагедій пользуется «Юлій Цезарь». Въ этой трагедіи изображены событія, послѣднихъ лѣтъ римской республики. Знаменитый полководецъ и завоеватель, Цезарь пользовался такой любовью и уваженіемъ согражданъ, что сенатъ нѣсколько разъ собирался поднести ему корону и провозгласить царемъ. Всѣ, въ комъ жили древнія республиканскія чувства, съ тревогой смотрѣли на возвышеніе Цезаря, который и безъ того былъ надменнымъ и властнымъ человѣкомъ, а ставъ царемъ, могъ превратиться въ угнетателя и тирана. Республиканцы устраиваютъ заговоръ, во главѣ котораго становятся Брутъ и Кассій. Заговорщики убиваютъ Цезаря. Но другу покойнаго Антонію удается замѣчательной надгробной рѣчью возмутить народъ, который поджигаетъ дома заговорщиковъ. Послѣдніе бѣгутъ изъ Рима. Они съ своими сторонниками

вступаютъ въ бой съ войсками Антонія и прибывшаго въ Римъ младшаго Цезаря, родственника убитаго, заговорщики разбиты, и Брутъ геройски на полѣ битвы закалываетъ себя, не желая пережить гибели республики. Трагедія «Юлій Цезарь» замѣчательна вѣрнымъ изображеніемъ настроенія римскаго народа, который усталъ отъ продолжительныхъ войнъ, давно уже утратилъ республиканскія добродѣтели и жаждалъ надъ собою твердой и сильной власти, чѣмъ и объясняется побѣда друзей Цезаря. Съ мастерскимъ искусствомъ обрисованы также Брутъ и Кассій. Первый—необыкновенно честный человѣкъ, мечтатель, допускающій только чистыя средства для достиженія чистой цѣли. Второй—практическій и умный человѣкъ, понимающій, что въ борьбѣ часто для успѣха дѣла нужно быть жестокимъ и безпощаднымъ. Брутъ, позволившій изъ нравственныхъ побужденій Антонію сказать рѣчь надъ трупомъ Цезаря, погубилъ дѣло республиканцевъ. Но зато онъ остается рѣдкимъ образцомъ нравственной чистоты, и послѣ его смерти даже его противники прославляютъ «честнѣйшаго изъ римлянъ».

„Гамлетъ“.

Къ числу величайшихъ произведеній не только Шекспира, но міровой поэзіи вообще принадлежитъ «Гамлетъ». Эта трагедія до сихъ поръ не сходитъ съ подмостковъ европейскихъ театровъ и является однимъ изъ любимѣйшихъ поэтическихъ произведеній для читающаго человѣчества. Молодой датскій принцъ Гамлетъ, учившійся въ Витенбергскомъ университетѣ, по возвращеніи въ Данію, впадаетъ въ мрачное настроеніе. Незадолго до его пріѣзда умеръ его отецъ, «монархъ великій», въ которомъ «былъ гордый видъ посланника боговъ». И Гамлетъ пораженъ, что его мать, которую такъ пламенно любилъ покойный король, уже вышла замужъ за брата покойнаго, полное ничтожество, и вмѣстѣ съ нимъ предается веселью, попойкамъ и кутежамъ. Тѣнь отца является ночью Гамлету и сообщаетъ страшную тайну. Король погибъ не своей смертью. Его убилъ съ вѣдома королевы его братъ, занявшій теперь его престолъ,—убилъ предательски, подкравшись къ нему во время сна. Тѣнь возлагаетъ на Гамлета трудную задачу отомстить убійцѣ. Великое значеніе трагедіи заключается въ изображеніи тѣхъ мучительныхъ сомнѣній, которыя переживаетъ Гамлетъ при осуществленіи поставленной ему тѣнью отца задачи. Тѣ соображенія, которыя приходятъ ему въ голову, рисуютъ намъ не только состояніе мыслящаго человѣка эпохи Возрожденія, но и человѣка новаго времени вообще. Гамлетъ—это человѣкъ, который съ утратой средневѣковой вѣры и извѣстнаго душевнаго покоя, вытекавшаго изъ этой вѣры, дол-

женъ при помощи своего разума рѣшить трудный вопросъ. У него нѣтъ силъ для такого рѣшенія. Оставшись съ своими собственными силами, человѣкъ долженъ былъ много передумать, прежде чѣмъ въ разумѣ онъ нашелъ такую твердую опору, какую давала вѣра. И исторія этихъ мученій новаго человѣчества, еще не завершившаяся и теперь, воплощена въ Гамлетѣ. То въ Гамлетѣ чувствуется средневѣковый вѣрующій человѣкъ: онъ не хочетъ убить короля, потому что застаетъ его во время молитвы, и не хочетъ, чтобы убійца, разставшись съ жизнью въ такой моментъ, попалъ въ рай для вѣчнаго блаженства. То Гамлетъ передъ нами является изслѣдователемъ новаго времени во вкусѣ философа Бэкона, который вѣритъ только опыту и наблюденію: онъ сомнѣвается въ словахъ тѣни и устраиваетъ спектакль, въ которомъ представлена смерть его отца, онъ хочетъ на опытѣ, по выраженію лица короля, тоже приглашеннаго на спектакль, убѣдиться, дѣйствительно ли онъ убійца. При этомъ Гамлетъ выступаетъ тонкимъ знатокомъ искусства, понимаетъ его могучее нравственное дѣйствіе на человѣка. Когда опытъ разсѣиваетъ его сомнѣнія, и поблѣднѣвшій король выдаетъ себя, Гамлетъ все-таки не убиваетъ его. Онъ остановленъ новымъ соображеніемъ. Онъ расширяетъ свою задачу: развѣ въ томъ она, чтобы казнить одного злодѣя? Нужно возстановить всю правду на землѣ. Онъ убѣждается, что «вся Данія—тюрьма», что «весь міръ кругомъ разстроенъ». Тутъ Гамлетъ—философъ, мыслитель, ищущій въ частномъ явленіи общихъ причинъ. Наконецъ онъ впадаетъ въ отчаянье, видитъ, что неспособенъ сдѣлать ничего, такъ какъ его мысль работаетъ, работаетъ безъ конца, и благодаря работѣ мысли, его воля слабѣетъ: «такъ блекнетъ въ насъ румянецъ сильной воли, когда начнемъ мы размышлять». Такимъ образомъ, Гамлетъ прошелъ весь путь, который предстояло пройти человѣческой мысли послѣ ея освобожденія отъ власти церкви. Неудивительно, что онъ сталъ самымъ загадочнымъ героемъ новой литературы. Разные критики, каждый по-своему, объясняли причины его бездѣйствія, цѣлыя философскія школы хотѣли видѣть въ немъ выразителя своихъ взглядовъ, и ни одно произведеніе не возбуждало столькихъ споровъ, какъ эта трагедія. Рядомъ съ главнымъ героемъ Шекспиръ вывелъ здѣсь рядъ другихъ художественныхъ фигуръ: злодѣя-короля, терзаемаго угрызеніями совѣсти, хитраго стараго придворнаго Полонія, воплощеніе лести и лукавства, его дочь Офелію, которую Гамлетъ любилъ, и въ которой въ минуту отчаянья онъ увидѣлъ подтвержденіе своего безотраднаго міровоззрѣнія, когда Офелія была подослана отцомъ для того, чтобы выпытать его

тайну. Покинутая Гамлетомъ, Офелія сходитъ съ ума и находитъ смерть въ рѣкѣ. Полонія Гамлетъ убиваетъ, принявъ его за короля въ тотъ моментъ, когда лукавый придворный подслушивалъ его бесѣду съ матерью. Чтобы избавиться отъ Гамлета, король устраиваетъ поединокъ его съ сыномъ Полонія Лаэртомъ, при чемъ приготовляетъ кубокъ съ отравой и обмакиваетъ въ ядъ шпагу Лаэрта. Предательство короля разоблачается, и Гамлетъ закалываетъ его, при чемъ погибаетъ и онъ самъ, раненый Лаэртомъ, и Лаэртъ, и королева, выпившая по ошибкѣ кубокъ съ ядомъ.

„Король Лиръ“.

«Гамлетъ» не только глубокое философское произведеніе. Въ немъ чувствуется мрачное и безотрадное настроеніе, которое нерѣдко переживалъ Шекспиръ, видѣвшій интриги и эгоизмъ высшаго общества, видѣвшій казнь нѣкоторыхъ своихъ высокопоставленныхъ друзей. Вмѣстѣ съ Шекспиромъ это мрачное настроеніе нерѣдко овладѣвало европейскимъ обществомъ, которому, несмотря на общій радостный характеръ эпохи Возрожденія, не легко было сразу совершить переходъ отъ эпохи вѣры и аскетизма къ новымъ взглядамъ. Самой мрачной изъ всѣхъ шекспировскихъ трагедій, отразившей его разочарованіе въ людяхъ, является «Король Лиръ». Въ ней изображена трагическая судьба короля, ставшаго жертвой своихъ неблагодарныхъ дочерей. Самодуръ, совершенно забывшійся въ упоеніи своей власти, Лиръ раздаетъ свое государство двумъ старшимъ дочерямъ, Гонерильѣ и Реганѣ, умѣвшимъ польстить властному старику, и прогоняетъ отъ себя младшую дочь, правдивую и гордую Корделію за то, что она не пожелала льстить отцу. Ужасныя послѣдствія ошибки Лира заставляютъ содрогаться зрителя. Безсердечныя дочери выгоняютъ сѣдого старца изъ дому въ бурю, и онъ бродитъ въ лѣсу подъ страшнымъ ливнемъ, призывая проклятія на головы дѣтей. Корделія, вышедшая замужъ за французскаго короля, идетъ съ французскими войсками на помощь оскорбленному отцу. Но войско Франціи разбито, Лиръ и Корделія взяты въ плѣнъ, при чемъ Корделія гибнетъ отъ руки палача. Картина рыданій Лира надъ трупомъ дочери, по общимъ отзывамъ критики, принадлежитъ къ числу лучшихъ созданій трагическаго искусства. Да и вообще вся трагедія представляетъ собою картину безконечныхъ ужасовъ, предательствъ, злодѣяній и убійствъ. Глостеру, одному изъ вѣрныхъ друзей Лира, вырываютъ глаза. Гонерилья и Регана становятся жертвами другъ друга, такъ какъ влюбляются обѣ въ одного героя. Дѣти предаютъ отцовъ, жены мужей. Можно подумать, что человѣчество состоитъ изъ однихъ злодѣевъ, въ которыхъ не осталось ничего человѣческаго.

Изъ обзора главныхъ пьесъ Шекспира нетрудно видѣть, что онъ былъ самымъ глубокимъ и всестороннимъ выразителемъ настроеній, чувствъ и взглядовъ своего времени. Онъ глубоко проникъ во внутренній міръ человѣка, который, начиная съ эпохи Возрожденія, сталъ главнымъ предметомъ вниманія и интереса. страсти и чувства котораго писатели въ эту эпоху перестаютъ считать запретнымъ грѣхомъ, а, напротивъ того, тщательно изслѣдуютъ. Шекспиръ оставилъ потомству «великое собраніе документовъ о человѣкѣ», какъ выразился одинъ критикъ, далъ богатѣйшій матеріалъ для пониманія человѣческой природы. Онъ былъ гуманистомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, т.-е. поэтомъ, который стремился постигнуть человѣка, озарить всѣ уголки его души, и до сихъ поръ оставленныя имъ произведенія являются лучшимъ источникомъ для пониманія внутренняго міра человѣка.

VI. Сервантесъ.

Эпоха Возрожденія рядомъ съ Шекспиромъ выставила другого великаго писателя, знаменитаго автора «Донъ-Кихота»,—творенія, которое пользуется такой же любовью во всѣхъ странахъ міра, какъ и шекспировскій «Гамлетъ». Сервантесъ былъ современникомъ Шекспира и, по преданію, умеръ въ одинъ день съ нимъ.

Сервантесъ.

Онъ родился въ 1547 году въ Испаніи, въ городѣ Алкалѣ. Его жизнь напоминаетъ волшебную сказку. Онъ пережилъ рядъ необычайныхъ приключеній и нѣсколько разъ чудомъ избѣгалъ смерти. Онъ принадлежалъ къ бѣдной семьѣ лѣкаря. О дѣтскихъ годахъ его жизни почти ничего неизвѣстно. Въ 1568 году молодой Сервантесъ уѣхалъ въ Италію съ кардиналомъ Альмавива, прибывшимъ въ Испанію въ качествѣ посла отъ папы. Вскорѣ Сервантесъ поступаетъ въ армію Священной Лиги, т.-е. союза, въ составъ которой входили Венеція, Испанія и папа. Армія должна была наказать турокъ за ихъ жестокости противъ христіанъ. Сервантесъ храбро сражался въ битвѣ при Лепанто, въ которой турки были разбиты на-голову, и впослѣдствіи гордился своими ранами, особенно тѣмъ, что онъ «лишился лѣвой руки для вящшей славы правой». Онъ участвовалъ, несмотря на раны, еще въ рядѣ битвъ. Въ 1575 году онъ возвращался въ Испанію съ рекомендательными письмами отъ своихъ начальниковъ. Но по дорогѣ онъ былъ захваченъ въ плѣнъ алжирскими пиратами, т.-е. морскими разбойниками, которые, благодаря рекомендательнымъ пись-

мамъ, приняли его за знатнаго плѣнника и требовали большого выкупа. Пять лѣтъ его плѣна могли бы дать матеріалъ для нѣсколькихъ фантастическихъ романовъ. Онъ проявилъ въ плѣну рѣдкое благородство и силу духа. Онъ организуетъ бѣгство своихъ товарищей, но благодаря предательству одного мавра бѣглецы были схвачены, и благородный Сервантесъ, объявившій себя зачинщикомъ, былъ подвергнутъ особенно жестокому наказанію. Быть-можетъ, только жажда выкупа помѣшала его врагамъ умертвить его. Когда отецъ собралъ, наконецъ, съ трудомъ деньги для выкупа его, Сервантесъ отказался отъ нихъ въ пользу своего брата и задумалъ новый планъ бѣгства. Онъ вмѣстѣ съ другими плѣнниками скрылся въ пещерѣ, вырытой однимъ садовникомъ. Пища доставлялась имъ раскаявшимся ренегатомъ. Плѣнники пробыли здѣсь полгода, но ренегатъ въ послѣднюю минуту вернулся въ исламъ и предалъ ихъ. Сервантесъ снова принялъ вину на себя и не выдалъ никого даже подъ угрозой пытки. Говорятъ, что его мужество тронуло турокъ, и алжирскій правитель или дей Ассанъ, славившійся своей кровожадностью, отрѣзавшій христіанамъ уши и сажавшій ихъ на колъ для собственнаго удовольствія, пощадилъ благороднаго испанца. Садовникъ былъ подвергнутъ мучительной казни. Послѣ ряда другихъ попытокъ къ бѣгству (за одну изъ нихъ Сервантесъ былъ приговоренъ къ двумъ тысячамъ ударовъ, но дей помиловалъ его) Сервантесъ, наконецъ, былъ выкупленъ. По возвращеніи на родину въ 1580 г. онъ пережилъ рядъ новыхъ неудачъ. Онъ участвовалъ въ походѣ испанцевъ въ сосѣднюю Португалію и по возвращеніи получилъ скромное мѣсто провіантскаго чиновника. Вслѣдствіе его неосторожности казна потерпѣла ущербъ, и Сервантесъ долженъ былъ провести нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, гдѣ и было задумано одно изъ величайшихъ созданій міровой поэзіи, романъ «Донъ-Кихотъ». Первая часть романа появилась въ свѣтъ въ 1605 году. До появленія этого романа Сервантесъ написалъ рядъ драмъ и комедій, которыя съ успѣхомъ шли на сценѣ, доставили писателю литературныхъ друзей и связи, но въ общемъ не могутъ итти въ сравненіе съ его безсмертнымъ романомъ. Въ 1613 году Сервантесъ издалъ «Образцовыя новеллы», сборникъ прекрасныхъ разсказовъ. Но литературная слава, которую послѣ «Донъ-Кихота» пріобрѣлъ Сервантесъ, не избавила его отъ горя и бѣдности. Въ семейной жизни онъ не былъ счастливъ. Жена его, которую онъ взялъ изъ небогатой семьи, жила отдѣльно. Его единственная дочь Изабелла, которая была плодомъ его непродолжительной любви къ нѣкоей Анна Франка, дважды была замужемъ. Первый мужъ ея умеръ черезъ годъ послѣ свадьбы,

второй поссорился съ Сервантесомъ и судомъ требовалъ отъ него приданаго. Въ бѣдности и неизвѣстности умеръ великій писатель въ то время, какъ его твореніями уже зачитывалась вся Испанія.

„Донъ-Кихотъ“.

Собственно, самъ Сервантесъ, при созданіи своего романа, ставилъ себѣ очень простую, хотя для того времени весьма важную задачу. Онъ имѣлъ въ виду убить въ обществѣ пристрастіе къ рыцарскимъ ро-

Сервантесъ.

манамъ, которые были широко распространены, изображали самыя невѣроятныя приключенія, портили вкусъ читателей и будили въ молодежи страсть къ похожденіямъ, утратившимъ всякій смыслъ съ паденіемъ рыцарства. По мѣрѣ развитія городской и государственной жизни и образованія государственныхъ армій, рыцарство потеряло свое значеніе. Обѣты рыцарей, принимавшихъ на себя защиту церкви, справедливости, всѣхъ слабыхъ и угнетенныхъ, вдовъ и сиротъ, раньше имѣли

дѣйствительное значеніе, но съ развитіемъ судовъ, полиціи и другихъ государственныхъ учрежденій, охрана порядка и справедливости со стороны отдѣльныхъ лицъ не представляла больше необходимости. Романы, продолжавшіе изображать подвиги странствующихъ рыцарей въ этой новой обстановкѣ, должны были возбуждать смѣхъ, а между тѣмъ публика продолжала зачитываться описаніемъ невѣроятныхъ приключеній. До какой степени вредно дѣйствовали эти романы на умы молодежи, видно изъ того, что правительство не разъ издавало законы, запрещавшіе ихъ распространеніе. Особенной любовью пользовались романы о рыцарѣ Амадисѣ Галльскомъ. Когда одинъ рыцарь, придя домой, засталъ въ слезахъ всю свою семью и прислугу и спросилъ о причинѣ общаго горя, то оказалось, что общее рыданіе вызвано смертью Амадиса, о чемъ только что прочитали въ домѣ рыцаря.

Когда Сервантесъ приступалъ къ своему роману, онъ не имѣлъ въ виду другой цѣли, кромѣ осмѣянія рыцарскихъ романовъ. Онъ хотѣлъ вывести комическаго героя, который, начитавшись рыцарскихъ романовъ, впалъ въ безуміе, рѣшилъ самъ сдѣлаться странствующимъ рыцаремъ и возбуждаетъ всюду смѣхъ своими попытками возродить значеніе и славу странствующаго рыцарства. Въ исторіи Донъ-Кихота раскрывается нелѣпость этой попытки. Все, что нѣкогда имѣло смыслъ и возбуждало уваженіе, при новыхъ условіяхъ жизни пріобрѣтаетъ смѣшной видъ, кажется выходкой безумца. Донъ-Кихотъ тщательно выполняетъ всѣ требованія рыцарскаго устава. Онъ достаетъ старые дѣдовскіе доспѣхи, покрытые ржавчиной, почти негодные. Онъ вычистилъ ихъ и пополнилъ недостающія части. Такъ, увидавъ, что въ шлемѣ недоставало забрала и нижней части, онъ сдѣлалъ ихъ изъ картона, но, убѣдившись, что одинъ ударъ меча истребилъ работу цѣлой недѣли, онъ прикрѣпилъ внутри нѣсколько желѣзныхъ полосокъ, рѣшивъ не подвергать его больше испытанію и увѣривъ себя, что обладаетъ прекраснымъ шлемомъ. Запасшись вооруженіемъ, Донъ-Кихотъ пошелъ взглянуть на свою клячу, у которой копыта были въ трещинахъ и которая отличалась невѣроятной худобой, но Донъ-Кихоту казалось, что лошади самыхъ прославленныхъ царей и героевъ древности не могутъ сравниться съ его тощей клячей. Четыре дня употребилъ онъ на то, чтобы дать достойное имя благородному коню великаго рыцаря. Онъ перебралъ въ умѣ массу именъ и, наконецъ, назвалъ ее Росинантомъ. Далѣе, вспомнивъ, что всѣ рыцари носили громкія имена и къ имени добавляли еще названіе своего королевства, онъ (хотя его настоящее имя было Кихада или Кесада) назвалъ себя Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Выполняя всѣ обы-

чаи рыцарства, Донъ-Кихотъ считаетъ своей обязанностью найти себѣ даму сердца, къ которой, въ случаѣ побѣды надъ какимъ-нибудь великаномъ, онъ могъ бы прислать побѣжденнаго, чтобы тотъ палъ передъ ней на колѣни и сказалъ бы смиреннымъ и покорнымъ голосомъ: «Я, сеньора, великанъ Каракуліамбро, повелитель острова Мамендраніа, котораго побѣдилъ въ поединкѣ никогда въ достаточной мѣрѣ не восхваленный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій, приказавшій мнѣ явиться къ вашей милости, чтобы ваше величіе располагало мною по своему благоусмотрѣнію». И Донъ-Кихотъ выбираетъ «владычицей своихъ думъ» крестьянку изъ сосѣдней деревни Альдонсу Лоренсо, но для того, чтобы дать ей громкое имя, напоминающее принцессу или знатную даму, онъ переименовалъ крестьянку въ Дульцинею Тобозскую. Наконецъ Донъ-Кихотъ такъ подѣйствовалъ своими восторженными рѣчами на одного простодушнаго толстяка-крестьянина, по имени Санчо Панса, что бѣднякъ бросилъ жену и дѣтей и послѣдовалъ за нимъ въ качествѣ оруженосца, котораго, по обычаю, долженъ былъ имѣть всякій рыцарь.

Нужно ли прибавлять, что всѣ подвиги Донъ-Кихота не только не приводятъ къ желанной цѣли, но, напротивъ того, часто наносятъ вредъ тому дѣлу, во имя котораго онъ совершаетъ эти подвиги. Въ своемъ безуміи онъ принимаетъ вѣтряныя мельницы за великановъ и бросается на нихъ съ копьемъ; конечно, копье разлетѣлось вдребезги, а конь и всадникъ были подняты мельничными крыльями и съ размаху отброшены въ сторону. Донъ-Кихотъ освобождаетъ мальчика, котораго жестоко избиваетъ крестьянинъ, и беретъ съ крестьянина слово не обижать ребенка. Тщетно несчастный мальчикъ умоляетъ рыцаря не уѣзжать. Донъ-Кихотъ вѣритъ рыцарскому слову, и само собою разумѣется, что послѣ его отъѣзда крестьянинъ наноситъ бѣдняжкѣ еще болѣе жестокіе удары. Встрѣтивъ какихъ-то купцовъ, онъ требуетъ отъ нихъ, чтобы они признали Дульцинею Тобозскую, «императрицу Ламанча», прекраснѣйшей дѣвушкой въ свѣтѣ. Купцы насмѣялись надъ рыцаремъ и избили его. Далѣе, Донъ-Кихотъ освобождаетъ каторжниковъ, которыхъ вели въ цѣпяхъ конвойные. Но когда онъ потребовалъ, чтобы освобожденные имъ преступники изъ благодарности отправились къ Дульцинеѣ и сообщили ей объ его подвигѣ, то каторжники, вовсе не желавшіе вторично попасть въ руки правосудія, стали бросать въ рыцаря и его оруженосца каменьями, и когда оба они, избитые, свалились на землю, разбойники ограбили ихъ и разбѣжались.

Вмѣсто славы на долю рыцаря выпадаютъ постоянно побои и раны. Санчо Панса приходитъ въ отчаянье, и не разъ требуетъ

платы и хочетъ покинуть своего господина, будучи не въ силахъ выносить голода, лишеній и побоевъ, связанныхъ съ похожденіями странствующаго рыцаря. Но своей безумно-восторженной вѣрой въ святость своего дѣла Донъ-Кихотъ заражаетъ своего слугу, и тотъ раскаивается въ своемъ малодушіи, стыдится своего корыстолюбія и снова идетъ за своимъ господиномъ, который сулитъ ему славу и почетъ въ будущемъ. И дѣйствительно, Санчо становится губернаторомъ по милости герцога, которому пришла охота пошутить надъ рыцаремъ и его оруженосцемъ и который устраиваетъ такъ, что кратковременное губернаторство Санчо превратилось въ рядъ мученій.

Вѣчное значеніе „Донъ-Кихота".

Романъ достигъ своей цѣли. Послѣ него въ Испаніи не появлялись больше рыцарскіе романы. Но если бы «Донъ-Кихотъ» выполнилъ только эту задачу, его не стали бы читать всѣ образованные люди въ теченіе трехъ столѣтій. Его творецъ сказалъ своимъ созданіемъ гораздо больше, чѣмъ хотѣлъ сказать. Мы и въ настоящее время зачитываемся этимъ романомъ, хотя давно уже не увлекаемся рыцарскими романами, и великая сатира не имѣетъ для насъ того значенія, какое она имѣла для современниковъ. Въ чемъ же заключаются тѣ достоинства романа, которыя позволили ему пережить цѣлыя столѣтія? Вѣчное значеніе романа заключается въ томъ, что въ трагедіи безумнаго рыцаря выведена трагедія благороднаго мечтателя вообще. Сервантесъ не замѣтилъ, какъ его герой сталъ великимъ художественнымъ образомъ; въ этомъ образѣ не трудно узнать всякаго самоотверженнаго героя, въ которомъ живетъ могучій порывъ къ благородному дѣлу, пламенная жажда послужить человѣчеству, но который не понимаетъ дѣйствительности, не умѣетъ примѣнить своихъ силъ съ пользой, не хочетъ видѣть этой дѣйствительности. Такіе люди встрѣчаются во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, а особенно въ такія переходныя эпохи, какъ эпоха Возрожденія, когда рушатся старыя формы жизни и старыя понятія, и мечтатели не видятъ и не понимаютъ новыхъ условій. Съ этой точки зрѣнія Донъ-Кихотомъ можно назвать и Данте, который мечталъ о возстановленіи Священной Римской имперіи, когда измѣнившіяся условія дѣлали подобную мысль смѣшной. Донъ-Кихотомъ можно назвать и Брута, который тоже обладалъ благороднымъ пыломъ, но совершенно не понималъ практическихъ условій и только вредилъ дорогому для него дѣлу.

Уже съ давнихъ поръ критика обратила вниманіе на то, что Донъ-Кихотъ возбуждаетъ не только смѣхъ. Онъ возбуждаетъ горячее сочувствіе читателя прежде всего благороднымъ характе-

ромъ поставленной себѣ задачи, своимъ безкорыстіемъ и самоотверженіемъ. Передъ издѣвающимся надъ нимъ герцогомъ онъ такъ опредѣляетъ свою роль: «Рыцарь я есть и рыцаремъ умру, если будетъ угодно Всевышнему. Нѣкоторые идутъ по обширному поприщу надменнаго честолюбія, другіе—низкой и раболѣпной лести, иные—вводящаго въ обманъ лицемѣрія, и очень немногіе—по дорогѣ истинной вѣры; а я, руководясь моей звѣздой, иду по узкой тропѣ странствующаго рыцарства и, исполняя свое призваніе, презираю земныя блага, но не честь. Я мстилъ за угнетенныхъ, исправлялъ зло, каралъ дерзость, побѣждалъ великановъ и попиралъ ногами чудовищъ. Я влюбленъ, но настолько лишь, насколько это обязательно для странствующаго рыцаря, и будучи влюбленнымъ, принадлежу не къ числу порочныхъ, а къ числу воздержныхъ. Намѣренія мои направлены всегда къ хорошей цѣли, именно дѣлать всѣмъ добро и никому не дѣлать зла. Заслуживаетъ ли тотъ, кто такъ думаетъ, кто такъ поступаетъ и кто такъ живетъ, именоваться глупцомъ, скажите вы, ваши высочества, свѣтлѣйшій герцогъ и герцогиня?» Несомнѣнно, что Донъ-Кихотъ имѣлъ право сказать о себѣ эти слова. Его мечта о «золотомъ вѣкѣ», о счастьи людей, не становится менѣе благородной отъ того, что онъ не практикъ и не умѣетъ правильно осуществлять ее.

Но Донъ-Кихотъ и не всегда безумецъ. Совѣты, которые даетъ онъ своему оруженосцу, ставшему губернаторомъ, полны мудрости, проникнуты пламенной жаждой добра и правды:

Чтобы пріобрѣсти благорасположеніе населенія, которымъ ты управляешь, ты долженъ въ числѣ другихъ вещей, соблюдать слѣдующія двѣ: первая—быть со всѣми учтивымъ, вторая—принять мѣры для снабженія въ изобиліи населенія жизненными припасами, такъ какъ нѣтъ вещи, которая болѣе угнетала бы душу бѣдныхъ людей, чѣмъ голодъ и нужда. Не издавай много законовъ, а если бы ты издалъ нѣкоторые, постарайся, чтобы они были хороши, и главное, чтобы ихъ исполняли и они соблюдались; потому что законы, которые не исполняются, все равно какъ бы не существуютъ, и, напротивъ, это доказываетъ, что принцъ, обладавшій умомъ и властью, чтобы издать законъ, не обладалъ нужнымъ мужествомъ, чтобы заставить его соблюдать: а законы, которые устрашаютъ, но не исполняются, похожи на чурбана—короля лягушекъ, который сначала пугалъ ихъ, а со временемъ онѣ стали презирать его и садились ему на спину...

«Посѣщай тюрьмы, бойни и площади, потому что присутствіе губернатора въ этихъ мѣстахъ имѣетъ большое значеніе: оно утѣшаетъ заключенныхъ, надѣющихся на скорое освобожденіе

изъ тюрьмы; оно—пугало для мясниковъ, принуждая ихъ имѣть тогда вѣрные вѣсы, и наводитъ ужасъ и на базарныхъ торговокъ по той же причинѣ».

Эта двойственность Донъ-Кихота: съ одной стороны—безуміе, съ другой—рѣдкій умъ, съ одной стороны—благородное стремленіе къ общему благу, съ другой—наивное дѣтское непониманіе, заставляющее его причинять вредъ и горе окружающимъ; двойственное отношеніе къ нему самого творца романа, который то какъ будто издѣвается надъ своимъ сумасшедшимъ героемъ, то дѣлаетъ его проповѣдникомъ замѣчательныхъ мыслей о добрѣ, свободѣ и правдѣ,—все это дѣлаетъ Донъ-Кихота еще болѣе загадочнымъ героемъ, чѣмъ Гамлетъ. У Донъ-Кихота въ критикѣ есть свои защитники и враги. Вторые, опираясь на заявленіе самого Сервантеса, полагаютъ, что романъ представляетъ собою только сатиру, что писатель хотѣлъ только осмѣять своего героя, выставить его на посмѣшище. Другіе видятъ, напротивъ, въ романѣ совершенно другую мысль. Они говорятъ, что Сервантесъ, быть-можетъ, безсознательно, рѣзко осудилъ прозаическое грубое человѣчество, которое въ своихъ будничныхъ заботахъ не можетъ оцѣнить возвышенный характеръ, не можетъ понять истиннаго величія,—то человѣчество, среди котораго всякій благородный порывъ, всякое чистое и безкорыстное стремленіе попадаетъ въ смѣшное и жалкое положеніе,—то человѣчество, которое осыпаетъ побоями и насмѣшками своихъ лучшихъ людей. Гейне, знаменитый нѣмецкій поэтъ XIX вѣка (см. ниже), плакалъ надъ страданіями бѣднаго рыцаря еще ребенкомъ, такъ какъ «Донъ-Кихотъ» былъ первой прочитанной имъ книгой. «Какъ ни смѣшны были шутки, которыя играла надъ нимъ судьба, я былъ убѣжденъ, что такъ оно и должно быть, что на долю героя ужъ всегда выпадаетъ какъ осмѣяніе его, такъ и полученіе тѣлесныхъ ранъ, и первое сердило меня такъ же сильно, какъ сильно чувствовалъ я вторыя въ своей собственной душѣ. Я былъ ребенокъ и не зналъ іроніи, т.-е. насмѣшки, которую Богъ создалъ и поселилъ въ мірѣ, и которой великій поэтъ подражалъ въ своемъ печатномъ маленькомъ мірѣ, и горькія слезы проливалъ я, когда благородный рыцарь за всѣ свои доблести получалъ только неблагодарность и удары. И такъ какъ, будучи еще новичкомъ въ дѣлѣ чтенія, я произносилъ каждое слово вслухъ, то птицы и деревья, ручьи и цвѣты могли тоже слышать все это, а такъ какъ этимъ невиннымъ созданіямъ міровая иронія знакома отнюдь не больше, чѣмъ дѣтямъ, то они тоже все принимали за чистую монету и плакали вмѣстѣ со мною о страданіяхъ бѣднаго рыцаря: одинъ старый выслужившій свое время дубъ даже рыдалъ, водо-

падъ сильнѣе трясъ своей бѣлой бородой и, казалось, бранилъ людей за ихъ скверность. Мы чувствовали, что удивленіе, вызываемое геройскимъ духомъ рыцаря, не ослабѣваетъ отъ того, что левъ, не желая съ нимъ сражаться, поворачиваетъ ему спину, и его подвиги представлялись намъ тѣмъ достохвальнѣе, чѣмъ слабѣе и худощавѣе было его тѣло, чѣмъ дряннѣе защищавшее его вооруженіе и чѣмъ плачевнѣе кляча, носившая его на себѣ. Мы презирали низкую чернь, обращавшуюся съ бѣднымъ героемъ такъ грубо и жестоко, но еще болѣе—чернь высокую, которая, красуясь своими яркими шелковыми плащами, высокопарными фразами и герцогскими титулами, издѣвалась надъ человѣкомъ, такъ много превосходившимъ ее силой духа и благородствомъ чувства».

Среди многочисленныхъ толкованій Донъ-Кихота заслуживаетъ вниманія интересный взглядъ нашего знаменитаго писателя И. С. Тургенева, высказанный въ его рѣчи «Гамлетъ и Донъ-Кихотъ». Тургеневъ отдаетъ второму предпочтеніе передъ первымъ. Донъ-Кихотъ дѣйствуетъ, Гамлетъ думаетъ. Донъ-Кихотъ безъ размышленій беретъ на себя дѣло борьбы со зломъ. Гамлетъ не въ состояніи исполнить даже возложеннаго на него порученія. Правда, Донъ-Кихотъ часто вредитъ тому дѣлу, за которое борется, но, по мнѣнію Тургенева, человѣкъ, который будетъ сперва взвѣшивать всѣ послѣдствія своего поступка, всю вѣроятность его пользы, тотъ едва ли способенъ на самопожертвованіе. Гамлетъ сталъ бы колебаться и раздумывать даже тогда, если бы передъ нимъ явилась сама истина, и не поручился бы за то, что это—истина. Далѣе, Тургеневъ полагаетъ, что Гамлеты безполезны для народной массы, такъ какъ за ними некуда итти. Между тѣмъ за Донъ-Кихотами масса всегда идетъ, несмотря на то, что смѣется надъ ними. Лучшее доказательство — Санчо Панса, который является представителемъ толпы, массы и который слѣдуетъ за своимъ господиномъ, несмотря на то, что въ награду не получаетъ ничего, кромѣ побоевъ.

Уже самое множество разнообразныхъ сужденій о Донъ-Кихотѣ показываетъ, какой безсмертный художественный образъ создалъ Сервантесъ. Столкновеніе между безумнымъ рыцаремъ и требованіями его времени онъ превратилъ въ картину великаго недоразумѣнія между мечтателемъ и жизнью вообще, изобразилъ не только внутренній міръ мечтателя, но и его участь здѣсь, въ мірѣ дѣйствительности. И благодаря этому геніальный писатель пролилъ яркій свѣтъ на одну изъ тѣхъ драмъ жизни, которыя всегда будутъ повторяться, пока будутъ существовать, быть-можетъ, и смѣшные, но нетерпѣливые, благородные люди, смотрящіе въ будущее и не понимающіе настоящаго.

VII. Мольеръ.

XVII вѣкъ въ Европѣ.

Эпоха Возрожденія нанесла сильный ударъ господству католической церкви въ Европѣ. Она выдвинула рядъ писателей, которые, какъ мы видѣли, ставили разумъ выше вѣры и потребности личности выше отреченія во имя будущей жизни. Въ разныхъ странахъ появляются проповѣдники, какъ Іоаннъ Гуссъ и Кальвинъ, которые уже открыто возстаютъ противъ папы и учреждаютъ новыя христіанскія церкви. Самымъ знаменитымъ изъ этихъ проповѣдниковъ былъ Лютеръ, который вступилъ въ борьбу съ папствомъ и положилъ въ началѣ XVI в. основаніе новой церкви, лютеранской. Вмѣстѣ съ этими перемѣнами въ религіозной области, произошли крупныя измѣненія и въ государственной жизни. Короли начинаютъ постепенно покорять себѣ отдѣльныхъ феодаловъ, при чемъ на помощь королямъ часто приходятъ города, потому что для торговцевъ и ремесленниковъ было неудобно вести обширную торговлю при феодальномъ порядкѣ. Большое сильное государство могло лучше защитить ихъ интересы въ отдаленныхъ странахъ. Но покоренные королями феодалы часто сохраняли большія права и преимущества въ своихъ земляхъ, или, переѣзжая жить при дворѣ, при королѣ, они часто получали здѣсь лучшія должности и права, которыхъ не имѣли остальные жители страны.

Эти перемѣны отразились и на литературѣ. Папство не сразу уступило свою власть, и XVII столѣтіе наполнено жестокими религіозными войнами. Особенно жестокой была знаменитая 30-лѣтняя война между католиками и протестантами, занявшая почти всю первую половину XVII вѣка. Она сильно разорила Германію, что отразилось и на умственной жизни Германіи въ послѣдующій періодъ. Только около средины XVIII вѣка въ Германіи послѣ долгаго застоя появляется рядъ великихъ писателей, изъ которыхъ особенно прославились, какъ увидимъ, Лессингъ, Гете и Шиллеръ. Въ Англіи, напротивъ, XVII столѣтіе ознаменовалось появленіемъ замѣчательныхъ писателей. Здѣсь раньше чѣмъ въ другихъ странахъ народъ началъ добиваться права участвовать въ управленіи страной. Здѣсь же раньше всего были развиты философами мысли о великомъ значеніи разума. Эти мысли изъ Англіи перешли потомъ во Францію, гдѣ въ XVIII вѣкѣ были подробно разработаны знаменитыми философами, которыхъ называютъ раціоналистами (отъ слова ratio—разумъ) или просвѣтителями: Вольтеромъ, Монтескье, Дидро и Руссо. Осо-

Мильтонъ.

бенно прославился въ XVII вѣкѣ въ Англіи Джонъ Мильтонъ (1608—1674). Во время борьбы возникшихъ въ Англіи новыхъ религій съ католичествомъ и другъ съ другомъ Мильтонъ выступилъ защитникомъ полной свободы совѣсти и религіи. Когда народъ возсталъ противъ короля Карла, и послѣдній былъ казненъ, Мильтонъ въ своей «Защитѣ англійскаго народа» отстаивалъ верховныя права народа. Имъ же была высказана мысль о томъ, что власть короля произошла путемъ договора съ народомъ. Эта мысль въ XVIII в. сыграла огромную роль въ ученіи упомянутыхъ французскихъ философовъ, Монтескье, Руссо и другихъ, подготовившихъ великую французскую революцію. Въ «Ареопагитикѣ» (Ареопагомъ назывался у грековъ верховный судъ) Мильтонъ защищалъ свободу печати и доказывалъ, что уничтожить книгу — бо́льшее преступленіе, чѣмъ убить человѣка, потому что во второмъ случаѣ убиваютъ разумное созданіе, а въ первомъ — самый разумъ, «истинное подобіе Бога». Особенной извѣстностью пользуется поэма Мильтона «Потерянный Рай», гдѣ изображена борьба Сатаны съ Богомъ, жизнь первыхъ людей въ раю, исторія ихъ грѣхопаденія и изгнанія. На поэмѣ отразилось суровое и мрачное настроеніе той эпохи. Въ изображеніе борьбы Бога и Сатаны внесены многія черты изъ борьбы между королемъ и народомъ. Рядомъ съ Мильтономъ нельзя не отмѣтить другого великаго англійскаго мыслителя, Локка (1632—1704), который выдвинулъ разумъ какъ средство познанія истины на первое мѣсто и поставилъ его выше вѣры. Локкъ тоже отстаивалъ права народа и свободу совѣсти и былъ главнымъ вдохновителемъ французскихъ раціоналистовъ.

Французская литература XVII в.

Во Франціи въ XVII столѣтіи особенно ярко расцвѣла придворная жизнь. Во второй половинѣ этого вѣка царствовалъ Людовикъ XIV, который любилъ искусство и поэзію, создалъ вокругъ себя въ Версали, недалеко отъ Парижа, самый блестящій дворъ, какой только знала Франція. Этому двору, тамошнимъ вкусамъ, костюмамъ и модамъ подражала вся западная Европа. Подражали вездѣ и той поэзіи, которую создали придворные поэты Людовика XIV. Эта поэзія получила названіе ложно-классической, потому что поэты подражали греческимъ трагедіямъ выводили героями, главнымъ образомъ, греческихъ и римскихъ царей, вводили хоръ и вѣстниковъ, какъ у Софокла и Эсхилла. Наиболѣе знаменитыми представителями ложно-классической трагедіи были Корнель (1606—1684) и Расинъ (1639—1699). Трагедіи ихъ писались для придворнаго общества. Поэтому онѣ удовле-

творяли вкусамъ и требованіямъ этого общества. Въ нихъ не выводились простые люди, купцы или крестьяне, а только цари и герои. Предметомъ страданій и борьбы героевъ не могли служить такія событія, какъ разореніе, семейныя распри и т. д. Обыкновенно, содержаніе трагедій составляли борьба изъ-за царской власти, честолюбіе, военная слава, какъ у Корнеля, или изящная во вкусѣ придворнаго общества любовь и ревность, какъ у Расина. Языкъ этихъ трагедій—возвышенный, иногда напыщенный, но въ то же время отдѣланный и звучный, напоминалъ языкъ придворнаго дворянства. Самыя трагедіи строились по извѣстнымъ правиламъ. Дѣйствіе піесы должно было совершаться въ одномъ мѣстѣ, въ теченіе одного дня, сосредоточиваться около одного событія. Это называлось тремя единствами: мѣста, времени и дѣйствія. Вообще на трагедіи лежалъ отпечатокъ искусственности. Изъ произведеній Корнеля назовёмъ «Сида», «Родогюну», «Горація», изъ трагедій Расина «Федру», «Гоѳолію», «Андромаху». Ложноклассическое направленіе долго процвѣтало въ Европѣ. Но нигдѣ оно не дало такихъ талантливыхъ представителей, какъ во Франціи. Въ Англіи представителемъ этого направленія былъ Драйденъ (1631—1700), смѣявшійся надъ Шекспиромъ, который не соблюдалъ ложно-классическихъ правилъ, выводилъ королей рядомъ съ простыми людьми, былъ естественнымъ и правдивымъ писателемъ. Въ Германіи сцены заполняли ложно-классическими пьесами бездарные подражатели Корнеля и Расина. У насъ въ области ложно-классической трагедіи особенно прославился Сумароковъ, котораго называли «русскимъ Расиномъ» (см. ниже въ отдѣлѣ русской литературы).

Мольеръ.

XVII столѣтіе выдвинуло одного великаго поэта, произведенія котораго до сихъ поръ читаются и не сходятъ со сцены,—Мольера. *Мольеръ* (1622—1673) былъ тоже придворнымъ поэтомъ и многія изъ своихъ комедій онъ писалъ съ цѣлью позабавить Людовика XIV, писалъ къ случаю, для того или другого придворнаго торжества. Онъ тоже старался соблюдать ложно-классическія правила. И тѣмъ не менѣе онъ создалъ геніальныя произведенія, въ которыхъ вывелъ и ярко освѣтилъ всѣ общественныя явленія своего времени. Комедія, по ложно-классическимъ правиламъ, была предназначена для изображенія людей низкаго происхожденія, мелкой борьбы и мелкихъ интересовъ. Драмы, т.-е. средней формы между трагедіей и комедіей не было. Выходило какъ будто, что для дворянства отведена даже въ поэзіи одна форма, а для простыхъ людей—другая. Такимъ образомъ, самая форма поэзіи, выбранная Мольеромъ, меньше стѣсняла его талантъ, не требовала

такой искусственности, какъ трагедія, и не помѣшала ему стать правдивымъ изобразителемъ нравовъ и понятій цѣлой эпохи. Въ комедіяхъ Мольера время Людовика XIV нашло свое отраженіе совершенно въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ въ трагедіяхъ Корнеля и Расина. Тѣ отразили пышность и блескъ этого времени. Мольеръ изображалъ его темныя стороны, показалъ гнойныя язвы тогдашняго общества.

Онъ былъ сыномъ придворнаго служителя. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ школѣ, которая находилась въ завѣдываніи іезуитовъ. Уже здѣсь онъ убѣдился въ лицемѣріи, лживости и ханжествѣ тогдашняго католическаго духовенства и здѣсь сталъ писать первые наброски, въ которыхъ осмѣивалъ своихъ учителей. Впослѣдствіи онъ написалъ наиболѣе прославленную изъ своихъ пьесъ «Тартюфъ», въ которой вывелъ ханжу, со всѣми недостатками тогдашняго духовенства. Странствующая труппа, въ которую Мольеръ, съ дѣтства любившій театръ, попалъ вскорѣ по окончаніи школы, ея переѣзды изъ одного города въ другой, помогли Мольеру еще глубже познакомиться съ нравами, убѣдиться въ развращающемъ вліяніи іезуитовъ, увидать произволъ дворянства и властей. Женившись на молодой артисткѣ и вернувшись въ Парижъ, Мольеръ вскорѣ понялъ, какъ низко опустилось придворное общество. Здѣсь царило полное раболѣпіе передъ королемъ, у котораго потомки нѣкогда независимой знати покорно выпрашивали подачекъ, милостей, должностей и т. д. Интересы ихъ сводились къ любовнымъ похожденіямъ и придворнымъ интригамъ. На лицъ недворянскаго происхожденія они смотрѣли съ презрѣніемъ. Жена Мольера сдѣлалась предметомъ ихъ ухаживаній, и Мольеръ чувствовалъ, что на молодую женщину начинаетъ оказывать гибельное вліяніе придворная атмосфера. Все это поселило въ немъ злобу и ненависть къ лживости и нравственному паденію придворнаго общества, и онъ создалъ безсмертный типъ волокиты-дворянина въ одной изъ лучшихъ своихъ комедій «Донъ-Жуанъ». Придворное общество и духовенство, конечно, платило ненавистью даровитому писателю, который такъ зло умѣлъ выставлять напоказъ ихъ недостатки. Враги употребляли всѣ усилія, чтобы не допускать постановки его пьесъ на сцену. Такъ, «Тартюфъ» въ теченіе пяти лѣтъ не могъ появиться на сценѣ, несмотря даже на желаніе самого короля. Вообще, только благодаря покровительству Людовика XIV, который умѣлъ цѣнить остроумнаго поэта, придававшаго своими піесами блескъ и красоту придворнымъ празднествамъ,—Мольеръ могъ писать и ставить піесы вопреки усиліямъ враговъ.

Комедіи Мольера.

Комедіи, оставшіяся намъ послѣ Мольера, въ общемъ даютъ полную картину нравовъ общества эпохи Людовика XIV. Нѣтъ такой стороны жизни, которая бы не была ярко освѣщена Мольеромъ. Въ лучшей изъ своихъ раннихъ комедій «Смѣшныя жеманницы» онъ изображаетъ послѣдствія ложнаго воспитанія. Начитавшись глупыхъ романовъ и наслушавшись разговоровъ объ ухаживаньяхъ, двѣ дѣвицы, Маделонъ и Катосъ, отвергаютъ двухъ порядочныхъ молодыхъ людей, которые явились къ нимъ съ простыми и честными намѣреніями. Дѣвицамъ хочется чего-то необыкновеннаго, какой-нибудь любви съ приключеніями, какихъ-нибудь придворныхъ аристократовъ. Отвергнутые молодые люди переодѣваютъ своихъ лакеевъ въ графа и виконта (то же титулъ въ родѣ графа) и подсылаютъ ихъ къ Маделонъ и Катосъ. Барышни набрасываются на мнимыхъ аристократовъ и съ благоговѣніемъ подхватываютъ каждое слово лакеевъ. Эта комическая сцена, написанная язвительно и остроумно, вызываетъ обыкновенно въ театрѣ взрывъ хохота. Комедія кончается разоблаченіемъ обмана и полнымъ смущеніемъ наказанныхъ за свое жеманство дѣвицъ.

Осмѣивая нелѣпый характеръ тогдашняго воспитанія, Мольеръ показалъ и темныя стороны тогдашней семейной жизни. Типы обманутыхъ мужей, которые наказаны за свое недовѣріе, за свою подозрительность и деспотическое отношеніе къ женщинѣ, обманутые старики, думавшіе купить своими деньгами любовь молодыхъ женщинъ, вообще семейныя дрязги и непріятности, возникающія благодаря неправильному взгляду на бракъ,—все это изображено Мольеромъ въ цѣломъ рядѣ комедій. Очень комична, напр., фигура Арнольда въ «Школѣ женъ», который держалъ свою молодую жену, купленную его богатствомъ, за десятью замками и въ концѣ-концовъ былъ обманутъ, несмотря на всѣ ухищренія. Такая же участь постигла и Сганареля въ другой комедіи «Школа мужей». Далѣе, Мольеръ жестоко осмѣялъ страсть добродушныхъ мѣщанъ пробиваться въ дворянство. На эту тему написаны его комедіи «Жоржъ Данденъ», «Мѣщанинъ въ дворянствѣ». Мольеръ выводитъ простака, который, женившись на дворянкѣ изъ тщеславія, попадаетъ въ глупое и смѣшное положеніе. Родные его жены издѣваются надъ нимъ, надъ его манерами, рѣчью и поступками. Злую сатиру написалъ Мольеръ на «ученыхъ женщинъ» въ комедіи того же названія. Къ числу прекраснѣйшихъ его произведеній принадлежитъ комедія «Скупой», гдѣ выведенъ типъ скупца въ родѣ Плюшкина, который въ концѣ-концовъ тоже наказанъ за свою скупость.

Но лучшими комедіями Мольера по общественному значенію и по художественной обрисовкѣ двухъ безсмертныхъ типовъ являются «Донъ-Жуанъ» и «Тартюфъ».

„Донъ-Жуанъ“.

«Донъ-Жуанъ»—не только безпощадная сатира на современное Мольеру французское дворянство. Донъ-Жуанъ, какъ извѣстно, сталъ общимъ именемъ для всякаго безпутнаго волокиты. И до и послѣ Мольера много произведеній было посвящено этому герою писателями всѣхъ странъ. У насъ въ Россіи лучшія драмы, въ которыхъ выступаетъ этотъ герой, написаны Пушкинымъ («Каменный гость») и графомъ Алексѣемъ Толстымъ («Донъ-Жуанъ»). Впервые сказаніе о похожденіяхъ Донъ-Жуана (или по-испански — Донъ-Хуана) сложилось въ Испаніи. Этотъ Хуанъ былъ страшный безбожникъ и гуляка. Онъ издѣвался надъ святынями, смѣялся надъ добродѣтелью и соблазнилъ многихъ дѣвушекъ, среди которыхъ была дочь Командора. Когда старикъ-отецъ вступился за свою дочь, Донъ-Хуанъ убилъ его. Благодаря знатности этого безпутнаго гуляки, нельзя было добиться суда надъ нимъ. Говорятъ, что монахи одного монастыря подослали Донъ-Хуану письмо, будто бы отъ влюбленной дамы, которая приглашала его на свиданіе возлѣ статуи, поставленной въ память убитаго имъ Командора. Донъ-Хуанъ пришелъ, не подозрѣвая обмана, и былъ убитъ монахами, которые хотѣли избавить міръ отъ нечестивца. Но послѣ убійства они распустили слухъ, что Донъ-Хуанъ, явившись къ статуѣ, сталъ насмѣхаться надъ нею. Тогда Небо не стерпѣло этого новаго богохульства. Раздался громъ, гнѣвомъ засверкали глаза мраморнаго изваянія, разверзлась земля, и статуя вмѣстѣ съ преступникомъ провалилась въ бездну.

Это сказаніе стало любимымъ сказаніемъ поэтовъ. Донъ-Жуана выводили то безбожникомъ, который справедливо пострадалъ за свои преступленія, то дѣлали изъ него симпатичнаго привлекательнаго героя, который отстаивалъ право человѣка любить свободно и жить согласно своимъ вкусамъ и потребностямъ, вопреки людскому лицемѣрію, который являлся какъ бы защитникомъ человѣческой свободы противъ всякихъ стѣсненій. Каждый вѣкъ по своему оцѣнивалъ этотъ образъ, который создало воображеніе суровыхъ средневѣковыхъ монаховъ. Мольеръ воспользовался сказаніемъ для того, чтобы обрисовать въ лицѣ Донъ-Жуана современное высшее общество. Его герой сдѣлалъ волокитство цѣлью своей жизни. Въ началѣ піесы мы его встрѣчаемъ, только что спасшимся послѣ опаснаго приключенія. Онъ погнался въ лодкѣ за влюбленной парочкой, катавшейся въ морѣ. Лодка Донъ-Жуана опрокинулась, и самъ онъ чуть не утонулъ.

Выйдя на берегъ, онъ встрѣчаетъ двухъ крестьянокъ и объясняется обѣимъ въ любви, обѣщая каждой жениться на ней. Особенно комическое впечатлѣніе производитъ та сцена, когда перессорившіяся между собою крестьянки припираютъ Донъ-Жуана къ стѣнѣ и требуютъ рѣшительнаго отвѣта: кому изъ нихъ онъ говорилъ правду. При помощи ловкихъ рѣчей Донъ-Жуанъ устраиваетъ такъ, что каждая снова остается при убѣжденіи, будто она настоящая избранница его сердца, а ея соперница останется въ дурахъ. Чѣмъ больше развертывается исторія похожденій Донъ-Жуана, тѣмъ глубже раскрываются его недостатки. Напрасно его слуга, Сганарель, напоминаетъ ему о Богѣ и добродѣтели. Донъ-Жуанъ издѣвается надъ всѣмъ. Онъ предлагаетъ деньги нищему подъ условіемъ, что тотъ скажетъ нѣсколько богохульныхъ словъ. Онъ насмѣхается надъ своей женой Эльвирой, которую бросилъ и которая является къ нему съ напоминаніемъ о супружескомъ долгѣ. Его преслѣдуетъ братъ оскорбленной Эльвиры Донъ-Карлосъ, къ нему приходитъ съ увѣщаніями отецъ. И, наконецъ, когда Донъ-Жуанъ видитъ, что ему приходится плохо, онъ вдругъ объявляетъ, что рѣшилъ исправиться. Всѣ радуются, даже Сганарель поздравляетъ своего господина. Но Донъ-Жуанъ хохочетъ надъ простакомъ-лакеемъ и объясняетъ ему, что придумалъ это притворное исправленіе только для того, чтобы удобнѣе обдѣлывать свои дѣла. Наконецъ само Небо возмутилось такимъ нечестивцемъ, и когда Донъ-Жуанъ пошутилъ надъ статуей убитаго имъ Командора, статуя проваливается вмѣстѣ съ нимъ.

Все, что свидѣтельствовало объ упадкѣ дворянства, высшаго сословія въ государствѣ, собрано въ типѣ Донъ-Жуана. Отъ старыхъ рыцарскихъ представленій это дворянство удержало только внѣшнее изящество, условныя представленія о чести и манеры, которыми пользовалось для прикрытія пустой, безсодержательной жизни, отсутствія серьезныхъ интересовъ. Достаточно вспомнить, какъ ловко выпроваживаетъ Донъ-Жуанъ своего кредитора. Онъ такъ заботливо разспрашиваетъ его о здоровьѣ его собственномъ, о здоровьѣ семьи, проявляетъ столько торопливаго участія къ его дѣламъ, что растерявшійся кредиторъ не успѣваетъ заикнуться о долгѣ и, смущенный, самъ того не замѣтивъ, оказывается за дверью, подталкиваемый Сганарелемъ. Нѣкогда рыцарское отношеніе къ женщинѣ, защита ея, требуемая рыцарскимъ уставомъ, выродились въ пошлое волокитство. Словомъ, и матеріальное, и нравственное паденіе дворянства, которое въ слѣдующемъ столѣтіи должно было пасть подъ ударами новыхъ промышленныхъ и торговыхъ

слоевъ общества, нашло себѣ прекрасное изображеніе въ знаменитой комедіи Мольера.

„Тартюфъ“. Въ другомъ своемъ великомъ произведеніи, комедіи «Тартюфъ», Мольеръ нанесъ сильный ударъ другому господствующему сословію, духовенству, которое вмѣстѣ съ дворянствомъ пользовалось огромными правами и

Мольеръ.

преимуществами по сравненію съ остальнымъ населеніемъ. Въ «Тартюфѣ» предъ нами лицемѣріе, жадность и распущенность іезуитовъ, этихъ монаховъ, призванныхъ охранять величіе и святость католической церкви.

Тартюфъ—ловкій хапжа и искусный интриганъ. Онъ такъ благоговѣйно молился всегда въ церкви, лицо его выражало столько кротости и смиренія, что онъ тронулъ сердце простака Оргона, добродушнаго и недалекаго мѣщанина. Оргонъ поселяетъ

хитраго бродягу у себя въ домѣ, чтитъ его какъ святого, заставляетъ чуть ли не служить ему всю семью. Вмѣстѣ съ Оргономъ, съ такимъ же благоговѣніемъ относится къ Тартюфу мать Оргона, г-жа Пернель. Пользуясь своимъ вліяніемъ на двухъ старшихъ лицъ въ домѣ, Тартюфъ постепенно забираетъ все въ свои руки и показываетъ себя въ своемъ настоящемъ свѣтѣ. Онъ разбиваетъ счастье дочери Оргона Маріанны, такъ какъ, подъ его вліяніемъ, Оргонъ отказываетъ молодому человѣку, котораго она любитъ, и навязываетъ ей въ женихи самого Тартюфа. И въ то же время развращенный проходимецъ объясняется въ любви женѣ Оргона, Эльмирѣ, пристаетъ къ ней и требуетъ ея любви самымъ грубымъ образомъ. Сцена объясненія съ Эльмирой раскрываетъ во всей наготѣ лживую и лицемѣрную душу Тартюфа. Ханжа обнаруживаетъ здѣсь всѣ тонкости іезуитскаго искусства, когда въ отвѣтъ на упреки Эльмиры старается показать, что его благочестіе и смиреніе вполнѣ совмѣстимы съ лживостью и сладострастіемъ, которыя онъ проявляетъ въ своихъ домогательствахъ по отношенію къ ней. Далѣе Тартюфъ убѣдилъ Оргона перевести свое имущество на его имя, поссорилъ отца съ сыномъ,—словомъ, въ короткое время своими происками онъ довелъ мирный домъ до несчастья. Чтобы раскрыть глаза ослѣпленному Оргону, Эльмира прячетъ своего мужа подъ столъ, и тотъ собственными ушами слышитъ признанія Тартюфа, пристающаго къ его женѣ съ грязными предложеніями. Но когда возмущенный Оргонъ хочетъ выгнать изъ дому обманщика, оказывается, что онъ уже больше не хозяинъ у себя въ домѣ, такъ какъ все принадлежитъ Тартюфу. Мало того, въ минуту откровенности Оргонъ довѣрилъ ему бумаги, которыя могли послужить уликой противъ его политической благонадежности. И Тартюфъ воспользовался теперь ими, чтобы донести на своего благодѣтеля. Только неожиданное вмѣшательство короля, приказавшаго арестовать мошенника, спасло Оргона и его семью отъ гибели. Такъ увѣковѣчилъ Мольеръ въ своей безсмертной комедіи то разложеніе, которое вносили въ тогдашнее общество люди, втиравшіеся въ довѣріе простыхъ людей, вѣчно обращавшіе глаза къ небу, говорившіе о Богѣ и въ то же время обдѣлывавшіе свои темныя дѣлишки подъ видомъ благочестія и смиренія. Но комедія «Тартюфъ» важна не только этимъ своимъ историческимъ значеніемъ. Ея герой — лучшій образъ ханжи, созданный міровой поэзіей. И отмѣтивъ въ своей комедіи крупное историческое явленіе, Мольеръ въ то же время создалъ безсмертный образъ, освѣщаетъ намъ вѣчныя стороны человѣческаго духа.

„Мизантропъ“.

Борьба съ обществомъ, сознаніе своего безсилія, торжество пошлости и лжи, — все это нерѣдко поселяло въ душѣ Мольера мрачное настроеніе и грустный взглядъ на жизнь и на людей. Это настроеніе отразилось въ одной изъ замѣчательныхъ комедій Мольера,—«Мизантропъ», интересной, между прочимъ, для насъ, русскихъ, тѣмъ, что ея главнаго героя Альцеста напоминаетъ герой знаменитой грибоѣдовской комедіи «Горе отъ ума»—Чацкій. «Мизантропъ»—такая же обличительная комедія, какъ и «Донъ-Жуанъ». Альцестъ стоитъ въ сторонѣ отъ общества, живущаго ложью, интригами и сплетнями, хотя по своему образованію и уму онъ могъ бы достигнуть высокаго общественнаго положенія. Онъ предпочитаетъ независимость тѣмъ выгодамъ, которыя даются лестью и угодничествомъ. Онъ презираетъ людей. Видя всеобщее паденіе нравовъ, онъ не хочетъ бороться съ отрицательными сторонами жизни, а отвергаетъ эту жизнь всю цѣликомъ и не находитъ себѣ въ ней мѣста.

Мольеръ, быть-можетъ, самый замѣчательный писатель XVII вѣка. Корнель и Расинъ воплотили вкусы, блескъ и понятія дворянства. Мольеръ же показалъ отрицательныя стороны правленія Людовика XIV, былъ какъ бы предвѣстникомъ будущаго, потому что въ XVIII столѣтіи борьба противъ преимуществъ дворянства и духовенства стала главнымъ вопросомъ времени и въ концѣ XVIII столѣтія она привела къ революціи, которая отмѣнила всѣ особыя права господствующихъ сословій и дала господство новой группѣ общества—буржуазіи (мѣщанству).

VIII. Просвѣтительное столѣтіе.

(Вольтеръ, Дидро, Монтескье, Руссо, Бомарше).

Эпоха Просвѣщенія.

Въ теченіе XVIII столѣтія почти повсюду въ Европѣ, и особенно во Франціи, сильно уменьшается значеніе родовитаго дворянства и, напротивъ того, все сильнѣе и вліятельнѣе становятся тѣ люди, которые занимались торговлей и промышленностью. Уже Мольеръ въ XVII вѣкѣ смѣялся надъ лицемѣріемъ и жадностью духовенства въ своемъ «Тартюфѣ» и надъ распущенностью дворянства въ «Донъ-Жуанѣ». Между тѣмъ дворяне и духовныя лица имѣли много правъ, которыхъ не имѣло остальное населеніе. Они были судьями въ своихъ владѣніяхъ, они могли торговать, не платя нѣкоторыхъ сборовъ, которые должны были платить всѣ другіе; нѣко-

торыя высшія должности предоставлялись только дворянамъ и т. д. Эти права мѣшали развитію торговли и промышленности, такъ какъ сильные и предпріимчивые люди простого званія не могли бороться со знатными благодаря ихъ преимуществамъ или привилегіямъ. Это остальное населеніе носило общее названіе третьяго сословія. Въ третьемъ сословіи были разные люди, богатые и бѣдные, съ разными интересами, но ихъ объединяла ненависть къ двумъ главнымъ сословіямъ, т.-е. къ духовенству и дворянству, за привилегіи, которыми тѣ пользовались. Въ теченіе всего XVII вѣка ведется борьба между третьимъ сословіемъ и двумя другими.

Эта борьба оказала большое вліяніе на европейскую литературу. Благодаря возвышенію третьяго сословія, которое еще задолго до XVIII вѣка начало пробиваться впередъ, появились новыя понятія, потребности и вкусы. Третье сословіе, особенно болѣе богатую часть его, принято называть также буржуазіей или городскимъ сословіемъ. Это названіе, можетъ-быть, лучше всего опредѣляетъ характеръ новыхъ чувствъ, понятій и вкусовъ, выдвинутыхъ въ литературѣ буржуазіей. Они во многомъ рѣзко отличались отъ вкусовъ и понятій дворянства и духовенства, которые складывались въ дворянскихъ замкахъ и монастыряхъ. Возвышеніе буржуазіи тѣсно связано съ ростомъ городовъ. Чѣмъ вліятельнѣе становились купцы, предприниматели и вообще люди капитала, тѣмъ больше значенія получали города, тѣмъ скорѣе утрачивали свою силу замки и монастыри; и ихъ обитатели, дворяне и епископы, покидали ихъ и тоже переселялись въ города, гдѣ жизнь была веселѣе и интереснѣе.

Сентиментализмъ.

Буржуазія вызвала къ жизни, съ одной стороны, такъ называемую просвѣтительную литературу, съ другой — сентиментальную. Первая проповѣдывала идеи равенства, возставала противъ того несправедливаго порядка, который создался благодаря господству духовенства и дворянства, осмѣивала невѣжество, суевѣріе, нетерпимость къ чужимъ религіямъ, все то, что поддерживалось духовенствомъ, требовала вниманія къ интересамъ народа, который угнетала королевская власть, поддерживавшая интересы дворянства. Вторая, сентиментальная или чувствительная литература, тѣсно связана съ первой. Она тоже служила признакомъ того, что высшія сословія уже уступали свое мѣсто буржуазіи. Эта литература изображала семейную жизнь и семейные нравы, любила останавливаться на нѣжныхъ и простыхъ чувствахъ, выводила обыкновенныхъ людей, любила поучать,— словомъ, удовлетворяла тѣмъ новымъ вкусамъ, которые принесли

съ собою семейственные и мирные буржуа (мѣщане) на мѣсто прежнихъ героическихъ и придворныхъ вкусовъ, породившихъ ложноклассическую литературу съ ея необыкновенными героями и возвышенными чувствами. Писателей просвѣтительнаго вѣка принято называть также раціоналистами, отъ слова ratio—разумъ, потому что, отвергая религію, церковь, возставая противъ существующаго государственнаго строя, они хотѣли построить новую жизнь только на основахъ разума. Они вѣрили, что человѣческій разумъ непогрѣшимъ. Ихъ ошибка заключалась въ томъ, что, слишкомъ довѣряя разуму, они недостаточно знакомились съ самой жизнью, съ интересами отдѣльныхъ слоевъ, и думали, что жизнь можно легко и быстро перестроить по указаніямъ разума.

Локкъ.

Раціонализмъ или просвѣтительное направленіе, такъ же, какъ и сентиментальное (чувствительное), началось въ Англіи. Самымъ знаменитымъ представителемъ просвѣтительнаго направленія въ Англіи былъ Джонъ Локкъ (1632—1704). Его можно считать какъ бы родоначальникомъ этого направленія. Онъ утверждалъ, что разумъ есть лучшій судья при опредѣленіи истины. Онъ требовалъ широкой терпимости къ чужой вѣрѣ, доказывалъ, что власть дана королю не Богомъ, а самими людьми для ихъ блага, и потому народъ обязанъ подчиняться королю только до тѣхъ поръ, пока онъ пользуется властью для счастья народа. Далѣе, Локкъ написалъ книгу о воспитаніи; въ ней онъ требовалъ разумнаго воспитанія, которое не стѣсняло бы ребенка и давало бы возможность развиваться всѣмъ его силамъ и способностямъ. Мысли Локка оказали огромное вліяніе на французскихъ просвѣтителей, которые широко развили ихъ и распространили по всему міру. На самаго знаменитаго изъ нихъ, Вольтера, особенно повліяли идеи Локка о разумѣ и разумной религіи. Монтескье развилъ его взгляды на государство и его устройство. Третій французскій философъ, Руссо, особенно ярко выразилъ мысль о томъ, что цари получили свою власть по договору съ народомъ, наконецъ, Руссо же далъ дальнѣйшее и болѣе широкое и яркое выраженіе его мыслямъ объ естественномъ воспитаніи.

Стернъ и Ричардсонъ.

Въ Англіи началось и сентиментальное направленіе. Главными представителями его были Стернъ (1713—1768), Ричардсонъ (1689—1761), Лилло (1693—1739). Первый прославился особенно своимъ «Сентиментальнымъ путешествіемъ», отъ котораго получило названіе самое направленіе. Въ этомъ произведеніи, написанномъ въ видѣ дневника, Стернъ разсказываетъ не столько о событіяхъ, встрѣ-

чавшихся во время его поѣздки, сколько о чувствахъ и настроеніяхъ, которыя вызывало въ немъ всякое, даже незначительное, явленіе или случайная встрѣча. Чувствительность его доходила до того, что онъ готовъ былъ плакать по поводу всякаго пустяка. Огромное впечатлѣніе произвели на европейское общество романы Ричардсона: «Памела» и особенно «Кларисса». Въ первомъ изображена кроткая дѣвушка, служанка, религіозная и добродѣтельная, которая остается чистой, несмотря на всѣ преслѣдованія своего молодого барина, распущеннаго аристократа, и въ концѣ-концовъ побѣждаетъ его. Въ «Клариссѣ» разсказана въ чувствительной формѣ трогательная исторія дѣвушки изъ мѣщанской семьи. Ее самымъ гнуснымъ образомъ обманулъ красивый и блестящій, но развратный Ловласъ. Несчастная опозоренная Кларисса умираетъ, Ловласъ раскаивается въ своемъ злодѣйскомъ поступкѣ, но исправить его уже нельзя. «Кларисса» — растянутый романъ, теперь уже не трогающій своими чувствительными сценами, но еще интересный изображеніемъ жизни купеческой семьи. Въ свое время онъ былъ величайшимъ событіемъ. Онъ появлялся по частямъ, и выхода каждой части ждали съ пламеннымъ нетерпѣніемъ. Въ деревняхъ служили молебны о выздоровленіи Клариссы, король и министры справлялись у Ричардсона объ ея здоровьи. Вмѣстѣ съ романомъ сентиментальное направленіе проникло и на сцену. Особенный успѣхъ имѣла піеса Лилло «Лондонскій купецъ», написанная съ нравоучительной цѣлью и изображавшая преступленіе и гибель одного молодого купца.

Теперь мы можемъ перейти къ французскимъ писателямъ, благодаря которымъ просвѣтительныя идеи распространились по всему міру и проникли и къ намъ, въ далекую Россію, оказавъ огромное вліяніе на нашихъ писателей XVIII вѣка: Екатерину Великую, Фонвизина, Новикова, Радищева и другихъ.

Вольтеръ.

Наиболѣе прославленнымъ изъ французскихъ раціоналистовъ былъ Вольтеръ, имя котораго долго пугало всѣхъ невѣжественныхъ и лже-благонамѣренныхъ людей, такъ какъ его считали проповѣдникомъ безбожія и революціи. Даже городничій въ гоголевскомъ «Ревизорѣ» говоритъ по поводу взятокъ: «Это ужъ такъ самимъ Богомъ устроено, и волтеріанцы (т.-е. послѣдователи Вольтера) напрасно противъ этого говорятъ». Вольтеръ (1694—1778) былъ сыномъ нотаріуса. Онъ представляетъ собой характерный образчикъ новыхъ людей, тѣхъ буржуа, которые настойчиво прокладывали себѣ путь къ богатству и почестямъ. Даровитый, умный и энергичный, онъ съ раннихъ лѣтъ, почувствовалъ, какъ трудно

человѣку недворянскаго происхожденія занять видное мѣсто въ обществѣ. Поэтому съ юности онъ съ одной стороны начинаетъ ненавидѣть всякое насиліе и неравенство, съ другой — его постоянно тянетъ къ знатнымъ и вліятельнымъ людямъ, такъ какъ ему хочется поскорѣе завоевать себѣ извѣстность и почетное положеніе. Эти черты Вольтеръ сохраняетъ до конца своей жизни, когда онъ уже достигъ всемірной славы. Онъ сталъ обличителемъ неправды. Его слова боялись всѣ угнетатели. Самъ папа и европейскіе государи прислушивались къ его мнѣніямъ. Король прусскій, Фридрихъ II, и русская императрица Екатерина II ухаживали за нимъ и добивались его похвалы. Но, съ другой стороны, Вольтера справедливо упрекали въ томъ, что онъ не былъ равнодушенъ къ этому вниманію со стороны сильныхъ міра сего, что онъ не былъ свободенъ отъ честолюбія и даже жадности. Вольтеру не разъ приходилось выносить тяжелыя оскорбленія въ кругу знати, гдѣ онъ былъ принятъ за свое остроуміе и геній, но гдѣ всегда давали ему чувствовать разницу между сыномъ нотаріуса и потомками знатныхъ дворянъ. Нѣкто де-Роганъ избилъ его за одну колкую шутку, и когда Вольтеръ вызвалъ этого дворянина на дуэль, то писателя засадили въ тюрьму. Выйдя оттуда, онъ уѣхалъ въ Англію, и здѣсь онъ увидалъ блестящій расцвѣтъ литературы, науки и философіи. Здѣсь, гдѣ уже народъ пользовался свободой, а ученые и писатели почетомъ, получили сильный толчокъ для своего дальнѣйшаго развитія его мысли о свободѣ и равенствѣ, о значеніи разума, о гибельномъ вліяніи невѣжества, суевѣрій и католическаго духовенства. Вернувшись во Францію, онъ печатаетъ свои «философскія письма», въ которыхъ высказываетъ вольнодумныя мысли, навѣянныя англійскими впечатлѣніями. За эти «письма» его чуть не засадили снова въ тюрьму. Но Вольтеръ скрылся. Послѣ этого онъ десять лѣтъ прожилъ у своей пріятельницы де-Шатле, въ ея замкѣ Въ Парижъ онъ вернулся уже извѣстнымъ писателемъ. Его піесы, написанныя по ложноклассическимъ правиламъ, и знаменитая поэма «Генріада», доставили ему славу. Онъ получаетъ приглашеніе отъ прусскаго короля Фридриха, и въ 1750 году пріѣзжаетъ къ нему. Но вскорѣ Вольтеръ понялъ, въ чемъ заключалось вниманіе короля къ литературѣ и философіи. Фридрихъ видѣлъ въ Вольтерѣ украшеніе двора, любилъ его умъ и геній, но деспотизмъ плохо уживается рядомъ съ независимой мыслью, и черезъ три года Вольтеръ, разсорившись съ королемъ, уѣхалъ, и поселился въ Фернеѣ, въ Швейцаріи, не далеко отъ Женевы. Съ этого времени начинается безпримѣрное вліяніе Вольтера. Его прозвали фернейскимъ пат-

ріархомъ. Короли, принцы, министры, судьи, ученые и поэты всей Европы обращались за совѣтами къ фернейскому патріарху. Онъ писалъ тысячи писемъ, печаталъ безконечное число брошюръ, онъ обличалъ неправду вездѣ, гдѣ могъ: въ судахъ, въ управленіи, въ церкви, и какъ часто сердце притѣснителей дрожало отъ страха передъ злой и ядовитой критикой Вольтера! Особенно прославился онъ знаменитымъ дѣломъ Калласа, котораго католическіе судьи присудили къ безчеловѣчной казни — колесованію, повѣривъ ложному обвиненію, будто этотъ несчастный былъ виновенъ въ смерти своего сына, котораго онъ якобы хотѣлъ удержать отъ перехода въ католицизмъ. Вольтеръ поднялъ великую борьбу, привелъ въ движеніе общественное мнѣніе всей Европы, заставилъ пересмотрѣть приговоръ, возстановилъ честь невинно-казненнаго и спасъ отъ позора и разоренія членовъ его семьи. Тысячи людей стекались въ Ферней, чтобы услышать мудрый совѣтъ, добиться защиты или получить благословеніе прославленнаго старца. Когда Вольтеръ въ 1778 году пріѣхалъ въ Парижъ, населеніе устроило неслыханную встрѣчу великому поборнику свободы и правды. Въ театрѣ на представленіи его піесы при появленіи Вольтера публика встала, какъ одинъ человѣкъ, и громомъ рукоплесканій привѣтствовала писателя. Знаменитости ума и таланта, принцы и вельможи считали своимъ долгомъ поклониться Вольтеру. Эти безпримѣрные народные восторги и слава проводили его до могилы, такъ какъ онъ умеръ въ томъ же 1778 году.

Деизмъ Вольтера.

Слава Вольтера въ значительной степени объясняется его неутомимой борьбой за справедливость и равенство. Но онъ былъ, кромѣ того, и великимъ писателемъ. Разрушая старое, онъ намѣчалъ новую религію и новый государственный порядокъ. Та религія, проповѣдникомъ которой былъ Вольтеръ, называется (отъ латинскаго слова deus — богъ) деизмомъ. Деизмъ сходился съ католической церковью въ томъ, что признавалъ существованіе Бога. Но эта новая религія отличалась отъ церковной тѣмъ, что указывала новый путь къ пониманію Бога, Его воли, цѣлей и намѣреній. Церковь учила, что Богъ Самъ открылъ свою волю путемъ откровенія. Деизмъ отвергалъ откровеніе и считалъ, что только разумомъ можно познать Бога и Его волю. Отсюда видно, что Вольтеръ вовсе не былъ такимъ безбожникомъ, какъ его считали долгое время. Утвердило за нимъ имя безбожника католическое духовенство, ненавидѣвшее его за то, что новая разумная религія, отвергая откровеніе,

уничтожала этимъ путемъ власть духовенства и папы, который одинъ могъ толковать откровеніе, какъ ему угодно, и пользовался этимъ для своихъ цѣлей. Напротивъ того, объявивъ, что разумъ, а не откровеніе, ведетъ къ познанію Бога, деизмъ передавалъ духовную власть въ руки философовъ, какъ

Вольтеръ.

представителей разума. Вотъ почему философія стала ненавистна церкви. Кромѣ того, слѣдуетъ помнить, что Вольтеръ не уставалъ изобличать невѣжество, корыстолюбіе и распущенность духовенства, онъ писалъ такимъ язвительнымъ и злымъ языкомъ, осыпалъ своихъ враговъ такими колкими насмѣшками, что за нимъ на долго утвердилась слава человѣка, для котораго нѣтъ ничего святого.

Ученіе о просвѣщенномъ абсолютизмѣ.

Въ политическомъ отношеніи Вольтеръ тоже проводилъ опредѣленный взглядъ, который извѣстенъ подъ именемъ «просвѣщеннаго абсолютизма» (абсолютизмъ — неограниченная власть). По этому ученію власть въ странѣ остается за королемъ, монархомъ. Но Вольтеръ желаетъ, чтобы короли въ управленіи страной руководились указаніями разума, т.-е. опять-таки философовъ. Только тогда они могутъ направить свою власть къ благу и просвѣщенію народа, т.-е. въ сущности Вольтеръ проповѣдывалъ то, что дѣлалъ самъ на практикѣ. Онъ сближался съ монархами, отстаивалъ передъ ними права народа, требовалъ отъ нихъ распространенія просвѣщенія. Самое свое названіе ученіе о просвѣщенномъ абсолютизмѣ получило отъ того, что въ немъ соединены два понятія: абсолютная (неограниченная) власть и просвѣщеніе. Въ этомъ ученіи, такъ же какъ и въ деизмѣ, сказывается глубокая вѣра раціоналистовъ во всемогущество разума и философіи. На практикѣ просвѣщенный абсолютизмъ не привелъ къ преобразованіямъ на благо народовъ. Цари были любезны съ философами, въ отдѣльныхъ случаяхъ иногда исполняли ихъ просьбы и совѣты, но въ ихъ государствахъ все оставалось по-старому. А иногда государи даже пользовались вліяніемъ философовъ для своихъ цѣлей, и философы, въ родѣ Вольтера, плохо зная дѣла далекой и чужой страны, иногда одобряли такую мѣру ея государя, которая приносила вредъ народу. Мы уже видѣли, какъ обошелся съ Вольтеромъ Фридрихъ. У насъ въ Россіи держалась просвѣщеннаго абсолютизма Екатерина Великая. Она переписывалась съ философами, назначала имъ пенсіи, даже выписывала ихъ въ Петербургъ. Она сама проводила ихъ взгляды въ своихъ комедіяхъ и написала «Наказъ», въ которомъ высказала много идей просвѣтительной философіи, особенно одного изъ философовъ Монтескье. Но ни одно изъ пожеланій, высказанныхъ въ «Наказѣ», не осуществилось. Главная причина неуспѣха просвѣщеннаго абсолютизма заключалась въ томъ, что одной доброй волей, руководимой разумомъ, трудно водворить справедливость и счастье народное. Самый лучшій государь, проникнутый самыми лучшими намѣреніями, не можетъ ничего сдѣлать для народа безъ помощи и участія самого народа.

Такимъ образомъ Вольтеръ, какъ видимъ, далеко не былъ революціонеромъ и безбожникомъ. Онъ былъ человѣкомъ умѣреннымъ и прежде всего и въ своихъ религіозныхъ, и въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ отстаивалъ великое значеніе разума. И несмотря на эту умѣренность, онъ былъ страшнымъ врагомъ

стараго порядка. Онъ потрясъ значеніе духовенства и поколебалъ дворянскій строй, опиравшійся на неравенствѣ. Онъ не дожилъ до революціи, которая вспыхнула черезъ 11 лѣтъ послѣ его смерти, и возможно, что онъ былъ бы противникомъ ея, особенно ея крайностей. И, тѣмъ не менѣе, его справедливо считаютъ однимъ изъ тѣхъ, кто подготовилъ умы къ революціи. Когда разъяренныя толпы возставшаго народа бродили по улицамъ Парижа, и ораторы говорили свои зажигательныя рѣчи, въ ихъ сердцахъ горѣла та ненависть къ гнету и неравенству, которую зажгли Вольтеръ и другой великій писатель этого вѣка Руссо.

Прежде чѣмъ перейти къ Руссо, необходимо остановиться еще на двухъ ученіяхъ, созданныхъ просвѣтительнымъ вѣкомъ. Одно изъ нихъ носитъ названіе матеріализма и представляетъ собою тоже своего рода новое религіозное ученіе, противопоставленное церкви. Другое извѣстно подъ именемъ конституціонной теоріи или теоріи раздѣленія властей и относится къ государственному строю.

Дидро. Главнымъ представителемъ матеріалистическаго ученія былъ Дидро (1713—1784). Онъ тоже принадлежалъ къ мѣщанской семьѣ и провелъ свою жизнь въ сравнительной бѣдности, жилъ по преимуществу литературнымъ заработкомъ. Онъ соединился съ другимъ философомъ того времени Даламберомъ, и они вдвоемъ основали знаменитую *энциклопедію*, въ которой приняли участіе всѣ тогдашніе великіе писатели, въ томъ числѣ и Вольтеръ. Здѣсь были собраны свѣдѣнія по всѣмъ отдѣламъ наукъ, искусствъ, политической, торговой, промышленной жизни и т. д. Въ ней собраны всѣ идеи просвѣтительнаго столѣтія. Поэтому писателей этого вѣка нерѣдко называютъ *энциклопедистами*.

Матеріалистическое ученіе отличается отъ деизма тѣмъ, что совершенно не признаетъ существованія Бога, а также не признаетъ того, что въ человѣкѣ есть два отдѣльныхъ начала, т.-е. тѣло и душа, нѣчто матеріальное и нѣчто духовное. Отсюда и самое названіе матеріализма, который, отвергая Бога, загробный міръ и человѣческую душу, вѣрилъ только въ тѣлесный или матеріальный міръ. Такимъ образомъ, по ученію Дидро, существуетъ только матерія, существуетъ безъ конца и начала. Она состоитъ изъ безконечнаго количества безконечно малыхъ частицъ или атомовъ (атомъ—по-гречески значитъ *недѣлимое*). Они обладаютъ способностью соединяться другъ съ другомъ, и, соединяясь и развиваясь, они и даютъ всѣ видимые предметы и явленія. Человѣкъ развился изъ этихъ же соединеній и есть такой же матеріальный предметъ, какъ и всякій другой. Если

человѣкъ мыслитъ, говоритъ, творитъ, то это вовсе не доказываетъ, что въ него заложена душа, какое-то особое отдѣльное отъ тѣла начало. Человѣкъ просто болѣе сложный предметъ, поэтому намъ и кажется, что онъ состоитъ изъ двухъ началъ, а въ дѣйствительности его способность мыслить, вѣрить и т. д. происходитъ отъ тѣхъ же матеріальныхъ частицъ, ихъ соединенія и развитія. Отсюда ясно, что міромъ никто не управляетъ, никакой цѣли въ немъ нѣтъ, а все развивается по физическимъ законамъ, въ зависимости отъ свойствъ матеріальныхъ частицъ. Само собою разумѣется, что нѣтъ добра и зла; человѣкъ не можетъ отвѣчать за свои поступки, разъ у него нѣтъ души и нѣтъ свободной воли, а все, что онъ дѣлаетъ, зависитъ отъ его тѣлесной природы. Слова: добро и зло, Дидро замѣняетъ словами: полезное и вредное. Поэтому возможны даже, и награды, и наказанія. Но онѣ служатъ средствомъ къ увеличенію полезнаго и уменьшенію вреднаго, а вовсе не для нравственной оцѣнки поступковъ человѣка. Стыдъ и угрызенія совѣсти матеріалисты считаютъ ребяческими выдумками. Ученіе матеріалистовъ полнѣе всего было изложено въ книгѣ современнаго Дидро философа Гольбаха: «Система природы».

Матеріализмъ былъ ученіемъ, еще болѣе враждебнымъ католичеству, чѣмъ деизмъ, такъ какъ, отрицая Бога, это ученіе, конечно, тѣмъ самымъ дѣлало церковь и духовенство совершенно излишними.

Монтескье. Ученіе о конституціонномъ государствѣ или о раздѣленіи властей было разработано Монтескье въ его книгѣ «Духъ законовъ», появившейся въ 1748 году. Монтескье былъ, въ противоположность большинству энциклопедистовъ, человѣкомъ знатнымъ. Онъ родился въ родовомъ замкѣ Бредъ, около Бордо въ 1689 году. Онъ занималъ не разъ видныя должности. Онъ, подобно Вольтеру, также побывалъ въ Англіи, государственное устройство которой и легло въ основу его ученія о раздѣленіи властей. Онъ умеръ въ 1755 году.

«Духъ законовъ»—одна изъ величайшихъ книгъ, которыя созданы были просвѣтительнымъ столѣтіемъ. То устройство государства, которое изложилъ въ ней Монтескье, было постепенно установлено цѣликомъ или отчасти не только во всѣхъ государствахъ Европы, но и въ нѣкоторыхъ государствахъ Азіи. Цѣль всякаго государства, по ученію Монтескье, заключается въ осуществленіи свободы. Свободой онъ считаетъ право всякаго гражданина дѣлать все то, чего не запрещаютъ законы. Самымъ лучшимъ средствомъ для обезпеченія такой свободы является раздѣленіе властей. Ихъ должно быть три: власть законодатель-

ная, власть исполнительная и власть судебная. Первая, т.-е. власть издавать законы, принадлежитъ народу. Кромѣ народа, никто не можетъ издавать законовъ, которыми онъ желаетъ управляться. Такъ какъ весь народъ не можетъ писать законовъ, то онъ выбираетъ особыхъ лицъ, своихъ представителей, депутатовъ (депутатъ-посолъ). Они составляютъ палату, которая

Монтескье.

издаетъ отъ имени народа законы и слѣдитъ за исполненіемъ ихъ. Такъ какъ въ каждой странѣ есть люди знатные и богатые, которыхъ меньше, чѣмъ остальныхъ, то въ палатѣ изъ ихъ среды оказалось бы всегда меньше депутатовъ. И остальные депутаты могли бы издать законы, невыгодные для знатныхъ и богатыхъ. Поэтому Монтескье считаетъ справедливымъ, чтобы эти люди выбирали отдѣльныхъ представителей, которые составили бы вторую палату. Эта вторая палата не имѣетъ такой вла-

сти, какъ первая, не можетъ издавать законовъ, но она можетъ останавливать рѣшеніе первой палаты, избранной отъ всего народа.

Палаты избираются только для изданія законовъ и для наблюденія надъ исполненіемъ ихъ. Сами же онѣ не могутъ исполнять ихъ, такъ какъ исполненіе закона лучше поручить отдѣльному лицу, чѣмъ цѣлому собранію. Вотъ почему исполнительная власть, по ученію Монтескье, должна принадлежать государю. Для того, чтобы исполнительная власть чувствовала себя твердой, государь ставится въ особыя условія. Его личность неприкосновенна, его нельзя судить или привлекать къ отвѣту. Его нельзя смѣстить. Онъ не избирается, но получаетъ свою власть по наслѣдству. Но чтобы монархъ при такой безотвѣтственности не могъ злоупотреблять своей властью, могутъ быть призываемы къ отвѣту его совѣтники, министры. Поэтому, если монархъ захочетъ нарушить законъ, то онъ не найдетъ ни одного министра, который бы согласился на такое нарушеніе, потому что министры знаютъ, что отвѣчать передъ народомъ придется имъ.

Наконецъ третья власть — судебная. Она должна быть независима отъ двухъ первыхъ. Судъ долженъ выбираться изъ самого народа съ соблюденіемъ тѣхъ правилъ, которыя устанавливаются закономъ. Обвиняемому лицу должно быть предоставлено широкое право отводить часть судей и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ выбирать ихъ самому. Судьи должны быть изъ того класса, изъ котораго происходитъ самъ обвиняемый, чтобы онъ не думалъ, что съ нимъ хотятъ поступить несправедливо.

Такое раздѣленіе властей является лучшимъ средствомъ охраненія свободы. Если бы тотъ, кто издаетъ законы, въ то же время былъ бы и судьей, то свобода исчезла бы, и судья могъ бы стать угнетателемъ, производя судъ по своимъ собственнымъ законамъ. Точно такъ же не будетъ свободы, если одно лицо, или одно собраніе лицъ соединитъ въ себѣ и исполнительную, и законодательную власть, потому что оно можетъ издать несправедливые законы, чтобы ихъ несправедливо же исполнить. Если же одна власть ограничиваетъ другую, граждане могутъ быть спокойны за свою свободу. Порядокъ государственнаго устройства, установленный въ «Духѣ законовъ», наиболѣе полно проведенъ въ Англіи. Палата, избранная народомъ, называется тамъ палатой общинъ или нижней. Собраніе отъ знати называется палатой лордовъ или верхней. Министры тамъ отвѣтственны передъ палатой, и поэтому король, пользующійся полной неприкосновенностью, не можетъ нарушить закона, но можетъ всегда содѣйствовать успѣшному проведенію въ жизнь законовъ, изданныхъ народными представителями.

IX. Просвѣтительное столѣтіе (продолженіе).

Руссо.

Изъ писателей просвѣтительнаго столѣтія величайшее вліяніе на всю европейскую литературу оказалъ Жанъ-Жакъ Руссо (1712 — 1778). Онъ занимаетъ совершенно особое мѣсто среди энциклопедистовъ. Онъ, подобно имъ, былъ врагомъ неравенства, искалъ путей къ осуществленію человѣческой свободы, громилъ современное общество и современный общественный строй. Но онъ не слѣдовалъ за раціоналистами въ ихъ преклоненіи передъ разумомъ. Онъ больше довѣрялъ непосредственному чувству. Онъ искалъ такой свободы, которую трудно осуществить вообще въ какомъ бы то ни было обществѣ, и которая возможна только для первобытныхъ людей, живущихъ среди природы, не имѣющихъ потребностей современнаго культурнаго человѣка. Его ученіе объясняется въ значительной степени условіями его жизни. Онъ вышелъ изъ народа, цѣлые долгіе годы не только не зналъ онъ удобствъ и роскоши, но и не имѣлъ своего угла. Его отецъ былъ часовщикомъ въ Женевѣ. Онъ покинулъ сына на чужія руки десятилѣтнимъ мальчикомъ. Руссо попадаетъ въ ученіе къ какому-то граверу, который бьетъ его, и отъ котораго онъ въ концѣ-концовъ убѣгаетъ. Съ этого момента начинаются его скитанія. То ему даетъ пріютъ одна добрая дама г-жа Варенсъ, то мы его видимъ лакеемъ, то семинаристомъ, то чиновникомъ. Но большую часть времени онъ проводитъ, какъ бродяга, скитаясь по разнымъ мѣстамъ, голодая и ночуя подъ открытымъ небомъ; иногда доходитъ до воровства, иногда упивается своей свободой и окружающей его природой. Г-жа Варенсъ нерѣдко спасала своего друга отъ голода и нищеты. Въ 1741 году онъ появляется въ Парижѣ, гдѣ также бѣдствуетъ, добывая себѣ средства къ жизни перепиской нотъ. Но зато здѣсь онъ знакомится съ выдающимися писателями и получаетъ отъ Дидро приглашеніе сотрудничать въ энциклопедіи.

„Разсужденіе о наукахъ и искусствахъ.

Началомъ литературной славы Руссо можно считать появленіе его «Разсужденія о наукахъ и искусствахъ». Въ 1749 г. Руссо шелъ навѣстить Дидро, заключеннаго въ тюрьму. По дорогѣ онъ прочелъ, что дижонская академія предложила сочиненіе на слѣдующій вопросъ: «Содѣйствовало ли развитіе наукъ и искусствъ улучшенію нравовъ?» Прочитавъ это объявленіе, Руссо, по его собственнымъ словамъ, былъ потрясенъ до глубины души. Цѣлый міръ чувствъ и мыслей открылся ему, и онъ написалъ свою

первую знаменитую работу, въ которой высказалъ свои основныя убѣжденія, впослѣдствіи развитыя въ его другихъ сочиненіяхъ. Онъ получилъ награду отъ академіи, которая была поражена богатствомъ новыхъ неожиданныхъ мыслей и силой и яркостью его языка. Вслѣдъ за разсужденіемъ о наукахъ и искусствахъ появляются другія работы Руссо, и вскорѣ онъ пріобрѣтаетъ громкую славу. Но жизнь его отъ этого мало улучшается. Онъ продолжаетъ скитаться, уѣзжаетъ изъ Парижа. Онъ поселяется въ уединеніи, въ замкѣ одной изъ своихъ почитательницъ г-жи д'Эпине. Здѣсь онъ влюбляется въ ея невѣстку д'Удето, или, вѣрнѣе, заводитъ съ ней игру въ любовь. Вскорѣ разссорившись съ г-жей д'Эпине, независимый, неуживчивый и безпокойный, Руссо уѣзжаетъ отъ нея. Онъ становится подозрительнымъ и нервнымъ, особенно послѣ того, какъ за свои смѣлыя и новыя мысли онъ подвергся преслѣдованіямъ не только со стороны французскаго, но и многихъ другихъ правительствъ. Послѣ переѣздовъ изъ одного мѣста въ другое, возвращается въ Парижъ, гдѣ снова добываетъ себѣ средства къ жизни перепиской нотъ. Подозрительность его доходитъ почти до помѣшательства. Ему всюду чудятся интриги и шпіоны; ему кажется, что всѣ хотятъ его унизить, что случайно проѣзжающія мимо него кареты съ умысломъ обдаютъ его грязью и т. д. А между тѣмъ сочиненія его уже читаются тысячами людей, производятъ переворотъ въ понятіяхъ европейскаго общества, тысячи людей стремятся видѣть великаго писателя и поклоняются ему, въ то время какъ онъ, запуганный и затравленный, униженный съ дѣтства, утративъ нравственное равновѣсіе, доживаетъ свои послѣдніе дни въ мучительной борьбѣ съ преслѣдующими его видѣніями.

Изложить въ опредѣленномъ порядкѣ основныя мысли Руссо—трудная задача, потому что Руссо былъ человѣкомъ чувства, и въ его произведеніяхъ не мало противорѣчивыхъ мыслей. Тѣмъ не менѣе, можно отмѣтить ту преобладающую мысль, которая выдѣляется во всѣхъ его произведеніяхъ. Эту мысль онъ самъ хорошо выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: «все выходитъ чистымъ изъ рукъ Творца, все портится въ рукахъ человѣка». Это значитъ, что чѣмъ ближе человѣкъ къ природѣ, тѣмъ онъ лучше, и, напротивъ того, тѣмъ хуже онъ, чѣмъ больше усвоилъ понятія, потребности и вкусы современной культурной жизни. Первобытный дикарь, по мнѣнію Руссо, жилъ болѣе свободной, счастливой и нравственной жизнью, чѣмъ современный образованный человѣкъ.

Изъ этой основной мысли вытекаютъ и всѣ другіе взгляды Руссо и на исторію, и на государственное устройство, и на воспитаніе, и на религію.

„О причинахъ неравенства".

Уже въ первой работѣ, которую онъ написалъ въ отвѣтъ на вопросъ дижонской академіи, онъ доказываетъ, что науки и искусства не только не содѣйствовали улучшенію нравственности, но, напротивъ, испортили людей. Онѣ содѣйствовали развитію роскоши и лѣни, научили людей ставить знаніе выше добродѣтели, вывели людей изъ естественнаго состоянія. Руссо вспоминаетъ, какой свободной и чистой жизнью жили дикари и какъ восхищались ими образованные люди изъ другихъ странъ, когда попадали къ нимъ изъ развращеннаго и тонкаго общества. Еще болѣе сильное впечатлѣніе произвела вторая работа Руссо: «О причинахъ неравенства между людьми». Здѣсь Руссо нарисовалъ себѣ слѣдующую картину. Отъ природы всѣ люди равны, и первые люди жили въ полномъ равенствѣ. У нихъ не было собственности, и каждый пользовался плодами земли. И первый, кто учредилъ собственность, кто, захвативъ кусокъ земли, назвалъ его своимъ, положилъ начало всѣмъ будущимъ несчастьямъ человѣчества. Люди раздѣлились на богатыхъ и бѣдныхъ, не предвидя, сколько слезъ и крови прольется изъ-за собственности. Началась вражда. Богатые боялись за свое имущество, сильные отнимали у слабыхъ. И тогда люди учредили власть для поддержанія порядка и охраны свободы. Всѣмъ казалось, что власть выгоднѣе, чѣмъ борьба и раздоры. Никто не понялъ, что люди надѣли на себя страшныя цѣпи. И дѣйствительно, власть вмѣсто того, чтобы защищать слабыхъ и охранять свободу, вскорѣ превратилась въ угнетательницу, стала охранять собственность и соединилась съ сильными.

„Общественный договоръ".

Эти мысли были развиты дальше въ величайшемъ изъ произведеній Руссо: «Общественный договоръ», появившемся въ 1762 году. Это была наиболѣе революціонная книга всего столѣтія. Руссо идетъ дальше Вольтера и Монтескье. Онъ считаетъ единственнымъ верховнымъ правителемъ въ странѣ только народъ. Его верховное право не можетъ быть передано никакимъ депутатамъ или представителямъ, какъ желалъ Монтескье. Кромѣ того, власть народа не можетъ дѣлиться на законодательную, исполнительную и судебную, такъ какъ она вся цѣликомъ принадлежитъ только народу. Народъ подчиняется только самому себѣ, и правительство, существующее въ странѣ, никоимъ образомъ не представляетъ собой отдѣльной самостоятельной власти. Оно— только посредникъ между народомъ-господиномъ и народомъ-подданнымъ. Чтобы правительство не захватило власти, народъ долженъ собираться часто. Всякій разъ, когда онъ найдетъ нуж-

нымъ, онъ можетъ измѣнить существующій порядокъ правленія. Все это ученіе основывалось на той мысли, что, когда люди соединялись въ государство, каждый изъ нихъ вовсе не хотѣлъ отказаться отъ своей свободы въ чью бы то ни было пользу. Люди соединились въ государство для того, чтобы цѣлое охраняло личность каждаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы каждый повиновался только себѣ. Само собою разумѣется, что въ современныхъ огромныхъ государствахъ невозможно осуществить тотъ порядокъ, который предлагаетъ Руссо. Не могутъ часто собираться десятки милліоновъ людей. Самъ Руссо сознавалъ, что на практикѣ его ученіе непримѣнимо. Онъ любилъ поэтому маленькія республики, въ родѣ древне-греческихъ, гдѣ такія частыя всенародныя собранія были возможны. Дѣйствіе, которое произвелъ на умы «Общественный договоръ», было страшно по своимъ послѣдствіямъ. Когда вспыхнула революція, эта книга стала евангеліемъ возставшаго народа. Ея мысли повторялись на всѣхъ перекресткахъ. Пламенная вѣра, съ которой говоритъ въ ней Руссо о человѣческомъ равенствѣ, его мысль о томъ, что народъ можетъ призвать къ отвѣту государя, который злоупотребилъ народнымъ довѣріемъ, захватывали всѣхъ и зажигали ненависть и протестъ въ сердцахъ противъ короля и правительства. Въ этой книгѣ всѣ угнетенные услышали крикъ своего собственнаго сердца.

„Эмиль“.

Свои взгляды на воспитаніе Руссо изложилъ въ книгѣ «Эмиль». Онъ требуетъ естественнаго воспитанія, требуетъ, чтобы оно велось такъ, какъ требуетъ сама природа ребенка. Руссо и въ этой книгѣ жестоко нападаетъ на современное общество, въ которомъ не можетъ быть естественнаго воспитанія, потому что общество развращено, матери не кормятъ сами дѣтей, а думаютъ о своихъ удовольствіяхъ, всѣ уклонились отъ природы. И книга о воспитаніи вышла такой же возбуждающей и революціонной, какъ и «Общественный договоръ». Въ этой же книгѣ «Эмиль» мы находимъ главу «Исповѣданіе вѣры савойскаго викарія», въ которой Руссо изложилъ свои религіозные взгляды. Руссо горячо вѣрилъ въ существованіе Бога, онъ враждебно отнесся къ матеріализму, который отрицалъ Бога и душу и видѣлъ въ человѣкѣ матеріальный предметъ. Въ деизмѣ ему не по душѣ было ученіе о познаніи Бога путемъ разума. Руссо постигалъ Бога только сердцемъ, чувствовалъ Его во всемъ окружающемъ мірѣ и въ самомъ себѣ и считалъ дерзкой попытку человѣка судить о Богѣ. Такимъ образомъ, и въ религіи Руссо на первое мѣсто выдвигаетъ естественное чувство человѣка. Казалось бы, что Руссо

былъ ближе къ ученію церкви, чѣмъ Вольтеръ и Дидро. Въ дѣйствительности это было не такъ. Онъ совершенно не оставлялъ посредниковъ между Богомъ и человѣкомъ, дѣлалъ излишнимъ не только духовенство, но и философію и науку для познанія Бога. Какъ и въ политическомъ своемъ ученіи, онъ и въ религіи не ограничивалъ человѣка ничѣмъ, оставлялъ его съ своимъ собственнымъ сердцемъ, съ его правомъ на полную свободу въ его отношеніяхъ къ Богу.

„Новая Элоиза“.

Проповѣдуя полную свободу человѣка во всемъ, Руссо написалъ романъ «Новая Элоиза», въ которомъ защищалъ свободу и право человѣческаго сердца любить только по своему собственному выбору. Дочь аристократа барона д'Этанжъ полюбила своего учителя Сенъ-Пре, бѣднаго и незнатнаго человѣка, который, въ свою очередь, страстно влюбился въ нее. Само собою разумѣется, что отецъ и слышать не хочетъ о неравномъ бракѣ. Сенъ-Пре уѣзжаетъ со слезами, а Юлію выдаютъ замужъ за подходящаго, по мнѣнію отца, дворянина Вольмара, который женится на ней, хотя ему и было извѣстно, что отношенія между Юліей и Сенъ-Пре зашли слишкомъ далеко. Эта первая половина романа произвела наиболѣе потрясающее впечатлѣніе. Руссо въ пламенныхъ словахъ защищалъ обоихъ молодыхъ людей, страстно доказывалъ право каждаго любить, слушаясь только голоса своего сердца. Десятки страницъ наполнены письмами влюбленныхъ, свидѣтельствующими о ихъ нѣжной трогательной любви. И становится очевидной жестокость и нелѣпость дворянской гордости и дворянскихъ предразсудковъ, ради которыхъ отрываютъ другъ отъ друга молодыхъ людей. Эта часть романа имѣла тоже революціонный характеръ, она съ новой стороны наносила ударъ неравенству, опять объявляла, что естественное и непосредственное чувство выше тѣхъ перегородокъ, которыми сильные и знатные отгородили себя отъ слабыхъ. Во второй половинѣ романа Руссо какъ будто измѣняетъ свой взглядъ. Юлія и ея мужъ живутъ въ деревнѣ счастливой семейной жизнью. Руссо пользуется случаемъ, чтобы изобразить ту жизнь, которая представлялась ему единственно правильной, жизнь среди природы, правильное воспитаніе дѣтей въ духѣ книги «Эмиль». Когда Сенъ-Пре пріѣзжаетъ къ Вольмарамъ, и прежняя страсть охватываетъ его и Юлію, эта послѣдняя, однако, остается вѣрна мужу.

Такимъ образомъ, Руссо во второй части романа какъ будто отвергъ то, что проповѣдывалъ въ первой, т.-е. не считаетъ уже чувство единственнымъ, чему долженъ подчиняться человѣкъ. Замѣчательно, что Руссо часто въ своихъ практическихъ совѣтахъ и

указаніяхъ отступалъ отъ тѣхъ мыслей, которыя высказывалъ въ своихъ книгахъ. Такъ, онъ, напр., совѣтовалъ подчиняться существующимъ государственнымъ учрежденіямъ, послѣ того какъ самъ вызвалъ такую сильную ненависть къ нимъ. Онъ говорилъ, что не слѣдуетъ уничтожать наукъ и искусствъ, такъ какъ этимъ путемъ люди не вернутся къ чистой первобытной жизни, а только утратятъ и то хорошее, что они получили благодаря наукамъ и искусствамъ. Но эти смягчающія слова не производили того дѣйствія, какое произвели его разрушительныя мысли. Отъ Руссо идутъ всѣ разочарованія, все отчаянье и всѣ порывы, которые овладѣли европейскимъ обществомъ въ первыя десятилѣтія XIX столѣтія. Онъ поселилъ въ людяхъ пламенную жажду безпредѣльной, ничѣмъ неограниченной свободы, онъ разрушилъ все старое и не указалъ пути къ тому, чтобы удовлетворить эту жажду здѣсь на землѣ, среди несовершенныхъ условій нашей общественной жизни.

«Новая Элоиза» характерна не только для просвѣтительной литературы XVIII вѣка. Этотъ романъ былъ образчикомъ сентиментальнаго романа во Франціи. Онъ напоминалъ романы Ричардсона. Въ немъ главное мѣсто отводилось чувству. Въ немъ воспѣвалась красота тихой семейной, добродѣтельной жизни, были чудныя картины природы и изображались тѣ радости, которыя она доставляетъ человѣку. Мы уже говорили, что сентиментальная литература была такимъ же отвѣтомъ на новые вкусы буржуазіи, какъ просвѣтительная. Кромѣ романа, появляется во Франціи и сентиментальная драма. Извѣстный уже намъ философъ Дидро, а вмѣстѣ съ нимъ другой знаменитый писатель этого времени Бомарше, доказывали, что новая драма, въ противоположность ложно-классической, должна выводить всѣ сословія на сцену, возставать противъ предразсудковъ, отстаивать правильныя семейныя и общественныя отношенія и т. д. Самъ Дидро написалъ двѣ сентиментальныя драмы «Побочный сынъ» и «Отецъ семейства». Но въ общемъ выдающихся пьесъ въ сентиментальномъ направленіи мы не находимъ. Зато въ области комедіи выдвигается геніальный писатель, котораго произведенія до сихъ поръ не сходятъ со сцены европейскихъ театровъ.

Бомарше.

Этотъ писатель—упомянутый уже Бомарше (1732—1799). Трудно указать человѣка, который бы такъ ярко соединилъ въ себѣ новыя качества и понятія, принесенныя буржуазіей на мѣсто умирающихъ старыхъ дворянскихъ представленій. Это былъ человѣкъ, высшая цѣль котораго заключалась въ томъ, чтобы пробить себѣ дорогу, во чтобы то ни стало, пробить ее своимъ умомъ, своей желѣз-

ной волей и безпримѣрной настойчивостью и энергіей. Не было дѣла, за которое не брался бы Бомарше, не было средства, которымъ бы онъ побрезговалъ, если оно нужно было для достиженія его цѣли. Онъ пользуется ловко и искусно всякимъ обстоятельствомъ, всякимъ счастливымъ случаемъ и шагъ за шагомъ неуклонно подвигается отъ бѣдности къ богатству, отъ неизвѣстности къ славѣ, отъ безсилія къ могучему вліянію и силѣ. Онъ началъ свой жизненный путь бѣднымъ часовщикомъ, и уже въ этомъ ремеслѣ вскорѣ пріобрѣтаетъ извѣстность и получаетъ званіе королевскаго часовщика. Онъ затѣваетъ споръ съ своимъ соперникомъ по поводу одного своего изобрѣтенія и поднимаетъ такой шумъ вокругъ этого спора, обнаруживаетъ столько искусства и энергіи въ этомъ спорѣ, что академія разрѣшаетъ тяжбу въ его пользу. Онъ пробивается ко двору, получаетъ званіе дворянина, становится музыкантомъ и куплетистомъ для забавы принцессъ, втирается къ милліонеру Дюверне и становится его любимцемъ до такой степени, что тотъ послѣ смерти оставляетъ ему огромныя деньги. Далѣе онъ затѣваетъ процессъ съ однимъ аристократомъ, который оспариваетъ у него наслѣдство Дюверне. Этотъ процессъ даетъ случай Бомарше показать во всемъ блескѣ свою неизсякаемую энергію, свою страшную обличительную силу. Онъ выпускаетъ въ свѣтъ одинъ за другимъ свои «Мемуары», т.-е. записки, въ которыхъ онъ жестоко нападаетъ на судъ, на правительство, на отдѣльныхъ вліятельныхъ лицъ, разоблачаетъ ихъ подкупность и безчестность. Его насмѣшки проникнуты такой ядовитой злобой, его нападки такъ ослѣпительны по своему остроумію, что вся Франція зачитывается этими геніальными записками. Даже при дворѣ восхищаются мемуарами, которые потрясаютъ весь старый порядокъ. Когда Бомарше выходилъ изъ суда, толпа привѣтствовала его восторженными криками. Знаменитый писатель идетъ все впередъ и впередъ. Ему поручаютъ важные переговоры государя. Онъ отправляетъ корабли и оружіе на помощь американцамъ, борющимся за свою свободу противъ англичанъ. Ни Вольтеръ, ни Руссо, ни большинство другихъ философовъ не дожили до великой революціи. Одинъ Бомарше могъ видѣть послѣдствія той разрушительной проповѣди, которую велъ онъ вмѣстѣ съ философами. И когда онъ увидалъ то, что было отчасти дѣломъ и его рукъ, онъ испугался и готовъ былъ повернуть назадъ. Уже богатый и вліятельный, онъ съ ужасомъ смотрѣлъ, какъ возставшія народныя массы шли противъ угнетателей. И Бомарше сталъ писать умѣреннѣе. Но онъ не могъ устранить уже дѣйствія своихъ великихъ произведеній, которыя навсегда остались въ памя-

ти потомства, какъ не могъ Руссо остановить дѣйствія своихъ разрушительныхъ книгъ, такъ много говорившихъ сердцу угнетеннаго народа.

Эти произведенія Бомарше—его двѣ знаменитыя комедіи: «Севильскій цырюльникъ» и «Женитьба Фигаро». Въ первой изъ нихъ разсказывается о томъ, какъ знатный графъ Альмавива влюбился въ молодую дѣвушку Розину. Графъ Альмавива скрываетъ свое имя и называетъ себя Лендоромъ. Ему никакъ не удается добиться свиданія съ Розиной, которая живетъ въ домѣ своего опекуна, стараго доктора Бартоло. Этотъ Бартоло самъ хочетъ жениться на Розинѣ и не подпускаетъ никого къ своей воспитанницѣ. Розинѣ самой нравится Лендоръ, который каждое утро стоитъ подъ ея окнами. Графу Альмавивѣ такъ и не удалось бы добиться свиданія съ Розиной, если бы онъ случайно не встрѣтилъ весельчака Фигаро. Этотъ Фигаро, по своему уму, хитрости и энергіи напоминаетъ самого Бомарше. Онъ занимался самыми разнообразными дѣлами, начиная отъ аптекарскаго и кончая литературой. Онъ скитался по всей странѣ и кончилъ тѣмъ, что сталъ парикмахеромъ и «бреетъ бороды цѣлому свѣту». Фигаро поступаетъ на службу къ графу, и благодаря его ловкости, удается обмануть бдительность ревниваго Бартоло и устроить бракъ Альмавивы съ Розиной. Комедія возбуждаетъ неумолкаемый хохотъ въ театрѣ, благодаря необычайному остроумію Фигаро, который ставитъ Бартоло постоянно въ глупое положеніе. Еще болѣе проникнута комизмомъ вторая комедія «Женитьба Фигаро». Здѣсь мы уже застаемъ графа женатымъ. Но распущенный аристократъ уже успѣлъ охладѣть къ своей Розинѣ, руки которой онъ такъ настойчиво добивался въ первой комедіи. Ему нравится теперь горничная графини, Сюзанна—невѣста Фигаро, который служитъ у него лакеемъ. Графъ хочетъ отнять Сюзанну у Фигаро, и между развратнымъ и всесильнымъ аристократомъ и его лакеемъ завязывается борьба. Фигаро неистощимъ въ своей изобрѣтательности. Онъ запутываетъ въ свое дѣло и графиню Розину и маленькаго пажа Керубино, онъ пользуется грѣшками самого графа, который ухаживаетъ за мѣстными дѣвушками, возбуждаетъ его ревность къ графинѣ, и въ концѣ-концовъ выходитъ такъ, что всесильный графъ Альмавива оказывается безсильнымъ передъ своимъ лакеемъ, его планы рушатся, и Фигаро женится на Сюзаннѣ.

Комедія эта захватываетъ не только остроуміемъ и обиліемъ разныхъ смѣшныхъ положеній. Она была ударомъ для аристократіи, защитой безправныхъ, новымъ крикомъ противъ неравенства. Въ борьбѣ Фигаро и Альмавивы какъ бы отражается борьба

новыхъ людей изъ народа, хотя и безправныхъ, но умныхъ, добрыхъ, энергичныхъ и потому веселыхъ и смѣлыхъ,—противъ опустившихся аристократовъ, въ рукахъ которыхъ и власть, и богатство, но которые тратятъ всѣ силы на волокитство и удовольствія. Нѣкоторыя язвительныя замѣчанія Фигаро, направленныя противъ аристократіи и неравенства, до сихъ поръ вызываютъ бурю восторговъ въ театрѣ. Когда Альмавива замѣчаетъ строго Фигаро, что слуги стали одѣваться дольше господъ, Фигаро отвѣчаетъ: «у нихъ вѣдь нѣтъ лакеевъ для помощи». Когда графъ говоритъ ему о честности, Фигаро бросаетъ отвѣтъ: «Если отъ слугъ требовать честности, то много ли вельможъ окажутся достойными званія слуги?» и т. д. А съ какимъ восторгомъ должна была слушать публика XVIII столѣтія эти слова Фигаро: «Потому только, что вы знатный вельможа, вы считаете себя великимъ геніемъ. Высокое происхожденіе, знатность, богатство могутъ хоть кому вскружить голову. Что же совершили вы для полученія столькихъ благъ? Дали себѣ трудъ родиться и только. Во всемъ остальномъ вы очень обыкновенный человѣкъ. Я же, чортъ возьми, бѣднякъ, затерянный въ сѣрой толпѣ, которому пришлось развернуть столько знанія и сообразительности для поддержанія лишь своего существованія, сколько за цѣлое столѣтіе не было затрачено ихъ по всѣмъ управленіямъ Испаніи— и вы еще хотите бороться со мной!»

Просвѣтительная литература во Франціи оказала огромное вліяніе на всѣ европейскія литературы. Тѣ новыя мысли о свободѣ и равенствѣ, которыя высказывали просвѣтители, сдѣлались достояніемъ всей лучшей части европейскаго общества. Правда, просвѣтители не всегда считались съ жизнью и ея условіями, они слишкомъ горячо вѣрили въ силу разума, и потому ихъ высокія стремленія не могли осуществиться въ жизни. Въ XIX столѣтіи это поняли и старались примѣнить къ жизни завѣщанные просвѣтителями великіе идеалы свободы, равенства и справедливости.

X. Гете и Шиллеръ.

Нѣмецкая литература XVIII вѣка.

Нѣмецкая литература въ XVIII вѣкѣ стоитъ нѣсколько особнякомъ отъ англійской и французской. Тамъ литература была тѣсно связана съ широкой политической борьбой. Здѣсь такой борьбы не было, такъ какъ Германія все еще не представляла изъ себя цѣльнаго большого государства, а дробилась на множество мелкихъ княжествъ, управляемыхъ мелкими государями. Тѣмъ не

менѣе, освободительныя идеи, шедшія изъ Франціи, оказывали вліяніе на нѣмецкую литературу. Только здѣсь эти идеи не были такъ близки къ жизни и политикѣ. Нѣмцы больше заняты были спорами объ искусствѣ, ихъ литература носила болѣе философскій характеръ. Какъ и всѣ почти литературы Европы, въ первой половинѣ XVIII в., нѣмецкая литература находилась подъ вліяніемъ французскихъ ложно-классическихъ поэтовъ. Только во второй половинѣ вѣка началось возрожденіе нѣмецкой національной литературы. Окончательнымъ освобожденіемъ отъ французскаго вліянія нѣмцы обязаны знаменитому критику и драматическому поэту Лессингу (1729—1781). Изъ его драмъ особенно извѣстны «Эмилія Галотти» и «Натанъ Мудрый», изъ его сочиненій по искусству и критикѣ: «Лаокоонъ» и «Гамбургская драматургія». Въ своихъ сочиненіяхъ Лессингъ высмѣивалъ ложно-классическія правила, проводилъ взгляды Дидро и Лилло на драму, т.-е. насаждалъ въ Германіи буржуазную драму, кромѣ того проповѣдывалъ гуманныя мысли французскихъ просвѣтителей о свободѣ совѣсти и вѣротерпимости.

Но величайшими поэтами XVIII вѣка въ Германіи были Гете и Шиллеръ.

Гете. Гете родился въ 1749 году во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Отецъ его былъ юристомъ. Мать принадлежала къ замѣчательнѣйшимъ женщинамъ своего времени. Гете уже съ дѣтства отличался выдающимися способностями. Первое стихотвореніе онъ написалъ въ 13-лѣтнемъ возрастѣ. По примѣру отца, Гете получилъ юридическое образованіе. Онъ поступилъ сначала въ Лейпцигскій, а затѣмъ въ Страсбургскій университетъ. Въ Страсбургѣ знаменитый писатель того времени Гердеръ познакомилъ его съ литературнымъ кружкомъ молодежи. Это былъ одинъ изъ кружковъ того направленія, которое извѣстно подъ именемъ «бури и натиска» (Sturm und Drang). Направленіе это создалось подъ вліяніемъ Руссо. Изъ французскихъ философовъ, упомянутыхъ выше, Руссо проповѣдывалъ самыя разрушительныя идеи. Въ то время, когда остальные философы поклонялись разуму, онъ ставилъ выше всего непосредственное чувство, жестоко нападалъ на современный строй жизни, въ которомъ науки, искусства и политическій порядокъ уничтожили прирожденную чистоту человѣка, требовалъ возврата къ тому, какъ ему казалось, счастливому первобытному времени, когда не было собственности и насилія, когда люди жили въ единеніи съ природой и не исказили жизни своими установленіями. Молодежь повсюду въ Европѣ зачиты-

валась произведеніями Руссо, увлекалась его разрушительными идеями и мечтала о полной свободѣ личности, не знающей никакихъ ограниченій и стѣсненій. Въ страсбургскомъ кружкѣ «бури и натиска», обожавшемъ Руссо, Гете получилъ толчокъ къ созданію своего перваго крупнаго произведенія. Это была драма «Гецъ фонъ-Берлихенгенъ». Онъ вывелъ здѣсь рыцаря Геца, который дѣйствительно жилъ въ XVI вѣкѣ. Это былъ воинъ и разбойникъ, сохранившій необузданный нравъ въ то время, когда уже феодализмъ пришелъ въ упадокъ, и утверждалась новая государственная жизнь. Гецъ оставилъ послѣ себя записки, въ которыхъ выставлялъ себя поборникомъ справедливости, врагомъ угнетателей. И эти записки какъ разъ подошли къ настроенію Гете во время его знакомства съ страсбургскимъ кружкомъ. Гете изобразилъ Геца тѣмъ героемъ, который рисовался высшимъ совершенствомъ послѣдователямъ Руссо. Гете сдѣлалъ его великимъ борцомъ за свободу и правду, котораго не поняло и не оцѣнило его жалкое время. «Горе столѣтію, отвергшему тебя! Горе потомству, которое тебя не оцѣнитъ!»,—говоритъ о Гецѣ одинъ изъ героевъ пьесы.

„Страданія Вертера“.

Вскорѣ послѣ «Геца» Гете написалъ драму «Клавиго», а въ 1774 году вышелъ въ свѣтъ его знаменитый романъ «Страданія молодого Вертера», который не только имѣлъ огромное вліяніе въ Германіи, но и произвелъ потрясающее впечатлѣніе во всей Европѣ. Этотъ романъ связанъ съ впечатлѣніями, пережитыми Гете въ Вецларѣ, куда онъ переѣхалъ, по желанію отца, для того, чтобы познакомиться съ веденіемъ судебныхъ дѣлъ при тамошнемъ судѣ. Здѣсь онъ влюбился въ молодую дѣвушку Шарлотту Буфъ, несмотря на то, что она была невѣстой его пріятеля Кестнера. Не имѣя силъ совладать съ своимъ чувствомъ, онъ уѣхалъ изъ Вецлара. Во Франкфуртѣ онъ узналъ о самоубійствѣ нѣкоего Іерузалема, съ которымъ также познакомился въ Вецларѣ и который покончилъ съ собою вслѣдствіе безнадежной любви къ одной замужней женщинѣ. Если ко всѣмъ этимъ печальнымъ событіямъ присоединить то жалкое зрѣлище, которое представляли тогдашніе германскіе суды и вообще правительственныя учрежденія, то нетрудно понять, почему изъ этихъ впечатлѣній сложилось одно изъ самыхъ печальныхъ и безнадежныхъ произведеній, которыя когда-либо создавала поэзія. Герой романа Вертеръ влюбляется въ Лотту, невѣсту своего друга Альберта. Надѣясь найти забвеніе отъ своей любовной тоски въ службѣ, онъ беретъ мѣсто въ посольствѣ, но вскорѣ, разссорившись съ начальствомъ, возвращается къ своимъ друз-

ямъ. Однажды, не владѣя собою, онъ обнялъ Лотту въ отсутствіи ея мужа (Лотта изъ невѣсты сдѣлалась уже женою Альберта) и сталъ безумно цѣловать ее. Лотта оттолкнула его. Вертеръ, придя къ себѣ, послалъ къ своимъ друзьямъ за револьверомъ и застрѣлился.

Этотъ романъ—прежде всего образецъ сентиментальной литературы. Исторія любовныхъ страданій Вертера заставляла плакать цѣлыя поколѣнія. Чувствительность Вертера, въ настоящее время вызывающая иногда улыбку, пришлась въ тѣ времена какъ разъ кстати. Вертеру подражали во всей Европѣ, переводили на всѣ языки. Онъ былъ любимый книгой Карамзина, представителя сентиментальнаго направленія у насъ въ Россіи. Наполеонъ возилъ романъ съ собою во время походовъ. Говорятъ, романъ вызвалъ рядъ самоубійствъ. Но его значеніе не ограничивается этимъ. Онъ былъ яркимъ выраженіемъ того необузданнаго стремленія къ неограниченной свободѣ личности, которое привилъ европейскому обществу Руссо. Вертеръ не только страдающій любовникъ. Онъ пробовалъ служить и не нашелъ въ общественной работѣ ничего, что могло бы удовлетворить его безпредѣльныя требованія. Жизнь и дѣятельность представлялись ему мелкимъ, ничтожнымъ дѣломъ по сравненію съ запросами и притязаніями его духа. Гете изобразилъ въ романѣ свои собственныя грустныя впечатлѣнія, вынесенныя изъ службы въ судѣ. Далѣе, Вертеръ пробовалъ читать, но и въ книгахъ онъ разочаровался, такъ какъ не нашелъ въ нихъ отвѣта на мучившіе его вопросы. Онъ тоскуетъ о томъ, что разумъ человѣка ограниченъ и не можетъ разрѣшить всѣ вопросы. Онъ страдаетъ отъ того, что силы человѣка тоже ограничены и не могутъ сразу водворить справедливости на землѣ. Эта скорбь, вызванная несоотвѣтствіемъ между идеаломъ и дѣйствительностью, получила названіе «міровой скорби», скорби о мірѣ, обреченномъ на страданіе и горе. Вертеръ былъ первымъ изъ такихъ разочарованныхъ героевъ, выведенныхъ въ европейской литературѣ. Вскорѣ послѣ него эти герои появились во всѣхъ литературахъ Европы. Всѣ они обладаютъ выдающимся умомъ и дарованіями, всѣ ищутъ исполинскаго дѣла, презираютъ обычныя занятія, которыя имъ кажутся мелкими, и не найдя достойнаго для себя дѣла, бродятъ безцѣльно и тоскуютъ. Во Франціи Шатобріанъ вывелъ такого героя въ лицѣ Рене. У насъ сходные герои выведены Пушкинымъ въ лицѣ Евгенія Онѣгина, Лермонтовымъ въ лицѣ Печорина, Тургеневымъ въ лицѣ Рудина. Но самымъ геніальнымъ поэтомъ этого разочарованія, какъ увидимъ дальше, былъ англійскій поэтъ Байронъ.

„Фаустъ“.

Почти одновременно съ Вертеромъ Гете задумалъ свое величайшее произведеніе «Фаустъ», въ которомъ еще болѣе глубоко выражены идеи, затронутыя въ Вертерѣ. Фаустъ стремился проникнуть въ тайны, скрытыя отъ людей, хотѣлъ узнать, откуда идетъ начало всего видимаго міра. Онъ изучилъ всѣ науки, но къ концу жизни убѣдился,

Гете.

что онѣ обманули его и не открыли ему этой тайны. И вотъ разочарованный старый докторъ Фаустъ уже готовъ покончить счеты съ жизнью и выпить чашу съ ядомъ. Но раздавшійся въ этотъ моментъ пасхальный звонъ и пѣніе ангеловъ напоминаютъ ему о годахъ его юности, когда онъ еще могъ вѣрить и молиться. И Фаустъ останавливается. Но когда отчаянье снова овладѣваетъ имъ, дьяволъ, Мефистофель, является къ нему, и Фаустъ поддается его искушеніямъ. Онъ заключаетъ съ нимъ условіе. На землѣ Мефистофель обязуется слу-

жить Фаусту, исполнять всѣ его прихоти и доставлять всѣ радости. Взамѣнъ этого Фаустъ продаетъ ему свою душу. И дѣйствительно, Мефистофель возвращаетъ Фаусту молодость и сводитъ его съ юной и чистой дѣвушкой Гретхенъ. Простая и женственная Гретхенъ отдается своей любви къ Фаусту, но вѣрующая и религіозная, она мучается угрызеніями совѣсти по поводу совершеннаго ею грѣха. Въ концѣ-концовъ, желая скрыть слѣды своей связи съ Фаустомъ, Гретхенъ доходитъ до преступленія и безумія и попадаетъ въ тюрьму. Фауста мучаютъ угрызенія совѣсти, и онъ проникаетъ въ тюрьму вмѣстѣ съ Мефистофелемъ, но ему не удается увести оттуда несчастную сумасшедшую, и Мефистофель снова увлекаетъ его въ новыя приключенія. Этимъ оканчивается первая часть этого великаго произведенія. Гете писалъ его чуть ли не всю свою жизнь, и не удивительно, что онъ создалъ драму, въ которой отразились всѣ страданія, сомнѣнія и настроенія современнаго ему общества. Это общество переживало важный моментъ исторіи. Оно переходило отъ вѣры къ наукѣ и отъ жажды неограниченной личной свободы къ той мысли, что свобода каждаго можетъ быть достигнута только тогда, если всѣ соединятъ свои усилія и будутъ дѣйствовать сообща. «Фаустъ» есть выраженіе этого перелома. Его отчаянье происходитъ именно оттого, что онъ уже утратилъ вѣру, а науку еще не умѣлъ правильно цѣнить. Онъ не понималъ, что задача науки другая, чѣмъ вѣры, что она объясняетъ то, что происходитъ на землѣ, но не можетъ открыть того, что совершается въ иномъ мірѣ. Кромѣ того, Фаустъ страдаетъ отъ того, что живетъ только личной жизнью и ищетъ для себя неограниченныхъ знаній и радостей. Онъ не можетъ найти въ этомъ удовлетворенія, и любовь Гретхенъ не спасаетъ его отъ отчаянья, такъ какъ его всегда тянетъ къ чему-то высшему. Гете чувствовалъ, что нельзя закончить «Фауста» такъ, какъ онъ кончилъ «Вертера», т.-е. не указать, гдѣ же найти выходъ мятущемуся и ищущему человѣку. И онъ написалъ вторую часть «Фауста», въ которой Фаустъ нашелъ такой исходъ. Здѣсь онъ уже работникъ всего человѣчества. Онъ больше не думаетъ о томъ, чтобы разгадать таіны неба, и радуется тому, что можетъ что-нибудь сдѣлать для будущаго счастья человѣчества. Онъ говоритъ:

Я цѣлый край создамъ, обширный, новый,
Пусть милліоны здѣсь людей живутъ
Всю жизнь въ виду опасности суровой,
Надѣясь лишь на свой свободный трудъ...
И я увижу въ блескѣ силы дивной
Свободный край, свободный мой народъ.

Тогда-то я скажу: мгновенье.
Прекрасно ты! Продлись, постой!
И не сметутъ столѣтья, безъ сомнѣнья.
Слѣда, оставленнаго мной.

Такъ величайшій поэтъ XVIII вѣка понялъ и изобразилъ думы и сомнѣнія современнаго ему общества и угадалъ тотъ выходъ, къ которому оно должно было прійти.

Мы уже сказали, что Гете писалъ «Фауста» всю жизнь. Онъ то оставлялъ свое твореніе, то возвращался къ нему. И въ этомъ твореніи отражались впечатлѣнія, которыя онъ переживалъ въ теченіе своей долголѣтней жизни. Въ 1775 году Гете поселился въ Веймарѣ, куда его пригласилъ веймарскій герцогъ. Именно здѣсь Гете отъ бурныхъ настроеній, которыя отразились въ его «Гецѣ» и «Вертерѣ», перешелъ къ болѣе спокойному взгляду на міръ и жизнь. Онъ пользовался почетомъ при дворѣ герцога. Это былъ одинъ изъ многочисленныхъ нѣмецкихъ государей, которые любили собирать вокругъ себя знаменитыхъ ученыхъ и писателей, придававшихъ блескъ ихъ двору. Сюда пріѣзжали многіе великіе современники Гете, и Веймаръ сталъ на время средоточіемъ нѣмецкой литературной жизни. Гете здѣсь могъ отдаться своимъ научнымъ и художественнымъ занятіямъ. Политика всегда мало интересовала его. И въ то время какъ во Франціи уже началась великая революція, Гете продолжалъ заниматься научными изслѣдованіями и вопросами о человѣческой личности и объ ея отношеніи къ міру. Въ концѣ XVIII столѣтія у Гете завязывается дружба съ другимъ великимъ поэтомъ Шиллеромъ, и на время они оба становятся вождями нѣмецкой литературы.

Шиллеръ.

Шиллеръ родился въ Марбахѣ, въ 1759 году. Онъ былъ сыномъ полкового фельдшера и съ ранняго дѣтства могъ почувствовать, какъ тяжело жилось народу подъ управленіемъ мелкихъ государей. Онъ видѣлъ, какъ продавались въ солдаты на чужбину подданные герцога, для того, чтобы на вырученныя деньги этотъ маленькій царекъ могъ удовлетворять свои прихоти и капризы. Воспитывался Шиллеръ въ школѣ, основанной герцогомъ, гдѣ все дѣлалось по командѣ, и гдѣ душа будущаго великаго поэта томилась въ оковахъ казарменнаго порядка. Неудивительно, что первыя произведенія Шиллера были пламеннымъ призывомъ къ свободѣ и проклятіемъ, которое онъ бросилъ угнетателямъ. Когда появилась на сценѣ первая трагедія Шиллера «Разбойники», герцогъ строго приказалъ ему писать только медицинскія книги. Но Шиллеръ не послушался этого замѣчательнаго приказанія, и вскорѣ одна за другой стали появляться его пьесы.

„Разбойники".

Главный герой «Разбойниковъ» Карлъ Мооръ— жертва несправедливости. Благодаря интригамъ его брата Франца, отецъ отвергаетъ Карла, написавшаго ему трогательное письмо. Тогда Карлъ становится разбойникомъ и собираетъ шайку удальцовъ. Но онъ — не обыкновенный грабитель. Онъ мечтаетъ о свободѣ и правдѣ. Онъ убиваетъ и грабитъ только угнетателей. Трагедія наполнена ужасами, говорящими о низости человѣческой природы. Францъ изображенъ злодѣемъ. Онъ безчеловѣчно поступаетъ съ своимъ старикомъ-отцомъ и съ подвластными ему людьми. Онъ кончаетъ жизнь самоубійствомъ, когда разбойники Карла нападаютъ на замокъ. Самъ Карлъ, однако, разочаровывается въ своемъ дѣлѣ и чувствуетъ, что съ шайкой разбойниковъ не передѣлать ему человѣчество въ свободныхъ сильныхъ и прекрасныхъ людей. Онъ кончаетъ тѣмъ, что жертвуетъ собою въ пользу нищаго. Онъ открываетъ ему свое имя, и нищій получаетъ обѣщанную властями награду за поимку Карла. Несмотря на преувеличенное нагроможденіе ужасовъ и нѣкоторую неестественность въ изображеніи ея героевъ, трагедія эта до сихъ поръ захватываетъ зрителя своимъ юнымъ бурнымъ порывомъ къ свободѣ, пламенной ненавистью къ гнету и насилію.

Шиллера справедливо называютъ пѣвцомъ свободы; во Франціи восторгались его «Разбойниками», и французскіе революціонеры поднесли ему званіе французскаго гражданина. Но въ дѣйствительности Шиллеръ не былъ политическимъ борцомъ и даже не особенно сочувствовалъ революціи. Та свобода, которую проповѣдывалъ онъ, была только неопредѣленнымъ порывомъ къ свободѣ. Путей и средствъ, которыми слѣдовало добиваться этой свободы, Шиллеръ не представлялъ себѣ, какъ вообще не любилъ политики и борьбы.

Этимъ же пламеннымъ, мечтательнымъ и нѣсколько наивнымъ стремленіемъ къ свободѣ проникнуты и всѣ его другія пьесы.

„Заговоръ Фіеско".

Въ трагедіи «Заговоръ Фіеско въ Генуѣ» онъ вывелъ героя, который составляетъ заговоръ противъ властителя съ цѣлью завоевать счастье и свободу своему родному городу. И въ то же время Фіеско въ душѣ самъ честолюбецъ, настоящій мечтатель въ духѣ направленія «бури и натиска». Его борьба съ угнетателемъ есть въ сущности просто неопредѣленный порывъ духа, ищущаго исхода своимъ силамъ. И одинъ изъ республиканцевъ Веррина, чувствуя въ самомъ Фіеско будущаго угнетателя, убиваетъ его.

„Коварство и любовь".

Въ трагедіи «Коварство и любовь» изображены жестокость и несправедливость, царившія при дворахъ мелкихъ нѣмецкихъ государей. Юноша-аристо-

кратъ влюбляется въ простую мѣщанку. Отецъ, имѣвшій въ виду болѣе подходящую невѣсту для своего сына, безпощадно разбиваетъ счастье молодыхъ людей путемъ гнусной клеветы, и когда его сынъ погибаетъ, не имѣя силъ перенести разлуку съ погибшей возлюбленной, отецъ позднимъ раскаяньемъ и отчаяньемъ искупаетъ свою вину. Быть можетъ, самой востор-

Шиллеръ.

женной и прекрасной изъ юношескихъ трагедій Шиллера является его піеса «Донъ-Карлосъ». Дѣйствіе ея происходитъ при дворѣ могущественнаго и жестокаго испанскаго короля Филиппа II. Его сынъ, Карлосъ, влюбленъ въ свою мачеху, и на этой почвѣ разыгрывается драма, которая приводитъ его къ трагической гибели. Но главный герой піесы не Карлосъ, а его другъ, маркизъ Поза, который своей честностью завоевываетъ уваженіе даже Филиппа. Поза называетъ себя «де-

„Донъ-Карлосъ".

путатомъ человѣчества». Его горячія рѣчи передъ королемъ въ защиту правъ угнетеннаго человѣчества до сихъ поръ производятъ сильное впечатлѣніе, несмотря на свой нѣсколько наивный и мечтательный характеръ.

Произведенія Гете 2-го періода.

Такимъ образомъ, оба великіе поэта, Гете и Шиллеръ отдали дань направленію «бури и натиска». Но вскорѣ оба они оставили этотъ путь и перешли къ спокойному міросозерцанію, къ вопросамъ чистаго искусства, стали писать піесы, въ которыхъ изображали старыя преданія, историческія событія, затрогивали нравственные и вѣчные вопросы, не имѣющіе прямого отношенія къ событіямъ ихъ времени. Гете написалъ трагедіи «Ифигенія», «Эгмонтъ» и «Тассо», и прекрасную поэму «Германъ и Доротея», въ которыхъ отъ бурныхъ стремленій юности Гете перешелъ къ безстрастному изображенію нравственнаго міра человѣка, къ изображенію далекаго прошлаго, къ картинамъ мирной жизни простыхъ и милыхъ людей. Особенно интересна «Ифигенія», въ которой Гете вывелъ древне-греческую героиню, изображенную въ трагедіи великаго греческаго трагика, Эврипида. А когда Гете сблизился около 1794 года съ Шиллеромъ, оба поэта стали издавать журналъ, въ которомъ уже открыто высказывались противъ интереса къ злобамъ дня, къ борьбѣ за временныя политическія цѣли и выше всего ставили нравственное развитіе общества, общечеловѣческія стремленія. Шиллеръ тоже въ это время проявляетъ большой интересъ къ исторіи. Онъ пишетъ историческое сочиненіе «Тридцатилѣтняя война», въ которомъ изображаетъ событія этой ужасной войны, разорившей Германію и надолго остановившей ея развитіе. Далѣе онъ создаетъ одно изъ лучшихъ своихъ произведеній,—трагедію «Валленштейнъ», трагедіи: «Марію Стюартъ» и «Орлеанскую дѣву». Впрочемъ, Шиллеръ до конца жизни сохранилъ въ извѣстной степени бурное настроеніе молодости, чего нельзя сказать о Гете. Это отразилось и на лирическихъ стихотвореніяхъ, и на балладахъ обоихъ поэтовъ. Величавымъ спокойствіемъ поэта отмѣчены стихотворенія Гете: «Миньона», «Рыбакъ», «Лѣсной царь», тогда какъ баллады Шиллера, по справедливому замѣчанію одного историка литературы, всегда изображаютъ столкновеніе возвышеннаго и низменнаго въ человѣкѣ и призываютъ къ побѣдѣ воли надъ инстинктомъ. Напр., въ балладѣ «Кубокъ» превозносится борьба человѣка со стихіями, въ стихотвореніи «Битва съ дракономъ»—побѣда надъ самимъ собою, и т. д.

„Вильгельмъ Телль“ Шиллера.

Послѣднимъ произведеніемъ Шиллера была его знаменитая трагедія «Вильгельмъ Телль». Въ этой трагедіи изображено возстаніе швейцарскаго

народа противъ угнетателей. Піеса яркими красками рисуетъ картину насилій и жестокостей одного изъ тирановъ Гесслера, который, между прочимъ, подвергъ безчеловѣчному испытанію мѣткаго стрѣлка, Телля. Онъ заставилъ его стрѣлою попасть въ яблоко, которое положили на голову сына Телля. Возстаніе кончается побѣдой возмутившихся гражданъ, которые убиваютъ своихъ угнетателей и становятся свободными. И здѣсь передъ нами не борьба въ духѣ французской революціи, не сознательная политическая мысль, руководящая дѣйствіями возставшихъ, а оскорбленное достоинство людей, желающихъ сохранить свои простые обычаи и нравы, попираемые пришельцами, общій протестъ личности противъ всякаго насилія. И тѣмъ не менѣе піеса эта захватываетъ проникающимъ ее чувствомъ свободы. «Мы,— говорятъ швейцарскіе крестьяне, — разбили скалы, провели надъ бездной удобныя для путниковъ дороги. Нашъ это край». И они требуютъ, чтобы «чужой вассалъ» не смѣлъ позорить ихъ въ этомъ краю, воздѣланномъ ихъ руками.

Нѣтъ, долженъ быть насилію предѣлъ!
Коль угнетенный права не находитъ.
Коль для него несносно стало бремя.—
Тогда онъ смѣло къ небу обратись:
Тамъ всѣ свои права отыщетъ онъ,
Тамъ всѣ они, какъ вѣчныя свѣтила,
Нерушимы, тверды, неизмѣнны!
Тогда опять то время возвратится.
Гдѣ человѣкъ стоялъ предъ человѣкомъ.
Когда помочь ему ничто не можетъ,
Тогда ему остался острый мечъ.
Свое добро должны мы защищать:
Мы возстаемъ за милую отчизну,
Мы возстаемъ за женъ и за дѣтей!

„Вильгельмъ Мейстеръ“ Гете.

Послѣднимъ крупнымъ произведеніемъ Гете, если не считать второй части «Фауста», была вторая часть романа «Вильгельмъ Мейстеръ». Первую часть его Гете написалъ въ 1795—1796 годахъ. Тамъ отразились его идеи о необходимости всесторонняго развитія личности. Герой стремится тамъ на сцену, потому что вслѣдствіе его низкаго происхожденія только одна сцена, по условіямъ тогдашней жизни, могла помочь ему усовершенствовать свои тѣлесныя и духовныя дарованія. Во второй части уже чувствуется вліяніе новыхъ общественныхъ взглядовъ. Личность ограничиваетъ себя въ пользу другихъ, въ пользу цѣлаго общества, и Вильгельмъ Мейстеръ, подобно Фаусту, находитъ удовлетвореніе въ работѣ для общей пользы и для счастья будущихъ поколѣній.

Шиллеръ умеръ въ 1805 году, Гете въ 1832. Они были величайшими поэтами Германіи и дали яркое выраженіе думамъ и стремленіямъ своего вѣка. Они совершили въ области мысли то, что французскіе энциклопедисты сдѣлали въ религіозной и политической жизни. Тѣ подготовили революцію, боролись за политическую свободу. Гете и Шиллеръ, хотя чуждались практической политики, но всю жизнь боролись за идеалъ свободной и гармонической личности.

XI. Байронъ.

XIX-й вѣкъ. Въ XIX столѣтіи замѣчаются два важныхъ явленія, которыя оказали большое вліяніе на европейскую литературу. Первое явленіе, — это развитіе промышленности, второе—успѣхи естествознанія и другихъ наукъ. Благодаря изобрѣтенію машинъ и развитію промышленности, почти повсюду въ Европѣ мелкіе ремесленники начинаютъ постепенно уступать свое мѣсто крупнымъ фабрикантамъ и капиталистамъ, а вмѣстѣ съ этимъ возникаетъ рабочій вопросъ, такъ какъ крупные предприниматели могутъ вести свои дѣла только при помощи большой массы наемныхъ рабочихъ. Между рабочими и капиталистами идетъ жестокая борьба, подобно тому какъ въ XVIII вѣкѣ шла борьба между дворянствомъ и третьимъ сословіемъ. Вмѣсто всеобщаго равенства, котораго ждали отъ революціи, получилось новое неравенство. Правда, революція отмѣнила всѣ права дворянъ, и теперь всякій получилъ одинаковое со всѣми право добиваться и богатства и власти. Но это было только кажущееся равенство. Въ дѣйствительности, болѣе энергичные и сильные, сумѣвшіе овладѣть капиталомъ, стали господами, отъ которыхъ неимущіе зависѣли не меньше, чѣмъ когда-то крѣпостные крестьяне отъ своихъ дворянъ. Третье сословіе, свергнувъ родовитую аристократію, само разбилось на двѣ группы. За болѣе богатой частью его утвердилось названіе буржуазіи, за неимущими, которые могли жить, только работая на богатыхъ, установилось названіе пролетаріата. Борьба между буржуазіей и пролетаріатомъ становится однимъ изъ самыхъ важныхъ явленій XIX вѣка.

Вторымъ явленіемъ, какъ мы сказали, были успѣхи научнаго знанія. Съ паденіемъ вѣры и религіи, разрушенныхъ энциклопедистами, общество убѣдилось, что тотъ разумъ, который энциклопедисты хотѣли поставить на мѣсто вѣры, не открылъ истины.

Отсюда тоска Фауста и Вертера, которые разочаровались въ знаніи и не находили себѣ выхода. Въ XIX столѣтіи возникаетъ новое отношеніе къ наукѣ, возникаетъ такъ называемая позитивная (т.-е. положительная) философія. Эта философія говоритъ, что человѣку невозможно узнать, что дѣлается за предѣлами земного міра. Эта философія говоритъ, что отъ науки и нельзя требовать, чтобы она занималась вопросами другого міра; наука можетъ только объяснять то, что мы видимъ, слышимъ, осязаемъ,— вообще постигаемъ однимъ изъ нашихъ чувствъ. Потому и міръ, изучать который должна и можетъ наука, называется чувственнымъ міромъ, а иной міръ, недоступный нашимъ чувствамъ,— сверхчувственнымъ. Наше дѣло производить наблюденіе и опытъ надъ доступными нашимъ чувствамъ явленіями и устанавливать законы, по которымъ живетъ и развивается природа и человѣческое общество. Такимъ образомъ вопросовъ о Богѣ, душѣ и т. д. наука не касается и считаетъ это праздымъ дѣломъ, разъ мы не можемъ ни видѣть, ни изслѣдовать ни Бога, ни души. Этому направленію приходится бороться съ тѣми, кто не отказался отъ стремленія проникнуть въ сверхчувственный міръ и разгадать его тайны.

Въ литературѣ тоже отражаются эти теченія. Съ одной стороны, ей ставятъ общественныя и научныя задачи. Она должна, говорятъ, точно и вѣрно изображать жизнь, помогать этимъ путемъ изученію зла и содѣйствовать его устраненію. Съ другой стороны говорятъ, что поэзія именно тѣмъ и велика, что она раскрываетъ намъ тайны сверхчувственнаго міра, что поэтъ— особое, избранное существо, которое въ минуту вдохновенія живетъ за одно съ высшимъ міромъ, и что въ поэтическомъ произведеніи нужно искать не изображенія жизни, а откровенія. Поэзія какъ бы должна замѣнить религію, приближать насъ къ Богу. На всемъ протяженіи XIX столѣтія эти два направленія борются между собою, смѣняются, иногда соединяются. Первое, которое помогаетъ наукѣ правильно изучать дѣйствительность, получаетъ названіе реализма, позднѣе — натурализма (натуральный — естественный, природный). Второе, которое отворачивается отъ земной дѣйствительности и стремится открыть тайны сверхчувственнаго міра, въ началѣ XIX столѣтія называется романтическимъ, въ наши дни символическимъ направленіемъ.

Романтизмъ. Романтизмомъ называется то направленіе, которымъ почти вездѣ въ Европѣ открывается XIX столѣтіе. Романтики были, съ одной стороны, противниками ложноклассицизма, который удержался до XIX вѣка. Съ

другой они возставали и противъ просвѣтителей XVIII столѣтія. У ложно-классиковъ имъ не нравились правила, по которымъ тѣ писали, у просвѣтителей—ихъ поклоненіе разуму. Романтики стояли за полную свободу поэзіи, высоко ставили чувство и фантазію, считали поэта высшимъ существомъ, а назначеніемъ поэзіи раскрытіе тайнъ нездѣшняго міра. Романтики сочувственно относились къ среднимъ вѣкамъ, скорбѣли объ упадкѣ вѣры, любили католическое богослуженіе, вообще все таинственное. Въ политическихъ своихъ взглядахъ они въ большинствѣ не сочувствовали освободительному движенію вѣка, мечтали даже о возстановленіи папской власти. Съ романтическимъ направленіемъ тѣсно связана поэзія разочарованія, которая въ началѣ XIX вѣка выдвигаетъ цѣлый рядъ великихъ поэтовъ. Многіе были разочарованы французской революціей, убѣдились, что она не принесла равенства и свободы. Особенно горестно чувствовали себя потомки знатныхъ дворянскихъ фамилій, потерявшихъ свое значеніе. Такимъ образомъ, въ началѣ XIX вѣка преобладающими настроеніями въ европейской поэзіи являются или полное отчаяніе, бурное негодованіе противъ безсилія человѣка, или стремленіе отдаться мечтамъ, уйти отъ дѣйствительности въ міръ фантазіи, въ прошлое, къ временамъ, когда люди вѣрили и жили за одно съ природой. Руссо сталъ любимымъ писателемъ для этого времени.

Байронъ.

Самымъ яркимъ поэтомъ этой эпохи былъ англійскій поэтъ, лордъ Байронъ. Онъ родился въ Лондонѣ въ 1788 году, унаслѣдовалъ отъ предковъ свободолюбивую и безпокойную натуру. Его отецъ былъ офицеромъ, безпутнымъ человѣкомъ, растратившимъ свои силы въ разныхъ похожденіяхъ и приключеніяхъ. Онъ довелъ до ранней смерти свою первую жену, которую и увезъ отъ перваго мужа, и быстро растратилъ состояніе второй, матери поэта. Байронъ съ дѣтства отличался гордостью и самолюбіемъ. Разсказываютъ, что онъ, обладая красивой внѣшностью, страшно страдалъ отъ того, что у него при рожденіи была повреждена нога, и ему приходилось хромать. Когда въ 1798 году умеръ его знатный родственникъ, Байронъ получилъ званіе лорда, то высшее аристократическое званіе, которое въ Англіи даетъ большія права и почести. Говорятъ, что маленькій лордъ залился отъ волненія слезами, когда въ школѣ въ первый разъ къ его имени было на перекличкѣ прибавлено почетное званіе. Сильное и тяжелое впечатлѣніе оставила въ Байронѣ его первая неудачная любовь. Онъ влюбился въ 15-лѣтнемъ возрастѣ въ Мери

Анну Чаворть, красивую блондинку съ голубыми глазами, которая была на два года старше его. Однажды Байронъ случайно услышалъ, какъ она небрежно обозвала его «хромымъ мальчишкой»,—и не трудно догадаться, какой ударъ былъ нанесенъ этими словами самолюбивому юношѣ. Мать Байрона, воспитывавшая и по своему любившая своего сына, была, однако, неровнымъ и капризнымъ человѣкомъ, съ характеромъ, нѣсколько родственнымъ натурѣ сына. Ссоры между нею и имъ тоже не мало минутъ испортили будущему поэту. Вообще впечатлѣнія дѣтства способствовали развитію въ немъ мрачнаго и негодующаго взгляда на міръ и на судьбу человѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти впечатлѣнія, а также разсказы о предкахъ и видъ стариннаго запущеннаго наслѣдственнаго замка лордовъ Байроновъ, будили въ немъ фантазію, любовь къ прошлому, воспоминаніе о рыцарскихъ временахъ, которыя казались ему красивой порой свободной, отважной и благородной жизни.

Дальнѣйшая жизнь Байрона содѣйствовала развитію этихъ особенностей его характера. Въ 1805 году онъ поступаетъ въ Кембриджскій университетъ. Въ 1807 году онъ выпустилъ въ свѣтъ первый сборникъ своихъ стихотвореній «Часы досуга», которыя жестоко высмѣялъ вліятельный критикъ того времени. Стихотворенія дѣйствительно были слабыя, но критическая статья разбудила силы безвѣстнаго поэта, и онъ отвѣтилъ смѣлой и сильной статьей своимъ вліятельнымъ врагамъ. Въ 1809 году Байронъ уѣзжаетъ въ путешествіе, гонимый своей безпокойной натурой, своимъ раздраженіемъ противъ англичанъ и неопредѣленнымъ стремленіемъ къ свободѣ и простору. Его влечетъ особенно въ отдаленныя страны, живущія своеобразной жизнью. Онъ побывалъ въ Португаліи и Испаніи, Турціи и Греціи. Когда онъ вернулся на родину, онъ привезъ съ собою двѣ первыя пѣсни своего знаменитаго романа «Чайльдъ-Гарольдъ». Это произведеніе сразу доставило ему громкую славу. Байронъ сдѣлался самымъ моднымъ человѣкомъ въ Лондонѣ. Предъ нимъ преклонялись. Въ обществѣ ходили слухи о необыкновенныхъ приключеніяхъ, пережитыхъ имъ во время путешествія. Онъ печатаетъ рядъ поэмъ «Гяуръ» «Абидосская невѣста», «Корсаръ», «Осада Коринѳа» съ фантастическимъ содержаніемъ, съ загадочными героями. Поэмы читаются нарасхватъ. Женщины обожали его. И Байронъ отдается на время свѣтскимъ удовольствіямъ и успѣхамъ.

Прошло немного времени, и Байронъ падаетъ съ той высоты, на которую вознесло его поклоненіе общества. Главной причиной его паденія послужила женитьба и вскорѣ затѣмъ послѣдо-

вавшій разрывъ съ женой. Всѣ, кто завидовали Байрону и ненавидѣли его, стали теперь бросать въ него грязью. Общество обвиняло его въ безнравственности и преслѣдовало, и въ 1816 году Байронъ съ проклятіемъ снова покидаетъ родину, на этотъ разъ навсегда. Онъ ѣздитъ по Европѣ, посѣщаетъ Швейцарію, Италію, гдѣ вступаетъ въ сношенія съ карбонаріями, заговорщиками, подготовлявшими дѣло освобожденія родного народа, и, наконецъ, попадаетъ въ Грецію, куда его вызвали посланники греческаго народа, возставшаго за свою свободу противъ турецкаго владычества. Здѣсь среди борьбы за чужую свободу этотъ мятежный человѣкъ кончаетъ свою безпокойную жизнь въ 1824 году, едва достигнувъ 36-лѣтняго возраста. Опечаленная Греція почтила память своего великаго чужестраннаго друга національнымъ трауромъ, а его творенія въ это время уже читались во всей Европѣ, и величайшіе поэты называли его своимъ учителемъ. У насъ въ Россіи Пушкинъ и Лермонтовъ въ своихъ поэмахъ и лирическихъ стихотвореніяхъ изливали тоску, которая во многомъ напоминала тоску, всю жизнь преслѣдовавшую величайшаго пѣвца разочарованія и скорби.

Какъ мы уже говорили, первымъ крупнымъ произведеніемъ Байрона были первыя двѣ пѣсни «Чайльдъ-Гарольда». Это собственно не романъ, а своего рода путевой дневникъ. Въ немъ изображены скитанія Чайльдъ-Гарольда, тоскующаго человѣка, не находящаго себѣ нигдѣ мѣста и не знающаго, куда дѣвать свои богатыя отъ природы силы. Мы мало знаемъ о причинахъ его тоски, не знаемъ, что заставило его разочароваться въ жизни и людяхъ. Онъ былъ знатнаго происхожденія, предавался наслажденіямъ и любовнымъ похожденіямъ, но почему-то бросилъ эту веселую жизнь и, уйдя отъ общества, отправился скитаться по міру. Важное значеніе этого романа заключается въ изображеніи тѣхъ чувствъ, которыя переживаетъ герой во время своихъ странствованій. Это—чувства, которыя получили имя байроническихъ и вскорѣ проникли во всю европейскую поэзію. Чайльдъ-Гарольдъ одинокъ среди людей. Онъ чувствуетъ себя хорошо только въ уединеніи, среди природы, когда онъ «въ тѣни лѣсовъ скитается одинъ», или «на утесъ взбирается высокій». Онъ не хочетъ носиться, скучая, «въ вихрѣ свѣта».

Среди толпы, гдѣ некого любить,
Гдѣ павшему въ борьбѣ звучатъ проклятья
Гдѣ даже не почтятъ вашъ прахъ слезой.

Другая черта его—скорбь о мірѣ. Онъ повсюду видитъ зло, видитъ угнетенныя массы народныя, торжество насилія и пошло-

сти, онъ видитъ въ мірѣ торжество какой-то безсмысленной силы, и оттого онъ грустенъ и печаленъ. Далѣе, какъ всѣ герои этого рода, онъ не умѣетъ и не желаетъ войти въ жизнь, вступить въ борьбу съ видимымъ зломъ, а когда задумывается надъ тѣмъ, какъ освободить міръ отъ зла, то всегда обнаруживаетъ полное непониманіе жизни. Такъ, видя Испанію, стонущую подъ

Байронъ.

чужеземнымъ игомъ, онъ взываетъ къ старымъ рыцарскимъ временамъ. Важной отличительной чертой его является также высота его требованій. Онъ не мирится на маломъ, не можетъ итти къ своей цѣли постепенно, онъ желалъ бы сразу увидать полную красоту и свободу въ мірѣ. Поэтому онъ не годится для дѣла, безполезенъ въ жизни и только безплодно тоскуетъ, хотя и обладаетъ умомъ и способностями. Вотъ тотъ герой, который

сталъ образцомъ для многихъ подобныхъ героевъ въ литературѣ. И пушкинскій Онѣгинъ, и лермонтовскій Печоринъ, и даже тургеневскій Рудинъ, и некрасовскій Агаринъ, про котораго авторъ сказалъ «по́ свѣту рыщетъ, дѣла себѣ исполинскаго ищетъ, благо наслѣдье богатыхъ отцовъ, освободило отъ малыхъ трудовъ»—все это двойники Чайльдъ-Гарольда. Все это выдающіеся по уму люди, всѣ они не привыкли жить своимъ трудомъ, всѣ скорбятъ о ничтожествѣ и пустотѣ окружающей ихъ жизни и всѣ безсильны, что бы то ни было внести въ нее. У Байрона только больше тоски, меньше примиренія, больше негодованія и ненависти къ тому, кто правитъ міромъ, кто залилъ землю моремъ человѣческихъ слезъ и крови. Въ поэмахъ, о которыхъ мы упоминали выше, онъ выводитъ разбойниковъ или людей, такъ или иначе враждебныхъ обществу. Онъ рисуетъ ихъ не преступниками, а страдальцами, въ ненависти которыхъ къ людямъ скрывается тайная тоска. Еще больше мрачнаго отчаянья въ двухъ послѣднихъ пѣсняхъ «Чайльдъ-Гарольда», которыя были написаны уже позднѣе, когда Байронъ вторично покинулъ родину.

Вообще, во время своего второго путешествія, подъ вліяніемъ тяжелыхъ впечатлѣній, пережитыхъ на родинѣ, Байронъ написалъ свои наиболѣе мрачныя произведенія. «Манфредъ» и «Каинъ»—самыя прославленныя изъ нихъ. Въ первомъ изъ нихъ выведенъ самый одинокій и самый разочарованный герой, котораго только создавала поэзія. Подобно Фаусту, Манфредъ много изучалъ и въ концѣ-концовъ овладѣлъ всѣми человѣческими знаніями. Онъ пытался найти отраду въ дѣятельности на пользу людямъ, въ борьбѣ съ врагами. Онъ не разъ достигалъ успѣха. Но ни наука, ни дѣятельность, ни побѣда,—ничто не дало ему успокоенія. Ему подчинены духи, которые могутъ надѣлить его всѣмъ, чего только можетъ желать на землѣ человѣкъ, но Манфредъ не ищетъ никакихъ радостей. Въ чемъ же причина этого мрачнаго одиночества Манфреда? Она заключается въ той же грандіозности и безпредѣльности его требованій, которая была причиной страданій всего этого поколѣнія, воспитавшагося на обѣщаніяхъ французской революціи и книгахъ Руссо, дышавшихъ пламенной вѣрой въ безграничную свободу и божественную мощь человѣка. Могъ ли наслаждаться наукой тотъ, кто хотѣлъ познать тайны всего міра, которыхъ наука не можетъ открыть? Могъ ли радоваться своимъ успѣхамъ въ жизни и своимъ полезнымъ дѣламъ Манфредъ, который мечталъ о прекрасной жизни и неограниченной свободѣ, а кругомъ себя видѣлъ гнетъ и насиліе?

Этимъ же мрачнымъ отчаяніемъ проникнута и другая великая трагедія Байрона «Каинъ», съ той только разницей, что герой этой трагедіи не довольствуется разочарованіемъ и отчаяніемъ. Онъ посылаетъ проклятія Богу, вызываетъ Его на бой и обвиняетъ Его за вѣчныя страданія, на которыя обреченъ человѣкъ. Въ этой трагедіи изображена жизнь первыхъ людей послѣ ихъ изгнанія изъ рая. Адамъ, Ева, ихъ сынъ Авель, дочери Селла и Ада возсылаютъ молитвы Богу. Только одинъ Каинъ не хочетъ славить Бога, И когда огорченный Адамъ проситъ его принять участіе въ общей молитвѣ, Каинъ произноситъ негодующія рѣчи. въ которыхъ доказываетъ, что Богъ—не другъ, а врагъ человѣчества и что, кромѣ зла, Онъ ничего не причинилъ людямъ. Ему не за что благодарить Бога. Правда, Онъ послалъ человѣку жизнь, но Онъ далъ вмѣстѣ съ ней и смерть, и человѣкъ живетъ только для того, чтобы умереть. Не выше ли Бога тотъ змій, который научилъ Еву съѣсть запретное яблоко? Богъ хотѣлъ почему-то скрыть отъ человѣка величайшее благо—знаніе, а змій открылъ его человѣку. Богъ запретилъ человѣку вкусить отъ древа жизни, а жизнь такъ же благо, какъ и знаніе. Почему же Богъ хотѣлъ отнять у человѣка благо? Каинъ говоритъ:

И это жизнь!

Трудись, трудись! Но почему я долженъ
Трудиться? Потому что мой отецъ
Утратилъ рай. Но въ чемъ же я виновенъ?
Въ тѣ дни я не рожденъ былъ,—не стремился
Рожденнымъ быть,—родившись, не люблю
Того, что мнѣ дало мое рожденье.
Зачѣмъ онъ уступилъ женѣ и змію?
А уступивъ, за что страдаетъ? Древо
Росло въ Раю и было такъ прекрасно:
Кто жъ долженъ былъ имъ пользоваться? Если
Не онъ, такъ для чего оно росло
Вблизи его? У нихъ на всѣ вопросы
Одинъ отвѣтъ: «*Его* святая воля,
А Онъ есть благъ». Всесиленъ, такъ и благъ?
Зачѣмъ же эта благость наказуетъ
Меня за грѣхъ родителей?

Когда къ Каину является Люциферъ, духъ ада, онъ еще болѣе укрѣпляетъ его въ ненависти къ Богу. Онъ убѣждаетъ его, что Богъ—тиранъ, что люди, которые сознали свое безсмертіе, должны крикнуть Богу, что «зло не есть добро». Богъ боялся, что люди сами станутъ какъ боги, и потому отнялъ у нихъ древо жизни. Онъ любитъ только униженныхъ, покорныхъ ра-

бовъ. А дьяволъ, напротивъ, не требуетъ поклоненія, онъ учитъ гордости, возстанію и мятежу. Вѣчное сопротивленіе Богу, своему врагу—есть единственно достойное, чѣмъ человѣкъ можетъ отвѣчать Ему. «Онъ,—говоритъ Люциферъ о Богѣ,—побѣдилъ, и тотъ, кто побѣжденъ Имъ, тотъ названъ злымъ; но благъ ли побѣдившій. Когда бы *мнѣ* досталася побѣда, зломъ былъ бы *Онъ*». Каинъ становится первымъ на землѣ сторонникомъ Люцифера. Онъ убиваетъ Авеля, возмущенный тѣмъ, что Богъ принялъ его кровавую жертву и не захотѣлъ принять невинной жертвы Каина и этимъ еще разъ доказалъ свою жестокость и кровожадность. Богъ проклинаетъ Каина и обрекаетъ его на вѣчное скитаніе на землѣ.

Такъ, Байронъ придалъ новый смыслъ библейской легендѣ. Изъ Каина онъ сдѣлалъ друга человѣчества, скорбящаго объ его печальной судьбѣ. Кротость и покорность Богу онъ объявляетъ низшими свойствами, а злобу и ненависть къ Богу благороднѣйшими качествами достойныхъ людей. Всей трагедіей онъ какъ бы хотѣлъ сказать, что для человѣка въ его печальной судьбѣ нѣтъ другого выхода, кромѣ вѣчной непримиримой ненависти къ Небу, вѣчныхъ проклятій Тому, кто создалъ міръ.

Байронъ, подобно Фаусту, въ послѣдній періодъ своей жизни начинаетъ выходить изъ того отчаянья, которымъ проникнуты «Чайльдъ-Гарольдъ», «Манфредъ» и «Каинъ». Сношенія съ итальянскими революціонерами карбонаріями и борьба за свободу грековъ, наконецъ, собственная натура Байрона, въ которой было много жизненныхъ силъ, много любви къ наслажденіямъ и красотѣ,—все это привело къ тому, что Байронъ не могъ долго жить однимъ безплоднымъ отчаяньемъ. Уже до того, какъ онъ написалъ свои мрачныя трагедіи, появились нѣкоторыя его произведенія, въ которыхъ онъ изображаетъ жизнь не такой печальной и страшной, какъ въ «Каинѣ». Такъ, въ 1818 году онъ напечаталъ прелестную поэму «Беппо». Мужъ одной венеціанской дамы, попавшій въ плѣнъ къ туркамъ, послѣ долгаго отсутствія неожиданно возвращается домой, когда всѣ его считали уже погибшимъ, и жена успѣла полюбить другого. Смущеніе и примиреніе всѣхъ участниковъ этой исторіи изображено въ шутливыхъ и красивыхъ стихахъ. Такъ, Байронъ отъ проклятій небу, отъ грандіозныхъ притязаній переходилъ къ изображенію маленькихъ радостей и горестей земли. Величайшимъ изъ его произведеній въ этомъ родѣ была поэма «Донъ-Жуанъ». Здѣсь тоже, какъ и въ «Чайльдъ-Гарольдѣ», выведенъ странствующій герой, который попадаетъ въ самые различные края. Но это уже не таинствен-

ный герой, причины грусти и тоски котораго неизвѣстны. Это—веселый и жизнерадостный юноша, любящій всѣ наслажденія жизни, переживающій восхитительные романы съ женщинами разныхъ странъ. Поэтъ подробно изображаетъ его воспитаніе, родителей и т. д. Тѣмъ не менѣе, въ этомъ произведеніи есть и тѣ чувства и настроенія, которыя свойственны всей поэзіи Байрона. Онъ издѣвается надъ пошлостью. Шутливый тонъ поэмы скрываетъ въ себѣ негодующую ненависть къ насилію и гнету, тоску о свободѣ, красотѣ и счастьи. Донъ-Жуанъ переживаетъ самыя необыкновенныя приключенія. Въ морѣ онъ едва спасается отъ кораблекрушенія. Его продаютъ въ рабство, переодѣтый дѣвушкой, онъ попадаетъ въ гаремъ султана, затѣмъ на войну, далѣе ко двору русской императрицы Екатерины Великой и т. д. Поэма блещетъ разнообразіемъ. Быстро смѣняются картины нѣги и сладострастія, ужасовъ войны, придворной лжи и лицемѣрія. Байронъ охватываетъ всю жизнь въ своей поэмѣ, которая, къ сожалѣнію, осталась неоконченной.

Такія произведенія, какъ «Донъ-Жуанъ» указывали на то, что Байронъ отъ романтизма и разочарованія переходилъ къ реализму, т.-е. правдивому изображенію жизни. И его стремленіе къ счастью и свободѣ человѣчества стало пріобрѣтать болѣе ясныя формы. Подъ конецъ жизни онъ уже не довольствуется общими проклятіями противъ неба и Бога. Онъ начинаетъ разбираться въ томъ, какія условія являются причиной человѣческихъ страданій. Особенно интересна въ этомъ отношеніи его поэма «Бронзовый вѣкъ». Послѣ французской революціи европейскіе государи, напуганные народными волненіями, заключили между собою «Священный союзъ», въ которомъ дали другъ другу клятву поддерживать порядокъ и охранять религію и власть. Началось повсюду въ Европѣ жестокое преслѣдованіе всѣхъ освободительныхъ стремленій. Лучшіе люди страдали и гибли въ тюрьмахъ и на висѣлицахъ, вслѣдствіе своего нежеланія мириться съ гнетомъ и насиліемъ. Въ «Бронзовомъ вѣкѣ» Байронъ выступаетъ борцомъ за свободу и направляетъ такіе пламенные стихи противъ угнетателей, что поэма долгое время подвергалась преслѣдованію, и у насъ, напр., въ Россіи могла только недавно появиться въ своемъ полномъ видѣ.

Послѣдніе годы жизни Байрона и его послѣднія произведенія доказываютъ, что онъ вмѣстѣ съ европейскимъ обществомъ излѣчивался отъ разочарованія, наступившаго послѣ революціи, и приходилъ къ сознанію, что необходима новая борьба за счастье человѣчества, и что задача поэзіи—служить общему дѣлу. Ран-

няя смерть помѣшала великому поэту и другу угнетеннаго человѣчества развернуть свои силы на этомъ новомъ пути, и въ память потомства онъ перешелъ прежде всего, какъ мятежный пѣвецъ бурнаго отчаянья и протеста, какъ гордый непримиренный врагъ неба и мірового порядка.

XII. Викторъ Гюго.

Литература XIX столѣтія.

По мѣрѣ приближенія къ серединѣ XIX столѣтія, почти повсюду въ Европѣ романтизмъ начинаетъ уступать мѣсто реализму, т.-е. появляются новые поэты, которые все глубже и внимательнѣе всматриваются въ жизнь, отказываются отъ мечтаній, не ищутъ отвѣта на свои вопросы въ иномъ сверхчувственномъ мірѣ. Въ томъ злѣ, которое царитъ на землѣ, перестаютъ видѣть вліяніе и волю высшей силы, находящейся за предѣлами земли. Напротивъ, европейское общество все болѣе и болѣе убѣждается, что причиной зла является неправильное устройство самого общества и что для устраненія этого зла незачѣмъ призывать Бога, необходимо бороться съ недостатками общественнаго порядка. Все болѣе укрѣпляется убѣжденіе, что передѣлать общественный порядокъ можно, только соединивъ силы тѣхъ, кто страдаетъ отъ его недостатковъ; что отъ людей, которымъ живется хорошо, нельзя ждать состраданія къ угнетеннымъ; что единственный путь къ рѣшенію вопроса — это борьба. А такъ какъ угнетенными являются, главнымъ образомъ, трудящіяся массы, то задача всѣхъ мыслящихъ людей заключается въ томъ, чтобы помочь имъ соединить свои силы, сдѣлать ихъ способными къ борьбѣ противъ буржуазіи, т.-е. противъ обладателей капитала. Во второй половинѣ XIX столѣтія вопросъ уже ставится прямо. Реалистическая литература даетъ грандіозную картину паденія и одичанія буржуазнаго общества, расцвѣтаетъ соціалистическая литература, которая указываетъ путь къ борьбѣ съ буржуазнымъ строемъ посредствомъ объединенія пролетаріата. Но въ первой половинѣ вѣка вопросъ стоитъ еще не такъ ясно. Гуманные поэты, уже захваченные основнымъ вопросомъ вѣка, освобожденіемъ порабощенныхъ тружениковъ, уже сознающіе, что все зло жизни, нищета, преступленія, проституція, невѣжество, развиваются благодаря праздной и роскошной жизни немногихъ и тяжелому труду и голоду массъ,—эти поэты еще вѣрятъ, что непримиримые интересы обоихъ стоящихъ другъ противъ друга

классовъ можно примирить при помощи гуманной проповѣди. Они не отказываются отъ фантазіи, они вѣрятъ, что если обратиться къ человѣческому сердцу, то зло будетъ устранено скорѣе, чѣмъ при помощи кровавой борьбы. Первая половина и даже средина XIX столѣтія полна такими мечтателями, которыхъ называютъ утопистами.

Викторъ Гюго.

Викторъ Гюго. Среди этихъ гуманныхъ мечтателей находится одинъ изъ величайшихъ поэтовъ XIX вѣка, Викторъ Гюго. Онъ — одинъ изъ самыхъ геніальныхъ романтиковъ; онъ обладалъ самой необузданной фантазіей, уносился въ несуществующій міръ и рисовалъ несуществующихъ людей и героевъ, и въ то же время у него мы встрѣчаемъ часто правдивое изображеніе дѣйствительности, почти научное изслѣдованіе ея, встрѣчаемъ глубокое пониманіе общественнаго зла, благородное сочувствіе ко всѣмъ страдающимъ.

Біографія писателя. Онъ родился въ 1802 году. Его отецъ былъ генераломъ, и ребенку съ раннихъ лѣтъ приходилось путешествовать, такъ какъ въ тѣ времена войска Наполеона странствовали по всѣмъ концамъ Европы. Въ 1808 году Наполеонъ посадилъ на испанскій престолъ своего брата Жозефа, и новый испанскій король выписалъ къ себѣ своего любимаго генерала, отца поэта, чтобы дать ему блестящее мѣсто. Г-жа Гюго вскорѣ тоже прибыла туда съ дѣтьми. Испанія оставила сильное впечатлѣніе въ душѣ Гюго. Черезъ 30 лѣтъ попавъ туда снова, онъ писалъ: «Тридцати лѣтъ моей жизни какъ будто не бывало; я становлюсь снова ребенкомъ, «маленькимъ французомъ», какъ меня называли. Цѣлый міръ, дремавшій въ глубинѣ моей души, точно просыпается, возрождается и приходитъ въ движеніе въ моей памяти. Я считалъ его почти изгладившимся, и между тѣмъ теперь онъ сталъ ярче, чѣмъ когда-либо!» Блескъ, окружавшій его отца, поразилъ воображеніе мальчика такъ же, какъ и природа Испаніи и своеобразная архитектура (т.-е. характеръ построекъ) ея городовъ. И дальнѣйшая жизнь поэта полна быстро смѣняющимися впечатлѣніями. Въ 1812 году г-жа Гюго съ дѣтьми возвращается въ Парижъ, въ виду того, что въ Испаніи началось опасное движеніе противъ французовъ. Въ Парижѣ мальчикъ поступаетъ въ пансіонъ, а вскорѣ столица Франціи начинаетъ переживать тревожные дни. Разбитый послѣ похода 1812 года въ Россію, Наполеонъ безславно вернулся во Францію, а вслѣдъ за нимъ пришли русскія и прусскія войска, взяли Парижъ и сослали великаго императора на островъ Эльбу, а на французскій престолъ посадили Людовика XVIII, брата казненнаго во время революціи короля. Маленькій Гюго видѣлъ всѣ эти событія, слышалъ, какъ оскорбляли имя императора, передъ которымъ еще недавно трепетала вся Европа, видѣлъ вступленіе въ Парижъ русскихъ войскъ, видѣлъ снова восторгъ толпы, когда Наполеонъ, убѣжавъ съ Эльбы, вернулся во Францію, и новое, на этотъ разъ окончательное, изгнаніе императора. Гюго былъ поэтомъ и къ политикѣ относился, какъ поэтъ. Онъ не умѣлъ быть послѣдовательнымъ, не умѣлъ держаться опредѣленной партіи. Этимъ объясняется, что онъ написалъ оду въ честь короля Людовика XVIII, а когда въ іюлѣ 1830 года вспыхнула революція, и король Карлъ, сынъ Людовика XVIII, занявшій послѣ него французскій престолъ, опять низвергнутъ народомъ, Гюго восторженно привѣтствовалъ народную побѣду. Кажется, больше всего Гюго, подобно всѣмъ романтикамъ, вѣрилъ въ силу поэзіи, въ великое значеніе поэта для политической жизни страны. Гюго чтилъ королевскую власть, счи-

талъ ее совмѣстимой съ народными вольностями, онъ сталъ на сторону народа, когда эта власть въ лицѣ Карла нарушила законъ, и, тѣмъ не менѣе, оплакалъ печальную судьбу изгнанника-короля.

И въ дальнѣйшемъ онъ совершилъ рядъ такихъ «измѣнъ». Съ паденіемъ Карла X начинается такъ называемая іюльская или мѣщанская монархія. Королемъ былъ провозглашенъ Луи-Филиппъ, его посадила на престолъ крупная буржуазія, и онъ сталъ защитникомъ ея интересовъ. Гюго былъ другомъ новаго короля и получилъ отъ него званіе пэра (титулъ) Франціи. Въ 1848 году вспыхнула новая революція противъ буржуазіи и ея мѣщанскаго короля, какъ называли Луи-Филиппа. Эта революція извѣстна подъ именемъ февральской. Луи-Филиппъ былъ изгнанъ, и Франція объявлена республикой. Гюго сталъ республиканцемъ и даже попалъ въ учредительное собраніе. Президентомъ республики былъ избранъ Луи-Наполеонъ, одинъ изъ членовъ семьи Наполеона I. Вскорѣ Луи-Наполеонъ произвелъ переворотъ и 2 декабря 1852 года провозгласилъ себя императоромъ подъ именемъ Наполеона III. Гюго вначалѣ поддерживалъ Наполеона, но потомъ сталъ его врагомъ, отчасти подъ вліяніемъ личной обиды, такъ какъ онъ не былъ вознагражденъ за свои заслуги, отчасти вслѣдствіе негодованія по поводу переворота 2 декабря. Гюго выпустилъ сборникъ стихотвореній «Кара», въ которомъ подвергаетъ жестокому осмѣянію вторую имперію и ея дѣятелей. Послѣ этого начинается самый блестящій періодъ жизни Гюго. Осмѣявъ Наполеона въ своей книгѣ «Маленькій Наполеонъ», онъ вынужденъ спасаться отъ преслѣдованій императорскаго правительства, онъ проводитъ нѣсколько лѣтъ на двухъ островахъ сначала на Джерсеѣ, а потомъ на Гернсеѣ. Онъ окруженъ здѣсь славой, вся Европа прислушивается къ голосу великаго поэта. Онъ отсюда разсылаетъ просьбы монархамъ и министрамъ, ходатайствуя за несчастныхъ, и нерѣдко просьбы эти услышаны. Въ это время написалъ онъ свой знаменитый призывъ противъ смертной казни къ гернсейцамъ по поводу смертнаго приговора, вынесеннаго одному злодѣю. «И только потому,—писалъ Гюго,—что въ нѣсколько минутъ будутъ поставлены столбы съ перекладиной, накинута веревочная петля на шею человѣка, потому только, что душа его съ проклятіемъ вырвется изъ тѣла,—все будетъ улажено какъ нельзя лучше! Жалкое заблужденіе человѣческаго правосудія! О, нѣтъ! Мы люди XIX вѣка, мы новый, могучій народъ, разумный, мыслящій, трудящійся, свободный,—мы представляемъ самый цвѣтущій возрастъ человѣчества—эпоху прогресса, знаній, искусствъ, братской любви и вѣры въ буду-

щее. Такъ прочь же отъ насъ эшафоты, эти чудовищныя исчадія тьмы, эти призраки отжившаго варварства, эти деревянныя орудія смерти со своими треугольными ножами, съ веревками, качающими трупы замученныхъ людей... Развѣ тьма можетъ предлагать свои услуги свѣту? Наши орудія—мысль, поученіе, терпѣливое воспитаніе, чистые догматы религіи, честный трудъ, просвѣщеніе, милосердіе... Услышьте меня, честные труженики моря... Не примѣшивайте къ своимъ героическимъ побѣдамъ надъ бурнымъ моремъ эту недостойную побѣду надъ беззащитнымъ человѣкомъ. Не принимайте на душу отвѣтственности за такое посягательство человѣческой власти на власть божественную». Первому министру Англіи, послѣ казни, Гюго писалъ: «Какъ бы ни была блестяща ваша дѣятельность, но эта петля, затянутая на человѣческой шеѣ, этотъ провалъ, разверзающійся подъ ногами повѣшеннаго, этотъ расчетъ на то, что у него переломится позвоночный столбъ при паденіи, это синѣющее лицо, эти налитые кровью глаза, выскакивающіе изъ орбитъ, этотъ высунутый языкъ, этотъ ревъ нестерпимой муки, задушаемый петлей, эта изнывающая душа, бьющаяся о черепъ въ напрасномъ усиліи освободиться, эти судорожно сжатыя колѣни, ищущія точки опоры, эти связанныя нѣмыя руки, взывающія о помощи, и потомъ этотъ другой человѣкъ, палачъ, это созданіе мрака, которое бросается на предсмертныя судороги, цѣпляется за ноги несчастнаго и виситъ на повѣшенномъ,—все это ужасно до такой степени, что не можетъ быть выражено ни на какомъ человѣческомъ языкѣ».

Въ 1870 году Наполеонъ втянулъ Францію въ несчастную войну съ Германіей. Разбитая Франція низвергла своего императора, и снова была провозглашена республика. Гюго вернулся въ Парижъ. Онъ былъ окруженъ почетомъ и славой. Его выбрали депутатомъ въ національное собраніе. Онъ попрежнему былъ плохимъ политическимъ дѣятелемъ, но престарѣлый поэтъ проявилъ большую энергію въ дѣлѣ благотворительности, въ дѣлѣ помощи всѣмъ пострадавшимъ во время смутъ и войны. Онъ умеръ въ 1885 году, и его смерть вызвала глубокую скорбь во всемъ мірѣ, съ разныхъ концовъ котораго стеклись депутаціи и сочувственныя телеграммы на похороны великаго друга несчастныхъ и угнетенныхъ.

Лирика Гюго. Въ своей литературной дѣятельности Гюго прежде всего выступаетъ передъ нами великимъ лирическимъ поэтомъ. Почти до конца его жизни не переставали выходить сборники его стихотвореній, которые поражаютъ богатствомъ и разнообразіемъ чувствъ и настроеній, красотой и но-

визной формы. Первый сборникъ «Оды» появился въ 1822 году. Уже въ нихъ, хотя еще замѣтно ложно-классическое вліяніе, чувствуется новое романтическое направленіе, выражающееся въ католическомъ настроеніи поэта. Въ слѣдующемъ сборникѣ «Баллады» мы видимъ другую черту романтической поэзіи, именно любовь къ среднимъ вѣкамъ, куда переноситъ насъ фантазія поэта, воспроизводя любовныя пѣсни трубадуровъ, замки, рыцарскія забавы, битвы, охоту и состязанія. Далѣе идутъ «Восточные мотивы», гдѣ Гюго возсоздаетъ обстановку Востока, столь любимаго романтическими поэтами. Въ 1831 г. выходятъ «Осенніе листья», стихотворенія, открывающія рядъ сборниковъ, въ которыхъ предметомъ стихотвореній служитъ современность. Въ «Осеннихъ листьяхъ» такъ же, какъ и въ послѣдовавшихъ за ними сборникахъ стиховъ: «Въ сумеркахъ», «Внутреннія голоса», «Лучи и тѣни», затрогиваются злобы дня, при чемъ поэтъ выступаетъ то въ роли обличителя, разсыпающаго проклятія и угрозы по поводу совершающихся событій, то въ роли проповѣдника, указывающаго пути къ будущему. Но еще чаще онъ является передъ нами поэтомъ нѣжныхъ чувствъ, любви, дружбы, дѣтскаго лепета и трогательной материнской привязанности. Гюго былъ величайшимъ пѣвцомъ наивнаго очарованія дѣтскаго возраста. Стихотворенія, въ которыхъ Гюго является выразителемъ нѣжныхъ, интимныхъ и гуманныхъ чувствъ, принадлежатъ къ его лучшимъ созданіямъ. Послѣ изгнанія Гюго изъ Франціи, появляются его новыя стихотворенія, уже упомянутый выше сборникъ «Кара», затѣмъ въ 1856 году «Созерцанія» и въ 1859 году «Легенда вѣковъ». Всѣ эти сборники проникнуты тѣмъ же мечтательнымъ сочувствіемъ и любовью къ человѣчеству, состраданіемъ ко всѣмъ обездоленнымъ, глубокой вѣрой въ просвѣщеніе и въ силу человѣчной проповѣди.

Драмы Гюго.

Тѣ же особенности, которыми отличаются стихотворенія Гюго, мы находимъ и въ его многочисленныхъ драмахъ и романахъ. Какъ драматическій писатель Гюго, произвелъ переворотъ въ исторіи французскаго театра. Въ 1827 году появилась его пьеса «Кромвель». Эта піеса была снабжена предисловіемъ, въ которомъ Гюго объявилъ открытую войну ложно-классикамъ, все еще господствовавшимъ на сценѣ. Онъ требовалъ уничтоженія всякихъ правилъ и предоставленія полнаго простора фантазіи поэта. Онъ требовалъ отмѣны того возвышеннаго и напыщеннаго языка, которымъ говорили всегда герои ложноклассическихъ трагедій, требовалъ, чтобы въ трагедіи смѣшное могло появляться рядомъ съ ужаснымъ, низкое рядомъ съ возвышеннымъ. Публика, при-

выкшая къ старому театру, возмущалась этимъ, какъ ей казалось, нарушеніемъ законовъ искусства, и встрѣтила свистками и негодованіемъ піесу Гюго «Эрнани», написанную въ новомъ духѣ. Однако мало-по-малу Гюго побѣдилъ, появился рядъ драматическихъ писателей романтическаго направленія, и ложно-классическая трагедія, царившая на сценѣ почти два столѣтія, была свернута. Гюго написалъ много пьесъ: «Эрнани», «Рюи Блазъ», «Маріонъ Делормъ», «Марія Тюдоръ», «Бургграфы», «Король забавляется» и другія. Всѣ эти піесы отличаются необыкновеннымъ, фантастическимъ содержаніемъ. Въ «Эрнани» изображенъ страшный разбойникъ, своимъ таинственнымъ одиночествомъ нѣсколько напоминающій героевъ Байрона. Онъ переживаетъ самыя невѣроятныя опасности, изъ которыхъ спасается почти чудеснымъ образомъ. У подъѣзда своей возлюбленной, доньи Соль, онъ сталкивается съ ненавистнымъ ему королемъ Донъ-Карлосомъ, отецъ котораго нѣкогда казнилъ его отца. Но рыцарски-благородный разбойникъ не хочетъ воспользоваться случаемъ, чтобы убить беззащитнаго врага, тоже влюбленнаго въ донью Соль. Его ищутъ по всей странѣ. Онъ укрывается въ костюмѣ странника въ домѣ другого своего соперника Сильвы, жениха доньи Соль. Только вѣрность законамъ гостепріимства мѣшаетъ Сильвѣ выдать его королю, когда онъ застаетъ Эрнани въ объятіяхъ своей невѣсты. Наконецъ Эрнани схватываетъ стража короля, когда тотъ готовился убить короля, и король, избранный императоромъ, прощаетъ своего врага и уступаетъ ему донью Соль. Эрнани принимаетъ ядъ въ тотъ моментъ, когда счастіе, наконецъ, улыбнулось ему и онъ остался въ первый разъ наединѣ съ доньей Соль, ставшей его женой. Въ благодарность за услугу благороднаго Сильвы, онъ подарилъ ему рогъ, съ правомъ затрубить въ него въ ту минуту, когда онъ захочетъ смерти Эрнани. Звукъ рога раздается именно въ эту счастливую для Эрнани минуту, и онъ умираетъ, сдержавъ рыцарское слово. Столь же фантастично и запутанно содержаніе и другихъ піесъ Гюго. Въ «Маріонъ Делормъ» изображена падшая женщина, въ душѣ которой поэтъ отыскалъ неизсякаемый источникъ чистой красоты и которая становится цѣломудренной подъ вліяніемъ любви. Въ «Маріи Тюдоръ» король ради любви приноситъ въ жертву интересы своего королевства. Въ трагедіи «Рюи Блазъ» представлена исторія лакея, который обладаетъ благороднымъ рыцарскимъ сердцемъ и благодаря придворнымъ интригамъ становится вельможей и министромъ. Приблизившись къ трону, онъ полюбилъ королеву, томящуюся въ раззолоченныхъ палатахъ. Но та же придворная жизнь, которая вознесла его на высоту, низвергаетъ

его. Онъ гибнетъ, погубивъ вмѣстѣ съ собою и обожаемую имъ королеву. Піесы Гюго—яркое воплощеніе романтическаго творчества съ его любовью къ рыцарскимъ временамъ, съ необузданной фантазіей. Одинъ писатель такъ перечисляетъ тотъ матеріалъ которымъ наполнены эти піесы: это—дворцы, выстроенные съ подземными склепами, темницы, куда не проникаетъ дневной свѣтъ, своды, аркады, желѣзныя ловушки, потайныя двери, рѣшетчатыя окна, тайники, скрытыя то за драпировкой, то за портретомъ, кривые коридоры, стѣны, созданныя для измѣны, въ которыхъ слышенъ шумъ шаговъ; это—наркотическія средства, вызывающія сонъ, похожій на смерть, противоядія, яды всѣхъ родовъ, эшафоты, топоры, плахи, факелы, мѣшокъ коричневаго цвѣта для скрытія труповъ и т. д. И въ то же время эти трагедіи полны гуманныхъ и свѣтлыхъ мыслей. Гюго глубоко заглядываетъ въ сердца людей, онъ обличаетъ эгоизмъ сильныхъ и требуетъ милосердія къ слабымъ. Онъ изображаетъ распущенность монарховъ, лицемѣріе дамъ изъ общества и открываетъ, какой запасъ любви и самоотверженной преданности часто таится въ душѣ лакея или падшей дѣвушки. «Вы не лучше насъ, знатныя дамы,—говоритъ актриса въ одной его піесѣ,—мы отнимаемъ у васъ мужей, а вы у насъ любовниковъ, по крайней мѣрѣ, мы никого не обманываемъ». Въ подземельи, гдѣ помѣщается гробница императора Карла Великаго, король Карлосъ, герой трагедіи «Эрнани», спрашиваетъ у тѣни великаго императора напутственнаго совѣта для своей новой императорской дѣятельности среди волнующихся народовъ и политическихъ опасностей:

Къ тебѣ воззвалъ я въ страхѣ и смятеньи,
Передъ твоей гробницей распростертъ:
Съ чего начать? О, дай мнѣ наставленье!..
Ты отвѣчалъ: мой сынъ, будь милосердъ!

Романы Гюго.

Тѣ же гуманныя мысли наполняютъ романы Гюго. Въ романѣ «Соборъ парижской Богоматери» онъ изображаетъ средневѣковый Парижъ, при чемъ, какъ и всегда, у него фантазія переплетается съ правдой. Главной героиней романа является цыганка Эсмеральда, которую полюбили два обитателя знаменитаго собора: священникъ Клодъ и звонарь Квазимодо. Клодъ былъ суровый монахъ, мрачный аскетъ, Квазимодо—ужасный уродъ, со страшными горбами сзади и спереди, полуслѣпой и глухой, злой и дикій, какъ звѣрь. И въ этомъ полуидіотѣ Эсмеральда разбудила душу. Она подала ему воду, въ ту минуту, когда толпа издѣвалась надъ несчастнымъ уродомъ, подвергнутымъ жестокому публичному наказа-

нію. И въ его единственномъ открытомъ глазу впервые сверкнула слеза. Клодъ изъ ревности ранитъ кинжаломъ красиваго и легкомысленнаго капитана Феба. Эсмеральду обвиняютъ въ этомъ покушеніи на убійство, подвергаютъ пыткамъ, при которыхъ присутствуетъ Клодъ, изнемогающій отъ жалости и сладострастія. Квазимодо удается спасти ее. Онъ охраняетъ ее какъ вѣрный песъ, съ трогательной нѣжностью ухаживаетъ за нею. Когда она снова попадаетъ въ руки палачей и гибнетъ, Квазимодо проникаетъ въ ея могилу и, обнявъ ея трупъ, умираетъ возлѣ нея.

Въ романѣ «Смѣющійся человѣкъ» предъ нами исторія знатнаго лорда. Ребенкомъ онъ былъ похищенъ компрачикосами, похитителями знатныхъ дѣтей, и попадаетъ въ циркъ. Лицо его для представленій передъ публикой изуродовали такъ, что оно вѣчно смѣется и возбуждаетъ хохотъ вокругъ. И вдругъ случайно къ берегу прибило моремъ бутылку, въ которой компрачикосы, потерпѣвшіе кораблекрушеніе, запечатали тайну его рожденія, и нищій клоунъ становится лордомъ. Только тогда постигаетъ онъ всю распущенность, весь эгоизмъ, всѣ злодѣянія, скрывающіяся во дворцахъ королей и вельможъ. Надъ нимъ издѣваются, когда онъ, занявъ по праву мѣсто среди лордовъ, говоритъ въ пользу бѣдныхъ. Его уродливое лицо возбуждаетъ хохотъ всегда, когда онъ хочетъ разсказать о бѣдствіяхъ и страданіяхъ народа. Осмѣянный и поруганный, онъ возвращается къ своему хозяину, къ своимъ звѣрямъ, къ слѣпой дѣвушкѣ, которая не могла видѣть его уродства и любила его. Тамъ, подъ лохмотьями нищихъ, бьются болѣе искреннія и любящія сердца, чѣмъ подъ золоченнымъ платьемъ сильныхъ и знатныхъ.

Въ романѣ «Девяносто третій годъ» разсказана исторія возстанія въ Вандеѣ, гдѣ сторонники короля послѣ революціи не захотѣли подчиниться республиканскому правительству и свято хранили вѣрность королю. Яркими красками изображаетъ Гюго безпощадную жестокость и непреклонную суровость обѣихъ борющихся сторонъ. Ни стариковъ, ни дѣтей, ни женщинъ не щадятъ во время этой послѣдней схватки между старымъ и новымъ порядкомъ. И среди этихъ потоковъ крови Гюго отыскиваетъ добрыя чувства и подвиги благородства. Мрачный роялистъ, т.-е. сторонникъ короля, Лантенакъ, спокойно смотрѣвшій на тысячи труповъ, на пожары и муки людей, подвергаетъ опасности все дѣло роялистовъ только для того, чтобы спасти трехъ малютокъ. Какъ враги, близкіе люди изрекаютъ смертные приговоры другъ другу; какъ люди просто, они подаютъ другъ другу руку и жертвуютъ собою одинъ для другого.

Основныя идеи и воззрѣнія Гюго.

Гюго любитъ находить просто человѣка, который въ жизни почти скрытъ подъ разными требованіями государства, общества, профессіи и т. д. Онъ вѣритъ, что природа человѣка сама по себѣ добра, и нужно только умѣть вызвать ее наружу, освободить отъ всего дурного, что наложила на нее жизнь и борьба. Въ паденіи и гибели человѣка по большей части виновато, по его мнѣнію, само общество. Если бы оно было милосердно къ преступникамъ, оно скорѣе добилось бы ихъ исправленія, чѣмъ при помощи тюремъ и казней. Эту гуманную идею Гюго широко развилъ въ самомъ замѣчательномъ изъ своихъ романовъ «Несчастные», который охватываетъ всѣ стороны современной жизни. Жанъ Вальжанъ попадаетъ на каторгу только потому, что укралъ кусокъ хлѣба для малютокъ своей сестры. Общество, во́-время не протянувшее ему руки, превратило честнаго человѣка съ нѣжнымъ сердцемъ въ озлобленнаго и закоренѣлаго преступника. Онъ вышелъ съ каторги злодѣемъ. Но какъ жестокость общества привела его къ нравственному паденію, такъ поступокъ одного добраго человѣка «вернулъ его Богу» Этотъ поступокъ совершилъ одинъ епископъ, ведшій святую жизнь и пріютившій у себя всѣми отвергнутаго человѣка. И Жанъ становится честнымъ дѣятелемъ, онъ дѣлается богачомъ, благодѣтельствуетъ цѣлый край. Рядомъ съ нимъ выведена Фантина, одна изъ тѣхъ тысячъ бѣдныхъ дѣвушекъ, мечтательныхъ и любящихъ, которыя становятся жертвами свѣтскихъ негодяевъ. Для нея связь съ нимъ была величайшимъ событіемъ ея жизни, для него—минутнымъ развлеченіемъ. Гюго разсказываетъ, какъ нищета и любовь къ ребенку доводятъ ее до проституціи и гибели.

Гюго былъ великимъ мечтателемъ и великимъ гуманистомъ. Онъ понялъ уже, въ чемъ заключается причины страшныхъ человѣческихъ страданій, онъ понялъ, что главное зло—неправильное устройство общества. Но онъ думалъ, что для переустройства его нужно разжалобить сильныхъ и сытыхъ. Поэтому онъ писалъ какъ можно трогательнѣе, и многія фигуры, напр., упомянутый выше епископъ, выходили приторными и даже смѣшными. Во второй половинѣ XIX вѣка на общественный вопросъ устанавливается другой взглядъ. Переустройства общества ждутъ не отъ милосердія богатыхъ, а отъ силы тѣхъ, кому живется плохо. Литература начинаетъ изображать не милосердныхъ епископовъ, а сильныхъ и умныхъ представителей пролетаріата (т.-е. неимущихъ), не ищущихъ подачки, а требующихъ своего права. Гюго—одинъ изъ величайшихъ представителей того направленія, которое называется *утопическимъ* (т.-е. мечтатель-

нымъ), но его общественная заслуга остается огромной. Если онъ не былъ политикомъ и не предвидѣлъ тѣхъ путей, по которымъ должна пойти борьба противъ несправедливости, то его творенія сдѣлали много для укрѣпленія самаго чувства справедливости, для развитія страстнаго стремленія къ счастью и свободѣ человѣчества.

XIII. Генрихъ Гейне.

Генрихъ Гейне.

Гейне называютъ послѣднимъ романтикомъ и первымъ реалистомъ. Нѣтъ поэта, который бы такъ геніально изобразилъ разладъ, жившій въ душѣ людей XIX вѣка. Никто не создалъ такихъ красивыхъ романтическихъ стихотвореній, никто не любилъ такъ пламенно мечту и сказку, и въ то же время никто не насмѣялся такъ жестоко надъ всякой мечтой и надъ всякой восторженностью. Гейне точно испытывалъ особое наслажденіе, когда показывалъ, какъ дѣйствительность безпощадно разрушаетъ всякую красоту, когда, рисуя дивныя картины и настроенія, вдругъ прерывалъ ихъ отвратительными зрѣлищами. Многіе ненавидятъ Гейне до сихъ поръ. Его обвиняютъ въ томъ, что онъ издѣвался надъ поэзіей, что для него не существовало ничего святого, что онъ готовъ былъ смѣяться надъ самыми высокими чувствами и стремленіями. И дѣйствительно, Гейне не щадилъ никого, даже своихъ единомышленниковъ, когда замѣчалъ въ нихъ что-нибудь смѣшное. Онъ чувствовалъ задачи новаго времени, любилъ свободу и былъ демократомъ, но переходная эпоха со всѣми ошибками новыхъ людей, боровшихся за освобожденіе человѣчества, и собственная свободолюбивая и капризная натура помѣшали ему стать человѣкомъ опредѣленнаго политическаго лагеря. И единомышленники, и противники обвиняли его въ шаткости политическихъ убѣжденій, въ частыхъ измѣнахъ. Въ этихъ обвиненіяхъ было много правды. Гейне, отстаивавшій стремленія революціонеровъ или либераловъ, былъ способенъ въ то же время язвительно высмѣять ихъ, когда расходился съ ними по какому-нибудь частному вопросу, и этимъ сыграть въ руку ихъ врагамъ. Но эти обвиненія значительно преувеличены. Кто внимательно прочтетъ всѣ сочиненія Гейне, тотъ не можетъ не убѣдиться, что при всѣхъ своихъ частныхъ колебаніяхъ, Гейне былъ *однимъ изъ величайшихъ пѣвцовъ свободы, однимъ изъ неутомимыхъ борцовъ за интересы угнетенныхъ народныхъ массъ*. Его несчастіе заключалось въ томъ, что онъ слишкомъ любилъ красоту, слишкомъ много силъ отдалъ любви и женщинамъ, что онъ съ этими романтическими

наклонностями, поналъ въ суровое время, которое требовало всего человѣка, требовало цѣльныхъ упрямыхъ людей, не идущихъ ни на какія уступки. Такимъ былъ великій современникъ Гейне, вначалѣ его единомышленникъ, а потомъ врагъ—Людвигъ Берне. Это былъ непреклонный республиканецъ, неумолимый врагъ деспотовъ и аристократіи, демократъ съ ногъ до головы. Гейне въ общемъ раздѣлялъ его убѣжденія,—и, несмотря на это, они стали врагами. Берне возненавидѣлъ поэта, пѣвца любви и красоты, который не скрывалъ, что при всей своей любви къ свободѣ и народу, онъ чувствуетъ себя скверно среди мастеровыхъ. Самъ Гейне прекрасно опредѣлилъ причины своего разногласія съ Берне въ слѣдующей фразѣ: «Берне выражался, что если бы кто-нибудь изъ сильныхъ міра сего пожалъ ему руку, то онъ положилъ бы эту руку на огонь для того, чтобы очистить ее; я же говорю, что если народъ пожметъ мнѣ руку, то я потомъ вымою ее».

Можно различно смотрѣть на личность Гейне, нельзя отрицать, что по натурѣ онъ былъ слишкомъ аристократъ для того, чтобы вполнѣ итти рука объ руку съ народомъ. Но Гейне былъ великій поэтъ и притомъ поэтъ, который лучше всѣхъ выразилъ душу поколѣнія, разставаннагося со старыми поэтическими мечтами и переходившаго къ суровой прозаической борьбѣ за устроеніе общества на началахъ справедливости. Въ его смѣхѣ часто чувствуются слезы. Онъ часто разыгрываетъ изъ себя шута, но его шутовскимъ колпакомъ прикрытъ тонкій и свѣтлый умъ, подъ его пестрымъ и смѣшнымъ платьемъ бьется чуткое сердце, страдающее за человѣчество, въ его грубыхъ циническихъ шуткахъ скрываются высокія истины.

Произведенія Гейне трудно пересказывать. Вся красота ихъ въ необыкновенномъ языкѣ, которыми они написаны, и дать понятіе объ этой удивительной личности можно, только приводя собственныя слова поэта. Гейне принадлежитъ къ числу тѣхъ поэтовъ, для которыхъ ихъ жизнь и ихъ творчество сливаются въ одно цѣлое. Его произведенія—это его біографія. Вотъ почему мы постараемся говорить его языкомъ, и намъ станетъ ясно, какъ въ этой личности причудливо отразилось его сложное и богатое противорѣчіями время.

Біографія и литературная дѣятельность Гейне.

Генрихъ Гейне родился въ 1799 году въ нѣмецкомъ городѣ Дюссельдорфѣ на Рейнѣ. Отецъ его былъ евреемъ, провіантмейстеромъ (интендантомъ), въ арміи одного изъ нѣмецкихъ князей усвоилъ любовь тогдашняго офицерства къ внѣшнему лоску и праздной жизни, потомъ открылъ торговлю въ Дюссельдорфѣ. Мать Гейне была образованной женщиной. Она, а также дядя поэта по матери, Си-

монъ Гельдернъ, имѣли большое вліяніе на развитіе поэта. Уже дѣтскія впечатлѣнія Гейне, составившіяся изъ несходныхъ картинъ и событій, подготовили будущаго поэта съ его мечтами, съ его любовью къ свободѣ, съ его часто циничнымъ смѣхомъ.

Дѣтство.

Первыя романтическія грёзы навѣялъ на него Рейнъ, о которомъ ходило столько преданій и сказокъ, между прочимъ, легенда о прекрасной Лорелеѣ. Она очаровывала своей пѣсней моряковъ, которые погибали, заслушавшись ея пѣнія. Сосѣдка Іоганна, у ногъ которой любилъ сидѣть маленькій Гарри (такъ называли Гейне въ семьѣ) знала самыя прелестныя сказки. «И когда она,—вспоминаетъ впослѣдствіи поэтъ,—указывала бѣлой рукой черезъ окошко на горы, гдѣ происходило все, что она разсказывала, то со мною самимъ совершалось что-то волшебное: старые рыцари явственно вставали изъ развалинъ замковъ и били другъ друга въ желѣзную броню, Лорелея снова стояла на вершинѣ горы и пѣла свою очаровательно-губительную пѣсню, Рейнъ шумѣлъ такъ умноуспокоительно и въ то же время дразня до дрожи—и прекрасная Іоганна смотрѣла на меня такъ странно, такъ таинственно, такъ загадочно-привѣтно, какъ будто сама она принадлежала къ загадочному міру, о которомъ говорила мнѣ». Рейнъ и его легенды соотвѣтствовали душѣ ребенка, одареннаго богатымъ романтическимъ воображеніемъ. Какъ многіе поэты, Гейне рано началъ влюбляться, и его произведенія полны воспоминаній о женскихъ образахъ, которые съ дѣтства врываются въ его жизнь. Изъ этихъ образовъ выдѣляется маленькая Вероника, смерть которой оставила въ душѣ его неизгладимый слѣдъ. «Вы не можете себѣ представить, сударыня, какъ хороша была маленькая Вероника, когда она лежала въ своемъ гробикѣ. Свѣчи, горѣвшія вокругъ, бросали мерцающій блескъ на блѣдное смѣющееся личико, на шелковыя розетки и золотыя блестки, которыми украсили ея головку и бѣлую рубашечку. Набожная Урсула (няня Гейне) повела меня вечеромъ въ безмолвную комнату, и, когда я увидѣлъ маленькій трупъ, выставленный на столѣ, посреди свѣчей и цвѣтовъ, то подумалъ сначала, что это какой-нибудь священный образъ изъ воска, но скоро узналъ милое лицо и спросилъ, отчего маленькая Вероника безмолвна? И Урсула отвѣчала мнѣ: «Это дѣлаетъ смерть».

И въ эту богатую внутреннюю жизнь ребенка, полнаго романтическихъ грезъ и романтической любви, ворвались рано впечатлѣнія иного рода, которыя поселили въ немъ ненависть къ тогдашней нѣмецкой дѣйствительности и любовь къ Франціи, какъ носительницѣ идей свободы и справедливости. Нѣмецкая

жизнь была безцвѣтна, Германіей управляли маленькіе государи, въ школахъ не слышно было живого слова, въ обществѣ не было никакихъ интересовъ. Гейне впослѣдствіи насмѣшливо вспоминалъ о школьномъ преподаваніи. Онъ завидовалъ римлянамъ, которые уже съ дѣтства знали всѣ особенности латинскаго языка, и которымъ «навѣрное не хватило бы времени завоевать

Генрихъ Гейне.

вселенную, если бы имъ пришлось сначала выучиться латинскому языку». Неправильные глаголы, по его словамъ, отличались отъ правильныхъ только тѣмъ, что за нихъ больше сѣкутъ. Относительно греческаго языка онъ соглашался съ средневѣковыми монахами, что онъ—«изобрѣтенье дьявола». Изъ этихъ воспоминаній видно, какую любовь къ наукѣ вынесъ онъ изъ дюссельдорфской школы, гдѣ получилъ свое первоначальное образованіе. И неудивительно, что, когда войска Наполеона яви-

лись въ Германію, они поразили воображеніе ребенка, какъ что-то сказочное, среди мертваго затишья нѣмецкой жизни. Впослѣдствіи онъ насмѣшливо вспоминалъ объ удаленіи маленькаго нѣмецкаго князя, который до появленія французовъ безпечно и безплодно проживалъ въ своемъ княжествѣ, и неизгладимое впечатлѣніе оставило въ немъ вошедшее въ Дюссельдорфъ французское войско,— «этотъ веселый народъ славы, исходившій міръ съ пѣснями и музыкой—эти весело-серьезныя лица гренадеровъ, медвѣжьи шапки, трехцвѣтныя кокарды, сверкающіе штыки».

Университетъ.

Послѣдующая жизнь Гейне только укрѣпила эти впечатлѣнія дѣтства. Изъ Дюссельдорфа Гейне попадаетъ въ университетъ. Сначала онъ учится въ Боннѣ, затѣмъ въ Геттингенѣ и, наконецъ въ берлинскомъ университетѣ. Но еще до его поступленія въ университетъ отецъ пытался приспособить будущаго поэта къ какому-нибудь дѣлу, и его отдаютъ въ банкирскую контору, а затѣмъ въ бакалейный складъ въ торговомъ нѣмецкомъ городѣ, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Нетрудно догадаться, сколько горечи и насмѣшливаго отношенія къ жизни развилось въ Гейне, когда онъ, одаренный великимъ поэтическимъ талантомъ и геніальнымъ остроуміемъ, очутился за прилавкомъ. Всегда жившее въ немъ разочарованіе усиливалось при видѣ тяжелаго и унизительнаго положенія, въ которомъ находились франкфуртскіе евреи, гонимые и безправные. И въ этомъ вопросѣ его душу мучилъ разладъ. Прошлое еврейскаго народа, его многовѣковая исторія, отмѣченная страданіями и геройзмомъ, его геніи,—все это было предметомъ гордости Гейне. Но съ другой стороны, онъ презиралъ своихъ франкфуртскихъ единовѣрцевъ за ихъ торгашескій духъ. Впослѣдствіи Гейне перешелъ въ христіанство, и этотъ переходъ, совершенный отчасти изъ расчета, отчасти изъ убѣжденія въ превосходствѣ христіанской культуры, совершился не безъ колебаній и былъ также одной изъ причинъ страданія для Гейне. Университеты, въ которыхъ тоже по большей части царствовали старые пріемы преподаванія и читали бездарные профессора, мало способствовали тому, чтобы измѣнить взгляды Гейне на нѣмецкую дѣйствительность. Впрочемъ, университеты уже тогда имѣли въ средѣ своихъ профессоровъ нѣсколькихъ выдающихся ученыхъ и философовъ, напр., Шлегеля, знаменитаго вождя романтической школы. И если Гейне съ глубокой грустью смотрѣлъ на нѣмецкую политическую и общественную жизнь, то онъ научился цѣнить и уважать нѣмецкую философію и науку. Если прибавить ко всему этому, что Гейне неудачно влюбился въ свою двоюродную сестру Амалію, что онъ постоянно

нуждался въ деньгахъ пользовался поддержкой отца Амаліи, своего богатаго дяди Соломона Гейне, котораго въ душѣ презиралъ, и предъ которымъ приходилось унижаться,—то мы соберемъ почти всѣ тѣ причины, подготовившія его поэзію, въ которой переплетаются и нѣжная любовь, и романтическія грезы и горькій безпощадный смѣхъ надъ всѣмъ міромъ и надъ самимъ собою, и надъ своими фантазіями.

Путешествіе и „Путевыя картины".

Тоскуя на родинѣ, Гейне уѣхалъ путешествовать. Онъ побывалъ и въ Англіи, и въ Италіи. И этимъ путешествіемъ было навѣяно его первое крупное произведеніе «Путевыя картины». Это были путевыя замѣтки. Они произвели огромное впечатлѣніе и всколыхнули всю Германію. Гейне жестоко осмѣялъ въ нихъ всю пошлость нѣмецкой жизни. Онъ безпощадно издѣвался надъ дворянами, тупыми и самоувѣренными, надъ буржуазіей, погруженной въ свои торгашескіе интересы, надъ правительствами нѣмецкихъ княжествъ, которыя поддерживали этотъ застой. Онъ прославлялъ французскую революцію и Наполеона, котораго обожалъ во-первыхъ, потому, что онъ рисовался его романтическому воображенію сказочнымъ героемъ, а главное за то, что Наполеонъ повсюду, гдѣ являлся, приносилъ освободительныя идеи революціи, устанавливалъ новые суды, освобождалъ отъ гнета евреевъ и т. д.

„Книга пѣсенъ".

Почти въ одно время съ «Путевыми картинами» появилось и собраніе стихотвореній Гейне, его величайшее созданіе «Книга пѣсенъ», которая сдѣлала его имя извѣстнымъ всему міру, и которая переведена на всѣ главные языки. У насъ въ Россіи лучшіе поэты до сихъ поръ не перестаютъ переводить безсмертныя пѣсни этой книги. Трудно въ краткомъ очеркѣ передать всѣ красоты гейневской поэзіи. Ея содержаніе—любовь, природа, особенно красота моря. Но главная красота ея въ сопоставленіи мечты и дѣйствительности, въ горькомъ смѣхѣ надъ тѣмъ, что грубая жизнь ежеминутно оскорбляетъ всякій восторженный порывъ человѣка. Остановимся подробнѣе на одномъ изъ стихотвореній «Морское видѣніе». Поэтъ лежитъ у борта корабля и смотритъ въ зеркально-чистую морскую воду. И вотъ его романтическому воображенію чудится, что изъ волнъ моря выступаетъ старинный городъ. Показались куполы и башни.

Тамъ въ черныхъ мантіяхъ серьезные мужчины,
Съ брыжжами бѣлыми, почетными цѣпями,
Мечами длинными и лицами такими жъ

По площади, кишащей пестрымъ людомъ.
Шагаютъ къ ратушѣ съ крыльцомъ высокимъ,
Гдѣ каменныя статуи царей
Стоятъ на-сторожѣ съ мечемъ и скиптромъ.

Ему чудится «старый домъ съ высокими стѣнами, меланхолически пустынный, гдѣ только дѣвушка у нижняго окна сидитъ, склонивши на руку головку, какъ бѣдное, забытое дитя. «Онъ искалъ ее по всей землѣ, всегда любимую, давно потерянную и снова обрѣтенную». И въ то время, какъ его поэтическая греза достигаетъ высшей красоты, жизнь грубо врывается въ нее и напоминаетъ о томъ, что мечта жалка и смѣшна въ этомъ мірѣ.

Тебя нашелъ я и смотрю опять
На милый образъ твой,
На умные и вѣрные глаза,
На милую улыбку...
Теперь съ тобой я не разстанусь больше,
И на морское дно къ тебѣ сойду,
И кинусь я, раскрывъ объятья,
Къ тебѣ на грудь...
Но во-время какъ разъ меня
Схватилъ за ногу капитанъ
И оттащилъ отъ борта,
И крикнулъ мнѣ, сердито засмѣявшись:
«Да что вы, помѣшались, докторъ?»

Во Франціи.

«Путевыя картины», взволновавшія все нѣмецкое общество, создали Гейне не мало враговъ, задѣтыхъ его язвительными злыми насмѣшками. Правительство тоже встревожилось. Во многихъ нѣмецкихъ государствахъ «Путевыя картины» были запрещены. Самъ Гейне, видя себя окруженнымъ врагами, не чувствуя даже себя безопаснымъ, рѣшилъ покинуть Германію. Въ 1830 году во Франціи вспыхнула революція, при чемъ былъ свергнутъ съ престола король Карлъ, пытавшійся возродить прежнюю силу королевской власти и дворянства. Эта революція вдохновила Гейне. Франція, которую онъ любилъ съ дѣтства, рисовалась ему страной свободы и правды. И онъ уѣхалъ туда, для того, чтобы никогда уже не вернуться на свою угнетенную родину. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ меньше поэтомъ и больше политическимъ борцомъ. Онъ совершилъ тотъ подвигъ, который не разъ совершали великіе писатели XIX вѣка, покидавшіе мечту для боевого общественнаго дѣла. Онъ самъ писалъ впослѣдствіи обращаясь къ Аполлону, богу поэтовъ: «Тебѣ извѣстно, почему то пламя, которое нѣкогда плѣняло міръ въ видѣ блестящихъ

фейерверковъ, внезапно пошло на гораздо болѣе серьезные пожары... Тебѣ извѣстно, почему пожираетъ оно мое сердце молчаливымъ огнемъ... Ты понимаешь меня, великій, прекрасный богъ, ты, который тоже по временамъ смѣнялъ золотую лиру на мощный лукъ и смертоносныя стрѣлы».

Французскія дѣла.

Изъ Парижа Гейне сталъ писать письма въ «Аугсбургскую Газету». Въ этихъ письмахъ, описывая событія французской политической жизни, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ являлся проповѣдникомъ идей свободы и равенства. Эти письма имѣли зажигательное дѣйствіе на германскую молодежь. Образовалась цѣлая литературная школа «Молодая Германія», среди которой находились даровитые молодые писатели Гуцковъ, Лаубе и другіе. Правительство подвергло преслѣдованіямъ членовъ этой школы, а относительно Гейне издало приказъ, запрещавшій ввозъ въ Германію не только вышедшихъ, но и всѣхъ будущихъ произведеній Гейне. Но не только правительство преслѣдовало Гейне. Многіе единомышленники его находили, что онъ пишетъ слишкомъ умѣренно, что онъ измѣнилъ своимъ взглядамъ. Распространилась даже злостная клевета, будто Гейне продался французскому правительству и защищаетъ въ письмахъ его интересы. Отчасти Гейне самъ способствовалъ такимъ слухамъ своими выходками и насмѣшками, въ которыхъ не щадилъ и своихъ друзей, а также тѣмъ, что его поэтическая душа не могла вполнѣ разстаться съ прошлымъ, и онъ не разъ возвращался къ своимъ романтическимъ грезамъ и забывалъ для поэзіи и фантазіи свою роль политическаго писателя. Онъ собралъ свои письма и издалъ ихъ отдѣльной книгой, подъ заглавіемъ «Французскія дѣла», для того, чтобы всѣ видѣли, что въ цѣломъ онъ всегда оставался вѣренъ идеалу свободы и равенства. Быть-можетъ, ничто такъ хорошо не опредѣляетъ общаго настроенія этихъ писемъ, какъ тотъ отрывокъ, въ которомъ онъ говоритъ о соціалистахъ и коммунистахъ. Гейне не разъ высказываетъ глубокое убѣжденіе, что имъ предстоитъ разрушить старый міръ, что за ними правда и исторія, но въ то же время онъ зналъ, что этотъ переворотъ нанесетъ страшный ударъ ему и его поэтическимъ склонностямъ... «Съ ужасомъ и трепетомъ думаю я о томъ времени, когда эти мрачные иконоборцы достигнутъ господства; своими грубыми руками они безпощадно разобьютъ всѣ мраморныя статуи красоты, столь дорогія моему сердцу; они разрушатъ всѣ тѣ фантастическія игрушки искусства, которыя такъ любилъ поэтъ; они вырубятъ мои олеандровыя рощи и станутъ сажать въ нихъ картофель; лиліи, которыя не занимались никакой пря-

жей и никакой работой и, однакоже, были одѣты такъ великолѣпно, какъ царь Соломонъ во всемъ своемъ блескѣ, будутъ вырваны изъ почвы общества, развѣ только онѣ захотятъ взять въ руки веретено; розъ, этихъ праздныхъ невѣстъ соловьевъ, постигнетъ такая же участь; соловьи, эти безполезные пѣвцы, будутъ прогнаны, и—увы! изъ моей «Книги пѣсенъ» бакалейный торговецъ будетъ дѣлать пакеты и всыпать въ нихъ кофе и нюхательный табакъ для старыхъ бабъ будущаго. Увы! я предвижу все это, и несказанная скорбь охватываетъ меня, когда я думаю о погибели, которою побѣдоносный пролетаріатъ угрожаетъ моимъ стихамъ, которые сойдутъ въ могилу вмѣстѣ со всѣмъ старымъ романтическимъ міромъ. И несмотря на то—сознаюсь откровенно—этотъ самый коммунизмъ, до такой степени враждебный моимъ склонностямъ и интересамъ, пропзводитъ на мою душу чарующее впечатлѣніе, отъ котораго я не могу освободиться... Страшный силлогизмъ (умозаключеніе) держитъ меня въ своихъ волшебныхъ цѣпяхъ, и не будучи въ состояніи опровергнуть положенія, что «всѣ люди имѣютъ право ѣсть», я принужденъ покориться и всѣмъ выводамъ, вытекающимъ изъ него. Думая объ этомъ, я рискую сойти съ ума, я вижу, какъ всѣ демоны истины съ тріумфомъ пляшутъ вокругъ меня, и, наконецъ, великодушное отчаянье овладѣваетъ моимъ сердцемъ, п я восклицаю: обвинительный приговоръ давно уже произнесенъ надъ этимъ старымъ обществомъ. Да свершится правосудіе! Да разобьется этотъ старый міръ, въ которомъ невинность погибала, эгоизмъ благоденствовалъ, человѣкъ эксплоатировалъ человѣка! Да будутъ разрушены до основанія эти мавзолеи, въ которыхъ господствовала ложь и неправда, п да благословенъ будетъ торговецъ, который станетъ нѣкогда изготовлять изъ моихъ стиховъ пакетъ и всыпать въ нихъ кофе и табакъ для бѣдныхъ честныхъ старухъ, которыя въ нашемъ теперешнемъ, неправедномъ мірѣ, можетъ-быть, должны были отказывать себѣ въ такихъ удовольствіяхъ».

Иныя произведенія этого періода.

Считая своимъ долгомъ распространять въ Германіи французскія освободительныя идеи, Гейне въ то же время стремился познакомить французовъ съ нѣмецкой поэзіей и философіей. Онъ сохранялъ горячую любовь къ покинутой имъ родинѣ и въ дѣлѣ духовнаго сближенія обоихъ народовъ видѣлъ свою задачу. Для этой цѣли онъ написалъ на французскомъ языкѣ свои книги «Романтическая школа» и «Къ исторіи религіи и философіи въ Германіи». Въ первой изъ этихъ книгъ онъ осмѣялъ заблужденія романтиковъ и ихъ самихъ, въ томъ числѣ и своего учителя Шлегеля. Этой

книгой онъ похоронилъ романтизмъ, изъ котораго самъ вышелъ и который такъ любилъ въ душѣ. Не прекращалась и его поэтическая дѣятельность. Онъ выпускалъ въ свѣтъ новыя стихотворенія и написалъ поэму «Зимняя сказка», злую сатиру на тогдашней строй жизни въ Германіи. Правительство еще болѣе возненавидѣло безпокойнаго поэта. И во всѣхъ пограничныхъ городахъ находился приказъ объ арестѣ Гейне на случай, если бы онъ вздумалъ пріѣхать въ Германію.

Послѣдніе годы жизни поэта.

Преслѣдованія, злоба и клеветы многочисленныхъ враговъ, въ связи съ его собственными увлеченіями, въ особенности съ излишествами въ любовныхъ наслажденіяхъ, рано подорвали здоровье поэта. Почти десять послѣднихъ лѣтъ своей жизни Гейне провелъ въ постели, томимый страшнымъ недугомъ, переживая нечеловѣческія страданія. Онъ едва видѣлъ лѣвымъ глазомъ, тогда какъ правый почти закрылся, челюсти были парализованы, спинной хребетъ искривленъ. Въ ужасныхъ мукахъ онъ скончался въ 1856 году. До сихъ поръ еще имя Гейне служитъ предметомъ страстныхъ споровъ, пламеннаго поклоненія съ одной стороны и злобной ненависти — съ другой. Вопросы, затронутые въ его статьяхъ, остаются еще жгучими вопросами и для нашего времени, и этимъ объясняется, что онъ и въ данный моментъ еще возбуждаетъ общество, хотя уже умеръ полвѣка тому назадъ. Но зато въ настоящее время уже никто не споритъ противъ того, что Гейне былъ великимъ поэтомъ, отразившимъ въ своихъ дивныхъ пѣсняхъ душу современнаго человѣчества.

XIV. Эмиль Зола.

Реализмъ въ литературѣ.

Мы уже указывали, что въ XIX вѣкѣ точное знаніе сдѣлало крупные успѣхи. Въ литературѣ съ этими успѣхами связано торжество реализма. Художественная литература стремится приблизиться къ точному знанію и ставитъ своей задачей изученіе дѣйствительности. Во всей Европѣ появляется рядъ писателей-реалистовъ, которые проникаютъ во всѣ уголки жизни, часто посвящаютъ свою жизнь спеціально изображенію какой-нибудь отдѣльной группы общества, напр., крестьянской, рабочей, военной среды и т. д. Литература какъ бы становится сотрудницей науки, собираетъ факты и матеріалы. Любимой формой писателей-реалистовъ является романъ, потому что въ эту форму особенно удобно укладываются разнообразныя и сложныя требованія реализма. Въ романѣ можно прервать раз-

сказъ о жизни выведенныхъ героевъ разсужденіями, доказательствами, ссылками на документы, что трудно сдѣлать въ стихотвореніи или драмѣ. Достаточно вспомнить, что нашъ великій художникъ-реалистъ Толстой наполняетъ свой крупнѣйшій романъ «Войну и миръ» историческими разсужденіями, прозаическими документами и т. д. Всѣ европейскія націи выдвинули многочисленныхъ романистовъ (въ Англіи: Диккенсъ, Теккерей, Эліотъ, во Франціи: Бальзакъ, Флоберъ, отчасти Жоржъ Зандъ, въ Германіи: Гауптманъ, Ауэрбахъ, въ Италіи: Манцони и многіе другіе), которые, въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, создали огромную литературу романовъ, озарившую всѣ уголки жизни буржуазнаго общества.

Эмиль Зола.

Эмиль Зола является самымъ яркимъ выразителемъ этого теченія. Онъ изъ всѣхъ видовъ художественной литературы выше всего ставитъ романъ, такъ какъ его «гибкія рамки вмѣщаютъ всю сумму современныхъ знаній»; романъ «включаетъ въ себя одновременно и поэзію, и науку», представляетъ собою и поэму, и трактатъ по патологіи и анатоміи, и политическое орудіе, и проповѣдь».

Самая жизнь Зола и его способъ работы чрезвычайно характерны для дѣлового буржуазнаго и научнаго вѣка. Это былъ писатель-ремесленникъ, добросовѣстный труженикъ, который не имѣлъ понятія о вдохновеніи, о творческомъ капризѣ, писалъ свои романы въ назначенные часы, правильно распредѣлялъ свое время между трудомъ и отдыхомъ, и прежде чѣмъ изображать какую-нибудь мѣстность, историческое событіе или человѣческую страсть, онъ изучалъ ихъ, какъ ученый, по книгамъ или при помощи тщательныхъ наблюденій и опытовъ. Поэты-романтики пришли бы въ ужасъ отъ такого отношенія къ своему творчеству. Они вѣрили, что поэтъ является пророкомъ, что всякое его произведеніе внушено ему нездѣшней высшей силой, что оно представляетъ собою какъ бы голосъ съ неба, переданный на землю черезъ поэта. Писатель-реалистъ смотритъ на свои произведенія, какъ на полезный трудъ, требующій знаній, выучки и извѣстныхъ пріемовъ. Кромѣ того, онъ, не стѣсняясь, считаетъ его своимъ ремесломъ, средствомъ заработка и карьеры. Сказанія о непризнанныхъ поэтахъ-пророкахъ, незнающихъ житейской «пошлости и прозы», отвергнутыхъ толпой, нищихъ, бѣгущихъ въ пустыню, отходятъ въ область исторіи. Человѣкъ съ желѣзной волей, вооруженный энергіей для сложной борьбы за существованіе въ большомъ городѣ, Зола составилъ себѣ огромное состояніе, пріобрѣлъ славу и вліяніе не столько вдохновеніемъ и талантомъ, сколько удивительной работоспособностью и трудолюбіемъ.

Біографія Зола. Онъ родился 2 апрѣля 1840 года въ Эксѣ на югѣ Франціи. Отецъ его былъ инженеромъ и энергичнымъ дѣльцомъ, но онъ умеръ, когда будущему писателю было всего семь лѣтъ, и маленькому Эмилю рано пришлось познакомиться съ нуждой. Получивъ образованіе сначала въ мѣстномъ пансіонѣ, а потомъ въ гимназіи, Зола въ 1858 году, гони-

Эмиль Зола.

мый нуждой, отправился искать счастья въ Парижъ. Здѣсь ему пришлось пережить годы бѣдности и униженій, но зато здѣсь же онъ основательно познакомился съ литературой, закалился для борьбы съ жизнью и сошелся съ литературными дѣятелями, которые обратили вниманіе на его литературный талантъ. Начинается та борьба за существованіе, которая такъ обычна для писателя новаго типа, для писателя-работника,—та борьба, которую вели и Диккенсъ, и Теккерей, и Бальзакъ. Зола начинаетъ свою

карьеру приказчикомъ у крупнаго издателя Гашета, гдѣ занятъ заворачиваніемъ книгъ. Но вскорѣ нѣсколько критическихъ статей, напечатанныхъ Зола, обратили на него вниманіе публики, и онъ пріобрѣтаетъ извѣстность. А когда появился его первый романъ «*Тереза Ракенъ*» въ 1867 году, на Зола обрушилась тогдашняя критика, и благодаря этому онъ еще болѣе сдѣлался предметомъ общественнаго вниманія. Романъ этотъ изображалъ страшное преступленіе двухъ влюбленныхъ, убившихъ человѣка, стоявшаго на пути къ ихъ союзу, и ставшихъ жертвой мукъ своей собственной совѣсти. Зола выступилъ здѣсь впервые грубымъ натуралистомъ. Животная природа человѣка, сладострастіе и звѣриные инстинкты были изображены во всей своей голой, безстыдной правдѣ, всѣ вещи названы своими именами, безъ прикрасъ, безъ смягченія. Критика негодовала на эту откровенность, обвиняла Зола въ безстыдствѣ и грубости. Но самый шумъ, поднятый этимъ романомъ, свидѣтельствовалъ о томъ, что въ лицѣ Зола народилась новая могучая литературная сила, явился вождь новаго направленія, которое вполнѣ согласовалось съ общимъ научнымъ направленіемъ эпохи.

Вскорѣ Зола задумываетъ написать цѣлый рядъ романовъ, связанныхъ одной общей мыслью. Онъ хочетъ представить наглядно исторію современной семьи и приступаетъ къ дѣлу, какъ настоящій ученый. Онъ перечитываетъ книги по медицинѣ и физіологіи, составляетъ точный планъ и изображаетъ ту распущенность, страсть къ наслажденіямъ и нервную возбудимость, которыя характеризуютъ современнаго человѣка, показываетъ, какъ это первоначальное поврежденіе передается по наслѣдству новымъ членамъ семьи, какъ оно производитъ новыя измѣненія въ нервной системѣ и въ крови подъ вліяніемъ окружающей среды. Словомъ, страсти, борьба, злоба, все то, что до Зола художники изображали въ качествѣ отдѣльныхъ явленій,—все это теперь представлялось, какъ цѣпь причинъ и слѣдствій, въ основѣ которыхъ лежатъ основныя причины: наслѣдственность и общественный строй. Всѣхъ романовъ, изображающихъ исторію семьи *Ругонъ Макаровъ*, было написано двадцать. Романы выходили приблизительно по одному въ годъ, начиная съ 1871 года, когда вышелъ первый изъ нихъ «Карьера Ругоновъ». Въ слѣдующемъ 1872 году вышелъ второй романъ «La Curée» («Доля добычи, отдаваемая охотничьей собакѣ») въ 1873 г.—третій: «Брюхо Парижа» и т. д. Наибольшей извѣстностью изъ серіи «Ругонъ-Макаровъ» пользуются романы: «Западня» («Assomoir»), «Нана», «Кипящій горшокъ» («Pot-Bouille», по другимъ переводамъ «Домашній очагъ»), «Для счастья дамъ», «Жерминаль», «Земля»,

«Человѣкъ-звѣрь», «Деньги», «Разгромъ». Послѣдній романъ: «Докторъ Паскаль» вышелъ въ 1893 году. Несмотря на упорную работу, Зола долго не могъ разстаться съ нуждой, и только благодаря поддержкѣ издателя Шарпантье, ему удалось выбиться на дорогу и довести до конца всю серію своихъ романовъ, изъ которыхъ многіе переведены на главные языки всего міра и расходятся въ сотняхъ тысячахъ экземпляровъ.

Конецъ жизни Зола, когда онъ уже сталъ знаменитымъ и богатымъ человѣкомъ, ознаменованъ благороднымъ подвигомъ. Онъ вступился за невинно-осужденнаго офицера Дрейфуса, который, за свое еврейское происхожденіе благодаря стараніямъ іезуитовъ и лжепатріотовъ, былъ обвиненъ въ измѣнѣ, опозоренъ и сосланъ. Зола поднялъ цѣлую бурю, какъ нѣкогда Вольтеръ по дѣлу Калласа, подвергся жестокимъ преслѣдованіямъ, принужденъ былъ даже на время бѣжать, но, въ концѣ-концовъ, вмѣстѣ съ другими энергичными и благородными людьми раскрылъ лживость и лицемѣріе католическаго духовенства, продажность высшихъ чиновъ арміи и правительства, добился пересмотра процесса и оправданія Дрейфуса. Въ 1902 г. Зола умеръ, благодаря несчастной случайности, ставъ жертвой угара. Его похороны были грандіознымъ національнымъ торжествомъ, которое представляется особенно замѣчательнымъ, если припомнить, что незадолго до его смерти толпа, натравливаемая іезуитами, готова была растерзать защитника справедливости.

Натурализмъ Зола.

Зола считается вождемъ такъ называемой натуралистической школы, т.-е. того литературнаго направленія, которое восприняло идеи реализма и дало имъ еще болѣе яркое и законченное выраженіе. Зола самъ опредѣлилъ натурализмъ въ своихъ двухъ сочиненіяхъ: «Экспериментальный романъ» и «Романисты-натуралисты». Основная мысль его сводится къ тому, что романистъ долженъ обращаться съ своими героями, какъ ученый естествоиспытатель, т.-е. пользоваться, подобно химику, наблюденіемъ и опытомъ. Подобно изслѣдователю, романистъ долженъ устранить изъ своего творчества фантазію и примѣнять къ изученію духовной жизни тѣ же пріемы, какіе наука примѣняетъ къ изслѣдованію матеріальной природы. Романистъ не долженъ негодовать на героевъ вредныхъ и безнравственныхъ, подобно тому, какъ химикъ не сердится на хлоръ за то, что онъ вреденъ человѣку. Романистъ только указываетъ связь явленій, слѣдствія, вытекающія изъ тѣхъ или другихъ причинъ, а ужъ общество можетъ принять мѣры противъ вредныхъ послѣдствій. Зола думаетъ, что, поставивъ предъ собою такія задачи, литература принесетъ огромную

пользу, она «овладѣетъ явленіями умственныхъ и личныхъ свойствъ человѣка» съ цѣлью ихъ исправленія, раскроетъ «механизмъ» каждой данной страсти и покажетъ съ помощью опыта, какъ проявляется та или иная страсть въ данной общественной средѣ. Она представитъ обществу вѣрныя данныя о человѣкѣ и жизни, и общество будетъ знать, чѣмъ руководиться, какъ предупреждать опасности, какъ бороться со зломъ и увеличивать добро. Писатель-натуралистъ не поучаетъ, не проповѣдуетъ, и, тѣмъ не менѣе, его вліяніе огромно. Естествоиспытатель не учитъ остерегаться пороха, онъ просто обнаруживаетъ предъ всѣми его разрушительное дѣйствіе, и отъ этого заслуга его не меньше.

Само собою разумѣется, что такое полное отождествленіе литературы съ наукой ошибочно. Надъ веществами можно производить опыты, и въ случаѣ сомнѣнія относительно какого-нибудь вывода можно провѣрить его при помощи новаго опыта. Но какъ произвести опытъ надъ той или другой страстью или душевнымъ переживаніемъ? Какъ убѣдиться, что въ данной средѣ ея послѣдствія будутъ именно тѣ, а не другія? Какъ поставить ее въ желательныя для насъ условія для провѣрки нашихъ выводовъ посредствомъ опыта? Наука и художественная литература имѣютъ каждая свои особые пріемы. Тѣмъ не менѣе натурализмъ сыгралъ важную роль, сблизивъ литературу съ жизнью, подчеркнувъ необходимость точнаго и правдиваго изображенія дѣйствительности.

Романы Зола.

Самъ Зола слѣдовалъ высказаннымъ имъ требованіямъ въ своихъ романахъ. Его «Ругонъ-Макары»—не только грандіозная картина французскаго общества, но и замѣчательная попытка выяснить смыслъ современной буржуазной жизни. Онъ приступилъ къ дѣлу, какъ настоящій ученый. Для «Брюха Парижа» онъ изучалъ рынокъ, для «Разгрома» ѣздилъ въ тѣ мѣста, гдѣ происходили битвы между нѣмцами и французами во время войны 1870 года, и т. д. Всѣ общественныя группы сверху до самыхъ низовъ изображены Зола, и черезъ всѣ его романы проходитъ одно основное настроеніе, одинъ основной взглядъ. Міръ представляется ему полемъ грандіозной борьбы за существованіе, полемъ, въ которомъ царитъ безпощадная конкуренція (т.-е. соперничество); всѣ стараются опередить другъ друга, захватить какъ можно лучшее мѣсто, воспользоваться какъ можно большимъ количествомъ наслажденій. Зола не становится на чью-либо сторону, онъ не пытается доказать, что рабочіе или крестьяне лучше капиталистовъ или аристократовъ, что первыхъ притѣсняютъ вторые и т. д. Онъ вѣренъ себѣ. Онъ не проповѣдуетъ. Онъ просто изображаетъ глубину паденія общества

въ его цѣломъ, показываетъ, въ какую бездну стремится буржуазный міръ. Онъ показываетъ, какъ въ этой бѣшеной погонѣ за наслажденіями, въ этомъ безумномъ стремленіи обогнать другъ друга возникаютъ преступники, люди съ извращенными страстями, алкоголики, садисты, «человѣки-звѣри». Онъ всегда равнодушенъ, никого не осуждаетъ. И, тѣмъ не менѣе, въ немъ чувствуется боевой пылъ, пылъ ученаго, который, при всемъ безпристрастіи своемъ, проникнутъ страстнымъ стремленіемъ къ истинѣ и ненавистью ко лжи. Зола, дѣйствительно, разрушаетъ буржуазный строй самымъ собраніемъ фактовъ и документовъ, хотя и не указываетъ никакого выхода, или оказывается слабымъ, когда хочетъ указать таковой.

Крестьянство изображено Зола въ романѣ «Земля» и изображено въ самомъ мрачномъ цвѣтѣ. Жадность—главная движущая сила въ этой средѣ. Дѣти стремятся захватить деньги отца и матери и ускоряютъ ихъ смерть. Не лучше относятся другъ къ другу и другіе родственники, готовые растерзать одинъ другого изъ-за копейки. Въ романѣ «Жерминаль» передъ нами рабочіе. Въ изображеніи Зола они плоть отъ плоти буржуазнаго общества. Нищета и невѣжество дѣлаютъ только еще болѣе ужасными и отвратительными людскіе пороки въ этой обстановкѣ. Здѣсь тотъ же разгулъ животныхъ страстей, та же взаимная злоба и готовность растерзать другъ друга за частицу животнаго наслажденія. Въ темной шахтѣ, какъ два звѣря, набрасываются другъ на друга двое рабочихъ-соперниковъ, полюбившихъ одну дѣвушку. Окраины столицы, мастерскія, прачечныя, гдѣ гибнутъ въ пьянствѣ и развратѣ мужчины и дѣвушки, изображены въ романѣ «Западня» (Assommoir). Эта среда ничѣмъ не отличается отъ богатыхъ дворцовъ буржуазіи и родовитой аристократіи. Здѣсь такъ же всѣ ищутъ опьяненія и преданы сладострастію. Здѣсь начала въ цвѣточной мастерской свою карьеру Нана, героиня одного изъ наиболѣе извѣстныхъ романовъ Зола. Именно на ея судьбѣ авторъ показываетъ, какъ большой городъ, это созданіе буржуазіи, отравляетъ своимъ ядовитымъ дыханіемъ всѣ слои общества, заражаетъ своими больными вкусами всѣхъ отъ милліонеровъ и маркизовъ до крестьянъ и рабочихъ. Нана, чистая молоденькая дѣвочка, чувствовала, какъ пьянѣетъ, когда ей приходилось слушать соблазнительные разговоры развратныхъ мастерицъ въ растрепанныхъ шиньонахъ и затасканныхъ юбкахъ. Идя по улицамъ Парижа, она чувствовала, что блестящія витрины магазиновъ, грохотъ каретъ, нарядные туалеты и блескъ огней ослѣпляютъ и опьяняютъ ее, и ей казалось, что горячая струя поднималась вдоль ея бедеръ отъ мостовой.

Торговый міръ съ его жаждой наживы, съ его обманами, съ его расчетомъ на суетность и моду, съ грязными интригами среди служащихъ, изображенъ въ романѣ «Для счастья дамъ»; міръ средней буржуазіи—въ романѣ «Домашній очагъ». Здѣсь изображенъ большой домъ, населенный «порядочными» семействами, гдѣ нѣтъ нищеты и невѣжества, гдѣ снаружи все прилично и благопристойно. Но стоитъ заглянуть поглубже въ жизнь обитателей этого дома—и предъ нами развернется уже знакомая намъ картина алчности, эгоизма и бѣшеной погони за наслажденіями. Здѣсь жадность и развратъ принимаютъ только другія формы, чѣмъ въ крестьянской и рабочей средѣ. Здѣсь выведены дочери приличной семьи, занятыя мыслью о томъ, чтобы ложью и притворствомъ поймать себѣ богатыхъ женіховъ; здѣсь предъ нами мать, отказывающая домашнимъ во всемъ, лишь бы только понаряднѣе одѣть дочекъ, надуть женіховъ показнымъ благополучіемъ. Здѣсь отвратительное лживое ухаживаніе за богатымъ родственникомъ; здѣсь юноши, которые соблазняютъ чужихъ женъ, не потому что онѣ имъ нравятся, а потому, что это дешево и удобно; здѣсь раздавлены искреннія чувства и благородные порывы въ самомъ зародышѣ,—все выравнивается подъ одну мѣрку, всѣ чувства, всѣ отношенія вдвигаются въ тѣ рамки расчета и торгашества, въ которыя втиснула весь міръ буржуазія съ тѣхъ поръ, какъ овладѣла міромъ.

И чѣмъ ближе къ верхамъ общества, тѣмъ яснѣе чувствуется власть золота и безпощадной борьбы, воцарившаяся въ буржуазномъ строѣ общества. Въ романѣ «Деньги» предъ нами милліонеры, банкиры, властвующіе надъ міромъ. Это—хищники болѣе высокаго полета. Они строятъ свои расчеты на человѣческой жадности. Они затѣваютъ огромныя предпріятія и сулятъ тѣмъ, кто внесетъ деньги, большіе барыши. Предпріятія оказываются дутыми, и тысячи довѣрчивыхъ людей, падкихъ до наживы, становятся нищими, снеся свои деньги ловкимъ хищникамъ. Зола показалъ здѣсь въ лицѣ милліонера Гундермана, до чего извратила человѣческую природу страсть къ деньгамъ. Гундермана боятся даже монархи и министры, потому что отъ него зависитъ дать взаймы милліоны цѣлымъ нуждающимся въ нихъ государствамъ. И въ то же время Гундерманъ въ сущности не пользуется ни однимъ изъ тѣхъ благъ, которыя могутъ доставить человѣку милліоны. Онъ встаетъ на разсвѣтѣ и принимается за дѣла. У него постоянно тысячи тревогъ, онъ даже не знаетъ того, изъ-за чего многіе стремятся къ богатству, ни кутежей, ни разврата, ни искусства, такъ какъ ему некогда. Деньги стали его цѣлью сами по себѣ. Этотъ новый типъ скупца, для

котораго обогащеніе стало безцѣльнымъ искусствомъ, спортомъ, не разъ выводился въ реалистической литературѣ XIX вѣка. Уже до Зола подобныя черты изобразилъ Бальзакъ въ своемъ романѣ «Евгенія Гранде». Герои романа «Деньги», въ концѣ-концовъ, даже не видятъ денегъ, золота. Они имѣютъ дѣло только съ бумагами, которыя вѣчно мелькаютъ предъ ихъ глазами. Они даже не могутъ наслаждаться блескомъ золота и мечтать надъ нимъ, какъ пушкинскій «Скупой рыцарь». Они словно бухгалтеры какой-то невидимой силы, вовлеченные въ общій водоворотъ промышленной жизни и не могущіе вырваться изъ него.

Наконецъ въ романѣ «Нана» предъ нами веселящійся Парижъ, прожигатели жизни, среди которыхъ мы застаемъ и родовитыхъ аристократовъ, наслѣдниковъ старинныхъ фамилій, и милліонеровъ, и представителей артистическаго міра, и неопытныхъ юношей, и развращенныхъ стариковъ. Всѣ эти глубоко павшіе люди поклоняются наглой и грубой женщинѣ—Нана, обладающей краснвымъ тѣломъ и умѣющей дѣйствовать на животные инстинкты. Къ ея ногамъ приносятъ свои состоянія милліонеры, свою честь—аристократы, свои лучшія чувства—еще неиспорченные юноши. Она опускается одно время такъ низко, что ее чуть не записываютъ въ число проститутокъ, а затѣмъ поднимается на неслыханную высоту богатства и власти. Высшій свѣтъ изображенъ въ видѣ похотливаго животнаго. И хотя тутъ все одѣто въ шелкъ и золото, но подъ дорогими нарядами скрывается та же грязь и алчность, какъ и въ «Землѣ» и въ «Бойнѣ».

Въ концѣ своей жизни Зола написалъ нѣсколько романовъ («Римъ», «Лурдъ», «Парижъ», «Истина» и другіе), гдѣ хотѣлъ указать обществу выходъ и выводилъ добродѣтельныхъ героевъ. Но по общему признанію критики, эти романы не отличаются достоинствами «Ругонъ-Макаровъ», въ особенности блѣдными и искусственными кажутся добродѣтельные герои въ родѣ аббата Фромана, котораго Зола противопоставляетъ распущенному обществу. Его таланту не было свойственно создавать такихъ героевъ. Онъ навсегда остался живописцемъ животной природы человѣка, а его романы составляютъ великій памятникъ, въ которомъ воплощено современное буржуазное общество и отраженъ научно-матеріалистическій духъ эпохи.

XV. Метерлинкъ и Ибсенъ.

Оба писателя, которымъ мы посвящаемъ эту послѣднюю статью, глубоко различны какъ по свойствамъ своего таланта, такъ и по своимъ воззрѣніямъ. Но если мы помѣщаемъ ихъ ря-

домъ, то дѣлаемъ это потому, что они являются наиболѣе яркими представителями того направленія европейской литературы, которое пришло на смѣну реализму, овладѣло умами европейскаго общества и не утратило своего господствующаго положенія вплоть до нашихъ дней. Это направленіе извѣстно подъ общимъ именемъ модернизма (французское слово *модернъ* значитъ *новый, современный*). Называютъ его также символическимъ или декадентскимъ.

Модернизмъ. Модернисты возстали противъ научнаго и соціальнаго направленія въ литературѣ. Они снова, подобно романтикамъ, выдвинули на первый планъ нездѣшній міръ и внутренній міръ личности и снова отвергли значеніе здѣшняго видимаго міра и общественныхъ отношеній. Самыми важными провозгласили они тѣ состоянія души, когда она чувствуетъ свою близость къ нездѣшнему міру. Поэтому они высоко цѣнятъ все то, что усыпляетъ въ человѣкѣ чувство дѣйствительности, приводитъ его въ состояніе крайняго духовнаго возбужденія, усыпляетъ его разумъ, который все выводитъ изъ наблюденія и опыта. Они высоко ставятъ искусство, поэзію, фантазію и вымыселъ, считаютъ ложь выше правды, потому что вымыселъ и фантазія даютъ необузданный просторъ личности, тогда какъ научная истина ограничиваетъ личность, заставляетъ ее смотрѣть на весь міръ согласно съ требованіями разума. Ярче всѣхъ развилъ эту мысль англійскій писатель Оскаръ Уайльдъ, который въ своей книгѣ «Замыслы» доказывалъ, что искусство выше дѣйствительности, и что вымыселъ, художественное творчество и художественное наслажденіе являются истиннымъ средствомъ къ освобожденію личности. Другой представитель модернистскаго направленія, польскій поэтъ Пшибышевскій, считаетъ высшимъ освобождающимъ состояніемъ человѣческой души моментъ полового возбужденія. Знаменитый норвежскій писатель, Кнутъ Гамсунъ, любилъ изображать героевъ, которымъ свойственна «нѣкоторая доля безумія», такъ какъ ему освобождающимъ состояніемъ души представлялось безуміе. Въ общемъ, модернисты создали новую поэзію, которая явилась протестомъ противъ механической правильности, водворившейся въ буржуазномъ строѣ жизни, противъ разсудочнаго мышленія. Модернистская поэзія была созданіемъ нервнаго, измученнаго бѣшеной гонкой и нездоровыми наслажденіями буржуазнаго общества, продуктомъ (т.-е. плодомъ) большого города, который въ наше время сталъ средоточіемъ какъ экономической, такъ и духовной жизни этого общества. Въ модернистской поэзіи отразилось стремленіе этого общества къ освобожденію личности. Не умѣя перестроить обществен-

наго строя на новыхъ началахъ, такъ чтобы стремленія личности могли ужиться рядомъ съ интересами цѣлаго, буржуазное общество ищетъ пути къ освобожденію личности не въ реформѣ общественныхъ отношеній, а во внутреннемъ усиліи личности, въ тѣхъ необычныхъ душевныхъ состояніяхъ, въ которыхъ отдѣльная личность вообще не считается съ міромъ, «не принимаетъ его». Вотъ почему модернистская поэзія производитъ чарующее впечатлѣніе своимъ порывомъ къ полной свободѣ, своей ненавистью къ сковывающимъ личность мѣщанскимъ предразсудкамъ и мѣщанской нравственности, своимъ протестомъ противъ всякихъ условностей, противъ унаслѣдованной привычки личности подчиняться всему, кромѣ своего внутренняго голоса. Но въ то же время модернизмъ вызывалъ справедливыя противъ себя нападки, когда, низвергнувъ мѣщанскія понятія, онъ противопоставилъ имъ только необузданную фантазію, полный разгулъ инстинкта и моменты крайняго возбужденія, всевозможные экстазы, вплоть до безумія и половыхъ извращеній. (Экстазъ — состояніе сильнаго душевнаго возбужденія).

Въ поэзіи Метерлинка ярко отразилось стремленіе модернистовъ къ непосредственному сліянію съ загробнымъ міромъ, въ поэзіи Ибсена — ихъ преклоненіе передъ личностью, передъ ея внутреннимъ міромъ, передъ ея сущностью, утвержденіе которой должно быть для личности единственной задачей.

Метерлинкъ.

Метерлинкъ, бельгійскій писатель, родился въ 1862 году въ Гентѣ, окончилъ юридическій факультетъ. Нѣкоторое время Метерлинкъ жилъ въ имѣніи, уединившись отъ людей и наблюдая природу, особенно жизнь пчелъ, которая поразила его своей правильностью, и о которой онъ написалъ любопытную книгу. Но бо́льшую часть своего времени Метерлинкъ, съ тѣхъ поръ, какъ пріобрѣлъ извѣстность, проводитъ въ Парижѣ. Появленіе его первыхъ драмъ вызвало оживленные разговоры въ критикѣ, и знаменитый французскій писатель Мирбо назвалъ его бельгійскимъ Шекспиромъ. Въ Россіи Метерлинкъ пользуется особенной любовью и извѣстностью. Вышло два полныхъ перевода его сочиненій. Его пьесы ставятся въ главныхъ столичныхъ и провинціальныхъ театрахъ, а его послѣдняя сказочная пьеса «Синяя птица» обошла чуть ли не всѣ русскіе театры и возбудила огромный интересъ.

Философскіе взгляды Метерлинка.

Свои философскіе взгляды Метерлинкъ лучше всего изложилъ въ своемъ сочиненіи «Сокровище смиренныхъ». Главныя мысли этого сочиненія слѣдующія: существуютъ два міра, — нашъ земной и другой высшій міръ. Тотъ высшій міръ раскрывается въ явле-

ніяхъ здѣшняго міра. Въ каждомъ человѣкѣ тоже существуютъ какъ бы два начала: душа, съ одной стороны, а съ другой—умъ, чувства,—словомъ, все, что изучаетъ современная, по мнѣнію Метерлинка, далеко несовершенная психологія (т.-е. наука о душѣ). Метерлинкъ полагаетъ, что только душа можетъ вступать въ сношенія съ высшимъ нездѣшнимъ міромъ. Мало того, онъ глубоко вѣритъ, что души отдѣльныхъ людей вступаютъ въ сношеніе съ высшимъ міромъ и другъ съ другомъ безъ всякаго участія разума, мысли, чувствъ и пр. У душъ какъ бы имѣются свои способы узнаванія другъ друга, свой языкъ для взаимной бесѣды и т. д. «Есть,—говоритъ Метерлинкъ,—нѣчто, что важнѣе разума, и не онъ соединяетъ насъ со вселенной. Настало время не смѣшивать его съ душой. Важно не то, что происходитъ между нами, но то, что живетъ въ насъ, что выше чувствъ и выше ума». Сообразно съ этимъ представленіемъ о двухъ мірахъ и двухъ началахъ въ человѣкѣ, Метерлинкъ выше всего цѣнитъ тѣ моменты, когда, по его мнѣнію, души вступаютъ въ общеніе между собою и съ высшимъ міромъ. Онъ полагаетъ, что наша обычная рѣчь можетъ выразить чувства и мысли, но не жизнь души. Напротивъ, наши слова даже мѣшаютъ проявленію души. Молчаніе выше словъ потому, что именно въ тотъ моментъ, когда всѣ умолкаютъ, души открываются другъ другу и устремляются къ невидимой и самой важной сторонѣ всѣхъ вещей. Уста и языкъ освѣщаютъ душу не больше, чѣмъ ярлыкъ или номеръ великую картину, къ которой они прикрѣплены. «Стоитъ намъ дѣйствительно захотѣть сказать другъ другу что-нибудь, и мы принуждены молчать... Всѣ слова сходны между собою, всѣ молчанія различны». Итакъ, души имѣютъ свой языкъ, безъ словъ и мыслей, но языкъ, которымъ они ясно говорятъ другъ другу. Душа, отягощенная грѣхомъ, или душа человѣка, таящаго недоброе, уже съ трудомъ въ наше время можетъ укрыться отъ другихъ душъ, ясно постигающихъ ее. Метерлинкъ думаетъ, что никогда души людей такъ властно не заявляли объ этой внутренней тайной жизни, какъ теперь; ему кажется, что скоро уже настанетъ время, когда «души будутъ узнавать одна другую безъ посредства чувствъ». Ему кажется, что «великое позитивное» (т.-е. положительное) подходитъ къ концу, и что уже теперь даже въ повседневной жизни, среди самыхъ смиренныхъ людей мы улавливаемъ «таинственныя и непосредственныя отношенія, духовныя явленія и сближенія душъ, о которыхъ въ прежнее время никогда не говорили». Метерлинкъ превозноситъ любовь и женщину; любовь — лучшее свидѣтельство непосредственнаго общенія душъ, безъ участія разума, безъ логики и словъ. Жен-

щина болѣе подвержена вліянію судьбы, чѣмъ мы. Она еще близка къ Богу и подчиняется съ меньшей осторожностью воздѣйствію тайны. На ея груди постигали герои силу и важность своей звѣзды, а тотъ, кто никогда не отдыхалъ у сердца женщины, не обладаетъ достовѣрнымъ чувствомъ будущаго. Сообразно съ своимъ ученіемъ о двухъ мірахъ, двухъ началахъ въ человѣкѣ, о двухъ видахъ общенія между людьми, Метерлинкъ указываетъ поэзіи опредѣленную задачу. Она должна, изображая

Метерлинкъ.

повседневныя явленія, раскрывать въ нихъ жизнь и тайны высшаго міра. Она должна, изображая людей, ихъ встрѣчи, разговоры и столкновенія, улавливать незримый и неслышный языкъ душъ, передавать невидимую внутреннюю драму, не проявляющуюся въ словахъ и явленіяхъ.

Пьесы Метерлинка.

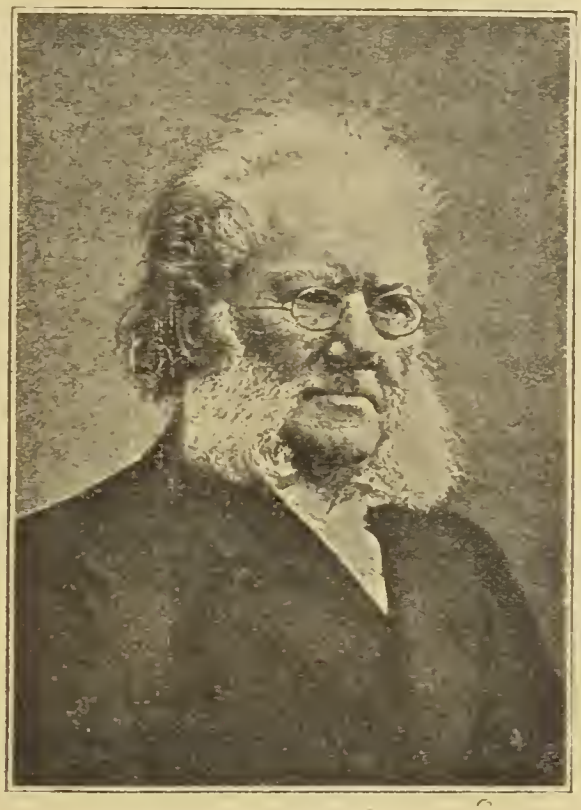
Его пьесы и были выполненіемъ этой задачи. Онъ пытается создать новую трагедію, въ которой нѣтъ ужаснаго столкновенія интересовъ, на почвѣ любви, ревности, честолюбія, мести и т. д., какъ это было у Шекспира и прежнихъ драматурговъ. Трагедія его героевъ во внутреннихъ переживаніяхъ ихъ души, а не въ

страстяхъ или внѣшнихъ препонахъ. Въ одной изъ лучшихъ его пьесъ «Непрошенная гостья» (по другимъ переводамъ «Втируша» или «Вторженіе смерти») изображена семья, которая тревожно прислушивается къ тому, что происходитъ въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ лежитъ больная. Все говоритъ за то, что больная выздоровѣетъ: и слова доктора, и улучшившійся аппетитъ. Именно объ этомъ бесѣдуютъ члены семьи. Никто изъ нихъ не произноситъ слова *смерть*, всѣ какъ будто вѣрятъ, что опасность миновала. И въ то же время съ самаго момента поднятія занавѣса зрителемъ овладѣваетъ ужасъ. Онъ ясно, достовѣрно знаетъ, что страшная гостья уже здѣсь, что души присутствующихъ именно все время говорятъ о ней, что ея приближеніе чувствуется въ нарастающей тревогѣ, что всѣ стараются говорить, избѣгая молчанія, этого страшнаго языка душъ, потому что молчаніе выдастъ ужасъ, живущій въ душахъ. И когда больная умираетъ, всѣмъ ясно, что съ самаго начала никто не сомнѣвался въ неизбѣжности этого исхода и души присутствующихъ достовѣрно знали то, о чемъ боялись говорить ихъ уста, о чемъ не думалъ ихъ разумъ. Какъ достигаетъ Метерлинкъ того, что эта внутренняя трагедія, разыгрывающаяся въ душѣ и не проявляющаяся наружу, тѣмъ не менѣе становится ясна зрителю? Онъ пользуется для этого не словами героевъ, такъ какъ именно словами они стараются заглушить голосъ души, а той тайной тревогой, которая чувствуется въ этихъ словахъ, минутами молчанія, а также настойчивыми повтореніями одного и того же вопроса,—словомъ, всѣмъ тѣмъ, что свидѣтельствуетъ о какомъ-то скрытомъ недовѣріи къ впечатлѣніямъ чувства и выводамъ разума, о существованіи еще какого-то невидимаго способа познанія вещей.

Метерлинкъ вѣритъ, что, уединившись, погрузившись въ глубину своей души, человѣкъ скорѣе всего и достовѣрно постигаетъ цѣли и намѣренія высшей силы, рока, проявляющагося въ явленіяхъ здѣшней жизни. Этотъ рокъ представляется ему враждебной человѣку силой, подстерегающей каждую радость и улыбку человѣка. Эта мысль проходитъ черезъ всѣ пьесы Метерлинка: «Слѣпые», «Тамъ внутри» (по другому переводу «За стѣнами дома»), а особенно она ясна въ его превосходной пьесѣ «Смерть Тентажиля», гдѣ этотъ враждебный рокъ представленъ въ лицѣ невидимой, но страшной «Королевы», по приказанію которой отнимаютъ ребенка Тентажиля у горячо любящихъ сестеръ его. Эта «Королева»—лучшее воплощеніе идеи жестокаго и безсмысленнаго рока, того образа, который сталъ излюбленнымъ образомъ модернизма и у насъ изображенъ Леонидомъ Андреевымъ въ лицѣ «Нѣкоего въ сѣромъ» въ пьесѣ «Жизнь человѣка».

Ибсенъ.

Метерлинкъ отразилъ въ своей поэзіи новый порывъ къ небу и къ невидимому міру, возникшій въ мятущейся душѣ современнаго буржуазнаго общества, не умѣющаго разрѣшить стоящей передъ нимъ соціальной задачи, въ отчаяньи и безсиліи трепещущаго передъ безысходнымъ ужасомъ своей судьбы. Ибсенъ отразилъ въ своей поэзіи другую сторону модернистскихъ идеаловъ. Онъ отразилъ стремленіе модернистовъ возвеличить личность, поставить ее выше міра. Онъ



Ибсенъ.

вывелъ рядъ героевъ, сильныхъ и непреклонныхъ, стремящихся только къ одной цѣли — къ осуществленію своей собственной личности. Ибсенъ родился въ 1828 году въ норвежскомъ городѣ Скіенѣ въ купеческой семьѣ. Вслѣдствіе неожиданнаго разоренія отца, произведшаго на него сильное впечатлѣніе, Ибсенъ для заработка становится аптекарскимъ ученикомъ, изучаетъ медицину. Рано обнаруживается его литературный талантъ. Въ 1850 году появляется его первая драма «Катилина». Въ 1857 году Ибсенъ, уже пріобрѣвшій извѣстность рядомъ своихъ пьесъ, становится директоромъ театра въ Христіаніи. Однако его прямой и рѣзкій характеръ помѣшалъ ему ужиться съ норвежскимъ обществомъ, и Ибсенъ покинулъ родину, на которую вернулся,

спустя много лѣтъ, уже окруженный славой. Норвежцы встрѣтили его съ почетомъ. Въ послѣдніе годы жизни слава его росла съ необыкновенной быстротой, и появленіе всякой новой пьесы его было событіемъ. Онъ умеръ въ 1906 году. Въ Россіи онъ пользуется громкой извѣстностью. Пьесы его стали любимыми пьесами на всѣхъ нашихъ главныхъ сценахъ. Изъ нихъ наибольшей извѣстностью пользуются «Брандъ», «Врагъ народа» (или «Докторъ Стокманъ»), «Кукольный домъ» («Нора»), «Гедда Габлеръ», «Привидѣнія», «Строитель Солнесъ» и другія.

„Брандъ" Ибсена и его идеи.

Въ пьесѣ «Брандъ» Ибсенъ вывелъ суроваго и угрюмаго пастора, который поселился въ глухой деревушкѣ, гдѣ холодные вѣтры пронизываютъ насквозь человѣка. Брандъ — проповѣдникъ. Онъ поражаетъ всѣхъ своими поступками, непонятными для окружающихъ. Несмотря на совѣты доктора, онъ не хочетъ покинуть опаснаго холоднаго мѣста, въ которомъ живетъ, и его нѣжно любимые сынъ Альфъ и жена его Агнесъ погибаютъ отъ ужаснаго климата. Умираетъ его мать, скопидомка, скопившая деньги. Она молитъ сына причастить ее передъ смертью. Она готова раздать почти все свое богатство на богоугодныя дѣла. Но Брандъ требуетъ, чтобы она отдала все до копейки, и несчастная умираетъ, лишенная послѣдняго утѣшенія. Брандъ ненавидитъ мѣстную власть въ лицѣ фогта, который по-своему приноситъ пользу народу, раздаетъ хлѣбъ голоднымъ крестьянамъ, заботится о постройкѣ для нихъ церкви и т. д. Но самымъ непонятнымъ поступкомъ Бранда былъ слѣдующій: получивъ послѣ смерти матери ея наслѣдство, Брандъ истратилъ его на то, чтобы соорудить для крестьянъ великолѣпный храмъ. И когда храмъ былъ готовъ, съѣхались власти, духовенство и массы народа для его торжественнаго освященія,—Брандъ вдругъ проклялъ свое собственное созданіе, разразился бурной негодующей рѣчью противъ правительства и священниковъ, заявилъ, что его храмъ не настоящій и не будетъ служить дѣлу обновленія человѣческихъ душъ. Затѣмъ онъ въ пламенной рѣчи позвалъ пораженный народъ за собой въ горы, и массы ушли за нимъ, не слушая фогта, призывавшаго ихъ къ благоразумію, предостерегавшаго ихъ противъ опаснаго мятежника. Въ горахъ утомленный и голодный народъ возстаетъ противъ своего вождя, и фогтъ пользуется этимъ случаемъ. Онъ распускаетъ ложный слухъ, будто къ берегамъ прибиты стаи сельдей, и голодная толпа побиваетъ камнями своего непонятаго учителя и уходитъ въ погоню за кускомъ хлѣба. Брандъ умираетъ въ горахъ, раздавленный лавиной.

И въ то же время этотъ странный и жестокій человѣкъ полонъ любви и героизма. Онъ, не задумываясь, съ опасностью для жизни пускается на лодкѣ въ бушующее море, когда нужно поспѣшить утѣшить умирающаго, онъ жертвуетъ женой и сыномъ, наконецъ, своей жизнью для того, что считаетъ своимъ долгомъ.

Чего же хочетъ Брандъ отъ этихъ несчастныхъ, темныхъ, забитыхъ и голодныхъ крестьянъ? Чему онъ ихъ учитъ? Почему онъ считаетъ столь неважнымъ вопросъ объ утоленіи ихъ голода и страданій? И въ чемъ вообще смыслъ его проповѣди? Отвѣтить на эти вопросы—значитъ понять поэзію Ибсена вообще, понять его суровое міросозерцаніе. Основная идея Бранда заключается въ слѣдующемъ: самая трудная задача для человѣка, это — найти самого себя, т.-е. узнать, въ чемъ заключается его собственная личность, что составляетъ сущность его голаго «я». Нужно сбросить съ себя все, что привито намъ изъ внѣшняго міра, отбросить всѣ понятія окружающихъ, требованія церкви, правительства, переданныя намъ по наслѣдству нравственныя убѣжденія и т. д. Нужно найти то, что живетъ внутри насъ само по себѣ. Мы такъ привыкли считать эти впитанныя въ насъ со стороны представленія своими, что намъ дѣйствительно трудно найти свою собственную личность. Именно этого требуетъ Брандъ отъ всѣхъ окружающихъ. Только такого нашедшаго себя человѣка Брандъ считаетъ достойнымъ званія человѣка. Когда онъ зоветъ народъ за собою въ горы, онъ говоритъ: «Вдоль-поперекъ мы всю землю пройдемъ, петли, силки всѣ развяжемъ, *выпустимъ души, попавшія въ плѣнъ*, ихъ обновимъ и очистимъ, дряблости, лѣни сотремъ всѣ слѣды, будемъ воистину люди!»

Другая идея Бранда заключается въ томъ, что это свое найденное «я» человѣкъ долженъ считать святыней. Вопросъ о томъ, въ чемъ заключается это «я»,—для Бранда вопросъ второстепенный. Главное для него, чтобы это «я» было дѣйствительно моимъ, и чтобы я не отступился отъ него ни при какихъ условіяхъ, чтобы я не зналъ уступокъ въ своемъ стремленіи осуществить его до конца. Онъ не указываетъ, *къ чему* надо стремиться; но онъ указываетъ, *какъ* надо стремиться. На вопросъ, *чѣмъ* надо быть? — онъ отвѣчаетъ: «чѣмъ хочешь будь, но будь вполнѣ». Что для него цѣль стремленія не важна, а важна только сила воли, съ которой человѣкъ осуществляетъ стремленіе свое,—это онъ высказываетъ еще болѣе рѣзко въ рядѣ стиховъ: «Вакхантъ, Силенъ — красивый цѣльный образъ, но пьяница — карикатура лишь»; т.-е. въ пьяницѣ не то смѣшно, что онъ преданъ пьянству, а то, что онъ не довелъ этой своей сущности до конца, что онъ не сталъ Вакхантомъ и Силеномъ, т.-е. богомъ пьянства

и веселья, что его пьянство принимаетъ жалкія половинчатыя формы: «будь цѣльнымъ, не половинчатымъ, не раздробленнымъ».

Если понять эту основную идею ибсеновской поэзіи, это глубокое преклоненіе передъ святыней цѣльной освобожденной личности, не знающей ничего, кромѣ Одного Бога: самой себя,— тогда станутъ ясны всѣ поступки Бранда. Онъ не ушелъ изъ холодной туманной деревни и убилъ своихъ близкихъ не потому, что считалъ себя здѣсь нужнѣе, чѣмъ въ другой, болѣе здоровой мѣстности. Онъ остался здѣсь потому, что этотъ поступокъ служилъ для него испытаніемъ его личности, пробой для силы его духа. Онъ былъ жестокъ съ матерью не потому, что она была скрягой. Мы уже сказали, что цѣль стремленія человѣка его мало интересовала. Требуя, чтобы она отдала все до копейки, онъ очень мало заботился о тѣхъ нищихъ или церквахъ, которымъ досталось бы нѣсколько больше денегъ. Онъ думалъ только о личности матери. Разъ она почувствовала въ себѣ потребность жертвовать, — значитъ, въ ней былъ разладъ, значитъ, стяжаніе не было сущностью ея натуры, и, найдя себя, она должна итти на этомъ новомъ пути до конца. Онъ ушелъ отъ своего собственнаго храма, потому что, увидавъ собравшихся на освященіе его, онъ понялъ, что этотъ великолѣпный храмъ послужитъ къ новому закрѣпощенію душъ, что, выходя отсюда, каждый не только не почувствуетъ потребности обратиться къ себѣ самому, а, напротивъ, благодаря красотѣ и величію храма, еще болѣе проникнется мыслью, что есть гдѣ-то что-то, чему надо подчиняться.

Изъ ученія Бранда вытекаетъ цѣлый рядъ разрушительныхъ для общества идей. Если каждый долженъ считать себя единственной святыней, то какъ возможно мирное существованіе людей рядомъ другъ съ другомъ. Между ними не можетъ быть взаимныхъ уступокъ, всѣ ополчатся другъ на друга. Но Брандъ нисколько не смущается этимъ послѣдствіемъ своей проповѣди. Онъ вовсе и не желаетъ мирной жизни. Вѣчная борьба всѣхъ противъ всѣхъ есть именно самое благородное состояніе людей. Въ этой борьбѣ будетъ погибать все дряблое и негодное, а сильныя могучія личности будутъ выживать, человѣчество будетъ быстро улучшаться въ своихъ качествахъ. Вотъ почему служить только своей личности, быть жестокимъ эгоистомъ въ брандовскомъ смыслѣ—это значитъ въ то же время служить человѣчеству, его благороднѣйшей задачѣ, именно дѣлу созданія высшихъ сильныхъ и благородныхъ людей. Погибнуть въ борьбѣ за свою личность—это значитъ выполнить высшую цѣль на землѣ. «Умереть — значитъ увидѣть Бога».

Эта гордая проповѣдь новаго аристократическаго индивидуализма была развита въ видѣ философскаго ученія знаменитымъ нѣмецкимъ философомъ Ницше (особенно въ его двухъ книгахъ «Такъ говорилъ Заратустра» и «По ту сторону добра и зла») и его предшественникомъ Штирнеромъ (въ его книгѣ «Единственный и его собственность»).

Вся поэзія Ибсена есть въ сущности изображеніе моментовъ, когда та или иная личность вдругъ находитъ себя, вступаетъ въ борьбу съ окружающимъ міромъ и почти всегда погибаетъ, выполнивъ свою задачу, т.-е. поднявъ мятежный духъ борьбы и явивъ примѣръ непреклонной воли въ окружающемъ мірѣ. Такъ нашелъ себя консулъ Береннкъ въ піесѣ «Столпы общества», который вдругъ понялъ, что окружавшій его почетъ и уваженіе согражданъ, всѣ его предпріятія, обогатившія край, все благополучіе семьи, созданное имъ, — все это было ложью, а настоящая сущность его личности скрывалась въ иномъ. Такъ пробудилась Нора (въ «Кукольномъ домѣ»), которая вдругъ почувствовала себя личностью, ушла изъ дому и сбросила съ себя оковы мѣщанскаго семейнаго счастья, услаждавшаго ее до тѣхъ поръ. Такъ проснулся строитель Солнесъ, который, забывъ свою сущность, отказался отъ своего назначенія, но, пробужденный Гильдой, въ послѣдній разъ поднялся на вершину возведеннаго имъ зданія и, упавъ съ высоты его вслѣдствіе головокруженія, погибъ въ борьбѣ за осуществленіе своего «я».

Метерлинкъ и Ибсенъ самые яркіе представители модернизма, этого направленія, рожденнаго разочарованіемъ въ общественныхъ усиліяхъ и въ научной работѣ,—направленія, которое зоветъ общество отъ жизни и дѣйствительности въ глубины внутренняго міра личности и въ надземный міръ. Только въ самое послѣднее время модернизмъ начинаетъ уступать свое мѣсто новымъ вѣяньямъ, и есть признаки того, что европейское общество въ своемъ стремленіи къ освобожденію личности снова обращается къ испытаннымъ и надежнымъ опорамъ: къ научному знанію и общественной работѣ.

Указатель пособій по греческой литературѣ.

Общія пособія.

1. П. Коганъ. Очерки по исторіи древнихъ литературъ. Т. I. Греческая литература. Изд. 2-ое. М. 1910. Ц. 1 руб. 25 коп.

2. Штоль. Великіе греческіе писатели. Спб. Изд. 2-е 1901 г. Ц. 2 руб.

3. В. Алексѣевъ. Греческіе поэты въ біогр. и образцахъ. Спб. 1895. Ц. 3 руб. (Въ этой книгѣ читатель найдетъ большіе отрывки изъ произведеній Гомера, Гесіода, греческихъ лириковъ и трагиковъ).

Произведенія поэтовъ.

4. Лучшій переводъ «*Иліады*» принадлежитъ Гнѣдичу (имѣется въ отдѣльной продажѣ). Другой хорошій переводъ сдѣланъ Минскимъ.

5. Лучшій переводъ «*Одиссеи*»—Жуковскаго (имѣется въ отдѣльной продажѣ и въ полныхъ собраніяхъ сочиненій Жуковскаго).

6. *Эсхилъ*. Лучшій переводъ «Скованнаго Прометея» принадлежитъ Мережковскому. Спб. 1904. Ц. 30 коп.

«Орестейя» имѣется въ пер. Алексѣева въ «Дешевой библіотекѣ» Суворина: «Агамемнонъ». Ц. 20 коп., «Хоэфоры». Ц. 15 коп. и «Эвмениды». Ц. 15 коп.

7. *Софоклъ*. «Эдипъ царь», «Эдипъ въ Колонѣ» и «Антигона» въ пер. Мережковскаго. (Цѣна каждой піесы 40 коп.). Имѣются переводы въ «Деш. библ.» Суворина.

Указанія на переводы остальныхъ трагедій Эсхила и Софокла, см. пособіе № 3.

Болѣе спеціальныя сочиненія и пособія по отдѣльнымъ вопросамъ.

8. Джебъ. Гомеръ. Введеніе къ «Иліадѣ» и «Одиссеѣ». Спб. 1892.

9. Петрушевскій. Общество и государство у Гомера. М. 1896. Ц. 20 коп.

10. Виппперъ. Лекціи по греч. исторіи. М. 1905.

11. Магаффи. Исторія классич. періода греч. литературы. 2 тома. М. 1882—3.

12. Эмихенъ. Греч. и римскій театръ. М. 1894. Ц. 1 руб.

Для болѣе подробнаго ознакомленія съ исторіей западныхъ литературъ можно рекомендовать слѣдующія сочиненія:

Общія сочиненія.

П. С. Коганъ. Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ. (Т. I. Изд. 4-е. М. 1909. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Изд. 3-е М. 1909. Ц. 1 р. 50 к. Т. III. Ч. I. М. 1909. Ц. 1 р. 25 к. Т. III. Ч. II. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.).

Н. И. Стороженко. Очеркъ исторіи западно-европейскихъ литературъ. Изд. 2-е. М. 1910. Ц 1 р. 40 к. (періодъ отъ среднихъ вѣковъ до Гете и Шиллера включительно).

По отдѣльнымъ литературамъ.

По итальянской: Гаспари. Исторія итальянской литературы. Пер. Бальмонта. Ч. I и Ч. II. Ц. за томъ 3 р.

По англійской: а) Тэнъ. Исторія англійской литературы (по-русски первые четыре тома изданы въ 1871 году подъ заглавіемъ: «Развитіе политической и гражданской свободы въ Англіи въ связи съ литературой». Послѣдній томъ подъ заглавіемъ «Современники»).

b) Жюссеранъ. Ист. англійскаго народа въ его литературѣ. Изданіе Поповой.

По нѣмецкой: а) Фр. Фогтъ и М. Кохъ. Исторія нѣмецкой литературы. Спб. 1900.

b) Курно-Франке. Исторія нѣмецкой литературы. Пер. Батина. Спб. 1904. Ц. 3 р.

По испанской: Тикноръ. Исторія испанской литературы. Два тома по 3 р.

По французской: Г. Лансонъ. Исторія французской литературы (существуетъ два перевода, одинъ въ изданіи Солдатенкова, другой болѣе дешевый въ изданіи журнала «Образованіе»).

Отдѣльные писатели и эпохи.

Петерсонъ и Балабанова. Западно-европейскій эпосъ и средневѣковой романъ въ пересказахъ и сокращенныхъ переводахъ.

Данте Алигіери. Божественная Комедія. Лучшій переводъ Мина. Спб. 1909. Три тома. Ц. 12 р.

Дешевое изданіе «Бож. Ком.» имѣется въ «Русской классной библіотекѣ», изданной Чудиновымъ, 3 выпуска. Спб. 1897.

Скартаццини. Данте. Пер. Введенской. Спб. 1905. Ц. 1 р. 20 к.

Федеринъ. Данте. Пер. подъ ред. М. Розанова (въ изд. Библіотеки для самообразованія).

Корелинъ. Очерки итальянскаго возрожденія. М. 1896.

Буркгардтъ. Культура Италіи въ эпоху возрожденія. Т. I—II. Спб. 1906.

Гейгеръ. Нѣмецкій гуманизмъ. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

Д. Штраусъ. Ульрихъ фонъ Гуттенъ. Спб. 1896. Ц. 3 р.

Тарле. Общественныя воззрѣнія Т. Мора. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Веселовскій. Рабле и его романъ («Вѣст. Евр.» 1878, № 3).

Главныя сочиненія гуманистовъ имѣются въ русскихъ переводахъ: «Похвала глупости» въ переводѣ Ардашева. (Юрьевъ 1903. Ц. 1 р.). «Письма темныхъ людей» въ пер. Куна (М. 1907), «Діалоги» Гуттена въ пер. В. Протопопова (М. 1906), «Гаргантюа» Рабле въ пер. Энгельгарта (Спб. 1901. Ц. 3 р. 50 к.), «Утопія» Т. Мора въ пер. Генкеля и Макшеевой (Спб. 1905). Кромѣ того, переводъ «утопіи» приложенъ къ книгѣ Тарле.

Шекспиръ. Лучшее переводное изданіе полнаго собранія сочиненій—Брокгауза и Ефрона въ шести томахъ подъ ред. Венгерова. Ц. 30 р. Болѣе дешевое въ переводѣ Соколовскаго въ восьми томахъ по 1 р. 25 к. за томъ. Но почти всѣ главныя трагедіи Шекспира имѣются въ «Дешевой библіотекѣ» Суворина.

Н. Стороженко. Опыты изученія Шекспира. М. 1892. Ц. 1 р. 50 к.
Г. Брандесъ. Шекспиръ. 2 тома. М. 1899.
Кохъ. Шекспиръ. Пер. Гуляева. М. 1888.
Тенъ Бринкъ. Шекспиръ. Спб. Изд. Пантелѣева.

Сервантесъ. Лучшій переводъ «Донъ Кихота» М. Ватсонъ. Спб. 1907, два тома, есть переводы М. Карелина и С. М.
Н. Стороженко. Философія Донъ-Кихота. (Въ сборникѣ «Изъ области литературы» М. 1902).
Шепелевичъ. Жизнь Сервантеса и его произведенія. Т. I — II. Харьковъ и Петербургъ. 1901—1903.

Мольеръ. Два перевода: въ 3-хъ томахъ Спб. 1894. Ц. 7 р. 50 к. Другое болѣе дешевое подъ ред. Трубачова. Спб. 1899. Ц. 2 р. 50 к.
А. Веселовскій. Этюды о Мольерѣ, 2 части «Тартюфъ» М. 1879 и «Мизантропъ». М. 1881. О Корнелѣ и Расинѣ см. статьи Юрія Веселовскаго въ его «Литературныхъ Очеркахъ».
Мильтонъ. «Потерянный и возвращенный рай». Пер. Чуминой. Спб. 1899. «Ареопагитика». Пер. подъ ред. П. Когана.
Гетнеръ. Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. I. Англійская литература Спб. 1896. Ц. 1 р. 50 к.
Т. II. Французская литература. Спб. 1897. Ц. 2 р.
Т. III. Нѣмецкая литература. Ц. 2 р.
Стернъ. Сентиментальное путешествіе. Въ «Дешевой библіотекѣ» Суворина.

Сочиненія энциклопедистовъ переведены на русскій языкъ. Главные переводы: Монтескье. «Духъ законовъ» съ статьей М. Ковалевскаго. Спб. 1900. Вольтеръ. «Философскіе романы». «Дешевая библ.» Суворина. Руссо. «Общественный договоръ», пер. Жуковскаго, также подъ ред. П. Когана; «Эмиль или о воспитаніи», въ серіи «Педагогическая библіотека» Тихомирова и Адольфа. М. 1896; «Новая Элоиза» пер. Кончаловскаго. М. 1892.
Бомарше. «Севильскій цырюльникъ» и «Свадьба Фигаро». «Дешевая библ.» Суворина.
Андре Галле. Бомарше. Пер. Лаврова. М. 1898. Ц. 40 к.
Шаховъ. Вольтеръ и его время. Спб. 1907.
Виппперъ. Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX в. Спб. 1900.
Соч-ія Лессинга, Гете и Шиллера изданы въ многочисленныхъ русскихъ переводахъ. Полныя собранія Гете—въ восьми томахъ Спб. 1892—1893, Шиллера въ изд. Брокгауза и Эфрона подъ ред. Венгерова и болѣе дешевое подъ ред. Гербеля, изд. 7-е. Спб. 1893. Собр. соч-ій Лессинга въ изд. Вольфа.
Шаховъ. Гете и его время. Ц. 1 р. 25 к.
Куно Фишеръ. Лессингъ какъ преобразователь нѣмецкой литературы. М. 1882.
Куно Фишеръ. Публичныя лекціи о Шиллерѣ. М. 1890.

Шаховъ. Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка. Спб. 1898. Ц. 1 р. 50 к.
Брандесъ. Главныя теченія въ европейской литературѣ XIX в. Существуетъ нѣсколько переводовъ.

Соч-ія Байрона имѣются въ многочисленныхъ переводахъ. Лучшее изданіе Брокгауза и Эфрона подъ ред. Венгерова. Отдѣльныя вещи изданы въ «Дешевой библ.» Суворина.

Соч. Гюго изданы въ многочисл. переводахъ. Послѣднее собраніе соч-ій подъ ред. Вейнберга въ изд. Фукса. Кіевъ. Ц. 8 р.

Полное собраніе соч. Гейне. Подъ ред. Вейнберга. Изд. Маркса.

Соч. Зола въ многочисл. переводахъ. Полное въ изд. Фукса. Кіевъ.

Лучшее изд. соч-ій Ибсена — Скирмунта въ 8 т. Ц. 6 р. Но отдѣльныя драмы имѣются въ дешевыхъ изданіяхъ, особенно въ Универсальной библіотекѣ, изд. «Польза».

Сочиненія Метерлинка—въ многочисл. переводахъ. Полное собраніе въ изд. Саблина, лучшее въ изд. Пирожкова.

Кромѣ того, рекомендуются Біографіи замѣчательныхъ людей въ изд. Павленкова, среди которыхъ имѣются всѣ главные европейскіе писатели.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Отличительныя черты русской литературы.

Мы видѣли выше введеніе, что исторія всякой литературы имѣетъ своей задачей прослѣдить постепенное развитіе духовной жизни того или другого народа, дать исторію его самосознанія. Очевидно, задача исторіи русской литературы будетъ та же по отношенію къ русскому народу. Однако кромѣ этой основной задачи: дать исторію духовной жизни русскаго народа, исторію его самосознанія,—изслѣдователи нерѣдко ставятъ себѣ еще одну задачу.

А именно, въ послѣднее время было сдѣлано нѣсколько интересныхъ попытокъ *выяснить «отличительныя черты» русской литературы*, создать своего рода «философію» исторіи русской литературы. Изслѣдователи, ставившіе себѣ указанную цѣль, обыкновенно старались доказать, что всѣ произведенія нашей литературы могутъ быть сведены къ одной проникающей ихъ идеѣ (т.-е. мысли).

Взглядъ на русскую литературу, какъ на „учительную".

Если не считать нѣкоторыхъ болѣе раннихъ попытокъ такого рода, то первыми въ послѣдніе годы можно назвать тѣ попытки, которыя были сдѣланы сначала С. А. Венгеровымъ (въ 1897 г.), а затѣмъ проф. В. Н. Перетцомъ въ 1904 г. Венгеровъ опредѣлилъ основную черту новой русской литературы, какъ *учительность*, которая является оригинальнымъ, самостоятельнымъ достояніемъ нашей литературы, завоевавшимъ ей громадный успѣхъ въ Западной Европѣ. Черты «учительности» Венгеровъ замѣчаетъ въ нашей литературѣ, начиная отъ Гоголя, при чемъ отмѣчаетъ особенное развитіе ея у нѣкоторыхъ позднѣйшихъ писателей (Достоевскаго, Л. Толстого). Проф. Перетцъ распространилъ это положеніе и на древнюю русскую литературу, въ которой онъ

видитъ ту же склонность къ учительству; по его мнѣнію, переводная литература, появившаяся у насъ послѣ принятія христіанства и носившая въ большинствѣ своемъ дидактическій (поучительный) характеръ, пріучила русскаго человѣка получать въ литературномъ произведеніи извѣстное назиданіе, поученіе: такое назиданіе давали писатели, его же искали и читатели; въ силу долговременной привычки, это свойство укоренилось въ нашей литературѣ настолько, что можетъ считаться его главнымъ и неотъемлемымъ свойствомъ во всѣ времена ея существованія.

Въ мнѣніяхъ Венгерова и Перетца есть большая доля справедливости, ибо въ русской литературѣ стремленіе къ учительству замѣчалось съ древнѣйшихъ временъ, въ которыя книга являлась даже прямо-таки въ видѣ нѣкоторой святыни. Но надо лишь замѣтить, что изъ одного понятія *стремленія* еще не ясна цѣль стремленія: ни г. Венгеровъ ни проф. Перетцъ не указали, чему и какъ стремились научить общество наши писатели, — это во-первыхъ; а затѣмъ надо помнить, что «учительность» мы замѣчаемъ въ литературѣ не въ одинаковой степени: въ то время, напр., какъ въ произведеніяхъ Льва Толстого она достигаетъ наивысшей степени, другіе авторы довольствуются лишь обобщеннымъ (въ типахъ) воспроизведеніемъ жизни, предоставляя читателю дѣлать, если ему нужно, выводъ нравственнаго характера; есть, наконецъ, и такія произведенія, гдѣ писатели вовсе не задаются цѣлями учительности (такъ называемое творчество въ области чистаго искусства).

Взглядъ Андреевича. Другая попытка опредѣлить отличительную черту русской литературы принадлежитъ Андреевичу (Евг. Соловьеву) въ его «Очеркахъ по исторіи русской литературы XIX в.» (Спб. 1902 г.) и въ «Опытѣ философіи русской литературы». Андреевичъ устанавливаетъ основное положеніе русской литературы и опредѣляетъ это положеніе такъ: «мы, русскіе люди, пользуемся совершеннымъ гражданскимъ устройствомъ и ни въ критикѣ, ни въ реформахъ не нуждаемся»; а затѣмъ авторъ дѣлитъ русскихъ писателей на два лагеря — за и противъ этого положенія, происхожденія котораго ищетъ еще въ національномъ самовозвеличеніи Москвы въ XV — XVI вѣкахъ. Попытка Андреевича также не можетъ быть названа вполнѣ удачной: во-первыхъ, положеніе и примѣненіе его имѣютъ отношеніе лишь къ литературѣ XIX вѣка, а въ литературѣ болѣе ранней эпохи имъ мѣста нѣтъ, ибо и самое положеніе явилось лишь въ XIX вѣкѣ; нѣсколько подходящихъ по характеру произведеній можно, правда, подыскать въ XV—XVI вв., когда возвеличеніе своего національнаго достоинства дѣйствительно занимало московскихъ политиковъ, но вся громадная масса древне-русской литературы до

XIX вѣка чужда совершенно этому положенію: какой-либо переводный или оригинальный романъ, напр., стоялъ только на психологической точкѣ зрѣнія и почти не затрогивалъ общественныхъ явленій; какое-нибудь произведеніе, повѣствовавшее о кончинѣ міра и Страшномъ судѣ (а такихъ произведеній было много въ древней Руси), совершенно не касалось вопросовъ политики. Другое возраженіе противъ теоріи Андреевича будетъ въ томъ, что даже и не всѣ писатели XIX вѣка, при его взглядѣ, могутъ войти въ исторію русской литературы, ибо далеко не всѣ они разсматривали данное положеніе: и дѣйствительно, въ «Очеркахъ» Андреевича мы не найдемъ ни А. К. Толстого, ни Майкова, ни Плещеева, ни Тютчева... Очевидно, такая точка зрѣнія, какую примѣняетъ Андреевичъ, суживаетъ объемъ литературы и притомъ совершенно произвольно.

Взглядъ Истрина. Послѣдняя попытка опредѣлить основныя черты исторіи русской литературы была сдѣлана въ 1907 году В. М. Истринымъ, который главную особенность русской литературы видитъ *въ стремленіи къ личному нравственному совершенству*. Это опредѣленіе даетъ содержаніе «учительности», подмѣченной Венгеровымъ и Перетцомъ. Истринъ расчленяетъ указанное стремленіе къ личному нравственному совершенству на два теченія, «изъ которыхъ одно можно назвать центробѣжнымъ, другое — центростремительнымъ. Оба они, идя чрезъ всѣ пространства и времена, дѣйствуютъ одновременно, не давая, съ одной стороны, замкнуться въ тѣсный кругъ самодовлѣющаго самосознанія, съ другой — не давая исключительнаго господства общественности надъ индивидуальностью (т.-е. личностью). Одно тянетъ мысль человѣка остановиться на самомъ себѣ, другое не даетъ ему забыть окончательно внѣшній міръ. Но это не значитъ, что здѣсь идетъ рѣчь о какихъ-то двухъ началахъ — добромъ и зломъ, которыя какъ бы противоположны другъ другу. Они не только не противоположны, но и параллельны, и въ нѣкоторомъ отношеніи сближаются именно по конечнымъ результатамъ». Въ этихъ словахъ вѣрно подмѣчены отличительныя черты нашей литературы, а именно нравственное стремленіе, которое ставитъ для человѣка двойную задачу: собственное совершенствованіе и опредѣленіе своихъ отношеній къ окружающему обществу. Отсюда можно бы сказать, что *личность* и *общество* и сами по себѣ и въ своемъ взаимодѣйствіи служатъ предметомъ нашей литературы, причемъ освѣщеніе ихъ дается съ точки зрѣнія нравственнаго чувства. Въ дальнѣйшемъ изложеніи своего труда («Опытъ методологическаго введенія въ исторію русской литературы XIX в.») Истринъ даетъ болѣе подробное разви-

тіе своего взгляда, разсматривая отдѣльныя эпохи развитія нашей литературы.

Относительно всѣхъ подобныхъ попытокъ опредѣлить основныя черты русской литературы можно сказать одно, — что успѣхъ ихъ зависитъ отъ того, насколько удастся подмѣтить въ литературѣ такія черты, которыя проявлялись бы рѣшительно во всѣхъ произведеніяхъ, а это задача нелегкая. Нельзя вѣдь забывать, что каждый писатель не только сынъ своего народа, но и членъ извѣстнаго класса и, наконецъ, личность: значитъ, въ его произведеніяхъ эти условія всегда должны сказаться,—всегда надо различать, что̀ въ произведеніи принадлежитъ лично писателю, что̀ — общественному классу, повліявшему въ какомъ-либо отношеніи на воззрѣнія писателя, что̀ можетъ быть признано общенародною чертою. А отсюда выводъ, — что всякая попытка философскаго обобщенія и осмысленія исторіи русской литературы должна опираться на подготовительную, такъ сказать, черновую работу, — проработку каждаго литературнаго произведенія и изученіе общаго хода исторіи литературы.

II.

Народная поэзія: пѣсни, сказки, заговоры, пословицы.

Народная поэзія. Произведенія литературы сохраняются въ письменномъ видѣ: они пишутся, печатаются. Но появленіе письменности не совпадаетъ съ появленіемъ произведеній слова: народное творчество начинается задолго до появленія письменности, и послѣдняя является только въ качествѣ наиболѣе цѣлесообразнаго способа сохраненія произведеній словесности. (Обыкновенно пользуются словомъ «словесность» для обозначенія или всѣхъ вообще произведеній человѣческаго слова или только устныхъ; при послѣднемъ употребленіи слова «словесность», словомъ «литература» или «письменность» обозначаютъ записанныя произведенія слова). Можно сказать, что народное творчество является одновременно съ пробужденіемъ сознательной жизни человѣка: стремясь дать себѣ отчетъ въ явленіяхъ окружающей природы (гроза, появленіе и исчезновеніе солнца, времена года, производительныя силы земли и т. п.), первобытный человѣкъ объясняетъ ихъ по-своему. Его воображенію міръ представляется населеннымъ таинственными дýхами, въ которыхъ онъ видитъ воплощеніе силъ природы: русалки, лѣшіе, водяные, домовые, божества солнца, мѣсяца, грома, молніи и т. д. Жиз-

ненный опытъ и наблюденія надъ этими сверхъестественными силами природы получаютъ у первобытнаго (или близкаго къ первобытному) человѣка особую обработку въ видѣ сказки или пѣсни, гдѣ земная дѣйствительность ставится въ связь съ дѣйствіемъ силъ или небесныхъ (солнечнаго божества, громовника) или земныхъ, но сверхъестественныхъ (лѣшаго, вѣдьмы) и потому чуждыхъ человѣческому міру. Иными словами, свое міропониманіе человѣкъ облекаетъ въ форму словеснаго произведенія, которое сохраняетъ въ памяти, какъ результатъ собственнаго жизненнаго опыта и какъ руководство для себя и для своихъ дѣтей и вообще для окружающихъ. Этихъ первоначальныхъ знаній вообще немного, и потому удержать ихъ въ памяти вообще нетрудно. Впрочемъ, надо оговориться, что память человѣка, нетронутаго культурой, вообще болѣе свѣжа, чѣмъ у человѣка, получившаго уже извѣстную долю образованія и хранящаго въ сознаніи большое количество понятій: сохранить, напр., десятки тысячъ стиховъ какихъ-либо былинъ или народныхъ поэмъ для первобытнаго человѣка не составляло большой трудности. Однако съ теченіемъ времени, по мѣрѣ накопленія знаній и по мѣрѣ того, какъ эти знанія, становясь болѣе точными, требуютъ усиленной работы мысли, сохранять ихъ въ памяти становится нелегко, — и тогда-то появляется письменность, какъ средство закрѣпить знанія. Однако и послѣ появленія письменности устное народное творчество не останавливается и иногда продолжаетъ развиваться параллельно письменности; на долю послѣдней отводится то, что носитъ болѣе серьезный, научный характеръ, а на долю перваго (т.-е. устнаго творчества) отводится или то, что пріобрѣтаетъ характеръ забавы (сказки и пѣсни), или то, что необходимо помнить всегда, какъ руководство въ жизни (пословицы), или то, наконецъ, что нелегко можетъ быть передано на бумагѣ, какъ, напр., пѣсни, выражающія разнообразныя и иногда очень сложныя движенія души человѣка и цѣнныя не только своими словами, но и мелодіей.

Изъ сказаннаго ясно, что изученіе народной поэзіи, какъ результата духовной жизни народа въ періодъ до появленія письменности, должно предшествовать исторіи литературы, которая является позже. Такъ было у другихъ народовъ, напр., у грековъ, гдѣ изъ пѣсенъ, пѣвшихся народомъ при празднествахъ въ честь различныхъ божествъ, развились постепенно впослѣдствіи книжная трагедія и комедія; или у римлянъ, гдѣ изъ народныхъ пѣсенныхъ сказаній о герояхъ явилась книжная поэма. У насъ дѣло обстояло нѣсколько иначе, ибо наша письменность явилась не столько вслѣдствіе накопленія новыхъ знаній у на-

рода, сколько вслѣдствіе потребностей новой религіи—христіанства, принятаго въ концѣ X вѣка. Поэтому-то наша письменность въ первые вѣка своего существованія, даже вплоть до конца XVIII вѣка, чуждалась народной словесности, и изъ послѣдней очень немного попадало въ книгу: народная словесность была произведеніемъ мірскимъ, свѣтскимъ, а книга по преимуществу служила нуждамъ религіознымъ. Была и другая причина: народная словесность, сложившаяся во времена язычества, по необходимости носила въ себѣ много остатковъ старинныхъ языческихъ вѣрованій; поэтому эта народная словесность встрѣчала преслѣдованія и осужденіе со стороны духовенства, которое не могло допустить существованія языческихъ пѣсенъ и обрядовъ, не говоря уже о записи ихъ. Поэтому-то первыя записи произведеній народной словесности начались лишь въ концѣ XVIII вѣка (были кое-какія записи и въ XVII вѣкѣ, но очень малочисленныя), а до этого времени народныя произведенія переходили изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію, при чемъ, конечно, подвергались, несмотря на устойчивость народной памяти, иногда даже невольнымъ измѣненіямъ. Ясное дѣло, что, сохраняясь въ устахъ народной массы, произведенія эти могли существовать лишь постольку, поскольку они были этой массѣ понятны, поскольку они отражали ея мысли и чувства. Создавались эти произведенія, конечно, отдѣльными лицами изъ среды народа и, если соотвѣтствовали взглядамъ и быту народа, то удерживались въ памяти и распѣвались или разсказывались, а въ противномъ случаѣ, или же когда интересъ къ нимъ ослабѣвалъ, они забывались. Въ данномъ случаѣ интересы народа и интересы грамотнаго люда часто расходились и въ древней Руси, расходятся и теперь: иныя условія жизни того или иного класса вызываютъ и иные интересы, и то, что интересно для крестьянина, иногда представляетъ менѣе интереса для человѣка другого общественнаго класса.

Главнѣйшіе виды произведеній народной словесности: *пѣсня обрядовая, сказка, заговоръ, пословица, пѣсня лирическая, пѣсня былевая.*

Пѣсни обрядовыя.

Пѣсни обрядовыя интересны потому, что въ нихъ мы имѣемъ свидѣтельства о старинныхъ языческихъ вѣрованіяхъ русскихъ славянъ. Въ языческой религіи нашихъ предковъ большое мѣсто отводилось солнечному божеству, въ честь котораго совершалось нѣсколько празднествъ, уцѣлѣвшихъ частью и донынѣ; впрочемъ, теперь эти празднества утратили, конечно, свой религіозный оттѣнокъ и сохраняются, какъ пережитокъ прошлаго, иногда какъ забава. Эти празд-

ники суть: 1) Коляда, Святки; 2) Масленица; 3) Встрѣча весны, Красная горка, Радуница, Егорьевъ день; 4) Русальная или зеленая недѣля, Семикъ; 5) Купало. Если среди праздниковъ языческихъ приходится упоминать и праздники христіанскіе (Егорьевъ день и др.), то это, на первый взглядъ странное явленіе, находитъ себѣ объясненіе въ условіяхъ религіозной жизни древней Руси. Въ самомъ дѣлѣ, языческая религія складывалась вѣками, и народъ привыкъ къ ней: праздники и сопровождавшіе ихъ обряды и пѣсни вошли въ народный обиходъ настолько, что новая религія—христіанская—не могла искоренить ихъ. Такъ какъ нѣкоторые важнѣйшіе христіанскіе праздники по времени празднованія близко подходили къ языческимъ, то часть языческихъ обрядовъ стали совершать во время христіанскихъ праздниковъ. Духовенство вооружалось противъ этого такъ называемаго «двоевѣрія» и неоднократно обличало слѣды язычества, но искоренить ихъ всецѣло не могло, и эти слѣды остались до сихъ поръ, хотя утратили свое первоначальное значеніе. Теперь, напр., во многихъ мѣстахъ Россіи существуютъ обычаи: гаданія во время святокъ, пѣнія колядокъ и щедрівокъ (въ Малороссіи) съ добрыми пожеланіями, переряживанія, обсыпанія хлѣбными зернами при новогоднихъ поздравленіяхъ и т. п. На эти обычаи народъ смотритъ только, какъ на забаву, и никто серьезно не думаетъ, чтобы, напр., святочное гаданіе дѣйствительно предвѣщало будущее. Не то было въ старину, въ періодъ язычества. Тамъ эти праздники имѣли свой смыслъ: послѣ зимняго солнцестоянія (равноденствія) день начиналъ увеличиваться, прибывала живительная сила солнца, и древній язычникъ отмѣчалъ это явленіе, устраивая въ серединѣ декабря праздникъ въ честь солнечнаго божества. Обрядъ переряживанія обозначалъ при этомъ измѣненія, происходящія въ природѣ; колядки являлись своего рода обрядовыми пѣснями и, напр., въ одной изъ нихъ сохранилось даже описаніе языческаго жертвоприношенія; современное гаданіе — отголосокъ старинныхъ прорицаній о будущемъ и даже старинаго богослуженія (напр., бѣлорусскій обычай прятаться за коровай съ пожеланіемъ въ наступающемъ году урожая и высокаго роста колосьевъ оказывается отголоскомъ богослуженія одного изъ вымершихъ славянскихъ племенъ). Обсыпаніе хлѣбными зернами тоже было умѣстно: оно означало ожидавшійся урожай въ виду возобновленія животворной дѣятельности солнца. Съ появленіемъ христіанства, эти обряды перенесены были на время празднованія Рождества Христова и Богоявленія, а такъ какъ эти христіанскіе праздники не имѣли ничего общаго съ языческими, то смыслъ языческихъ обрядовъ утратился, и послѣдніе

обратились лишь въ праздничное развлеченіе. Подобный характеръ имѣютъ обряды и при другихъ праздникахъ, напр., прыганіе черезъ костры въ праздникъ Купала, бросаніе вѣнковъ въ день Троицы въ воду и друг. При всѣхъ этихъ обрядахъ поются пѣсни, которыя страннымъ образомъ соединяютъ языческія представленія съ христіанскими: «уродилась Коляда наканунѣ Рождества», наименованіе Іоанна Крестителя именемъ языческаго бога Купалы, представленіе о водяныхъ божествахъ-русалкахъ, какъ о душахъ некрещеныхъ дѣтей и т. п.

Свадебныя и похоронныя пѣсни.

Къ числу обрядовыхъ пѣсенъ должно отнести *пѣсни свадебныя и похоронныя*, въ которыхъ слѣдовъ язычества сохранилось больше, чѣмъ гдѣ-либо. Самая свадьба представляется своего рода религіозно-бытовой драмой, гдѣ всякое дѣйствіе обязательно, хотя бы точный смыслъ его не былъ ясенъ. Начать хотя бы съ того, что церковное вѣнчаніе и мірская свадьба вовсе не одно и то же и даже, есть мѣста, гдѣ «молодые» считаются мужемъ и женою не послѣ церковнаго вѣнчанія, а лишь послѣ «свадьбы». Главные моменты «свадьбы»: сговоръ (рукобитье, заручины), дѣвичникъ и мальчишникъ, свадебное торжество. Всѣ эти моменты проходятъ по обычнымъ, разъ навсегда установленнымъ пріемамъ: повсемѣстно свахи пользуются одними и тѣми же выраженіями, когда приходятъ просить руки дѣвушки; повсемѣстно тыква или арбузъ означаютъ отказъ; также повсемѣстно свадебный поѣздъ составляетъ цѣлое шествіе, въ которомъ, кромѣ жениха и невѣсты, принимаютъ большое участіе сваты, дружки, бояре, поѣзжане, старосты (у малоруссовъ) и друг. Вездѣ въ обычаѣ также и свадебный пиръ, передъ которымъ молодыхъ, возвратившихся изъ церкви, обсыпаютъ хлѣбными зернами съ пожеланіемъ благоденствія. Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ къ этимъ основнымъ обрядамъ присоединяются еще и второстепенные, тоже какъ пережитокъ старины: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., молодая женщина, вступая въ домъ мужа, бросаетъ въ печку кусокъ хлѣба, чтобы задобрить домового; въ другихъ мѣстахъ въ обычаѣ, чтобы мужъ, вводя въ домъ жену, легонько ударялъ ее трижды плеткою въ знакъ своей власти надъ нею. Интересно то, что весь свадебный обрядъ совершается при пѣніи пѣсенъ, которыя рисуютъ долю невѣсты до и послѣ замужества, условія семейной жизни, а также передаютъ смыслъ нѣкоторыхъ обрядовъ и пожеланія по поводу предстоящей брачущимся судьбы.

Большое значеніе имѣютъ также и похоронныя причитанія или заплачки, существующія во многихъ мѣстахъ Россіи. Эти пѣсни не являлись, въ сущности, прямымъ выраженіемъ горя

лицъ, осиротѣвшихъ со смертью одного изъ членовъ семьи: пѣли и поютъ заплачки, обыкновенно, не сами родственники покойника, а лица, спеціально занимающіяся этимъ дѣломъ: это чаще всего женщины, которыхъ называютъ плакальщицами или плачеями. Отсюда видно, что похоронный плачъ являлся именно обрядомъ дохристіанскаго погребенія. Содержаніе такихъ плачей составляетъ изображеніе горя осиротѣлыхъ родныхъ и загробной участи умершаго. Горе осиротѣвшихъ представляется дѣйствіемъ злой судьбы, ожидающей человѣка у колыбели и подстерегающей его на каждомъ шагу его жизни; смерть является посланницей судьбы и постигаетъ, по пѣснямъ, человѣка то въ видѣ внезапно прилетающей птицы, то въ видѣ красной дѣвицы, то въ видѣ старой голодной женщины, подкрадывающейся къ покойнику. Осиротѣвшіе родственники въ пѣсняхъ спрашиваютъ окружающихъ о томъ, куда скрылся умершій: умершаго какъ бы ищутъ въ дому и по сосѣдямъ; убѣдившись въ страшномъ фактѣ смерти, просятъ вѣтеръ разметать могилу, а воду — размыть ее; далѣе обычно изображается опустѣвшее и приходящее безъ хозяина въ ветхость жилище и одинокая семья, влачащая жалкое существованіе съ утратою дорогого лица. Представленія о загробной участи умершаго тоже не вполнѣ совпадаютъ съ христіанскими. Будучи язычниками, русскіе славяне сожигали своихъ мертвецовъ, полагая, что умершій легко восходитъ къ небесамъ вмѣстѣ съ дымомъ погребальнаго костра. Принявъ христіанство, русскіе измѣнили обрядъ погребенія и стали закапывать трупы въ землю, но представленіе о томъ, что умершему предстоитъ тяжелый путь, осталось: «хоть не дальняя дорожка — безызвѣстная, хоть не ближняя дорожка, а мытарсливая (т.-е. чрезъ мытарства)» поется въ одной изъ заплачекъ. Поэтому-то заплачки изображаютъ разставаніе умершаго съ земною жизнью въ видѣ сборовъ въ дорогу — къ далекой восточной сторонѣ, за облака, къ солнцу и мѣсяцу. Въ одной пѣснѣ мертвые представляются носящимися въ облакахъ, почему между ними возможны встрѣчи: «стане облачко со облачкомъ сходитися, може другъ съ другомъ на стрѣчу пострѣтаетесь». Гробъ представляется иногда жилищемъ для покойника, домомъ («домовина»), но ему въ пѣсняхъ вообще отводится мѣста немного, а главное вниманіе устремлено на посмертныя странствованія умершаго, ибо очевидно, мысль оставшихся въ живыхъ не могла примириться съ мнѣніемъ, что со смертью прекращается существованіе, и искала для человѣка новаго, надземнаго бытія. Можно прибавить только, что по красотѣ языка, по художественности отдѣлки наши народныя причитанія являются прямо-таки образ-

цовыми поэтическими произведеніями, необычайно живо воспроизводящими горестное чувство утраты.

Сказки. *Сказки* въ настоящее время утратили свое первоначальное значеніе и служатъ только для забавы, почему пословица даже называетъ ихъ «складками»; однако эти занимательные разсказы въ древнюю пору имѣли болѣе важное значеніе. Народъ, слагая ихъ, выражалъ въ нихъ свои знанія объ окружающей природѣ или человѣческомъ обществѣ; притомъ надо замѣтить, что среди нашихъ сказокъ есть и такія, которыя сложены не русскимъ народомъ, а пришли къ намъ отъ другихъ народовъ. Заимствованіе однимъ народомъ произведеній словесности у другого было вообще довольно распространено въ древности: отдѣльные народы часто вступали между собою въ разныя отношенія — сосѣдскія, торговыя, военныя; при этомъ знакомились и съ произведеніями духовной жизни другъ друга. Русскіе, напр., приняли въ число своихъ сказокъ большое количество сказокъ народовъ восточныхъ и, при серьезномъ изученіи, можно бываетъ отличить захожія сказки или даже отдѣльные сказочные образы отъ мѣстныхъ. Такое заимствованіе не умаляетъ достоинства народнаго творчества, потому что заимствуется только то, что соотвѣтствуетъ природѣ и быту данной страны, да, кромѣ того, заимствуемое часто перерабатывается подъ вліяніемъ новыхъ условій. Лиса, напр., у очень многихъ народовъ—одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ сказкахъ и всегда съ однѣми и тѣми же чертами—лживостью, лукавствомъ и пронырствомъ; тѣ же черты у нея и въ русскихъ сказкахъ, но среди послѣднихъ есть такія, гдѣ лиса проявляетъ эти свои качества въ роли плачеи: особая роль, приданная лисѣ въ мѣстной переработкѣ сказки. Такимъ образомъ, каждый народъ, заимствуя у другого то, что соотвѣтствуетъ его собственному развитію, смотритъ на заимствованное уже какъ на свое, даже забывая объ его источникѣ. Наши сказки принято дѣлить на три группы:

а) *Сказки миѳическія* Въ нихъ народъ выражалъ свои знанія о природѣ и ея явленіяхъ, представлявшихся ему въ видѣ дѣйствій особыхъ божествъ. Въ этихъ сказкахъ можно встрѣтиться, какъ съ дѣйствующими лицами, съ Солнцемъ, Вѣтромъ, Дождемъ и Громомъ; здѣсь Морозъ стремится заставить всю природу омертвѣть, при чемъ природа представляется въ видѣ красавицы; солнечная теплота, въ видѣ зерна, растапливаетъ хрустальную гору (замороженную природу); солнце, въ видѣ жаръ-птицы или свинки-золотой щетинки, совершаетъ рядъ благодѣтельныхъ подвиговъ; вѣтеръ символически представляется въ видѣ ковра-самолета и т. д.

б) *Сказки о животныхъ* выражали знанія первобытнаго человѣка объ окружающемъ его мірѣ живыхъ существъ, которымъ онъ приписывалъ разумъ и рѣчь человѣка и къ которымъ въ извѣстную эпоху первобытной жизни относился даже, какъ къ существамъ высшимъ, обоготворялъ ихъ. По мѣрѣ развитія культуры, человѣкъ учился обладать и повелѣвать природою, и потому прежнія высокія представленія о животныхъ падали; оставались сказки, которыя пріобрѣтали характеръ занимательныхъ разсказовъ о животныхъ, особенно о тѣхъ, съ которыми человѣку чаще другихъ приходилось сталкиваться: лиса, заяцъ, медвѣдь, волкъ, собака. Черты характера, съ которыми выступаютъ животныя, обыкновенно, у всѣхъ народовъ однѣ и тѣ же: лиса, какъ сказано выше, отличается пронырствомъ и хитростью, медвѣдь — неуклюжъ и несообразителенъ (почему обыкновенно крестьянину удается перехитрить его), волкъ—кровожаденъ, но такъ же недогадливъ, какъ и медвѣдь; заяцъ является въ видѣ безпомощнаго животнаго (напр., въ сказкѣ о томъ, какъ лиса выгнала его изъ избушки), которому даже пѣтухъ можетъ помочь и т. д.

в) *Сказки о людяхъ или бытовыя.* Обычное содержаніе этихъ сказокъ: правда и кривда; мачеха и падчерица; младшій братъ-дуракъ и старшіе — себялюбивые, расчетливые эгоисты и т. п. Въ бытовыхъ сказкахъ народъ разсматриваетъ и оцѣниваетъ явленія своей жизни; если искать въ нихъ чертъ стариннаго быта, то и послѣднихъ найдется не мало: такъ, проф. Владимировъ подмѣтилъ слѣды родственныхъ отношеній (волкъ-батюшка, лисынька-матушка; лиса-сватья, кума-лиса; волчикъ-братикъ, лисичка-сестричка), жестокіе обычаи первобытной мести и казни (разрубаніе тѣла на мелкіе куски, привязываніе преступниковъ къ хвостамъ коней, закапываніе въ землю живьемъ, выкалываніе глазъ, вырѣзываніе изъ спины ремней), бытовыя отношенія (погребеніе въ гробѣ на высокихъ столбахъ, форма клятвы землею, щепотка которой проглатывалась, брачные обычаи). Важно то, что въ этихъ бытовыхъ сказкахъ народъ не только представлялъ извѣстную черту своей жизни, но и излагалъ свое пониманіе жизни: сочувствіе его всегда на сторонѣ праваго дѣла; такъ, напр., обиженная мачехою падчерица, или честный третій братъ-дуракъ, или купецъ, живущій по правдѣ, всегда, по сказкамъ, оказываются награжденными, хотя предварительно имъ приходится горя перенести не мало. Эта нравственная идея—сочувствіе обиженному, угнетенному, но въ то же время нравственно-высокому дѣлаетъ эти сказки особенно цѣнными какъ потому, что выражаетъ глубоко-симпатичную народную черту, такъ и потому,

что питаетъ въ самомъ народѣ нравственное чувство, поддерживая вѣру въ конечное торжество правды.

Заговоры.

Очень древнія произведенія народнаго творчества, въ которыхъ нѣкоторые изслѣдователи видятъ остатки старинныхъ языческихъ молитвъ — *заговоры*. При объясненіи того, какъ эти молитвы могли вызвать желаемое дѣйствіе, ученые ссылаются на существованіе вѣры въ силу человѣческаго слова, которое, какъ могъ видѣть человѣкъ, производило извѣстное дѣйствіе на людей и на животныхъ. Очевидно, первобытный человѣкъ полагалъ, что и его языческіе боги могутъ подчиниться этой силѣ слова, если слова заговора-молитвы были обращены къ нимъ: такой характеръ скорѣе приказанія, чѣмъ мольбы, носятъ многіе древнѣйшіе заговоры, особенно у восточныхъ народовъ; позднѣе является вѣра въ силу божества, которое стараются умилостивить словомъ, и вѣра въ силу обряда, которымъ иногда сопровождается произнесеніе заговора: заговаривающій (заклинатель), совершая извѣстный обрядъ, очевидно, хочетъ вызвать сходныя дѣйствія, необходимыя ему: бросая въ печь фигурку человѣка, заклинатель произноситъ, напр., заговоръ, имѣющій цѣлью воспламенить любовью сердце дѣвушки съ такою же легкостью, съ какою плавится на огнѣ воскъ. Въ каждомъ заговорѣ различаютъ нѣсколько частей, хотя обыкновенно онѣ встрѣчаются не всѣ: а) изображеніе дѣйствій заклинателя («встану я благословясь, пойду перекрестясь изъ избы во дворъ, изъ двора воротами въ чистое поле...»); б) призываніе божества — солнца, мѣсяца, а часто и христіанскихъ святыхъ; в) выраженіе пожеланія; г) сравниваніе желаемаго съ какимъ-либо предметомъ или явленіемъ природы (для большей наглядности); д) замыканіе (напр., «да будетъ мое слово крѣпко, какъ камень-Алатырь»). По поводу первой и второй части заговора можно отмѣтить, что заклинатель въ нихъ часто представляется христіанину: выходитъ перекрестясь, молится І. Христу, Богородицѣ, святымъ; это—слѣды вліянія христіанства, при которомъ заговоръ, какъ языческая молитва, не исчезалъ, какъ должно было бы, а прикрывался введеніемъ христіанскихъ понятій. Что касается третьей части заговора—выраженія пожеланія, то пожеланія охватываютъ всѣ стороны народной жизни: есть заговоры на любовь и остуду, отъ множества болѣзней, отъ ранъ на войнѣ, отъ случайностей судопроизводства, при промыслахъ и занятіяхъ разнаго рода и т. д.

Пословицы.

Пословицы — это краткія изреченія, обыкновенно всегда отличающіяся мѣткостью рѣчи и сжатостью выраженія мысли; нѣкоторыя изъ нихъ выдѣлились изъ пѣсенъ

и сказокъ, другія, повидимому, сложились самостоятельно. Онѣ очень удобны, какъ краткое выраженіе мысли, почему къ нимъ часто прибѣгаютъ въ повседневномъ быту. Дѣлятъ ихъ на *историческія* (напр., «Пусто, словно Мамай воевалъ», «Погибъ, какъ шведъ подъ Полтавою»), *миѳологическія* (съ остатками старинныхъ языческихъ или суевѣрныхъ христіанскихъ вѣрованій, напр., «Который богъ вымочитъ, тотъ и высушитъ», «Изъ пустого дупла—либо сычъ, либо сова, либо самъ сатана», «Старый воронъ мимо каркаетъ»), *бытовыя* (бытъ семейный и общественный: судопроизводство, занятія, бѣдность, богатство, значеніе общины напр., «Въ дѣвкахъ сижено—горе мыкано, замужъ выдано—вдвое прибыло», «Люби жену, какъ душу, тряси ее, какъ грушу», «Не надобенъ и кладъ, коли въ семьѣ ладъ», «Что мнѣ законы,—мнѣ судьи знакомы», «Конь любитъ овесъ, а воевода—приносъ», «Бѣдность—не порокъ», «Залѣзъ въ богатство, забылъ и братство», «Пьянъ да уменъ,—два угодья въ немъ», «Что міръ порядилъ, то Богъ разсудилъ»), *нравственныя* (о правдѣ и кривдѣ, о счастьѣ и т. д., напр., «Лучше кривду терпѣть, чѣмъ правдой вертѣть», Колотись, бейся, а все надѣйся», «Стыдъ не дымъ—глаза не выѣстъ»); есть пословицы, отразившія и *христіанскія вѣрованія* («Безъ Бога—ни до порога», «Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ», «На Бога надѣйся, а самъ не плошай»).

Пѣсни лирическія.

Пѣсни лирическія. Пѣсни лирическія или собственно-бытовыя (иногда ихъ называютъ лироэпическими) охватываютъ широкій кругъ явленій народной жизни. Большая доля ихъ занимается судьбою русской женщины, изображеніемъ ея привольной жизни до замужества въ домѣ родителей и ея тяжелаго положенія безправной работницы въ домѣ свекра. Но этотъ мотивъ не единственный, ибо и добрый молодецъ находитъ свое отраженіе въ народной пѣснѣ, когда онъ идетъ въ кабакъ размыкать «тоску кручину», или когда онъ даетъ исходъ накопившейся силѣ, вступивъ въ среду разбойниковъ. Общая черта всѣхъ этихъ пѣсенъ — изображеніе тѣхъ чувствъ, которыя вызваны различными жизненными обстоятельствами; а такъ какъ жизненныя обстоятельства весьма разнообразны, то немудрено, что эти пѣсни охватываютъ вообще всѣ положенія, въ которыхъ приходится быть человѣку. Вотъ, напр., различные пѣсенные мотивы на тему объ «арестантѣ»: «пропадаетъ изъ-за жены», «изъ-за дѣвицы», «острогъ», «тюремная жизнь», «тяжесть неволи», «умираетъ на чужбинѣ», «бьютъ», «плачетъ о родной сторонѣ», «о женѣ», «отецъ, мать, родные отрекаются», «друзья отказываются выручить», «мать навѣщаетъ», «смотритъ въ окно», «ведутъ къ наказанію», «отправляютъ въ

ссылку», «надѣется бѣжать изъ ссылки», «послѣ бѣгства является къ милой» и т. д. (см. 7-й томъ «Великорусскихъ пѣсенъ», изд. А. И. Соболевскимъ). Отдѣльныхъ пѣсенныхъ сюжетовъ (т.-е. темъ или предметовъ пѣсни) вообще очень много: солдатъ, казакъ, офицеръ, матросъ, фабричный, купецъ, бурлакъ, кузнецъ и друг., — словомъ, на каждый случай жизни и для каждаго положенія и занятія найдется пѣсня, помощью которой можно выразить то, что приходится испытывать въ глубинѣ сердца. Можно упомянуть еще и о томъ, что старинная пѣсня въ послѣдніе годы понемногу исчезаетъ, уступая мѣсто иногда романсамъ, которые приходятъ въ деревню изъ города, но такъ же бываютъ въ ней недолговѣчны, какъ и въ городѣ,—или такъ называемымъ *частушкамъ*, коротенькимъ четверостишіямъ, всегда риѳмованнымъ, и иногда довольно удачно схватывающимъ какую-либо мысль. Интересно то, что, какъ подмѣтили изслѣдователи, частушка, какъ произведеніе новаго времени, говоритъ уже о новыхъ жизненныхъ условіяхъ: въ ней дѣвица выбираетъ сама себѣ жениха, котораго и приводитъ къ родителямъ; молодой человѣкъ, уходя на военную службы, утѣшаетъ себя мыслью, что «мы де нигдѣ не пропадемъ: мы читать, писать умѣемъ,— въ писаришки попадемъ». Но новыя жизненныя условія—вѣянія города—не заставляютъ забывать и то, что исконно дорого для народа—деревню: есть частушки, гдѣ выражается самая жгучая тоска по деревнѣ и чувство горячей любви и уваженія къ крестьянской женщинѣ, которая «чисто жнетъ, аккуратно вяжетъ,—много горя принимаетъ, никому не скажетъ».

III.

Народная поэзія: былевой эпосъ.

Былины.

Историческая жизнь русскаго народа отразилась въ такъ называемыхъ *старинахъ* или, какъ ихъ чаще называютъ, *былинахъ*, т.-е. пѣсняхъ о прошломъ, о быломъ. Въ этихъ пѣсняхъ можно встрѣтить названія лицъ и мѣстностей и историческихъ, и такихъ, о подлинности которыхъ трудно сказать что-либо опредѣленное: очевидно, передаваясь изустно на пространствѣ нѣсколькихъ вѣковъ, былины пострадали въ смыслѣ точности передачи именъ и фактовъ. Первоначальный пѣсенный разсказъ о какомъ-либо историческомъ событіи слагался среди княжеской дружины и имѣлъ форму пѣсни, затѣмъ онъ шелъ въ народное обращеніе и здѣсь видоизмѣ-

нялся: если эти дружинныя пѣсни заключали въ себѣ, съ одной стороны, разсказъ объ историческомъ событіи, а съ другой — восхваленіе историческихъ дѣятелей («лиро-эпическія пѣсни», какъ ихъ называютъ нѣкоторые), то могло случиться, что восхваленіе отпадало, если пѣвецъ интересовался, главнымъ образомъ, событіемъ. Дальнѣйшее видоизмѣненіе могло выражаться въ забвеніи второстепенныхъ подробностей, лицъ и названій: главную фигуру въ былинѣ составлялъ богатырь, а все окружавшее обращало на себя меньше вниманія и потому забывалось легче. Вотъ почему, напримѣръ, въ былинахъ можно встрѣтить ошибки противъ исторіи («анахронизмы»), напр., въ одной пѣснѣ говорится о нападеніи на Кіевъ во время Владимира татаръ, которыхъ отражаетъ Илья Муромецъ: имя болѣе ранняго кочевого народа, который нападалъ на Кіевъ (печенѣги), забылось и вмѣсто него явилось имя народа, который оставилъ глубокій слѣдъ въ народной памяти (т.-е. татаръ, явившихся на Русь въ XIII в.). Это забвеніе вполнѣ естественно, и вотъ яркій примѣръ его: въ нашихъ былинахъ рѣчь идетъ преимущественно о Кіевѣ и южной Руси; между тѣмъ поются онѣ теперь только на сѣверѣ Россіи «сказителями», а въ южной Руси сохранились только слабыя упоминанія о нѣкоторыхъ богатыряхъ. Объяснить это можно только исторической судьбою южной Руси, которая принуждена была вести долгую и самостоятельную борьбу за свое существованіе и независимость національнаго самосознанія. Въ этой борьбѣ южная Русь выработала свой былевой эпосъ, въ которомъ отразилось все пережитое, а общерусскія преданія старины въ видѣ былинъ забылись. Итакъ, сложившаяся однажды пѣсня объ историческомъ событіи впослѣдствіи видоизмѣняла свое содержаніе подъ вліяніемъ другихъ историческихъ событій, а также и общихъ психологическихъ условій запоминанія. Были, впрочемъ, и другіе источники былинъ: это книжныя сказанія (иногда библейскаго характера, напр., о Самсонѣ), которыя видоизмѣнялись въ пѣсни, а также и иноземныя былины, которыя иногда попадали къ намъ. Что касается книжныхъ сказаній, то роль ихъ, какъ основы содержанія многихъ былинъ, несомнѣнна; вопросъ только въ томъ, кто служилъ посредникомъ въ передачѣ книжныхъ сказаній народу, т.-е. кто слагалъ былины съ книжной основой? Думаютъ, что эти былины создавались скоморохами, на обязанности которыхъ лежало увеселять во время пировъ и празднествъ приглашенныхъ гостей. Будучи нечуждыми книжности, скоморохи пѣли не только то, что было въ народномъ пѣсенномъ обиходѣ, но могли слагать былины и самостоятельно. Былины же иноземныя могли попадать къ намъ какъ чрезъ посредство тѣхъ

же скомороховъ, если среди нихъ бывали захожіе люди, такъ и при разнаго рода сношеніяхъ съ иноземцами: если какая-либо иноземная былина подходила изображаемою ею жизнью къ народному обиходу, то могла, съ видоизмѣненіями, конечно, быть усвоена народомъ. Изъ сказаннаго видно, что былины представляютъ содержаніе очень сложное. Не всегда бываетъ легко рѣшить, мѣстная или иноземная основа въ былинѣ, не всегда легко опредѣлить, въ чемъ именно заключается эта основа, и что именно въ содержаніи былины можно считать отраженіемъ дѣйствительныхъ событій, а что могло быть только позднѣе присоединено къ первоначальному тексту былины. Поэтому изученіе былинъ представляетъ большія трудности.

Богатыри.

Дѣйствующими лицами въ былинахъ являются богатыри. Слово «богатырь» происхожденія монгольскаго и употреблялось для обозначенія воеводъ или воиновъ, отличавшихся своею храбростью; соотвѣтствующими древне-русскими названіями были: «храборъ», «кметь», «витязь» и друг. Эти названія, очевидно, прилагались къ лицамъ, извѣстнымъ своими военными подвигами; народная фантазія впослѣдствіи стала надѣлять этихъ лицъ сверхъестественной силой и приписывать имъ необычайныя качества. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что полузабытыя сказанія о богахъ могли связываться съ сказаніями о богатыряхъ и быть источникомъ фантастическаго элемента въ послѣднихъ. Большинство богатырей группируется вокругъ двухъ центровъ русской жизни—Кіева и Новгорода.

Кіевскій циклъ былинъ.

Въ Кіевскомъ циклѣ былинъ (т.-е. кругѣ былинныхъ сказаній) главной фигурой является князь Владиміръ — Красное Солнышко; богатырскими чертами, какъ силою или храбростью, — онъ не отличается, но вокругъ него и собраны богатыри, являющіеся на пиры Владиміра и исполняющіе его различныя порученія; богатыри состоятъ на службѣ у князя и совершаютъ по его порученію или въ его интересахъ рядъ подвиговъ: вступаютъ въ борьбу съ врагами, являющимися въ видѣ пришлыхъ народовъ или чудовищъ; стоятъ на стражѣ земли русской—(«застава богатырская»), оберегая ее отъ нападеній иноземныхъ враговъ; очищаютъ дороги отъ разбойниковъ; привозятъ невѣстъ Владиміру и т. п. Изъ числа наиболѣе извѣстныхъ богатырей Кіевскаго или Владимірова цикла должно назвать Илью Муромца, Добрыню Никитича, Алешу Поповича, Михаила Потока, Соловья Будимировича, Чурилу Пленковича, Дюка Степановича, Ставра Годиновича и другихъ. Сюда же относятъ нѣкоторые и такъ называемыхъ старшихъ богатырей: Святогора, Вольгу и Микулу Селяниновича,

хотя связь ихъ съ Кіевомъ очень сомнительна. Имена Ильи Муромца, Добрыни, Алеши Поповича и нѣкоторыхъ другихъ богатырей упоминаются иногда въ древнихъ историческихъ памятникахъ, но сказать что-либо опредѣленное о томъ, были ли лица, носившія эти имена, именно тѣми, которые являются въ качествѣ богатырей въ былинахъ, нельзя, такъ какъ указанія памятниковъ слишкомъ отрывочны, а содержаніе былинъ носитъ на себѣ явные признаки позднѣйшихъ осложненій и видоизмѣненій. Такъ, напр., среди былинъ объ Ильѣ Муромцѣ есть былина о чудесномъ полученіи Ильею силы отъ прохожихъ калікъ: былина эта сложилась подъ вліяніемъ книжныхъ сказаній о чудесныхъ исцѣленіяхъ и народныхъ сказокъ о сидняхъ; ясно, что смотрѣть на нее не только, какъ на дѣйствительное событіе изъ жизни Ильи, но даже какъ на далекое отраженіе какого-либо дѣйствительнаго случая съ Ильей, нельзя; она могла быть народнымъ сказаніемъ, только случайно прибавленнымъ къ кругу другихъ сказаній, связанныхъ съ популярнымъ именемъ Ильи. Отмѣтимъ, что среди былинъ есть значительное число такихъ, въ которыхъ никакой исторической основы и усмотрѣть нельзя, а лишь занимательный разсказъ о какихъ-либо похожденіяхъ богатырей (чаще всего о любовныхъ, въ родѣ сватовства, похищенія дѣвицъ и т. п.). Можетъ-быть, былины этого рода создались первоначально не въ народѣ, а именно среди скомороховъ.

Новгородскій циклъ былинъ.

Былины, связанныя съ Новгородомъ, имѣютъ своимъ предметомъ только двухъ главныхъ героевъ—Василія Буслаева и Садко. Второй — представитель торговаго класса, первый—боярства. Подвиги Василія выражаются (съ необходимыми былинными пріукрашеніями), главнымъ образомъ, въ борьбѣ его съ мужиками новгородскими; борьба эта—отражаетъ тѣ партійные споры, которые происходили въ Новгородѣ въ историческую эпоху его жизни. Кромѣ того, былины о Василіи интересны и чисто-новгородскими чертами: въ его воспитаніе включено чтеніе, письмо и пѣніе церковное; онъ — представитель боярской молодежи, стоитъ во главѣ дружины, вмѣшивается въ жизнь народа (мужиковъ новгородскихъ), совершаетъ паломничество въ Іерусалимъ и т. д. Подобнаго же характера былины и о Садкѣ, который былъ сначала гусляромъ (по другой передѣлкѣ—повольникомъ или ушкуйникомъ на Волгѣ), потомъ разбогатѣлъ при помощи морского царя, состязался въ богатствѣ съ Новгородомъ, едва не остался въ чертогахъ морского царя, куда попалъ во время бури въ качествѣ искупительной жертвы, но затѣмъ спасся, а впослѣдствіи прославился сооруженіемъ церквей въ Новгородѣ. Имена Буслаева и Садка

упоминаются въ лѣтописи и, слѣдовательно, принадлежали лицамъ, дѣйствительно существовавшимъ и оставившимъ по себѣ память въ народѣ: записи говорятъ о Буслаевѣ, какъ о посадникѣ, а о Садкѣ, какъ о строителѣ церквей. Вѣроятно, сказанія о нихъ, существовавшія въ народной памяти, впослѣдствіи осложнились прибавленіемъ другихъ сказаній какъ мѣстныхъ (напр., легенда о паломничествѣ Василія), такъ и иноземныхъ; замѣчаютъ, напр., черты сходства между былиной о Василіи Буслаевѣ и средневѣковымъ романомъ о Робертѣ-Дьяволѣ или между былиной о Садкѣ и романомъ о Тристанѣ. Во всякомъ случаѣ, можно сказать, что былины новгородскія заключаютъ въ себѣ гораздо больше историческихъ (бытовыхъ) чертъ, чѣмъ былины Кіевскаго цикла.

Историческія пѣсни.

Еще болѣе историческихъ чертъ находимъ въ такъ называемыхъ *историческихъ пѣсняхъ*. Подъ этимъ именемъ извѣстны пѣсни, сложившіяся подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ крупныхъ событій народной жизни, каковы: татарщина (пѣсни объ Авдотьѣ Рязаночкѣ, о Щелканѣ Дудентьевичѣ), эпоха Іоанна Грознаго (пѣсни о взятіи Казани, о покореніи Сибири, объ осадѣ Пскова, о женитьбѣ Грознаго на Марьѣ Темрюковнѣ, о гнѣвѣ Грознаго на сына), Смутное время 1605—1613 г. (пѣсни о Лжедимитріи I, о Ксеніи Годуновой, о кн. Михаилѣ Скопинѣ-Шуйскомъ, о въѣздѣ въ Москву патріарха Филарета), эпоха Петра Великаго (пѣсни о рожденіи Петра, объ Азовскихъ походахъ, походахъ шведскихъ, о Мазепѣ, о смерти Петра) и т. д. вплоть до послѣднихъ войнъ и событій общественной жизни XIX вѣка, кончая русско-японской войной. Относительно историческихъ пѣсенъ XVIII и XIX вв. надо сдѣлать одно общее замѣчаніе: онѣ скорѣе могутъ быть названы воинскими, чѣмъ народными въ широкомъ смыслѣ слова, ибо зарождаются и сохраняются въ войскахъ, которыя ближе стоятъ къ историческимъ событіямъ, принимая часто въ нихъ непосредственное участіе. Уже изъ военной среды эти пѣсни переходятъ въ народъ, гдѣ и распространяются и притомъ не всѣ и не въ одинаковой степени, а въ зависимости отъ того, какія лица и событія произвели на народъ болѣе сильное впечатлѣніе. Во всѣхъ вообще историческихъ пѣсняхъ и особенно въ пѣсняхъ эпохи до XVIII вѣка надо различать три момента: 1) разсказъ о событіи, вызвавшемъ пѣсню; 2) измѣненія, внесенныя въ этотъ разсказъ въ эпоху сложенія пѣсни и позднѣе; 3) народное истолкованіе историческихъ событій. Первый моментъ выступаетъ всегда довольно отчетливо, и нетрудно бываетъ угадать, какое именно событіе вызвало пѣсню, какъ можно видѣть хотя бы изъ перечи-

сленныхъ выше примѣровъ. Но дѣло въ томъ, что почти о каждомъ событіи народъ передаетъ съ измѣненіями: напр., въ пѣснѣ о взятіи Казани татарскій ханъ и его жена носятъ христіанскія имена Симеона и Елены; въ пѣснѣ о гнѣвѣ Грознаго на сына разсказывается, будто Грозный хотѣлъ убить сына (тогда, какъ онъ его и убилъ, но не Ѳеодора, какъ по пѣснѣ, а Іоанна); въ пѣснѣ о смерти Лжедимитрія Марина вылетаетъ изъ терема, принявъ видъ сороки, и т. д. Иногда эти измѣненія могутъ явиться вслѣдствіе давности и неотчетливости знанія подробностей историческихъ событій (напр., имени казанскаго хана), иногда же они являются вслѣдствіе другихъ причинъ, современныхъ созданію пѣсни и живущихъ въ народномъ сознаніи: народъ по-своему истолковываетъ событія, и это истолкованіе особенно интересно для историка литературы. Напр., въ пѣснѣ о гнѣвѣ Грознаго на сына смягчена жестокая дѣйствительность введеніемъ заступника въ лицѣ Никиты Романовича, спасающаго царевича: такой исходъ дѣла, очевидно, успокаиваетъ чуткую нравственность народа; вмѣстѣ съ тѣмъ подмѣчена въ этой пѣснѣ характерная черта Грознаго, заставляющая его раскаиваться въ жестокомъ приказаніи казнить царевича,— это быстрый переходъ отъ гнѣва и раздражительности къ сознанію своей горячности и раскаянію. Съ неудовольствіемъ глядя на Марину, какъ на иновѣрку, народъ (въ пѣснѣ о смерти Лжедимитрія) представляетъ ее какою-то волшебницею, владѣющею даромъ оборотничества и спасающеюся отъ смерти только благодаря чародѣйству. Этотъ народный взглядъ на событія важенъ, потому что показываетъ, какъ отражалась дѣйствительность въ народномъ сознаніи и какъ народъ въ своемъ стремленіи уяснить себѣ историческія событія иногда невольно не останавливался даже передъ объясненіемъ, расходящимся съ дѣйствительностью. Очевидно, подобный пріемъ объясненій могъ примѣняться и въ болѣе раннюю пору—въ эпоху творчества былинъ, съ тою только разницею, что тогда народная фантазія отличалась еще большей живостью, и даже сверхъестественное не считалось невозможнымъ.

Южно-русскія „думы“.

Къ былевому эпосу принадлежатъ также и *южно-русскія пѣсни историческаго содержанія, или «думы»*; послѣднее названіе, впрочемъ, чаще придается только тѣмъ пѣснямъ, которыя имѣютъ ритму и поются бандуристами, а не всѣмъ народомъ. Сложились онѣ въ эпоху борьбы южной Руси съ поляками, турками и татарами; свѣдѣнія объ ихъ существованіи восходятъ къ XVI в., когда историческая жизнь южной Руси была уже богата разнообразными событіями, но существовали, вѣроятно, и раньше. Распространителями этихъ

пѣсенъ являются отдѣльные пѣвцы (кобзари, бандуристы), поющіе подъ аккомпанементъ [1]) музыкальнаго инструмента. Выдающеюся чертою думъ, отличающей ихъ отъ великорусскихъ историческихъ пѣсенъ, обыкновенно является лиризмъ, т.-е. выраженіе чувствъ, вызываемыхъ у пѣвцовъ воспѣваемымъ событіемъ; общій тонъ этого чувства обыкновенно грустный, въ зависимости отъ характера событій. Вотъ нѣсколько темъ южно-русскихъ пѣсенъ (изъ сборника пѣсенъ Антоновича и Драгоманова): татарскій набѣгъ; плѣнъ и ослѣпленіе Коваленка татарами; двѣ сестры-плѣнницы у турокъ; плачъ невольниковъ въ турецкой каторгѣ; побѣгъ трехъ братьевъ изъ неволи турецкой изъ Азова: побѣгъ Самуила Кошки изъ турецкой неволи; сборъ казака въ набѣгъ на Крымъ и друг. Значительная часть думъ сложилась въ эпоху существованія Запорожья и отразила въ себѣ полную опасностей и благороднаго мужества дѣятельность рыцарей Украйны: турецкая неволя, гдѣ томились тѣ, кто не желалъ отречься отъ вѣры и «потурчиться», возбуждала народное чувство не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ страданія подъ гнетомъ польскихъ пановъ, и вызывала скорбныя пѣсни о горькой долѣ плѣнныхъ и подневольныхъ туркамъ братьевъ. Отступниковъ народная дума не терпитъ: когда «потурчившаяся» Маруся Богуславка приходитъ въ тюрьму поздравить плѣнныхъ съ днемъ Пасхи, послѣдніе клянутъ ее, желая, «бодай тобі ні щастя, ні долі не мала, що такий великий праздник роковий сказала»; съ презрѣніемъ пѣсня отзывается и о томъ сотникѣ, «що був тридцять літ у неволі, недовірок християнський, потурчився, побусурманився, для панства великого, для лакомства нещастного» (въ пѣснѣ о побѣгѣ Самуила Кошки); но въ то же время грустное заключеніе думы о Марусѣ Богуславкѣ можетъ внушить мысль, что народъ входитъ въ положеніе и несчастныхъ отступниковъ и молитъ Бога о томъ, чтобы Онъ «визволивъ всіх бідних невольників з тяжкої неволі, з віри бусурменської на ясні зорі, на тихі води у край вселений, у мир хрещений». Полны живого интереса и чувства также пѣсни о Байдѣ, смѣломъ казакѣ, проникающемъ въ Константинополь и погибающемъ мучительною смертью за насмѣшки надъ магометанствомъ. Необычайно поэтично изображается также въ пѣснѣ о бѣгствѣ трехъ братьевъ изъ Азова картина тяжелыхъ душевныхъ страданій, испытываемыхъ покинутымъ и умирающимъ въ степи братомъ. Вообще, и по отдѣлкѣ и по содержанію южно-русскія пѣсни отличаются замѣчательной поэтичностью.

---

[1]) Означаетъ: въ сопровожденіи.

IV.

Важнѣйшія явленія древняго періода русской литературы—отъ XI до XVI вѣка.

Начало письменности.

Въ концѣ X и въ началѣ XI вѣка на Руси появляется впервые письменность—одновременно съ христіанствомъ, нуждами котораго было вызвано ея появленіе: для новой религіи нужны были церковно-богослужебныя книги, книги Св. Писанія, творенія отцовъ Церкви и вообще разнаго рода богословскія сочиненія. Славянская азбука была изобрѣтена св. Кирилломъ и Меѳодіемъ еще въ серединѣ IX вѣка, и къ тому времени, когда русскіе приняли христіанство, у одного изъ славянскихъ народовъ, а именно у болгаръ, была уже довольно обширная литература. Русскимъ пришлось на первыхъ порахъ позаимствовать письменность у болгаръ, гдѣ она была, можетъ-быть, отчасти оригинальной, а въ большинствѣ произведеній — переводной съ греческаго. Такимъ образомъ открылась возможность перехода византійской (греческой) литературы въ Россію чрезъ посредство болгаръ; другой путь перехода былъ непосредственный—прямая передача византійскихъ произведеній на Русь въ видѣ переводовъ, дѣлавшихся или на Руси или русскими монахами въ монастыряхъ православнаго Востока. Надобно замѣтить, что переходъ византійской литературы къ намъ начался тогда, когда въ Византіи еще заканчивалась волна реакціи противъ иконоборческаго движенія и когда, съ другой стороны, начинались споры и отчужденіе между Восточной и Западной Церковью. При такихъ условіяхъ преобладающее мѣсто въ византійскихъ произведеніяхъ получали вопросы богословскаго характера. А такъ какъ на Руси грамотными людьми тоже по преимуществу были лица духовнаго званія, то вполнѣ естественно, что для нихъ литература византійская представляла живой интересъ, этимъ оправдывалось перенесеніе ея на Русь. Впослѣдствіи изъ той же Византіи начинаютъ къ намъ приходить произведенія и иного характера—научныя, беллетристическія [1]) и т. д. и, при недостаткѣ соотвѣтствующихъ оригинальныхъ русскихъ произведеній, они восполняютъ этотъ пробѣлъ. Византія является для Россіи чѣмъ-то въ родѣ источника знанія, и авторитетъ ея, особенно въ вопросахъ церковныхъ,

[1]) *Беллетристика*—слово французское и обозначаетъ изящную словесность, т.-е. романы, разсказы, повѣсти и т. п.

стоитъ высоко въ глазахъ русскихъ вплоть до XV вѣка, а отчасти и дальше.

Характеръ древне-русской литературы.

Такимъ образомъ, говоря о древне-русской литературѣ, надо отличать въ ней произведенія переводныя, имѣвшія не меньшее (если даже не большее) значеніе, чѣмъ произведенія мѣстныя, оригинальныя. Но прежде чѣмъ перейти къ обзору главнѣйшихъ явленій древняго періода нашей литературы, надо указать на ея важнѣйшую особенность: *древне-русская литература не была достояніемъ общенароднымъ*, она выражала мысли и чувства не всего народа, а лишь небольшого круга грамотныхъ лицъ, состоявшаго изъ духовенства, а также князей, бояръ и дружины. Духовныя же потребности широкой массы народа обслуживались попрежнему устной народной словесностью; эта устная словесность, съ одной стороны, не развилась еще, очевидно, настолько, чтобы потребность закрѣпить ея содержаніе путемъ записи сдѣлалась особенно настоятельной и заставила бы отвести мѣсто въ книгѣ и народному творчеству; съ другой же стороны, народная поэзія встрѣтила недружелюбное отношеніе со стороны духовенства, усмотрѣвшаго въ ней остатки стараго язычества, а потому выступившаго противъ нея съ строгими запрещеніями. Въ виду указанныхъ обстоятельствъ, съ первыхъ же моментовъ существованія у насъ книжности явилась отчужденность интересовъ грамотныхъ лицъ отъ интересовъ общенародныхъ. Литература пришла къ намъ не въ силу развитія народной образованности, которая, естественно развиваясь, привела бы Русь къ принятію письменности, а въ силу неожиданной причины (принятія христіанства): поэтому литература эта на первыхъ порахъ не имѣла значенія общественнаго явленія: сказать, что, напр., въ XI или XII вѣкѣ наша литература объединена какою-либо общественною идеею, которая отражалась бы въ произведеніяхъ отдѣльныхъ писателей или въ проявленіяхъ интересовъ читателей, трудно; *литературныя произведенія носятъ почти исключительно богословскій характеръ и, за самыми малыми исключеніями, не отражаютъ жизненныхъ явленій*. Только въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣка позднѣйшими изслѣдователями замѣчено нѣкоторое литературное оживленіе: оно выразилось какъ въ переводахъ византійскихъ произведеній, такъ и въ созданіи, по византійскимъ образцамъ и источникамъ, оригинальныхъ русскихъ сочиненій. Это оживленіе явилось результатомъ образованія новаго государственнаго центра на сѣверо-востокѣ Руси и перенесенія великокняжескаго стола изъ Кіева во Владиміръ: въ связи съ перемѣною въ политической жизни, явилось и извѣстнаго рода куль-

турное движеніе, дающее намъ право говорить о литературѣ сѣверо-восточной, отразившей въ себѣ сознаніе національнаго единства и культурныхъ нуждъ тогдашней Руси. Это оживленіе прерывается татарскимъ нашествіемъ, остановившимъ надолго правильное теченіе культурной жизни Руси. XIV вѣкъ характеризуется изслѣдователями, какъ эпоха «замиранія» литературы; литературная дѣятельность почти угасала, ибо не было для нея благопріятныхъ обстоятельствъ: тяжелое положеніе разоренной и опустошенной страны подавляло всякія культурныя проявленія. Если гдѣ-либо, то, главнымъ образомъ, въ монастыряхъ развивалась литература, но не въ видѣ созданія новыхъ произведеній, а лишь въ видѣ переписыванія наново старыхъ (и изрѣдка, можетъ-быть, переводовъ). Оригинальныхъ произведеній въ XIV вѣкѣ очень мало, но зато въ нихъ начинаетъ высказываться очень важная идея, развивающаяся въ XV и особенно въ XVI вѣкѣ,—идея единства русской земли и представленіе Руси Владимірско-Суздальской, какъ Руси единой. Съ другой стороны, въ концѣ XIV вѣка замѣчаются первыя проявленія скептицизма (скептицизмъ—сомнѣніе) въ области религіозной—ереси, въ которыхъ можно видѣть выраженіе стремленія религіозной мысли русскаго человѣка къ нѣкоторой самостоятельности. И только XV вѣкъ вноситъ снова нѣкоторое замѣтное оживленіе въ русскую литературу.

Культурное объединеніе Руси.

Въ XV вѣкѣ продолжается и почти заканчивается объединеніе всей Руси сѣверо-восточной вокругъ Москвы, которая, усиливаясь насчетъ другихъ удѣльныхъ княжествъ, вырастаетъ въ сильное княжество, способное вступить въ борьбу даже съ татарами. Ср. VIII томъ. Политическое объединеніе всей Руси вокругъ Москвы вызываетъ у московскихъ политиковъ стремленіе и къ культурному объединенію, и, когда въ XVI вѣкѣ политическое объединеніе Руси уже было закончено, Москва предпринимаетъ мѣры для объединенія культурныхъ интересовъ: соборы 1547 и 1549 годовъ занимаются вопросами канонизаціи (т.-е. причисленія къ лику святыхъ русскихъ святыхъ) и опредѣляютъ, какимъ изъ святыхъ надлежитъ воздавать поклоненіе всероссійское, а какимъ—только мѣстное; Стоглавый соборъ 1551 года стремится исправить всѣ недостатки, вкравшіеся въ русскую жизнь въ эпоху татарскаго ига, и даетъ рядъ указаній на необходимость и способы исправленія «по старинѣ» «поисшатавшихся» обычаевъ; митрополитъ Макарій собираетъ въ своихъ Четіихъ-Минеяхъ «всѣ книги чтомыя на Руси»; Судебникъ царя Іоанна IV долженъ былъ объединить всѣ русскія области въ отношеніи суда;

«Домострой»—объединить всѣ бытовыя особенности путемъ сведенія ихъ къ опредѣленнымъ нормамъ (т.-е. требованіямъ). Интересно то, что это объединеніе духовныхъ интересовъ, въ сущности, сводится: 1) къ подчиненію московской нормѣ духовной жизни областей, 2) къ стремленію направить теченіе жизни по старому руслу, «по старинѣ», въ предположеніи, что «старина» есть идеальный образецъ. Но, съ одной стороны, среди областей Московскаго государства была одна, которая въ духовномъ развитіи значительно опередила Москву: Новгородъ, находившійся въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ въ періодъ татарскаго ига и подпавшій затѣмъ подъ власть Москвы, стоялъ, вслѣдствіе своей близости къ Западной Европѣ, въ умственномъ отношеніи выше Москвы; поэтому, когда послѣ паденія Новгорода граждане его были разселены по Московскому государству, они повсюду приносили съ собою новыя понятія, необычныя въ Московскомъ государствѣ. Съ другой стороны, представленіе объ идеальной «старинѣ» у самихъ московскихъ политиковъ было довольно смутное и свелось въ концѣ-концовъ къ Византіи, какъ къ идеальному образцу, отъ котораго Русь давно уже почерпала свою культуру. Когда Константинополь палъ въ XV вѣкѣ и, съ его паденіемъ, Москва осталась «единымъ православнымъ царствомъ во вселенной», тогда московскіе политики создали теорію (взглядъ) о Москвѣ—третьемъ Римѣ: первый Римъ—древній, второй—Царьградъ, третій—Москва, а четвертому не бывать; древнему Риму принадлежала власть надъ міромъ, то же—и Царьграду; она должна принадлежать и Москвѣ, которая есть совершеннѣйшее государство, хранящее православную вѣру: пока въ Москвѣ свято сохраняется православіе, до той поры ей принадлежитъ и міровое значеніе. Путемъ созданія особыхъ сказаній (о Мономаховомъ вѣнцѣ, о бѣломъ клобукѣ и друг.), притязанія московскихъ политиковъ получили свое оправданіе и въ литературѣ: по этимъ сказаніямъ московскій царь являлся прямымъ наслѣдникомъ власти византійскихъ императоровъ и прямымъ потомкомъ римскаго императора Августа; съ другой стороны, московскій митрополитъ получалъ право на бѣлый клобукъ, съ которымъ соединялось представленіе о преобладающемъ мѣстѣ въ церковной іерархіи. Надо замѣтить, однако, что, несмотря на столь возвышенное представленіе о роли Москвы, ея культурность оставляла желать много лучшаго и особенно въ области религіи и церковныхъ отношеній, гдѣ было много недостатковъ: невѣжество духовенства; неисправность богослужебныхъ книгъ, въ которыя вносились невѣжественными переписчиками грубыя ошибки; привязанность исключительно къ обрядовой сторонѣ религіи въ ущербъ внутренней—

чувству вѣры, сознанію внутренняго смысла обрядовъ и пониманію догматовъ вѣры. Эта приверженность къ обрядности порою доходила въ Московскомъ государствѣ до крайности, что особенно ясно сказалось въ XVII вѣкѣ, въ эпоху начала раскола вслѣдствіе исправленія книгъ при Никонѣ.

Религіозныя движенія древней Руси.

Но въ то время, какъ сторонники старины и культурнаго объединенія развивали свои идеи, стремясь сдѣлать Москву преемницею Византіи и осуществить на Руси византійскіе идеалы, нѣкоторая часть русскаго общества смотрѣла на дѣло иначе и съ осужденіемъ относилась къ тѣмъ недостаткамъ, которые замѣтны были въ религіозной жизни Московскаго государства: въ XV и XVI вв. появляется рядъ такъ называемыхъ еретиковъ, которые выступали съ протестами противъ, главнымъ образомъ, церковныхъ установленій. Оно и неудивительно: если взять въ соображеніе, что религія играла очень важную роль въ тогдашней жизни Москвы, то немудрено, что сознаніе недостатковъ, существовавшихъ въ обществѣ, должно было прежде всего появиться въ области религіи. Таковы дѣйствительно были мнѣнія, съ которыми выступили въ XV вѣкѣ стригольники (секта), отвергавшіе священство, потому что священники «на мздѣ поставлены», и въ концѣ XV, началѣ XVI в. — жидовствующіе (тоже секта), имѣвшіе съ іудействомъ общаго, кажется, одно только отрицаніе христіанской обрядности (есть, впрочемъ, указаніе на то, что жидовствующіе отвергали нѣкоторые догматы христіанства и особенно Божественное достоинство Іисуса Христа, но едва ли это относится ко всѣмъ жидовствующимъ). Возраженія противъ обрядности являлись, надо думать, въ силу того, что обрядность цѣнилась въ древней Руси не меньше догматовъ вѣры, и притомъ это была обрядность слѣпая,— приверженность къ установленнымъ обрядамъ безъ пониманія ихъ внутренняго смысла и безъ проникновенія въ духъ религіи. XVI вѣкъ тоже даетъ рядъ любопытныхъ религіозныхъ процессовъ, напр., процессъ дьяка Висковатаго, заподозрѣвшаго православный характеръ нѣсколькихъ иконъ и осужденнаго соборомъ (хотя часть его подозрѣній оправдалась) лишь за то, что, будучи человѣкомъ свѣтскимъ, осмѣлился разсуждать о церковныхъ предметахъ; Матвѣя Башкина, усомнившагося въ своемъ правѣ владѣть рабами, а также недоумѣвавшаго относительно нѣкоторыхъ религіозныхъ вопросовъ; старца Артемія, обвиненнаго безъ достаточныхъ основаній въ нѣсколькихъ якобы неправославныхъ мнѣніяхъ и поступкахъ и, между прочимъ, въ томъ, что ѣздилъ въ нѣмецкую землю поговорить о вѣрѣ и ла-

типянъ хвалилъ; Ѳеодосія Косого, ученіе котораго, если и не было согласно съ установленнымъ Церковью, то въ то же время (хотя оно и не вполнѣ выяснено) было результатомъ пытливости ищущаго ума, который, даже въ своемъ заблужденіи, имѣлъ ту положительную сторону, что мечталъ «истину навыкнути». Эти и нѣкоторые другіе религіозные процессы указываютъ на появленіе въ XV—XVI вв. въ Московскомъ государствѣ реакціи (т.-е. противодѣйствія) противъ крайностей консервативно-объединительнаго направленія, въ частности противъ крайностей слѣпого преклоненія предъ обрядностью и буквою религіи [1]). Можно еще спорить о большей или меньшей степени самобытности ученій нашихъ «еретиковъ»: возможно, что на нихъ сказывались однородныя религіозныя движенія Западной Европы; однако у насъ, на Руси, были и свои политическія и религіозныя причины, которыя заставляли людей, искавшихъ истины, впадать въ крайности религіознаго вольномыслія или такъ называемаго раціонализма, т.-е. стремленія объяснить разумомъ всѣ положенія религіи и даже тѣ, которыя принимаются только на вѣру.

Мистическое теченіе.

Наконецъ, на ряду съ указанными двумя теченіями въ XV—XVI вв., существовало у насъ еще одно направленіе религіозной мысли, отразившееся и въ литературѣ, — мистическое (мистическій — таинственный, отличающійся вѣрой въ таинственное, непонятное). Будучи заимствовано изъ Византіи и отъ южныхъ славянъ, оно замѣтнымъ образомъ отличалось отъ другихъ двухъ направленій. Мистики, группировавшіеся вокругъ старцевъ Паисія Ярославова и Нила Сорскаго, учили, что конечная цѣль человѣческаго существованія—стремленіе къ возстановленію того первобытнаго блаженства, которое было утрачено при грѣхопаденіи прародителей; это блаженство заключается въ таинственномъ общеніи души человѣка съ Богомъ; путемъ упражненія души въ добродѣтеляхъ, она очищается и дѣлается способною воспріять дѣйствіе благодати Духа или удостоиться созерцанія Божества, сообщающаго душѣ «свѣтовидную славу и осіяніе». Наши мистики не увлекались изображеніемъ мистическаго состоянія религіознаго экстаза [2]) или созерцанія, какъ это дѣлали мистики византійскіе; они указывали только, что этотъ экстазъ есть удѣлъ немногихъ, стремиться же къ нему должны всѣ,—и указывали путь для стремящагося. Путь этотъ заключался въ очищеніи души отъ пороковъ и направленіи мысли вѣрующаго на внутреннюю сторону

[1]) Консервативный—стремящійся сохранить старину, противный движенію впередъ.

[2]) Экстазъ—особое возбужденное состояніе души, при которомъ, по ученію мистиковъ, человѣкъ можетъ созерцать Бога.

религіи; мистики относились отрицательно къ тому преклоненію предъ обрядомъ, которое такъ цѣнилось тогда офиціальными представителями русской церкви. Съ послѣдними мистики разошлись во взглядахъ по нѣкоторымъ вопросамъ: ставя высокую цѣль человѣку, мистики не могли одобрить накопленія земельныхъ владѣній въ рукахъ именно тѣхъ, для кого заботы о душѣ должны были быть единственнымъ занятіемъ,—для монашества; они отрицательно высказались по вопросу о монастырскомъ землевладѣніи, за которое стояли представители Церкви, видѣвшіе въ монастырскихъ вотчинахъ источникъ для благотворительной дѣятельности духовенства; далѣе, мистики рѣшительно отказались одобрить жестокія казни еретиковъ и высказались за мѣры вразумленія и увѣщанія, съ чѣмъ опять-таки не согласилось большинство духовенства того времени; наконецъ мистики выдвинули вопросъ о критическомъ отношеніи къ книгамъ (говоря, что «писаній много, да не всѣ они божественны») и о необходимости отдавать внутренней сторонѣ религіи предпочтеніе предъ обрядностью,—въ этомъ они тоже не встрѣтили поддержки ни въ митрополитѣ, ни въ прочемъ духовенствѣ. Направленіе мистическое замѣчательно тѣмъ, что, оставаясь на строго-православной почвѣ, оно все же пошло въ разрѣзъ съ офиціальнымъ пониманіемъ религіи и потребовало проведенія въ жизнь началъ христіанской любви и болѣе глубокаго пониманія религіи.

Эти три направленія вступили въ XVI вѣкѣ въ борьбу между собою. Одолѣла партія защитниковъ старины: въ борьбѣ противъ еретиковъ воспользовались жестокими мѣрами устрашенія помощью казней и заточенія, хотя желанныхъ результатовъ не вполнѣ достигли: время отъ времени «прозябала ересь и являлось шатаніе словесъ неподобныхъ», какъ слѣдствіе раціоналистическихъ ученій, искоренить которыя не такъ-то было легко. Борьба же съ мистиками не представляла особенной трудности какъ въ виду ихъ малочисленности, такъ и въ виду того, что сторонники господствующей партіи занимали видныя мѣста въ церковной іерархіи и могли пользоваться своимъ вліяніемъ, чтобы рѣшать процессы мистиковъ въ интересахъ своей партіи: такъ было въ процессахъ старца Вассіана Патрикѣева, старца Артемія и нѣсколькихъ заволжскихъ старцевъ, привлеченныхъ по дѣлу Ѳеодосія Косого. Послѣ процесса Косого о заволжскихъ старцахъ мы уже не слышимъ.

Отсутствіе художественныхъ произведеній въ древне-русской литературѣ.

Обозрѣвъ общій ходъ литературнаго развитія за данный періодъ, можно перейти къ краткому перечню произведеній этого періода. Предварительно надо, однако, сдѣлать два замѣчанія. Во-

первыхъ, въ древне-русской литературѣ художественныхъ произведеній почти не было, по крайней мѣрѣ, въ нашемъ пониманіи этого термина: не было такихъ произведеній, гдѣ выступали бы поэтическіе, наглядные образы, созданные работою творческой мысли художника слова — поэта, не было воспроизведенія жизни въ видѣ яркихъ типовъ, отражающихъ разнообразныя жизненныя явленія. Вся художественность отдѣлки заключалась въ слогѣ произведенія, который отличался иногда картинностью: вводились сравненія, фигуры, переносныя выраженія и т. п. Но даже и такихъ произведеній не было много: какъ причину, напомнимъ взглядъ на святость книги, который обусловливалъ довольно суровое отношеніе ко всему, что выходило изъ предѣловъ вѣры и морали (ученія о нравственности) и что могло явиться дѣйствіемъ эстетическаго чувства (т.-е. чувства красоты). Поэтому представленіе о развитіи общественнаго самосознанія въ этотъ періодъ можно почерпнуть лишь изъ произведеній, которыя можно назвать прозаическими, и которыя, какъ было указано выше, могли отразить интересы только одной части общества—книжныхъ людей.

Отсутствіе хронологіи.

Второе замѣчаніе касается своеобразной особенности древне-русской литературы—отсутствія въ ней хронологіи: появившееся однажды произведеніе переписывалось и перечитывалось вновь по многу разъ и иногда 100—200 и больше лѣтъ спустя. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это явленіе наблюдалось при опредѣленныхъ условіяхъ: напр., всякій разъ, когда на Руси ожидали кончины міра, вновь пріобрѣтали интересъ старыя произведенія по этому вопросу, которыя вызывались къ жизни путемъ переписки наново и передѣлокъ. Но, помимо этихъ случаевъ, громадное количество произведеній, напр., поучительнаго содержанія или житійной литературы воспроизводились неоднократно въ перепискѣ и передѣлкѣ. Этотъ фактъ лишній разъ показываетъ, какъ мало было въ древне-русской литературѣ (по крайней мѣрѣ, въ первые вѣка ея существованія) того, что можно назвать элементомъ общественности: вѣдь, если бы она отражала только жизненные, живые интересы даже не цѣлаго общества, а отдѣльнаго класса, это явленіе не могло бы имѣть мѣста: жизненные интересы постоянно видоизмѣняются въ зависимости отъ множества разнообразныхъ условій, а слѣдовательно, измѣненія эти отразились бы и въ литературныхъ произведеніяхъ. Наша же древняя литература имѣла не такой характеръ: она давала руководство по вопросамъ вѣры и морали и начала знанія, или какое-либо занимательное и поучительное чтеніе, т.-е. то, что болѣе или

менѣе постоянно, а потому по прошествіи даже большого промежутка времени старое произведеніе казалось не утратившимъ своего значенія (особенно, когда просвѣщеніе вообще развивалось медленно). Стремясь добыть то, что для него было полезно или интересно, каждый читатель обращался съ книгою довольно свободно: выбиралъ оттуда то, что ему нравилось, передѣлывалъ для себя произведеніе по своему вкусу, понятіе о правѣ автора на плодъ своего личнаго творчества почти отсутствовало, какъ и въ народной словесности, гдѣ весь народъ считалъ своимъ достояніемъ то, что было создано единичною личностью. Въ силу этихъ условій, установить хронологію (т.-е. послѣдовательность во времени) произведеній древне-русской литературы можно только отчасти: можно говорить о томъ, когда появились или могли появиться тѣ или иныя произведенія, съ оговоркою, что въ послѣдующіе вѣка эти произведенія также читались и переписывались.

Произведенія древне-русской литературы XI—XII вв.

Въ XI и XII вѣкахъ въ числѣ памятниковъ богословской переводной литературы были: книги Священнаго Писанія (хотя и не всѣ), богослужебныя книги, житія свя̀тыхъ. Переводная научная литература представлялась въ видѣ хроникъ (историческихъ произведеній византійской литературы, излагавшихъ всемірную исторію), шестодневовъ св. Василія Великаго, Севериана Гевальскаго, Іоанна экзарха (сочиненія о природѣ съ изложеніемъ естественно-историческихъ свѣдѣній въ порядкѣ шести дней творенія) и вообще разнаго рода сочиненій по вопросамъ исторіи, естествовѣдѣнія, морали и т. п. Эти сочиненія обыкновенно заключались въ сборникахъ, при чемъ подборъ статей въ сборникахъ часто бывалъ случайный. Наконецъ въ то же время существовали, вѣроятно, переводы и нѣкоторыхъ византійскихъ повѣстей (о Троянской войнѣ, о Синагриппѣ, о Варлаамѣ и Іоасафѣ, о Вавилонскомъ царствѣ и др.). Въ эту же древнѣйшую пору нашей письменности стали появляться апокрифы,—переводныя сочиненія, заключавшія въ себѣ свѣдѣнія по вопросамъ Священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта, но свѣдѣнія такія, которыя церковью признаны не были, а сохранялись лишь въ видѣ народныхъ преданій (слово *апокрифъ* значитъ тайный). Впослѣдствіи, когда нѣкоторые еретики въ своихъ цѣляхъ стали составлять апокрифы, Церковь какъ въ Византіи, такъ и въ Россіи стала запрещать пользованіе нѣкоторыми изъ нихъ; для этого составляли нѣсколько разъ индексъ (указатель) книгъ истинныхъ, т.-е. рекомендуемыхъ для чтенія, и ложныхъ, т.-е. запрещаемыхъ. Сочиненія, попавшія въ списокъ

ложныхъ, въ научной литературѣ получили названіе «отреченныхъ».

Главнѣйшія произведенія оригинальной литературы XI—XII вв.: 1) *Поученія* архіеп. Луки Жидяты, митр. Иларіона, преп. Ѳеодосія Печерскаго, Кирилла Туровскаго и другихъ духовныхъ лицъ. Поученія вызывались необходимостью сообщать новообращеннымъ христіанамъ истины новой вѣры. Эта необходимость еще болѣе увеличивалась вслѣдствіе отсутствія грамотности: проповѣдь была единственнымъ способомъ научить вѣрѣ. Среди поучительныхъ произведеній духовныхъ лицъ встрѣчается и замѣчательное произведеніе свѣтскаго лица—поученіе князя Владимира Мономаха, написанное имъ въ наставленіе своимъ дѣтямъ, которыхъ онъ поучаетъ обязанностямъ христіанина, князя и человѣка вообще; поученіе замѣчательно глубиною мысли и чувства, гуманнымъ настроеніемъ князя (напр., онъ высказывается противъ смертной казни), сознаніемъ княжескихъ обязанностей по отношенію къ дѣламъ правленія. 2) Нѣсколько *житій святыхъ*, написанныхъ Іаковомъ Мнихомъ и преп. Нестеромъ. 3) «*Хожденія*», т.-е. описаніе путешествій къ святымъ мѣстамъ игумена Даніила и Добрыни Ядрѣйковича. 4) *Лѣтопись*—важнѣйшій источникъ древнерусской исторіи. Лѣтопись возникла въ виду необходимости сохранить для потомства прошлое родной земли; для составленія ея поэтому были привлечены отдѣльныя устныя преданія, хранившіяся среди народа и княжеской дружины; письменныя записи разнаго рода событій церковной и гражданской жизни, хранившіяся въ монастыряхъ и, можетъ-быть, княжескихъ архивахъ (архивъ—мѣсто, гдѣ хранятся старые документы), какъ, напр., договоры русскихъ князей съ греками; отдѣльныя историческія сказанія, каковы: житіе Бориса и Глѣба, разсказъ о принятіи Владимиромъ христіанства, разсказъ о волхвахъ. Такъ какъ лица, составлявшія лѣтопись, хотѣли поставить русскую исторію въ связь съ всеобщей, то имъ пришлось обратиться къ переводнымъ хроникамъ и другимъ историческимъ памятникамъ, слѣды которыхъ видны въ лѣтописи (хроники Синкела, Амартола, Житіе Василія Новаго). На основаніи нѣкоторой части перечисленныхъ источниковъ, въ концѣ XI в. было составлено историческое сочиненіе, извѣстное подъ именемъ «начальнаго кіевскаго свода». Въ началѣ XII в. былъ составленъ переработанный т. наз. «второй кіевскій сводъ», дошедшій до насъ въ видѣ двухъ редакцій (переработокъ): первой, составленной въ 1116 г., и второй—въ 1118 г. Въ этотъ «второй кіевскій сводъ» вошли всѣ перечисленные выше источники, и онъ былъ положенъ въ основу другихъ лѣтописей, которыя впослѣдствіи

продолжали изложеніе русской исторіи съ дополненіями мѣстнаго характера (кіевская лѣтопись, новгородская, галицко-волынская, суздальская). 5) «*Слово о Полку Игоревѣ*»—произведеніе конца XII или, вѣрнѣе, начала XIII в.,—единственный поэтическій памятникъ древнерусской литературы. Содержаніе «Слова»—походъ новгородъ-сѣверскаго князя Игоря на половцевъ въ 1185 г. Походъ былъ неудаченъ, при чемъ Игорь попалъ въ плѣнъ къ половцамъ, откуда, впрочемъ, бѣжалъ. Авторъ пользуется этимъ походомъ, чтобы передать свою мысль: несчастія и бѣдствія русской земли происходятъ вслѣдствіе княжескихъ усобицъ, и только единеніе князей можетъ создать счастье земли. Отдѣльныя же силы князей, какъ, напр., Игоря, хотя бы князья и были воодушевлены патріотизмомъ, къ успѣху въ борьбѣ съ врагами родины не приведутъ. Поэтому авторъ съ особенною подробностью обрисовываетъ то горе, которое постигаетъ русскую землю при вѣсти о пораженіи Игоря, когда даже сама природа принимаетъ участіе въ людской скорби. Поэтическое «золотое слово» великаго князя Святослава и «плачъ» Ярославны, жены Игоря, увеличиваютъ тяжелое впечатлѣніе картины горя, и авторъ обращается ко всѣмъ русскимъ князьямъ, приглашая ихъ помочь Игорю и вмѣстѣ съ тѣмъ взывая къ единенію. «Слово», помимо замѣчательной художественности языка и поэтичности образовъ, служитъ еще драгоцѣннымъ памятникомъ общественнаго самосознанія въ удѣльный періодъ: авторъ видитъ причины гибели русской земли въ княжескихъ раздорахъ и даетъ свои указанія князьямъ. Авторъ, по всей видимости, дружинникъ, и потому «Слово» должно быть отнесено на долю именно того класса, который ближе другихъ стоялъ къ князьямъ и дѣламъ правленія. Къ сожалѣнію, «Слово» является единственнымъ памятникомъ такого характера для этой древнѣйшей поры.

Произведенія XIII вѣка.

Важнѣйшіе памятники XIII вѣка: 1) *Толковая Палея* (*Палея* по-гречески значитъ *древность*), представляющая распространенное изложеніе ветхозавѣтной исторіи съ цѣлью обличенія іудейскаго ученія; нѣсколько полемическихъ *противоіудейскихъ* статей. 2) *Поученія еп. Серапіона*, отражающія нѣкоторые общественные недостатки, въ которыхъ авторъ упрекаетъ свою паству, указывая на постигшія ее бѣдствія, какъ на ниспосланное Богомъ наказаніе. 3) *Памятники повѣствовательной литературы:* а) переводной—Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ, Александрія (романъ объ Александрѣ Македонскомъ) и б) оригинальной—Сказаніе о битвѣ на Калкѣ, Повѣсть о разореніи Рязани Батыемъ, житіе Александра Невскаго. 4) *Моленіе Даніила Заточника*—любопытное

посланіе, гдѣ авторъ, желая привлечь вниманіе къ себѣ своего князя, старается обнаружить предъ нимъ всѣ качества своего блестящаго ума и наполняетъ свое произведеніе, носящее характеръ личной просьбы, рядомъ мыслей общаго характера: о трусости и храбрости, о совѣтникахъ князя, о богатствѣ и бѣдности, о злыхъ женахъ и т. п. 5) *Слово о погибели земли русской*. отъ котораго дошло только начало, позволяющее думать, что этотъ памятникъ отличался такими же поэтическими достоинствами, какъ и «Слово о Полку Игоревѣ».

Произведенія XIV—XV—XVI вѣковъ.

Отъ XIV и XV вв. дошло лишь нѣсколько произведеній изъ области лѣтописной и житійной литературы, дающихъ нѣкоторую возможность установить ходъ литературнаго развитія за это время. Зато XVI вѣкъ даетъ рядъ произведеній, прекрасно характеризующихъ этотъ вѣкъ. Такъ, стремленіе къ духовному (въ широкомъ смыслѣ слова) объединенію Московскаго государства и закрѣпленію старины вызвало появленіе: 1) *Стоглава*—памятника, отразившаго дѣятельность собора 1551 г. (см. VIII томъ), 2) *Домостроя*,—какъ нравственнаго руководства въ жизни, 3) *Степенной книги*—историческаго сборника, составленнаго въ порядкѣ великихъ князей съ цѣлью провести мысль о преемствѣ великокняжеской власти вплоть до московскихъ царей; 4) *Четій-Миней*, о которыхъ упомянуто было выше. Изъ сочиненій, направленныхъ противъ ереси жидовствующихъ, должно указать *«Просвѣтитель» Іосифа, игумена Волоколамскаго*. составленный въ концѣ XV и началѣ XVI в. изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ «словъ» или главъ. Сторонники мистическаго направленія изложили свои воззрѣнія въ сочиненіяхъ преп. *Нила Сорскаго*. инока-князя *Васіана Патрикѣева* и старца *Артемія*. Не въ большомъ количествѣ, но дошли слѣды также и литературы жидовствующихъ: логика (собственно это ученіе о человѣческомъ мышленіи), космографія (ученіе о мірѣ, его устройствѣ), Шестокрылъ, Тайная тайныхъ и другія книги астрологическаго [1]) содержанія (перечислены въ книгѣ А. И. Соболевскаго: «Переводная литература Московской Руси»). Наконецъ должно отмѣтить литературную дѣятельность князя А. М. Курбскаго, въ которой замѣчательны: 1) «Исторія вел. князя Московскаго»—опытъ историческаго труда о дѣятельности Іоанна IV, написанный, впрочемъ, съ большимъ пристрастіемъ; 2) письма Курбскаго къ Іоанну IV, равно какъ и отвѣтныя письма послѣдняго. Эта переписка обнаруживаетъ у Іоанна высокій взглядъ на достоинство своей власти и

[1]) *Астрологія* стремилась по звѣздамъ отгадать судьбу человѣка.

особенно на ея независимость отъ мнѣній и совѣтовъ бояръ. Главное содержаніе переписки и ея значеніе, впрочемъ, какъ признаютъ новѣйшіе историки литературы, заключается не въ спорѣ о политическихъ вопросахъ между царемъ и Курбскимъ, а въ изложеніи личныхъ счетовъ обоихъ противниковъ; при этомъ личность Курбскаго обнаруживаетъ въ немъ защитника идеи русской гражданственности и человѣка, весьма образованнаго для того времени, съ яснымъ пониманіемъ общественныхъ отношеній своей эпохи.

V.

Средній періодъ русской литературы: а) отъ конца XV вѣка до Петра Великаго и б) отъ Петра Великаго до начала XIX вѣка.

Западное вліяніе.

Отличительною чертою средняго періода развитія нашей литературы служитъ преобладаніе въ ней западнаго вліянія. Послѣднее замѣчается еще съ конца XV вѣка, при чемъ, особенно на первыхъ порахъ, встрѣчаетъ себѣ значительное противодѣйствіе со стороны старой, сложившейся подъ вліяніемъ Византіи, мѣстной культуры. Борьба эта особенно замѣтна въ XVII вѣкѣ и завершается окончательною побѣдою западной культуры при Петрѣ Великомъ, послѣ чего начинается исключительное преобладаніе западнаго вліянія на пространствѣ всего XVIII вѣка; лишь въ послѣднюю четверть этого вѣка въ нашей литературѣ начинаютъ проявляться первые проблески самобытности, окончательный расцвѣтъ которыхъ—уже въ XIX в.

Надо сказать, что потребность въ сближеніи съ западною культурою стала чувствоваться у насъ уже въ XV вѣкѣ; во второй половинѣ XV, а также на всемъ протяженіи XVI вѣка можно указать много фактовъ, доказывающихъ это стремленіе московскаго общества къ обновленію своей культуры путемъ заимствованія ея у западныхъ сосѣдей. Несмотря на частыя препятствія со стороны Ливоніи, Швеціи и Польши, Московское правительство вызываетъ въ Россію ремесленниковъ, художниковъ, архитекторовъ, врачей, мастеровъ и вообще разнаго рода свѣдущихъ людей; въ самой Москвѣ устраивается «нѣмецкая слобода», заселенная пришлыми иноземцами. На службѣ у Московскихъ государей XVI и XVII вѣковъ появляются отряды иноземныхъ солдатъ. Религіозныя движенія XVI вѣка («ереси») нѣкоторыми учеными ставятся въ связь съ подобными же движеніями, бывшими въ Западной Европѣ въ XV и XVI вв. (гусситизмъ, лютеранство,

кальвинизмъ, соцініанство и друг.) (ср. VШ т.). Наконецъ Геннадіевскій «міротворный кругъ», т.-е. пасхалія, былъ составленъ по образцу, вывезенному Дм. Герасимовымъ изъ Рима. Эти факты достаточно ясно указываютъ тяготѣніе къ Западу, какъ къ источнику знанія и высшей культуры. Произведенія письменности подтверждаютъ это тяготѣніе: появляется множество книгъ и статей переводнаго происхожденія и самаго разнообразнаго содержанія (житія, церковныя хроники), космографіи (ученіе о міровомъ устройствѣ), лѣчебники, книги по исторіи, географіи, риторикѣ (т.-е. ораторскому искусству), журнальныя статьи и особенно много повѣствовательныхъ произведеній. Большая часть переводовъ сдѣлана съ латинскаго языка—языка ученаго міра того времени; есть переводы съ польскаго, нѣмецкаго, голландскаго и другихъ языковъ. Больше всего переведено было произведеній повѣствовательной литературы, которая привлекала вниманіе русскаго читателя изображеніемъ необычныхъ для него чертъ быта и семейной обстановки чужихъ странъ. Особенно много повѣстей переведено было въ XVII вѣкѣ, когда военныя столкновенія Москвы съ западными сосѣдями сдѣлались частыми и когда, слѣдовательно, могъ возрасти и интересъ къ внутренней жизни сосѣдей. Изъ числа переведенныхъ повѣстей въ это время надо отмѣтить два большихъ сборника: «Римскія Дѣянія» и «Великое Зерцало». Оба эти сборника пользовались широкимъ распространеніемъ и на Западѣ Европы, ибо давали чтеніе занимательное и поучительное. Особенно много поучительныхъ мыслей вызывали у древняго книжника повѣсти «Великаго Зерцала», которыя, давая изображеніе бытовыхъ сценъ, въ то же время истолковывали эти сцены съ цѣлью вывода полезнаго житейскаго правила. «Римскія Дѣянія», наоборотъ, отличаются занимательностью, увлекательностью разсказа. Кромѣ названныхъ сборниковъ, которые распространялись какъ въ полномъ видѣ, такъ и въ видѣ отдѣльныхъ извлеченій изъ нихъ, было много и отдѣльныхъ произведеній, каковы, напр., фацеціи или жарты (шутливыя произведенія, переведенныя съ польскаго), рыцарскіе романы (о Бовѣ, о рыцарѣ Петрѣ Золотые Ключи, о кесарѣ Оттонѣ) и другія произведенія свѣтскаго характера. Интересъ читателя къ этимъ произведеніямъ доказывается: большимъ количествомъ рукописей, въ которыхъ они сохранились; миніатюрами (т.-е. рисунками), которыми эти рукописи украшались; наконецъ изяществомъ почерка и внѣшняго вида большинства рукописей, сохранившихъ тексты повѣстей. Нѣкоторыя наиболѣе любимыя повѣсти переходятъ въ широкій народный обиходъ въ видѣ лубочныхъ картинокъ (Бова, Петръ — Золотые Ключи,

Френцыль) и, въ видѣ дешевыхъ изданій, существуютъ и донынѣ: не даромъ же замѣтилъ древній книжникъ, что «Бовѣ слава не минется отнынѣ и до вѣка».

Русскія повѣсти. По образцу переводныхъ повѣстей въ XVII вѣкѣ начали слагаться въ Москвѣ и оригинальныя, мѣстныя повѣсти, напр., о Саввѣ Грудцынѣ, о Фролѣ Скобѣевѣ, о Ѳомѣ и Еремѣ и друг. Эти повѣсти важны въ томъ отношеніи, что: 1) показываютъ нѣкоторое измѣненіе общаго характера литературы, которая теперь допускаетъ уже широкое вторженіе свѣтскаго элемента и притомъ иногда даже въ шуточной формѣ; 2) оригинальныя повѣсти (равно какъ и выборъ переводныхъ) обнаруживаютъ намъ много чертъ тогдашняго быта, особенно семейнаго. Повѣсть тѣмъ именно была дорога читателю, что она давала отраженіе жизни своей и чужой и не только наставляла или развлекала, но и учила жизни вообще, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Для насъ отраженіе бытовыхъ чертъ въ повѣсти XVII вѣка особенно интересно: въ повѣстяхъ мы видимъ, напр., отношеніе знатнаго боярина къ подчиненному или вообще незначительному по общественному положенію человѣку (Ловчиковъ и Фролъ, Нардинъ-Нащокинъ и Фролъ), отношенія между молодыми людьми (Фролъ и Аннушка), характеръ семейныхъ отношеній вообще (Аннушка и ея родители и т. д.). Правда, повѣсть охватываетъ очень небольшой кругъ жизненныхъ явленій (преимущественно семейный бытъ), но вѣдь и сама общественная жизнь того времени была еще слишкомъ проста и несложна.

Театръ. Кромѣ появленія повѣствовательной литературы, другимъ крупнымъ явленіемъ первой половины этого періода былъ театръ. Правда, большинство піесъ было крайне далеко отъ жизни, потому что сюжеты брались, главнымъ образомъ, изъ священной исторіи Ветхаго и Новаго завѣта или изъ исторіи вообще, но театръ важенъ въ другомъ отношеніи: самое появленіе его было доказательствомъ того, что Москва пріобщается къ западной образованности, ибо вѣдь до второй половины XVII вѣка, когда у насъ появился театръ, театральныя зрѣлища у насъ считались грѣховными, недозволенными. Такой взглядъ на зрѣлища былъ воспринятъ нами изъ Византіи. Появленіе театра было слѣдствіемъ усиленія въ Москвѣ партіи, тяготѣвшей въ царствованіе Алексѣя Михайловича къ Западу (см. VIII т.). Партіи этой сочувствовалъ самъ царь; состояла она изъ нѣсколькихъ бояръ и пришлыхъ изъ Кіева южно-русскихъ ученыхъ (Симеонъ Полоцкій, впослѣдствіи Сильвестръ Медвѣдевъ и друг.). Пришлые ученые были хорошо знакомы съ западной мудростью и заботились о пересажденіи ея

въ Москву: съ этою цѣлью они писали сочиненія, произносили проповѣди, предлагали даже учредить академію, какъ высшее ученое и учебное учрежденіе. Послѣднее не вполнѣ удалось: въ Москвѣ сначала были открыты двѣ школы для обученія греческому и латинскому языку, а затѣмъ и высшее училище или академія, во главѣ которой стали, однако, не южно-русскіе ученые, а представители греческой партіи, возникшей въ противовѣсъ начавшему усиливаться въ концѣ XVII вѣка западному вліянію.

Борьба греческой и латинской партій.

Борьба между латинской (западной) и греческой партіей тянется въ правленіе Ѳеодора Алексѣевича, царевны Софьи и оканчивается только при Петрѣ Великомъ побѣдою западнаго вліянія (но въ формѣ лютеранской, а не католической).

Между прочимъ, обѣ партіи столкнулись въ вопросѣ о времени преосуществленія на литургіи Св. Даровъ, при чемъ обнаружилось нѣкоторое тяготѣніе западной партіи въ сторону католическаго ученія; но въ этомъ спорѣ была, кромѣ богословской или догматической, еще другая сторона,—вопросъ о томъ, какую культуру Москва должна воспринять для своего обновленія: старую ли—греческую, или новую—западную, можетъ-быть, и иновѣрную, но широ захватывавшую всѣ стороны общественной жизни.

Западное теченіе, медленно пробившееся въ русскую жизнь еще съ XV вѣка, теперь побѣдило окончательно, хотя было время, когда побѣда, повидимому, наклонялась въ сторону греческой партіи (появленіе ученыхъ грековъ, братьевъ Лихудовъ, и учрежденіе академіи съ ними во главѣ; казнь Сильвестра Медвѣдева, представителя «латинской части»).

Расколъ.

Изъ литературныхъ явленій XVII вѣка, кромѣ названныхъ, надо указать еще на нѣкоторыя произведенія, вызванныя исправленіемъ церковно-богослужебныхъ книгъ и появленіемъ такъ называемаго раскола. Лицамъ, не принимавшимъ новыхъ, исправленныхъ книгъ, приходилось защищать свои мнѣнія путемъ особыхъ сочиненій, такъ, напр., Аввакуму. Съ другой стороны, преслѣдованія такъ называемыхъ раскольниковъ (старообрядцевъ) вызывали у послѣднихъ мысли о близкомъ наступленіи второго пришествія, конца міра и Страшнаго Суда: ибо единое православное царство во вселенной казалось поколебленнымъ въ своей вѣрѣ, составлявшей опору, основу существованія и этого царства на землѣ и самого міра. Эти суевѣрныя ожиданія выразились въ переписываніи, переработкѣ и созданіи такъ называемыхъ сочиненій, разбиравшихъ вопросы о послѣднихъ временахъ, концѣ міра и загробной жизни.

Эти произведенія отживавшей старины распространялись среди раскольниковъ и сектантовъ и позже, когда въ Московскомъ государствѣ начались реформы Петра Великаго, и когда западное вліяніе возобладало окончательно.

Петровское время.

Общій характеръ Петровской эпохи — дѣловой: съ несокрушимой энергіей Великій Преобразователь совершалъ свое великое дѣло, не оставляя безъ вниманія ни одной области народной жизни, а въ томъ числѣ литературы и особенно науки. Въ области послѣдней, по указанію царя, было переведено большое количество сочиненій по разнымъ отраслямъ знанія, при чемъ самъ царь не только дѣлалъ выборъ сочиненій для перевода, но и давалъ подробныя указанія, какъ именно слѣдуетъ переводить («исправь хорошенько, не высокими словами словенскими, но простымъ русскимъ языкомъ»), заставлялъ переводчиковъ не мѣшкать выполненіемъ работы, наконецъ, провѣрялъ правильность и точность перевода; такъ, напр., онъ заставилъ Гавріила Бужинскаго внести въ текстъ выброшенное имъ при переводѣ сочиненія Пуффендорфа мѣсто съ рѣзкимъ отзывомъ о грубости нравовъ русскихъ. Переводились сочиненія почти исключительно прозаическія: по вопросамъ исторіи, географіи, права и другихъ наукъ, имѣвшихъ государственное значеніе.

Въ Петровскую эпоху появилось нѣсколько интересныхъ описаній путешествій русскихъ людей по Западной Европѣ: 1) П. А. Толстого, ѣздившаго въ Италію въ послѣдніе годы XVII вѣка; 2) Б. П. Шереметева, также побывавшаго въ Италіи и на Мальтѣ; 3) А. А. Матвѣева, побывавшаго въ Голландіи и Франціи и нѣсколько описаній поѣздокъ неизвѣстныхъ лицъ. Въ путешествіяхъ, предпринятыхъ по порученію царя (Матвѣева, Толстого), обыкновенно заключается офиціальный отчетъ о поѣздкѣ и исполненіи порученія и нѣкоторыя лишь замѣтки неофиціальнаго характера; анонимныя (т.-е. безымянныя) же путешествія даютъ свѣдѣнія именно этого, неофиціальнаго характера и потому особенно любопытны. Мы видимъ въ нихъ русскаго человѣка, впервые попавшаго въ свѣтскую жизнь Западной Европы и пораженнаго тамъ всѣмъ: и западнымъ карнаваломъ (масленица) съ танцами и прочими увеселеніями (при чемъ «никакова человѣка нигдѣ отнюдь никогда пьянаго не увидишь»), и отсутствіемъ затворничества женщинъ и красотою ихъ («народъ женскій въ Венеціи зѣло благообразенъ и строенъ и политиченъ, тонокъ и во всемъ изряденъ; а къ ручному дѣлу не очень охочь, — всегда любятъ гулять и быть въ забавахъ и ко грѣху тѣлесному зѣло слабы»), и семейными отношеніями, основанными на взаимномъ уваженіи

и довѣріи, и чертами быта государственнаго и, наконецъ, произведеніями искусства и памятниками древности («здѣсь въ Ватиканѣ сохраняются древности такія, какихъ нигдѣ нѣтъ и смотрѣніемъ на коп зрѣніе довольно насытится не можетъ»).

Произведенія школьной поэзіи (вирши или стихи, школьная драма, школьная проповѣдь), начавшія приходить къ намъ въ концѣ XVII вѣка изъ Кіевскихъ (юго-западныхъ) школъ, существуютъ и въ Петровскую эпоху, и въ нихъ, главнымъ образомъ, выражается поэтическое творчество нашихъ писателей. Творчество это весьма далеко отъ жизни съ ея запросами, и все поэтическое достоинство его ограничивается художественностью пріемовъ выраженія мысли. Можно отмѣтить развѣ только значительное количество драматическихъ произведеній (Ѳеофана Прокоповича, Дмитрія Ростовскаго и друг.), важныхъ въ смыслѣ развитія театра. Къ этому же времени относятся переводы нѣкоторыхъ пьесъ Мольера (ср. выше.).

Уже позже Петра Великаго—въ 30-ые и 40-ые годы мы впервые въ XVIII вѣкѣ встрѣчаемъ большее количество поэтическихъ произведеній, хотя далеко не всѣ они соотвѣтствовали нуждамъ времени.

Сатира Кантемира.

Изъ числа произведеній, которыя отразили собою русское самосознаніе въ первую половину XVIII вѣка, безспорно, на первомъ мѣстѣ надо поставить сатиры князя А. Д. Кантемира. Сатира явилась въ эту пору самымъ подходящимъ видомъ поэзіи, ибо жизнь давала такъ много уродливыхъ явленій, что исправить ихъ можно было только путемъ всенароднаго осужденія: съ одной стороны, приверженцы старины, съ невѣроятнымъ упорствомъ отстаивавшіе старые обычаи, съ другой—сторонники новой эпохи, позаимствовавшіе изъ нея лишь внѣшнія формы западной культуры (прически, костюмы), а въ душѣ оставшіеся грубыми невѣждами; судья, считающій для себя достаточнымъ умѣнье спать на стулѣ, когда дьякъ выписку изъ дѣлъ читаетъ; епископъ, отрицающій пользу науки; чванство людей знатнаго рода, упускающихъ изъ виду, что «благородными явитъ одна добродѣтель». Эти и подобныя явленія своей эпохи выводитъ Кантемиръ въ сатирахъ, которыя особенно замѣчательны тѣмъ, что отражаютъ собою общественное самосознаніе 30-хъ годовъ XVIII вѣка: затѣмъ наступаетъ періодъ классицизма, который мало способствовалъ проявленію общественнаго самосознанія и весь свелся къ развитію внѣшнихъ формъ.

Ложноклассическая литература.

Отличительными чертами произведеній ложноклассическаго направленія, утвердившагося въ

нашей литературѣ въ серединѣ XVIII вѣка и распространившаго свое вліяніе даже на начало XIX вѣка, были: 1) стремленіе слѣдовать поэтическимъ пріемамъ, выработаннымъ въ Западной Европѣ; 2) забота объ изяществѣ внѣшней отдѣлки и художественности языка произведеній. Въ западно-европейской поэзіи выставлялось требованіе подражать поэтамъ классическаго міра не только въ выборѣ предмета для произведеній, но даже и въ способахъ развитія содержанія, въ количествѣ актовъ драматическаго произведенія и пѣсенъ поэмы. Требованія обусловливались тѣмъ, что произведенія древнихъ грековъ и римлянъ отличались художественностью и удовлетворяли литературному вкусу западныхъ писателей XVII и XVIII вѣковъ. Но при этомъ упускалось изъ виду содержаніе, точнѣе сказать, соотвѣтствіе содержанія духовнымъ потребностямъ общества. Оттого-то ложноклассики, за малыми исключеніями, въ погонѣ за художественностью отдѣлки произведенія, забывали нужды современности и выбирали предметомъ своихъ произведеній событія изъ исторіи древняго міра. Въ этомъ слабая сторона этого литературнаго направленія; оно удалило поэзію отъ жизни и пріучило нашихъ поэтовъ (какъ и западно-европейскихъ) мѣриломъ для оцѣнки произведенія избирать красоты слога или даже естественность развитія и изображенія душевныхъ движеній героевъ, а не отраженіе общественности.

Но направленіе это имѣло и свою положительную сторону: представители его разработали русское стихосложеніе, выработали особый литературный языкъ, который, отдаляясь отъ стариннаго книжнаго языка, приближался понемногу къ языку разговорной рѣчи и становился болѣе пригоднымъ для выраженія разнообразныхъ оттѣнковъ мысли и душевныхъ движеній; наконецъ поэты-ложноклассики ввели въ нашу литературу новыя формы поэзіи, неизвѣстныя въ ней дотолѣ: трагедію, поэму, идиллію, басню и др. Изъ числа представителей этого направленія назовемъ: Сумарокова, Ломоносова, Державина, Фонвизина, Капниста. Надо замѣтить, что, явившись не естественнымъ результатомъ развитія русской литературы, а въ качествѣ пришлаго, заноснаго явленія, ложноклассицизмъ у насъ (кромѣ развѣ Сумарокова) не имѣлъ безусловныхъ послѣдователей: у большинства нашихъ поэтовъ сквозь условныя формы творчества все же часто пробивалась струя живой мысли. Ломоносовъ, напр., въ Одѣ на день восшествія на престолъ императрицы Елизаветы Петровны, высказываетъ глубокое пониманіе того значенія, которое должно имѣть просвѣщеніе въ обновляемой Россіи; Державинъ въ нѣкоторыхъ одахъ осмѣиваетъ дѣйствительность, особенно придворный бытъ

своего времени; Капнистъ въ «Ябедѣ» не ограничивается изображеніемъ недостатковъ судопроизводства, но даетъ почувствовать и общественное значеніе этихъ недостатковъ, а также ихъ устойчивость. Короче сказать, среди нашихъ ложноклассиковъ, къ чести ихъ, почти не было такихъ поэтовъ, которые могли бы закрыть глаза на нужды дѣйствительной жизни и всецѣло отдаться художественному воспроизведенію какихъ-либо историческихъ событій. Жизнь предъявляла свои запросы, и чувствовалось, что рамки позаимствованной западно-европейской формы узки, что онѣ стѣсняютъ свободу творчества: напр., комедія требовала, чтобы всегда торжествовала добродѣтель, а порокъ наказывался, тогда какъ жизнь часто давала противное; поэтому поэту всегда приходилось соотвѣтственнымъ образомъ подгонять окончаніе (напр., «Бригадиръ» и «Недоросль» Фонвизина).

Конецъ XVIII в.

Въ концѣ XVIII вѣка, въ царствованіе императрицы Екатерины II, оживляется интересъ къ вопросамъ общественной жизни и, собственно говоря, съ этого времени можно уже вести начало новаго періода русской литературы. Въ это время Фонвизинъ обличаетъ недостатки своихъ современниковъ: увлеченіе воспитаніемъ на французскій ладъ, жестокое обращеніе помѣщиковъ съ крестьянами, грубость нравовъ. Обличенія Фонвизина совпадаютъ съ обличеніями сатирическихъ журналовъ Екатерининскаго времени: здѣсь рисуютъ рядъ картинъ помѣщичьяго произвола, бѣдствій крестьянъ, развлеченій и пустоты жизни офранцузившихся помѣщиковъ, злоупотребленій въ судахъ. Путешествовавшій въ концѣ царствованія Екатерины изъ Петербурга въ Москву, Радищевъ рисуетъ въ своемъ «Путешествіи» картины крѣпостного быта и взываетъ къ чувству гуманности своихъ современниковъ. Въ Россіи начинаютъ распространяться мысли французскихъ философовъ XVIII вѣка, внушающія гуманность, уваженіе къ человѣческому достоинству, къ правамъ личности. Сама императрица въ первый періодъ своего царствованія сочувствуетъ этимъ мыслямъ и даже принимаетъ участіе въ сатирическихъ журналахъ, помѣщая статьи, откликавшіяся на современныя темы. Однимъ словомъ, конецъ XVIII вѣка ясно показалъ все значеніе западнаго вліянія: начавшись въ концѣ XV вѣка, ставши замѣтнымъ въ XVII вѣкѣ, завоевавъ господствующее положеніе при Петрѣ Великомъ, оно дало въ концѣ XVIII вѣка плоды своего воздѣйствія на русское общество. Это воздѣйствіе выразилось въ усвоеніи культурныхъ идей (т.-е. мыслей) нашихъ западныхъ сосѣдей и въ выработкѣ литературныхъ формъ. Культурныя идеи примѣнялись къ русской дѣйствительности, а литературныя формы должны были

дать вѣрное отраженіе этой дѣйствительности. Въ этомъ былъ залогъ національной, самобытной литературы, которая начинается въ Екатерининскую эпоху и, пройдя еще чрезъ рядъ ступеней подражательнаго характера (сентиментализмъ и романтизмъ), становится на вѣрный путь въ поэзіи Пушкина.

Нельзя забыть и еще одно важное явленіе Екатерининскаго времени: появляется интересъ къ народной поэзіи, и являются первые опыты собиранія произведеній ея (Поповъ, Чулковъ, Макаровъ). Это вниманіе къ народному творчеству особенно важно потому, что вообще ложноклассики отрицали значеніе народной поэзіи, какъ не отвѣчающей требованіямъ утонченнаго вкуса. Появленіе попытокъ собранія и изученія народнаго творчества свидѣтельствуетъ, такимъ образомъ, о существованіи въ нашей литературѣ болѣе живого, народнаго теченія; впослѣдствіи, въ XIX вѣкѣ, изъ этого теченія развилось научное собираніе народныхъ произведеній; съ другой же стороны, изъ народной поэзіи въ книжную проникли нѣкоторые образы и пріемы.

VI.

Начало новаго періода русской литературы: отъ конца XVIII в. до Пушкина.

Сентиментализмъ. Конецъ XVIII и начало XIX вѣка въ исторіи нашей литературы ознаменованы появленіемъ двухъ новыхъ направленій: сентиментальнаго и романтическаго (ср. выше). Оба направленія — происхожденія западно-европейскаго и, какъ это обыкновенно бывало у насъ, оказались менѣе жизненными и менѣе устойчивыми, чѣмъ на Западѣ: тамъ, у народовъ Европы, литературныя направленія возникали, какъ результатъ постепеннаго развитія и литературы, и общественнаго сознанія; у насъ же причиною ихъ появленія служило подражаніе явленіямъ западной жизни. Не будучи вызваны къ жизни естественнымъ ростомъ развитія, литературныя направленія (какъ и другія явленія подражанія) оказались у насъ болѣе блѣдными и еще менѣе отвѣчающими нуждамъ жизни, чѣмъ это было на Западѣ.

Первое изъ этихъ направленій — сентиментальное — возникло на Западѣ Европы въ противовѣсъ ложно-классическому. Ложноклассики увлекались изображеніемъ историческаго прошлаго, національныхъ героевъ и крупныхъ историческихъ дѣятелей вообще; сентименталисты стали брать содержаніе своихъ произведеній изъ современной обыденной жизни, а дѣйствующихъ

лицъ — изъ другихъ слоевъ народа, особенно изъ крестьянской среды. Ложно-классики изображали обыкновенно сильныя душевныя движенія, героическіе моменты; сентименталисты сосредоточили свое вниманіе на чувствахъ, возникавшихъ въ простой, будничной обстановкѣ, и старались показать, что по силѣ нравственнаго чувства, по стойкости въ страданіяхъ, по глубинѣ и нѣжности чувства люди низшихъ слоевъ нисколько не уступятъ пышнымъ и высокопоставленнымъ героямъ ложно-классиковъ. Сентиментальное направленіе, такимъ образомъ, возвышало интересъ къ народу и его духовному міру и подрывало барское отношеніе къ народу ложно-классиковъ, мало интересовавшихся, напр., народною поэзіею и вообще народными переживаніями. Но, при своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ, сентиментализмъ имѣлъ и недостатки, лишившіе его долговѣчности. Главнымъ изъ этихъ недостатковъ (особенно у русскихъ сентименталистовъ) было незнаніе дѣйствительныхъ нуждъ народной жизни и такое же неумѣніе подойти къ интересамъ крестьянина, какое было у ложно-классиковъ. Сентименталисты установили на народъ, такъ сказать, общечеловѣческую точку зрѣнія: тѣ положенія, въ которыхъ оказывались герои ихъ произведеній, ничего національнаго и современнаго не заключали; напрасно стали бы мы искать у нихъ отраженія классовыхъ нуждъ извѣстнаго общества (напр., изображенія крестьянской жизни въ эпоху крѣпостного быта). Изъ предыдущаго проистекалъ и другой недостатокъ: не изображая того, что составляло дѣйствительную сущность народнаго быта, сентименталисты сосредоточивали свое вниманіе на изображеніи внутренняго міра человѣка и особенно чувствъ, а изъ послѣднихъ — особенно чувствъ нѣжныхъ, кроткихъ. При этомъ старались сдѣлать произведенія нравоучительными, дать въ нихъ уроки добродѣтели и растрогать сердца читателей.

Такое изображеніе жизни—и неполное и съ предвзятою цѣлью поучить— послужило причиною паденія сентиментальнаго направленія.

Карамзинъ. Первымъ и самымъ крупнымъ представителемъ сентиментализма въ Россіи былъ Н. М. Карамзинъ (1766 — 1826 г.). Въ своихъ «Письмахъ Русскаго Путешественника» онъ передаетъ путевыя впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ поѣздки въ Западную Европу въ 1789 — 1790 гг. Общій тонъ этихъ писемъ проникнутъ чувствительностью; авторъ очень много мѣста отводитъ (особенно въ письмахъ изъ Швейцаріи) изображенію своихъ чувствъ, подвергаетъ постоянному разбору свои внутреннія, душевныя переживанія, а также удѣляетъ много вниманія изображенію природы и тѣхъ чувствъ, которыя она въ

немъ вызываетъ,—чувствъ нѣжныхъ, иногда грустныхъ и всегда связанныхъ съ представленіемъ о связи природы съ человѣкомъ. Въ повѣстяхъ своихъ, самая замѣчательная изъ которыхъ — «Бѣдная Лиза», Карамзинъ даетъ изображеніе душевныхъ движеній и страданій людей, по большей части малозамѣтныхъ, но чистыхъ по своему нравственному складу и способныхъ на сильное и глубокое чувство. Какъ положительныя, такъ и отрицательныя стороны западно-европейскаго сентиментализма отразились въ творчествѣ Карамзина; такъ, напр., его поэзія не даетъ полнаго и всесторонняго освѣщенія жизни хотя бы одного какого-либо слоя тогдашняго русскаго общества; съ другой стороны, она вводитъ зато въ сознаніе общества мысль о необходимости бо́льшей гуманности, бо́льшаго уваженія къ правамъ человѣческой личности.

Говоря о Карамзинѣ, нельзя умолчать объ его великомъ трудѣ—«Исторіи Государства Россійскаго» (въ 12 томахъ,— отъ начала Русской исторіи до вступленія на престолъ Дома Романовыхъ). Трудъ этотъ потребовалъ громаднаго напряженія силъ для разработки обильнаго и почти неизслѣдованнаго матеріала: Карамзину приходилось не только прослѣживать общій ходъ историческаго развитія Россіи, но часто продѣлывать даже черновую работу—разрабатывать отдѣльные памятники (лѣтописи, грамоты и т. п.), выяснять отдѣльные вопросы. Горячая любовь къ родинѣ сдѣлала трудъ Карамзина не только ученымъ трудомъ, но и подвигомъ патріота, и отчасти повела къ тому, что во многихъ мѣстахъ «Исторіи Г. Р.» слогъ Карамзина становится картиннымъ, образнымъ,—тогда, когда изображеніе чувствъ и мыслей автора принимаетъ поэтическую форму. Главная мысль труда Карамзина—показать необходимость и значеніе для Россіи единодержавія, какъ той силы, которая создала государство и при наличности которой осуществлялось культурно-политическое процвѣтаніе Россіи. Исходя изъ этой мысли, авторъ большое вниманіе удѣляетъ повѣствованію о внѣшней, политической жизни страны и меньшее — культурному развитію народа. Надо отмѣтить еще нравоучительный характеръ «Исторіи»: Карамзинъ старается показать, какъ высшій нравственный законъ дѣйствуетъ въ людяхъ при всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ; исторія, по его мнѣнію, должна учить нравственности, оттѣняя высокія достоинства добродѣтельныхъ историческихъ дѣятелей и нравственную низость порочныхъ.

Романтизмъ. Другимъ литературнымъ направленіемъ начала XIX в., также позаимствованнымъ изъ западно-европейской литературы, былъ романтизмъ (ср. выше).

Это направленіе отразилось у насъ, по сравненію съ Западомъ, еще въ болѣе слабомъ видѣ, чѣмъ сентиментализмъ. На Западѣ романтизмъ былъ широкимъ движеніемъ, проявившимся не только въ литературѣ, но и въ общественной жизни: западные романтики возстали противъ стѣснительныхъ формъ ложноклассической поэзіи, заявили требованіе бо́льшей простоты и

Н. М. Карамзинъ.

естественности, отвели широкое мѣсто изображенію не только чувствъ, но и всѣхъ вообще высшихъ порывовъ и стремленій души; далѣе они обратили вниманіе на поэзію народа въ его прошломъ и настоящемъ, занялись серьезнымъ изученіемъ народнаго творчества, ибо въ немъ они видѣли выраженіе національнаго духа. Совпадавшее со временемъ появленія романтизма общественное движеніе, вызванное въ Западной Европѣ эпохой наполеоновскихъ войнъ и ея послѣдствіями, еще болѣе укрѣпило романтизмъ, особенно въ Германіи: въ обществѣ стала пробуждаться жажда самостоятельности, и романтизмъ, углублявшій національное сознаніе, удовлетворялъ этому стремленію.

Жуковскій. Главнымъ представителемъ романтизма у насъ былъ В. А. Жуковскій, а также и другіе поэты (Козловъ, Марлинскій, Полежаевъ, а въ нѣкоторую эпоху своего творчества—Пушкинъ, Гоголь и Лермонтовъ).

Изъ поэзіи западныхъ романтиковъ Жуковскій выбиралъ преимущественно то, что подходило къ его личному настроенію. Общая отличительная черта поэзіи Жуковскаго въ первые годы его творчества—грустное, отчасти даже сентиментальное настроеніе. Это настроеніе приводило поэта къ изображенію своего душевнаго состоянія въ поэзіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ расширяло и область этой послѣдней: поэзія начинала отражать внутренній міръ отдѣльной личности и заставляла читателя глубже вникать въ душевное состояніе людей вообще. Стихотворенія этого рода (элегіи), написанныя Жуковскимъ, обнаруживаютъ настроеніе поэта: его грусть возбуждается или личнымъ страданіемъ (несчастіе въ любви, потеря близкихъ) или мыслью о несовершенствѣ земной жизни (отчужденность людей отъ природы и простоты жизни, неравенство между людьми, порочность и проч.); исходя изъ этихъ причинъ, авторъ чувствуетъ грусть, скорбь, но въ ней онъ обыкновенно находитъ и утѣшеніе: онъ вспоминаетъ о всепримиряющемъ чувствѣ любви и всепрощенія, вспоминаетъ о загробной жизни, гдѣ только и возможно вѣчное счастье, говоритъ о высокихъ чувствахъ и идеалахъ, которые должны освѣщать жизненную дорогу человѣка.

Примѣры такихъ произведеній Жуковскаго: «Теонъ и Эсхинъ», «Сельское кладбище», «Вечеръ», «Эолова арфа», «Утѣшеніе» и мн. др. Вообще, грустное настроеніе, иногда даже безпредметное, отличаетъ большое количество произведеній Жуковскаго, даже переводныхъ: онъ писалъ не только оригинальныя произведенія, но очень многое переводилъ, при чемъ его переводы по своей поэтичности вполнѣ замѣняютъ подлинники. Изъ числа переводныхъ его произведеній надо отмѣтить, во-первыхъ, большую группу стихотвореній нѣмецкихъ поэтовъ, обрабатывавшихъ мотивы народной поэзіи; во-вторыхъ, нѣсколько большихъ поэмъ разныхъ народовъ: «Одиссея» Гомера, отрывокъ изъ индійской поэмы «Магабхарата»—подъ названіемъ «Наль и Дамаянти», «Рустемъ и Зорабъ» (изъ персидской поэзіи) и друг. Заслугой Жуковскаго слѣдуетъ считать замѣчательное изящество стиха и поэтическаго языка; его рѣчь отличается доступностью, ясностью и въ то же время картинностью и даже мелодичностью; а глубокое проникновеніе чувствомъ, искренность этого чувства и сказывающееся въ произведеніяхъ отраженіе его кроткой и гуманной личности—по справедливости дали право сказать, что

«безъ Жуковскаго не было бы Пушкина», ибо на долю Жуковскаго выпала великая задача: создать поэтическій языкъ и углубить рамки литературы, безъ чего трудно было бы и Пушкину совершить свое великое дѣло.

Раньше, однако, чѣмъ перейти къ Пушкину, необходимо остановиться еще на двухъ поэтахъ, особенно замѣчательныхъ тѣмъ, что они не много брали у иноземцевъ и даже въ эпоху общаго подражанія сумѣли быть самобытными: это Крыловъ и Грибоѣдовъ.

В. А. Жуковскій.

Крыловъ.

И. А. Крыловъ началъ свою литературную дѣятельность комедіями и издательствомъ сатирическихъ журналовъ; здѣсь онъ осмѣивалъ недостатки русскаго общества, частью появившіеся вслѣдствіе ложнаго пониманія западной образованности, а частью унаслѣдованные отъ стараго времени: модницы-щеголихи и помѣщики-крѣпостники получили здѣсь свое осмѣяніе.

Но въ 1809 г. появляются первыя 23 басни Крылова, и съ этой поры до конца жизни (1844 г.) онъ отдается творчеству

басенъ. Басня представляетъ вообще то удобство, что она по размѣру невелика, а по содержанію—доступна всѣмъ; въ ней поэтъ разсказываетъ какой-либо случай изъ жизни людей или животныхъ, подъ которыми подразумѣваетъ людей, и даетъ толкованіе или поученіе, вытекающее изъ этого случая. Напр., въ баснѣ: «Свинья подъ дубомъ» поэтъ изобразилъ свинью, которая

И. А. Крыловъ.

подрываетъ корни того дерева, жолудями котораго она питается; этотъ поступокъ наводитъ поэта на мысль о невѣждѣ, который гонитъ просвѣщеніе, не сознавая, что самъ пользуется его плодами. Такой же образецъ невѣжества — оселъ, считающій пѣніе пѣтуха болѣе цѣннымъ, чѣмъ все искусство соловья. Удобная форма басни давала Крылову возможность коснуться многихъ жизненныхъ вопросовъ, преимущественно нравственнаго свойства: недостатковъ воспитанія («Воспитаніе Льва», «Крестьянинъ

и Змѣя», «Кукушка и Горлинка»), невѣжества («Свинья подъ дубомъ», «Оселъ и Соловей», «Двѣ бочки»), спѣси («Гуси»), алчности («Скупой и Курица», «Фортуна и Нищій»), лживости («Лжецъ»), хвастовства («Ларчикъ»), недостатковъ тогдашняго судопроизводства («Крестьянинъ и Овца», «Щука», «Лисица и Сурокъ»), беззащитности низшихъ классовъ («Волкъ и Ягненокъ», «Слонъ на воеводствѣ», «Мірская Сходка») и друг. Общій тонъ всѣхъ басенъ — добродушный: авторъ осмѣиваетъ недостатки, желая обратить на нихъ вниманіе людей, слишкомъ часто не замѣчающихъ своихъ слабостей, а между тѣмъ много вредящихъ обществу. Желая исправить людей, авторъ руководится своимъ здравымъ смысломъ, жизненною мудростью, которой онъ учитъ и читателя. Мудрость эту онъ часто черпаетъ у народа, изъ пословицъ и быта народнаго. Это еще болѣе возвышаетъ достоинство Крылова: ему удалось придать своей поэзіи характеръ народный, чему много способствуетъ близость его языка къ народному и безхитростное, но полное здраваго смысла содержаніе его басенъ.

Мѣсто Крылова въ исторіи литературы вполнѣ опредѣленное: онъ связываетъ собою то оживленіе интереса къ народу, которое явилось въ Екатерининскую эпоху, съ тѣмъ самобытнымъ и народнымъ направленіемъ, которое развилось у Пушкина и послѣдовавшихъ поэтовъ. Крыловъ какъ бы воплотилъ въ себѣ связь лучшихъ стремленій литературы XVIII и XIX вѣка — служить народу, не отвлекаясь подражаніемъ чужимъ литературамъ.

Грибоѣдовъ. По тому же пути идетъ и А. С. Грибоѣдовъ. Изъ произведеній, написанныхъ имъ во время его недолгой жизни, доставила ему славу комедія: «Горе отъ ума». Въ ней авторъ изобразилъ высшее общество своего времени со всѣми недостатками этого общества. Авторъ изображаетъ пріѣздъ въ Москву Чацкаго, молодого человѣка, путешествовавшаго по Западной Европѣ и привезшаго оттуда лучшіе, болѣе правильные взгляды на человѣка, на долгъ гражданина, на просвѣщеніе, — чѣмъ взгляды, существовавшіе въ московскомъ обществѣ. На этой почвѣ происходитъ у Чацкаго цѣлый рядъ столкновеній; такъ, напр., онъ вступаетъ въ споръ съ знатнымъ сановникомъ Фамусовымъ, который считаетъ вредными высказываемыя Чацкимъ сужденія о службѣ («служить бы радъ, — прислуживаться тошно») и выказываетъ непониманіе высокихъ гражданскихъ идеаловъ Чацкаго; Фамусовъ слишкомъ привыкъ смотрѣть на службу, какъ на путь къ почету и выгодамъ разнаго рода, достигаемымъ путемъ угожденія высшимъ, а потому мысль о служеніи «дѣлу, а не лицамъ» для него совершенно непонятна. Взгляды Фамусова раздѣляетъ все московское общество; Чацкій

старается доказать этому обществу правоту своихъ взглядовъ, но безуспѣшно: онъ, напр., порицаетъ слѣпое преклоненіе предъ всѣмъ французскимъ въ ущербъ своему родному; протестуетъ (въ монологѣ: «а судьи кто?») противъ умственной отсталости и невѣжества представителей общества; желаетъ провести мысль о лучшихъ отношеніяхъ, основанныхъ на сознаніи достоинства

А. С. Грибоѣдовъ.

человѣческой личности и на правахъ и обязанностяхъ гражданина. Однако общество слишкомъ упорно въ своихъ мнѣніяхъ, и охотно принимаетъ вѣсть о сумасшествіи Чацкаго, пущенную дочерью Фамусова Софьею, которую любитъ Чацкій, но которая за время его отсутствія успѣла уже разлюбить его. Разочаровавшись въ Софьѣ и въ московскомъ обществѣ, Чацкій уѣзжаетъ искать, «гдѣ оскорбленному есть сердцу уголокъ», а у читателя остается тяжелое впечатлѣніе при видѣ того, какъ трудна борьба съ укоренившимися недостатками общества.

Однако сочувствіе автора взглядамъ Чацкаго поддерживаетъ мысль о конечномъ торжествѣ новыхъ, болѣе правильныхъ взглядовъ на общественныя отношенія. Авторъ не пожалѣлъ красокъ, чтобы обрисовать всѣ недостатки стараго поколѣнія — московскаго общества, гдѣ мы найдемъ и службистовъ-карьеристовъ, и свѣтскихъ дамъ — поклонницъ Франціи и нарядовъ, и знатную даму еще Екатерининскихъ временъ, и темную личность въ родѣ Загорѣцкаго, и пустого болтуна Репетилова. Много разнообразныхъ типовъ даетъ здѣсь Грибоѣдовъ, желая показать разныя стороны тогдашней жизни и ту обстановку, которую должны были встрѣтить люди, подобные Чацкому. Большой талантъ Грибоѣдова даетъ ему возможность иногда даже немногими словами охарактеризовать ярко и жизненно тотъ или иной типъ. Всякая комедія имѣетъ цѣлью осмѣяніе общественныхъ недостатковъ, осмѣяніе не для шутки или издѣвательства, а съ цѣлью исправленія. Эту цѣль имѣлъ и Грибоѣдовъ, и, когда мы видимъ въ его комедіи мысль о лучшихъ отношеніяхъ въ обществѣ, мы не можемъ и самую комедію не считать однимъ изъ замѣчательныхъ памятниковъ нашего общественнаго самосознанія: она свидѣтельствуетъ, что въ началѣ XIX вѣка въ обществѣ уже создавались высокіе общественные идеалы.

VII.

А. С. Пушкинъ.

(1799 — 1837 г.).

Пушкинъ.

Пушкина называютъ «солнцемъ русской поэзіи», и это названіе вполнѣ заслужено имъ, ибо ни у одного изъ нашихъ поэтовъ ни до, ни послѣ Пушкина не было ни такого богатства и разнообразія таланта, ни такой разносторонности въ примѣненіи своихъ дарованій, какъ у Пушкина.

При этомъ надо замѣтить, что всѣ блестящія качества таланта Пушкина еще болѣе выдѣляются при сопоставленіи ихъ съ тѣми историческими обстоятельствами и условіями развитія, въ которыхъ находилась современная Пушкину русская литература. Мы уже видѣли въ предыдущей статьѣ, что въ XVIII вѣкѣ наша литература стала на путь подражанія западно-европейской.

Если періодъ подражанія, какъ годы школьнаго ученія, имѣлъ свои хорошія стороны, то, съ другой стороны, наши поэты уже въ томъ же XVIII вѣкѣ почувствовали и слабыя стороны того пути, по которому пошло наше литературное развитіе: оказалось

необходимымъ оживить *содержаніе* литературныхъ произведеній, приблизивши его къ жизни, давая въ литературѣ отраженіе жизненныхъ интересовъ. Карамзинъ и Жуковскій преимущественное вниманіе обратили на выработку литературнаго языка; однако и у нихъ чувствуется нѣкоторое, почти безсознательное стремленіе приблизить литературу къ нуждамъ современности. Въ большей степени эти качества присущи Грибоѣдову и Крылову. Пушкину принадлежитъ заслуга указанія того пути, идя по которому, литература могла пріобрѣсти большое жизненное значеніе.

Первый періодъ его дѣятельности.

Не сразу, однако, самъ Пушкинъ дошелъ до правильнаго пониманія истинныхъ нуждъ русской литературы. Такъ, въ первый періодъ своей дѣятельности (до высылки на югъ), Пушкинъ всецѣло былъ захваченъ подражаніемъ западно-европейскимъ и нѣкоторымъ русскимъ поэтамъ. Надобно сказать, что царскосельскій лицей, гдѣ воспитывался Пушкинъ, представлялъ довольно благопріятныя условія для развитія поэтическаго таланта: это было привилегированное учебное заведеніе, гдѣ воспитателями были лучшіе по тому времени (хотя и не безъ значительныхъ недостатковъ) педагоги; если не на должной высотѣ стояло преподаваніе, то именно преподаваніе литературы велось такъ, что привлекало къ себѣ вниманіе воспитанниковъ и развивало у нихъ интересъ и любовь къ поэзіи. Лицейскіе товарищи Пушкина, принадлежавшіе, какъ и самъ онъ, къ аристократическимъ семействамъ, составили тѣсную, дружную семью, сохранившую дружескія отношенія и по выходѣ изъ школы. Кутежи и вообще развлеченія разнаго рода занимали эту молодежь, но, однако, не всецѣло, какъ это можно видѣть по примѣру самого Пушкина: на ряду съ стихотвореніями, гдѣ юный поэтъ воспѣваетъ вино, веселье и женскую любовь, у него появляются серьезныя сужденія, заставляющія признать, что поэту близки вопросы и общественнаго характера, мысли о политической свободѣ и о положеніи народа. Это было то время, когда нарождалось настроеніе, приведшее впослѣдствіи къ образованію кружковъ, изъ которыхъ вышли декабристы.

Основнымъ признакомъ этого настроенія было недовольство установившимся у насъ порядкомъ, въ основѣ котораго лежало крѣпостное состояніе крестьянъ и преобладающее значеніе бюрократіи (чиновниковъ), въ средѣ которой часты бывали разнаго рода злоупотребленія; исходя изъ этихъ недостатковъ настоящаго, молодежь начала XIX вѣка составляла представленіе о лучшемъ, болѣе идеальномъ строѣ на основѣ идеаловъ полити-

ческой свободы. Пушкинъ стоялъ близко къ этимъ стремленіямъ и отразилъ ихъ въ своихъ стихотвореніяхъ какъ этого, такъ и болѣе поздняго періода. Въ формѣ выраженія мыслей въ лицейскій періодъ и въ первые годы по выходѣ изъ лицея Пушкинъ не былъ вполнѣ самостоятеленъ: онъ подражалъ и ложно-клас-

А. С. Пушкинъ.

сикамъ (напр., Державину), и классикамъ (Анакреону, Виргилію, Горацію), и вообще представителямъ разныхъ направленій новой литературы, нашей и западной: Жуковскому, Батюшкову, Парни, Лафонтену, Мольеру. Подражаніе было для поэта своего рода школой, въ которой изощрялся его стихъ и навыкъ выражать изящнымъ и точнымъ языкомъ каждую мысль.

По выходѣ (1817 г.) изъ лицея, Пушкинъ нѣкоторое время провелъ въ Петербургѣ, гдѣ велъ довольно разсѣянную, праздную жизнь. Однако общеніе его съ нѣкоторыми членами появившихся тогда у насъ тайныхъ обществъ заставило его серьезнѣе отнестись къ жизни: къ этому времени относится знаменитое стихотвореніе: «Деревня» (1819 г.), гдѣ поэтъ энергично протестуетъ противъ крѣпостного права и спрашиваетъ: «увижу ль я народъ неугнетенный и рабство, падшее по манію царя; и надъ отечествомъ свободы просвѣщенной взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?»

Ссылка. Въ 1820 г. Пушкинъ, навлекшій на себя неудовольствіе нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ, осмѣянныхъ имъ въ эпиграммахъ (т.-е. сатирическихъ стихотвореніяхъ), былъ высланъ на югъ Россіи, гдѣ разновременно побывалъ въ Екатеринославѣ, на Кавказѣ, въ Крыму, въ Кишиневѣ, въ Одессѣ.

Къ этому времени относится увлеченіе Пушкина поэтами разочарованія—Шатобріаномъ и особенно Байрономъ. Будучи вызвано обстоятельствами личной жизни поэта (высылка, романическія увлеченія), чувство разочарованія и недовольство жизнью довольно часто проявляется въ произведеніяхъ этого періода. Однако, надо добавить, Пушкинъ не предается ему безграничнo и часто находитъ какой-либо примиряющій исходъ. Пребываніе на югѣ было полезно для Пушкина въ томъ отношеніи, что онъ познакомился съ природой и жизнью обитателей южной Россіи; это дало яркіе и живые образы и краски для его произведеній, изъ которыхъ имъ были написаны на югѣ: «Бахчисарайскій фонтанъ», «Цыганы», двѣ первыя главы «Евгенія Онѣгина» и много мелкихъ стихотвореній.

Въ с. Михайловскомъ. Не по своей же волѣ въ 1824 г. Пушкинъ долженъ былъ покинуть Одессу и отправиться на жительство на сѣверъ, въ село Михайловское, родовое свое имѣніе. Здѣсь Пушкинъ провелъ два года, и это время всѣми его біографами считается важнѣйшимъ періодомъ развитія его таланта. Безвыѣздное пребываніе въ Михайловскомъ оказалось полезнымъ для Пушкина въ двоякомъ смыслѣ: во-первыхъ, онъ здѣсь гораздо ближе, чѣмъ прежде ознакомился съ народною жизнью, особенно съ народными сказками, пѣснями, бытомъ, языкомъ; во-вторыхъ, Пушкинъ усердно занялся чтеніемъ, которое отразилось и на его творчествѣ. Главнымъ образомъ, Пушкинъ читалъ англійскаго поэта Шекспира. (См. выше). Создавая свои драмы, Шекспиръ старался поставить героевъ драмъ въ такія положенія, гдѣ ихъ личная воля должна

была бы дѣйствовать при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ: тѣмъ полнѣе обрисовывались характеры. Такой способъ изображать характеры былъ воспринятъ и Пушкинымъ, который примѣнилъ его въ «Борисѣ Годуновѣ» и «Скупомъ рыцарѣ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, Пушкинъ понемногу освободился отъ подражанія другимъ поэтамъ и сдѣлался писателемъ самобытнымъ. Въ селѣ Михайловскомъ онъ написалъ трагедію: «Борисъ Годуновъ», нѣсколько главъ «Онѣгина», множество мелкихъ стихотвореній. Всѣ эти произведенія обнаруживаютъ уже зрѣлость таланта и полную самостоятельность автора, выражавшуюся какъ въ выборѣ и разработкѣ предмета, такъ и въ формѣ изложенія. Въ этомъ была великая заслуга Пушкина: онъ вводилъ требованіе самобытности и въ нашу литературу, ибо, если въ ней уже появились самобытныя произведенія (Пушкина), то подражательности не могло быть болѣе мѣста. Несовмѣстимо было съ достоинствомъ литературы итти назадъ тогда, когда ей намѣчался новый и цѣлесообразный путь, обезпечивавшій ей и жизненность и самостоятельное существованіе.

Послѣдній періодъ жизни.

Послѣдній періодъ (1826 — 1837 гг.) жизни Пушкина, весьма богатый событіями личнаго характера, не внесъ много новаго въ развитіе таланта поэта. Можно отмѣтить только развившуюся у него въ это время любовь къ исторіи родной страны. Еще въ Михайловскомъ Пушкинъ изучалъ исторію Карамзина и русскія лѣтописи. Теперь онъ занимается исторіей Петра Великаго, изслѣдуетъ обстоятельства Пугачевскаго бунта, создаетъ поэтическія произведенія съ историческою основою («Мѣдный Всадникъ», «Капитанская дочка» и друг.). Безвременная смерть на 37-мъ году жизни прервала дѣятельность Пушкина въ моментъ, когда онъ достигъ наиболѣе полнаго развитія своего таланта.

Таковъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, былъ ходъ развитія творчества Пушкина: онъ похожъ на процессъ развитія нашей новой литературы, ибо идетъ такимъ же порядкомъ,—отъ подражанія къ самостоятельности, самобытности, первымъ моментомъ которой была именно поэзія Пушкина.

Остановимся подробнѣе на важнѣйшихъ произведеніяхъ Пушкина.

Лирика Пушкина.

Прежде всего нужно выдѣлить большое количество *лирическихъ* стихотвореній, т.-е. такихъ, гдѣ поэтъ выражалъ свои чувства, иногда мимолетныя настроенія, вызванныя какимъ-либо событіемъ. Содержаніе Пушкинской лирики весьма разнообразно: здѣсь найдемъ стихотворенія, посвященныя друзьямъ, любимымъ женщинамъ, природѣ, найдемъ

оды (ода—пѣснь, обычно хвалебная), вызванныя патріотическимъ и религіознымъ воодушевленіемъ, найдемъ, наконецъ, стихотворенія, принадлежащія къ «лирикѣ мысли», т.-е. такія, въ которыхъ поэтъ передалъ не столько чувства, сколько размышленія по поводу событій общественнаго значенія или такихъ явленій, какъ, напр., поэзія.

Лирическія произведенія — лучшій матеріалъ для характеристики личности поэта: по нимъ лучше всего можно судить и о томъ, что его волновало, что приходилось ему переживать, и о томъ, какъ вообще относился онъ къ жизненнымъ явленіямъ. Общій тонъ его лирики примиряющій, умиротворяющій и всегда съ оттѣнкомъ жизнерадостности; Пушкинъ чуждъ безнадежнаго взгляда на жизнь и не впадаетъ въ отчаяніе; надежда на свѣтлый исходъ, на лучшее будущее даетъ ему поддержку въ жизни; жизнь представляется ему процессомъ «мысли и страданія». Поэтъ не закрываетъ глазъ предъ темными явленіями жизни: онъ скорбитъ за человѣка, находящагося въ тяжеломъ состояніи раба («Анчаръ»); онъ ожидаетъ прихода неизбѣжной смерти («Брожу ли я вдоль улицъ темныхъ»); онъ испытываетъ духовное одиночество («Поэту»); онъ страдаетъ, вспоминая ошибки своей молодости («Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день»). Но то, что приходится переживать ему и другимъ людямъ, какъ бы ни было тяжело, не приводитъ поэта въ уныніе: непреложность закона природы, утѣхи творчества, представленіе о лучшемъ будущемъ поддерживаетъ и даетъ твердость духа въ страданіяхъ. Интересенъ одинъ рядъ лирическихъ стихотвореній Пушкина: это тѣ, въ которыхъ онъ выразилъ свой взглядъ на поэта и значеніе поэзіи («Поэтъ», «Поэту», «Эхо», «Пророкъ», «Чернь», «Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція», «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ» и друг.). Призваніе поэта Пушкинъ цѣнилъ очень высоко: поэтъ—избранникъ Неба; его даръ ниспосланъ ему свыше, дабы онъ могъ «глаголомъ жечь сердца людей»; даръ поэтическаго вдохновенія есть именно та сила, которая выдѣляетъ поэта изъ среды другихъ людей. Поэтъ, откликаясь на всѣ явленія жизни, въ то же время стоитъ выше толпы, которая не способна ни понять вполнѣ ни оцѣнить справедливо поэта. Онъ «самъ свой высшій судъ», а судъ «толпы», общества не долженъ имѣть въ его глазахъ никакого значенія. Высоко ставя значеніе поэта вообще, Пушкинъ чувствовалъ необходимость особенно подчеркнуть это значеніе въ виду обстоятельствъ своего времени: школьно-придворная поэзія ложно-классиковъ обезцвѣтила содержаніе поэзіи и низвела поэта на положеніе какого-то присяжнаго усладителя и развлекателя вкусовъ публики, точнѣе,

вкусовъ избраннаго общества; съ другой стороны, даже самими писателями далеко не ясно и не всѣми сознавалось жизненное значеніе литературы; представители критики, напр., оцѣнивали произведенія только со стороны звучности ихъ стиха и художественности выраженій. Немудрено, что при такихъ обстоятельствахъ Пушкинъ часто приходилъ въ негодованіе и протестовалъ противъ раздававшихся вокругъ него нелѣпыхъ сужденій; результатомъ такого протеста было извѣстное стихотвореніе «Чернь», гдѣ Пушкинъ опредѣлилъ назначеніе поэзіи такъ: «мы (поэты) рождены для вдохновенья, для звуковъ сладкихъ и молитвъ», отвергнувъ при этомъ предположеніе, что поэзія можетъ служить «житейскому волненью, корысти, битвамъ». Однако, выдѣляя преувеличенно-высоко поэта изъ «толпы», Пушкинъ чувствовалъ необходимость служить духовнымъ потребностямъ этой «толпы», «черни»: въ одѣ «Памятникъ» Пушкинъ поставилъ себѣ въ заслугу то, что онъ «чувства добрыя лирой пробуждалъ»; не ставя себѣ цѣлью обличеніе пороковъ общества, Пушкинъ все же вводилъ въ это общество новыя, свѣтлыя мысли, поддерживалъ въ немъ бодрящее настроеніе произведеніями своей лирики и откликался, наконецъ, на нѣкоторые жгучіе вопросы современности (крѣпостное право).

Должно упомянуть, наконецъ, что лирика Пушкина отличается особеннымъ изяществомъ стиха и блестящею художественностью языка: каждый оттѣнокъ мысли выраженъ соотвѣтствующимъ словомъ, которое поэтъ взялъ изъ богатой сокровищницы роднаго языка; стихъ отличается звучностью, поэтическіе размѣры—разнообразіемъ. Не даромъ Жуковскій призналъ Пушкина своимъ ученикомъ, побѣдившимъ учителя.

Поэмы Пушкина. *Поэмы* Пушкина (оставляемъ въ сторонѣ поэму: «Руслань и Людмила», отличающуюся только внѣшними достоинствами — легкостью языка и звучностью стиха) — могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: поэмы лиро-эпическія («Кавказскій Плѣнникъ», «Бахчисарайскій Фонтанъ» и «Цыгане») и историческія («Полтава» и «Мѣдный Всадникъ»). Въ поэмахъ первой группы дѣйствующія лица (плѣнный офицеръ, ханъ, Алеко) весьма напоминаютъ героевъ Байрона, подъ вліяніемъ котораго сложились эти поэмы: авторъ изображаетъ сильную личность, которая, при столкновеніи съ культурнымъ обществомъ (Алеко, плѣнникъ) не встрѣтила сочувствія своимъ мечтамъ и желаніямъ; въ результатѣ такая личность испытываетъ разочарованіе и недовольство жизнью. Перемѣна обстановки — переѣздъ къ людямъ, ближе стоящимъ къ природѣ, кажется этимъ личностямъ средствомъ залѣчить свою душевную рану.

Однако оказывается, что стать на степень первобытной простоты людскихъ отношеній вовсе не легко для человѣка изъ цивилизованнаго общества. Поэтому послѣднему приходится страдать едва ли не больше прежняго. Герои «байроническихъ» поэмъ Пушкина, въ сущности, похожи другъ на друга одною чертою характера — разочарованностью: но въ то время, какъ Байронъ избираетъ своими героями людей, одаренныхъ необычайными душевными силами (увѣренностью въ себѣ и своихъ силахъ, энергіей, презрѣніемъ къ людямъ и возвышеннымъ представленіемъ о своей личности),—герои Пушкина болѣе приближаются къ типу обыкновенныхъ людей. Не будучи необычайными, они и чувства свои выражаютъ въ болѣе скромныхъ формахъ; даже самая причина ихъ разочарованія не всегда достаточно очевидна для читателя (авторъ, напр., говоритъ о неудачѣ Алеко въ любви и дружбѣ, но болѣе о жизни его до прихода къ цыганамъ мы ничего не знаемъ).

Больше значенія имѣютъ поэмы второй группы: «Полтава» и «Мѣдный Всадникъ». Явились онѣ, какъ результатъ занятій Пушкина русскою исторіей, въ которой личность императора Петра I особенно интересовала поэта. Обѣ поэмы, въ сущности, выражаютъ одну и ту же мысль — общее благо, представителемъ которой является Великій Преобразователь. Въ первой поэмѣ Пушкинъ выводитъ, въ параллель Петру, личность Мазепы, котораго (даже съ нарушеніемъ исторической точности) представляетъ эгоистичнымъ человѣкомъ, ставящимъ свои личныя выгоды выше блага общенароднаго; Пушкинъ весьма сгустилъ краски при обрисовкѣ личности Мазепы: для послѣдняго нѣтъ ничего святого, это—вѣроломный, честолюбивый и мстительный человѣкъ, не знающій узъ дружбы, благодарности, чести. Тѣмъ болѣе свѣтлымъ выступаетъ образъ Петра, котораго Пушкинъ изображаетъ въ одинъ изъ самыхъ важныхъ моментовъ его царствованія, сочувственно относясь и къ государственной дѣятельности и къ личности царя. Появленіе Петра предъ полками — своего рода апоѳеозъ (т.-е. обожествленіе) національнаго героя, котораго поэтъ обожаетъ за его готовность пожертвовать собою для блага народа.

Такимъ же представителемъ идеи общаго блага является Петръ I и въ поэмѣ «Мѣдный Всадникъ», гдѣ величіе Преобразователя, имѣющаго въ виду лишь благо государства, совершенно подавляетъ протестъ отдѣльной личности, выражаемый бѣднымъ чиновникомъ Евгеніемъ, потерявшимъ во время наводненія невѣсту: Евгеній не раздѣляетъ мысли о необходимости основанія столицы на неудобномъ для житья мѣстѣ, но на удобномъ для

сношеній съ Западной Европой. Авторъ на сторонѣ Петра и защищаетъ его твореніе, «полночныхъ странъ красу и диво». Такимъ образомъ, въ обѣихъ поэмахъ авторъ—на сторонѣ идеи государственнаго блага и ея носителя—Петра Великаго.

Романъ „Евгеній Онѣгинъ“.

Романъ въ стихахъ «Евгеній Онѣгинъ» имѣлъ громадное значеніе въ исторіи нашей литературы, именно потому, что положилъ собою начало безпристрастному и точному изображенію русской жизни въ типическихъ образахъ. Герой романа—Евгеній Онѣгинъ—сдѣлался какъ бы родоначальникомъ особаго типа «лишняго человѣка», который долго потомъ еще фигурируетъ въ нашей литературѣ. «Лишнимъ» Онѣгина сдѣлали многія причины не столько личнаго, сколько общественнаго происхожденія. Принадлежа къ высшему обществу, Евгеній получилъ, однако, довольно поверхностное воспитаніе, которое свелось къ усвоенію свѣтскихъ манеръ, навыка свободно изъясняться по-французски, нѣкотораго количества знаній, пріобрѣтенныхъ случайно. Къ труду, къ дѣйствительной жизни Онѣгинъ не подготовленъ вовсе; да ему и трудиться не нужно, ибо онъ обезпеченъ даровымъ трудомъ своихъ крѣпостныхъ рабовъ. Когда, по смерти отца, Онѣгину пришлось потерять имѣніе, доставшееся кредиторамъ отца, судьба ему улыбнулась: умиравшій дядя сдѣлалъ его своимъ наслѣдникомъ. При полной матеріальной обезпеченности, Онѣгинъ имѣетъ слишкомъ много досуга, который онъ отдаетъ своимъ любовнымъ похожденіямъ и обязанностямъ свѣтской жизни. Когда ему праздная жизнь надоѣла, онъ дѣлаетъ попытку заняться серьезнымъ чтеніемъ, но, при отсутствіи подготовки и навыка къ умственной работѣ, онъ не можетъ извлечь большой пользы изъ книгъ и бросаетъ ихъ. Пустая жизнь и погоня за удовольствіями сдѣлали его неспособнымъ чувствовать искренне и глубоко, развили у него также и эгоизмъ (себялюбіе), который создавалъ иногда для него тяжелыя положенія въ жизни (дуэль съ Ленскимъ). Жизнь, посвященная личному наслажденію, не могла дать удовлетворенія натурѣ Онѣгина и сдѣлала его въ полномъ смыслѣ слова «лишнимъ», ненужнымъ для общества человѣкомъ.

Изъ другихъ типовъ романа немногими, но яркими чертами обрисованы: Ольга, типичная провинціальная барышня съ недалекимъ умомъ и неглубокимъ чувствомъ; деревенское общество съ его разговорами «о сѣнокосѣ, о винѣ, о псарнѣ, о своей роднѣ»; Ленскій — молодой поэтъ-романтикъ, мечтающій о родственной душѣ, о мірѣ таинственнаго, о возвышенныхъ чувствахъ и мірѣ грезъ. Наконецъ весьма подробно авторъ характе-

ризуетъ вторую главную личность романа — Татьяну. Начавъ съ разсказа о дѣтствѣ и воспитаніи Татьяны, авторъ показываетъ намъ, какъ подъ вліяніемъ чтенія сентиментальныхъ романовъ Татьяна выработала представленіе объ идеальномъ героѣ, который будетъ родною ей душою и который придетъ, чтобы вырвать ее изъ окружающей ее пошлости. Почувствовавъ въ лицѣ Онѣгина такого героя, Татьяна обратилась къ нему съ искреннимъ выраженіемъ своихъ чувствъ и мыслей, но ошиблась: онъ не понялъ того, что происходило въ душѣ дѣвушки, и оттолкнулъ ее, не считаясь совершенно съ ея настроеніями. А между тѣмъ въ письмѣ Татьяны было много больше того, что увидѣлъ въ немъ Евгеній; не одно лишь признаніе было тамъ, а и просьба о духовномъ руководствѣ: «я здѣсь одна, — меня никто не понимаетъ, разсудокъ мой изнемогаетъ...» Первая жизненная неудача послужила хорошимъ урокомъ для Татьяны: она много перечувствовала, о многомъ передумала, особенно когда, послѣ отъѣзда Онѣгина, воспользовалась его библіотекою. Когда Онѣгинъ вторично встрѣтился съ нею спустя нѣсколько лѣтъ,—предъ нимъ былъ уже другой человѣкъ съ твердыми нравственными убѣжденіями, съ иными и вполнѣ установившимися взглядами на жизнь.

Интересъ, вызываемый типомъ Татьяны, скорѣе только внутренній, психологическій; типъ же Онѣгина имѣетъ и болѣе широкое значеніе, ибо въ недостаткахъ Онѣгина сказалась русская дѣйствительность, создавшая весьма выгодныя матеріальныя условія для жизни помѣщиковъ, но въ то же время вырабатывавшая изъ этого класса людей бездѣятельныхъ и «лишнихъ».

Повѣсти Пушкина.

Повѣсти «Капитанская дочка», «Повѣсти Бѣлкина», а также «Исторія села Горохина», «Дубровскій», «Рославлевъ», при всей незамысловатости своего содержанія, иногда даже неотдѣланности его (напр., типы Пугачева и Швабрина), весьма важны, однако, чертами народности, отличающими ихъ. Здѣсь найдемъ: безконечно-преданнаго слугу крѣпостныхъ временъ Савельича; капитана Миронова, жену его и поручика Ивана Игнатьевича, заурядныхъ и добродушныхъ людей, возвышающихся въ исключительную минуту до героизма; скромнаго станціоннаго смотрителя, потерпѣвшаго тяжелое несчастіе; байроническій типъ—Сильвіо; наконецъ добродушнаго и простосердечнаго Бѣлкина. Однимъ словомъ, Пушкинъ сумѣлъ въ этихъ повѣстяхъ коснуться обыденной жизни въ весьма разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ необходимо было ввести историческую обстановку («Капитанская дочка», «Рославлевъ», отчасти «Дубровскій»), Пушкинъ вводитъ ее съ обычной художественностью, давая читателю рядъ живыхъ

бытовыхъ сценъ въ разные моменты русской жизни XVIII и XIX вѣка.

Драматическія произведенія.

Наконецъ, важный моментъ въ исторіи русской драмы составили *драматическія* произведенія Пушкина, изъ которыхъ важнѣйшія: «Борисъ Годуновъ» и «Скупой рыцарь», «Каменный гость», «Русалка». Здѣсь не было ничего, что касалось бы современной автору жизни: поэтъ бралъ предметомъ событія прошлаго; новымъ и важнымъ, однако, былъ пріемъ обработки предмета. Пушкинъ отказался и отъ ложноклассической теоріи единства времени, мѣста и дѣйствія, и отъ односторонняго изображенія характеровъ. Подражаніе Шекспиру «въ вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ» привело Пушкина къ тому, что его піесы стали изображать правду жизни безъ прикрасъ и безъ преувеличеній. Это обстоятельство давало возможность представить весь ходъ развитія душевнаго состоянія героевъ съ полною правдивостью. Такъ поступаетъ Пушкинъ, напр., въ «Скупомъ Рыцарѣ», гдѣ всего три сцены; но и этихъ сценъ оказывается вполнѣ достаточно, чтобы объяснить, почему и какъ старый баронъ сдѣлался скупымъ, какъ собираніе денегъ обезличило его совершенно, убивъ въ немъ чувство жалости и состраданія къ окружающимъ, даже чувство отцовской любви, чувство чести; какъ, наконецъ, заглохшія было честныя, хорошія чувства неожиданно могли всколыхнуть вновь душу барона, вступить въ борьбу съ черствостью сердца и пагубною страстью къ деньгамъ и вызвать роковой конецъ. Каждый моментъ душевной борьбы, переживаемой барономъ, для насъ ясенъ или изъ его словъ, или изъ его поступковъ. Съ неменьшей ясностью обрисованъ и Альберъ, сынъ барона, и ростовщикъ Соломонъ.

Тѣ же пріемы изображенія характеровъ—и въ драмѣ «Борисъ Годуновъ». Слѣдуя мнѣнію Карамзина, Пушкинъ считаетъ Бориса виновнымъ въ убійствѣ царевича Дмитрія и ставитъ себѣ цѣлью изобразить муки преступной совѣсти. Борисъ нарушилъ высшій нравственный законъ, и потому его должна постигнуть Божья кара, дѣйствіе небеснаго правосудія. Рядъ страданій обрушивается на Бориса, и всѣ его мечты о спокойномъ и счастливомъ царствованіи рушатся; самымъ тяжелымъ ударомъ для него оказывается сначала слухъ, затѣмъ и самое появленіе самозванца, принявшаго имя Дмитрія. Даже сильная натура Бориса не выдержала, и, подъ тяжестью душевныхъ волненій, онъ умираетъ. Самозванецъ, между тѣмъ побѣдоносно подвигается къ Москвѣ; въ ожиданіи его бояре и стрѣльцы убиваютъ Ѳеодора, сына Бориса. Такимъ образомъ, ни самъ преступникъ, ни его

родъ не могли утвердить за собою престолъ именно потому, что пошли къ нему путемъ преступленія: если Ѳеодоръ и не былъ повиненъ въ злодѣяніи Бориса, то на него какъ бы перенеслось преслѣдованіе за преступленіе отца. Этой идеей кары за преступленіе можно объяснить, почему трагедія не оканчивается смертью Бориса, а продлена и до смерти Ѳеодора. Обрисовывая преступную совѣсть Бориса, поэтъ не выставилъ Годунова только преступникомъ: онъ изобразилъ его и мудрымъ, заботливымъ правителемъ, и кроткимъ, любящимъ отцомъ, и, наконецъ, умнымъ, дальновиднымъ, а, главное, добрымъ человѣкомъ. При такой разносторонности изображенія характера, читатель выноситъ болѣе полное представленіе о личности Бориса и болѣе сочувственно относится къ нему. Пагубная страсть властолюбія была, по Пушкину, единственнымъ темнымъ пятномъ на совѣсти Бориса: она привела его къ преступленію, сдѣлала подозрительнымъ, мрачнымъ, повліяла на его отношенія къ окружающимъ, заставила его даже моментами терять самообладаніе.

Особенно замѣчательно въ этой трагедіи изображеніе бытовой обстановки конца XVI и начала XVII вѣка: дѣйствующія лица говорятъ древнимъ языкомъ (съ примѣсью старинныхъ выраженій), придворная жизнь съ ея мелкими интригами, характерныя черты монаховъ, народа, приставовъ и т. д. схвачены весьма удачно. У читателя получается довольно вѣрная картина жизни той эпохи. Историческія изученія, которыми занимался Пушкинъ, очевидно, послужили ему къ большой пользѣ.

Главныя черты поэзіи Пушкина.

Таковы главнѣйшія произведенія Пушкина. Общими чертами, объединяющими лучшія изъ нихъ и составляющими важную заслугу Пушкина, надо признать:

1) *естественность и правдивость* изображенія жизни, или иначе «реализмъ», т.-е. изображеніе жизни именно такою, какова она на дѣлѣ;

2) *народность* содержанія, т.-е. выборъ содержанія изъ дѣйствительной жизни русскаго народа, соотвѣтствіе содержанія дѣйствительнымъ духовнымъ нуждамъ и потребностямъ общества, откуда уже вытекаетъ и общественное значеніе поэзіи Пушкина;

3) чистый и художественный *языкъ*: Пушкинъ приблизилъ книжный языкъ къ разговорной рѣчи, пересталъ пользоваться тяжелыми славянскими оборотами; съ другой стороны, подборъ словъ у него всегда соотвѣтствовалъ развитію и положенію каждаго дѣйствующаго лица, а каждое слово—особому оттѣнку мысли. Языкъ въ его рукахъ былъ послушнымъ орудіемъ выраженія мыслей.

4) Если прибавить къ сказанному *самобытность* поэзіи Пушкина, то его геніальное дарованіе станетъ очевиднымъ. Въ то время, когда Пушкинъ вышелъ на поприще литературной дѣятельности, русская литература только еще начинала борьбу за свою самобытность. Пушкинъ эту борьбу совершилъ и окончилъ, установивъ то на первый взглядъ простое положеніе (но спорное тогда), что русская литература должна прежде всего быть русской по языку и по содержанію, отражая нужды русской дѣйствительности и служа широкимъ кругамъ русскаго народа. Въ этомъ—великая заслуга Пушкина.

VIII.

Н. В. Гоголь (1809—1852). М. Ю. Лермонтовъ (1814—1841).

Пріемы творчества, выработанные Пушкинымъ (естественность, простота, правдивость изображенія), и та степень самобытности, которая выразилась въ его произведеніяхъ, создали въ нашей литературѣ особую «Пушкинскую» школу, т.-е. дѣятельность писателей, которые продолжали начатое Пушкинымъ дѣло. Конечно, отдѣльные писатели, по своимъ личнымъ качествамъ и по условіямъ среды и эпохи, вносили въ пріемы Пушкинской школы и нѣчто новое. Изъ числа ближайшихъ по времени къ Пушкину писателей важнѣйшими слѣдуетъ признать Н. В. Гоголя и М. Ю. Лермонтова.

Гоголь. *Н. В. Гоголь* началъ свою литературную дѣятельность повѣстями, собранными подъ общимъ названіемъ: «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки»; далѣе послѣдовалъ рядъ новыхъ повѣстей подъ общимъ заглавіемъ: «Миргородъ», затѣмъ — болѣе крупныя произведенія: «Ревизоръ» (комедія) и «Мертвыя души» (поэма, какъ назвалъ это произведеніе самъ авторъ); наконецъ Гоголю принадлежитъ еще нѣсколько разсказовъ, комедій и статей прозаическаго содержанія, менѣе важныхъ въ исторіи нашей литературы.

Юморъ Гоголя. Уже первыя повѣсти Гоголя встрѣтили радушный пріемъ критики: Бѣлинскій (извѣстный критикъ того времени) нашелъ въ нихъ «простоту вымысла, народность, совершенную истину жизни, оригинальность и комическое одушевленіе, всегда побѣждаемое глубокимъ чувствомъ грусти и уныніи». Дѣйствительно, эти качества поражали читателя: картинный, красивый, «огненный» языкъ Гоголя дѣйствовалъ на воображеніе, рисуя предъ взоромъ читателя природу Малороссіи и

типы ея обитателей, изъ среды которыхъ, главнымъ образомъ, бралъ Гоголь героевъ своихъ первыхъ повѣстей; Гоголь, уже въ этихъ повѣстяхъ, проявилъ высокую степень народности и художественности; чтобы заставить каждое дѣйствующее лицо говорить свойственнымъ ему языкомъ, авторъ долженъ былъ хорошо знать изображаемые типы, долженъ былъ хорошо воспринять и перечувствовать жизненныя явленія. Въ этомъ случаѣ Гоголь вполнѣ слѣдовалъ пріемамъ Пушкина. Поражало читателя и «комическое одушевленіе, всегда побѣждаемое глубокимъ чувствомъ грусти и уныніе»; это извѣстная особенность творчества Гоголя — *юморъ*. Сущность юмора — это особое настроеніе грустнаго смѣха или «смѣха сквозь слезы»; въ первыхъ произведеніяхъ Гоголя оттѣнка грусти въ его смѣхѣ не видно, — ихъ смѣхъ — веселый, беззаботный смѣхъ здороваго человѣка, не задающагося никакими серьезными вопросами. Въ послѣдующихъ (напр., въ повѣсти: «Старосвѣтскіе помѣщики» или въ повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ) повѣстяхъ у Гоголя начинаетъ проявляться чувство грустное, скорбное при видѣ пошлости жизни; иногда кроткіе, радушные люди, какъ старички-помѣщики, бываютъ даже смѣшны чѣмъ-нибудь,—а авторъ добродушно подсмѣивается, напр., надъ страстью Пульхеріи Ивановны угощать всячески гостя, или надъ особенностями наружности и характера Ивана Ивановича или его друга; но затѣмъ предъ авторомъ встаетъ роковой вопросъ о смыслѣ жизни, и ему становится ясно, что жизнь его милыхъ героевъ лишена высшихъ интересовъ, что ихъ мысль ограничена лишь узкимъ кругомъ заботъ повседневной жизни. Тогда-то Гоголь дополняетъ картину спокойнаго существованія этихъ будничныхъ гороевъ какою-либо неожиданною перемѣною, выходящею изъ круга обычныхъ событій; сейчасъ же сказывается пошлость его героевъ, отсутствіе высшихъ духовныхъ интересовъ и стремленій: Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ затѣваютъ нескончаемую ссору изъ-за мелочнаго повода, оскорбившаго честь одного изъ нихъ (по его мнѣнію); Пульхерія Ивановна умираетъ, огорченная исчезновеніемъ кошечки и озадаченная неожиданнымъ ея появленіемъ. Скорбь автора при видѣ человѣческой пошлости еще сильнѣе въ повѣсти: «Шинель», гдѣ Гоголь отводитъ смѣху лишь самое незначительное мѣсто, сосредоточивая все вниманіе читателя на хорошихъ сторонахъ характера своего героя (трудолюбіе, преданность дѣлу, энергія), не получающихъ, однако, своего надлежащаго примѣненія; герой этой повѣсти, Башмачкинъ, вызываетъ, несмотря на ограниченность своего духовнаго міра, искреннее сожалѣніе со стороны

читателя. Наконецъ въ «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ душахъ» смѣхъ Гоголя сталъ вполнѣ «горькимъ», ибо во время созданія этихъ произведеній Гоголь въ достаточной мѣрѣ уяснилъ для себя сущность многихъ общественныхъ недостатковъ и вредъ послѣднихъ. При видѣ часто вполнѣ сознательныхъ уклоненій людей отъ требованій закона или нравственнаго чувства смѣяться уже было трудно въ шутливой формѣ: Гоголь осмѣиваетъ своихъ героевъ, чтобы покарать и исправить ихъ, чтобы, «выставивъ

Н. В. Гоголь.

ихъ на всенародныя очи», показать всѣмъ, что порокъ заслуживаетъ осужденія. Тутъ уже смѣху Гоголя сопутствуетъ скорбь о падшемъ человѣкѣ.

Реализмъ.

Такимъ образомъ, юморъ, отмѣченный Бѣлинскимъ, составилъ качество, отличавшее Гоголя отъ Пушкина, но вмѣстѣ съ тѣмъ привлекавшее сочувствіе читателей къ героямъ Гоголевскихъ твореній. Дальше Пушкина Гоголь пошелъ и по пути реализма творчества. Пушкинъ, какъ извѣстно, направилъ русскую литературу окончательно на путь воспроизведенія дѣйствительной жизни; Гоголь

пошелъ по этому пути, при чемъ остановилъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, на изображеніи отрицательныхъ качествъ людей, начиная отъ смѣшныхъ и малозначительныхъ и восходя къ пороку (голова въ «Майской ночи» и другіе типы «Вечеровъ», старосвѣтскіе помѣщики, П. Ф. Шпонька, маіоръ Ковалевъ, Башмачкинъ, взяточники-чиновники въ «Ревизорѣ», помѣщики и уѣздная администрація въ «Мертвыхъ душахъ» и т. д.). Преимущество Гоголя предъ Пушкинымъ выразилось въ томъ, что, если у послѣдняго отрицательные типы иногда отличались слишкомъ уже мрачными чертами, лишавшими ихъ правдоподобія (Мазепа, Швабринъ), то Гоголь никогда намѣренно не сгущалъ красокъ: если у людей пошлыхъ бывали не только недостатки, а и какія-либо достоинства,—онъ ихъ не обходилъ; добро у его героевъ соединено со зломъ: такъ бываетъ и въ жизни,—и въ этомъ-то соотвѣтствіе жизни или реализмъ творчества Гоголя.

Но если юморъ и реализмъ въ широкой степени отличаютъ творчество Гоголя, то вполнѣ естественъ и вопросъ: что же находилъ Гоголь въ душѣ своихъ героевъ? Первымъ дѣломъ — утраченное человѣческое достоинство. Несмотря на засасывающую пошлость жизни, Гоголь вѣритъ въ то, что въ глубинѣ души каждаго человѣка есть хоть искра лучшихъ человѣческихъ чувствъ: на деревянномъ лицѣ скупого Плюшкина блеснула улыбка при воспоминаніи о другѣ дѣтства; у ставшаго какъ бы машиною для переписки бумагъ чиновника явился завѣтный идеалъ, предметъ тайныхъ думъ и любви — мысль о новой шинели, мысль, которая на время сдѣлала его жалкое существованіе небезцѣльнымъ. На этихъ крупицахъ человѣческихъ чувствъ поэтъ останавливается и скорбитъ, что въ человѣкѣ иногда такъ мало бываетъ человѣческаго, и что иногда люди даже сознательно убиваютъ въ себѣ все лучшее. Горькій вопль вырывается у поэта: «И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ? Могъ такъ измѣниться? И похоже это на правду? Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ...»

Психологическій анализъ.

Разсматривая душевный міръ своихъ героевъ, Гоголь вводитъ въ нашу литературу пріемъ *психологическаго анализа*, т.-е. изображенія внутреннихъ переживаній дѣйствующихъ лицъ литературныхъ произведеній [1]). Не трудно видѣть, какъ велико значеніе этого пріема: когда писатель ставитъ себѣ цѣлью открыть предъ чи-

[1]) Психологическій—относящійся къ наукѣ о душѣ; анализъ—разборъ.

тателемъ душу своего героя, онъ расширяетъ предѣлы знакомства читателя съ даннымъ типомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, объясняетъ возникновеніе отличительныхъ чертъ типа. Такъ, напр., Гоголь изображаетъ намъ скупого Плюшкина; даетъ описаніе его наружности, его жилища, пріема гостя, передаетъ разговоръ Плюшкина съ гостемъ и тѣ мысли, которыя возникли у Плюшкина въ отдѣльные моменты бесѣды его съ Чичиковымъ; авторъ на этомъ не останавливается и, показавъ порокъ Плюшкина, разсказываетъ, такъ сказать, исторію душевной болѣзни Плюшкина: мы узнаемъ, что были у Плюшкина и лучшія времена, и что рядъ сложившихся неблагопріятно обстоятельствъ привелъ его къ печальному пороку; узнавъ это, читатель какъ бы примиряется съ порочнымъ типомъ, какъ бы чувствуетъ къ нему состраданіе. Такимъ образомъ, подробный анализъ (разборъ) душевнаго состоянія того или иного литературнаго героя какъ бы даетъ читателю и нравственный урокъ.

Общественное значеніе поэзіи Гоголя.

Другая сторона поэзіи Гоголя — ея *общественное значеніе*. Гоголь съ первыхъ дней юности горѣлъ желаніемъ принести пользу обществу и, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ (служба, занятія наукой), остановился на литературѣ, какъ на наилучшемъ способѣ служить обществу. Обращаясь къ современному обществу, Гоголь видѣлъ много недостатковъ и хотѣлъ помочь ихъ исправленію; повсюду видитъ онъ пошлость и суету жизни; помѣщики плохи, ибо не заботятся о крестьянахъ или выжимаютъ изъ нихъ послѣдніе соки (Плюшкинъ), или попросту разсматриваютъ ихъ, какъ рабочій скотъ, какъ вещь (Собакевичъ); чиновники плохи, ибо берутъ взятки, нарушаютъ законы, не исполняютъ своихъ служебныхъ обязанностей или исполняютъ ихъ превратно, глядя на службу, какъ на источникъ обогащенія или удовольствія (почтмейстеръ, вскрывающій чужія письма; судья, охотящійся на поляхъ жалобщиковъ); уѣздныя дамы плохи, ибо это не матери и не жены, — это или кокетки, занимающіяся только разговорами о нарядахъ и грѣшкахъ другъ друга, или домовитыя хозяйки — кулаки, въ родѣ Коробочки. Все общество оказывается плохимъ, и особенно тяжело было то, что Гоголь сумѣлъ въ лицѣ своихъ героевъ дать не типы только просто порочныхъ людей: онъ указалъ въ нихъ дѣятелей общества, представителей опредѣленнаго общественнаго слоя, руководящаго всею страною,— и въ этомъ-то слоѣ обнаруживалось полное отсутствіе представленія о человѣческомъ достоинствѣ и о гражданскихъ обязанностяхъ. Въ горячемъ призывѣ къ возрожденію, къ нравственному обновленію — великая заслуга Гоголя. Но эта заслуга, но-

мимо значенія ея для характеристики личности Гоголя, важна была и въ другомъ отношеніи: Гоголь такимъ образомъ вводилъ въ литературу отраженіе общественныхъ интересовъ, опредѣленную цѣль служенія интересамъ общества путемъ обличенія общественныхъ недостатковъ. Это обстоятельство роднитъ Гоголя съ цѣлымъ рядомъ позднѣйшихъ писателей, также поставившихъ себѣ задачею направленіе общественной жизни по лучшему пути, — по пути стремленія ко благу всего общества и каждой отдѣльной личности.

Наконецъ интересна та вѣра въ могучія силы народа, которую высказываетъ Гоголь, и которая, повидимому, была для него единственнымъ просвѣтомъ въ тинѣ тогдашней житейской пошлости. Видя духовное убожество высшихъ слоевъ, поэтъ обращается къ народу, къ Руси, съ призывомъ возрожденія и съ тревожившимъ его вопросомъ о будущемъ: «Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая, необгонимая тройка, несешься? Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается позади... Русь, куда же несешься ты?..» Тарасъ Бульба у него является національнымъ, стихійнымъ богатыремъ, который вызываетъ у поэта надежду на неизсякаемый источникъ народныхъ силъ. Мать-казачка, живущая непосредственнымъ, но горячимъ чувствомъ материнской любви, неизмѣримо выше стоитъ разныхъ уѣздныхъ дамъ. «Вся Русь», которую хотѣлъ воспроизвести Гоголь въ «Мертвыхъ душахъ», несомнѣнно бы, включила въ себя весь народъ, ибо изъ среды народа готовился поэтъ извлечь живыя краски для своей поэмы.

Итакъ, значеніе Гоголя въ исторіи русской литературы можетъ быть сведено: 1) къ реализму творчества, 2) къ введенію пріема психологическаго анализа, 3) къ возбужденію гуманныхъ чувствъ по отношенію къ нравственно-падшимъ людямъ, 4) къ служенію интересамъ общества, — указанію ему его недостатковъ и призывѣ къ нравственному возрожденію. Въ виду столь важныхъ путей, намѣченныхъ Гоголемъ нашей литературѣ, его обыкновенно ставятъ во главѣ всей литературы второй половины XIX вѣка, въ качествѣ перваго представителя новаго литературнаго направленія — Гоголевскаго.

Лермонтовъ.

М. Ю. Лермонтовъ — современникъ Пушкина, пережившйй его всего лишь 4 годами. Его жизнь и литературная дѣятельность были очень непродолжительны, однако, несмотря на кратковременность своей дѣятельности, Лермонтовъ успѣлъ обнаружить выдающееся поэтическое дарованіе. Особенности его творчества даютъ основаніе отнести его къ Пушкинской школѣ, но нельзя сказать, что Лермонтовъ былъ

только подражателемъ или ученикомъ Пушкина: въ нашу литературу онъ внесъ нѣчто свое, что выдѣлило его изъ Пушкинской школы,—это было выраженіе внутренняго міра сильной и гордой личности, заявившей свои права.

Раньше, чѣмъ перейти къ болѣе подробному разсмотрѣнію главнѣйшихъ особенностей поэзіи Лермонтова, необходимо указать, что къ Пушкинской школѣ примыкалъ онъ внѣшними

М. Ю. Лермонтовъ.

пріемами творчества, выработанными Пушкинымъ: языкъ его произведеній—это обычный разговорный языкъ образованнаго общества его времени; въ изображеніи жизни онъ слѣдовалъ тѣмъ же правиламъ правдивости и естественности и, если героями его произведеній были люди «особенные», то только потому что онъ направлялъ свое вниманіе именно на людей особаго типа; наконецъ въ знаніи русскаго народа и въ любви къ нему Лермонтовъ едва ли уступалъ другимъ поэтамъ Пушкинской

школы (достаточно упомянуть о его «Пѣснѣ про купца Калашникова», чтобы видѣть, какъ близко могъ подойти онъ къ народному языку и творчеству).

Въ личной жизни Лермонтова были обстоятельства, повліявшія на развитіе его: ранняя смерть матери, разладъ между отцомъ и бабушкою, воспитаніе вдали отъ отца въ богатомъ домѣ бабушки подъ руководствомъ иностранныхъ воспитательницъ и воспитателей, не умѣвшихъ, однако, сердечно отнестись къ чуткой и впечатлительной душѣ ребенка; далѣе слѣдуютъ годы юности и появленіе Лермонтова въ кругу сверстниковъ и сверстницъ, гдѣ юноша также не встрѣтилъ сочувственнаго къ себѣ отношенія: сверстницы посмѣивались надъ некрасивой наружностью мальчика, надъ его неловкостью и раздражительностью, которую онѣ часто вызывали своими поддразниваніями; сверстники могли раздѣлить съ Лермонтовымъ какія-либо шалости, выходки, впослѣдствіи кутежи (особенно во время пребыванія въ военной школѣ), могли чуждаться его, какъ иногда и онъ ихъ (такъ было во время пребыванія Лермонтова въ университетѣ), но никто изъ нихъ не могъ стать его другомъ, не могъ раздѣлить его страданій и радости. Да и было почему: Лермонтовъ отъ природы обладалъ особою чуткостью души, откликавшейся на хорошее, какъ и на дурное; въ окружающей обстановкѣ дурного, порочнаго Лермонтовъ видѣлъ мало, но и сердечнаго, участливаго къ себѣ отношенія онъ также не видѣлъ. Некому было подойти ближе къ нравственно-одинокому ребенку, раздѣлить его дѣтское горе (радостей мало выпало ему на долю). А между тѣмъ ребенокъ страдалъ, видя враждебное отношеніе бабушки и другихъ родныхъ къ отцу, котораго лишили права воспитать сына; ребенокъ мечтою — съ любимымъ отцомъ, а тѣломъ — въ семьѣ бабушки, гдѣ его обставили хорошо, забывъ только о необходимой для ребенка ласкѣ и сердечности. Въ результатѣ уже у ребенка-Лермонтова выработалась привычка замыкаться въ себя, скрывать свои чувства отъ другихъ, относиться къ людямъ враждебно. Ребенкомъ онъ уже научился ненавидѣть окружающихъ и видѣть у нихъ темныя стороны; впечатлѣнія юности усилили этотъ навыкъ, и — предъ нами поэтъ, разочаровавшійся въ людяхъ еще прежде, чѣмъ началъ жить самостоятельно среди нихъ, прежде, чѣмъ столкнулся лицомъ къ лицу со всею громадою жизни. Немудрено, что замкнувшійся отъ людей ребенокъ могъ увлечься чтеніемъ, и дѣйствительно, Лермонтовъ особенно увлекся произведеніями англійскаго поэта Байрона, въ герояхъ котораго онъ нашелъ людей, по духу родственныхъ себѣ. Это были люди съ могучей силой

воли, съ высокимъ представленіемъ о человѣкѣ, съ лучшими чувствами по отношенію къ людямъ; столкновеніе съ жизнью показывало имъ, что люди злы, пошлы, ничтожны; тогда, разочарованные, эти герои уходятъ въ себя, начинаютъ презирать людей и на первое мѣсто въ жизни ставятъ свою личность, могучую силами и гордую своимъ превосходствомъ надъ другими. Читая Байрона, Лермонтовъ сталъ чувствовать свое родство съ его героями; онъ опредѣлилъ свое отличіе отъ Байрона тѣмъ, что былъ «какъ онъ, гонимый міромъ странникъ, но только съ русскою душою»; однако въ основѣ его душевнаго склада и его произведеній лежало то же, что и у Байрона,—представленіе о сильной и свободной личности, которая настойчиво заявляла свои права. Въ данномъ случаѣ Лермонтовъ составляетъ противоположность Гоголю: тамъ автору по крупицамъ приходится собирать слѣды сознанія человѣческаго достоинства у пошлыхъ или приниженныхъ людей; здѣсь, у Лермонтова, — личность сознаетъ себя и свое превосходство надъ людьми.

Таковъ самъ Лермонтовъ, таковы и его герои, таково и настроеніе его лирики.

Типъ Печорина и другіе родственные ему.

Изъ числа героевъ главнѣйшихъ произведеній Лермонтова на первомъ мѣстѣ стоитъ Печоринъ («Герой нашего времени»): въ его лицѣ Лермонтовъ образно и ярко представилъ человѣка, разочарованнаго людскою мелочностью и пошлостью; въ сущности, и самъ Печоринъ не свободенъ отъ крупныхъ недостатковъ, — онъ высокомѣренъ, эгоистиченъ, холоденъ и даже жестокъ по отношенію къ тѣмъ людямъ, которые расположены къ нему искренне (напр., Максимъ Максимовичъ). Но Печорина Лермонтовъ ставитъ выше окружающихъ, во-первыхъ, потому что онъ искрененъ и своихъ пороковъ не скрываетъ, не маскируетъ ихъ видомъ наружной привлекательности; его возмущаетъ фальшь и притворство (Грушницкій), а также пошлость въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ (общество на водахъ, драгунскій капитанъ, Грушницкій); другою положительною чертою Печорина служитъ его образованность и глубокій умъ, который, разбираясь въ жизненныхъ явленіяхъ, даетъ Печорину возможность видѣть недостатки свои и другихъ и оцѣнивать людей и ихъ дѣла по достоинству. По словамъ Печорина, въ немъ живутъ два человѣка, изъ которыхъ одинъ дѣйствуетъ, движется, а другой — наблюдаетъ перваго, анализируетъ каждый его шагъ; эта склонность къ анализу подрываетъ въ душѣ Печорина возможность сильнаго, глубокаго чувства.

Въ герояхъ драмы: «Маскарадъ», поэмы: «Демонъ» и другихъ произведеній Лермонтова мы видимъ разновидности типа Печо-

рина, съ основными чертами внутренняго разлада, разочарованія и презрѣнія къ человѣческому міру.

Лирика Лермонтова.

Весьма важное мѣсто среди произведеній Лермонтова занимаютъ его лирическія стихотворенія: по образности и красотѣ языка они не уступаютъ лирикѣ Пушкина; сжатый, «желѣзный» стихъ Лермонтова глубоко проникаетъ въ сердце читателя, поражая послѣдняго глубиною и силою чувства поэта и мѣткостью его выраженій; чувства, выражаемыя въ стихотвореніяхъ, являются отголоскомъ душевныхъ переживаній самого поэта и такъ же, какъ и послѣднія, весьма разнообразны. Въ этихъ стихотвореніяхъ Лермонтовъ является то съ мыслью о высокомъ, недоступномъ идеалѣ, отраженіе котораго живетъ въ душѣ человѣка, составляя лучшую ея часть («Ангелъ»), то съ представленіемъ объ умиротворяющемъ воздѣйствіи на душу человѣка природы («Когда волнуется желтѣющая нива») или молитвы («Молитва»), то съ выраженіемъ чувства неудовлетворенности окружающимъ и исканіемъ лучшаго будущаго («Парусъ»). Наиболѣе частыми мотивами, однако, являются: разочарованіе поэта въ людяхъ, презрѣніе къ людской пошлости и мелочности и страстные порывы гордой и сильной души къ высокимъ идеаламъ. Поэтъ не видитъ въ людяхъ ничего хорошаго: они утратили высокій идеалъ человѣческаго достоинства, они неспособны ни къ высокимъ, благороднѣйшимъ порывамъ, ни даже къ широкимъ движеніямъ мести или злобы,— и потому ихъ жизнь пуста и безцвѣтна («Дума»); «мечты поэзіи, созданія искусства» далеки отъ людей; поэтъ-пророкъ, дерзнувшій выступить съ проповѣдью нравственнаго возрожденія, встрѣчаетъ враждебное отношеніе толпы: его не хотятъ слушать, надъ нимъ издѣваются («Пророкъ»); поэзія, какъ старый, заржавѣвшій кинжалъ, можетъ быть игрушкою, но не служить дѣлу («Поэтъ»). Даже въ природу человѣкъ вноситъ разрушеніе («Три пальмы»); понять и оцѣнить природу людямъ не подъ силу, а между тѣмъ въ ней поэтъ находитъ такъ много жизни и такъ много высокихъ мотивовъ, чуждыхъ человѣку («Тучи», «Дубовый листокъ», «Сосна» и друг.). Стоя выше толпы, поэтъ не встрѣчаетъ ни у кого отклика на свои чувства, и его начинаетъ подавлять сознаніе своего нравственнаго одиночества («И скучно и грустно»), жизнь представляется ему «пустою и глупою шуткою», «гдѣ носитъ все печать проклятья, гдѣ полны ядомъ всѣ объятья, гдѣ счастья безъ обмана нѣтъ».

Въ сущности, въ лирикѣ Лермонтова именно эти отрицательные мотивы оказываются преобладающими: жизнь представляется ему въ черныхъ краскахъ, и проблески религіознаго

чувства или настроенія, навѣяннаго природою, оказываются не въ силахъ заглушить въ душѣ поэта тяжелое чувство подавленности темными сторонами жизни. Личное настроеніе, вызванное жизненными обстоятельствами, поэтъ переноситъ на окружающій міръ, разсматривая и оцѣнивая его, какъ подтвержденіе основаній разочарованности. Это обстоятельство даетъ полное основаніе признать поэзію Лермонтова въ высокой степени *субъективной*, т.-е. имѣющей главною своею задачею выраженіе личныхъ чувствъ поэта; она (его поэзія) болѣе интересна, какъ матеріалъ для характеристики личности Лермонтова, чѣмъ какъ выраженіе какихъ-либо идей, волновавшихъ современное общество. Съ внѣшней же стороны, творчество Лермонтова имѣетъ большое значеніе, ибо въ лицѣ его явился одинъ изъ даровитѣйшихъ и выдающихся представителей Пушкинской школы.

IX.

Славянофилы и западники.

Теченія Николаевскаго времени.

Въ царствованіе императора Николая I (1825—1855 г.) въ русскомъ обществѣ появляется и развивается нѣсколько взглядовъ на свое историческое прошлое и вмѣстѣ съ тѣмъ на задачи будущаго. Въ частности, сужденія представителей названныхъ взглядовъ имѣли своею исходною точкою оцѣнку преобразовательной дѣятельности Петра I, создавшаго какъ бы поворотный пунктъ нашей исторіи. Такъ какъ эти сужденія являлись, съ одной стороны, выраженіемъ самосознанія тогдашняго общества, а съ другой— отразились въ литературѣ, то обойти ихъ молчаніемъ въ исторіи литературы нельзя. Сгруппировать эти сужденія можно въ три отдѣльныя школы: 1) теорія «офиціальной народности», 2) теорія славянофиловъ и 3) теорія западниковъ [1]). Славянофилы и западники явились какъ бы въ противовѣсъ теоріи офиціальной народности, поддерживавшейся тогда правительствомъ; заслуга ихъ состоитъ въ томъ, что они возбудили рядъ историческихъ и общественныхъ вопросовъ, и если немногіе изъ послѣднихъ рѣшили, то во всякомъ случаѣ углубили наше общественное самосознаніе.

Теорія офиціальной народности.

Теорія офиціальной народности исходила изъ представленія объ особыхъ свойствахъ русскаго народа, ставящихъ его выше всѣхъ другихъ на-

[1]) *Теорія* — значитъ взглядъ, объясненіе.

родовъ: русскій народъ блюдетъ чистоту христіанской вѣры и чистоту строгихъ патріархальныхъ нравовъ; вслѣдствіе этого и народный бытъ его, и государственный строй его не похожи на бытъ и учрежденія Западной Европы, и такими же должны остаться. Русская жизнь развивается на непоколебимыхъ основаніяхъ православія, самодержавія и народности: эти силы создали великое прошлое Россіи и лишь при ихъ помощи ей обезпечено славное будущее. Западно-европейскія учрежденія и обычаи намъ чужды; всѣ нововведенія западной жизни—опасныя заблужденія, а потому перенимать ихъ или воспроизводить у себя намъ не должно. Сторонники этого взгляда впадали, съ одной стороны, въ національную исключительность, огульно отрицая западную культуру (образованность), съ другой стороны, не считали необходимымъ для Россіи хотя какой-либо прогрессъ (движеніе впередъ): если наша культура была совершеннѣйшей, то учиться чему-либо у западныхъ сосѣдей или даже исправлять свои недостатки оказывалось излишнимъ. Дѣйствительно, подъ вліяніемъ этой теоріи многія отрицательныя стороны тогдашней русской жизни оставались безъ исправленія: крѣпостное право, несмотря на всѣ злоупотребленія имъ (со стороны помѣщиковъ), считалось однимъ изъ устоевъ общественной жизни; наука была въ загонѣ; въ судахъ процвѣтала жестокость, произволъ и взяточничество; литература была до крайности стѣснена цензурой, не допускавшей никакихъ обличеній общественныхъ недостатковъ (извѣстно, напр., что комедію «Ревизоръ» Гоголя удалось поставить на сцену только благодаря личному разрѣшенію императора Николая I); публицистика (обсужденіе общественныхъ вопросовъ) сдѣлалась невозможной и считалась ненужною, а мѣсто статей по общественнымъ вопросамъ въ журналахъ, предназначенныхъ для широкихъ круговъ публики, заняли спеціальныя статьи по химіи, исторіи, филологіи,—статьи, далекія отъ интересовъ жизни, но зато безвредныя въ цензурномъ отношеніи.

При такихъ обстоятельствахъ развивались, однако, и другіе способы оцѣнивать прошлое и настоящее Россіи: образовалось нѣсколько кружковъ молодежи, заинтересовавшейся общественными вопросами; исходя изъ общихъ положеній, развивавшихся тогдашнею философіей, кружки эти вырабатывали самостоятельное объясненіе историческаго развитія Россіи. Нѣкоторые изъ этихъ кружковъ выдѣлили школу славянофиловъ, другіе—западниковъ.

Славянофилы. Славянофилы[1]) исходили изъ положенія, что Западъ разлагается, распадается, ибо основа его

[1]) Славянофилы—значитъ приверженцы славянъ.

образованности есть языческая образованность древняго міра; христіанство, ставъ на Западѣ государственною религіею, пріобрѣло, въ лицѣ представителей Церкви, и государственную власть; западная церковь направила свои заботы на подчиненіе себѣ свѣтской власти и, въ этихъ заботахъ, отступила отъ своихъ прямыхъ задачъ. Поэтому на Западѣ вѣра стала дѣломъ разума, а не чувства, сердца. Россія, воспринявшая христіанство изъ Византіи, съ нимъ вмѣстѣ восприняла и общій характеръ Церкви, никогда не стремившейся ни въ Византіи, ни у насъ къ подчиненію себѣ свѣтской власти: у насъ христіанская вѣра стала дѣломъ не только разума, но, главнымъ образомъ, и горячаго чувства, и глубоко проникла въ сознаніе народа. Государство русское—это «основанный на довѣренности союзъ народа съ властью, земли—съ государствомъ»; выросло оно изъ первобытной общины, гдѣ всѣ члены были равны, и гдѣ впервые волею общины власть была предоставлена государю въ качествѣ представителя общины. Противоположностью нашему общинному быту былъ западный—родовой, способствовавшій развитію аристократіи (знати); у насъ аристократіи не было, ибо боярство наше состояло изъ людей, достигавшихъ почета не въ силу знатности рода, а вслѣдствіе личныхъ заслугъ. Въ сущности, и въ удѣльно-вѣчевой періодъ, и въ московскій наше государство сохраняетъ ту же форму общины, въ которой за народомъ сохраняется право заявлять свое мнѣніе царю и обязательность подчиненія его рѣшенію: «народу—сила мнѣнія, царю—сила власти».

Выходя изъ этихъ положеній, славянофилы отнеслись недружелюбно къ преобразовательной дѣятельности Петра I: въ ней они видѣли насильственный актъ (т.-е. дѣйствіе), оторвавшій Россію отъ ея правильнаго, закономѣрнаго историческаго развитія. Преобразованія Петра, по ихъ взглядамъ, явились дѣломъ вреднымъ не только потому, что заключались въ пересажденіи къ намъ культуры «гнилого» Запада: они вредны еще и потому, что нарушили законы исторической жизни. Жизнь допетровской Руси развивалась изъ основныхъ свойствъ нашего народнаго духа, живущихъ еще и донынѣ въ нашемъ народѣ. Съ этими свойствами Петръ не захотѣлъ считаться и направилъ жизнь Россіи по новому руслу; только слѣды прежнихъ идеаловъ живутъ еще въ народѣ въ видѣ отличающей его вѣры («русскій народъ—богоносецъ»), въ видѣ «міра» или деревенской общины, въ видѣ, наконецъ, смиренія и въ то же время величія духа. Поэтому въ общеніи передовыхъ слоевъ общества съ народомъ и въ возрожденіи его идеаловъ—залогъ лучшаго будущаго для Россіи.

Изложенные взгляды, хотя не всегда и не во всемъ находили себѣ подтвержденіе въ историческихъ данныхъ, однако являлись общими для всѣхъ славянофиловъ. Отдѣльные представители этого ученія (А. С. Хомяковъ, К. Аксаковъ, братья Кирѣевскіе и друг.), впрочемъ, болѣе выдвигали то ту, то другую сторону этой теоріи.

Такъ, Константинъ Аксаковъ особенное вниманіе удѣлялъ изученію древне-русскихъ общественныхъ формъ (община, земскіе соборы, боярская дума, древнее народовластіе), стараясь, путемъ выясненія ихъ сущности, опредѣлить основныя черты нашего народнаго духа и историческаго развитія Руси. Относя свои идеалы въ область прошлаго, онъ отрицательно относился къ «петербургскому періоду» нашей исторіи, въ которомъ видѣлъ разрывъ связи съ этимъ прошлымъ. Вниманіе къ интересамъ широкой массы народа и вѣра въ народныя силы составляютъ также одну изъ отличительныхъ чертъ К. С. Аксакова.

Братья Кирѣевскіе (Ив. Вас. и Петръ Вас.), главнымъ образомъ, разсматривали вопросы религіозно-философскіе: православная вѣра сопоставлялась ими съ религіями Запада, при чемъ они приходили къ выводу о неизмѣримыхъ преимуществахъ нашей вѣры и церкви. Источникомъ возрожденія одряхлѣвшей и распадающейся культуры Запада, по ихъ мнѣнію, могло быть только обращеніе народовъ Запада къ православію и тѣмъ высокимъ нравственнымъ качествамъ, которыя, будучи связаны съ православіемъ, живутъ въ русскомъ народѣ. Къ нимъ отчасти примыкалъ и А. С. Хомяковъ,—натура богато одаренная, богословъ, поэтъ, мыслитель, историкъ и къ тому же блестящій ораторъ.

Д. Валуевъ усердно занимался русскою исторіей, мечтая о созданіи русской науки, которая должна стать выше западной и дать истинное и единственно правильное освѣщеніе міровой исторіи.

Значеніе дѣятельности славянофиловъ было велико: они выдвинули цѣлый рядъ историческихъ и историко-философскихъ вопросовъ и предложили ихъ рѣшеніе; съ этимъ рѣшеніемъ, если не всегда можно было согласиться, то приходилось считаться или бороться путемъ приведенія серьезныхъ научныхъ данныхъ; далѣе, они примкнули къ лучшимъ изъ своихъ современниковъ въ критикѣ тогдашнихъ нашихъ общественныхъ недостатковъ: являлись врагами неправосудія, неуваженія къ закону, крѣпостного права; наконецъ, создавая извѣстные идеалы общественныхъ отношеній, они считали необходимымъ дѣятельно стремиться къ ихъ осуществленію: здѣсь они являлись врагами того

спокойнаго бездѣйствія, которое было свойственно людямъ, утверждавшимъ, что у насъ все обстоитъ благополучно. Евг. Соловьевъ (Андреевичъ) говоритъ: «славянофильство было несомнѣнно классовой теоріей. Лучшіе изъ славянофиловъ были благороднѣйшими представителями стараго родовитаго дворянства...» Съ этими словами можно согласиться лишь отчасти: дѣйствительно, почти всѣ наши славянофилы вышли изъ среды дворянства; однако принадлежность ихъ къ этому сословію не выразилась въ защитѣ ни сословныхъ, ни классовыхъ интересовъ, ибо они имѣли въ виду болѣе широкое и объемлющее понятіе—народъ и основныя начала народной жизни. Теорія общиннаго (а не родового, при которомъ развивается аристократія) быта лучше всего можетъ опровергнуть упрекъ въ классовомъ характерѣ славянофильства: въ общинѣ всѣ члены равны, и экономическіе интересы для всѣхъ—одни и тѣ же.

Западники.

Въ противоположность славянофиламъ, западники признавали громадную роль Запада и въ нашей исторіи, и въ исторіи литературы и русскаго просвѣщенія, и, наконецъ, въ исторіи культуры вообще. Трудно было отрицать ту громадную затрату умственныхъ и физическихъ силъ, какая потребовалась для созданія западнаго просвѣщенія; плоды же этого просвѣщенія были у всѣхъ на глазахъ: уваженіе къ правамъ человѣческой личности, святость закона и равенство всѣхъ предъ закономъ, идеи долга, права, болѣе культурныя формы быта и, наконецъ, стремленіе къ прогрессу, — это были такія стороны Запада, которыя могли бы принести пользу и у насъ. Отсюда получался выводъ, что Европѣ должно подражать, что у нея должно учиться, а не презирать ее,—и къ этому простому положенію наши западники старались устремить вниманіе русскаго общества. Ясно, что реформа Петра могла вызывать только сочувствіе западниковъ, видѣвшихъ въ ней великій моментъ начала сближенія Россіи съ общечеловѣческой культурой. Чаадаевъ пишетъ: «Надо согласиться, что оно было прекрасно, это созданіе Петра Великаго... Глубоко было сказанное имъ слово: видите ли тамъ эту образованность, плодъ столькихъ трудовъ, видите ли эти науки, эти искусства, которыя стоили пота столькимъ поколѣніямъ? Все это—ваше, съ условіемъ, что вы освободитесь отъ своихъ суевѣрій, что вы отвергнете свои предразсудки, что вы не будете ревнивы къ своему варварскому прошедшему, что вы не станете хвастаться вѣками своего невѣжества, что ваше честолюбіе будетъ состоять въ томъ, чтобы усвоить себѣ труды всѣхъ народовъ, богатства, пріобрѣтенныя умомъ человѣческимъ на всѣхъ широтахъ земного шара».

Въ крайностяхъ своего спора съ славянофилами западники доходили до отрицанія значенія русской исторической жизни до Петра I, т.-е. впадали въ такую же большую и несправедливую крайность, какъ и славянофильское утвержденіе, что Западъ гніетъ и разлагается. Чаадаевъ, напр., не находитъ въ нашемъ обществѣ ни самостоятельности культуры, ни связи съ прошлою культурно-историческою жизнью человѣчества, ни даже общенароднаго животворящаго духа, который бы побудилъ насъ работать для блага всего человѣчества: «Отшельники въ мірѣ, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него, не пріобщили ни одной идеи къ массѣ идей человѣчества; ничѣмъ не содѣйствовали совершенствованію человѣческаго разумѣнія и исказили все, что сообщило намъ это совершенствованіе». Конечно, подобныя сужденія (какъ и многія сужденія славянофиловъ) выводились весьма часто изъ односторонней оцѣнки историческаго прошлаго русскаго народа и должны считаться непріемлемыми; однако въ основѣ ихъ лежало одно, общее всѣмъ западникамъ стремленіе къ культурному совершенствованію, къ прогрессу, а не къ возвращенію къ старинѣ. Это прогрессивное движеніе представлялось въ видѣ широкаго распространенія свѣта знанія, въ видѣ усвоенія чувства долга и идей гражданственности, въ видѣ созданія лучшихъ, болѣе нормальныхъ общественныхъ отношеній.

Бѣлинскій.

Къ числу яркихъ представителей школы западниковъ въ нашей литературѣ относится извѣстный критикъ В. Г. Бѣлинскій. Онъ отстаиваетъ права человѣческой личности, которая для него «выше исторіи, выше общества, выше человѣчества». Но, съ другой стороны, онъ отстаиваетъ и нужды общества: ему хотѣлось бы, чтобы на землѣ не было страданій, голода, холода, зла, чтобы всѣ люди были счастливы, чтобы невѣжество и суевѣріе не создавали бы ненужныхъ человѣку страданій. Въ знаменитомъ письмѣ своемъ къ Гоголю онъ громитъ невѣжество, мракобѣсіе, татарскіе нравы и горько упрекаетъ Гоголя въ томъ, что въ «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями» онъ предложилъ рѣшеніе ряда общественныхъ вопросовъ въ духѣ, не соотвѣтствовавшемъ идеямъ просвѣщенія и гуманности. Бѣлинскій высоко цѣнитъ литературу, которой даетъ такое опредѣленіе: «литература — это проявленное въ написанномъ словѣ самосознаніе общества». А если такъ, то велика и роль литературы въ обществѣ: она должна приводить въ ясность идеи, занимающія сознаніе общества, и развивать ихъ. Такъ именно и поняло свою задачу большинство нашихъ писателей этой эпохи: у Григоровича, напр., Тургенева, Герцена,—

гдѣ въ поэтическихъ образахъ, а гдѣ и въ публицистическихъ разсужденіяхъ,—приводятся въ ясность общественные недостатки, обличаются пороки и выдвигается требованіе улучшенія различныхъ сторонъ общественной жизни. Журналы: «Современникъ» и «Отечественныя Записки», старались ввести читателей въ кругъ

В. Г. Бѣлинскій.

интересовъ западно-европейской жизни: въ статьяхъ этихъ журналовъ можно было найти обсужденіе явленій общественныхъ и литературныхъ, новостей изъ области политики и науки, а также новыхъ тогда теорій общественнаго строя (Сенъ-Симона, Фурье и друг.). Западники же оживили нашу литературу переводами отдѣльныхъ научныхъ сочиненій, а также художественныхъ про-

изведеній съ общественною основою (Жоржъ-Зандъ, Гюго, Диккенсъ).

Если сопоставить дѣятельность славянофиловъ и западниковъ, то нельзя не признать, что большая часть трудовъ славянофиловъ заключалась въ ихъ научныхъ и публицистическихъ сочиненіяхъ, практическая же дѣятельность ихъ была весьма невелика; у западниковъ же дѣло обстояло наоборотъ; на ряду съ обсужденіемъ историческихъ и общественныхъ вопросовъ, которому они отводили много мѣста, у нихъ главное вниманіе было обращено именно на проведеніе своихъ идей въ сознаніе публики въ доступныхъ, популярныхъ формахъ художественныхъ произведеній. Выраженіе идей западниковъ въ романахъ и повѣстяхъ, оригинальныхъ и переводныхъ, несомнѣнно содѣйствовало развитію русскаго самосознанія, тѣмъ болѣе, что съ обличеніемъ недостатковъ дѣйствительности беллетристы-западники всегда умѣли соединять и указаніе на тѣ высокіе идеалы общественнаго благоденствія, во имя которыхъ дѣлались обличенія и которыми должно было руководствоваться при обновленіи общества.

X.

Крѣпостная Россія въ литературномъ освѣщеніи (Григоровичъ, Тургеневъ, Гончаровъ).

Вопросъ о крѣпостномъ правѣ.

Бѣлинскій въ письмѣ къ Гоголю по поводу его книги: «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями» (1847 г.) пишетъ: «Самые живые, современные національные вопросы въ Россіи теперь: уничтоженіе крѣпостного права, отмѣненіе тѣлеснаго наказанія, введеніе по возможности строгаго выполненія тѣхъ законовъ, которые уже есть». Въ сущности, всѣ эти вопросы можно было свести къ одному—къ вопросу о крѣпостномъ правѣ, такъ какъ оно было главною причиною и другихъ недостатковъ: оно развивало въ однихъ слояхъ произволъ, въ другихъ — раболѣпство, оно подрывало представленіе о гражданскомъ долгѣ и о человѣческомъ достоинствѣ, оскорблявшемся тамъ, гдѣ люди были рабами. Возникаетъ вопросъ: какъ же на это явленіе откликалась литература и откликалась ли?

Надо вспомнить, что, по особымъ условіямъ развитія нашей культуры, литература у насъ часто выполняла роль публицистики и въ болѣе или менѣе художественной формѣ обсуждала разныя стороны жизни общества. Это обстоятельство, конечно,

возвышало ея общественное значеніе, увеличивало количество приносимой ею пользы, хотя иногда и умаляло ея собственно-художественное значеніе: когда писатель ставилъ себѣ цѣлью строго провести опредѣленную идею, его произведеніе часто оказывалось какъ бы подогнаннымъ подъ эту идею (тенденціознымъ), и рамки для свободнаго творчества стѣснялись. Помня о строгости цензуры, наши писатели-беллетристы даже стали вырабатывать особый языкъ, особые способы выраженія мысли, при которыхъ ихъ идеи становились ясными и безъ особыхъ руководящихъ истолкованій со стороны автора. Тургеневъ, напр., далъ въ «Запискахъ охотника» рядъ живыхъ картинъ изъ крестьянской жизни, но нигдѣ не обмолвился ни однимъ словомъ осужденія крѣпостного права; а между тѣмъ читатель, поставившій и обдумавшій вопросъ, почему однимъ крестьянамъ, судя по «Запискамъ охотника», живется плохо, а другимъ нѣсколько лучше, а также,—какъ достигнуть того, чтобы всѣмъ крестьянамъ жилось хорошо,—такой читатель, въ концѣ-концовъ, приходилъ къ выводу, что крѣпостное состояніе есть наибольшее зло для крестьянина.

Собственно говоря, вопросъ о крѣпостномъ правѣ и другихъ, связанныхъ съ нимъ, общественныхъ недостаткахъ былъ поднятъ въ нашей литературѣ еще въ XVIII вѣкѣ. Въ сатирическихъ журналахъ Екатерининской поры обличались уже помѣщики, обиравшіе своихъ же крестьянъ, вытаптывавшіе ихъ поля во время охоты за зайцами, развратничавшіе въ своихъ деревняхъ. Фонвизинъ обличалъ въ лицѣ Простаковой помѣщичье невѣжество и жестокое обращеніе съ крестьянами; Капнистъ нападалъ на произволъ и взяточничество судей; Радищевъ взывалъ о жалости къ бѣдному, порабощенному и обнищавшему народу и громилъ произволъ помѣщиковъ. Въ основѣ своей всѣ эти обличенія вызывались, главнымъ образомъ, чувствомъ гуманности и сожалѣнія къ страдающему. Въ началѣ XIX вѣка болѣе практическимъ было мнѣніе Панина, находившаго, что необходимо обезпечить за крестьянами право собственности и избавить ихъ отъ произвола помѣщиковъ. Сентименталисты и романтики дальше «жалѣнія» не пошли и сдѣлали для улучшенія доли крестьянъ гораздо меньше того, что могли и должны были сдѣлать, будучи воспитаны на произведеніяхъ мыслителей XVIII в. Пушкинъ выразилъ свой протестъ противъ крѣпостничества въ стихотвореніи: «Деревня» («Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона, присвоило себѣ насильственной лозой и трудъ, и собственность, и время земледѣльца... Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ, надеждъ и склонностей въ душѣ питать

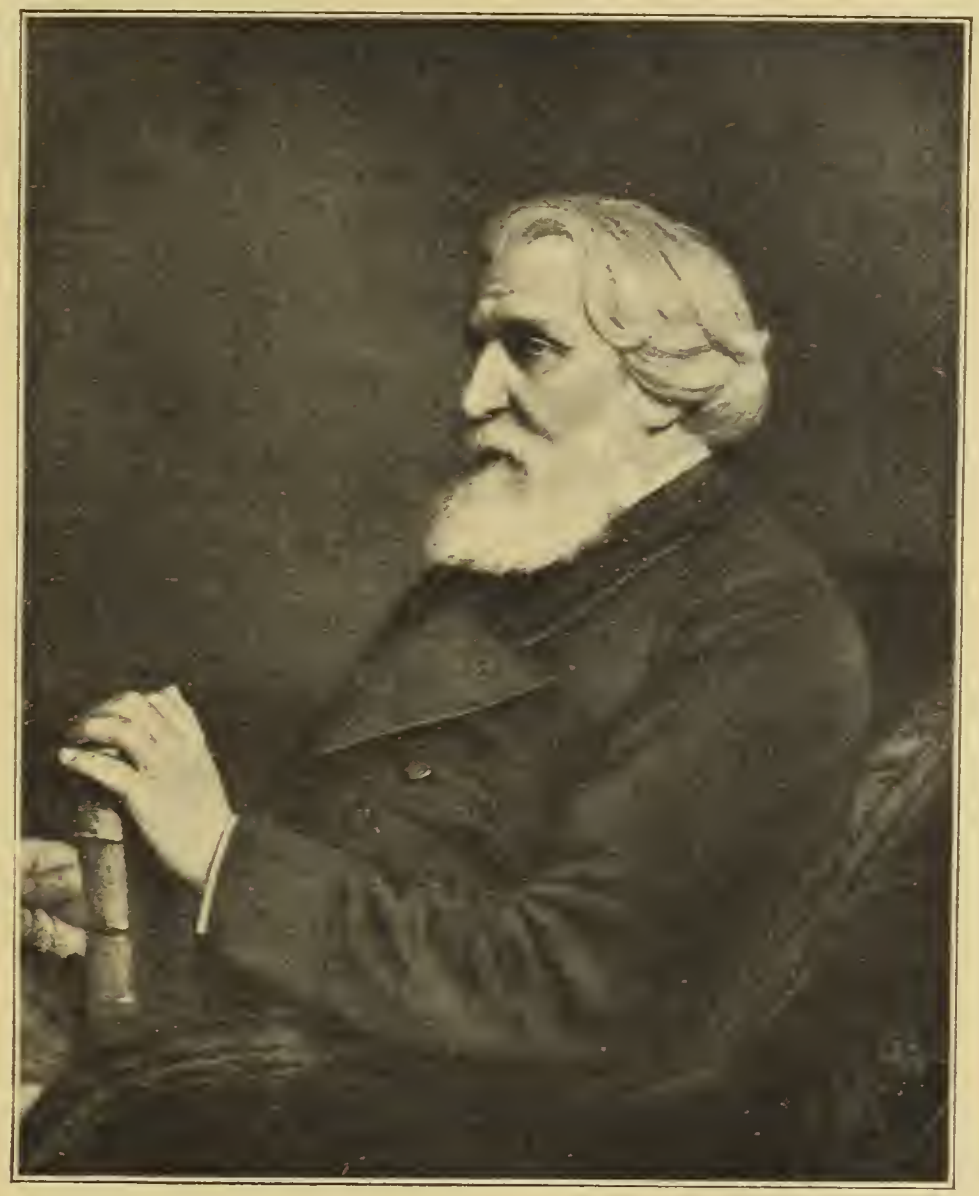
не смѣя. Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ для прихоти развратнаго злодѣя. Опора милая старѣющихъ отцовъ младые сыновья, товарищи трудовъ, изъ хижины родной идутъ собою множить дворовыя толпы измученныхъ рабовъ»).

Гоголь поставилъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ на иную точку зрѣнія—общественную. Подобно тому, какъ чиновники «Ревизора» оказались не только плутами, но и общественными дѣятелями, такими же дѣятелями, въ качествѣ представителей цѣлаго сословія, оказались Собакевичи, Манилловы и другіе помѣщики. Картина получилась печальная: тунеядство, кулачество, разгулъ, бездѣльничанье и т. д., и все это оказалось возникшимъ на почвѣ обезпеченія даровымъ трудомъ крестьянскихъ рукъ. Постановка вопроса у Гоголя была правильна, но: 1) картина жизни была односторонней, ибо онъ изображалъ только помѣщиковъ (не касаясь положенія крестьянъ), да и то помѣщиковъ глухого уѣзднаго города, такъ сказать, стараго типа; 2) появленіе произведенія Гоголя не совпало съ извѣстнымъ подъемомъ общественныхъ силъ; поэтому лишь немногіе современники оцѣнили «Мертвыя души» по достоинству вполнѣ, другіе же увидѣли въ нихъ лишь художественное воспроизведеніе дѣйствительности, но мало оцѣнили ихъ общественное значеніе.

Вопросъ о крѣпостномъ правѣ въ произведеніяхъ Григоровича и Тургенева.

Къ концу царствованія императора Николая I общественное сознаніе, однако, уже созрѣвало; если нельзя было въ печати, то въ разнаго рода кружкахъ трактовались тѣ живые и современные вопросы, о которыхъ говоритъ Бѣлинскій. Чѣмъ болѣе суровою становилась цензура и другія внѣшнія условія, тѣмъ сильнѣе общество ощущало потребность разрѣшенія упомянутыхъ вопросовъ. Появившееся въ такую пору произведеніе, касавшееся, напр., крѣпостного права, могло разсчитывать на успѣхъ въ широкихъ кругахъ публики, особенно если положеніе крестьянина обсуждалось не только съ точки зрѣнія гуманныхъ чувствъ, а и съ точки зрѣнія блага и пользы всего общества. Такой именно характеръ носили появившіеся въ 1847 г. семь разсказовъ изъ «Записокъ охотника» Тургенева и повѣсти: «Антонъ-Горемыка» и «Деревня» Григоровича. Повѣсть: «Антонъ-Горемыка», несложная по сюжету, явилась словомъ заступничества за крестьянина, призывомъ пожалѣть его и помочь ему. Призывъ этотъ нашелъ откликъ въ русскомъ обществѣ, что доказалъ необычайный успѣхъ повѣсти. Еще большій успѣхъ имѣли разсказы Тургенева, собранные впослѣдствіи въ одну книгу подъ общимъ заглавіемъ: «Записки охотника». Тургеневъ рисовалъ крестьянскіе (а иногда и помѣщичьи) типы, встрѣчавшіеся ему во время его

охотничьихъ скитаній по губерніямъ центральной полосы Россіи. Здѣсь былъ и строгій, разсудительный оброчный мужикъ Хорь, въ которомъ авторъ открылъ глубокій умъ и рѣдкую энергію; здѣсь же Тургеневъ отмѣчаетъ и рядъ крестьянъ, замѣчательныхъ своею высокою нравственною чуткостью, способностью жить



И. С. Тургеневъ.

одною жизнью съ природою и воспринимать все прекрасное въ природѣ,—таковы: Калиныч, Касьянъ и Лукерья, поражающая своимъ терпѣніемъ и высокимъ религіознымъ сознаніемъ; не проходитъ авторъ и мимо поэтическихъ проявленій натуры крестьянина («Пѣвцы»); не забываетъ и крестьянскихъ дѣтей («Бѣ-

жинъ лугъ») и выясняетъ вліянія, при какихъ складывается ихъ міросозерцаніе. Отрицательные типы изъ крестьянской среды также отмѣчены Тургеневымъ: бурмистръ Софронъ, камердинеръ Викторъ, конторщикъ Николай; вообще это—люди, удалившіеся отъ земледѣльческаго труда и ближе стоящіе къ помѣщичьему быту, чѣмъ къ крестьянскому. Мало симпатичныхъ сторонъ авторъ находитъ у помѣщиковъ, хотя послѣднихъ вообще касается какъ бы мимоходомъ: помѣщикъ Полутыкинъ оказывается пустоватымъ, ничтожнымъ человѣкомъ, который, несомнѣнно, стоитъ ниже своего же крестьянина Хоря; Звѣрковъ является деспотичнымъ владыкою, по произволу и въ видахъ удобствъ своихъ распоряжающимся личною судьбою своей крѣпостной дѣвушки; среди другихъ помѣщиковъ, если не замѣтны люди порочные, то пошлыхъ людей довольно много, а сердечныхъ и добрыхъ гораздо меньше. Разсказы Тургенева знакомили публику съ бытомъ русской деревни и вызывали вниманіе къ положенію крестьянина: публика убѣждалась, что уже полусвободное состояніе оброчнаго крестьянина даетъ ему возможность обставить довольно сносно свое существованіе; этой возможности былъ лишенъ барщинный крестьянинъ, напр., Калинычъ (но зато въ немъ были другія симпатичныя качества, вызванныя его постояннымъ общеніемъ съ природой). Разсказъ г. Звѣркова о «неблагодарности» Арины заключалъ уже трагическія ноты, о которыхъ самъ Звѣрковъ и не подозрѣвалъ въ своей наивности, ибо былъ вполнѣ убѣжденъ въ законности своего произвола. Отрицательныя явленія въ жизни крестьянина вызывали мысль о необходимости отмѣны крѣпостного права, которое разоряло крестьянъ и принижало ихъ нравственно; положительныя качества крестьянъ какъ бы подтверждали эту мысль, указывая, что крестьянинъ вполнѣ достоинъ освобожденія.

Романы Тургенева.

Изображеніе жизни однихъ только крестьянъ, конечно, не дало бы полной картины тогдашней жизни; поэтому Тургеневъ въ рядѣ романовъ («Рудинъ», «Дворянское гнѣздо», «Наканунѣ», «Отцы и дѣти», «Дымъ», «Новь») даетъ изображеніе и помѣщичьихъ типовъ, взятыхъ изъ времени какъ до, такъ и послѣ освобожденія крестьянъ. Помѣщичья или дворянская среда въ это время также не оставалась бездѣятельной: въ ней тоже происходило какъ бы броженіе, вытекавшее изъ желанія лучшихъ ея представителей осмыслить свою жизнь какою-либо полезною дѣятельностью. Тургеневъ тщательно слѣдитъ за этимъ движеніемъ въ средѣ дворянства и отмѣчаетъ всѣ оттѣнки этого движенія съ такою чуткостью, что ему, по справедливости, дано было названіе

«ловца момента»: каждый его романъ даетъ какой-либо новый типъ, вполнѣ соотвѣтствовавшій нарождавшимся вновь умственнымъ теченіямъ въ русскомъ обществѣ. Умѣстно будетъ тутъ же оттѣнить и большую объективность Тургенева: какъ художникъ, онъ вполнѣ безпристрастенъ, и, ставя себѣ задачей воспроизвести существенныя черты современныхъ типовъ, онъ не подчеркиваетъ ни своего сочувствія, ни несочувствія этимъ

И. А. Гончаровъ.

типамъ; однако нельзя не признать все-таки, что часто чувствуется близость Тургенева къ этимъ героямъ, его участіе къ ихъ радостямъ и страданіямъ, даже тогда, когда характеръ ихъ прямо противоположенъ характеру самого Тургенева. Это свойство его таланта дѣлаетъ его романы весьма вѣрною картиною русской образованной среды его времени.

Гончаровъ.

Кромѣ Тургенева, бытописателемъ дореформенной Россіи былъ и И. А. Гончаровъ: его романы («Обыкновенная исторія», «Обломовъ», «Обрывъ») даютъ художе-

ственныя картины русской деревни и типы людей, или выросшихъ въ этой деревнѣ, или связанныхъ съ нею духовнымъ родствомъ. Но зато типы новаго поколѣнія мало удавались Гончарову (Штольцъ, напр., не можетъ быть названъ рѣшеніемъ вопросовъ, вызываемыхъ типомъ Обломова, Тушинъ удаченъ еще менѣе, а Волоховъ—совсѣмъ неудаченъ и даже правдоподобія въ немъ немного). Критика отмѣтила главнѣйшую особенность таланта Гончарова,—его способность спокойнаго, безстрастнаго изображенія жизни, даже какъ бы безучастіе къ героямъ его же романовъ, а также тщательность изображенія, доходящую до мелочей, все равно будетъ ли то описаніе бездушнаго предмета (комната Обломова) или движеній души человѣка.

Типъ „лишняго" человѣка.

Романы Тургенева и Гончарова даютъ возможность возстановить нѣкоторыя общія черты тогдашняго русскаго образованнаго человѣка. Типъ такого человѣка давно уже отмѣченъ въ нашей литературѣ именемъ «лишняго»; «лишній человѣкъ» изображался неспособнымъ къ какой-либо практической дѣятельности, хотя, повидимому, имѣлъ всѣ задатки къ тому, чтобы быть полезнымъ гражданиномъ. Характерныя черты этого типа и объясненіе его у Тургенева и Гончарова представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Прежде всего герои ихъ романовъ («лишніе люди») подвергаются дѣйствію воспитанія въ домашней обстановкѣ.

Воспитаніе это бываетъ двоякаго рода. Иногда (и чаще всего) оно ведется по старинѣ: ребенокъ окруженъ цѣлымъ штатомъ прислуги, нянюшками, дядьками и сверстниками (для совмѣстныхъ игръ и забавъ); находясь въ такой обстановкѣ, онъ уже въ дѣтствѣ пріучается повелѣвать подвластными людьми и взваливать на нихъ всю тяжесть даже такого труда, который онъ могъ бы выполнить самъ. Заботы родителей именно къ тому и направлены, чтобы охранить покой ребенка, уберечь его отъ труда, дать ему пріятныя развлеченія и особенно—хорошее питаніе. Видя передъ глазами примѣръ старшихъ, ребенокъ довольно быстро воспринимаетъ правила житейской мудрости,—онъ начинаетъ чувствовать себя главнымъ предметомъ заботъ окружающихъ, у него развивается эгоизмъ (себялюбіе). Когда Обломовъ, уже будучи взрослымъ, обидѣлся на Захара за сравненіе его съ другими, въ этой обидѣ чувствуется пережитокъ впечатлѣній дѣтства: «другой» — это тотъ, кто трудится, выбивается изъ послѣднихъ силъ, чтобы добыть кусокъ хлѣба, а онъ, Илья Ильичъ Обломовъ,—не «другой», онъ труда не знаетъ, избавленъ отъ этого несчастія, онъ даже, сколько живетъ, чулка никогда самъ себѣ на ногу не натянулъ, ибо для этого, какъ

и для всякой вообще работы, у него есть Захаръ «и еще триста другихъ Захаровъ». Такое воспитаніе не вырабатывало ни привычки къ труду, ни даже сознанія долга каждаго человѣка трудиться для общаго блага и не быть тунеядцемъ. Типичный примѣръ такого воспитанія—воспитаніе Обломова.

Впрочемъ, были примѣры воспитанія и иного рода: отецъ Лаврецкаго захотѣлъ правильно поставить воспитаніе своего сына Ѳеодора (героя романа: «Дворянское гнѣздо»). На смѣну прежней жизни мальчика, росшаго подъ строгимъ надзоромъ тетки, но безъ всякой ласки со стороны окружавшихъ, вводится другой порядокъ: ребенка подвергаютъ тѣлесному закаливанію, стараясь укрѣпить его тѣло; кругъ знаній, необходимыхъ для него, какъ дворянина, суживается и ограничивается естественными науками, международнымъ правомъ, математикой и геральдикой (т.-е. наукой о гербахъ), а также столярнымъ ремесломъ. Такая «система», говоритъ Тургеневъ, «сбила съ толку мальчика, поселила путаницу въ его головѣ, притиснула ее». И это, конечно, было вполнѣ естественно, ибо мѣсто предметовъ общаго образованія въ «системѣ» заступили предметы, взятые наудачу. Впрочемъ, впослѣдствіи отецъ Лаврецкаго самъ пересталъ интересоваться ходомъ воспитанія сына. Выходитъ, что и «новое» воспитаніе часто не давало хорошихъ результатовъ, какъ и старое: оно, въ сущности, было также безалаберно и безцѣльно.

Получивъ, такимъ образомъ, безсистемное (т.-е. безпорядочное) и недостаточное воспитаніе дома, молодые люди вступаютъ въ школу, гдѣ недостатки домашняго воспитанія даютъ себя чувствовать. Даже у Обломова, котораго въ дѣтствѣ пріучали смотрѣть на ученіе, какъ на большое, хотя и неизбѣжное зло, во время пребыванія въ университетѣ является стремленіе къ знанію, какъ къ средству служить обществу, и онъ мечтаетъ объ общественной дѣятельности, о службѣ и, въ завершеніе всего, о тихомъ семейномъ счастьѣ. Лаврецкій, вступивъ въ университетъ, чувствуетъ пробѣлы своего образованія и съ жаромъ принимается за работу. Рудинъ принимаетъ большое участіе въ кружкахъ для самообразованія, бывшихъ въ средѣ тогдашняго студенчества; по окончаніи курса онъ ѣдетъ за границу, къ источнику знанія.

Проходятъ годы ученія,—и молодые люди выходятъ изъ высшей школы на поприще общественной дѣятельности. Что приносятъ они съ собою? Все лучшее, что у нихъ есть,—это результатъ образованія, полученнаго въ университетѣ. Сюда относится, во-первыхъ, весьма значительное умственное развитіе, состоящее въ пріобрѣтеніи свѣдѣній изъ разныхъ наукъ (философія, исто-

рія, эстетика и др.); далѣе—интересъ къ общественной жизни и желаніе принести обществу посильную помощь. Если желаніе практической дѣятельности не у всѣхъ ясно (напр., у Лаврецкаго), то ясно одно,—что этимъ людямъ вообще свойственны нравственныя побужденія, и на какой-нибудь низкій, пошлый поступокъ они не рѣшатся. Наконецъ большинство ихъ отличается извѣстнаго рода діалектическимъ развитіемъ, т.-е. умѣніемъ красиво и логично разсуждать и правильно вести споры: искусство это вырабатывалось въ студенческихъ кружкахъ и изощрялось въ житейской практикѣ. Если прибавить, что характеръ этихъ разсужденій и споровъ въ большинствѣ случаевъ былъ отвлеченный и имѣлъ своимъ предметомъ не практику жизни, а отвлеченные предметы (напр., искусство, религію, философскія понятія), то, кажется, всѣ хорошія стороны типовъ молодежи дореформенной эпохи будутъ исчерпаны.

Зато выступаютъ яснѣе отрицательныя стороны: наши герои обнаруживаютъ незнаніе жизни и людей, полную неподготовленность къ жизненной борьбѣ; ни силъ, ни моральныхъ средствъ разобраться въ жизненномъ теченіи у нихъ не хватаетъ. Ихъ стремленія къ общественной дѣятельности не находятъ своего приложенія: обнаруживается, что одного желанія быть полезнымъ мало, что надо еще, во-первыхъ, знать, какъ взяться за дѣло, и что именно надо сдѣлать, а во-вторыхъ, имѣть привычку къ труду. Но задатки, привитые въ дѣтствѣ, часто даютъ себя чувствовать въ зрѣломъ возрастѣ; Обломовъ не можетъ преодолѣть своей привычки къ бездѣлью и остается празднымъ, хотя въ душѣ его кипитъ рой замысловъ великихъ и плановъ устройства крестьянъ; Рудинъ бросается отъ одного дѣла къ другому, не будучи въ силахъ съ пользою всецѣло предаться одному какому-либо; Лаврецкій при первой жизненной неудачѣ (измѣна жены) чувствуетъ тяжелое разочарованіе; Берсеневъ создаетъ мало кому нужные ученые труды. Шубинъ уходитъ весь въ подражаніе образцамъ классическаго искусства, ставя на первый планъ изящество формъ, а не жизненность идей. Даже въ личной жизни они оказываются какими-то слабыми и безпомощными: Рудинъ какъ-то растерялся весь въ ту минуту, когда Наталья ставитъ ему прямо и рѣшительно вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ ихъ отношеній, о которыхъ узнала ихъ мать, — кромѣ совѣта «покориться», Рудинъ не нашелъ ничего лучшаго; Обломовъ совершенно стушевывается предъ твердою и энергичною Ольгою. Наконецъ, необходимо замѣтить, что большинство нашихъ героевъ весьма замѣтно проявляетъ свой эгоизмъ. Такъ, Рудинъ, произнося увлекательныя рѣчи, кажется, совершенно

не думаетъ о дѣйствіи этихъ рѣчей на окружающихъ, — онъ лишь увлекается «музыкою краснорѣчія» своего; Лаврецкій признаетъ впослѣдствіи, что въ немъ было много заботы о себѣ и мало вниманія къ другимъ: встрѣча съ Лизой и ея самопожертвованіе обратили его мысль на необходимость думать и о другихъ, и онъ улучшилъ, какъ могъ, положеніе своихъ крестьянъ.

Всѣ перечисленные герои романовъ получили въ нашей литературѣ названіе «лишнихъ людей». «Лишними» ихъ называютъ потому, что для практической дѣятельности въ обществѣ они негодны и осязаемой пользы не приносятъ. Однако это названіе едва ли справедливо: они не могутъ быть лишними, ибо въ нихъ выразился извѣстный моментъ историческаго развитія русскаго общества, когда оно отъ безучастія къ общественнымъ вопросамъ стало переходить къ развитію общественной дѣятельности: раньше практической дѣятельности необходимо было осмотрѣться, взвѣсить силы и опредѣлить, что необходимо обществу. «Лишніе люди» и послужили такимъ показателемъ состоянія общественныхъ силъ. Лично они, кромѣ того, владѣли большими знаніями и большимъ воодушевленіемъ, которое передавалось окружающимъ и возбуждало послѣднихъ къ выполненію тѣхъ задачъ, осуществленіе которыхъ могло быть не подъ силу самимъ «лишнимъ людямъ».

Положительные типы въ романахъ Тургенева и Гончарова.

Надобно отмѣтить, наконецъ, что рядомъ съ «лишними людьми» обычно въ романахъ бывали выводимы и такіе типы, которые должны были служить воплощеніемъ идеаловъ автора. Таковы: Елена и Инсаровъ въ романѣ «Наканунѣ», Штольцъ и Ольга въ романѣ «Обломовъ», Лаврецкій въ окончаніи (эпилогѣ) «Дворянскаго гнѣзда» и др. По поводу большинства этихъ положительныхъ типовъ критикою было сдѣлано вѣрное наблюденіе: особенною жизненностью типы эти не отличаются, и хотя авторы стараются выставить ихъ идеальными образцами, однако доказать, что это типы въ жизни широко распространенные, а не рѣдкіе или только нарождающіеся,—невозможно. Отличительная черта, общая рѣшительно всѣмъ этимъ типамъ, — это то, что всѣ они люди дѣла. Черта эта весьма знаменательна, ибо «лишніе люди» именно отъ практической дѣйствительности далеки. Подчеркиваніе у положительныхъ типовъ ихъ энергіи и дѣеспособности служитъ указаніемъ на то, что въ этихъ именно качествахъ ощущалась наибольшая потребность. Если въ крѣпостную эпоху такія качества были только предметомъ желаній, то въ слѣдующую они становятся уже опредѣлившимся жизненнымъ явленіемъ.

XI.

Шестидесятые годы (характеристика эпохи; роль журналистики; беллетристика: Чернышевскій, Помяловскій, Шеллеръ).

Шестидесятые годы.

Эпохой «шестидесятыхъ годовъ» принято считать время отъ Крымской кампаніи (1853—55 гг.) до 1866—70 гг., при чемъ «переломомъ» или поворотнымъ пунктомъ этой эпохи было 19 февраля 1861 г. Такія грани эпохи выясняются слѣдующими историческими обстоятельствами:

Въ русскомъ обществѣ до Крымской войны существовало создававшееся подъ вліяніемъ теоріи офиціальной народности глубокое убѣжденіе въ политическомъ могуществѣ Россіи и въ полномъ совершенствѣ ея внутренняго строя. Такое убѣжденіе, конечно, вызывало мысль о ненужности какихъ-либо реформъ или нововведеній, а также и критики общественно-политическихъ отношеній. Неудачный исходъ Крымской войны раскрылъ глаза русскому обществу на неосновательность представленія объ исключительномъ могуществѣ Россіи. Правда, войска совершали чудеса храбрости, проявили безпримѣрное геройство; но на ряду съ этимъ обнаружилось громадное количество злоупотребленій со стороны чиновниковъ (казнокрадство, взяточничество), обнаружились недостатки общества, проистекавшіе отъ отсутствія правильнаго представленія о правахъ и обязанностяхъ гражданина, отъ невѣжества, отъ непривычки къ самостоятельной общественной дѣятельности. Эти темныя стороны русской жизни, дотолѣ скрытыя, обратили на себя вниманіе и правительства и общества. Правительство занялось подготовительными работами къ тѣмъ великимъ преобразованіямъ (реформа суда, отмѣна крѣпостного права и друг.), которыя ознаменовали собою царствованіе императора Александра II; общество обратилось къ обсужденію и критикѣ выяснившихся недостатковъ, и правительство стало прислушиваться къ голосу общества. Ожпвилась дѣятельность журналовъ, безпощадно осуждавшихъ отрицательныя стороны нашей жизни, разнаго рода злоупотребленія, невѣжество и особенно крѣпостное право, въ которомъ видѣли самое могущественное зло, отражавшееся во всемъ складѣ жизни. Всѣ сходились въ осужденіи недостатковъ и въ искреннемъ желаніи отмѣны крѣпостного права.

Манифестъ 19 февраля 1861 года далъ осуществленіе этому желанію общества. Крестьяне были освобождены, и крѣпостное

право, какъ главное зло русской жизни, отошло въ вѣчность. На смѣну прежней разрушительной (по отношенію къ недостаткамъ) работы общество должно было приступить къ новой, созидательной работѣ,—такой, которая указала бы правильные, положительные пути общественнаго развитія. 1861 годъ, такимъ образомъ, открываетъ собою вторую половину періода шестидесятыхъ годовъ.

Журналистика.

Во всю эту эпоху особенное вліяніе въ русскомъ обществѣ пріобрѣла журналистика, по которой лучше всего можно прослѣдить характерныя черты эпохи. Особенно увеличилось количество сатирическихъ журналовъ, что объясняется существованіемъ большого количества матеріала для сатиры; сюда входили недостатки судопроизводства, «грѣшки» чиновничьяго міра вообще и полиціи въ частности, боязнь гласности, невѣжество среднихъ классовъ общества, даже строгость цензуры. Обличенія производились очень смѣло, съ добавленіемъ иногда остроумныхъ карикатуръ, и производили большое впечатлѣніе въ обществѣ: даже въ глухихъ провинціальныхъ уголкахъ привыкали цѣнить роль печати и значеніе гласности въ обсужденіи вопросовъ, имѣвшихъ общественную цѣнность. Большіе ежемѣсячные журналы («Современникъ» и «Русское Слово») обсуждали вопросы текущей жизни болѣе обстоятельно и спокойно, чѣмъ сатирическіе листки. Дѣятельность Добролюбова, Писарева, Чернышевскаго знаменуетъ собою эту эпоху, ибо въ ихъ произведеніяхъ полнѣе всего выразились взгляды современниковъ.

Главныя идеи 60-хъ годовъ.

Главными идеями, характеризующими общество и литературу 60-хъ годовъ, надо признать, во-первыхъ, отрѣшеніе отъ старыхъ культурныхъ условій, а во-вторыхъ, стремленіе къ дѣятельности, полезной для общества.

Прежняя наша литература достаточно ясно отразила недостатки культурнаго состоянія русскаго общества, и потому людямъ 60-хъ годовъ пришлось направить свои силы на искорененіе ихъ. Такъ, и въ обществѣ, и въ семьѣ чувствовалась подавленность, приниженность человѣческой личности: явилась необходимость освободить личность отъ стѣснительныхъ условій, мѣшавшихъ ея развитію. Главнымъ изъ такихъ условій было невѣжество, опутывавшее отдѣльную личность цѣпью предразсудковъ; поэтому явилась необходимость доказать права разума, который долженъ управлять жизнью и цѣлаго общества и каждаго отдѣльнаго мыслящаго существа. Отсюда, изъ такого представленія о значеніи разума, вытекаетъ необходимость пріобрѣтенія и расширенія круга знаній, необходимыхъ для общества;

знанія должны каждымъ пріобрѣтаться самостоятельно и съ извѣстной долей сомнѣнія, которое давало бы возможность отдѣлить необходимое отъ того, что есть результатъ излишнихъ отвлеченностей, далекихъ отъ жизненныхъ потребностей. Въ виду этихъ взглядовъ, особенно усиливается въ обществѣ интересъ къ естественнымъ наукамъ, въ которыхъ видятъ, во-первыхъ, возможность ввести въ сознаніе общества большой кругъ правильныхъ, точныхъ знаній о человѣкѣ и о природѣ, что дало бы возможность устранить рядъ укоренившихся старыхъ предразсудковъ; во-вторыхъ, науки о природѣ («естественныя») цѣнятся еще и потому, что онѣ оказываютъ большое воспитательное воздѣйствіе на умъ человѣка: пріучаютъ его къ точности наблюденія и изученія, къ осторожности въ выводахъ, къ приведенію въ стройный порядокъ своихъ знаній. На распространеніе просвѣщенія, на расширеніе правъ разума главные дѣятели эпохи возлагали особыя надежды въ борьбѣ своей противъ прежняго невѣжества и грубости нравовъ.

Далѣе, не могли «шестидесятники» обойти молчаніемъ и общественные недуги. Причину ихъ видѣли какъ въ злоупотребленіяхъ со стороны чиновниковъ, такъ и въ отсутствіи въ средѣ самого общества сознанія гражданскаго долга, что приводило къ своекорыстнымъ поступкамъ. Лучшіе дѣятели эпохи выдвинули, въ противовѣсъ этимъ недостаткамъ, мысль о необходимости общаго блага и счастья: необходимо создать такія общественныя условія, которыя обезпечили бы всѣмъ членамъ общества возможность существованія при наименьшей суммѣ страданій и при наибольшемъ количествѣ благъ. Создать такія условія можно не путемъ установленія какихъ-либо привилегій, а путемъ единодушной дружной работы всѣхъ членовъ общества на пользу общаго блага. Прежнее представленіе о преобладающей роли дворянскаго сословія въ обществѣ устраняется, и на смѣну явилась дѣятельность «разночинца»: такимъ названіемъ стали обозначать общественнаго дѣятеля, желая подчеркнуть, что право общественной дѣятельности принадлежитъ «разныхъ чиновъ людямъ», т.-е. каждому члену общества, а не одному какому-либо сословію. Разночинецъ, вступая въ общество, въ литературу, въ науку, прежде всего требовалъ пользы, полезности, точнѣе сказать, жизненной примѣнимости и науки, и искусства, и общихъ нравственныхъ теорій. Искусство признавалось только такое, которое можетъ непосредственно служить жизни; наука должна была дать человѣку силу побѣдить природу и создать благополучіе общества; нравственныя теоріи были хороши, если онѣ вызывались не чувствомъ, а разумомъ, т.-е. если съ ними соединялось пред-

ставленіе о благѣ общества. Во имя этого блага требовали освобожденія крестьянъ, боролись противъ предразсудковъ, обличали злоупотребленія, осуждали семейный деспотизмъ, требовали расширенія правъ женщины. Если въ чемъ-либо шестидесятники и впадали въ крайность (отрицаніе значенія «чистаго» искусства, ограниченіе размѣровъ и значенія науки и т. д.), то эти крайности, неизбѣжныя въ борьбѣ, вовсе не вредили подъему об-

Н. Г. Чернышевскій.

щественнаго самосознанія: въ обществѣ являлись мысли о вредѣ произвола, о нормальныхъ человѣческихъ отношеніяхъ, о долгѣ каждаго предъ обществомъ. Такія мысли сближали людей, пріучая ихъ считаться съ интересами и личностью другъ друга, и, слѣдовательно, вели къ благу для наибольшаго количества людей.

Наконецъ, шестидесятники не только вырабатывали общія руководящія правила жизни,—они приступили сами къ созида-

тельной работѣ: усилилась дѣятельность критики, стали появляться статьи по вопросамъ современной жизни, стали изучать общественныя науки, стали появляться и художественныя, беллетристическія произведенія, созданныя съ цѣлью провести новыя идеи въ сознаніе широкаго круга читателей. Эта кипучая дѣятельность обнимаетъ собою весь періодъ 60-хъ годовъ, хотя отдѣльные дѣятели обращаютъ вниманіе на разныя стороны: Чернышевскій указываетъ жизненныя задачи искусства, строитъ теорію идеальныхъ общественныхъ отношеній; Добролюбовъ оцѣниваетъ произведенія искусства съ точки зрѣнія ихъ жизненной правды; Писаревъ опредѣляетъ требованія, предъявляемыя современною жизнью къ наукѣ и искусству. Однако всѣ сходятся въ одномъ—въ необходимости усиленной общественной самодѣятельности для достиженія общаго блага.

60-е годы художественной литературы.

Движеніе 60-годовъ отразилось въ литературѣ: Н. Г. Чернышевскій, Н. Г. Помяловскій и А. К. Шеллеръ-Михайловъ были наиболѣе полными его выразителями. Впрочемъ, и у другихъ современныхъ писателей можно найти отклики по поводу этого движенія; изъ послѣднихъ слѣдуетъ отмѣтить романы: «Обрывъ» Гончарова (1868 г.). и особенно «Отцы и дѣти» Тургенева (1862 г.). Гончарова и Тургенева часто упрекали въ томъ, что представленные ими типы людей новаго поколѣнія не соотвѣтствуютъ дѣйствительности; отчасти этотъ упрекъ справедливъ, ибо писатели-беллетристы суть поэты, которые воспроизводятъ жизненныя явленія въ переработанномъ видѣ, оставляя въ каждомъ художественномъ образѣ слѣды своей личности хотя бы даже въ видѣ того, а не иного истолкованія даннаго типа. Поэтому, если въ «новыхъ людяхъ» встрѣчались такія черты, которыя шли въ разрѣзъ спокойствію и уравновѣшенности характера Гончарова или мягкости натуры Тургенева, немудрено, что именно эти-то черты «новыхъ людей» рѣзче другихъ отражались въ сознаніи и созданіяхъ названныхъ писателей. Типъ новаго человѣка—Волоховъ—у Гончарова вышелъ совсѣмъ неудачнымъ, иногда прямо-таки съ карикатурными чертами. Типъ Базарова у Тургенева воплотилъ только одно теченіе общественной мысли 60-хъ годовъ—отрицаніе (нигилизмъ). Базаровъ считаетъ необходимымъ рѣшительно отречься отъ всего того, что было создано предыдущими поколѣніями: любовь къ искусству, чувство, наслажденіе природой, формы общественной и семейной жизни, религіозное чувство,—все это имъ отвергается, при чемъ не всегда ясны даже основанія для отрицанія. Тургеневъ, очевидно, желалъ выставить въ его лицѣ крайности современныхъ теченій, а потому Базаровское отрицаніе

представлено имъ, съ одной стороны, въ широкихъ размѣрахъ, а съ другой--съ указаніемъ извѣстной доли непослѣдовательности, проявляемой Базаровымъ при примѣненіи его взглядовъ въ отношеніяхъ къ Одинцовой, родителямъ, Аркадію Кирсанову: въ этихъ отношеніяхъ порою прорывается теплое чувство, несогласное съ отрицаніемъ чувства вообще, въ которомъ Базаровъ видѣлъ «романтизмъ, чепуху, гиль». Примиряющій эпилогъ

Н. Г. Помяловскій.

романа (могила Базарова), а также собственное объясненіе Тургенева («я хотѣлъ сдѣлать изъ Базарова лицо трагическое, и тутъ было не до нѣжностей. Онъ честенъ, правдивъ и демократъ до мозга костей») даютъ основаніе думать, что на крайности характера Базарова Тургеневъ смотрѣлъ, какъ явленіе временное, неизбѣжное при коренной смѣнѣ общественнаго міровоззрѣнія; онъ признавалъ и тѣ положительныя качества, которыя могли

быть полезны, когда первое увлеченіе отрицаніемъ въ обществѣ пройдетъ. Такими качествами были: стремленіе Базарова къ точному научному знанію, энергія, прямота нрава и жажда практической дѣятельности («хочется съ людьми возиться, хоть ругаться, да возиться съ ними», говоритъ Базаровъ).

Романъ Чернышевскаго: «Что дѣлать?» былъ выраженіемъ положительныхъ взглядовъ эпохи. Канва романа и вообще художественная сторона его были мало удачны, какъ это сознавали и самъ авторъ и критика. Суть романа заключалась въ его идейной сторонѣ, т.-е. въ тѣхъ мысляхъ, которыя авторъ хотѣлъ внушить читателю: авторъ доказывалъ права отдѣльной личности на счастье и правильность взгляда, что хорошимъ должно считать то, что полезно. Съ другой стороны, авторъ рисовалъ картину общественныхъ преобразованій, которыя должны были повести къ общему благоденствію путемъ привлеченія къ общей работѣ каждой отдѣльной личности. Могла возникнуть мысль о томъ, не помѣшаетъ ли эгоизмъ отдѣльныхъ личностей, стремленіе ихъ къ личному благу (законность котораго авторъ признаетъ) осуществленію идеала всеобщаго счастья; этотъ упрекъ въ противорѣчіи авторъ старается отвести, объявляя высшею ступенью человѣческаго наслажденія возможность видѣть вокругъ себя всеобщее благополучіе и содѣйствовать его распространенію иногда даже путемъ отреченія отъ нѣкоторой доли правъ на личное благоденствіе. (Примѣромъ человѣка, доходящаго до самопожертвованія въ желаніи создать благополучіе окружающихъ, въ романѣ является Рахметовъ.)

Главныя произведенія Помяловскаго: «Очерки бурсы», «Мѣщанское счастье» и «Молотовъ». Очерки бурсы выдвинули вопросъ о воспитаніи: въ обществѣ почувствовалась необходимость отмѣны грубыхъ пріемовъ (тѣлесное наказаніе) воспитанія и введенія большей сердечности въ отношенія воспитателей и воспитанниковъ; старая педагогическая система обученія и воспитанія стала признаваться отжившею свое время и негодною. Романы: «Мѣщанское счастье» и «Молотовъ», изображаютъ въ лицѣ Молотова человѣка, поставившаго цѣлью своихъ стремленій достиженіе личнаго счастья и идущаго къ этой цѣли неуклонно, путемъ мелкаго, кропотливаго труда, путемъ перенесенія житейскихъ невзгодъ; громадная энергія и упорство въ стремленіи къ личному благу даютъ, наконецъ, Молотову возможность добиться счастья. Но это счастье не удовлетворяетъ ни читателя, ни автора: первый не можетъ забыть грубости, даже черствости нрава Молотова, его замкнутости, его эгоизма, не считавшагося съ правами личности окружающихъ; авторъ же, доведя своего героя

къ благополучному «мѣщанскому счастью», восклицаетъ: «Эхъ, господа, что-то скучно!» и тѣмъ обнаруживаетъ свое несогласіе съ мыслью, что сытое и довольное существованіе должно быть цѣлью стремленій разумной человѣческой личности.

А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ—псевдонимъ) создалъ цѣлый рядъ романовъ: «Гнилыя болота», «Жизнь Шупова», «Господа Обносковы», «Старыя гнѣзда», «Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ»,

А. К. Шеллеръ-Михайловъ.

«Чужіе грѣхи», «На разныхъ берегахъ» и друг. Общая черта всѣхъ его произведеній заключается въ томъ, что онъ съ талантомъ беллетриста соединяетъ и свойства публициста. Онъ считаетъ возможнымъ преслѣдованіе и достиженіе идеаловъ общаго счастья: пусть счастье всѣхъ людей—дѣло далекаго будущаго, однако каждый долженъ стремиться къ созданію возможно большаго благополучія для себя и окружающихъ. Занятіе наукою,

воспитательская дѣятельность, служебное положеніе, жизнь въ деревнѣ,—словомъ, всякое занятіе и состояніе открываетъ возможность помогать другимъ. Человѣкъ долженъ вооружиться для жизненной борьбы и вести ее, опираясь на силу разума. Разуму Шеллеръ придаетъ громадное значеніе: въ немъ онъ видитъ средство разрѣшить всѣ противорѣчія и создать на землѣ счастливую жизнь. Критика часто упрекала Шеллера въ томъ, что не всѣ его произведенія художественны, что его типы часто повторяютъ другъ друга. Упреки были справедливы тогда, когда сопоставляли героевъ различныхъ произведеній и обнаруживали ихъ тожество; сами по себѣ отдѣльныя произведенія Шеллера едва ли могутъ вызвать упрекъ въ художественной неполнотѣ или незаконченности типовъ. Но если даже во внѣшней сторонѣ творчества Шеллера были недостатки, то цѣннымъ качествомъ была идейность его романовъ. Самъ Шеллеръ говоритъ: «Писатель силенъ идеями, а не картинами. Что за картина, если въ ней нѣтъ содержанія, что и за образъ, если онъ ничего не говоритъ русскому обществу?» Этому правилу онъ всегда слѣдовалъ, стараясь дѣлать свои произведенія идейными, т.-е. проникнутыми извѣстной мыслью, дабы они могли быть полезны обществу: ими, своими романами, онъ какъ бы подтверждалъ свои же мысли, что обществу нужны честные работники, что болтовня пользы никакой не принесетъ и что раньше далекихъ, утопическихъ идеаловъ счастья необходимо откликнуться на ближайшія жизненныя нужды—матеріальныя и духовныя—и народа, и образованнаго класса.

XII.

Семидесятые годы (характеристика эпохи; народничество и его литературные представители; Гл. Успенскій, Салтыковъ-Щедринъ, Гаршинъ, Михайловскій).

70-е годы. Движеніе 60-хъ годовъ, сопровождавшееся большимъ подъемомъ общественныхъ силъ, перешло въ реакцію (обратное, поворотное движеніе) 70-хъ годовъ: часть общества считала дѣло преобразованій недоконченнымъ, невполнѣ совершеннымъ, другая часть выражала недовольство даже тѣмъ, что было сдѣлано, видя въ преобразованіяхъ гибель страны. Ставшія болѣе стѣснительными внѣшнія условія уменьшили возбужденіе общественной энергіи и вызывали въ наиболѣе дѣятельной и развитой части общества чувства, близкія къ унынію и подав-

ленности. Соотвѣтственно съ общимъ характеромъ времени, являются какъ въ обществѣ, такъ и въ литературѣ новые герои: это типы такъ называемаго «кающагося дворянина». Дѣло въ томъ, что литературное и общественное движеніе 60-хъ годовъ вызвало въ образованной средѣ представленіе о неправдѣ предковъ, о злоупотребленіяхъ крѣпостнымъ правомъ, о тяжеломъ крестьянскомъ трудѣ, которымъ было куплено не только благосостояніе людей 60-хъ годовъ, но и ихъ образованіе, ихъ знанія. Чувствовалась тяжелая обязанность по отношенію къ крестьянину, сознавалось, что освобожденіе крестьянина это только первый шагъ къ расплатѣ съ нимъ, что вина прежняго помѣщика этимъ еще не искуплена и что обязательство его еще глубже, еще шире. Явилось желаніе подойти поближе къ мужику, высказать ему свое сочувствіе, сожалѣніе, послужить ему, отрекшись отъ выгодъ и преимуществъ барскаго сословія. Горячая любовь къ мужику превращалась у нѣкоторыхъ въ идеализированіе его: съ понятіемъ о крестьянинѣ стали соединять высокія нравственныя качества труда, смиренія, терпѣнія. Въ этихъ качествахъ увидѣли средство обновить духовное достояніе образованнаго класса: образованный человѣкъ долженъ былъ смириться и итти къ мужику какъ для того, чтобы успокоить свою встревоженную совѣсть, такъ и для того, чтобы поучиться у него его «крестьянскому царству», т.-е. тѣмъ началамъ общественности и первобытнаго хозяйства (община, артель, кустарная промышленность), въ которыхъ видѣли первообразъ учрежденій, способныхъ обновить и болѣе широкія общественныя отношенія.

Народничество.

Такимъ образомъ, отличительной чертою времени служило народничество, какъ признаніе государственнаго и общественнаго значенія за народомъ, его общинными учрежденіями и его нравственными качествами. Народники находили возможнымъ итти въ экономическомъ развитіи особымъ путемъ, основою для котораго служили устои крестьянской хозяйственной жизни. Правда, надо сказать, что большая часть мнѣній народниковъ о народѣ была только отвлеченными разсужденіями, ибо образованная среда мало знала народъ, да и по развитію своему стояла отъ него очень далеко; такъ что, напр., немудрено было въ то время встрѣтить представленіе о разбогатѣвшемъ кулакѣ-міроѣдѣ, какъ объ обыкновенномъ крестьянинѣ. Однако первыя попытки сблизиться съ народомъ обнаружили необходимость стать къ нему ближе и вызывали извѣстныя «хожденія въ народъ»; въ этихъ хожденіяхъ видѣли, во-первыхъ, средство узнать ближе бытъ и потребности крестьянина, во-вторыхъ, воздѣйствовать на него въ смыслѣ сообщенія

ему мысли о лучшемъ общественномъ строѣ, объ измѣненіи общественно-экономическихъ отношеній.

Собственно говоря, ознакомленіе читающей публики съ народомъ началось еще въ эпоху 60-хъ годовъ: къ этой порѣ относится дѣятельность А. И. Левитова, Ѳ. М. Рѣшетникова и Н. П. Наумова, переходящая и въ 70-ые годы. Не останавливаясь подробно на произведеніяхъ этихъ писателей, можно сдѣлать лишь одно общее замѣчаніе: картины народной жизни, взятыя изъ разныхъ мѣстъ Россіи, рисовали народъ бѣдствующимъ, страдающимъ. Причиною народнаго горя являлись притѣсненія со стороны сельскихъ властей, купцовъ-капиталистовъ, міроѣдовъ изъ крестьянской среды, затѣмъ—безправіе, невѣжество, недороды, нищета. Картина нравовъ получилась тяжелая и, если мужикъ уклонялся въ пьянство или бродяжничество, если даже онъ рѣшался на преступленія, читатель все же выносилъ извѣстное сочувствіе къ нему, ибо видѣлъ, что неблагопріятныя условія извращаютъ и ухудшаютъ существованіе крестьянина.

Гл. Успенскій.

Особенно замѣчательны для эпохи 70-хъ годовъ очерки и разсказы *Гл. Ив. Успенскаго* («Черная работа», «Малые ребята», «Деревенская неурядица», «Чудакъ-баринъ», «Власть земли», «Безъ своей воли» и многіе др.). Гл. Успенскій объѣздилъ много разныхъ уголковъ Россіи, ознакомился въ весьма обширныхъ размѣрахъ съ бытомъ крестьянина, но вынесъ весьма тяжелое впечатлѣніе. Его очерки, во-первыхъ, вызываютъ мысль, что интеллигенту и крестьянину не столковаться, ибо они говорятъ какъ бы на разныхъ языкахъ: ни умственные интересы, ни нравственныя воззрѣнія ихъ не совпадаютъ, и попытки сближенія оканчиваются печально, весьма часто даже противъ воли той и другой стороны. Картина быта деревни нарисована Гл. Успенскимъ въ весьма мрачныхъ чертахъ и весьма далека отъ идеализаціи крестьянина съ его общинными учрежденіями: «восхваляемые общинные порядки допускаютъ непризрѣнныхъ стариковъ, вдовъ и воспитываютъ въ нихъ деревенскихъ злодѣевъ, обращающихся въ конокрадовъ и поджигателей, на которыхъ сельскій міръ, допустившій на свою голову развитіе такихъ чудовищъ, обрушивается съ безпощаднымъ самосудомъ. Крестьянское самоуправленіе оказывается миражемъ; никакой общественной силы въ немъ нѣтъ и проявить и практиковать ее не на чемъ... Вся умственная дѣятельность крестьянина занята одной заботой: достать денегъ» (Скабичевскій). Эта тяжелая картина существованія дополняется еще тѣмъ, что въ деревнѣ главное вліяніе попадаетъ въ руки кулака: онъ держитъ крестьянъ въ

экономическомъ рабствѣ, оказываетъ на нихъ всевозможное давленіе, но, что едва ли не главнѣе всего, онъ создаетъ своего рода кулацкую мораль, ставящую выше всего матеріальное благо и допускающую, въ стремленіи къ наживѣ, возможность насилія надъ личностью окружающихъ. Гл. Успенскій идетъ еще дальше и признаетъ, что тѣ крестьянскія учрежденія (міръ, артель и др.), которыя считались народниками идеальными зародышами, способными обновить весь вообще общественный строй, суть не

Гл. Ив. Успенскій.

болѣе, какъ только самыя первичныя формы общины, вызванныя инстинктами сохраненія жизни; эти формы существуютъ вообще въ природѣ (въ мірѣ пчелъ, рыбъ и т. д.), но нисколько не соотвѣтствуютъ потребностямъ современнаго общества съ широко-развитою экономическою и вообще культурною жизнью.

Златовратскій. Ко взглядамъ Гл. Успенскаго, въ сущности, примыкаетъ и Н. Н. Златовратскій. Относясь отрицательно къ образованному классу вообще и цѣня въ немъ, главнымъ образомъ, стремленіе сблизиться съ народомъ, какъ бы

вернуться къ народной основѣ, онъ не идеализируетъ[1]) и деревню. Правда, взглядъ его на послѣднюю не столь мраченъ, какъ взглядъ Гл. Успенскаго, но онъ вполнѣ сходится съ послѣднимъ въ осужденіи типовъ крестьянъ, отдѣлившихся отъ

Н. Н. Златовратскій.

унаслѣдованныхъ нравственныхъ устоевъ крестьянства и введшихъ въ свою жизнь начала городской жизни. Такіе крестьяне становятся чуждыми общинѣ и, ставя «умственность» главнымъ въ своей дѣятельности, сводятъ ее, въ сущности, къ бо́льшему матеріальному обезпеченію, къ наживѣ.

М. Е. Салтыковъ.

На 60-ые и 70-ые же годы падаетъ и лучшій періодъ дѣятельности *М. Е. Салтыкова (Щедрина)*, наиболѣе виднаго публициста-беллетриста этой эпохи. Терминомъ «публицистъ - беллетристъ» принято обозначать

[1]) Идеализировать—представлять лучше, чѣмъ въ дѣйствительности.

беллетристовъ (художниковъ), поставившихъ главною своею задачею отражать въ своихъ произведеніяхъ общественные вопросы, при чемъ именно общественная сторона этихъ произведеній цѣнилась ими особенно, въ противовѣсъ тѣмъ полнымъ и цѣльнымъ изображеніямъ отдѣльныхъ типовъ, которые давали писатели-романисты 40-хъ гг. Можно признать даже, что у публицистовъ-беллетристовъ творчество было до извѣстной степени тенденціознымъ (преднамѣреннымъ), ибо они, а въ частности М. Е. Салтыковъ, ставили заранѣе себѣ опредѣленную идею, которую старались тщательно оттѣнить въ своемъ произведеніи. М. Е. Салтыковъ писалъ много («Письма изъ провинціи», «Исто-

М. Е. Салтыковъ.

рія одного города», «Господа Ташкентцы», «Дневникъ провинціала въ Петербургѣ», «Господа Головлевы», «Благонамѣренныя рѣчи», «Убѣжище Монрепо», «Пошехонская старина», «Губернскіе очерки» и мн. др.), при чемъ его произведенія были живымъ откли-

комъ на культурныя вѣянія современности. Общій его тонъ—сатирическій: онъ обращалъ преимущественное вниманіе на темныя стороны жизни и ихъ-то выставлялъ на общее осужденіе. Такъ, въ эпоху 50-хъ годовъ онъ въ «Губернскихъ очеркахъ» клеймитъ пошлость и скудость умственныхъ интересовъ провинціи: жизнь мелка, общество бездѣятельно, пробавляется мелкими сплетнями и сытымъ, празднымъ существованіемъ.

Въ эпоху 60-хъ годовъ Салтыковъ опять-таки обращается къ русскому обществу и, въ частности, къ русской провинціи съ желаніемъ узнать, насколько глубоко въ нее проникли новыя вѣянія эпохи, насколько поддалась она идеямъ гуманности и общественности. Оказывается и на этотъ разъ, что все остается по-старому, и что вліяніе времени отразилось очень слабо: въ крикливыхъ рѣчахъ, въ измѣненіи нѣкоторыхъ внѣшнихъ формъ быта, подъ которыми кроется и прежній произволъ, и прежняя пошлость, и прежнее умственное убожество. Передовое движеніе само по себѣ, а провинція сама по себѣ и взаимодѣйствія между передовыми силами общества и массою общества весьма мало. Въ 70-ые годы Салтыковъ усмотрѣлъ представителей стараго барства, устремившихся послѣ освобожденія крестьянъ и послѣдовавшихъ затѣмъ нѣсколькихъ лѣтъ безпечальной жизни на счетъ выкупныхъ платежей къ занятію выгодныхъ мѣстечекъ, которыя давали бы возможность матеріальнаго обезпеченія при наименьшей затратѣ трудовыхъ силъ. Это своекорыстное стремленіе къ наживѣ отразилось особенно въ «Господахъ Ташкентцахъ», сведшихъ всѣ жизненныя потребности къ праздному, обезпеченному существованію. «Господа Головлевы» служатъ наиболѣе яркими выразителями той пошлости и культурнаго убожества, которая оставалась еще въ 70-хъ годахъ, какъ наслѣдіе дореформенной эпохи.

В. М. Гаршинъ.

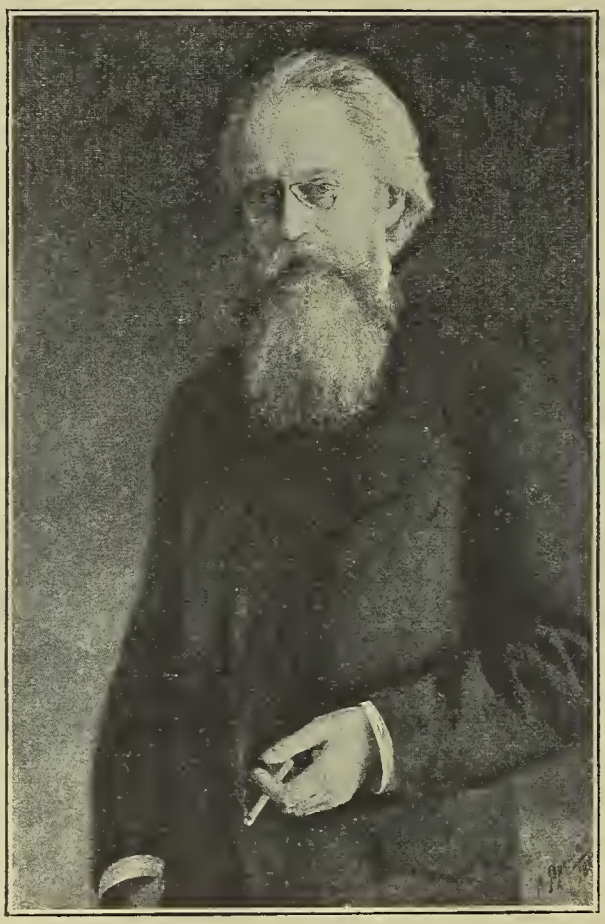
В. М. Гаршинъ воплотилъ въ своемъ творчествѣ нравственныя стремленія 70-хъ годовъ. Собственно говоря, откликовъ на злободневные интересы современности у него очень мало, но тѣмъ сильнѣе общечеловѣческій элементъ чувства гуманности и тоски по идеалу, отличающій его творчество. Отъ современности Гаршинъ взялъ готовность къ самопожертвованію, стремленіе къ общему благу и гуманныя чувства; его личныя чувства, однако, противопоставили этимъ качествамъ сознаніе необходимости борьбы со зломъ и отсутствіе увѣренности въ окончательной побѣдѣ лучшихъ стремленій. Герои его разсказовъ: «Четыре дня на полѣ сраженія» и «Трусъ» переживаютъ тяжелую, мучительную борьбу: люди, кроткіе по природѣ, они не могутъ примириться съ мыслью, что имъ при-

ходится убивать людей на войнѣ, какъ того требуетъ долгъ. Ихъ нравственная природа потрясена неизбѣжностью, необходимостью зла, предотвратить которое отдѣльный человѣкъ не можетъ. Герой разсказа «Красный цвѣтокъ» воплотилъ все зло міра въ красномъ цвѣткѣ, который послѣ большихъ усилій ему удается сорвать: душевнобольной герой умираетъ съ мыслью, что ему удалось совершить подвигъ, который осчастливитъ міръ. Но это страстное отвращеніе отъ зла, этотъ призывъ къ гуманности у Гаршина не соединялись съ хотя бы далекимъ, но свѣтлымъ

В. М. Гаршинъ.

идеаломъ будущаго, — они были лишь средствомъ нѣсколько скрасить земное существованіе, внѣ предѣловъ или въ конечной цѣли котораго Гаршину не видѣлось ясной цѣли: гордая пальма, выбившись на свободу, встрѣтила только хмурое осеннее небо и мелкій дождь, — печальную дѣйствительность, незнаніе которой возбуждало, однако, дотолѣ ея страданія и жажду выйти изъ повседневной неволи. Въ сказкѣ «О томъ, чего не было», гдѣ разсказывается, какъ человѣкъ сапогомъ раздавилъ мирно бесѣдовавшихъ насѣкомыхъ, Гаршинъ впадаетъ въ мрачный тонъ,

высказывая увѣренность въ томъ, что порядокъ вещей въ мірѣ есть дѣло случайности, независящее отъ личной воли человѣка. А если такъ, то и способность человѣка на подвигъ, на самоотреченіе, и всѣ лучшіе порывы души — ничто предъ силою роковой случайности. Въ этихъ настроеніяхъ Гаршина сказался «душевный надрывъ», характеризующій не только лично его, но и многихъ его современниковъ.



Н. К. Михайловскій.

Михайловскій.

Научное обоснованіе настроеніямъ 70-хъ годовъ далъ *Н. К. Михайловскій* въ рядѣ статей по соціологіи (наукѣ объ общественномъ строѣ), гдѣ рѣшались вопросы о понятіи «прогрессъ», о роли личности въ обществѣ, о взаимоотношеніи отдѣльныхъ общественныхъ слоевъ общества. Не касаясь тѣхъ философскихъ теорій, которыя были изложены имъ въ этихъ статьяхъ (ибо онѣ выходятъ уже изъ области исторіи литературы въ область публицистики и соціологіи), отмѣтимъ только, что Михайловскому наиболѣе ярко удалось выразить

настроеніе своихъ современниковъ: «мы поняли, что сознаніе общечеловѣческой правды и общечеловѣческихъ идеаловъ далось намъ только благодаря вѣковымъ страданіямъ народа. Мы не виноваты въ этихъ страданіяхъ, не виноваты и въ томъ, что воспитались на ихъ счетъ, какъ не виноватъ яркій и ароматный цвѣтокъ въ томъ, что онъ поглощаетъ лучшіе соки растенія. Но, принимая эту роль цвѣтка изъ прошедшаго, какъ нѣчто фатальное, мы не хотимъ ея въ будущемъ... Мы пришли къ мысли: *мы должники народа*. Можетъ-быть, такого параграфа и нѣтъ въ народной правдѣ, даже навѣрное нѣтъ, но мы его ставимъ во главу угла нашей жизни и дѣятельности, хотя, можетъ-быть, не всегда сознательно. Мы можемъ спорить о размѣрахъ долга, о способахъ его погашенія, *но долгъ лежитъ на нашей совѣсти*, и мы его отдать желаемъ». Къ этимъ словамъ, столь ярко выражающимъ настроеніе 70-хъ годовъ, надо только прибавить, что подъ именемъ народа Михайловскій разумѣлъ вообще трудящіеся классы общества, а не крестьянина только. Повѣсть Михайловскаго «Вперемежку» рисуетъ типъ кающагося дворянина Темкина. Темкинъ приходитъ къ выводу, что его привилегированное положеніе куплено цѣною чужихъ трудовъ; сознаніе неправды этого положенія вызываетъ въ немъ чувство покаянія въ видѣ «чувства личной отвѣтственности за свое общественное положеніе». Анализъ этого чувства и составляетъ содержаніе повѣсти, при чемъ «покаяніе» Темкина является чертою не личною, а типическою для эпохи 70-хъ годовъ.

XIII.

Л. Н. Толстой. Ѳ. М. Достоевскій.

Л. Н. Толстой.

По особенностямъ своего таланта, по складу своей натуры *Л. Н. Толстой* (1828—1910 г.) не можетъ быть отнесенъ ни къ одному изъ существовавшихъ у насъ направленій литературы; дѣятельность его не укладывается въ рамки того или иного періода общественнаго развитія; его богатая переживаніями личная жизнь, отразившаяся въ его произведеніяхъ, сложилась не только подъ вліяніемъ современныхъ ему общественныхъ вѣяній, но, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ его личныхъ, индивидуальныхъ душевныхъ свойствъ. Поэтому Л. Н. Толстому въ исторіи русской литературы должно быть отведено особое мѣсто.

Л. Н. Толстой извѣстенъ своими трудами двоякаго рода: въ однихъ—онъ художникъ, поэтъ, въ другихъ—философъ, мыслитель-моралистъ. По временной послѣдовательности труды эти разбиваются на два періода (хотя и во второй появляются такія высоко художественныя вещи, какъ «Хозяинъ и работникъ», «Воскресеніе» и друг.), что давало основаніе иногда говорить о переломѣ въ душевной жизни и творчествѣ Толстого, происшедшемъ въ концѣ 70-хъ годовъ. Но если разсмотрѣть характерныя особенности его произведеній перваго періода, то въ нихъ повсюду видны будутъ тѣ же думы и чувства, которыя впослѣдствіи только глубже проникли въ сознаніе Толстого. Перелома нѣтъ и не было: было только послѣдовательное развитіе основныхъ мыслей, потребовавшее для своего выраженія уже не художественной, а отвлеченной формы.

Въ самомъ дѣлѣ, уже въ «Дѣтствѣ», «Отрочествѣ» и нѣсколько позже появившейся «Юности» проявляется у героя (Николеньки Иртеньева) рѣдкая для дѣтскаго возраста способность къ наблюдательности и особенно къ самоанализу. Ребенокъ, удаленный отъ практической жизни, начинаетъ заполнять свои умственные досуги мечтами, которыя удовлетворяютъ его развивающееся самолюбіе, но которыя создаютъ въ то же время для него міръ мечты, постоянно разрушаемый при столкновеніи съ жизнью. Стремленіе опредѣлить свои отношенія къ окружающимъ начинаютъ занимать Иртеньева, и выводомъ изъ его размышленій является мысль, «что назначеніе человѣка есть стремленіе къ нравственному совершенствованію, и что совершенствованіе это легко, возможно и вѣчно». Къ этой мысли Толстой впослѣдствіи возвращается неоднократно.

Въ повѣстяхъ «Утро помѣщика» и «Казаки» начинаетъ чувствоваться недовольство жизнью и отвращеніе отъ того, въ чемъ люди видятъ цѣль жизни и счастье. Поставивъ Оленина («Казаки») близко къ природѣ и къ казакамъ, живущимъ едва ли не одною жизнью съ природою, авторъ заставилъ его почувствовать, что всѣ сословныя, классовыя и родственныя отношенія, въ сущности, не иное что, какъ ложныя условія, придуманныя людьми и удаляющія ихъ отъ счастья, потому что оно дѣлается при этихъ условіяхъ достояніемъ немногихъ. Для героя «какъ будто открылся новый свѣтъ». «Счастье—вотъ что!—сказалъ онъ самъ себѣ:—счастіе въ томъ, чтобы жить для другихъ. И это ясно. Въ человѣка вложена потребность счастья, стало-быть—она законна. Удовлетворяя ее эгоистически, т.-е. отыскивая для себя богатства, славы, удобствъ жизни, любви, можетъ случиться, что обстоятельства такъ сложатся, что невозможно будетъ удо-

влетворить этимъ желаніямъ. Слѣдовательно, эти желанія незаконны, а не потребность счастія незаконна. Какія же желанія всегда могутъ быть удовлетворены, несмотря на внѣшнія условія? Какія? Любовь, самоотверженіе!» Эти нравственныя стремленія также неоднократно повторяются у Толстого позже.

Четыре разсказа о севастопольской войнѣ явились для публики новинкою: *такъ* о войнѣ до Толстого еще никто не писалъ. До него войну изображали въ видѣ грома орудій, блеска побѣдъ и подвиговъ героизма; Толстой же привелъ своихъ читателей въ лазаретъ и обнажилъ предъ ними физическія и душевныя страданія героевъ войны, онъ ввелъ читателя въ офицерскую среду, не чуждую, какъ и всякая другая среда, житейскихъ недостатковъ, иногда пошлости, иногда ссоръ, сплетенъ и т. п., и показалъ героевъ и въ ихъ обыденной, а не исключительной только обстановкѣ. Если публика заинтересовалась этими правдивыми разсказами, то самъ Толстой въ этихъ разсказахъ проявилъ и свой интересъ: онъ искалъ человѣка, лучшихъ сторонъ человѣческой души у людей, готовившихся къ величайшему подвигу самопожертвованія—смерти за родину; и рядомъ съ этимъ исканіемъ у него вдругъ является страстный протестъ противъ войны, какъ величайшаго зла, противнаго самой природѣ человѣка: «Цвѣтущая долина наполнена мертвыми тѣлами, прекрасное солнце спускается къ синему морю, и синее море, колыхаясь, блеститъ въ золотыхъ лучахъ солнца. Тысячи людей толпятся, смотрятъ, говорятъ и улыбаются другъ другу. И эти люди, христіане, исповѣдующіе одинъ великій законъ любви и самоотверженія, глядя на то, что они сдѣлали, съ раскаяніемъ не упадутъ вдругъ на колѣни предъ Тѣмъ, Кто, давъ имъ жизнь, вложилъ въ душу каждаго вмѣстѣ со страхомъ смерти любовь къ добру и прекрасному, и со слезами радости и счастья не обнимутся, какъ братья?»

Поѣздка за границу въ 1857 г. какъ бы еще болѣе укрѣпила Толстого въ мысли, что европейская образованность не есть истинный путь человѣчества, ибо она создаетъ относительное счастье и лишь для немногихъ; нищета же, невѣжество и даже безсердечіе свободно уживаются съ нею. Толстой съ возмущеніемъ говоритъ о случаѣ, когда около ста обитателей богатой гостиницы слушали пѣніе нищаго музыканта и никто не далъ ему ничего, а иные даже смѣялись надъ нимъ: этотъ случай Толстой относитъ «не къ вѣчнымъ дурнымъ сторонамъ человѣческой природы, но къ извѣстной эпохѣ развитія общества», и не можетъ признать, что образованность должна убить у людей чувства общечеловѣческаго равенства и братской любви.

„Война и миръ“.

Большой романъ Толстого «Война и миръ» (1864—1869 г.) далъ полную и яркую картину историческихъ событій эпохи начала XIX вѣка и, въ частности, Отечественной войны. На ряду съ историческими лицами здѣсь выступаетъ и частная жизнь русскихъ помѣщиковъ стараго времени (Ростовы, Болконскіе и друг.), изобилующая типическими чертами. Въ краткой статьѣ нѣтъ возможности даже въ самыхъ общихъ чертахъ обрисовать то разнообразіе типовъ, ту полноту и художественность обрисовки лицъ и событій, тотъ, наконецъ, глубокій анализъ настроенія массъ и лицъ, которыми такъ отличается романъ Толстого. Для характеристики личности автора здѣсь важенъ Пьеръ Безухій, «мечтательный философъ» и страстный искатель истины. Личная жизнь Пьера сложилась неудачно, силы въ душѣ онъ чувствовалъ большія, но чувствовалъ полное неумѣніе ихъ приложить ко благу своему и окружающихъ. Противорѣчіе между закономъ христіанской нравственности и повседневнымъ зломъ, совершаемымъ людьми, тяготило его и вызывало тяжелое чувство подавленности жизненною неправдою. Встрѣча съ народнымъ міросозерцаніемъ, представителемъ котораго служитъ крестьянинъ Платонъ Каратаевъ, ободрила Пьера, осмыслила для него его личное существованіе, сообщивъ ему чувство вѣры и мысль о ничтожности человѣческой личности предъ вѣчными законами судьбы и силою Промысла, направляющаго общее теченіе жизни.

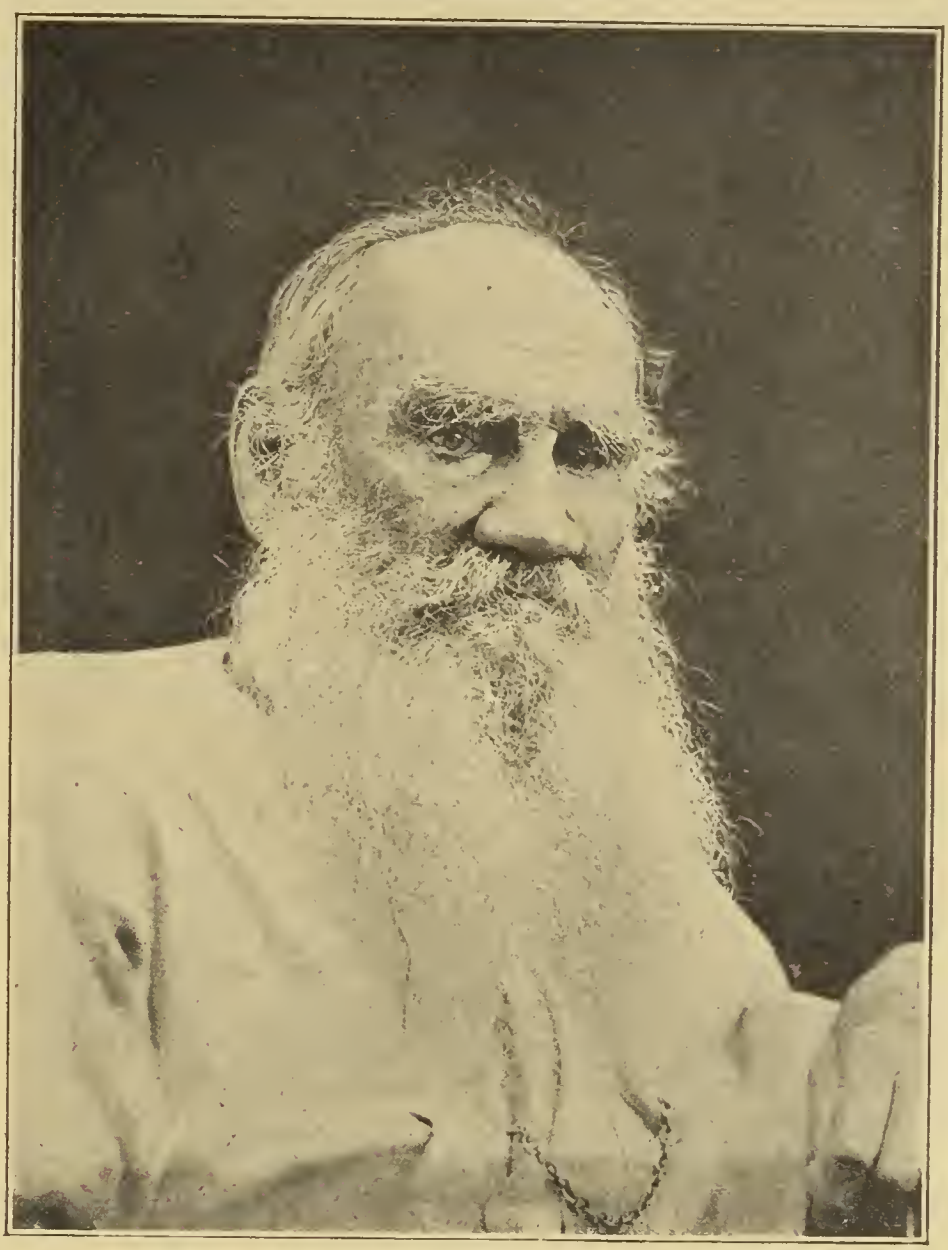
„Анна Каренина“.

Подобно Пьеру, и Левинъ (въ романѣ «Анна Каренина») находитъ выходъ изъ душевной борьбы, вступая въ общеніе съ народомъ. Хотя задачи романа «Анна Каренина» были болѣе широки (Толстой имѣлъ въ виду обрисовать рядъ типовъ современнаго общества, рѣшить связанные съ этими типами общіе вопросы, напр., о положеніи женщины въ семьѣ и обществѣ, о правѣ на личное счастье и т. д.), однако исканіе смысла жизни здѣсь весьма замѣтно, и чувствуется оно не у одного Левина, а главнымъ образомъ, у самого автора, который въ разнообразіи жизненныхъ типовъ какъ бы ищетъ удовлетворенія высшихъ запросовъ своей совѣсти.

„Исповѣдь“ и другія произведенія.

Особенно важна «Исповѣдь» (1881 г.) Толстого, гдѣ онъ заявляетъ, что вѣра его въ европейскую образованность и прогрессъ была поколеблена уже давно, что для разрѣшенія возникшихъ вопросовъ онъ предпринималъ много попытокъ и, въ концѣ-концовъ, пришелъ къ выводу, что истинному пониманію жизни можетъ научить только простой народъ, живущій своею особою, внутреннею правдою.

Послѣ «Исповѣди» Толстой пишетъ рядъ другихъ религіозно-нравственныхъ и философскихъ сочиненій, гдѣ подвергаетъ критикѣ разнообразныя стороны жизни и строитъ свою систему философіи. Въ основу этой системы вошли всѣ тѣ стремленія



Л. Н. Толстой.

нравственнаго характера, которыя замѣчались у Толстого и раньше, съ дополненіемъ новыхъ выводовъ, почерпнутыхъ имъ изъ изученія религій разныхъ народовъ, философіи и вопросовъ общественной жизни. Основныя положенія его воззрѣній можно, приблизительно, свести къ слѣдующимъ.

Жизнь современнаго общества, по мнѣнію Толстого, не соотвѣтствуетъ ученію Христа: послѣднее построено на любви къ ближнему, на братствѣ и равенствѣ, наша же жизнь опирается на право сильнаго и на «ученіе міра». Ученіе міра ведетъ насъ ко враждѣ, ненависти, одиночеству; оно удаляетъ насъ отъ счастья истиннаго, заставляя гоняться за счастьемъ призрачнымъ, преходящимъ и не имѣющимъ предѣловъ. На вопросъ, какая же жизнь должна быть признана идеальной, Толстой отвѣчаетъ указаніемъ, во-первыхъ, на трудовую жизнь крестьянина, какъ на образецъ жизни, свободной отъ пустыхъ и суетныхъ цѣлей, а во-вторыхъ,—на необходимость труда не эгоистичнаго, а въ интересахъ другихъ: необходимо принять участіе въ общей работѣ человѣчества, но совершенно отказаться отъ тѣхъ видовъ дѣятельности, которые связаны съ насиліемъ одного человѣка надъ другими или съ эксплоатаціей однихъ силъ и труда другихъ. Упростивъ свою жизнь, человѣкъ не будетъ нуждаться въ культурѣ, наукѣ и образованности, которыя, по Толстому, усложняютъ жизнь, создаютъ неравенство между людьми, служатъ интересамъ лишь богатыхъ слоевъ общества и не отвѣчаютъ живымъ интересамъ современной жизни. Истинная наука, какъ и истинное искусство, должна преслѣдовать лишь религіозныя цѣли «при томъ предположеніи, что религіозныя понятія означаютъ человѣческое братство». Основная идея жизни—идея религіозная, ибо «наука только работаетъ на пути, указанномъ ей религіею; религія открываетъ смыслъ жизни людей, а наука прилагаетъ этотъ смыслъ къ различнымъ сторонамъ жизни». Такимъ образомъ, религіозная идея ведетъ человѣка къ практической дѣятельности, осмысляя его существованіе. Говоря о религіи и религіозной идеѣ, необходимо сдѣлать оговорку: «религія» для Толстого вовсе не есть христіанство не только въ видѣ какого-либо изъ христіанскихъ вѣроученій (православіе, католичество и друг.), но даже и не какъ вѣра во Христа: изъ христіанства Толстой беретъ только нравственную сторону, только христіанское ученіе о нравственности, подвергая сомнѣнію все то, что въ области вѣры познается путемъ откровенія. Христіанская нравственность, по мысли Толстого, должна вести общество къ нравственному перевоспитанію, начавъ съ указанія, что каждому необходимо упростить свою жизнь, смириться, перестать участвовать въ жизненной борьбѣ, не противиться злу.

Работа надъ философскими вопросами отвлекла Толстого отъ чисто художественнаго творчества, да и послѣднее стало ему казаться непозволительнымъ. Однако временами чувство художника брало верхъ, и являлись такія изумительныя по силѣ таланта

и глубинѣ идей произведенія, какъ «Смерть Ивана Ильича» (1886 г.), «Власть тьмы» (1886 г.), «Плоды просвѣщенія» (1889 г.), «Хозяинъ и работникъ» (1895 г.), «Воскресеніе» (1899 г.). Въ этихъ произведеніяхъ сказывались нравственныя идеи Толстого: мысль о безцѣльности и ложности жизни современнаго общества, вѣра въ глубокія нравственныя силы, таящіяся въ человѣкѣ, призывъ къ упрощенію жизни или пересозданію ея на началахъ труда, любви къ ближнему и свободы личности отъ путъ условностей, созданныхъ цивилизаціей.

Достоевскій.

Ѳ. М. Достоевскій (1821—1881), подобно Толстому, стоитъ въ нашей литературѣ особнякомъ вслѣдствіе рѣзко выраженныхъ индивидуальныхъ чертъ личности и творчества. Сходство съ Толстымъ идетъ еще и дальше, ибо оба писателя одинаковымъ образомъ разочаровались въ европейской цивилизаціи и считали необходимымъ обратиться къ народу, какъ къ источнику правды жизни. Разница лишь въ томъ, что Толстой на первое мѣсто ставитъ нравственное совершенствованіе отдѣльной личности, отклоняя вопросы общественнаго характера, ибо въ большинствѣ общественныхъ учрежденій видитъ ненужное зло; Достоевскій же этихъ вопросовъ не обходитъ, удѣляя имъ нѣкоторое мѣсто въ своихъ произведеніяхъ.

Литературная дѣятельность Достоевскаго раздѣляется на два періода 1849-мъ годомъ, когда онъ былъ арестованъ по обвиненію въ участіи въ кружкѣ петрашевцевъ. Первый періодъ начался подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Гоголя: не только герой перваго романа Достоевскаго («Бѣдные люди») Дѣвушкинъ напоминаетъ Акакія Акакіевича, но даже въ слогѣ Достоевскаго въ это время весьма чувствовался образный слогъ Гоголя. Однако Достоевскій какъ въ романѣ «Бѣдные люди», такъ и въ повѣстяхъ этого періода сумѣлъ уже обнаружить нѣчто свое, что отличало его талантъ отъ Гоголя. Такъ, психика (душевная жизнь) его героевъ глубже Гоголевской и не сводится лишь къ изображенію картинъ пошлости: въ лицѣ Дѣвушкина Достоевскій, напр., нашелъ человѣка, способнаго на сильное, доходящее до самопожертвованія чувство; Дѣвушкинъ оказался не лишеннымъ и сознанія достоинства человѣческой личности. Въ герояхъ другихъ повѣстей («Хозяйка», «Ползунковъ», «Господинъ Прохарчинъ», «Бѣлыя ночи», «Слабое сердце», «Неточка Незванова» и друг.) Достоевскій далъ рядъ типовъ петербургскаго чиновничьяго пролетаріата (Прохарчинъ, Ползунковъ, Вася Шумковъ), подмѣтилъ особый душевный міръ, создавшійся при опредѣленныхъ условіяхъ необезпеченности (Прохарчинъ), одиночества (герой «Бѣлыхъ ночей»), служебнаго произвола (Ползунковъ), наконецъ,

нашелъ черты особыхъ, болѣзненныхъ душевныхъ движеній (Ордыновъ—въ повѣсти «Хозяйка», Голядкинъ—въ «Двойникѣ»). Бытъ разночинца, мелкаго чиновника былъ Достоевскому хорошо знакомъ, а художественное воспроизведеніе его служило какъ бы своего рода протестомъ противъ ненормальности общественныхъ условій, подавлявшихъ человѣческую личность. Съ другой стороны, натуры душевно-больныя представляли для Достоевскаго особый интересъ и впослѣдствіи составили неотъемлемую принадлежность его романовъ. Въ изображеніи ненормальныхъ душевныхъ явленій Достоевскій, по словамъ спеціалистовъ-психіатровъ, показалъ себя большимъ знатокомъ.

Ссылка въ каторгу, годы солдатской службы и матеріальныхъ лишеній должны были отразиться на Достоевскомъ: они создали тотъ «душевный надрывъ», то болѣзненное настроеніе, которымъ онъ отличался до конца дней. Въ одномъ отношеніи замѣчательно вліяніе каторги и военной службы: Достоевскій сталъ ближе къ народу (въ лицѣ арестантовъ и солдатъ) и съ интересомъ отнесся къ его міровоззрѣнію; народъ въ страданіяхъ каторги оказалъ на него сильное впечатлѣніе, вызвавъ мысль о смиреніи, которое отличаетъ и нравственно возвышаетъ крестьянина.

Характеръ произведеній Достоевскаго и его взгляды.

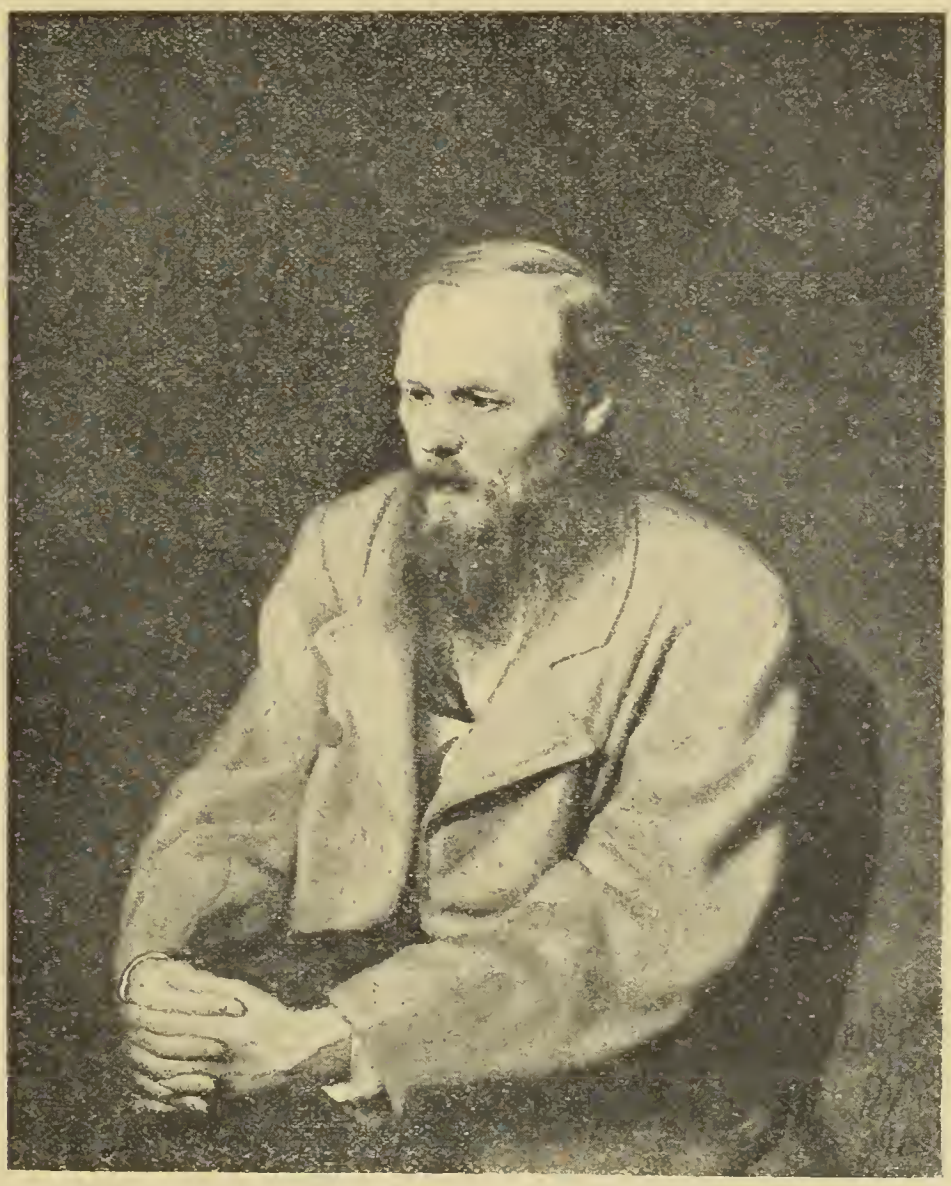
Большіе романы («Преступленіе и наказаніе», «Бѣсы», «Идіотъ», «Подростокъ», «Братья Карамазовы») даютъ возможность сдѣлать нѣсколько выводовъ какъ о пріемахъ творчества Достоевскаго такъ и объ основныхъ его мотивахъ.

Съ внѣшней стороны, эти романы читаются не легко, слогъ тяжелъ и растянутъ, много подробностей, много отвлеченныхъ разсужденій отъ лица автора или дѣйствующихъ лицъ; рѣчи послѣднихъ индивидуальностью и разнообразіемъ не отличаются, служа, очевидно, лишь воспроизведеніемъ мыслей и словъ самого автора.

Но недостатки художественной стороны творчества блѣднѣютъ предъ глубиною психологическаго анализа (т.-е. разбора душевной жизни героевъ), въ которомъ Достоевскій не имѣетъ соперника, и предъ важностью поставленныхъ авторомъ философскихъ вопросовъ. Если психологическій анализъ проявлялся и въ первыхъ повѣстяхъ и разсказахъ Достоевскаго, то тамъ онъ еще не былъ столь глубокъ и разнообразенъ, да и примѣненіе его стѣснялось рамками разсказовъ. Во второй періодъ дѣятельности Достоевскій свободно и широко очерчиваетъ внутренній міръ своихъ героевъ и обнаруживаетъ ненормальность ихъ переживаній. Главными вопросами, которые вол-

нуютъ какъ автора, такъ и его героевъ, несомнѣнно, были вопросы о Богѣ и о человѣческой личности.

Къ вопросу о Богѣ Достоевскій подходилъ неоднократно и съ разныхъ сторонъ: Иванъ Карамазовъ пытается примирить



Ѳ. М. Достоевскій.

существованіе зла въ мірѣ съ идеей всеблагого Промыслителя и Творца міра; Кириловъ («Бѣсы») старается согласовать представленіе о волѣ Бога и свободной волѣ отдѣльной человѣческой личности: далѣе, вопросъ о Богѣ былъ связанъ съ вопросами о безсмертіи и о нравственномъ законѣ, къ чему Достоевскій возвращался неоднократно. Поставленный вопросъ разрѣшенія не

получилъ, т.-е. собственно разрѣшенія путемъ приведенія неоспоримыхъ основаній: Достоевскій чувствовалъ и искалъ Бога, но доводами разсудка разъяснить вопросъ о Немъ не могъ. А между тѣмъ съ вопросомъ о Богѣ соединялся вопросъ о томъ, свободна ли личность человѣка въ своихъ поступкахъ и рѣшеніяхъ. Раскольниковъ («Преступленіе и наказаніе») рѣшалъ этотъ вопросъ, раздѣляя людей на обыкновенныхъ, подчиненныхъ общимъ требованіямъ нравственнаго закона, и высшихъ, «властелиновъ», которые могутъ переступать эти требованія. Такое рѣшеніе автору едва ли представлялось удовлетворительнымъ: это видно какъ изъ того, что Раскольниковъ, совершивъ преступленіе, почувствовалъ себя «дрожащей тварью», т.-е. обыкновеннымъ человѣкомъ, такъ и изъ того пути нравственнаго возрожденія, который Соня указываетъ Раскольникову, — «страданіе принять и искупить себя имъ».

Характерна еще одна особенность таланта Достоевскаго, — его умѣнье находить высокое въ низкомъ, возвышенное въ пошломъ. Эта особенность существовала какъ въ первый, такъ и во второй періодъ его дѣятельности, когда даже въ «карамазовщинѣ» онъ находилъ и выдѣлялъ много высокаго.

Романъ «Бѣсы» явился (1871—72 г.) осужденіемъ крайней молодежи 70-хъ годовъ, взглядовъ которой Достоевскій не раздѣлялъ. Его политическія воззрѣнія во второй періодъ дѣятельности ближе всего примыкаютъ къ славянофильству: это—признаніе преимуществъ нашей культуры предъ европейскою, признаніе величайшей нравственной силы, таящейся въ народѣ и дѣлающей его «народомъ-богоносцемъ»; къ этому народу, по мнѣнію Достоевскаго, долженъ итти образованный человѣкъ, слиться съ нимъ, учиться у него. Достоевскій считалъ русскій народъ богоизбраннымъ, призваннымъ совершить великое дѣло обновленія міра путемъ распространенія во всемъ мірѣ великихъ идей христіанства. Современный интеллигентъ отъ народа оторванъ, ему необходимо спастись смиреніемъ, побѣдивъ свое «я», и лишь послѣ того начать свою дѣятельность, котсрая должна состоять въ служеніи народу. Эти взгляды отчасти приближали Достоевскаго къ народникамъ, но его исходная точка была славянофильской, — цѣль обращенія къ народу — поучиться у него, а не научить его; наконецъ народъ Достоевскій разумѣлъ въ видѣ простого народа, крестьянъ, а не трудящихся массъ вообще.

XIV.

80-е и 90-е годы (Боборыкинъ, Короленко, Чеховъ, Горькій, какъ крупнѣйшіе представители литературныхъ теченій).

80-е и 90-е годы.

Общій характеръ 80-хъ и 90-хъ годовъ противоположенъ предыдущимъ двумъ десятилѣтіямъ: прежнее возбужденіе общественныхъ силъ смѣнилось уже въ концѣ семидесятыхъ годовъ какою-то подавленностью, сокращеніемъ общественной самодѣятельности. Причиною такого измѣненія было не только отрицательное отношеніе правительства къ проявленіямъ разнаго рода общественныхъ движеній, но и, главнымъ образомъ, то чувство неудовлетворенности и разочарованія, которое оставила по себѣ предыдущая эпоха. Точнѣе сказать, благіе порывы людей 60-хъ и 70-хъ годовъ весьма часто не давали, при столкновеніи съ дѣйствительной жизнью, нравственнаго удовлетворенія идеалистамъ этой эпохи: дѣйствительная жизнь, особенно жизнь народа, была далека отъ высокихъ стремленій народолюбцевъ, и послѣдніе начинали чувствовать, что ихъ представленіе о ней было неполно, и что борьба съ темными силами дѣйствительности должна быть весьма тяжела, не подъ силу одному поколѣнію. Уже у Салтыкова-Щедрина и Гл. Успенскаго была высказана мысль о наступленіи господства «чумазаго»; въ 80-хъ годахъ этотъ «чумазый» водворился въ литературѣ и сталъ укрѣпляться въ жизни, и тогда появилось у насъ такъ называемое «мѣщанство». Терминъ этотъ не долженъ быть соединяемъ съ мыслью о какомъ-либо сословіи: «мѣщанство» стало принадлежностью всѣхъ сословій. Этимъ именемъ стали обозначать отсутствіе или скудость высшихъ духовныхъ стремленій, приверженность къ матеріальнымъ благамъ жизни, тупое самодовольство и враждебное отношеніе ко всякому движенію впередъ. «Мѣщанство», широко развивавшееся въ жизни, вызвало чувство возмущенія у нашихъ писателей-идеалистовъ; сознаніе почти полной невозможности бороться съ жизненной пошлостью дополняло это чувство еще ощущеніемъ неудовлетворенности, тяжелой разочарованности. Такое настроеніе появляется у писателей конца XIX вѣка, какъ неизбѣжное слѣдствіе новыхъ жизненныхъ теченій.

Изъ писателей-беллетристовъ этой поры, число которыхъ было весьма значительно, наиболѣе яркими и опредѣленно очерченными явились: П. Д. Боборыкинъ, В. Г. Короленко, А. П. Чеховъ и А. М. Пѣшковъ (М. Горькій).

Боборыкинъ.

П. Д. Боборыкинъ (род. 1836 г.) за время своей почти полувѣковой литературной дѣятельности создалъ громадное количество романовъ и повѣстей, отразившихъ всѣ теченія умственной жизни русскаго общества за время отъ 60-хъ годовъ. Однако наиболѣе полное развитіе талантъ его обнаружилъ именно въ эпоху 80-хъ и 90-хъ годовъ, когда «безвременье» получило свое талантливое изображеніе, главнымъ образомъ, въ его произведеніяхъ. Критика неоднократно отмѣчала, что существеннѣйшею чертою творчества Боборыкина было то, что его произведенія всегда слѣдовали за вѣкомъ, отражая всѣ, даже малѣйшія, измѣненія общественныхъ настроеній. Въ этомъ отношеніи Боборыкинъ былъ «ловцомъ момента» въ гораздо большей степени, чѣмъ въ свое время Тургеневъ; но типы Тургенева—результатъ глубокой переработки дѣйствительности, произведенной въ душѣ поэта; Боборыкинъ же въ своихъ художественныхъ образахъ даетъ богатую смѣну разнообразныхъ картинъ, поражающихъ внѣшнею отдѣлкою, но весьма часто сосредоточивающихъ вниманіе читателя именно на внѣшнихъ чертахъ современной жизни въ ущербъ ихъ внутреннему смыслу. По пріемамъ творчества Боборыкинъ близокъ къ натуралистамъ, т.-е. къ литературной школѣ, ставящей точное воспроизведеніе дѣйствительности на первый планъ, цѣнящей не столько творческую обработку предмета писателемъ, сколько жизненность, реальную правду рисуемыхъ картинъ. Говоря о Боборыкинѣ, необходимо прибавить, что это—человѣкъ громадной и разносторонней образованности, обнаруживающій живѣйшій интересъ ко всѣмъ явленіямъ общественной жизни (литературѣ, искусству, наукѣ, политикѣ и т. д.): эта разносторонность интересовъ и знаніе жизни дѣлаютъ, при большомъ художественномъ талантѣ, его произведенія, безспорно, весьма значительнымъ явленіемъ конца прошлаго вѣка.

Важнѣйшія произведенія Боборыкина суть: «Въ путь-дорогу», «Земскія силы», «Жертва вечерняя», «Солидныя добродѣтели», «Дѣльцы», «Китай-городъ», «Изъ новыхъ», «Василій Теркинъ», «Перевалъ», «На ущербѣ», «Ходокъ» и друг. Въ 80-е годы Боборыкинъ вѣрно подмѣтилъ черты упадка тогдашняго общества: ослабленіе культурной силы дворянской среды, упадокъ дворянскаго землевладѣнія, выступленіе новыхъ людей изъ среды купцовъ и разбогатѣвшихъ крестьянъ, приносящихъ съ собою здоровыя физическія силы и энергію здороваго духа; эти «новые люди» проявляютъ иногда свои кулацкія (хотя и нѣсколько облагороженныя) стремленія, въ ихъ лицѣ выдвигаются капиталисты, стремящіеся къ подчиненію себѣ обще-

ства и къ созданію какъ бы особаго «мѣщанскаго счастья» на почвѣ удовлетворенія своихъ капиталистическихъ вожделѣній. Боборыкинъ не обходитъ и такихъ явленій, отмѣчая отрезвляющее дѣйствіе ихъ на представителей прежней, барской образованности, жившихъ мечтой и чуждавшихся жизненной борьбы.

П. Д. Боборыкинъ.

В. Г. Короленко.

В. Г. Короленко (род. 1853 г.) — «писатель, котораго можно поставить во главѣ современной беллетристики по силѣ таланта, по богатству художественнаго матеріала, по широтѣ наблюдательности, наконецъ, по самому міросозерцанію, обнаруживающему человѣка, стоящаго въ уровнѣ вѣка по своему образованію». Такъ характеризовалъ В. Г. Короленка въ 90-хъ годахъ г. Скабичевскій, и характе-

ристика эта въ значительной степени сохранила свое значеніе и до настоящаго времени. Правда, въ послѣдніе годы XIX и въ началѣ XX выдвинулись новыя талантливыя силы, но онѣ не уменьшили той славы и общаго уваженія, которыми заслуженно пользуется г. Короленко: новые писатели пошли по другой дорогѣ, его же дорога особая, и въ ней онъ крупныхъ соперниковъ себѣ не имѣетъ. Особенность творчества В. Г. Короленка состоитъ въ томъ, что онъ вынесъ изъ 70-хъ годовъ одно цѣнное чувство — чувство гуманности, человѣчности—и внесъ его въ свои произведенія; и несмотря на различіе въ обстановкѣ, мѣстности, общественныхъ условіяхъ, въ которыя поставлены герои его разсказовъ, Короленко всегда проникнутъ къ нимъ гуманнымъ чувствомъ, которое и сообщаетъ читателю. Это гуманное чувство вполнѣ объясняется какъ наблюдательностью автора, подмѣчающаго «человѣческое» въ человѣкѣ, такъ и сочувствіемъ автора къ людямъ, ищущимъ «правды» (не только въ смыслѣ правды-справедливости, но и въ смыслѣ правды-истины, т.-е. высшаго смысла жизни). «Въ дурномъ обществѣ» людей, отъ которыхъ отвернулось населеніе маленькаго городка, ребенокъ, герой разсказа, находитъ сердечное и ласковое отношеніе къ себѣ, и впервые задумывается надъ противорѣчіями общественной жизни, въ которой въ среду «отверженныхъ» попадаютъ часто люди съ добрымъ сердцемъ и здоровымъ разсудкомъ. Трогательный разсказъ: «Слѣпой музыкантъ», представляющій попытку освѣтить умственный міръ слѣпорожденнаго, одареннаго притомъ еще музыкальнымъ талантомъ, вызываетъ у читателя мѣстами потрясающее впечатлѣніе, мѣстами чувство особенной жалости, мѣстами — высокое ощущеніе нравственной чистоты: поэтъ изображаетъ лучшія движенія души и дѣйствуетъ возвышающимъ образомъ на душу читателя, очищая ее отъ грязи и пошлости жизни. То же надо сказать и о другихъ разсказахъ, какъ «Лѣсъ шумитъ», «Старый звонарь», «Въ ночь подъ Свѣтлый праздникъ», «Сонъ Макара», «Въ подслѣдственномъ отдѣленіи» и друг. «Мотивы творчества г. Короленка не особенно глубоки (говоритъ К. Головинъ), и картины жизни, имъ созданныя, довольно тѣсны. Въ узкихъ рамкахъ, какъ разъ подходящихъ къ содержанію, какое онъ въ нихъ вложилъ, г. Короленко сумѣлъ начертить фигуры, блещущія яркостью кисти, и окружить ихъ ландшафтомъ, совершенство котораго иной разъ не уступаетъ тургеневскому».

Къ этому надо только прибавить, что не только по манерѣ и пріемамъ творчества, но и по глубокому пониманію народной души Короленко выдѣляется въ нашей литературѣ; въ этомъ

отношеніи особенно цѣннымъ слѣдуетъ признать «Сонъ Макара», гдѣ авторъ вскрылъ чувство человѣческаго достоинства и жажду правды у полудикаго человѣка, въ жизни приближавшагося скорѣе къ тяглому животному, чѣмъ къ человѣку. То же и въ «Государевыхъ ямщикахъ», гдѣ въ разговорѣ автора съ Микешей о вѣрѣ открываются серьезные запросы души Микеши и его за-

В. Г. Короленко.

таенныя размышленія о вѣрѣ, неясное чувство вѣры, «ущербленной и тоскующей вѣры, угасающей среди этихъ равнодушныхъ камней». Та же, наконецъ, жажда правды, жажда познать высшій смыслъ жизни—въ герояхъ другихъ разсказовъ (Яшки, Панова): они не знаютъ, какъ постичь эту высшую правду, но они знаютъ, что она существуетъ, что она не можетъ не существовать, — и вотъ этотъ-то моментъ высшаго исканія автору удалось подмѣтить и изобразить. Только въ двухъ-трехъ разска-

захъ («На затменіи», «Прохоръ и студенты», «Въ облачный день») авторъ касается образованныхъ слоевъ, въ остальныхъ же дѣйствующія лица взяты изъ широкой массы народа. Умѣніе подойти близко къ ихъ душевнымъ переживаніямъ, сочувствіе къ народной долѣ — это черты, преобладающія въ творчествѣ Короленка и важныя не только потому, что характеризуютъ лично его, но еще и потому, что связываютъ собою эпоху 80—90-хъ годовъ съ народолюбивыми теченіями 70-хъ.

А. П. Чеховъ.

А. П. Чеховъ (1860—1904 г.), по всей справедливости, можетъ быть названъ сатирикомъ эпохи 80-хъ годовъ, эпохи «мѣщанства» въ общественныхъ и нравственныхъ проявленіяхъ послѣдняго. Его поэзія, вообще, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ отличается удивительно-вѣрнымъ воспроизведеніемъ общаго духа своего времени, — настолько вѣрнымъ, что иногда (особенно при мелкихъ разсказахъ) читатель не можетъ довольствоваться только ознакомленіемъ съ содержаніемъ того или иного произведенія: необходимо бываетъ еще обдумать его, вникнуть поглубже, — только тогда становится яснымъ тотъ недостатокъ общества, на который обратилъ свое вниманіе авторъ, и который, на первый взглядъ, можетъ и не произвести полнаго впечатлѣнія именно въ силу своей обыденности. Поэтъ безвременья, поэтъ общаго упадка, Чеховъ, въ сущности, является и поэтомъ одного настроенія именно потому, что это настроеніе было общимъ для всѣхъ: это — ощущеніе пошлости жизни, ощущеніе отсутствія высшихъ идеаловъ, которые могли бы осмыслить жизнь, ощущеніе, наконецъ, того, что большинство людей (или, какъ часто выражается Чеховъ, обывателей) даже не сознаетъ всей пошлости своей жизни, считая ее вполнѣ нормальною. По мотивамъ своего творчества, Чеховъ подходитъ отчасти къ Гоголю (въ петербургскихъ повѣстяхъ послѣдняго), но есть и большая разница: во-первыхъ, Гоголь, подмѣчая недостатки, осмѣивалъ ихъ; Чеховъ этого не дѣлаетъ, рисуя лишь картины дѣйствительности и предоставляя читателю дѣлать выводы и, если угодно, смѣяться. Но читатель не смѣется и въ большинствѣ случаевъ не можетъ смѣяться, ибо ему передается настроеніе автора, — «Чеховское настроеніе», которое сопряжено скорѣе съ подавленностью, съ чувствомъ скуки, безпросвѣтнаго томленія: это второе отличіе Чехова отъ Гоголя, у котораго въ смѣхѣ слышны иногда и бодрящія нотки, да и самый смѣхъ вызывается не всегда глубокими внутренними противорѣчіями жизни, а иногда и только внѣшними комическими положеніями. Наконецъ есть отличіе въ манерѣ письма: Гоголь даетъ обыкновенную полную

и законченную картину жизни, Чеховъ же преимущественно схватываетъ случайныя черты, отдѣльные типичные моменты и, не выписывая всѣхъ частностей, пишетъ свою картину мазками, но мазки эти геніальны,—въ нихъ малѣйшій оттѣнокъ иногда даетъ больше, чѣмъ тщательно написанная картина. Эти черты, вообще отличающія творчество Чехова, все же въ большей степени сказались во второй періодъ его дѣятельности, въ которой различаютъ три періода.

А. П. Чеховъ.

Въ первый—Чеховъ, нуждаясь въ средствахъ для существованія, пишетъ для разныхъ изданій (въ томъ числѣ и для юмористическихъ журналовъ) мелкіе разсказы комическаго содержанія, вошедшіе (не всѣ, впрочемъ) въ первые томы собранія его произведеній. Здѣсь карикатурный элементъ на первомъ мѣстѣ. Юморъ автора—живой, бойкій; рѣчь—мѣткая, оживленная; разговоры дѣйствующихъ лицъ — типичны и правдоподобны. Сознаніе пошлости жизни стоитъ на второмъ планѣ и приходитъ къ читателю лишь послѣ нѣкоторыхъ самостоятельныхъ размыш-

леній по поводу прочитаннаго. Второй періодъ, когда Чеховъ переходитъ въ болѣе серьезныя изданія, есть самый яркій періодъ его дѣятельности: мрачный оттѣнокъ жизни тутъ развертывается предъ читателемъ въ еще болѣе широкихъ рамкахъ; за нею, за этой жизнью чувствуется авторъ, ее пережившій и вынесшій изъ нея тяжелое впечатлѣніе; «взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильныхъ, невѣжество и скотоподобіе слабыхъ, кругомъ бѣдность невозможная, тѣснота, вырожденіе, пьянство, лицемѣріе, вранье... Мы видимъ тѣхъ, которые ходятъ на рынокъ за провизіей, днемъ ѣдятъ, ночью спятъ, которые говорятъ свою чепуху, женятся, старятся, благополучно тащатъ на кладбища своихъ покойниковъ, но мы не видимъ и не слышимъ тѣхъ, которые страдаютъ, и то, что страшно въ жизни, происходитъ гдѣ-то за кулисами». Какъ идеалъ въ эпоху безвременья, выступаетъ даже Ивановъ, который совѣтуетъ «выбрать себѣ что-либо заурядное, сѣренькое, безъ яркихъ красокъ, безъ сильныхъ звуковъ, не воевать въ одиночку съ тысячами, а запереться въ свою раковину и дѣлать свое маленькое, Богомъ данное дѣло». Однако «Ивановъ» не выражаетъ еще собою взглядовъ самого автора, который не можетъ примириться съ мелкимъ и узко-самодовольнымъ счастьемъ Иванова. Въ третій періодъ дѣятельности Чехова у него («Палата № 6», «Три сестры», «Дядя Ваня» и друг.) все яснѣе и яснѣе выступаетъ мысль о новомъ счастьѣ, о лучшей жизни, которая будетъ удѣломъ не немногихъ только, а всѣхъ людей. Дѣйствительная жизнь почти не даетъ основаній надѣяться на лучшую жизнь, но надо работать для созданія ея, и она можетъ наступить, хотя и не скоро: «настанутъ лучшія времена, возсіяетъ заря новой жизни, восторжествуетъ правда, и—на нашей улицѣ будетъ праздникъ! Я не дождусь, издохну, но зато чьи-нибудь правнуки дождутся. Привѣтствую ихъ отъ всей души и радуюсь за нихъ!» («Палата № 6»). Эта вѣра въ прогрессъ человѣческаго ума, который долженъ облегчить и осмыслить жизнь, характеризуетъ послѣднія произведенія Чехова, но самое представленіе о томъ, какова будетъ эта новая жизнь и какъ именно сложатся въ ней общественныя отношенія, — у Чехова довольно неясно. Поэтому нельзя не согласиться съ однимъ изъ критиковъ въ томъ, что въ словахъ героевъ произведеній третьяго періода дѣятельности Чехова слышится «не бодрый призывъ къ труду во имя блага грядущихъ поколѣній, а крикъ истерзанныхъ людей, жаждущихъ счастья для себя и сейчасъ, для которыхъ трудъ—болеутоляющее средство, дурманъ, въ тяжеломъ угарѣ уносящій отъ пошлой жизни, отъ мучительныхъ думъ»...

Горькій.

А. М. Пѣшковъ (род. 1868 г.) болѣе извѣстенъ подъ псевдонимомъ: «Максимъ Горькій». Его литературная дѣятельность становится замѣтной въ послѣднее десятилѣтіе XIX вѣка и въ первые годы XX. Въ короткое время Горькій дѣлается весьма популярнымъ писателемъ и, увлекая читающую публику, въ то же время вызываетъ цѣлую группу подражателей. Успѣхъ, создавшійся въ нѣсколько лѣтъ, объясняется тѣмъ об-

А. М. Пѣшковъ (М. Горькій).

стоятельствомъ, что Горькій сказалъ своими произведеніями «новое слово», да къ тому же еще именно тогда, когда общество въ новомъ словѣ нуждалось. Именно, въ концѣ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ въ обществѣ усилилось сознаніе пошлости жизни и стремленіе къ новой жизни, болѣе полной и болѣе содержательной. Это неясное стремленіе отразилось и у Горькаго: въ рядѣ его повѣстей и разсказовъ предъ читателями прошли новые типы;

общественное положеніе послѣднихъ было довольно низко (обитатели ночлежныхъ домовъ, босяки, «бывшіе люди»), но зато ихъ душевныя движенія были весьма примѣчательны и давали обществу именно то, въ чемъ оно нуждалось. Общество было опутано цѣпью условности и пошлости,—герои Горькаго не знали условности и считались только съ требованіями своей личности; общество страдало отъ отсутствія сильныхъ натуръ,—герои Горькаго именно такими сильными натурами являлись, и хотя силъ своихъ къ какому-либо жизненному дѣлу не прилагали, однако давали чувствовать свои силы, пока, за неимѣніемъ лучшаго, выражавшіяся только въ протестѣ противъ принятыхъ формъ общественности; общество, наконецъ, дорожило установившимся порядкомъ жизни, въ частности, было связано мелкими экономическими отношеніями,—герои Горькаго отрѣшились отъ всякихъ матеріальныхъ расчетовъ, презираютъ даже хлѣбороба-крестьянина за его «мѣщанство», за его заботу о хлѣбѣ насущномъ. Полное отрѣшеніе отъ всѣхъ условностей жизни, полная свобода личности и ощущеніе въ себѣ силъ необъятныхъ, почти стихійныхъ, — вотъ тѣ черты, которыя принесли съ собою въ литературу эти герои. Нечего, конечно, говорить о томъ, что бытовыхъ чертъ въ нихъ было немного: книжность и мысли автора чувствовались больше, чѣмъ художественность и правдоподобіе изображенія «босяковъ»; если «босяки» живыми людьми не были, то, съ другой стороны, Горькій не желалъ въ «босяковъ» обращать и современное общество. Онъ хотѣлъ только выразить рѣзкій протестъ противъ далеко развившагося мѣщанства и сдѣлалъ это въ болѣе рѣзкихъ формахъ, чѣмъ кроткій и гуманный Чеховъ. Раздраженіе, почти злоба слышится весьма часто у Горькаго, но въ то же время чувствуется и извѣстная страстность, подъемъ чувства, которое не можетъ удовлетвориться обычною жизнью и ищетъ исхода. Если къ этому прибавить мастерскія описанія природы и вообще большой художественный талантъ автора, а съ другой стороны, — искреннее чувство, достигающее сильнаго подъема, то станетъ понятной причина успѣха первыхъ произведеній Горькаго. Послѣдующія крупныя его произведенія («Ѳома Гордеевъ», «На днѣ», «Мѣщане», «Трое», «Дачники», «Дѣти солнца», «Варвары» и другія) вызывали разнообразное отношеніе со стороны публики и критики: живого интереса новизны и даже «моды», создавшаго успѣхъ первыхъ произведеній, въ нихъ уже не было, и этимъ отчасти объясняется паденіе интереса къ Горькому со стороны нѣкоторой части читающей публики; но, кромѣ того, произведенія эти дѣйствительно немногое прибавили къ тому протесту противъ пошлости и мѣщанства, который былъ въ столь

яркихъ формахъ выраженъ въ первыхъ повѣстяхъ и разсказахъ Горькаго. Поэтъ сталъ только мѣнять обстановку своихъ наблюденій: въ «Фомѣ Гордеевѣ» выступила купеческая среда, въ «Дачникахъ», «Варварахъ» и «Дѣтяхъ солнца» — интеллигенція, въ романѣ «Трое» и въ пьесѣ «На днѣ» — пролетарскіе типы большихъ городовъ и т. д. Но вездѣ и при всякой обстановкѣ Горькій вскрываетъ недостатки.... Горькій ожидаетъ появленія новой здоровой интеллигенціи, которая проложитъ дорогу себѣ своимъ трудомъ и въ согласіи съ своими идеалами. Въ пьесѣ «На днѣ» онъ выражаетъ вѣру въ силу личности и въ ея права: личность стоитъ выше толпы, выше даже дѣйствительности, которую она создаетъ какъ бы изъ себя: «Коли вѣришь,— есть; не вѣришь, — нѣтъ... Во что вѣришь, то и есть». Въ сочетаніи этихъ двухъ началъ—борьбы за свободу личности и борьбы за общественное благо — Горькій, повидимому, видитъ главный отличительный признакъ новой интеллигенціи.

Въ выводѣ изъ предыдущаго надо отмѣтить то, что литературное наслѣдіе послѣднихъ годовъ XIX вѣка, передаваемое въ XX, состоитъ, во-первыхъ, въ признаніи отрицательныхъ качествъ за «мѣщанствомъ», за тупымъ самодовольствомъ пошлой жизни, лишенной высшихъ интересовъ, и, во-вторыхъ, въ указаніи необходимости исканія положительныхъ основъ жизни. Литература конца XIX вѣка указала, что въ основы эти должны входить великія начала: права личности, общее благо, трудъ. Только взаимодѣйствіе этихъ началъ можетъ дать осуществленіе той правды, которую искали и ищутъ иногда сознательно, а часто и безсознательно тѣ люди (къ какому бы сословію или классу они ни принадлежали), которые еще не опошлились настолько, чтобы всѣ интересы свести къ матеріальному достатку и тупому самодовольству, лишенному сознанія необходимости мысли и труда.

XV.

Русская лирика во второй половинѣ XIX вѣка: Некрасовъ, Плещеевъ, Надсонъ, Никитинъ, Шевченко.

Лирика „чистаго искусства“ и „гражданской скорби“.

Въ нашей критикѣ установился обычай дѣлить лирическихъ поэтовъ на два лагеря: на поэтовъ «чистаго искусства» и поэтовъ «гражданской скорби» («пѣвцовъ жизни»). Если это дѣленіе и встрѣчается очень часто, то признать его справедливымъ затруднительно. Во-первыхъ, наши «поэты чистаго искусства», особенно жившіе

въ эпохи широкихъ общественныхъ движеній (какъ, напр., въ 60-е годы), не могли никогда отрѣшиться отъ кипѣвшей вокругъ нихъ жизни и замкнуться исключительно въ кругу свѣтлыхъ грезъ своей фантазіи: жизнь не проходила для нихъ безслѣдно и часто заставляла и ихъ—сочувствовали они или не сочувствовали новымъ вѣяніямъ своего времени—откликаться на то, что волновало ихъ современниковъ. Съ другой стороны, поэты «гражданской скорби», направлявшіе свое творчество въ сторону обличенія отрицательныхъ явленій жизни, тоже весьма часто отрѣшались отъ прозы жизни и создавали стихотворенія, полныя чарующей прелести, посвященныя природѣ, идеальнымъ порывамъ души человѣка, вѣчной красотѣ. Яркій примѣръ поэтовъ первой категоріи—гр. А. К. Толстой, второй—Н. А. Некрасовъ. Собственно говоря, если бы пришлось строго провести линію раздѣла, то это было бы дѣломъ невозможнымъ, хотя бы уже потому, что есть лирическіе поэты (какъ, напр., Плещеевъ), которыхъ мѣсто скорѣе на половинѣ пути отъ одного лагеря къ другому, чѣмъ въ томъ или другомъ лагерѣ. Поэтому ходячее дѣленіе можетъ опереться развѣ только на преимущественное преобладаніе однихъ настроеній у однихъ поэтовъ, другихъ—у другихъ; безусловная же принадлежность каждаго поэта только къ одной изъ двухъ названныхъ группъ весьма сомнительно.

Во вторую половину XIX вѣка у насъ было довольно много лирическихъ поэтовъ, что объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что, слѣдуя завѣтамъ Пушкина, наша лирика тѣснѣе сблизилась съ жизнью, стала откликаться на ея нужды и удовлетворять въ самой широкой мѣрѣ стремленіямъ ума и чувства человѣка; съ другой стороны, жизнь въ обществѣ въ это время стала особенно оживленною и интересною, что не могло не отразиться и на поэзіи. Въ эпоху 60-хъ годовъ, эпоху оживленной работы и надеждъ, не сбывшихся впослѣдствіи, «стиховъ (говоритъ одинъ современникъ) вообще не любили, но охотно прощали ихъ одному Некрасову»,—очевидно, потому, что онъ болѣе другихъ поэтовъ былъ отзывчивъ къ запросамъ современниковъ. Это же мѣрило отзывчивости поэта прилагалось и въ позднѣйшія десятилѣтія ко всѣмъ вообще поэтамъ: чѣмъ отзывчивѣе бывалъ поэтъ на запросы современниковъ, чѣмъ менѣе онъ уходилъ отъ жизни,—тѣмъ болѣе его любили и читали.

Некрасовъ.

Н. А. Некрасовъ (1821—1877 г.) считается «пѣвцомъ народнаго горя». Въ его личной судьбѣ было немало тяжелыхъ минутъ нужды и горя (въ семьѣ, въ университетѣ, при началѣ литературной дѣятельности), и это обстоятельство сдѣлало его болѣе чуткимъ къ страданіямъ окружа-

ющихъ, гдѣ бы и въ чемъ бы эти страданія ни выражались: въ общественныхъ ли отношеніяхъ, въ крестьянскомъ или городскомъ бытѣ, въ личной ли жизни отдѣльныхъ людей. Въ эпоху 40—50 гг., когда отрицательныя стороны дореформеннаго строя (крѣпостное право, злоупотребленія суда, цензура) давали сильно чувствовать свой гнетъ, Некрасовъ вмѣстѣ съ другими современниками страдалъ и какъ поэтъ и какъ гражданинъ: «писать не время было: почти что ничего тогда не проходило» (чрезъ цен-

Н. А. Некрасовъ.

зуру, разумѣется); не считая себя въ правѣ оставаться безучастнымъ, онъ былъ, однако, ограниченъ въ выраженіи своего сочувствія: «въ отвѣтъ стенаніямъ народа мысль русская стонала *въ полутонъ*». Вступленіе на престолъ императора Александра II, радужныя надежды, вызванныя личностью Монарха, великія реформы и, главнымъ образомъ, освобожденіе крестьянъ—вызвали въ русскомъ обществѣ значительный подъемъ. Некрасовъ теперь откликается въ болѣе бодрящихъ тонахъ:

«Славься, народу давшій свободу! доля народа — счастье его, свѣтъ и свобода прежде всего!»

Вмѣстѣ съ тѣмъ поэтъ сознаетъ, что освобожденіе крестьянъ не покрываетъ собою всѣхъ нуждъ народа, что нужды таковыя еще будутъ, ибо «на мѣсто цѣпей крѣпостныхъ люди придумали много иныхъ»... Поэтъ какъ бы раздѣляетъ свои силы и созданія своего творчества между двумя раздѣленными сословіями — бывшими господами и бывшими крѣпостными. Онъ проникаетъ въ нужды того и другого сословія, и хотя народъ вызываетъ у него наиболѣе участливое отношеніе, однако онъ не оставляетъ безъ вниманія и помѣщиковъ. Не матеріальныя условія жизни помѣщиковъ интересуютъ его: какъ человѣкъ 60-хъ годовъ, онъ вѣритъ въ силу разума, который долженъ устроить жизнь и счастье среди людей; сила разума воплощалась дотолѣ въ интеллигенціи, которая въ то время у насъ представлялась, главнымъ образомъ, дворянскимъ сословіемъ и отчасти «разночинцами». Обращаясь къ этой интеллигенціи, поэтъ не видитъ въ ней людей, способныхъ на подвигъ созданія новой жизни: это—«лишніе люди», Рудины, «современные герои», которые книги читаютъ да по свѣту рыщутъ, дѣла себѣ исполинскаго ищутъ»—и въ то же время упускаютъ случай быть полезными тамъ, гдѣ есть къ этому возможность.

И все же поэтъ признаетъ, что и они не безполезны, — что они подготовили почву для будущихъ дѣятелей. Откуда же пріидутъ послѣдніе? На интеллигентные классы поэтъ не возлагаетъ надеждъ: это или «лишніе люди», или неспособные отнестись съ участіемъ къ чему-либо, кромѣ собственнаго благополучія («Размышленія у параднаго подъѣзда»), или, наконецъ, труженики, безполезно растрачивающіе свои силы на праздныя мелочи жизни, въ родѣ поддержанія свѣтскихъ знакомствъ и слѣдованія за модой («Маша»); горячихъ идеалистовъ, стремящихся къ быстрому и рѣшительному проведенію общественныхъ преобразованій, поэтъ знаетъ, но знаетъ онъ также и то, что судьба такихъ реформаторовъ—та же, что декабристовъ или блѣднаго юноши, везомаго туда, «куда Макаръ телятъ гоняетъ» («Еще тройка»). И вотъ поэтъ обращается къ самому народу, который изъ среды своей, среды крестьянства, выдвинетъ дѣятелей, способныхъ и полюбить горячо дѣло народнаго блага и отдаться ему всецѣло: школьникъ съ книжкою въ котомкѣ — символъ, предвѣщаніе силъ, идущихъ на благо народа и созданныхъ тѣмъ же народомъ, а не поднесенныхъ народу интеллигенціей. Эта вѣра въ народныя силы воодушевляетъ поэта:

«Не бездарна та природа, не погибъ еще тотъ край, что выводитъ изъ народа столько славныхъ, то и знай....»

Но если будущее народа вызываетъ у поэта надежды, то настоящее—темно, полно страданій, и на нихъ-то Некрасовъ останавливаетъ, главнымъ образомъ, свое вниманіе. Здѣсь «мало слезъ, а горя рѣченька, горя рѣченька бездонная». Вотъ «въ полномъ разгарѣ страда деревенская»: трудъ и силы крестьянъ, а особенно крестьянскихъ женщинъ-жницъ, затрачиваются въ громадномъ количествѣ и при самой тяжелой обстановкѣ. Вотъ «забытая деревня», куда долго не наѣзжалъ баринъ и гдѣ и плутъ-управитель и плутъ-сосѣдъ дѣлали, что хотѣли, не считаясь съ нуждами крестьянъ. Вотъ крестьянская дѣвушка, полная жизни и красоты, заглядѣвшаяся на проѣзжую тройку; при видѣ нея поэтъ представляетъ ея будущую жизнь, полную заботъ, трудовъ и лишеній: эта жизнь не только уничтожитъ всѣ черты молодости и красоты, но даже убьетъ все человѣческое,—въ лицѣ женщины отразится «выраженье тупого сомнѣнья и безсмысленный, вѣчный испугъ». Вотъ, наконецъ, нѣсколько крестьянъ издалека пришли въ столицу искать защиты и поддержки у своего барина; но швейцаръ не допускаетъ ихъ, ибо «нашъ не любитъ оборванной черни... И пошли они, солнцемъ палимы, повторяя: суди его Богъ! Разводя безнадежно руками...» При видѣ такихъ картинъ крестьянскаго горя у поэта вырывается тяжелый вопль:

«Назови мнѣ такую обитель,—я такого угла не видалъ, гдѣ бы сѣятель твой и хранитель, гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ... Волга! Волга! весной многоводной ты не такъ заливаешь поля, какъ великою скорбью народной залилась теперь наша земля! гдѣ народъ, тамъ и стонъ...»

Даже дѣтскія силы безплодно гибнутъ: нарисовавъ нѣсколько мирныхъ идиллическихъ картинокъ въ стихотвореніяхъ, посвященныхъ русскимъ дѣтямъ («Крестьянскія дѣти», «Дѣдушка Мазай и зайцы», «Дядюшка Яковъ»), Некрасовъ далъ (въ стих. «Плачъ дѣтей») потрясающую по силѣ трагизма картину страданій дѣтей, работающихъ на фабрикахъ:

«Въ золотую пору малолѣтства все живое счастливо живетъ, не трудясь, съ ликующаго дѣтства дань заботъ и радости беретъ. Только намъ гулять не довелося по полямъ, по нивамъ золотымъ: цѣлый день на фабрикахъ колеса мы вертимъ, вертимъ, вертимъ»...

Механическій, однообразный трудъ подтачиваетъ силы дѣтей, лишаетъ ихъ здоровья, угнетающимъ образомъ дѣйствуетъ на ихъ душу.

Будучи «печальникомъ народнаго горя», Некрасовъ считалъ единственно эту дорогу поэтическаго творчества и гражданской дѣятельности правильною, и далъ великій завѣтъ:

«Иди къ униженнымъ, иди къ обиженнымъ и будь имъ другъ. Гдѣ трудно дышится, гдѣ горе слышится, будь первый тамъ!»

Плещеевъ. *А. Н. Плещеевъ* (1825—1893 г.) по мотивамъ своего творчества довольно близко подходитъ къ Некрасову: тотъ же живой откликъ на нужды современнаго общества, тѣ же идеалы общественности и гуманности; только у Плещеева чаще, чѣмъ у Некрасова, являются бодрящіе призывы къ честному труду на благо общества и, вообще, настроеніе его не элегически-грустное, а съ нѣкоторымъ подъемомъ. Въ годы своей молодости Плещеевъ высказывалъ пожеланія: «чтобы являлось на Руси побольше ихъ, чистыхъ, доблестныхъ, живущихъ лишь для подвиговъ благихъ... чтобъ не меркло надъ родимою страной солнце разума и знанья,—солнце истины святой». Въ тѣ же годы имъ создано извѣстное стихотвореніе: «Впередъ! — безъ страха и сомнѣнья на подвигъ доблестный, друзья!» гдѣ поэтъ призывалъ:

«Жрецовъ грѣха и лжи мы будемъ глаголомъ истины карать, и спящихъ мы отъ сна разбудимъ и призовемъ на битву рать!....»

Затѣмъ, въ 1849 году, Плещеева постигла ссылка (по суду надъ кружкомъ Петрашевскаго) въ Оренбургскій корпусъ рядовымъ, и только въ 1857 г. онъ былъ возстановленъ въ своихъ правахъ и получилъ разрѣшеніе жить въ столицахъ. Годы ссылки, однако не наложили особенно тяжелаго отпечатка на творчество Плещеева: правда, тяжелыя воспоминанія семи-восьми лѣтъ подневольной солдатской службы часто всплывали предъ поэтомъ, но они не изгладили изъ его души тѣхъ идеалистическихъ порывовъ, которыми она была полна въ годы молодости. Онъ съ прежнимъ сочувствіемъ относится къ крестьянской долѣ.

Привѣтствуя освобожденіе крестьянъ, онъ зоветъ культурныя силы народа сплотиться въ виду предстоящей борьбы «со зломъ и тьмой, неправдой черной».

Поэтъ не можетъ удовлетвориться тѣмъ «мѣщанскимъ счастьемъ», въ которомъ мелкія натуры находятъ себѣ удовлетвореніе: онъ стремится ко благу возможно большаго количества людей и зоветъ своихъ единомышленниковъ работать для этого блага. Однако надо замѣтить, что поэзіи Плещеева вообще чужды мотивы «музы мести и печали»: сатиры въ ней нѣтъ, и Плещеевъ по справедливости былъ названъ «поэтомъ гуманности и

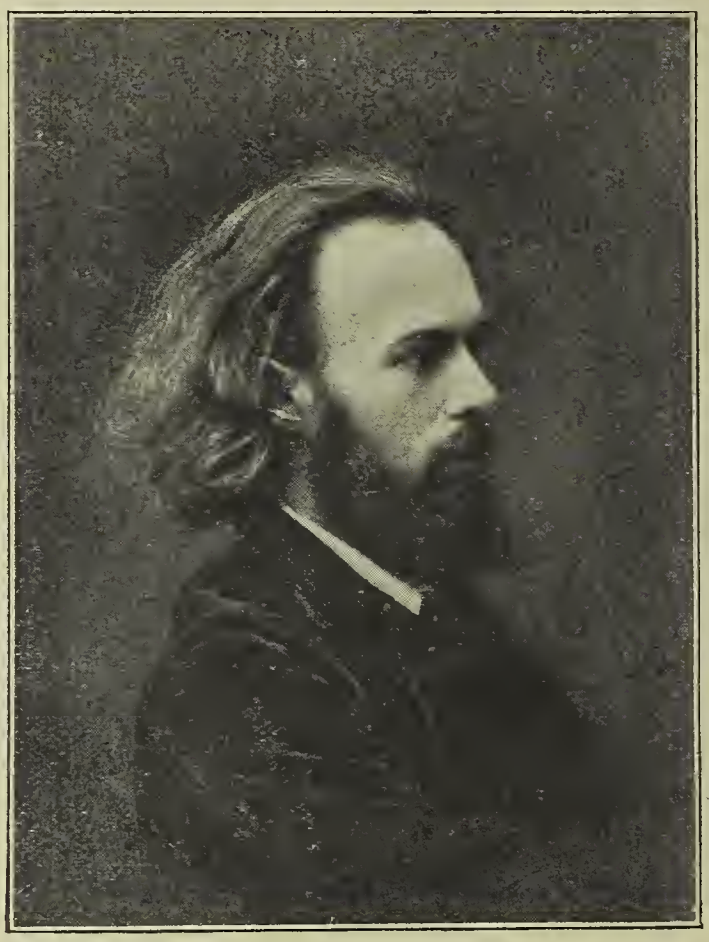
свѣтлыхъ идеаловъ. Эта идеалистическая струя творчества роднитъ его съ поэтами «чистаго искусства», которые также далеки отъ сатиры; но крайней мѣрѣ, Плещеевъ цѣнитъ поэзію и вообще искусство не меньше, чѣмъ поэты этой группы, прекрасное въ природѣ и жизни волнуетъ его не меньше ихъ; внѣшнюю отдѣлку стиха и изящество художественныхъ образовъ онъ признаетъ такъ же, какъ и эти поэты. Но въ пониманіи назначенія поэзіи Плещеевъ ушелъ дальше школы «чистаго искусства»: онъ при-

А. Н. Плещеевъ.

знаетъ въ поэзіи общественную силу и считаетъ необходимымъ, чтобы поэтъ отвѣчалъ на духовные запросы современности. Въ виду этого мѣсто Плещеева — скорѣе на полпути между двумя лагерями (ближе къ «поэтамъ жизни»), чѣмъ въ одномъ какомъ-либо изъ нихъ.

Надсонъ. *С. Я. Надсонъ* (1862—1887 г.) также принадлежитъ къ «пѣвцамъ жизни», но настроеніе его глубоко-прочувствованной лирики—не боевое. Подобно Гаршину, Надсонъ глубоко чувствуетъ страданіе, зло, разлитое въ мірѣ; примирить это зло съ мечтою о счастьѣ людей онъ не можетъ,

искоренить зло его поколѣніе (онъ сознаетъ это) не въ силахъ. Отсюда въ его поэзіи слышится душевный надрывъ, скорбное чувство, которое усугубляется сознаніемъ безсилія тѣхъ, на комъ должна бы лежать обязанность борьбы со зломъ:



С. Я. Надсонъ.

«Безсиленъ слабый голосъ мой, моя душа къ борьбѣ готова, но нѣтъ въ ней силы молодой. Въ груди безплодное рыданье, въ устахъ — мучительный упрекъ, и давитъ сердце мнѣ сознанье, что я—я рабъ, а не пророкъ».

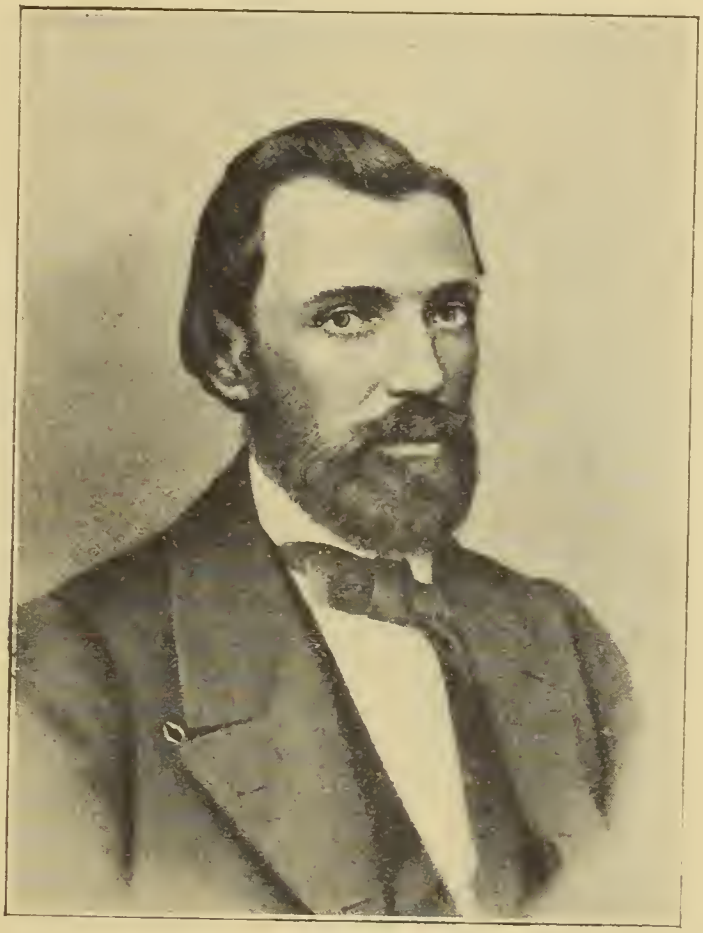
Не съ призывомъ къ протесту, а со словами утѣшенія и надежды обращается Надсонъ къ страждущимъ:

«Вѣрь, настанетъ пора, и погибнетъ Ваалъ,
И вернется на землю любовь!..»

Надо, однако, отмѣтить, что оптимистическіе [1]) взгляды вообще чужды Надсону, что надежда на торжество вѣчной правды также не всегда вдохновляла его и что, наконецъ, главные мотивы его

[1]) Оптимизмъ — отъ латинскаго слова optimus (лучшій) настроеніе бодрое, съ надеждой на лучшее будущее.

лирики—скорбные. Изящество его стиха, глубина чувства, интересъ къ трагической личности безвременно угасшаго поэта,—все это способствовало тому, что создалось особое вниманіе общества къ таланту Надсона, тѣмъ болѣе, что мотивы его лирики не скоропреходящи, не представляютъ только простое отраженіе извѣстной исторической эпохи, а состоятъ въ воспроизведеніи человѣческаго горя вообще, въ воспроизведеніи тѣхъ общихъ душевныхъ переживаній, которыя вызываются страданіемъ, даже независимо отъ причины послѣдняго. Эти скорбные мотивы и постоянная тоска по идеалу создаютъ притягательную силу поэзіи Надсона.



И. С. Никитинъ.

Наконецъ, къ тѣмъ же «пѣвцамъ жизни» надо отнести и двухъ поэтовъ, вышедшихъ изъ среды народа,—И. С. Никитина и Т. Г. Шевченко.

Никитинъ. *И. С. Никитинъ* (1824 — 1861 г.) сызмальства зналъ нужду, и она отразилась въ его поэзіи въ широкихъ размѣрахъ: поэтъ не можетъ обойти ни тѣхъ послѣд-

ствій, какія создаетъ вокругъ себя нужда, ни самой нужды. Тяжелая борьба за существованіе—удѣлъ и его самого и его героевъ. А кто ближе знакомъ съ нуждою, чѣмъ крестьяне? Никитинъ и направляетъ свое творчество на изображеніе народной крестьянской жизни: здѣсь и разлады между родителями и дѣтьми, и деспотическое отношеніе первыхъ ко вторымъ, и ужасная судьба подкидышей, и пьянство, и развратъ, и угнетеніе слабаго сильнымъ. Всю тяжесть этихъ страданій поэтъ въ свое время испыталъ и на себѣ, и потому горькимъ воспоминаніемъ звучатъ его слова:

«Страшна ты, роковая сила
Нужды и мелочнаго зла!
Какъ громъ, ты не убьешь мгновенно.
Войдешь ты—полъ не заскрипитъ,
И душишь, душишь постепенно,
Покуда жертва захрипитъ!»

Какъ крестьянинъ, Никитинъ близко стоялъ къ природѣ, и первобытная красота ея, вносившая умиротвореніе въ душу, иногда останавливала на себѣ его вниманіе. Но разладъ между мирной и прекрасной жизнью природы и жизнью бѣднаго страдающаго крестьянства не давалъ поэту права останавливаться на красотахъ природы: умирающій въ чахоткѣ голодный портной и другіе страдальцы были ближе его сердцу, чѣмъ всѣ красоты природы. «Пересмотрите (пишетъ одинъ критикъ) всѣ никитинскіе пейзажи,—васъ поразитъ безпримѣрная простота и, на первый взглядъ, даже прозаичность рисунка. Поэтъ разсказываетъ будто о своихъ будняхъ, рѣчь его не обличаетъ ни лиризма, ни элегическаго настроенія, ни восторженнаго порыва. Такъ дѣйствительно можно писать только о другѣ, близкомъ и родномъ, старомъ, извѣстномъ товарищѣ». Природа, какъ источникъ вдохновенія, могла только внушить поэту гуманное чувство жалости къ обездоленнымъ и страдающимъ людямъ. Проникаясь этимъ чувствомъ, Никитинъ выражаетъ его съ безыскусственной простотою и сердечностью, безъ прикрасъ, съ постояннымъ чувствомъ правдивости. Кругъ его пѣсенъ охватываетъ всю массу крестьянства, городскихъ мѣщанъ,—жизнь, несложную вообще по внѣшнимъ обстоятельствамъ, но богатую душевными переживаніями и именно въ области горя и страданій, т.-е. того, что пережилъ самъ Никитинъ и къ чему онъ былъ особенно чутокъ.

Шевченко.

Т. Г. Шевченко (1814 — 1861 г.) собственно говоря, украинскій поэтъ; но справедливо замѣтилъ о немъ А. М. Скабичевскій: «Шевченко писалъ на томъ живомъ языкѣ, на которомъ говоритъ и поетъ самъ народъ въ Украйнѣ;

великоруссъ же безъ труда понимаетъ рѣчь хохла, за исключеніемъ мѣстныхъ особенностей говора, какія вы можете встрѣтить въ любой деревнѣ и въ Великороссіи, и въ Малороссіи. Такимъ образомъ поэзія Шевченка является общимъ достояніемъ всего русскаго народа; произведенія его нѣтъ надобности переводить на литературный языкъ: ими могутъ въ равной степени наслаждаться и малороссы, и великороссы, и образованные, и неграмотные

Т. Г. Шевченко.

люди». Особенную цѣнность имѣетъ поэзія Шевченка именно по связи его съ народомъ, по народному характеру его произведеній: въ ту эпоху, когда писалъ Шевченко, народъ еще не былъ освобожденъ отъ крѣпостного ига (самъ Шевченко былъ крѣпостнымъ до 24-лѣтняго возраста), но лучшая часть общества уже давно мечтала объ облегченіи участи народа, и Шевченко своими произведеніями еще болѣе укрѣплялъ мысль о безвыходномъ положеніи народа.

Если оставить въ сторонѣ идиллически-сентиментальныя баллады и пѣсни Шевченка, въ которыхъ сказалась чуткая къ

природѣ и меланхолически-настроенная душа малоросса, то громадное значеніе надо признать за его крупными произведеніями: повѣстью «Наймычка», поэмой «Катерина» и произведеніями историческаго содержанія («Гайдамаки», «Гамалія», «Тарасова нічь», «Швачка», «Сдача Дорошенка» и др.). Въ послѣднихъ историческихъ произведеніяхъ мы находимъ прошлое прекрасной, но несчастной родины Шевченка: страданія ея подъ игомъ Польши, подъ гнетомъ евреевъ, пановъ и старшинъ казацкихъ, часто забывавшихъ въ личныхъ властолюбивыхъ распряхъ о народномъ благѣ; мысль Шевченка направляется къ всеславянскому братству и единенію культурной жизни всѣхъ славянскихъ народовъ. «Наймычка», «Катерина» и нѣкоторыя мелкія стихотворенія даютъ отраженіе настоящаго Украйны: произволъ пановъ, насилія надъ несчастными крестьянами, опозореніе женщинъ и дѣвушекъ, безправіе и беззащитность угнетаемыхъ. Поэзія Украйны отличается своеобразной грустью и нѣжностью, даже трагическіе моменты въ ней смягчены чувствомъ тихой грусти, иногда — поэзіей красивой смерти или красиваго подвига. Таковъ и Шевченко, который вообще не чуждался народнаго творчества и даже обязанъ ему въ значительной степени и своими сюжетами и своими художественными образами. Живое, но грустное чувство и своеобразная прелесть — вотъ главныя свойства поэзіи Шевченка.

XVI.

Русская лирика во второй половинѣ XIX вѣка: гр. А. Толстой, Майковъ, Полонскій, Фетъ.

А. К. Толстой.

А. К. Толстого (1817—1875 г.) обыкновенно относятъ къ школѣ поэтовъ „чистаго искусства“, однако это едва ли безусловно справедливо. Правда, его лирическія стихотворенія, въ общей своей массѣ, даютъ основаніе считать его поэзію далекой отъ интересовъ жизни: они отличаются такою изящною внѣшнею отдѣлкою, такою красотою языка и стиха, пластичностью образовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ далеки отъ бурь и треволненій жизни, что сомнѣній относительно нихъ почти не можетъ быть,—и названіе „искусство для искусства“ для нихъ не будетъ несправедливымъ. Поэтъ въ нихъ то изображаетъ живыми красками картины природы, то знакомитъ насъ съ своими личными настроеніями, то даетъ изящные переводы иностранныхъ поэтовъ, то подражаетъ русскимъ. Во всемъ этомъ

чувствуется впечатлительная и чуткая ко всему прекрасному душа художника, которая не только воспринимаетъ прекрасное изъ окружающаго міра, но и отражаетъ, воспроизводитъ, и при этомъ воспроизводитъ не изъ какихъ-либо иныхъ побужденій, какъ только по стремленію къ изящному, къ красотѣ. Но среди произведеній гр. А. Толстого есть и такія, въ которыхъ поэтъ далъ свой откликъ на волновавшіе его современниковъ во-

А. К. Толстой.

просы, и при наличности такихъ произведеній занести поэзію гр. А. Толстого цѣликомъ въ лагерь „чистаго искусства“ и поставить его на одномъ уровнѣ, напр., съ Фетомъ, было бы неосновательно. Говоря такъ, я разумѣю баллады А. Толстого и нѣкоторыя изъ его мелкихъ лирическихъ стихотвореній. Въ нихъ порою высказываются такіе взгляды, съ которыми трудно было бы согласиться и теперь, и во время А. Толстого; однако эта не-

пріемлемость воззрѣній А. Толстого не препятствуетъ признать въ немъ человѣка, чуткаго къ интересамъ современности, хотя и не раздѣлявшаго взглядовъ большинства. Прежде всего, А. Толстой неоднократно высказывалъ свой взглядъ на задачи поэта, и притомъ не ограничивалъ ихъ служеніемъ лишь чистому искусству. Правда, онъ высоко ставилъ вдохновенную натуру поэта, который, въ его глазахъ, есть не болѣе, какъ посредникъ между міромъ земли и міромъ надземнымъ, вдохновляющимъ поэта (въ стих.: «Тщетно, художникъ, ты мнишь, что твореній своихъ ты создатель...»); правда, онъ считалъ необходимымъ, чтобы поэтъ искалъ лучей высшей красоты и любви, разлитыхъ въ мірѣ, чтобы его занимали: «и тихій шопотъ вербы надъ ручьемъ, и милой дѣвы взоръ на насъ склоненный, и звѣздный блескъ, и всѣ красы вселенной»; но въ то же время онъ изображаетъ и Іоанна Дамаскина, готовящагося воспѣть Господа не въ величіи славы, а «съ толпою бѣдныхъ рыбаковъ», онъ считаетъ достойнымъ небесной награды поэта, который «выходитъ на бой со всѣмъ, что не право и ложно»; онъ, наконецъ, цѣнитъ свободное слово:

«Надъ вольной мыслью Богу неугодны
Наспіс и гнетъ:
Она, въ душѣ рожденная свободно,
Въ оковахъ не умретъ!»

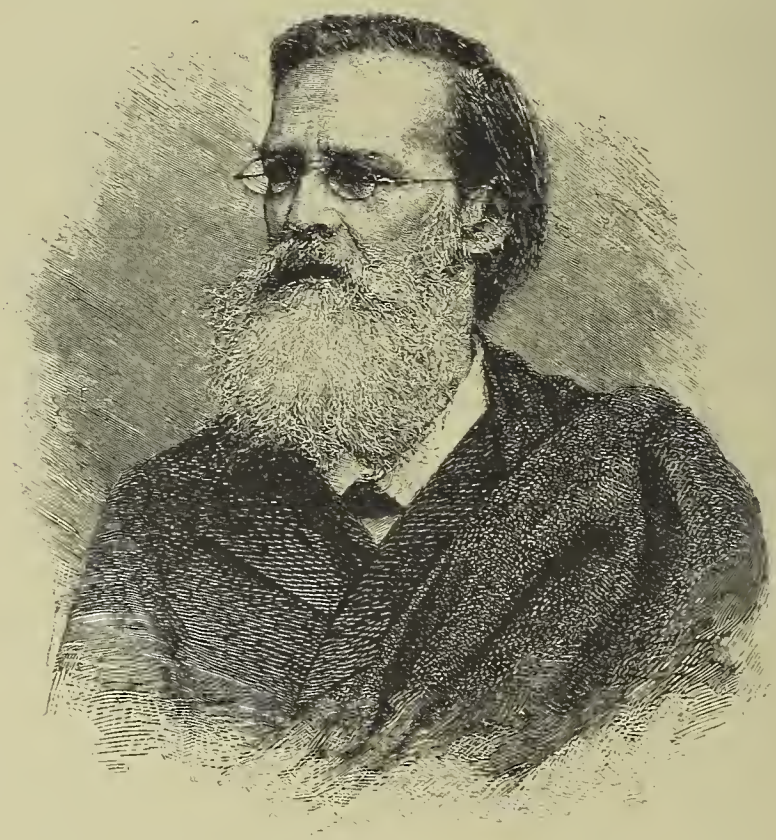
Повидимому, эта мысль о свободѣ вольной мысли заставляла Толстого отстаивать самостоятельность поэтическаго творчества въ то время, когда для поэта считалось почти обязательнымъ заявить себя или прогрессистомъ, или консерваторомъ. Сковать себя игомъ подчиненія какой-либо партіи Толстой не могъ, что и выразилъ въ стихотвореніи «Двухъ становъ не боецъ, но только гость случайный, за правду я бы радъ поднять мой добрый мечъ»... Эпоха крушенія старыхъ идеаловъ (60-е годы) и безпощаднаго отрицанія всего, что цѣнили люди 40-хъ годовъ, вызываетъ у поэта призывъ къ друзьямъ—постоять за то хорошее, въ частности за искусство и за служеніе вѣчной красотѣ, что было въ прошломъ:

«Други, гребите! Напрасно хулители
Мнятъ оскорбить насъ своею гордынею:
На берегъ вскорѣ мы, волнъ побѣдители,
Выйдемъ торжественно съ нашей святынею!
Верхъ надъ конечнымъ возьметъ безконечное,
Вѣрою въ наше святое значеніе
Мы же возбудимъ теченіе встрѣчное
Противъ теченія!»

Это же настроеніе звучитъ и въ балладѣ: «Пантелей-цѣлитель», гдѣ А. Толстой возмущается отрицаніемъ красоты и вообще всѣмъ ученіемъ «нигилистовъ»; то же—и въ «Потокѣ-богатырѣ» и въ нѣкоторыхъ другихъ стихотвореніяхъ: стихійность отрицанія, отсутствіе видимой внѣшней красоты въ суровыхъ порывахъ людей дѣла, людей новаго поколѣнія, особенно затрогиваетъ А. Толстого и вызываетъ у него возмущеніе. Но особенно интересны его историческія баллады: въ нихъ обнаружились его общественно-политическія воззрѣнія и притомъ въ такомъ видѣ, который далъ новѣйшему изслѣдователю (акад. Н. А. Котляревскому) право высказать рѣшительно, «что сужденія, высказанныя А. Толстымъ, были въ основѣ своей либеральными и прогрессивными, а по характеру — наиболѣе примиряющими и миролюбивыми. Можно сказать, что они были средней пропорціональной между двумя противоположными направленіями—консервативнымъ и радикальнымъ. Въ вопросахъ религіи—проповѣдь гуманизма и внутренняго религіознаго убѣжденія не вонистваннаго, не прикованнаго къ догмѣ и терпимаго... Въ вопросѣ національномъ—воззваніе къ чувству народнаго достоинства, гордаго своею силою и выносливостью, вмѣстѣ съ тѣмъ миролюбиваго... Въ вопросахъ общественныхъ и политическихъ—признаніе сильной и единой власти, либерально настроенной, прислушивающейся къ свободному голосу народа». Къ этому надо добавить, что у А. Толстого его политическія симпатіи выражены послѣдовательно въ примѣненіи къ прошлой исторической жизни родной страны: тѣсныя отношенія взаимнаго уваженія между вѣчемъ и княземъ вызываютъ его сочувствіе, самовластіе московскихъ великихъ князей заставляетъ удивиться Потока-богатыря, честные правдолюбцы стараго закала (Михайло Репнинъ) изображены съ прямотою, вызывающей глубокое уваженіе читателя. А за всѣми этими историческими намеками (не всегда даже вѣрными исторіи) кроется самостоятельная мысль автора, хотя и выраженная въ оригинальной формѣ, но полная гражданскаго мужества и честнаго, самостоятельнаго убѣжденія въ необходимости прогресса политическихъ формъ, въ соотвѣтствіи съ нарождающимися и развивающимися потребностями народной жизни. Можно ли при такихъ условіяхъ отнести А. Толстого въ лагерь служителей «чистаго искусства», по крайней мѣрѣ, безъ всякихъ оговорокъ? Думается, что отвѣтъ долженъ быть отрицательнымъ, и что только близорукость критиковъ, не подвергавшихъ (какъ то сдѣлалъ недавно Н. А. Котляревскій) тщательному анализу историческія баллады А. Толстого, была причиною неосновательнаго сужденія о немъ.

А. Н. Майковъ.

А. Н. Майковъ (1821 — 1897 г.) болѣе, чѣмъ гр. А. К. Толстой, заслуживаетъ имени пѣвца «чистаго искусства». Выдающаяся художественность натуры и тонкое эстетическое чутье, отличавшія его, отразились всею яркостью на его произведеніяхъ. Послѣднимъ Майковъ не ставилъ предвзятой цѣли сатиры или борьбы съ общественными недостатками и предразсудками: какъ поэтъ, онъ далеко стоялъ отъ треволненій жизни и не изъ нея, а изъ живого голоса природы почерпалъ матеріалъ для своей поэзіи:



А. Н. Майковъ.

«Гармоніи стиха божественныя тайны не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ: у брега сонныхъ водъ, одинъ бродя, случайно, прислушайся душой къ шептанью тростниковъ, дубравы говору; ихъ звукъ необычайный прочувствуй и пойми... Въ созвучіи стиховъ невольно съ устъ твоихъ размѣрныя октавы польются звучныя, какъ музыка дубравы»...

Созерцаніе красоты природы и жизни накопляло запасъ художественныхъ образовъ, а слетѣвшее вдохновеніе освѣщало ихъ яркимъ лучомъ и призывало къ творчеству.

Что касается предметовъ поэзіи Майкова, то здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ природа, изображенію которой посвящено

множество изящныхъ стихотвореній; природа эта—и Западной Европы, и наша русская. Далѣе Майкова интересуетъ классическій міръ Эллады и Рима («Очерки Рима», «Три смерти», «Два міра», «Анакреонъ», «Алкивіадъ» и друг.), т.-е. та эпоха, гдѣ особенно цѣнилась красота во всѣхъ ея проявленіяхъ—внѣшнихъ и внутреннихъ,—красота природы и души человѣка. Въ «Двухъ мірахъ» Майковъ представляетъ читателю этотъ міръ античнаго міросозерцанія въ его противоположности міру христіанскому, въ которомъ духовныя начала жизни перевѣшиваютъ. Наконецъ

Я. П. Полонскій.

надо отмѣтить произведенія Майкова съ исторической основой («Клермонтскій соборъ», «Савонаролла», «Послѣдніе язычники» и друг.), гдѣ Майковъ ближе подходитъ къ человѣческому міру и рисуетъ образы людей, полныхъ величія духа и нравственнаго подъема. Собственно русской жизни Майковъ также не чуждался: не откликаясь на бурныя переживанія 50—70-хъ годовъ, онъ обратился къ русской жизни въ ея прошломъ и настоящемъ бытѣ и далъ, во-первыхъ, рядъ картинъ природы («Лѣтній дождь», «Нива», «Сѣнокосъ», «Мой садикъ» и друг.), а во-вторыхъ, нѣсколько бытовыхъ и историческихъ картинокъ («Дурочка Дуня»,

«Картинка», «Кто онъ?» и друг.). Со стороны внѣшней отдѣлки, легкости стиха, картинности языка эти произведенія могутъ быть названы образцовыми.

Полонскій.

Я. П. Полонскій (1820—1898 гг.) въ большей части своихъ произведеній примыкаетъ къ поэзіи «чистаго искусства» («Кузнечикъ-музыкантъ», «Мими», «Келіотъ», мелкія стихотворенія), однако не во всѣхъ: поэзія гражданскаго чувства порой занимаетъ и его, и тогда онъ создаетъ замѣчательныя по силѣ и красотѣ таланта произведенія («Казиміръ Великій», «Бѣглый», «Тяжелая минута» и друг.). Наконецъ Полонскій обнаруживаетъ иногда простоту и изящную безыскусственность въ духѣ народной лирики, и тогда его стихотворенія отзываются особою, первобытною прелестью («Солнце и мѣсяцъ», «Пѣсня цыганки», «Колокольчикъ», «Въ глуши», «Старая няня»). Этотъ видъ поэзіи какъ нельзя болѣе удается Полонскому, можетъ-быть, потому, что натура его отличалась особою мягкостью и кротостью, а можетъ-быть, и потому, что годы скитальческой жизни, иногда соединенные съ лишеніями и страданіями, умудрили поэта, дали ему громадный житейскій опытъ и выработали у него ровное, спокойное отношеніе къ жизни и людямъ.

Фетъ.

А. А. Шеншинъ-Фетъ (1820—1892 гг.) принадлежитъ къ числу наиболѣе выдающихся поэтовъ въ группѣ «пѣвцовъ чистаго искусства». Онъ оставилъ въ сторонѣ всѣ гражданскіе мотивы (даже враждебно отнесся къ движенію 60-хъ годовъ) и воспѣвалъ только любовь и красоты природы. Общество, захваченное потокомъ великихъ преобразованій, мало вниманія удѣляло Фету; критика той поры ославила его поэзію «безыдейнымъ щебетаньемъ». Фетъ отвѣтилъ на нападки критики нѣсколькими стихотвореніями («Псевдо-поэту» и друг.), въ которыхъ высказалъ свои взгляды на назначеніе поэта; въ предисловіи къ сборнику: «Вечерніе огни» Фетъ пишетъ о своихъ критикахъ: «Быть писателемъ, хотя бы лирическимъ поэтомъ, по понятію этихъ людей, значило быть скорбнымъ поэтомъ. Такъ какъ люди эти ничего не понимали въ дѣлѣ поэзіи, то останавливались только на одной видимой сторонѣ дѣла,—именно на его непосредственной безполезности. Понятно, до какой степени имъ казались наши стихи не только пустыми, но и возмутительными своей невозмутимостью и прискорбнымъ отсутствіемъ гражданской скорби». Музу свою такъ характеризуетъ Фетъ:

Заботливо храня твою свободу,
Непосвященныхъ я къ тебѣ не звалъ,
И рабскому ихъ буйству я въ угоду

Твоихъ рѣчей не осквернялъ.
Все та же ты,— завѣтная, святая,
На облакѣ, незримая землѣ,
Въ вѣнцѣ изъ звѣздъ, нетлѣнная богиня
Съ задумчивой улыбкой на челѣ».

Особеннымъ богатствомъ и разнообразіемъ сюжетовъ поэзія Фета не отличается: чистая любовь и красоты природы—вотъ главные мотивы его творчества. Во многихъ стихотвореніяхъ оба

А. А. Шеншинъ-Фетъ.

эти мотива—любовь и природа—тѣсно связаны между собою (напр., «Шопотъ, робкое дыханье», «Еще акація одна», «Молчали листья, звѣзды рдѣли» и друг.). Природой Фетъ интересуется съ чисто-художественной ея стороны, при чемъ изображаетъ ее просто и естественно («Днѣпръ въ половодье», «Степь вечеромъ» и друг.); и только изрѣдка изображеніе природы онъ связываетъ съ какимъ-либо личнымъ, душевнымъ настроеніемъ, которое и передаетъ читателю. Любовь его тиха и нѣжна и, какъ природа, возбуждаетъ въ немъ всегда только извѣстныя, одни

и тѣ же настроенія, выливающіяся въ «вечернюю серенаду». Темныя стороны жизни какъ бы проходятъ мимо поэзіи Фета,—онъ идеализируетъ жизнь и видитъ въ ней одно лишь прекрасное, которое онъ находитъ даже въ самыхъ обыденныхъ проявленіяхъ жизни. Съ удивительной чуткостью онъ улавливаетъ даже мимолетныя ощущенія и схватываетъ подчасъ иногда весьма сложныя чувства, случайно обнаруженныя въ какомъ-либо моментѣ. Форма его произведеній отличается высокимъ совершенствомъ; критика находила даже особую музыкальность въ его стихѣ и удивительную поэтическую образность въ его языкѣ: многія стихотворенія его такъ музыкальны и полны такихъ тонко-уловимыхъ ощущеній, что передать ихъ прозою немыслимо,—исчезла бы вся яркость колорита, вся живая красочность и выразительность слога. Кромѣ оригинальныхъ произведеній, Фету принадлежитъ также много и переводныхъ; онъ переводилъ: Гете (Фаустъ), Шиллера, Гейне, Байрона, Беранже, а также Овидія, Горація, Виргилія, Катулла. Эта сторона дѣятельности Фета, въ связи съ художественными достоинствами его твореній вообще, даетъ основаніе смягчить суровый приговоръ критики 60-хъ годовъ и видѣть въ поэзіи Фета не «безыдейное щебетанье», а рядъ яркихъ картинъ, далекихъ отъ минутныхъ интересовъ жизни, но цѣнныхъ для тѣхъ, кто умѣетъ углубляться въ поэзію и искать въ ней не мотивовъ «мести и печали», а отзвуковъ вѣчной красоты и гармоніи.

Говоря о поэтахъ школы «чистаго искусства», надо отмѣтить общую ихъ судьбу: въ 60-хъ годахъ на нихъ смотрѣли съ пренебреженіемъ, какъ на людей, занимающихся отъ бездѣлья пустяками, ихъ попросту или замалчивали, или бранили; едва ли лучше отнеслись къ нимъ и въ 70-е годы, когда общественный подъемъ еще не смѣнился реакціей. Въ 80-е и въ 90-е годы интересъ къ поэзіи «чистаго искусства» возрастаетъ: общество, нѣсколько разочарованное въ порывахъ предыдущихъ десятилѣтій, обращается къ внутреннимъ переживаніямъ человѣка, и тутъ-то поэзія «чистаго искусства» оказывается небезынтересной. Въ ней находятъ зачастую такіе мотивы, которые обнаруживаютъ у поэтовъ глубокое знаніе души человѣка; а стройная, художественная форма способствуетъ подъему чувства читателя, унося его въ царство грезъ и тонкихъ ощущеній изъ міра невзгодъ и страданій. «Новое время—новыя пѣсни», и то, что пришлось не ко двору шестидесятникамъ, вызвало интересъ въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ, заставивъ пересмотрѣть суровые и поспѣшные приговоры, вынесенные въ 60-е и 70-е годы.

XVII.

Исторія русской критики.

Что такое критика. Предметомъ литературной критики служитъ разборъ и оцѣнка поэтическихъ произведеній, въ частности, оцѣнка произведеній словесности книжной, творчества личнаго. Критика полезна и необходима, потому что, съ одной стороны, она облегчаетъ читателю пониманіе художественныхъ произведеній, выясняя, что хотѣлъ высказать въ своемъ произведеніи поэтъ, и насколько пріемлемы предлагаемые имъ взгляды, съ другой—для авторовъ этихъ произведеній критика служитъ указаніемъ того, насколько удачны ихъ труды, въ чемъ ихъ достоинства и недостатки, и что необходимо авторамъ для того, чтобы ихъ произведенія могли удовлетворять духовнымъ нуждамъ читателей. Оцѣнка художественныхъ произведеній можетъ производиться съ разныхъ сторонъ: въ исторіи нашей критики были времена, когда произведенія оцѣнивались только съ точки зрѣнія ихъ художественной отдѣлки (слогъ, звучность стиха и пр.), но были и другія времена, когда къ художественнымъ произведеніямъ прилагали и другія, болѣе серьезныя и строгія требованія.

Критика XVIII вѣка. Въ XVIII вѣкѣ у насъ литературная критика была только въ зачаточномъ состояніи: во-первыхъ, литература наша тогда еще была дѣломъ совсѣмъ новымъ, и особеннаго интереса въ публикѣ не возбуждала; во-вторыхъ, и самое представленіе о задачахъ литературы, было еще довольно туманно (ихъ сводили къ сочиненію подражательныхъ произведеній по образцамъ классической литературы), а при неясности задачъ литературы трудно было судить, насколько онѣ хорошо выполнены.

Первые (по времени) наши критики XVIII вѣка (Ломоносовъ, Тредьяковскій, Сумароковъ, Лукинъ и друг.) считали необходимымъ только, чтобы художественныя произведенія нравились публикѣ, чтобы они были пріятны и, по возможности, поучительны. Изящество выраженія, тщательная отдѣлка слога, звучность стиха, громкія, часто напыщенныя фразы, — все это придавало литературнымъ произведеніямъ «пріятность», которая должна была соотвѣтствовать эстетическимъ потребностямъ читателя, его любви къ изящному. Критики требовали также отъ поэтовъ, чтобы ихъ произведенія обличали порокъ и восхваляли добродѣтель; впрочемъ, это требованіе не ставилось на

первое мѣсто: главною задачею поэта считалась чистота и картинность языка, легкость слога. Были, впрочемъ, попытки и поглубже опредѣлить задачи поэзіи; такъ, проф. Шварцъ и Сохоцкій старались привить нашей критикѣ идеи нѣмецкихъ эстетиковъ—Баумгартена и Эшенбурга: искусство должно подражать природѣ, воспроизводя образцы совершенства, заключающіеся въ ней, или, что то же, образцы прекраснаго; равнымъ образомъ, необходимо, чтобы и при изображеніи внутренняго міра человѣка поэзія вдохновлялась идеями высшей нравственной красоты и добра, и чтобы она дѣйствовала на чувства и умъ читателя, вызывая въ послѣднемъ ощущенія изящнаго и нравственнаго. Однако эти попытки преимущественно ограничивались одними разсужденіями и мало прилагались къ оцѣнкѣ поэтическихъ твореній.

Мерзляковъ.

Въ началѣ XIX вѣка изъ среды нашихъ критиковъ выдвигается Мерзляковъ. Его заслуги состоятъ, во-первыхъ, въ томъ, что онъ возсталъ противъ слѣпого подражанія французскимъ классическимъ образцамъ, въ чемъ онъ видѣлъ чуть ли не измѣну своей національности: Мерзляковъ считалъ необходимымъ для поэта подражать лишь природѣ, стремиться отгадать ея жизнь,—какъ въ природѣ прежде всего выражается единство при разнообразіи, такъ же должно быть и въ поэзіи. Истинный поэтъ, по Мерзлякову, долженъ знать свой предметъ и обладать чистымъ сердцемъ: тогда онъ будетъ въ силахъ дѣйствовать на душу читателя. Далѣе Мерзляковъ, расцѣнивая произведенія русской литературы, рѣшительно осудилъ тѣ изъ нихъ, которыя были только результатомъ подражанія классикамъ, и выдвинулъ значеніе тѣхъ, въ которыхъ сказалось освобожденіе отъ узъ классическихъ теорій («Фелица» Державина). Въ этомъ отношеніи онъ какъ бы предварилъ появленіе новаго направленія въ критикѣ — романтическаго, вступившаго въ борьбу съ классическимъ.

Развитіе критики въ XIX вѣкѣ.

Литературная дѣятельность Карамзина и другихъ сентименталистовъ вызвала борьбу сторонниковъ стараго и новаго слога, при чемъ главнѣйшій изъ защитниковъ стараго слога, А. С. Шишковъ, видѣлъ въ карамзинскомъ слогѣ лишь одно изъ проявленій «легкости въ мысляхъ» и увлеченія всѣмъ французскимъ, т.-е. качествъ, которыя онъ замѣчалъ вообще въ современномъ обществѣ. Борьба окончилась не въ пользу сторонниковъ стараго слога, ибо новый слогъ, несомнѣнно, болѣе соотвѣтствовалъ потребностямъ литературы. Для исторіи критики этотъ споръ имѣетъ значеніе, какъ свидѣтельство того, что даже въ первую четверть XIX вѣка мѣ-

ріломъ достоинства произведеній считался, главнымъ образомъ, слогъ.

Впрочемъ, подъ вліяніемъ дѣятельности Пушкина критика наша уже въ 20-хъ годахъ стала вырабатывать новые пріемы оцѣнки поэтическихъ произведеній, ибо старые оказались непримѣнимыми къ Пушкину: Веневитиновъ, Н. Полевой, Каченовскій, Надеждинъ различнымъ образомъ оцѣнили творчество Пушкина. Такъ, Каченовскій считалъ «Руслана и Людмилу» «грубой и отвратительной шуткой, не одобряемой просвѣщеннымъ вкусомъ», а въ то же время Веневитиновъ считалъ народность (въ смыслѣ не внѣшней обстановки, а народнаго духа, народныхъ свойствъ) главнѣйшимъ, необходимѣйшимъ качествомъ поэта, и съ этой точки зрѣнія онъ привѣтствовалъ, напр., «Бориса Годунова». Надеждинъ требовалъ отъ поэзіи идейнаго содержанія, вѣрнаго изображенія историческихъ событій и народной жизни и отсутствія тѣхъ условныхъ пріемовъ творчества, которые отличали многихъ романтиковъ. Такимъ образомъ критика начинала расширять и осмысливать свои требованія, хотя послѣднія все же далеки были еще отъ совершенства; такъ, напр., одинъ изъ критиковъ признавалъ нѣкоего Тимофеева опаснымъ соперникомъ Пушкина, ставилъ теперь уже забытаго Зотова выше Лермонтова и откровенно совѣтовалъ Гоголю не писать «такой чепухи, какъ «Мертвыя души».

Народившаяся въ началѣ XIX вѣка романтическая школа вызвала оживленный споръ между романтиками и классиками, въ которомъ видную роль сыгралъ Надеждинъ своими статьями, сначала въ «Вѣстникѣ Европы», а съ 1831 г.—въ «Телескопѣ» и «Молвѣ». Споръ велся не только о томъ, какое направленіе—романтическое или классическое—имѣетъ право на существованіе, но и о томъ, какова должна быть истинная поэзія. Завершился споръ признаніемъ права на существованіе за «новою поэзіею», отличительными признаками которой были признаны: 1) народность содержанія, 2) простота и естественность изображенія и полное отсутствіе какихъ бы то ни было условностей, стѣснительныхъ для свободы творчества правилъ (какъ то было у ложно-классиковъ), 3) стремленіе поэзіи «въ горнюю страну идеаловъ», т.-е. къ идеальному, возвышенному, къ выраженію высшихъ чувствъ, 4) высокая роль и призваніе поэта, какъ натуры избранной, воспринимающей и передающей другимъ всѣ высокіе порывы человѣческаго духа. Эти признаки «новой поэзіи» выводились нашими критиками какъ изъ различныхъ теорій нѣмецкихъ философовъ (Фихте и Шеллинга), такъ и изъ того матеріала, который давала поэзія Пушкина и другихъ поэтовъ той эпохи.

Бѣлинскій. Истиннымъ родоначальникомъ нашей критики, выведшимъ ее на прямую дорогу изъ дебрей смутныхъ исканій и неудачныхъ выводовъ, былъ В. Г. Бѣлинскій, выступившій впервые въ 1834 году со статьей: «Литературныя мечтанія». Какъ человѣкъ, Бѣлинскій отличался весьма многими привлекательными чертами, отразившимися и въ его статьяхъ. Прежде всего это былъ страстный искатель истины, шедшій къ ней прямыми путями, не останавливавшійся предъ отреченіемъ отъ своихъ взглядовъ, если убѣждался въ ихъ ошибочности (такъ, напр., сначала онъ отнесся отрицательно къ комедіи: «Горе отъ ума», а впослѣдствіи кореннымъ образомъ измѣнилъ свое мнѣніе); мышленіе его отличалось строгой послѣдовательностью, чувство—глубиною и искренностью. Сверхъ того, онъ обладалъ весьма тонкимъ художественнымъ чутьемъ, въ силу котораго онъ всегда умѣлъ находить прекрасное въ искусствѣ и въ природѣ. Принадлежа по своимъ убѣжденіямъ къ западникамъ, Бѣлинскій всегда проявлялъ особую чуткость ко всему, что шло въ разрѣзъ съ интересами общественности или, наоборотъ, развивало ихъ; такъ, онъ восторженно встрѣчалъ художественныя произведенія Гоголя, видя въ нихъ важный моментъ въ развитіи русскаго общественнаго самосознанія; но не менѣе горячимъ словомъ осужденія откликнулся онъ и на «Выбранныя мѣста изъ переписки» того же Гоголя, когда почувствовалъ въ нихъ «проповѣдь невѣжества и татарскихъ нравовъ». Бѣлинскому принадлежитъ нѣсколько важныхъ общихъ обзоровъ историческаго хода развитія нашей литературы; эти обзоры были одной изъ первыхъ попытокъ создать исторію русской литературы, — и въ этомъ ихъ главнѣйшая важность.

Обозрѣвъ русскую литературу до Пушкина, Бѣлинскій пришелъ къ выводу, что до Пушкина у насъ литературы, собственно говоря, не было, а были лишь отдѣльные, иногда талантливые писатели, которые болѣе или менѣе удачно подражали иностраннымъ образцамъ. Литературы же не было, ибо не было общества, ибо не было просвѣщенія, которое могло бы отразить собою народный духъ и дать жизненное содержаніе и литературѣ. Въ рядѣ статей Бѣлинскій выясняетъ затѣмъ значеніе Пушкина, котораго цѣнитъ не только, какъ талантливаго художника, но и вслѣдствіе живой связи его поэзіи съ русскимъ обществомъ. Не менѣе сердечно отнесся Бѣлинскій и къ лучшимъ произведеніямъ Гоголя, въ которомъ видѣлъ преемника Пушкина въ качествѣ родоначальника новаго литературнаго направленія. Всякое мало-мальски значительное литературное произведеніе всегда находило свою оцѣнку и истолкованіе въ статьяхъ Бѣ-

линскаго, получившихъ руководящее значеніе въ средѣ нашихъ писателей его времени. Отъ 1834 до 1841 года Бѣлинскій еще отчасти примыкалъ къ взглядамъ старой эстетической школы, обнаруживая, конечно, неизмѣримо болѣе глубокое пониманіе художественности и оцѣнивая произведенія не только со сто-

В. Г. Бѣлинскій.

роны слога, но и со стороны содержанія и идеи. Около 1841 г. въ воззрѣніяхъ Бѣлинскаго произошелъ нѣкоторый поворотъ, и въ оцѣнку художественныхъ произведеній онъ ввелъ требованіе отклика на современныя жизненныя явленія. Полнота истолкованія такихъ явленій вызывала мысль о необходимости ихъ историческаго объясненія и созданія исторической критики и

исторіи литературы. Бѣлинскій уже стоялъ на этомъ пути, когда смерть прервала его дѣятельность. Заслуги его въ исторіи нашей литературы и критики могутъ быть выражены въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) онъ первый опредѣлилъ точно значеніе поэзіи, указавъ сначала, что она должна воспроизводить «идею всеобщей жизни природы, единой и вѣчной, проявляющейся въ безконечномъ разнообразіи явленій физическаго и нравственнаго міра», а затѣмъ дополнивъ это опредѣленіе указаніемъ на то, что поэзія должна отражать явленія жизни общества путемъ созданія живыхъ типическихъ образовъ; 2) онъ первый выяснилъ связь и преемственность явленій нашей литературы и опредѣлилъ, что литература не есть только плодъ творчества отдѣльныхъ личностей, но что она въ то же время есть и плодъ развитія общества, ибо она является орудіемъ борьбы за счастье и свободу человѣчества; 3) онъ первый выяснилъ всю важность значенія реалистической школы,—школы Гоголя и Пушкина, и высказалъ, что единственный, правильный путь литературнаго развитія принадлежитъ именно этой школѣ и состоитъ въ томъ, чтобы литература «давала отвѣты на запросы времени, или, по крайней мѣрѣ, исполнена была скорбью этихъ тяжелыхъ неразрѣшимыхъ вопросовъ»; 5) наконецъ Бѣлинскій первый же поднялъ значеніе критики, какъ истолковательницы литературы и руководительницы общественнаго мнѣнія, и указалъ ей путь историко-публицистическій.

Пятидесятые годы не подвинули впередъ развитіе критики: это было безцвѣтное время, когда почти всѣ журналы потеряли свои характерныя особенности, да и литература оскудѣла. Вмѣсто критики и публицистики журналы стали заполняться научными статьями и мелкими изслѣдованіями и замѣтками библіографическаго характера. Зато всеобщее оживленіе 60-хъ годовъ коснулось и критики, главнѣйшими представителями которой въ эту эпоху были: Чернышевскій, Добролюбовъ, Ап. Григорьевъ и Писаревъ.

Чернышевскій. Критическая дѣятельность Н. Г. Чернышевскаго была недолга и, главнымъ образомъ, сводится къ взглядамъ, высказаннымъ имъ въ книгѣ: «Объ эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности». Однако его взгляды имѣли большое вліяніе на современниковъ и отразили общій взглядъ того времени. Разсматривая различныя опредѣленія прекраснаго, Чернышевскій дѣлаетъ выводъ: «Прекрасное есть жизнь; прекрасно то существо, въ которомъ видимъ мы жизнь такую, какова должна быть она по нашимъ понятіямъ; прекрасенъ тотъ предметъ, который высказываетъ въ себѣ жизнь или напоми-

наетъ о жизни». Исходя изъ такого опредѣленія понятія «прекрасное», Чернышевскій считалъ ближайшею цѣлью искусства, въ томъ числѣ и поэзіи, воспроизведеніе дѣйствительности и напоминаніе о жизни; при этомъ онъ вовсе не суживаетъ рамокъ искусства однимъ только эстетически-прекраснымъ, а считаетъ необходимымъ сдѣлать всю жизнь, всѣ ея проявленія достояніемъ искусства. По поводу этого опредѣленія задачъ искусства можно замѣтить, что Чернышевскимъ эти задачи значительно суживаются. Такъ, во-первыхъ, оставляется въ сторонѣ вопросъ о творческой фантазіи, Чернышевскій этотъ вопросъ просто обходитъ, говоря, что «предметъ его изслѣдованій — искусство, какъ объективное произведеніе, а не субъективная дѣятельность поэта, потому что было бы неумѣстно вдаваться въ исчисленіе различныхъ отношеній поэта къ матеріаламъ его произведеній». Но дѣло въ томъ, что творческая фантазія не всегда можетъ почерпать матеріалъ изъ дѣйствительной жизни (напр., многіе поэтическіе образы народной поэзіи); съ другой стороны, поэзія есть переработка, пересозданіе дѣйствительности, которое иногда не напоминаетъ только, а еще и возбуждаетъ новыя чувства. Во-вторыхъ, говоря объ искусствѣ, въ частности о поэзіи, нельзя забывать и о читателѣ и объ условіяхъ пониманія поэтическихъ произведеній: вѣдь не всякое произведеніе искусства въ равной степени для всѣхъ понятно, ибо степень пониманія зависитъ отъ большей или меньшей степени умственнаго развитія читателя и его жизненнаго опыта, отъ степени впечатлительности читателя, отъ соразмѣрности частей, цѣльности содержанія и вообще художественности самого произведенія, наконецъ, отъ вѣрности изображенія жизни и глубины чувства самого поэта. Съ такой точки воспроизведенія жизни или напоминанія о ней, при принятомъ Чернышевскимъ опредѣленіи искусства, роль критики сводится исключительно къ опредѣленію, насколько вѣрно поэтомъ изображена дѣйствительная жизнь, и, если изображена вѣрно, то—къ истолкованію самой дѣйствительности, что уже превращаетъ критику въ публицистику. По сравненію съ Бѣлинскимъ, это уже дальнѣйшій шагъ и притомъ въ сторону суженія задачъ критики и расширенія ея публицистическихъ стремленій.

Добролюбовъ.

Если Чернышевскій свелъ критику только къ объясненію жизни, къ произнесенію сужденія о ней, то Н. А. Добролюбовъ сталъ ближе къ Бѣлинскому, признавъ, что искусство должно воспроизводить то, что поразило воображеніе художника. Предвзятыя произведенія не имѣютъ никакого художественнаго значенія, ибо въ нихъ нѣтъ самаго

цѣннаго качества—*жизненной правды*. Конечно, отъ большей или меньшей степени талантливости и воспріимчивости поэта зависитъ и степень жизненности его произведеній. Вообще же цѣнными Добролюбовъ считалъ только такія произведенія, которыя пробуждали въ обществѣ сознаніе ненормальности жизни, вызывали общество на борьбу съ невѣжествомъ и порокомъ и вели его къ созданію реальнаго блага отдѣльной личности, къ формулѣ: «человѣкъ и его счастье», къ которой, по словамъ Добролюбова, самъ онъ свелъ «всѣ свои сомнѣнія и умствованія». Критика Добролюбова, по необходимости, носитъ въ широкой степени общественный или публицистическій характеръ: литературныя произведенія онъ оцѣниваетъ въ связи съ тѣми фактами общественной жизни, которые въ нихъ отражаются; такую критику самъ Добролюбовъ называетъ «реальною». Изъ критическихъ статей Добролюбова наиболѣе замѣчательны тѣ, въ которыхъ онъ подвергаетъ разбору произведенія Гончарова («Что такое Обломовщина?») и Островскаго («Темное царство»), при чемъ не ограничивается только изслѣдованіемъ художественныхъ достоинствъ или недостатковъ литературныхъ явленій, а вникаетъ въ самую сущность тѣхъ общественныхъ отношеній, которыя выразились въ типахъ Гончарова или Островскаго.

Ап. Григорьевъ. Ап. Григорьевъ, критикъ славянофильскаго лагеря, опредѣлилъ сущность искусства, какъ выраженіе народнаго духа въ типическихъ образахъ: на основѣ характерныхъ чертъ опредѣленной народности создаются художественныя произведенія, воспроизводящія эти характерныя черты. Задачею критики служитъ истолкованіе художественныхъ произведеній въ связи съ почвою, на которой они выросли, и въ связи съ выясненіемъ тѣхъ жизненныхъ явленій, которыя въ нихъ отразились. Такую критику Ап. Григорьевъ, въ отличіе отъ исторической, эстетической или публицистической, назвалъ органической. Образцы ея онъ представилъ самъ, напр., въ разборѣ произведеній Тургенева, Островскаго, Гончарова: грязь, пошлость и пороки жизни его возмущаютъ, и онъ ищетъ свѣтлыхъ, хорошихъ проявленій души человѣка; найдя ихъ, напр., у Любима Торцова или Обломова, Григорьевъ ихъ особенно оттѣняетъ, желая подчеркнуть въ нихъ то, что считалъ истиннымъ выраженіемъ народной души, — смиренной, кроткой, полной любви и гуманнаго чувства, въ противоположность типамъ «хищнымъ», которые, по его мнѣнію, были отступленіемъ отъ коренныхъ свойствъ народнаго духа.

Писаревъ.

Д. И. Писаревъ, отводя въ жизни первое мѣсто разуму и наукѣ, выступилъ съ рѣзкимъ осужденіемъ искусства, какъ чего-то такого, что не приноситъ существенной пользы и настолько ничтожно, что доступно всякому. Высказавшись такъ въ началѣ своей дѣятельности, онъ впослѣдствіи склоненъ былъ признавать въ искусствѣ нѣчто въ родѣ развлеченія въ часы досуга, невиннаго средства, «заставляющаго насъ задумываться и помогающаго намъ мыслить». О какомъ-либо общественномъ значеніи искусства при такихъ условіяхъ и рѣчи быть не могло: по взгляду Писарева, пользу

Д. И. Писаревъ.

обществу могли принести точныя знанія, наука, а не искусство. Поэтому задачею своей критики, которую Писаревъ называлъ «реальною», онъ ставилъ—«радикально истребить эстетику» (радикально, т.-е. въ корнѣ), т.-е. доказать всю тщету художественнаго творчества. Въ качествѣ образца его пріемовъ, можно указать на статью его: «Пушкинъ и Бѣлинскій», гдѣ подвергнутъ суровому и во многихъ отношеніяхъ несправедливому разбору романъ «Евгеній Онѣгинъ».

Взглядъ Писарева, очевидно, былъ крайностью и, какъ таковая, долго не удержался, уступивъ мѣсто представленіямъ объ общественномъ значеніи искусства и о задачахъ критики, какъ

оцѣнки литературныхъ произведеній со стороны художественной, общественной и психологической. Позднѣйшая (послѣ эпохи 60-хъ годовъ) критика именно на этотъ путь вступила, связавъ себя преемственною связью съ эпохой Бѣлинскаго и Добролюбова. Изъ числа выдающихся критиковъ конца XIX вѣка наиболѣе замѣчательны:

Критики конца XIX вѣка.

Н. К. Михайловскій, публицистъ громадныхъ знаній и большого философскаго ума, давшій образцы критико-публицистическихъ статей, гдѣ литературныя явленія истолковывались въ тѣснѣйшей связи съ общественными.

Д. Н. Овсянико-Куликовскій, талантливѣйшій изъ современныхъ критиковъ, давшій рядъ блестящихъ разборовъ произведеній многихъ русскихъ писателей второй половины XIX вѣка и соединившій глубокій психологическій анализъ съ серьезной оцѣнкой общественнаго значенія каждаго литературнаго произведенія; сочиненія его въ настоящее время выходятъ полнымъ собраніемъ; наиболѣе замѣчательны статьи, посвященныя Тургеневу, Чехову, Герцену, Л. Толстому, Гоголю, а также — рядъ статей въ «Вѣстникѣ Воспитанія»—по новѣйшей русской литературѣ.

Евг. А. Соловьевъ (Андреевичъ), критикъ, въ которомъ, кажется, чувство преобладало надъ разсудкомъ, а склонность къ блестящей фразѣ—надъ основательностью и глубиною сужденія, способность же къ широкимъ обобщеніямъ—надъ детальностью разбора.

И. И. Ивановъ, авторъ «Исторіи русской критики» (4 части), «Новой культурной силы», труда о Тургеневѣ и другихъ статей, которыя отличаются не столько глубиною и серьезностью изслѣдованія, сколько эффектнымъ слогомъ, не свободнымъ, однако, отъ излишнихъ длинноть и не скрывающихъ поверхностности сужденій.

А. Л. Волынскій, авторъ цѣннаго труда; «Русскіе критики» (опытъ исторіи русской критики), а также ряда критическихъ статей («Борьба за идеализмъ», «Достоевскій», Леонардо-да-Винчи» и друг.), отличающихся не только глубиною, но и своеобразностью мышленія.

А. М. Скабичевскій, авторъ «Исторіи новѣйшей русской литературы», «Исторіи русской цензуры» и цѣлаго ряда критическихъ статей по поводу важнѣйшихъ произведеній русской литературы конца XIX в. (Толстого, Некрасова, А. Толстого, Гаршина и друг.); часть этихъ статей издана отдѣльнымъ собраніемъ въ 2 томахъ.

XVIII.

Исторія русской журналистики.

Начало русской журналистики.

При несложности жизненныхъ интересовъ въ Московской Руси до конца XVII вѣка въ ней не было журналистики, т.-е. того средства, помощью котораго высказывается общественное мнѣніе. Существовали, правда, такъ называемые *куранты* или рукописныя выписки изъ донесеній пословъ, купцовъ и другихъ русскихъ путешественниковъ по Западной Европѣ, а также переводы статей иностранныхъ журналовъ; но куранты эти, составлявшіеся въ Посольскомъ приказѣ, предназначались только для чтенія царя и немногихъ приближенныхъ бояръ; писались они въ нѣсколькихъ экземплярахъ и въ массѣ общества почти не были извѣстны.

Императоръ Петръ Великій, заботясь о развитіи всѣхъ сторонъ жизни своего государства, обратилъ вниманіе и на журналы: въ нихъ онъ видѣлъ хорошее средство для сближенія русскихъ съ Западной Европой и, съ другой стороны, для ознакомленія населенія съ жизнью даже отдаленныхъ уголковъ обширнаго отечества. Съ этою цѣлью онъ приказалъ издавать «Вѣдомости», первый номеръ которыхъ вышелъ 2 января 1703 года; изданіе продолжалось до 1728 года, попеременно въ Москвѣ и Петербургѣ. «Вѣдомости» эти въ нѣкоторыхъ номерахъ (1703 года) названы «Московскими», а въ 1725 г.—«Россійскими». Содержаніе ихъ состояло въ сообщеніи разныхъ фактическихъ свѣдѣній (напр., о ходѣ войнъ и о сраженіяхъ, о нахожденіи нефти и руды, о числѣ родившихся и умершихъ, о внѣшней политикѣ, о рѣдкостяхъ разнаго рода, уродахъ и т. п.). Свѣдѣнія эти могли удовлетворять любознательности русской публики, хотя, конечно, въ такомъ видѣ «Вѣдомости» были еще весьма далеки отъ руководительства общественнымъ мнѣніемъ: въ нихъ не было еще такихъ статей, гдѣ обсуждались и оцѣнивались бы жизненныя явленія, статей, по указаніямъ которыхъ читатель могъ бы составить собственное мнѣніе о различныхъ явленіяхъ общественной жизни. По характеру своему, «Вѣдомости» скорѣе походили на наши газеты, чѣмъ на журналы. Выходили «Вѣдомости» не въ опредѣленные сроки, а по мѣрѣ накопленія матеріала.

Изданіе Академіи.

Съ 1728 г. Академія Наукъ стала издавать свою газету подъ названіемъ: «С.-Петербургскія Вѣдомости». Выходили онѣ дважды въ недѣлю, при чемъ встрѣтили

живѣйшее сочувствіе со стороны публики, выразившееся какъ въ распространеніи журнала, такъ и въ предложеніяхъ сотрудничества. «Спб. Вѣдомости» интересны тѣмъ, что при отдѣльныхъ статьяхъ въ нихъ были примѣчанія историческія, генеалогическія, географическія и другія: при малой еще тогда распространенности у насъ научныхъ свѣдѣній эти примѣчанія служили довольно удобнымъ путемъ сообщенія публикѣ полезныхъ знаній (объ обработкѣ азбеста, о безвредности кометъ и т. д.). Свѣдѣнія, помѣщавшіяся въ «Спб. Вѣдомостяхъ», главнымъ образомъ, касались Западной Европы; русской жизни вниманія удѣлялось мало. Въ этомъ же журналѣ впервые былъ поднятъ вопросъ о правѣ частныхъ лицъ обсуждать въ печати политическія событія и научныя сочиненія: вопросъ рѣшался скорѣе въ отрицательномъ смыслѣ, ибо право это ограничивалось не только необходимыми требованіями осторожности и освѣдомленности, но и указаніями на то, что журналистъ не долженъ быть высокаго о себѣ мнѣнія и что онъ долженъ всегда помнить, что его дѣло «само по себѣ уже непріятно для самолюбія тѣхъ, кого онъ затрогиваетъ».

Въ 1755 г. появляется новое изданіе Академіи Наукъ, уже съ характеромъ журнала: «Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія». Здѣсь помѣщались научныя статьи и поэтическія произведенія, при чемъ въ послѣднихъ впервые появилось и выраженіе общественнаго мнѣнія въ видѣ сатиръ, аллегорическихъ (иносказательныхъ) разсказовъ и т. п., правда, касавшихся не столько отдѣльныхъ жизненныхъ явленій, сколько общихъ нравственныхъ качествъ.

Журналы 2-й половины XVIII в.

Къ 1759 году относится первый частный журналъ: «Трудолюбивая Пчела» Сумарокова, за которымъ послѣдовали сатирическіе журналы-листки: «Полезное Увеселеніе», «Свободные Часы», «Невинное Упражненіе», «Доброе Намѣреніе». Въ царствованіе имп. Екатерины II появилось большое количество сатирическихъ журналовъ, которымъ сочувствовала и сама императрица, принимавшая между прочимъ, участіе въ изданіи «Всякой Всячины». Наиболѣе значительными изъ другихъ журналовъ второй половины XVIII вѣка были: «Адская Почта» Эмина; «Парнасскій Щепетильникъ» и «Пустомеля» Чулкова; «Трутень», «Живописецъ», «Кошелекъ», «Утренній Свѣтъ», «Вечерняя Заря» и другіе журналы Новикова; «Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова» кн. Дашковой; «Московскій Журналъ» Карамзина; «Почта Духовъ», «Зритель», «С.-Петербургскій Меркурій» Крылова. Нѣкоторые изъ журналовъ этой эпохи давали научныя свѣдѣнія или были посвящены какимъ-

либо спеціальнымъ цѣлямъ («Труды Вольно-Экономическаго Общества», «Музыкальныя Увеселенія», «Россійскій Театръ», «Спб. Врачебныя Вѣдомости», «Модное Ежемѣсячное Изданіе», «Дѣтское Чтеніе»); большинство же журналовъ носило беллетристическій характеръ: повѣсти, разсказы, аллегорическія сказки, стихотворенія и т. п. Надо отмѣтить, что журналы второй группы заключали въ себѣ часто и сатирическія статьи, весьма важныя потому, что онѣ были большимъ шагомъ впередъ въ самосознаніи русскаго общества: наши писатели уже стали считать своимъ долгомъ обличеніе ненормальныхъ жизненныхъ явленій, а такихъ явленій было много: лихоимство судей, праздная жизнь помѣщиковъ, разореніе крестьянъ, погоня дамъ и дѣвицъ за модою, слѣпое преклоненіе предъ всѣмъ французскимъ.

Журналы второй половины XVIII вѣка расходились въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ и едва покрывали расходы по изданію: это объяснялось и непривычкою нашей публики къ чтенію, и тѣмъ, что, хотя время Екатерины II, особенно въ первую половину ея царствованія, было довольно благопріятно для свободы печати, однако журналисты все же не все могли говорить то, что хотѣли, и иногда получали извѣстныя предостереженія отъ руководимаго императрицею журнала: «Всякая Всячина», который указывалъ на «свободоязычіе» и «дерзновеніе» того или иного писателя. Особенно суровымъ въ этомъ отношеніи было время имп. Павла I, когда, въ виду французской революціи, даже запрещенъ былъ ввозъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ онѣ ни были: замолкла тогда и журналистика наша, за весьма немногими исключеніями.

Журналистика въ началѣ XIX вѣка.

Начало XIX вѣка, со времени вступленія на престолъ имп. Александра I, даетъ также цѣлый рядъ новыхъ журналовъ: «Вѣстникъ Европы», издававшійся сначала Карамзинымъ, «Другъ Просвѣщенія», «Сѣверный Вѣстникъ», «Московскій Зритель», «Аглая», «Журналъ для сердца и ума», «Мнемозина», «Дамскій Журналъ», «Благонамѣренный», «Сынъ Отечества» и друг. Общею чертою для всѣхъ этихъ журналовъ было, во-первыхъ, то, что они отличались извѣстною планомѣрностью и въ выборѣ и въ расположеніи матеріала, который подбирался сообразно цѣлямъ журнала; съ другой стороны, эти журналы отражали и извѣстные взгляды, существовавшіе въ обществѣ. Правда, взгляды эти касались преимущественно литературы, такъ какъ право обсужденія вопросовъ общественно-политической жизни почти не существовало для журналовъ, но литература служила выраженіемъ

и болѣе широкихъ взглядовъ: сторонниками новыхъ литературныхъ теченій были по большей части тогдашніе прогрессисты, сторонниками старыхъ—консерваторы; не даромъ вѣдь Шишковъ усматривалъ въ новомъ (Карамзинскомъ) слогѣ пагубное вліяніе французской революціи. Наконецъ журналы начала XIX вѣка стали отличаться и разнообразіемъ содержанія: помимо беллетристики въ духѣ романтизма или сентиментализма, въ нихъ стали попадаться и статьи педагогическаго содержанія («Патріотъ», «Другъ Дѣтей»), спеціально-научнаго («Вѣстникъ Европы»), мистико-философскаго («Сіонскій Вѣстникъ»), и, наконецъ, около 20-хъ годовъ стала развиваться и литературная критика («Вѣстникъ Европы», «Мнемозина», «Дамскій Журналъ», «Московскій Вѣстникъ», «Московскій Телеграфъ»). Въ спорѣ романтиковъ съ классиками видная роль, кромѣ послѣднихъ названныхъ журналовъ, принадлежала также «Телескопу» и «Молвѣ», издававшейся Надеждинымъ съ 1831 года.

30, 40 и 50-е годы.

Въ 30—50 годахъ количество журналовъ вообще уменьшается, но зато опредѣленнѣе становятся общественно-политическія воззрѣнія ихъ сотрудниковъ. Такъ, «Московскій Телеграфъ», отстаивавшій романтизмъ и сочувственно относившійся къ проникновенію новыхъ, прогрессивныхъ идей, былъ закрытъ въ 1834 году. Та же участь постигла и «Телескопъ» въ 1836 г. На смѣну имъ явился основанный въ 1836 году при участіи Пушкина «Современникъ»; однако и этому журналу пришлось быть весьма сдержаннымъ въ виду цензурныхъ требованій, которыя въ эту эпоху были весьма суровыми. Зато въ сравнительно болѣе выгодномъ положеніи были журналы, примыкавшіе къ теоріи официальной народности: «Библіотека для чтенія», «Сѣверная Пчела». «Библіотека для чтенія» представляла собою какъ бы энциклопедическій журналъ, въ значительной степени отражавшій характеръ своего издателя—Сенковскаго: множество статей научнаго содержанія, переводы иностранной беллетристики, библіографическія обозрѣнія русской и иностранной литературы, отдѣлы критики и «литературной лѣтописи», и въ то же время почти полное отсутствіе опредѣленныхъ руководящихъ взглядовъ и игнорированіе читателя, какъ общественной силы. Для времени обезличенія журналистики «Библіотека для чтенія»—весьма знаменательное явленіе, порожденное духомъ эпохи. «Сѣверная Пчела», издававшаяся Булгаринымъ, открыто касалась политическихъ вопросовъ, и только она одна могла заниматься этимъ, ибо бранила все западное, находя, что Россіи у Запада учиться нечему, и вмѣстѣ съ тѣмъ изо всѣхъ силъ старалась поддержать «теорію официальной народности»,

которая въ эту эпоху была господствующей. Отчасти къ ней въ этомъ отношеніи примыкалъ «Москвитянинъ», издававшійся Погодинымъ и Шевыревымъ; только редакторы «Москвитянина» не прибѣгали для поддержки своего изданія къ тѣмъ мѣрамъ низкой угодливости, искательства и доносовъ, которыми опозорилъ себя издатель «Сѣверной Пчелы» —Булгаринъ.

Изъ журналовъ западническаго направленія этой эпохи на первомъ мѣстѣ стоятъ «Отечественныя Записки», издававшіяся А. А. Краевскимъ (съ 1839 г.); изъ числа сотрудниковъ ихъ особенно выдавался В. Г. Бѣлинскій. Далѣе къ этому же направленію примкнули: съ 1841 г.— «Русскій Вѣстникъ», а съ 1847 г.—«Современникъ», перешедшій къ Некрасову.

60-е и 70-е годы.

Съ 1856 года, послѣ Крымской кампаніи, когда общія условія стали болѣе благопріятными для обсужденія разнообразныхъ вопросовъ не только литературнаго, но и общественно-бытового свойства, оживляется журнальная дѣятельность, при чемъ это оживленіе отличаетъ весь періодъ 60-хъ годовъ. Выдвигаются журналы: «Современникъ», гдѣ сотрудничали Некрасовъ, Чернышевскій, Добролюбовъ; «Русское Слово», гдѣ печатался Писаревъ; «Русскій Вѣстникъ», издатель котораго М. Н. Катковъ тогда еще примыкалъ къ лагерю прогрессистовъ. Славянофилы имѣли свои журналы — «Русскую Бесѣду» и «Парусъ» (выходившій, впрочемъ, очень недолго).

Облегченіе цензурныхъ условій сдѣлало возможнымъ появленіе въ журналахъ публицистики и критики, при чемъ обѣ эти области развивались Чернышевскимъ, Добролюбовымъ и Писаревымъ и рядомъ другихъ, менѣе замѣтныхъ критиковъ: переустройство русской жизни и эпоха реформъ требовали своего освѣщенія и объясненія, и журналистика считала своимъ долгомъ прійти на помощь обществу въ этомъ отношеніи. Увеличившееся количество сатирическихъ журналовъ обнаруживало недостатки русской жизни и обличало ихъ, подвергая жестокому осмѣянію. Изъ числа сатирическихъ журналовъ на первомъ мѣстѣ стояла «Искра», издававшаяся съ 1859 г. Курочкинымъ и Степановымъ. Этотъ журналъ сразу завоевалъ себѣ положеніе благодаря тому общенію, которое установилось между редакторомъ Курочкинымъ и читателями: при слабомъ развитіи провинціальной прессы Курочкинъ получалъ непосредственно отъ мѣстныхъ читателей свѣдѣнія о различныхъ явленіяхъ мѣстной жизни; свѣдѣнія эти попадали въ столичный журналъ, расходившійся по всей Россіи и быстро разносившій печальную славу героевъ темныхъ дѣяній. Не мудрено, что «многіе и многіе боялись «Искры», но многіе и многіе возлагали на нее надежды»,

какъ пишетъ одинъ изъ современниковъ. Кромѣ «Искры», были и другіе сатирическіе журналы: «Арлекинъ», «Весельчакъ», «Гудокъ», «Развлеченіе», «Зритель», «Заноза», «Оса» и другіе.

Въ 1866 г. «Русское Слово» и «Современникъ» были запрещены, а мѣсто ихъ заняли: «Дѣло» и «Отечественныя Записки». Въ томъ же 1866 году возникаетъ «Вѣстникъ Европы» М. М. Стасюлевича, журналъ умѣренно-либеральный, существующій и донынѣ (въ послѣдніе годы подъ редакціей М. М. Ковалевскаго). Въ 70-хъ годахъ видная роль принадлежала «Отечественнымъ Запискамъ», въ которыхъ главное участіе принимали: Салтыковъ, Елисѣевъ и Михайловскій. Затѣмъ возникаетъ рядъ толстыхъ журналовъ, выходящихъ ежемѣсячно, нѣкоторые изъ которыхъ существуютъ и донынѣ: «Русское Богатство» (1876 г.), «Слово» (1878 г.), «Русская Мысль» (1880 г.), «Наблюдатель» (1882 г.), «Сѣверный Вѣстникъ» (1885 г.). Большинство этихъ журналовъ принадлежитъ къ прогрессивному лагерю: «Вѣстникъ Европы», «Русская Мысль», «Русское Богатство» и возникшіе позже: «Міръ Божій»—нынѣ «Современный Міръ», «Образованіе», «Новое Слово» (прекр.), «Жизнь» (прекр.) и друг.; лишь немногіе—къ консервативному: «Русскій Вѣстникъ», перешедшій въ эту сторону въ эпоху 70-хъ годовъ и нынѣ прекратившійся, «Наблюдатель» (прекр.).

Конецъ XIX и начало XX стол.

Въ эпоху 80 и 90-хъ годовъ сатирическіе журналы понемногу стали терять свой общественный тонъ и выродились въ повтореніе однихъ и тѣхъ же заѣзженныхъ мотивовъ (осмѣяніе загулявшихъ купцовъ, тещъ и т. п.). Только эпоха подъема общественныхъ силъ 1905 и 1906 годовъ пробудила эти журналы къ жизни и увеличила число ихъ до громаднаго количества (въ большинствѣ случаевъ они были, впрочемъ, крайне недолговѣчны). Важно то, что въ эту эпоху появилась у насъ не только общественная, но и политическая карикатура, слѣды которой сохранились въ нѣкоторыхъ изданіяхъ и до настоящаго времени.

Провинціальная печать.

Провинціальная печать развивалась параллельно столичной лишь въ крайне слабой формѣ. Первымъ провинціальнымъ изданіемъ принято считать журналъ: «Уединенный Пошехонецъ», издававшійся въ 1786 году въ Ярославлѣ. До 60-хъ годовъ провинціальная публика довольствовалась столичными журналами и газетами, да мѣстными официальными («Губернскими» и «Епархіальными Вѣдомостями») и частными газетами. Въ эпоху 60-хъ и послѣдующихъ годовъ провинціальная печать оживляется, но и то скорѣе въ сторону появленія газетъ, чѣмъ журналовъ. Попытки къ

изданію провинціальныхъ литературно-публицистическихъ журналовъ обыкновенно оканчивались и оканчиваются неудачею не только вслѣдствіе невозможности соперничать со столичными изданіями, но, главнымъ образомъ, вслѣдствіе невозможности имѣть опытныхъ и свѣдущихъ сотрудниковъ даже тогда, когда журналъ имѣетъ своею цѣлью обслуживать преимущественно мѣстныя нужды; не мало тормозятъ распространеніе провинціальныхъ журналовъ и цензурныя условія. Существующіе въ провинціи журналы носятъ характеръ спеціальныхъ изданій и учреждаются университетами, духовными академіями, учеными обществами и учрежденіями (напр., архивными комиссіями, статистическими комитетами и т. п.). Кругъ читателей такихъ журналовъ, конечно, весьма ограниченъ.

XIX.

Исторія русской цензуры.

Цензура и ея возникновеніе.

Цензурой называется учрежденіе, на обязанности котораго лежитъ надзоръ за вновь появляющимися произведеніями печати; надзоръ этотъ имѣетъ цѣлью воспрепятствовать распространенію такихъ произведеній, которыя въ данный моментъ съ точки зрѣнія правительственной власти являются вредными или вообще нежелательными. Такъ какъ цензурѣ (въ той или иной формѣ) подчинены почти всѣ произведенія печати (за самыми незначительными исключеніями), то легко видѣть, какое значеніе имѣетъ она и въ исторіи русской литературы, и въ исторіи русской культуры: цензура является для правительства орудіемъ, помощью котораго можно вліять на общество въ опредѣленномъ направленіи, т.-е. запрещать или требовать исправленія такихъ сочиненій, которыя, по мнѣнію завѣдующихъ цензурою лицъ, нежелательны въ томъ или иномъ отношеніи. Въ исторіи нашей литературы можно отмѣтить и такія времена, когда цензура достигала особенной строгости, и такія, когда цензурныя условія были менѣе стѣснены: первыя сопровождались вообще сокращеніемъ литературной и общественной дѣятельности, вторыя — ея подъемомъ и оживленіемъ.

Впервые потребность въ цензурныхъ мѣрахъ появилась у правительства послѣ присоединенія Малороссіи (во второй половинѣ XVII вѣка): дотолѣ московская типографія, какъ учрежденіе правительственное, печатала книги лишь съ одобренія и указа-

нія правящей власти, а слѣдовательно, въ цензурѣ не нуждалась; въ присоединенной же Малороссіи были вольныя типографіи частныхъ лицъ и учрежденій. Послѣднее обстоятельство вызвало нѣсколько указовъ (1720, 1721 г.) императора Петра I, ограничивавшихъ свободу печатанія книгъ духовнаго содержанія; въ указѣ, напр., 1720 года дѣлается ссылка на нѣсколько случаевъ печатанія въ черниговской и кіевской типографіяхъ книгъ, въ которыхъ усмотрѣны слѣды отступленія отъ книгъ московской печати по отношенію къ вопросамъ вѣры и церковнаго управленія. Въ виду этого повелѣно книги духовнаго содержанія предварительно печатанія подвергать разсмотрѣнію въ духовныхъ коллегіяхъ.

Цензура во 2-й половинѣ XVIII в.

Въ половинѣ XVIII вѣка было издано еще нѣсколько цензурныхъ узаконеній, не имѣвшихъ, однако, характера одного общаго цензурнаго закона. Такъ какъ печать той поры вообще была въ рукахъ правительства, то особой надобности въ такомъ цензурномъ законѣ еще не ощущалось. Увеличивавшаяся дѣятельность ученыхъ академиковъ и писателей нашихъ, а также большое число заказовъ, съ которыми обращались къ казеннымъ типографіямъ частныя лица, занимавшіяся литературною дѣятельностью, вызвало новую правительственную мѣру: надзоръ за всѣми книгами духовнаго содержанія былъ возложенъ на Святѣйшій Синодъ, за всѣми же книгами свѣтскаго содержанія—на Академію Наукъ. Точныхъ узаконеній, однако, и при этомъ не было, такъ что иныя книги разрѣшались иногда единолично президентомъ Академіи, другія — академическою канцеляріей или академическою конференціей, иныя выходили даже безъ цензуры, подъ личною отвѣтственностью академиковъ. Не только не было точно указано, кто именно долженъ цензуровать книги, но даже не было точно опредѣлено, въ чемъ должно состоять самое цензурованіе: цензура не знала, входить ли ей только въ сужденіе о вредѣ книги съ точки зрѣнія религіи, морали и политической благонадежности, или же должно оцѣнивать и другіе недостатки новыхъ книгъ, т.-е. языкъ, художественность, даже правописаніе. Обязанности цензора часто смѣшивались съ обязанностями критика, что вызывало постоянныя недоразумѣнія и нареканія, число которыхъ было особенно велико еще и вслѣдствіе безпрерывныхъ распрей и взаимныхъ доносовъ академиковъ. Въ такомъ положеніи было дѣло до царствованія императрицы Екатерины II.

Къ 1763 году относится указъ, которымъ Екатерина II обратила вниманіе на то, что въ «Академіи Наукъ продаютъ такія книги, которыя противъ закона, добраго нрава, насъ самихъ и

россійской націи»; по этому указу, предписывалось Академіи имѣть наблюденіе за книгами, привозимыми изъ-за границы. Затѣмъ наступаютъ для литературы болѣе легкія времена: въ 1771 году разрѣшается учрежденіе вольной типографіи для печатанія иностранныхъ книгъ, въ 1776 году—учрежденіе такой же типографіи и для книгъ русскихъ; наконецъ, въ 1783 г. послѣдовалъ указъ о разрѣшеніи открывать гдѣ и кому угодно вольныя типографіи. Надзоръ за печатаніемъ возлагался на управу благочинія (полицейскія учрежденія), при чемъ послѣднимъ не было дано особой инструкціи (указаній), а лишь общее указаніе: наблюдать, чтобы въ печатаемыхъ книгахъ не заключалось ничего, противнаго вѣрѣ и гражданскимъ законамъ, а также клонящагося къ соблазну и порчѣ нравовъ. Члены управы благочинія, въ сущности, были мало свѣдущи въ вопросѣ о томъ, какія книги должно запрещать, и въ результатѣ бывали случаи, когда, по распоряженію правительства, конфисковались книги, уже напечатанныя съ разрѣшенія полицейской цензуры. Надзоръ вообще былъ организованъ настолько слабо, что нерѣдки были случаи выпуска книгъ помимо всякой цензуры. Масонское движеніе въ Россіи и волненія, вызванныя французскою революціею на Западѣ, обезпокоили императрицу Екатерину II, и въ концѣ ея царствованія начинаетъ вводиться рядъ ограничительныхъ мѣръ (такъ, въ 1787 г. запрещена была продажа всѣхъ книгъ духовнаго содержанія, напечатанныхъ не въ Синодальной типографіи). Указомъ 1796 года были закрыты вольныя типографіи и введены въ Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Одессѣ и при Радзивилловской таможнѣ цензуры (изъ одной духовной и двухъ свѣтскихъ особъ) для разсмотрѣнія привозимыхъ въ Россію иностранныхъ книгъ.

Эпоха Павла I.

Въ царствованіе императора Павла I цензурныя строгости еще болѣе усилились: въ 1797 году повелѣно было представлять въ Совѣтъ Его Величества книги, признаваемыя цензурами недозволенными или сомнительными; въ 1798 г. учреждены были цензуры въ портовыхъ городахъ; 18 апрѣля 1800 года былъ данъ указъ: «Такъ какъ черезъ вывозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ впредь до указа повелѣваемъ запретить выпускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ оныя ни были безъ изъятія, въ государство наше, равномѣрно и музыку». Внутренняя цензура въ это время доходила до крайности; такъ, напр., именнымъ указомъ 1797 г. были запрещены даже нѣкоторыя слова: вмѣсто *обозрѣніе* предписывалось употреблять *осмотрѣніе*, вмѣсто *врачъ*—

лькарь, вмѣсто *граждане—жители* или *обыватели*, вмѣсто *отечество—государство*, вмѣсто *стража—караулъ*, вмѣсто *отрядъ—команда* и т. д. При такихъ условіяхъ литература (и въ частности журналистика) могла только еле-еле прозябать.

Царствованіе Александра I.

Указъ 1800 года, однако, былъ уже въ слѣдующемъ 1801 году отмѣненъ императоромъ Александромъ I, а также вновь разрѣшено открытіе вольныхъ типографій. Въ 1802 году цензура была изъята изъ вѣдѣнія Управы Благочинія и передана гражданскимъ губернаторамъ, которые могли поручать ее директорамъ народныхъ училищъ; цензура книгъ, печатавшихся въ типографіяхъ университетовъ и другихъ учрежденій, возлагалась на эти учрежденія; цензура же книгъ духовнаго содержанія оставалась попрежнему за вѣдомствомъ Св. Синода. Въ 1804 году былъ изданъ первый цензурный уставъ. Предварительной цензурѣ, по новому уставу, были подчинены всѣ безъ исключенія книги, печатавшіяся въ имперіи. Оставляя духовную цензуру попрежнему въ вѣдѣніи Синода, новый уставъ передалъ цензуру книгъ свѣтскихъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, именно—въ учрежденные при университетахъ (изъ профессоровъ и доцентовъ) цензурные комитеты; послѣднимъ вмѣнялось въ обязанность, въ случаѣ обнаруженія въ представленныхъ на разсмотрѣніе сочиненіяхъ «нѣкоторыхъ мѣстъ, противныхъ Закону Божію, правленію, нравственности и личной чести какого-либо гражданина», возвращать сочиненія авторамъ или издателямъ для исправленія; если же сочиненіе было «исполнено» такихъ мѣстъ, его предписывалось конфисковать, а если въ немъ заключались мысли, противныя вѣрѣ или законамъ отечества, то цензурный комитетъ долженъ былъ «объявлять о томъ правительству для отысканія сочинителя и поступленія съ нимъ по законамъ». Впрочемъ, § 21 устава предписывалъ благоразумное снисхожденіе: въ сомнительныхъ случаяхъ неясныя мѣста сочиненій должно было истолковывать въ выгодную для автора сторону; интересенъ былъ и § 22, въ которомъ говорилось, что «скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, человѣчества, гражданскаго состоянія, законоположенія, управленія государственнаго, или какой бы то ни было отрасли правленія, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою тисненія, возвышающаго успѣхи просвѣщенія». Этотъ цензурный уставъ измѣнялся нѣсколько разъ въ царствованіе Александра I (въ 1810 г. цензура была передана въ вѣдѣніе Министерства Полиціи, а въ 1819 г. — въ Министерство Вну-

треннихъ дѣлъ; въ 1811 г. были запрещены вольныя типографіи).

Цензурный уставъ 1826 года.

Къ 1826 году относится новый и весьма суровый цензурный уставъ, выработанный А. С. Шишковымъ. По этому уставу, высшимъ учрежденіемъ по цензурѣ былъ верховный цензурный комитетъ, состоявшій изъ министровъ народнаго просвѣщенія, внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ. Регламентація цензурныхъ запрещеній была весьма подробная и даже мелочная; общій духъ цензуры необычайно суровъ.

Уставъ 1828 года.

Уставъ 1826 года просуществовалъ недолго, и въ 1828 году былъ замѣненъ новымъ, по которому высшее цензурное учрежденіе («Главное управленіе цензуры») было передано въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія и представляло коллегіальное учрежденіе, въ составѣ нѣсколькихъ высшихъ чиновъ какъ этого министерства, такъ и другихъ. Главному управленію цензуры были подчинены цензурные комитеты въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Ригѣ, Вильнѣ и Тифлисѣ. Предсѣдателями этихъ комитетовъ были мѣстные попечители учебныхъ округовъ. Помимо этихъ главныхъ цензурныхъ учрежденій, существовали еще и второстепенныя, ибо каждое вѣдомство могло производить цензуру съ точки зрѣнія своихъ соображеній и интересовъ (цензура духовная, военная, сенатская, Министерства Иностранныхъ дѣлъ, полицейская, III отдѣленія, врачебная и т. д.). Съ разными измѣненіями, этотъ уставъ просуществовалъ до царствованія императора Александра II, представляя въ 30—50 гг. то бо́льшія, то меньшія строгости. Особенно тяжелыми были годы 1848—1855, по справедливости названные г. Лемке «эпохой цензурнаго террора». Одинъ изъ современниковъ пишетъ: «Ужасъ овладѣлъ всѣми мыслящими и пишущими. Тайные доносы и шпіонство еще болѣе усложняли дѣло. Стали опасаться за каждый день свой, думая, что онъ можетъ оказаться послѣднимъ въ кругу родныхъ и друзей»... Сами цензоры потеряли голову и, будучи отвѣтственными за каждое данное разрѣшеніе, сдѣлались необычайно подозрительными и осторожными: одинъ цензоръ запретилъ печатаніе ариѳметическаго задачника, такъ какъ между цифрами какой-то задачи усмотрѣлъ рядъ точекъ, а въ этомъ рядѣ—злой умыселъ составителя задачника; другой—«не пропустилъ въ одной географической статьѣ мѣста, гдѣ говорится, что въ Сибири ѣздятъ на собакахъ; онъ мотивировалъ свое запрещеніе необходимостью, чтобы это извѣстіе предварительно получило подтвержденіе со стороны Министерства Вну-

треннихъ дѣлъ»; третій кромсалъ исторію Греціи и Рима, вычеркивая имена дѣятелей древней исторіи только за то, что они были республиканцами...

Эпоха Александра II.

Со вступленіемъ на престолъ императора Александра II было въ 1860 году преобразовано главное управленіе цензуры, а съ 1863 года она перешла въ вѣдомство Министерства Внутреннихъ дѣлъ. Въ 1865 г. появились временныя правила о цензурѣ и печати. Въ 1876, 1886 и 1890 гг. цензурный уставъ подвергался переработкамъ, сущность которыхъ, въ общихъ чертахъ, сводится къ слѣдующему. Во главѣ цензуры стояло главное управленіе по дѣламъ печати, которому подвѣдомственны цензурные комитеты по внутренней и иностранной цензурѣ, находившіеся въ нѣсколькихъ крупныхъ городахъ; въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не было цензурныхъ учрежденій, цензура находилась въ рукахъ другихъ чиновъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ. Множественность цензуры была смягчена: оставлены особыя цензуры вѣдомства Синода, Императорскаго Двора, медицинскаго совѣта и друг., но лишь для особыхъ родовъ печатныхъ произведеній. Цензура получила характеръ предварительной, при чемъ отъ нея въ нѣкоторыхъ случаяхъ могли быть свободны отдѣльныя періодическія изданія (внесшія опредѣленный залогъ или по усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ) и книги (оригинальныя — размѣрами свыше 10 печатныхъ листовъ, переводныя—свыше 20 листовъ); послѣднее, впрочемъ, не исключало возможности судебнаго или административнаго взысканія послѣ выхода въ свѣтъ періодическаго изданія или книги. Кромѣ того, были освобождены отъ предварительной цензуры изданія университетовъ и ученыхъ обществъ. Установлена, наконецъ, система предостереженій періодическимъ изданіямъ съ пріостановкой ихъ. Учрежденъ и надзоръ за типографіями, литографіями и библіотеками.

80-е и 90-е годы.

Эти законоположенія подвергались еще нѣкоторымъ незначительнымъ видоизмѣненіямъ (1882, 1884, 1897, 1901 гг. и друг.), устанавливавшимъ порядокъ выпуска въ свѣтъ изданій, но неизмѣнявшимъ общаго духа цензурнаго устава. Этотъ же общій духъ, — при предоставленномъ министру внутреннихъ дѣлъ правѣ запрещать періодическимъ изданіямъ касаться нѣкоторыхъ вопросовъ и при широкомъ пользованіи правомъ предупрежденія и пріостановки изданій, — оказывался довольно стѣснительнымъ для нашей литературы, особенно въ эпоху 90-хъ годовъ.

Указъ 1905 года и указъ 1906 года.

Новая эра въ исторіи цензуры началась Высочайшимъ указомъ Сенату отъ 24 ноября 1905 года,

коимъ отмѣнена предварительная цензура для всѣхъ безъ исключенія періодическихъ изданій, а 26 апрѣля 1906 года отмѣнена она и для книгъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ были отмѣнены и административныя взысканія, какъ предостереженія, запрещенія розничной продажи и т. д. Облегчена была возможность полученія разрѣшеній на право издавать журналы и газеты (явочный порядокъ). При выпускѣ изданій каждый номеръ одновременно съ выходомъ изъ типографіи долженъ представляться должностному лицу по дѣламъ печати, которому предоставляется право наложить арестъ на изданіе, при чемъ о томъ должно быть сообщено суду. Отъ окончательнаго приговора суда зависитъ отмѣна или утвержденіе постановленія объ арестѣ, а также и наложеніе разнаго рода взысканій за преступленія по дѣламъ печати (возбужденіе къ устройству стачекъ, запрещенныхъ сборищъ, распространеніе ложныхъ свѣдѣній о дѣятельности правительства и друг.). Съ уничтоженіемъ предварительной цензуры цензурные комитеты переименованы въ комитеты по дѣламъ печати, а цензоры—въ членовъ комитетовъ по дѣламъ печати или въ инспекторовъ по дѣламъ печати. Примѣненіе закона 24 ноября 1905 года было ограничено однако въ мѣстностяхъ, состоявшихъ на положеніи усиленной или чрезвычайной охраны. Нѣкоторые пункты этого закона, касающіеся выпуска въ свѣтъ періодическихъ изданій и взысканій за преступленія по дѣламъ печати, были измѣнены Высочайшимъ указомъ 18 марта 1906 года.

XX.

Исторія русскаго театра въ связи съ исторіей русскаго драматическаго творчества.

а) *Начало русскаго театра и его устройство.*

Начало русскаго театра.

Театръ появляется у насъ въ концѣ XVII вѣка, въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Обыкновенно, театръ у народовъ Западной Европы развивался изъ драматическихъ элементовъ народной поэзіи, при постепенномъ ихъ развитіи. Наша народная поэзія, въ частности пѣсни хороводныя и свадебныя, а отчасти и похоронныя, также заключаютъ въ себѣ драматическій элементъ, т.-е. извѣстныя дѣйствія, совершающіяся при пѣніи ихъ, при чемъ роли дѣйствующихъ лицъ строго распредѣлены (напр., въ свадебныхъ пѣсняхъ: сваты, дружко, поѣзжане, молодые, братъ невѣсты и т. д.). Однако исторію русскаго театра приходится начинать не

съ этихъ народныхъ элементовъ, потому что народная поэзія входитъ въ русскія драматическія произведенія позже и не въ значительной мѣрѣ. Другимъ элементомъ, который способствовалъ появленію театра на Западѣ, были нѣкоторые церковные обряды, которые, заключая въ себѣ драматическій элементъ богослуженія, постепенно переходили въ пьесы; но и этотъ элементъ, игравшій большую роль на Западѣ, у насъ не повліялъ на появленіе театра. Впрочемъ, такихъ обрядовъ у насъ было очень немного («шествіе на осляти» въ Вербную субботу и омовеніе ногъ въ Великій четвергъ).

Въ исторіи нашего театра въ XVII и XVIII вѣкахъ надо различать три момента: 1) появленіе придворнаго театра при Алексѣѣ Михайловичѣ, 2) школьную драму и 3) кукольный вертепъ.

Интересъ къ театру у царя Алексѣя Михайловича явился, очевидно, подъ вліяніемъ сообщеній пословъ о сценическихъ представленіяхъ въ Западной Европѣ; можетъ-быть, развитію этого интереса способствовала и придворная партія бояръ, тяготѣвшихъ къ Западу. Въ 1672 году, по повелѣнію царя, былъ даже командированъ за границу полковникъ фанъ-Стаденъ для приглашенія актеровъ, «которые умѣли бы всякія комедіи строить». Однако приглашенные актеры отказались ѣхать въ Московію, прослышавъ о трудности пути и о жестокихъ нравахъ москвитянъ. Въ томъ же 1672 г. «царь приказалъ иноземцу магистру Ягану Готфриду учинити комедію, а на комедіи дѣйствовать изъ Библіи книгу Эсѳирь и для того дѣйства устроить хоромину вновь». Яганъ Готфридъ былъ пасторъ Іоганнъ Готфридъ Грегори, давно жившій въ Москвѣ и знакомый съ театральнымъ дѣломъ. Была собрана и обучена труппа, составленная изъ дѣтей служилыхъ людей и торговыхъ иноземцевъ и обученная русскимъ учителемъ русскому языку и, подъ руководствомъ Грегори, театральному дѣлу. Есть предположеніе, что въ труппу могли войти существовавшіе у насъ скоморохи, какъ лица, знакомыя съ театральными представленіями. Первая пьеса—«Артаксерксово дѣйство»—была представлена въ 1674 году въ присутствіи царя и бояръ. Затѣмъ Грегори поставилъ еще нѣсколько пьесъ. Въ слѣдующемъ 1675 г. Грегори умеръ, а когда вскорѣ умеръ и царь Алексѣй Михайловичъ, то «комидійная хоромина» (т.-е. театръ) была закрыта. Однако этотъ первый опытъ театра важенъ въ томъ отношеніи, что онъ подготовилъ почву для будущаго и разсѣялъ убѣжденіе въ грѣховности театральныхъ зрѣлищъ, существовавшее тогда: между прочимъ царь Алексѣй Михайловичъ даже совѣтовался съ духовникомъ предварительно посѣщенія спектакля, и духовникъ объяснилъ ему, что и другіе

государи устраивали театральныя представленія у себя, а особенно византійскіе, и что, слѣдовательно, это дѣло не «душевредное».

Школьная драма. Насадителями школьной драмы въ Москвѣ явились питомцы Кіевской академіи: Симеонъ Полоцкій, Дмитрій Ростовскій, а нѣсколько позже—Ѳеофанъ Прокоповичъ. «Школьная драма» развилась первоначально на Западѣ еще въ XV вѣкѣ и имѣла учебную цѣль—изученіе и практику латинскаго языка. Для спектаклей ставили комедіи римскихъ драматурговъ Плавта и Теренція, устраивались публичные спектакли въ качествѣ какъ бы экзаменовъ, при чемъ въ спектакляхъ принимали участіе учителя и ученики. Постепенно спектакли изъ школы переносятся въ ратуши (городской домъ), а потомъ и на городскія площади; постепенно въ прологѣ (вводной части) и въ эпилогѣ (заключеніи) появляется народный языкъ, который затѣмъ входитъ и въ основныя части пьесы. Антракты заполняются вставочными номерами шуточнаго содержанія (интермедіями) для увеселенія публики. Въ XVI вѣкѣ школьная драма была необходимою принадлежностью какъ католическихъ, такъ и лютеранскихъ школъ; въ XVII и XVIII вѣкахъ значеніе ея уже падаетъ. Въ XVII вѣкѣ она появляется въ православныхъ школахъ юго-западной Руси, а въ послѣдніе годы XVII вѣка переходитъ и въ Русь Московскую. Въ наиболѣе типичномъ видѣ эта драма существовала у насъ въ началѣ XVIII вѣка въ школѣ Ростовской епархіи: митрополитъ Дмитрій Ростовскій ставитъ тамъ со своими учениками школьныя драмы (часто своего сочиненія), въ которыхъ соблюдается полное повиновеніе правиламъ схоластической піитики и риторики. Обыкновенно пьесы носятъ названіе комедій, дѣлятся на три части (прологъ, дѣйствіе и эпилогъ), при чемъ главная часть дѣлится на акты (дѣйствія), а акты—на сцены. Пьеса всегда имѣла цѣлью дать поученіе, нравственный урокъ жизни. Кромѣ дѣйствующихъ лицъ, въ пьесѣ участвовалъ и хоръ, поучавшій и наставлявшій зрителя. Среди дѣйствующихъ лицъ бывали аллегорическія фигуры, изображавшія государство, церковную іерархію, олицетворенія природы, души, добродѣтели, порока и другихъ отвлеченныхъ понятій. Надо отмѣтить еще, что въ школьную драму входили интермедіи (промежуточныя пьески шуточнаго характера), бравшія свое содержаніе изъ народной жизни и написанныя не книжнымъ, а разговорнымъ языкомъ.

Вертепъ. Еще болѣе народнаго элемента заключала въ себѣ вертепная драма. Вертепъ—это собственно театръ маріонетокъ (куколъ), позаимствованный изъ Западной

Европы Польшею, а отъ послѣдней—Малороссіей, гдѣ онъ сохранился и донынѣ и откуда распространился повсемѣстно въ Россіи. Обычно вертепъ представляетъ собою ящикъ, раздѣленный на два яруса, изъ которыхъ верхній предназначается для серьезнаго «дѣйства», а нижній—для шуточнаго (интермедіи). За заднею стѣною этого ящика (имѣющаго иногда видъ домика) дѣйствуетъ скрытый исполнитель представленія, который водитъ куклы и фигуры на проволокѣ по путямъ, прорѣзаннымъ на полу театра, и говоритъ за нихъ различными голосами, сообразно ролямъ дѣйствующихъ лицъ. Наиболѣе интересною и жизненною была нижняя сцена вертепа, гдѣ ставились разнаго рода бытовыя сцены (тогда какъ въ верхней—серьезныя пьесы, напр., изображеніе событій, связанныхъ съ тѣмъ или инымъ праздникомъ). Такъ, въ пьесахъ нижней сцены можно было встрѣтить: дьячка, торгующагося изъ-за звона по душѣ покойника; пьянаго мужа, возвращающагося домой въ воинственномъ настроеніи и желающаго избить жену; цыгана, очень нелюбимаго малороссомъ; запорожца, поляка, еврея, уніатскаго священника и т. д. Каждому дѣйствующему лицу приданы были именно тѣ черты, съ какими данный типъ встрѣчался въ жизни; вслѣдствіе этого вертепная драма составляетъ замѣчательное по своей художественности явленіе. Юморъ ея грубоватъ, положенія дѣйствующихъ лицъ—умышленно комическія, а шутки—иногда нескромныя, зато въ ней слышится такое яркое отраженіе жизни, что нельзя не признать вертепныхъ пьесъ нижней сцены именно тѣми произведеніями народной словесности, которыя болѣе другихъ какихъ-либо могли у насъ перейти въ книжную драму и театръ, подобно тому, какъ было, напр., въ Греціи. Къ сожалѣнію, естественнаго перехода народной драмы въ книжную у насъ не случилось, и наша книжная драма возникла совсѣмъ изъ другихъ источниковъ (западныхъ) въ XVIII вѣкѣ.

Постройка театра.

Возвращаясь къ вопросу о постоянномъ театрѣ, надо отмѣтить важный шагъ въ исторіи его, сдѣланный Петромъ Великимъ: по приказанію царя, въ 1702 году въ Москвѣ, на Красной площади, была выстроена «комедіальная хоромина», т.-е. театръ, доступный «всякаго чина людямъ—охотнымъ смотрильщикамъ». Иными словами, театръ пересталъ быть достояніемъ придворныхъ круговъ, а сдѣлался доступнымъ для всѣхъ сословій. Была приглашена нѣмецкая труппа, которой поручено обученіе театральному дѣлу приставленныхъ къ ней русскихъ людей. Пьесы по большей части были переводнаго происхожденія и самаго разнообразнаго содержанія: иногда это были школьныя драмы или мистеріи духовнаго содержанія, иногда пере-

водныя комедіи, напр., Мольера, переведенныя тяжелымъ и неуклюжимъ языкомъ, иногда пьесы, передѣланныя изъ историческихъ повѣстей («Актъ о царѣ Кирѣ и о царицѣ скиѳской Темирѣ»). Театръ этотъ просуществовалъ около 5 лѣтъ, а затѣмъ онъ былъ упраздненъ, а декораціи и всѣ костюмы были переданы въ домашній театръ царевны Татьяны Алексѣевны (въ Преображенскомъ). Кромѣ этого, въ Москвѣ былъ еще частный театръ при Госпиталѣ, гдѣ играли ученики хирургической школы. Во время масленицы и по случаю разныхъ торжественныхъ со-

Ѳ. Г. Волковъ.

бытій устраивались, наконецъ, случайныя, временныя театральныя представленія въ Москвѣ и Петербургѣ, отличавшіяся большою торжественностью и веселіемъ.

Волковъ.

Наконецъ, въ половинѣ XVIII вѣка учреждается въ Петербургѣ постоянный театръ, первымъ дѣятелемъ котораго былъ Ѳеодоръ Григорьевичъ Волковъ. Волковъ, сынъ купца, жившій въ Ярославлѣ у своего вотчима, былъ по дѣламъ въ Петербургѣ, гдѣ ему удалось видѣть представленія при дворѣ французской и итальянской заѣзжихъ оперныхъ

труппъ; кромѣ того, онъ посѣтилъ также домашніе спектакли кадетовъ Шляхетнаго корпуса, ставившихъ пьесы Сумарокова. Это навело его на мысль устроить театръ въ Ярославлѣ. Въ дѣтствѣ Волковъ самъ участвовалъ въ школьныхъ драмахъ, разыгрывавшихся въ Славяно-греко-латинской академіи; теперь онъ собралъ небольшую труппу изъ родныхъ и товарищей и, устроивъ домашнимъ образомъ декораціи, составилъ оркестръ и сыгралъ драму: «Эсѳирь». Нѣкоторые ярославскіе обыватели, которымъ понравилась игра Волкова, построили зданіе театра на 1000 человѣкъ, гдѣ Волковъ сталъ давать постоянныя представленія. Императрица, узнавъ о ярославскомъ театрѣ, вызвала Волкова съ труппой въ Петербургъ, гдѣ, послѣ удачнаго представленія трагедіи Сумарокова: «Хоревъ», часть актеровъ была оставлена для довершенія образованія. Въ 1756 г. былъ, наконецъ, учрежденъ въ Петербургѣ постоянный театръ, при чемъ первымъ директоромъ его былъ Сумароковъ, а Волковъ съ товарищами—первыми актерами. Сумароковъ приложилъ много заботъ къ тому, чтобы поставить театръ на должную высоту: старался обезпечить театръ обстановкой и лучшими пьесами (часто ставилъ и свои собственныя пьесы), хлопоталъ о приглашеніи наиболѣе даровитыхъ актеровъ, объ обученіи ихъ, даже, чтобы поднять званіе актера, исходатайствовалъ разрѣшеніе актерамъ носить шпаги (право это принадлежало только дворянамъ и чиновникамъ).

Театры въ XVIII в. Постепенно количество театровъ уже въ XVIII в. увеличивается и въ провинціи. Ставили по преимуществу переводныя пьесы, такъ какъ русскихъ было мало вообще, а хорошихъ въ особенности. Изъ числа театровъ въ XIX вѣкѣ особенно выдвинулись по качествамъ артистовъ и по художественности постановки Императорскіе театры — въ Петербургѣ (Александринскій—съ 1832 г., Михайловскій — съ 1833 г. Маріинскій—съ 1860 г.) и въ Москвѣ (Малый—съ 1824 г., Большой — въ настоящемъ видѣ — съ 1856 г. и Новый — съ 1898 г.) Въ настоящее время Императорскіе театры подчинены особому директору, управляющему ими чрезъ посредство петербургской и московской конторъ Имп. театровъ. Артисты и большинство лицъ, входящихъ въ составъ труппъ, пользуются правами государственной службы. Пьесы на сценахъ Императорскихъ театровъ ставятся по одобреніи ихъ особымъ театрально-литературнымъ комитетомъ. Необходимо добавить, что общая цензура всѣхъ театральныхъ пьесъ производится цензорами главнаго управленія по дѣламъ печати, которое издаетъ списки дозволенныхъ къ представленію пьесъ. Для народныхъ театровъ существуетъ осо-

бный репертуаръ, пьесы котораго также разрѣшаются Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати. Народный театръ, впрочемъ, представляетъ еще дѣло новое въ Россіи: раньше были только слабыя попытки организаціи его (Василеостровскій театръ въ Петербургѣ); въ послѣднее время количество народныхъ театровъ увеличивается благодаря дѣятельности попечительствъ о народной трезвости. Постановка пьесъ на сценахъ и права авторовъ ограждены особыми законами. Наконецъ надо отмѣтить существованіе Русскаго Театральнаго Общества, поставившаго своею цѣлью содѣйствіе развитію театральнаго дѣла въ Россіи путемъ выдачи разнаго рода справокъ, посредничества между актерами и антрепренерами, устройства частныхъ сценъ и т. п.

XXI.

Исторія русскаго театра въ связи съ исторіей русскаго драматическаго творчества.

б) *Исторія русской трагедіи, комедіи и драмы.*

Учрежденіе въ 1756 году въ Петербургѣ постояннаго театра произошло въ то время, когда въ нашей литературѣ господствовало ложно-классическое направленіе; поэтому и пьесы, ставившіяся какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ петербургскихъ театрахъ (придворномъ, Шляхетнаго корпуса, въ домахъ вельможъ), носили почти до конца XVIII в. слѣды вліянія этого направленія, которому было подчинено въ ту пору не только русское драматическое творчество, но и вообще вся область русской поэзіи.

Область драматическаго творчества ложно-классики дѣлили на двѣ части—на трагедію и на комедію, при чемъ признаки той и другой были строго опредѣлены.

Ложно-классическая трагедія.

Главнымъ признакомъ трагедіи считалось то, что она должна выражать только высокія, возвышенныя или же вообще необычайныя чувства: сознаніе гражданскаго долга, мужество, любовь, честь, иногда—ненависть, злобу и другъ. Для обрисовки этихъ чувствъ придумывались такія положенія, гдѣ герой трагедіи находился бы въ борьбѣ противоположныхъ стремленій (напр., встрѣтился бы въ бою, какъ съ врагомъ, съ отцомъ или братомъ любимой героемъ дѣвушки; или издалъ бы законъ, который вслѣдъ за тѣмъ, несмотря на грозящую за нарушеніе смерть, былъ бы нарушенъ кѣмъ-либо изъ близкихъ къ герою лицъ и т. п.). Такая борьба не всегда, конечно, представлялась правдоподобною; съ

другой стороны, не имѣя случая наблюдать въ жизни случаи такой борьбы, ложно-классики изображали ее не столько въ дѣйствіи, сколько въ видѣ рѣчей дѣйствующихъ лицъ, а такой способъ изображенія былъ лишенъ наглядности, картинности, т.-е. именно того, что составляетъ главное въ театрѣ. Надѣляя героевъ своихъ трагедій только возвышенными или великими чертами, ложно-классики грѣшили противъ правды жизни: въ жизни мелкое, низкое и пошлое существуетъ на ряду съ великимъ; ограничить жизнь разсмотрѣніемъ только всего великаго или только всего низкаго значило бы представить ее въ ложныхъ краскахъ, въ невѣрномъ видѣ. Далѣе, исходя изъ мысли, что возвышенныя или вообще необыкновенныя чувства (даже такія, какъ необычайная жестокость, злобность и друг.) могутъ переживаться только необыкновенными людьми, ложно-классики эту необыкновенность поняли особеннымъ образомъ, а именно: отнесли ее только къ высшимъ классамъ общества, откуда стали брать своихъ героевъ; люди же простые, обыкновенные, не могли изображаться въ трагедіи. Наконецъ, установлены были еще особыя требованія по отношенію къ развитію дѣйствія. Такъ, трагедія должна была состоять изъ пяти актовъ, между которыми дѣйствіе располагалось такъ: завязка или начало душевной борьбы героевъ трагедіи; усложненіе этой борьбы; крайняя степень борьбы («кульминаціонный пунктъ»); ослабленіе дѣйствія или появленіе обстоятельствъ, ведущихъ къ развязкѣ; развязка или окончаніе борьбы (чаще всего—смерть героя, иногда вмѣшательство какой-либо сверхъестественной силы или неожиданнаго и не всегда правдоподобнаго обстоятельства). Далѣе все дѣйствіе трагедіи должно было происходить: а) въ періодъ времени не свыше 24 часовъ, б) въ одномъ мѣстѣ и в) такъ, чтобы весь интересъ сосредоточивался на дѣйствіяхъ одного главнаго героя; это такъ называемыя три единства (времени, мѣста и дѣйствія). Такъ какъ трудно было подогнать дѣйствіе къ одному мѣсту или времени, то о томъ, что происходило одновременно съ событіями, разыгрывавшимися на сценѣ или раньше, докладывали «вѣстники» или сообщали «наперсники». Въ разговорахъ съ этими наперсниками герои открывали также и свою душевную борьбу, чѣмъ въ драму вносился элементъ эпическій — разсказъ. Наконецъ всѣ трагедіи писались обыкновенно торжественнымъ языкомъ (у насъ съ большой примѣсью славянскихъ словъ).

Всѣ эти правила, обязательныя для поэтовъ, сочинены были не случайно, а выведены изъ разсмотрѣнія особенностей древнегреческихъ трагедій, считавшихся образцовыми. Тамъ дѣйствительно существовали всѣ указанныя особенности трагедіи, но

вызывались онѣ особыми причинами,—или устройствомъ греческаго театра, не имѣвшаго сложныхъ машинъ и перемѣны декорацій (отсюда—три единства), или условіями самого происхожденія трагедіи, развившейся у грековъ изъ религіозныхъ празднествъ и потому сохранившей необходимую для религіи торжественность и важность. Правила эти выведены были на западѣ Европы (у римлянъ—Горацiемъ, у французовъ—Буало), а оттуда, въ качествѣ обязательнаго закона для поэтовъ, пришли къ намъ. Важнѣйшіе наши трагики суть: Сумароковъ (его пьесы—«Хоревъ», «Дмитрій Самозванецъ», «Синавъ и Труворъ», «Мстиславъ» и друг.), Ломоносовъ («Демофонтъ», «Тамира и Селимъ»), Озеровъ («Эдипъ въ Аѳинахъ», «Дмитрій Донской»). Всѣ они подчинялись правиламъ ложно-классической трагедіи при обработкѣ своихъ сюжетовъ; послѣдніе же весьма часто брались ими изъ древней русской исторіи, иногда же изъ греческой миѳологіи: очевидно, такая трагедія была слишкомъ далека отъ интересовъ современной ложно-классикамъ жизни.

Ложно-классическая комедія.

Подобно трагедіи, особымъ правиламъ подчинялась и ложно-классическая комедія: три единства, три или пять актовъ (допускалось три, ибо душевная борьба героевъ была проще), неожиданная развязка запутанной интриги (обстоятельства борьбы). Но герои комедіи брались изъ среднихъ или низшихъ слоевъ общества и надѣлялись чертами отрицательными—порочными или смѣшными. Какъ односторонней была трагедія въ изображеніи только необычайныхъ и великихъ душевныхъ движеній, такъ односторонней была и комедія въ изображеніи только пошлости жизни и пороковъ. Надо замѣтить, что ни пороки, ни добродѣтели не группируются въ дѣйствительной жизни по общественнымъ классамъ или по отдѣльнымъ людямъ, а составляютъ достояніе общее: у каждаго человѣка, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ, найдутся и достоинства, и недостатки. У ложно-классиковъ же выходило иначе: или только порочные люди, или уже очень добродѣтельные. Одинъ-два добродѣтельныхъ героя обязательны были во всякой комедіи: тамъ они произносили свои сужденія по поводу поступковъ «злонравныхъ» лицъ и говорили о пользѣ и красѣ добродѣтели; такія дѣйствующія лица получили названіе резонеровъ (болтуновъ). Борьбу герои комедіи вели изъ-за низкихъ (порочныхъ или пошлыхъ) побужденій — изъ жадности, тщеславія, страсти, скупости, невѣжества и т. д.; борьба всегда оканчивалась тѣмъ, что порокъ наказывался, а добродѣтель торжествовала.

Авторами ложно-классическихъ комедій были: Фонвизинъ («Бригадиръ», «Недоросль»), Капнистъ («Ябеда»), императрица Екатерина II («Шаманъ Сибирскій», «Обманщикъ», «О время», «Именины г-жи Ворчалкиной») и друг.

Отступленія отъ ложно-классической теоріи.

Однако наиболѣе талантливые наши писатели не могли всецѣло примириться съ теоріей ложно-классиковъ, и вотъ почему мы почти у всѣхъ нихъ находимъ извѣстныя уступки требованіямъ жизни. Такъ, Фонвизинъ и Капнистъ осмѣиваютъ не какіе-либо отвлеченные пороки и недостатки общества, а весьма жизненные (первый — невѣжество туземное и заносное, грубость нравовъ, второй — взяточничество); Аблесимовъ («Мельникъ-колдунъ, обманщикъ и сватъ») и императрица Екатерина II («Новгородскій богатырь Боеславичъ» — историческая драма, «Храбрый и смѣлый витязь Архидѣичъ» — опера и друг.) вводятъ въ свои пьесы народныя пѣсни, сказки и преданія и тѣмъ какъ бы исправляютъ то пренебреженіе къ народу и его словесности, которымъ отличались ложно-классики, считавшіе народную поэзію недостойной вниманія.

Фонвизинъ.

То же стремленіе внести большую жизненность и естественность въ трагедію и въ комедію мы видимъ и въ XIX вѣкѣ. Такъ, Грибоѣдовъ лишь отчасти подчиняется требованіямъ ложно-классической комедіи, у Гоголя же нѣтъ уже и слѣдовъ подчиненія ей. Дѣло въ томъ, что ложно-классическія рамки были слишкомъ тѣсны, слишкомъ узки для того, чтобы въ нихъ могло помѣститься все, что могли и хотѣли сказать современному обществу хотя бы тѣ же Гоголь и Грибоѣдовъ. Гоголь не могъ вывести ни одного честнаго лица въ «Ревизорѣ», потому что въ

чиновничьемъ мірѣ онъ видѣлъ только плутовъ и взяточниковъ, правда торжествуетъ въ «Ревизорѣ», но это—правда въ видѣ закона и въ видѣ чувства справедливости, а не въ видѣ добронравныхъ людей, какъ-то было, напр., у Фонвизина; такихъ добронравныхъ героевъ у Гоголя нѣтъ и быть не могло, ибо жизнь не давала ихъ.

Драма Пушкина. Весьма важный шагъ въ исторіи нашего драматическаго творчества былъ сдѣланъ Пушкинымъ: онъ ввелъ въ нашу драму пріемы Шекспира (объ этомъ подробнѣе см. статью VII). Эти пріемы давали возможность «вольнаго и широкаго изображенія характеровъ», т.-е. полноты изображенія жизни. Но эти же пріемы, въ сущности, положили и конецъ существованію у насъ трагедіи, ибо оказалось, что тѣ необычайныя душевныя движенія, которыя считались исключительнымъ достояніемъ трагедіи, не исчерпываютъ собою всего содержанія жизни, а потому полноты изображенія жизни трагедія дать не можетъ. Съ другой стороны, эти же пріемы Шекспира привели къ тому, что у насъ перестали считать необыкновенныя душевныя движенія исключительнымъ достояніемъ людей высшихъ классовъ, а также перестали считать, что содержаніе для трагедій должно быть взято исключительно изъ прошлаго. Тогда на смѣну трагедіи явился новый видъ драматическаго творчества — драма, поставившая себѣ цѣлью полное и всестороннее изображеніе болѣе или менѣе важныхъ душевныхъ движеній; душевныя движенія менѣе важныя, связанныя съ невысокими, иногда пошлыми и порочными цѣлями, сдѣлались достояніемъ комедіи, задавшейся цѣлью осмѣивать все, что достойно смѣха. Какъ драма, такъ и комедія отказались совершенно отъ стѣснительныхъ ложно-классическихъ правилъ и для лучшаго изображенія правды жизни во всей ея полнотѣ признали свободу поэтическаго творчества.

Реальная драма. Этотъ поворотъ совершился не безъ нѣкотораго противодѣйствія со стороны сторонниковъ ложно-классическаго направленія, но противодѣйствіе это въ 20—30 гг. было безсильно удержать наше драматическое творчество отъ того правильнаго пути, на который оно вступило. Въ 50-хъ годахъ наступила у насъ эпоха той реальной драмы, самымъ блестящимъ представителемъ которой былъ А. Н. Островскій и которая украшена свѣтлыми именами: графа А. К. Толстого («Драматическая трилогія»,—замѣчательное по художественности изображенія характеровъ и исторической обстановки изображеніе событій конца XVI—начала XVII вѣка), гр. Л. Н. Толстого («Власть тьмы»), А. П. Чехова («Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», Вишневый

садъ» и друг.). Эта реальная драма сослужила уже великую службу русскому обществу, указавъ ему на рядъ важныхъ вопросовъ общественной жизни, уже выразила собою рядъ важныхъ моментовъ общественнаго самосознанія (отъ Островскаго до Чехова—вѣдь это цѣлая эпоха развитія общественной мысли), уже намѣтила единственный правильный путь развитія русскаго драматическаго творчества; это—путь здороваго реализма, путь служенія жизни посредствомъ художественнаго разбора общественныхъ вопросовъ. Во всемъ этомъ—великая не только литературная, но и гражданская заслуга творцовъ нашей реальной драмы.

Островскій.

Главнымъ представителемъ реальной драмы является въ своихъ многочисленныхъ произведеніяхъ *А. Н. Островскій* (1823 — 1886 г.). Его заслуги въ исторіи русской литературы весьма велики. Во-первыхъ, произведенія Островскаго отличаются большою художественностью изображенія, умѣньемъ автора схватить наиболѣе типичныя черты и представить ихъ съ достаточной степенью яркости. Во-вторыхъ, они охватываютъ большой кругъ разнообразныхъ типовъ, принадлежащихъ къ разнымъ классамъ общества; здѣсь и купцы-самодуры, и приниженная челядь, и домочадцы самодуровъ (рядъ пьесъ изъ купеческаго быта), и чиновники стараго закала, и молодые чиновники-идеалисты («Доходное мѣсто», «Тяжелые дни»), и провинціальные артисты («Лѣсъ», «Таланты и поклонники»), и оскудѣвшіе дворяне, и дѣльцы, умѣло ведущіе разнаго рода предпріятія и темныя дѣла («Волки и овцы»), и идеалисты-обличители, явившіеся подъ вліяніемъ идейныхъ стремленій 60-хъ годовъ («Таланты и поклонники», «Доходное мѣсто»); здѣсь есть и картины нашего прошлаго («Воевода», «Дмитрій Самозванецъ», «Кузьма Мининъ-Сухорукъ»). Въ общей своей сложности произведенія Островскаго даютъ весьма живую и яркую картину русской жизни середины (отъ 1846 года, когда было написано первое произведеніе Островскаго: «Семейная картина») и второй половины XIX вѣка, особенно 60 и 70-хъ годовъ. Наконецъ Островскій впервые выступилъ съ изображеніемъ жизни русскаго купечества, а попутно и русской провинціи («Свои люди—сочтемся», «Бѣдность—не порокъ», «Въ чужомъ пиру похмѣлье», «Гроза», «Тяжелые дни» и друг.). Бытъ купечества до Островскаго почти никѣмъ не затрогивался въ русской художественной литературѣ; Островскій затронулъ его первый и сталъ «Колумбомъ русскаго купечества». Картина, нарисованная имъ, поражала своею безотрадностью: купцы-самодуры, люди безграничнаго произвола и невѣжества,—во главѣ семействъ; подъ ихъ игомъ—жены, дѣти, родственники, при-

казчики, прислуга,—цѣлая толпа подчиненныхъ имъ лицъ, подневольныхъ, подчиняющихся безпрекословно и обезличенныхъ окончательно; просвѣта въ этой темной жизни почти не видно: протестъ выражается лишь въ формѣ тайнаго разврата, самоубійства; о свѣтѣ знанія въ этой средѣ также не слыхали, и надъ самостоятельными героическими стремленіями къ знанію какого-либо механика-самоучки издѣваются власть самодуры; міропони-

А. Н. Островскій.

маніе купеческой среды не ушло дальше трехъ китовъ, на которыхъ стоитъ земля, огненныхъ зміевъ и суевѣрныхъ разсказовъ; зато страсть къ наживѣ не знаетъ предѣла, искусство обманывать при торговлѣ, лгать въ домашнемъ быту доведено до совершенства. Попутно захваченныя Островскимъ черты быта другихъ классовъ провинціальнаго общества дополняютъ общее тяжелое впечатлѣніе. Впечатлѣніе этихъ пьесъ было тѣмъ сильнѣе, что онѣ появились въ эпоху 60-хъ годовъ, въ эпоху широкаго подъема

общественныхъ силъ: оказывалось, что подъемъ захватилъ только передовые круги большихъ городовъ, а вѣковая картина не только «медвѣжьихъ угловъ», но и вообще русской провинціальной жизни оставалась безъ измѣненія. Немудрено, что картина эта всполошила общество своею жизненностью и своими отрицательными чертами. Но она имѣла и другое значеніе, не примѣченное въ 60-хъ годахъ, но сказавшееся во всей яркости въ 70-хъ и даже въ 80-хъ: пьесы Островскаго послужили какъ бы предостереженіемъ, пророческимъ указаніемъ тѣхъ неудачъ, которыя постигли идейныхъ семидесятниковъ при столкновеніи съ народной жизнью. Гораздо раньше 70-хъ и 80-хъ годовъ Островскій указалъ и на упорство тьмы невѣжества, и на «мѣщанство», въ грубой своей формѣ проявлявшееся у самодуровъ, въ новой и утонченной—у дѣльцовъ новѣйшаго типа, какъ Васильковъ («Бѣшеныя деньги»), и другихъ.

При своемъ глубокомъ знаніи русской жизни, при разнообразіи содержанія своихъ пьесъ, при ихъ художественной обработкѣ, при, наконецъ, большомъ ихъ количествѣ,—Островскій, по справедливости, занимаетъ первое мѣсто между нашими драматическими писателями; по справедливости, и пьесы его не сходятъ съ русской сцены, давая такія картины, которыхъ еще и теперь нельзя признать картинами прошлаго и которыя, если когда-либо отойдутъ въ прошлое, то не потеряютъ своего историческаго значенія, какъ изображеніе русской жизни XIX вѣка.

XXII.

Литературныя отраженія общественныхъ теченій во второй половинѣ XIX вѣка: а) шестидесятые и семидесятые годы.

Расширеніе литературнаго вліянія во 2-й половинѣ XIX вѣка.

Въ предыдущихъ статьяхъ (XI, XII и XIV) были даны общія указанія на тѣ общественныя теченія, которыя отразились въ нашей литературѣ второй половины XIX вѣка. Къ нимъ можетъ быть прибавлено нѣсколько дополненій. Такъ, на первомъ мѣстѣ нужно поставить то обстоятельство, что вообще во второй половинѣ XIX вѣка увеличивается и количество литературныхъ произведеній, и разнообразіе ихъ содержанія, и кругъ читателей. Причиною этого явленія слѣдуетъ считать не какія-либо перемѣны въ литературныхъ направленіяхъ, которыя оживили бы область литературы: литературное направленіе, именно завѣщанный Гоголемъ путь реализма, существуетъ отъ Гоголя до на-

шихъ дней; правда, порою видоизмѣнялось самое понятіе о «реализмѣ» и являлось стремленіе «реализмъ» сдѣлать «натурализмомъ», т.-е. на мѣсто художественной переработки дѣйствительности поставить точную картину ея, простое копированіе ея. Однако это стремленіе не измѣнило пути «реализма», ибо, въ сущности, крайняго натурализма ни въ 60-е годы, ни позже мы не найдемъ въ нашей литературѣ: каждый мало-мальски талантливый писатель чувствовалъ извѣстную потребность въ творческой переработкѣ своихъ ощущеній и слѣдовалъ этому влеченію въ большей или меньшей мѣрѣ. Поэтому о «натурализмѣ» въ нашей литературѣ приходится говорить лишь съ извѣстными ограниченіями. Но ни характерныя свойства «реализма», ни свойства «натурализма» не были причиною литературнаго оживленія второй половины XIX вѣка: причина лежала въ содержаніи новыхъ произведеній, въ ихъ жизненномъ характерѣ. Когда Чернышевскій высказывалъ свое положеніе, что искусство должно служить жизни, изображая ее или напоминая о ней, онъ, главнымъ образомъ, имѣлъ въ виду общественное значеніе литературы: чрезъ ея посредство являлась возможность руководить обществомъ; отраженіе жизни общества въ искусствѣ не должно было быть для писателя дѣломъ праздпаго любопытства или случайнаго препровожденія времени, а выполненіемъ извѣстной задачи, имѣвшей большую общественную важность. Къ этому надо прибавить, что усиленіе интереса къ естествознанію, замѣчающееся у насъ въ 60-хъ годахъ, и вообще стремленіе къ точному знанію и къ матеріалистической философіи (основанной на изученіи міра природы дѣйствительности, а не на отвлеченныхъ соображеніяхъ; см. т. IX) отразилось отчасти и на нашихъ писателяхъ: лишь очень немногіе изъ нихъ интересовались темами, далекими отъ современной жизни, большинство же жило интересами своего времени и давало ихъ посильное отраженіе въ своихъ произведеніяхъ. Понятно отсюда и то вниманіе, съ какимъ къ литературѣ стала относиться читающая публика: забывали часто даже о значительныхъ недостаткахъ художественной стороны произведенія, лишь бы оно ставило или рѣшало вопросы общественной важности. Такъ было и съ романомъ: «Что дѣлать?», такъ было и съ рядомъ другихъ произведеній эпохи (напр., нѣкоторыми романами Шеллера-Михайлова), цѣнившимися со стороны степени отзывчивости ихъ къ интересамъ читателей. Отсюда ясно, что можно поставить вопросъ и такого рода: въ какой мѣрѣ литература служила интересамъ общества, т.-е. въ какой мѣрѣ отражала она общественныя теченія во вторую половину XIX вѣка?

Писатели 40-хъ и 50-хъ годовъ и движеніе 60-хъ и 70-хъ годовъ.

Прежде всего надо отмѣтить, что писатели 40—50-хъ годовъ—Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ, а также Достоевскій — лишь отчасти откликнулись на движеніе 60—70-хъ годовъ: Тургеневъ—романами: «Отцы и дѣти», «Дымъ», «Новь», Гончаровъ—«Обрывомъ», Григоровичъ—«Пахотникомъ и бархатникомъ», Достоевскій—«Бѣсами», Писемскій — «Взбаламученнымъ моремъ» и т. д. Эти отклики бывали болѣе или менѣе удачны и жизненны: Базаровъ, напр., жизненнѣе и правдоподобнѣе, чѣмъ Волоховъ; въ основаніи «Бѣсовъ» лежитъ случай изъ дѣйствительной жизни; «Новь» написана на темы 70-хъ годовъ (хожденіе въ народъ, вражда общественныхъ классовъ) и т. д. Однако отклики эти не могли удовлетворить общество, несмотря иногда на высокую художественность названныхъ произведеній выдающихся писателей. Относительно Достоевскаго, который общественными вопросами занимался меньше, а главное вниманіе устремлялъ на воспроизведеніе душевныхъ переживаній человѣка (особенно переживаній болѣзненныхъ), надо сдѣлать извѣстное исключеніе: движеніе 60—70-хъ годовъ не вызвало сочувствія съ его стороны какъ вслѣдствіе указанныхъ спеціальныхъ его интересовъ, такъ и потому, что онъ видѣлъ въ немъ скорѣе временное, случайное явленіе, а въ общественной жизни цѣнилъ, главнымъ образомъ, то, что считалъ проявленіемъ основныхъ свойствъ народнаго духа. Поэтому-то и общество обращалось къ его произведеніямъ (такъ же, какъ впослѣдствіи къ Толстому) вовсе не потому, чтобы послѣднія затрогивали современныя или даже злободневныя темы или же были бы спеціальнымъ отраженіемъ общественныхъ явленій: такою цѣлью Достоевскій и не задавался. Зато другіе названные писатели вызывали часто упреки со стороны общества, основанные иногда даже на взаимномъ непониманіи: «Отцы и дѣти» вызвали осужденіе со стороны представителей не только стараго, но и молодого поколѣнія, а между тѣмъ самъ Тургеневъ вовсе не имѣлъ въ виду обличить «дѣтей», что видно изъ его же собственныхъ словъ: «Онъ (Базаровъ) честенъ, правдивъ и демократъ до мозга костей... Вся моя повѣсть направлена противъ дворянства, какъ передового класса...»; «Обрывъ» Гончарова вызвалъ нареканія и упреки въ карикатурности изображенія молодежи 60-хъ годовъ; то же было и съ другими писателями и произведеніями и притомъ тогда, когда авторы задавались не спеціальными цѣлями обличенія новыхъ теченій, а часто лишь цѣлями художественнаго воспроизведенія наличныхъ жизненныхъ явленій.

Это взаимное непониманіе и иногда несправедливость оцѣнки литературныхъ произведеній, повидимому, все-таки имѣли свои причины и въ томъ, что писатели 40—50-хъ годовъ въ большинствѣ своемъ принадлежали къ иному общественному классу, чѣмъ писатели 60—70-хъ годовъ, и въ томъ, что 40—50-ые годы были временемъ, когда у нашихъ писателей развивались и складывались иные взгляды на литературу, искусство и общественныя отношенія, чѣмъ тѣ взгляды, которые стали господствующими въ эпоху 60-хъ годовъ. Стремленіе шестидесятниковъ къ дѣятельности, къ коренной реформѣ старыхъ устоевъ жизни, увлеченіе матеріалистическими науками, отрицаніе эстетики—это все были такія знаменія времени, которыя могли сознаваться, напр., Тургеневымъ или Гончаровымъ, но которымъ едва ли Тургеневъ или Гончаровъ могли сочувствовать въ большой мѣрѣ, такъ какъ слишкомъ свыклись, сроднились со многими изъ старыхъ устоевъ. Вотъ это-то невольное несочувствіе людей, выросшихъ въ иныхъ культурныхъ условіяхъ, несомнѣнно, ощущалось тѣми, кто былъ всецѣло увлеченъ идеями 60-хъ годовъ, и оно-то было причиною того, что не писатели 40—50-хъ годовъ, а новые писатели явились въ эпоху 60-хъ и позднѣйшихъ годовъ и любимцами публики и истинными выразителями ея интересовъ.

Писатели 60-хъ и 70-хъ годовъ.

Надо замѣтить общую черту нашихъ новыхъ писателей этой поры: они расширяютъ рамки литературы, внося въ нее интересы «разночинцевъ», т.-е. людей разныхъ общественныхъ классовъ; да и сами они, по своему происхожденію и по своимъ склонностямъ, также принадлежали къ разночинцамъ, и потому пониманіе нуждъ и запросовъ послѣднихъ у нихъ могло быть болѣе глубокимъ, чѣмъ у писателей 40—50-хъ годовъ; эти послѣдніе были людьми высокой гуманности и интеллигентности, но все же далекими отъ непосредственныхъ переживаній темныхъ сторонъ жизни, которыя общи были всѣмъ нашимъ «разночинцамъ». Указаннымъ обстоятельствомъ расширяется классовый элементъ въ нашей литературѣ, и является возможность группировать отдѣльныя произведенія по изображаемымъ ими общественнымъ классамъ, а не, напр., по настроеніямъ писателей (писатели-оптимисты и писатели-пессимисты), какъ предлагали нѣкоторые (Головинъ въ исторіи русскаго романа). Въ эпоху 60-хъ годовъ преимущественное мѣсто въ нашей литературѣ отводится изображенію образованной среды въ ея городской обстановкѣ, въ 70-хъ годахъ преобладаетъ изображеніе народнаго быта какъ самого по себѣ, такъ и въ отношеніяхъ народа къ другимъ классамъ.

Наиболѣе выдающіеся беллетристы этой поры—Чернышевскій, Помяловскій и Шеллеръ-Михайловъ—отмѣчены выше, въ XI статьѣ, крупнѣйшій сатирикъ эпохи — Салтыковъ - Щедринъ — въ XII. Къ нимъ остается добавить рядъ писателей менѣе крупнаго дарованія, которымъ, однако, принадлежитъ довольно замѣтное мѣсто въ исторіи литературы этой поры. Въ числѣ ихъ надо назвать: Омулевскаго («Свѣтловъ»), Засодимскаго («Хроника села Смурина», «Степныя тайны» и др.), Бажина («Изъ огня да въ полымя», «Исторія одного товарищества» и др.), Слѣпцова («Трудное время»), В. Крестовскаго (псевдонимъ Н. Д. Хвощинской, автора романовъ: «Въ ожиданіи лучшаго», «Первая борьба», «Большая Медвѣдица» и др.).

У каждаго изъ этихъ писателей есть, конечно, свои личныя особенности таланта, отразившіяся въ его творчествѣ: Слѣпцовъ, напр., отличается живостью и художественностью изложенія и склонностью къ изображенію преимущественно народной жизни, хотя и безъ особенной глубины и проникновенности знанія ея; Омулевскій въ своемъ романѣ отразилъ свою прямолинейность, довольно сильное чувство протеста и при всемъ томъ бодрящее настроеніе; В. Крестовскій отражаетъ во всѣхъ своихъ романахъ нѣкоторое скорбное чувство въ разнообразныхъ его измѣненіяхъ отъ грусти до отчаянія.

Главныя идеи литературы 60-хъ годовъ.

Но эти личныя особенности играютъ только вспомогательную роль въ томъ смыслѣ, что разнообразятъ содержаніе романовъ и отличаютъ одного писателя отъ другого. По отношенію же къ содержанію и къ пріемамъ выраженія идеи у всѣхъ вообще писателей этой поры замѣчается очень большое сходство, дающее право говорить объ опредѣленномъ шаблонѣ творчества романовъ. Прежде всего, конечно, сходство это распространяется на идеи, выражавшіяся въ романахъ. Общая черта 60-хъ годовъ — стремленіе къ дѣятельному созиданію жизни на новыхъ началахъ и борьба съ обветшавшими условіями стараго строя жизни—отразилась въ литературѣ главнымъ образомъ. Борьба эта въ 60-хъ годахъ мало затрогивала «строй жизни» въ смыслѣ правительственныхъ учрежденій, но зато всѣ усилія направляла въ сторону формъ быта, сложившихся въ самомъ обществѣ, и стремилась отбросить все искусственное, придуманное, введя на мѣсто уничтоженныхъ новыя отношенія между людьми, основанныя на началахъ разумности и всеобщаго равенства. Герои, выводившіеся въ романахъ, выступали противъ укоренившихся въ обществѣ предразсудковъ и вѣрованій и, признавая право на существованіе только за тѣми науками, которыя даютъ возможность точно

знать и объяснить окружающую природу, считали единственно-правильнымъ міровоззрѣніемъ то, которое основано на естественныхъ наукахъ и на матеріальной философіи. Съ другой стороны, романисты выдвигали и женскій вопросъ: въ противоположность людямъ 40-хъ годовъ, преклонявшимся предъ женщиной, какъ существомъ высшаго порядка и лишавшимъ ее въ то же время гражданскихъ и даже человѣческихъ правъ, люди 60-хъ годовъ заявляли, что признаютъ женщину существомъ, равнымъ мужчинѣ,— она не богиня и не раба, а равноправный товарищъ, вполнѣ способный къ такому же умственному и физическому развитію, какъ и мужчина, и, слѣдовательно, подчиненный тѣмъ же обязанностямъ, что и послѣдній. Впрочемъ, объ обязанностяхъ женщины въ это время говорили мало, такъ какъ главная забота направлялась къ тому, чтобы освободить женщину отъ ига неравноправія (стремленіе это извѣстно подъ именемъ «женской эмансипаціи») и, съ другой стороны, доказать ея права на равноправіе съ мужчиной. Кромѣ того, явился вопросъ о семьѣ: если писатели 40-хъ годовъ, трактовавшіе часто о святости семьи и супружескихъ узъ, въ то же время не выражали рѣзкаго протеста противъ нарушенія этой святости въ видѣ тайныхъ измѣнъ мужа и лишь по отношенію къ измѣнамъ жены были нѣсколько строже, то шестидесятники съ такого рода моралью согласиться не могли. Брачный союзъ, по ихъ мнѣнію, вызывался открытымъ влеченіемъ сердца, исключавшимъ не только, напр., браки по расчету, но даже и такіе браки, гдѣ влеченіе сердца съ теченіемъ лѣтъ измѣнилось. Поэтому въ романахъ той поры весьма нерѣдки случаи, когда, слѣдуя влеченію сердца, люди расторгаютъ свой семейный союзъ, иногда даже для того, чтобы немедленно вступить въ новый. Въ нѣкоторой части публики такіе романы вызывали упрекъ въ безнравственности, но авторы предпочитали такую «безнравственность» тайнымъ измѣнамъ или тяжелому существованію въ союзѣ съ человѣкомъ, который почему-либо не только опостылѣлъ, но даже сталъ ненавистнымъ. Наконецъ, люди 60-хъ годовъ подвергли иному рѣшенію и вопросъ объ отношеніяхъ родителей и дѣтей: отвергая безусловную власть родителей надъ дѣтьми, они открывали послѣднимъ бо́льшую свободу, чѣмъ то было раньше, и предоставляли право свободнаго выбора жизненнаго пути; но зато они отрицали и право дѣтей существовать на средства родителей и требовали, чтобы трудъ былъ обязательнымъ удѣломъ всѣхъ.

Таковы главнѣйшія идеи, отразившіяся въ нашей литературѣ 60-хъ годовъ въ связи съ соотвѣтственными общественными стремленіями. Обращаясь къ пріемамъ выраженія этихъ идей въ

романахъ, надо признать въ этихъ пріемахъ большое однообразіе. Обыкновенно носитель передовыхъ идей ставится въ такія условія, при которыхъ ему приходится бороться съ закоснѣлостью взглядовъ окружающихъ. Несмотря на трудность борьбы, онъ скоро находитъ лицъ, которыя сочувствуютъ ему и становятся его приверженцами, несмотря на рѣзкіе шаги героя или героини, вызывающіе осужденіе со стороны большинства (напр., разрывъ съ семейными обязанностями, игнорированіе установленныхъ формъ вѣжливости и т. п.). Борьба иногда оканчивается побѣдою героя, которому удается устроить жизнь свою и окружающихъ на свой ладъ; иногда же герой сходитъ со сцены непризнаннымъ, пострадавшимъ нравственно, а иногда и физически (въ смыслѣ, напр., ссылки). Въ послѣднемъ случаѣ авторъ выражаетъ сочувствіе своему герою, рисуя его представителемъ поруганной правды, которая не менѣе велика въ страданіяхъ, чѣмъ въ блескѣ. Несмотря на такое однообразіе пріемовъ (даже у лучшихъ писателей эпохи, какъ Шеллеръ-Михайловъ), публика считалась не съ недостаткомъ оригинальности и художественности, а съ идейней стороной произведеній и отдавала преимущества ей.

Вопросъ объ отношеніи народа и интеллигенціи.

Въ переходѣ отъ 60-хъ къ 70-мъ годамъ является потребность выяснить отношенія между народомъ и интеллигенціей. Писатели-разночинцы могли сдѣлать это всего лучше, какъ ближе стоявшіе къ народу, чѣмъ люди 40-хъ годовъ. Народная жизнь въ 60-хъ годахъ получаетъ свое отраженіе у Слѣпцова, Н. Успенскаго, а также у Рѣшетникова, Левитова, Наумова. Картина жизни первоначально получается въ довольно мрачныхъ краскахъ, даже у такого писателя, какъ Слѣпцовъ, который вообще болѣе наклоненъ къ юмористическому отношенію, чѣмъ къ мрачному. Въ 70-хъ годахъ наши беллетристы нѣсколько видоизмѣняютъ свое отношеніе къ народу: выдвигая на первое мѣсто въ литературѣ изображеніе народной жизни и не обходя народныхъ недостатковъ, они стараются объяснить эти недостатки, чѣмъ отчасти смягчается общее впечатлѣніе, а отчасти дается болѣе глубокое пониманіе народной жизни. Объясненіе даетъ указанія на общественное положеніе крестьянина, на его матеріальную необезпеченность, на невѣжество и, главнымъ образомъ, на забвеніе или искаженіе тѣхъ стародавнихъ укладовъ жизни, которые способны были обезпечить крестьянину хорошее существованіе (артельное начало или міръ, вѣрность преданіямъ старины, подчиненіе рѣшенію или мнѣнію міра и т. д.). Недостатки жизни народа выдвигали необходимость руководства со стороны интеллигенціи, которая сознавала свою связь съ народомъ и свой долгъ предъ нимъ

(«кающійся дворянинъ»); она нила къ народу съ цѣлью пробудить въ немъ сознаніе его невѣжества и другихъ темныхъ сторонъ жизни и вызвать въ немъ желаніе исправить эти темныя стороны путемъ возвращенія къ добрымъ устоямъ старины и путемъ осуществленія общественныхъ реформъ. Отсюда и различныя ступени нашего народничества: отъ народничества этнографическаго (въ цѣляхъ изученія народнаго быта, взглядовъ и вѣрованій) до народничества революціоннаго (въ цѣляхъ пропаганды общественныхъ преобразованій). Народническое движеніе отразилось въ литературныхъ произведеніяхъ, при чемъ изъ старшаго поколѣнія нашихъ писателей наиболѣе замѣтное выраженіе этого движенія находимъ у Тургенева («Новь»); 60—70-е годы дали еще болѣе яркихъ представителей этого движенія въ лицѣ Гл. Успенскаго и Златовратскаго, отнесшихся къ движенію не съ точки зрѣнія только художника, а въ качествѣ людей, примыкающихъ къ самой идеѣ движенія. (О нихъ, какъ и вообще о литературномъ отраженіи эпохи 70-хъ годовъ, подробнѣе см. въ статьѣ XII.)

XXIII.

Литературныя отраженія общественныхъ теченій во второй половинѣ XIX вѣка: б) восьмидесятые и девятидесятые годы.

Народничество, стремленіе къ общественной реформѣ и 80-е г.

Народничество семидесятыхъ годовъ объединило двѣ группы: разночинцевъ, вообще близкихъ къ народу и его нуждамъ, и тѣхъ представителей дворянскаго сословія, которые пришли къ мысли о своемъ долгѣ предъ народомъ и о необходимости уплаты этого долга путемъ служенія интересамъ народа. Отправной точкой для послѣдней группы лицъ («кающихся дворянъ») были, такимъ образомъ, мотивы нравственные; уплату долга народу понимали, какъ содѣйствіе народу въ дѣлѣ устройства лучшей жизни; въ этомъ пунктѣ «кающихся дворянъ» поддерживали разночинцы, прекрасно сознававшіе необходимость улучшенія народной жизни. Движеніе семидесятыхъ годовъ получило такимъ образомъ характеръ стремленія къ соціальнымъ (общественнымъ) реформамъ, при чемъ сами семидесятники часто подчеркивали, что они стремятся не къ политическимъ, а именно къ общественнымъ реформамъ. Когда понадобилось точнѣе опредѣлить, что могутъ сдѣлать усилія отдѣльныхъ лицъ, тогда всплылъ вопросъ о роли личности въ исторіи и, въ обсужденіи Н. К. Михайловскаго и П. Л. Лаврова, занялъ умы совре-

менниковъ. Рѣшеніе этого вопроса въ томъ смыслѣ, что, «въ концѣ-концовъ, все-таки дѣлаютъ исторію личности, духъ времени составляется изъ настроенія мысли личностей; потокъ событій, увлекающій однихъ, образуется другими, опять-таки личностями», — такое рѣшеніе вопроса какъ бы подерживало семидесятниковъ и вдохновляло ихъ на служеніе идейнымъ стремленіямъ народолюбія. Когда появились признаки развитія у насъ класса буржуазіи, они встревожили передовые классы: въ лицѣ буржуазіи («мѣщанства»), въ сущности, вырастала новая сила, крѣпкая не только своими матеріальными благами, своимъ ограниченнымъ самодовольствомъ и единодушною враждою ко всякимъ вообще прогрессивнымъ стремленіямъ, но и прямо противоположная, по своей сущности, народничеству: поскольку въ основѣ послѣдняго лежали нравственныя побужденія, постольку буржуазія представляла собою воплощеніе извѣстныхъ матеріальныхъ стремленій, т.-е. начала, совершенно противоположнаго отвлеченнымъ нравственнымъ мотивамъ. 80-е годы, принявшіе оттѣнокъ реакціи въ духѣ, противоположномъ стремленіямъ народничества, какъ нельзя болѣе способствовали развитію «мѣщанства» въ томъ смыслѣ, что въ обществѣ развивалось стремленіе къ личной обезпеченности и къ личному спокойному существованію, чуждому всякихъ заботъ о низшихъ классахъ народа. Нѣкоторыя попытки борьбы съ мѣщанствомъ были проявлены со стороны литературы (см. выше ст. XIV) не только въ 80-хъ, но и въ 90-хъ годахъ: Михайловскій «Въ перемежку», Боборыкинъ, Чеховъ, Горькій — это крупнѣйшіе представители такихъ литературныхъ явленій, затратившіе много труда, если не на поддержаніе идейныхъ стремленій предыдущей эпохи, то, по крайней мѣрѣ, на обличеніе пошлости и мелочности общества 80—90-хъ годовъ.

Народничество и марксизмъ.

Съ 1891 года можно, однако, вести нѣкоторый поворотъ въ общественныхъ теченіяхъ. Бывшій въ этомъ году голодъ нѣсколько всколыхнулъ общественныя силы и внесъ вообще оживленіе въ наше общество: создавшееся въ 80-хъ годахъ равнодушное отношеніе къ вопросамъ общественной жизни (теорія «постепеновщины») теперь уступило мѣсто интересу къ задачамъ общественнаго развитія. Интеллигенція понемногу начинаетъ группироваться въ видѣ двухъ школъ общественной мысли,—примыкаетъ къ народничеству или къ марксизму [1]). Полемика между народниками и марксистами ведется въ послѣднее десятилѣтіе XIX вѣка и пере-

[1]) О Марксѣ и марксизмѣ см. XII и XIII томы.

ходитъ въ первые годы XX. Въ этой полемикѣ ставятся и рѣшаются вопросы о роли личности въ исторіи, о сущности понятія общины и о примѣнимости этого понятія къ общественному быту нашего крестьянства, о томъ пути, по которому должно пойти экономическое развитіе Россіи, о роли въ ней капитализма и о ступеняхъ экономическаго развитія, о сущности понятія «интеллигенція» и о роли интеллигенціи въ общественномъ развитіи и т. д. Выясняя политико-экономическія понятія, марксизмъ устанавливалъ такъ-называемую точку зрѣнія экономическаго матеріализма: общество состоитъ изъ отдѣльныхъ «классовъ», т.-е. группъ, члены которыхъ между собою связаны извѣстными экономическими (хозяйственными, матеріальными) отношеніями и въ то же время стоятъ въ опредѣленныхъ, часто противоположныхъ или даже враждебныхъ отношеніяхъ къ другимъ классамъ; то или иное взаимодѣйствіе классовъ, борьба классовыхъ интересовъ «создаетъ исторію», т.-е. вліяетъ на историческій процессъ; роль личности при этомъ уничтожается: явленія экономической борьбы подчинены извѣстнымъ вѣковымъ законамъ общественнаго развитія, измѣнить которые воля отдѣльной личности не въ силахъ.

Теоріи марксизма столкнулись съ представленіями народниковъ о роли личности въ исторіи и съ ихъ моральными стремленіями, — отсюда споръ между Михайловскимъ и марксистами, который, оставляя перевѣсъ на сторонѣ народниковъ, все же заставилъ ихъ внести нѣкоторыя измѣненія въ свою теорію (главнымъ образомъ, по вопросу о необходимости для Россіи капиталистической ступени развитія), согласно указаніямъ, сдѣланнымъ критикою марксистовъ. Такъ или иначе, а полемика народниковъ и марксистовъ сыграла свою роль, если не для XIX, то для начала XX вѣка, вызвавъ въ обществѣ извѣстное оживленіе и приведя въ движеніе общественныя силы, практическое выступленіе которыхъ относится уже къ началу XX вѣка.

Литература 80-хъ и 90-хъ годовъ и современныя ей общественныя двженія.

Не ставя себѣ задачи излагать теоріи той и другой школы, обратимся теперь къ литературѣ послѣднихъ двухъ десятилѣтій XIX вѣка съ цѣлью найти здѣсь отраженіе современныхъ общественныхъ движеній.

Въ сущности, литература этихъ десятилѣтій представляетъ довольно пеструю картину: если въ ней можно намѣтить 2—3 преобладающихъ теченія, то вовсе нельзя сказать, чтобы ими исчерпывалось все идейное содержаніе литературы, ибо въ ней мирно уживаются довольно разнообразныя идеи: характерный признакъ безвременья!

Такъ, одна группа писателей поддерживаетъ идейную связь съ 60-ми годами: это—Г. А. Мачтетъ, М. Н. Альбовъ, Н. Е. Каронинъ (Петропавловскій), К. С. Баранцевичъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Они сохранили тѣ общественные идеалы, которые были выработаны въ 60-хъ годахъ, извѣстную прямолинейность убѣжденій и готовность къ борьбѣ съ отрицательными явленіями во имя общаго блага. Въ ихъ произведеніяхъ обыкновенно изображается жизнь среднихъ и низшихъ классовъ большихъ городовъ, т.-е. среда разночинцевъ; при этомъ названные писатели отражаютъ нѣкотораго рода чувство гражданской скорби при видѣ общественныхъ недостатковъ, а также бодрящее предчувствіе конечнаго торжества благихъ и идейныхъ началъ.

Изъ числа другихъ писателей, В. Г. Короленко ближе подходитъ къ 70-мъ годамъ, заимствуя у нихъ гуманное настроеніе и высокое представленіе о правахъ человѣческой личности. (Подробнѣе см. въ статьѣ XIV.)

Далѣе можно выдѣлить группу писателей, которые не задаются прямыми цѣлями общественнаго служенія: И. Н. Потапенко, кн. Д. Голицынъ, А. А. Луговой (Тихоновъ), М. В. Крестовская, С. И. Смирнова и другіе. Интересы этихъ писателей по преимуществу — психологическіе, т.-е. желаніе изобразить душевныя переживанія человѣка въ тѣхъ или другихъ жизненныхъ положеніяхъ. Если иногда у нихъ попадаются отзвуки общественныхъ настроеній, то въ большинствѣ случаевъ это дѣло случайности, а вовсе не преднамѣреннаго стремленія со стороны авторовъ.

Особнякомъ стоитъ Л. Н. Толстой, но въ эту пору его произведенія вызываютъ живѣйшій интересъ: самоуглубленіе, вопросы религіи, особенно вопросы нравственности, проповѣдь нравственнаго обновленія, исканіе смысла жизни,—эти коренные вопросы человѣческаго существованія, отвѣтъ на которые старается дать Л. Н. Толстой, какъ нельзя болѣе подходятъ къ духу времени,—къ моменту затишья и упадка общественныхъ силъ. Общество жадно ищетъ обновленія своего существованія и находитъ у Толстого рядъ цѣнныхъ указаній, которыя нѣкоторые пытаются даже примѣнить къ жизни, пока широкая волна общественныхъ движеній начала XX вѣка не отодвинула на второй планъ интересъ къ проповѣди Толстого. «Смерть Ивана Ильича» съ вопросомъ о смыслѣ жизни и съ требованіемъ осмыслить ее, «Крейцерова соната» съ призывомъ къ цѣломудрію физическому и духовному, «Хозяинъ и работникъ» съ картиною высоко-гуманнаго чувства, вдругъ открывшагося въ глубинѣ души «хозяина», который всю жизнь свелъ къ матеріальнымъ интересамъ, — всѣ эти

произведенія создавали вокругъ себя цѣлую критическую литературу; а отсюда ясно сочувствіе публики подобнымъ темамъ,—далекимъ отъ вопросовъ, напр., классовой борьбы или сословныхъ реформъ, но близкимъ основнымъ свойствамъ человѣческаго духа.

На ряду съ возобновленіемъ мотивовъ 60-хъ и 70-хъ годовъ и съ нравственно-философскимъ ученіемъ Толстого, въ послѣднія два десятилѣтія прошлаго вѣка выступили писатели, которые въ бо́льшей мѣрѣ отразили общественныя теченія—борьбу противъ мѣщанства во всѣхъ его проявленіяхъ и стремленіе къ общественнымъ реформамъ. Сюда относятся: П. Д. Боборыкинъ, Вл. И. Немировичъ-Данченко, А. П. Чеховъ и М. Горькій (см. статью XIV). Въ ихъ произведеніяхъ отразилось мѣщанство всѣхъ классовъ и притомъ съ разнообразными оттѣнками: у Чехова—по преимуществу мѣщане духа, т.-е. люди съ невысокими умственными интересами и безъ всякаго представленія о высшемъ смыслѣ жизни, у Боборыкина — люди разныхъ классовъ въ погонѣ за матеріальными благами и въ самодовольномъ наслажденіи этими благами, у Горькаго—эти люди съ хищными инстинктами (Щуровъ, Маякинъ), не ограничивающіеся самодовольнымъ ощущеніемъ сытаго и обезпеченнаго существованія, но сознающіе свою силу,—силу денегъ, капитала, и потому стремящіеся удержать ее надъ людьми: это хищники, которые считаются только съ личными удобствами и выгодами и которые далеко откинули всѣ заботы о другихъ.

У Горькаго эта борьба противъ мѣщанства носитъ особенно страстный характеръ: въ первыхъ своихъ произведеніяхъ онъ возстаетъ противъ него во имя правъ гордой и свободной личности, порабощенной гнетомъ общей пошлости; въ послѣдующихъ Горькій является врагомъ мѣщанства уже какъ марксистъ, который видитъ основу общества въ трудящихся классахъ (пролетаріатѣ), за которыми только и признаетъ право на существованіе. Интеллигенцію въ это время Горькій отрицаетъ, полагая, что «культурная жизнь» — «... скверно сшита!.. Не по росту порядочныхъ людей сдѣлана жизнь... Мѣщане сузили, окоротили ее, сдѣлали тѣсной». Едва ли, впрочемъ, это отрицаніе интеллигенціи имѣетъ свое основаніе: тѣ классы городскихъ обывателей, которымъ часто усвояется названіе интеллигенціи, часто вовсе не заслуживаютъ такого названія и потому вполнѣ подходятъ подъ категорію интеллигентовъ, обличаемыхъ Горькимъ; истинные же интеллигенты не менѣе Горькаго не сочувствуютъ мѣщанству, хотя, можетъ-быть, не изъ экономическихъ соображеній, а изъ этическихъ (т.-е. связанныхъ съ вопросами

нравственности). Впрочемъ, въ послѣднихъ произведеніяхъ Горькаго чувствуется вѣра въ появленіе новой интеллигенціи, сильной мыслью и трудомъ.

Картина литературныхъ явленій 80—90-хъ гг., какъ видимъ, была довольно разнообразна. Преобладающимъ мотивомъ въ ней все же было обличеніе мѣщанства и исканіе новыхъ путей жизни; но параллельно существовали и другія теченія, вполнѣ объяснимыя тѣмъ, что лучшіе представители общества, не удовлетворяясь окружающей жизнью, искали новыхъ путей. Попутно можно помянуть еще объ одномъ литературномъ явленіи, такъ называемомъ декадентствѣ, заключавшемся въ исканіи новыхъ художественныхъ формъ въ искусствѣ. Однако исканія эти были такъ нелѣпы, придумывавшіяся художественныя выраженія такъ дики и неестественны, что за декадентами очень скоро установилась заслуженная репутація людей неискреннихъ, прибѣгающихъ къ причудливымъ и своеобразнымъ словоизверженіямъ въ погонѣ за популярностью. Во всякомъ случаѣ, въ пору общаго упадка 80-хъ годовъ существованіе декадентства было еще объяснимо исканіями эпохи безвременья; когда же въ послѣдніе годы XIX вѣка и въ началѣ XX народились новыя общественныя движенія съ серьезными запросами, — декадентство оказалось въ положеніи не только лишняго, но и прямо неумѣстнаго явленія.

Библіографическія указанія къ статьямъ по исторіи русской литературы.

Къ статьямъ 1—8. Въ качествѣ начальныхъ пособій по исторіи русской литературы, можно указать учебники, предназначенные для средней школы; изъ нихъ наиболѣе доступнымъ изложеніемъ отличается учебникъ исторіи русской словесности А. И. Незеленова (2 части,—до Гоголя включительно). Нѣсколько труднѣе читается, но гораздо научнѣе составленъ учебникъ В. В. Сиповскаго, имѣющій то преимущество, что къ нему спеціально составлена историческая хрестоматія съ образцами произведеній словесности: такимъ образомъ сужденія, высказываемыя въ учебникѣ, могутъ быть провѣрены и подтверждены чтеніемъ образцовъ по хрестоматіи. Болѣе серьезный и вполнѣ научный трудъ: «Исторія русской литературы» А. Н. Пыпина, въ 4 томахъ (здѣсь при каждой главѣ дана подробная библіографія по отдѣльнымъ вопросамъ). Для древней литературы можно указать еще спеціальный трудъ общаго характера В. А. Келтуялы: «Курсъ исторіи русской литературы» (пособіе для самообразованія), т. I, ч. I; есть его же и школьный учебникъ. Дополненіемъ къ пособіямъ общаго характера могутъ служить спеціальныя статьи и книги. Такъ, *къ статьѣ 1*—С. А. Венгеровъ:

«Основныя черты исторіи русской литературы» (СПБ. 1889, 2-е изданіе—1908 г.; В. М. Истринъ: «Опытъ методологическаго введенія въ исторію русской литературы XIX вѣка», СПБ. 1907 г. *Къ статьямъ 2 и 3:* П. В. Владимировъ: «Введеніе въ исторію русской словесности» (курсъ народной поэзіи), а также пособія, указанныя въ библіографическихъ примѣчаніяхъ въ книгахъ Келтуялы, Пыпина и др., отдѣльно по каждому вопросу. *Къ статьѣ 4-й:* В. М. Истринъ: «Изслѣдованія въ области древней русской литературы», СПБ. 1906, глава 5-я. *Къ статьямъ 5 и 6:* полный перечень пособій приведенъ у В. В. Сиповскаго, А. Н. Пыпина и др. *Къ статьѣ 7-й:* В. В. Сиповскій: «А. С. Пушкинъ, жизнь и творчество», Л. Н. Майковъ: «А. С. Пушкинъ», В. Стоюнинъ: «А. С. Пушкинъ». *Къ статьѣ 8-й:* книги проф. Н. А. Котляревскаго о Гоголѣ и о Лермонтовѣ.

Къ статьямъ 9—16 включ. общими пособіями могутъ служить слѣдующія книги: «Очерки по исторіи русской литературы XIX вѣка» В. Саводника, «Чтенія по новѣйшей русской литературѣ» Г. В. Александровскаго (2 выпуска), «Русскіе писатели послѣ Гоголя» Ор. Миллера (3 тома), «Очерки по исторіи русской литературы» Н. М. Мендельсона, «Русскій романъ и русское общество» К. Голсвина; полезнымъ справочнымъ пособіемъ служатъ «Очерки новѣйшей русской литературы» А. М. Скабичевскаго, стоящіе по полнотѣ фактическихъ свѣдѣній на первомъ мѣстѣ среди другихъ трудовъ. Можно, наконецъ, указать и книгу Е. А. Соловьева: «Очерки по исторіи русской литературы XIX вѣка». Болѣе спеціальными пособіями будутъ: *къ статьѣ 9-й*—А. Н. Пыпинъ: «Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ», его же: «Бѣлинскій», 2 тома; *Къ статьѣ 10-й:* Н. И. Ивановъ: «Тургеневъ», а также статьи о Тургеневѣ акад. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, книги Незеленова о Тургеневѣ и Гончаровѣ. *Къ статьѣ 11—16-й включ.* библіографія (статьи въ разныхъ журналахъ) указана въ Программахъ домашняго чтенія на 4-й годъ систематическаго курса (изданіе Комиссіи по организаціи домашняго чтенія при Обществѣ Распространенія Техническихъ Знаній). Книга эта полезна не только подробными библіографическими указаніями, но еще и вопросами по курсу русской литературы для самоконтроля при самостоятельномъ чтеніи. Кромѣ указанныхъ въ этихъ Программахъ пособій, необходимо добавить: труды Д. Н. Овсянико-Куликовскаго о Толстомъ («Л. Н. Толстой, — очеркъ его дѣятельности...». 1908 г.) о Чеховѣ и о Горькомъ (5-й томъ сочиненій), книгу В. Ѳ. Боцяновскаго о М. Горькомъ, книгу Андреевича о Горькомъ и Чеховѣ, сборники критическихъ статей о Тургеневѣ, Толстомъ, Достоевскомъ, Некрасовѣ, Островскомъ, составленные В. Зелинскимъ (очень полезные сборники въ томъ смыслѣ, что знакомятъ съ важнѣйшими критическими статьями и иногда такими, которыя стали теперь уже библіографическою рѣдкостью), статьи В. В. Данилова—о Майковѣ, Н. А. Заболотскаго—о Некрасовѣ и о Плещеевѣ («Поэтъ гуманности и свѣтлыхъ идеаловъ»), книгу А. Н. Пыпина о Некрасовѣ, книгу Н. М. Соколова объ А. К. Толстомъ («Иллюзіи поэтическаго творчества»), книгу Н. А. Котляревскаго: «Старинные портреты» (Бѣлинскій, Тургеневъ, А. Толстой и друг.), книги Плеханова и Стеклова о Чернышевскомъ.

Ко всѣмъ вообще статьямъ по исторіи русской литературы въ качествѣ наилучшаго библіографическаго пособія должно указать книгу А. В. Мезіеръ: «Русская словесность отъ XI до XIX в.» (Библіографическій указатель, 2 тома).

Къ статьѣ 17-ой: «Исторія русской критики» Н. И. Иванова (въ 4 томахъ), а также статья А. М. Скабичевскаго: «Сорокъ лѣтъ русской критики» (въ I томѣ сочиненій).

Къ статьѣ 18-ой: полной исторіи русской журналистики нѣтъ до сихъ поръ: отдѣльные вопросы исторіи журналистики изложены въ трудахъ: Незеленова («Ник. Ив. Новиковъ, издатель журналовъ»). Аѳанасьева («Русскіе сатирическіе

журналы XVIII вѣка»), Бородина (о журналахъ этой же эпохи), Весина («Очерки исторіи русской журналистики 20—30 гг.), Пятковскаго («Очерки изъ исторіи русской журналистики») и друг. Всѣ эти статьи носятъ спеціальный характеръ.

Къ статьѣ 19-ой: А. М. Скабичевскій: «Исторія русской цензуры»; можно также указать двѣ книги М. К. Лемке, посвященныя отдѣльнымъ вопросамъ русской цензуры и журналистики XIX вѣка.

Къ статьямъ 20 и 21: труды П. О. Морозова по исторіи русскаго театра и по исторіи русской драмы; новѣйшій трудъ—проф. Б. В. Варнеке: «Исторія русскаго театра», 2 тома.

Къ статьямъ 22 и 23: упомянутая выше книга Головина: «Русскій романъ и русское общество», а также «Исторія русской общественной мысли» Иванова-Разумника, 2 тома.

МАЛОРУССКАЯ (УКРАИНСКАЯ) ЛИТЕРАТУРА [1]).

I. Народная поэзія. Древняя литература.

Малороссы.

Уже въ древнѣйшую пору своей исторической жизни русскій народъ не составлялъ строго-единаго цѣлаго: древнѣйшая наша лѣтопись насчитываетъ 12 отдѣльныхъ племенъ: словѣне (новгородскіе), кривичи, дреговичи, древляне, поляне, дулѣбы, бужане, тиверцы, уличи, радимичи, вятичи, сѣверяне.

Но при этомъ лѣтописецъ объединяетъ всѣ эти племена подъ общимъ названіемъ *Руси*. Со временъ татарскаго ига изъ этихъ племенъ образуются 3 большихъ племенныхъ группы: великорусская, малорусская и бѣлорусская. Древнѣйшій періодъ какъ въ исторіи, такъ и въ исторіи литературы малороссовъ или украинцевъ и великороссовъ—общій. Но постепенно, въ силу естественнаго развитія языка, въ силу разнообразныхъ историческихъ условій украинскій или малорусскій народъ обособился въ племенную единицу со своими особенностями въ языкѣ, бытѣ, характерѣ и отчасти даже во внѣшности. Въ настоящее время украинцевъ насчитываютъ 30 милліоновъ съ лишнимъ (27.000.000 въ Россіи и 3.000.000—въ Австро-Венгріи). Границы малорусскаго племени были указаны выше (см. карту нарѣчій и говоровъ русскаго языка). Отличія малороссовъ отъ великороссовъ по внѣшности не такъ велики: у малороссовъ нѣсколько чаще встрѣчается темный типъ и высокій ростъ. Гораздо больше отличій замѣчается въ бытѣ и въ народномъ характерѣ малороссовъ, сложившемся подъ вліяніемъ природы и историческихъ условій [2]).

Малороссъ молчаливъ, какъ его родныя степи, вдумчивъ и скрытенъ, подозрителенъ въ отношеніяхъ къ чужимъ, глубоко

---

[1]) Названіе *малороссы* (*малорусскій* народъ, *малорусскій* языкъ) ведетъ свое начало отъ весьма древняго названія *Малая Русь*, возникшаго на ряду съ названіями *Великая Русь, Бѣлая Русь*. Названія эти возникли со временъ татарскаго ига. На ряду съ этимъ употребляется названіе *украинцы* (отъ историко-географическаго названія *Украйна-Русь*); послѣднее предпочитаютъ сами малороссы.

[2]) Объ этихъ историческихъ условіяхъ жизни украинскаго народа ср. VIII томъ. Этнографическія свѣдѣнія о малороссахъ даны въ VI т. (Географія).

привязанъ къ своему родному краю, религіозенъ, но внѣшней обрядности не очень преданъ. Историческія условія, въ какихъ украинскій народъ жилъ не одинъ вѣкъ, развили въ немъ горячую любовь къ свободѣ и научили защищать свой родной край отъ притѣснителей. Очень рано потерявъ политическую самостоятельность, малорусскія области стали частью польско-литовскаго государства, и это обстоятельство имѣло сильное вліяніе на складъ духовной, общественной и экономической жизни этихъ областей. Гнетъ польскихъ помѣщиковъ и униженіе православной вѣры со стороны католиковъ вызывали постоянныя возстанія свободолюбиваго украинскаго народа. Послѣ самаго большого возстанія подъ предводительствомъ Богдана Хмѣльницкаго Малороссія рѣшилась на опредѣленныхъ договорныхъ условіяхъ, заключенныхъ въ Переяславлѣ, соединиться съ Московскимъ государствомъ въ 1654 году. Но московское правительство, принявъ подъ свое покровительство одну изъ богатѣйшихъ областей Россіи, не хотѣло соблюдать этого переяславскаго договора; уже начиная съ Петра I, а еще болѣе при Екатеринѣ II, независимость Украины совершенно не признавалась, національная ея свобода угнеталась и, наконецъ, эта область была разбита на нѣсколько губерній, какъ и вся остальная Россія, съ однороднымъ во всѣхъ ихъ управленіемъ. Съ XVIII в. начались преслѣдованія противъ всякихъ книгъ, написанныхъ на украинскомъ языкѣ. Московское духовенство относилось подозрительно къ правовѣрію украинцевъ, потому что они въ своихъ школахъ изучали латинскій языкъ, а всякая «латинская наука» въ то время признавалась въ Московскомъ государствѣ за ересь. Уже при Петрѣ Великомъ Синодъ воспретилъ «печатать церковныя книги несогласно съ великороссійскими печатьми». Въ 1769 г. Синодъ запретилъ печатать южно-русскіе буквари. Со стороны свѣтской администраціи преслѣдованія украинскаго языка особенно усилились во второй половинѣ XIX вѣка: запрещались популярныя, научныя книги, Евангеліе, Библія, переводы съ иностранныхъ языковъ; только съ большимъ трудомъ разрѣшались разсказы и повѣсти; украинскій языкъ былъ сведенъ на какой-то простонародный говоръ, а министръ Валуевъ въ 1863 году выразился даже такъ, что такого языка вовсе нѣтъ.

Народная поэзія.

Тѣмъ не менѣе, на украинскомъ языкѣ существуетъ богатая народная поэзія, и талантливыми писателями создана такая прекрасная литература, которая можетъ занять не послѣднее мѣсто среди славянскихъ литературъ. Первыя пробы литературной обработки малорусской рѣчи относятся къ XVI в. Народная устная поэзія скрываетъ свое начало въ далекой

эпохѣ; многія обрядовыя пѣсни—щедривки, весняики, русалочныя—еще проникнуты язычествомъ, въ колядкахъ уже рядомъ съ язычествомъ проступаютъ начатки христіанства; въ нихъ же красиво изображается княжескій періодъ южно-русской исторіи. Позднѣйшія пѣсни историческія и думы поютъ о подвигахъ любимыхъ народныхъ героевъ и о событіяхъ, какія оставили сильное впечатлѣніе въ народномъ сознаніи. Героическая эпоха особенно ярко отразилась въ народныхъ думахъ. Украинскія думы справедливо считаются однимъ изъ лучшихъ поэтическихъ памятниковъ славянской народной поэзіи. Думы носятъ на себѣ печать національнаго міропониманія и настроенія разныхъ историческихъ періодовъ. Складывались онѣ вдохновенными пѣвцами, отличавшимися отъ окружающей ихъ народной среды только большей культурностью и талантливостью. Они перерабатывали въ отдѣльную цѣльную думу народныя историческія пѣсни. Въ нихъ выразились завѣтныя нравственныя понятія украинскаго народа, его критика разныхъ общественныхъ явленій, его беззавѣтная любовь къ родинѣ; въ нихъ же прославлялись любимые народные герои. Особенной поэзіей вѣетъ отъ наиболѣе старинныхъ думъ: о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова, буря на Черномъ морѣ, про Марусю Богуславку. Всѣ главныя мысли этихъ думъ опираются на основныя нравственныя понятія украинскаго народа; отъ нихъ вѣетъ глубокой стариной и непосредственной поэзіей. Этой поэтической красоты меньше въ болѣе позднихъ думахъ. Такъ, думы о Богданѣ Хмѣльницкомъ и другихъ современныхъ ему казацкихъ предводителяхъ просто передаютъ событія, даютъ характеристику героя, но не создаютъ цѣльной поэтической картины, гдѣ и природа и люди, какъ бы живутъ однимъ настроеніемъ (какъ, напр., «Дума о трехъ братьяхъ»). Не всѣ думы исключительно героическаго или нравственно семейнаго содержанія; затрагивались въ думахъ и общественныя темы и разрабатывались съ большимъ юморомъ (напр., дума про Ганжу Андыбера). Вообще юморъ, грусть и вдумчивое отношеніе къ воспѣваемымъ событіямъ жизни являются характерными чертами украинскихъ думъ, а также и основными чертами національнаго характера украинцевъ. Складывали думы особые пѣвцы-бандуристы, позднѣе кобзари; часто въ молодости они сами участвовали въ казацкихъ походахъ, а подъ старость они разносили славу казаковъ по всей Украинѣ. Любили ихъ слушать и на ярмаркахъ, и на пирахъ казачьей старшины [1]).

---

[1]) Ср. о думахъ—386 стр.

Очень разнообразны и поэтичны бытовыя пѣсни украинскаго народа; въ нихъ отразилась вся трудовая земледѣльческая жизнь его: обжиночныя, косарскія пѣсни, чумацкія, въ которыхъ передъ нами выступаютъ въ яркихъ краскахъ радости и невзгоды чумаковъ [1]); въ семейныхъ и любовныхъ пѣсняхъ проходятъ всѣ взаимныя отношенія, всѣ оттѣнки чувства любви, ревности, одиночества; особенно нѣжно и трогательно обрисованъ образъ любящей и многострадальной матери-украинки.

Не менѣе богаты въ украинской поэзіи сказки, легенды, преданія; здѣсь можно прослѣдить отъ самой отдаленной старины, какъ складывалось міровоззрѣніе малорусскаго народа, его пониманіе жизни, природы и общественныхъ условій.

Древняя литература.

Такова богатая народная украинская поэзія, на основѣ которой развилась мало-по-малу и украинская литература. Начатки обработки малорусской или украинской рѣчи относятся къ XVI вѣку; первымъ произведеніемъ ея считается Пересопницкое Евангеліе, переводъ Евангелія на народный украинскій языкъ. Какъ извѣстно, съ принятіемъ христіанства въ древней Руси и богослуженіе, и церковная письменность, и лѣтописи велись на славянскомъ языкѣ. Въ теченіе многихъ вѣковъ церковно-славянскій языкъ считался языкомъ ученыхъ, языкомъ церковнымъ и къ нему относились съ особымъ почетомъ, хотя для массы народной онъ былъ мало понятенъ, но для писателей это была готовая рѣчь: «языкъ славянскій,—говорили тогдашніе ученые, — правдою Божіею основанъ, збудованъ, огороженъ есть»; для лучшаго его изученія въ 1586 году въ Вильнѣ была отпечатана «Грамматика славянскаго языка», составленная для того, чтобы книги славянскаго языка «добре читати и правописати». Въ 1619 году вышла еще грамматика и букварь Мелетія Смотрицкаго, извѣстнаго ученаго тогдашней Украины. Славянскій языкъ былъ научно разработанъ, въ народной же рѣчи недоставало словъ для богословскихъ и научныхъ выраженій. Тѣмъ не менѣе, народная рѣчь вторгалась неудержимо въ тогдашнюю книжность. XVI и XVII в.—эпоха подъема національной энергіи въ Украинѣ, когда борьба за православіе противъ католиковъ и уніи [2]),

---

[1]) Чумачество—одинъ изъ любимыхъ, коренныхъ промысловъ украинскаго народа; чумаки ѣздили въ Крымъ, покупали тамъ рыбу и соль, объѣзжали ярмарки на Украинѣ. Лучшій сборникъ чумацкихъ пѣсенъ составленъ И. Рудченкомъ.

[2]) Католическое духовенство хотѣло обратить украинцевъ въ католическую вѣру. Но, встрѣчая сильный отпоръ, оно предложило соглашеніе (унію), при которомъ соединялось начало православнаго и католическаго вѣроисповѣданія, а папа признавался главой и уніатской церкви, чего больше всего и добивалось католическое духовенство.

борьба за права народа противъ польскихъ помѣщиковъ разбудила въ Украинѣ національное сознаніе и страстное стремленіе къ знаніямъ, къ просвѣщенію. На сторонѣ поляковъ и католиковъ была уже разработанная научная литература, хорошо поставленная школа. Воспитанные въ этихъ школахъ украинцы стояли на уровнѣ развитія тогдашней европейской науки, но они же подъ вліяніемъ польской школы отходили отъ родного народа, измѣняли ему. Лучшіе люди встали на защиту украинскаго національнаго просвѣщенія. Народная масса вполнѣ сознательно отозвалась на это движеніе: по всей Украинѣ стали организовываться братства; на общія деньги они учреждали школы, богадѣльни, открывали типографіи, издавали книги—ученыя, главнымъ образомъ богословскія, въ защиту православія,—помогали писателямъ, устраивали ученые публичные споры (диспуты) съ католическими и уніатскими проповѣдниками, народные праздники и т. п. Все это создавало оживленную умственную жизнь, въ ней участвовали всѣ сословія: дворяне и богатые мѣщане щедро поддерживали своими средствами и школы, и типографіи, часто заводили ихъ въ своихъ домахъ. Особенно прославился своимъ покровительствомъ наукамъ и народному просвѣщенію князь Константинъ Острожскій. Принадлежавшій ему городъ Острогъ былъ въ XVI в. однимъ изъ блестящихъ очаговъ украинскаго просвѣщенія. Самыя знаменитыя своей просвѣтительной работой братства были въ Острогѣ, Вильнѣ, Львовѣ, Луцкѣ, Кіевѣ. Въ число кіевскихъ братчиковъ вписывается тогдашній гетманъ запорожскій со всѣмъ войскомъ. Въ XVII в. Кіевъ дѣлается центромъ просвѣщенія, когда въ немъ усиліями Петра Могилы, на собранныя разными жертвователями деньги, была открыта первая въ Россіи высшая школа, въ 1632 г. Кіево-Могилянская коллегія была устроена при богоявленскомъ братствѣ на Подолѣ. Хотя эта высшая школа была устроена П. Могилой по образцу польскихъ коллегій со всей латинской схоластикой того времени, но именно своимъ широкимъ научнымъ планомъ преподаванія она оказала громадное вліяніе на развитіе народнаго самосознанія. Она долгое время оставалась всесословнымъ училищемъ, гдѣ получали высшее образованіе сыновья гетмановъ, знатныхъ людей и крестьянскія дѣти. Ученики Кіево-Могилянской академіи (какъ переименовалъ эту коллегію Петръ I) были руководителями всего просвѣтительнаго движенія не только въ Украинѣ, но и въ другихъ славянскихъ земляхъ (въ Сербіи); ихъ вызывали въ Москву для исправленія устарѣлыхъ богослужебныхъ книгъ и для веденія научныхъ занятій въ открытомъ въ Москвѣ славяно-греко-латинскомъ училищѣ. Изъ Кіево-Могилянскихъ

учениковъ особенно прославились Епифаній Славинецкій (работавшій въ Москвѣ), Лазарь Барановичъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Симеонъ Полоцкій. На стражѣ православія эти ученые ставили славянскій языкъ и усердно занимались его разработкой. Они цѣнили его, какъ объединяющее начало, дѣлающее возможнымъ участіе въ общей умственной жизни не одному украинскому народу. Къ этому времени на немъ, однако, уже лежалъ ясный отпечатокъ живой народной рѣчи. У разныхъ писателей, конечно, соотношеніе между славянской рѣчью и народными словами и выраженіями было разное: одни вносили больше народнаго начала, другіе меньше; зависѣло это также и отъ содержанія сочиненія: въ богословскихъ догматическихъ произведеніяхъ церковно-славянскій языкъ выдерживается вполнѣ; въ проповѣдяхъ, гдѣ авторъ желаетъ быть какъ можно лучше понятъ народомъ, онъ прибѣгаетъ къ народнымъ выраженіямъ. Даже прямо признавали необходимость народнаго языка, напр., одинъ духовный проповѣдникъ говорилъ: «если будешь слово Божіе проповѣдати, а никто его не зразумити,—себе самого буде проповѣдати и висловляти, а не слово Боже». Этотъ самый ученый былъ увѣренъ, что и «Месіа праведний свою книгу писалъ латинскимъ, польскимъ и малороссійскимъ діалектомъ». Въ XVII в. издано очень много сборниковъ проповѣдей, поученій, писанныхъ уже тою книжною рѣчью, какую скорѣе можно считать украинской, чѣмъ славянской, и которую сами писатели называли «руська мова». Въ этой литературѣ очень много реторики[1]), но много въ ней написано въ защиту знанія, науки (Ѳеофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій), многое въ обличенье пороковъ тогдашняго украинскаго общества. Однимъ изъ талантливѣйшихъ такихъ проповѣдниковъ является Іоаннъ Вишенскій. Начитанный и трудолюбивый монахъ, родомъ изъ-подъ Львова, Вишенскій вторую половину жизни провелъ на Аѳонѣ. Монастырь Аѳонскій принималъ живое участіе въ тогдашней религіозной борьбѣ населенія юго-западной Руси. Вишенскій посылалъ оттуда свои талантливо написанныя и проникнутыя искреннимъ чувствомъ посланія, увѣщанія; онъ стоитъ прежде всего на защитѣ православія, но въ то же время останавливается и на многихъ общественныхъ явленіяхъ. Онъ обращается и къ высшимъ классамъ дворянства и духовенства, съ большой любовью также и къ простому населенію; онъ возстаетъ противъ неравенства общественнаго, и языкъ его почти украинскій: хотя самъ онъ еще страстно защищаетъ славянскій языкъ, видя въ немъ неразрывно

[1]) Реторика значитъ искусство краснорѣчія. Въ реторической рѣчи много лишнихъ словъ; они затемняютъ часто смыслъ, но придаютъ ей торжественность.

связанное цѣлое съ православіемъ. Самъ же пишетъ, обращаясь къ помѣщикамъ на Украинѣ: «Чимъ же ти лѣнишій одъ хлопа, албо ты не хлопъ такій же, скажи ми? дани пота и труда отъ бѣдныхъ подданныхъ вытягаете, волочите дани пѣняжные, живо лупите, обнажаете, мучите, томите—а сами яко идолы на одномъ мѣстцю присѣдите или если и трафится того труппа идолотвореннаго на другое мѣстце перенести на колыскахъ, безскорбно» и т. д. Языкъ Вишенскаго своеобразный, въ пылу негодованія онъ самъ творитъ слова[1]).

Вслѣдъ за поученіями и проповѣдями на книжной славянорусской рѣчи создаются риѳмованные разсказы о современныхъ событіяхъ, какъ, напр., «Ляментъ» (вопль) по поводу избіенія православныхъ въ Острогѣ въ 1622 г.; съ польскаго переводятся повѣсти «О семи мудрецахъ», «О трехъ короляхъ» и т. п., развивается драматическая литература. Она появляется сначала въ видѣ школьныхъ представленій, заимствованныхъ изъ западноевропейской драмы. Содержаніе бралось изъ разныхъ случаевъ священной исторіи, главнымъ образомъ сосредоточивалось вокругъ рожденія и воскресенія Іисуса Христа. Мало-по-малу въ эти представленія вносилися и бытовыя начала современной чисто-украинской жизни. Эти сцены, часто веселыя, одушевленныя юморомъ, оживляли слишкомъ напыщенную школьную рѣчь драмы. Онѣ носили названіе интермедій (междудѣйствій) и интересны своей народной реальностью. Изъ школъ эта литература переносилась школярами же по домамъ богатыхъ знатныхъ людей Украины. Изъ такихъ произведеній въ XVIII в. пользовались особенной извѣстностью: драма Конисскаго «Воскресеніе», Ѳеофана Прокоповича трагикомедія «Володиміръ», другого малоизвѣстнаго автора «Милость Божія»—патріотическая драма, восхваляющая подвигъ Богдана Хмѣльницкаго и выражающая большія симпатіи казачеству; затрогивались въ этихъ драмахъ и другіе вопросы общественной тогдашней жизни, какъ, напр., въ драмѣ Довгалевскаго—«Комическое дѣйствіе царя царей»,—переполненной народными сценами, или въ драматическомъ «Разговорѣ Малороссіи съ Великоруссіей». Очень въ ходу были въ концѣ XVII и въ теченіе XVIII в. сочиняемые учениками коллегій и школъ «вирши» (стихи), какъ, напр., вирша ярко оппозиціоннаго направленія; «Ще настало теперь въ світі?» или

[1]) Такъ въ одномъ своемъ обличеніи онъ обращается къ свѣтскимъ людямъ: «а ты кто такый? Еще еси на войну не выбрався, еще еси доматуръ, кровоѣдъ, мясоѣдъ, волоѣдъ, скотоѣдъ, звѣроѣдъ, свиноѣдъ, куроѣдъ, гускоѣдъ, птахоѣдъ, сытоѣдъ, маслоѣдъ, пирогоѣдъ, еще еси періноспалъ, мягкоспалъ, подушкоспалъ, еще еси цукролюбецъ, чревобѣсникъ, гортаноградель» и т. п.

такъ называемая «Ирмологія»: она начиналась обличеніями печальнаго положенія низшаго духовенства: «кто хоче лиха зазнати, нехай іде въ N дякуватп, то буде панщину въ будни робити, сала по селу прохати». Нѣкоторыя вирши принимали, наоборотъ, хвалебный характеръ и посвящались высокопоставленнымъ лицамъ.

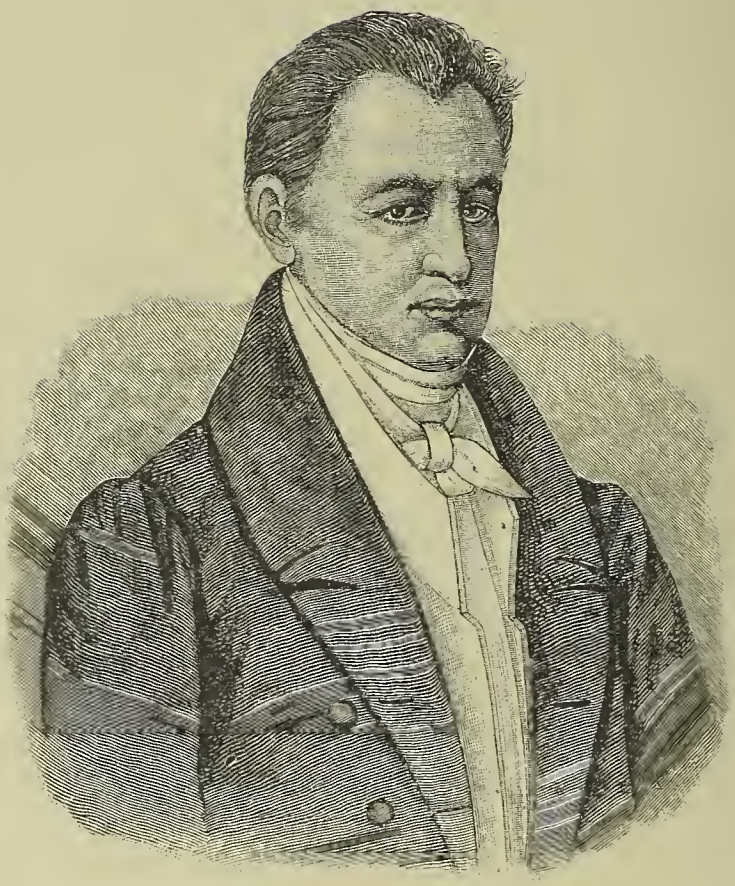
Въ это же время появляются первыя украинскія историческія хроники: «Повѣсть Самовидца», «Лѣтопись Самойла Величка», «Лѣтопись Грабянки». Всѣ онѣ написаны съ горячей любовью къ родной землѣ, съ большимъ сочувствіемъ къ казачеству. И въ этихъ историческихъ произведеніяхъ, какъ и въ драмахъ и виршахъ, народная рѣчь выступаетъ все съ большимъ преобладаніемъ надъ славянской, и своей непосредственной яркостью запечатлѣваетъ всю литературу начала XVIII в. Неблагопріятныя обстоятельства не дали ей, однако, правильно развиваться; покровительствуемая сверху русская культура и русскій языкъ занимаютъ господствующее положеніе, и въ книжный языкъ украинскій заносятся слова великорусскія. Характернымъ представителемъ этого литературнаго періода является философъ изъ народа Григорій Сковорода. Сынъ простого казака Полтавской губерніи, ученикъ Кіевской академіи, онъ былъ придворнымъ пѣвчимъ при Елизаветѣ, затѣмъ дополнилъ свое образованіе за границей. Тамъ онъ пѣшкомъ обошелъ Италію, Германію, посѣтилъ Римъ и другіе важные въ то время по своему просвѣщенію города, слушалъ лекціи лучшихъ ученыхъ. Тоска по родинѣ заставила его вернуться домой. Здѣсь онъ занялъ мѣсто учителя въ переяславской семинаріи, и съ этого же времени началась его свободная проповѣдь того міросозерцанія, какое у него сложилось подъ вліяніемъ всего видѣннаго и читаннаго. Изъ переяславскаго училища его удаляютъ, потому что епископу не понравилось его новое «Руководство къ преподаванію поэзіи». Онъ поступаетъ домашнимъ учителемъ къ разнымъ богатымъ помѣщикамъ Слободской Украины. Въ 1759 г. его пригласили учителемъ поэзіи въ Харьковскій коллегіумъ. Это было высшее учебное заведеніе, основанное въ Харьковѣ въ 1726 г. Здѣсь, однако, Сковорода тоже не удержался надолго; у него снова вышли «недоразумѣнія съ властями» изъ-за составленнаго имъ сочиненія: «Начальная дверь къ христіанскому добронравію для молодого шляхетства (дворянства) Харьковской губерніи». Послѣ этого онъ велъ скитальческую жизнь, то обучая дѣтей помѣщиковъ, то проповѣдуя свое ученіе по хатамъ убогому люду. Философія Сковороды приближалась къ Сократу въ нравственныхъ вопросахъ и къ ученію Спинозы въ пониманіи природы и идеи Божества. Въ то же время у него много и своего національно

Сковорода.

украинскаго, навѣянпаго на него народной украинской поэзіей, украинской народной жизнью того времени и природой. Онъ любилъ излагать свои мысли въ видѣ разговоровъ и раньше Крылова умѣлъ поучать слушателей баснями, называя ихъ «притчами». Свою любовь къ природѣ и радостное отношеніе къ жизни, простой и очищенной отъ всякой лжи, Сковорода любилъ выражать въ нѣсняхъ, близкихъ отчасти къ народной украинской пѣснѣ, но еще болѣе приближающихся къ «виршамъ» странствующихъ школяровъ и семинаристовъ. Сковорода является цѣннымъ выразителемъ настроенія просвѣщенной части тогдашняго украинскаго общества; онъ пользовался и въ немъ и у сельскаго населенія большой любовью и уваженіемъ. Его постоянное искапіе правды, истиннаго знанія и пониманія вопросовъ жизни и смерти сближаютъ его съ Л. Толстымъ; вліяніе его отразилось на двухъ поколѣніяхъ, особенно ярко среди населенія Харьковской губерніи, по которой онъ больше всего странствовалъ; тамъ долго хранилась память странника-старца, отказывавшагося отъ всякихъ удобствъ жизни, одинаково любовно относившагося ко всѣмъ людямъ. Сочиненія его въ рукописныхъ спискахъ ходили по рукамъ, многія заучивались на память. Лучшими его философскими произведеніями можно назвать: «Наркизъ или Познай себя», «Израильскій змій» и др. Самыми популярными до сихъ поръ остаются нѣкоторыя его пѣсни. Въ 1894 г. Харьковскій университетъ праздновалъ столѣтнюю годовщину со дня смерти Сковороды и подъ редакціей проф. Богалѣя вышелъ I томъ его сочиненій. Но раціонализмъ его религіозныхъ взглядовъ не поддается современнымъ цензурнымъ условіямъ, и 2-й томъ не выходитъ и до сихъ поръ изъ нѣдръ архивныхъ рукописей. Языкъ Сковороды тяжелый, смѣшанный изъ русскихъ, славянскихъ, украинскихъ формъ и словъ, со вставками латинскихъ и греческихъ словъ. Но въ общемъ характеръ его творчества, его изложенія даетъ ему полное право занять выдающееся мѣсто въ украинской литературѣ переходнаго періода—2-й половины XVIII в.

II. Первый періодъ новой украинской литературы.

Котляревскій. Возстановить украинскую рѣчь въ украинской литературѣ удалось И. Котляревскому. Онъ воспользовался классической фабулой—сказаніемъ объ Энеѣ—и въ эту чужую форму влилъ чисто-народное содержаніе, представилъ картину жизни, нравовъ, обычаевъ того самаго народа, отъ котораго



И. П. Котляревскій.

И. П. Котляревскій род. въ Полтавѣ въ 1769 г., умеръ въ Полтавѣ же въ 1838 г. Учился въ полтавской духовной семинаріи. Былъ учителемъ въ частныхъ домахъ. Живя по селамъ, сближался съ народомъ, изучалъ его языкъ, обычаи. Съ 1789 г. Котляревскій служитъ въ полтавскомъ магистратѣ, а потомъ надзирателемъ въ дворянскомъ пансіонѣ-пріютѣ, гдѣ пользовался большой любовью. Первое неполное изданіе Энеиды вышло въ печати въ Петербургѣ въ 1798 г. безъ вѣдома автора. Полная Энеида въ первый разъ вышла въ свѣтъ въ 1808 г. Въ 1902 г. въ Полтавѣ поставленъ памятникъ Котляревскому, какъ основателю этой литературы.

Екатерина II требовала, чтобъ онъ онъ нересталъ «поставлять себя народомъ отъ здѣшняго совсѣмъ отличнымъ». И эта украинская жизнь была обрисована съ художественнымъ реализмомъ именно въ такой моментъ, когда на Украинѣ уже сознавалась потребность своего независимаго поэтическаго слова. Какъ будто весь юморъ, все остроуміе виршей XVIII вѣка, вся яркость красокъ народной поэзіи XVI и точность народныхъ записей XVII в. перевоплотилась въ поэтическую поэму, и передъ читателемъ предстала вся тогдашняя Украина въ художественномъ реализмѣ и въ присущемъ тому времени демократическомъ настроеніи. Всѣ мелькающіе въ поэмѣ образы набросаны не кое-какъ, а художественно переработаны въ типы, вѣрные и психологической, и бытовой правдѣ. Въ поэмѣ масса юмора,—того искренняго добродушнаго юмора, который и смѣшитъ, и поражаетъ глубокимъ критическимъ анализомъ жизни. Въ этомъ отношеніи Котляревскій, съ одной стороны, продолжатель народной юмористической поэзіи и виршей, съ другой — непосредственный предшественникъ Гоголя. «Энеида» сразу завоевала симпатіи украинцевъ, ее переписывали, заучивали на память. Въ 1809 г. вышло второе ея печатное изданіе (первое вышло въ 1798 г.), и великое дѣло было сдѣлано: украинской рѣчи, этому языку рабовъ, какимъ онъ тогда считался, было завоевано право на литературную обработку. Развитію украинской поэтической письменности былъ проложенъ путь, путь реальной правды и гуманизма.

Кромѣ «Энеиды» такой же художественной простотой и лиризмомъ дышитъ «Наталка Полтавка», лирическая оперетта Котляревскаго, которая, благодаря своему реализму и поэтическому изяществу, уже второе столѣтіе остается одной изъ любимыхъ пьесъ украинскаго театра. Меньшей извѣстностью пользуется другая его комическая пьеса — «Москаль Чарівникъ» и «Ода князю Куракину», написанная на образецъ хвалебныхъ виршей странствующихъ школяровъ. Вездѣ народный языкъ въ художественной обработкѣ Котляревскаго выступалъ во всей своей плѣнительной красотѣ и привлекалъ вниманіе тогдашняго общества къ тому народу, который былъ главнымъ героемъ и «Энеиды», и «Наталки Полтавки», и «Москаля Чарівника». Два событія способствовали національному пробужденію, вызванному творчествомъ Котляревскаго: въ 1808 г. дѣлается первая попытка записать кобзарскія думы, и почти въ это же время выходитъ въ свѣтъ «Исторія руссовъ», написанная бывшимъ депутатомъ (выборнымъ) отъ украинскихъ губерній въ комиссіи, созванной Екатериной II—Полетикой. Это произведеніе не только воспроизводило исторію Украины, въ немъ высказывались и мысли пере-

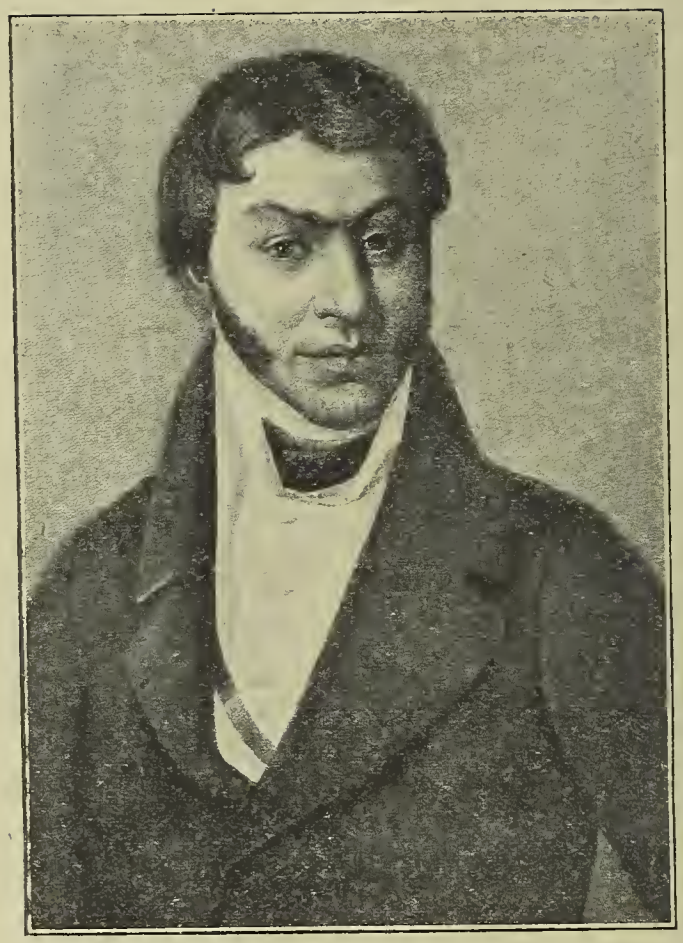
довой части украинскаго общества о положеніи украинскаго народа и о его угнетеніи. Мало-по-малу разрастался интересъ къ этнографическимъ особенностямъ населенія Украины. Въ то время ближайшимъ просвѣтительнымъ центромъ къ Полтавѣ былъ Харьковъ; тамъ въ 1805 году стараніями бывшихъ друзей и учениковъ Сковороды, особливо по хлопотамъ Каразина, былъ открытъ первый университетъ на югѣ Россіи. Съ самаго начала своего существованія, онъ сталъ очагомъ просвѣщенія для огромной области, простиравшейся отъ Курской губерніи до Чернаго моря. Онъ заводитъ новыя училища, подготовляетъ для нихъ преподавателей и рядомъ съ этимъ беретъ на себя починъ издательской дѣятельности. Уже черезъ 10 лѣтъ послѣ своего открытія университетская типографія за одинъ 1815 годъ выпускаетъ 27 изданій самаго разнообразнаго характера и содержанія. При содѣйствіи профессоровъ начинаютъ выходить журналы: «Украинскій Вѣстникъ», «Харьковскій Демокритъ», «Молодикъ», «Украинскій Журналъ» и др. Въ этихъ изданіяхъ рядомъ съ господствовавшей въ нихъ литературой на русскомъ языкѣ, печатались и украинскія произведенія — то въ видѣ образцовъ народной поэзіи, то и оригинальныя сочиненія украинскихъ писателей, какъ, напр., комическая поэма Гуляка Артемовскаго «Солопій та Хивря» (въ 10-й книжкѣ «Украинскаго Вѣстника»), переводъ изъ «Полтавы» Пушкина на украинскій языкъ, двѣ думы, 9 народныхъ пѣсенъ, стихотвореніе Боровиковскаго «Казакъ» и т. д. (въ «Украинскомъ Альм».). Но главной заслугой этой начинающейся журналистики можно признать тотъ интересъ, какой она проявляла къ мѣстной жизни, къ изученію родного края, его старины (таковы статьи «О Малороссіи», «О малороссахъ», «О гетманѣ Хмѣльницкомъ» и др.). Это создавало въ обществѣ особое романтическое народничество, плодомъ котораго явилась въ слѣдующіе за тѣмъ годы уже научно собираемая литература, чисто этнографическая. Такъ, уже въ 1833 г. Срезневскій начинаетъ издавать «Запорожскую Старину» или сборники украинскихъ пѣсенъ, думъ, преданій. Они еще не всѣ точно провѣрены, попадаются у Срезневскаго и ненародныя записи, но все это приковываетъ вниманіе своей красотой. Вслѣдъ за сборниками Срезневскаго выходятъ другіе, составленные Метлинскимъ, Максимовичемъ, Закревскимъ. Павловскій издаетъ грамматику украинскаго языка.

Рядомъ съ этнографіей развивается и литература, и цѣлый рядъ писателей продолжаетъ великое дѣло Котляревскаго—возрожденіе украинской рѣчи и литературную ея обработку. Среди этихъ первыхъ украинскихъ писателей выдѣляется талантливый

Квитка. Григорій Ѳедоровичъ Квитка. Если Котляревскій создалъ въ возрождающейся украинской литературѣ двѣ формы поэтическаго творчества—комическую поэму и лирическую оперетту—Квитка является творцомъ новой украинской повѣсти. Онъ замѣчательно владѣлъ этой формой и нѣкоторыя его повѣсти—«Сердешна Оксана», «Божі діти» и др.—если и устарѣли по содержанію, то по своему прекрасному чисто народному языку, нѣжному и выразительному, до сихъ поръ остаются образцовыми произведеніями украинской литературы. У Квитки много наблюдательности, много юмора, что проявилось не только въ украинскихъ его произведеніяхъ, но и въ русскихъ («Панъ Халявскій»[1]). Народный бытъ населенія харьковщины изображенъ Квиткой съ поразительной вѣрностью во всѣхъ деталяхъ; проф. Сумцовъ называетъ Квитку «однимъ изъ самыхъ крупныхъ этнографовъ украинскихъ 30-хъ и 40-хъ годовъ (XIX в.), непосредственно и внимательно изучавшихъ народную жизнь». Своимъ этнографическимъ записямъ и наблюденіямъ онъ давалъ литературную обработку[2]), и выпускалъ ихъ въ свѣтъ въ формѣ разсказовъ, повѣстей, комедій. Кромѣ бытового реализма и юмора, характерной чертой творчества у Квитки является талантливая обрисовка женскихъ характеровъ: его Оксана, Ганнуся и другія являются первообразами прекрасныхъ героинь Шевченка; онѣ проникнуты такою же нѣжностью и душевной силой, какою дышатъ образы народной украинской поэзіи. Повѣсти Квитки вызывали восторгъ его современниковъ. Кулішъ особенно восторженно отзывался о нихъ, называя ихъ «святымъ словомъ о тѣхъ людяхъ, которые не на книгахъ воспитались. Затронулъ онъ жизнь простого народа, взялъ сюжетомъ своихъ повѣстей неграмотнаго, темнаго хлѣбопашца, взялъ его живого, какъ онъ есть, и заговорилъ о немъ на его же языкѣ». Бодянскій называлъ его «первымъ прозаикомъ новой малороссійской словесности». Болѣе строго отнесся къ Квиткѣ Максимовичъ: онъ цѣнилъ не столько его произведенія, сколько направленіе его творчества на украинскомъ языкѣ «сознательное обращеніе къ *своенародности* въ литературѣ, — говоритъ Максимовичъ,—прошедшее сочувственно во всемъ русскомъ и славянскомъ мірѣ, составляетъ знаменательный характеръ того времени, въ которое и 55-лѣтній Квитка сталъ писать по-малороссійски подъ именемъ Основьяненка». Позднѣйшіе ученые, напр., Потебня, ставили Квитку очень высоко, какъ художника-бытописателя:

[1]) Квитка много писалъ по-русски и очень цѣнился, какъ сотрудникъ, лучшими столичными журналами того времени, какъ, напр., «Отечественными Записками».

[2]) См. брошюру проф. Сумцова: «Квитка, какъ этнографъ».



Г. Ѳ. Квитка.

Гр. Ѳед. Квитка родился въ 1780 г. въ селѣ Основа, подъ Харьковомъ. Ребенокъ былъ болѣзненный и чуть не ослѣпъ отъ золотухи; 15 лѣтъ онъ поступилъ на военную службу, въ 24 года бросаетъ службу, отказывается отъ всѣхъ радостей молодой жизни и уходитъ въ монастырь. Въ 1804 г., однако, уходитъ изъ монастыря и съ этого времени принимаетъ самое дѣятельное участіе въ жизни города Харькова. участвуетъ въ издававшихся въ Харьковѣ журналахъ, пишетъ въ столичныхъ русскихъ журналахъ; онъ—основатель Харьковскаго института для дѣвицъ; онъ дѣятельно работаетъ въ Харьковскомъ благотворительн. общ. Въ 1821 г. женится на одной изъ классныхъ дамъ института. Писать началъ въ 1816 г. статьями объ институтѣ; 55 лѣтъ начинаетъ писать на украинскомъ языкѣ. Первый разсказъ — «Солдацькій патрет». Умеръ въ 1843 г. въ своемъ домѣ въ Основѣ.

Науменко говоритъ о немъ: «безспорно, Квитка съ своими малорусскими повѣстями долженъ быть признанъ писателемъ самобытнымъ, стоящимъ во главѣ новаго, чисто народническаго періода въ украинской литературѣ; но появленіе его въ этой роли не можетъ считаться чѣмъ-то вполнѣ новымъ, неожиданнымъ, а объясняется фактами общаго теченія въ развитіи національнаго вопроса, свидѣтельствуя, впрочемъ, о его талантливой натурѣ и чуткой душѣ, угадавшей, гдѣ таятся живые источники новой поэзіи». Русскіе критики тоже отводили Квиткѣ выдающееся мѣсто въ украинской литературѣ. Въ «Современникѣ» о немъ писали: «природа надѣлила Квитку такою тонкою наблюдательностью характеровъ, странностей и всѣхъ сторонъ жизни, что прекрасное родится подъ его перомъ безъ малѣйшаго усилія. Изображая простонародный бытъ,—этотъ камень преткновенія для самыхъ счастливыхъ писателей,—онъ черты не внесъ лишней и не однимъ словомъ не повредилъ обольщенію». Также и Даль находилъ, что украинскія произведенія Квитки принадлежали къ самымъ вѣрнымъ, яркимъ картинамъ быта простолюдиновъ той части нашего огромнаго отечества, гдѣ живетъ и пишетъ сочинитель. Только Бѣлинскій строго осуждалъ и содержаніе, и народный языкъ Квитки и не находилъ интереса въ жизни простонародной. Позднѣйшій же изслѣдователь—Пыпинъ отмѣчалъ заслуги Квитки въ изображеніи «малорусской жизни и въ особенности малорусской женщины», а Дашкевичъ, говоря о Квиткѣ, указываетъ, что малорусская повѣсть опередила общерусскую литературу въ дѣлѣ вѣрнаго и сочувственнаго изображенія народной жизни.

Всѣ критики сходятся въ томъ, что русскія повѣсти Квитки далеко не такъ художественны, какъ написанныя по-украински. Но среди русскихъ его произведеній интересны его историческія повѣсти и очерки, какъ, напр., «Панна Сотниковна», «Татарскіе Набѣги», «Гаркуша», «Головатый», «Ярмарка». Въ нихъ широкая публика и теперь можетъ знакомиться съ бытовыми чертами украинскаго общества далекой эпохи. Въ свое время онѣ не мало способствовали пробужденію національнаго самосознанія. По словамъ профессора Д. И. Богалѣя, «историческія повѣсти Квитки заключаютъ въ себѣ любопытный матеріалъ для исторіи южной Руси».

Такимъ образомъ, и Котляревскій, и Квитка положили начало новой украинской литературѣ. Вызванное ими движеніе было подхвачено новыми молодыми талантами. Среди нихъ необходимо отмѣтить Гулака Артемовскаго съ его сатирическимъ стихотвореніемъ «Пан та Соба-

Гулакъ Артемовскій; Костомаровъ.

ка», гдѣ подъ видомъ замореной собаки изображено невыносимое положеніе закрѣпощеннаго народа. По силѣ языка и глубокому содержанію это—выдающееся произведеніе ранняго періода развитія украинской литературы. Гулакъ Артемовскій извѣстенъ еще переводами одъ Горація и нѣсколькими оригинальными стихотвореніями въ романтическомъ духѣ[1]). Этимъ романтическимъ національзмомъ были охвачены Метлинскій и извѣстный историкъ южной Руси Н. И. Костомаровъ. Профессоръ Харьковскаго университета, Метлинскій любилъ Украйну, собиралъ народныя пѣсни, самъ писалъ стихотворенія на украинскомъ языкѣ. Принявшись еще студентомъ Харьковскаго университета изучать народную украинскую поэзію, Костомаровъ увлекся неподдѣльной ея прелестью; онъ былъ изумленъ, что такое изящество, такая глубина и свѣжесть чувства могли быть въ творчествѣ народа, вблизи котораго онъ провелъ дѣтство и на который не обращалъ вниманія. Костомаровъ наизусть выучилъ весь сборникъ пѣсенъ Максимовича, прочелъ «Запорожскую Старину» Срезневскаго, первыя повѣсти Квитки и рѣшился самъ изучить украинскій языкъ непосредственно съ устъ народа. Сначала ходилъ по селамъ возлѣ Харькова, затѣмъ ѣздилъ въ Полтаву, въ Диканьку. Вездѣ онъ вслушивался въ народную рѣчь, записывалъ пѣсни, незнакомыя слова и выраженія. Украинская рѣчь и поэзія такъ овладѣли воображеніемъ будущаго историка, что онъ и самъ сталъ писать по-украински стихи, которые издалъ подъ названіемъ «Украинскія баллады». Затѣмъ, увлеченный героическими картинами украинской исторіи, Н. И. написалъ драму «Сава Чалый», а затѣмъ трагедію въ стихахъ «Переяславська ніч». Эти произведенія имѣютъ мало и художественной и исторической цѣнности, но въ то время они имѣли свое значеніе. Издавая ихъ, Костомаровъ сблизился съ цѣлымъ кружкомъ молодыхъ писателей: Петренко, Писаревскій, Корсунъ. Послѣдній извѣстенъ, какъ издатель украинскаго сборника «Сніп».

Сороковыми годами можно закончить первый періодъ возрожденія украинской литературы. По мѣсту изданій всѣхъ лучшихъ произведеній и по вліянію на писателей Харьковскаго университета, этотъ періодъ можетъ быть названъ Харьковскимъ. Онъ богатъ и художественными произведеніями и этнографическими—

---

[1]) Петръ Гулакъ Артемовскій (род. 1790 г. — умеръ 1866 г.) былъ родомъ изъ Кіевской губ., учился сначала въ Кіевской академіи, потомъ въ Харьковскомъ университетѣ, гдѣ потомъ былъ профессоромъ исторіи, географіи и статистики, а потомъ ректоромъ. Началъ писать по-украински въ 1817 г. Лучшія его вещи вышли подъ заглавіемъ „Кобзарь П. Гулака Артемовскаго“ въ 1878 г. въ Кіевѣ. Сатирическія его произведенія—„Пан та Собака“, „Солопій та Хивря“. Изъ романтическихъ—„Рибалка“, „Твардовський“ и др.

сборниками пѣсенъ, думъ и другихъ народныхъ памятниковъ—среди нихъ первое мѣсто занимаетъ сборникъ Метлинскаго «Народныя южнорусскія пѣсни» и «Сборникъ думъ и пѣсенъ» Максимовича. Максимовичъ, бывшій профессоромъ сначала въ Москвѣ, а потомъ въ Кіевѣ, хотя и не принадлежалъ къ харьковскимъ украинскимъ кружкамъ, но своими учеными трудами пользовался въ это же время громаднымъ авторитетомъ. Весь этотъ періодъ поставилъ украинскую науку — этнографію [1]), исторію,— очень высоко и далъ литературѣ народническое направленіе, поддержанное такими художниками слова, какъ Котляревскій, Гулакъ Артемовскій, Квитка. Въ этомъ народничествѣ было много національнаго романтизма, господствовавшаго въ тѣ годы и въ польской, и въ русской литературѣ. Но сквозь него просвѣчивается самобытный реализмъ, развитіе котораго наиболѣе сильно должно было проявиться въ послѣдующемъ періодѣ, отмѣченномъ яркимъ творчествомъ Т. Г. Шевченка.

III. Второй періодъ новой украинской литературы.

Кирилло-меѳодіевское общество. Характернымъ фактомъ для начинающагося второго періода новой украинской литературы является образованіе Кирилло-Меѳодіевскаго общества въ Кіевѣ въ 1846 г. Въ этомъ кружкѣ національныя стремленія и народническое направленіе лучшихъ представителей тогдашняго украинскаго общества получили широкое освѣщеніе и опредѣленную задачу. Кирилло-Меѳодіевское братство признало крѣпостное право невозможнымъ явленіемъ сколько-нибудь нравственно развитого общества, а національное развитіе Украины братчики объединяли съ національными стремленіями другихъ славянскихъ народовъ. Въ то же время и отрицаніе крѣпостничества, и признаніе національныхъ правъ всѣхъ народовъ основывалось въ этомъ кружкѣ на общемъ признаніи необходимости свободы политической и духовной жизни народа. Въ уставѣ общества идеалы его членовъ выразились въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) освобожденіе славянскихъ народовъ изъ-подъ власти угнетающихъ ихъ иноплеменниковъ; 2) организація народностей въ самобытныя политическія общества, федеративно (союзно) между собою объединенныя; 3) уничтоженіе всякаго рабства, подъ какимъ бы видомъ оно ни скрывалось; 4) упраздненіе сословныхъ преимуществъ и исключительныхъ правъ; 5) религіозная свобода и вѣротерпимость; 6) полная свобода

[1]) Т.-е. науку о народныхъ особенностяхъ; сюда также относится изученіе народной поэзіи—съ цѣлью выясненія по ней народнаго характера и міропониманія.

мысли, научнаго воспитанія и печатнаго слова; 7) преподаваніе всѣхъ славянскихъ нарѣчій и литературъ въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ славянскихъ народовъ; 8) украинская народность признавалась равноправною съ другими славянскими народностями; 9) всѣмъ братчикамъ вмѣнялась въ обязанность строго нравственная личная жизнь. Широкій умъ историка набросалъ этотъ уставъ; чуткій поэтъ съ безконечно любящей душей вдохновился идеалами кружка и своимъ могучимъ словомъ закрѣпилъ ихъ на нестираемыхъ скрижаляхъ своего «Кобзаря».

Шевченко.

Гулакъ и Н. И. Костомаровъ были учредителями Кирилло-Меѳодіевскаго кружка, Шевченко—наилучшимъ выразителемъ его идеаловъ. Существованіе кружка не могло быть продолжительно,—при первомъ доносѣ его члены были арестованы, сосланы на далекія окраины; Шевченко выстрадалъ больше другихъ; онъ былъ взятъ въ солдаты и 10 лѣтъ мучился въ Закаспійскихъ степяхъ на тяжелой тогдашней службѣ простого солдата. Но высокій гуманизмъ его поэзіи отъ этого нисколько не ослабѣлъ: любовь къ людямъ, любовь къ родной Украинѣ были два господствующія чувства въ душѣ великаго украинскаго поэта. Сынъ крѣпостного, изъ села Кириловки, въ Кіевской губерніи, Шевченко воочію видѣлъ страданія народа въ крѣпостной зависимости, самъ пережилъ униженіе этого рабства и навсегда возненавидѣлъ его во всѣхъ его, хотя бы и прикрытыхъ, формахъ. Правда была его идеаломъ, и онъ смѣло могъ сказать, что никогда никакое лукавство не осквернило его уста, его мысль. Оглядываясь на свою многострадальную жизнь, Шевченко просто говоритъ своей долѣ: «Ми не лукавили з тобою: ми просто (прямо) йшли»! «У насъ нема зерна неправди за собой!» Людей онъ проситъ: «любите правду на землі и більш нікого!» Съ любовью къ правдѣ у Шевченка сливалась любовь къ Украинѣ, которая страдаетъ отъ совершаемой надъ нею неправды. И не одна Украина страданіемъ своимъ возбуждала сочувствіе поэта: онъ откликался чуткою душей на всякое горе людское. Спасеніе людей, избавленіе народа отъ угнетенія Шевченко видѣлъ въ расширеніи чувства братолюбія, въ господствѣ правды и свободы: «Добро найкращее на світі—то братолюбіе!» Украина безталанная оживетъ лишь тогда, мечталъ поэтъ, когда на ея широкіе ланы «святая правда прилетить»; тогда: «оживуть степи, озера, незрячі прозрять, німим отверзуться уста, прорветься слово, як вода», и «раби, без гвалту і крику позсходяться до купи раді та веселі, і пустиню опанують веселиї села».

Т. Г. Шевченко.

Т. Г. Шевченко, сынъ крѣпостного крестьянина, родился въ селѣ Маринцы въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Кіевской губ., 25 февраля 1814 года. Рано потерялъ мать и страдалъ отъ суровости мачехи. Жадно хотѣлъ учиться, научиться рисовать, но никакъ не могъ найти учителя; юношей попадаетъ на службу къ помѣщику въ качествѣ «казачка» (полу-лакея); замѣтивъ его способности къ живописи, помѣщикъ Энгельгардтъ отдаетъ его учиться въ Петербургъ къ одному маляру. Случайная встрѣча Шевченко съ земляком Сошенко, художникомъ-живописцемъ, вводитъ Шевченка въ кругъ интеллигентныхъ людей; съ ихъ помощью онъ откупается отъ своего барина и, высвободившись отъ крѣпостной зависимости, онъ поступаетъ въ Академію художествъ. Окончивши курсъ, уѣзжаетъ въ Кіевъ преподавателемъ рисованія въ университетѣ св. Владимира; здѣсь онъ близко сходится съ Костомаровымъ. Подозрѣвая его въ участіи въ Кирило-Меѳодіевскомъ обществѣ, его арестуютъ и солдатомъ ссылаютъ въ Прикаспійскія степи и на Аральское море. Только черезъ 10 лѣтъ, со вступленіемъ на престолъ Александра II, друзьямъ Шевченка удается выхлопотать ему прощеніе и разрѣшеніе вернуться въ Петербургъ. Умеръ въ Петербургѣ 26 февраля 1861 г. Похороненъ подъ Каневомъ на высокой скалѣ надъ Днѣпромъ. Въ 1840 г. вышло первое изданіе «Кобзаря». Самое полное, со всѣми его стихотвореніями на украинскомъ языкѣ вышло только въ 1907 году въ Петербургѣ. Шевченко написалъ по-русски нѣсколько повѣстей и одну поэму, но эти произведенія значительно ниже его «Кобзаря».

Художественное творчество Шевченка проявилось въ эпическихъ поэмахъ и въ лирическихъ стихотвореніяхъ. Поэмы его историческія и бытовыя. Изъ первыхъ самыя сильныя—«Гайдамаки» и «Неофіти» (Новокрещеные), изъ бытовыхъ — «Наймічка» и «Катерина». Въ «Гайдамакахъ» представлена яркая картина послѣдняго народнаго возстанія въ Украинѣ, прославлены его герои—Зализнякъ, Гонта; въ «Неофітахъ» разработанъ одинъ эпизодъ изъ борьбы язычества съ христіанствомъ при Неронѣ. «Катерина»—это трогательная повѣсть страданій женской обманутой любви; въ «Наймичкѣ» представленъ высокій образъ матери, всю жизнь страдавшей ради счастья своего ребенка. Во всѣхъ этихъ поэмахъ рядомъ съ чисто эпической красотой набросанныхъ картинъ бытовыхъ и историческихъ, рядомъ съ трагическимъ реализмомъ въ изображеніи страданій героевъ—Гонты, Катерины, Наймички — выступаетъ трогательный искренній лиризмъ поэта въ цѣломъ рядѣ отступленій, выражающихъ настроеніе самого поэта, его отношеніе къ описываемымъ имъ людямъ и фактамъ. Изъ лирическихъ стихотвореній большая часть обращена къ Украинѣ или выражаетъ личныя, преимущественно печальныя, настроенія поэта. Жизнь Т. Г. Шевченка была полна страданій, и страданія родины слишкомъ болѣзненно отзывались въ его душѣ, чтобы поэзія его могла быть жизнерадостна. Нѣтъ, муза Шевченка — муза любви и печали. Какъ поэтъ гуманистъ, Шевченко можетъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ міровой поэзіи. Чувство любви къ людямъ, сочувствіе ихъ страданіямъ вездѣ выражено поэтомъ съ неподдѣльной простотой и искренностью, самоотверженная любовь и всепрощеніе—любимыя нравственныя качества Шевченка, и ими онъ надѣляетъ больше всего женщинъ (Відьма, Наймичка, «Дівчата на луці гребли» и др.); но есть и мужскіе образы, проникнутые широкимъ братолюбіемъ (солдатъ въ стихотвореніи «Неспалося, а ніч як море», «Москалева Криниця», «Петрусь»). Любовь къ родинѣ звучитъ у Шевченка во многихъ прекрасныхъ стихотвореніяхъ: «Як умру, то поховайте», «Мені однаково», «Сонъ» и много другихъ. Украина—главная героиня и любимая тема всей поэзіи Шевченка. Никто еще не превзошелъ украинскаго поэта въ искренности и глубинѣ художественнаго выраженія этого чувства. Его великая любовь къ своему краю, сочувствіе страданіямъ родного ему народа помогли ему понять и перечувствовать страданія чужихъ народовъ и вылить свое сочувствіе къ нимъ въ прекрасныхъ поэмахъ «Гус», «Кавказ», въ стихотвореніи «Ляхам» и др.

Форма творчества Шевченка самобытная, иногда очень близкая къ народной украинской пѣснѣ—«Ой на горі ромен цвіте»,

«Як би мені, мамо, намисто» и др. Рѣомы часто нѣтъ, но стихъ всегда музыкаленъ и своей звучностью, своимъ размѣромъ всегда—въ полномъ соотвѣтствіи съ содержаніемъ; напр., если сравнить широкій строгій звукъ въ «По над полем іде» гдѣ смерть выступаетъ точно подъ похоронный маршъ, или острое отчаяніе въ «Думи мої, думи», или спокойный повѣствовательный размѣръ въ стихотвореніяхъ «Вечір», «За сонцем хмаронька пливе» и т. д. Всѣ эти внутреннія и внѣшнія достоинства поэзіи Шевченка даютъ его «Кобзарю» безсмертіе. Прошло полвѣка со дня смерти поэта, а «Кобзарь» такъ же приковываетъ къ себѣ вниманіе, такъ же благородно чаруетъ своего читателя чистой, высокой красотой вложенныхъ въ него художественныхъ сокровищъ и нравственныхъ идеаловъ. Съ распространеніемъ грамотности растетъ и спросъ на «Кобзаря» въ Украинѣ; его все чаще и чаще можно видѣть въ сельскихъ хатахъ на родинѣ поэта. Съ ростомъ національнаго самосознанія выясняется значеніе Шевченка, какъ національнаго поэта. День его рожденія сталъ дѣйствительно національнымъ праздникомъ Украины и къ празднованію его относятся вполнѣ сознательно не только въ городахъ, но и въ селахъ на Украинѣ, да и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ только есть нѣсколько человѣкъ украинцевъ въ столицахъ, въ ссылкѣ, въ эмиграціи. Съ именемъ Шевченка связана идея нравственнаго, соціальнаго и національнаго возрожденія украинскаго народа. Въ лицѣ Шевченка слились древнія представленія о поэтѣ, какъ о пророкѣ и учителѣ истины, духовномъ вождѣ народа. (Ср. о Шевченко—выше, 502 стр.).

Естественно, какое громадное вліяніе имѣлъ Шевченко на украинскую литературу не только современнаго и близкаго ему періода. Онъ умеръ въ годъ величайшаго событія русской исторіи—освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Въ великое подготовительное къ этому акту освободительное движеніе Шевченко внесъ свое могучее слово. На него отзывается талантливая писательница *Марко-Вовчокъ* и въ цѣломъ рядѣ художественныхъ очерковъ рисуетъ ужасы крѣпостничества въ Украинѣ. Цѣлая группа молодыхъ писателей украинцевъ объединяются вокругъ украинскаго журнала «Основа» — Мордовцевъ, Ганна Барвинок, Кузменко, Свидницкій, Руданскій и др. «Основа» издавалась въ Петербургѣ; часть статей печаталась въ ней на русскомъ языкѣ, а часть на украинскомъ. Редакторомъ ея былъ Бѣлозерскій, главную работу въ ней вели Кулішъ и Костомаровъ съ начала ея изданія. Костомаровъ помѣстилъ въ ней двѣ лучшихъ своихъ работы: «Двѣ русскія народности» и «О федеративномъ началѣ въ древней Руси». Кулішъ заполнялъ

Кулішъ.

журналъ своими историческими, критическими статьями, стихотвореніями, повѣстями. Въ началѣ 60-хъ годовъ все украинское движеніе какъ бы сосредоточивалось въ неутомимой энергіи этого талантливаго человѣка. За участіе въ Кирилло-Меѳодіевскомъ обществѣ Кулішъ былъ сосланъ въ Тулу. Но въ 1856 г. и Костомаровъ и Кулішъ уже были въ Петербургѣ, куда въ то время перенесся главный очагъ украинской культурной работы. Издательская дѣятельность почти вся была въ рукахъ Куліша; страстный этнографъ,—онъ издалъ сборникъ украинскихъ думъ, легендъ и разсказовъ подъ заглавіемъ «Записки о Южной Руси». Кромѣ этого, онъ издавалъ и чужіе матеріалы со своими разъясненіями. Подъ вліяніемъ Шевченка, вернувшагося въ 1858 году изъ ссылки, началось изданіе народныхъ доступныхъ книжечекъ для самообразованія—буквари, священныя исторіи и т. д. Эти книжечки были извѣстны подъ общимъ названіемъ «метелики» и заслужили добрую славу доступностью изложенія. Въ 1860 г. Кулішъ издалъ литературный украинскій сборникъ «Хата». Въ «Основѣ» онъ велъ отдѣлъ критики и часто очень строго судилъ тѣ или другія произведенія. У него былъ тонкій художественный вкусъ, съ которымъ считался даже Шевченко. Но въ то же время это былъ человѣкъ съ черезчуръ повышеннымъ самолюбіемъ и самомнѣніемъ, быстро переходившій отъ однихъ крайнихъ мнѣній къ другимъ. Этимъ объясняются въ позднѣйшій періодъ жизни его рѣзкія выступленія въ печати противъ украинства, противъ Шевченка, Костомарова и другихъ, бывшихъ его лучшими друзьями. Изъ оригинальныхъ произведеній Куліша художественными достоинствами отличаются его «Чорна Рада»—историческая поэма—повѣсть изъ послѣднихъ временъ казачьей автономіи, сборникъ стиховъ «Досвітки» и прелестная поэма въ прозѣ—идиллія «Орися». Очень цѣнны переводы Куліша, которымъ онъ посвятилъ послѣдніе годы своей жизни, одиноко прожитые на хуторѣ въ Борзенскомъ уѣздѣ, вмѣстѣ съ женой, извѣстной украинской писательницей—Ганной Барвінок. Онъ перевелъ 13 драмъ Шекспира, «Донъ-Жуана» и «Чайльдъ-Гарольда» Байрона и много изъ Гёте, Шиллера, Гейне. Самымъ цѣннымъ переводомъ его до сихъ поръ считается переводъ всей Библіи, изданный въ 1903 г. въ Вѣнѣ англійскимъ библейскимъ обществомъ. Евангеліе въ переводѣ Куліша было напечатано въ Галиціи гораздо раньше, но до послѣдняго времени было запрещено въ Россіи. Кулішъ умеръ въ 1897 г., оставивъ громадный литературный матеріалъ, еще до сихъ поръ неизданный.

Марко-Вовчокъ. Изъ другихъ сотрудниковъ «Основы» первое мѣсто принадлежитъ, конечно, *Марку Вовчку*; произведенія этой талантливой украинской писательницы приводили въ восторгъ такихъ тонкихъ цѣнителей искусства, какъ Тургеневъ и Шевченко, который называлъ Марко Вовчокъ «кроткимъ пророкомъ, ниспосланнымъ съ неба освѣтить страданія Украины». Разсказы Марко Вовчокъ изданы въ двухъ томахъ въ Кіевѣ. Послѣ ея смерти [1]) въ 1907 г. были напечатаны еще нѣсколько новыхъ разсказовъ изъ народной жизни. Языкъ во всѣхъ этихъ произведеніяхъ чисто народный, народная жизнь представлена съ художественной простотой и реализмомъ, всѣ разсказы проникнуты любовью и сочувствіемъ къ страдающей народной массѣ. Красотою языка отличались и маленькіе разсказы Стороженка, освѣщенные веселымъ чисто украинскимъ юморомъ, какъ, напр., «Вусы» «Голка», Межигородський Дід» и др. Стороженко извѣстенъ чисто народной формой разсказа и въ собраніи его «украинскихъ оповідань», рядомъ съ записанными имъ съ народныхъ устъ стоятъ и переработанные творческой его фантазіей народные анекдоты и легенды. Въ нихъ блещетъ яркость картинъ (встрѣча запорожца съ чортомъ въ разсказѣ «Закоханий чортъ»), красота описаній природы, сквозитъ непосредственное народное міросозерцаніе (разсказъ бабы въ «Межигородськомъ діді»). Всѣ произведенія на украинскомъ языкѣ Стороженко написалъ въ 1861—62 г. Затѣмъ въ 1879 г. была издана его повѣсть «Марко Проклятый». Она тоже является переработкой народныхъ легендъ, но ей недостаетъ художественной цѣльности,—она изобилуетъ излишними вставками авторскихъ размышленій. Но языкъ ея тоже прекрасный. Произведенія Стороженка относятся больше къ этнографическому періоду развитія украинской литературы; въ нихъ нѣтъ того общественно—обличительнаго направленія, какое съ такой силой звучало у народниковъ, писавшихъ послѣ Шевченко, и особенно ярко выразилось въ произведеніяхъ Мирного и небольшихъ разсказахъ Д. Маркевича. Левицкій, Мирный и Маркевичъ—художники, народники. Они внесли въ третій періодъ украинской

Стороженко.

---

[1]) О творчествѣ М. Вовчокъ (род. въ 1830 г. въ Орловской губ., умерла въ 1907 г.) долго спорили: одни восторгались, какъ она, будучи великорусскаго происхожденія, такъ прекрасно усвоила украинскую рѣчь и такъ ярко ее творила. Другіе приписывали разсказы, подписанные этимъ псевдонимомъ ея мужу А. Маркевичу, извѣстному украинскому этнографу. Споръ этотъ возобновился по поводу смерти Маріи Александровны. Точныя изслѣдованія покойнаго украинскаго ученаго В. Доманицкаго окончательно утвердили за нею самостоятельность ея творчества на украинскомъ языкѣ.

литературы глубокій анализъ души крестьянина, критику общественныхъ условій его жизни. Если Левицкій-Нечуй[1]) является въ первыхъ своихъ произведеніяхъ только прекраснымъ разсказчикомъ, живописцемъ правобережной Украины («Рибалка Панасъ Круть», «Кардашева семья», «Не можно бабі Парасці вдержатися на селі»), то послѣдующія его произведенія вскрываютъ все глубже народную жизнь и даютъ цѣльныя картины жизни разныхъ сословій; напр., въ «Бурлачкѣ» жизнь рабочихъ на сахарныхъ заводахъ, въ «Миколѣ Джерѣ» страница изъ исторіи бѣглаго населенія Украины, убѣгавшаго отъ крѣпостной зависимости, въ «Старосвитскихъ батюшкахъ та матушкахъ» сельское украинское духовенство. Подъ перомъ этого выдающагося художника-реалиста оживаетъ и природа, и люди Украины. Красота творчества Левицкаго при всемъ его реализмѣ обвѣяна еще романтизмомъ, всего ярче вылившимся въ его сказкѣ «Запорожцы». У Мирнаго реализмъ проявляется сильнѣе, и психологическій анализъ его затрогиваетъ болѣе сложныя явленія. Его романъ «Пропаща сила» (появившійся сначала за границей подъ заглавіемъ «Хиба ревуть воли, якъ ясла повни») составила эру въ украинской литературѣ по своему реализму, по художественной отдѣлкѣ всѣхъ деталей жизни и природы и по вдумчивому психологическому анализу характеровъ. Герой романа не мирится съ тяжелыми условіями жизни въ безысходной бѣдности и трудѣ; онъ организуетъ небольшую тайную шайку грабителей и живетъ разбоемъ. Чинко—это борецъ, при лучшихъ условіяхъ онъ боролся бы за свободу, добивался бы знаній. Теперь онъ жаждетъ только легкой наживы, сильныхъ ощущеній. Онъ погибаетъ, разбивши жизнь своей матери и красавицы-жены. Эти два женскіе скорбные, вѣчно тревожные образа очень сильно очерчены Мирнымъ. Село и его обыватели описаны въ томъ настроеніи, какимъ села были охвачены наканунѣ освобожденія крестьянъ, когда не ставало больше терпѣнія переносить всѣ униженія крѣпостной зависимости. Эту же эпоху Мирный рисуетъ въ повѣсти «Лихо давне і сучасне». Герои Мирнаго очерчены ярко, отъ нихъ вѣетъ силой и величіемъ (Чинко, старый чабанъ, Варка). Кромѣ оригинальныхъ художественныхъ произведеній у Мирнаго есть прекрасные переводы: «Пѣснь о Гайаватѣ» (Лонгфелло), «Король Лиръ». Никто не превзошелъ его въ описаніи природы степей. Левицкій и Мирный, продолжая направленіе Марко Вовчокъ,

Левицкій.

Мирный.

[1]) И. С. Левицкій (псевдонимъ—Нечуй) род. въ 1833 г. въ Кіевской губ., былъ учителемъ гимназіи; вышедши въ отставку, продолжаетъ литературную дѣятельность и до настоящаго времени.

въ своемъ творчествѣ сдѣлали значительный шагъ впередъ въ оцѣнкѣ общественныхъ и экономическихъ условій народной жизни и своими художественными дарованіями высоко подняли украинскую повѣсть и романъ.

Д. Маркевичъ.

Въ короткихъ разсказахъ Д. Маркевича [1]) выступаютъ отдѣльные эпизоды, образы изъ народной украинской жизни. Въ нихъ много яркой правды, и всѣ они проникнуты глубокой любовью къ многострадальному народу. Этотъ гуманизмъ звучитъ и когда авторъ разсказываетъ про пастуха, замерзающаго въ степи («Шматокъ») и про «Омелько Каторжнаго», бѣжавшаго изъ Сибири, чтобъ повидаться съ женой и дѣтьми. Языкъ Маркевича сжатый и красивый, разсказъ развивается на глазахъ читателя и захватываетъ его. Разсказы Маркевича собраны подъ общимъ заглавіемъ «По степамъ й хуторамъ». Прочувствованный протестъ противъ смертной казни вылился въ его разсказѣ „Final“ («Финалъ», т.-е. заключеніе).

Въ 1862 г. прекратилось изданіе «Основы» [2]) а съ 1863 года начались преслѣдованія украинскаго языка, онъ запрещенъ былъ къ употребленію въ школахъ, популярныя книги запрещены были и, наконецъ, указомъ 1876 года запрещены были всякіе переводы на украинскій языкъ, всякія научныя, популярныя, дѣтскія книги. Допускалась и то съ большимъ трудомъ изящная литература. Всѣ рукописи на украинскомъ языкѣ подлежали двойной цензурѣ—мѣстнаго цензора (преимущественно Кіевскаго) и главнаго управленія по дѣламъ печати въ Петербургѣ. Но разъ начавшееся національное движеніе и такъ ярко расцвѣтшая украинская литература не могли замереть подъ давленіемъ внѣшняго гнета. Только первое съ культурной почвы перешло въ общественно-политическое, а вторая нашла опору за предѣлами Россіи. Почти 10 лѣтъ съ половины 70-хъ годовъ до половины 80-хъ украинскіе писатели должны были печатать свои произведенія въ Галичинѣ. И только съ конца 80-хъ годовъ украинцы получаютъ снова нѣкоторую возможность читать и издавать свои книги въ Россіи. На этомъ третьемъ періодѣ украинской новой литературы, подвергавшейся наибольшимъ преслѣдованіямъ, видимъ вліяніе украинскаго политическаго писателя М. Драгоманова и тѣхъ литературныхъ вѣяній, которыя господствовали въ

---

[1]) Д. В. Маркевичъ род. въ 1848 г. въ Полтавѣ, былъ на службѣ въ разныхъ должностяхъ по Министерству Юстиціи.

[2]) Кромѣ упомянутыхъ нами выше писателей, въ «Основѣ» писали еще Свидницкій, авторъ интересной хроники изъ быта украинскихъ семинаристовъ. Ганна Барвінокъ, писательница народнаго быта, и др. Въ «Основѣ» же много писали объ украинскомъ вопросѣ выдающіеся представители украинской науки: Антоновичъ. П. Житецкій.

это время въ русской литературѣ, и могутъ быть охарактеризованы направленіемъ общественно-психологическимъ.

Драгомановъ.

Въ сближеніи Украины съ Галиціей сыгралъ, конечно, большую роль Драгомановъ. Видя, что въ Россіи запрещается свободное развитіе украинской національной жизни, онъ переселился за границу и тамъ сталъ издавать посвященный украинскому вопросу журналъ «Громада». Въ то же время, какъ послѣдователь началъ Кирилло-Меѳодіевскаго братства, онъ въ своихъ ученыхъ и публицистическихъ статьяхъ выяснялъ понятія федерализма, свободнаго самоуправленія, національнаго демократизма. Вліяніе его въ Галиціи было громадно. Собственно начало возрожденія украинской литературы въ Галиціи произошло тоже подъ вліяніемъ Котляревскаго и Шевченка, но Драгомановъ направилъ ее на путь демократической работы — пробужденія сознанія въ народѣ. Присоединенная къ Австріи въ самомъ началѣ XIX в., эта часть украинской земли подъ вліяніемъ католическаго и уніатскаго духовенства подверглась сильному ополяченію: старая письменность была забыта, связь съ Украиной порвана, а польская культура привлекала своимъ пышнымъ расцвѣтомъ. Только съ 30-хъ годовъ XIX в. началось первое движеніе къ національному самосознанію. Головацкій, Шашкевичъ и Вагилевичъ являются его двигателями. Появляются литературные сборники на украинскомъ языкѣ—«Заря» «Русалка Дністрова». Эти первыя литературныя пробы на народномъ языкѣ вызываютъ строгія цензурныя преслѣдованія со стороны нѣмецкой администраціи и насмѣшки польской интеллигенціи. Рядомъ съ польскимъ и нѣмецкимъ противодѣйствіемъ образуется еще такъ называемая москвофильское: не признавая украинской рѣчи за отдѣльный славянскій языкъ, сторонники этого теченія называли русинскую рѣчь «языкомъ чабановъ» и предлагали замѣнить его общерусскимъ. Но подъ этимъ названіемъ москвофилы [1]) употребляли какую-то смѣсь церковно-славянскихъ и великорусскихъ словъ, одинаково непонятную ни русскимъ, ни украинцамъ. Къ 50-мъ годамъ въ Галицію проникли произведенія Шевченка, Куліша, извѣстія о Кирилло-Меѳодіевскомъ обществѣ. Національное движеніе оживилось, поэтъ Федьковичъ выступилъ съ своими чисто народными разсказами. Это движеніе въ 70-хъ годахъ подъ вліяніемъ Драгоманова становится на прямую демократическую основу. Благодаря конституціи еще съ 60-хъ годовъ здѣсь развивается журналистика; въ этихъ журналахъ

[1]) т.-е. сторонники Москвы.

послѣ извѣстнаго указа 1876 года принимаютъ дѣятельное участіе украинскіе писатели изъ Россіи. Среди дѣятелей національнаго возрожденія Галиціи первое мѣсто принадлежитъ поэту

Франко.

П. Франко. Сынъ бѣднаго кузнеца, онъ тяжелымъ трудомъ добился образованія и всю жизнь боролся за возрожденіе своего народа. Въ своихъ повѣстяхъ и разсказахъ онъ—талантливый реалистъ, ярко и съ горячимъ сочувствіемъ рисующій бытъ преимущественно сельскаго и городского пролетаріата. Прекрасны его разсказы, собранные подъ названіемъ «В поті чола», хороши также его повѣсти изъ интеллигентной галицкой жизни «Перехрестні стежки», «Для домашнього огнища» и др. Въ нихъ онъ рѣзко бичуетъ эгоизмъ мѣщанскихъ классовъ галицкаго общества, потерю ими своей народности. Стихи его—это поэзія борьбы за родину, за благо народа. Отпечатокъ грусти лежитъ на нихъ, много въ нихъ и субъективнаго лиризма; эти стихи выходили въ нѣсколькихъ сборникахъ, лучшіе изъ нихъ «З вершин і низин» и «Зівьяле Листе». Франко, кромѣ того талантливый публицистъ, ученый и переводчикъ. Правдивымъ проведеніемъ въ жизнь своихъ убѣжденій, готовностью всегда принять за нихъ страданія, онъ воспитывающе вліялъ на молодежь и общество въ Галиціи. Ея поражающій духовный и общественной ростъ за послѣдніе 20—30 лѣтъ, конечно, во многомъ зависѣлъ отъ неутомимой многообразной дѣятельности Франка. Вліяніе Франка отразилось и въ русской Украинѣ. Въ ней тоже въ это самое тяжелое время угнетенія мысли и слова выступали дѣятельные писатели и поэты, отдававшіе всѣ свои силы на пробужденіе національнаго самосознанія, на поддержку національной литературы. Между этими дѣятелями видное мѣсто

Гринченко.

занимаетъ Гринченко, своими популярными изданіями продолжавшій начатое Кулішомъ и Шевченкомъ созданіе украинской образовательной общедоступной книги и оставившій послѣ себя стихи, проникнутые гражданской скорбью и любовью къ родинѣ; много писалъ онъ и разсказовъ изъ народнаго быта, изъ жизни украинской интеллигенціи («Хатка в бальці», «Сяйвний Промінь» и др.) и нѣсколько драматическихъ произведеній.

Щеголевъ, Руданскій и Глѣбовъ.

Изъ лирическихъ поэтовъ этого періода надо отмѣтить Щеголева [1]), начавшаго писать въ «Основѣ» и затѣмъ въ концѣ 70-хъ годовъ издавшаго два сборника «Ворскла» и «Слобожанщина». Это поэтъ-реалистъ: съ чисто эпической простотой онъ умѣлъ

---

[1]) Род. въ 1824 г. въ г. Ахтыркѣ, ум. въ 1898 г. Всю жизнь прожилъ въ Харьковѣ.

рисовать художественныя картинки народнаго быта; таковы его: «Ткач», «Шинок», «Косарь». Изъ лирическихъ стихотвореній особенно хороши его «Баю-баю», «Вівчарик». Нѣкоторыя стихотворенія Щоголева носятъ характеръ народной пѣсни, напр., «Черевички», «Орел», «Бурлаки» и др. Очень чистымъ народнымъ языкомъ писалъ Руданскій [1]), но его стихотворенія благодаря цензурнымъ стѣсненіямъ появились въ печати уже послѣ смерти самого поэта. Наибольшей извѣстностью пользуются его «Співомовки», стихотворенія: «Гей, гей, бики», «Наука», «Студент» и др. Къ группѣ поэтовъ, владѣвшихъ въ совершенствѣ народной украинской рѣчью, нужно отнести баснописца Л. Глібова. Басня въ украинской литературѣ развилась еще въ первой половинѣ XIX в., когда очень любимы были басни Боровиковскаго («Клим», «Крила у вітряка») и особенно Гребінки, басни котораго вышли отдѣльнымъ изданіемъ. Но популярность Глібова [1]) и его «баёк» превзошла этихъ его предшественниковъ. Передѣлывая басни Крылова и другихъ баснописцевъ, онъ придавалъ имъ чисто національный украинскій характеръ. Языкъ его отличается силой и выразительностью и блещетъ юморомъ, какъ, напр., «Вареники»—это цѣлая картинка, выхваченная изъ народнаго быта, эпилогъ къ баснѣ «Вовк та лисица», это эпизодъ изъ жизни, всѣмъ хорошо знакомый [2]). Иногда басня обставлена описаніемъ природы, всегда удачно дополняющимъ картину, напр., въ баснѣ «Кіт та Щука»; оригинальныя басни Глібова окрашены искреннимъ лиризмомъ, какъ, напр., «Билина».

Театръ. Къ 30-мъ годамъ XIX в. относится возрожденіе украинскаго театра и драматической литературы. М. Л. Кропивницкій и ближайшіе его сотрудники и товарищи—М. К. Заньковецкая, Н. К. Садовскій, А. К. Саксаганскій и И. К. Тобилевичъ (Карпенко-Карый), члены первой украинской труппы, были выдающіеся артисты; они сразу подняли значеніе украинскаго театра не только въ Украинѣ, но и въ столицахъ Россіи. Но даровитой труппѣ нечего было играть; Кропивницкій и Старицкій принялись обновлять репертуаръ, сначала очень удачными передѣлками русскихъ и польскихъ пьесъ, затѣмъ и своими оригинальными. Пьесы Кропивницкаго носили больше этнографическій характеръ; украшенныя народными пѣснями и обрядами, онѣ были красивы и сильно дѣйствовали на подъемъ національнаго самосознанія. Лучшими его комедіями и драмами можно назвать «Дві сімьї», «Глитаї, або павук», «Даї сердцю

---

[1]) Род. въ началѣ 30-хъ годовъ въ Подоліи, умеръ въ Ялтѣ въ 1873 г.

[2]) Род. въ Полтавской губ. въ 1827 г., умеръ въ Черниговѣ въ 1893 г.

волю—заведе в неволю». Большой жизненностью отличается его водевиль «По ревизіи». Старицкій, авторъ многихъ лирическихъ стихотвореній и переводовъ съ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ поэтовъ [1]), издатель нѣсколькихъ литературныхъ сборниковъ, выступилъ съ прекрасной исторической драмой «Богдан Хмільницький» и бытовою драмой «Не судилося». Серьезное развитіе драматической литературы началось съ произведеній Карпенко-Караго. Въ нихъ уже не только обрисовывался бытъ народа, но и осложнялась коллизія [2]) и драматическія положенія, обрисовывались сильные характеры, оживала борьба за счастье, за жизнь, погибала жизнь человѣческая, растираемая тяжелыми условіями жизни или роковою судьбой. Таковы его драмы: «Наймичка», «Безталанна». Въ соціальныхъ (общественныхъ) комедіяхъ Тобилевича—«Сто тисяч», «Хазяїн»—много юмору, наблюдательно подхваченныхъ подробностей въ обрисовкѣ цѣльныхъ типовъ современнаго села. Очень сильно, хотя не безъ романтизма написана историческая драма «Сава Чалий». Произведенія Карпенко-Караго создали народный національный репертуаръ, вызвали интересъ къ украинскому театру, открыли широкой публикѣ новыя стороны въ народной жизни. Кромѣ этихъ трехъ созидателей украинской драмы, развитію ея содѣйствовали Мирный (своей драмой «Лемерівна», содержаніе которой взято изъ народной пѣсни), а въ послѣднее время Яновская своими драмами изъ жизни украинской интеллигенціи—«Дзвін до церкви скликає, а сам в ней не буває» и картинками изъ народной жизни «На Меланки», «На зелений клін» и др. [3]).

Такимъ образомъ и во время самыхъ сильныхъ стѣсненій украинскаго слова, художественная украинская литература не замерла, а продолжала развиваться. Во всѣхъ ея формахъ—лирикѣ, сатирѣ, романѣ, повѣсти, разсказѣ и драмѣ,—талантливые поэты и писатели дружными усиліями творили великое дѣло: они оберегали свою націю отъ гибельнаго усыпленія и давали ей необходимую духовную пищу въ видѣ прогрессивной демократической литературы, проникнутой идеалами великаго вдохновителя этого періода Т. Г. Шевченко.

---

[1]) М. П. Старицкій род. въ 1840 г. въ Полтавской губ. Его стихотворенія и переводы вышли въ силу цензурныхъ запрещеній только въ 1908 г. уже послѣ его смерти.

[2]) Т.-е. драматическое столкновеніе (характеровъ или чувствъ).

[3]) Л. А. Яновская (род. въ 1861 г. въ Черниговской губ.) болѣе извѣстна какъ авторъ прекрасныхъ бытовыхъ разсказовъ: «Смерть Макарихи», «За высоким тином», «Идеальный батько» и др. Въ этихъ разсказахъ выступаютъ вѣрныя подробности уклада народной жизни современнаго украинскаго села.

Новѣйшій періодъ украинской литературы.

Къ концу XIX в. цензурный гнетъ надъ украинскимъ словомъ нѣсколько ослабѣлъ, а послѣ 1906 г. украинцы получили возможность издать сочиненія тѣхъ авторовъ, которые до тѣхъ поръ напечатаны были лишь въ Галиціи; оказалось возможнымъ свободнѣе получать украинскія изданія изъ Львова и издавать въ Россіи украинскіе газеты и журналы. Этотъ новѣйшій періодъ украинской литературы за послѣднія 20 лѣтъ представляетъ интересное многообразіе направленій, что можетъ служить доказательствомъ зрѣлости и чуткости къ окружающему ее міру литературныхъ явленій. Сдавленная внѣшними притѣсненіями, лишенная широкихъ рамокъ для наблюденія, благодаря потерѣ своей народности интеллигентнымъ украинскимъ обществомъ, литература въ теченіе почти цѣлаго столѣтія развивалась исключительно въ народническомъ направленіи: создалась богатѣйшая сокровищница очерковъ, характеристикъ, картинъ народной жизни. Но жизнь расширяла національное движеніе, въ него захватывались и интеллигентные круги, и молодежь, и семьи. Открывались новые объекты анализа, создавались у самихъ писателей новыя настроенія, новые запросы творчества. Во главѣ этого новѣйшаго періода украинской литературы можно поставить М. Коцюбинскаго, В. Винниченка и поэта Олеся.

Коцюбинскій. Коцюбинскій отличается тонкой изящной отдѣлкой своихъ произведеній и глубокимъ анализомъ души человѣка. Онъ пользуется своими наблюденіями надъ самыми разнообразными людьми и положеніями. Онъ переноситъ читателя то въ Крымъ въ среду татаръ въ прелестномъ очеркѣ-акварели «На Камені»; то въ среду молдаванъ, на бессарабскій виноградникъ, гдѣ земскіе агенты уничтожаютъ филоксеру вмѣстѣ съ цѣлыми кустами винограда, къ великому ужасу обладателей виноградника—въ разсказѣ «За для загальнаго добра». Онъ открываетъ намъ трогательное сочувствіе къ чужому горю въ сердцѣ простой бабы, отдающей послѣдній свой «пьятизлотник» (въ разсказѣ подъ этимъ же заглавіемъ) на голодающихъ далекихъ невѣдомыхъ ей областей. Въ «Цвіт яблуні» Коцюбинскій заставляетъ насъ переживать страданія сложной души писателя, раздваивающейся въ переживаніи остраго личнаго горя и наблюдающаго себя въ то же время по привычкѣ, какъ бы для художественнаго анализа. Въ произведеніяхъ Коцюбинскаго можно прослѣдить цѣлый рядъ различныхъ душевныхъ настроеній, разныхъ духовныхъ организацій, начиная отъ простыхъ сердецъ, какъ у отца

Василія въ разсказѣ «Лялечка» до сложной грубой души палача—«Persona Grata» или страдающихъ изломанностью душевной интеллигентовъ—«Хо», «В дорозі». У Коцюбинскаго меньше лиризма, чѣмъ у другихъ украинскихъ художниковъ: у него строгій объективный рисунокъ, тонкое, колоритное изображеніе факта, момента, душевнаго движенія. Языкъ его сжатый и разнообразно оттѣняющій содержаніе. Описанія природы у него особенно красивы, рисуетъ ли онъ море, степь или цвѣтущій садъ. Часто языкъ его становится полонъ символовъ, образовъ, и природа какъ бы отзывается у него на тревоги человѣка (напр., игра тѣней и тучъ «В дорозі»). Разсказы Коцюбинскаго переведены на русскій, на чешскій, на нѣмецкій языкъ. Часть ихъ издана въ Россіи, «Оповиданія», т. I, часть въ Галиціи «З глибін», многіе разбросаны въ разныхъ литературныхъ украинскихъ сборникахъ и журналахъ.

Винниченко.

Винниченко творитъ совершенно иначе, чѣмъ Коцюбинскій: его произведеніямъ часто недостаетъ разработки; тема иногда задумана широко, а выполнена невыразительно, передъ нами огромная творческая сила, чуткая впечатлительность художника страстно отзывающаяся на всѣ явленія жизни, одинаково смѣло рисующая намъ и отвратительное зло, и обаятельное добро. У Винниченка таится глубокая вѣра въ человѣка: въ силу этой вѣры онъ не боится рисовать человѣка въ самыхъ скользкихъ положеніяхъ, гдѣ герои Винниченка проявляютъ подчасъ совершенно звѣриные инстинкты (какъ, напр., въ разсказѣ «Купля», въ драмѣ «Memento», «Щабли Життя», «Чужі люде»); но, ненавидя ложь, онъ говоритъ намъ: «будьте только честны сами съ собой, и вы будете нравственны». Глубокая критика нашихъ формъ семейной жизни, нашихъ кружковыхъ взаимныхъ отношеній, безповоротное осужденіе нашихъ условныхъ нравственныхъ требованій придаютъ многимъ произведеніямъ Винниченка новый интересъ, воспитывая въ читателѣ болѣе искреннее, болѣе внимательное отношеніе къ своему поведенію; они пробуждаютъ самоанализъ. Произведенія Винниченка собраны въ три сборника—первый «Краса і Сила» изданъ въ 1906 г. Въ немъ заключаются болѣе раннія его повѣсти и разсказы изъ народной жизни, изъ которыхъ самая сильная въ художественномъ отношеніи «Краса і Сила»,—тема и сопоставленія очень любимыя Винниченко: красоту притягиваетъ сила и наоборотъ. Второй и третій сборники составлены изъ небольшихъ, но прекрасныхъ въ художественномъ отношеніи разсказовъ, изъ которыхъ особенно хороши: «Момент», «Зина», «Раб Краси», «На пристані». Каждый разсказъ—это законченный эпизодъ человѣческой жизни, гдѣ умѣлымъ рѣзцомъ вырѣзаны характеры, на-

строенія, всегда самобытныя и интересныя. Обличительное направленіе проявляется больше въ его драматическихъ произведеніяхъ, изъ которыхъ по содержанію очень интересна «Молох»; но въ ней еще неудовлетворительная обработка формы драматическаго произведенія. Лучше всего написана и по формѣ и по оригинальности темы его послѣдняя драма—«Брехня». (См. Лит. Наук. Вістн., кн. 10, 1910 г.). Такимъ образомъ Винниченко въ украинской литературѣ является выразителемъ новѣйшихъ настроеній и запросовъ какъ народной трудовой массы, такъ и городского украинскаго общества, и произведенія его читаются нарасхватъ, особенно молодежью.

Леся Украинка. Поэтовъ-лириковъ новаго времени очень много въ украинской литературѣ. Но между ними оригинальностью своего творчества и художественной силой своего дарованія выдѣляются Олесь и Леся Украинка, а также Дніпрова Чайка, начавшая писать еще въ XIX вѣкѣ. Леся Украинка пишетъ такъ же давно, но долгое время стихи ея оставались въ Галиціи и только въ XX в. вышелъ въ Россіи сборникъ ея стиховъ «На крилах пісень». Это лирическая поэзія, ясная, тихая, красивая, которой недостаетъ, однако, необходимой силы чувства. Въ послѣдніе годы эта поэтесса удачно создала новую въ украинской литературѣ поэтическую форму—поэмы-драмы, черпая темы въ легендахъ и въ исторіи евреевъ, грековъ, египтянъ, французовъ. Въ этихъ поэмахъ-драмахъ проявилась необыкновенная талантливость Леси Украинки и красота ея вдумчиваго творчества. Что касается до Олеся, то, конечно, его

Олесь. два сборника стиховъ; первый—«З журбою радість обнялась» и второй подъ простымъ названіемъ «Поэзії», кн. друга,—это лучшее поэтическое богатство Украины послѣ «Кобзаря» Шевченка. Олесь—символистъ [1]) по своему творчеству и символы его очень выразительны и красивы, какъ, напр., «Айстри», «Голуби» и другіе. Тема главная, господствующая, особенно во второмъ томѣ его стиховъ, это Украина, ея страданія, возможность ея возрожденія; съ горячимъ негодованіемъ онъ бичуетъ всѣхъ, измѣнившихъ народному дѣлу. Рядомъ съ этими искренними и сильными патріотическими стихотвореніями, у Олеся есть жизнерадостныя изящныя пѣсни. Въ послѣднее время вышла поэма его, символически изображающая современное на-

[1]) Символомъ называется воплощеніе въ какомъ-нибудь предметѣ человѣческаго чувства или общественнаго явленія, напр., крестъ признается символомъ страданія за идею или за ближняго. Голубь—символъ кротости и чистоты, заяцъ—трусости. Въ украинской народной поэзіи большое количество прекрасныхъ символовъ: хмара, зозуля и другіе.

строеніе общества въ видѣ блужданья толпы въ темномъ безысходномъ лѣсу въ напрасномъ стремленіи къ свѣту, къ исходу. Поэма названа «По дорозі в казку».

Стефаникъ.

Эти три выдающіеся поэта въ настоящее время даютъ главное освѣщеніе украинской литературѣ. Вокругъ нихъ многіе продолжаютъ прежнія народническія традиціи, таковы: Стефаникъ въ Галиціи съ своимъ страшно пессимистическимъ изображеніемъ ужаснаго экономическаго положенія галицкихъ крестьянъ. Его разсказы изданы въ Галиціи нѣсколькими сборниками, а у насъ въ Петербургѣ въ одномъ томѣ, «Оповидання», между ними есть разсказы, потрясающіе своимъ мрачнымъ реализмомъ, какъ, напр., «Стратився», «Кленові листки», «Бассараби» и др.; близка къ Стефанику по безрадостному изображенію народной жизни писательница Григоренко;

Григоренко, М. Левицкій, Черняв-скій, Черкасенко.

ея сборникъ «Наші люде на сели», написанъ съ большимъ талантомъ. Большимъ реализмомъ отличаются также небольшіе разсказы М. Левицкаго, чуткаго наблюдателя народной жизни, въ нихъ много юмору и мягкаго сочувствія горестямъ маленькихъ людей. Нѣкоторые разсказы драматичны въ своей простой передачѣ, какъ, напр., «Забув», «Ніобея» и др. Интересно творчество Чернявскаго, начавшаго съ лирическихъ стихотвореній,—«Зорі», позднѣе онъ началъ писать разсказы и многіе изъ нихъ очень художественны, какъ, напр., «Зораб», «Наши повернулися» и др. Къ такимъ же прекраснымъ разсказчикамъ относится Черкасенко съ своими маленькими разсказами изъ быта шахтеровъ. Много новаго интереснаго содержанія въ драматическихъ произведеніяхъ Черкасенко, посвященныхъ изображенію борьбы рабочихъ за улучшеніе своего положенія.

Крымскій, Дніпрова Чайка.

Въ сторонѣ отъ нихъ стоятъ *Манжура*, *Крымскій* и *Дніпрова Чайка*. Манжура — талантливый поэтъ и отличный этнографъ; въ его стихотвореніяхъ видно превосходное знаніе народнаго быта. Крымскій, внесшій струю восточныхъ мотивовъ. Много путешествуя по востоку, владѣя арабскимъ и персидскимъ языками, онъ пишетъ краснвымъ своеобразнымъ языкомъ. Стихи его собраны подъ заглавіемъ «Пальмове гилля» въ нихъ онъ воспѣваетъ красу лавровъ, кипарисовъ и оплакиваетъ свое одиночество. Крымскій далъ много хорошихъ переводовъ; его повѣсти и разсказы посвящены личнымъ темамъ. Наиболѣе жизненныя и остроумно юмористичныя — «В народ», «Въ обіймах старшого брата». Дніпрова Чайка одна изъ первыхъ символистокъ въ украинской литературѣ: она начала писать поэтическими симво-

лами раньше, чѣмъ въ русской литературѣ началось увлеченіе символической поэзіей. У Дніпровой Чайки непосредственное поэтическое вдохновеніе выражалось всегда наилучше символами. Ея поэзія красива и проста, символы выразительны, а рѣчь льется плавными широкими бѣлыми стихами. Она начала писать еще въ 80-е годы, къ сожалѣнію, ея короткія изящныя стихотворенія и поэмы еще не собраны въ одно изданіе. Лучшими можно назвать: «Плавни горять», «Буровісник», «Дівчина Чайка», «Певний притулок» и др. Изъ новыхъ поэтовъ выдаются еще по талантливости сатирикъ Самійленко, Чернявскій, въ стихахъ котораго хорошо обрисована природа, Чуприлка съ наклонностью къ философіи, съ красивымъ стихомъ, Алчевская, Гай, Капельгородскій.

Заключеніе.

Такъ развивалась украинская литература въ постоянной борьбѣ за существованіе. Въ теченіе болѣе 100 лѣтъ ея поэты и писатели отстаивали права народнаго языка, въ своихъ произведеніяхъ обнаруживали всю силу и красоту его и обрисовывали въ яркихъ картинахъ народную жизнь, природу Украины, ея національные типы. Они постепенно расширяли горизонты поэзіи, и, оставаясь все время вѣрными гуманнымъ, демократическимъ завѣтамъ вождей украинской мысли, даровитые поэты вознесли украинскую литературу на достойную высоту среди другихъ славянскихъ литературъ. Въ самые тяжелые часы національнаго угнетенія украинское художественное слово спасло мысль и духовное творчество націи, звало его къ лучшей жизни. Этотъ краткій, далеко не полный очеркъ украинской литературы хотѣлось бы закончить стихомъ Олеся,—онъ высказалъ въ немъ, съ присущимъ ему сильнымъ чувствомъ все страданіе и всю красоту украинскаго слова:

О слово рідне! орле скутий!
Чужинцям кинуте на сміх!
Співучий грім батьків моїх,
Дітьми безпамьятно забутий!
О слово рідне! Шум дерев,
Музика зорь блакітнооких,
Шовковий спів степів широких,
Дніпра між ними левій рев!
О слово! будь мечем моїм!..
Ні сонцем стань! въ горі спинись,
Осяй мій край!

Творчество лучшихъ поэтовъ новѣйшаго литературнаго періода можетъ дѣйствительно освѣтить національную жизнь Украины новыми широкими лозунгами нравственнаго возрожденія на тѣхъ непоколебимыхъ устояхъ братолюбія и свободы, основаніе которыхъ было положено авторомъ «Энеиды» и «Наталки Полтавки».

Библіографія.

Житецкій, П. Очерки литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в. 2 р.

Житецкій, П. Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ.

Сумцовъ, М. Малюнки з життя українського народнього слова. X. 1910 р. 1 карб.

Пыпинъ. Исторія русской этнографіи. Т. III. Малорусская этнографія.

Костомаровъ. Историческое значеніе народныхъ малорусскихъ пѣсенъ. Собр. сочин., т. XXI.

Житецкій, П. Энеида Котляревскаго въ связи съ обзоромъ малор. литер. XVIII в.

Кримскій, А. Іоаннъ Вишенскій.

Пыпинъ и Спасовичъ. Исторія славянскихъ литературъ. I т.

Петровъ. Очерки исторіи украинской литературы XIX в.

Дашкевичъ. Отчетъ о XXIX присужденіи Уваровской преміи (разборъ очерковъ Петрова).

Конисскій, О. Тарас Шевченко. Хронїка ёго життя.

Драгомановъ, М. Шевченко, украйнофіли й соціалізм.

С. Ефремов. Тарас Шевченко. Життя ёго та діла.

Объ отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова. Изд. Акад. Наукъ. 1910 г.

О. Грушевскій. З сучасної украинськой литературы (XIX и XX в.). Начерки й характеристики.

Коріфей украинской сцены.

Стешенко. Українськи шестидесятники (см. Записки наук. тов.).

Грушевскій, М. Украинскій вопросъ.

Ефремовъ. На мертвой точкѣ.

„ Въ поискахъ новой красоты.

Доманицкій, В. Авторство Марко Вовчок.

Омельченко. Въ поискахъ соціальной морали (о Винниченко).

Сумцовъ. Изъ украинской старины (о Котляревскомъ, Квиткѣ, Шевченкѣ и Щеголевѣ).

Франко. Нарис исторіі украинской литературы.

Алфавитный указатель къ VII тому.

А.

„Абидосская невѣста“—319.
Абиссинскій языкъ—106.
Аблесимовъ—544.
Авары—197.
Аввакумъ—403.
Августинъ—241.
Австралійскіе языки—106.
Агамемнонъ—226, 228, 230.
Агаѳонъ—322.
Азбука славянская—117, 121.
Академія Наукъ—527.
Аканье—159 55.
Аккадяне—105.
Аккадо-суммерійскій языкъ—105.
Аксаковъ, К.—442.
Албанскій яз.—108.
Алеко—423, 424.
Александринскій театръ—540.
Александръ I—532.
Александръ II—534.
Алексѣй Михайловичъ—535, 536, 402.
Алеша Поповичъ—384.
Алчевская—596.
Альбовъ—558.
Альвеолярный затворъ—33.
Альцестъ—235.
Анакреонъ—419.
Англійскій языкъ—168.
Андреевичъ—369, 70, 443.
Андреевъ, Л.—358.
Андромаха—226.
„Анна Каренина“—476.
„Антигона“—239, 240.
„Антонъ Горемыка“—448.
Аористъ—92, 172.
Апокрифъ—396.
Арабскій языкъ—106.
Аристотель—248.
Аркадій Кирсановъ—461.
Артемій старецъ—392, 394, 399.
Армянскій языкъ—168—70, 204.
Аскетизмъ—242.
Ассиро-вавил. языкъ—105—6.
Ассоціація—81, 82, 83.
„Аугсбургская газета“—343.
Ауэрбахъ—346.
Афганскій языкъ—168.
Ахиллесъ—226—230.

Б.

Байронъ—308, 318—326, 420, 423, 436.
Багалѣй, Д. И.—571.
Балтійскіе народы—196.
Бальзакъ—347—47, 353.
Банту—106.
Барановичъ—568.
Баранцевичъ—558.
Батюшковъ—419.
Баумгартенъ—514.
„Бахчисарайскій фонтанъ“—420, 423.
Башкиры—106.
Беатриче—242, 243, 245, 246, 248, 257
Безухій, Пьеръ—476.
Беккаделли, Антоніо—249.
Беппо—324.
Берне, Людвигъ—337.
Берсеневъ—454.
Библія—105.
Бирманскій языкъ—106.
Боборыкинъ—484, 556, 559.
Богородицкій—213.

Бодянскій О.—577.
Боккачіо—242, 249, 253.
Болгары, болг. яз.—15, 96, 104, 115, 116, 117, 124, 125 197.
Бомарше—302, 303 и дал.
„Борисъ Годуновъ"—216, 255, 421, 427.
„Брандъ"—360.
Браччіолини, Поджіо—249.
„Бригадиръ"—544.
Бронхи—18.
Буало—543.
Булгаринъ—520.
Буржуазія—286, 302, 316.
Буржуазная драма—306.
Буряты—106.
Бушменскій яз.—106, 513.
Былина—381.
„Бѣдные люди"—479.
Бѣлинскій, В.—429, 431, 444, 446, 448, 521, 527, 577.
Бѣлкинъ—426.
Бѣлоруссы—159—160, 207.
„Бѣсы"—481—2, 550.
Бэконъ—248, 265.

В.

Вавилонско-ассирійскій языкъ—105—6.
Вавилонъ—106.
Валла, Лоренцо—249.
Валленштейнъ—314.
Валуевъ—442, 564.
Василій Буслаевичъ—384—5.
Великорусы—159—160, 207.
Венгеровъ, С. А.—368—369.
Венгерскій языкъ—106, 197.
Веневитиновъ—515.
„Венеціанскій купецъ"—260.
Вепсскій языкъ—197.
Вергилій—419.
Вертепъ—536, 537.
Вертеръ—317.
„Вечера на хуторѣ близъ Диканьки"—429.
„Взбаламученное море"—550.
Взрывные согласные—33.
Византія—115, 116.
Викторъ Гюго, см. Гюго.
„Вильгельмъ Мейстеръ"—315.
„Вильгельмъ Телль"—314.
„Виндзорскія проказницы"—257.
Виннпченко—593.
Вишенскій—568.
Владимиръ Мономахъ—397.
Вогулы—106.
Возрожденіе—246 и сл., 276.
„Война и миръ"—346, 476.
Волапюкъ—100—101.
Волковъ—539, 540.
Волны звуковыя—23.
Волоховъ—452, 550.
Волынскій—522.
Вольтеръ—276, 287—9, 292, 293, 299, 349, 301.
Вопросительныя предложенія—182.
Восклицательныя предложенія—182.
Второстепенные члены предложенія—181.
„Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями"—444, 516.
Высота: шума—37, звука—25.
„Вѣдомости" Петровскія—523.
„Вѣстникъ Европы"—528.

Г.

Гавличекъ—135.
Гай—596.
Галицкое нарѣчіе—212.
„Гамбургская драматургія"—306.
„Гамлетъ"—221, 254, 264—6.
Гамсунъ, Кнутъ—354.
„Гаргантюа и Пантагрюэль"—250.
Гаршинъ, Вс.—470, 472, 499.
Гауптманъ—346.
Гвельфы—244.
Гвидо Навелло—244.
Гейне, Генрихъ—336—345.
Гекторъ—226, 277, 229.
Геліосъ—224.
Генрихъ: IV—254—7.
„ V—254—5.
„ VI—254.
„ VII—254.
Генрихъ Гейне, см. Гейне.
„Генріада"—289.
Германцы—194—5.
„Германъ и Доротея"—314.
„Герой нашего времени"—437.
Герценъ—444.
Гете—305—311, 315—316.
Гибеллины—244.
Главныя предложенія—184 и дал.
Главное управленіе цензуры—533.

Глаголица—118, 119, 120, 122.
Глаголъ—76, 77.
Гласные звуки—28—32.
Глѣбовъ—589.
Глѣбъ Успенскій, см. Успенскій.
Говоръ—92—97, 111, 113.
Гоголь, Н. В.—429—434, 444, 515—518, 448, 544, 548, 479, 412, 488, 368.
Голицынъ—558.
Голландскій языкъ—168, 203.
Головинъ—486, 551.
Гольбахъ—294.
Гомеръ—223 и сл., 244.
Гончаровъ—451—456.
Горацій—416, 543.
„Горе отъ ума"—415, 516.
Горло дых.—18.
Гортань—18—21.
Горькій—556, 559.
„Господа Головлевы"—470.
Готскій языкъ—110.
Готтентотскій языкъ—106.
Готы—195.
Гражданская скорбь—493.
Гражданскій шрифтъ—120.
Грегори—536.
Гретхенъ—310.
Греція, греки, греч. яз. 223, 200, 104—5, 108, 109, 113, 146.
Грибоѣдовъ—413, 415—8, 544.
Григоренко—595.
Григоровичъ—446—448, 550.
Григорьевъ—518—20.
Гринченко—589.
Грузинскій языкъ—106.
Губное суженіе—34.
Губный взрывъ—33.
Гулакъ-Артемовскій—577—579.
Гуманизмъ—247.
Гунны—195, 197.
Гусъ—276.
Гуттенъ—250.
Гуцковъ—343.
Гюго—327—336, 446.
„Гяуръ"—319.

Д.

Давнопрошедшее время—78.
Даль—577.
Даніилъ (авторъ „Хожденія")—397.
Даніилъ Заточникъ—398.
Дательный самостоятельный—191.
Датскій—168.
Двойственное число—164.
„Дворянское гнѣздо"—450, 453.
Дездемона—259.
Деизмъ—290.
Декаденты—560.
„Декамеронъ"—249.
„Демонъ"—437.
„Деревня" Григоровича—448.
Державинъ—406, 514.
Дидро—276, 293, 294, 301, 302, 306.
Диккенсъ—346, 347, 446.
Діалектологія—206.
Діонисъ—224, 234.
Длительные согласные—34.
Дмитрій Ростовскій—405, 537.
Днѣпрова Чайка 595.
Добролюбовъ—457, 518, 519, 527.
Добрыня—383—4.
Довгалевскій—569.
Долгота—45, 126.
„Домострой"—399.
„Донъ-Жуанъ" (Мольера)—279, 281—3.
„Донъ-Жуанъ" (Байрона)—324.
„Донъ-Жуанъ" (гр. А. Толстого)—281.
„Донъ-Карлосъ"—313.
„Донъ-Кихотъ"—221, 267 и сл.
Дополненіе—70, 181.
Достоевскій, Ѳ. М. 368, 479—482, 550.
Драгомановъ—587—588.
Драйденъ—278.
Драма—216, 245, 278.
Древляне—124.
Дрейфусъ—349.
„Дубровскій"—426.
Думы малорусскія—386, 565.
„Духъ законовъ"—294, 296.
„Дымъ"—450, 550.
Дыхательное горло—18.

Е.

„Евгеній Онѣгинъ"—308, 322, 420, 425, 521.
Еврейскій языкъ—105, 204.
Египетскій языкъ—106.
Екатерина II—288, 289, 292, 407, 530 531, 544.
Елена—226, 237, 245.
Елена („Наканунѣ")—455.

Ж.

Жанъ Вальжанъ—335.
Жанъ-Жакъ Руссо, см. Руссо.
„Женитьба Фигаро“—304.
Женская эмансипація—553.
Жерминаль—351.
Жидовствующіе—392, 399.
Жидята, Л.—397.
Жоржъ Данденъ—280.
Жоржъ Зандъ—346, 446.
Жуковскій—412—13, 418, 423.
Журналистика—523.

З.

Заволжскіе старцы—394.
Звательный пад.—163.
Звук. волны—23, 50, 52.
Звукъ—18—46.
„Заговоръ Фіеско въ Генуѣ“—312.
Загорѣцкій—417.
Задненёбные—29, 31.
Залогъ—77.
Законъ звуковъ—59, 60.
Западники—439, 440, 443, 445—6.
Зап. слав. яз.—132, 149.
„Записки охотника“—447, 448.
Заплачки—375.
Заратустра—109.
Засодимскій—552.
Зевсъ—224, 229, 235, 236.
„Зимняя сказка“—345.
Златовратскій—467, 555.
Значеніе словъ—67, 68, 75, 82.
Зола, Эмиль—346—353.
Зароастръ—169.
Зотовъ—515.
Зубное суженіе—34.
Зубной взрывъ—33.
Зыряне—106, 197.

И.

Ибсенъ—359—363.
Ивановъ, И.—522.
Иларіонъ—397.
„Иліада“—226, 227.
Илья Муромецъ—383—4.
Имя прилагательное—76, 77, 79.
Имя существительное—76.
Индійскій яз.—107, 103, 109, 111, 113, 114
Индо-европейскій праязыкъ—110, 11.
Индо-евр. семья—105, 107, 114.
Индѣйцы (амер.)—106.
Инсаровъ—455.
Интермедія—538.
Иранскій яз.—108, 111, 113, 114, 196.
Искра—527.
Исландскій яз.—168.
Искусственные языки—100.
Искусство для искусства—504.
Испанскій яз.—168, 513.
„Исповѣдь“—476.
Историческія пѣсни—385.
„Исторія села Горохина“—426.
Истринъ, В. М.—370.
Италійская вѣтвь—109.
Итальянскій яз.—168.
„Ифигенія“—314.

І.

Іоаннъ IV—399.
Іоганнъ Готфридъ Грегори—536.
Іосифъ Волоколамскій—399.

К.

„Кавказскій плѣнникъ“—423.
Кавказскій яз.—106.
Кадыкъ—19, 21.
„Каинъ“—322, 323.
Калипсо—227.
Калласъ—349.
Калмыки—106.
Кальвинъ—276.
„Каменный гость“—281, 427.
„Капитанская дочка“—421, 426.
Капнистъ—406, 409, 447, 544.
Кантемиръ, Ант.—405.
Капельгородскій—596.
Капулетти—258—9,
Каразинъ—574.
Карамазовъ (Ив.)—481.
Карамзинъ, Н. М.—308, 409—410, 418, 421, 427, 514.
Карбонаріи—320.
Карлъ Мооръ—312.
Коронинъ—558.
Карпатско-угорское нарѣчіе—212.
Кастильоне—249, 253, 256.

Категоріи представленій—77—78.
Катковъ—527.
Качановскій—515.
Кашубскій яз.—141.
Кающійся дворянинъ—555, 465.
Квазимодо—333, 334.
Квитка 575—577.
Кельтскіе языки—108—10.
„Кентерберійскіе разсказы“—253.
Киргизы—106.
Кирилловское письмо—119, 120, 122.
Кирилловъ—481.
Свв. Кириллъ и Меѳодій—116, 119, 388.
Кириллъ Туровскій—397.
Кирсановъ, Аркадій—461.
Кирѣевскіе—442.
Китайскій яз.—106.
„Клавиго“—307.
„Кларисса“—288.
Классификація языковъ—104—107.
Климентъ св.—119.
Клитемнестра—228, 237.
„Книга пѣсенъ“—341.
Кнутъ Гамсунъ—354.
„Коварство и любовь“—312.
Козловъ—412.
Количество звука—45.
Комедія—278, 543.
Компрачикосы—334.
Конкретное значеніе—63.
Константинъ Острожскій—567.
Конституціонныя теоріи—293.
Контаминація—87.
Контъ—248.
Коптскій яз.—106.
Корделія—266.
Корельскій яз.—106, 197.
Корень—74, 78, 82, 88, 89.
„Коріоланъ“—262—3.
Корнель - 277, 278.
Коробочка—433.
Короленко—485, 558.
„Король Джонъ“—254.
„Король Лиръ“—254, 266.
„Корсаръ“—319.
Косвенная рѣчь—186.
Косой, Ѳеодосій—393—4.
Костомаровъ—577- 579.
Котляревскій, П.—571—573.
Котляревскій, Н. А.—507.
Коцюбинскій—592—593.
Краевскій—527.
„Красный цвѣтокъ“ Гаршина—441.
Краткость—126.
„Крейцерова соната“—558.
Крестовскій—552.
Крестовская—558.
Кривичи—124.
„Кромвель“—331.
Крыловъ, И. А.—413, 415, 418.
Крымскій—595.
Кулішъ—584.
Курбскій, А. 399.
Курдскій яз.—168.
Курочкинъ—527.

Л.

Лабіализація—31.
Лаврецкій—453—455.
Лавровъ—555.
Ланцелотъ—245.
Лаокоонъ—306.
Латинскій яз.—104, 105, 109, 110, 111, 112, 204.
Латышскій яз.—108.
Лаубе—343.
Лафонтенъ—419.
Лаэртъ—266.
Левинъ—476.
Левитовъ—466.
Левитскій-Нечуй—586, 595.
Легкія—18.
Лексиконъ—11.
Ленскій—425.
Лермонтовъ, М. Ю.—434—439. 429, 308, 320, 412.
Лессингъ—306.
Леся Украинка—594.
Лилло—287, 306.
Лингвистика—7.
Лирика—216, 232, 421.
Лиро-эпическія пѣсни—382.
Литература—215, 371.
Литературная критика—513.
Литературный языкъ—97—98, 117.
Литовскій яз.—104, 105. 107, 110, 111, 112. 211.
Лихуды—403.
Лицо—77.
Лишній человѣкъ—452, 455, 425, 496.
Ловласъ—288.
Ложноклассицизмъ—317, 331, 405, 302.

Ложно-классическая комедія—543.
Ложно-классическая трагедія—541.
Локкъ—277, 287.
Ломоносовъ—406, 513, 543.
Луговой—558.
Лужицкій языкъ.
Лужичане—99, 132, 142—3.
Лука Жидята—397.
Лукинъ—513.
Лѣтопись—397.
Людовикъ XIV—277, 285, 279.
Лютеръ—276.

М.

Магабгарата—109.
Мадьярскій яз.—106, 197.
„Мазепа“—424.
Майковъ, А. Н.—507.
Макарій, митр.—320.
„Макбетъ“—254.
Максимовичъ 574.
Малайскіе яз.—106.
„Маленькій Наполеонъ“—329.
Малороссы—563.
Малорусское нарѣчіе—159—160, 207.
Малый театръ—540.
Маминъ-Сибирякъ—558.
Манжура—595.
Маниловъ—448.
„Манфредъ“—322.
Манцони—346.
„Маріонъ Делормъ“—332.
Маріинскій театръ—540.
„Марія Стюартъ“—314.
Марко Вовчокъ—585.
„Марія Тюдоръ“—332.
Маркевичъ, Д.—585, 587.
Марксизмъ—556.
Мариинскій—412.
„Маскарадъ“—437.
Матеріализмъ—293, 553, 549.
Мачтетъ—558.
Мгновенные согласные—33.
Медвѣдевъ, С.—402—3.
Менелай—226, 229.
Мерзляковъ—514.
„Мертвыя души“—429, 431, 448.
Метерлинкъ—233, 353, 358, 363.
Метлинскій—574.
Мефистофель—309.
Меѳодій—115, 116, 117, 118, 119, 120.
„Мизантропъ“—285.
Мильтонъ—276.
Мингрельскій яз.—106.
Миннезингеръ—242.
Мирбо—355.
„Миргородъ“—429.
Мирный—586, 591.
Мироновъ—426.
Мистика—242.
Михайловскій—472, 522, 540, 555—7.
Могила Петръ—567.
Модернизмъ—222, 354.
„Молодая Германія“—343.
„Молотовъ“—462.
Мольеръ—276, 278, 405. 419, 539.
Монтекки—258.
Монтескье—276, 287, 292, 294, 295.
Моравія—116.
Моравское нарѣчіе—132.
Мордва—106.
Морфологія—11—13.
Моръ—250—1.
„Москвитянинъ“—527.
Московскій говоръ—209.
„Московскій Телеграфъ“—526.
Музыкальный звукъ—24.
Музыкальное удареніе, см. удареніе.
Мышленіе—3—4.
„Мѣдный всадникъ“—421, 423, 424.
„Мѣщанинъ въ дворянствѣ“—280.
„Мѣщанское счастье“—462.
Мѣщанство—483—8, 493.
Мягконёбные—29.

Н.

Надгортанникъ—21.
Надеждинъ—515.
„На днѣ“—493.
Надсонъ—499.
„Наказъ“—292.
„Наканунѣ“—450, 455.
Наклоненіе—77.
„Нана“—351, 353.
Напряженные гласные—32.
Народная поэзія—371.
Народная этимологія—87.
Народничество—405, 555, 556, 557.
Народный театръ—541.
Нарѣчіе—92—97.

Наташъ Мудрый—306.
Натурализмъ—549.
Натуралистическая школа—349.
Науменко—577.
Наумовъ—466, 554.
Нёбный взрывъ—33.
Нёбное суженіе—34.
Нёбо—22.
„Недоросль“—544.
Некрасовъ—494.
Немировичъ-Данченко—559.
Неполное предложеніе—72, 178.
Несторъ—397.
„Несчастные“—335.
Нигилисты—507.
Нидерле—213.
Никитинъ—501.
Николай I—439.
Николай V—249.
Никонъ—392.
Нилъ Сорскій—393, 399.
Ниневія—106.
Ницше—363.
„Новая Элоиза“—301, 302.
Новиковъ—288.
Новый театръ—540.
„Новь“—450, 550.
„Пора“—363.
Норвежскій яз.—168.
Носовые гласные—31, 138.
Нѣмецкій яз. 105—108, 203.

О.

„Обломовъ“—451—452, 453, 458.
„Обрывъ“—451, 460, 550.
Обстоятельство—70, 181.
Объяснительныя предложенія—182.
„Обыкновенная исторія“—451.
Общее языковѣдѣніе—18.
„Общественный договоръ“—218, 299.
Овсянико-Куликовскій—522.
Ода—422.
Одинцова—461.
Одиссей—227, 228, 229, 230.
Одиссея—224, 225—6.
Окапье—60.
Олесь—594.
Олимпъ—224, 226.
Омулевскій—552.
Онѣгинъ—421, 426.
Опредѣленіе—70, 181.
„О причинахъ неравенства“—299.
Оптимизмъ—500.
„Орлеанская дѣва“—314.
Орфей—224.
Осетинскій яз.—168.
Оск. Уайльдъ—354.
Оскп—109.
Острожскій, Конст.—567.
Остромирово Евангеліе—150, 163.
Островскій—545, 546, 547, 548.
Остяки—106.
Отвлеченное значеніе—63.
„Отелло“—254, 259.
„Отечественныя Записки“—445, 527.
„Отцы и дѣти“—460, 450, 550.
Офелія—265—6.
Офиціальная народность—439.
„Очерки бурсы“—462.

П.

Павловскій—574.
Паисій Яросл.—393.
Палатализація—39.
„Памела“—288.
Паннонія—197.
Папство—241.
Парисъ—226—37.
Парни—419.
Патрикѣевъ, Васс.—394, 399.
Патроклъ—226, 230.
Пенелопа—227—8.
Передненёбные звуки—30.
Перетцъ, В.—368, 369.
Персидскій яз.—108, 109.
Перстневидный хрящъ—20.
Петрарка—249.
Петрашевскаго кружокъ—498.
Петропавловскій—538.
Петръ Великій — 308, 322, 439, 441, 443, 444, 424, 421, 400, 403, 404, 523, 530, 531.
Печенѣги—198.
Печоринъ—437.
Пикколомини—249.
Писаревъ—460, 518, 521, 527.
Писемскій—550.
„Письма темныхъ людей“—250.
Письменность—215, 371.

Пій II—249.
Плавтъ—537.
Платонъ—248.
Плещеевъ—494—8.
Плутархъ—262—3.
Плюшкинъ—432, 433.
Повелительныя предложенія—182.
„Повѣсти Бѣлкина"—420.
Погодинъ—527.
Погодинъ, А. Л.—8.
Поджіо Брачціолини—249.
Подлежащее—69—72, 176 и дал.
Поднарѣчіе—93.
Подчиненіе предложеній—184.
Поза (маркизъ) —313.
Полабскій яз.—143.
Полевой—515.
Полетика 573.
Полежаевъ—412.
Полифемъ—227, 230.
Полногласіе—147 (втор.), 156.
Полное предложеніе—72.
Полоній—265—6.
Полонскій—510.
Полоцкій, С. 402, 568.
„Полтава"—423, 424.
Польскій яз. — 96, 104, 132, 137, 141, 15, 202, 203.
Поляне—124.
Помяловскій—460, 462, 552.
Понятіе—4 и дал.
Поржезинскій—213.
Португальскій яз.—168.
Порція—260—261.
Посейдонъ—224, 227.
Пословицы—379.
Потапенко—558.
„Потерянный Рай"—277.
„Похвала глупости"—250.
Похоронныя пѣсни—535.
Прародина—114, 194.
Праславянск. яз.—35, 167, 114, 143—4.
Праязыкъ индо-евр.—110—11.
Предлогъ—75.
Предложеніе—182, 175.
Представленіе—4 и дал.
„Преступленіе и наказаніе"—482.
Преходящее—172.
Придаточныя предложенія—184 и дал.
Признакъ—50, 62, 5, 715.
„Прикованный Прометей"—233, 235. 636.
Приспособленіе звуковъ—56.
Приставка—75, 89, 90, 51.
Причастіе—78—9.
Пріамъ—226—7.
Провансальскій яз.—168.
Провансъ—272.
Провинціальная печать—528.
Происхожденіе языка—102—103.
Прокоповичъ, Ѳеофанъ—405, 568.
Пролетаріатъ—316.
„Просвѣтитель"—399.
Просвѣщенный абсолютизмъ—292.
Простакова—447.
Прямая рѣчь—186.
Психологическій анализъ—432.
Психологическое подлежащее—71.
Публицистика—440.
Пушкинъ, А. С.—308, 320, 412, 413, 415, 417, 429, 431, 432, 516, 518, 521, 545, 434, 435, 430, 515.
„Путевыя картины"—341.
Пшибышевскій—354.
Пьеръ Безухій—476.
Пѣсни: истор.—385.
обряд.—373.
свад. и похор.—375.
хоров.—535.
лирич.—380.
лиро-эпич.—382.
Пѣшковъ, А.—491.

Р.

Рабле—250.
Радимичи—124.
Радищевъ—220, 288, 407. 448.
„Разбойники"—311.
Разночинцы—458, 496, 551, 554.
„Разсужденіе о наукахъ и искусствахъ"—297.
Рамайяна—109.
Расинъ—277, 278.
Раскольниковъ—487.
Расподобленіе звуковъ—59.
Раціоналисты—276, 292.
Реализмъ—326, 345, 431, 548, 549.
„Ревизоръ"—215, 431, 440, 448, 544, 545.
Резонаторъ—38.
Рейхлинъ—250.
Рене—308.
Ренессансъ—247.

Репетиловъ—417.
Ригведа—109.
Ритмическія колебанія—23.
Ричардсонъ—287, 302.
„Ричардъ II“—254.
„Ричардъ III“—254—5.
Робертъ Дьяволъ—385.
Родъ (грамматич.)—76.
Романскіе яз.—109.
Романтизмъ—222, 217, 226, 331. 340. 344. 408, 409. 447.
Романъ—345.
Романъ натуралистическій—349.
„Ромео и Джульета“—258.
„Рославлевъ“—426.
Ростиславъ—116.
Ротъ—18—22.
Ругопъ-Макары—348, 350.
Руданскій—589.
„Рудинъ“—308, 322, 450, 453, 454.
Рудченко 566.
Румынскій яз.—168, 204.
„Русалка“—427.
„Руслань и Людмила“—723.
Русск. яз.—15, 95, 104, 107, 114, 117.
„Русское Слово“—457.
Русское Театральное Общество—541.
Руссо—276, 277, 287, 293, 297, 298, 300, 302, 308, 318.
Рыцарство—241.
Рѣчь—18—53.
Рѣшетниковъ—466, 554.
„Рюи Блазъ“—332.

С.

Садко—384, 385.
Садовскій 590.
Саксаганскій 590.
Салтыковъ (Щедринъ)—468, 470, 483, 552.
Самойленко 596.
Самоѣды—106.
Санскритъ—109.
Санчо-Панса—271.
Сарматы—144, 196.
Сатира—469.
Сборникъ Святосл.—165.
Свадебныя пѣсни—535.
Сванетскій яз.—106.
Свистящіе—34.
Святославовъ Сб.—163.
„Севильскій цырюльникъ“—217, 304.
Семидесятники—464, 555.
Семитическая семья языковъ—105. 106. 107.
Сенкевичъ—140.
Сентиментализмъ—286, 408, 409, 447.
Сентиментальная драма—302.
Сенъ-Симонъ—445.
Серапіонъ—398.
Сербскій языкъ—15, 104, 115, 124—9.
Сервантесъ—267 и сл.
Сила звука—24.
Сильвіо—426.
Симеонъ Полоцкій—537.
Синтаксисъ—12—13, 87.
„Синяя птица“—356.
Сиро-халдейскій яз.—106.
Сіамскій яз.—106.
Скабичевскій—466, 485, 502, 522.
Сказки—377.
Сказуемое—69—72, 177.
Скандинавское вліяніе—199.
Скиѳы—144, 196.
Сковорода—570.
Скоморохъ—382.
Скоропись—119, 120.
„Скупой рыцарь“—280, 353, 421, 427.
Славинецкій Еп.—568.
Славянофилы—439, 440, 441, 442, 443, 444, 446, 527.
Славянск. прародина—194.
Славянскіе языки—104, 105, 107, 110—114.
Словацкій яз.—132, 136.
Словенскій яз., см. словинскій.
Словесность—215, 371.
Словинскій яз.—124, 129, 132.
„Слово о полку Игоревѣ“—398.
Слогъ—42—44.
Слѣпой музыкантъ—486.
Слѣпцовъ—552, 554.
„Смерть Ивана Ильича“—558.
Смирнова—558.
Смотрицкій—536.
Смѣшеніе языковъ—99.
„Смѣшныя жеманницы“—280.
„Смѣющійся человѣкъ“—334.
Собакевичъ—433, 448.
Соболевскій, А. И.—213, 381, 399.
„Соборъ парижской Богоматери“—333.

„Современникъ"—445, 457, 526.
Согласные—32—42.
Соловьевъ, Евг.—369, 443, 522.
Сольнесъ—363.
Сонорные—28—9, 40—42.
Софоклъ—277, 238—240.
Софья („Горе отъ ума")—416.
Софья царевна—403.
Сохоцкій—514.
Сочиненіе предложеній—184.
„С.-Петербургскія Вѣдомости"—523.
Средненёбные звуки—30.
Срезневскій—574.
Старины—381.
Старицкій—591.
Старообрядцы—403.
„Старосвѣтскіе помѣщики"—430.
Стасюлевичъ—528.
Стернъ—287.
Степени сравненія—77.
Стефаникъ—595.
Стоглавъ—390, 399.
Стороженко 585.
„Страданія молодого Вертера"—307.
Стригольники—392.
Субъективизмъ—220.
Сужденіе—50, 69, 71, 72, 175.
Сумароковъ—278, 406, 513, 524, 540, 543.
Суммерійцы—105, 106.
Суффиксъ—74, 78, 88, 89.
Схоластика—241.
Сцилла и Харибда—228—30.
„Сѣверная Пчела"—526.
Сѣверно-великорусское нарѣчіе—208.
Сѣверно-малорусское нарѣчіе—212.

Т.

Тартюфъ—279, 285, 284. 281, 283.
„Тассо"—314.
Татьяна—426.
Теккерей—346—47.
Телемахъ—227.
Тембръ—25.
Теренцій—537.
Тибетскій яз.—106.
Тимоѳеевъ—515.
Тобилевичъ—590, 591.
Толстой, А. К. 494, 504, 545.
Толстой, Л. Н.—473—479, 550, 368, 346, 545, 558, 571.
Томсонъ, проф.—213.
Тонъ—45, 73, 126, 183, 184.
Трагедіи—541, 545.
Тредьяковскій—513.
Третье сословіе—216, 286, 316.
„Тридцатилѣтняя война"—314.
Троя—226, 227, 228.
Трубадуръ—242.
Труверъ—242.
Тунгузскій яз.—106.
Тургеневъ, И. С.—448—456, 308, 444, 461, 484, 550, 551, 555.
Турецкій яз.—106, 120.
Тушинъ—452.
Тюрко-татары—115.

У.

Уайльдъ Оск.—354.
Уголино—245.
Удареніе—44, 45, 73, 78, 126, 183, 184.
Украинское нарѣчіе—212.
Умбры—109.
Уподобленіе—56, 155.
Управа благочинія—531, 532.
Урало-алтайскіе яз.—105—6.
Успенскій, Г. И.—466—468, 483, 554, 555.
Уставное письмо—119.
Утописты—327, 335.
„Утопія"—250—1.
Учительность—368.

Ф.

Фальстафъ—257.
Фамусовъ—415.
Фантина—335.
Фаустъ—221, 233, 309, 317.
Фацеціи—401.
Феодальный порядокъ—248.
Фетъ—505.
Фигаро—217, 304, 305.
Филиппъ II—313.
Финскій яз.—106 196, 197.
Фихте—515.
Фіеско—312.
Флексія—74, 75, 78, 88.
Флоберъ—346.
Флоринскій—213.

Фонвизинъ—288, 406, 407, 447, 544.
Фонетика—10—13.
Фонет. измѣненія—80.
Формальные элем.—88 и д.
Франко—589.
Французскій яз.—120, 168, 203.
Францъ Мооръ—312.
Фридрихъ II—289, 292.
Фурье—445.

Х.

Хазары—198.
Хамитская семья языковъ—105, 106.
Хвощинская—552.
Хмѣльницкій, Б.—569.
„Хозяинъ и работникъ“—558.
Хомяковъ—442.
Хорваты—123, 127.
Хорутане—129.
Храбръ—117, 118.
Хроника—396.
Хрящи—19—21.

Ц.

Церковно-славянскій яз.—115—117, 201.
Цирцея—228.
„Цыгане“—423.
Цыганскій яз.—108.

Ч.

Чаадаевъ—444.
Чайльдъ-Гарольдъ—221, 319—320.
Чакавское нарѣчіе—124—5, 126.
Части предложенія—69—73.
Частушка—381.
Чацкій—415—17, 285.
Черкасенко—595.
Черкесскій яз.—106.
Черпаловидные хрящи—20, 21.
Черногорцы—124.
Чернышевскій—460, 462, 518, 527, 549, 552.
Чернявскій—595.
„Четыре дня на полѣ сраженія“—453, 470.
„Четьи-Минеи“—320, 329.
Чеховъ, А. П. 488, 545, 546, 556, 559.
Чеченскій яз.—106.
Чешскій яз.—15, 99, 104, 132—137.
Число—76, 78 (дв.), 130—131.
Чистое искусство—493.
Чосеръ—253.
„Что дѣлать?“—462, 549.
Чувашскій яз.—198.

Ш.

Шарлотта Буфъ—307.
Шатобріанъ—308, 420.
Шварцъ—514.
Шведскій яз.—168.
Шевченко—502, 580—583.
Шевыревъ—527.
Шейлокъ—260—1.
Шекспиръ—247 и сл., 278, 420, 427, 545.
Шеллеръ-Михайловъ—460, 463, 464, 552, 554.
Шеллингъ—515.
Шеншинъ-Фетъ—510.
Шестидесятники—456, 465, 551.
„Шестодневъ“—396.
Шиллеръ—311—314, 305.
„Шинель“—430.
Шипящіе—34.
Шишковъ, А. С.—514, 526, 533.
„Школа женъ“—280.
Школа мужей—280.
Школьная драма—537, 536.
Шлегель—340, 344.
Шлейхеръ—111, 112.
Шмитъ—113, 114.
Штейнталь—103.
Штокавское нар.—124.
Штольцъ—452, 455.
Шубинъ—454.
Шумные—28—9.
Шумъ—24, 27, 37.

Щ.

Щеголевъ—589.
Щедринъ, см. Салтыковъ.
Щитовидный хрящъ—19, 21.

Э.

Эврипидъ—314.
„Эгмонтъ“—314.
Экономическій матеріализмъ—557.
Экспираторное удареніе, см. удареніе.
Экспериментальный—349.
Элегія—412.
Эліотъ—346.
„Эмилія Галотти“—306.
„Эмиль“—300, 301.
Эмиль Зола, см. Зола.
„Энеида“ Вергилія—246.
Эней Сильвіо Пикколомини—249.
Энциклопедисты—293, 316.
Эпосъ—212, 216.
Эразмъ—250.
„Эрнани“—332.
Эсмеральда—333, 334.
Эсперанто—100.
Эстонскій яз.—106, 197.
Эсхилъ—234—238, 277.
Этимологія народная—87.
Эшенбургъ—514.
Эѳіопскій яз.—106.

Ю.

Южно-великорусское нар.—208—210.
Южно-слав. яз.—132, 149.
„Юлій Цезарь“—254, 262—4.
Юморъ—430.

Я.

Яворскій, Ст.—568.
Яго—259.
Языкъ—1 и дал.
Язычокъ—22.
Язычно-нёбные звуки—34.
Якуты—106.
Яновская—591.
Японскій яз.—106.

Ѳ.

Ѳедоръ Алексѣевичъ—103.
Ѳеодосій Печерскій—307.
Ѳеофанъ Прокоповичъ—537.

СПИСОКЪ РИСУНКОВЪ.

№№		Стр.
1	Органы рѣчи	19
2	Гортань въ разрѣзѣ	20
2а.	Общій видъ гортани	—
3	Щитовидный хрящъ спереди.	—
3а.	Щитовидный хрящъ сзади	—
4	Перстневидный хрящъ спереди	21
4а.	„ „ сзади	—
5 и 5а.	Черпаловидные хрящи (5— спереди, 5а. — сзади)	—
6	Положеніе язычка при носовыхъ и неносовыхъ звукахъ.	23
7—8 9 10	Графическія изображенія звуковыхъ волнъ	24—25
11	Положеніе языка при произнесеніи звука „а“	29
12	Положеніе языка при произнесеніи звука „у“	—
13	Положеніе языка при произнесеніи звука „и“	30
14	Мягко-нёбное К (г)	37
15	Твердо-нёбное К (г)	38
16	Мягко-нёбное Х (хата)	39
17	Твердо-нёбное Х (хилый)	—
18	Схема рѣчи и ея воспріятія.	51
19	Головной мозгъ	53
20	Индо-европейскій праязыкъ	111
21	Развѣтвленіе индо-европейскаго праязыка	112
22	Кругъ индо-европейскихъ говоровъ	113
23	Говоры: германскій, литовско-славянскій, армяно-иранскій и индійскій	—
24	Сосѣдніе говоры индо-европейскаго праязыка	114
25	Азбука: „глаголица“	118
26	Образчикъ связнаго глаголическаго письма	119
27	Отношеніе говоровъ славянскихъ	145
28	Кругъ славянскихъ говоровъ	146

ПОРТРЕТЫ.

Эсхилъ	235	Байронъ	321
Софоклъ	239	Викторъ Гюго	327
Данте	242	Генрихъ Гейне	339
Рабле	251	Эмиль Зола	347
Шекспиръ	253	Метерлинкъ	357
Сервантесъ	269	Ибсенъ	359
Мольеръ	283	Н. М. Карамзинъ	411
Вольтеръ	291	В. А. Жуковскій	413
Монтескье	295	И. А. Крыловъ	414
Гете	309	А. С. Грибоѣдовъ	416
Шиллеръ	313	А. С. Пушкинъ	419

	Стр.
Н. В. Гоголь	431
М. Ю. Лермонтовъ	435
В. Г. Бѣлинскій	445
И. С. Тургеневъ	449
И. А. Гончаровъ	451
Н. Г. Чернышевскій	459
Н. Г. Помяловскій	461
А. К. Шеллеръ-Михайловъ	463
Г. И. Успенскій	467
Н. Н. Златовратскій	468
М. Е. Салтыковъ	469
В. М. Гаршинъ	471
Н. К. Михайловскій	472
Л. Н. Толстой	477
Ѳ. М. Достоевскій	481
П. Д. Боборыкинъ	485
В. Г. Короленко	487
А. П. Чеховъ	489
А. М. Пѣшковъ (Максимъ Горькій).	391
Н. А. Некрасовъ	495
А. Н. Плещеевъ	499
С. Я. Надсонъ	500
И. С. Никитинъ	501
Т. Г. Шевченко	503
А. К. Толстой	505
Я. П. Полонскій	509
А. А. Шеншинъ-Фетъ	514
В. Г. Бѣлинскій	517
Д. И. Писаревъ	521
Ѳ. Г. Волковъ	539
Фонвизинъ	544
А. Н. Островскій	547
И. П. Котляревскій	572
Г. Ѳ. Квитка	576
Т. Г. Шевченко	581
Карта нарѣчій и говоровъ русскаго языка.	

ПОГРѢШНОСТИ.

На стр. 162 въ заглавіи статьи ошибочно поставлена цифра XXII, ее слѣдуетъ считать по порядку—XXIV. Соотвѣтственно этому измѣняется и послѣдующая нумерація статей на стр. 171, 175, 192 и 205, и вмѣсто XXIII, XXIV, XXV и XXVI, слѣдуетъ считать XXV, XXVI, XXVII и XXVIII.

Duke University Libraries
D02057137P